ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ТОМЪ CXLV.

«ИСТОР. ВѢСТН.», ІЮЛЬ 1916 Г., Т. CXLV.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXLV.

1916

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13
1916

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮЛЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . V—XXXII

I. Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. XXVII—XXXIII. (Окончаніе). **Марка Басанина.** . . 1

II. Литературныя встрѣчи и знакомства. XII—XVI. (Окончаніе). **С. С. Окрейца.** 43

III. Поруганная Голгоѳа. (Быль нашихъ дней). **Н. И. Лазарева.** 60

IV. Изъ воспоминаній украинскаго актера. **К. И. Ванченка.** . . 77

V. Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 года и императоръ Николай I. **Великаго князя Николая Михаиловича.** . . . 98

VI. Многотрудная жизнь. **Е. Л.** 110

Иллюстрація: Архимандритъ Владиміръ Терлецкій.

VII. Эпизодъ изъ воспоминаній о Новогеоргіевской крѣпости. **А. Б.** 123

VIII. Наши государственные люди. (Посвящается памяти П. А. Столыпина). **Р. И. Сементковскаго.** 132

IX. «Начальникъ поповъ». (Изъ волжскихъ встрѣчъ). **Н. Н. Оглоблина.** 147

X. Петиція финскаго войска въ 1822 году. **А. А. Папкова.** . . 156

XI. Памяти князя Б. Б. Голицына. **А. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.** 165

XII. Ѳ. М. Плюшкинъ и его музей. **В. А. Алексѣева.** 176

Иллюстрація: Плюшкинскій музей во Псковѣ.

XIII. По Франціи на автомобилѣ. **А. Ш.** 198

Иллюстраціи: 1) Авиньонъ. Панорама и мостъ св. Бенезета.—2) Часовня папы Климента VI, построенная въ XIV вѣкѣ.—3) Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. (Видъ съ площади).—4) Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. Окно, откуда давалось отпущеніе грѣховъ.—5) Дворецъ Фонтенбло. Тронный залъ.—6) Дворецъ Фонтенбло. «Залъ отреченія», гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола.

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

XIV. Критика и библіографія 217

1) Русскій Библіофилъ. Вып. I—VIII. Пгр. 1915. А. М—на.—2) Отечество. Сборники національной литературы. Томъ I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Пгр. Е. Шумигорскаго.—3) А. И. Горгманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 г. Петроградъ. 1916. К.—4) Сергѣй Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. Москва. 1916 г. Влад. Княжнина.—5) Памятники міровой литературы. Творенія Востока. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта со вступительнымъ очеркомъ С. Ольденбурга. М. 1916. А. Налимова.—6) К. Корниль. Пророки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желоховскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго. М. 1915. С. Л—на.—7) Ѳ. М. Россейкинъ. Восточный папизмъ въ IX вѣкѣ. Сергіевъ посадъ. 1915. Σ.—8) Проф. И. И. Соколовъ. Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV в. до настоящаго времени. Историческій очеркъ. П. 1916. Н.—9) Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Переводъ О. Анненковой. Москва. 1915. М.—10) А. Н. Мандельштамъ—бывшій первый драгоманъ россійскаго посольства въ Константинополѣ, членъ-сотрудникъ института международнаго права. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915. Г. Батюшкова.—11) А. В. Бѣлгородскій. Порабощенное славянство въ Австро-Венгріи и Германіи. Пгр. 1915.—Его же. Галиція—исконное достояніе Россіи. М. 1915.—Его же. За что боролся и пострадалъ Янъ Гусъ. (По поводу исполнившагося 500-лѣтія со дня его мученической кончины). Пгр. 1916. Ш.—12) И. Б. Смольяниновъ. Защитный цвѣтъ. (Военные разсказы). Пгр. 1916. Д. М—на.

XV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 235

XVI. Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 237

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 246

1) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—2) Нѣмцы въ Америкѣ.—3) Политическая мысль Германіи за послѣдніе годы.—4) Германская военная литература.

XVIII. Смѣсь 263

1) Завѣщаніе его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича.—2) Въ о-вѣ любителей древней письменности.—3) Въ литературномъ фондѣ.—4) Открытіе памятниковъ М. Ю. Лермонтову, М. П. Мусоргскому, Н. П. Слѣпцову и П. П. Семенову-Тянъ-Шанскому.—5) Программа для историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и монастырей.

XIX. Некрологи 268

1) Бажаевъ, В. Г., проф.—2) Бокъ, И. И.—3) Драницынъ, Д. А.—4) Толстой, И. И., гр.—5) Чижовъ, М. А.—6) Шапиръ, О. А.

XX. Замѣтки и поправки. 272

Приложенія: 1) Портретъ Марка Басанина. 2) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. V—IX. (Продолженіе).

Библиотека "Руниверс"

МАРКЪ БАСАНІІНЪ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

СЕДЬМОГО апрѣля, согласно донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, непріятельская артиллерія обстрѣливала районъ икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія. Къ югу отъ оз. Дрисвяты также велась артиллерійская перестрѣлка.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ, при преслѣдованіи поспѣшно отступающаго противника, наша небольшая развѣдывательная партія, подъ командой подпоручика Ковалькова, устроивъ засаду, захватила въ плѣнъ 7 турецкихъ офицеровъ и 190 нижнихъ чиновъ одного изъ полковъ, недавно прибывшаго со стороны Константинополя подъ командой нѣмецкаго офицера въ трапезундскій районъ. Въ Трапезундѣ нами захвачены шестидюймовыя орудія. Городъ отъ военныхъ дѣйствій не пострадалъ; турецкое населеніе этого пункта бѣжало; христіанское же, оставшееся на мѣстѣ, восторженно привѣтствовало наши войска.

Къ югу отъ Битлиса наши части, послѣдовательно выбивая турокъ съ высотъ, продвинулись въ направленіи къ Сгерту, отбивъ всѣ контръ-атаки турокъ, которые оставили на полѣ сраженія нѣсколько сотъ труповъ. Нами захвачены были плѣнные аскеры.

Состоявшаяся 7-го апрѣля высадка русскихъ войскъ въ Марселѣ вызвала восторгъ всего населенія. Французская печать восторженно отзывается о прибытіи русскихъ, какъ доказательствѣ единенія союзниковъ.

Атака французовъ у Мортомма дала возможность очистить отъ непріятеля траншеи, занятыя имъ 28-го марта. Атаки нѣмцевъ въ четырехъ пунктахъ ипрской линіи были отбиты за исключеніемъ Сентъ-Элуа, гдѣ нѣмцы захватили двѣ воронки. Французскіе летчики на балканскомъ фронтѣ бомбардировали лагери непріятеля близъ Негорцы, Богородицы, Гевгели и Пардовицы. Француз-

Библиотека "Руниверс"

скія войска во время атаки въ районѣ Мортомма овладѣли одной траншеей и захватили въ плѣнъ 4 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ. Французскими контръ-атаками нѣмцы, укрѣпившіеся было къ югу отъ форта Дуомонъ и къ сѣверу отъ пруда, были совершенно отброшены.

8-го апрѣля на нашемъ фронтѣ тяжелая и легкая артиллерія нѣмцевъ обстрѣливала окопы икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія. Наша артиллерія заставила замолчать часть германской артиллеріи и пулеметовъ. На правомъ флангѣ якобштадтскаго района происходила также артиллерійская перестрѣлка. Къ западу отъ Олыки и сѣвернѣе Муравицы (на Иквѣ) противникъ пытался подойти къ нашимъ окопамъ, но былъ отбитъ.

Въ Галиціи непріятель настойчиво наступалъ въ районѣ Поповой Горы, но безрезультатно.

На кавказскомъ фронтѣ наше наступленіе въ приморскомъ районѣ продолжалось весьма успѣшно.

На западно-европейскомъ фронтѣ за 8-е апрѣля лишь мѣстные артиллерійскіе бои, а близъ Фрикура, Сушэ, Гюллюха и Живанши британскія войска вели также минную борьбу.

9-го апрѣля въ двинскомъ районѣ германцы развивали артиллерійскій огонь въ районѣ дд. Гарбуновка—Гиновка. Въ Галиціи непріятельскіе аэропланы произвели налетъ на Тарнополь, гдѣ сбросили нѣсколько бомбъ. Къ югу отъ Н.-Олексинца нами былъ найденъ горѣвшій германскій аэропланъ, повидимому, изъ числа производившихъ налетъ на Тарнополь.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта наши части еще продвинулись къ западу отъ Трапезунда. Противникъ, пытавшійся задержать наше стремительное наступленіе, повсюду былъ сбитъ. Въ ашкалинскомъ районѣ, вблизи селенія Хана-Пирнага-Банъ-Ханлари бои продолжались. Попытка противника наступать въ мамахатунскомъ районѣ была отражена нашимъ огнемъ.

9-го апрѣля въ Аргоннахъ шелъ довольно оживленный минный бой у Вокуа—Фильмортъ. Французы успѣшно бомбардировали пути сообщенія позади непріятельскаго фронта. Въ Бельгіи французская артиллерія энергично обстрѣляла участокъ на востокѣ отъ дороги Ипръ—Пилькенъ во время операціи, предпринятой въ этомъ пунктѣ британскими войсками. На западѣ отъ рѣки Мааса послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки непріятель атаковалъ французскія позиціи на склонахъ къ сѣверу отъ Мортоммъ. Германцы, которымъ удалось задержаться на первой линіи расположенія французскихъ войскъ, были въ скоромъ времени отброшены контръ-атакой, вернувшей французамъ всю мѣстность, которая раньше была ими захвачена. Другая атака съ помощью горючихъ жидкостей, бросавшихся на французскія траншеи къ сѣверу отъ лѣса Кореттъ, была рѣшительно отражена. Къ востоку отъ р. Мааса послѣ интенсивной бомбардировки французскихъ линій отъ рѣки Мааса до форта Во германцы стали накапливать войска въ своихъ траншеяхъ передъ фронтомъ, идущимъ отъ пруда до форта Во. Немедленно направленный сюда огонь артиллеріи парализовалъ эти подготовительныя дѣйствія, нанеся непріятелю серьезныя потери.

Библиотека "Руниверс"

9-го апрѣля итальянская главная квартира увѣдомила:

«Дѣйствія артиллеріи происходили въ районѣ Тональе, въ долинѣ Ледро и на части фронта отъ Роверето до верхней части долины Каламенто (потокъ Мазо-Бренто). Въ долинѣ Сугана 8-го апрѣля непріятель съ значительными силами напалъ на наши линіи къ западу отъ горнаго потока Ларганца. Задержанный сначала нашимъ огнемъ, онъ подвергся затѣмъ контръ-атакѣ, былъ отброшенъ и оставилъ на мѣстѣ многочисленные трупы. Вновь получены сообщенія объ употребленіи противникомъ ружейныхъ патроновъ съ разрывными пулями. На Верхнемъ Кордеволе продвиженіе нашихъ войскъ продолжается. По ту сторону Чима-Лана взято у непріятеля около 40 плѣнныхъ и одинъ пулеметъ. Вдоль рѣки Изонцо и на Карсо происходила нѣкоторая дѣятельность артиллеріи, отличавшаяся большимъ напряженіемъ въ районѣ Плава. Наши батареи разрушили непріятельскія оборонительныя сооруженія по ту сторону Загоры и разогнали ихъ защитниковъ, которые затѣмъ были перебиты своевременнымъ обстрѣломъ».

10-го апрѣля были получены слѣдующія извѣстія изъ Восточной Африки отъ британскаго генерала Смэтса:

«Войска, подъ начальствомъ генерала Ванъ-Девентера, разбивъ непріятеля подъ Коандъ-Иранги, заняли 6-го апрѣля это селеніе. Взяты въ значительномъ числѣ плѣнные и причинены большія потери германскимъ силамъ, отступившимъ въ направленіи центральной желѣзной дороги».

10-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ ночь на 9-е апрѣля и днемъ германская артиллерія обстрѣливала икскюльское предмостное укрѣпленіе. Надъ двинскимъ райономъ летали германскіе аэропланы. Въ одномъ изъ районовъ Огинскаго канала нѣмцы выпускали удушливые газы. Днемъ партія нѣмецкихъ развѣдчиковъ къ сѣверу отъ озера Выгоновскаго переправилась черезъ Шару и углубилась въ лѣсъ, гдѣ была нами окружена и частью перебита. Остальные сдались въ плѣнъ. 8-го апрѣля нами была уничтожена австрійская застава у Хряска (къ сѣверу отъ Чарторійска). Въ районѣ Сопанова, сѣвернѣе Кременца, противникъ взорвалъ три горна и пытался занять воронки, но нашимъ огнемъ былъ загнанъ обратно въ свои окопы. Воронки заняты нами. У насъ потерь нѣтъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ ашкалинскомъ районѣ нами повсюду были отбиты упорныя атаки турокъ, съ большими для нихъ потерями. Произведя неожиданно контръ-атаку, мы овладѣли важнымъ участкомъ непріятельской позиціи.

На западно-европейскомъ фронтѣ 10-го апрѣля къ югу отъ рѣки Соммы французская артиллерія обстрѣляла сосредоточеннымъ огнемъ германскія траншеи въ окрестностяхъ Франсаръ и Аттонкуръ къ югу отъ Шонъ. Къ западу отъ рѣки Мааса происходила довольно ожесточенная бомбардировка высоты «304». Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ мѣстами ураганный огонь. Никакихъ дѣйствій пѣхоты въ теченіе дня 10-го апрѣля не было. Въ Лотарингіи французы энергично обстрѣляли непріятельскія полевыя укрѣпленія на участкѣ Лентрэ. Къ западу отъ Вокуа германцы въ теченіе ночи съ 9-го на 10-е апрѣля пытались захватить одинъ изъ французскихъ пулеметовъ, являвшійся

Библиотека "Руниверс"

особенной помѣхою ихъ операціямъ, но были отражены, причемъ французы захватили восемь плѣнныхъ. Къ западу отъ рѣки Мааса непріятель не возобновлялъ своихъ атакъ между ручьемъ Бетенкуръ и Мортоммъ. Внезапныя нападенія, произведенныя въ лѣсу Авокуръ, дали французамъ возможность захватить нѣсколько сторожевыхъ постовъ и взять плѣнныхъ. Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ шелъ съ перерывами артиллерійскій бой.

Далѣе офиціальное сообщеніе такъ характеризуетъ положеніе дѣлъ подъ Верденомъ въ связи съ боями, происходившими здѣсь съ 3-го по 9-е апрѣля:

«По сей день на верденскомъ фронтѣ обнаружено тридцать германскихъ дивизій. Слѣдуетъ замѣтить, что германское главное командованіе старается вести операціи при помощи возможно меньшаго числа войскъ, удерживая ихъ въ дѣлѣ вплоть до полнаго израсходованія. По мѣрѣ понесенныхъ потерь германцы переформировываютъ отдѣльныя части за счетъ подступающихъ подкрѣпленій и затѣмъ вновь направляютъ ихъ въ атаку едва возстановленными. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя дивизіи появлялись на фронтѣ вновь по три и даже по четыре раза».

11-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Верховный Главнокомандующій провелъ дни Страстной недѣли и встрѣтилъ великій христіанскій праздникъ въ единеніи со всѣми чинами Своего штаба.

Непріятельскіе аэропланы сбросили нѣсколько бомбъ въ Двинскъ. Нашъ воздушный корабль «Илья Муромецъ» сбросилъ на станцію Даудзевасъ, юго-восточнѣе Фридрихштадта, 13 пудовыхъ бомбъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта противникъ дѣлалъ попытки продвинуться къ Трапезунду, но всѣ онѣ были прекращены нашими передовыми частями. Въ ашкалинскомъ районѣ бои продолжались. На харпутскомъ направленіи наступленіе турокъ было остановлено нашимъ огнемъ.

На западномъ берегу р. Мааса были отражены три атаки нѣмцевъ на французскія позиціи въ районѣ Мортомма. Непріятель ожесточенно бомбардировалъ позиціи французовъ въ районѣ Мортоммо; къ юго-востоку отъ Окура французы разсѣяли нѣсколько непріятельскихъ развѣдочныхъ отрядовъ. Воздушныя эскадры бельгійцевъ дважды бомбардировали вокзалъ Вейфвеге въ Бельгіи, сбросивъ 48 снарядовъ.

Три цеппелина появились надъ восточными графствами Англіи и бросили нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ.

Германскій вспомогательный крейсеръ подъ нейтральнымъ флагомъ пытался выгрузить боевые припасы въ Ирландіи, но былъ потопленъ, причемъ взято значительное число плѣнныхъ, среди нихъ сэръ Роджерсъ Кэзментъ, который съ самаго начала войны въ Германіи велъ враждебную Англіи агитацію, стараясь склонить къ измѣнѣ плѣнныхъ ирландцевъ.

11-го апрѣля изъ Месопотаміи офиціально сообщили въ Лондонъ:

«Бомбардировка позицій у Санна-І-Ятъ поддерживалась нами въ теченіе всего дня 10-го апрѣля».

Изъ Египта были офиціально сообщены слѣдующія подробности о бояхъ въ районѣ Катіи:

Библиотека "Руниверс"

«Воздушной развѣдкой было установлено, что непріятель сосредоточился въ числѣ 200—500 человѣкъ въ пустынѣ по сосѣдству съ Дуйдаромъ. Затѣмъ отрядъ непріятеля численностью болѣе 500 человѣкъ произвелъ сильную атаку на нашъ постъ въ Дуйдарѣ; но былъ отбитъ нашими войсками послѣ прибытія къ нимъ подкрѣпленій. Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 30 плѣнныхъ и потерялъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, 40 человѣкъ убитыми. Послѣ этого непріятель сталъ отступать, непрерывно тѣснимый отрядомъ австралійскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно съ аэропланомъ, причемъ понесъ тяжелыя потери отъ ружейнаго огня преслѣдовавшихъ его войскъ, а также отъ бомбъ, сбрасывавшихся съ аэроплановъ, и отъ пулеметовъ. Селеніе Катія, занятое небольшимъ отрядомъ іоманри, было атаковано непріятельскимъ отрядомъ силой въ 30 человѣкъ при 3 полевыхъ орудіяхъ. Послѣ ожесточеннаго боя мы эвакуировали селеніе».

12-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Непріятельская артиллерія обстрѣливала икскюльское предмостное укрѣпленіе. Въ якобштадтскомъ районѣ, южнѣе ст. Н.-Зельбургъ, нѣмцы взорвали небольшой зарядъ впереди нашихъ окоповъ. Наши летчики сбросили 36 бомбъ на крупный тыловой пунктъ непріятеля—станцію Еловку, западнѣе Иллукста. Непріятельскіе аэропланы бросали бомбы въ районѣ Молодечно.

На кавказскомъ фронтѣ въ ашкалинскомъ районѣ турки, понесшіе въ бояхъ большія потери, начиная съ ночи 10-го апрѣля, прекратили многодневныя безрезультатныя атаки на наши позиціи.

Въ районѣ Вердена одинъ изъ французскихъ аэроплановъ сбилъ германскій аппаратъ, упавшій въ лѣсъ у Форжа. Въ Атоншатель упалъ разстрѣлянный въ упоръ германскій фоккеръ. Сильная атака германцевъ противъ французскихъ позицій у ла-Шапелоттъ въ Лотарингіи была совершенно отражена.

Эскадра германскихъ судовъ появилась передъ Ловестофтомъ, вступила въ бой съ мѣстными морскими силами, но черезъ 20 минутъ повернула обратно. Непріятельскіе цеппелины совершили налетъ на Англію.

13-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Непріятельскіе аэропланы сбрасывали бомбы надъ Усть-Двинскомъ и Двинскомъ. На фронтѣ двинскихъ позицій и въ районѣ западнѣе м. Поставы артиллерія противника на многихъ участкахъ открывала огонь. Къ югу отъ м. Крево нѣмцы пытались наступать, но безуспѣшно. Въ этомъ же районѣ летало много нѣмецкихъ аэроплановъ, изъ коихъ одинъ былъ подбитъ и упалъ въ нашемъ расположеніи къ юго-востоку отъ м. Крево. На станцію Ганцевичи между станціями Барановичи и Лунинецъ непріятельскіе самолеты сбрасывали бомбы.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ на эрзинджанскомъ направленіи было отбито нашимъ огнемъ.

13-го апрѣля на французскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ рѣки Эна шла артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Буа-де-Бюттъ. Въ Шампани французская артиллерія обстрѣляла сосредоточеннымъ огнемъ непріятельскіе парки въ долинѣ Дормуазъ. Въ Аргоннахъ батареи французовъ подвергли сильному огню германскія оборонительныя сооруженія на высотѣ «285», въ Вокуа и въ лѣсу Шеппи. Къ западу отъ рѣки Мааса шла ожесточенная бомбардировка районовъ

Библиотека "Руниверс"

Авокуръ, высоты «304», Энъ, Монъ-Зевилль. Временами артиллерія открывала ураганный огонь на участкѣ Мортоммъ. Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ происходила артиллерійская перестрѣлка средняго напряженія. Германское дальнобойное орудіе утромъ открыло огонь въ направленіи Варанжвилль и Люневилль.

Въ Лотарингіи германская колонна, пытавшаяся атаковать французскія позиціи къ сѣверу отъ Сенона, была успѣшно остановлена заграждающимъ огнемъ французовъ. По полученнымъ дополнительнымъ свѣдѣніямъ, цифра потерь, понесенныхъ германцами во время атаки, направленной 12-го апрѣля на выступъ французской линіи у Ла-Шапелоттъ, опредѣляется приблизительно въ 1,000 человѣкъ.

Дѣйствія летчиковъ сводились къ слѣдующему:

Заблудившійся аэропланъ снизился ночью на 19-е апрѣля въ линіи французскаго расположенія въ окрестностяхъ Розьера, въ Уазы. Два офицера, находившіеся на немъ, были взяты въ плѣнъ. Непріятельскій аэропланъ, загорѣвшійся отъ огня французскихъ спеціальныхъ орудій, упалъ, объятый пламенемъ, въ направленіи Багатель, въ сѣверу отъ Фуръ-де-Пари. Германскій аппаратъ, разбитый французскимъ огнемъ и упавшій 12-го апрѣля въ непріятельскія линіи близъ Вокуа, былъ, какъ нынѣ, выяснилось, сбитъ подпоручикомъ Наваромъ. Это по счету девятый аппаратъ непріятеля, сбитый этимъ пилотомъ.

Въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля французскіе аэропланы были особенно дѣятельны въ районѣ Вердена. 14 снарядовъ были сброшены ими надъ парками и лагеремъ въ окрестностяхъ Этена и надъ лагеремъ близъ Дамвилера, 6 надъ станціей Бріеля, 15 надъ ст. Конфлана, 6 надъ станціей Пьерпона, 6 надъ сталелитейнымъ заводомъ Жефъ-Омкуръ, 10 надъ станціей Мезьера и 2 надъ Ретслемъ. Въ ту же ночь французскіе летчики произвели много бомбометныхъ операцій въ районѣ Руа. 18 снарядовъ были сброшены ими надъ складами военныхъ припасовъ къ югу отъ Вилль-Карбонелля, гдѣ были замѣчены сильные взрывы. 12 бомбъ были сброшены надъ мостомъ Біашъ, 38 бомбъ надъ складами въ Кремери и Грюми, къ сѣверу отъ Руа. Въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля германскій дирижабль сбросилъ около 12 бомбъ надъ райономъ Этапль-Бетенъ-Пари-плажъ. Два англійскихъ солдата легко ранены, матеріальныя поврежденія незначительны.

На итальянскомъ фронтѣ въ долинѣ Лагарина непріятельскимъ артиллерійскимъ огнемъ былъ вызванъ пожаръ въ Мори, но огонь былъ быстро локализованъ; итальянскія батареи, въ свою очередь, вызвали взрывъ на складахъ боевыхъ припасовъ въ Манцано и Номезино. Въ Верхнемъ Кордеволе итальянцами была отбита очередная атака противника на передовыя позиціи на Коль-ди-Лана, къ сѣверо-западу отъ его вершины. Въ долинѣ Изонцо происходила артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Зельца (на Карсо). Здѣсь 13-го апрѣля послѣ полудня непріятель сосредоточилъ сильный артиллерійскій огонь на окопахъ, взятыхъ итальянцами 9-го апрѣля, а затѣмъ вечеромъ и ночью произвелъ пѣхотныя атаки на позиціи итальянцевъ, но былъ отбитъ съ тяжелыми потерями.

Библиотека "Руниверс"

Германскіе цеппелины произвели налетъ на Англію и сбросили около 100 бомбъ у устья Темзы. Изъ семи летѣвшихъ въ Англію цеппелиновъ вернулись лишь пять.

14-го апрѣля донесеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Обстрѣлъ непріятелемъ икскюльскаго укрѣпленія продолжался. Во многихъ мѣстахъ линіи рѣки Двины появлялись непріятельскіе летчики и сбрасывали бомбы. Надъ двинскимъ райономъ 13-го апрѣля летали 7 непріятельскихъ аэроплановъ, одинъ изъ нихъ имѣлъ наши опознавательные знаки. Нашими летчиками произведенъ налетъ на тылъ германцевъ. Корабль «Илья Муромецъ» бомбардировалъ станцію Даудзевасъ, юго-восточнѣе Фридрихштадта, куда сброшено 13 пудовыхъ и 7 осколочныхъ бомбъ. На станціи Ужвертыне сброшенными бомбами произведены пожары. Въ ночь на 13-е апрѣля противникъ послѣ 2-часовой артиллерійской подготовки повелъ наступленіе на участокъ Власы-Крошинъ, сѣверо-восточнѣе Барановичей. Огнемъ нашего сторожевого охраненія и развѣдчиковъ наступленіе было отбито. Съ утра противъ этого участка вновь было замѣчено накапливаніе непріятеля, который снова разсѣянъ нашимъ огнемъ. Непріятельская артиллерія проявляла особую дѣятельность въ районѣ Огинскаго канала и рѣки Ясельды. Надъ многими пунктами расположенія войскъ генерала Эверта летали непріятельскіе аэропланы, сбрасывавшіе бомбы. Въ полосѣ желѣзной дороги Ровно—Ковель нами съ боемъ занята дер. Хромякова. Непріятель пытался вернуть утраченное, но былъ отогнанъ огнемъ .

На кавказскомъ фронтѣ въ мамахатунскомъ и мушскомъ районахъ происходили боевыя столкновенія передовыхъ частей. Къ югу отъ Битлиса наши части сбили турокъ съ цѣлаго ряда горныхъ позицій.

14-го на французскомъ фронтѣ на лѣвомъ берегу рѣки Мааса артиллерія проявила усиленную дѣятельность въ районахъ Авокура, Эна и Кюмьера. На правомъ берегу рѣки Мааса непріятель произвелъ одновременно двѣ атаки, сопровождавшіяся ожесточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ, одну на фронтѣ Одромонъ—ферма Тіомонъ, а другую между Дуомонъ и Во. Обѣ эти атаки были остановлены французской огневой завѣсой, такъ что германцамъ не удалось выйти изъ траншей. На остальномъ протяженіи фронта день 14-го апрѣля прошелъ сравнительно спокойно, за исключеніемъ района Руа, гдѣ на участкахъ къ западу отъ Понтъ-а-Муссона французскія батареи проявили значительную дѣятельность. 13-го апрѣля непріятельскій летательный аппаратъ, сбитый огнемъ французскихъ спеціальныхъ орудій, упалъ впереди форта Во. Въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля три французскихъ дирижабля подвергли бомбардировкѣ многочисленными снарядами большого калибра желѣзнодорожныя станціи Этэнъ и Бенсдорфъ на Арнавилльской дорогѣ. Въ ту же ночь французскіе летчики сбросили тридцать семь 120-миллиметровыхъ снарядовъ надъ различными станціями въ долинѣ Эръ, двадцать пять 120-миллиметровыхъ снарядовъ надъ лагерными расположеніями въ долинѣ Орнъ, шесть 120-миллиметровыхъ снарядовъ и 2 зажигательныхъ бомбы надъ вокзаломъ Тіонвиль и восемь 120-миллиметровыхъ снарядовъ надъ Конфландскимъ вокзаломъ.

Библиотека "Руниверс"

14-го апрѣля на различныхъ пунктахъ бельгійскаго фронта и въ частности въ направленіи къ Диксмюде, происходили артиллерійскіе бои мѣстнаго характера.

14-го апрѣля британская главная квартира во Франціи сообщила:

«Ночью съ 13-го на 14-е апрѣля Бедфордширскій полкъ совершилъ одно изъ успѣшнѣйшихъ внезапныхъ нападеній около Карной, ворвался въ непріятельскія траншеи и послѣ ожесточенной рукопашной схватки загналъ оставшихся въ живыхъ германцевъ въ землянки и забросалъ ихъ тамъ ручными бомбами. Наши потери въ этомъ дѣлѣ 8 раненыхъ, которые всѣ доставлены обратно. Германскія потери значительны. 14-го апрѣля непріятельская артиллерія проявила дѣятельность близъ Лабуазейль. Непріятельская артиллерія проявила дѣятельность близъ Монши-о-Буа и Невилль. 13-го апрѣля вечеромъ непріятель подвергъ сильной бомбардировкѣ траншеи къ востоку отъ Арментьера и вокругъ Фрейлингена. Къ юго-востоку отъ Фрейлингена около восьми часовъ вечера непріятель ворвался въ наши траншеи подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня, но былъ тотчасъ же выбитъ контръ-атакою. Ночью послѣ сильной бомбардировки, сопровождавшейся взрывомъ мины, непріятель атаковалъ траншеи на холмѣ «60», но былъ отбитъ. Одновременно съ этимъ непріятель занялъ нашу траншею къ сѣверу отъ высоты «60», но былъ выбитъ оттуда ручными гранатами. Между шестью часами вечера и полночью непріятель сильно обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ наши траншеи къ западу отъ Зиллебеке, къ сѣверо-востоку отъ холма «60» и артиллерійскія позиціи, расположенныя въ тылу. Непріятельская атака у Сентъ-Элуа отражена. 14-го апрѣля непріятельская артиллерія проявила дѣятельность къ юго-западу отъ Сентъ-Элуа. Ночью 13-го апрѣля непріятель занялъ одну изъ воронокъ въ Гогенцоллернскомъ секторѣ, но немедленно былъ выбитъ оттуда. Въ теченіе ночи непріятелемъ взорваны мины къ юго-востоку отъ Сушэ, къ сѣверо-востоку отъ Дубль-Красье, къ сѣверо-востоку отъ Вермель, а также къ западу отъ Гюллюха. Нами взорвана мина въ секторѣ Гюллюха. 14-го апрѣля, въ 5 час. утра непріятель произвелъ газовую атаку изъ траншей къ югу отъ Гюллюха и въ то же время открылъ артиллерійскій огонь по нашимъ линіямъ къ сѣверу отъ Лооса. Въ 7 час. 30 мин. утра непріятелемъ было выпущено второе облако газа приблизительно въ томъ же самомъ мѣстѣ, а затѣмъ послѣ сильной артиллерійской бомбардировки непріятелю удалось занять нашу передовую и вторую линіи фронта къ востоко-сѣверо-востоку отъ Лооса. Контръ-атакой ирландскихъ войскъ, произведенной спустя полчаса, непріятель былъ выбитъ, оставивъ въ нашихъ траншеяхъ много убитыхъ. Непріятель пытался перейти въ наступленіе также къ югу отъ Гюллюха, но, обстрѣлянный анфиладнымъ огнемъ нашихъ пулеметовъ, оставилъ передъ линіей нашихъ траншей большое число убитыхъ. Лишь нѣсколькимъ германскимъ солдатамъ удалось достичь нашихъ линій, откуда они медленно были выбиты. Въ теченіе дня 14-го апрѣля непріятельская артиллерія проявила дѣятельность, обстрѣлявъ наши траншеи близъ Каранси, Сушэ, Лебрели и Брагмонскаго рва № 2. За 18-е апрѣля летчиками проявлена большая дѣятельность. Произошло 19 воздушныхъ боевъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ Средиземномъ морѣ наткнулся на мину и затонулъ англійскій миноносецъ «Russell». У восточнаго побережья Англіи потоплена германская подводная лодка. На сѣверномъ участкѣ Синайскаго фронта британскія войска обратили въ бѣгство турокъ, ушедшихъ въ Биръ-эль-Абдъ.

15-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ д. Гиновка (западнѣе Двинска) мы вновь нѣсколько продвинулись впередъ. Къ сѣверу отъ оз. Дрисвяты огнемъ нашей артиллеріи подбитъ непріятельскій аэропланъ, упавшій за окопами противника. Непріятельскіе самолеты сбросили въ районѣ дер. Островки (сѣверо-восточнѣе Столбцы) до 30 бомбъ, коими убито нѣсколько плѣнныхъ австрійцевъ. Въ районѣ р. Стрыпы, юго-западнѣе Тарнополя, наши войска незамѣтно приблизились къ австрійцамъ, работавшимъ на высотѣ восточнѣе Богатковце, и бросились въ штыки. Ворвавшись въ окопы непріятеля, они перекололи часть противника послѣ короткой рукопашной схватки, а одного офицера и 62 нижнихъ чиновъ взяли въ плѣнъ, послѣ чего, испортивъ работы противника, отошли назадъ. Около пяти часовъ утра противникъ самъ перешелъ въ наступленіе въ этомъ районѣ, но огнемъ и контръ-атакой былъ обращенъ въ бѣгство, причемъ было захвачено въ плѣнъ еще 6 здоровыхъ и 20 раненыхъ австрійцевъ. Всего въ этомъ дѣлѣ взято въ плѣнъ 1 офицеръ и 96 нижнихъ чиновъ австрійцевъ, захвачено 111 винтовокъ, 2 ящика ручныхъ гранатъ и много снаряженія.

На кавказскомъ фронтѣ къ юго-западу отъ района Эрзерума наши части потѣснили турокъ. Въ битлисскомъ районѣ наши войска еще продвинулись къ югу.

Къ сѣверу отъ рѣки Эна происходила довольно оживленная артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Буа-де-Бюттъ. Къ западу отъ рѣки Мааса происходилъ артиллерійскій бой на участкѣ Маланкурскаго лѣса.

На остальныхъ фронтахъ, за исключеніемъ обычной артиллерійской перестрѣлки, день 15-го апрѣля прошелъ довольно спокойно.

16-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Непріятельская артиллерія открывала огонь по Шлоку и Берземюнде. Въ районѣ д. Гиновки, западнѣе Двинска, германцы послѣ артиллерійской подготовки перешли въ наступленіе, но нашимъ огнемъ были отогнаны обратно въ свои окопы. Германскій дирижабль 15-го апрѣля, около двухъ часовъ ночи, появился надъ Рѣжицей, гдѣ сбрасывалъ разрывныя и зажигательныя бомбы. Къ юго-западу отъ озера Нарочъ германская артиллерія 15-го апрѣля на разсвѣтѣ открыла ураганный огонь, послѣ чего пѣхота противника пошла въ атаку густыми колоннами. Нѣмцамъ удалось овладѣть окопами, утраченными ими ранѣе. На фронтѣ деревень Занапоча—Стаховцы продолжался горячій бой. По району м. Сморгонь нѣмцы также открывали ураганный огонь артиллеріи.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка, будучи безрезультатно обстрѣляна непріятельскими самолетами и батареями, потопила у Босфора пароходъ и парусникъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ эрзинджанскомъ направленіи наши части, отразивъ атаки турокъ, перешли въ наступленіе и отбросили противника къ западу.

Библиотека "Руниверс"

16-го апрѣля британское военное министерство сообщило съ месопотамскаго фронта:

«Произведенная ночью 11-го апрѣля попытка послать судно съ съѣстными припасами, несмотря на проявленную при этомъ доблесть, окончилась, къ сожалѣнію, неудачей. Воздушной развѣдкой было установлено, что посланное судно сѣло на мель въ четырехъ миляхъ къ востоку отъ Куха».

17-го апрѣля у Вердена ожесточенный обстрѣлъ первыхъ и вторыхъ французскихъ линій въ районѣ Мортомма. Атаки германцевъ на французскія траншеи къ сѣверу отъ Мортомма были успѣшно отбиты, точно такъ же какъ и ихъ атаки на сѣверѣ отъ Кюмьера.

На всемъ пространствѣ итальянскаго фронта между долинами Джудикарія и Сугана происходила артиллерійская перестрѣлка и производились воздушныя развѣдки.

17-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ районѣ Пулкарна, юго-восточнѣе Риги, наша артиллерія удачно обстрѣляла батарею непріятеля. Нѣмецкая артиллерія открывала огонь по району ст. Икскюль и икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія. На одномъ изъ участковъ двинскихъ позицій огнемъ нашей артиллеріи былъ вызванъ пожаръ въ окопахъ непріятеля. Къ юго-западу отъ оз. Нарочъ нѣмцы дѣлали попытку выйти изъ своихъ окоповъ; но, встрѣчаемые нашимъ огнемъ, быстро уходили назадъ. Юго-восточнѣе ст. Олыка желѣзной дороги Ровно—Ковель противникъ трижды пытался окружить и атаковать дер. Хромяково, но каждый разъ былъ отбиваемъ нашимъ артиллерійскимъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

На діарбекирскомъ направленіи кавказскаго фронта наши казаки сильно потѣснили турокъ къ западу. На багдадскомъ направленіи нами былъ отброшенъ къ западу значительный отрядъ противника, причемъ мы захватили часть его артиллеріи и много зарядныхъ ящиковъ.

18-го апрѣля атака германцевъ на захваченныя французами траншеи къ сѣверу отъ Мортомма отбита, отбиты также двѣ контръ-атаки германцевъ на сѣверъ отъ Кюмьера; послѣ третьей атаки нѣмцы заняли было траншеи, но были немедленно оттуда выбиты. Атака непріятеля на итальянскія позиціи на Нерете отбита съ тяжелыми потерями. Британскія войска отбили атаки германцевъ у Фіокура, къ сѣверу отъ Мессинъ, у Вульвергема и у Холлендсхе Схуръ.

19-го апрѣля къ югу отъ Соммы попытка непріятеля произвести неожиданное нападеніе на одинъ изъ французскихъ маленькихъ постовъ въ районѣ Домпьера была отражена нашимъ ружейнымъ огнемъ. Въ Шампани французы обстрѣляли обозы съ припасами къ сѣверу отъ Наварена. Въ Аргоннахъ сильный развѣдочный отрядъ противника былъ разсѣянъ къ сѣверу отъ Ла-Гаразе. Къ западу отъ рѣки Мааса артиллерійская перестрѣлка продолжалась въ теченіе ночи отъ района Авокура до Мортомма. Согласно послѣднимъ извѣстіямъ, въ результатѣ боевъ, веденныхъ французами въ теченіе 16-го и 17-го апрѣля на сѣверныхъ склонахъ въ высотѣ Мортомма, они овладѣли траншеями противника на фронтѣ протяженіемъ около 1,000 метровъ и измѣ-

Библиотека "Руниверс"

реніемъ отъ 300 до 600 метровъ въ глубину. Къ востоку отъ рѣки Мааса французскія войска повели сильную атаку на непріятельскія позиціи къ юго-востоку отъ форта Дуомонъ. Во время этой вполнѣ удачной операціи французы заняли непріятельскій окопъ первой линіи длиною приблизительно въ 500 метровъ и взяли около 100 плѣнныхъ. Въ Веврѣ артиллерійскій огонь нѣсколько разъ принималъ ураганный характеръ. Въ теченіе апрѣля французскіе летчики въ верденскомъ участкѣ сбили 31 непріятельскій летательный аппаратъ.

Четырекратная попытка наступленія германской дивизіи къ сѣверу отъ дер. Кюмьеръ закончилась неудачей подъ огнемъ французской артиллеріи.

На горномъ массивѣ Мормолада итальянцы заняли укрѣпленныя позиціи на высотѣ болѣе 3,000 метровъ, захвативъ плѣнныхъ, два пулемета и военные припасы.

Португальцы секвестровали единственный австро-венгерскій пароходъ, находившійся на рѣкѣ Тахо.

19-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на правомъ флангѣ рижскаго участка нѣмцы пытались переходить въ наступленіе противъ Раггацема, но были отброшены назадъ. Германская артиллерія открывала оживленный огонь по икскюльскому предмостному укрѣпленію, по нѣкоторымъ участкамъ двинскихъ позицій и промежутку между озерами Нарочъ и Вишневское.

На Черномъ морѣ найдены непріятельскія мины загражденія. На всѣхъ минахъ сверху сдѣланы бѣлой краской надписи «Христово Воскресеніе», въ болгарской орѳографіи.

На кавказскомъ фронтѣ при преслѣдованіи противника на діарбекирскомъ направленіи нашими казаками было зарублено много аскеровъ (нижнихъ чиновъ регулярной пѣхоты), а также захвачены плѣнные.

19-го апрѣля на французскомъ фронтѣ продолжалась артиллерійская перестрѣлка и минная борьба, достигшая особеннаго напряженія въ Шампани въ районѣ Моронвалье, въ Аргоннахъ, къ западу отъ рѣки Мааса на пространствѣ между райономъ Авокуръ и Мортоммъ. На востокѣ артиллерійская перестрѣлка приняла довольно напряженный характеръ между фермой Тіомонъ и Данлу. Огнемъ французскихъ батарей разсѣяны непріятельскіе отряды къ сѣверу отъ лѣса Шофуръ и скопленія непріятельскихъ войскъ къ сѣверозападу отъ пруда Во.

Въ Аргоннахъ послѣ сильной бомбардировки снарядами, вызывающими слезотеченіе, непріятель пытался 19-го апрѣля къ концу дня произвести небольшую атаку въ составѣ трехъ ротъ противъ нашихъ траншей между Ла-Гаразе и Фуръ-де-Пари. Германцы, которымъ удалось занять выдвинутыя впередъ части французскихъ траншей, не были въ состояніи удержаться въ нихъ и отступили, понеся большія потери отъ огня французскихъ войскъ. Въ верденскомъ участкѣ артиллерія обѣихъ сторонъ проявила довольно большую дѣятельность, какъ уже сказано, въ секторахъ Мортоммъ и Дуомонъ. Одно изъ французскихъ дальнобойныхъ орудій бомбардировало желѣзнодорожную станціи Себастополь, къ востоку отъ Виньеля. Въ желѣзнодорож-

Библиотека "Руниверс"

номъ зданіи возникъ пожаръ. Въ Лотарингіи происходили столкновенія патрулей въ участкѣ Монсель.

Положеніе дѣлъ подъ Верденомъ за недѣлю съ 10-го по 17-е апрѣля, по сообщенію французской главной квартиры, было таково:

«Въ теченіе 23-го (10-го) по 30-е (17-е) апрѣля противникъ не предпринималъ активныхъ дѣйствій, ограничившись ожесточенной и продолжительной бомбардировкой нашихъ позицій между Авокуромъ и Маасомъ. 23-го (10-го) апрѣля мы заняли окопы непріятеля къ сѣверу отъ Мортомма, развивъ этимъ успѣхъ 20-го (7-го) апрѣля. 24-го апрѣля противникъ снова пытался отобрать захваченные у него окопы, причемъ три его ожесточенныхъ атаки, изъ коихъ одна сопровождалась выбрасываніемъ воспламеняющейся жидкости, были отбиты. Къ востоку отъ Мааса 22-го (9-го) апрѣля попытка противника произвести атаку между рѣкой и дер. Во было отражена нашей артиллеріей. Попытки противника перейти 27-го (14-го) апрѣля въ наступленіе небольшими силами на наши окопы у форта Во успѣхомъ не увѣнчались. Къ сѣверу отъ Эна, во время вылазки, произведенной 25-го (12-го) апрѣля, намъ удалось завладѣть рощей въ районѣ Вилль-о-Буа, захвативъ при этомъ 158 плѣнныхъ. Въ теченіе того же дня, атака, поведенная тремя батальонами германцевъ на выступающую часть нашей позиціи у Шапеллотъ (къ сѣверу отъ С.-Діе), была отражена съ громадными для непріятеля потерями. Въ настоящее время точно установлено присутствіе 3-го германскаго корпуса у Дуомона. Этотъ корпусъ, принимавшій участіе въ бояхъ съ 21-го (8-го) февраля по 15-е (2-го) марта, въ виду потери трехъ четвертей его состава, былъ отведенъ на отдыхъ въ Эльзасъ-Лотарингію. Плѣнные, принадлежавшіе къ частямъ этого корпуса, показали, что въ настоящее время корпусъ снова пополненъ, причемъ 60 процентовъ солдатъ, его оставляющихъ, принадлежатъ къ числу людей, призванныхъ въ текущемъ году».

На остальныхъ фронтахъ военныя дѣла къ 19-му апрѣля находились въ слѣдующемъ видѣ:

Итальянскія войска послѣ двухдневной борьбы на ледникахъ взяли приступомъ позиціи на Кроццонъ-ди-Фаргорида и Кроццонъ-ди-Лачесъ. Нѣмцы, занявшіе послѣ внезапной атаки три бельгійскихъ поста къ востоку отъ Изера, были немедленно выбиты. Отрядъ англійскихъ войскъ, выступившій изъ Бушира, атаковалъ непріятельскія войска, оттѣснилъ ихъ и безпрепятственно вернулся въ Буширъ. Турецкій главнокомандующій Халилъ-паша далъ свое согласіе на обмѣнъ больныхъ и раненыхъ изъ отряда генерала Тауншэнда. Пять непріятельскихъ дирижаблей совершили налетъ на восточное побережье Англіи и юго-восточное побережье Шотландіи. Германская атака къ востоку отъ Ипра была сломлена огнемъ британскихъ войскъ.

20-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ:

Непріятельская артиллерія открывала огонь на участкахъ якобштадтскаго и двинскаго районовъ. Въ районѣ восточнѣе Видзы и Твереча германцы послѣ артиллерійской подготовки пытались для атаки выйти изъ окоповъ, но были остановлены огнемъ. 19-го апрѣля, утромъ, послѣ артиллерійскаго огня, части противника повели наступленіе въ районѣ дер. Антоны, сѣверо-запад-

Библиотека "Руниверс"

нѣе м. Поставы, но были отбиты. Вторичная попытка нѣмцевъ наступать въ этомъ районѣ также успѣха не имѣла. Въ районѣ Барановичей и на Огинскомъ каналѣ велась оживленная артиллерійская перестрѣлка. Южнѣе Олыка мы нѣсколько выдвинулись впередъ. Въ районѣ Сопанова, сѣверо-западнѣе Кременца, непріятель взорвалъ горнъ. Воронка занята нами. Въ районѣ сѣверо-западнѣе Ярмолинце (къ югу отъ Проскурова) опустился вслѣдствіе порчи мотора непріятельскій альбатросъ. Летчики захвачены въ плѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ, въ бассейнѣ Верхняго Чороха, наши войска ночной атакой овладѣли важнымъ участкомъ непріятельской позиціи, которую и закрѣпили за собой. На діарбекирскомъ направленіи мы вновь потѣснили противника къ западу. Въ пріурмійскомъ районѣ нами было отражено наступленіе непріятельскаго отряда.

20-го апрѣля къ западу отъ рѣки Мааса шла ожесточенная бомбардировка на участкѣ Авокуръ. Днемъ 20-го апрѣля французскія войска блестящимъ штурмомъ овладѣли германскими позиціями къ сѣверо-западу отъ Мортомма, захвативъ около 100 плѣнныхъ и четыре пулемета. Въ Авокурскомъ лѣсу произошелъ бой ручными гранатами. Въ теченіе ночи съ 20-го на 21-е апрѣля французы расширили и укрѣпили захваченную ими 20-го апрѣля территорію у Мортомма. Непріятель понесъ значительныя потери, особенно во время французской артиллерійской подготовки. Въ одномъ пунктѣ сдавшіеся во время стрѣльбы двое германцевъ оказались единственными оставшимися въ живыхъ изъ занимавшихъ траншею людей. Къ востоку отъ рѣки Мааса происходила бомбардировка въ районѣ Во. Въ Веврѣ французская артиллерія подвергла сосредоточенному обстрѣлу рядъ пунктовъ. Въ Эпаржѣ французы взорвали мину и укрѣпились въ образовавшейся воронкѣ. Къ востоку отъ Сентъ-Міэля былъ отраженъ сильный непріятельскій развѣдочный отрядъ, пытавшійся подойти къ одному изъ французскихъ постовъ въ участкѣ Апремонъ.

На остальномъ протяженіи этого фронта непрерывно продолжалась обычная артиллерійская борьба.

На восточной границѣ бельгійскія войска заставили германцевъ покинуть позиціи на р. Рузизи и, переправившись черезъ рѣку, заняли позиціи у Шангугу и вторглись въ предѣлы германской территоріи къ сѣверу отъ оз. Киву.

21-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Непріятель открывалъ оживленный артиллерійскій огонь по икскюльскому участку и по району двинскихъ позицій юго-западнѣе Двинска. Южнѣе двинскаго района во многихъ частяхъ фронта появлялись непріятельскіе самолеты, сбрасывавшіе бомбы. Въ районѣ южнѣе м. Крево завязался горячій артиллерійскій бой, во время котораго однимъ изъ нашихъ снарядовъ былъ взорванъ германскій привязной аэростатъ, корректировавшій стрѣльбу.

На кавказскомъ фронтѣ на байбуртскомъ направленіи ночная атака турокъ на недавно занятый нами участокъ ихъ позицій была отражена; также отбито нашими войсками ночное наступленіе противника и на эрзинджанскомъ направленіи.

21-го апрѣля къ западу отъ Мааса французы отбили сильную атаку нѣмцевъ къ сѣверу отъ высоты 304. Въ результатѣ успѣховъ французовъ у Мор-

Библиотека "Руниверс"

томма нѣмцы были отброшены за линію, которую они занимали въ началѣ марта. Новая атака нѣмцевъ была остановлена французскимъ огнемъ. Французы заняли греческую ст. Флорина. Попытки нѣмцевъ атаковать французскія траншеи въ районѣ Каппи, къ югу отъ р. Соммы, потерпѣли неудачу.

Въ зонѣ Тонале итальянцы отбросили три атаки германцевъ на итальянскія позиціи въ Кастелаццо. На Адамелло двѣ непріятельскія колонны, атаковавшія Кроццонъ-ди-Фаргорида и Кроццонъ-ди-Ларасъ, отброшены и въ безпорядкѣ отступили. Нѣмцы, переступившіе изъ Камеруна испанскую границу, прибыли въ Кадиксъ и интернированы въ Испаніи.

22-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на фронтѣ р. Двины велась перестрѣлка. Сильный артиллерійскій бой на участкѣ къ югу отъ м. Крево затихъ въ ночь на 21-е апрѣля. Непріятель открывалъ артиллерійскій огонь на Огинскомъ каналѣ по району д. Валище. Къ юго-востоку отъ ст. Олыка наши части нѣсколько продвинулись впередъ и закрѣпились на занятыхъ мѣстахъ. Контръ-атака противника подъ покровительствомъ сильнаго артиллерійскаго огня успѣха не имѣла. Также не имѣли успѣха попытки значительныхъ группъ противника атаковать при содѣйствіи ураганнаго огня артиллеріи наши окопы въ районѣ желѣзной дороги Тарнополь—Езерна.

На кавказскомъ фронтѣ на байбуртскомъ направленіи новая попытка турокъ атаковать одинъ изъ нашихъ участковъ позиціи была отражена. На эрзинджанскомъ направленіи наша часть, ворвавшись въ окопы противника, многихъ турокъ переколола и захватила плѣнныхъ. Ночныя атаки турокъ на битлисскомъ направленіи повсюду были нами отражены.

22-го апрѣля плохое состояніе погоды мѣшало операціямъ на большей части французскаго фронта; происходила лишь артиллерійская перестрѣлка. На сѣверныхъ склонахъ высоты 304 французы принуждены были очистить часть траншей, разрушенныхъ непріятелемъ. Одной изъ англійскихъ эскадръ легкихъ крейсеровъ у побережья Шлезвига уничтоженъ германскій цеппелинъ. Появившійся надъ Солунью непріятельскій цеппелинъ былъ сбитъ артиллерійскимъ огнемъ. Французская подводная лодка «Bernoulli» потопила въ Адріатическомъ морѣ австрійскій контръ-миноносецъ.

23-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ рѣки Двины германцы открывали оживленный артиллерійскій огонь по икскюльскому укрѣпленію и по району восточнѣе Фридрихштадта. Непріятельскіе аэропланы въ нѣсколькихъ мѣстахъ сбрасывали бомбы. Между якобштадтскимъ и двинскимъ районами наша артиллерія удачнымъ выстрѣломъ произвела у непріятеля взрывъ огнестрѣльныхъ припасовъ. Юго-восточнѣе озера Медмуское нами послѣ внезапнаго нападенія былъ захваченъ германскій окопъ. Къ сѣверо-западу отъ Крошина нѣмцы вечеромъ 21-го апрѣля повели значительными силами наступленіе на дер. Дубровка. Наступленіе было подготовлено трехчасовымъ артиллерійскимъ огнемъ. Наши войска встрѣтили нѣмцевъ контръ-атакой. Нѣмцы бѣжали, оставивъ убитыхъ и раненыхъ, много оружія и патроновъ. Взяты плѣнные. Къ сѣверо-востоку отъ Чарторійска партія нашихъ развѣдчиковъ атаковала въ штыки непріятель-

Библиотека "Руниверс"

скую заставу. Захвачены плѣнные. Къ югу отъ станціи Олыка наши развѣдчики заставили противника очистить лѣсъ, что восточнѣе дер. Жернище. Въ районѣ Муравица нашъ самолетъ вступилъ бой съ двумя непріятельскими самолетами. Послѣ получасового боя одинъ изъ непріятельскихъ самолетовъ вынужденъ былъ спуститься въ районѣ непріятельскаго расположенія, другой скрылся.

На кавказскомъ фронтѣ на эрзинджанскомъ направленіи наступленіе турокъ, предпринятое при поддержкѣ артиллеріи, было успѣшно нами отбито. На багдадскомъ направленіи наши войска штыковой атакой выбили турокъ изъ укрѣпленія въ районѣ сел. Сермаль-Кериндъ и, переколовъ всѣхъ защитниковъ укрѣпленія, заняли упомянутое селеніе.

На французскомъ фронтѣ 23-го апрѣля въ теченіе дня бомбардировка продолжалась съ большимъ напряженіемъ къ западу отъ Мааса, главнымъ образомъ въ районѣ высоты 304 и близъ дороги Окуръ—Энъ. Пѣхотныхъ боевъ не происходило. На остальной части фронта происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка. Британскія войска совершили успѣшный внезапный набѣгъ на непріятельскія траншеи близъ Отвилля. Къ юго-востоку отъ Армантьера непріятель, внезапно напавшій на англійскій окопъ, немедленно былъ выбитъ оттуда. Во время урагана около двухъ десятковъ французскихъ змѣйковыхъ аэростатовъ сорвались со своихъ тросовъ. Изъ нихъ нѣкоторые были отнесены въ непріятельскія линіи.

Въ Солуни взяты въ плѣнъ 4 германскихъ офицера и 8 нижнихъ чиновъ со сбитаго наканунѣ цеппелина, длиною въ 135 метровъ.

Бельгійскія войкса въ Восточной Африкѣ, занявъ непріятельскія позиціи въ Шангугу, вступили въ бой съ непріятельскимъ арріергардомъ, заставили его спѣшно отступить и заняли германскій постъ Ишанги.

24-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ ст. Коккенхузенъ, вост. Фридрихштадта, непріятельская артиллерія подвергла обстрѣлу одинъ изъ нашихъ поѣздовъ. Въ Галиціи, на Нижней Стрыпѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ с. Язловецъ мы нѣсколько продвинулись впередъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наступленіе турокъ было легко отбито нашими передовыми частями. На багдадскомъ направленіи, при занятіи нами укрѣпленныхъ пунктовъ Сермаль-Кериндской позиціи, турки, понеся значительныя потери, спѣшно отступили, оставивъ на мѣстѣ боя большой палаточный лагерь и много снаряженія. Выяснено, что при занятіи гор. Трапезунда мы захватили 8 береговыхъ орудій на установкахъ, 16 орудій 6-дюймоваго калибра и одно полевое орудіе, свыше 1,000 винтовокъ, 53 зарядныхъ ящика и передка, много другой военной добычи.

Сраженіе подъ Верденомъ становится все болѣе и болѣе напряженнымъ. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса за чрезвычайно ожесточенной бомбардировкой, продолжавшейся безостановочно двое сутокъ въ районѣ высоты 304, 24-го апрѣля послѣдовала сильная германская атака на французскій фронтъ между высотой «304» и Мортоммомъ. Послѣ повторныхъ усилій непріятелю удалось проникнуть въ восточный траншейный ходъ у высоты 304. Во всѣхъ дру-

Библиотека "Руниверс"

гихъ мѣстахъ непріятель былъ отраженъ, причемъ огнемъ французскихъ пулеметовъ и батарей, энергично бомбардировавшихъ германскія линіи, ему были нанесены большія потери.

На правомъ берегу рѣки Мааса, послѣ усиленной артиллерійской подготовки, германцы произвели рядъ послѣдовательныхъ атакъ на французскія траншеи между лѣсомъ Одромонъ и фортомъ Дуомонъ. Въ западной части фронта непріятель удержался на протяженіи приблизительно 500 метровъ въ частяхъ французской первой линіи. Въ центрѣ и на востокѣ всѣ его атаки отбиты. Такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу Мааса непріятель не достигъ возвышенности 304, которую стремился захватить, на правомъ же—не имѣлъ возможности нанести сколько-нибудь значительный ударъ французскимъ позиціямъ, несмотря на то, что вся эта операція была широко задумана германскимъ главнымъ штабомъ. Становится все болѣе очевиднымъ, что достигаемые непріятелемъ результаты совершенно не соотвѣтствуютъ огромнымъ силамъ, вводимымъ въ дѣло, и ужасающимъ потерямъ людьми, которыя непріятель при этомъ несетъ.

Въ Веврѣ происходила усиленная дѣятельность артиллеріи на участкахъ у подножья Маасскихъ высотъ. На остальномъ протяженіи фронта, кромѣ обычной артиллерійской перестрѣлки, ничего выдающагося не произошло. Генералъ Петэнъ назначенъ главнокомандующимъ арміями центра, со включеніемъ Суассона и Вердена. Командующимъ верденской арміей назначенъ ген. Нивелль.

25-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Наша артиллерія произвела пожаръ Иллукста и огнемъ мѣшала нѣмцамъ его тушить, вслѣдствіе чего у нѣмцевъ взорвалось нѣсколько складовъ снарядовъ. 24-го апрѣля въ первомъ часу нѣмцы открыли ураганный огонь по участку южнѣе Иллукста, послѣ котораго пытались перейти въ наступленіе, но безрезультатно. По участку сѣвернѣе оз. Ильзенъ, юго-западнѣе Двинска, нѣмцы также открывали ожесточенный артиллерійскій огонь. Въ районѣ южнѣе м. Вишневъ нѣмецкая артиллерія съ утра 24-го апрѣля доводила огонь временами до ураганнаго. Два германскихъ аэроплана сбросили 8 бомбъ въ м. Ляховичи. Къ сѣверо-западу отъ Кременца нами взорванъ камуфлетъ, которымъ разрушена минная галлерея противника. Въ Галиціи, южнѣе Цеброва (сѣверо-западнѣе Тарнополя) наши гренадеры подползли черезъ воронку горна къ заставѣ противника и, забросавъ ее гранатами, разогнали рабочихъ.

На Черномъ морѣ 24-го апрѣля крейсеръ «Бреслау» бомбардировалъ беззащитный морской курортъ Евпаторію.

На кавказскомъ фронтѣ на эрзинджанскомъ направленіи подъ дѣйствіемъ нашего огня турки поддались назадъ и очистили всю первую линію окоповъ

25 апрѣля на лѣвомъ берегу рѣки Мааса непріятель продолжалъ съ прежнимъ напряженіемъ бомбардировать Авокурскій лѣсъ и весь районъ высоты 304. Произведенная днемъ германцами атака на французскія позиціи на высотѣ 287, къ западу отъ высоты 304, была остановлена артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ французовъ. На правомъ берегу Мааса и въ Веврѣ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. Французскія батареи

Библиотека "Руниверс"

успѣшно обстрѣляли непріятельскія лагерныя расположенія къ сѣверо-западу отъ Эвзена, на югъ отъ Тіокура. Въ Аргоннахъ французы овладѣли двумя небольшими постами и заняли нѣсколько воронокъ. Австралійскія и новозеландскія войска прибыли во Францію.

Пароходъ «Cymric» потопленъ германской подводной лодкой въ Атлантическомъ океанѣ.

Британскія войска во Франціи произвели успѣшное внезапное нападеніе на непріятельскія траншеи къ сѣверу отъ Тіепвальскаго лѣса и забросали нѣмцевъ бомбами.

Союзники произвели высадку въ Макри и захватили склады пшеницы.

Итальянскія войска имѣли крупныя столкновенія на Мармолада, на Фальцарего и на Кукла.

Повсюду непріятель былъ отброшенъ, оставивъ въ рукахъ итальянцевъ нѣсколько плѣнныхъ. Передъ итальянскими позиціями на Куклѣ было подобрано около сотни ружей, а также захвачено много военныхъ припасовъ у непріятельскихъ солдатъ, павшихъ во время послѣднихъ атакъ. Сильная эскадра итальянскихъ аэроплановъ совершила 24-го апрѣля налетъ на долину Адилже, сбросивъ большое число бомбъ на Матарелло и Кальяно—центры сосредоточенія непріятельскихъ войскъ. Аэропланы хотя и подверглись сильному огню, но возвратились, однако, невредимыми. Отрядъ непріятельскихъ аэроплановъ пролетѣлъ надъ долиною въ нижнемъ теченіи Изонцо и сбросилъ нѣсколько бомбъ, не причинившихъ, однако, никакого вреда.

26-го апрѣля на нашемъ западномъ фронтѣ германцы открывали артиллерійскій огонь по икскюльскому предмостному укрѣпленію. На Двинѣ, выше Якобштадта, наша артиллерія удачно разгоняла партіи рабочихъ непріятеля.

На кавказскомъ фронтѣ на эрзинджанскомъ направленіи турки въ теченіе дня безрезультатно вели упорныя атаки на наши позиціи; противникъ, понесшій большія потери, къ вечеру прекратилъ наступленіе. На діарбекирскомъ направленіи наши войска сбили турокъ съ горнаго хребта къ югу отъ мушскаго района. На багдадскомъ направленіи противникъ, выбитый нами изъ укрѣпленныхъ позицій, былъ отброшенъ далеко на западъ; при преслѣдованіи врага мы захватили одно горное орудіе.

26-го апрѣля офиціальное сербское прессбюро сообщило слѣдующее о звѣрскомъ поведеніи болгаръ въ занятыхъ ими сербскихъ областяхъ:

Согласно достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Флорины, множество сербовъ, бѣжавшихъ за послѣдніе дни изъ Болгаріи въ Грецію, описывая положеніе сербскаго населенія, уведеннаго въ Болгарію, говорятъ, что оно съ каждымъ днемъ становится все ужаснѣе и ужаснѣе.

Всѣ сербы, способные носить оружіе, уведены вглубь страны. Болгары, предвидя, что имъ не удастся окончательно упрочиться въ сербской Македоніи, грабятъ и разрушаютъ все, что ни встрѣтятъ. Въ частности они вывезли въ Болгарію всю мѣдь, желѣзо и сталь.

Отношеніе болгаръ къ сербамъ и даже къ грекамъ въ Македоніи становится все болѣе и болѣе нестерпимымъ. Болгарскія власти продолжаютъ изгонять изъ страны греческіе элементы.

Подтверждается, что власти эти арестовали и изгнали сербовъ изъ Охриды, Ресны и Трпобы.

Библиотека "Руниверс"

Двѣ гречанки, покинувшія свои дома и бѣжавшія въ Грецію, заявили, что Болгары пользуются всѣми, какъ явными, такъ и скрытыми средствами уничтоженія сербовъ и даже грековъ.

Сербовъ либо безжалостно убиваютъ, либо уводятъ въ Софію. Всѣ увѣрены въ томъ, что ни одинъ сербъ, отправленный въ Софію, не дошелъ до этого города.

Глава одной изъ наиболѣе древнихъ греческихъ фамилій Петръ Тинсона, 80 лѣтъ отъ роду, подвергся безжалостному истязанію за то, что его сынъ участвовалъ въ сербо-греческой войнѣ противъ Болгаріи. Петръ Тинсона былъ сначала посаженъ въ тюрьму въ Битоліи, а потомъ отправленъ къ генералу Бояджіеву, находившемуся со своимъ штабомъ въ Св. Наумѣ.

Бояджіевъ приказалъ доставить ему всѣхъ сербскихъ и греческихъ именитыхъ гражданъ занятой имъ области. Даже старики должны были явиться къ Бояджіеву, хотя имъ пришлось для этого совершать путешествіе, длившееся болѣе сутокъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

Въ Понковатцѣ, Буковатцѣ, Миловичѣ и деревнѣ Мориговенацѣ убійства являются обычнымъ дѣломъ, частное имущество конфискуется, а тюрьмы переполнены; семьи заключенныхъ борются съ самыми тяжелыми затрудненіями.

Болгары и германцы увели изъ Свѣта-Петки около 40 мирныхъ гражданъ, причемъ одинъ изъ нихъ, пытавшійся бѣжать, былъ убитъ болгарскимъ офицеромъ.

26-го апрѣля въ Шампани французская артиллерія подвергла обстрѣлу германскія траншеи и батареи къ сѣверу отъ Вилль-сюнъ-Турбъ, а также непріятельскіе пути сообщенія въ участкѣ Соммпи. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса бомбардировка въ теченіе дня имѣла менѣе оживленный характеръ. Попытка непріятеля произвести атаку противъ французскихъ траншей къ западу отъ высоты 304 была тотчасъ же остановлена огневой завѣсой французскихъ войскъ, лишившей непріятеля возможности развернуться. На правомъ берегу рѣки Мааса и въ Веврѣ происходилъ съ перерывами артиллерійскій бой. На основаніи послѣднихъ полученныхъ свѣдѣній устанавливается, что въ ночь съ 25-го на 26-ое апрѣля германцы произвели въ районѣ высоты «304» три весьма ожесточенныя атаки большими силами, одна изъ этихъ атакъ произведена на французскія позиціи у высоты 287, другая атака на ихъ траншеи къ сѣверо-востоку отъ высоты 304 и, наконецъ, послѣдняя противъ лѣса, расположеннаго на западъ отъ упомянутой высоты. Всѣ эти атаки были отбиты французскимъ огнемъ и стоили весьма серьезныхъ потерь противнику. Французскія батареи подвергли обстрѣлу непріятельскіе обозы съ провіантомъ и отдѣльныя непріятельскія части, передвигавшіяся по дорогѣ отъ Ессэ къ Пэйонвилль, на сѣверо-западъ отъ Понтъ-а-Муссона.

Бельгійскія войска въ Конго, подъ начальствомъ генерала Томбера, перешли германскую границу къ сѣверу отъ Руанды и прибыли на востокъ отъ озера Мохази.

Итальянскія войска въ районѣ Тофана заняли важную позицію на высотѣ 2.835 метровъ надъ уровнемъ моря. На остальномъ протяженіи итальянскаго фронта наблюдались мелкія стычки, артиллерійская перестрѣлка и минная борьба.

27-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Къ сѣверу отъ м. Сморгони группа нѣмцевъ, послѣ сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня въ районѣ д. Пераплянка, начала накапливаться пе-

Библиотека "Руниверс"

редъ нашими проволочными загражденіями. Встрѣченная огнемъ артиллеріи и пѣхоты, она была вынуждена отойти назадъ. Въ ночь на 25-ое апрѣля германцы взорвали горнъ въ районѣ д. Новоселки, южнѣе м. Крево, послѣ чего, усиливъ огонь, пошли на штурмъ для захвата воронки. Отбивъ германскую атаку, мы заняли край воронки. Къ юго-востоку отъ Пинска непріятельская артиллерія развивала сильный огонь по участку нашихъ позицій западнѣе дер. Плещицы. У Чарторійска нами былъ подбитъ и принужденъ спуститься непріятельскій аэропланъ. Наблюдатель и летчики задержаны.

На кавказскомъ фронтѣ наступленіе турецкихъ частей въ мамахатунскомъ районѣ было остановлено нашимъ огнемъ. На багдадскомъ направленіи нами занятъ городъ Касри-Ширинъ, гдѣ мы захватили у турокъ запасъ въ нѣсколько сотъ тысячъ патроновъ, много артиллерійскихъ снарядовъ, ручныхъ бомбъ, телеграфнаго имущества и большой верблюжій транспортъ съ сухарями, рисомъ и сахаромъ; при преслѣдованіи наши войска, кромѣ того, отбили у противника три орудія.

27 апрѣля на лѣвомъ берегу рѣки Мааса, послѣ ожесточенной бомбардировки, германцы направили сильную атаку на французскія позиціи въ окрестностяхъ высоты 287. Атака вполнѣ успѣшно отражена. Въ руки французовъ достались нѣсколько плѣнныхъ. Небольшая наступательная операція нашихъ войскъ на западныхъ склонахъ Мортомма дала французамъ возможность занять нѣсколько частей германской траншеи, причемъ они взяли 62 плѣнныхъ и захватили два пулемета. На остальномъ фронтѣ день прошелъ сравнительно спокойно.

Въ Бельгіи 27-го апрѣля въ районахъ Рамскапелле, Диксмюде и Стеенстрате происходилъ артиллерійскій поединокъ.

28-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

На фронтѣ якобштадтскаго и двинскаго районовъ юго-западнѣе озера Нарочъ и на барановичскомъ направленіи непріятель на нѣсколькихъ участкахъ открывалъ сильный артиллерійскій огонь. Къ западу отъ Олыка нами успѣшно была отражена попытка значительныхъ силъ противника приблизиться къ нашимъ окопамъ. Въ районѣ Средней Стрыпы, къ востоку отъ Подгайцы, сорвался змѣйковый аэростатъ противника и упалъ въ тылу нашихъ войскъ у Гусятина.

На кавказскомъ фронтѣ наши части продвинулись къ западу и юго-западу отъ гор. Платаны. Въ бояхъ къ западу отъ ашкалинскаго района турками была окружена команда нашихъ нижнихъ чиновъ одной изъ дружинъ ополченія. Уводимые турками въ плѣнъ, эти дружинники, предпочитая славную смерть позорной сдачѣ въ плѣнъ, во главѣ съ унтеръ-офицеромъ Потіашвили бросились неожиданно на турецкій конвой и, одолѣвъ его, пробились и присоединились къ своей доблестной части. Наступательныя попытки турокъ на эрзинджанскомъ направленіи отражены нашимъ огнемъ.

28-го апрѣля во Франціи въ районѣ расположенія британскихъ войскъ происходила минная борьба близъ Фрикура, Сушэ, Гюллюха и Кюниши, но положеніе на фронтѣ осталось безъ всякаго измѣненія. Близъ Марикура, Сушэ, Піоптина и Сентъ-Элуа происходила артиллерійская перестрѣлка. Британская артиллерія бомбардировала непріятельскія позиціи близъ Буаселя, къ югу отъ Мессинъ.

Библиотека "Руниверс"

28-го апрѣля въ районѣ Вердена происходилъ довольно напряженный артиллерійскій бой въ участкѣ Авокура. На правомъ берегу рѣки Мааса ожесточенно бомбардировались французскія позиціи въ лѣсу Лакайетъ и ихъ вторыя линіи. Временами ураганный огонь артиллеріи наблюдался въ Веврѣ. На остальномъ фронтѣ выдающихся событій не было, кромѣ обычной канонады.

Офиціальное правительственное сообщеніе отъ 28-го апрѣля заявляетъ, что главная квартира ни разу за все время сраженія подъ Верденомъ не давала приказа объ отходѣ французскихъ войскъ на лѣвый берегъ Мааса. Всѣ приказы сводятся къ предписанію удерживаться на своихъ позиціяхъ. 12-го февраля главнокомандующій арміи, отправляя генерала Петэна, назначеннаго командовать верденскими войсками, издалъ приказъ, въ которомъ говорилось: «11-го февраля я приказалъ нашимъ войскамъ держаться на правомъ берегу Мааса, къ сѣверу отъ Вердена. Всякій начальникъ части, который прикажетъ отступать, будетъ преданъ военному суду».

28-го апрѣля на итальянскомъ фронтѣ въ бассейнѣ Плеццо послѣ успѣшной артиллерійской подготовки итальянскіе альпійскіе стрѣлки взяли приступомъ сильно защищенную линію траншей и редутовъ на вершинѣ горы Кукла и на восточныхъ склонахъ горы Ромбонъ. Въ этомъ дѣлѣ итальянцы захватили 123 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 4 офицеровъ, а, кромѣ того, четыре пулемета, большое число ружей, патроновъ и другого военнаго матеріала. Небольшія атаки непріятельской пѣхоты на позиціи итальянцевъ на горномъ кряжѣ Подгоры, на сѣверныхъ склонахъ горы Санъ-Микеле и къ юго-западу отъ Санъ-Мартино, на Карсо, были легко отражены итальянскими войсками.

Австро-германцы предоставили Фердинанду Кобургскому высшее командованіе надъ арміей на Балканахъ, хотя фактическое командованіе остается въ рукахъ Макензена.

29-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ:

Послѣ сильнаго артиллерійскаго огня нѣмцы 27-го апрѣля вечеромъ перешли въ наступленіе на участкѣ якобштадтскаго района, къ сѣверу отъ ст. Зельбургъ. Не добившись результатовъ, нѣмцы въ ночь на 28-ое, вновь обстрѣлявъ этотъ же районъ, вторично перешли въ наступленіе. Бой продолжался у дер. Епукнъ, разрушенной непріятельской артиллеріей. Юго-западнѣе озера Медмускаго нѣмцы также переходили въ наступленіе, но успѣха не имѣли. На многихъ другихъ участкахъ якобштадтскаго и двинскаго районовъ нѣмцы открывали оживленный артиллерійскій огонь. Къ сѣверу отъ Цирина сѣверо-восточнѣе ст. Барановичи германская артиллерія обстрѣляла районъ господскаго двора Осташинъ—дер. Бояры (къ сѣверу отъ Цирина). Нашей артиллеріей во многихъ пунктахъ разгонялись непріятельскіе рабочіе, работавшіе по укрѣпленію позицій. Въ районѣ къ востоку отъ Колки и у Н.-Олексинца отбиты попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ ашкалинскомъ районѣ наши части нѣсколько продвинулись въ западномъ направленіи. На багдадскомъ направленіи, въ Месопотаміи, нами отражена наступательная попытка турокъ. Въ районѣ гор. Касри-Ширина мы захватили у противника одно орудіе австрійскаго образца и запасъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Библиотека "Руниверс"

29-го апрѣля на лѣвомъ берегу рѣки Мааса происходившіе въ теченіе дня мѣстные бои дали французамъ возможность значительно распространить ихъ позиціи къ юго-востоку отъ Окуръ. Въ районѣ Мортоммъ—Кюмьеръ происходила довольно сильная бомбардировка. На правомъ берегу рѣки Мааса германцы подвергли ожесточенному артиллерійскому обстрѣлу французскія первыя и вторыя линіи между Одромонскимъ лѣсомъ и лѣсомъ Во. Германская атака, направленная противъ французскихъ траншей къ юго-востоку отъ форта Дуомонъ, была совершенно отражена. На остальномъ протяженіи фронта въ теченіе дня 29-го апрѣля происходили артиллерійскіе бои, имѣвшіе особенно оживленный характеръ въ Шампани и въ Вогезахъ.

Въ ночь съ 29-го на 30-ое апрѣля на лѣвомъ берегу Мааса происходила непрерывная артиллерійская борьба въ участкахъ Авокурскаго лѣса и высоты 304. Въ теченіе ночи французы еще немного продвинулись впередъ у высоты 297. На правомъ берегу Мааса 29-го апрѣля къ вечеру германцы возобновили свои атаки на французскія траншеи къ юго-востоку отъ форта Дуомонъ. Однако, несмотря на ожесточенный артиллерійскій огонь, предшествовавшій приступамъ, французы нигдѣ не отступили и отбили всѣ атаки непріятеля, нанеся ему тяжелый уронъ. Другія попытки непріятеля атаковать въ теченіе ночи французскія позиціи къ сѣверу отъ фермы Тіомонъ были точно также остановлены нашимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ. У Эпаржа сильный развѣдочный отрядъ непріятеля, послѣ предварительной бомбардировки пытавшійся подойти къ французскимъ линіямъ, не былъ въ состояніи выйти изъ своихъ окоповъ. Въ Парруасскомъ лѣсу и у Бандесапта происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка.

Повторныя попытки германцевъ занять бельгійскія траншеи на берегу Изера были отражены. Бельгійской артиллеріей разрушены германскія оборонительныя укрѣпленія къ сѣверу отъ Диксмюде.

Британскія войска во Франціи ночной атакой отбили траншеи, захваченныя непріятелемъ наканунѣ.

Германцы подвергли обстрѣлу греческую дер. Мажордаръ, причемъ было убито 14 и ранено 5 человѣкъ мирнаго населенія.

30-го апрѣля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На Огинскомъ каналѣ непріятельская артиллерія обстрѣливала сильнымъ огнемъ участокъ нашей позиціи противъ м. Телеханы. Въ районѣ къ югу отъ Припяти партіи противника проявили большую дѣятельность, причемъ мѣстами дѣло доходило до штыковъ. Въ районѣ къ юго-востоку отъ Колки и въ районѣ Н. Почаева отбиты попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ.

На кавказскомъ фронтѣ на эрзинджанскомъ направленіи наши полевыя части войскъ, совмѣстно съ дружинами ополченія, лихой ночной атакой овладѣли высокимъ горнымъ массивомъ, командующимъ надъ принадлежащей къ нему мѣстностью и сильно укрѣпленнымъ противникомъ. Въ этомъ дѣлѣ нами взято въ плѣнъ 30 офицеровъ и 365 аскеровъ. Наступленіе турокъ въ мамахатунскомъ районѣ легко отражено нашими передовыми войсками. На лѣвомъ флангѣ арміи одна изъ нашихъ колоннъ, разбивъ въ двухдневномъ бою турокъ, взяла плѣнныхъ и захватила одно исправное орудіе, болѣе 2.000 винто-

Библиотека "Руниверс"

вокъ, нѣсколько десятковъ тысячъ патроновъ, много пороха и военнаго снаряженія.

30-го апрѣля въ районахъ Пронъ и Сентъ-Илеръ Ле-Гранъ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. На лѣвомъ берегу Мааса въ теченіе дня 30-го апрѣля артиллерійскій бой значительно ослабѣлъ. Французы отбили атаку, произведенную германцами на французскія позиціи къ западу отъ высоты «304». Попытка германцевъ произвести внезапную атаку на сѣверо-восточные склоны Мортомма потерпѣла полную неудачу. На правомъ берегу Мааса и въ Веврѣ, какъ равно и на остальномъ протяженіи фронта, день 30-го апрѣля прошелъ относительно спокойно.

Атаки германскихъ войскъ въ Восточной Африкѣ въ районѣ Кондоа—Иранги отражены британскими войсками. Бельгійскія войска въ Руандѣ проникли въ Кигали.

1-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ къ юго-западу отъ Олыка нашимъ огнемъ произведенъ взрывъ на батареѣ противника. На Средней Стрыпѣ непріятельскія партіи пытались приближаться къ нашимъ окопамъ, но были разсѣиваемы нашихъ огнемъ; захвачены плѣнные.

На кавказскомъ фронтѣ на байбуртскомъ направленіи атаки турокъ были нами повсюду отбиты съ большими для непріятеля потерями.

На эрзинджанскомъ направленіи, въ районѣ Ашкалы, турки, сосредоточивъ большія силы, перешли въ наступленіе и послѣ упорнаго боя, длившагося цѣлый день, мѣстами потѣснили наши передовыя части, послѣ чего наступленіе врага, понесшаго жестокія потери отъ нашего огня, прекратилось. На мосульскомъ направленіи наши войска заняли въ Месопотаміи районъ Ревандуза. Разбитыя части противника, при поспѣшномъ отступленіи, бросили три орудія, много ружей, патроновъ, неиспользованныхъ снарядовъ и канцелярію одного изъ отрядовъ.

Въ ночь на 1-ое мая, послѣ сильной бомбардировки по траншеямъ британскихъ войскъ на французскомъ фронтѣ между Соммой и Марикуромъ непріятель произвелъ три атаки, но былъ немедленно выбитъ. Нѣсколько труповъ германцевъ замѣчены у британскихъ проволочныхъ загражденій. Англичанами было взято 100 человѣкъ въ плѣнъ. Колонна нѣмцевъ въ окрестностяхъ Плегстритскаго лѣса проникла въ британскія траншеи, но была тотчасъ же выбита оттуда. Двѣ другія колонны были разсѣяны шотландскими войсками.

Британскій патруль занялъ непріятельскія траншеи къ югу отъ канала Лабассэ.

1-го мая въ Аргоннахъ у Фильмортъ французы взорвали двѣ мины, причемъ взрывомъ была разрушена германская траншея. Въ районѣ Вердена на различныхъ участкахъ происходила съ перерывами бомбардировка; пѣхотныхъ боевъ не было. Французскія войска близъ Вермандовиллеръ внезапнымъ нападеніемъ очистили отъ непріятеля германскіе окопы первой линіи.

Итальянскія войска отразили непріятельскія атаки на Кукла и на высотѣ Лучинико.

2-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ

Библиотека "Руниверс"

войскъ генерала Эверта непріятельская артиллерія во многихъ мѣстахъ открывала оживленный артиллерійскій огонь.

На кавказскомъ фронтѣ на мамахутунскомъ направленіи наблюдались удачныя дѣйствія нашихъ развѣдывательныхъ частей. На діарбекирскомъ направленіи наступленіе курдовъ отбито было огнемъ. На мосульскомъ направленіи наши войска ворвались въ гор. Ревандузъ и захватили военные склады. Противникъ поспѣшно отступилъ, бросая по пути обозы и снаряженіе; наша конница преслѣдовала его по пятамъ.

2-го мая въ Шампани послѣ артиллерійскаго обстрѣла непріятелемъ района Дюмениль—Мезонъ-де-Шампань послѣдовалъ рядъ одновременныхъ атакъ слабыми силами на различныхъ пунктахъ этого фронта. Всѣ эти атаки, остановленныя заграждающимъ огнемъ или отбитыя французскими контръ-атаками, остались тщетными.

Въ верденскомъ районѣ происходилъ съ перерывами артиллерійскій обстрѣлъ нашихъ первыхъ и вторыхъ линій къ западу отъ рѣки Мааса. На маасскихъ высотахъ, подготовленное французской артиллеріей внезапное нападеніе имѣло полный успѣхъ. Французскіе патрули очистили непріятельскія траншеи на фронтѣ приблизительно въ 200 метровъ и увели плѣнныхъ. Французская артиллерія обстрѣляла непріятельскіе отряды, обнаружившіеся на дорогѣ Эссэ—Паннъ, къ юго-западу отъ Тіокура.

Итальянскіе альпійскіе стрѣлки въ районѣ Адамело окончательно заняли горный кряжъ между Фаргорида и Ларресъ. Германская эскадра изъ шести миноносцевъ, блокировавшая входъ въ Гетеборгъ, задержала три шведскихъ парохода и восемь нейтральныхъ и увела ихъ въ Германію. Атака германцевъ на португальскій постъ Нхика, на рѣкѣ Ровумѣ, въ Восточной Африкѣ, отбита съ большими для нѣмцевъ потерями.

3-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Въ районѣ озера Должа (сѣвернѣе озера Медзіолъ) около восьми часовъ вечера нѣмцы повели наступленіе на наши окопы съ значительными поддержками, причемъ частью имъ удалось ворваться въ наши передовые окопы. Нашей контръ-атакой нѣмцы отброшены обратно въ свои окопы. Въ районѣ къ сѣверу отъ озера Медзіолъ противникъ въ теченіе ночи съ 1-го на 2-ое мая велъ сильный артиллерійскій огонь. Надъ многими пунктами нашего расположенія непріятельскіе аэропланы бросали бомбы. Въ Галиціи въ районѣ сѣвернѣе Брзежанскаго шоссе и въ районѣ Нижней Стрыпы противникъ пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но былъ отраженъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ діарбекирскомъ направленіи нашимъ огнемъ прекращена наступательная попытка турокъ. На мосульскомъ направленіи наше продвиженіе впередъ продолжается.

3-го мая въ Шампани непріятельскій отрядъ, пытавшійся захватить врасплохъ одинъ изъ французскихъ небольшихъ постовъ въ районѣ Менильскаго холма, былъ отраженъ ручными гранатами. Въ Аргоннахъ происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой на участкахъ Фуръ-де-Пари, Куртшоссъ и Вокуа. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса велась довольно сильная бомбардировка въ районѣ лѣса Авокуръ, высоты 304 и Мортомма. Попытка атаки француз-

Библиотека "Руниверс"

скихъ позицій къ западу отъ высоты 304 остановлена французскимъ заграждающимъ огнемъ. Къ востоку отъ рѣки Мааса и въ Веврѣ временами ураганный огонь артиллеріи. На остальномъ протяженіи фронта шла съ перерывами артиллерійская перестрѣлка.

Къ югу отъ Эбютерна двѣ попытки непріятеля проникнуть въ британскія траншеи потерпѣли полную неудачу, третій отрядъ проникъ въ британскія траншеи лишь на короткій срокъ. Въ Вими ланкаширскіе стрѣлки заняли послѣ взрыва минъ непріятельскія траншеи на пространствѣ 250 ярдовъ.

На границѣ Трентино непріятель произвелъ атаку на часть итальянскаго фронта между долиной Адидже и верхнимъ теченіемъ Астико. Итальянцы отступили на главныя оборонительныя линіи. Послѣ ожесточеннаго боя въ районѣ Монфальконе итальянцы во время контръ-атаки взяли 254 плѣнныхъ и два пулемета. Непріятельскіе аэропланы совершили налетъ на Венецію и Местре, Удине и Тревизо. Результатъ былъ сравнительно ничтожный.

4-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Попытки нѣмцевъ наступать въ районѣ южнѣе оз. Оболе были отбиты. Въ районѣ Митаво-Крейцбургской желѣзной дороги противникомъ было выпущено въ сторону нашихъ окоповъ два облака удушливыхъ газовъ. Въ районѣ оз. Свентенъ наши войска, сбивъ передовыя части противника и прорвавъ его проволочныя загражденія, ворвались въ окопъ нѣмцевъ, часть его защитниковъ перекололи, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Въ ночь на 3 мая въ районѣ Новоселки (южнѣе Крево) нами взорванъ горнъ, воронку котораго мы закрѣпили за собой. Атака нѣмцевъ для захвата воронки отбита нашимъ огнемъ съ большими для противника потерями. Къ западу отъ Олыка наши части продвинулись впередъ. Въ этомъ же районѣ нами подбитъ непріятельскій прожекторъ. Восточнѣе Езерна оживленная перестрѣлка, причемъ нашей артиллеріей разбиты блиндажи противника. Сѣвернѣе Бояна австрійцы пытались наступать, но огнемъ были загнаны въ свои окопы.

На Кавказскомъ фронтѣ на діарбекирскомъ направленіи наступленіе турокъ было нами отбито.

У Вердена происходили сильные артиллерійскіе бои въ участкахъ Авокурскаго лѣса и высоты «304», и между Дуомономъ и Во. Сбиты три германскихъ летательныхъ апарата.

На Балканскомъ фронтѣ союзники у Дойранскаго озера заняли Дова-тепе и продвинулись къ Битолю. Около Пороя греки захватили въ плѣнъ болгаръ, одѣтыхъ въ германскіе мундиры.

Бой британскихъ и германскихъ контръ-миноносцевъ у бельгійскаго побережья окончился бѣгствомъ германскихъ судовъ въ свои стоянки.

Итальянскимъ гидропланомъ вызванъ пожаръ австрійскихъ ангаровъ около Тріеста. Къ востоку отъ Сельца и Монфальконе итальянцы отбили всѣ атаки австрійцевъ, взявъ свыше ста плѣнныхъ.

5-го мая въ районахъ Пулкарна, Олыка и Н.-Олексинца противникъ пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но былъ отраженъ огнемъ. На прочихъ участкахъ фронта наблюдалась обычная перестрѣлка.

Библиотека "Руниверс"

На Кавказскомъ фронтѣ на діарбекирскомъ направленіи происходили столкновенія передовыхъ частей.

5-го мая между Уазой и Эномъ сильный развѣдочный отрядъ непріятеля попытался подойти къ французскимъ линіямъ въ окрестностяхъ Кенневьера, но былъ разсѣянъ контръ-атакой, оставивъ на мѣстѣ убитыхъ. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса, послѣ оживленной артиллерійской подготовки, германцы неоднократно въ теченіе ночи съ четвертаго на пятое мая пытались захватить редутъ въ Авокурскомъ лѣсу, но каждый разъ были отражаемы огнемъ. Непріятель понесъ весьма серьезныя потери. Французы, со своей стороны, къ сѣверу отъ высоты 287, около трехъ часовъ утра, совершили внезапное нападеніе на германскія траншеи, защитники которыхъ были частью убиты, частью взяты въ плѣнъ. Въ томъ же часу французскія войска захватили послѣ ожесточеннаго боя небольшой, сильно укрѣпленный непріятельскій фортъ на сѣверо-восточномъ склонѣ высоты 304.

На правомъ берегу рѣки Мааса и въ Веврѣ велась артиллерійская перестрѣлка. На лѣвомъ берегу Мааса непріятель, послѣ ожесточенной предварительной бомбардировки, произвелъ около пяти часовъ дня пятаго мая сильную атаку на наши позиціи у Авокурскаго лѣса и высоты 304. Однако своимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ мы остановили германцевъ, которые, повидимому, понесли при этомъ тяжелыя потери.

Итальянскія войска отразили атаки непріятеля на позиціи на склонахъ Монто-Пари.

6-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

При обстрѣлѣ непріятельской артиллеріи въ районѣ Менцендорфъ нами произведенъ взрывъ на одной изъ батарей противника. Къ сѣверо-западу отъ Кременца наши минеры, обнаруживъ минную работу австрійцевъ, проникли къ галереѣ противника и внезапно ворвались въ нее. Австрійцы, застигнутые врасплохъ, бѣжали, оставивъ на мѣстѣ всю матеріальную часть. Попытка противника вернуть галерею отбита ручными гранатами. Въ Галиціи, къ сѣверу отъ Топоровце, наши развѣдчики, отрѣзавъ значительную партію противника отъ проволочныхъ загражденій, уничтожили ее.

6-го мая британское адмиралтейство сообщило замедленную передачей телеграмму командира средиземной эскадры, въ которой говорится:

«Въ ночь на тридцатое апрѣля небольшой мониторъ «m 30» былъ обстрѣлянъ непріятельской артиллеріей, причемъ на немъ произошелъ пожаръ, быстро, однако, потушенный. Во время бомбардировки двое было убито и двое ранено. О гибели самаго судна, о которой говорилось въ турецкомъ сообщеніи, не имѣется никакихъ свѣдѣній. Турецкое сообщеніе опровергается уже тѣмъ, что приведенная телеграмма получена два дня спустя послѣ боя. Въ настоящее время выяснилось, что и британское сообщеніе о гибели судна было преждевременно».

6-го мая на лѣвомъ берегу рѣки Мааса, на фронтѣ между лѣсомъ Авокуръ и высотой «304» и въ районѣ Мортомма продолжался ожесточенный артиллерійскій бой. Непріятель не дѣлалъ въ теченіе дня попытокъ перейти въ атаку. На правомъ берегу рѣки Мааса и въ Веврѣ происходила средняго напряженія артиллерійская перестрѣлка. На остальномъ протяженіи фронта, за исклю-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ Шампани и Вогезъ, гдѣ французская артиллерія проявила особенно сильную дѣятельность, день 6-го мая прошелъ сравнительно спокойно.

Итальянскія войска заняли вершину Сарка въ районѣ Адамелло, захватили плѣнныхъ и военную добычу. Въ виду сильнаго обстрѣла линія Монте-Маджіо—Саліо д'Аспіо, итальянцы отступили въ порядкѣ на позиціи, расположенныя позади нихъ, гдѣ и укрѣпились. Въ долинѣ Сугана непріятель, атаковавшій итальянскія позиціи отъ долины Маджіо до Монте-Колло, всюду былъ отброшенъ.

7-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что у Дарево, къ юго-востоку отъ Барановичей, противникъ, послѣ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла, пытался приблизиться къ нашимъ окопамъ, но былъ легко отбитъ огнемъ. На остальномъ фронтѣ велась обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка, болѣе оживленная въ районахъ Икскюля, Иллукста, Сморгони, Верхней Стрыпы и Тарнополя.

Въ Персіи наши войска, занявъ гор. Саккызъ, продвинулись къ сел. Бана.

Къ 7-го мая верденское сраженіе возобновилось съ удвоенною силой.

«Къ сѣверо-западу отъ Руа, какъ гласитъ французское офиціальное сообщеніе отъ седьмого мая, наша артиллерія подвергла обстрѣлу непріятельскіе склады провіанта, вызвавъ въ нихъ нѣсколько пожаровъ. Къ сѣверу отъ Суассона два сильныхъ германскихъ развѣдочныхъ отряда разсѣяны нашимъ огнемъ. Въ Шампани намъ удалось внезапнымъ ударомъ проникнуть къ сѣверо-западу отъ Виль-сюръ-Турбъ въ непріятельскія линіи, причемъ занимавшіе ихъ германцы были частью убиты, частью взяты въ плѣнъ. На лѣвомъ берегу Мааса германцы послѣ крайне напряженной бомбардировки послѣ полудня повели атаку большими силами во всемъ районѣ Мортомма. Въ участкѣ къ востоку отъ Мортомма непріятель, было успѣвшій проникнуть въ наши передовыя линіи, контръ-атакой былъ выбитъ изъ нихъ, понеся серьезныя потери. Въ западномъ секторѣ и на сѣверныхъ склонахъ Мортомма послѣ цѣлой серіи безрезультатныхъ приступовъ, весьма кровопролитныхъ для германцевъ, благодаря нашему заградительному огню и огню нашей пѣхоты, непріятелю удалось въ концѣ дня седьмого мая занять нѣсколько частей нашей передовой траншеи.

«Непріятельскія части, продвинувшіяся до нашей второй линіи подъ дѣйствіемъ сосредоточеннаго огня нашихъ орудій, въ безпорядкѣ отступили, оставивъ на мѣстѣ много труповъ. Артиллерія въ теченіе дня 7-го мая проявляла усиленную дѣятельность въ районѣ Авокура и высоты 304. Бомбардировка съ перерывами происходила также на правомъ берегу Мааса и въ Веврѣ. Въ районѣ Вердена выстрѣлами съ одного изъ нашихъ вооруженныхъ автомобилей сбитъ германскій аэропланъ.

«На лѣвомъ берегу рѣки Маасъ германцы въ теченіе ночи съ 7-го по 8-е мая продолжали свои атаки противъ позицій у Мортомма. Непріятелю, отраженному на восточномъ направленіи огневой завѣсой, о которую разбились всѣ его усилія, удалось занять одну изъ нашихъ траншей первой линіи на склонахъ къ западу отъ Мортомма. Къ востоку отъ рѣки Мааса происходилъ энергичный артиллерійскій бой въ районѣ форта Во. Пѣхотныхъ боевъ ночью не было. Въ Лотарингіи германцамъ, путемъ внезапнаго нападенія, послѣдовавшаго послѣ

Библиотека "Руниверс"

ожесточенной бомбардировки, удалось проникнуть въ одну изъ нашихъ траншей къ западу отъ Шазелль. Огонь нашей артиллеріи и нашихъ пулеметовъ заставилъ непріятеля вернуться въ свои линіи, оставивъ убитыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія».

7-го мая на итальянскомъ фронтѣ между долиной Вераньоло и Верхнимъ Астино непріятельское наступленіе рѣшительно сдерживается итальянскими войсками; атаки австрійцевъ на плоскогорьѣ Азіаго разбились объ упорное сопротивленіе итальянцевъ.

Германцами произведенъ былъ налетъ на восточное побережье графства Кентъ. Въ сѣверномъ морѣ потопленъ британскій пароходъ «Researsh».

8-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ о томъ, что попытки нѣмцевъ наступать въ районѣ Иллукста и къ сѣверу отъ оз. Ильзенъ были отбиты нашимъ огнемъ съ большими для противника потерями. На остальномъ фронтѣ боевыя дѣйствія ограничивались артиллерійской и ружейной перестрѣлкой, наиболѣе интенсивной на двинскомъ участкѣ и къ югу отъ Сморгони и Крево.

Въ двинскомъ районѣ и къ сѣверу отъ озера Мядзіолъ нѣмцы стрѣляли разрывными пулями.

На Мосульскомъ направленіи Кавказскаго фронта наши части продолжали продвигаться впередъ.

8-го мая на лѣвомъ берегу рѣки Мааса бой продолжался весь день съ тѣмъ же ожесточеніемъ на фронтѣ между лѣсомъ Авокуръ и Маасомъ. Возлѣ дороги Энъ—Окуръ атака французскихъ войскъ дала возможность захватить двѣ германскія траншеи. Небольшое полевое укрѣпленіе, которое непріятель занялъ 5-го мая къ югу отъ высоты 287 было совершенно разрушено французскимъ артиллерійскимъ огнемъ. Непосредственно къ востоку отъ высоты 304 непріятель направилъ на позиціи французовъ атаку. На мгновеніе ему удалось проникнуть въ французскія траншеи первой линіи, но онъ тотчасъ же былъ совершенно вытѣсненъ. На склонахъ къ западу отъ Мортомма ожесточенное наступленіе бригады непріятеля было остановлено огнемъ французскихъ пулеметовъ и контръ-атаками гренадеръ. Непріятельскія колонны, наступавшія послѣдовательными волнами, были обстрѣляны французскими батареями и принуждены отхлынуть назадъ. На правомъ берегу рѣки Мааса артиллерійскій бой отличался большимъ ожесточеніемъ на участкѣ Дуомонъ. Послѣ оживленной атаки французскія войска захватили каменоломни Одромонъ, сильно укрѣпленныя непріятелемъ; французы взяли 80 плѣнныхъ и захватили четыре пулемета. На остальномъ фронтѣ съ перерывами шелъ артиллерійскій бой. Дѣятельное участіе приняли также и летчики. Такъ, 53 французскихъ, британскихъ и бельгійскихъ аппарата совершили налетъ на германскія расположенія въ Вейвеге и Гистели и сбросили 250 снарядовъ.

Въ районѣ между Астико и Брентой итальянцы упорными атаками взяли приступомъ отнятыя непріятелемъ раньше укрѣпленія и захватили сотни плѣнныхъ.

Турки очистили передовыя позиціи у Бетайесы, на правомъ берегу Тигра. Генералъ Горрингъ атаковалъ и взялъ Дуджайскій редутъ. Въ Египтѣ кон-

Библиотека "Руниверс"

ный отрядъ австралійцевъ и новозеландцевъ успѣшно атаковалъ непріятеля у Багоуда и Могейбры. Непріятель бѣжалъ. Британскія военныя суда, аэропланы и гидропланы успѣшно бомбардировали Эль-Аришъ,важный пунктъ непріятельской линіи сообщеній между Сиріей и Египтомъ.

9-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ д. Острова (сѣвернѣе озера Нарочъ) вечеромъ 7-го мая нѣмцы послѣ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла пытались нѣсколько разъ переходить въ наступленіе, но каждый разъ были отбиваемы нашимъ огнемъ. Въ районѣ къ юго-западу отъ оз. Нарочъ наша артиллерія разсѣяла большое скопленіе нѣмцевъ. Въ районѣ д. Костюхновки (сѣверо-западнѣе Чарторійска) нами отбито наступленіе частей противника. На остальномъ фронтѣ нашихъ армій отъ Рижскаго залива до румынской границы—перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

На Балтійскомъ морѣ наша подводная лодка потопила три германскихъ парохода.

На діарбекирскомъ направленіи Кавказскаго фронта столкновенія передовыхъ частей.

9-го мая бой подъ Верденомъ продолжался съ крайнимъ напряженіемъ на пространствѣ 25 километровъ. Германцы ведутъ непрерывныя атаки, но французы съ своей стороны противодѣйствуютъ имъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ, причемъ много содѣйствія оказываютъ въ этой борьбѣ энергичные безстрашные полеты французскихъ авіаторовъ.

9-го мая французская главная квартира опубликовала слѣдующее заявленіе:

Атакуя нынѣ Верденъ, германцы прибѣгаютъ, повидимому, къ тѣмъ же способамъ дѣйствія, которые они примѣняли при началѣ наступленія. Не будучи въ состояніи вести атаки на фронтѣ въ 10—15 километровъ, непріятель ограничивается наступленіемъ на небольшихъ участкахъ фронта, дабы усилить интенсивность артиллерійскаго огня.

Примѣненіемъ этого принципа являются операціи противъ высоты 304, составляющей лѣвый флангъ французской оборонительной линіи на лѣвомъ берегу Мааса.

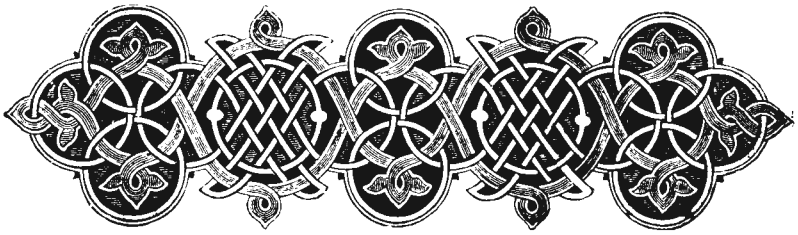
Онѣ начались уже 3-го мая и велись до 9-го, но 7-го мая германцы развили наибольшее усиліе. Противъ высоты 304 они ввели въ дѣло не менѣе четырехъ дивизій и сосредоточили огонь около 80 батарей, преимущественно тяжелыхъ калибровъ, которыя выпустили въ теченіе двухъ сутокъ огромное количество снарядовъ. Несмотря на такую усиленную артиллерійскую подготовку, атаки нѣмцевъ были отбиты съ ужасными потерями. Въ результатѣ германцамъ удалось лишь захватить нѣсколько французскихъ траншей на сѣверныхъ склонахъ высоты 304.

Непріятель, несмотря на свои усилія, не былъ въ состояніи занять самый хребетъ, овладѣніе которымъ открыло бы ему наши позиціи слѣдующей линіи. Очевидно, что въ данномъ случаѣ онъ цѣли своей не достигъ.

Въ районѣ Мортоммъ французскія войска взяли перевѣсъ надъ непріятелемъ, измученнымъ долгой борьбой, наши атаки въ теченіе 3-го, 4-го и 10-го мая дали намъ возможность расширить значительно наши опорные пункты сѣвернѣе и западнѣе Мортоммъ.

7-го мая на правомъ берегу Мааса непріятель послѣ атаки, поведенной тремя дивизіями противъ французскихъ позицій у фермы Тіомонъ, захватилъ лишь 19 метровъ нашихъ траншей, изъ которыхъ онъ былъ въ слѣдующіе дни выбитъ.

Библиотека "Руниверс"



ТОРГОВЫЙ ДОМЪ БАХВАЛОВА СЫНОВЬЯ [1].

(Романъ изъ купеческой жизни).

XXVII.

ТОРАЯ недѣля пошла со дня похоронъ бабиньки и Ниночки.

У легкомысленныхъ обитательницъ бабьяго царства,—кромѣ, впрочемъ, генеральши, которая никакъ не могла войти въ прежнюю колею,—уже начали изглаживаться тяжелыя впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что онѣ были поглощены новыми, болѣе пріятными переживаніями. Провожали Аграфену Асафовну и Лидію Викуловну за границу.

Обѣ, и мать и дочь, какъ, только сдѣлались обладательницами крупныхъ денегъ, не могли уже усидѣть на мѣстѣ.

Обѣ рвались въ манящую, дразнящую даль, и обѣ въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ какъ бы нашли другъ друга и обрадовались.

Сразу выявились общія родственныя черты характера и нравовъ, и появилась интимная слабость.

Смѣшными казались теперь Лидіи ея порыванія на сцену, на курсы... Все это было такое жалко сравнительно съ тѣмъ, что рисовалось ей. А Аграфена Асафовна бредила Парижемъ, одна мысль о которомъ пьянила ее, и тоже дикой и нелѣпой представлялась

[1]) Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXLIV, стр. 577.

Библиотека "Руниверс"

ей ея жизнь въ Бахваловскомъ домѣ съ подчиненіемъ его режиму, съ тѣми уступками, которыя ей приходилось дѣлать, и съ тѣми жалкими сотнями рублей, которыя, по распоряженію Бахвалова, ежемѣсячно выдавала ей контора.

Жадность къ жизни, къ ея радостямъ и утѣхамъ, притаившаяся было въ ней, внезапно проснулась и забила ключомъ.

Всѣ движенія ея стали быстры, порывисты и, останавливаясь передъ зеркаломъ, она смотрѣла на себя и съ восхищеніемъ, счастливая, возбужденная, повторяла:

— Пятнадцать лѣтъ съ плечъ долой!

И обращалась къ дочери:

— Лидочка, я помолодѣла. Парижъ! Парижъ! Вотъ ты увидишь, что это за городъ. Тамъ самый воздухъ напоенъ радостью жизни. О, я знала, я чувствовала, что это прозябаніе не могло продолжаться, Я не создана для него. Какая милая вещь деньги! Я люблю ихъ. И онѣ меня любятъ. Я, вѣдь, никогда не держала ихъ въ неволѣ. Я всегда говорила имъ: идите, мои милыя, гуляйте по свѣту. Мы еще поживемъ съ тобой, Лида.

И обѣ торопились, не хотѣли даже дождаться сорокового дня.

Проводы рѣшено было устроить грандіозные.

Вначалѣ смущалъ какъ будто немного трауръ, но соблазнъ повеселиться одержалъ верхъ надъ всѣми возраженіями.

Рѣшено было тѣсной компаніей, безъ лишнихъ людей поѣхать въ загородный ресторанъ и, никому ничего не говоря, втихомолку отпировать заодно и проводы и помолвку Раисы съ Гиршфельдомъ.

Хоть отлично было извѣстно, что съ бахваловскими широкими вкусами и повадками, съ ихъ манерой веселиться это втихомолку и въ тѣсной компаніи грозило развернуться въ одинъ изъ тѣхъ кутежей, о которыхъ потомъ судачилъ весь городъ и долго ходили легендарные разсказы среди пѣвчанокъ, хористокъ и трактирныхъ завсегдатаевъ.

Ввиду исключительности торжества на нѣсколько часовъ отмѣнялся трауръ, и дамы должны были одѣться со всей роскошью и пышностью, какія только были имъ доступны.

Генеральша знала объ этихъ приготовленіяхъ, но не принимала въ нихъ участія, и всѣ знали, что ее нечего и приглашать: не поѣдетъ.

Часамъ къ девяти вечера бахваловскій приказчикъ подкатилъ на автомобилѣ къ излюбленному Бахваловыми загородному ресторану, и прямо прошелъ къ управляющему въ контору.

— Зимній садъ и большой залъ приказали Сосипатръ Викуловичъ освободить,—говорилъ Сеня:—отъ посторонней публики совершенно очистить. Желаютъ въ своей компаніи повеселиться. Ужъ вы, пожалуйста, поторопитесь. Я такъ полагаю, часамъ къ одиннадцати нагрянутъ, а, можетъ, и того раньше.

Библиотека "Руниверс"

И торопился опять сѣсть въ автомобиль, чтобы катить назадъ и успѣть по дорогѣ исполнить всѣ данныя ему порученія.

Самое трудное изъ нихъ было найти во что бы то ни стало Карманъ-Лелѣева, который по вечерамъ никогда не бывалъ дома, и привезти его, если еще будетъ рано, къ Сосипатру или къ Бахваловымъ, а если уже будетъ поздно, то прямо въ ресторанъ.

Въ послѣднемъ къ десяти часамъ ни въ бѣломъ нарядномъ залѣ, убранномъ тропическими растеніями, ни въ зимнемъ саду не было ни души.

Посѣтителей направляли въ малый залъ и въ галерею.

А когда являлись лица, пользовавшіяся здѣсь уваженіемъ, «осетры», какъ говорили про нихъ лакеи, навстрѣчу имъ, семеня коротенькими ножками, въ безукоризненномъ фракѣ съ брильянтовыми запонками въ пластронѣ, выходилъ почтенный старичекъ, розовый, сѣденькій, съ наружностью въ высшей степени благообразной и барственной.

И, чуть-чуть шепелявя и въ носъ, любезно улыбаясь, говорилъ:

— Ужъ извините, господа. Очень прошу выбрать любой кабинетъ. Въ большой залъ не могу васъ пригласить.

А кой-кому изъ «осетровъ» потихоньку отъ другихъ шепталъ на ушко:

— Бахваловыхъ ждемъ сегодня. Въ своей компаніи желаютъ вечеръ провести.

— Такъ бы и говорилъ, ваше сіятельство,—отвѣчали ему.

А его сіятельство,—это было настоящее и очень родовитое сіятельство, скушавшее два или три состоянія,—уже улыбался навстрѣчу новому гостю.

Въ двѣнадцатомъ часу на тройкахъ и на автомобиляхъ подкатила компанія и съ громкимъ говоромъ и хохотомъ ввалилась въ сѣни. Всѣ уже были веселы. Уже по дорогѣ откупорили нѣсколько бутылокъ съ крѣпкими водками для мужчинъ, съ доппелькюмелемъ и ликерами для дамъ и, пока ѣхали, осушили ихъ всѣ.

Но всѣ еще держались въ рамкахъ приличія, а дамы даже чопорно. Да собрались еще не всѣ. Не было души всякой кутежной компаніи Сосипатра, не было и Карманъ-Лелѣева, про котораго въ Москвѣ говорили, что пословица: «Пьянъ, да уменъ—два угодья въ немъ», сочинена именно про него.

Не было и Гиршфельда, который и дневалъ и ночевалъ въ бѣломъ домѣ, но который обѣщалъ попозднѣе вырваться и пріѣхать.

Зато Зинаида привезла своего доктора, а тотъ прихватилъ съ собой двухъ коллегъ, совершенно никому не извѣстныхъ и имѣвшихъ такой мизерный видъ, что Раиса, оглядѣвъ ихъ, сказала Лидіи:

— Ну, что жъ, пусть ихъ поѣдятъ.

Библиотека "Руниверс"

Сама Раиса привезла съ собой пожилого старомодно одѣтаго барона и молодого польскаго графа.

Оба глядѣли ей въ глаза, и оба похожи были на большихъ голодныхъ, глупыхъ и часто битыхъ псовъ, которые ждутъ, когда имъ бросятъ кусокъ.

Лидія просила съ собой поѣхать Ивана, но онъ рѣшительно отказался.

Явился его сіятельство, подошелъ дамамъ къ ручкѣ и спросилъ, не желаютъ ли онѣ чего-нибудь.

И распорядился, чтобы передъ каждой изъ дамъ поставлены были цвѣты.

Лакеи стали подавать чай, а къ нему варенья, сласти, конфеты и торты, а въ сторонѣ на большомъ столѣ уже разставляли закуски. Въ просторномъ высокомъ залѣ было холодновато, какъ-то пусто.

— Не понимаю,—сказала Аграфена Асафовна: — почему не взяли просто большой кабинетъ,—было бы уютнѣе и теплѣе.

— Ну, вотъ еще,—возразила Зинаида.—Тутъ по крайней мѣрѣ есть гдѣ развернуться. Вѣдь, пока только мы одни, а вотъ привезутъ этихъ дамъ...

— А развѣ будутъ и эти дамы?—спросила Аграфена Асафовна.

— Слава Богу! Гдѣ же вы были?—вмѣшалась Раиса.—Для чего же тогда и ресторанъ? Наѣсться до отвалу и напиться до бѣлаго слона можно, вѣдь, и дома. А вотъ почему не выйдетъ какой-нибудь хоръ? Не понимаю. Такъ можно умереть съ тоски.

— Поймалъ-таки и привезъ голубчика,—говорилъ Сосипатръ, входя въ залъ вмѣстѣ въ Карманъ-Лелѣевымъ.—Полъ-Москвы Сенька обшарилъ, а другую полъ-Москвы я.

— Милостивыя государыни,—обходя дамъ и цѣлуя имъ ручки, говорилъ Карманъ-Лелѣевъ:—мы должны предупредить васъ, что съ нами... тоже въ нѣкоторомъ родѣ дамы.

— Предупреждено уже,—прервалъ Сосипатръ.—Во-первыхъ, мадемуазель Ирма Арманди, морганатическая супруга всѣмъ намъ извѣстнаго Петьки Разживина. Какъ видите, она молода и прекрасна и достойна лучшей участи, чѣмъ Петька, что и побудило меня хотя бы на нѣкоторое время замѣнить его.

Француженка, молодая, стройная и очень яркая брюнетка, типичная южанка, почувствовала себя смущенной, но Аграфена Асафовна первая протянула ея руку, усадила около себя, и такъ и посыпалась бѣглая французская рѣчь.

— Моя дама менѣе авантажна,—говорилъ Карманъ-Лелѣевъ, представляя дамамъ высокую, полную, сильно накрашенную, крикливо одѣтую особу въ желтомъ парикѣ съ фальшивыми брильянтовыми шпильками.— Она и не молода и не прекрасна, но шансонетки она поетъ—отдай все, да и мало. Вы намъ споете, Луизочка?

Библиотека "Руниверс"

Та отвѣтила довольно небрежнымъ кивкомъ головы.

Она съ нескрываемымъ любопытствомъ разсматривала туалеты дамъ, ихъ брильянты, ихъ прически.

Дамы всѣ привѣтливо раскланялись съ нею, но почему-то ни одна не протянула ей руки.

Ее усадили между барономъ и графомъ, и тѣ тотчасъ же стали угощать ее сластями.

Но она держала себя очень церемонно и надменно и, вдругъ обернувшись въ сторону Карманъ-Лелѣева, который подсѣлъ къ Аграфенѣ Асафовнѣ и француженкѣ, громко, нагло, черезъ весь столъ крикнула:

— А ти пачему враль, что тутъ будетъ порядочный женчины? Я вижу кокотки високой марки.

У Лидіи все лицо пошло пятнами.

Раиса закусила губы и нахмурилась.

Зинаида неудержимо расхохоталась.

— Получили по носу?—сказала она.—Она мила, эта душечка.

— Дура!—отвѣтилъ Карманъ-Лелѣевъ.—Что я вбивалъ въ твою глупую башку, когда везъ тебя сюда? Я наказывалъ тебѣ: дѣлай только то, что ты умѣешь. Ты умѣешь пѣть шансонетки и канканировать, а разсуждать не умѣешь, и молчи.

— А если я не мальчитъ?

— А не будешь молчать, велю тебя выгнать въ шею, вотъ и все.

— Ну, зачѣмъ же обижать ее?—сказала Раиса.—Вѣдь, вы привезли ее.

Но вернулся Сосипатръ и отвлекъ этимъ вниманіе общества.

— Князь, прикажите ужинъ накрывать,—говорилъ онъ не отстававшему отъ него князю.—Во время ужина хоры и музыку, а пока запойнаго тенорочка сюда намъ пришлите. Барыни, милости просимъ закусить. Господа, пожалуйста...

На эстрадѣ за піанино появился молодой длинноволосый господинъ и, самъ аккомпанируя себѣ, принялся пѣть дребезжащимъ, разбитымъ, но еще не утратившимъ пріятности голосомъ всѣмъ извѣстный романсъ. Когда онъ кончилъ, ему похлопали, и онъ запѣлъ опять.

Но и допѣть не успѣлъ, какъ на эстраду высыпалъ цѣлый цвѣтникъ женщинъ, одѣтыхъ въ голубые, розовые и желтые сарафаны съ пышными кисейными рукавами, въ высокихъ, расшитыхъ кокошникахъ и усѣлись въ рядъ, а за ними стали хористы въ бархатныхъ безрукавкахъ, въ желтыхъ и красныхъ рубахахъ.

Зазвенѣла, застонала, заплакала пѣсня.

Подпѣвалъ Сосипатръ, подпѣвала Зинаида, подпѣвалъ Карманъ-Лелѣевъ.

— Да пейте вы, господа, пожалуйста,—убѣждалъ Сосипатръ. И онъ подливалъ вина сидѣвшему рядомъ Карманъ-Лелѣеву и напротивъ доктору.

Библиотека "Руниверс"

Ѣли всѣ плохо, но пили много.

Со второго блюда лакеи стали обносить шампанскимъ, и Сосипатръ то и дѣло приказывалъ откупоривать бутылки.

На смѣну русскому хору пришли цыгане.

Лакеи тотчасъ же обнесли ихъ шампанскимъ...

. . . . . .

Въ три часа ночи пріѣхалъ Гиршфельдъ и прямо спросилъ Раису Викуловну.

Его провели въ зимній садъ, гдѣ онъ нашелъ ее, Аграфену Асафовну и Лидію.

Здѣсь было мало народу, прохладно и тихо.

— Пора домой,—сказала Лидія.—Зовите Зинаиду.

Изъ залы доносились смѣхъ, крики, пѣніе, топанье ногъ, звонъ посуды, визгъ и гиканье цыганъ.

На порогѣ Гиршфельдъ увидѣлъ Сосипатра, который узналъ его, закивалъ ему головой и, съ торжествомъ указывая ему на то, что дѣлалось въ залѣ, блаженно улыбаясь, проговорилъ:

— Столпотвореніе вавилонское!

Залъ былъ переполненъ.

Съ удивленіемъ увидѣлъ Гиршфельдъ множество совершенно незнакомыхъ лицъ, но очень скоро понялъ, откуда они взялись.

Сосипатръ не пропускалъ ни одного запоздавшаго посѣтителя, онъ всѣхъ приглашалъ и зазывалъ, и подкутившіе, осовѣлые отъ вина мужчины со своими спутницами, преимущественно кокотками, то и дѣло входили въ залъ

Лакеи, зная привычки Сосипатра, разрывались, чтобы угодить ему, съ предупредительностью бросались гостямъ навстрѣчу, подавали шампанское, угощали сигарами, фруктами, одѣляли дамъ цвѣтами и коробками съ конфетами, а время отъ времени въ шумъ, стонъ, гомонъ, музыку и пѣніе врывался громкій, все покрывающій окрикъ Сосипатра:

— Ѣшь, пей въ мою голову! На бахваловскія!

Свободные хористы и хористки бродили по залу, пока пѣли ихъ товарищи, присаживались къ столамъ, жадно пили, жадно ѣли и спѣшили набить карманы фруктами и сластями.

Сильно подвыпившій, разошедшійся во-всю соловьевскій хоръ ужъ не пѣлъ, а оралъ во-всю мочь хмельную забористую «Рыбушку», а по самой серединѣ зала между отодвинутыми въ сторону столами, потный, красный, улыбающійся и довольный, вдрызгъ пьяный, но еще крѣпко державшійся на ногахъ, залихватски откалывалъ присядку Карманъ-Лелѣевъ, обхаживая Зинаиду.

А та, то помахивая платочкомъ, плыла лебедью, то, подбоченясь, ухарски выколачивала дробь и, взвизгивая и ахая, подпѣвала звонкимъ, красивымъ, далеко несущимся голосомъ:

Библиотека "Руниверс"

Я безъ рыбушки не сяду,
Безъ калачика не съѣмъ,
Безъ мила дружка не лягу,
Безъ милого не заспу-у-у...

И только что отгремѣла разухабистая пѣсня и Карманъ-Лелѣевъ, шатаясь отъ усталости и выпитаго вина, повелъ Зинаиду къ столу съ прохладительными, на эстраду высыпали цыгане. Бѣшенымъ роемъ, съ буйнымъ гиканьемъ закружились, заметались, затрясли грудями, плечами и бедрами точно обезумѣвшія цыганки, и затопали подкованными сапогами, понеслись въ неудержимомъ вихрѣ цыгане.

А кругомъ на полу, на скатерти, всюду было разлито вино, валялись объѣдки, окурки, и сѣдой и толстый, съ длинной бородой и съ лицомъ патріарха, случайно попавшій на веселье, старикъ Герасимъ Полупудовъ ходилъ отъ стола къ столу, цѣловался съ знакомыми хористками и кокотками, выливалъ имъ за шею шампанское и, держа въ лѣвой рукѣ раскрытымъ набитый бумажникъ, одѣлялъ ихъ кого сотенными, кого четвертными, и тѣмъ, которыя считали себя обиженными, встряхивая большой круглой, гладко выстриженной головой, какъ онъ встряхивалъ ею въ молодые годы, когда еще стригся въ кружокъ и былъ молодцомъ у Шошиныхъ, широко улыбаясь и показывая крѣпкіе желтые волчьи зубы, говорилъ:

— Погоди, придетъ и твой чередъ. Цѣловаться еще не умѣешь.

А только что схоронившій отца, единственный наслѣдникъ милліоннаго состоянія, двадцатидвухлѣтній Жоржка Глотовъ, уже пятый день круживший по хорамъ и ресторанамъ, растерявшій свою компанію и самъ не знавшій, какъ онъ сюда попалъ и гдѣ онъ, то и дѣло высоко поднималъ надъ головой бокалъ съ шампанскимъ и бросалъ его объ полъ, выкрикивая:

— Эхъ ма! Гдѣ наше не пропадало! Гдѣ пьютъ, тамъ и льютъ.

Лакеи безмолвно и серьезно подбирали осколки.

Пьяный угаръ, безпутный и безшабашный, парилъ въ залѣ.

Но въ безобразіи и распутствѣ чуялась мятущаяся стихійная мощь, и ощущался исполинскій подъемъ и размахъ, знойно дышала горячая волна настоящей разбушевавшейся страсти, звенѣли трепетъ и безуміе вдохновенія.

Гиршфельдъ съ трудомъ протискивался къ столу, за которымъ сидѣли Карманъ-Лелѣевъ, Зинаида и ея докторъ.

Докторъ былъ пьянъ и мраченъ и сердито поглядывалъ на своихъ застольниковъ.

Зинаида, осовѣлая, разомлѣвшая, но посвѣжѣвшая и похорошѣвшая, жадно пила фруктовую воду, подливая въ нее шампанское, смѣялась и отмахивалась отъ Карманъ-Лелѣева, который говорилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Выходите за меня замужъ, Зинаида Викуловна. Мы съ вами пара. А этотъ вамъ не годится. Что у него мордочка-то красивая,—такъ это наплевать. Отъ мужчины этого не требуется. Мужчина долженъ быть вотъ какъ я. Меня женщины любятъ.

— Поѣдемте домой, Зинаида Викуловна,—сказалъ Гиршфельдъ.—Мы только васъ ждемъ.

Зинаида съ недоумѣніемъ вскинула на него глаза.

— Откуда васъ принесло? Съ неба свалились? Поѣзжайте вы домой, если вамъ хочется, а я не поѣду. Мы только что развеселились.

— Мы не поѣдемъ,—сказалъ и Карманъ-Лелѣевъ.—Вотъ еще. Только что разошлись. Мы вотъ «Рыбушку» плясали, а отдохнемъ—пропляшемъ и «Женушку». Пропляшемъ вѣдь, Зинаида свѣтъ-Викуловна?

— Пропляшемъ, Ѳедотъ свѣтъ-Никифоровичъ,—въ тонъ ему отвѣчала Зинаида.

А сзади на Гиршфельда уже насѣдалъ догнавшій его Сосипатръ.

— Чортъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ!—негодовалъ онъ.—Ну, что ты тутъ трезвый бродишь? Пріѣхалъ человѣкъ въ пьяную компанію и не пьетъ.—Эй вы, шестерки! По двугривенному съ рубля получате, а дѣла своего не знаете? Уговоръ былъ какой? Чтобы гостей мнѣ всѣхъ накормить до отвалу, въ лоскъ напоить.—А у васъ тутъ трезвость разгуливаетъ—шампанскаго сюда! Напоить мнѣ этого гостя до безчувствія.—Пить не будетъ,—насильно въ горло лейте. Поворачивайтесь!

Гиршфельдъ едва вырвался отъ него и поспѣшилъ укрыться въ зимнемъ саду.

Но еще видѣлъ онъ, какъ пробрался сквозь густую толпу къ Сосипатру Сеня, какъ вмѣстѣ подошли они къ эстрадѣ, на которой бѣсновались цыгане.

Сосипатръ запустилъ руку въ кожаный мѣшокъ, который держалъ передъ нимъ Сеня, и кинулъ горстью золотыхъ монетъ въ плясуновъ.

Въ одно мгновеніе пляска перешла въ какую-то дикую свалку.

А золотыя монеты, горсть за горстью, летѣли на эстраду.

Напирала сзади пьяная, восхищенная этимъ зрѣлищемъ толпа, и ухалъ, ища выхода клокотавшей въ груди его бурѣ, разгулявшійся, развернувшійся Сосипатръ.

— Ухъ! Подбирай, фараоново племя! Пляшите, дуй васъ горой, дочери дьявола! И-ахъ! Озолочу я васъ.

— Надо ѣхать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—торопилъ своихъ дамъ Гиршфельдъ.—Вамъ-то хорошо, вы успѣете отоспаться, а я едва на ногахъ стою. Если бъ не вы, Раиса Викуловна, я бы не

Библиотека "Руниверс"

поѣхалъ, а прилегъ бы отдохнуть у Ипполита Викуловича въ кабинетѣ. Вы знаете, тамъ плохо. Я оставилъ тамъ пять докторовъ. И чуть свѣтъ поѣду опять къ Бруевичу. Его вызывали ночью, но онъ не пріѣхалъ.

XXVIII.

Въ бѣломъ домѣ въ мукахъ и страданіяхъ совершался переходъ изъ земной жизни въ небытіе. Доктора дѣлали видъ, что спасаютъ больную и вѣрятъ въ возможность спасти ее, но Бахваловъ зналъ, что она безнадежна.

На ея лицѣ онъ уже различалъ знакомыя ему мертвыя тѣни.

Въ тупой безропотной покорности застылъ онъ. Безмолвный и суровый, уронивъ на грудь голову, точно готовясь принять тотъ страшный ударъ, передъ которымъ уже давно трепетала душа его, онъ всю ночь недвижно просидѣлъ въ креслѣ у изголовья жены.

Только разъ, когда въ восемь часовъ утра вошелъ Гиршфельдъ и сказалъ, что не привезъ Бруевича, что тотъ объявилъ, что такъ рано утромъ не поѣдетъ и за пять тысячъ, вспыхнулъ и загорѣлся онъ, ощутилъ въ себѣ прежняго Бахвалова, вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, повелительно крикнулъ:

— Дать ему, мерзавцу, десять тысячъ и за шиворотъ приволочь сюда?

И тотчасъ же погасъ. И уже равнодушно, безучастно смотрѣлъ на явившагося черезъ часъ Бруевича, бывшаго ассистента знаменитаго Макарьева, который стукалъ, щупалъ, слушалъ и потомъ, нахмурясь, сѣлъ къ столу писать рецептъ.

А когда Бруевичъ уѣхалъ, Бахваловъ удивилъ Гиршфельда своимъ вопросомъ:

— Какъ распорядилась Анна Петровна съ тѣми деньгами? Или не успѣла распорядиться?

— Распорядилась. Процентами изъ капитала уплачиваются взносы за неимущихъ курсистокъ и студентовъ.

Бахваловъ задумался. Потомъ замѣтилъ, что Гиршфельдъ ждетъ, что онъ скажетъ, и проговорилъ:

— Вы мнѣ напомните объ этомъ. Потомъ мы съ вами поговоримъ. Не теперь, послѣ, когда ея не будетъ.

— Не будетъ?—переспросилъ Гиршфельдъ.—Что это вы, Ипполитъ Викуловичъ. Я только что говорилъ съ Бруевичемъ, онъ говоритъ, что организмъ еще молодъ и продолжаетъ бороться. Онъ увѣренъ, что спасетъ ее.

Бахваловъ горько усмѣхнулся.

— Подите вы! Кого могутъ спасти ваши Бруевичи? Нѣтъ! Я знаю, что она уходитъ и никакіе Бруевичи ее не удержатъ. И ничто не удержитъ. Нечего ей тутъ дѣлать среди насъ.

Библиотека "Руниверс"

Даже находчивый Гиршфельдъ не нашелся что отвѣтить. Такъ поразили его эти слова, глубокая печаль, звучащая въ нихъ, тотъ суровый и вмѣстѣ покорный тонъ, который такъ не подходилъ къ обычнымъ бахваловскимъ рѣчамъ, надменнымъ и властнымъ.

Но еще болѣе поразило Гиршфельда лицо Бахвалова. Онъ взглянулъ на него, и, такое знакомое, такое до мелочей изученное, такое извѣстное и будничное, оно показалось ему чужимъ, неожиданнымъ и новымъ, необыкновеннымъ и красивымъ какой-то особой, большой и важной красотой, красотой высокой, взлетѣвшей надъ землей мысли, красотой глубокаго, потрясшаго душу страданія.

Благоговѣніе и почтеніе къ чужому горю, къ тяжелому обрушившемуся на чужія плечи несчастью овладѣло Гиршфельдомъ, и безмолвно и безшумно вышелъ онъ изъ комнаты. Только въ этотъ послѣдній моментъ стало ясно ему, какъ глубоко и сильно любилъ Бахваловъ свою жену, да еще понялъ онъ, что того Бахвалова, котораго онъ зналъ, какъ ему казалось, такъ хорошо и тонко,—нѣтъ, и видѣлъ онъ сейчасъ другого человѣка, непонятнаго, загадочнаго и почти пугавшаго какой-то скрытой, невѣдомой и только что проснувшейся въ немъ въ самой покорности своей непобѣдимой мощью.

Вечеромъ этого дня Анна Петровна скончалась.

XXIX.

Пышны были похороны, которыми провожалъ Бахваловъ въ вѣчную жизнь жену. Но не имъ дивилась Москва. Дивилась она щедрости Бахвалова. Болѣе трехъ милліоновъ на другой же день послѣ ея смерти внесъ Гиршфельдъ по приказу Бахвалова городу и въ разныя учрежденія. Восемьсотъ тысячъ сверхъ того, по совѣту Ивана Ипполитовича, опредѣлено было на клинику съ новѣйшими способами леченія. Мелкихъ подачекъ нельзя было и пересчитать. Бахваловъ раздавалъ деньги направо и налѣво, давалъ крупными суммами по первому слову, по первому намеку, давалъ частнымъ лицамъ, давалъ всѣмъ, кто просилъ и за кого просили..

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, въ Бахваловскомъ домѣ получено было множество писемъ съ просьбами о помощи.

Въ былыя времена всѣ такія письма принципіально не удовлетворялись. Предполагалось, что пишутъ ихъ проходимцы и аферисты. На этотъ разъ всѣ просьбы были удовлетворены, и на каждое письмо выдано было не менѣе ста рублей.

А въ далекомъ южномъ городѣ, гдѣ родилась Анна Петровна, былъ купленъ одинъ изъ лучшихъ участковъ, и на немъ выросло грандіозное зданіе женскаго медицинскаго института съ обширными аудиторіями, съ общежитіемъ на пятьсотъ человѣкъ, съ

Библиотека "Руниверс"

собственной больницей и богатой научной библіотекой. Огромный капиталъ отчисленъ былъ сверхъ того съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него достойнымъ образомъ поддерживалось это начинаніе. Таковъ былъ грандіозный памятникъ, воздвигнутый Бахваловымъ покойной женѣ, случайной и недолгой спутницѣ, мелькнувшей въ его тяжелой и мрачной жизни таинственнымъ и кроткимъ озареніемъ, внезапно вспыхнувшимъ и такъ же внезапно погасшимъ, какъ тѣ небесныя розовопламенныя зарницы, что вспыхиваютъ дрожащимъ трепетнымъ сполохомъ на порогѣ темныхъ осеннихъ ночей и гаснутъ, поглощенныя мракомъ, поселяя въ душѣ больную жалость, неутолимую тоску по потухшему свѣту и скорбный страхъ предъ надвигающеюся ночью.

Въ глубинѣ колоссальной молочно-бѣлой мраморной ниши, украшающей царственно-величественный порталъ фасада зданія, точно колеблется, вотъ-вотъ поднимется и улетитъ, такъ легка она и воздушна, фигура женщины-ангела работы знаменитаго итальянца. Прекрасное лицо,—идеализированный портретъ,—вдохновенно обращено вверхъ, въ правой рукѣ факелъ, въ лѣвой раскрытая книга. А по наружному бордюру на верху ниши золотыми литерами, ломаными и причудливыми, въ сочетаніи своихъ линій похожими на мудреное старинное кружево, начертаны слова: «Имени Анны Бахваловой».

Думали, что на этомъ и остановится Бахваловъ.

Но настойчиво и немолчно звучалъ въ ушахъ его незабвенный плѣнительный голосъ:

— Давай! Давай!

И онъ давалъ.

Точно прорвалась плотина, и хлынула золотая рѣка, заполняя всѣ ямы, всѣ выбоины, всѣ зіяющія пустоты на пути своемъ.

Вырастали больницы, школы, пріюты, учебныя заведенія, просвѣтительныя учрежденія. Ни одному изъ нихъ Ипполитъ Бахваловъ не присвоилъ своего имени. Долженствовали они хранить память трехъ ушедшихъ въ вѣчность душъ: Анны и Нины Бахваловыхъ, память которыхъ священна была для жертвователя, и Викулы Бахвалова, предсмертную волю котораго, когда-то имъ такъ жестоко и преступно попранную, старался онъ теперь возможно шире, возможно лучше и внушительнѣе выполнить. Кипучая, животворная и животворящая дѣятельность охватила его, покорила его себѣ, наполнила доселѣ неизвѣданнымъ, большимъ и значительнымъ смысломъ его бытіе и въ нѣдра души его кинула зерно глубокой великой отрады, которую все сильнѣе и сильнѣе ощущалъ онъ. Казалось, что взбаламученное море страстей и пороковъ уходилось, улеглось, и уже вѣрилось, что глубоко внизу схоронится вся муть, вся нечисть, и, кристально-чистыя прозрачныя, заблещутъ устоявшіяся воды.

Библиотека "Руниверс"

Цѣль и долгъ—вотъ что обрѣлъ Бахваловъ. Цѣль достойную устремленія къ ней, долгъ торжественный и священный. Была въ этомъ великая отрада, и разрѣшалась этимъ сложная и тягостная задача духа.

Въ самомъ началѣ благодатной горячки, охватившей Бахвалова, эта отрада еще была отравлена недовѣріемъ, подозрительностью, сомнѣніемъ и страхомъ. Пугали Бахвалова традиціи Бахваловскаго дома. Зналъ онъ и помнилъ, и не только по другимъ, а и по себѣ, какъ жадны всегда были до наживы Бахваловы, какъ старались всегда прибрать деньги къ своимъ рукамъ, и не довѣрялъ онъ домашнимъ, сторожко и подозрительно наблюдалъ за ними, всматривался въ ихъ лица, вслушивался въ тонъ ихъ рѣчей и ждалъ отъ нихъ западни и подвоха.

«Молчатъ, словомъ не поперечатъ,—думалось ему:—а, поди, ужъ придумываютъ, какъ бы связать мнѣ руки. Добраго отъ дѣтокъ не жди! Еще Иванъ туда-сюда: этотъ безсребренникъ, самъ съ себя рубашку сниметъ, а другіе всѣ—темная вода; что тамъ на днѣ—не разглядишь. Не спорятъ, со всѣмъ соглашаются, а, можетъ быть, ужъ хлопочутъ упрятать подъ опеку или засадить въ желтый домъ».

Но новая, неожиданная, изумившая Бахвалова радость была уготована ему судьбой. Ни вражды, ни противодѣйствія не увидѣлъ онъ отъ домашнихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже убѣждался онъ, что мѣшать ему не хотятъ и не будутъ. Чѣмъ шире развертывался онъ, чѣмъ смѣлѣе были его планы, тѣмъ чаще сталъ онъ нуждаться въ совѣтѣ, въ помощи, въ опытѣ образованныхъ и знающихъ людей, и тогда онъ увидѣлъ, что сыновья не враги ему и не безучастные зрители, а друзья и союзники. Иванъ сталъ ему прямо необходимъ. У него, по опредѣленію Гиршфельда, было «абсолютное чутье», «какой-то врожденный нюхъ на вопіющую надобность, на потребность минуты». Это признавали за нимъ и братья. Горячо поддерживалъ отца Сергѣй, сторонникъ равномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Онъ больше всего интересовался рабочимъ вопросомъ, и, идя навстрѣчу отцу, хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, что могло благопріятно отразиться на рабочемъ быту.

Иванъ ратовалъ за науку и просвѣщеніе. Самъ онъ и теперь продолжалъ ходить въ потертомъ и порыжѣвшемъ сюртукѣ въ пятнахъ отъ кислотъ и съ прорѣдившимися локтями, вѣчно разсѣянный, погруженный въ свои идеи и изысканія. Онъ сталъ очень тепло относиться къ отцу и даже винилъ себя въ томъ, что не сумѣлъ раньше оцѣнить его и не далъ себѣ труда постараться разглядѣть за непріязненнымъ ему обликомъ большую и сложную душу.

Всѣхъ холоднѣе относился къ его начинаніямъ Арсеній, но и онъ при первомъ удобномъ случаѣ высказалъ, что никогда не

Библиотека "Руниверс"

позволилъ бы себѣ вмѣшаться въ личныя дѣла отца и указывать ему, какъ распоряжаться его личными средствами, а въ данномъ случаѣ онъ, кромѣ того, съ удовольствіемъ можетъ заявить свое одобреніе и сочувствіе, за нѣкоторыми оговорками, впрочемъ, только соціальнаго и идейнаго характера. Словомъ, и тутъ выказалъ себя джентльменомъ и европейцемъ, прежде всего корректнымъ и строгимъ къ самому себѣ.

Такое отношеніе дѣтей и поразило и растрогало Бахвалова. Всегда въ представленіи его люди рвали деньги, наступая другъ другу на горло, всегда копили отцы и дѣды, всегда алчно ждали наслѣдства дѣти и внуки. Вставалъ въ воображеніи Провъ Сидоровичъ. Какъ живой, во весь ростъ выпукло и ярко выявлялся идольски-тупой, безпощадно-властный Викула... И, наконецъ, онъ самъ, Ипполитъ Бахваловъ...

Да, не видалъ онъ дѣтей и не понималъ. И не могъ видѣть и понять, только смутно и робко всегда трепетала гдѣ-то глубоко оттертая и подавленная всякими другими соображеніями и расчетами, неясная мысль. Какъ будто враждебная и укоряющая и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто заключавшая въ себѣ какую-то невѣдомую усладу, что дѣти его будутъ иными, что будетъ открыто для нихъ нѣчто сокровенное для него.

И вотъ только теперь видитъ онъ, что вѣрна была эта робкая, осторожная мысль. Да, вотъ они, каковы его сыновья. Они— счастливые. Какъ просто, покойно и ясно рѣшаютъ они вопросы, которые являлись для него всю жизнь страшно мучительными, постоянно требующими жертвъ, полными жестокой и неумолимой загадки, и какъ легко подошли они къ той грани, къ которой подошелъ онъ только теперь тяжелымъ и страшнымъ путемъ оставшейся назади неоправданной жизни

Или и у нихъ были свои муки, свои страданія? Кто знаетъ, что передумали, что перечувствовали они? Быть можетъ, еще въ дѣтствѣ, наблюдая окружающую жизнь, переживая свои дѣтскія радости и горести, не отдавая себѣ отчета, совершали они робкую и важную работу неудовлетворенной и ищущей мысли. Быть можетъ, уже въ младенческомъ прозрѣніи, будучи только зрителями, о которыхъ, въ своемъ пренебреженіи къ нимъ, забываютъ взрослые, занятые только собою, поняли дѣти и уже навсегда запомнили, что ни роскошь, ни богатство, ни изобиліе вкусныхъ яствъ, ни излишекъ мертвыхъ красивыхъ вещей не даютъ радости и счастья, узнали ту истину и твердо въ нее повѣрили, что на деньги покупается только то, что продается, и что именно самое цѣнное, самое прекрасное и желанное въ жизни, безъ чего и сама жизнь не нужна и безсмысленна, не продается и купить этого нельзя.

Но и тогда они счастливѣе его, ибо они знали дѣтьми то, что онъ узналъ только на склонѣ лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Но чуть ли еще не больше, чѣмъ сыновья, тронулъ Бахвалова «жидъ», какъ, по старой памяти, потихоньку между собой до сихъ поръ продолжали называть у Бахваловыхъ Гиршфельда. Тронулъ онъ его благоговѣйнымъ почтеніемъ къ памяти покойной Анны Петровны, тронулъ искреннимъ сочувствіемъ къ его благотворительнымъ задачамъ, которыя, какъ опасался Бахваловъ, не могли нравиться человѣку такой практической складки, такому финансисту. Но и этими своими качествами Гиршфельдъ еще пришелъ Бахвалову на помощь, а самое главное—придумалъ и разработалъ ту программу, которая окончательно развязывала руки Бахвалову и улаживала его отношенія къ наслѣдникамъ, которыхъ онъ не хотѣлъ обижать.

— Ипполитъ Викуловичъ,—говорилъ Гиршфельдъ:—вашимъ капиталомъ вы въ правѣ распоряжаться какъ вамъ угодно. Что касается дѣловой стороны, я готовъ вамъ служить, какъ только могу, чтобы сдѣлать на практикѣ возможно лучше осуществимыми всѣ ваши распоряженія. У насъ и такъ остается громадная недвижимость и колоссальное предпріятіе, доходность котораго я берусь вамъ повысить вдвое въ самомъ непродолжительномъ времени. Мы должны основать акціонерное товарищество, Арсеній и Сергѣй Ипполитовичи вполнѣ раздѣляютъ мои взгляды.

Бахваловъ далъ ему полную свободу дѣйствій и сразу почувствовалъ, какое бремя спало съ его плечъ.

XXX.

По издавна впитанной привычкѣ, Бахваловъ не склоненъ былъ придавать значенія мнѣніямъ и поступкамъ бабьяго царства. Но не могъ не замѣтить онъ, что и тамъ не только не встрѣтилъ оппозиціи, недовольства и недовѣрія, но, какъ будто, привѣтомъ и тепломъ пахнуло на него отъ женщинъ, болѣе шумно, экспансивно и непосредственно выражавшихъ свои чувства, чѣмъ мужчины. Восторженно, съ какимъ-то экстазомъ встрѣчали каждую его новую идею сестры, и это такъ было пріятно, такъ радовало, что иногда онъ самъ заходилъ подѣлиться съ ними тѣмъ или инымъ проектомъ и ни разу не подмѣтилъ онъ зависти и сколько разъ замѣчалъ слезы на ихъ глазахъ, особенно у чувствительной генеральши. Конечно, многое уяснилось бы ему и помогло бы разобраться въ томъ горячемъ и искреннемъ чувствѣ, не чуждомъ даже какой-то болѣзненности, которое теплой и нѣжной волной струилось на него и на всѣ его благотворныя начинанія изъ бабьяго царства, если бы онъ зналъ всѣ подробности, предшествовавшія смерти Ниночки. Но онъ, слава Богу, ихъ не зналъ, какъ не зналъ никто, кромѣ тѣхъ женщинъ, которыя въ достопамятную ночь дѣлили между собою наслѣдство бабиньки.

Библиотека "Руниверс"

Но были и чисто практическія причины, которыя безъ этихъ исключительныхъ обстоятельствъ заставляли бабье царство смотрѣть въ будущее съ упованіемъ. Черезъ Рапсу, съ которой Гиршфельдъ отчасти дѣлился своими планами, Викуловны уже знали, что всѣ онѣ будутъ держательницами акцій, что у каждой будетъ свой собственный, именно ей принадлежащій капиталъ. И всѣ понимали, что это куда лучше приданаго, которое до сихъ поръ въ Бахваловскомъ домѣ являлось плодомъ случая, каприза, удачи и служило средствомъ вознагражденія и устрашенія, причемъ размѣры его диктовались волею главы дома, и то увеличивались, то уменьшались, судя по расположенію духа и по чувствамъ, которыя возбуждала въ немъ приданница, не говоря уже о томъ, что приданое можно было получить, только выходя замужъ, а не нашла мужа,—улыбнулось и приданое. Живыми иллюстраціями такой традиціи Бахваловскаго дома служили Викуловнамъ вѣковуши, когда-то тоже богатыя приданницы, десятки лѣтъ получавшія на руки пятнадцать-двадцать рублей въ мѣсяцъ.«Куда имъ больше,—говорили въ конторѣ:—свѣчку-то поставить или просвиру выпуть,—такъ за глаза довольно». И одѣвались вѣковуши чего нельзя проще, мало чѣмъ разнясь отъ своихъ прислугъ, являясь разительнымъ контрастомъ пышно разряженнымъ Викуловнамъ. Въ теплое время года ходили въ ситцевыхъ темненькихъ платьяхъ, на что денегъ не требовалось: ситцу, батиста, канифаса, бумазеи ли, сарпинки ли въ любое время можно было либо цѣлымъ кускомъ взять изъ амбара, либо набрать въ лавкахъ остатками. Шерстяное носили по зимамъ не то что годами, а десятками лѣтъ, одни и тѣ же платья изъ старинныхъ крѣпкихъ и добротныхъ матерій, какимъ и износу не было, совсѣмъ темныхъ гладкихъ, а по праздникамъ иногда съ цвѣточками, съ червячками, козявками и глазками, какихъ теперь и не увидишь нигдѣ. Одѣваться вѣковушамъ полагалось просто. «Покрасовались и будетъ,—разсуждали въ Бахваловскомъ домѣ:—не замужъ итти, не жениховъ приваживать. Старымъ дѣвкамъ незачѣмъ пялиться да на народъ вылѣзать, ихъ дѣло смиренное: книжку божественную читать, лампадки заправлять да грѣхи замаливать, коли своихъ нѣтъ, такъ чужіе. Вѣковуша въ домѣ—за весь домъ молельщица».

Были и у вѣковушъ приданые сундуки, и когда-то богатѣйшіе, плотно набитые всякимъ добромъ, столовымъ и чайнымъ серебромъ, камчатнымъ, полотнянымъ и батистовымъ бѣльемъ, цѣлыми штуками разноцвѣтнаго бархата, атласа, шелка и кашемира, тысячными драгоцѣнными шалями, старинными высокой цѣны кружевами. Не скупилась для дочекъ Анна Васильевна, всѣ свои брильянтовыя парюры, все, что было цѣннаго изъ золотыхъ вещей, все поровну разложила имъ по сундукамъ. Не забыла и

Библиотека "Руниверс"

Божьяго благословенія, одѣлила иконами въ золотыхъ, серебряныхъ и низаныхъ жемчугомъ ризахъ, старинными, древняго письма, перешедшими къ ней изъ ея рода, отъ Мѣшковыхъ, и писанными на толстыхъ кипарисовыхъ доскахъ образами, присланными святыми аѳонскими иноками. Но поневѣстились-поневѣстились вѣковуши, а замужъ такъ и не вышли. Кто бралъ, за того сами не шли, капризились, выбирали, а бывалыча подвернется человѣкъ и по душѣ, и не плохой, да расчетливый, который себѣ цѣну знаетъ,—такъ Провъ Сидорычъ заскупится, пойдетъ торговаться, и все дѣло врозь. А тамъ ужъ и сами вѣковуши поняли, что прошло ихъ время, сами крестъ на себя поставили, точно монашками сдѣлались. Начали таять ихъ сундуки. Добро-то беречь было не для чего. И сами стали жертвовать, да и попрошайки не упускали случая, и ушли шелки—на нарядныя рясы священству и монашеству, а бархата и атласы на напрестольныя одежды, на воздухи и ризы духовенству. Въ храмы и монастыри, на украшеніе святыхъ иконъ пожертвованы были драгоцѣнные женскіе уборы, чтобы вѣчной безкровной жертвой, неизбывной моленной слезой сіяли каменья ихъ въ сверканіи своемъ передъ престоломъ Божіимъ, храня память о жертвовательницахъ.

А сами вѣковуши медленно-медленно и тихо-тихо гасли и никли.

И такая же судьба выпала и на долю Татьяны Сидоровны, «косенькой», какъ звали ее всѣ въ Бахваловскомъ домѣ, потому что еще въ дѣтствѣ отъ испуга случился съ ней родимчикъ, и лицо у нея перекосило, такъ и осталось оно навсегда перекошеннымъ. Можетъ быть, такъ же незамѣтна и ничтожна была бы и ея роль въ домѣ, походи она характеромъ и умомъ на вѣковушъ, но была она другой породы, какъ говорили у Бахваловыхъ, такая же властная, такая же упрямая, какъ Провъ Сидоровичъ. А, кромѣ того, была умная, «баба съ мозгомъ» и хорошо грамотная,—«сама дошла». И поэтому для безграмотнаго и не разумѣвшаго аза въ глаза Прова—истинная находка. Была она большая начетчица, съ монашествующими и странными людьми зубъ-за-зубъ, бывало, схватится, и на счетахъ считать умѣла—ужъ не просчитается, а одѣвалась какъ и вѣковуши, жила скромницей и затворницей, и Викуловны о ней бы думать забыли, ежели бы не распоряженіе Прова Сидоровича—быть Татьянѣ Сидоровнѣ надъ бабами управой, чтобъ не баловались, безъ ума не тратились и зря нарядами не швырялись. Строго вела бабье царство Татьяна Сидоровна, вожжей не распускала, развѣ въ самое послѣднее время, такъ ужъ и то не по своей винѣ. Перемѣнились порядки въ Бахваловскомъ домѣ, ушла власть изъ рукъ Татьяны Сидоровны, и, всѣми забытая, маленькая, старенькая, высохшая, доживала она свой вѣкъ въ комнаткѣ при конторѣ, бокъ-о-бокъ съ такимъ же облом-

Библиотека "Руниверс"

комъ старины Веденеичемъ, почти единственнымъ ея собесѣдникомъ.

Все это припомнилось теперь Викуловнамъ, и не только припомнилось, а еще и запечатлѣлось образно и картинно, благодаря смерти Татьяны Сидоровны. Умерла она неожиданно, когда и какъ— никто не замѣтилъ, заснула на своемъ мягкомъ пуховикѣ, который издавна стлался на ея обитомъ бѣлой жестью приданомъ сундукѣ. Заснула, да и не проснулась. И смерть ея явилась завершеніемъ ея тихой, незамѣтной, одинокой и ничѣмъ не скрашенной жизни. Была эта смерть такой же тихой и незамѣтной, въ Бахваловскомъ домѣ никому не нужной и ни для кого не интересной, ибо никто послѣ нея не ожидалъ наслѣдства, никакихъ своихъ средствъ у Татьяны Сидоровны не было, и жалѣть ее и плакать по ней было некому.

Только одинъ Веденеичъ сказалъ:

— Ну, благослови Господь! Теперь, значитъ, мой чередъ.

И хоронили ее не пышно. Гробъ дубовый, обитый вишневымъ бархатомъ, стоялъ не въ парадномъ залѣ въ бельэтажѣ, а во вновь отдѣланной нежилой квартирѣ, которая предназначалась для Николая Викуловича. И обѣда поминальнаго у Бахваловыхъ не было,— священство и монашество кормили въ гостиницѣ на кладбищѣ, такъ распорядился Михаилъ Яковлевичъ, и по той же причинѣ не ставили на дворѣ поминальныхъ столовъ для нищей братіи. Зато приказано было молодцу Сенѣ развезти по всѣмъ бѣлымъ и черпымъ харчевнямъ на Хитровкѣ и въ другихъ такихъ же мѣстахъ, по «крѣпостямъ» и по ночлежкамъ куда какія нужно суммы, гдѣ на пятьдесятъ, а гдѣ и на двѣсти и на полтысячи обѣдовъ для нищихъ, побродяжекъ, стрѣльцовъ и прочаго безпріютнаго, Христовымъ подаяніемъ живущаго люда. А похоронили Татьяну Сидоровну, какъ и не было ея. И только Викуловны приказали перетащить къ себѣ въ гостиную въ бабье царство приданый Татьяны Сидоровны сундукъ, не изъ корысти, а изъ любопытства. И цѣлый день рылись онѣ въ немъ, перебирали, разсматривали вещи, а мысли невольно обращались къ покойницѣ, и вставала судьба ея, невзрачная, невѣдомо за что и ради чего осудившая ее на мелкую, невзрачную глухую жизнь, за которой чуялась трагедія уязвленнаго, обездоленнаго сердца.

И даже смѣшливыя, веселыя Викуловны не смѣялись, развертывая слежавшуюся, въ складкахъ подвѣнечную фату изъ индійской кисеи, вышитой по краямъ и по концу искусными руками монастырскихъ бѣлицъ бѣлымъ шелкомъ и бурмицкими зернами. Не показались имъ смѣшны и пожелтѣвшія отъ времени на высокомъ красномъ каблучкѣ, съ золотыми пряжками и пышными бантами бѣлыя атласныя туфли. А въ нихъ нашли они два старинныхъ серебряныхъ крестовика, завернутыхъ въ тонкую розовую бу-

Библиотека "Руниверс"

мажку вмѣстѣ съ золотыми имперіалами—по старинной примѣтѣ, чтобы водилось у молодыхъ въ дому и серебро и золото. А чтобы было у нихъ въ дому изобиліе и никогда не оскудѣвала хлѣбъ-соль,—въ углу сундука, на самомъ днѣ, лежалъ атласный зеленый мѣшочекъ на вздержкѣ, и съ грустнымъ недоумѣніемъ извлекли изъ него на свѣтъ Божій Викуловны заплѣсневѣлый кусокъ золоченаго артоса, три превратившіеся въ окаменѣлость баранка, крашеное малиновое пасхальное яйцо. Красна жизнь радостью, — и нѣсколько зеренъ пшеницы. Нашли кучу пожелтѣвшаго бѣлья, удивительнаго невиданнаго фасона и цвѣтныя шелковыя платья. А то, что было подороже, пошло туда же, куда пошло и приданое вѣковушъ, да тихомолкомъ и растаскано было Манеѳой, приживалками и гостьюшками.

Надоѣло Викуловнамъ разбираться въ сундукѣ, повыбрали они изъ него кой-какія вещички на память да отдали Секлетеѣ для буфета камчатныя скатерти и салфеточное полотно, а все остальное приказали отдать горничнымъ дѣвушкамъ. Подвѣнечную фату тоже оставили, — вещь цѣнная, а себѣ никто не захотѣлъ взять: примѣта дурная, чего добраго, послѣ вѣковуши возьмешь,—сама вѣковушей останешься. И рѣшили отдать ее въ монастырь, пусть пойдетъ къ образу на украшеніе. И начитаны, и все-таки образованы и насмѣшливы были Викуловны,—но всѣ были во власти суевѣрій, знали множество примѣтъ,—на томъ выросли,—и считались съ ними. Иной разъ и сами посмѣются и другъ друга вышутятъ, а все-таки противъ примѣты не пойдутъ. Въ лавки поѣдутъ за покупками,—попа по дорогѣ встрѣтятъ,—вернутся,—что и ѣхать, удачи не будетъ. Въ понедѣльникъ новое платье мѣрять не станутъ, въ пятницу послѣ обѣденъ молодого холостого встрѣтятъ,—быть ему въ свойствѣ съ Бахваловыми,—похороны увидишь—деньги придутъ. Такъ ужъ повелось у всѣхъ Бахваловыхъ, у мужчинъ, какъ и у женщинъ. Только въ бабьемъ царствѣ примѣты имѣли отношеніе къ ихъ бабьему обиходу: къ покупкамъ, къ нарядамъ, къ интереснымъ встрѣчамъ, а у мужчинъ—къ дѣлу, къ наживѣ. Перваго покупателя упустишь,—весь день будетъ незадачный. Торговали въ понедѣльникъ хорошо,—вся недѣля будетъ хороша; плохо,—того гляди, къ субботѣ-то какъ бы не изубыточиться,—у Бахваловыхъ, коли рубль на рубль не наживали, за убытокъ считали. А коли понедѣльникъ торговля была неровная, гдѣ большой барышъ сорвали, а гдѣ и только что такъ, такъ и вся недѣля будетъ пестрая.

Задумались Викуловны надъ приданымъ сундукомъ Татьяны Сидоровны, вспомнили и про вѣковушъ.

Но для нихъ все это уже была исторія, было прошлое. Онѣ чувствовали себя сильными, богатыми, и вся жизнь съ ея радостями и утѣхами принадлежала имъ. Жаль было Ниночки. Тяжело

Библиотека "Руниверс"

и больно вспоминался безвременный конецъ ея, но и въ этомъ концѣ хотѣлось винить прошлое, хотѣлось видѣть ударъ рока, жертвой избравшаго Ниночку, а имъ давшаго въ руки богатство, которое, если судить по совѣсти, вѣдь имъ и должна была отдать бабинька.

Не зналъ и не подозрѣвалъ Ипполитъ Викуловичъ всего того, что передумало и пережило бабье царство, но видѣлъ онъ, что и тутъ всѣ идутъ ему навстрѣчу, всѣ хотятъ того же, что и онъ. И это умиляло его суровую, уставшую подъ грѣховнымъ бременемъ и подъ ударами судьбы душу. Хотѣлось ему всѣхъ вознаградить, всѣхъ сдѣлать счастливыми, и радовало его, когда Гиршфельдъ начиналъ высчитывать ему выгоды предпріятія и забрасывалъ его вычисленіями и цифрами, рисовавшими колоссальные доходы налаживавшагося товарищества, въ которое должны были войти всѣ Бахваловы.

Частымъ гостемъ въ бабьемъ царствѣ сталъ Сосипатръ. Онъ уже давно спустилъ тѣ пятьсотъ тысячъ, которыя вырвалъ для него Карманъ-Лелѣевъ, пугнувъ тяжбой Ипполита, изъ бахваловскихъ милліоновъ. Но и то надо сказать, что этихъ денегъ самому Сосипатру почти и понюхать не довелось. Львиную долю куртажныхъ взялъ себѣ Карманъ-Лелѣевъ, причемъ остался въ силѣ вексель въ сто тысячъ, который только переписали, выданный Сосипатромъ за разводъ, а триста тысячъ цѣликомъ получилъ полковникъ Ртищевъ.

Съ таборомъ Сосипатръ все еще никакъ не могъ разсчитаться. Сорокатысячный вексель его все росъ да росъ и наконецъ переросъ восемьдесятъ тысячъ, а всѣмъ другимъ векселямъ и заемнымъ распискамъ Сосипатръ и счету не зналъ. И ужъ назрѣвалъ у него планъ опять повести облаву на Ипполита и сорвать съ него кушъ побольше. И не подозрѣвалъ онъ, что умнѣе и выгоднѣе для него, чѣмъ онъ самъ, подумалъ за него Гиршфельдъ. И долго не хотѣлъ онъ вѣрить, что онъ—пайщикъ богатаго и сильнаго товарищества, что векселя его частью скуплены и что по нимъ долженъ онъ тому же товариществу, что большая часть мелкихъ долговъ уплачена, а кой-кому изъ ростовщиковъ и поднатчиковъ сдѣлано такое внушеніе, что они рады были отказаться и отъ уплаты, только бы ихъ оставили въ покоѣ.

Теперь Сосипатръ пріѣзжалъ въ бабье царство отдыхать отъ своей бурной жизни и изливаться передъ сестрами. Женившись на полковницѣ, онъ было совсѣмъ остепенился, и мѣсяца два о немъ почти не слышно было, но полковница,—такъ ее и продолжали звать въ Бахваловскомъ домѣ, гдѣ, кстати сказать, она не понравилась и гдѣ про Сосипатра отозвались, имѣя въ виду молодую: «Убилъ бобра! И гдѣ глаза у человѣка были?»—полковница захворала, и доктора посовѣтовали ей ѣхать на Югъ, не скрывъ отъ Сосипатра, что у нея чахотка.

Библиотека "Руниверс"

Провожать жену Сосипатръ не поѣхалъ, сразу почувствовавъ къ ней охлажденіе и теперь только догадавшись, что и жениться ему на ней не слѣдовало, и не любилъ онъ ее, а только показалось.

— Для чего было огородъ городить, для чего было капусту садить,—жаловался онъ хохотавшимъ ему въ глаза сестрамъ.— Да ужъ знаю, что смѣшно. Свалялъ дурака. А и полковникъ тоже хорошъ. Купцовъ ругаютъ,—торгаши, аршинники. А вотъ тутъ тебѣ и баринъ:—милости прошу къ нашему грошу съ вашимъ пятакомъ. Добраго купца стоитъ. Триста тысячъ слизнулъ,—глазомъ не моргнулъ, Скалозубъ проклятый, а нѣтъ того, чтобы объяснить, что товаръ, молъ, съ изъяномъ. Нужна она мнѣ очень— чахоточная-то! Братъ любитъ сестру богатую, а мужъ любитъ жену здоровую. Нѣтъ! Видно, придется опять за Карманъ-Лелѣева браться. Сумѣлъ Ртищева развести, пусть и меня разведетъ. На то онъ и артистъ своего дѣла.

Покатывались со смѣху Викуловны, слушая такія Сосипатровы рѣчи, но душевно сочувствовали ему, встрѣчали съ распростертыми объятіями, не знали, куда посадить, угощали наперерывъ, подкладывая ему на тарелку вкусные куски, подливали ему коньяку и пили сами сладкія наливки и чокались съ нимъ, чтобы пить одному было не скучно.

XXXI.

Дома у себя, въ роскошно убранной огромной квартирѣ, отдѣланной и только что обставленной по случаю свадьбы, Сосипатръ не могъ оставаться. Онъ шалѣлъ отъ скуки, не зная, на что и какъ убить время. Въ таборъ его тянуло, но ѣхать туда онъ боялся. Цыгане поднимали его на смѣхъ за его женитьбу, корили тѣмъ, что до сихъ поръ не выплатилъ денегъ по Стешиному векселю, а самъ, какъ дуракъ, бросилъ триста тысячъ за жену, некрасивую и старую.

Чтобы развлечься, надумалъ Сосипатръ навѣстить падчерицъ, двухъ дочерей полковницы, которыя воспитывались въ институтѣ, за которыхъ онъ, по договору съ полковникомъ, платилъ въ институтъ и которымъ онъ обязался по окончаніи курса сдѣлать приданое. Еще при заключеніи сдѣлки Карманъ-Лелѣевъ изъ-за этихъ двухъ пунктовъ упорно препирался со Ртищевымъ, видя въ нихъ чреватое послѣдствіями посягновеніе на Сосипатровъ капиталъ.

Но Сосипатръ торопилъ свадьбой, не слушалъ Карманъ-Лелѣева и только отмахивался отъ него.

— Да ну тебя къ чорту! Надоѣла уже эта канитель. Велика штука—дать дѣвчонкамъ приданое. Сумма-то, братъ, вѣдь не обозначена, да и на милость образца нѣтъ. Можетъ, я и самъ еще

Библиотека "Руниверс"

захочу ихъ облагодѣтельствовать. Бахваловская-то кубышка туго набита, еще попразднуемъ.

Отправляясь въ институтъ, забралъ съ собой Сосипатръ фунтовъ двадцать разныхъ конфетъ и сластей и цѣлый коробъ фруктовъ.

Бѣловскіе приказчики, устанавливая покупки ему въ автомобиль, низко кланялись и, заискивающе улыбаясь, говорили:

— А винца-то что же, Сосипатръ Викуловичъ? Прихватили бы повеселить цыганочекъ.

— Не тотъ коленкоръ,—отзывался Сосипатръ:—въ гости къ настоящимъ барышнямъ ѣду, гостинцевъ везу.

— Ну, скатертью вамъ дорога, счастливаго пути, гуляйте, насъ не забывайте,—ухмыляясь, говорили, подсаживая его въ автомобиль, сѣрые въ бѣлыхъ фартукахъ сибирки.

Но визитъ этотъ не доставилъ Сосипатру ни удовольствія, ни развлеченія. Огромное количество привезенныхъ имъ сластей повергло классную даму въ недоумѣніе, подобное столбняку. Подумавъ, повздыхавъ, она разрѣшила Сосипатру взять съ собой двѣ коробки, сказавъ, что объ остальномъ она вынуждена будетъ доложить княжнѣ. Когда же Сосипатръ выразилъ желаніе взять съ собой барышень покататься на автомобилѣ въ Сокольники или Петровскій паркъ, почтенная дама объяснила ему, что объ этомъ и думать нельзя, что это не слыхано и что единственно, что она можетъ ему позволить, это повидать барышень и провести съ ними тѣ двадцать минутъ, которыя остаются до обѣда, такъ какъ и день этотъ не пріемный.

Недоволенъ былъ Сосипатръ. Но окончательно разочаровался онъ, когда увидѣлъ падчерицъ. Почему-то онъ воображалъ, что онѣ—малютки. Но вышли двѣ взрослыя дѣвицы, некрасивыя, тощія, костлявыя, внѣшнимъ обликомъ напоминавшія мать и, очевидно, какъ тотчасъ же при взглядѣ на ихъ блѣдно-зеленыя лица рѣшилъ Сосипатръ, носившія въ себѣ зачатки той же страшной болѣзни.

Не понравились ему падчерицы, а пуще всего уколола мысль, что правы цыгане, и купилъ онъ себѣ за большія деньги,—про хлопоты ужъ говорить нечего,—жену некрасивую да старую.

«Эхъ-ма!—думалъ, ѣдучи домой, Сосипатръ:—далъ я маху! Не безъ бѣлаго слона тутъ дѣло было. Да и полковникъ ловокъ, бестія. Даромъ только Стешу обидѣлъ».

Но въ таборъ пока еще не ѣхалъ. Не чувствовалъ еще настоящаго подъема, ждалъ еще, когда налетитъ на него вдохновенный порывъ, буйный размахъ и, ни съ чѣмъ не считаясь, у него самого не спрашиваясь, броситъ его въ угаръ страсти и разгула.

А пока все чаще и чаще навѣщалъ брата Николая, который теперь уже не вставалъ, весь разбухнувъ отъ водянки, и медленно близился къ концу.

Библиотека "Руниверс"

Сосипатръ на минутку входилъ къ нему въ полутемную тѣсную комнату, жалъ ему руку, говорилъ нѣсколько ласковыхъ словъ и спѣшилъ выйти. Казалось ему, что за рѣзкимъ характернымъ запахомъ лекарствъ онъ уже различаетъ запахъ тлѣнія, запахъ разлагающагося заживо тѣла, и еще казалось, что стѣны и потолокъ Николаевой каморки давятъ его, какъ стѣнки и крышка большого гроба, готоваго заключить въ себѣ и больного брата, и его—Сосипатра.

А Серафима Ивановна уже хлопотала у самовара. Сосипатръ садился къ столу, и вдвоемъ они долго и чинно, со вкусомъ и съ оувствомъ, по-московски пили чай. Стряпуха уносила потухшій и чпустошенный самоваръ и вносила другой, кипящій ключомъ, брызжущій во всѣ стороны горячимъ бѣлымъ паромъ. А они все сидѣли и пили, сначала запивая заѣдки и закуски, а потомъ, когда уже всего было отвѣдано и кусокъ не шелъ въ горло, угощались вареньемъ, пастилой, пряниками.

И велась тихая и пріятная бесѣда о вещахъ самыхъ разнообразныхъ, но и самыхъ обыденныхъ.

Говорили, напримѣръ, о томъ, чѣмъ лучше чистить самоваръ, и Серафима Ивановна доказывала, что всѣ эти заграничныя мази—одинъ только обманъ и надувательство русской публики, а нѣтъ ничего лучше кирпича: натолочь да черезъ кисейку просѣять, любая вещь жаромъ будетъ горѣть. А то говорили о томъ, что Москва-матушка растетъ не по днямъ, а по часамъ, да и какъ не расти, что ни говори, первый городъ въ Россіи, этого ужъ не отнимешь, хоть двадцать столицъ еще выстрой. Жалѣли, что Марьину рощу вырубили. А то просто говорили о погодѣ, о томъ, какая будетъ Пасха, ранняя или поздняя. А если ничего такого подъ языкъ не подвертывалось, Серафима Ивановна разсказывала о томъ, какъ жилъ Николай Викуловичъ, и сколько онъ пилъ, и когда она замѣтила, что онъ прихварываетъ, и т. д.

Это ужъ была тема неисчерпаемая. Сосипатръ только слушалъ, а Серафима Ивановна говорила и угощала его.

— Вы не все съ коньякомъ, Сосипатръ Викуловичъ. Вы вотъ съ мадерцой выпейте, а еще того лучше—съ лисабончикомъ.

Случалось, вызывали Серафиму Ивановну въ мастерскую, или звонокъ въ магазинѣ давалъ знать, что пришла покупательница, она уходила и опять возвращалась.

— Нѣтъ, ужъ довольно,—говорилъ наконецъ Сосипатръ на приглашеніе Серафимы Ивановны выпить еще хоть одинъ стаканчикъ на дорожку:—заугощали вы меня, мадамъ Серафима.

И, обласканный Серафимой Ивановной, тепло простившись съ ней, выходя изъ магазина и садясь въ автомобиль, Сосипатръ думалъ:

«Славная бабенка. Ужъ на что плохъ Николай, забитый чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ, пьяница и нищій,—и тотъ сумѣлъ себѣ жену выбрать. А ужъ меня ли бабы не любятъ? И ростомъ и дородствомъ и всѣмъ взялъ. Сколько бабъ черезъ мои руки прошло,—такъ это царю Соломону въ пору. А съ женами мнѣ незадача! Ну, про Салотопову ужъ не говорю,—не моя охота, папашино произволеніе,—а ужъ съ Ртищевой я влопался, угораздило меня».

А потомъ встряхивалъ головой и, махнувъ рукой, утѣшалъ себя:

— Ну, да Богъ не выдастъ,—свинья не съѣстъ. Разведусь, и вся недолга. А, можетъ быть, и еще того лучше обернется. Умретъ, пожалуй, Ртищева, и развода никакого не нужно, развязаны крылья у ясна сокола. Ну, и штука же будетъ! Улыбнется Карманъ-Лелѣеву новая сотня-то тысячекъ.

Частенько сталъ заглядывать Карманъ-Лелѣевъ въ Бахваловскій домъ, почти сталъ своимъ человѣкомъ. Много помогъ онъ Гиршфельду своимъ знаніемъ и опытомъ и первый изъ постороннихъ пріобрѣлъ на большую сумму акцій товарищества. И ни для кого уже не было секретъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе Зинаидѣ Викуловнѣ, и оно принято. Сговоръ справили въ своемъ кругу, по-семейному, а свадьбу отложили, ввиду траура, который еще не истекъ и по Аннѣ Петровнѣ, да и такъ недавно еще умерла Татьяна Сидоровна. Отложили главнымъ образомъ потому, что и женихъ и невѣста,—кстати сказать, Карманъ-Лелѣевъ былъ большой любитель русской старины, обрядности, исконныхъ свычаевъ и обычаевъ,—оба желали справить свадьбу на всю Москву, шумно, весело, красиво и помпезно, чтобы былъ пиръ на весь міръ, чтобы цѣлую недѣлю шло пированіе—почестный столъ, чтобы ѣхать къ вѣнцу и отъ вѣнца съ веселыми поѣзжанами и экипажами запрудить всѣ улицы на пути, обѣдами, ужинами, балами удивить всю Москву,—однимъ словомъ, сыграть свадьбу не тишкомъ да молчкомъ, какъ повелось за послѣднее время и у богатыхъ людей, а широко, красно и хмельно, чтобы и жениху поженихаться, и невѣстѣ поневѣститься,—нужды нѣтъ, что женихъ немолодъ, да и жену уже третью за себя беретъ, да и невѣста въ годахъ зрѣлыхъ,—перестаркомъ, однако, не назовешь,—красива, видна, пышна и нарядна,—но и то сказать—пара хоть куда, и видно, что другъ другу по характеру и по сердцу пришлись, да и денегъ, что у жениха, что у невѣсты, куры не клюютъ.

Другіе, должно быть, были вкусы у Гиршфельда и у Раисы Викуловны. Какъ только былъ отдѣланъ купленный Гиршфельдомъ особнякъ, они обвѣнчались въ скромной домовой церкви, откуда и уѣхали къ себѣ на новоселье.

Всѣ эти событія задержали отъѣздъ Аграфены Асафовны за границу, да и по дѣловымъ соображеніямъ торопиться не слѣдовало. Лидію уже включили въ составъ товарищества и записали

Библиотека "Руниверс"

на нее акціи въ равной долѣ съ Зинаидой Викуловной, а Аграфена Асафовна, хоть и не собиралась покупать на бабинькины деньги акцій, но все-таки учитывала моментъ и отлично понимала, что Ипполитъ Викуловичъ ее не забудетъ и отъ бахваловскихъ милліоновъ перепадетъ и ей какая-нибудь сотня-другая тысячъ. И она не ошиблась. Напротивъ, слишкомъ скромно разсчитала, потому что товарищество нашло для себя выгоднымъ выдать ей на руки полмилліона, взявъ съ нея расписку, что никакихъ претензій къ товариществу она не имѣетъ и имѣть не будетъ.

А тутъ еще навернулся женихъ и для Лидіи. Посватался къ ней князекъ, племянникъ сановнаго и родовитаго московскаго барина, все еще богатаго, закармливавшаго своими обѣдами московскую знать и жившаго на широкую ногу. Племянникъ былъ много его бѣднѣе, но еще сохранились остатки когда-то крупнаго состоянія, и, хотя съ усиліями, еще поддерживался въ его родительскомъ домѣ антуражъ и престижъ знатной фамиліи. Но налицо были княжескій титулъ, и не какихъ-нибудь захудалыхъ князей, татарскихъ или кавказскихъ, а исконныхъ русскихъ бояръ. Налицо были и родство и свойство съ людьми сильными и властными, и Аграфена Асафовна уже радовалась за дочь и развертывала передъ ней блестящія ожидавшія ея перспективы.

Князекъ входилъ въ домъ съ единственной мыслью поправить дѣла оскудѣвающей фамиліи, dorer le blason, какъ говорили въ его кругу и какъ съ милой наивностью пояснялъ онъ самъ всѣмъ, кто интересовался его видами на Бахвалову.

Но невѣста произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, и даже не только невѣста, вообще всѣ бахваловскія дамы. Можетъ быть, тѣмъ сильнѣе было это впечатлѣніе, чѣмъ разительнѣе былъ контрастъ между цвѣтущимъ здоровьемъ бахваловскихъ дамъ и захудалостью, невидностью и болѣзненной слабостью претендента.

Вылощенный, выхоженный, въ высшей степени благовоспитанный, сюсюкающій и шепелявящій на трехъ языкахъ по всѣмъ правиламъ великосвѣтскаго жаргона одинаково безсодержательныя фразы, отсутствіе глубины которыхъ долженствовала возмѣстить вѣчная деревянная улыбка,—князекъ являлъ всѣ черты типичнаго вырожденца, и громкій титулъ его,—онъ имѣлъ право величаться свѣтлѣйшимъ,—только подчеркивалъ ничтожество и бѣдность его лица и фигуры.

Да, впечатлѣніе получилось огромное.

— Fichtre! Quelles femmes!—говорилъ онъ своему брату камергеру, тоже женившемуся на деньгахъ и уже успѣвшему спустить состояніе жены:—вотъ это женщины, mon cher! De vraies déesses! Куда нашимъ до нихъ. Ахъ, какія женщины! Выводныя, en un mot.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ болѣе огорчился и изумился князекъ, когда получилъ отказъ.

— Но послушайте,—сюсюкалъ онъ, чувствуя себя выбитымъ изъ колеи и испуганный мыслью о томъ, что придется итти искать другую невѣсту, которая могла бы позолотить его гербъ:—concevez donc, вѣдь вы же будете княгиня.

Лидія усмѣхнулась съ снисходительнымъ презрѣніемъ.

— Cher prince,—начала она:—вѣдь это ужъ не такъ важно. Мы съ вами занимаемъ одинаковое положеніе. Я знаю, что вы раздѣляете мое мнѣніе, такъ какъ вы цѣните свой титулъ во столько же, во сколько цѣните мои деньги. Мы съ вами аристократы. У васъ ваша родовитость, наслѣдіе вашихъ предковъ. Но вѣдь когда-то, хотя и очень давно, и они были мужиками. И вся-то наша Русь мужицкая, сермяжная. А мои были очень недавно мужиками, и я нахожу, что мое положеніе еще лучше вашего. Подумайте сами. Вашъ родъ уже состарился и изжилъ себя, и тѣхъ духовныхъ и физическихъ богатствъ, которыя подразумѣваетъ вашъ титулъ, у васъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. А у меня—наслѣдіе моихъ предковъ, деньги—цѣлы, а родъ нашъ еще свѣжъ и молодъ, здоровъ и силенъ, и даже если предположить, что деньги измѣнятъ намъ, наше здоровье и силы останутся при насъ, и мы пройдемъ нашу жизнь побѣдителями. Но главное не въ томъ. Я просто не хочу выходить замужъ и совсѣмъ не питаю къ вамъ такого большого чувства.

— Но я, но я,—лепеталъ князекъ:—vous me plaisez, je vous jure, à perdre ma raison.

— N'y a pas à craindre,—смѣялась Лидія.

Такъ и разошлось сватовство.

Аграфена Асафовна попробовала было попенять дочери, но сразу уступила ей.

— Полноте, мамочка,—сказала Лидія:—ну, къ лицу ли вамъ заступаться за князька? Сами вы всю жизнь прожили, какъ хотѣли, считаясь только съ своей волей, съ своими желаніями,—почему же вы думаете, что меня непремѣнно нужно посадить на цѣпь.

— Права!—отвѣтила Аграфена Асафовна:—ты у меня умница, Лидочка, а меня извини. Знаешь, всегда какъ-то такъ кажется, что человѣкъ будетъ счастливѣе въ готовыхъ и испытанныхъ рамкахъ. Но мы-то съ тобой, пожалуй, вѣдь и переросли рамки-то.

Лидія обняла и горячо расцѣловала мать.

— Люблю я васъ, мама, ужасно люблю! Люблю васъ за то, что вы умная, красивая, безпечная, за то, что прожили вы жизнь бурно и смѣло, за то, что ухлопали все свое состояніе и ухлопаете еще, за то, что любили и никогда не были рабой,—словомъ, за то, что вы Агриппина великолѣпная.

Аграфена Асафовна смѣясь возвращала поцѣлуи и говорила:

Библиотека "Руниверс"

— Надо ѣхать, Лидочка. Я буду въ Парижѣ доживать свой вѣкъ, а ты тамъ только начнешь жить. Здѣсь ты пропадешь, ты не найдешь себя. Я чувствую, что въ тебѣ заключена какая-то большая сила, жаль, если она пропадетъ напрасно. Ахъ, эти Бахваловы! Порой мнѣ кажется, что я ненавижу ихъ. И косны-то они, и несуразны, и тупы, и тяжелы. А порой я люблю ихъ. Въ нихъ похоронены какія-то неожиданныя возможности. Я ужъ не говорю объ Ипполитовичахъ, всѣ они смотрятъ въ большіе люди. Но Ипполитъ,—вотъ на кого я не могу надивиться. Прямо на глазахъ у меня онъ выросъ въ великана. Но жить здѣсь я не могу. Сѣро и тѣсно. И тебя здѣсь оставлять не хочу. Въ Парижъ! Въ Парижъ!

XXXII.

Уѣхали Аграфена Асафовна и Лидія, не попировавъ на свадьбѣ Зинаиды Викуловны.

Выѣхала изъ своей квартиры въ нижнемъ этажѣ разведенная жена Сосипатра, урожденная Салотопова. Показалось ей, что не для чего и обидно оставаться ей послѣ развода въ Бахваловскомъ домѣ. И хоть никто не гналъ ее, переселилась къ старшему женатому брату, вокругъ котораго ютилась вся многочисленная Салотоповская семья. Выѣхать-то выѣхала, а потомъ и пожалѣла. Не любили ее у Бахваловыхъ и держали на разстояніи, компаніи съ ней не водили, но и не корили, не притѣсняли и кускомъ не была обижена, отъ подарковъ шкапы да комоды ломились, и жила она на всей волѣ, никто ей не былъ указчикомъ, благо дѣло это мужнее, чтобъ женѣ указывать, а мужъ-то ужъ давно и глядѣть на нее пересталъ.

Солоно пришлось ей въ родномъ домѣ. Срамили ее семейные, корили тѣмъ, что на весь Салотоповскій родъ на вѣки-вѣчные она безчестье положила. Шутка сказать, разведенная жена, чего въ Салотоповскомъ роду не видано, не слыхано. Изъ хорошаго купеческаго рода да въ разводки попала. Въ глаза людямъ стыдно посмотрѣть.

А еще пуще того не покорами донимали,—насмѣшками.

— Видно, пословица-то не даромъ молвится,—говорили,—самъ плохъ, не вынесетъ и Богъ. Дура, дурой и есть. У этакого богача сидючи, да съ чѣмъ пришла, съ тѣмъ и ушла. Бахваловъ-то Ипполитъ, говорятъ, съ ума сошелъ, деньги-то, говорятъ, походя расшвыриваетъ, чужіе, и тѣ куски рвутъ, только она одна ни съ чѣмъ отъѣхала.

А старшій братъ хмуро и съ сердцемъ отчитывалъ ее:

— Этакъ, сестрица моя милая, замужъ выходить Москву только тѣшить. Ежели бы ты баба-то настоящая была, у тебя отъ Сосипатра все-таки хошь какъ-никакъ, на худой конецъ хоть двое бы щенятъ прибыло, смотришь, на ихъ долю что-нибудь и перепало бы: все-

Библиотека "Руниверс"

таки бахваловскіе—своя кровь. А теперь что ты? Ни дѣвка, ни вдова, ни мужняя жена.

Плакала Салотопова и скучала по Бахваловскому дому, да ужъ дѣлать было нечего. Корить-то родные корили, а денежки-то братъ всѣ прикарманилъ.

— При нынѣшнемъ, любезная сестрица, положеніи такая сумма тебѣ не надобна,—говорилъ братъ.—Деньги мѣста не пролежатъ. А вѣдь, можетъ, тебѣ еще и женишокъ выищется, такъ денежки-то и пригодятся, хорошій-то женихъ на тебѣ безъ денегъ не женится.

Пустѣлъ Бахваловскій домъ, терялъ своихъ насельниковъ и все глубже погружался въ мрачную тусклую тишину, точно уходилъ въ сумерки прошлаго.

Но еще довелось ему буйно, хлѣбосольно и весело отпировать свадьбу Зинаиды Викуловны. Цѣлую недѣлю день и ночь сіялъ огнями, гремѣлъ музыкой, гудѣлъ голосами старый Бахваловскій домъ. Цѣлую недѣлю день и ночь стояли настежь, горя въ разноцвѣтныхъ шкаликахъ дубовыя, съ желѣзными затворами ворота, готовыя и принять и проводить гостей. Ломились подъ тяжестью яствъ накрытые «натвердо» столы въ парадной столовой и въ буфетныхъ комнатахъ для гостей попроще. Трещалъ отъ пляса и топота ногъ старинный штучный паркетъ въ бѣломъ зеркальномъ залѣ, гдѣ подъ музыку двухъ оркестровъ каждый вечеръ и до зари въ буйномъ раздольѣ развертывался пышный балъ, струясь шелкомъ и бархатомъ тканей, блескомъ молодыхъ красивыхъ лицъ, женскихъ обнаженныхъ плечъ и рукъ и сверканіемъ цѣлыхъ потоковъ брильянтовъ и драгоцѣнныхъ камней, переливавшихся въ волосахъ, на шеяхъ, рукахъ и платьяхъ.

Танцовали модернъ-танцы, медвѣдя, two step, танго impossible, танцовали старомодные кадриль, лансье и польку-мазурку и тутъ же плясали камаринскую, «Сѣни», «Женушку», «Лебеду».

Во время длительнаго параднаго обѣда, начинавшагося въ шесть часовъ, а кончавшагося въ одиннадцать, съ эстрады, убранной цвѣтами и тропическими растеніями, услаждая слухъ застольниковъ, лились звуки стотысячной скрипки, на которой игралъ скрипачъ—европейская знаменитость—за гонораръ, стоившій цѣлаго концертнаго сбора. На смѣну ему выходили балалаечники, гусляры и рожечники, оперныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ смѣняли цыгане, и бойко отжаривалъ на огромной, едва помѣщавшейся на худыхъ и костлявыхъ колѣняхъ гармоникѣ извѣстный въ Замоскворѣчьѣ артистъ-самоучка Яша Завидовъ, слѣпенькій Яша, какъ звали его.

Былъ онъ сначала въ мальчишкахъ—у Полупудовыхъ, потомъ вышелъ въ молодцы, и бывало всегда любилъ поиграть на гармошкѣ, благо хозяева не запрещали, у Полупудовыхъ издавна музыку любили. А тамъ заболѣли у него глаза. Долго лечили его. Чаемъ примачивали, егоровскія капли пускали, спускомъ на горячемъ маслѣ

Библиотека "Руниверс"

изъ лампадки отъ Пантелеймона угодника мазали,—ничего пользы. Ужъ и видѣть сталъ плохо. Приказали хозяева къ докторамъ итти. А тѣ и лечить не взялись. Кабы, говорятъ, раньше, пустое было бы дѣло, а теперь ужъ поздно. И ослѣпъ Яша. Въ лавкахъ ужъ не пригоденъ сталъ. Да, видно, нѣтъ худа безъ добра, правду говоритъ пословица. Пожалѣли его Полупудовы, приказали въ каморочкѣ при молодцовской жить, харчъ и одежу отъ себя положили, а на мѣсто прежней гармошки подарили ему новую, что ни на есть лучше, полтораста рублей, говорятъ, заплатили и велѣли ему играть.

Что больше, то лучше игралъ Яша. Полупудовы-то ужъ имъ хвалиться начали. Какъ гости, такъ сейчасъ Яшей величаться начнутъ, въ парадныя горницы зовутъ и играть приказываютъ.

А тамъ ужъ пошла про него слава по всему Замоскворѣчью. Гдѣ свадьба, именины, а то и такъ соберутся, посылаютъ за Яшей. Накормятъ, напоятъ, деньгами надѣлятъ, пришелся человѣкъ по вкусу, да и угодить всякому умѣлъ: кто хотѣлъ плясать—плясалъ подъ Яшу, кто хотѣлъ плакать—плакалъ подъ Яшу. Въ Замоскворѣчьѣ такъ и говорили: «Мы свадьбу-то подъ Яшу справили любехонько».

И чего только не игралъ Яша. Игралъ всевозможные танцы, всѣ, какія только довелось ему слышать, мелодіи, игралъ старинные и новѣйшіе романсы, духовные стихи и церковныя пѣснопѣнія. Но выше всего цѣнили его за пѣсни, Богъ знаетъ когда, гдѣ подслушанныя родныя пѣсни, которыя онъ не только игралъ, но еще и пѣлъ слабымъ, но задушевнымъ пріятнымъ голосомъ, и были онѣ у него то удалыя, буйныя и разымчивыя, какъ хмель, то задорныя, подмывающія и веселыя, то стономъ стонущія, скучныя, унылыя, за душу хватающія.

Не могли обойтись безъ Яши и на свадьбѣ Зинаиды Викуловны. Любили слѣпенькаго и въ Бахваловскомъ домѣ, а тутъ ужъ надо и потому было пригласить, что по Маринѣ Викуловнѣ Полупудовы-то выходили свояки, и хоть и судилась съ ними Марина Викуловна за наслѣдство, да вѣдь судъ дружбы не рушитъ, дружба дѣло не купленное, а денежки счетъ любятъ. Да и молодой, Карманъ-Лелѣевъ, Яшину руку поддержалъ. Хотѣлось ему, чтобы свадьба справилась стильно, по-купечески, на замоскворѣцкій ладъ, хоть и былъ онъ самъ изъ поповичей, на двухъ первыхъ женахъ на барыняхъ былъ женатъ и всю жизнь около московскаго барства терся.

Пришелся Яша гостямъ по сердцу. Какъ выйдетъ онъ подъ конецъ съ своей гармоникой, такъ и не дадутъ ему до конца уйти. Слушаютъ его пѣсни—наслушаться не могутъ, шампанскимъ его поятъ, деньгами задариваютъ. Иной купецъ, крѣпкій, какъ дубъ, упрямый, властный, у котораго, кажется, и сердце-то каменное, глядишь, подъ Яшину пѣсню расчувствуется, подопретъ рукой голову да и заплачетъ. Модный адвокатъ изъ евреевъ, товарищъ Гиршфельда по университету, и тотъ не устоялъ передъ Яшей. Под-

Библиотека "Руниверс"

сѣлъ къ нему, долго всматривался въ его странно-значительное, съ никогда не поднимающимися надъ потухшими глазами вѣками лицо, съ русой бородкой клинушкомъ, съ жидкими, чуть замѣтными усиками и бровями, съ большимъ выпуклымъ лбомъ, съ тонкимъ и сухимъ носомъ съ горбинкой.

Долго вслушивался въ его голосъ. А потомъ похлопалъ его по плечу и сказалъ:

— Эхъ, Яша, Яша! Удивительный вы человѣкъ! И сами вы не знаете, какой вы талантъ. Вы, Яша, чародѣй, настоящій властитель толпы. Поѣдемте со мной въ Америку, Яша, васъ тамъ засыплютъ золотомъ.

— Помилуйте-съ,—отвѣтилъ Яша:—у меня и здѣсь денегъ куры не клюютъ. А безъ Москвы я помереть долженъ.

А въ молодцовской и въ людскихъ пировали приказчики, угощались свои и чужіе кучера и дворня, ѣли, пили, сколько влѣзетъ, чествовали хозяевъ, величали молодыхъ. Бодрая, хоть и пожилая стряпуха только успѣвала поворачиваться и не слышала подъ собою ногъ. Много было добра наготовлено, да много было и ѣдоковъ. Дѣло свадьбишное. Хоть и то надо сказать, въ Бахваловскомъ домѣ кормы всегда были обильные. «Ѣшь до отвалу, работай до запалу», любили говорить Бахваловы.

А бѣлымъ днемъ, часовъ отъ одиннадцати утра и до двухъ, когда започевавшіе гости только что понемногу начинали подниматься, а тѣхъ, кто разъѣхались на разсвѣтѣ, надо было ждать только къ обѣду, и молодые еще почивали въ горячихъ и пышныхъ пуховикахъ на дѣдовской двуспальной краснаго дерева кровати, приданой бабиньки Анны Васильевны, встрѣчая по старинкѣ первые дни своей совмѣстной жизни въ невѣстиномъ домѣ, какъ будто затихалъ Бахваловскій домъ. Но выходилъ на крыльцо Сосипатръ Викуловичъ съ кѣмъ-нибудь изъ собутыльниковъ, пріѣзжали изъ лавокъ братья Полупудовы, привозили съ собой знакомыхъ купцовъ и, не входя въ домъ, оставались всѣ на дворѣ. Ждала ихъ любимая потѣха.

Еще не протрезвившіеся и не проспавшіеся кучера, каждый дѣтина хоть куда, съ черными и рыжими окладистыми бородами, съ румяными лоснящимися щеками, рослые, видные, плечистые богатыри, въ канаусовыхъ малиновыхъ, желтыхъ или голубыхъ рубахахъ, въ плисовыхъ черныхъ безрукавкахъ и шароварахъ въ сапоги, встряхивая въ кружокъ остриженными волосами и расправляя грудь и плечи, одинъ за другимъ выходили на середину широкаго, чисто выметеннаго двора, крестились на востокъ и низко кланялись хозяевамъ.

Засучены широкіе шелковые цвѣтные рукава по самое плечо, напружены обнаженныя могучія, точно вылитыя изъ металла руки. Начинается кулачный бой.

Библиотека "Руниверс"

Глазъ не сводятъ съ бойцовъ любители, горячатся, спорятъ, бьются объ закладъ.

Пять тысячъ уже поставилъ за своего рыжебородаго Андрея, голубая рубаха котораго вся въ алыхъ кровавыхъ пятнахъ, Полупудовъ.

Но вошелъ въ азартъ и Сосипатръ и, забывъ, что чернобородый красавецъ Липатъ даже и не у него служитъ, а у Ипполита, не своимъ голосомъ кричитъ:

— Живъ быть не хочу! Десятью тысячами за Липатку отвѣчаю.

— Не хвались, на бой идучи,—говоритъ Полупудовъ.

Но, зашатавшись подъ мощнымъ ударомъ въ грудь, падаетъ Андрей навзничь.

Съ торжествомъ, въ дикомъ восторгѣ восклицаетъ Сосипатръ:

— Эхъ, милый! Спасибо, Липатушка! Утерли Бахваловы носъ Полупудовымъ. У Липата-то на рубахѣ ни кровинки.

— Не видать на малиновой-то,—довольно говоритъ Липатъ и улыбается счастливой, застѣнчивой улыбкой, смѣшной для такого большого и сильнаго мужика.

— Катеньку получи,—суетъ ему сторублевку Сосипатръ.

— Ну-къ, что жъ,—вытаскивая туго набитый бумажникъ, пренебрежительно говоритъ Полупудовъ:—выигралъ, такъ и выигралъ. Съ собой-то у меня только полторы тысячи, подбирай, твое счастье, остальное за мной.

— Сочтемся,—говоритъ Сосипатръ, распихивая по карманамъ деньги.

А въ ворота уже ввалилась цѣлая толпа молодцовъ. Идутъ стѣнку на стѣнку бахваловскіе противъ расторгуевскихъ. Подмочными имъ бахваловскимъ—полупудовскіе; расторгуевскимъ—разживинскіе.

Въ настежь раскрытыя ворота валомъ-валятъ зрители, любопытные прохожіе, уличные мальчики и дѣвчонки, прислуга, нѣсколько солдатъ, пожарный въ каскѣ, случайно попавшій сюда шарманщикъ.

— Жарь маршъ!—кричитъ ему Сосипатръ и тычетъ прямо въ лицо опѣшившему и испуганному венгерцу двадцатипятирублевкой.

Дребезжащіе и невѣрные, смѣшные и унылые, ненужные въ этой обстановкѣ звуки незамысловатаго, стариннаго нѣмецкаго вальса оглашаютъ дворъ. И неистово выкрикиваетъ, размахивая надъ головой пачкой кредитокъ, Сосипатръ:

— Эй вы, бахваловскіе люди! Не клади охулки на руки! Не жалѣйте чужихъ реберъ! Круши ихъ въ мою голову! По красненькой на рыло получай.

Кипитъ бой на Бахваловскомъ дворѣ. Но волею судебъ суждено ему прекратиться до смертоубійства и ограничиться только членовредительствомъ.

Въ самый разгаръ «стѣнки» на Бахваловскомъ дворѣ появляется нарядъ городовыхъ, и молодой помощникъ, упитанный, свѣжій и ще-

Библиотека "Руниверс"

голеватый, рисуясь военной выправкой, подходитъ къ крыльцу и съ вѣжливой настойчивостью говоритъ купцамъ:

— Покорнѣйше прошу прекратить безобразіе и благоволите приказать вашимъ людямъ разойтись.

Сосипатръ и не видитъ и не слышитъ его. Онъ мечется по крыльцу, машетъ обѣими руками и бѣлугой оретъ:

— Не сдавай, ребята! Поддержись! Постой за Бахваловыхъ!

А Полупудовъ, ослабляясь широкой, нагловатой усмѣшкой и глядя прямо въ лицо полицейскому, говоритъ:

— Откушать съ нами пожалуйте. Безъ васъ и за столъ не садились, васъ ждали.

И подмигиваетъ на Сосипатра.

— Съ ума сошелъ человѣкъ, изъ границъ выкатился.

— Очень прошу прекратить безобразіе,—повторяетъ помощникъ.

И съ той же наглой усмѣшкой говоритъ Полупудовъ:

— А какъ у квартальныхъ теперь обшлага у мундировъ—широки или узки? Прежде-то бывали узкіе, что за обшлагъ попадетъ, не вывалится.

И въ тонъ ему, сохраняя серьезность въ лицѣ, но смѣясь веселыми карими глазами, нашелся полицейскій:

— Потолще подложить, такъ и сейчасъ не вывалится.

Громко хохочетъ Полупудовъ.

Но сбѣгаетъ съ лѣстницы генеральшинъ лакей Семенъ, въ прекрасно сшитомъ черномъ фракѣ, въ бѣлоснѣжномъ пластронѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ и проборомъ во всю голову, дѣлающимъ его похожимъ на англичанина, и, помахивая салфеткой въ правой рукѣ, говоритъ:

— Убѣдительнѣйше прошу господъ наверхъ пожаловать, завтракъ остынетъ.

— Ну-ка, ваше благородіе, покажи дорогу къ столу,—весело говоритъ Полупудовъ полицейскому:—пожалуйте, милости просимъ къ нашей плошкѣ съ вашей ложкой.

Любитъ Полупудовъ ввернуть пословицу, поговорку, щегольнуть простенькой русской рѣчью, нужды нѣтъ, что практическую академію кончилъ, всѣ заграницы объѣздилъ, любитъ литературу и самъ, говорятъ, пописываетъ.

— Идемъ, что ли, Сосипатръ,—приглашаетъ онъ Бахвалова:—не у чего тутъ больше стоять. Видимое дѣло, бахваловскіе верхъ взяли.

— Нашъ верхъ! Бахваловскій верхъ! — восторженно кричитъ Сосипатръ.

И вдругъ, замѣтивъ городовыхъ, уже идя за Полупудовымъ, который тащитъ его за собою, и подталкиваемый со всѣхъ сторонъ всей компаніей, устремившейся съ крыльца наверхъ, обернувшись на-

Библиотека "Руниверс"

задъ, успѣваетъ еще черезъ плечо зычно и повелительно крикнуть стоящему у воротъ дворнику:

— Эй, Архипъ! Гони архаровцевъ въ шею! По трешницѣ въ зубы потомъ получатъ.

— Слушаю Сосипатръ Викуловичъ,—отвѣчаетъ Архипъ:—уберу ихъ живымъ манеромъ.

Но и городовымъ находится дѣло. Свалка на Бахваловскомъ дворѣ принимаетъ угрожающій характеръ, и всѣ, кто не участвуетъ въ ней, дворники, кучера, сторонніе люди, бросаются на обезумѣвшихъ, озвѣрѣвшихъ бойцовъ, которые колотятъ кулаками и, низко нагнувъ голову, спасая ее отъ вражьихъ ударовъ, стараются ударить ею противника въ животъ и сбить его съ ногъ.

Помощь городовыхъ оказалась не лишней. Распорядительно и умѣло принялись они за мѣры къ прекращенію безпорядковъ. И пока сильные дворники и кучера оттаскивали другъ отъ друга драчуновъ, надрываясь отъ крика: «Черти, дьяволы, очумѣли, что ли? Расходись по-Божьему!» — полицейскіе орудовали по-своему: сыпались затрещины, оплеухи, подзатыльники подъ аккомпанементъ начальственныхъ грозныхъ окриковъ:

— Смирно! Назадъ! Осади! Разойдись! Поливай!

И съ хохотомъ тащила дворня широкія, полныя воды ведра и выплескивала ихъ на стѣнку, пока наконецъ холодная вода не промочила насквозь и не остудила пылъ бойцовъ.

Да и пора было. Надо было дворъ прибирать, всѣхъ лишнихъ людей убрать. Какой-нибудь часокъ-другой, и гости начнутъ жаловать. Надо ихъ честь-честью принять, съ неумытымъ-то рыломъ совѣстно гостей привѣчать.

Такъ-то справляли свадьбу Зинаиды Викуловны въ Бахваловскомъ домѣ.

XXXIII.

Пролетѣла недѣля живехонько. Отпировали и уѣхали къ себѣ новожены въ собственный домъ. Карманъ-Лелѣевъ не построилъ, не купилъ и въ карты не выигралъ, а только, какъ въ сказкѣ, сказалъ:

— По щучьему велѣнью, по моему прошенью, быть тебѣ домъ моимъ.

И очутился старый, выжившій изъ ума князь Карнауховъ безъ дома, и сталъ бывшій княжескій домъ за Карманъ-Лелѣевымъ.

Но и то надо сказать, въ добрыя руки попало наслѣдіе вѣковъ и поколѣній.

Любилъ и цѣнилъ красоту Карманъ-Лелѣевъ и умѣлъ находить ее. А пуще всего почиталъ старину, пуще глаза хранилъ ее, благоговѣйно чтилъ память утонувшаго въ вѣкахъ прошлаго, несомнѣнно, болѣе тяжелаго, болѣе мрачнаго и труднаго, чѣмъ современность, и все-таки прокладывавшаго вѣчно и упорно ту стезю, по которой

Библиотека "Руниверс"

поэтъ и художникъ ведутъ на высоту къ храму немеркнущей вѣчной красоты человѣчество.

Проносились событія надъ Бахваловскимъ домомъ, но какъ-то шли они всѣ мимо Ипполита Бахвалова. Почти не принималъ онъ въ нихъ участія, погруженный въ себя и въ свои думы.

Живѣе прочаго воспринялъ онъ только смерть Веденеича.

Впрочемъ, и на всѣхъ Бахваловыхъ смерть эта произвела впечатлѣніе, или, вѣрнѣе, произвело впечатлѣніе то, что Веденеичъ, всю жизнь стоявшій у такого золотого дѣла, оставилъ послѣ себя только три тысячи рублей, изъ которыхъ двѣ тысячи рублей завѣщалъ своимъ двумъ племянникамъ, тысячу рублей на добрыя дѣла и на погребеніе особо отложилъ пятьдесятъ рублей.

Растрогало это всѣхъ Бахваловыхъ. Знали Веденеича за честнаго человѣка, закрывъ глаза, ему деньги давали, не учитывали, знали и то, что накопить Веденеичу при его честности было неоткуда. У покойнаго Прова Сидоровича десять лѣтъ онъ въ мальчишкахъ числился, харчъ и одежа хозяйскіе, а чтобъ жалованье шло—такого и заведенія не было. Слава Богу, сытъ, одѣтъ, обутъ,—куда ему деньги дѣвать? Только избалуется, курить начнетъ, а тамъ, чего добраго, и за водочку примется,

Въ подручныхъ три года Веденеичъ по три рубля въ мѣсяцъ получалъ. А тамъ ужъ и прибавки пошли, по пятьдесятъ рублей въ годъ сталъ получать. И ужъ когда Провъ Сидоровичъ въ немъ совсѣмъ увѣрился, въ старшіе приказчики его произвелъ, надъ всѣмъ дѣломъ поставилъ, онъ и въ лавкахъ, онъ и въ амбарахъ, онъ и на фабрики поѣзжай, тутъ ужъ онъ ему сразу двадцать рублей въ мѣсяцъ положилъ, передъ всѣми приказчиками отличилъ; молодцы-то по восьми, по десяти рублей получали, старшой въ магазинѣ на Ильинкѣ двѣнадцать цѣлковыхъ получалъ, да еще какъ благодаренъ былъ: выручка-то вѣдь тутъ же подъ руками, кассъ-то этихъ нонѣшнихъ, при которыхъ человѣка поставь—она тебѣ все до копеечки учтетъ, и въ заводѣ не было. А тамъ и еще прибавки пошли. Еще при Викулѣ Прововичѣ до пятидесяти рублей въ мѣсяцъ Веденеичево жалованье дошло, а больше ужъ онъ самъ не хотѣлъ брать, хоть и ушло время впередъ и деньгамъ цѣна стала совсѣмъ другая. Да и люди стали не тѣ. Приказчики избаловались. Чего было не слыхано, не видано,—съ мѣста на мѣсто стали переходить, мѣнять стали хозяевъ, жалованье стали требовать большое, ни съ чѣмъ не сообразное: подай ему семьдесятъ пять и сто рублей.

Такъ на пятидесяти рубляхъ Веденеичъ и остался, хоть Ипполитъ Викуловичъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ за хозяина, сердился за это на Веденеича, а подъ конецъ махнулъ на него рукой.

Все это отлично знали Бахваловы. Но знали они и то, что всѣ приказчики въ лавкахъ и амбарахъ воровали, кто деньгами, кто

Библиотека "Руниверс"

товаромъ. Иной приказчикъ жалованье получаетъ маленькое, изъ молодцовской уйдетъ, на отдѣльную квартиру попросится, да еще и женится, возьметъ за себя безприданницу, а тамъ, смотришь, отъ хозяина отошелъ, свою лавочку открылъ, а годъ-два прошло, глядь, ужъ онъ въ десяткахъ тысячъ объявился. Дѣло самое обыкновенное. На это въ купечествѣ не сердились. При случаѣ еще и похвалятъ:

— Не тотъ воръ, скажутъ, кто укралъ, да и хозяину рубль на рубль нажитъ далъ, а тотъ воръ, кто не кралъ, да и свое и хозяйское проморгалъ.

— Купецъ-то та же свинка—золотая щетинка,—говаривали:— только щетину-то надо драть умѣючи: дери, да не до мяса, чтобъ свинья не брыкалась. Что больше дерешь, то гуще растетъ.

И хоть уважали Бахваловы Веденеича за честность, но, будучи не склонны къ идеализаціи, клали ей извѣстный предѣлъ, и казалось имъ вполнѣ естественнымъ, понятнымъ и неизбѣжнымъ, что, сидя у мѣшка съ золотомъ, запуститъ человѣкъ въ него руку, и думалось имъ, что и Веденеичъ, гдѣ можно, своего не упуститъ, хотя, конечно, не безъ совѣсти, на то онъ и честный человѣкъ. А на совѣсть хапнулъ, хозяевъ не обидѣлъ,—бѣда не велика, да и Богъ проститъ. Честь не лошадь, не везетъ, не пашетъ, съ честью жить— на себѣ не возить, а что и честь, коли нечего ѣсть.

Такъ разсуждали Бахваловы. И казалось имъ, что разсуждали они правильно и увѣрены были, что всѣхъ своихъ, а особливо Веденеича, знаютъ, какъ свои пять пальцевъ.

А вотъ вышло, что не знаютъ они Веденеича. Что былъ онъ имъ не только хорошій и вѣрный слуга, но и былъ еще человѣкъ рѣдкостный, необыкновенный, котораго днемъ съ огнемъ искать нужно, да еще и не сыщешь.

Къ чести Бахваловыхъ нужно сказать, что хотя и были они всѣ по складу своему практики, дѣльцы и скептики, хотя и прилѣплялись къ земнымъ благамъ и умъ и способности ихъ устремлялись на пріобрѣтеніе ихъ, но были они люди великихъ крайностей, неожиданныхъ влеченій и сопоставленій, и ужъ если подымались отъ дольнихъ къ горнему, то всѣ житейскія мѣрки отбрасывали и ужъ мирились только на святости.

Святыхъ же своихъ другими не понимали, какъ безсребренниками, нагими, раздѣтыми, разутыми, холодными и голодными и чѣмъ горше, тѣмъ лучше. Пусть будутъ они слѣпые, хромые, калѣки и язвами покрытые, но пусть легко несутъ они тяготу убожества своего, на то они и убогіе, т.е. свои у Бога, и пусть блаженной радостью свѣтятся лица ихъ.

Только настоящей святости, неподкупной, неподмѣнной, изъ себя растущей и себѣ довлѣющей алкали ихъ души. Но не искали ея. Презрительно глядѣли на людей и не ждали отъ нихъ чрезвычайнаго.

Библиотека "Руниверс"

А гдѣ-то въ глубинѣ сердецъ, засыпанные прахомъ земныхъ вожделѣній, утѣхъ и наслажденій, трепетали, то разгораясь на мгновеніе, то померкая, вотъ-вотъ совсѣмъ погаснутъ и никогда уже больше не разгорятся, самимъ имъ невѣдомые, жгучіе пламенники смятенной тоски и вышнихъ исканій.

Зажглись они искони мерцаніемъ лампадныхъ огней, бѣлаго—символъ вѣры, зеленаго,—символъ надежды и краснаго—символъ Божественной любви, огней, въ озареніи которыхъ таинственнымъ нездѣшнимъ свѣтомъ сіяютъ темные, суровые и благостные лики иконъ, священныхъ, не отъ міра сего обитателей старинныхъ московскихъ соборовъ и храмовъ, величественно-скорбныхъ, торжественно-мрачныхъ, душевно-свѣтлыхъ, въ благоговѣйномъ безмолвіи своемъ немолчно повѣствующихъ стѣнами и главами своими, раками святыхъ, гробницами царей исторію младенческаго житія великаго народа.

Зажглись тѣ пламенники вѣка тому назадъ въ простыхъ и грубыхъ, но мудрыхъ и справедливыхъ мужицкихъ сердцахъ. Издавна горѣли и горятъ до сихъ поръ подъ сладостно-мощный гулъ московскихъ колоколовъ, подъ медленное и торжественное шествіе крестныхъ ходовъ съ колышущимися высоко надъ толпой сверкающими хоругвями, съ несомыми доброхотными тружениками мѣстными иконами въ сіяніи священническихъ облаченій, въ цвѣтной пестротѣ женскихъ одеждъ, въ волнующемся морѣ обнаженныхъ головъ съ бородатыми, загорѣлыми строгими лицами съ широкими бѣлыми лбами.

Горѣли они подъ малиновые, вечерніе и всенощные звоны, подъ красный звонъ и ликующіе хоры пасхальной утрени, подъ мощные и трогательные звуки церковныхъ пѣснопѣній, суровыхъ, строгихъ и унылыхъ въ мужскихъ монастыряхъ, утѣшныхъ, манящихъ раемъ и напѣвно-красивыхъ въ женскихъ обителяхъ, подъ истовое церковное служеніе, подъ тихую проникновенную молитву батюшки, подъ громогласныя, потрясающія стѣны и воздухъ возгласы отца дьякона. Горѣли и не угасали, вѣчно питаемые неутолимой отрадой, вѣчно раскаляемые томленіемъ духа по недосягаемому небесному граду.

Горѣли издавна, всегда. Горятъ и теперь.

Зато ужъ и жалѣли Веденеича Бахваловы. Такъ жалѣли, что и сами не ожидали. Всѣ были на похоронахъ его. Дамы въ глубокомъ траурѣ. И такъ рыдали и плакали Викуловны, что не подумалъ бы никто, что хоронятъ только слугу, а не самаго близкаго человѣка. Да и всѣ были огорчены. Точно всѣ почувствовали себя виноватыми передъ ушедшимъ въ лучшій міръ человѣкомъ въ томъ, что при жизни и не подумали подойти къ нему, не оцѣнили, не поняли и поставили ниже того, чего онъ былъ достоинъ. И было обидно и горько сознавать, что ничего ужъ исправить нельзя и

Библиотека "Руниверс"

что ушелъ онъ, оставивъ ихъ вѣчными себѣ неоплатными должниками.

Ипполитъ Викуловичъ щедро наградилъ отъ себя наслѣдниковъ Веденеича, а чтобы увѣковѣчить память вѣрнаго, безкорыстнаго слуги Бахваловыхъ, основалъ имени его безплатную торговую школу.

Не покладая рукъ, трудился Ипполитъ Викуловичъ. Кипѣлъ, горѣлъ, не зналъ отдыха и не думалъ о немъ. Вставалъ чѣмъ свѣтъ, ложился за полночь, самъ велъ огромную, все расширявшуюся корреспонденцію и съ частными лицами, и съ учрежденіями, и съ просвѣтительными обществами. Съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что Бахваловъ даетъ, тысячи рукъ протянулись за подачками и много было среди этихъ рукъ праздныхъ и нечистыхъ. Но острый, наметавшійся взглядъ Бахвалова умѣлъ различать людей, умѣлъ разбираться и въ письмахъ и въ прошеніяхъ.

Но наконецъ почувствовалъ, что усталъ, и, какъ всѣ сильные люди, подвижники большой мысли и труднаго дѣла, только тогда ощутилъ эту усталость, когда дошелъ до конца.

За какія-нибудь пять лѣтъ ушло до тридцати милліоновъ.

— Теперь баста!—сказалъ Бахваловъ Гиршфельду.—Моего у меня ужъ ничего нѣтъ, а дѣтскаго я не трону. Живите, какъ нужно по-вашему.

XXIII.

Безустанны и мощны крылья времени.

Таинственны и прикровенны пути совершенствованій.

Неутомима и непрерывна работа жизни.

Грустное и веселое, смѣшное и печальное, безпечное и тяжелое, мучительное и злобное, отрадное и любовное, жестокое и слабое, высокое и ничтожное,—все вошло въ нее,все сплелось, перепуталось въ ней.

Но неизмѣнно прекрасно ея вѣчное лицо и неизмѣнно обращено оно къ высокому и далекому солнцу добра и правды.

Бахваловскій домъ стоитъ до сихъ поръ. Онъ давно уже не ремонтируется, и никто не живетъ въ немъ. Но онъ все еще крѣпокъ и видомъ своимъ похожъ на коренастаго, кряжистаго старика, который, пожалуй, переживетъ своихъ внуковъ.

Бѣлый домъ отдѣленъ теперь отъ него узенькимъ новопроложеннымъ переулкомъ и выдѣленъ товариществомъ въ собственность Сосипатру Викуловичу, который въ немъ не живетъ, а превратилъ его въ музей искусствъ, главнымъ образомъ скульптуры.

Счастье наконецъ повернулось лицомъ къ Сосипатру, расчистило и украсило его жизненный путь. Полковница не долго протянула и умерла въ злѣйшей чахоткѣ въ Крыму, гдѣ ее и похоронили.

Библиотека "Руниверс"

Сосипатръ Викуловичъ чуть ли не въ день ея смерти женился на Стешѣ. На свадьбу своихъ не звалъ. Вѣнчался въ Грузинахъ, дружками и поѣзжанами были цыганы.

Косились сначала Бахваловы на новую Сосипатрову жену, но не выдержала Зинаида Викуловна. Сама первая поѣхала къ цыганкѣ, обласкала ее и прямо увезла съ собой на свой четверговый артистическій обѣдъ.

Сосипатръ Викуловичъ попрежнему статенъ, виденъ, до сихъ поръ картинно красивъ, и женщины все еще заглядываются на него. Но и въ поминѣ нѣтъ прежней безшабашной удали, безудержнаго разгула страстей, тщетно ищущихъ себѣ выхода. Сосипатръ Викуловичъ нашелъ себя. Зажглась въ душѣ его любовь къ искусству и сдѣлала его страстнымъ и чуткимъ собирателемъ произведеній прекраснаго. Въ его рукахъ когда-то бывшій содержанкинъ флигель сталъ истинной сокровищницей искусства.

Надо отдать справедливость Карманъ-Лелѣеву, который явился для него желаннымъ пособникомъ и сотрудникомъ и помогъ ему и горячимъ сочувствіемъ, и знаніемъ, и опытомъ, и тонкимъ пониманіемъ красоты. Бывало, только вдвоемъ съ Карманъ-Лелѣевымъ да развѣ изрѣдка съ Гиршфельдомъ, который въ иныя минуты досуга заглядывалъ въ бѣлый домъ отдохнуть душой отъ денежныхъ знаковъ и цифръ, ходили они по красиво-изящнымъ заламъ своего храма, смотрѣли, любовались, и рѣдко нарушали безмолвіе, точно боясь спугнуть красоту.

Но пошла слава по Москвѣ про Сосипатрову охоту, пришлось назначить дни для любопытныхъ, и въ бѣлый домъ стали вхожи разные, чуждые другъ другу люди, но у которыхъ, однако, было одно общее: влеченіе къ прекрасному. Прознали про бѣлый домъ и за границей. Стали въ него заглядывать и иностранцы, чаще другихъ англичане и американцы. Съ недовѣріемъ, оставляя экипажи на углу, проходили по кое-какъ вымощенному переулочку, съ недоумѣніемъ поднимались на бѣломраморную террасу, съ любопытствомъ смотрѣли на заполнявшій переулокъ толстостѣнный угрюмый, весь выцвѣтшій и въ потекахъ старый Бахваловскій домъ и нерѣшительно переступали порогъ хранилища. А переступивъ и войдя, останавливались, не вѣря своимъ глазамъ, восхищенные, пораженные, и, не сразу обрѣтя даръ слова, говорили то, что говорилъ каждый просвѣщенный иностранецъ, ненарокомъ заглянувшій въ уголокъ русской жизни:

— Изумительно! Это можетъ быть только въ Россіи.

Сосипатръ Викуловичъ оказался еще и прекраснымъ семьяниномъ. Дѣтей своихъ, мальчика и дѣвочку,—«цыганятъ», какъ зовутъ ихъ у Бахваловыхъ,—онъ обожаетъ. Иной разъ долго глядитъ на нихъ, не налюбуется, и если случится тутъ быть Карманъ-Лелѣеву, кстати сказать, ихъ крестному отцу, который тоже безъ ума отъ крест-

Библиотека "Руниверс"

никовъ и любитъ ихъ, какъ родныхъ, и балуетъ,—мигнетъ ему на дѣтей и съ горделивой и счастливой усмѣшкой скажетъ:

— Что, Ѳедотъ Никифоровичъ? Отдай все, да и мало! Вотъ тебѣ и Бахваловскіе.

— Ха-а-ра-ши!—какъ вздохнетъ, пропоетъ Карманъ-Лелѣевъ:— глазъ не оторвать.

И дѣйствительно, хороши удались у Сосипатра дѣти. Ужъ не говоря о необычайной, красочной и яркой, точно осіянной солнцемъ красотѣ, соединившей все лучшее отца и матери, оба, и мальчикъ, и дѣвочка, одарены живымъ темпераментомъ, быстрымъ и воспріимчивымъ умомъ, и на рѣдкость талантливы. Пѣвцами и музыкантами они точно родились. А мальчикъ еще и рисуетъ. Сосипатровыхъ дѣтей всѣ Бахваловы на рукахъ носятъ и гордятся ими, видятъ въ нихъ будущую славу Бахваловскаго рода и впервые вполнѣ сознательно ставятъ эту славу внѣ денегъ, внѣ капитала, внѣ наживы.

Вопреки опасеніямъ и ожиданіямъ, изъ цыганки Стеши вышла добрая жена, горячая мать и хорошая хозяйка. Она—большая домосѣдка, и вытащить ее куда-нибудь трудно. Дикая, необразованная, но съ природнымъ свѣтлымъ умомъ, она жадно тянется къ знанію. Сосипатръ Викуловичъ приглашалъ для нея учителей и самъ съ большой охотой занимается съ нею и читаетъ ей. Живутъ они очень дружно. Какъ про Сосипатра Викуловича, такъ и про Карманъ-Лелѣева въ ихъ кругу говорятъ, что оба они женамъ въ глаза глядятъ, наглядѣться не могутъ. Да мудрено ли?

Хороша и Зинаида Викуловна. Характера добродушнаго, уступчиваго, нисколько не перемѣнилась, все такая же пышная и видная, только одѣваться стала богаче. У нея очень открытый домъ, бываютъ литераторы, ученые, художники, артисты. На вечерахъ ея царитъ самое непринужденное веселье, и сама она обыкновенно поетъ на нихъ цыганскіе романсы, а подъ веселую руку и попляшетъ. Карманъ-Лелѣевъ, большой знатокъ и цѣнитель цыганщины, увѣряетъ, что жена его въ этомъ жанрѣ не имѣетъ соперницъ.

Торговый домъ Бахвалова Сыновья въ рукахъ акціонернаго общества процвѣтаетъ. Директоромъ его состоитъ Гиршфельдъ. Онъ же предсѣдатель наблюдательнаго комитета, товарищъ предсѣдателя ревизіонной комиссіи, членъ-учредитель общества взаимнаго страхованія, взаимопомощи и т. д., и т. д. Душа Бахваловскаго дѣла—онъ.

Раиса Викуловна владѣетъ наибольшимъ количествомъ акцій. У нея роскошный выѣздъ, домъ-дворецъ и безподобные брильянты. Она дѣлаетъ много добра, считается одной изъ самыхъ строгихъ и добродѣтельныхъ дамъ и пользуется общимъ уваженіемъ. И не удивительно: давнымъ-давно переросъ ея мужъ скромнаго маленькаго человѣка, какимъ знали его въ Бахваловскомъ домѣ. Теперь онъ воротила и тузъ и имѣетъ большой вѣсъ въ денежныхъ кругахъ. Если

Библиотека "Руниверс"

честолюбіе Раисы Викуловны и уязвлено нѣсколько тѣмъ, что ей такъ и не удалась купить себѣ титулованнаго мужа, то и это маленькое облачко на ея горизонтѣ готово растаять. Въ сферахъ знаютъ Гиршфельда, считаются съ нимъ, и не сегодня—завтра Раиса Викуловна будетъ имѣть удовольствіе украсить свою визитную золотообрѣзную карточку баронской короной.

Арсеній Ипполитовичъ довольствуется тѣмъ, что получаетъ доходы, но въ торговлю не мѣшается. Онъ женатъ, и Богъ наградилъ его многочадіемъ. Заодно съ женой, ярой спортсменкой, онъ воспитываетъ дѣтей на англійскій ладъ, спортсменами и спартанцами, и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы дать имъ блестящее образованіе. Онъ издаетъ свою газету, очень популяренъ въ общественнымъ кругахъ и не нынче—завтра сдѣлается государственнымъ дѣятелемъ. Про него говорятъ, что онъ смотритъ въ министры, но онъ не только смотритъ, онъ уже не разъ могъ бы быть министромъ, но министра-чиновника онъ въ себѣ не находитъ, и его не прельщаетъ подержанный и захватанный министерскій портфель, такъ часто переходящій изъ однѣхъ невѣрныхъ рукъ въ другія, еще болѣе ненадежныя. Но люди дальновидные, обладающіе политическимъ чутьемъ, видятъ и цѣнятъ въ немъ большого человѣка, знаютъ, что его выдвинутъ самыя событія, что въ достойной его исторической обстановкѣ онъ сыграетъ отвѣтственнную и руководящую роль, словомъ, вѣрятъ въ него и въ то, что, когда будетъ нужно, онъ окажется именно тѣмъ right man in the right place, который всегда находится у англичанъ, а у насъ, и по свойствамъ нашего духа, и по условіямъ нашей жизни, такая рѣдкость.

Сергѣй Ипполитовичъ еще въ самомъ началѣ вышелъ изъ директоровъ Бахваловскаго дѣла. Слишкомъ ужъ передовыми оказались тѣ новшества, которыя онъ сталъ вводить постепенно на фабрикѣ. Не столько акціонерное общество, сколько власти увидѣли въ его начинаніяхъ нѣчто вредное и опасное. Онъ живетъ въ Санъ-Франциско, гдѣ никто не мѣшаетъ ему на практикѣ осуществлять свои идеи. Онъ основалъ нѣсколько предпріятій, которыми владѣютъ и доходами съ которыхъ пользуются сами рабочіе. Жена ему хорошая помощница, а дѣти его истые американцы, для которыхъ Россія чужая , далекая и сказочная страна.

Иванъ Ипполитовичъ почти безвыѣздно живетъ въ Парижѣ. Всѣ свои значительныя средства онъ употребляетъ на научныя изслѣдованія. Въ Москвѣ онъ не извѣстенъ, и о немъ почти забыли, но за границей въ ученыхъ и медицинскихъ кругахъ о немъ отзываются съ почтеніемъ, и имя его ставится рядомъ съ такими именами, какъ Ру, Кюри и др.

Очень рѣдко, но онъ видается съ Аграфеной Асафовной. У него сохранилась къ ней теплое родственное чувство, питаемое тѣмъ обаяніемъ ея мощной, смѣлой и все еще не сложившей оружія кра-

Библиотека "Руниверс"

соты, которое всѣхъ покоряетъ и очаровываетъ, но чуть ли не больше,—глубокой, съ дѣтства внѣдрившейся признательностью за ту настойчивую твердость, за ту неуклонную рѣшимость, съ которой она когда-то отстаивала въ Бахваловскомъ домѣ право молодежи на просвѣщеніе.

Аграфена Асафовна принимаетъ его всегда сердечно, обворожительно, ласково, какъ можетъ принять только она, но, главное, умѣетъ поговорить съ нимъ о томъ, что ему дорого и интересно, объ его открытіяхъ, объ его новыхъ дерзновеніяхъ и проникновеніяхъ въ обширныя пустыни знанія, и въ этомъ разговорѣ она покажетъ себя собесѣдницей пріятной, серьезной и понимающей, потому что она все читаетъ, за всѣмъ слѣдитъ и, какъ съ усмѣшкой говоритъ она, «старается не отставать отъ вѣка».

Она живетъ въ собственномъ роскошномъ особнякѣ въ одномъ изъ аристократическихъ фобуровъ, выходящихъ на Елисейскія Поля. Быстро спустила она перепавшія ей отъ бабиньки и потомъ отъ товарищества деньги, но судьба опять улыбнулась ей, своей баловницѣ.

Въ Лондонѣ въ преклонныхъ лѣтахъ скончался Дмитрій Прововичъ Бахваловъ. Всю свою жизнь онъ прожилъ анахоретомъ и аскетомъ. Развлеченіемъ и усладой въ его жизни было собираніе золотыхъ и серебряныхъ вещей, утвари и предметовъ обихода мастерской художественной чеканки. Лучшія вещи Бенвенуто Челлини находятся въ этой коллекціи. Королевскому музею пожертвовалъ онъ не имѣющій себѣ равнаго въ мірѣ, какъ по качеству выполненія, такъ и по количеству вещей и цѣнности ихъ, рѣдкой чеканкѣ, великолѣпному рисунку и богатѣйшей композиціи золотой столовый сервизъ. Очень крупное состояніе свое завѣщалъ онъ рабочему фонду, на улучшеніе быта рабочихъ и на воспитаніе ихъ дѣтей. А на имя Аграфены Асафовны положилъ семьсотъ тысячъ съ правомъ пользоваться процентами съ тѣмъ, что по смерти ея на эти деньги долженъ быть выстроенъ въ Парижѣ женскій политехникумъ.

Лидія Викуловна не долго жила съ Аграфеной Асафовной. Замужъ она не захотѣла выйти, хотя и представлялись во всѣхъ отношеніяхъ блестящія партіи. Очень скоро ей пріѣлся и Парижъ и его шумная жизнь, а особенно не по душѣ пришлись всѣ искатели приключеній, прожигатели жизни, актеры, художники, литераторы, которые наполняли салонъ ея матери, ѣли, пили, занимали деньги и вносили съ собой атмосферу бездѣлья и безсмысленнаго, безцѣльнаго топтанья на мѣстѣ. Средства свои она сохранила, а проценты всѣ тратитъ на путешествія. Она уже побывала въ Индіи, въ Египтѣ, совершила опасную и интересную экскурсію со встрѣченной ею экспедиціей англичанъ въ Центральную Африку.

Участникъ этой экспедиціи, извѣстный ученый Джонъ Бернуфъ въ своемъ отчетѣ о ней упоминаетъ о Лидіи Бахваловой и между прочимъ говоритъ, что съ восхищеніемъ слушалъ отрывки изъ ея за-

Библиотека "Руниверс"

писокъ: такъ интересно, такъ образно онѣ написаны, причемъ обращаетъ вниманіе и на то, что не могъ пользоваться подлинникомъ, такъ какъ онъ написанъ по-русски, и что авторъ передавалъ ихъ по-англійски, свободнымъ и красивымъ языкомъ.

Лидія Викуловна, впрочемъ, и сама подумываетъ собрать весь записанный ею матеріалъ и издать книгу.

Марина Викуловна поручила свою тяжбу съ Полупудовыми Карманъ-Лелѣеву, выиграла ее и получила еще около трехъ милліоновъ. Она очень измѣнилась. Постарѣла, похудѣла и перестала пышно одѣваться. Но еще сохранила величественный видъ бывшей «генеральши», манеры и поступь королевы. Ниночку она не можетъ забыть и все груститъ по ней.

Въ выстроенномъ ею съ нарочитой цѣлью въ старинномъ, живописномъ, прекрасно содержимомъ паркѣ подъ Москвой барскомъ особнякѣ основанъ ею пансіонъ для дѣвицъ-сиротъ. Домъ, въ которомъ живетъ и сама основательница, содержится роскошно и отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ самаго утонченнаго комфорта. Всюду новѣйшія приспособленія, ковры, цвѣты, мраморныя ванны, картины, созданія искусства.

Комнаты для занятій высокія, свѣтлыя, уютно, по домашнему обставленныя, курсъ восьмилѣтній гимназическій, Кромѣ того, обязательно пѣніе, рисованіе, лѣпка, музыка и языки французскій, англійскій, итальянскій и испанскій. Дѣвочки принимаются въ это заведеніе въ возрастѣ отъ семи до одиннадцати лѣтъ безплатно, на полное иждивеніе, безъ права пользоваться отпускомъ, но съ правомъ въ назначенные дни и часы принимать у себя гостей и угощать ихъ. Въ пансіонѣ поддерживается общее настроеніе взаимной благожелательности, нѣжной заботливости, внимательнаго сочувствія и принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы юныя обитательницы его полны были радости жизни, веселья, сознанія не даромъ прожитаго дня и чувствовали себя въ родной и милой семьѣ. Пансіонъ имѣетъ собственную библіотеку, собственный лазаретъ,—отдѣленіе котораго, совершенно изолированное для заразныхъ, на всякій случай помѣщается въ отдѣльномъ флигелѣ въ паркѣ,—собственный концертный залъ и сцену. По окончаніи курсовъ каждая воспитанница остается на попеченіи состоящаго при пансіонѣ попечительнаго совѣта. Въ случаѣ выхода замужъ до совершеннолѣтія воспитанница вознаграждается приданымъ, въ противномъ случаѣ, въ день совершеннолѣтія ей, по усмотрѣнію того же совѣта, или передается весь ея капиталъ, или право пользоваться съ него процентами.

Недостатка въ желающихъ поступить въ это заведеніе, разумѣется, быть не можетъ. Но до сихъ поръ количество воспитанницъ едва доходило до сорока. Это объясняется тѣми затрудненіями, которыми обставленъ пріемъ. Вступающія должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: онѣ должны быть, хотя бы отъ простыхъ, но отъ здоро-

Библиотека "Руниверс"

выхъ, красивыхъ и способныхъ къ развитію родителей, имѣть хорошій ростъ и безукоризненное сложеніе, здоровый, безъ какихъ-либо дефектовъ организмъ и если не прекрасное, то миловидное лицо.

При такомъ строгомъ выборѣ, можетъ б ь, еще и не самымъ труднымъ является то, что у дѣвочки должно быть только одно изъ четырехъ именъ: Нина, Маріанна, Лидія или Агриппина.

Серафима Ивановна, схоронивъ Николая Викуловича, не долго держала мастерскую. Она живетъ на проценты съ капитала и числится опекуншей своихъ дѣтей, которыя тоже включены въ товарищество въ число членовъ.

Дѣти ее радуютъ. Печалитъ только то, что мальчикъ, который отлично учится въ гимназіи, страдаетъ падучей, по мнѣнію докторовъ, на почвѣ алкоголизма. Дѣвочку, удивительно красивую какой-то тонкой, нѣжной и одухотворенной красотой, очень напоминающую Аграфену Асафовну, но какъ бы идеализированную и облагороженную, Серафима Ивановна отдала въ театральное училище. На этотъ шагъ рѣшилась она, уступивъ настояніямъ понимающихъ людей, которые пророчатъ ея дочери блестящую карьеру, провидя въ ней истинное дарованіе.

Въ глухомъ захолустьѣ, въ Пріуральѣ, среди каменистыхъ отроговъ, между которыми тамъ и сямъ поднимаются стройныя, темнохвойныя, почти черныя ели и сосны, пріютился маленькій и бѣдный мужской монастырекъ.

За толстой каменной оградой, въ дощатой въ одно оконце сторожкѣ живетъ привратникъ, высокій, худой и суровый старикъ, по монастырскому, отецъ вратарь. Такъ его зовутъ. Онъ не здѣшній, и и откуда онъ—никто не знаетъ.

Разъ-два въ мѣсяцъ почтарь стучится къ нему въ сторожку и приноситъ ему денежный переводъ.

И тогда старикъ, согнувшись надъ деревяннымъ, задвинутымъ въ уголъ столомъ и макая перомъ въ пузырекъ съ чернилами, расписывается твердымъ, характернымъ почеркомъ и крупными прямыми буквами выводитъ:

— Ипполитъ Бахваловъ.

Уважая его волю и желаніе, родные никогда не навѣщаютъ его. Но деньги присылаютъ ему часто и, по мѣсту монастыря, не малыя. Всѣ эти деньги онъ до копейки раздаетъ крестьянамъ—богомольцамъ и нищимъ.

Маркъ Басанинъ.

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА[1].

XII.

ВЪ НАЧАЛѢ девятидесятыхъ годовъ, а, можетъ быть, и нѣсколько раньше, Николай Худековъ, управлявшій «Петербургской Газетой», сынъ ея издателя С. Н. Худекова, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ интерьюировать, не упомню ужъ, по какимъ вопросамъ, извѣстнаго писателя-публициста, Николая Константиновича Михайловскаго. Офиціальнымъ интервьюеромъ при редакціи состоялъ Гейнце. Мнѣ итти интервьюировать, въ особенности Михайловскаго, вовсе не улыбалось.

— Да вы бы лучше послали Гейнце. Онъ умѣлый, а я никогда и никого еще не интервьюировалъ.

— Нельзя. Михайловскій вернулъ его карточку и просилъ больше его не безпокоить. Вы же съ нимъ, кажется, знакомы!

— Очень мало. Встрѣчался нѣсколько разъ. Пожалуй, онъ и меня попроситъ его не безпокоить, просто не приметъ.

— Попытайтесь.

Пришлось итти, иначе моя работа въ «Петербургской Газетѣ», навѣрное бы, прекратились. Худековъ не допускалъ неисполненія своихъ распоряженій.

Михайловскій жилъ гдѣ-то за артиллерійскими казармами, въ невзрачномъ двухъэтажномъ домикѣ. Входъ по темной лѣст-

[1]) Окончаніе. «Историч. Вѣстн.». т. CXIV, стр. 613.

Библиотека "Руниверс"

ницѣ. Передняя тѣсная, маленькая. Когда я вошелъ, Николай Константиновичъ разговаривалъ съ толстой дамой о какой-то рукописи. И, Боже мой, какимъ онъ показался мнѣ худенькимъ, маленькимъ, буквально ветхенькимъ, изжившимъ въ сравненіи со своей толстой и здоровой собесѣдницей. Отъ прежняго красавца Михайловскаго начала 80-хъ годовъ рѣшительно ничего не осталось.

На порогѣ кабинета, маленькаго и довольно грязнаго, стоялъ старичекъ съ длинными сѣдыми волосами, въ какомъ-то архалучкѣ и тщетно пытался переспорить очень голосистую барыню. Споръ кончился тѣмъ, что онъ махнулъ рукой и сказалъ: «Ну, пусть будетъ по-вашему».

— Я сдамъ рукопись въ типографію?

— Сдавайте. Только...

— Никакого только. Сдамъ—пусть набираютъ.

Дама ушла. Михайловскій не совсѣмъ любезно обратился ко мнѣ:

— Опять интервью отъ Худекова? Мы съ вами встрѣчались? Какіе-то вопросы выдумываетъ Худековъ? О дворникахъ, о выгребныхъ ямахъ... Ну, его!

Пришлось объяснить, что, если онъ откажется отвѣчать, моя работа въ «Петербургской Газетѣ» прекратится, а это для меня хлѣбъ насущный.

Онъ пожалъ плечами, и мы вошли въ кабинетъ. Большой письменный столъ занималъ чуть не треть комнаты и былъ весь заваленъ книгами, газетами, корректурами, рукописями. Что не помѣстилось на столѣ, лежало на подоконникахъ, на стульяхъ. Воздухъ былъ спертый, тяжелый, форточки, очевидно, рѣдко отворялись. При нервности Михайловскаго мое интервью шло неуспѣшно. О чемъ мы говорили, теперь не упомню, только не о дворникахъ и не о выгребныхъ ямахъ, говорили, кажется, о женскомъ вопросѣ. Но меня интересовала самая личность Михайловскаго—крупной литературной единицы, вожака молодежи, передового бойца некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ». Въ «Русскомъ Богатствѣ» онъ какъ-то умалился, потерялъ свой цвѣтъ. Разговаривая, я присматривался къ нему, и меня поразили въ немъ утомленіе, отсутствіе живого интереса, какая-то апатія. Даже лицо его какъ будто умалилось. Невольно думалось: гдѣ ты, былой Михайловскій, вулканическій полемистъ недавняго прошлаго?

— Вы нездоровы?—говорю ему.

— Задыхаюсь. Говорите короче, что вамъ отъ меня надо?

Я по возможности сократилъ свои вопросы, къ великому потомъ неудовольствію Худекова.

— Мало, очень мало!—говорилъ потомъ Худековъ мнѣ, швыряя мое, безспорно, очень сжатое интервью.—Вы могли бы о Михайловскомъ написать въ три раза больше. Наружность описать, какъ

Библиотека "Руниверс"

онъ одѣтъ, что теперь пишетъ, какъ фамилія той дамы, съ которой онъ все спорилъ. Все это о такомъ человѣкѣ, какъ Михайловскій, для публики интересно.

Года два спустя, на одномъ вечерѣ Литературнаго фонда Петръ Исаевичъ Вейнбергъ встрѣтилъ меня въ толпѣ, переполнявшей залъ, взялъ подъ руку и провелъ чрезъ комнату участвовавшихъ на эстраду, говоря:

— Такому старому писателю не мѣсто въ толпѣ.

Встрѣтился я тутъ съ Баранцевичемъ, знакомымъ мнѣ еще со временъ благосвѣтловскаго «Дѣла»,очень постарѣвшимъ и измѣнившимся. Романы его теперь забыты, но въ 80-хъ годахъ они читались охотно. Но вотъ кто меня удивилъ, такъ это готовившійся что-то читать Варламовъ. Прежній худощавый актерикъ, игравшій Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ», страшно разжирѣлъ, превратился въ бочку. Оперетка его сушила, а на драмѣ онъ раздобрѣлъ. Въ углу на диванѣ сидѣлъ Михайловскій. Мы поздоровались.

— Будете сегодня читать?—спрашиваю.

— Нѣтъ, нездоровится. Такъ зашелъ. И на мое имя пока идетъ публика, и вечера Литературнаго фонда — хорошее дѣло, помогать слѣдуетъ.

Когда онъ появился на эстрадѣ, долго не умолкавшіе аплодисменты привѣтствовали появленіе любимаго, популярнаго среди молодежи писателя.

Николай Константиновичъ былъ, очевидно, очень нездоровъ. Мнѣ показалось, что печать смерти легла уже на его лицо.

— Вы все еще у Худекова работаете?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, бросилъ.

— И хорошо сдѣлали. Развѣ берлога Худекова имѣетъ что-либо общаго съ литературой? Это просто гешефтъ, не болѣе. Кто тамъ работаетъ? Авсѣенко, еще Лейкинъ, Баталинъ какой-то.

— Это казовой конецъ сотрудниковъ,—пояснилъ я.—Что дальше, то пошлѣе.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Ничего.

Онъ засмѣялся. У меня тогда дѣйствительно былъ періодъ унынія, и я, сидя въ Павловскѣ, ничего не писалъ.

Михайловскій скоро уѣхалъ, а я задался вопросомъ: отчего это талантливые люди на Руси живутъ такъ недолго? Мало кто уцѣлѣлъ изъ людей 60-хъ годовъ. Мало того, большинство умираетъ, утративъ въ себя вѣру, найдутся и такіе, которые, какъ писалъ Тургеневъ, сжигаютъ, уходя изъ жизни, все, чему поклонялись, и поклоняются тому, что сжигали.

Приговоръ Михайловскаго относительно «Петербургской Газеты» я считалъ рѣзкимъ, партійнымъ. У насъ нѣтъ бульварныхъ газетъ, вѣроятно, за отсутствіемъ бульваровъ, но маленькая пресса необ-

Библиотека "Руниверс"

ходима и въ ея нѣдрахъ формируются иной разъ таланты, хотя бы взять Чехова, тоже начавшаго съ «Петербургской Газеты». Темную сторону составляютъ такіе люди, люди гешефта, какъ Худековъ-сынъ. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, очень неглупый, даже способный, онъ могъ бы лучше направить свою весьма ходкую газету, а ограничился однимъ увеличеніемъ доходовъ, тиражной продажи нумеровъ. Еще не могу простить ему его грубость съ сотрудниками, которыхъ онъ никогда не приглашалъ въ своемъ кабинетѣ присѣсть, даже дамъ. Обычно онъ такъ обрывалъ посѣтителей:

— Принесли что? Кладите на столъ... Не то! опять не то... Не приму... Напечатаю! Не будетъ напечатано... Авансовъ не даю. Чего вы еще ожидаете? Уходите.

Только хромой Лейкинъ и безцеремонный Баталинъ садились на диванъ редакторскаго кабинета. Помнится, я тоже однажды усѣлся на этотъ диванъ, пока Худековъ бесѣдовалъ съ другими. Покончивъ бесѣду, онъ пристально поглядѣлъ на меня и, когда я вышелъ, крикнулъ:

— Гермоніусъ!

Гермоніусъ торопливо вошелъ.

— Возвратите г. Окрейцу статью его, которую я назначилъ къ помѣщенію. Она напечатана не будетъ.

Даже Гейнце былъ возмущенъ такимъ поступкомъ Николки, хозяйскаго сына, какъ звали младшаго. Кстати о Гейнце. Онъ былъ извѣстенъ своей беззастѣнчивой плагіатурой. Забытые романы и повѣсти 40-хъ годовъ онъ перепечатывалъ подъ своей подписью, слегка сдабривая своими вставками. Много разъ его обличали. Но всѣ эти обличенія и для него и для Худекова были какъ съ гуся вода. Зарабатывалъ Гейнце много, услуживая редактору не всегда литературою. Въ редакціи онъ безсмѣнно дежурилъ съ ранняго утра. Покойный А. Соколовъ, иногда проѣздомъ изъ Москвы появлявшійся въ редакціи «Петербургской Газеты», любилъ потравить г. Гейнце.

— Что ты щеку-то подвязалъ?—спрашивалъ онъ его.

— Зубы болятъ.

— Врешь?! Зубы цѣлы ли, скажи лучше?

— Смѣлъ бы кто!—ворчалъ Гейнце.

— Найдутся смѣльчаки. Ты куда же это?—останавливалъ онъ Гейнце, увидя, что тотъ уходитъ.

— Домой. Дѣло есть...

— Останься. Кто же калоши подастъ Николаю Сергѣевичу, когда онъ будетъ уходить?

— Отвяжись!—рычалъ несчастный Гейнце, доведенный, какъ говорится, до бѣлаго каленія.

Худековъ былъ замѣчательно трудолюбивъ. Не помню дня, чтобы онъ когда-нибудь проманкировалъ, не пришелъ въ редакцію,

Библиотека "Руниверс"

Въ день извѣстнаго покушенія на Столыпина на Аптекарскомъ островѣ онъ разослалъ собирать свѣдѣнія всѣхъ, кто былъ въ редакціи, не исключая и хромого Лейкина. Но не успокоился. Сѣлъ на извозчика самъ и помчался. Зато въ вечернемъ выпускѣ и на утро въ «Петербургской Газетѣ» было многое множество подробностей покушенія. Публика буквально рвала газетку у разносчиковъ. Вечеромъ часу въ десятомъ мы, сотрудники, всѣ снова сошлись въ редакціи. Николай Сергѣевичъ явился изъ типографіи потный, усталый и объявилъ:

— А я еще не обѣдалъ. Зато вѣдь и розница на диво. Не успѣвали печатать. Почаще бы такіе дни...

И это хладнокровно говорилъ о страшномъ днѣ убійства десятковъ невинныхъ людей, о днѣ искалѣченныхъ женщинъ и дѣтей, говорилъ человѣкъ неглупый, прикосновенный къ литературѣ. Вотъ что значитъ жадность къ наживѣ!

XIII.

Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ, высокій, тучный, страдавшій одышкой, былъ въ противоположность Худекову, очень любезенъ и предупредителенъ. Авансы у него можно было получать безъ особаго затрудненія. Но попасть постояннымъ сотрудникомъ въ газету «Свѣтъ» было мудрено, особенно пока редакторомъ сидѣлъ Стечькинъ—угрюмая и бездарная личность. Онъ боялся всякаго свѣжаго человѣка и мирился только съ сотрудничествомъ одной, тоже нынѣ умершей, Александры Ивановны Соколовой. Стечькинъ сильно пилъ, страдалъ каценъ-ямеромъ по утрамъ, говорилъ хриплымъ басомъ и отмахивался отъ всякихъ рукописей, даже не читая ихъ.

— Что вы! Что вы! Идите къ Виссаріону Виссаріоновичу. Мѣста нѣтъ въ газетѣ,—говорилъ онъ посѣтителямъ, даже не справляясь, что они принесли.

Но поймать самого Виссаріона Виссаріоновича было трудненько. Кромѣ редакціи, у него было много дѣла: онъ строилъ тогда свои дома на Невскомъ.

Помню, я перевелъ съ польскаго интересный романъ «Ураганъ»—исторія любви Наполеона и Валевской. Вручить переводъ Стечькину было опасно: онъ бы его преспокойно затерялъ. Принялся отыскивать и ловить Комарова. Швейцаръ, получивъ двугривенный, шепнулъ:

— Идите на лѣса флигеля, что строится на дворѣ. Тамъ генералъ. Только что изволилъ прибыть.

Взобрался я, кажется, на седьмой этажъ и встрѣтилъ запыхавшагося и усталаго Виссаріона Виссаріоновича. Дѣло съ переводомъ сейчасъ же было улажено.

Библиотека "Руниверс"

— Охота,—говорю ему,—вамъ такъ мучиться!

— А нельзя иначе,—вздыхая, отвѣтилъ старичекъ.—Вотъ сейчасъ стѣну всухую вывели. Велѣлъ сломать. Только не досмотри— и бѣда.

Впослѣдствіи, когда дома достроились, у старика Комарова былъ великолѣпный кабинетъ—обширный, свѣтлый. Даже отказывая помѣстить что-либо, привѣтливый старикъ пожималъ дружески руку и говорилъ:

— Прошу сотрудничать. Очень прошу...

— Да вотъ вашъ Стечькинъ...

— Что Стечькинъ! Надоѣлъ онъ мнѣ...

Послѣ смерти Стечькина, кажется, редактировалъ «Свѣтъ» Облеуховъ. Но вся редакція лежала и, кажется, до сего дня лежитъ на секретарѣ редакціи.

Александру Ивановну Соколову (псевдонимъ, кажется, *Синее Домино*) я встрѣчалъ и въ редакціи «Свѣта», и потомъ въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и всегда дивился энергіи этой женщины. Чего только она не написала въ своей жизни: съ десятокъ романовъ, сотни статей и замѣтокъ и очень любопытные мемуары напечатанные потомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

— Вы еще живы?—спросила она меня какъ-то на лѣстницѣ комаровскаго дома. Редакція тогда помѣщалась въ 7-мъ этажѣ.

— Ну, живъ и на лѣстницу, какъ видите, свободно поднимаюсь.

— Да вѣдь вамъ лѣтъ сто будетъ.

— Чуточку поменьше.

— Пробавляетесь переводами. Трата времени. Пишите-ка лучше воспоминанія. Много вы видали. Пишите мемуары.

По ея совѣту я и началъ писать свои литературныя воспоминанія.

XIV.

Въ девятидесятомъ году я написалъ книгу «Далекіе годы» и помѣстилъ въ «Наблюдателѣ» Пятковскаго. Вмѣсто гонорара получилъ 720 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ въ желтой обложкѣ и весьма аккуратно сброшюрованныхъ. Работа мнѣ самому показалась хорошей, по совѣту Пятковскаго я посвятилъ мою книгу Алексѣю Сергѣевичу Суворину. Въ его газетѣ я ничего не писалъ и даже лично тогда знакомъ съ нимъ не былъ. Александръ Петровичъ Пятковскій такъ опредѣлилъ значеніе Суворина: лучшая газета у насъ газета—Суворина, лучшій театръ тоже его, а «маленькія письма» стоятъ иныхъ большихъ книгъ. Лѣвые нападутъ на васъ за ваше посвященіе ему—но ничего. Вы, Станиславъ Станиславовичъ, поступили правильно. Старикъ достойный.

Черезъ третье лицо мнѣ передали, что Суворинъ желаетъ меня видѣть.

Библиотека "Руниверс"

Крупная единица въ литературѣ! Я охотно пошелъ съ нимъ знакомиться.

Случалось мнѣ не разъ ходить въ редакціи и объясняться даже съ крупными редакторами—и ничего: особеннаго волненія я не испытывалъ. Но, входя къ Суворину, я былъ не спокоенъ. Онъ слылъ рѣзкимъ и мало съ кѣмъ церемонился. А что какъ онъ скажетъ: «Дернулъ васъ чортъ посвящать мнѣ вашу книгу, не спросясь? И книга ваша ничего не стоитъ...» Скверно будетъ въ такомъ случаѣ. А вѣдь онъ не поцеремонится и скажетъ, пожалуй!

Кабинетъ Суворина былъ большая комната, почти залъ, сколько помню, въ три окна. Отъ двери шкапы съ книгами отгораживали проходъ. Пройдя его, я увидѣлъ около стола у окна Суворина. Онъ сейчасъ же всталъ, подалъ руку, сказалъ, что радъ познакомиться, и поблагодарилъ за посвященіе книги. О рѣзкости и безцеремонности не было и помину.

— Я давно васъ знаю, Станиславъ Станиславовичъ! Сто лѣтъ васъ знаю.

— И вамъ, и мнѣ, говорю, много меньше лѣтъ.

— Годы литераторовъ и годы календарные далеко не одно и тоже.

— Пожалуй, вы правы,—согласился я.—И у меня были годы, стоившіе двухъ и даже трехъ лѣтъ.

— Гдѣ вы теперь работаете?

— Въ «Наблюдателѣ» у Пятковскаго.

— Несчастный человѣкъ. Способностей вести изданіе у него нѣтъ, капитала тоже нѣтъ. Слышалъ я, предлагали ему продать «Наблюдатель»,—заломилъ несуразную цѣну и поставилъ условіемъ, чтобы ему оставаться редакторомъ. Что вы тамъ пишете?

Перечислилъ отдѣлы журнала, мною занятые.

— А сколько получаете?

— Всего семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ.

— Совсѣмъ невозможная плата. Пишите у меня.

Я, конечно, поблагодарилъ. Но писать въ «Новомъ Времени» мнѣ не пришлось. Вскорѣ переманилъ меня въ Москву Езерскій-счетоводъ.

Отъ Суворина я вышелъ въ самомъ пріятномъ настроеніи. Подъ суровой наружностью у этого человѣка бездна отзывчивости, деликатности, пониманія людей.

О его «Маленькихъ письмахъ» разно судили. Но я повторю слова Пятковскаго, что нѣкоторыя изъ этихъ маленькихъ писемъ стоили дороже иныхъ большихъ книгъ.

Чтобы покончить съ моими отношеніями и знакомствомъ съ Суворинымъ, добавлю: этого замѣчательнаго человѣка мнѣ пришлось еще встрѣтить на ежемѣсячныхъ собраніяхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника». Мнѣ очень понравились его тогдашнія за-

Библиотека "Руниверс"

явленія, чтобы не было на этихъ собраніяхъ спичей, не говорилось рѣчей, съ тостами и безъ тостовъ, а чтобы шла простая товарищеская бесѣда. Самъ Суворинъ былъ очень занимательный и пріятный собесѣдникъ.

Суворинъ былъ простой русскій человѣкъ изъ народа со всѣми присущими русскому простолюдину достоинствами и недостатками. Онъ именно разбрасывался по-россійски въ своихъ дѣлахъ: театръ, книжные магазины, кіоски, безчисленныя изданія—на все это его хватало. Цѣлые легіоны людей приставали къ нему, имѣли съ нимъ дѣла, и, что всегда меня въ немъ поражало, онъ не имѣлъ вида человѣка, черезъ мѣру отягощеннаго работой,—совершенная противоположность Краевскому, котораго я только разъ видѣлъ и, по своей неопытности, счелъ за Атласа, поддерживающаго на своихъ раменахъ цѣлый міръ,—такимъ онъ казался занятымъ и озабоченнымъ. Алексѣй Сергѣевичъ дѣлалъ свое дѣло какъ-то легко и просто. Ему везло, ему посчастливилось. Не оспариваю. До него на изданіи «Новаго Времени» нѣсколько человѣкъ прогорѣло, а онъ обогатился. Но, господа строгіе судья: день счастья, годъ счастья и удачи, много лѣтъ счастья и удачи, дайте же сколько-нибудь умѣнья и таланта. Онъ увлекался многими людьми, цѣнилъ ихъ свыше мѣры и ихъ таланты, но зато онъ и угадалъ способности многихъ. Ну, хотя бы Чехова или Сергѣя Николаевича Шубинскаго...

XIV.

Перехожу къ моему знакомству съ этимъ незабвеннымъ для меня и дорогимъ для моего сердца человѣкомъ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ. Прямо заявляю: если бы не его поддержка, мнѣ пришлось бы очень круто по возвращеніи моемъ въ Петербургъ послѣ крушенія моихъ московскихъ надеждъ.

Мои литературныя гастроли въ Москвѣ сказались очень плохими результатами. Я ли былъ виноватъ, или люди были виноваты, или, наконецъ, ужъ такъ сложились обстоятельства, но только по прошествіи трехъ лѣтъ мнѣ пришлось въ Москвѣ очутиться почти на мостовой.

Ѳедоръ Венедиктовичъ Езерскій, пригласившій меня редактировать его счетоводный журналъ, не выдержалъ и года: прекратилъ изданіе. Ну его къ Богу! не хочу о немъ много распространяться. Какъ разъ къ этому времени подоспѣла и другая бѣда. Попытка писать въ «Русскомъ Словѣ» не удалась. Редакторомъ былъ приглашенъ Шараповъ, разыгрывавшій роль какого-то калифа. Самъ издатель Сытинъ его побаивался.

— Ну-ка, попробуйте, спросите сами, будетъ онъ печатать ваши статьи, а я вашему сотрудничеству радъ,—говорилъ Сытинъ мнѣ, встрѣтивъ въ пріемной редакціи.

Библиотека "Руниверс"

Секретаремъ былъ старшій Гермоніусъ. Онъ рѣзко сказалъ:

— Ничего не напечатаетъ.

— Да почему?

— А подите, спросите у него. Только не совѣтую и спрашивать. Оборветъ!

Я однакоже вошелъ въ редакторскій кабинетъ.

За большимъ столомъ сидѣлъ массивный (иначе не могу выразиться!) Шараповъ—человѣкъ неладно скроенный, но крѣпко сшитый. Передъ этимъ мы нѣсколько разъ встрѣчались. Пристально посмотрѣвъ на меня, онъ молча указалъ пальцемъ на сосѣдній стулъ.

Молчаніе длилось съ минуту. Шараповъ дописалъ что-то и расчеркнулся.

— Теперь поговоримъ!

— Поговоримъ,—согласился я.

— Вы, конечно, знаете, что я былъ у Аксакова въ его газетѣ правой рукой. И по сегодня я остался вѣренъ его завѣтамъ, его убѣжденіямъ. Вы какъ смотрите на славянскій вопросъ?

— Собираясь писать въ «Русскомъ Словѣ», я совсѣмъ о славянскомъ вопросѣ не думалъ. Вѣдь это же малая и даже очень малая пресса.

— Вы не москвичъ?

— Нѣтъ.

Шараповъ презрительно пожалъ плечами.

— И вы хотите работать у меня?

Меня взорвало.

— Не у васъ лично,—прервалъ я его:—а въ «Русскомъ Словѣ». Издатель Сытинъ только что сказалъ, что радъ моему сотрудничеству.

— Пусть онъ въ такомъ случаѣ сдѣлаетъ васъ даже редакторомъ, а мнѣ его мнѣніе необязательно. Вашихъ статей я не напечатаю. Хотите знать почему?

Помолчавъ минуту, онъ, стуча рукою по столу, сказалъ:

— Въ тонѣ бульварнаго листка я «Русское Слово» вести не намѣренъ. Дѣло надо вести серьезно. Завѣты, которые я вынесъ изъ аксаковскаго «Дня», и теперь дороги для меня. Вы въ этомъ духѣ писать не можете?

— Нѣтъ, не могу.

— Тогда о чемъ же намъ и разговаривать?

Разговаривать дѣйствительно больше было не о чемъ, и я ушелъ.

Въ пріемной остановилъ меня Сытинъ.

— Ну, что? поладили?

— Чистая отставка. Говоритъ, съ вашимъ мнѣніемъ онъ считаться не намѣренъ. У него аксаковскіе завѣты.

Библиотека "Руниверс"

— Зарѣжетъ онъ «Русское Слово». А кѣмъ его замѣнить? Некѣмъ.

Замѣнилъ Шарапова, однакоже, и очень скоро, кажется, Дорошевичъ, который хорошо повелъ газету, хотя и далеко не въ аксаковскомъ духѣ.

Была еще у меня работа у Казецкаго въ «Русскомъ Листкѣ» (нынѣ «Раннее Утро»). Всѣмъ распоряжался Гакебушъ, онъ очень сочувствовалъ евреямъ и въ еврейско-плутократическомъ мірѣ, до самыхъ поляковскихъ вершинъ, имѣлъ значительныя связи. Казецкому это было на руку, такъ какъ онъ перебивался перепиской и учетомъ векселей. Газета едва дышала. Липскеровы «Новости Дня» захватили въ то время всего московскаго читателя. Съ Гакебушемъ одно время отношенія у меня были удовлетворительныя, пока я не началъ писать противъ московскихъ евреевъ. Ну, тогда, конечно, мы разошлись. Признаю теперь, что это было съ моей стороны совершенная и ничѣмъ не оправдываемая неосторожность, даже болѣе того. Евреи сильны вездѣ, а въ Москвѣ были сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо: интересы московскихъ купцовъ и евреевъ въ дѣлѣ сбыта завали и разнаго плохого товара какъ разъ совпадаютъ. И ужъ, конечно, не такому слабому изданію, какъ «Русскій Листокъ», и не такому рыцарю, какъ присяжный повѣренный Казецкій, было кстати и по силамъ начинать борьбу съ еврейскими банками и безчисленными представителями еврейскаго торгово-промышленнаго класса, заполонившими все московское общество. Мои выпады противъ еврейскаго засилья прошли въ «Русскомъ Листкѣ» положительно по недосмотру Гакебуша. Но это, разумѣется, долго продолжаться не могло. Въ одно непрекрасное утро встревоженный Гакебушъ явился въ редакцію и, бросивъ мнѣ загадочную фразу: «Вы, Станиславъ Станиславовичъ, меня жестоко подвели!» прошелъ въ кабинетъ къ Казецкому и доложилъ: встрѣтилъ онъ на Кузнецкомъ мосту одного изъ директоровъ поляковскаго банка, озадачившаго его фразою:

— Какая это шельма пишетъ у васъ въ «Листкѣ» клеветы на евреевъ? Передайте Казецкому, что если онъ не выгонитъ этого писаку изъ редакціи, то ни одинъ его вексель у насъ не пройдетъ.

Надъ бѣднымъ Казецкимъ буквально разразился громовой ударъ. Лишиться кредита въ банкахъ значило обанкротиться.

— Чьи это статьи?—завопилъ онъ, принимаясь драть свои пышныя бакенбарды, которыми такъ гордился.

— Окрейца.

— Сумасшедшій! Какъ же вы ихъ пропустили! Но я не намѣренъ ссориться съ Поляковымъ и К° изъ-за его глупостей. Попросите г. Окрейца ко мнѣ.

Казецкій былъ человѣкъ учтивый. Какъ присяжный повѣрен-

Библиотека "Руниверс"

ный, онъ артистически умѣлъ гладко стлать тому, кому потомъ приходилось жестко спать.

— На полгода исчезните изъ нашей редакціи,—говорилъ онъ мнѣ, нѣжно пожимая мою руку.—А тамъ увидимъ. Я теперь не могу васъ у себя оставить. Редеръ, Мечъ и много у меня іудеевъ, сейчасъ донесутъ.

XV.

Къ довершенію несчастья въ это же время я захворалъ дифтеритомъ. Отмѣчу, что въ это скорбное время мнѣ помогъ Литературный фондъ, выславъ сто рублей. Выздоравливая отъ болѣзни, я на досугѣ написалъ «Уголокъ возстанія» и отправилъ въ «Историческій Вѣстникъ». Съ Шубинскимъ я не былъ знакомъ и, признаюсь, сильно сомнѣвался въ принятіи моей статьи. Тѣмъ сильнѣе меня обрадовало письмо Сергѣя Николаевича Шубинскаго, мелкимъ, бисернымъ его почеркомъ написанное, въ которомъ онъ обѣщалъ напечатать «Уголокъ возстанія» и приглашалъ сотрудничать.

Пришлось уйти изъ «Русскаго Листка».

Положеніе мое все же было не изъ розовыхъ: деньги Литературнаго фонда и часть гонорара за «Уголокъ возстанія» пошли частью на лекарства, частью были прожиты. А дальше? Пришлось искать хлѣба. Совершенно экспромптомъ я зашелъ въ московское губернское акцизное управленіе.

— Вамъ что надо?—спросилъ меня молоденькій чистенькій чинуша.

— Кто у васъ управляющій?

— Ну, Александровъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. А вамъ онъ на что?

— Хочу просить мѣсто сидѣльца въ казенной винной лавкѣ.

Чинуша присвиснулъ:

— Не получите. У него до сотни кандидатовъ. Да сами-то вы кто?

— Отставной литераторъ. Передайте мою карточку управляющему и доложите.

Чинуша пожалъ плечами, повторяя свое:

— Ничего не получите. Сто кандидатовъ раньше записалось.

Признаюсь, я и самъ то же думалъ.

Дверь кабинета управляющаго отворилась, вышелъ полный, круглаго склада господинъ въ золотыхъ очкахъ, держа мою карточку въ рукахъ.

— Вы Окрейцъ, тотъ самый, что издавалъ газету «Лучъ»?

— Тотъ самый,—отвѣтилъ я.

— И хотите къ намъ въ сидѣльцы? А литература?

Библиотека "Руниверс"

— Не кормитъ.

— Я, г. Окрейцъ, на вашъ «Лучъ» подписывался. Хорошая была газета. Въ «Наблюдателѣ» ваши были статьи?

— Мои.

Подумавъ съ минуту и освѣдомившись, велика ли у меня семья, Александровъ распорядился:

— Записать губернскаго секретаря Окрейца первымъ кандидатомъ и дать ему первую открывшуюся лавку.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ лавку въ Хамовникахъ, получилъ около девяноста рублей въ мѣсяцъ (тутъ и па помощника) при готовой квартирѣ. Жить было можно.

Но... проклятое «но». Помощникъ мой, слейный мѣщанинъ Трифановъ, растратилъ вино и черезъ восемь мѣсяцевъ я бросилъ лавку, и залогъ, положенный за меня родственникомъ, 600 р. пропалъ.

Отъ времени моего пребыванія въ винной лавкѣ остались у меня очеркъ «Винная лавка №000», наблюденія и замѣтки о пьющихъ москвичахъ и еще кое-какія работы. Когда-нибудь я ихъ напечатаю.

Черезъ нѣсколько домовъ отъ моей лавки былъ домъ Льва Николаевича Толстого. Пославъ ему мою книгу «Далекіе годы», я получилъ приглашеніе въ 7 часовъ вечера быть у великаго писателя. Многіе описывали толстовскій деревянный хамовническій домъ. Повторять этого не буду. Кратко скажу: дворъ, садикъ, входъ со двора въ средней величины комнату перваго этажа,—вотъ что я нашелъ, придя въ первый разъ къ Толстому.

Въ комнатѣ было холодно и какъ-то пахло нежилымъ.

Пришлось обождать. Много мыслей толпилось въ моей головѣ: какой-то онъ теперь?

Я мимоходомъ видѣлъ Толстого въ Петербургѣ на улицѣ въ 60-хъ годахъ. Молодого блестящаго писателя. Это было послѣ войны. Больше двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло—чуть не полжизни. «Война и миръ» увлекли меня, кромѣ его философской теоріи и попытокъ изобразить Наполеона ограниченнымъ, а Кутузова—великимъ.

Но, конечно, не въ исторической части «Войны и мира» вся сила. «Анна Каренина» понравилась мнѣ меньше, и только что вышедшее тогда «Воскресеніе» и совсѣмъ не понравилось. Но, однакоже, черезъ нѣсколько минутъ я увижу человѣка, котораго имя наполняетъ всю Россію. Это меня очень энервировало.

— Пожалуйте! графъ васъ ожидаетъ,—сказалъ мнѣ нѣкто, не то домочадецъ, не то лакей. По деревянной лѣстницѣ съ поворотомъ я поднялся во второй этажъ и очутился въ узкой длинной комнатѣ, очень просто, даже бѣдно меблированной. Левъ Николаевичъ, сидѣвшій у письменнаго стола, привѣтливо всталъ и подалъ руку.

Старикъ, сгорбленный, въ темной рабочей блузѣ, съ морщинистымъ лицомъ и жиденькой бородою,—вотъ какимъ онъ стоялъ предо мною. Ничего похожаго на молодого Толстого, какимъ я ви-

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ его на улицѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, глаза маленькіе, зоркіе, безпокойные; руки старческія, большія, морщинистыя.

Мы сѣли.

— Я теперь занятъ религіознымъ вопросомъ,—началъ Толстой.— Вы какъ въ этой сферѣ?

Въ «этой сферѣ» я былъ плохъ. Разговоръ съ моей книги, которую онъ уже успѣлъ просмотрѣть и одобрилъ, перешелъ на театръ, на пьесу Чехова «Дядя Ваня».

— Пьеса плохая,—рѣшилъ Толстой.—Герой въ ней за что-то безъ толку придирается. Это даже не пьеса. Былъ разъ, едва досидѣлъ, уѣхалъ. Драмы нѣтъ, а если нѣтъ драмы, нѣтъ и пьесы.

Много еще говорилъ Толстой о Художественномъ театрѣ и излюбленныхъ пьесахъ этого театра и вдругъ неожиданно спросилъ:

— Читали вы мое «Воскресеніе»?

— Читалъ. Плохо вы, Левъ Николаевичъ, написать не могли.

— А лучше могъ бы? Такъ, что ли? Ошибаетесь, «Воскресеніе» я ставлю высоко.

Рѣчь его полилась потокомъ. Толстому, очевидно, хотѣлось защитить свое «Воскресеніе», на которое уже нападали въ журналахъ и газетахъ

Мнѣ приходилось молчать. Великій писатель говорилъ такъ быстро и главное такимъ рѣшительнымъ тономъ, что никакой реплики вставить было невозможно.

Во время нашей бесѣды (около часу) за притворенными дверями сосѣдней комнаты раздавался громкій, зычный чей-то басъ. Иногда онъ даже заглушалъ нашу тихую бесѣду. Замѣтивъ, что я прислушиваюсь къ громогласному разговору, Левъ Николаевичъ съ улыбкою замѣтилъ:

— Ко мнѣ пріѣхалъ изъ Петербурга знакомый Стасовъ. Онъ всегда такъ говоритъ. Вы знакомы?

— Никогда не встрѣчалъ, но читать—читалъ его статьи.

Изъ комнаты, гдѣ ораторствовалъ Стасовъ, вышла полная, высокая дама—Софья Андреевна Толстая—и пригласила насъ пить чай. За чаепитіемъ Толстой все больше молчалъ, а говорилъ,—правильнѣе кричалъ, одинъ Стасовъ.

Недѣли три спустя, я снова былъ у Толстого. Его интересовали, какъ онъ говорилъ, религіозные вопросы, а именно въ тѣ поры я увлекался своей собственной выдѣлки теоріей о происхожденіи религіи. Теперь мнѣ даже смѣшны эти увлеченія, но тогда было иное: передать мои мысли Толстому мнѣ очень желалось. И я отправился къ Толстому съ моей тетрадочкой, какъ обычно, въ седьмомъ часу вечера.

Толстой терпѣливо выслушалъ мое чтеніе.

Подробно излагать сущность моей теоріи о происхожденіи религіи не стоитъ. Выясню только самую суть моей идеи.

Библиотека "Руниверс"

Человѣкъ существо трехъ измѣреній (высота, ширина и глубина) или, другими словами, обладаетъ представленіемъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго.

У животныхъ только два представленія: прошедшее и настоящее. Понятія о будущемъ у нихъ нѣтъ, а потому нѣтъ и прогресса. Насѣкомыя, пресмыкающіяся, рыбы—существа одного измѣренія: у нихъ только настоящее. У разумнѣйшихъ животныхъ разумъ и пониманіе иной разъ почти равны человѣческимъ; слонъ умнѣе бушмена. Но глупый бушменъ, ведущій почти растительную жизнь, имѣетъ религіозныя представленія; у умнаго слона или горилы нѣтъ и слѣдовъ какого-либо религіознаго представленія.

Причина тутъ та, что у нихъ нѣтъ третьяго измѣренія, нѣтъ идеи будущаго. Только идея будущаго родитъ прогрессъ и идею религію. Настоящее: мы живемъ.

Будущее: что будетъ за гранью этой жизни? Разрѣшая этотъ вопросъ, человѣкъ и создаетъ религію.

Выслушавъ мою теорію, Левъ Николаевичъ задумался и, медленно отчеканивая слова, сказалъ:

— Это очень оригинальная теорія: идея о будущемъ родитъ религію. Другіе выводили религію изъ страха. Человѣкъ испугался грома и пришелъ къ мысли, что тамъ есть кто-то гремящій. Ваша теорія совсѣмъ не разработана, и едва ли животныя не имѣютъ понятія о будущемъ. Бобры, напримѣръ, запасаются на будущее. Впрочемъ, развивайте ваши идеи.

Больше я Толстого не видѣлъ. Онъ скоро уѣхалъ изъ Москвы, а я сдалъ лавку и поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ дышится много легче, чѣмъ въ Москвѣ.

XVI.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ отправился знакомиться съ Сергѣемъ Николаевичемъ Шубинскимъ въ одинъ изъ его пріемныхъ дней. Засталъ у него давнюю знакомую Соколову со множествомъ тетрадочекъ своихъ воспоминаній и Захарьина-Якунина, безъ всякихъ рукописей, но съ желаніемъ получить авансъ. Много было тутъ разсужденій добрѣйшаго Сергѣя Николаевича о неодобреніи Суворинымъ выдачъ авансовъ, но въ концѣ концовъ авансовая ассигновка все же была выдана. Мелкимъ почеркомъ писался ордеръ въ контору и жаждущій аванса Якунинъ ушелъ удовлетворенный.

Сергѣй Николаевичъ въ своемъ сюртукѣ-халатикѣ, добродушно улыбаясь и посмѣиваясь, игралъ среди своихъ сотрудниковъ роль добраго дядюшки.

— Что вы дѣлали въ Москвѣ?—спросилъ онъ меня.

Я разсказалъ.

— И въ лавкѣ торговали водкой?

Библиотека "Руниверс"

— Торговалъ и проторговался.

— О Толстомъ вы мнѣ что-нибудь напишите. А теорію вашу о трехъ измѣреніяхъ бросьте. Что вы думаете дѣлать въ Петербургѣ?

— Получилъ заказъ писать романъ для «Земщины» для фельетоновъ.

— Пишите лучше воспоминанія. Вы много и много видѣли. Вотъ Александра Ивановна мнѣ принесла свои воспоминанія; очень интересно.

У Сергѣя Николаевича впослѣдствіи бывалъ я рѣдко, такъ какъ ради дороговизны квартиры поселился въ Павловскѣ. Всегда онъ былъ отзывчивъ, ласковъ и привѣтливъ; всегда торговался съ выдачами авансовъ и всегда ихъ разрѣшалъ. Когда онъ былъ опасно боленъ, я жалѣлъ его, какъ самаго близкаго родного. Добрый, умный, ласковый былъ человѣкъ незабвенный Сергѣй Николаевичъ Шубинскій.

У Шубинскаго была великолѣпная библіотека, но получить изъ нея нужную книгу оказывалось подвигомъ далеко не легкимъ. Что касается полученія дарового экземпляра «Историческаго Вѣстника», то это было и вовсе не мыслимо.

— Контора и мнѣ отпускаетъ одинъ даровой экземпляръ,—говорилъ Сергѣй Николаевичъ.

Ужъ не знаю, правда ли это. Но оттиски нашихъ статей, мы, сотрудники, всегда получали аккуратно.

Въ трудныя времена я всегда получалъ авансъ и разъ какъ-то задолжалъ конторѣ болѣе четырехсотъ рублей. Умеръ Шубинскій, когда меня уже не было въ Петербургѣ. Миръ праху твоему, человѣкъ добрѣйшій изъ добрыхъ.

XVI.

Я подхожу къ концу моихъ литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ. Остается сказать о моемъ изданіи журнала «Рѣчь». Право, курьезно: я издавалъ «Лучъ», и теперь кто-то издаетъ «Лучъ»; я издавалъ «Рѣчь», пріостановилъ, уѣзжая въ Одессу, и, возвратившись, что же нахожу: Гессенъ и Милюковъ издаютъ «Рѣчь». Чтобы выдумать самимъ что-либо, а не перехватывать чужое. Еще объ этомъ перехватываніи чужого. Пользовался я долго (лѣтъ десять) псевдонимомъ Homo Novus—и вотъ Кугель подъ шумокъ присвоилъ себѣ мой псевдонимъ. Но возвращаюсь къ моему совершенно неосновательному предпріятію издавать еженедѣльный журналъ «Рѣчь». У меня вовсе не было денегъ, даже на порядочную рекламу, были только старые адреса «Луча». По нимъ я разослалъ объявленія и въ половинѣ января имѣлъ 800 подписчиковъ. Издатель, редакторъ, сотрудникъ, корректоръ—все это былъ я самъ и никого больше.

— И хватаетъ васъ?—спрашивалъ меня, посмѣиваясь, Шубинскій.

— Пока что, еще хватаетъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да вѣдь толку не будетъ? Еженедѣльное изданіе безъ иллюстрацій не пойдетъ.

— Тамъ видно будетъ,—отвѣчалъ я. Самоувѣренности было у меня много.

Весь вопросъ заключался въ типографскомъ кредитѣ. Печаталъ я мѣсяца четыре въ типографіи жандармскаго штаба. Нынѣ покойный уже Дедюлинъ на мою просьбу кредитовать до новой подписки благодушно отвѣтилъ:

— Кредита открыть вамъ не могу, а смотрѣть сквозь пальцы на неплатежъ—это я могу.

Но насталъ конецъ и этому снисхожденію. Смотритель типографіи мнѣ посовѣтовалъ попробовать счастья въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. «Тамъ съ вамъ заключатъ условіе, и вы дотянете до новаго года».

Я такъ и поступилъ. За августъ и сентябрь я уплатилъ сполна, а за остальные мѣсяцы разсчитывалъ на кредитъ. И все пошло прахомъ. Не прошло и половины октября, какъ меня пригласилъ вице-директоръ.

— А мы вашу газету печатать не можемъ,—категорически заявилъ онъ: — и не только въ кредитъ не будемъ печатать, но и за наличныя.

— Да почему же, ваше превосходительство?—удивился я.

Его превосходительство, впрочемъ, очень любезное (даже папиросу предложилъ мнѣ), лукаво улыбнулся и досталъ изъ столика нѣсколько моихъ злосчастныхъ нумеровъ «Рѣчи».

— Вы въ этомъ нумерѣ жестоко разносите евреевъ,—началъ онъ.— Ну, нечего. А вотъ въ этомъ? Тоже рѣчь о евреяхъ, и язвительная рѣчь. Въ слѣдующихъ нумерахъ все то же. Ваша «Рѣчь»—филиппика противу части населенія имперіи, призывъ къ бойкоту, а то и хуже.

— Не отрицаю вполнѣ вашего заключенія. Но это уже дѣло цензуры.

— Цензуры одной, а не департамента? Такъ вы полагаете. Я думаю иначе. Подъ вашими нумерами стоитъ: печатается въ типографіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы печатаемъ, выходитъ, одобряемъ то, что вы пишете. Большую публику не переувѣришь. А этого допустить нельзя, съ ноября мы вамъ журналъ печатать не будемъ.

Я сослался на условіе.

Вице-директоръ пожалъ недоумѣвающе плечами.

— Судиться думаете съ нами?

— Нѣтъ, я въ судъ не подамъ.

— Да поймите, господинъ издатель, это не капризъ, не взбалмошное распоряженіе, а я не могу иначе поступить. Жалѣю васъ, а распоряженія не отмѣню.

Библиотека "Руниверс"

Какъ я узналъ потомъ, нѣкто, писавшій прежде у Липскерова въ его «Новостяхъ Дня» и попавшій въ министерство, устроилъ для меня этотъ камуфлетъ.

Съ 1 января я свою «Рѣчь» пріостановилъ и уѣхалъ на даровую квартиру въ Одессу, въ Пушкинскій пріютъ. Когда началась революція (вѣрнѣе—глупые безпорядки), евреи, подъ страхомъ смерти, выкурили меня изъ Одессы. Снова пришлось вернуться въ Петербургъ.

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, увидя меня, посмѣялся:

— Не усидѣли въ Одессѣ?

— Не усидѣлъ.

— А теперь какъ дѣла?

— Ничего нѣтъ. Сижу на холодной дачѣ.

— Это въ ваши-то годы! Неумно.

Подумавъ, онъ взялъ карточку и написалъ ордеръ выдать мнѣ сто рублей.

— Ну, тамъ напишете что-нибудь,—пожимая руку, сказалъ онъ, когда я уходилъ.

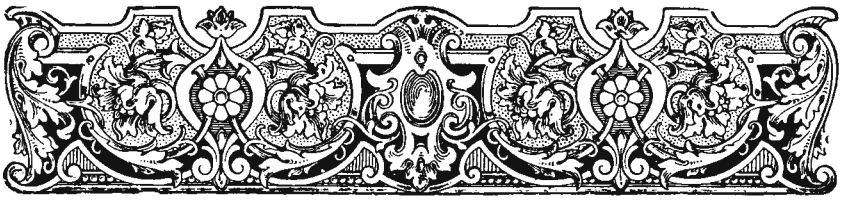
А не дай онъ мнѣ этихъ денегъ, я ужъ и не знаю, что бы со мной было. Когда открылась газета «Русское Государство», я получилъ работу, но съ уходомъ Витте газета была пріостановлена. Замѣнившая ее «Россія» подъ редакціею Сыромятникова напечатала три или четыре мои статьи. Но тутъ я опять наткнулся на человѣка, выжившаго меня изъ типографіи министерства. Сотрудничество мое оборвалось.

Увидѣть Сыромятникова и переговорить съ нимъ мнѣ не удавалось. Да о чемъ было бы и говорить. Плетью обуха не перешибешь, а «черномазый» въ редакціи «Россіи» былъ сила, великая сила.

О томъ, съ кѣмъ я встрѣчался послѣ 1906—7 годовъ, писать еще рановато.

С. С. Окрейцъ.

Библиотека "Руниверс"



ПОРУГАННАЯ ГОЛГОѲА.

(Быль нашихъ дней.)

«Господи! воззри на виноградъ сей, его же насади десница Твоя: озоба и вепрь отъ дубравы и уединенный дивій поядe я».

(Псалт. царя Давида).

ВЪ ГАЗЕТАХЪ мы читаемъ:

«Виѳлеемъ. У крестообразнаго храма, таящаго въ своихъ подземельяхъ пещеру Рождества Іисуса, пріютились недавно построенные бараки. Несутся громкіе крики, брань, пѣсни, топотъ лошадей. Здѣсь расположился 17-й Анатолійскій конный полкъ. На восточной стѣнѣ храма наглымъ, оскорбительнымъ пестрымъ пятномъ бросается въ глаза огромная афиша:

«Красный, толстый германскій солдатъ идетъ откуда-то изъ-за горизонта и давитъ на своемъ пути англичанъ, французовъ, русскихъ и итальянцевъ. Его ждетъ съ распростертыми объятіями турокъ...

«Друзья, къ вамъ спѣшитъ могучій другъ!» кричитъ черными аршинными буквами турецкая надпись.

«Командиръ полка, майоръ фонъ-Дерингенъ, сидитъ у балагана нѣмецкаго купца Риттера, пьетъ пиво, куритъ сигары, плюетъ наземь и громко насвистываетъ шансонетку...

«Даже турки неодобрительно покачиваютъ головами и опасливо посматриваютъ на пережившіе вѣка своды виѳлеемскаго храма. Не рухнутъ ли эти старые камни, не покараютъ ли они святотатцевъ, не принесутъ ли несчастья всѣмъ, кто забылъ святую правду этой земли, освященной жизнью и страданіями Спасителя міра?

Библиотека "Руниверс"

«Германская, нагло-яркая афиша съ толстымъ нѣмецкимъ солдатомъ на стѣнѣ виѳлеемскаго храма... Какой нелѣпый ужасъ!»

«Кощунства и святотатства, допускаемыя германцами въ Святой Землѣ, гдѣ они превзошли даже турокъ, которые съ большимъ недоумѣніемъ, а порой и страхомъ слѣдятъ за дѣятельностью своихъ союзниковъ, не признающихъ ни Божескихъ, ни человѣческихъ законовъ, нашли неожиданный откликъ среди самихъ же германскихъ инструкторовъ въ Палестинѣ.

«По сообщенію корреспондента «Wold», между инструкторами и, находящимися въ Назаретѣ, произошелъ слѣдующій случай. Унтеръ-офицеръ баварскихъ войскъ, недавно прибывшій изъ Германіи, при видѣ всего того, что дѣлается въ этомъ почитаемомъ всѣмъ христіанскимъ міромъ городѣ, гдѣ теперь на древнихъ храмахъ нѣмцы наклеиваютъ безобразныя афиши и карикатуры, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ паломники идутъ съ молитвой, устроили лавки, гдѣ торгуютъ всѣмъ, чѣмъ попало, курятъ и пьютъ, распѣвая безобразныя пѣсни, пришелъ въ такое негодованіе, что набросился на своего непосредственнаго начальника майора Мейбома и ударомъ тесака убилъ его.

«Унтеръ-офицеръ былъ преданъ смертной казни черезъ разстрѣляніе, но приведеніе ея въ исполненіе встрѣтило большія затрудненія, такъ какъ нѣмецкіе солдаты не желали разстрѣливать его. Тогда, по предписанію изъ Парьграда за подписью Энвера-паши, смертная казнь была поручена Теффику-бею, мѣстному турецкому губернатору. Казнь была совершена».

I.

Юганнъ Асмусъ завѣдывалъ питомникомъ и школой садоводства въ Мюнхенѣ. Помимо казенной квартиры и прочихъ благъ, получалъ содержаніе, достаточное для того, чтобы, не нуждаясь, жить съ женой и двумя дѣтьми и даже откладывать ежемѣсячно малую толику на «черный день», какъ и подобаетъ всякому порядочному нѣмцу баварскаго происхожденія.

Іоганнъ Асмусъ любилъ свое дѣло, на которое пошелъ по призванію. Единственной мечтой его и жены его Марты было обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ въ собственномъ маленькомъ имѣньицѣ, поднять его и повести дѣло настолько широко, чтобы ихъ дѣти—двѣ дѣвочки подростка,—придя въ возрастъ и похоронивъ родителей, получили наслѣдственное приданое, обезпечивающее всю дальнѣйшую ихъ жизнь съ нисходящимъ потомствомъ. Такъ бы оно и сложилось, кабы не война. Разумѣется, не

Библиотека "Руниверс"

только Асмусъ и его семья, но всѣ ихъ знакомые и сосѣди были увѣрены въ томъ, что эту войну затѣяли извѣчные враги Германіи, а именно Англія и давно состоящія въ союзѣ Франція и Россія. И вѣрили каждому лживому слову манифеста своего обожаемаго и непогрѣшимаго кайзера.

Какъ запасной, числящійся въ ландверѣ, Асмусъ попалъ лишь во вторую призывную очередь, когда, послѣ опустошительныхъ боевъ на Марнѣ, потребовались резервы для пополненія жестокаго урона линейныхъ войскъ армій кронпринца и Клукка, а также для похода на русскую Польшу.

Это было такое время, когда всѣ германскіе запасные и ратники еще шли воевать съ охотой и патріотическимъ пыломъ, возраставшимъ параллельно съ ненавистью къ «некультурнымъ противникамъ», оказывающимъ, вопреки ожиданіямъ культуртрегеровъ-завоевателей, упорное и разсчитанное сопротивленіе.

Но Іоганнъ Асмусъ не былъ воиномъ ни по призванію, ни по характеру, слишкомъ мирному, робкому и флегматичному для воина. Буржуа съ зачаткомъ брюшка и лысины—плохой вояка. Но онъ все-таки усердно воевалъ изъ любви къ отечеству и народной гордости. Разлука съ семьей была для него очень тяжела, но и эту жертву онъ охотно принесъ на алтарь отечества.

Одного онъ, правда, совсѣмъ не ожидалъ. Того, что отъ него не только обстоятельства исключительно кровавой войны, но и начальство потребуютъ личной жестокости и не только къ вооруженному врагу, но и къ мирнымъ вражескимъ семьямъ. Но обожаемый кайзеръ приказалъ такъ поступать, подтвердивъ завѣтъ великаго Бисмарка: «Побѣжденному врагу нужно оставить лишь одни глаза, чтобы ими могъ онъ оплакивать свои бѣдствія». И онъ, Іоганнъ Асмусъ, бывшій ученый садоводъ, а нынѣ унтеръ-офицеръ баварскаго гренадерскаго пѣхотнаго № 43-го полка, долженъ былъ вмѣнить въ себѣ обязанность быть, вѣрнѣе, заставить себя быть, жестокимъ и съ мирнымъ населеніемъ завоеванныхъ мѣстностей. Сначала это не совсѣмъ-таки легко давалось садоводу въ гренадерскомъ мундирѣ. Эти несносные вопли избиваемыхъ или недобитыхъ людей, особенно дѣтей, и насилуемыхъ женщинъ и дѣвушекъ-подростковъ совершенно сбивали его съ толка, лишая жестокой воли и дѣлая какимъ-то сантиментальнымъ тюфякомъ. Назойливо лѣзли въ сознаніе лица своей жены и своихъ дѣвочекъ, ожидающихъ возвращенія своего кормильца пока въ безопасномъ отъ вторженія врага мѣстѣ...

Но къ чему только не привыкаетъ человѣкъ. Никакого звѣря не пріучишь къ тому, что человѣкъ воспринимаетъ быстро и прививаетъ къ себѣ, какъ привычку, въ концѣ концовъ. Самое покладистое и приспособляющееся ко всему животное это царь природы и вѣнецъ созданія Творческой Силы.

Библиотека "Руниверс"

Привыкъ къ своему новому положенію и мирный Іоганнъ Асмусъ садоводъ, обмялся, какъ говорится. И не только обмялся, но, съ теченіемъ времени, даже во вкусъ вошелъ и самъ уже охотно руку приложилъ къ злодѣяніямъ своей расы. На французской землѣ было это «рукоприкладство». Въ провинціи Шампани, въ какой-то богатой винодѣльческой усадьбѣ отличились и офицеры и солдаты 43-го баварскаго полка. Помѣщичій домъ, по обыкновенію, разграбили вчистую и особенно, конечно, [приналегли на содержимое обширныхъ винныхъ погребовъ. Вина всякія были тамъ. Подъ пыткой пойманный купоръ указалъ зарытыя глубоко въ сухомъ пескѣ бутыли стараго, можетъ быть, столѣтняго вина, буквально съ ногъ сшибающаго. Шампанскаго же тамъ лилась цѣлая рѣка тоже въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Рѣдкіе непьющіе «культуртрегеры» обалдѣвали до головокруженія отъ одного только крѣпкаго виннаго духа, нависшаго надъ усадьбой... Въ первый же день всѣ, конечно, перепились, ну, и онъ, Асмусъ, тоже не выдержалъ... А потомъ все пошло какъ въ какомъ-то угарномъ туманѣ. Чего въ такомъ видѣ не взбредетъ въ голову самому мирному человѣку. На грабежъ садовода какъ-то вовсе не потянуло, но относительно онъ мужчина еще молодой, здоровый и сытый, да, къ тому же, въ разлукѣ съ женой вотъ уже болѣе полугода... У этого самаго купора-эльзасца семья, три дочери... не успѣвшія, какъ видно, во время выѣхать изъ усадьбы. И за это поплатились. Офицеры заставили ихъ играть на роялѣ, насильно подпоивъ. Старшая аккомпанировала средней, недурной пѣвицѣ... а младшая, самая красивая, еще почти дѣвочка, искусно играла на арфѣ... Имя ея—Жермена—хорошо запомнилось Асмусу. Красивая дѣвочка, бойкая, смѣлая и сердитая... Асмусъ въ раскрытое окно изъ сада наблюдалъ все, что тогда происходило въ этомъ большомъ залѣ дома. Послѣ музыки, по обыкновенію, офицеры приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ самаго циничнаго характера... Тѣ, бѣдняжки, даже, повидимому, не ожидали этого, надѣясь на честь военнаго офицерскаго мундира, какъ на гарантію ихъ дѣвичьей неприкосновенности... Наивныя эльзаски! Но эта Жермена... огонь дѣвочка. Оберъ-лейтенантъ фонъ-Бахъ къ ней было сунулся и облапилъ, а она ему еще не откупоренной шампанской бутылкой голову раскроила моментально. Взмахнувъ руками и не вскрикнувъ даже упалъ онъ на коверъ, облитый и кровью и виномъ, а эльзаска вмигъ выпрыгнула въ окно, сосѣднее съ тѣмъ, въ которое глядѣлъ Асмусъ, и скрылась въ саду.

Садъ громадный, довольно-таки запущенный, за нимъ виноградники на милю-другую кругомъ, а ночь темная, хоть глазъ выколи, какія въ новолуніе бываютъ... Поискали бѣглянку по саду, весь съ фонарями обшарили, не нашли и плюнули на эту игру... Да и то, развѣ съ фонарями найти, да еще по пьяному дѣлу. А

Библиотека "Руниверс"

когда они ушли и садъ погрузился въ прежнюю тьму, Асмусъ остался тамъ и возобновилъ поиски... Казалось ему самому тогда, что въ немъ проснулся какой-то древній предокъ, человѣкъ-полуживотное, высматривающее себѣ добычу-самку... Инстинктъ какой-то, вдругъ возродившійся, руководилъ имъ. Лазилъ получеловѣкъ по кустамъ сирени и между виноградныхъ лозъ съ пытливымъ терпѣніемъ звѣря и выслѣдилъ-таки, вычуялъ робко притаившуюся тамъ, уже до полусмерти запуганную жертву свою.

Плакала, ломая руки... Волосы рвала на головѣ въ отчаяніи, молила отпустить, но звѣрь взялъ перевѣсъ надъ человѣкомъ, и свершилось еще одно гнусное дѣло, гнуснѣйшее прежнихъ, уже лежащихъ на совѣсти бывшаго садовода.

Тамъ въ виноградникѣ и оставилъ ее, безчувственную, полузадушенную.

А на зарѣ слѣдующаго дня весь сорокъ третій баварскій гренадерскій полкъ ушелъ изъ разграбленной усадьбы и съ первой желѣзнодорожной станціи былъ отправленъ на русскій фронтъ, въ Польшу съ цѣлью усиленія дѣйствующей подъ Варшавой арміи. Вскорѣ и взяли ее—польскую красавицу-столицу. Было большое торжество. Въ сопровожденіи саксонскаго короля и сыновей пріѣхалъ поздравить войска съ крупной побѣдой самъ кайзеръ и сдѣлалъ имъ парадный смотръ. Отъѣзжая, приказалъ штабу арміи выбрать достойнѣйшихъ, наиболѣе развитыхъ унтеръ-офицеровъ для отправки ихъ въ Палестину въ качествѣ инструкторовъ для обученія строю и стрѣльбѣ турецкихъ новобранцевъ. Жалованье посулили изрядное, и охотниковъ вызвалось больше, чѣмъ нужно. Выбрали, пока что, десять изъ разныхъ полковъ и разнаго рода оружія, отдавая преимущество интеллигенціи. Такимъ образомъ, ученый садоводъ Іоганнъ Асмусъ и попалъ въ число счастлицевъ,—счастливцевъ уже тѣмъ, что они уѣзжали въ безопасное пока отъ пуль и снарядовъ мѣсто, не говоря уже о другихъ преимуществахъ новой службы.

II.

Путешествовать изъ-подъ Варшавы въ Палестину этимъ десяти избранникамъ, подъ командой фельдфебеля, пришлось довольно долго и самыми разнообразными путями и способами, большею частью конспиративнымъ порядкомъ и даже съ переодѣваніемъ въ штатское платье. По Болгаріи и Турціи ѣхали уже какъ свои, встрѣчаемые и провожаемые съ почетомъ. Вообще ѣхать было спокойно и весело. Чуть ли не на каждой большой стоянкѣ выпивка. Впрочемъ, выпивку и съ собой везли. Денегъ было у всѣхъ достаточно, такъ какъ изъ армейскаго штаба выдали подъемныя, проѣздныя и продовольственныя деньги впередъ. И главное, при

Библиотека "Руниверс"

всемъ этомъ благополучіи никакихъ успѣвшихъ-таки изрядно надоѣсть опасностей.

Въ сущности, Іоганнъ Асмусъ былъ не злой человѣкъ отъ природы; да и его профессія, какъ извѣстно, имѣетъ претензію вообще нѣсколько смягчать нравы. А если онъ дѣлалъ злыя дѣла, которыя постыдны даже на войнѣ, то, вѣдь, на нихъ было одобреніе и даже благословеніе самого кайзера, который всѣмъ своимъ народомъ почитается, какъ особливый Божій помазанникъ, избранникъ и даже пророкъ Мессія, долженствующій покорить подъ желѣзную пяту великой Германіи все народонаселеніе земного шара. И тогда, молъ, наступитъ золотой вѣкъ человѣчества.

Поэтому, когда Асмусъ вспоминалъ о своемъ послѣднемъ сугубо гнусномъ поступкѣ въ Шампани и въ его сознаніи навязчиво всплывалъ скорбный образъ замученной и опозоренной жертвы, эльзасской дѣвушки Жермены, какъ нѣжный весенній цвѣтокъ, растоптанный въ грязи его солдатскими сапожищами, то онъ сейчасъ же начиналъ про себя напѣвать патріотическій гимнъ своей родины «Deutschland über Alles» и этимъ пока достигалъ желаемаго результата. Тревожившій его совѣсть призракъ загубленной дѣвочки отходилъ отъ него на время.

Изъ Яффы, куда партію новыхъ германскихъ инструкторовъ привезла турецкая фелюга подъ греческимъ флагомъ, ихъ сейчасъ же отправили по желѣзной дорогѣ къ мѣсту назначенія въ Іерусалимъ, гдѣ стоялъ штабъ экспедиціоннаго отряда и главный этапъ постоянной команды германскихъ инструкторовъ турецкихъ войскъ.

Іоганнъ Асмусъ былъ лютеранинъ, къ религіи относился, какъ большинство его сородичей, своеобразно, соблюдая нѣкоторую внѣшне-обрядовую сторону этой религіи, какъ, напримѣръ, соблюденіе святости праздничныхъ дней и посѣщеніе въ эти дни кирки его прихода, гдѣ игралъ органъ, пѣли въ хору, въ числѣ другихъ дѣтей и его дѣвочки и пасторъ, въ заключеніе службы, произносилъ приличествующую моменту поучительную проповѣдь. А жена Асмуса была уроженка южной Саксоніи и рьяная католичка.

Она, несомнѣнно, нѣсколько вліяла своей религіозной экзальтированностью на спокойное и холодноватое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ мужа въ томъ смыслѣ, что онъ за двѣнадцать лѣтъ счастливаго супружества какъ-то полусознательно или инертно сталъ гораздо религіознѣе. Напримѣръ, съ большимъ смысломъ и охотой въ праздничные досуги читалъ семьѣ вслухъ Библію и вообще теплѣе и благоговѣйнѣе сталъ относиться къ священнымъ для христіанъ именамъ, идеямъ и даже предметамъ. Особенно же ко всему тому, что такъ или иначе соприкасалось съ воспоминаніями о тридцатитрехлѣтней земной жизни Христа.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ теперь, когда передъ его глазами, устремленными въ окно вагона, быстро проносились эти мѣста, гдѣ въ теченіе своей краткой жизни ходилъ и училъ людей Христосъ, онъ вспомнилъ о постоянной мечтѣ своей жены посѣтить когда-нибудь эти Святыя мѣста и поклониться имъ слезно и любовно.

И случилось такъ, что не ей, горячо этого желавшей, а ему, никогда особенно не интересовавшемуся такими паломничествами, довелось побывать здѣсь. Ну, что же, зато онъ теперь въ каждомъ письмѣ будетъ подробно описывать Мартѣ и дѣвочкамъ обо всемъ, что увидитъ здѣсь собственными глазами. А онѣ, конечно, уже получили и прочли его письмо изъ Варшавы и теперь будутъ ждать отъ него писемъ изъ Палестины и ждать съ нетерпѣніемъ.

Іоганнъ вспомнилъ, что тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, откуда онъ выѣхалъ, теперь поздняя осень. Пасмурные, короткіе дни, долгія, холодныя ночи въ окопахъ, пронизывающій сквозь тонкое сукно лѣтнихъ шинелей вѣтеръ, а внизу на днѣ окоповъ вода или грязь по щиколотку... А здѣсь что за благодать,—прямо роскошь! На родинѣ такая погода развѣ въ іюлѣ иногда не надолго устанавливается, а здѣсь вотъ, говорятъ люди, почти круглый годъ тепло. Только въ январѣ и февралѣ бываютъ морозцы не выше двухъ градусовъ, а съ начала ноября начинаются дожди, начинаясь «раннимъ» дождемъ и кончаясь «позднимъ», необходимыми странѣ для всходовъ и созрѣванія посѣвовъ. Сильныхъ, изнуряющихъ европейскихъ зноевъ здѣсь не бываетъ и лѣтомъ. Блаженная страна! Какіе изумительные фрукты и виноградъ, благовонныя деревья и бальзамическіе кусты, изъ которыхъ мѣстные жители гонятъ разныя душистыя смолы ѳиміама, и при всемъ томъ нѣтъ ни ядовитыхъ гадовъ, ни хищныхъ звѣрей.

Іоганнъ радуется своимъ мыслямъ о будущемъ, своимъ надеждамъ: война скоро кончится, какъ только падутъ Двинскъ и Рига и русскіе запросятъ мира сами. Тогда вся австро-германская сила ударитъ на франко-англійскій фронтъ, разобьетъ арміи союзниковъ и заключитъ окончательный общій миръ въ Парижѣ. Въ этомъ увѣрены всѣ штабные и всюду говорятъ объ этомъ, какъ о событіи близкаго будущаго.

Іоганнъ оглядываетъ своихъ товарищей, смотритъ на толстое красное воинственное лицо Карла Шварцбаха, фельдфебеля, и видитъ и чувствуетъ, что у нихъ у всѣхъ общія съ нимъ мысли. Шварцбахъ подтверждаетъ это хриплымъ басомъ:

— Теперь, ребятки, намъ здѣсь и сидѣть до заключенія славнаго мира, въ теплѣ да сытости... Про вино я ужъ не говорю: его здѣсь прорва. Одно только раньше меня смущало: какъ тутъ насчетъ пива. Однако слухи утѣшительны, такъ какъ въ окрестностяхъ Іерусалима, сказываютъ, наши поставили пивной заводъ. Одно слово: ѣшь, пей и веселись, душа, и больше никакихъ гвоздей. Гляди-ка, вона, кажись, и городъ видать.

Библиотека "Руниверс"

Садоводъ высовывается изъ окна и пристально смотритъ впередъ. Тамъ, вдали, сквозь дымку вибрирующаго нагрѣтаго воздуха уже поблескиваютъ бѣлыя стѣны городскихъ зданій.

По пріѣздѣ въ Іерусалимъ новую партію инструкторовъ помѣстили въ каменныхъ временныхъ баракахъ между предмѣстьемъ города и скалистыми холмами ближнихъ окрестностей вмѣстѣ съ другими, уже давно обжившимися здѣсь дрессировщиками турецкихъ новобранцевъ.

Пріятнымъ сюрпризомъ для Асмуса была неожиданная встрѣча съ землякомъ жены и своимъ бывшимъ шаферомъ Михелемъ Клаусомъ. Этотъ Клаусъ, живой, веселый и общительный малый, по профессіи бывшій фабричный коммивояжеръ, съ дѣтства зналъ и жену Асмуса, и всю ея родню, такъ какъ былъ родомъ изъ того же саксонскаго городка, откуда Асмусъ взялъ себѣ въ жены Марту...

Радость садовода при встрѣчѣ со старымъ другомъ дома была вполнѣ понятна, тѣмъ болѣе, что этотъ юркій Клаусъ, околачиваясь въ Палестинѣ уже болѣе года, своимъ опытомъ и знаніемъ мѣстныхъ условій жизни и языка могъ быть многимъ полезенъ своему другу въ незнакомой странѣ. Теперь письмо на родину съ подробнѣйшимъ описаніемъ всѣхъ святынь не замедлитъ своей отправкой.

Такъ думалъ бывшій садоводъ и въ свободное отъ занятій время слѣдующаго послѣ прибытія его въ Святой городъ дня онъ попросилъ Клауса сопровождать его въ прогулкѣ по городу и окрестностямъ и показать ему всѣ достопримѣчательности ихъ, связанныя съ воспоминаніями о земной жизни Христа, и сослался на письмо, которое онъ обѣщалъ послать женѣ.

Выслушавъ просьбу друга, саксонецъ покачалъ головой, вздохнулъ и сказалъ:

— Не совѣтовалъ бы... ходить и глядѣть... Лучше съ моихъ словъ все опиши, а то тутъ можешь нарваться на такія зрѣлища, при которыхъ даже турки разводятъ руками и недоумѣваютъ... Видишь ли... эти турки и арабы-мусульмане, хотя и темный народъ вообще, но привыкли чтить свои святыни, а также уважать и чужестранныя. Не то наши сородичи, особенно пруссаки, которыхъ здѣсь большинство, и, не въ укоръ будь тебѣ сказано, твои же земляки, баварцы... Можно подумать, что у нихъ война вывѣтрила все святое и благоговѣйное изъ сердецъ и душъ... И это насъ, католиковъ, очень тревожитъ... Ты только подумай: рядомъ съ мѣстами, священными для всякаго христіанина, наше же начальство устраиваетъ торговые и, даже хуже, распивочные бараки своихъ продовольственныхъ комитетскихъ складовъ; будто нельзя было отвести подъ нихъ другія мѣста, хотя бы за городомъ. Напримѣръ, въ Виѳлеемѣ, подъ стѣнами крестообразнаго каменнаго храма, построеннаго надъ вертепомъ, гдѣ родился младенецъ Христосъ,

Библиотека "Руниверс"

они въ длинную линію кругомъ стѣнъ построили эти бараки... Тамъ же приткнулись и маркитантскія лавчонки и кабачки... Я былъ тамъ и все видѣлъ... Странная, непонятная для насъ, католиковъ, демонстрація... И, повѣрь мнѣ, добромъ это не кончится... Рано или поздно...

— Я тебя понимаю,— отвѣтилъ, мрачно глядя въ землю, Асмусъ:—я не католикъ, но тоже привыкъ уважать святыни религіи... Просто не вѣрится тому, что ты разсказалъ.

— Придется повѣрить собственнымъ глазамъ... хотя бы завтра, когда мы выйдемъ на учебное стрѣльбище,—отвѣтилъ, пожимая плечами, Клаусъ.—Я тебѣ ничего не хотѣлъ говорить сегодня, чтобы не портить настроенія, но знай, что наше учебное стрѣльбище расположено волею начальства на вершинѣ горы... Голгоѳы.

— Гол-гоѳы?!—съ невольнымъ страхомъ переспросилъ Асмусъ, отшатываясь отъ саксонца и глядя на него недовѣрчиво и растерянно.—Не можетъ быть!..

— Тутъ, братъ, все можетъ быть... погляди-ка вверхъ на этотъ скалистый обрывъ къ высохшему потоку Кедрону... Это и есть святая гора Голгоѳа, политая кровью замученнаго Христа... Небольшая горка, лишенная растительности... и тамъ наше стрѣльбище... Завтра утромъ поведемъ туда турецкихъ аскеровъ натаскивать на стрѣльбу... Когда-то, двѣ тысячи лѣтъ назадъ, на этой скалистой вершинѣ стояли три креста... Что съ тобой?.. Однако ты нервный...

III.

Около двухъ недѣль прошло со дня прибытія въ Іерусалимъ новой партіи военныхъ инструкторовъ въ усиленныхъ занятіяхъ ихъ съ турецкими рекрутами. Эти послѣдніе представляли собою разноплеменное сборище здоровенныхъ оборванцевъ, пригнанныхъ изъ разныхъ мѣстъ Малой Азіи, наподобіе гуртовъ скота. Обломать ихъ настолько, чтобы хоть придать ихъ внѣшности нѣкоторую приличную видимость солдатъ, стоило инструкторамъ труда немалаго. Особенно мучились со своими достаточно безтолковыми учениками новоприбывшіе унтеръ-офицеры, новички въ этомъ дѣлѣ.

Незнаніе ими мѣстныхъ и вообще азіатскихъ нарѣчій тоже затрудняло выучку. А съ этой выучкой начальство торопило инструкторовъ, ибо ожидало въ скоромъ времени пріѣзда одного изъ принцевъ съ цѣлью инспекторскаго смотра этимъ отрядамъ обученныхъ новобранцевъ. Ходили слухи, что весной, обученныя уже и снаряженныя, турецкія войска отсюда будутъ двинуты прямо на Суэцъ. Толковали, впрочемъ, и о возможности похода на Индію.

Асмусъ зналъ теперь, что солдатскія казармы, наскоро сложенныя изъ камня за недостаткомъ дерева и крытыя плоскими гли-

Библиотека "Руниверс"

няными кровлями, въ одной изъ которыхъ помѣщались новоприбывшіе инструкторы, были расположены на подъемѣ на гору Голгоѳу, и это его нервировало. Въ лунныя ночи, которыя теперь стояли здѣсь, ея неровный силуэтъ яснымъ контуромъ вырѣзывался на свѣтломъ фонѣ неба. Довольно круто спускаясь въ ложбину потока Кедрона тремя уступами, она постепенно и полого понижалась къ долинѣ Киріафъ-Іаримъ, откуда вся мѣстность вновь начинаетъ повышаться къ самымъ стѣнамъ былого Давидова града,

Іоганну не спалось въ одну изъ такихъ ночей среди таинственныхъ пустынь, гдѣ когда-то возсіяло воплощенное Слово Бога Живаго. Онъ, выйдя изъ барака, гдѣ всѣ его товарищи уже крѣпко спали, медленно побрелъ вверхъ по направленію къ силуэту библейской горы.

Ночь была тиха, свѣтла и свѣжа. Холодкомъ пріятно тянуло съ низинъ Бетъ-Джала. Кривая линія казармъ тянулась вдоль плотно утрамбованной дороги, проложенной по каменистому грунту на самую вершину горы. Возили туда ящики съ патронами и пулеметы для упражненія въ стрѣльбѣ.

Взойдя на площадку горной вершины, откуда открывался далекій видъ на живописныя окрестности города, теперь окутаннаго прозрачной дымкой ночного сыроватаго тумана, онъ долго стоялъ тамъ въ глубокой и скорбной задумчивости. Надъ его головой миріады звѣздъ свѣтили на землю изъ таинственныхъ нѣдръ вселенной, и тихо, безлюдно было кругомъ.

Чувство необычайнаго умиленія сошло на душу садовода, умиленія и глубоко-таящейся въ тайникахъ души какой-то суевѣрной тревоги.

И вдругъ въ дымкѣ тумана, тонкой вуалью ползущаго внизу надъ долиной, онъ увидѣлъ блѣдное прекрасное лицо замученной имъ эльзасской дѣвушки Жермены. Глаза ея были широко раскрыты и на моментъ встрѣтились съ его глазами. Не укоръ и не обиду прочелъ въ нихъ Асмусъ, а гордое торжество побѣдителей-мстителей... Чувство это было сложно и подавляюще. Въ искреннемъ порывѣ раскаянія Іоганнъ упалъ на колѣни и громко заплакалъ, колотя себя въ грудь кулаками. Потомъ всталъ и, шатаясь, какъ смертельно раненый, побрелъ назадъ внизъ, къ длинной линіи казармъ. Только теперь онъ замѣтилъ ярко размалеванную вывѣску надъ запертыми дверями одного изъ ближайшихъ къ вершинѣ горы бараковъ, прочитавъ которую, онъ тяжело вздохнулъ, пожимая плечами въ недоумѣніи и безсильномъ гнѣвѣ:

«Баръ «Встрѣча героевъ», а также колоніальные товары продовольственнаго комитета шестой пѣхотной экспедиціонной бригады».

— Ну, съѣстные припасы и предметы первой необходимости это еще туда-сюда; да и то могли бы выбрать другое мѣсто, подальше.... Но баръ, т. е. попросту кабакъ... здѣсь на святомъ

Библиотека "Руниверс"

мѣстѣ жертвы искупленія человѣчества!.. На мѣстѣ крестныхъ страданій и смерти Христа!.. Это ужасно! Непонятно! Это не кощунство по невѣдѣнію... это сдѣлано сознательно и нагло, какъ демонстрація... И виновники этого мои земляки, близкіе мнѣ люди по крови, сыны великой Германіи... Не сплю ли я и вижу все это во снѣ?... страшномъ кошмарномъ снѣ... Кайзеръ увѣряетъ насъ, что съ нами Богъ... Но можетъ ли Онъ быть съ нами, если мы оскверняемъ память Сына Его и мѣста, гдѣ пролита Его искупительная кровь?..

Въ ужасѣ и оцѣпенѣніи стоялъ Асмусъ передъ дверями рокового барака, и вдругъ въ его растерянномъ сознаніи ярко вспыхнули слова Библіи. И даже будто слышитъ онъ прерывающійся отъ волненія и умиленія голосъ жены, внятно читающей вѣчную книгу, и видитъ свѣтловолосыя головки дѣвочекъ, сидящихъ, обнявшись, на диванѣ... Эти пророческія слова древняго грознаго Бога евреевъ: ...«и ослѣплю ихъ, чтобы не видѣли, и оглушу, чтобы не слышали, и отниму разумъ, чтобы не уразумѣли»... А потомъ пророчества про Іуду-предателя... «Пренебрегъ благословеніемъ, и отнимется отъ него. Возлюбилъ проклятіе, и дастся ему. Какъ вода войдетъ проклятіе въ чрево его и, какъ елей, въ кости его... Какъ одеждой, одѣнется въ него, и, какъ поясомъ, имъ опоясуется»...

«Не про германскій народъ и не про кайзера ли эти пророчества?.. Тогда конецъ и ему, и Германіи...

Всю эту роковую для него ночь не спалъ бѣдняга ученый садоводъ. Безпокойныя мысли въ усталомъ мозгу тщетно пытались разрѣшить нежданно возставшій въ душѣ великій вопросъ, отогнать тягчайшія сомнѣнія и колебанія возбужденнаго ума и успокоить терзанія сердца, уже раскаявшагося въ недавнихъ беззаконіяхъ. Жена и дѣти казались ему уже потерянными навсегда, ибо окончательная побѣда и торжество противника и крушеніе, паденіе, а, можетъ быть, и полный разгромъ родины прозрѣвались обостренными болѣзненно функціями мозга, какимъ-то сверхсознаніемъ его во тьмѣ грядущихъ событій міровой исторіи, какъ результатъ непреложнаго рѣшенія Верховнаго Разума, который поругаемъ не бываетъ. А что еще осталось не поруганнаго его, Іоганна Асмуса, сородичами, этими звѣрями во образѣ человѣческомъ, если даже землю, впитавшую въ себя кровь Богочеловѣка, они уже осквернили!..

Впрочемъ, утромъ Асмусъ всталъ, не показывая вида удрученнаго такими тяжкими душераздирательными думами человѣка. Дисциплина и военная выдержка успѣли-таки сковать изъ него нѣкое подобіе человѣка-машины, одухотворенный механизмъ, слѣпого исполнителя приказаній начальства.

Въ семь часовъ утра онъ долженъ былъ вести свою команду аравійскихъ новобранцевъ, наскоро обученныхъ военному строю,

Библиотека "Руниверс"

на стрѣльбище—туда, на вершину исторической священной горы, гдѣ онъ въ эту послѣднюю свою ночь заблужденій и духовной слѣпоты проливалъ слезы раскаянія въ мерзостяхъ недавняго прошлаго своего.

Солнце... Это яркое палящее солнце каменистыхъ пустынь, зачастую нелицепріятный обличитель темныхъ дѣлъ человѣческихъ, въ пущей наготѣ выявило ему надругательства земляковъ надъ святымъ мѣстомъ. Всѣ эти дни, въ которые онъ, автоматически исполняя приказанія начальства, приводилъ на строевое ученіе свою рекрутскую команду на эту площадку вблизи бараковъ, открыто торговалъ лишь продовольственный магазинъ. Сегодня, ведя команду на стрѣльбище на вершину горы, онъ замѣтилъ торопливую работу въ пристроенной къ магазину, открытой съ трехъ сторонъ и обтянутой сверху и съ боковъ брезентомъ офицерской столовой... Двери бара были стыдливо полуприкрыты.

Работа шла такъ быстро, что, когда онъ, по окончаніи учебной стрѣльбы, возвращаясь съ вершины горы, шелъ со своей командой снова мимо бара, то столовая была уже готова принять въ свои гостепріимныя нѣдра дорогихъ гостей.

А теперь, пока что, широкія двери бара «Встрѣча героевъ, были радушно, уже безъ всякой лицемѣрной утренней стыдливости раскрыты настежъ, какъ бы приглашая каждаго зайти подъ гостепріимную сѣнь его и вкусить отъ вина и хлѣба... Увы, несравненно больше отъ вина, нежели отъ чего-нибудь съѣстного. Теперь Асмусъ внимательно разглядѣлъ еще и другіе вывѣски и плакаты, ярко кричащіе: о несравненномъ пивѣ мѣстнаго іерусалимскаго завода братьевъ Риттеръ, о непромокаемыхъ, въ виду наступающаго періода дождей, сапогахъ фирмы «Кунце и К°» и проч. А также вызывающе юмористическаго типа плакаты, изображающіе слѣдующую картину: красный толстый германскій солдатъ идетъ откуда-то изъ-за горизонта и давитъ на своемъ пути англичанъ, французовъ, русскихъ и итальянцевъ. Его ждетъ съ распростертыми объятіями турокъ. Надпись же гласитъ громадными буквами по-турецки: «Друзья! Къ вамъ спѣшитъ могучій другъ!»

Все, все здѣсь кричитъ о томъ, что Германія завоюетъ весь міръ.

И вотъ вновь просіяли въ сознаніи садовода знакомыя слова Библіи, слова Христа, распятаго на этой горѣ, гдѣ устроено стрѣльбище:

... «Что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою потеряетъ».. И что же... развѣ теперь Германія, пріобрѣтая весь міръ, не теряетъ свою душу?.. Хорошо, если не такъ, но все идетъ къ тому... Но если потерявшій душу народъ станетъ владычествовать надъ міромъ, потерпитъ ли это насиліе Верховный Разумъ вообще?...

Библиотека "Руниверс"

Стрѣльбище было расположено на бугристой продолговатой площади горы Голгоѳы, яко бы для того, чтобы пули не залетали въ населенныя мѣста низинъ и не было бы невинныхъ жертвъ учебной стрѣльбы. По крайней мѣрѣ такъ объяснялъ причину расположенія стрѣльбища майоръ Мейбомъ, завѣдующій кадровымъ батальономъ инструкторовъ, въ распоряженіе котораго поступили недавно прибывшіе изъ Европы унтеръ-офицеры. Но это объясненіе мало утѣшало Іоганна Асмуса, руководившаго стрѣльбой своего взвода. Даже эти темные турки, малопросвѣщенные мусульмане, явно не одобряли непонятнаго Іоганну отношенія нѣмецкаго начальства и офицерства къ христіанскимъ святынямъ.

Покачивали головами, поглядывая въ сторону «бара», откуда уже теперь, еще до наступленія полудня, неслись пьяные крики опохмеляющихся завсегдатаевъ этого военнаго заведенія, вывѣска надъ которымъ высокопарно гласила «Встрѣча героевъ». Больно щемило сердце садовода, и невольно на каменистомъ плоскогоріи Голгоѳы глаза его искали слѣдовъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ водруженныхъ трехъ крестовъ, памятныхъ на вѣки вѣковъ всему міру. И, конечно, не находили ихъ. Майоръ Мейбомъ важно и вразумительно объяснилъ спросившему его объ этомъ Асмусу, что до сихъ поръ мѣсто распятія Христа еще не извѣстно достовѣрно даже историкамъ древнѣйшихъ временъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ извѣстнаго ученаго профессора Шлимана, почти всѣ нынѣ чтимыя мѣста святынь Палестины должны считаться облыжно указанными по искаженнымъ устнымъ преданіямъ. Даже мѣсто Соломонова храма, синедріона и дворца Пилата до сихъ поръ не установлены.

Асмусъ внимательно выслушалъ майора, но недовѣрчиво отнесся къ его объясненіямъ. Да и другіе инструкторы-товарищи съ сомнѣніемъ покачивали головами, когда тотъ, дождавшись своего адъютанта, щеголеватаго лейтенанта фонъ-Шлиппе, вмѣстѣ съ нимъ, не дожидаясь окончанія учебной стрѣльбы, направился къ офицерской столовой, уже вполнѣ оборудованной и ожидающей прибытія къ первому обѣду, для празднованія новоселья, хозяевъ и гостей. Уже было извѣстно, что ожидали гостей: изъ Назарета—оберъ-лейтенанта барона фонъ-Горста, а изъ Виѳлеема—командира 17-го Анатолійскаго коннаго полка майора фонъ-Дерингена.

IV.

Часомъ позже возвращался со стрѣльбища со своей командой Іоганнъ Асмусъ, а въ офицерской столовой шла уже послѣобѣденная попойка во вся тяжкія.

Вокругъ длиннаго стола, подъ брезентовымъ навѣсомъ, сидѣли эти хозяева и гости-офицеры германской арміи шумно и крикливо. Сквозь волны табачнаго дыма проходящимъ отрядамъ турецкихъ

Библиотека "Руниверс"

новобранцевъ были видны ихъ излишне румяныя лица, разнузданные жесты. На колѣняхъ оберъ-лейтенанта барона фонъ-Горста, веселаго толстяка, сидѣла извѣстная мѣстная красавица арабка-полукровка Аглена Девисъ-Коннай, танцовщица устроеннаго завоевателями кинемо-театра. Она, раскраснѣвшаяся, полупьяная, курила сигару и, размахивая ею въ воздухѣ, пыталась руководить съ трудомъ налаживающимся хоромъ своихъ такихъ же полупьяныхъ собутыльниковъ.

Картина открывалась отвратительная по своему цинизму нараспашку.

Даже молодые турецкіе аскеры, запуганные до механизма крутой нѣмецкой дисциплиной, возмущались и роптали, отворачиваясь отъ гнуснаго зрѣлища.

— Великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его,—вполголоса переговаривались они, искоса поглядывая на своего смущеннаго начальника, унтеръ-офицера Іоганна Асмуса.

— Вѣдь и у насъ пророкъ Аллаха Исса весьма уважаемъ... Но у нихъ, христіанъ, онъ Богъ, а что они дѣлаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ Богъ былъ распятъ, чтобы, по словамъ ихъ, воскреснуть... Воскресъ бы Онъ теперь да пришелъ бы сюда... Что бы сказалъ, что бы сдѣлалъ Онъ съ этими людьми, за которыхъ проливалъ кровь?.. Спалилъ бы ихъ всѣхъ огнемъ небеснымъ... И почему не обвалится каменная стѣна ихняго кабака и не задавитъ кощунниковъ...

Эти слова возмущенія, робкій полушопотъ молодыхъ турокъ, дангалаковъ, занзибарцевъ и жителей аравійскихъ пустынь, глубоко религіозныхъ отъ сосца матери, переполнили чашу душевныхъ страданій и терпѣнія ученаго садовода.

У него захватило дыханіе. Кровь отлила отъ сердца и шумно хлынула въ мозгъ, стукнула въ темя, застлавъ глаза кровавымъ туманомъ, заставивъ его пошатнуться на ногахъ... Не толстое красное лицо барона фонъ-Горста, не юное розовое батальоннаго адъютанта Макса фонъ-Шлиппе видѣлъ онъ теперь въ центрѣ этой пьяной компаніи, не говоря уже о веселыхъ лицахъ гостей: майора Дерингена и купца Риттера... Нѣтъ!.. Всѣ эти люди были простыми пѣшками въ рукахъ тонкаго, хитраго и безчеловѣчно-жестокаго не только съ врагами, но и со своими же солдатами майора Мейбома. А онъ, этотъ майоръ Мейбомъ, какъ хозяинъ и амфитріонъ, сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ концѣ стола, уставленнаго бутылками, вазами съ фруктами и грязной объѣденной посудой. Сидѣлъ, какъ бы священнодѣйствуя, наподобіе древняго жреца Ваала. Худощавое, блѣдное лицо его, лицо опернаго Мефистофеля съ лихо, по-кайзеровски закрученными кверху рыжими усами было трезво, холодно и непроницаемо.

— Жрецъ Ваала!.. Слуга дьявола!.. Будь ты проклятъ за оскверненіе крови Христовой!—вдругъ дикимъ, страшнымъ голосомъ,

Библиотека "Руниверс"

покрывшимъ даже шумъ и нестройное пѣніе обѣдающихъ, загремѣлъ садоводъ. И, выхвативъ изъ ноженъ остро наточенный тесакъ, бросился къ столу кощунниковъ, не помня себя отъ буйной непримиримой злобы, отъ непонятной еще ему самому жажды мщенія за поруганную Голгоѳу.

Былъ моментъ, когда майоръ Мейбомъ, этотъ непроницаемый и холодный «истребитель низшей расы», какъ онъ называлъ самъ себя, встрѣтился глазами съ пылающимъ священнымъ гнѣвомъ взоромъ бывшаго германскаго унтеръ-офицера... Бывшаго... Сейчасъ это былъ уже не солдатъ европейской арміи. Казалось, все наносное, все привитое человѣчеству вѣками культуры, дисциплины и воспитанія, вмигъ сошло съ него, обнаживъ яростнаго древняго доисторическаго дикаря, безпощаднаго мстителя врагу, осквернителю его семейныхъ святынь, его домашняго пещернаго алтаря...

— Не я, а Самъ Богъ убиваетъ тебя, нечестивецъ!—дико крикнулъ дикарь, взмахнувъ рукой.

Сталь тесака молніеносно сверкнула въ табачномъ дыму...

Опомнившись, всѣ сидящіе за столомъ бросились къ мѣсту убійства. Арабка-танцовщица, пронзительно крича, билась на землѣ въ истерикѣ, но на нее никто уже не обращалъ вниманія... Всѣ мрачно и безмолвно столпились вокругъ бездыханнаго тѣла майора Мейбома, въ груди котораго торчалъ, насквозь ее пронзившій, тесакъ германскаго унтеръ-офицера... А онъ, убійца, стоялъ тутъ же, тупо глядя на трупъ убитаго имъ начальника и еще слабо соображая обо всемъ происшедшемъ.

Черезъ минуту его, по командѣ майора фонъ-Дерингена, окружили турецкіе аскеры и повели въ тюремную казарму. А еще черезъ нѣкоторое время къ библейской горѣ сталъ стекаться любопытный и досужій народъ изъ Эль-Кудса, ближайшаго предмѣстья города. Вѣсть о необыкновенномъ событіи быстро облетѣла городъ. Потомъ стала расползаться по проѣзжимъ дорогамъ въ ближнія и дальнія окрестности столицы, въ города Іерихонъ, Гилгалъ, Еммаусъ съ одной стороны и въ Бетъ-Джала, Бетъ-Лахма и Виѳлеемъ съ другой.

А фактъ убійства германскаго военачальника своимъ же нижнимъ чиномъ, какъ актъ небеснаго правосудія, уже влился въ начало народнаго сказанія грядущихъ временъ, легъ краеугольнымъ камнемъ въ созданіе новой легенды о карѣ Божіей, постигающей кощунниковъ Святой земли. На другой же день, конечно, состоялся военно-полевой судъ надъ преступникомъ и вынесъ всѣми ожидаемый приговоръ: предать преступника смертной казни чрезъ разстрѣляніе.

Преступленіе Іоганна Асмуса, несомнѣнно, отрезвляюще подѣйствовало на высшихъ начальствующихъ чиновъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ войскъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого вліянія, по

Библиотека "Руниверс"

приказу изъ штаба шестой пѣхотной экспедиціонной бригады, не только офицерская столовая и «баръ», но и бараки продовольственнаго комитета были уже къ утру слѣдующаго дня, къ утру казни преступника, перенесены въ Эль-Кудсъ. И была пора, въ виду угрожающаго отношенія къ бару «Встрѣча героевъ» арабскаго христіанскаго населенія, уже дѣлавшаго въ ночь послѣ убійства попытку разнести его по камнямъ.

Но казнь все-таки должна была состояться на самомъ мѣстѣ убійства. Къ часу ея совершенія на мѣстѣ бывшей офицерской столовой была вырыта могила для трупа казненнаго преступника.

Едва мерцала заря надъ холмами Элевтерополиса и Геродіона, когда юный батальонный адъютантъ Максъ фонъ-Шлиппе вывелъ изъ временной тюрьмы Эль-Кудса преступника, окруженнаго двѣнадцатью солдатами 17-го коннаго Анатолійскаго полка, нарочито вызванными для совершенія казни изъ Виѳлеема, ибо начальство не довѣряло въ этомъ отношеніи составу шестой бригады, въ частяхъ которой начиналось подозрительное броженіе и выраженіе недовольства кощунствами ихъ офицеровъ на мѣстахъ библейскихъ святынь. Большинство этихъ недовольныхъ принадлежало къ католикамъ и уроженцамъ южныхъ провинцій Германіи, саксонскихъ и силезскихъ окраинъ.

Было тихое свѣтлое утро дня, котораго, по приговору, не суждено было увидѣть преступнику. Но тотъ шелъ къ мѣсту казни спокойно. Ни разу еще во время своего двухсуточнаго тюремнаго заключенія онъ не выказалъ никакихъ признаковъ раскаянія въ совершенномъ убійствѣ. Напротивъ, въ лицѣ этого обреченнаго смерти человѣка можно было пытливому наблюдателю разсмотрѣть выраженіе скрытаго, но ликующаго духа, какую-то таинственную печать полусознательнаго экстатическаго торжества. И это было вѣрно. Все земное за эти двое сутокъ далеко отошло отъ обреченнаго смерти. Жена и дѣти вспоминались иногда, но онъ непоколебимо, фанатически былъ увѣренъ, что онѣ безъ него не погибнутъ. Что-то новое, духовно-свѣтлое, какъ заря нездѣшняго міра, постепенно разгоралось въ его душѣ, обновленной пламеннымъ раскаяніемъ и великой жертвой. И онъ шелъ на казнь, какъ бы шелъ ко вратамъ новаго, ему еще невѣдомаго, но уже ощущаемаго глубинами души міра.

И эта печать тайны, этотъ отблескъ на немъ потусторонняго, уже творящій вокругъ него красивую и трогательную легенду, не могли не вліять на ведущихъ его солдатъ.

Мрачно и сосредоточенно глядя въ землю, шли солдаты, эти двѣнадцать выбранныхъ для совершенія казни преступника, двѣнадцать самыхъ надежныхъ и испытанныхъ старыхъ солдатъ великой арміи, долженствующей покорить весь міръ.

Пришли къ мѣсту, гдѣ еще недавно стоялъ баръ «Встрѣча ге

Библиотека "Руниверс"

роевъ» и арабская танцовщица, сидя на колѣняхъ своего новаго любовника, распѣвала въ полупьяномъ состояніи пахабныя пѣсни.

Когда преступника поставили на краю могилы, то передъ тѣмъ, какъ повязка закрыла ему глаза, онъ взглянулъ на край утеса Голгоѳы, рѣзкимъ контуромъ очертившійся на свѣтломъ фонѣ вспыхивающаго янтаремъ неба и вдругъ ясно увидѣлъ на немъ три креста... Средній крестъ сталъ исчезать въ ослѣпительномъ сіяніи, когда повязка заслонила чудное видѣніе.

Приговоренный сталъ ждать смерти въ экстазѣ духовнаго восторга.

«Свѣтъ тихій... Свѣтъ невечерній!..» тихо шепталъ онъ, и слезы невыразимаго умиленія текли по его щекамъ...

Но смерть не приходила.

Совершилось нѣчто, озадачившее и перепугавшее какъ юнаго адъютанта, такъ и военнаго врача, обязательнаго свидѣтеля казни.

Направленныя на преступника двѣнадцать ружейныхъ дулъ послѣ команды адъютанта не грянули обычнымъ дружнымъ залпомъ, а медленно опустились къ землѣ.

А вслѣдъ за тѣмъ винтовки, уже безъ команды, были взяты «къ ногѣ» беззвучно и угрожающе.

Лейтенантъ Максъ фонъ-Шлиппе не былъ настолько глупъ чтобы не оцѣнить сразу и по достоинству положеніе вещей, эту безмолвную угрозу солдатъ.

Онъ впопыхахъ схватился было за револьверъ, но докторъ, вразумительно крякнувъ, потянулъ его за рукавъ кителя:

— Развѣ вы не видите, что мы, а не преступникъ на краю этой могилы,—шепнулъ онъ ему во̀-время.

Адъютанту оставалось только примириться съ нежелательнымъ фактомъ неповиновенія солдатъ, съ новымъ дерзкимъ нарушеніемъ воинской дисциплины и отвести преступника обратно въ тюрьму, что онъ и сдѣлалъ. Потомъ отвелъ команду въ казарму, а самъ явился въ штабъ съ докладомъ начальству о вопіющемъ фактѣ. Всполошилось это начальство, узнавъ о неслыханномъ въ германской арміи нарушеніи дисциплины. Адъютантъ за ненаходчивость и неисполнительность былъ посаженъ подъ арестъ, а въ Европу полетѣла телеграмма. Оттуда вскорѣ было получено телеграфное предписаніе замять инцидентъ, преступныхъ солдатъ, пока не наказывая, раскассировать по разнымъ частямъ, а казнь предоставить совершить мѣстному турецкому губернатору Теффикъ-бею, для чего ему былъ предъявленъ приказъ самого Энвера-паши, экстренно вытребованный изъ Стамбула.

И только тогда, наконецъ, былъ уничтоженъ, быть можетъ, послѣдній изъ послѣднихъ тевтоновъ, еще носившій въ нѣдрахъ своей души искру Божію.

Н. И. Лазаревъ.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ УКРАИНСКАГО АКТЕРА[1].

Оренбургскій архіерей и губернаторъ.—Произволъ исправниковъ: въ Бугурусланѣ, Кунгурѣ и Златоустѣ.—Вопіющій произволъ въ Уфѣ.—Ретивый полицеймейстеръ въ Петропавловскѣ.—Балакшинъ—исправникъ Челябинска.—Опять преткновеніе въ Златоустѣ.—Пинскій полицеймейстеръ.—Исправникъ въ Коломнѣ.

Оренбургскій архіерей и губернаторъ.

Вспомнивъ о инцидентахъ на почвѣ «духовной», если можно такъ выразиться, не могу не разсказать еще объ одномъ случаѣ.

Въ Оренбургѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, если не больше, епархіальный владыка ненавидѣлъ театръ и громилъ съ амвона «бѣсовскую храмину».

Такъ какъ раньше объ этомъ я читалъ въ нашихъ театральныхъ органахъ, то, играя въ Оренбургѣ, не пропускалъ ни единой архіерейской службы. Бывалъ каждый праздникъ въ соборѣ и выслушивалъ съ величайшимъ вниманіемъ проповѣди владыки, отдавая должную дань его ораторскому краснорѣчію. Онъ говорилъ прекрасно и убѣдительно.

Былъ это еще не старый лѣтами іерархъ. Блѣдно-лицый брюнетъ съ черными пронизывающими глазами и умнымъ, но не русскимъ, а скорѣе восточнымъ складомъ лица.

Не знаю, случайно ли, или потому, что владыка замѣчалъ меня въ храмѣ и зналъ, что я актеръ, въ каждой своей проповѣди онъ непремѣнно упоминалъ о вредѣ театральныхъ зрѣлищъ на нравы

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXLIV, стр. 680.

Библиотека "Руниверс"

истинно вѣрующихъ. Онъ говорилъ приблизительно въ одной изъ проповѣдей: «Храмы Божіи—пустуютъ, молящихся мало. Ихъ не привлекаетъ благолѣпіе храма, чудное молитвенное пѣснопѣніе клира, торжественное совершеніе обрядовъ службы Божіей... А въ то же время я, къ великому огорченію, изъ окна моей мирной обители (архіерейскій домъ помѣщался недалеко отъ театральнаго зданія) становлюсь невольнымъ очевидцемъ того, какъ съ наступленіемъ ночи къ бѣсовской потѣшной храминѣ, именуемой театромъ, подъѣзжаютъ безпрерывной вереницей кареты, экипажи съ именитыми гражданами города, военными и гражданскими чинами всѣхъ ранговъ и положеній, толпятся люди разнаго званія и состоянія... Что же ихъ влечетъ туда? Нечестивое, грѣховное зрѣлище, созданное діаволомъ. Тамъ безстыдныя жены съ размалеванными лицами вопятъ истерично, или извиваются въ бѣсовской пляскѣ...» и т. д. Проповѣди его печатались въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», много вырѣзокъ я посылалъ въ издававшійся тогда «Театральный Мірокъ» Гриндина.

Въ Оренбургѣ труппа малороссовъ была впервые, и спектакли наши, тогда еще не утратившіе интересъ новинки и моды, охотно посѣщала публика, и проходили они съ громаднымъ успѣхомъ. Рѣдкій вечеръ на кассѣ не красовался аншлагъ: «всѣ билеты проданы».

Почти на всѣхъ нашихъ спектакляхъ присутствовалъ мѣстный губернаторъ и черезъ полицеймейстера высказывалъ свои похвалы и симпатіи, особенно хвалилъ меня, какъ режиссера.

— Его превосходительство очень доволенъ вами и какъ актеромъ, и какъ режиссеромъ. Режиссеру, говоритъ, надо отдать полную похвалу,—прекрасно поставлены массовыя сцены и въ постановкѣ пьесъ выдержаны всѣ детали. Генералъ имѣлъ имѣніе въ Малороссіи и знаетъ отлично народную жизнь.

Такъ неоднократно передавалъ полицеймейстеръ.

И вдругъ неожиданно произошло обстоятельство, вызвавшее неудовольствіе его превосходительства, такъ симпатично относившагося къ намъ.

Шла историческая пьеса изъ запорожской жизни «Невольникъ». На спектакляхъ по обыкновенію присутствовалъ губернаторъ. На другой день пріѣзжаетъ въ театръ на репетицію полицеймейстеръ и таинственно вызываетъ меня въ контору.

— Вчера я не могъ быть въ театрѣ и не знаю, что тамъ у васъ играли, а его пр—во изволили быть съ семействомъ. Сегодня на докладѣ генералъ тономъ величайшаго неудовольствія высказалъ, что вы вчера въ пьесѣ пѣли какую-то молитву, которую обыкновенно поютъ на похоронахъ.

— Я пѣлъ молитву?—удивленно спросилъ я.

— Именно вы.

— Да у меня и въ роли нѣтъ никакого пѣнія. Поетъ хоръ мо-

Библиотека "Руниверс"

литву въ финалѣ пьесы, но молитва эта ничего общаго съ похороннымъ пѣніемъ не имѣетъ.

— Нѣтъ, не хоръ, а именно вы, и пѣли молитву, которую поютъ на панихидахъ при отпѣваніи покойниковъ. Такъ говоритъ губернаторъ. Вамъ, какъ режиссеру, должно быть извѣстно, что крестное знаменіе, молитвы и церковныя пѣснопѣнія на сценѣ воспрещены. Тутъ, видите ли, дѣло вотъ въ чемъ: вы, вѣроятно, слыхали про нашего архіерея и знаете его взглядъ на театръ вообще?

— Какъ же, г. полковникъ, каждый праздникъ бываю въ соборѣ и слышу его проповѣди, въ которыхъ онъ разноситъ театръ.

— Вотъ въ томъ-то и суть. Вдругъ онъ какъ-нибудь узнаетъ, выйдетъ непріятность, скажетъ, что въ театрѣ допускаютъ кощунство и пр., и мнѣ первому влетитъ, да и губернатору это непріятно.

— Увѣряю же васъ, что я никакой молитвы не пѣлъ и въ пьесѣ нѣтъ такого пѣнія. Я покажу самъ пьесу—убѣдитесь.

— Да вы же, именно вы. Его п—во даже высказалъ, что вамъ, какъ режиссеру, это непростительно.

Ломалъ я себѣ голову, ломалъ.... Не пойму, въ чемъ дѣло? Какую я могъ пѣть молитву, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ? Всю роль прочиталъ и наконецъ догадался.

Въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, казакъ-шутникъ Неплюй, котораго изображалъ я, говоритъ, потѣшая собратьевъ-запорожцевъ, изнывающихъ въ турецкой неволѣ: «А по правдѣ сказать, братцы, мнѣ давно уже хочется побывать на томъ свѣтѣ и убѣдиться, правду ли дьяки поютъ, что тамъ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія, а жизнь безконечная...» И припомнилъ то, что при словахъ «жизнь безконечная» я протянулъ голосомъ.

Оказалось, именно на это и обратилъ вниманіе губернаторъ и выразилъ свое неудовольствіе.

— Его п—во очень недоволенъ... Приказалъ было составить протоколъ и привлечь васъ къ законной отвѣтственности, а затѣмъ смягчился и велѣлъ отобрать подписку, чтобы напредь никакихъ молитвъ, ни церковныхъ пѣснопѣній въ пьесахъ произносимо не было, и объявить вамъ циркуляръ департамента полиціи.

Далъ требуемую подписку, еще разъ прочиталъ извѣстный циркуляръ, и инцидентъ благополучно уладился.

Произволъ исправниковъ.

Часто и многіе захолустные градоправители не имѣли представленія о нашей театральной жизни. Имъ казалось, что актеры вполнѣ обезпеченные люди и разъѣзжаютъ по городамъ такъ, «ради баловства», тѣшить публику, вродѣ любителей. Поэтому нисколько не стѣснялись съ нами,—отмѣняли самовольно спек-

Библиотека "Руниверс"

такли и лишали заработка. Особенно выказывали безцеремонность въ тѣхъ случаяхъ, когда занимаемыя нами подъ спектакли помѣщенія нужны были для какихъ-нибудь своихъ праздниковъ, вечеровъ, любительскихъ спектаклей, проводовъ, юбилеевъ или свадебъ.

— Что для васъ составитъ денекъ - другой не поиграть, вы отдохнете и публикѣ дадите передышку.

Такъ обыкновенно говорили.

Ни просьбы, ни убѣжденія, что мы этимъ лишаемся средствъ къ существованію, не помогали.

— Ужъ будто бы вы нуждаетесь? Живете въ гостиницахъ, словно баре. Небось, кто дѣйствительно нуждается, въ гостиницахъ лежать не станетъ.

— Мы принуждены жить въ гостиницахъ. Кто же намъ сдастъ квартиру, если мы въ городѣ бываемъ недѣлю, двѣ, много мѣсяцъ.

— Разсказывайте, сборы у васъ хорошіе, куда вамъ деньги дѣвать?

И поступали по-своему, угрожая воспрещеніемъ спектаклей и другими репрессіями.

Въ Бугурусланѣ (Самарской губ.), напримѣръ, по приказанію исправника произвольно отняли на цѣлыхъ пять дней снятое нами помѣщеніе клуба и отдали подъ засѣданія временнаго окружнаго суда. И только потому, что помѣщеніе съѣзда судей, гдѣ обыкновенно происходили и засѣданія окружнаго суда, было тѣсновато и не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ послушать криминальное дѣло мѣстнаго интереса, о звѣрскомъ убійствѣ тамошнимъ забулдыгой-помѣщикомъ проститутки. Досаднѣе всего, что публику на это засѣданіе не пустили,—дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Убійца стрѣлялъ свою жертву въ такое мѣсто и при такихъ пикантныхъ обстоятельствахъ, что по требованію прокурора публику удалили.

А градоправитель не задумался лишить насъ пятидневнаго заработка.

Въ Кунгурѣ (Пермской г.) исправникъ не разрѣшилъ спектакля въ день свадьбы сына или пріемыша тамошняго милліонера Губкина (чайная фирма Кузнецовъ и Губкинъ), объясняя тѣмъ, что спектакль въ театрѣ въ такой день есть неуваженіе къ человѣку, которому городъ многимъ обязанъ.

— Больницы, школы, пріюты, колокола въ церквахъ сооружены его иждивеніемъ. Значитъ, городъ долженъ это чувствовать и торжественные дни въ жизни такого человѣка должны праздновать всѣ граждане и не омрачать никакими «непристойными» развлеченіями. Лавки и базары въ этотъ день, по моему приказанію, будутъ закрыты. Мы къ этому дню готовились давно. Это общій праздникъ города,—пояснилъ намъ исправникъ.

Библиотека "Руниверс"

— Помилуйте, намъ-то какое дѣло, мы люди пріѣзжіе и насъ-то онъ ничѣмъ не облагодѣтельствовалъ.

— А вотъ не позволю, да и только... Я этимъ именно хочу выразить къ нему свое расположеніе и благодарность. Старикъ онъ религіозный, богомольный, а вы въ такой день театры,—это огорчитъ его.

И не разрѣшилъ.

Не даромъ про этотъ городъ существуетъ и поговорка: «Городъ Кунгуръ знаменитъ колоколами и дураками».

А въ Златоустѣ (казенный заводъ на Уралѣ) насъ выдворили самоуправно изъ снятаго заводскаго театра, не давъ доиграть условленныхъ трехъ спектаклей, потому, извольте видѣть, что у насъ хорошіе сборы, а у нихъ предстоялъ благотворительный спектакль любителей...

— Вы сейчасъ оберете у публики деньги, а у насъ сбора не будетъ. Поэтому мы вамъ театръ сдать не можемъ.

Такъ просто мотивировало свой отказъ заводское начальство.

— Но, вѣдь, у насъ условіе, иначе мы не ѣхали бы сюда...

Запротестовали было мы... Управляющій заводомъ не принялъ насъ, а исправникъ не только не поддержалъ наше справедливое домогательство, а предложилъ труппѣ убраться въ 24 часа изъ территоріи завода... «безъ разговоровъ», въ противномъ случаѣ угрожалъ принять мѣры по положенію усиленной охраны. Заводъ, молъ, казенный, театръ заводскій, и заводская администрація распоряжается театромъ, какъ заблагоразсудится.

Вопіющій произволъ въ Уфѣ.

Заговоривъ о произволѣ, не умолчу о вопіющемъ произволѣ уже высшаго начальства и въ губернскомъ городѣ Уфѣ.

Это было въ труппѣ Любимова-Дергача. Дѣла, по обыкновенію, отвратительны, труппа переживала всевозможныя лишенія. Играли на Нижегородской ярмаркѣ, переѣхали въ Ивановъ-Вознесенскъ, гдѣ дѣла окончательно пали. Въ довершеніе пришлось сдѣлать громадный переѣздъ изъ Иванова-Вознесенска въ Уфу. Какъ мы добирались въ Уфу—одному Богу извѣстно. Пароходомъ-буксиромъ по Волгѣ доползли до Самары на палубѣ, а была уже холодная и сырая погода, изъ Самары же до Уфы добрались четвертымъ классомъ въ теплушкахъ. Дорогой,—ѣхали чуть не цѣлую недѣлю,—поиздержались до того, что у многихъ положительно гроша мѣднаго за душой не было. Вся надежда возлагалась на то, что первый спектакль въ Уфѣ выходилъ въ праздникъ, будетъ сборъ. Подъѣзжаемъ къ Уфѣ, помню, раннимъ утромъ. У многихъ не оказалось даже на извозчика доѣхать съ вокзала въ городъ. Рѣшили послать въ кассу, взять изъ предварительной выручки

Библиотека "Руниверс"

отъ продажи билетовъ нѣсколько рублей и раздать нуждающимся людямъ.

Пріѣзжаемъ... На вокзалѣ насъ встрѣчаетъ передовой и объявляетъ, что ни анонса, ни афиши не выпущено и сегодня спектакля не будетъ,—не разрѣшилъ губернаторъ. Въ дворянскомъ клубѣ сегодня благотворительный спектакль любителей въ пользу общества, предсѣдательницей котораго состоитъ сама губернаторша, а ей нежелательна конкуренція, могущая подорвать сборъ.

Такое извѣстіе пристукнуло насъ, словно молотомъ по головѣ. Бабы завыли... Помилуйте, это же не вѣсть что такое... Послѣдняя надежда рухнула!

Бросились къ полицеймейстеру,—говоритъ: распоряженіе самого губернатора, идите къ нему. Мы къ губернатору,—не пустили,—праздничный день, пріема нѣтъ. Мы къ губернаторшѣ, которую нашли въ клубѣ. Она, окруженная чиновниками особыхъ порученій и дамами-патронессами, наблюдала за украшеніемъ зала и устройствомъ кіосковъ съ шампанскимъ къ вечернему спектаклю.

Просить, молить...

— Вы сами, говоритъ, должны сочувствовать дѣлу благотворенія. Вамъ однимъ спектаклемъ пожертвовать для насъ, я думаю, ничего не составляетъ.

Разсказали о своемъ безвыходномъ положеніи...

Непоколебима...

Уходимъ... Слышимъ вслѣдъ негодованіе помпадурши:

— Невѣжи! И дерзкіе какіе!

Чиновники хоромъ подтверждаютъ:

— Хамы! Мужики!

Провожаютъ остротами и насмѣшками.

Спектакль не состоялся.

Труппа «должна» оказывать благотвореніе другимъ въ то время, какъ сами чуть ли не умирали съ голоду.

Ретивый полицеймейстеръ въ Петропавловскѣ.

А вотъ и еще образецъ произвола черезчуръ ретиваго градоправителя,—въ Петропавловскѣ (Сибирь).

Во время болѣзни покойнаго государя Александра III, наша труппа—товарищество на паяхъ подъ распорядительствомъ П. С. Мирова-Бедюха—возвращалась изъ Сибири въ Россію и по дорогѣ заѣхала въ гор. Петропавловскъ на нѣсколько спектаклей,—городокъ въ то время очень незначительный.

Это было въ первый годъ открытія движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, которая прошла только изъ Омска.

Сыграли три спектакля, сборы приличные, публика въ востор-

Библиотека "Руниверс"

гѣ,—новость. Кажется, до насъ тамъ еще ни одной профессіональной труппы не было.

Прихожу къ полицеймейстеру подписать афишу слѣдующаго спектакля.

Полицеймейстеръ—типъ сибирскихъ дореформенныхъ полиціантовъ: грубый, неотесанный, изъ городовыхъ или фельдфебелей, объявляетъ:

— На дальше спектаклей разрѣшить не могу.

— Это почему?

— Помилуйте, Россію постигло такое горе,—государь опасно боленъ, а вы будете тѣшить публику спектаклями.

— Развѣ есть распоряженіе о воспрещеніи спектаклей?—спросилъ я, изумленный.

— Нѣтъ, такого распоряженія пока не было, но я дѣйствую по своему усмотрѣнію и нахожу публичныя увеселенія въ такой моментъ нежелательными. Кто теперь можетъ ходить по театрамъ? Я первый ни за что не пойду.

— Вы говорите, распоряженія нѣтъ, а по усмотрѣнію нельзя же насъ оставлять въ безвыходномъ положеніи. Это нашъ заработокъ, нашъ хлѣбъ.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ заработковъ? Я нахожу, что надо запретить, и запрещаю. Никому теперь не до увеселеній.

— Такъ вы запретите продавать водку по кабакамъ и трактирамъ, водка тоже придаетъ веселіе духу.

— Это мое дѣло... Вы мнѣ не указъ... Захочу и водку воспрещу продавать... Что за разговоры?.. Не желаю я этого да и только!

— Въ такомъ случаѣ позвольте подать телеграмму губернатору?

— Посылайте!—улыбнулся онъ иронически.—Напрасно только будете безпокоить его превосходительство. Я увѣренъ, что и онъ согласится съ моимъ мнѣніемъ... Какіе спектакли, какое веселіе въ такое тяжелое время!

Какъ никакъ, а выходило для насъ дѣло скверное. Застрять въ такой глуши—перспектива неутѣшительная.

Послали телеграмму губернатору въ Омскъ. Только черезъ три дня получился отвѣтъ на имя полицеймейстера, отвѣтъ такого содержанія: «Спектакли разрѣшить. Чѣмъ руководствовались, запрещая спектакли?»

Вызываетъ... Сердится, волнуется, багровѣетъ отъ злости.

— Разрѣшилъ!.. Вы меня этой телеграммой подвели... Чѣмъ я объясню запрещеніе спектаклей?

— Это ваше дѣло. Не надо было запрещать.

Сыграли до отъѣзда еще пять спектаклей. Представьте, на всѣхъ спектакляхъ полицеймейстеръ присутствовалъ съ своей супругой.

На послѣднемъ спектаклѣ я не удержался и послалъ такой упрекъ не въ мѣру ретивому градоправителю:

Библиотека "Руниверс"

— Благодарю за посѣщеніе, г. полковникъ, вы съ супругою, кажется, не пропустили ни одного спектакля?

Онъ, вѣроятно, догадался, на что я намекалъ.

— Я... я... по обязанности службы...—буркнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

Балакшинъ—исправникъ Челябинска.

Изъ Петропавловска мы перекочевали въ Челябинскъ

Здѣсь постигла насъ горькая участь... Двадцать долгихъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, а какъ сейчасъ это помню и не забуду никогда. Сыграли мы нѣсколько спектаклей, и какъ громомъ поразила насъ печальная вѣсть о кончинѣ государя Александра III! Тутъ мы, какъ говорится, и застряли... Наступили для актеровъ тяжелые дни траура и безработицы.

Такъ какъ достовѣрно не было извѣстно, сколько продлится трауръ, трудно было придумать, на что рѣшиться и какъ поступить? Разъѣхаться по домамъ—далеко, у многихъ и средствъ не было, прекращать дѣло—тоже неохота. Мы и порѣшили время траура какъ-нибудь просуществовать въ Челябинскѣ. Здѣсь опять приходится помянуть добрымъ словомъ тогдашняго исправника Балакшина... Покойникъ теперь, царство ему небесное!

И вотъ во время нашего горестнаго сидѣнія въ Челябинскѣ мѣстный исправникъ Балакшинъ былъ намъ другомъ и покровителемъ. Заботился, печалился о насъ и утѣшалъ въ пригодушкѣ. Особенно нуждавшимся, какъ потомъ мы узнали, тихонько благодѣтельствовалъ, заболѣвшихъ помѣщалъ безплатно въ лечебницы. Словомъ, оказывалъ намъ самое близкое и горячее участіе.

— Я не могу вамъ, голубчики, не сочувствовать,—говорилъ симпатичный старикъ:—у меня самого братъ былъ актеръ, по его разсказамъ, да и самъ наблюдалъ, знаю вашу жизнь горемычную. Живете вы, какъ птицы небесныя, день прошелъ и слава Богу, безъ заботъ о будущемъ, и для такихъ черныхъ деньковъ, какіе сейчасъ настали, ничего-то у васъ не припасено... Люблю я васъ и понимаю ваше безысходное положеніе, сочувствую отъ души и, что смогу, все для васъ сдѣлаю.

Да, положеніе было незавидное. Потянулись одинъ за другимъ неотрадные дни. Скука и тоска положительно одолѣвали.

Челябинскъ въ то время былъ еще совсѣмъ незначительный городокъ. Ни библіотеки, ни читальни, къ тому же и вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ съ приходомъ и отходомъ поѣздовъ бывало нѣкоторое оживленіе, отстоялъ далеко, въ четырехъ верстахъ отъ города. Въ сибирскихъ городахъ, особенно небольшихъ, публика какъ-то симпатизируетъ актерамъ, охотно знакомится, дружится, а въ Челябинскѣ, не потому ли, что это уже граница Россіи, ни знакомыхъ, ни друзей мы не пріобрѣли. Напротивъ, всѣ, вѣроятно, зная то по-

Библиотека "Руниверс"

ложеніе, въ которомъ мы очутились, даже какъ будто сторонились насъ. И вотъ многіе изъ нашихъ, въ томъ числѣ и я, предложили безвозмездно участвовать въ соборномъ духовномъ хорѣ, регентомъ котораго былъ любитель, желѣзнодорожный врачъ Поповъ, очень образованный музыкантъ. Соединенный такимъ образомъ хоръ пѣлъ прекрасно и привлекалъ на церковныя богослуженія массу молящихся, мы же въ этомъ находили развлеченіе отъ томящей скуки и бездѣлья.

Такъ прошелъ мѣсяцъ нашего сидѣнья. Долгій, безотрадный мѣсяцъ лишеній и невзгодъ. Единственнымъ утѣшителемъ нашимъ, другомъ и доброжелателемъ являлся все тотъ же исправникъ Балакшинъ, который почти ежедневно захаживалъ къ намъ, подбодрялъ насъ, веселилъ шутками и остротами. Онъ обыкновенно появлялся къ намъ съ пѣніемъ:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакохомъ!»

Слова изъ духовнаго концерта, который мы пѣли въ одно изъ воскресеній въ соборѣ, очень подходившія къ нашему плачевному сидѣнію въ Челябинскѣ.

— Не унывайте, ребятушки, подтянитесь, подбодритесь! Сегодня вычиталъ въ газетахъ: упорный слухъ держится о скоромъ разрѣшеніи увеселеній и театровъ. Вотъ, вотъ, немножко потерпите, отдохните, а тамъ и за работу... Да, кстати, вотъ еще: я видѣлъ мясника Татьева, его лавка на базарѣ справа первая, онъ вамъ будетъ отпускать мясо по пятачку, значитъ, двѣ копейки на фунтикъ имѣется экономіи. Былъ въ больницѣ у вашего баса Копоненка, поправляется, скоро выйдетъ и опять запоетъ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ!» А этого мерзавца-купчину, что расшибъ его, я притянулъ за быструю и неосторожную ѣзду, онъ у меня отсидитъ... Ну, ребятушки, некогда, «бувайте здоровеньки», какъ говорятъ по-вашему, по-хохлацкому... Тороплюсь, надо послать доктора къ вашему Бедюху, у него что-то дѣтишки хворяютъ.

Старикъ уѣзжалъ, провожаемый нашей благодарностью, а послѣ его рѣчей становилось какъ-то отраднѣй на душѣ.

Въ одно изъ воскресеній, когда мы пѣли литургію въ соборѣ, входитъ Балакшинъ. Его легко было замѣтить, онъ цѣлой головой возвышался надъ толпой. Вошелъ, сталъ поодаль, а выраженіе лица почему-то особенно торжественное. Кланяется намъ на клиросъ, улыбается и машетъ какой-то бумагой.

Мы догадались,—хочетъ намъ что-то сообщить.

По окончаніи литургіи, когда толпа порѣдѣла, подходитъ къ намъ. Мы съ любопытствомъ окружили его.

— Что, папаша? Что такое?

— Ну, ребятушки, радуйтесь и веселитесь и кричите ура! Не здѣсь, конечно, а по выходѣ изъ храма... Сейчасъ получилъ

Библиотека "Руниверс"

телеграмму отъ губернатора: спектакли разрѣшены,—объявляетъ намъ торжественно.

Нечего и говорить, что радости нашей не было границъ! Дамы наши тонкослезыя разрюмились да и у старика, при видѣ нашей радости, выступили слезы умиленія.

Батюшка-протоіерей по нашей просьбѣ отслужилъ благодарственный молебенъ о здравіи нынѣ царствующаго государя, тогда вступившаго на престолъ.

Пѣли и молились особенно усердно и искренно....

— Но почему губернаторъ объ этомъ извѣстилъ васъ телеграммой?—интересовались мы по выходѣ изъ церкви послѣ молебствія.

— А вотъ почему, ребятушки: я послалъ губернатору бумагу, что, молъ, у меня здѣсь засѣла цѣлая труппа голодающихъ актериковъ, чтобы онъ, когда разрѣшатъ спектакли, извѣстилъ бы меня не бумагой, а телеграммой за мой счетъ, а то бы, бумагой пока увѣдомилъ, маялись вы здѣсь, сердешные, еще недѣльки двѣ.

— Спасибо, папаша, спасибо, родной! Ура!!—заорали мы въ одинъ голосъ.

Сейчасъ же снарядили передового въ ближайшій по пути въ Россію городъ, именно въ Златоустъ, снять помѣщеніе и выпустить афишу и на другой же день покинули Челябинскъ.

Разстались мы съ добрымъ исправникомъ, нашимъ общимъ «папашей», именно какъ съ отцомъ роднымъ.

И теперь, при воспоминаніи о «челябинскомъ сидѣніи», помянешь и добраго старика:

— Миръ его праху!

Опять преткновеніе въ Златоустѣ.

Я уже упоминалъ о Златоустѣ и разсказалъ, какъ тамъ съ нами некорректно поступили администрація завода и исправникъ. Это было до поѣздки нашей въ Сибирь, а теперь, черезъ годъ, на обратномъ пути вновь нельзя было никакъ миновать этотъ злополучный городокъ, пришлось-таки заѣхать на нѣсколько спектаклей. Съ неохотой мы туда ѣхали, точно предчувствовали неладное.

Такъ и случилось.

Пріѣзжаемъ, нашъ передовой объявляетъ:

— Исправникъ обругалъ меня и выгналъ съ афишей, не вѣритъ, что спектакли разрѣшены, у него нѣтъ никакихъ распоряженій.

— Что такое?

Собрались, идемъ.

— Это наконецъ возмутительно!—закричалъ на насъ исправникъ, желчный человѣчекъ съ вихрястой шевелюрой и неряшливой, неопрятной наружностью. Видно, большой лю-

Библиотека "Руниверс"

битель горячительныхъ напитковъ, ибо взоръ имѣлъ помутнѣлый, а спиртной запахъ виталъ въ атмосферѣ его кабинета. Ни о какихъ спектакляхъ рѣчи быть не можетъ. Глубочайшій трауръ, а они—спектакли Да я вамъ задамъ такіе спектакли, что вы и своихъ не узнаете. Тоже фрукты явились, думаютъ, что здѣсь сидятъ олухи Царя Небеснаго, ихъ можно обмануть. Раньше шести мѣсяцевъ трауръ не снимутъ, не было еще такого примѣра.

— Намъ показывалъ телеграмму уфимскаго губернатора челябинскій исправникъ, что спектакли дозволены.

— Вздоръ, не можетъ этого быть!

— Тогда мы дадимъ телеграмму губернатору!

— Пожалуйста, кому угодно... И потрудитесь выйти вонъ! Нахалы!

Уходимъ, точно оплеванные.

Послали телеграмму губернатору съ оплаченнымъ отвѣтомъ... Ждемъ... Ходимъ въ управленіе по нѣсколько разъ на день, справляемся: нѣтъ ли отвѣта? Насъ провожаютъ насмѣшками и оскорбленіями...

Проходитъ такъ четыре дня,—никакого отвѣта.

Ну, а какъ и не будетъ? Могло же выйти какое-нибудь недоразумѣніе... Что тогда?

Попали изъ огня, да въ полымя. Положеніе критическое проживаемся окончательно... Сидимъ, какъ раки на мели... Съ квартиръ выдворяютъ... Форменная голодовка...

Является актеръ Мирославскій, торжествующій... Былъ на вокзалѣ, купилъ столичную газету.

— Радуйтесь, господа!.. Читайте—въ Петербургѣ играютъ!

Читаемъ—играютъ. Мы съ газетой къ исправнику.

— Ничего не значитъ. Для меня это не доказательство. Пока не получу извѣщенія отъ своего прямого начальства—не дозволю. Въ Петербургѣ могутъ играть, а въ провинціи нельзя... Вы же, говорите, послали телеграмму губернатору, а почему до сихъ поръ нѣтъ отвѣта?

Опять уходимъ ни съ чѣмъ.

Наконецъ къ вечеру является городовой.

— Такъ что получена бумага отъ губернатора—разрѣшено, идите—афишу подпишутъ.

Отлегло!

Оказывается, губернаторъ отвѣтилъ не телеграммой, какъ мы просили, а бумагой и заставилъ четыре лишнихъ дня изнывать въ недоумѣніи.

Афишу подписалъ не исправникъ, а помощникъ. Исправникъ, какъ намъ потомъ передавали, нарочно уѣхалъ куда-то въ уѣздъ... Ему неловко было встрѣчаться съ нами послѣ такого реприманда.

Библиотека "Руниверс"

Пинскій полицеймейстеръ.

Въ тѣ годы вояжирующимъ украинскимъ труппамъ, вслѣдствіе крайне ограниченнаго репертуара пьесъ, невозможно было долго оставаться въ одномъ и томъ же городѣ, поневолѣ приходилось часто переѣзжать изъ города въ городъ. Театры на короткій срокъ сдавали съ неохотой, и то часто переснимали у третьихъ лицъ и на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Еще лѣтомъ свободныхъ помѣщеній находилось много, а зимой во всѣхъ лучшихъ городахъ театры занимались сезонными русскими труппами, и мы принуждены были довольствоваться театрами небольшихъ уѣздныхъ городковъ. И вотъ однажды по такому же печальному обстоятельству мнѣ пришлось попасть на вторую половину зимняго сезона въ нѣкій городъ Пинскъ.

Городъ самъ по себѣ занималъ громадную территорію и вмѣщалъ болѣе тридцати тысячъ народонаселенія, но населеніе это состояло преимущественно изъ еврейской бѣдноты. Удивляло то, чѣмъ жила и питалась эта многотысячная масса, ибо ни коммерціи, ни фабрикъ, ни заводовъ тамъ не существовало.

Съ большой по составу труппой, какая въ то время была у меня, нечего было разсчитывать на заработки, но съ поста я снялъ театръ въ Ростовѣ-на-Дону и потому рѣшилъ какъ-нибудь перебиться и закончить зимній сезонъ, лишь бы не сидѣть безъ дѣла. Тѣмъ болѣе, что въ Пинскѣ жизнь была не дорогая и расходы по театру небольшіе. Правда, театръ представлялъ нѣчто ужасное, ничего хуже и представить себѣ невозможно: бревенчатый, полусгнившій сарай, холодный, сырой и до невозможности грязный, съ какимъ-то особымъ специфическимъ запахомъ гнили и плѣсени. А эта сцена съ болтающимися тряпками вмѣсто декорацій и съ поломъ, грозившимъ каждую минуту провалиться вмѣстѣ съ читающимъ монологъ трагическимъ актеромъ или не въ мѣру расходившимся въ «гопакѣ» удалымъ танцоромъ. Въ pendant—такой же грязный буфетъ съ не менѣе опрятнымъ буфетчикомъ, толстымъ полякомъ, напоминавшимъ откормленнаго борова іоркширской породы, вѣчно пьянымъ и спящимъ за своей стойкой, уставленной протухлыми бутербродами и бутылками разбавленной водою сивухи.

Я и теперь безъ содроганія не могу вспомнить о пинскомъ театрѣ и о всѣхъ его прелестяхъ.

Но дѣлать было нечего, пришлось мириться со всѣмъ этимъ. Мало ли съ чѣмъ иногда нашему брату актеру не приходится мириться, если къ тому вынуждаютъ обстоятельства.

А вотъ съ кѣмъ трудно было мириться и ладить,—это съ тамошнимъ оригиналомъ полицеймейстеромъ.

Библиотека "Руниверс"

Начну съ первой встрѣчи.

Иду въ управленіе. Управленіе помѣщалось въ громадномъ полуразрушенномъ деревянномъ старинномъ сооруженіи какой-то странной и причудливой архитектуры. Сооруженіе это отъ ветхости на половину ушло въ землю, покосилось на бокъ и угрожало ежеминутно паденіемъ. Провожавшій меня билетеръ-еврей, по имени Шыя, пояснилъ, что это былъ когда-то наслѣдственный «палацъ» какого-то польскаго графа, богатаго пинскаго помѣщика, но что графъ этотъ давно все прокутилъ въ Краковѣ и Варшавѣ и теперь «безштанька», ему уже никто и полтинника въ долгъ не вѣритъ.

Вхожу въ переднюю этой развалины, меня обдало сыростью, запахомъ человѣческаго пота и дегтярныхъ сапогъ. Думалъ снять шубу, но вѣшалки не оказалось, къ тому же въ канцеляріи царилъ такой адскій холодъ, что сидѣвшіе за столами чиновники были тоже въ пальто и шубахъ.

Увидѣлъ городового, говорю:

— Доложите г. полицеймейстеру...

Но не успѣлъ я договорить фразы, какъ послышался изъ другой комнаты, дверь въ которую была полуоткрыта, окликъ:

— Какой тамъ чортъ еще съ докладомъ? Идите сюда... Что вамъ надо?

Вхожу. Полицеймейстеръ,—это былъ онъ,—въ пальто съ приподнятымъ воротникомъ, въ фуражкѣ и галошахъ, стоялъ у желѣзной печи и грѣлъ руки, постукивая въ то же время ногой о ногу. Старикъ лѣтъ шестидесяти, съ всклокоченной грязно-сѣдой бородой, съ длинными усищами и съ нависшими густыми черными бровями, что придавало его опухшему лицу съ мѣшками морщинъ подъ глазами суровость и дикость. Говорилъ онъ съ сильнымъ мѣстнымъ бѣлорусскимъ акцентомъ, высокимъ теноркомъ—голоскомъ, совсѣмъ не соотвѣтствовавшимъ его угрюмому виду и грозному выраженію лица.

Я началъ было свое обычное:

— Имѣю честь представиться, г. полковникъ...

— И вовсе я не полковникъ,—перебилъ онъ:—я только въ чинѣ титулярнаго совѣтника... Нечего рекомендоваться, знаю, кто вы, догадуюсь,—актеръ... Это, какъ мнѣ докладывали, васъ сегодня чортяка цѣлый вагонъ притарабанила сюда?

— Да, мы сегодня утромъ пріѣхали.

— И напрасно, совершенно напрасно ѣхали... Сюда пріѣхали, а отсюда пѣшкомъ пойдете.

— Надѣюсь, что...

— Ни на что вы здѣсь не надѣйтесь... Только однѣ хлопоты и непріятности съ вами... Были здѣсь лѣтомъ актеры, чего только

Библиотека "Руниверс"

не дѣлали: и шары пускали, и ракеты, а потомъ пришлось собирать имъ подписку на дорогу... И много васъ пріѣхало?

— Труппа большая, около сорока человѣкъ.

— Тьфу!—плюнулъ онъ и зашагалъ по комнатѣ:—это возмутительно! Ой-ой-ой! Сорокъ человѣкъ!.. Да вы съ ума сошли! Уѣзжайте, уѣзжайте отсюда куда глаза глядятъ, пока не поздно!.. Что я съ вами, несчастный человѣкъ, потомъ буду дѣлать?.. Тѣхъ было десять человѣкъ, и то еле собралъ по четыре рубля на физіогномію, а васъ сорокъ человѣкъ. Гдѣ я возьму, гдѣ соберу такую уйму денегъ? Это немыслимо... Мало мнѣ и безъ васъ дѣлъ по городу, такъ на тебѣ, возись еще съ актерами... Вы видѣли здѣшній городъ. Кто его населяетъ, видѣли? Жидъ на жидѣ и жидомъ погоняетъ... Это развѣ публика? Кто васъ будетъ смотрѣть! Развѣ жиду до театра, когда онъ одной цыбулей питается?

— Попробуемъ, будетъ плохо—уѣдемъ.

— И пробовать нечего... Допробуетесь, а потомъ подписку клянчить, знаемъ мы это.

— Не безпокойтесь, г. полицеймейстеръ, у меня хватитъ средствъ уѣхать безъ подписки.

— Всѣ вы такъ говорите, всѣ разыгрываете фонъ-бароновъ. Вотъ и этотъ, что лѣтомъ держалъ..: Какъ его?.. Забылъ... Такая еще звучная фамилія... будто князь или графъ:.. Перепелицынъ, Голицынъ?.. забылъ... Тоже задавался и говорилъ и то и се, будто у него папаша генералъ въ Петербургѣ, ходилъ въ такомъ длинномъ желтомъ сюртукѣ съ цилиндеромъ на головѣ, а доигрались до того, что картошкой питались и ту воровали въ сосѣднемъ съ садомъ огородѣ, жалобы были... Шутка—сорокъ человѣкъ!.. Это по пятачку въ день и то два рубля выходитъ... Не понимаю, какъ можно ѣхать такъ очертя голову?.. Знаете же вы, что тутъ есть какой-то чортъ, дьяволъ вродѣ полицеймейстера, что бы было написать ему открытку за открыткой и запросить раньше, можно ли пріѣхать въ этотъ городъ? Я бы вамъ и отвѣтилъ: лучше привяжите трехпудовый камень на шею и въ прорубь головой бултыхъ, чѣмъ ѣхать сюда... Шутка—сорокъ человѣкъ! Погибнете вы здѣсь, погибнете, какъ шведы подъ Полтавой!

— Что жъ, когда заѣхали, то попробуемъ, а тамъ что Богъ дастъ.

— Ничего и Богъ не дастъ, вотъ попомните мое слово.

— А пока, будьте любезны, подпишите афишу.

— Вы только, пожалуйста, не ставьте какихъ-нибудь такихъ пьесъ—заковыристыхъ, волнующихъ умы. Тутъ эти проклятые жиды всѣ до одного революціонеры, сейчасъ пойдутъ прокламаціи и прочее... У меня чтобы въ театрѣ была тишина и спокойствіе, а чуть что я и ваши представленія запрещу и театръ запру на замокъ... Былъ уже у меня такой случай: любители здѣш-

Библиотека "Руниверс"

ніе затѣяли какой-то музыкальный литературный вечеръ,—я не былъ; оказывается, подлецы тамъ такое читали, что потомъ жандармскій ротмистръ сдѣлалъ мнѣ предупрежденіе больше такихъ вечеровъ не разрѣшать... У меня чтобы этого не было.

— Хорошо, постараюсь.

Афишу подписалъ.

Когда я уходилъ, полицеймейстеръ крикнулъ вдогонку:

— Да скажите Гольцману, чтобы театръ натопилъ, а то я ему пейсы оборву!

На первомъ спектаклѣ публики было много. Къ концу пьесы пожаловалъ и полицеймейстеръ въ свою ложу.

Шла пьеса изъ еврейской жизни «Жыдивка—выхрестка». Публика, преимущественно, конечно, евреи, много апплодировала, а по окончаніи спектакля часть публики приблизилась къ барьеру передъ сценой и шумно вызывала исполнителей.

Вдругъ изъ ложи раздается повелительный голосъ полицеймейстера:

— Тише, вы! Представленіе кончилось! Прошу выходить изъ театра и не смѣть орать! Пора спать, пора!

Публика межъ тѣмъ не унималась и продолжала вызывать исполнителей. Тогда полицеймейстеръ съ городовыми появился въ партерѣ и безъ церемоніи толчками и пинками началъ выпроваживать публику изъ театра. Къ намъ на сцену тоже прислалъ городового.

— Такъ что полицеймейстеръ приказали вамъ тушить лампы и не пускать актеровъ кланяться, а то жиды бунтуютъ.

Такое приказаніе показалось намъ довольно страннымъ, все же я прекратилъ выходы и приказалъ тушить огни.

На другой день является вчерашній городовой-малороссъ съ такимъ приказаніемъ:

— Такъ-что идить, васъ панъ полицеймейстеръ клычуть... Такій сердытый за вчорашній бунтъ въ театри—мира не мае, не пидходь... Все утро съ жинкою сварылысь, а якъ зъ жинкою посварыця, на всихъ злисть зганяють. И на мене грымавъ и мало, мало по зубамъ не заихавъ,—замѣтилъ онъ, ухмыляясь.

Прихожу.

— Послушайте, у васъ въ театрѣ сразу начались безпорядки: шумъ, гвалтъ, крики, бѣснованіе... Что это за мода выходить по двадцать разъ и кланяться?

— Такъ принято, господинъ полицеймейстеръ, значитъ, публикѣ нравится исполненіе,—апплодируютъ, вызываютъ.

— Гдѣ это можетъ быть принято? Нигдѣ шума и нарушенія тишины и спокойствія не полагается. Я, впрочемъ, по большимъ городамъ, кромѣ своего губернскаго города Минска, не бывалъ, меня назначили сюда изъ мѣстечка, гдѣ я былъ становымъ приставомъ. Театровъ этихъ я совсѣмъ не знаю, вотъ только и видѣлъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

здѣсь лѣтомъ эти босяки что-то представляли, но у нихъ никогда такого шума не было. Вы не знаете здѣшнихъ жидовъ, они такъ и норовятъ, чтобы устроить бунтъ и оказать неповиновеніе начальству. Вы, вѣроятно, вчера замѣтили,—я ихъ успокаиваю, выпроваживаю, а они, подлецы, и вниманія на меня не обращаютъ... Были уже здѣсь не разъ случаи бунтовъ, забастовки дѣлали и прокламаціи бросали...Этотъ народъ бунтовщикъ на бунтовщикѣ... А выйдетъ исторія, кто въ отвѣтѣ,—я! Почему допустилъ безпорядки, почему во-время не принялъ мѣры? И кишнутъ тебя на всѣ четыре стороны, да еще волчій билетъ дадутъ... И чтобы я пострадалъ за это, такъ пусть лучше чортъ васъ ухватитъ съ вашими театрами! У меня чтобы никакого шуму не было!

— Господинъ полицеймейстеръ, запретить это невозможно. Вездѣ принято выражать одобреніе исполнителямъ криками «браво», апплодисментами и вызовами.

— Этого въ законѣ не сказано. И у меня, еще разъ повторяю, чтобы этого не было, а то я буду составлять протоколы за нарушеніе тишины и спокойствія и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Мальчишки паршивые! Обрадовались, дураки, что увидали жида на сценѣ и го-го-го, го-го-го!... Пожалуйста, чтобы этого не было!

— Я лично запрещать не могу, угодно—сдѣлайте отъ себя такое запрещеніе.

— Хорошо, я сегодня же вывѣшу объявленіе.

Вечеромъ было вывѣшено объявленіе за подписью полицеймейстера, гласящее:

«За нарушеніе тишины и спокойствія въ театрѣ, т. е. публичномъ мѣстѣ, виновные будутъ привлекаться къ отвѣтственности по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями».

Но объявленіе это мало помогло. Публика, не понимая, что, по мнѣнію полицеймейстера, вызовы и апплодисменты есть нарушеніе тишины и спокойствія, попрежнему шумно принимала и вызывала исполнителей. Было въ тотъ же вечеръ составлено нѣсколько протоколовъ и передано судьѣ, но судья, по опросѣ свидѣтелей, не нашелъ состава преступленія и оправдалъ обвиняемыхъ, къ великому огорченію чудака градоправителя.

Дѣло, однако, этимъ не ограничилось, и строптивый полицеймейстеръ вотъ что придумалъ для «устраненія въ театрѣ бунтовъ», какъ онъ выражался.

Особенно много апплодировала еврейская молодежь въ пьесахъ изъ еврейской жизни. И такія пьесы, говоря откровенно, только и поддерживали существованіе труппы. Спектакли охотно посѣщали евреи, какъ извѣстно, большіе любители театра, находя въ этомъ разумное развлеченіе.

Какъ-то прихожу къ полицеймейстеру подписывать афишу.

— Опять жидовская пьеса? Не разрѣшу! Жиды не унимаются,

Библиотека "Руниверс"

бунтуютъ, оказываютъ неповиновеніе начальству, а господинъ судья ихъ оправдываетъ... Не разрѣшу! Никакихъ жидовскихъ пьесъ отнынѣ разрѣшать не буду.

Ни просьбы, ни доводы, что это единственная наша поддержка, не убѣдили чудака полицеймейстера.

Что было дѣлать? Я съ жалобой къ губернатору. Представьте мое удивленіе и огорченіе, получаю отъ губернатора отвѣтъ: «Постановку въ гор. Пинскѣ пьесъ изъ еврейской жизни разрѣшить немогу». Что такое? Почему? Стали доискиваться причины такого отвѣта. Оказывается, полицеймейстеръ рапортовалъ губернатору, что на еврейскихъ пьесахъ происходятъ въ театрѣ чуть ли не революціонные бунты, безпорядки и проч. Само собою, со стороны губернатора и послѣдовало запрещеніе.

Такимъ образомъ, благодаря почтенному полицеймейстеру, мы лишились лучшихъ сборовъ и единственной поддержки.

Но и на этомъ дѣло не кончилось. Готовимъ мы къ постановкѣ тогда только что вышедшую изъ цензуры пьесу М. Горькаго «Мѣщане».

Въ то время пьесы Горькаго разрѣшались по особому цензированному экземпляру, за которымъ необходимо было обращаться въ театральное общество. Пьесы разрѣшались къ постановкѣ каждый разъ только на извѣстный городъ и на имя предпринимателя, съ такой надписью: «Разрѣшается по ходатайству русскаго театральнаго общества въ такомъ-то городѣ и такому-то лицу».

Выхлопоталъ я такой экземпляръ, представляю полицеймейстеру для подписи афиши.

— «Мѣщане», соч. Максима Горькаго... читаетъ онъ... Позвольте, это пьеса Горькаго?.. Горькаго?... А-га... Иванъ Никифоровичъ!— обратился онъ къ секретарю, геморроидальному чиновнику съ подвязанной щекой, сгорбившемуся въ углу за столикомъ и издававшему стоны или отъ нестерпимой зубной боли, или отъ иного недуга. Замѣчу, что этого болѣзненнаго чиновника я все время пребыванія мною въ Пинскѣ видѣлъ здѣсь за столомъ съ повязанной щекой и издающаго жалобные стоны.

— А поищите-ка тамъ циркуляръ, гдѣ сказано что-то про писателя Горькаго... Помните, когда мы его получили, я еще удивился, что за какого-то тамъ писателя Горькаго цѣлые циркуляры пишутъ, не потому ли, что онъ «горькій», а не «сладкій»... хе-хе-хе!.. Я и васъ, кажется, этимъ разсмѣшилъ?..

— Помню...—съ улыбкой простоналъ секретарь и, порывшись въ цѣломъ ворохѣ бумагъ, извлекъ оттуда толстый сшитокъ съ надписью: «Къ свѣдѣнію и руководству», и на ходу, перелистывая, нашелъ требуемый циркуляръ и подалъ полицеймейстеру.

Полицеймейстеръ громко прочиталъ содержаніе циркуляра.

Я подалъ требуемый экземпляръ.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ вамъ такой цензированный экземпляръ, а это надпись: «по ходатайству театральнаго общества разрѣшается въ гор. Пинскѣ, такому-то»... всѣ формальности соблюдены.

Долго разсматривалъ онъ пьесу, перелистовалъ по листочку, оглядѣлъ подпись, скрѣпу, печати, даже подержалъ на ладони руки, будто опредѣляя ея удѣльный вѣсъ... Подумалъ, подумалъ, вздохнулъ, прижмурился, насупилъ брови...

— А знаете, я вамъ этой пьесы не разрѣшу...

— Это почему?

— Пьеса, по всему видно, неблагонадежная, ежели за нее циркуляры пишутъ... Здѣсь ее ставить опасно... Сейчасъ у васъ въ театрѣ такое творится, что ничѣмъ не уймешь, что же будетъ во время этого спектакля? Полное столпотвореніе вавилонское... На этомъ основаніи я вамъ ее и не позволю ставить.

— Господинъ полицеймейстеръ, это, наконецъ, ни на что непохоже. Я вамъ представляю цензированный экземпляръ, согласно требованію закона, соблюдаю всѣ формальности, и вы должны подписать мнѣ афишу, иначе, ей-Богу, я буду жаловаться прямо министру!

Я даже въ волненіи повысилъ голосъ.

— Ужъ и министру?... Подумаешь, какая важная персона—стращаетъ! Не жирно ли это будетъ?... Министру, ишь куда сягнулъ.. Вы меня, пожалуйста, не пугайте... Министръ сидитъ себѣ въ Петербургѣ и не знаетъ, что творится здѣсь, въ какомъ-нибудь Пинскѣ. По его выходитъ можно, а по-моему—нельзя. Вы и такъ у меня здѣсь своими пьесами возмущаете народъ, а я долженъ молчать?... Пьеса, по всему видно, неблагонадежная... Тутъ чортова жидова заваритъ такую кашу, что и съ нѣмцемъ не расхлебаешь... А вы—министру, министру,...

— Мнѣ же надо искать защиты моихъ интересовъ... Вы запретили намъ еврейскіе спектакли, чѣмъ лишили насъ извѣстнаго заработка, теперь не желаете разрѣшить пьесу, которая дозволена съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Именно вы сами ведете къ тому, чтобы окончательно поставить насъ въ бездыходное положеніе и чтобы мы въ концѣ концовъ обратились къ вамъ за подпиской.

— Боже сохрани, я этого не желаю. Но, согласитесь, я же долженъ пожалѣть и свою шкуру.

— Да вы прочитайте пьесу, есть тутъ изъ-за чего заваривать кашу, какъ вы говорите?

— Хорошо, оставьте ее у меня, я прочитаю и посовѣтуюсь съ женой.

— Когда же вы прочитаете? Къ вечеру я могу получить афишу?

— Что вы? Помилуйте, такую толстую книгу развѣ я могу прочитать за нѣсколько часовъ? Зайдите завтра.

Прихожу на утро.

Библиотека "Руниверс"

— Читалъ... Дѣйствительно, въ пьесѣ ничего противозаконнаго нѣтъ. По-моему, даже чепуха какая-то... ходятъ, разговариваютъ... Не понимаю, что въ ней нашли опаснаго, стоило циркуляры издавать? Все-таки, видно, какая-то чертовщина есть, мы-то не понимаемъ, а тамъ сидятъ такія головы, что все понимаютъ... Я васъ все-таки прошу, если возможно, не ставьте ее, пожалуйста... Эти проклятые революціонеры надѣлаютъ мнѣ хлопотъ, чуетъ мое сердце.

— Да увѣряю васъ, ничего не можетъ выйти. Пьеса по содержанію самая безобидная. Не ставить ее я не могу. Горькій теперь самый популярный писатель, и пьеса его сдѣлаетъ сборъ. Вы видите, какія у насъ плачевныя дѣла?

— Я васъ предупреждалъ и говорилъ, что вы здѣсь не заработаете... Это же не городъ,—помойная яма... Вы играете хорошо, да смотрѣть-то васъ некому. Жиды-революціонеры, а все остальное—голь и шмоль перекатная.

— Да что теперь говорить объ этомъ, дайте хоть какъ-нибудь дотянуть сезонъ, а вы лишаете послѣдняго.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія:—я разрѣшу... Но предупреждаю—въ театръ введу 50 человѣкъ военной команды и въ случаѣ малѣйшаго бунта я силой удалю публику.

— Пожалуйста, дѣлайте, что хотите.

И дѣйствительно, на спектакль была введена военная команда въ полной боевой аммуниціи, готовая по одному мановенію полицеймейстера выдворить публику изъ театра.

Публики было много, но пьесу приняли довольно холодно, аплодировали и вызывали мало, къ великому удовольствію трусливаго градоправителя.

Исправникъ въ Коломнѣ.

Въ заключеніе разскажу комическое интермеццо съ однимъ уѣзднымъ исправникомъ, по которому можно заключить, какъ тогда на насъ, малорусскихъ актеровъ, смотрѣли въ коренной Россіи нѣкоторые администраторы.

Заѣзжаемъ въ Коломну подъ Москвой. Иду къ исправнику съ афишей.

Видъ градоправителя внушительно-строгій, съ лица для важности угрюмъ, одѣтъ франтомъ, много золота, часы, цѣпи, кольца съ брильянтами, пахнетъ отъ него духами и фиксатуаромъ. Много величественности въ обращеніи и лѣтами не старъ.

На мое представленіе пробормоталъ что-то невнятно.

Прочиталъ афишу, осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ. Сдѣлалъ гримасу не то удивленія, не то недоумѣнія...

Библиотека "Руниверс"

— Малороссы—это хохлы? Знаю, знаю по исторіи, читалъ... Вы, кажется, въ Москвѣ представляли?

— Играли.

— Много васъ?

— Сейчасъ составъ труппы болѣе пятидесяти человѣкъ.

— Бабы тоже есть?

— Половина дамъ.

— Есть и молодыя, хорошенькія хохлушки?

— Есть....

— Чай, все народъ балованный, ухарь?

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, что жъ, закомаривайте, потѣшайте публику.

Сказалъ это съ легкой улыбкой, подписалъ афишу и, подавая, добавляетъ:

— Только, ребята, у меня чтобы безъ баловства.

— Какого баловства?

— Чтобы, значитъ, тихо по питейнымъ и все прочее... Я этого не люблю... Городъ фабричный. Ежели тамъ что накуролесятъ, у меня такъ накостыляютъ, что и десятому закажетъ... Такъ всѣмъ и объявить.

— Будьте увѣрены...

Ухожу въ недоумѣніи отъ такого предупрежденія.

Являюсь на другой день послѣ спектакля.

— А здорово вы вчера закомаривали, здорово!.. и публика, можно сказать, довольна... Тамъ у васъ одинъ ловкачъ, все пляшетъ да пѣсни поетъ. Паренекъ—малина, весельчакъ... Чай, въ деревнѣ-то бабъ не мало перепортилъ?

Садится, подписываетъ афишу.

— И много вы зарабатываете этимъ рукомесломъ?

— Какъ когда...

— Ну, а, напримѣръ, ты вотъ, старшой?

— И триста и четыреста рублей въ мѣсяцъ.

— Вотъ какъ? Ловко!... Это, братъ, и я того не зарабатываю... Чай, много въ деревню-то посылаете? Поди, на всю деревню богатѣй?

— Въ какую деревню?

— Въ свою, значитъ, на родину.

— Я въ деревнѣ не живу.

— А гдѣ же?

— Въ городѣ.

— Въ городѣ? Въ какомъ городѣ?

— Въ Кіевѣ.

— Что же деревню-то бросилъ? Зазнался, разбогатѣлъ?

— Я въ деревнѣ и не жилъ.

— Не жилъ? А какъ же другіе?

— У насъ деревенскихъ нѣтъ, всѣ городскіе.

Библиотека "Руниверс"

— Городскіе? Развѣ у васъ и по городамъ живутъ хохлы? А какъ же надѣлы?

— Какіе надѣлы?—недоумѣвалъ я.

— А деревенскіе... У васъ, чай, тоже надѣлы? Вы же крестьянскаго сословія?

— Есть дворяне, мѣщане, а крестьянъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ—и дворяне?

Онъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Стало быть, вы не простые деревенскіе мужики?

— Я, напримѣръ, дворянинъ, учился въ гимназіи.

— Что-о?!

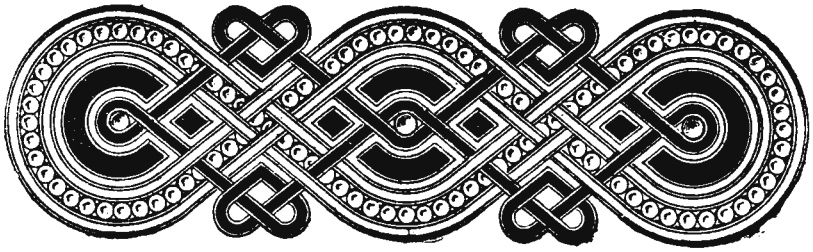
Исправникъ отъ изумленія выпучилъ глаза, смѣшался, привсталъ...

— Садитесь, пожалуйста... извините... гм... того... А я думалъ—вы деревенскіе... такъ только, обучены этому дѣлу... Здѣсь, напримѣръ, въ прошломъ году, былъ у насъ хоръ рожечниковъ, ихъ привозилъ Картавовъ, такъ тѣ простые костромскіе мужики... То-то, я вижу, что вы какъ будто не того... извините...

При прощаніи онъ уже протянулъ мнѣ руку.

К. И. Ванченко.

Библиотека "Руниверс"



КАЗНЬ ПЯТИ ДЕКАБРИСТОВЪ 13 ІЮЛЯ 1826 ГОДА И ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

НОГИМЪ можетъ показаться страннымъ или даже безтактнымъ, что внукъ дерзаетъ объяснять психологію своего дѣда, да еще такого, котораго боялись при жизни, а по кончинѣ старались всѣми способами опорочить. Но внукъ дерзаетъ.

Николай Павловичъ былъ третьимъ сыномъ императора Павла и императрицы Маріи Ѳеодоровны. Его воспитали мать и остзеецъ Ламздорфъ. Мать старалась развить въ немъ духъ подчиненія ей, уваженіе къ покойному отцу и чувство ненависти къ бабкѣ, великой Екатеринѣ; Ламздорфъ съ раннихъ лѣтъ ознакомилъ его съ прелестью березовыхъ лозъ, усиленно обучалъ строю и поддерживалъ страсть ко всему военному, которая и безъ того была врождена Николаю. Въ юношескихъ годахъ онъ путешествовалъ по Европѣ, когда она была освобождена отъ ига Наполеона державнымъ братомъ. Двадцати одного года Николая женили на принцессѣ Шарлоттѣ Прусской (1817), получившей наименованіе Александры Ѳеодоровны, и сформировали вокругъ молодой четы отдѣльный дворъ. Когда неожиданно для всѣхъ скончался въ Таганрогѣ Александръ I, Николаю Павловичу шелъ тридцатый годъ и у него было уже четверо дѣтей. Но вообще его мало знали, кромѣ чиновъ гвардейскаго корпуса, которые видѣли въ немъ требовательнаго и строгаго начальника, а, какъ

Библиотека "Руниверс"

о человѣкѣ, о немъ ходили самые разнообразные толки, мало говорившіе въ его пользу.

Въ Россіи Николая не знали вовсе и, не считая его наслѣдникомъ престола, болѣе интересовались личностью Константина, пребывавшаго почти безвыѣздно въ Польшѣ. Хотя симпатій Константинъ не возбуждалъ, такъ какъ всѣ знали его пылкій и необузданный характеръ, но молва приписывала ему доброе сердце, а въ гвардіи онъ имѣлъ много сторонниковъ, соприкасавшихся съ нимъ въ разныя времена по службѣ.

Не входя въ подробности междуцарствія, закончившагося кровопролитіемъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, и не останавливаясь на подробностяхъ громаднаго слѣдственнаго дѣла и процесса о виновныхъ, которыхъ привыкли называть декабристами, мы остановимъ вниманіе читателя лишь на приговорѣ верховнаго уголовнаго суда.

Всеподданнѣйшій докладъ верховнаго уголовнаго суда былъ представленъ императору Николаю 10 іюля 1826 года. Въ этомъ докладѣ обращаетъ на себя вниманіе раздѣленіе 121 подсудимаго на 11 разрядовъ. Далѣе, изъ 121 подсудимаго «приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ» и т. д.

Отчего эти пять человѣкъ были выдѣлены особо изъ массы остальныхъ и въ чемъ они обвинялись?

На это мы сейчасъ отвѣтимъ, но предварительно надо отмѣтить слѣдующія строки приговора: «Въ заключеніе верховный уголовный судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большему числу голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія». (Члены Святѣйшаго Синода въ голосованіи не участвовали).

I. Полковникъ Пестель.

Главные виды преступленій.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ, учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ юнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

2. Подпоручикъ Рылѣевъ.

Умышлялъ на цареубійство; назначалъ лицъ для совершенія онаго; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе

Библиотека "Руниверс"

императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи, принималъ членовъ, пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3. Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностью пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4. Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ.

Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха; имѣлъ умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія, участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатехизиса; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіе онаго; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

5. Поручикъ Каховскій.

Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

Внѣ сомнѣнія, что виновность пяти была безмѣрно велика, но что касается Рылѣева, то поражаетъ какая-то предвзятость подвести именно его подъ роковой разрядъ «внѣ разрядовъ».

О немъ сказано между прочимъ: «самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи», такого обвиненія не встрѣчаемъ у четырехъ остальныхъ. Потомъ то же обвиненіе, лично касающееся его, Рылѣева, «возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній (не ясно, что это значитъ) и во время мятежа самъ приходилъ на площадь».

Выносишь впечатлѣніе, что были члены верховнаго уголовнаго суда, которые старались его погубить во что бы то ни стало. Что онъ писалъ стихи въ либеральномъ духѣ, было извѣстно; одинаково, что состоялъ редакторомъ «Полярной Звѣзды», но какія именно пѣсни возмутительнаго характера онъ распространялъ, мнѣ неизвѣстно. Далѣе и обвиненіе въ возбужденіи солдатъ черезъ офицеровъ и посредствомъ разныхъ обольщеній,—совсѣмъ не ясно и едва ли обосновано. Самое оригинальное—послѣднее: «во время мятежа самъ приходилъ на площадь». Извѣстно, что Рылѣевъ долго былъ одинъ на площади и тщетно искалъ довольно продолжительное время своихъ сообщниковъ. Выходитъ, что если бы онъ прятался, то это послужило бы смягчающимъ обстоятельствомъ.

Высказанное мною недоумѣніе по поводу пристрастнаго приговора о Рылѣевѣ не единично.

Еще въ воспоминаніяхъ декабриста, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1870 году, баронъ Андрей Розенъ говоритъ: «въ распредѣленіи разрядовъ есть странности непонятныя, такъ что раздѣленіе и присужденіе наказаній выходитъ предрѣшенное. Сентенція 2 разряда не разнствуетъ отъ сентенцій 1 разряда, а осужденіе совершенно различно. Въ одной сентенціи сказано, что онъ измѣнилъ свой прежній образъ мыслей, а между тѣмъ наказанъ наравнѣ съ тѣми, которые не измѣнили своему образу мыслей. Въ нѣсколькихъ сентен-

Библиотека "Руниверс"

ціяхъ сказано, что отстали отъ умысла на цареубійство, а между тѣмъ они наказаны за этотъ умыселъ».

Мнѣ думается, что, читая внимательно по фамиліямъ осужденныхъ приговоры надъ каждымъ изъ нихъ, Николая Павловича брало нѣкоторое сомнѣніе относительно Рылѣева. Подтвержденіе такого чувства мы находимъ въ короткой записочкѣ, адресованной въ дни осужденія князю Александру Николаевичу Голицину: «Tout est fini; restent les veuves, c'est mon cher Galitzine que je charge ce dont vous vous chargerez—j'en suis bien sûr—avec plaisir; faites savoir des nouvelles de la pauvre Ryléeff et dites lui que je lui demande qu'elle dispose de moi en toute occasion et que j'espère qu'elle ne me refusera pas de m'en informer toujours de ce dont elle peut avoir besoin».

На оборотѣ одного изъ писемъ жены Рылѣева къ мужу (отъ 21 декабря 1825 г.) были набросаны рукой заключеннаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ слѣдующія строки, которыя въ копіи могли дойти до государя еще въ іюнѣ 1826 года, но дошли до него обязательно послѣ казни Рылѣева и, конечно, не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія.

Вотъ онѣ:

«Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, государь! будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ, я, съ самаго вступленія моего въ думу Сѣвернаго общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ губительнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; черезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной...»

А имѣется и другое свидѣтельство, бывшаго шефа жандармовъ при Николаѣ I, графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Онъ представилъ уже послѣ казни Рылѣева разныя его рукописи государю. Прочтя ихъ, Николай Павловичъ выразился такъ: «Я жа-

Библиотека "Руниверс"

лѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ» [1]).

Тѣ душевныя мученія, которыя испытывалъ Николай Павловичъ во дни, непосредственно слѣдующіе за рѣшеніемъ верховнаго суда и исполненіемъ приговора, особенно ярко переданы въ письмахъ государя къ матери, находившейся въ ту пору въ Москвѣ. Въ строкахъ этихъ писемъ безъ всякой прикрасы выражены та тревога, которая овладѣла Николаемъ I, и тѣ страданія, черезъ которыя онъ невольно долженъ былъ пройти раньше, чѣмъ утвердить приговоръ верховнаго суда. Письма не даютъ ключа къ постороннимъ вліяніямъ, которыя несомнѣнно, сыпались на новаго самодержца со стороны «разныхъ вѣрныхъ слугъ и приближенныхъ», но что Чернышевъ и, вѣроятно, Левашовъ работали во всю, чтобы суровость приговора не была черезчуръ смягчена великодушіемъ монарха, это правдоподобно. Вѣдь не даромъ же пять приговоренныхъ къ смертной казни были выдѣлены въ особую категорію, какъ бы внѣ разряда! Этимъ выдѣленіемъ изъ числа другихъ, приговоренныхъ тоже къ смертной казни, какъ бы исключалась даже мысль о возможности смягченія ихъ участи. И расчетъ этихъ судей-палачей оказался вѣрнымъ, такъ какъ смягченіе участи пяти было бы уже истолковано, какъ актъ малодушія со стороны новаго государя, который долженъ былъ карать заговорщиковъ за замыслы, направленные противъ его державнаго предшественника. Но предоставляемъ читателю дѣлать свои выводы на основаніи текста упомянутыхъ писемъ.

Tsarskoe Sélo, ce 10 Juillet 1826

Le terrible jour est venu, chère Maman, et sélon vos ordres, je m'empresse de vous en informer, j'ai reçu ce matin le rapport du tribunal suprême, il est bien fait, et m'a donné la possibilité, hors cinq [2]) individus, d'user des droits de commuer un peu la peine.

J'éloigne de moi tout arret de mort et abandonne le sort des cinq des plus misérables à la décision du tribunal; ces cinq sont: Pestel, Riléef, Каховскій [3]), Serge Mouravieff et Bestoujef-Rumine. — 24 individus sont condamnés, au lieu de la peine de mort, aux travaux forcés à vie, desquels sont: Troubetzkoy, Obolensky, Volkonsky, Щепинъ-Ростовскій et leurs semblables. J'ai passé une dure journée et en passant par les chambres de notre Ange, je me suis dit que c'est pour Lui que je remplis cette affreuse tâche, et que Dieu dans sa miséricorde lui a épargné cette torture! Que la volonté de Dieu soit faite et remercions le du fond de notre âme de nous avoir sauvé ainsi que notre chère patrie».

---

[1]) См. примѣчанія къ I тому Н. К. Шильдера «Николай I», стр. 544.

[2]) Подчеркнуто въ текстѣ.

[3]) Эта фамилія написана по-русски.

Библиотека "Руниверс"

(Переводъ) Царское Село, 10 іюля 1826.

Ужасный день насталъ, милая матушка, и, согласно вашего приказанія, я сообщаю вамъ о происшедшемъ. Сегодня я получилъ докладъ верховнаго суда, составленный кратко, и онъ далъ мнѣ возможность, кромѣ пяти человѣкъ, воспользоваться даннымъ мнѣ правомъ немного убавить степень наказанія. Я отстраняю отъ себя всякій смертный приговоръ, а участь пяти наиболѣе жалкихъ предоставляю рѣшенію суда. Эти пять слѣдующіе: Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ; 24 приговорены къ вѣчной каторгѣ вмѣсто смертной казни. Въ числѣ этихъ находятся: Трубецкой, Оболенскій, Волконскій, Щепинъ-Ростовскій и имъ подобные.

Я провелъ тяжелыя сутки, и, проходя черезъ покои нашего ангела, я себѣ сказалъ, что за *него* мнѣ приходится исполнять этотъ ужасный долгъ и что Всемогущій въ своей милости избавилъ его отъ этихъ мученій. Но «да будетъ воля Твоя» и отъ глубины души поблагодаримъ Провидѣніе, что оно спасло нашу дорогую родину.

Значитъ, еще 10 іюля, когда онъ получилъ докладъ верховнаго уголовнаго суда, Николай Павловичъ сталъ волноваться. Онъ преисполненъ чувствомъ великодушія, не желаетъ подписывать смертнаго приговора, думаетъ хоть немного смягчить участь осужденныхъ, словомъ, душевная борьба еще въ зачаткѣ. И, проходя по комнатамъ покойнаго ангела, «notre ange», Николай легко отдаетъ себѣ отчетъ, что страдаетъ изъ-за него, но прощаетъ ему и даже радуется, что чаша мученій миновала Благословеннаго монарха!

Сколько глубокой драмы въ этихъ размышленіяхъ при прогулкѣ по комнатамъ Александра I! Вѣроятно, Николаю Павловичу пришли на умъ событія ужасной ночи 1801 года, послѣ которыхъ не только не было казней, но даже и суда надъ виновными. А теперь обстановка другая, и приходится сурово наказывать другихъ людей, болѣе преступныхъ въ замыслахъ, чѣмъ въ исполненіи.

Tsarskoe Sélo, le 12 Iuillet 1826.

L'arret est prononcé et déclaré aux coupables, chère et bonne Maman.

Vous dire ce qui se passe en moi est difficile à dépeindre; j'ai une espèce de fièvre que je ne puis définir, il s'y mêlé un sentiment si extraordinaire d'honneur et de reconnaissance envers Dieu de nous avoir amené à la fin de ce hideux procès que vraiment la tête tourne. Si je joins que je suis bombardé de lettres les unes plus déchirantes et les autres plus déraisonables que les autres, je Vous assure, chère, Maman, que ce n'est que le sentiment du

Библиотека "Руниверс"

plus terrible des devoirs de ma place qui puisse me faire supporter une torture pareille.

C'est demain à troix heures du matin que la chose doit être faite; dans la soirée j'espère pouvoir Vous informer de l'issue.

(Переводъ) Царское Село, 12 іюля 1826.

Милая и добрая матушка.

Приговоръ состоялся и объявленъ виновнымъ. Не поддается перу, что во мнѣ происходитъ; у меня какое-то лихорадочное состояніе, которое я не могу опредѣлить. Къ этому, съ одной стороны, примѣшано какое-то особое чувство ужаса, а съ другой — благодарности Господу Богу, Коему было благоугодно, чтобы этотъ отвратительный процессъ былъ доведенъ до конца. Голова моя положительно идетъ кругомъ. Если я добавлю къ этому о томъ количествѣ писемъ, которыя ко мнѣ ежедневно поступаютъ, одни—полныя отчаянія, а другія — написанныя въ состояніи умопомѣшательства, то могу Васъ увѣрить, любезная матушка, что только одно чувство ужасающаго долга на занимаемомъ посту можетъ заставить меня терпѣть всѣ эти муки. Завтра въ три часа утра это дѣло должно совершиться; вечеромъ надѣюсь Вамъ сообщить объ исходѣ.

По тону письма отъ 12 іюля замѣтно, что тревожное состояніе государя дошло до высшей мѣры, такъ какъ казнь пятерыхъ должна была состояться на зарѣ слѣдующаго дня. Но за эти два дня, т. е. съ 10 по 12 іюля, черезъ сколько различныхъ вліяній долженъ былъ пройти Николай Павловичъ, когда жены, матери и сестры осужденныхъ умоляли его о помилованіи или смягченіи участи осужденныхъ, а разные генералъ-адъютанты изъ бывшаго состава слѣдственной комиссіи дѣйствовали въ обратную сторону, умоляя не итти на уступки! Имена этихъ «преданныхъ» генералъ-адъютантовъ были на устахъ у всѣхъ и въ ту пору, а главныхъ назовемъ и теперь. То были А. И. Чернышевъ, В. В. Левашовъ[1]) и графъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Tsarskoe Selo, le 13 Juillet 1826.

Deux mots à la hâte, chère Maman, pour Vous annoncer que tout s'est passé tranquillement et dans le plus parfait ordre; les misérables se sont conduits en misérables, avec une lâcheté complète. Чернышовъ part ce soir, et témoin oculaire, il pourra Vous donner tous les détails. Excusez ce court récit écrit, mais sachant et partageant Vos inquiétudes, chère Maman, j'ai voulu Vous donner la nouvelle aussitôt que je l'ai eu.

---

[1]) Первоначально въ составъ судей былъ назначенъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, но, въ виду причастія къ заговору его брата Михаила, государь вычеркнулъ фамилію Орлова и замѣнилъ его Левашовымъ.

Библиотека "Руниверс"

(Переводъ). Царское Село, 13 іюля 1826.

Пишу на скорую руку—два слова, милая матушка, желая Вамъ сообщить, что все совершилось тихо и въ порядкѣ, гнусные и вели себя гнусно, безъ всякаго достоинства. Сегодня вечеромъ выѣзжаетъ Чернышевъ, и, какъ очевидецъ, можетъ разсказать Вамъ всѣ подробности. Извините за краткость изложенія, но, зная и раздѣляя Ваше безпокойство, милая матушка, я хотѣлъ довести до Вашего свѣдѣнія то, что мнѣ уже стало извѣстнымъ.

13 іюля тонъ записки къ матери уже измѣняется. Встрѣчаются выраженія «misérables» и «lâcheté». Далѣе прямая ссылка на личное впечатлѣніе и свидѣтельство присутствовавшаго на казни Чернышева, который могъ разсказать Маріи Ѳеодоровнѣ всѣ подробности, которыя онъ уже поспѣшилъ сообщить императору. Просвѣчиваетъ между строкъ нота удовлетворенія, что все кончилось благополучно, а безпокойство матери раздѣлялъ и государь. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что приближенный генералитетъ увѣрялъ Николая Павловича въ возможности крупныхъ безпорядковъ въ столицѣ въ день совершенія казни пяти и чтенія приговора остальнымъ осужденнымъ. Нашлись люди, которымъ казалось выгоднымъ поддерживать чувство тревоги въ воцарившемся при тягостныхъ условіяхъ государѣ.

Pétersbourg, le 13 Juillet 1826.

Nous sommes rentrés depuis une heure, chère Maman, et d'après toutes mes nouvelles, tout est parfaitement calme; l'indignation à son comble et le contentement que tout soit fini—général. Les détails sur l'exécution, toute affreuse qu'elle est, confirme tout le monde dans l'opinion que des êtres abrutis comme eux ne méritaient que ce sort; presque personne d'eux n'a montré du repentir; les cing exécutés et surtout Каховскій, ont été beaucoup plus repentant; le dernier avant de mourir, disait qu'il priait Dieu pour moi!

— C'est le seul que je regrette. Que Dieu lui pardonne et fasse paix à son âme! La troupe a été parfaite. L'esprit y est excellent. Demain matin nous faisons le Te Deum sur la place. L'estrade est placée juste là, où le pauvre Miloradovitch a péri! Cela sera un triste mais un souvenir bien solennel par l'idée de tout ce que cette cruelle journée a dévoilée d'horreur; et puis pour moi l'idée la plus consolente sera toujours de me dire que notre ange y a échappé, que notre honneur national est sauvé et que le bon Dieu a donné une nouvelle preuve de sa miséricorde pour notre, chère, bonne et vieille patrie.

Библиотека "Руниверс"

(Переводъ). Петербургъ, 13 іюля 1826.

Милая матушка.

Часъ тому назадъ мы вернулись сюда и, по полученнымъ свѣдѣніямъ, вездѣ все спокойно; царитъ единодушное возмущеніе, а что все, наконецъ, кончено, производитъ общее довольство. Подробности казни (т. е. чтенія приговора и самой казни), какъ она ни ужасна, убѣдили всѣхъ, что одураченные люди заслужили эту кару; почти никто изъ нихъ не раскаялся; зато пять казненныхъ проявили большее чувство раскаянія и особенно Каховскій, который, идя на смерть, сказалъ, что молится за меня. Его единственнаго я и жалѣю. Да проститъ ему Господь и умиротворитъ его душу. Войска были великолѣпны, а духъ ихъ прекрасный. Завтра мы на площади отслужимъ молебствіе; эстрада находится какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ несчастный Милорадовичъ.

Будетъ все это грустно, но и торжественно, когда вспомнишь объ этомъ днѣ жестокаго испытанія и ужаса. А для меня всегда будетъ утѣшеніемъ въ жизни мысль о томъ, что нашъ Ангелъ избавился отъ происшедшаго, что наша честь спасена и что Господь далъ новое доказательство своей милости къ нашей дорогой, милой, древней родинѣ.

Это заключительное письмо весьма характерно. Николай Павловичъ, хотя замѣтно доволенъ, что вся эта драма закончилась, но проявляетъ чувство сожалѣнія не только къ заблудшимъ, но и къ казненному Каховскому, говоря, что «изъ пяти это единственный, котораго онъ оплакиваетъ». Николая печалитъ мысль, что громадное большинство не проявило раскаянія при чтеніи приговора, забывая, что такого и не могло быть проявлено именно при чтеніи приговора въ присутствіи тѣхъ лицъ, одинъ видъ которыхъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, лицъ, часть которыхъ терзала приговоренныхъ во время слѣдствія, а другіе во время самаго процесса. Но все-таки въ настроеніи государя при возвращеніи въ столицу изъ Царскаго Села преобладаетъ нота довольства и удовлетворенія, что войска оказались на высотѣ своего призванія, что нигдѣ не произошло ни инцидентовъ, ни безпорядковъ, словомъ, что все для внѣшняго міра прошло съ присущей торжественностью.

Если всмотрѣться въ списки лицъ, изъ которыхъ однимъ было поручено вести слѣдствіе, а другимъ выпала обязанность распредѣлять осужденныхъ по разрядамъ, то поражаешься ничтожностью этихъ избранниковъ царскаго довѣрія, за исключеніемъ весьма немногихъ.

Такъ, предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ военный министръ Татищевъ, вполнѣ безличный; изъ членовъ комиссіи

Библиотека "Руниверс"

Чернышевъ, Левашовъ, Голенищевъ-Кутузовъ и Потаповъ извѣстны своимъ безсердечіемъ и подобострастіемъ; князь А. Голицынъ—ханжествомъ, Д. Н. Блудовъ—либерализмомъ на словахъ и трусостью на дѣлѣ; только графъ Бенкендорфъ считался болѣе самостоятельнымъ и все время старался смягчить государя, его поддерживалъ и царскій братъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, вмѣшательству котораго многіе изъ декабристовъ обязаны болѣе благожелательнымъ отношеніемъ со стороны государя. Въ спискѣ членовъ комиссіи для распредѣленія осужденныхъ по разрядамъ мы находимъ только одно имя, внушавшее довѣріе по рыцарскому благородству характера—это Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. Другое имя, которое въ другія времена вызвало бы также довѣріе,—это Сперанскій; но онъ умышленно старался быть въ тѣни и избѣгалъ высказывать свое мнѣніе. Всѣ остальные нашли желанный случай выслужиться при новомъ государѣ и не отличались ни умомъ, ни высокими качествами души. То были: Пав. Ив. Кутайсовъ, графъ Ев. Ѳед. Комаровскій, С. С. Кушниковъ, Д. О. Барановъ, Ѳ. И. Энгель, графъ П. А. Толстой и графъ Григорій Ал. Строгановъ, желавшій стереть впечатлѣніе о бывшемъ либерализмѣ во дни молодости, совмѣстно съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Н. К. Шильдеръ въ своей исторіи царствованія Николая I подчеркиваетъ исключеніе изъ числа судей Аракчеева и Клейнмихеля, что будто бы одобрялось тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ. Едва ли въ дѣйствительно эти два лица могли оказаться болѣе черствыми, чѣмъ тѣ, которые были избраны; намѣренное же удаленіе ихъ Николаемъ Павловичемъ доказываетъ только деликатность его душевныхъ порывовъ.

Въ общемъ, если взвѣсить безпримѣрно тяжелое положеніе, въ которомъ очутился неожиданно возведенный на всероссійскій престолъ императоръ Николай, то надо удивляться только той выдержкѣ, тому величію, которыя онъ сразу обнаружилъ, когда рѣшился взять въ свои руки бразды правленія. Нескончаемый процессъ лицъ, замѣшанныхъ въ событіяхъ 14 декабря 1825 года, тяжело отразился на первыхъ же мѣсяцахъ его царствованія. Частыя письма къ матери, изъ которыхъ мы печатаемъ нынѣ лишь малую незначительную долю, доказываютъ, что Николаю Павловичу приходилось считаться и съ властной матушкой. Еще въ періодъ дѣтства и юношества ему приходилось выслушивать одну и ту же фразу: «Alexandre n'a jamais su punir les assassins de son père», и тогда станетъ понятной, та мнимая суровость, которая ему приписывалась почти въ теченіе ста лѣтъ. Эта суровость или даже жестокость сдѣлались почти нарицательными выраженіями. И, какъ мы видимъ, незаслуженно и напрасно. Скончалась бы, напримѣръ, Марія Ѳеодоровна не въ 1828 году, а до процесса декабристовъ, великодушіе ея сына не встрѣтило бы противодѣйствія въ лицѣ чтимой имъ матери,

Библиотека "Руниверс"

но всѣ обстоятельства слагались какъ-то особенно и не облегчали ему задачи, а только усложняли ее. Постоянное воспоминаніе о покойномъ братѣ, notre ange, томъ ангелѣ, который былъ невольной причиной его труднаго положенія, тоже сдерживало порывы души, чтобы не омрачить памяти усопшаго.

Весь сонмъ окружающихъ царедворцевъ, большинство которыхъ думали исключительно о своемъ собственномъ благополучіи и старались выслужиться передъ молодымъ, неопытнымъ и мало кому извѣстнымъ новымъ самодержцемъ Россіи, вносилъ только смущеніе въ чуткую душу Николая Павловича. Взвѣсивъ безпристрастно всѣ эти обстоятельства, нельзя не признать, что Николай I вышелъ съ честью изъ того затруднительнаго положенія, въ которое повергла его судьба.

Печатаемыя письма лишь немного приподымаютъ ту завѣсу тайны, которая окружала личность Николая Павловича, но и этихъ писемъ достаточно, чтобы благородная личность государя заняла въ исторіи подобающее мѣсто, а не сравнивалась съ какимъ-то палачомъ на тронѣ, жаждавшимъ страданій и крови своихъ подданныхъ [1]). Пора эти представленія о Николаѣ I отнести въ область легенды, созданной на почвѣ ненависти и вражды къ этому строгому блюстителю закона, который, быть можетъ, и противъ воли, но долженъ былъ карать нарушителей его и карать сурово съ первыхъ же дней своего царствованія.

Великій князь Николай Михаиловичъ.

19 мая 1916 г.

---

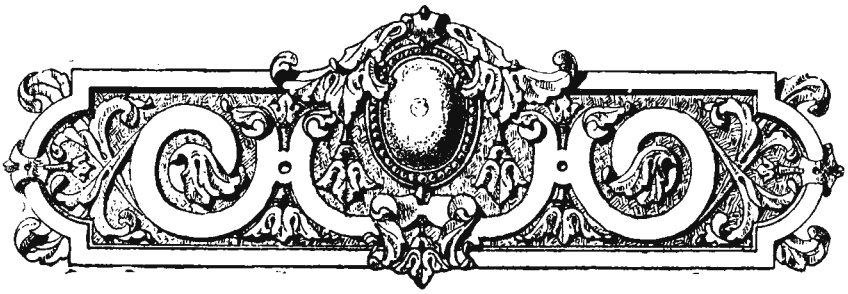
[1]) Въ запискахъ декабриста И. И. Горбачевскаго, изданныхъ «Библіотекой мемуаровъ» въ 1916 году, читаемъ въ примѣчаніи на стр. 293 слѣдующее:

«Плацъ-адъютантъ Трусовъ положительно сказалъ, что это былъ Рылѣевъ. Впослѣдствіи, когда наши дамы прибыли въ Читу, Катерина Ивановна Трубецкая и Александра Григорьевна Муравьева подтвердили это. Онѣ говорили, что въ тотъ же день во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ Петербурга разсказывали, какъ достовѣрное, сдѣлавшееся извѣстнымъ черезъ молодого адъютанта Кутузова, что изъ трехъ сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылѣевъ и, обратившись къ Кутузову,сказалъ: «Вы, генералъ, вѣроятно, пріѣхали посмотрѣть, какъ мы умираемъ. Обрадуйте вашего государя, что его желаніе исполняется: вы видите, мы умираемъ въ мученіяхъ»...

«Когда же неистовый возгласъ Кутузова:—«Вѣшайте ихъ скорѣе снова»,—возмутилъ спокойный, предсмертный духъ Рылѣева, этотъ свободный, необузданный духъ передового заговорщика вспыхнулъ прежнею неукротимостью и вылился въ слѣдующемъ отвѣтѣ: «Подлый опричникъ, тиранъ. Дай же палачу твои аксельбанты, чтобы намъ не умирать въ третій разъ».

По тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ, Рылѣевъ съ петли не срывался и умеръ сразу.

Библиотека "Руниверс"



МНОГОТРУДНАЯ ЖИЗНЬ.

ВАДЦАТЬ пять лѣтъ назадъ въ Одессѣ скончался въ глубокой старости архимандритъ Владиміръ Терлецкій, бывшій уніатскій іеромонахъ. Хотя о немъ писали въ то время въ нѣсколькихъ журналахъ и личность его многимъ была знакома въ Одессѣ, но по глубокому смиренію самого отца Владиміра, никогда охотно не говорившаго о себѣ, широкой публикѣ все-таки мало извѣстно объ интересной, многотрудной жизни его и хотѣлось бы напомнить о ней хотя въ немногихъ чертахъ, которыя удалось собрать въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ, имъ самимъ записанныхъ и изрѣдка, какъ бы нехотя передававшихся имъ близко знавшимъ его людямъ.

Удрученный годами и жестокой болѣзнью, онъ угасалъ тихо и въ совершенной неизвѣстности въ больницѣ при Стурдзовской общинѣ сестръ милосердія, гдѣ, по распоряженію покойной попечительницы общины, княгини Маріи Александровны Гагариной, дочери основателя ея, Алекс. Скарлат. Стурдзы, ему была отведена комната, въ видѣ исключенія, такъ какъ въ больницу общины мужчинъ непринимаютъ.

Личность о. Владиміра была въ высшей степени симпатична. Онъ отличался рѣдкой скромностью, терпѣніемъ и христіанскимъ смиреніемъ. Онъ и говорилъ мало, только въ его живыхъ глазахъ свѣтились умъ, привѣтливое, мягкое выраженіе. Онъ доброжелательно относился ко всѣмъ, интересовался малѣйшими подробностями

Библиотека "Руниверс"

жизни знакомыхъ, горячо откликался на всякое горе и радость окружавшихъ его, о всѣхъ заботился и всѣхъ помнилъ, забывалъ только о самомъ себѣ...

Бывало, зайдешь къ нему въ комнату, гдѣ онъ, сидя за маленькимъ столомъ, покрытымъ книгами, былъ занятъ чтеніемъ или письмомъ, и спросишь о здоровьи. Онъ всегда отвѣчаетъ словами благодарности къ Богу.

— Не по грѣхамъ меня Богъ милуетъ,—говорилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ:—мнѣ хорошо. Всѣ заботливы ко мнѣ.

У него выговоръ и обороты рѣчи такъ и сохранились своеобразные.

— А какъ вы спите?—спросишь бывало.

— Будылся часто, но спалъ хорошо.

Въ Одессу онъ пріѣхалъ съ преосвященнымъ Димитріемъ (Муретовымъ), когда тотъ былъ переведенъ въ херсонскую епархію, былъ при немъ до кончины преосвященнаго и не на много лѣтъ пережилъ своего друга.

Отецъ Владиміръ Терлецкій былъ уроженецъ Волынской губерніи, учился въ Кременецкомъ лицеѣ, гдѣ «надышался», какъ онъ говорилъ, латинскаго и польскаго духа, потомъ поступилъ въ (бывшій) виленскій университетъ на медицинскій факультетъ и уже въ 1830 году кончилъ курсъ. Въ то время въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ, въ которомъ, по молодости и живости характера, Терлецкій принялъ дѣятельное участіе, вслѣдствіе чего, по усмиреніи мятежа долженъ былъ бѣжать за границу.

— Этотъ роковой шагъ всю мою жизнь сломилъ,—говорилъ о. Владиміръ съ грустью.

Онъ поселился въ Краковѣ, держалъ экзаменъ на доктора, женился и занялся практикой. Казалось, все начало улыбаться молодому доктору, но не въ тишинѣ семейной жизни ему было суждено служить Богу. Уже въ 1835 году жена Терлецкаго скончалась, оставивъ ему маленькаго сына, который тоже умеръ еще мальчикомъ. Въ 1836 году Краковъ заняли русскія, прусскія и австрійскія войска. Терлецкому снова пришлось искать себѣ пріюта гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Онъ уѣхалъ во Францію, но не былъ допущенъ къ практикѣ и принужденъ вторично сдавать экзаменъ въ Монпелье, гдѣ и получилъ вторично степень доктора медицины. Но занятія медициной и практика его не удовлетворяли.

— Я былъ алченъ и жаждалъ,—говорилъ о. Владиміръ:—душа не имѣла пищи.

Невыносимая тоска мучила его; онъ тосковалъ по родинѣ, по «родной народности», какъ онъ выражался, жаждалъ отдать молодыя силы на пользу людямъ и рѣшилъ, что только въ санѣ священника будетъ въ состояніи служить ближнимъ. Онъ отправился въ Римъ, гдѣ погрузился въ изученіе богословія и въ 1842 г. былъ руко-

Библиотека "Руниверс"

положенъ во священники, а въ слѣдующемъ году получилъ званіе доктора богословія. Несмотря на вліяніе латинской вѣры, воспоминанія дѣтства были живы въ немъ, но православія онъ не зналъ вовсе и мечталъ о пользѣ своимъ сородичамъ, видя спасеніе ихъ только при условіи присоединенія ихъ къ римскому католизизму. Онъ считалъ православныхъ «схизматиками», мечталъ о соединеніи церквей, искренно считая римскаго папу главою церкви. Значенія уніи онъ не понималъ. Только впослѣдствіи стало ему ясно, что унія была мостомъ, придуманнымъ латинянами не для соединенія, а для перевода православныхъ въ латинскую вѣру.

При рукоположеніи во священника о. Терлецкій былъ причисленъ къ парижской епархіи, къ такъ называемымъ «змартвыхвстанцамъ». Онъ долженъ былъ ѣхать къ мѣсту служенія, въ Парижъ, но ему хотѣлось прежде съѣздить въ Краковъ и захватить съ собой своего маленькаго сына, которому тогда было восемь лѣтъ. Однако исполнить это намѣреніе было не легко. Средствъ у него не было никакихъ, путешествовать приходилось въ экипажѣ; трудно было добраться и въ Парижъ, а не то что думать о дальнемъ пути въ Вѣну и Краковъ. Онъ познакомился въ то время съ графиней Ледоховской «случайно».

— Случая для вѣрующаго нѣтъ,—говорилъ о. Владимиръ:— все въ рукахъ Божіихъ и движется по его премудрому велѣнію.

Графиня Ледоховская, по совѣту знакомыхъ, обратилась къ о. Терлецкому за покровительствомъ, чтобы помѣстить своего сына въ римскую духовную академію, и, устроивъ его, собиралась въ Вѣну. Она предложила о. Терлецкому мѣсто въ своемъ экипажѣ до Вѣны. Этотъ сынъ графини былъ впослѣдствіи извѣстный кардиналъ Ледоховскій. По прибытіи въ Вѣну приходилось снова ждать, что Богъ дастъ, такъ какъ средствъ не было, чтобы ѣхать далѣе. Но и ждать о. Терлецкому не дали. Онъ отправился къ министру полиціи за разрѣшеніемъ ѣхать въ Краковъ и получилъ такой отвѣтъ:

— Ваша нога не ступитъ болѣе никогда на польскую землю!

Мало того, министръ категорически приказалъ ему черезъ нѣсколько дней выѣхать не только изъ Вѣны, но и изъ Австріи. Съ болью въ сердцѣ надо было повиноваться. Узнавъ о затрудненіи, въ которомъ очутился о. Терлецкій, графиня Ледоховская и еще какіе-то неизвѣстные благодѣтели прислали ему 800 гульденовъ, съ которыми онъ немедленно уѣхалъ. Въ Мюнхенѣ онъ познакомился и сблизился съ Делингеромъ, Герномъ и другими тогдашними знаменитостями, потомъ черезъ Швейцарію проѣхалъ въ Парижъ.

Окончательно лишенный возможности служить своей родной церкви въ родномъ краю или, по крайней мѣрѣ, вблизи его, о. Терлецкій задался мыслью хотя издали работать въ томъ же направленіи. Онъ искренно вѣрилъ, что единственно соединеніе церквей подъ главенствомъ папы спасетъ унію и даже православную вѣру. Прямой, глу-

Библиотека "Руниверс"

боко правдивый характеромъ, чуждый всякой фальши и притворства, при томъ глубоко вѣрующій, онъ и не подозрѣвалъ о безднѣ коварства и лжи, которая скрывалась со стороны папы и его подчинен-

Архимандритъ Владиміръ Терлецкій.

ныхъ подъ видомъ благожелательности къ восточнымъ церквамъ, не понималъ и того, что никакого религіознаго побужденія въ нихъ не было, а только безграничное властолюбіе. Его глаза открылись гораздо позднѣе, и съ той минуты, когда они открылись, онъ уже не могъ оставаться членомъ римско-католической церкви. Но до тѣхъ

Библиотека "Руниверс"

поръ ему предстоялъ долгій, мученическій путь. Для осуществленія своей завѣтной мысли о. Терлецкій задумалъ основать общество. Минута казалась благопріятной, на папскій престолъ вступилъ Пій IX въ 1846 г. Молва рисовала его, какъ человѣка съ широкими и либеральными взглядами, умнаго и съ большой терпимостью относящагося къ религіознымъ вопросамъ. О. Владимиръ отправился въ Римъ съ намѣреніемъ представить папѣ свой проектъ.

Въ главныхъ чертахъ проектъ сводился къ слѣдующему: составить изъ русскихъ епархій въ Австріи патріархатъ съ назначаемымъ папою патріархомъ во главѣ. Замѣстить латинскихъ миссіонеровъ на Востокѣ миссіонерами того обряда и національности, къ которымъ принадлежало мѣстное населеніе. Для приготовленія этихъ миссіонеровъ основать въ Римѣ восточную миссіонерскую семинарію. Основать общество «Восточное», которое въ Европѣ защищало бы интересы Востока, собирало пожертвованія, печатало книги для восточныхъ церквей и т. п. Главной цѣлью ставилось: соединеніе церквей восточной и западной подъ главенствомъ папы при сохраненіи полной автономіи восточныхъ церквей и восточнаго обряда Половина коллегіи кардиналовъ должна была состоять изъ лицъ, принадлежащихъ къ восточнымъ церквамъ. Особое вниманіе должно было быть обращено на славянъ, преобладающихъ среди восточныхъ церквей, которыхъ въ то время о. Терлецкій считалъ «схизматиками». Понятно, что такого рода проектъ никакъ не могъ быть одобренъ Римомъ во всемъ его составѣ, хотя при обычной ловкости папскихъ помощниковъ и клевретовъ могъ, при свойственной имъ изворотливости, послужить ихъ цѣлямъ. Усерднымъ помощникомъ о. Терлецкаго, особенно горячо отозвавшимся на его стремленія, явился французскій епископъ Люке, только что возвратившійся изъ Индіи и, подобно о. Терлецкому, совершенно незнакомый съ римскими обманами. Проектъ былъ представленъ Пію IX и одобренъ имъ. По поводу возникновенія «Восточнаго общества» была немедленно издана извѣстная энциклика «окружное посланіе къ восточнымъ патріархамъ», на которую четыре патріарха отвѣтили не менѣе извѣстнымъ письмомъ, полнымъ силы и достоинства. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ была папой сдѣлана попытка подчинить себѣ Востокъ, но неудачно.

Собранія для организаціи комитета происходили большей частью въ домѣ княгини Зинаиды Волконской, уже перешедшей въ католическую вѣру, но сердцемъ все еще преданной по воспоминанію восточному обряду.

Могущественная «конгрегація пропаганды» (congregatio de propaganda fide) смотрѣла съ большимъ недовѣріемъ и даже враждой на нарождающееся общество, и потому было рѣшено пригласить въ предсѣдатели кардинала Франсони, префекта пропаганды. Онъ согласился съ трудомъ и на первомъ же засѣданіи старался дока-

Библиотека "Руниверс"

зать безполезность общества, избравшаго его. Однако, такъ какъ имѣлось разрѣшеніе папы, начало было все-таки положено. Епископа Люке выбрали канцлеромъ, князя Кадоръ-де-Шампань—казначеемъ, о. Терлецкаго—первымъ секретаремъ, а князя Лихновскаго—вторымъ. Для привлеченія пожертвованій были разосланы письма въ разныя страны, ко всѣмъ епископамъ, какъ римско-католическимъ, такъ и православнымъ, ко многимъ знатнымъ лицамъ. О. Терлецкому поручили устройство школы миссіонеровъ.

Вникнувъ, какъ всегда, добросовѣстно въ возложенное на него отвѣтственное дѣло, о. Владимиръ очень скоро убѣдился въ томъ, что онъ, въ сущности, очень мало знакомъ какъ съ положеніемъ восточныхъ церквей, такъ и съ ихъ ученіемъ, и рѣшилъ прежде всего отправиться на Востокъ для сбора пожертвованій, съ намѣреніемъ ближе ознакомиться съ тамошними церквами, а также набрать воспитанниковъ въ свою будущую школу. Папа пока все еще казался благосклонно расположеннымъ къ новому предпріятію и настаивалъ на томъ, чтобы о. Терлецкій скорѣе отправился въ путь, но ни самъ не давалъ никакихъ средствъ на далекій путь, ни хотѣлъ предписывать выдачи ни одному изъ подчиненныхъ ему богатыхъ комитетовъ и конгрегацій. О. Терлецкій желалъ прежде всего дѣйствовать среди уніатовъ въ Галиціи и Венгріи, питая тайную надежду оттуда заѣхать въ Россію. Ему помогъ небезызвѣстный польскій эмигрантъ, поэтъ Стефанъ Витвицкій, удѣливъ ему 600 франковъ изъ только что полученнаго наслѣдства послѣ брата.

Путешествіе оказалось совсѣмъ неудачнымъ.

Незнаніе языковъ тѣхъ странъ, черезъ которыя приходилось ѣхать, затрудняло о. Терлецкому всякое сближеніе съ посѣщаемыми имъ епархіями; объясняться приходилось черезъ переводчика, а иногда и знаками.

Ѣхать сначала въ славянскія земли не удалось, и о. Терлецкій рѣшилъ посѣтить ихъ на возвратномъ пути. Онъ объѣхалъ часть Европейской Турціи, затѣмъ посѣтилъ Іерусалимъ, гдѣ получилъ отъ папы предписаніе возвращаться скорѣе. Изъ Іерусалима онъ проѣхалъ прямо въ Австрію. Онъ разсчитывалъ на поддержку со стороны князя Адама Чарторыйскаго, такъ какъ зналъ, что Чарторыйскій имѣетъ агентовъ повсюду. Онъ написалъ ему письмо, стараясь заинтересовать его своимъ дѣломъ. Отвѣтъ князя Адама гласилъ, что о. Терлецкій можетъ разсчитывать на помощь его только въ томъ случаѣ, если дастъ задуманному имъ дѣлу политическое направленіе, согласно желанію князя. О. Терлецкій категорически отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что къ религіозному дѣлу не можетъ пристегивать никакой политики.

Очевидно, согласно предписаніямъ князя Чарторыйскаго, его агенты, Садыкъ-паша (Чайковскій) въ Константинополѣ, позднѣе Закъ въ Бѣлградѣ и другіе, были съ о. Владимиромъ хотя и вѣж-

Библиотека "Руниверс"

ливы, но ни въ чемъ не помогали ему, не познакомили его ни съ кѣмъ и не указали никакихъ путей.

Весной 1848 года вспыхнула революція почти одновременно по всей Европѣ. О. Терлецкій увидалъ, что минута слишкомъ неблагопріятна для какихъ бы то ни было дѣйствій, и поспѣшилъ вернуться въ Римъ.

Въ его отсутствіе молодое общество совершенно распалось, не безъ содѣйствія самого предсѣдателя—кардинала Франсони. Главный дѣятель, епископъ Люке нарочно былъ назначенъ папскимъ нунціемъ въ Швейцарію съ цѣлью удалить его отъ Рима и общества.

О. Терлецкій долго не могъ добиться аудіенціи и только благодаря вліянію нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, знавшихъ и уважавшихъ его, ему наконецъ было дозволено явиться. Однако Пій IX принялъ о. Владимира очень холодно, со словами: «Ясно видно, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ воли Божіей; въ вашемъ путешествіи вы не успѣли ничего сдѣлать. Теперь вамъ остается только ѣхать въ Галицію и тамъ трудиться для святой церкви».

Значитъ, всему дѣлу былъ конецъ! Съ глубокой грустью въ сердцѣ о. Терлецкій вышелъ отъ папы. Уѣхать по полученному предписанію было не на что, и жить въ Римѣ тоже не было средствъ. Нѣкоторые знакомые доставили ему одинъ-два урока, съ помощью которыхъ онъ кое-какъ перебивался. Тѣмъ не менѣе о. Владиміръ не унывалъ. Черезъ преданныхъ ему лицъ онъ все-таки надѣялся склонить папу въ пользу своей завѣтной мечты. Но въ это время революція вспыхнула въ самомъ Римѣ и съ такой силой, что Пій IX долженъ былъ бѣжать; разбѣжались и всѣ кардиналы. Австрійская армія завладѣла Италіей. Въ эту трудную минуту, какъ всегда, Господь помогъ. Графъ Ксаверій Браницкій прислалъ о. Терлецкому 600 франковъ, съ которыми онъ могъ выѣхать, заплативъ накопившіеся долги.

Конгрегація иностранныхъ дѣлъ снабдила о. Терлецкаго письмами къ уніатскимъ епископамъ Галиціи и Венгріи и приказала скорѣе отправляться туда, переговорить о проектѣ соединенія церквей и привезти въ Римъ подробный отчетъ о переговорахъ. Кое-какъ добрался о. Владиміръ до Дрездена; вездѣ было неспокойно, но въ Дрезденѣ надъ нимъ стряслась окончательная бѣда. Въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, произвели обыскъ, о. Владиміръ почему-то показался не только подозрительнымъ, но даже опаснымъ.

— Вѣрно, ради большой моей бороды,—прибавлялъ батюшка, съ улыбкой поглаживая свою благообразную бороду.

Съ революціонерами о. Терлецкій, разумѣется, не имѣлъ никакихъ сношеній и не зналъ ни одного изъ нихъ, тѣмъ не менѣе его болѣе мѣсяца продержали въ жесточайшемъ заключеніи, въ тюрьмѣ. Приказано было даже относиться къ нему особенно строго. Изъ

Библиотека "Руниверс"

тюрьмы онъ вышелъ настолько обезсиленнымъ и больнымъ, что не могъ стоять на ногахъ, и отъ голода желудокъ его совершенно ослабъ, онъ не въ состояніи былъ принимать никакой пищи, кромѣ молока. Между тѣмъ ему было предписано въ двадцать четыре часа выѣхать изъ предѣловъ Саксоніи. Но какъ ѣхать? Денегъ не было ни копейки.

— Я, многогрѣшный, и тутъ унывалъ!—восклицалъ о. Владиміръ со слезами на глазахъ:—я думалъ, что Господь далекъ отъ меня, а Онъ всегда былъ блызенько!

Знакомые собрали въ нѣсколько часовъ между собой порядочную сумму, которую и вручили ему. Ѣхать, какъ прежде думалъ, въ Галицію, теперь онъ не могъ, и по совѣту друзей, отправился въ Спа, чтобы немного возстановить силы, а оттуда проѣхать въ Парижъ.

Въ Парижѣ о. Владиміръ засталъ своего прежняго единомышленника, князя Кадора, и почти уже заброшенный планъ оживился съ новой силой. Они рѣшили немедленно открыть прежнее «Восточное общество» и воспитательное миссіонерское заведеніе съ домашней церковью. Парижскій епископъ Гибуръ сочувственно отнесся къ ихъ дѣлу и благословилъ начинать. Знаменитый отецъ Лакордеръ тоже принялъ горячее участіе, говорилъ проповѣди, сборъ съ которыхъ весь отдавалъ въ пользу общества.

Собралось довольно денегъ, чтобы купить домъ, поступило въ члены общества много платящихъ и жертвовавшихъ богатыхъ лицъ. Въ 1851 году общество уже насчитывало 85 членовъ.

Стали поступать и ученики въ школу; въ числѣ ихъ было нѣсколько сыновей русскихъ уніатскихъ священниковъ. Дѣло, казалось, вышло наконецъ на большую дорогу. Но Римъ не дремалъ. Въ его планъ не входило давать «Восточному» обществу итти по прямой дорогѣ. Офиціальнаго одобренія папы оно никакъ не могло добиться, и чѣмъ долѣе это одобреніе задерживалось, тѣмъ недовѣріе къ дѣятельности общества росло. Одинъ за другимъ стали отпадать члены. Нѣсколько учениковъ школы, кончившихъ курсъ въ духовной семинаріи въ Парижѣ, должны были быть рукоположены во священники, но для этого требовалось благословеніе папы. О. Владиміръ рѣшился ѣхать самъ въ Римъ.

Оказалось, что нѣкоторые кардиналы и другія высшія духовныя лица успѣли такъ настроить слабохарактернаго и упрямаго Пія IX противъ о. Терлецкаго и его общества, что онъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Съ секретаремъ «пропаганды», монсиньоромъ Барнабо, вышло у о. Терлецкаго столкновеніе. Былъ сдѣланъ на о. Владиміра доносъ, будто онъ возмущаетъ весь Востокъ противъ римскаго престола. Доносъ былъ отправленъ одновременно во французское министерство иностранныхъ дѣлъ. Кардиналъ Антонелли доложилъ обо всемъ папѣ. Письма, доносы, кляузы, кле-

Библиотека "Руниверс"

вета летѣли изъ Рима въ Парижъ и изъ Парижа въ Римъ. Придирались къ каждому слову въ бумагахъ, написанныхъ «Восточнымъ» обществомъ; перехватывали письма, сплетничали и бѣднаго о. Владимира поливали цѣлыми ушатами грязи. Между тѣмъ онъ сидѣлъ въ Римѣ, не смѣя двинуться, приходя въ ужасъ передъ бездной лжи и коварства, которая съ каждымъ днемъ все яснѣе открывалась ему, и ждалъ, когда стихнетъ буря.

Времени прошло много. Наконецъ кое-какъ отписались, и о. Владимиръ былъ принятъ папой. Но папа, хотя и принялъ его довольно благосклонно, но ровно ничего не сдѣлалъ по его просьбѣ, хотя все обѣщалъ по своему обыкновенію. Онъ отпустилъ его, сказавъ, что обо всемъ дастъ приказаніе письменно прямо въ Парижъ. О. Владимиръ уѣхалъ. Письменныхъ приказаній папы пришлось ждать очень долго, а когда они пришли, то оказались написанными такъ двусмысленно, по-іезуитски, что можно было истолковать ихъ, какъ угодно. Парижскій архіепископъ, однако, нашелъ возможнымъ рукоположить воспитанниковъ о. Терлецкаго, о чемъ онъ хлопоталъ больше всего.

Послѣ этого все пошло быстро хуже и хуже. Пія настраивали все враждебнѣе противъ парижскаго общества. Велѣно было за каждой бездѣлицей обращаться въ Римъ, а тамъ нагромождали затрудненія, предписанія, нареканія, выговоры. Въ 1855 году о. Терлецкому пришлось ѣхать самому въ Римъ, необходимо было выяснить окончательно вопросъ, долѣе невозможно было оставаться въ такой неясности. О. Терлецкій былъ принятъ папой и умолялъ его категорически высказаться: одобряетъ ли онъ его поступки и дѣйствія общества? Папа отвѣтилъ: «Я не могу сказать ни да, и нѣтъ.»

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ о. Владимиръ:—я закрываю свое заведеніе.

Онъ еще ждалъ въ Римѣ нѣсколько времени, надѣясь на какую-нибудь перемѣну, но ждать долѣе было нельзя, да и безполезно. Онъ послалъ въ Парижъ распоряженіе закрыть школу и домовую церковь. Всю церковную утварь, иконы библіотеку о. Терлецкій велѣлъ отослать во Львовъ въ только что построенный тамъ «русскій народный домъ», прочія вещи продать и вырученныя деньги раздѣлить между воспитанниками.

Въ это время уже цѣлая буря сомнѣній и противорѣчій начала подниматься въ душѣ многострадальнаго отца Владимира. Его все болѣе и болѣе тянуло къ православію, но онъ хотѣлъ узнать его основательнѣе. Все еще въ голову ему приходило, что все пережитое и видѣнное зло въ римской церкви происходитъ отъ заблужденій отдѣльныхъ личностей; самую церковь латинскую онъ все еще считалъ правой.

Такъ какъ въѣздъ въ славянскія земли былъ для него запре-

Библиотека "Руниверс"

щенъ, онъ рѣшилъ предпринять вторичное путешествіе на Востокъ съ цѣлью ознакомиться, на этотъ разъ не спѣша, съ православными церквами, а потомъ непремѣнно проѣхать въ Галицію, не заѣзжая въ Римъ, и тамъ поселиться.

Объ этомъ вторичномъ путешествіи на Востокъ о. Владимиръ любилъ разсказывать и разсказывалъ много интереснаго. Онъ сначала посѣтилъ Александрію, побывалъ въ Египтѣ вездѣ, гдѣ было что-либо любопытное, затѣмъ отправился въ Палестину. Объѣздилъ съ французскимъ консуломъ де-Бареромъ окрестности Іерусалима и, благодаря его ходатайству, добился позволенія отслужить литургію у гроба Господня, чего монахи францисканцы никакъ не хотѣли допустить. Консулъ познакомилъ о. Терлецкаго и съ іерусалимскимъ пашой. Случилось такъ, что въ это время паша заболѣлъ. Де-Бареръ рекомендовалъ ему о. Терлецкаго, какъ хорошаго врача, и о. Владимиру удалось скоро поставить его на ноги. Съ тѣхъ поръ при всякомъ заболѣваніи его или домашнихъ его онъ обращался къ о. Терлецкому, а передъ отъѣздомъ изъ Іерусалима о. Владимира онъ очень щедро наградилъ его и въ знакъ благодарности поцѣловалъ его бороду.

Объѣздивъ еще всѣ замѣчательныя мѣста Палестины, о. Терлецкій черезъ Бельбекъ, Дамаскъ направился въ Бейрутъ, откуда посѣтилъ и патріарха маронитовъ въ Ливанскихъ горахъ. Интересенъ былъ разсказъ его объ этомъ посѣщеніи. Пока онъ находился у патріарха, прибылъ эмиръ съ многочисленной и блестящей свитой. Пріемъ былъ торжественный, въ парадной залѣ монастыря. Два діакона встрѣтили эмира въ дверяхъ и окропили его розовой водой. Патріархъ, не говоря ни слова, по восточному обычаю, только приложилъ руку къ сердцу и ко лбу и молча указалъ эмиру и его брату почетныя мѣста по угламъ дивана и самъ сѣлъ въ третій уголъ. Затѣмъ хлопнулъ три раза въ ладоши, и послушники принесли сперва тазы съ водой и расшитыя золотомъ полотенца для умыванія рукъ гостей. Потомъ кадильницу съ благовоніями. Одинъ изъ послушниковъ держалъ надъ головами гостей шитую золотомъ салфетку, пока другой кадилъ вокругъ нихъ благовоннымъ ѳиміамомъ. По знаку патріарха подали затѣмъ кофе въ маленькихъ чашкахъ, а послѣ всего—трубки съ длинными янтарными чубуками. Вся эта церемонія происходила при полномъ молчаніи, съ безпрестанными знаками благодарности со стороны гостей, которая выражалась все тѣмъ же приложеніемъ рукъ къ сердцу и ко лбу. Разговоръ завязался уже послѣ того, какъ были закурены трубки.

На возвратномъ пути черезъ Константинополь по Черному морю и Дунаю о. Владимиръ добрался до Бѣлграда, гдѣ и прожилъ всю зиму. Весной онъ собирался въ Австрію. Но изъ Вѣны было предписано зорко слѣдить за нимъ, въ немъ все подозрѣвали како-

Библиотека "Руниверс"

го-то опаснаго пропагандиста. Однако наблюдавшій за нимъ въ Бѣлградѣ австрійскій консулъ далъ о немъ благопріятный отзывъ, вслѣдствіе чего ему наконецъ былъ разрѣшенъ въѣздъ въ Австрію. Но желанію о. Владимира поселиться въ Галиціи не суждено было исполниться. Въ Галиціи губернаторомъ былъ графъ Голуховскій. Онъ донесъ въ Вѣну, что Терлецкій—лицо очень опасное, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволить жить среди русскихъ. Пришлось снова отказаться отъ долго лелѣянной мечты и отправиться въ Венгрію. Здѣсь, въ Восточной Венгріи о. Владимиръ былъ постриженъ въ монахи. Онъ болѣе всего теперь жаждалъ покоя. Не болѣе трехъ лѣтъ прожилъ онъ, однако, въ относительномъ спокойствіи въ Венгріи. Уже давно подготовлявшееся въ Галиціи движеніе за православную вѣру теперь поднялось съ новой силой. Не въ характерѣ о. Владимира было оставаться равнодушнымъ зрителемъ борьбы. Забывъ свой уже преклонный возрастъ, онъ кинулся со свойственной ему горячностью на защиту угнетаемой австрійцами народности и вѣры. Не обращая вниманія ни на доносы латинской и польской партіи, ни на травлю газетъ противъ него, онъ переѣхалъ въ Галицію, проповѣдывалъ, уговаривалъ, утѣшалъ. Поселился въ Гошевскомъ монастырѣ, куда массами стекается народъ на богомолье, и здѣсь произносилъ проповѣди, наставлялъ и училъ. Изъ Рима пришло строжайшее запрещеніе ему вмѣшиваться въ дѣла русской церкви и народности. Но теперь о. Владимиръ не расположенъ былъ болѣе повиноваться Риму. Авторитетъ Рима въ немъ былъ окончательно поколебленъ. Наконецъ онъ былъ изгнанъ изъ Галиціи и принужденъ вернуться въ Венгрію. Все видѣнное и пережитое подняло въ душѣ о. Терлецкаго бурю. Сомнѣніе все росло и крѣпло, и о. Владимиръ принялся за основательное изученіе православнаго вѣроученія, отъ котораго его всячески отстраняли его руководители. Уже на Востокѣ, познакомившись ближе съ православными церквами, онъ сталъ смотрѣть на нихъ другими глазами, чѣмъ прежде. Съ великимъ трудомъ онъ добылъ себѣ необходимыя книги.

— Я былъ пораженъ,—говорилъ о. Владимиръ,—спокойствіемъ духа, основательностью доводовъ православныхъ писателей, ихъ прямотой, ясностью и правдивостью въ сравненіи съ латинскими сочиненіями, гдѣ столько натяжекъ, увертокъ, умалчиваній и недомолвокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столько страстной недобросовѣстности въ спорахъ

Глаза его открывались постепенно, и съ этой минуты честная натура о. Владимира уже не могла вынести дальнѣйшей сдѣлки съ совѣстью. Онъ возмущался всѣмъ, что видѣлъ и понялъ, и оставаться въ общеніи съ тѣми, кого пересталъ уважать, стало для него невозможно. Онъ самъ видѣлъ, какъ на Востокѣ всѣ церкви были обмануты папой. Вмѣсто обѣщанной свободы восточнаго обря-

Библиотека "Руниверс"

да всюду были введены римскія заблужденія, совершеніе литургіи на опрѣснокахъ, служеніе однѣхъ только «тихихъ» обѣденъ, наконецъ насильно вводился грегоріанскій календарь. Всюду православныя общины обнищали.

— Оставаться православнымъ,—говорилъ о. Владимиръ,—въ славянскихъ земляхъ значило итти на мученіе.

Провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости было послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ вѣрѣ о. Владимира въ правоту римскаго престола. Съ этой новой выдумкой онъ окончательно не могъ мириться. Одновременно съ этимъ возобновились гоненія лично на него. Венгерскій министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ епископу перевести Терлецкаго, какъ человѣка опаснаго для государственнаго спокойствія, изъ Красноборскаго монастыря, гдѣ онъ находился, въ какой-нибудь дальній монастырь. Ему былъ указанъ Мукачевскій монастырь. О. Владимиръ безпрекословно повиновался. Но черезъ полгода послѣ того на него снова было донесено, что «монахъ Терлецкій состоитъ агентомъ московскаго общества, получаетъ изъ Россіи сундуки съ книгами для раздачи противъ власти».

Велѣно было произвести строжайшій обыскъ, найденныя книги отослать въ министерство, а его самого заключить въ тюрьму. Въ тюрьмѣ, однако, продержали о. Владимира не долго; онъ былъ довольно скоро выпущенъ на свободу съ приказаніемъ немедленно выѣхать изъ королевства. О. Терлецкій отправилъ министру письмо, полное спокойнаго достоинства, въ которомъ писалъ, что ни въ чемъ не признаетъ себя виновнымъ, что, защищая обрядъ и народность, «признанную правленіемъ» и къ которой принадлежалъ, онъ никогда не проповѣдывалъ противъ государства, въ которомъ нашелъ убѣжище. Теперь же, такъ какъ несправедливо продолжаетъ подвергаться преслѣдованіямъ, онъ предпочитаетъ добровольно отдать себя въ руки правосудія той страны, которую считаетъ своей родиной и противъ которой, по молодости, когда-то былъ дѣйствительно виновенъ. Онъ предпочитаетъ нести заслуженное наказаніе въ Россіи, чѣмъ невинно страдать на чужбинѣ.

Затѣмъ о. Владимиръ подалъ прошеніе на Высочайшее имя, умоляя о дозволеніи возвратиться въ Россію и въ лоно православной церкви, къ вѣрѣ предковъ. Онъ объявлялъ полную покорность и готовность нести наказаніе, «какое будетъ на него возложено».

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Ему было даровано полное прощеніе и дозволено вернуться въ Россію.

— И вотъ,—доканчивалъ о. Владимиръ свой разсказъ со слезами на глазахъ,—заключился кругъ моей жизни, какъ будто кольцо. Въ сентябрѣ 1872 г. я вернулся въ небурное пристанище, въ которомъ наконецъ успокоилась моя душа.

Библиотека "Руниверс"

«Въ самый день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня въ церкви Кіево-Михайловскаго монастыря я отрекся отъ всѣхъ своихъ заблужденій и былъ присоединенъ къ святой православной церкви; тутъ же въ качествѣ православнаго іеромонаха сослужилъ литургію съ преосвященнымъ Порфиріемъ, епископомъ чигиринскимъ».

О. Владиміръ, кончая свой разсказъ каждый разъ съ глубокимъ волненіемъ, какъ будто вновь каялся въ тѣхъ заблужденіяхъ, въ которыя онъ такъ искренно и честно когда-то вѣрилъ и вслѣдствіе которыхъ столько страдалъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ своимъ своеобразнымъ говоромъ:—во мнѣ не было твердаго упованія, я отзывался безпечностью. Я много причинилъ зла, самъ связанъ былъ схоластикой римскаго богословія. Благодареніе Богу, помиловавшему меня! Теперь я до гроба принадлежу той церкви, которая со временъ апостоловъ ничего не прибавила къ своимъ догматамъ, что исповѣдывала вездѣ, всѣ и всегда (quod semper, ubique et ab omnibus creditum fuit). Нельзя поручиться, чтобы римскій папа не выдумалъ и еще много такого, чего никто, нигдѣ и никогда не признавалъ, и не потребовалъ отъ сыновъ своихъ слѣпой и безпрекословной вѣры въ эти выдумки. Теперь я стою, какъ на высокой скалѣ, а на низу вижу свою жизнь, какъ клокочущее море у ногъ моихъ, но скала, на которой стою, незыблема и крѣпка. Эта скала — истинная Христова церковь! Эта скала—истинная Христова церковь, основанная Имъ Самимъ, проповѣданная святыми апостолами, скрѣпленная кровью мучениковъ и неизмѣнная донынѣ.

Е. Л.

Библиотека "Руниверс"

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О НОВОГЕОРГІЕВСКОЙ КРѢПОСТИ.

ГЕРОЙСКИ послуживъ родинѣ, 6 августа пала крѣпость Новогеоргіевскъ Варшавской губерніи. Доблестные защитники ея, сдѣлавъ все, что при условіяхъ, въ какихъ они находились, было въ силахъ человѣческихъ, легли ранеными и убитыми; уцѣлѣвшіе томятся въ плѣну.

Вся Россія мучительно переживала эту тяжелую утрату въ то время, когда военныя наши неудачи несли ударъ за ударомъ, одинъ другого тяжелѣе, неожиданнѣе; когда геройство чередовалось съ предательствомъ, съ измѣной кругомъ.

Не скоро мы узнаемъ, что пережито крѣпостью за годъ войны; что видѣла и встрѣчала она кругомъ себя тогда. Но, быть можетъ, не лишено интереса вспомнить теперь объ одномъ крупномъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ, какъ проявлялась въ прошломъ забота объ охранѣ этой крѣпости отъ возможнаго предательства сосѣдями; какъ характерно въ немъ сказались два грѣха, дающіе съ такой поразительной силой чувствовать себя теперь Россіи: ослѣпленіе властей довѣріемъ къ нѣмцамъ и неумѣніе распознать, кто намъ врагъ, кто помощникъ.

Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія императоръ Николай I, въ заботахъ о лучшей охранѣ крѣпости Новогеоргіевскъ (раньше Модлинъ) задумалъ переселеніе туда коренныхъ русскихъ крестьянъ изъ Псковской губерніи

Переселено около 60 семей, въ составѣ болѣе 250 крестьянскихъ душъ. Онѣ должны были составить кольцо русскихъ поселеній

Библиотека "Руниверс"

вокругъ крѣпости, предохранивъ ее отъ сосѣдства съ мѣстнымъ польскимъ населеніемъ, считавшимся, особенно послѣ недавняго еще тогда возстанія, не заслуживающимъ довѣрія въ его отношеніи къ Россіи.

Псковичей-переселенцевъ обильно надѣлили землей; на нихъ широко направлены были заботы и попеченія правительства.

Чувствуя свое привилегированное положеніе, получивъ сравнительно ничтожной цѣной эти привилегіи и права имущественныя, переселенцы, со своей стороны, не проявляли ни въ чемъ усилій использовать свое благополучіе съ наибольшей пользой не только для края, но даже для самихъ себя, хотя условія для того были крайне благопріятны, благодаря близости крѣпости, которая на мѣстѣ очень выгодно скупала всѣ плоды сельскаго хозяйства и прекрасно оплачивала труды работающихъ въ ней. Лѣниво и примитивно вели они свои хозяйства, не проявивъ ни въ чемъ даже попытокъ подняться до сельскохозяйственной культуры, и тогда стоявшей здѣсь много выше, чѣмъ въ родной Псковской губерніи.

19 февраля 1864 года послѣдовало освобожденіе крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, съ надѣленіемъ ихъ землей. На земли, полученныя псковичами, распространены были всѣ права и обязательства, предоставленныя по закону землямъ надѣльнымъ, въ Польшѣ названнымъ «указными».

Именно эти права и послужили позднѣе источникомъ многихъ хлопотъ для властей, потерь и лишеній для крестьянъ, грозя, вѣроятно, не малыми смутами, если бы дѣло ни получило неожиданнаго разрѣшенія въ періодъ, когда во главѣ высшаго управленія царствомъ Польскимъ стоялъ генералъ-губернаторъ князь Имеретинскій, человѣкъ вообще доброжелательный и, видимо, желавшій глубже вникнуть въ смыслъ русско-польскихъ отношеній для яснѣйшаго уясненія, что нужно для взаимнаго благополучія двухъ родственныхъ народовъ.

Изъ всѣхъ правъ, распространенныхъ на земли указныя, большинство переселенцевъ-псковичей воспользовались однимъ: они поспѣшили продать съ большой выгодой дешево доставшіяся владѣнія лицамъ, по закону имѣющимъ право покупать указныя земли— мѣстнымъ крестьянамъ, безъ различія народности и вѣроисповѣданія. Продажа эта оформлялась нотаріальными, строго-законными актами.

Конечно, такой оборотъ благодѣяній, оказанныхъ псковичамъ, не могъ остаться не замѣченнымъ. Жертвы, оказавшіяся принесенными безрезультатно, и попрежнему сохраняемое мѣстными властями опасеніе имѣть сосѣдями съ крѣпостью поляковъ явились причиной новыхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для возвращенія къ условіямъ, при которыхъ переселялись псковичи.

Въ 1875 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы

Библиотека "Руниверс"

земли, купленныя подъ Новогеоргіевской крѣпостью отъ русскихъ переселенцевъ лицами другихъ народностей, въ теченіе 20 лѣтъ были обязательно перепроданы—лицамъ православнаго вѣроисповѣданія.

Наступилъ 1895 годъ, то есть кончился срокъ, данный для добровольной перепродажи иновѣрцами ихъ владѣній, подлежащихъ отчужденію. Многимъ удалось сравнительно благополучно ликвидировать свои хозяйства, но 22 усадьбы остались въ рукахъ купившихъ ихъ отъ псковичей, а именно: 21 принадлежали крестьянамъ-католикамъ, 1—лютеранину. Не удалась ихъ продажа, ибо православные, пользуясь своимъ исключительнымъ правомъ покупки, давали слишкомъ ужъ ничтожную цѣну.

Бѣда повисла надъ владѣльцами этихъ усадебъ. Они обратились съ прошеніями о сохраненіи за ними законно пріобрѣтенныхъ земель, указывая на разореніе, которое имъ неминуемо грозитъ, если привилегированными покупщиками явятся только православные, что не можетъ не уронить цѣнъ. Но въ то же время и эта категорія лицъ, преимущественно изъ рабочихъ на мѣстныхъ желѣзныхъ дорогахъ или служившихъ въ Новогеоргіевской крѣпости, желая использовать свои привилегіи, не упустили случая ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы имъ была оказана помощь въ покупкѣ тѣхъ усадебъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и при самыхъ дешевыхъ цѣнахъ.

Ясно, что стремленія двухъ этихъ категорій являлись исключающими одно другое, ибо спасеніе отъ разоренія настоящихъ собственниковъ лишало претендентовъ на ихъ земли возможности, если не обогатиться, то все же льготно и выгодно устроиться.

20 лѣтъ, прошедшія со времени Высочайшаго повелѣнія объ отчужденіи земель изъ рукъ неправославныхъ, періодъ настолько значительный, что могли сдѣлаться совсѣмъ иными условія, вызвавшія такую мѣру. То, что считалось подозрительнымъ, даже опаснымъ вскорѣ послѣ возстанія 1831 года, могло за 20 лѣтъ въ корнѣ измѣниться. Указанныя выше ходатайства, связанныя съ предстоящей продажей земель, вызвали многочисленныя справки и разслѣдованія. На сей разъ всѣ мѣстные органы администраціи, начиная съ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, какъ ближайшаго опекуна крестьянъ, до войта (волостной старшина) включительно, вполнѣ единодушно отозвались о всѣхъ владѣльцахъ намѣченныхъ усадебъ, какъ объ элементѣ крайне спокойномъ, чуждомъ какой-либо враждебности къ русскимъ, какъ о трудолюбивыхъ и умѣлыхъ земледѣльцахъ. Съ другой стороны, претенденты на эти усадьбы изъ православныхъ въ громадномъ большинствѣ оказались людьми не причастными къ сельскому хозяйству—ремесленниками или техниками, рабочими при желѣзной дорогѣ или на фабрикахъ, не чуждыми всѣхъ особенностей фабричнаго люда

Библиотека "Руниверс"

Результатомъ всѣхъ этихъ просьбъ и обслѣдованій явилось рѣшеніе правительства произвести продажу 22 усадебъ путемъ публичныхъ торговъ, на которыхъ могли бы выступить лишь православные.

Чтобы хоть сколько-нибудь приблизить продажу къ дѣйствительной стоимости земель и не допустить ихъ до полнаго обезцѣненія, а владѣльцевъ до полнаго разоренія, министръ финансовъ— тогда С. Ю. Витте—предписалъ варшавскому отдѣленію крестьянскаго поземельнаго банка произвести оцѣнку этихъ усадебъ, чтобы дать затѣмъ возможность банку выступить на предстоящіе торги въ качествѣ покупщика до опредѣленной цѣны.

Заранѣе можно было сказать, что задача эта будетъ трудной во всѣхъ отношеніяхъ, что дѣйствительность и подтвердила.

Уже слухи объ оцѣнкѣ земли вызвали тревогу у крестьянъ, не умѣвшихъ, конечно, разобраться во всѣхъ формальностяхъ и видѣвшихъ въ самомъ осмотрѣ усадебъ начало ихъ отчужденія.

Приходилось предварительно вызвать крестьянъ въ Варшаву, чтобы разъяснить цѣль выступленія банка на торги; только тогда уменьшились ихъ тревоги и совершенно устранены были полицейскія предосторожности при выѣздѣ на мѣсто представителя банка. Съ другой стороны, и этотъ представитель не могъ ни сознавать, какъ мало примѣнимы оцѣночные пріемы банка къ усадьбамъ вполнѣ оборудованнымъ, хорошо обслуживаемымъ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ сбыта всѣхъ продуктовъ хозяйства на мѣстѣ въ крѣпости.

Банковская работа въ этомъ дѣлѣ выпала на меня и крайне меня заинтересовала. Чѣмъ дальше шла она, тѣмъ ярче сказывалась непримиримость интересовъ крестьянъ и правилъ банковской оцѣнки земель.

Отчуждаемыя усадьбы расположены въ 8 деревняхъ, на значительномъ разстояніи одна отъ другой, причемъ ближайшая изъ усадебъ въ трехъ верстахъ отъ крѣпости Новогеоргіевска.

Тщательно осмотрѣны были земли каждаго изъ этихъ владѣній; включены въ оцѣнку всѣ постройки на нихъ. Только отъ одной изъ усадебъ, при троекратныхъ попыткахъ осмотрѣть ее, мѣстный войтъ изъ помѣщиковъ путемъ разныхъ ухищреній, какъ бы незамѣтно старался отклонить меня. По всей обстановкѣ, по переглядываніямъ сопровождавшихъ меня усадебниковъ, по серьезности войта я видѣлъ, что есть какая-то серьезная помѣха для моего посѣщенія деревни съ одной изъ отчуждаемыхъ усадебъ. Рѣшилъ отложить этотъ осмотръ до слѣдующаго дня, въ надеждѣ убѣдиться до тѣхъ поръ, въ чемъ собственно дѣло.

Дѣйствительно, я узналъ, что наиболѣе рѣшительный и озлобленный изъ тѣхъ, кому грозило разореніе, крестьянинъ, неспособный распознать тонкости процедуры отчужденія его владѣнія,

Библиотека "Руниверс"

видя въ моемъ лицѣ разорителя своего, рѣшилъ отомстить за себя и стоялъ у воротъ своей усадьбы съ ломомъ, чтобы тутъ же покончить съ тѣмъ, кого считалъ виновникомъ своего разоренія. Оттого-то волновался войтъ и угрюмы были остальные крестьяне.

На иного характера, но не менѣе тяжелую по существу картину пришлось натолкнуться въ деревнѣ Щеперна, гдѣ располагалось восемь отчуждаемыхъ участковъ,—по виду совершенно русскаго характера, рѣзко отличавшейся отъ деревень польскихъ. Тутъ, во главѣ остальныхъ, встрѣтили меня два дряхлыхъ старика—одинъ семидесяти двухъ, другой семидесяти трехъ лѣтъ—братья Смѣшные, земли коихъ, какъ католиковъ, тоже подлежали отчужденію. Грудь каждаго изъ нихъ была увѣшена многими военными медалями. Крайне взволнованные, подавленные перспективой выселенія, они встрѣтили меня вопросомъ на правильномъ русскомъ языкѣ: «А насъ за что же хотите разорять? Вѣдь мы продѣлали съ русскими такіе-то и такіе-то походы; вѣрно служили царю и Россіи?» Признаюсь, очень тяжело было видѣть слезы стариковъ, глубоко убѣжденныхъ въ несправедливости отнятія у нихъ усадебъ, въ которыя они такъ долго, много и умѣло вкладывали труды своихъ семей.

Разумѣется, имъ было объяснено, что если банкъ выступитъ на торги, то лишь въ ихъ интересахъ, для предохраненія земли отъ полнаго обезцѣненія; что не разорять ихъ, а спасать будетъ банкъ.

Я привелъ рѣзкія проявленія, но душевное состояніе всѣхъ крестьянъ, хотя и остававшихся корректными, спокойными, было, видимо, удрученное.

Въ концѣ концовъ, строго держась банковскихъ правилъ, пришлось всѣ 22 усадьбы оцѣнить въ 58000 рублей. По соблюденіи всѣхъ формальностей требованіе министра было исполнено и заключеніе отдѣленія банка объ этой оцѣнкѣ было представлено на усмотрѣніе центральнаго управленія.

Исполнивъ точно предписаніе министра, я нравственно не счелъ себя въ правѣ умолчать о своемъ личномъ мнѣніи, составившемся на основаніи всего видѣннаго и слышаннаго при осмотрѣ земель. Я обратился поэтому съ докладомъ къ управляющему Крестьянскимъ банкомъ свѣтлѣйшему князю Ливену, человѣку отзывчивому справедливому, всегда серьезно вникавшему въ существо дѣла по представляемымъ ему даннымъ и затѣмъ твердо отстаивавшему сложившееся у него убѣжденіе.

Я указалъ на весьма благопріятный отзывъ всей мѣстной администраціи о владѣльцахъ продаваемыхъ усадебъ, спокойныхъ, трудолюбивыхъ, ни въ чемъ не отдѣлявшихъ себя отъ русскихъ, что уже давало право видѣть въ нихъ случайныя жертвы былой подозрительности. Указывалъ на то, что, во имя справедливости, если продажа должна быть произведена, то во всякомъ случаѣ не по

Библиотека "Руниверс"

банковской оцѣнкѣ, имѣющей свои задачи, а по правиламъ отчужденія для государственныхъ надобностей. Тогда бы и картина, и результаты оказались иными. Я приводилъ примѣръ: тамъ, гдѣ мнѣ приходилось оцѣнивать моргъ (1230 кв. с.) не дороже 75 рублей, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отчуждены подъ нужды (пороховые погреба) крѣпости 4 морга по 400 рублей. Половина такой оцѣнки измѣнила бы все положеніе: владѣльцы не считали бы себя разоряемыми по непонятнымъ для нихъ причинамъ; не росло бы недовольство среди ихъ; не вызывало бы оно отклика и далѣе. А примѣненіе правилъ принудительной оцѣнки тутъ являлось бы вполнѣ основательнымъ, ибо владѣніе было пріобрѣтено строго законно, и отчужденіе его мотивировалось государственной надобностью охраны крѣпости отъ признанныхъ нежелательными сосѣдствъ. Этимъ вызывались, конечно, усиленные расходы, но, какъ думается, вопросъ являлся настолько важнымъ, что выдача подъ землю 58000 рублей или хотя втрое больше не могла имѣть для государства рѣшающаго значенія.

Была, однако, полная возможность избѣжать такого расхода: это путь милосердія—исходатайствованіе Высочайшаго повелѣнія объ оставленіи за ихъ настоящими владѣльцами усадебъ, которыя не по ихъ винѣ не перепроданы православнымъ, за владѣльцами, безопасность и трудолюбіе которыхъ удостовѣрены мѣстной властью, среди которыхъ оказывались и такіе слуги отечества, какъ увѣшенные медалями за боевыя отличія старики братья Смѣшные. Не могъ я также не указать, что ближайшая изъ отчуждаемыхъ усадебъ отстоитъ на три версты отъ крѣпости, тогда какъ по прямой къ ней линіи, но лишь въ одной верстѣ отъ крѣпости, расположена большая нѣмецкая колонія Модлинъ. Мнѣ казалось, что опасность такой деревни при крѣпости, куда колонисты имѣли не только доступъ, но и вели постоянныя поставки хотя бы только сельскихъ продуктовъ, являлась во всякомъ случаѣ уже несравненно большей, чѣмъ отъ 22 разбросанныхъ порознь усадебъ, въ значительномъ отдаленіи, даже если бы мѣстная администрація и не такъ единодушно удостовѣряла благонадежность ихъ владѣльцевъ. Очевидно, только крѣпкая вѣра въ нѣмцевъ, какъ въ нашихъ друзей, спасала земли этихъ «неправославныхъ» отъ распространенія на нихъ требованія объ отчужденіи.

Князь Ливенъ, ознакомясь съ деталями доклада, призналъ вполнѣ возможнымъ согласиться съ его доводами и предлагаемыми мѣрами. Соотвѣтствующія представленія удостоились со стороны министра финансовъ С. Ю. Витте принципіальнаго согласія поддержать владѣльцевъ отчуждаемыхъ усадебъ, но въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ тогдашній руководитель его (Бороздовъ), принципіально тоже находя такую поддержку желательной, высказался, однако, подъ самымъ формальнымъ предлогомъ противъ измѣненія намѣченной ликвидаціи этихъ хозяйствъ.

Библиотека "Руниверс"

Вынужденный начать свои ходатайства черезъ центральныя учрежденія, я уже лишенъ былъ возможности обратиться съ тѣмъ же къ высшей мѣстной власти. Съ тяжелымъ чувствомъ долженъ былъ подчиниться необходимости увидѣть, какъ совершается несправедливость, вызванная недовѣріемъ къ полякамъ, при полномъ довѣріи къ нѣмцамъ.

Все чаще и чаще обращались ко мнѣ тѣ, кому грозило лишеніе собственности. Безсильный помочь имъ, я былъ обрадованъ встрѣчей съ мѣстнымъ священникомъ изъ-подъ Новогеоргіевска. Онъ, оказывается, написалъ первое прошеніе русскимъ о предоставленіи имъ отчуждаемыхъ усадебъ на льготныхъ условіяхъ, безъ торговъ. Сдѣлалъ это, не зная всѣхъ деталей дѣла, тѣхъ лишеній и опасностей, къ которымъ оно вело. Теперь, когда въ виду близости опасности своего разоренія крестьяне-поляки идутъ къ нему съ вопросомъ: «Куда, батюшка, намъ броситься—въ Бугъ или въ Наревъ?» (при сліяніи этихъ рѣкъ расположена крѣпость Новогеоргіевскъ),—теперь онъ понимаетъ и ужасъ ихъ, и даже личную свою опасность отъ мести обиженныхъ. Явился онъ, чтобы получить разъясненія и попытаться найти путь къ помощи потерпѣвшимъ. Радъ былъ я этому посѣщенію, какъ возможности освѣтить сложившееся положеніе передъ высшей мѣстной властью. Поэтому посовѣтовалъ батюшкѣ обратиться непосредственно къ генералъ-губернатору свѣтлѣйшему князю Имеретинскому, разсказавъ то, къ чему онъ былъ лично причастенъ; детальныя же объясненія генералъ-губернаторъ могъ всегда затребовать отъ соотвѣтствующихъ вѣдомствъ. Я указалъ, какую пользу можетъ этимъ оказать батюшка, снявъ съ себя тревоги; санъ же его гарантировалъ ему не только пріемъ у всѣмъ доступнаго князя Имеретинскаго, но, вѣроятно, и живое участіе къ поднятому вопросу. Несмотря, однако, на бодрое сразу рѣшеніе послѣдовать такому совѣту, батюшка затѣмъ убоялся предстать передъ начальникомъ края.

Но совершенно неожиданный случай помогъ все же ознакомленію князя Имеретинскаго съ этимъ дѣломъ.

Вызванный къ нему по совершенно другимъ вопросамъ, я въ разговорѣ могъ коснуться и столь волновавшаго меня крѣпостного дѣла. Для генералъ-губернатора оно явилось совершенной новостью, какъ задолго до него начатое и затѣмъ шедшее уже въ центральныхъ учрежденіяхъ. По мѣрѣ ознакомленія съ положеніемъ князь Имеретинскій, видимо, заинтересовывался этимъ вопросомъ. Ему также были ясны тѣ нежелательность и вредъ для престижа русской власти въ краѣ, которые могъ бы имѣть исходъ торговъ при сложившихся условіяхъ и преимуществахъ, оказываемыхъ дальнимъ наслѣдникамъ первоначальныхъ русскихъ владѣльцевъ. Вѣдь частный случай будетъ съ убѣдительностью обобщенъ мѣстной и особенно заграничной печатью и, выставленный враждебнымъ

Библиотека "Руниверс"

по отношенію къ полякамъ, несомнѣнно, вызоветъ большое озлобленіе въ польскомъ обществѣ и лишнее обостреніе русско-польскихъ отношеній.

Разносторонне освѣдомясь о томъ, что сдѣлано мной послѣ оцѣнки для выясненія дальнѣйшихъ вопросовъ и о послѣдовавшемъ затѣмъ рѣшеніи центральнаго управленія осуществить отчужденіе усадебъ путемъ публичныхъ торговъ, князь Имеретинскій призналъ желательнымъ и со своей стороны освѣтить это дѣло. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи поручены были помощнику генералъ-губернатора И. Г. Подгородникову, къ которому меня и направили. Сначала встрѣтилъ меня этотъ сухой, типичный чиновникъ, отлично, впрочемъ, знавшій край и мѣстныя условія, весьма холодно, какъ виновника какого-то новаго безпокойнаго вопроса. Но по мѣрѣ того, какъ я ознакомлялъ его со всѣми дѣйствительно удивительными распоряженіями и заключеніями по такому, казалось бы, простому и ясному дѣлу, Подгородниковъ, видимо, заинтересовывался. Послѣ подробнѣйшаго моего доклада, мнѣ было сказано, что взглядъ свой на дѣло отчужденія земель 22 усадебниковъ генералъ-губернаторъ изложитъ въ обычномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, ежегодно представляемомъ о ввѣренномъ его управленію краѣ. Дальнѣйшее уже зависѣло отъ того, что угодно будетъ повелѣть Государю Императору.

До конца года ждать приходилось довольно долго. Своимъ порядкомъ шли приготовленія къ намѣченнымъ торгамъ, но самые торги не назначались, такъ какъ предпочтительное право покупки было предоставлено наслѣдникамъ бывшихъ владѣльцевъ, которые оказались чрезвычайно разбросанными, а потому и розыскъ ихъ требовалъ долгаго времени.

Дѣйствительно, изъ разныхъ мѣстъ, далекихъ отъ Польши, начали поступать устные и письменные запросы объ отчуждаемыхъ усадьбахъ. Насколько далеки были наслѣдники отъ обстановки и дѣятельности своихъ предковъ, можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что въ числѣ претендентовъ пріѣзжала осматривать усадьбы даже изъ Томска жена профессора, свѣтская, богатая дама, желавшая получить одну изъ усадебъ въ деревнѣ Щеперна, удобную ей какъ дача. Аппетиты разыгрывались особенно съ ростомъ ходатайствъ о льготахъ «наслѣдникамъ», доходившихъ даже до того, чтобы цѣны назначены были тѣ же, за которыя земли были пріобрѣтены отъ первоначальныхъ владѣльцевъ-псковичей 30—40 лѣтъ тому назадъ. Тяжело думать, что вышло бы при удовлетвореніи такихъ вожделѣній. Всѣ заинтересованные ждали результатовъ съ большимъ волненіемъ.

Но лѣтомъ слѣдующаго года послѣдовало распубликованіе Высочайше утвержденнаго постановленія комитета министровъ объ оставленіи всѣхъ 22 усадебъ за ихъ законными владѣльцами, явив-

Библиотека "Руниверс"

шагося слѣдствіемъ резолюціи государя на всеподданнѣйшемъ отчетѣ князя Имеретинскаго.

Несправедливая и, навѣрно, богатая тяжелыми послѣдствіями продажа земель къ общему благополучію не состоялась.

Горячи и трогательны были молитвы, вознесенныя въ особыхъ богослуженіяхъ спасенными отъ разоренія усадебниками за Государя и тѣхъ, кто освѣтилъ передъ нимъ это дѣло.

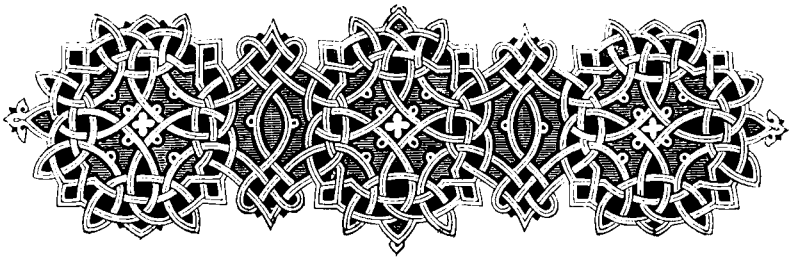
Съ тѣхъ поръ, какъ проявлена была эта царская милость, минуло уже 15 лѣтъ. Въ послѣдніе годы, когда ярко сталъ давать себя чувствовать, особенно на окраинахъ, порой узкій націонализмъ, снова какъ-будто собирались поднять тотъ же вопросъ объ отчужденіи изъ владѣнія неправославными ихъ земель.

Теперь, когда страшныя событія грандіозной войны всѣмъ и плохо зрячимъ открыли глаза на правду; когда рядомъ съ нами, рука объ руку, какъ братья, дрались, терпѣли и страдали поляки; когда разорена вся Польша; когда шпіонство и измѣна Россіи проявились какъ общее свойство нѣмецкихъ колонистовъ,—теперь едва ли кто усомнится, что было опаснѣе для Новогеоргіевской крѣпости: нѣмецкая ли колонія Модлинъ въ одной верстѣ отъ нея и въ постоянномъ общеніи съ нею, или 22 польскія крестьянскія усадьбы, разбросанныя значительно дальше, въ 8 разныхъ деревняхъ. Теперь едва ли найдутся сомнѣвающіеся, кто нашъ врагъ, кто помощникъ: нѣмецъ ли, которому власти вѣрили, или полякъ, въ комъ они сомнѣвались?

До послѣднихъ ли дней благоденствовала нѣмецкая деревня Модлинъ, я не знаю; но теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, радуюсь, что хоть одна ошибка въ русско-польскихъ отношеніяхъ предотвращена подъ стѣнами Новогеоргіевской крѣпости. Глубоко вѣрю, что тогда только эти отношенія могутъ быть истинно хорошими и обоюдно полезными, когда подозрительность смѣнится въ нихъ взаимнымъ довѣріемъ,—что будетъ наилучшей защитой обоимъ народамъ отъ ихъ враговъ, отъ враговъ славянства.

А. Б.

Библиотека "Руниверс"



НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ.

(Посвящается памяти П. А. Столыпина).

Русскій человѣкъ, какъ это ни странно, признаетъ почти единственнымъ виновникомъ общественныхъ и государственныхъ золъ правительство, т. е. государственныхъ людей. Говоря это, я имѣю въ виду не одну оппозицію. Врядъ ли кто сильнѣе громилъ представителей власти, чѣмъ въ свое время Катковъ, да и въ настоящее время консерваторы ихъ не щадятъ. Объ оппозиціи и говорить нечего: политическое ея міросозерцаніе сводится главнымъ образомъ къ мысли, что стоитъ только замѣнить находящихся у власти людей другими (лучше всего ихъ антиподами), и россійскій адъ сразу превратится въ россійскій рай.

Однако замѣна однихъ государственныхъ людей другими всегда имѣетъ одинъ и тотъ же результатъ: какъ только человѣкъ оказывается у власти, онъ теряетъ у общества кредитъ. Александръ II оказался въ концѣ концовъ менѣе популярнымъ, чѣмъ Николай I: никто не покушался на жизнь второго, а перваго убили. Но одинаково сочувствовать или не сочувствовать Николаю I и Александру II, Толстому и Валуеву, Лорисъ-Меликову и Побѣдоносцеву, т. е. представителямъ прямо противоположныхъ началъ, значитъ имѣть крайне сбивчивыя политическія понятія или, вѣрнѣе говоря, вовсе ихъ не имѣть. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ радоваться уходу Плеве и оправдывать уличные безпорядки при Святополкъ-Мирскомъ, нельзя, такъ сказать, сваливать всѣхъ государственныхъ людей въ одну кучу.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ, встрѣчаются попытки распредѣлить русскихъ государственныхъ людей по категоріямъ и выяснить ихъ относительные недостатки и достоинства. Къ сожалѣнію, попытки эти весьма рѣдки. Но одна изъ нихъ принадлежитъ такому компетентному судьѣ, какъ покойный Побѣдоносцевъ. Ему и книги въ руки.

I.

Въ своемъ этюдѣ «Характеры» Побѣдоносцевъ знакомитъ читателей съ типами русскихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Только одна глава этого этюда посвящена другому предмету, именно сопоставленію куртизанки съ великосвѣтской дамой, причемъ авторъ отдаетъ предпочтеніе первой приблизительно такъ, какъ Некрасовъ предпочитаетъ «убогую» «нарядной».

Среди общественныхъ и государственныхъ дѣятелей Побѣдоносцевъ на первомъ мѣстѣ ставитъ Никандра. Никандръ уже въ училищѣ подаетъ большія надежды. Начальство отъ него въ восторгѣ и пророчитъ ему блестящую будущность. И дѣйствительно, Никандръ быстро повышается по лѣстницѣ служебной іерархіи, достигая виднаго положенія въ государствѣ. Чему же онъ обязанъ своею карьерою? «Всѣ инстинкты Никандра направлены къ изглаженію неровности въ характерахъ, ощущеніяхъ, мнѣніяхъ, къ погашенію всякаго пререканія, къ водворенію согласія и спокойствія повсюду. Онъ тревожится уже, когда разсужденіе начинаетъ проникать въ глубь предмета, когда оно пытается свести отдѣльные вопросы къ общему началу, добраться до основной идеи. Никандръ всѣмъ пріятенъ, всѣхъ удовлетворяетъ. Онъ умѣетъ понять вопросы времени, потребности среды. Но бѣда, что вопросы эти мелкіе, потребности немудреныя. Все-таки онъ—великій человѣкъ и, увы, отчасти представитель великихъ дѣятелей нашего времени». Резюмируя мысль автора, можно сказать, что Никандръ—эгоистъ, думающій только о карьерѣ. Холодный, расчетливый, онъ умѣетъ сглаживать всѣ шероховатости и устраивать дѣла къ общему удовольствію своего начальства и своихъ товарищей по службѣ. Поэтому всѣ имъ дорожатъ, и онъ поднимается все выше и выше.

Другой типъ это—типъ талантливаго актера. Его «способности» развиваются въ «художественную» сторону. Онъ дѣйствуетъ на толпу. Впечатлительный, даже страстный въ своемъ словоизверженіи, онъ «вдохновляется всякой средой, въ которую случайно попадаетъ,—быть проповѣдникомъ и пѣвцомъ всякой идеи, какую въ этой средѣ зацѣпилъ, и какая имѣетъ въ ней ходъ». Въ собраніяхъ онъ возбуждаетъ однихъ паѳосомъ, запугиваетъ другихъ ироніей и овладѣваетъ полемъ. Для людей логическихъ борьба съ нимъ очень затрудни-

Библиотека "Руниверс"

тельна. Этотъ типъ художественный пользуется, однако, своимъ дарованіемъ также только для карьеры.

Третій типъ это—типъ государственнаго человѣка, дорожащаго каждой минутой. Время—деньги; время ему очень дорого. «Но если присмотрѣться ближе, на что у него идутъ минуты и часы, приходится только подивиться, изъ-за чего онъ хлопочетъ, изъ-за чего отрѣзываетъ себя отъ жизни, отъ людей, отъ живой дѣйствительности и сидитъ, подобно Гарпагону, надъ своимъ сокровищемъ».

Наконецъ четвертый типъ это—типъ человѣка, стремящагося къ государственной дѣятельности, не имѣя о ней никакого понятія. «Пустыя рѣчи его звучатъ въ собраніи подобныхъ ему слушателей, проекты его проходятъ безъ всякой критики и возбуждаютъ еще иногда удивленіе вмѣсто смѣха, передъ нимъ раскрываетъ ровныя свои ступени та желанная лѣстница, по которой восходятъ окрыленные фразой новѣйшіе дѣятели»...

Если подвести итогъ всѣмъ этимъ типамъ, то мы получимъ эгоистовъ, карьеристовъ, пустыхъ людей, хотя иногда и не лишенныхъ дарованія. Быть можетъ, не безъ умысла авторъ включилъ въ эту галерею портреты куртизанки и великосвѣтской Месалины. Очевидно, онъ отводитъ имъ всѣмъ съ нравственной, а, можетъ быть, и съ утилитарной, точки зрѣнія одинаковое мѣсто. Это—суровый до жестокости приговоръ надъ нашими общественными и государственными дѣятелями.

Но если этотъ приговоръ суровъ, то полнымъ его признать нельзя: очень мѣтко указана одна изъ основныхъ болѣзней нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, да и самого общества: пристрастіе къ фразѣ. Говоруны, фразеры, особенно если они талантливы и дерзки, уже во времена Побѣдоносцева одерживали не мало побѣдъ и въ обществѣ, и въ правительствѣ, а впослѣдствіи фраза стала всесильной. Сколько государственныхъ и общественныхъ дѣятелей имѣютъ въ своемъ распоряженіи у насъ только одно: фразу, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагу, то и дѣло мѣняютъ окраску, поклоняются сегодня тому, что вчера сжигали, проявляя на каждомъ шагу изумительное невѣжество, и тѣмъ не менѣе находятъ себѣ и слушателей, и читателей, и сторонниковъ, и покровителей. И неудивительно! Вѣдь кто эти судьи, эти читатели, сторонники, покровители? Вѣдь они еще переметчивѣе, еще невѣжественнѣе. Это одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ современной нашей общественности и государственности, и Побѣдоносцевъ первый ее отмѣтилъ съ должной силой.

Но жаль, что онъ ограничился одними эгоистами, карьеристами, честолюбцами, фразерами. Конечно, ихъ очень много. Но не отъ нихъ проистекаетъ главный вредъ. Ихъ даже нельзя признать знаменіемъ времени. Эгоисты и карьеристы преобладали всегда и будутъ еще долго преобладать, потому что большинство людей ру-

Библиотека "Руниверс"

ководствуются въ своей дѣятельности себялюбивыми инстинктами. На эпоху налагаютъ свою печать, однако, не они, а люди болѣе или менѣе убѣжденные, искренно стремящіеся къ государственной и общественной пользѣ. Они и составляютъ наиболѣе существенный элементъ нашей общественной и государственной жизни и могутъ быть причислены къ двумъ главнымъ типамъ: къ дѣятелямъ, либо слишкомъ легко переходящимъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ, либо слишкомъ упорно отстаивающимъ такія убѣжденія, которыя находятся въ явномъ противорѣчіи съ выяснившимися требованіями времени.

Остановимся на первомъ типѣ.

II.

Когда съ конца 50-хъ годовъ наше общество приняло болѣе дѣятельное участіе въ общественно-государственной жизни, оно съ большимъ рвеніемъ, дѣлающимъ ему честь, стало стремиться къ тому, чтобы оказаться на высотѣ выпавшей на его долю задачи, и тогда былъ провозглашенъ лозунгъ: «развитіе» (позднѣйшая «интеллигентность» или «сознательность»). Этотъ лозунгъ понимался не въ смыслѣ одной образованности. Надо было непремѣнно усвоить себѣ извѣстные взгляды, и только человѣкъ съ такими именно взглядами признавался развитымъ, интеллигентнымъ, сознательнымъ. Даже несмотря на обширное образованіе, онъ могъ считаться отсталымъ и наоборотъ: выдающійся ученый, напримѣръ, могъ считаться менѣе развитымъ, чѣмъ простой, невѣжественный рабочій (подробная аргументація этой мысли принадлежитъ П. Л. Лаврову). Наша молодежь лихорадочно читала Молешотовъ, Бюхнеровъ, Лассалей, Миллей, Спенсеровъ, Марксовъ и т. д., усваивая ихъ выводы по большей части только механически. Аттестатъ зрѣлости выдавался въ жизни, какъ и въ школѣ, только тѣмъ, кто исправно работалъ памятью; убѣжденія были не чѣмъ-то продуманнымъ, прочувствованнымъ, выстраданнымъ, а усвоеннымъ извнѣ, наноснымъ.

При такихъ условіяхъ переходъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ совершался очень легко. Сегодняшній консерваторъ становился завтра либераломъ и наоборотъ. Даже выдающіеся представители нашей умственной жизни круто переходили отъ однихъ убѣжденій къ діаметрально-противоположнымъ. Такъ было и съ Бѣлинскимъ, и съ Герценомъ, и съ Л. Толстымъ, не говоря о другихъ, менѣе знаменитыхъ писателяхъ, критикахъ, ученыхъ.

Но если свѣтила нашей умственной жизни были такъ неустойчивы, то того же можно было подавно ожидать отъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Тѣ неумѣренныя требованія, которыя ставила школа (средняя и высшая) памяти учащихся въ ущербъ

Библиотека "Руниверс"

развитію другихъ способностей, неизбѣжно приводили къ подрыву физическаго здоровья и къ книжному характеру образованія. Надо ли указывать, что расшатанная нервная система не способствуетъ укрѣпленію воли, необходимой для всякой нормальной дѣятельности, и развиваетъ чрезмѣрную впечатлительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ склонность преувеличивать тѣ и другія явленія, гоняться за призраками и упускать изъ виду существенное. Неустойчивость въ убѣжденіяхъ, чрезмѣрная впечатлительность такимъ образомъ стали у насъ общимъ явленіемъ, и покойный Побѣдоносцевъ съ большою пользою для полноты своего этюда могъ прибавить къ эгоистамъ и карьеристамъ людей искреннихъ, но неустойчивыхъ вслѣдствіе полученнаго ими ненормальнаго воспитанія, не развившаго въ нихъ стойкости мысли, чувства и воли.

На ряду съ этимъ типомъ есть еще другой. Встрѣчаются люди, сохранившіе, несмотря на всю неблагопріятность окружающихъ условій, сильную волю и непреклонность убѣжденій. Къ числу ихъ принадлежалъ и самъ К. П. Побѣдоносцевъ. Ихъ, однако, объединяетъ съ вышеуказаннымъ типомъ книжность взглядовъ и убѣжденій. Наши партіи насчитываютъ много дѣятелей этого рода. Анархисты и ярые консерваторы одинаково признаютъ и принимаютъ во вниманіе запросы жизни лишь постольку, поскольку они подходятъ подъ ихъ теоріи. Они проявляютъ крайнюю нетерпимость къ чужимъ взглядамъ, освѣщая жизнь лишь съ одной стороны, не видя или не желая видѣть другихъ проявленій жизни. Сколько такихъ дѣятелей уже рождала русская жизнь, какой фанатизмъ они обнаруживали и какой вредъ причиняли родинѣ! И что особенно печально: фанатики одного лагеря порождаютъ фанатиковъ противоположнаго лагеря. Подвижникъ разрушенія, признающій лишь новое и отвергающій старое, родитъ подвижника охраненія, признающаго лишь старое и отвергающаго новое. Между этими двумя крайними полюсами колеблется русская общественная и государственная мысль, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, часто предоставленная самой себѣ, плохо изученная, скудно освѣщаемая свѣточемъ истиннаго знанія и болѣе глубокаго пониманія.

III

Но было бы большою несправедливостью утверждать, что типы русскихъ государственныхъ людей исчерпываются вышеуказанными. Ограничиваясь хотя бы двумя минувшими вѣками, XIX и XVIII, мы наталкиваемся еще на одинъ типъ, представителемъ котораго былъ не кто иной, какъ слава нашей исторіи, великій Петръ. Къ нему нельзя подойти съ мѣркой современныхъ нашихъ партій, потому что онъ никакъ не укладывается въ рамки книжныхъ ихъ построеній. Петра нельзя назвать ни славянофиломъ, ни за-

Библиотека "Руниверс"

падникомъ, ни либераломъ, ни консерваторомъ, ни космополитомъ, ни націоналистомъ, ни черносотенцемъ, ни революціонеромъ. Его причислить къ этимъ партіямъ нельзя не только потому, что онѣ тогда не существовали, но и потому, что основа ихъ существованія и дѣятельности не была основою дѣятельности великаго преобразователя, который соединялъ въ своей исполинской фигурѣ всѣ эти партіи и руководствовался совокупностью идей, раздробившихся потомъ на отдѣльныя платформы, изъ которыхъ каждая признается современными партіями единственно-спасительной. Какъ великій царь былъ и «академикъ», и «герой», и «мореплаватель», и «плотникъ», такъ онъ былъ и представитель всѣхъ нашихъ партій. Развѣ онъ меньше дорожилъ славою, могуществомъ, величіемъ Россіи, чѣмъ славянофилы; развѣ онъ меньше восторгался Западомъ, чѣмъ западники; развѣ онъ не былъ воплощеніемъ истиннаго самодержавія; развѣ онъ—послѣдователь ученія Лейбница, сторонникъ коллегіальнаго начала, создатель Сената—не былъ конституціоналистомъ, насколько подобная партія могла существовать на европейскомъ материкѣ до Монтескье; развѣ онъ не училъ иностранцевъ служить Россіи не хуже, чѣмъ они служили бы своему отечеству; развѣ онъ не училъ и русскихъ работать; развѣ онъ не ниспровергалъ уклада старой Руси, и развѣ его нельзя назвать и величайшимъ революціонеромъ, когда-либо рожденнымъ нашей страной?

Да, всѣ позднѣйшія партіи воплотились въ немъ, и въ русской литературѣ создался своего рода культъ Петра. Отъ Кантемира до Пушкина и Бѣлинскаго не было у насъ писателя, который не преклонялся бы передъ великимъ монархомъ, который не воспѣвалъ бы, не славословилъ бы его въ прозѣ и стихахъ. Сомнѣнія въ его выдающемся, исключительномъ значеніи начались только тогда, когда насъ начала заѣдать книжность, когда мы начали забывать, что «зеленѣетъ только древо жизни, а всякая теорія безцвѣтна». Славянофилы, сами воспитанные на теоріяхъ Шеллинга и Гегеля, первые подали въ этомъ отношеніи примѣръ и вступились за старую Россію, хныча: «домой, домой!» и находя, что Петръ былъ недостаточно націоналенъ. За ними послѣдовали западники, находившіе, что Петръ былъ недостаточно западникомъ, а за ними послѣдовали и другія партіи: кто вступался за народъ, кто за самодержавіе, кто за свободу, кто за личность,—словомъ, всякая партія, какъ сверчокъ, знала только свой шестокъ, старалась дискредитировать великаго преобразователя съ точки зрѣнія того, что̀ она видѣла съ своего шестка.

Но Петръ Великій служилъ не консерватизму, не либерализму, не самодержавію, не свободѣ, не революціи. Онъ служилъ чему-то высшему, что̀ объединяетъ всѣ эти лозунги и многое, многое другое,—онъ служилъ Россіи. Для того, чтобы видѣть ее благоденству-

Библиотека "Руниверс"

ющею, могущественною, великою, онъ пожертвовалъ бы чѣмъ угодно, онъ желѣзною рукою подавилъ бы свободу , сдѣлалъ бы самъ какую угодно революцію вплоть до ниспроверженія самодержавія, какъ онъ не задумался пожертвовать роднымъ сыномъ, когда убѣдился, что тотъ стоитъ на пути Россіи къ ея благоденствію и могуществу. Для Петра, какъ впослѣдствіи для Ломоносова, существовала одна только возлюбленная—Россія. Когда онъ, идя на смерть, спасалъ погибавшихъ на Лахтѣ, онъ думалъ не о состраданіи, не о человѣколюбіи, онъ думалъ объ исполненіи долга такъ, какъ долженъ исполнять свой долгъ всякій русскій, служа Россіи. Съ мыслью о Россіи онъ засыпалъ, съ мыслью о Россіи онъ просыпался. Патріотизмъ Петра, на ряду съ его геніемъ, будетъ всегда служить свѣтозарнымъ примѣромъ; называя лучшихъ патріотовъ всѣхъ странъ и временъ, мы будемъ отводить Петру если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ.

Эта любовь Петра къ Россіи заставляла его постоянно думать только о томъ, что̀ ей нужно, какія препятствія надо устранить, чтобы обезпечить ея счастье. Отвлеченные лозунги его не занимали, онъ жилъ для окружающей его дѣйствительности. Чтобы двинуть Россію, нужны были знанія, и Петръ насаждалъ всевозможныя школы вплоть до школы, въ которой русскіе обучались японскому языку. Умъ Петра былъ по преимуществу умъ практическій, и только непосредственные запросы жизни занимали его. Онъ, вѣроятно, никогда не заинтересовался бы ни Голландіей, ни Лейбницемъ, если бы не думалъ, что они могутъ его научить успѣшнѣе служить Россіи. И достигнутые имъ успѣхи изумили и его современниковъ, и позднѣйшія поколѣнія, подобно тому, какъ два вѣка спустя успѣхи, достигнутые Японіей, изумили современниковъ и будутъ служить предметомъ удивленія потомства. Японія, подобно петровской Россіи, устремила все свое вниманіе, всѣ свои способности, всю свою энергію, весь свой патріотизмъ на то, чтобы удовлетворить назрѣвшимъ практическимъ потребностямъ страны, и достигла великаго.

IV.

Никогда еще въ Россіи культурная дѣятельность правительства не проявлялась съ такою силою, какъ при Петрѣ. Онъ выдвинулъ эту дѣятельность на первый планъ, окружилъ ее небывалымъ блескомъ, и Россія, вѣроятно, теперь уже сравнялась бы съ самыми цивилизованными странами, а не шла бы въ ихъ хвостѣ, если бы общество какъ бы вдругъ не ослабѣло, какъ бы не признало эту напряженную работу для себя непосильною. «Надо себѣ полегчить»,— провозгласилъ знаменитый верховникъ, кн. Д. М. Голицынъ, при воцареніи императрицы Анны Іоанновны. Но, благодаря родоначальнику современной нашей литературы Кантемиру и высоко-

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенному іерарху русской церкви Прокоповичу, «себѣ полегчить» нашей аристократіи не удалось. Однако дворянство не унывало, не прерывало своихъ попытокъ свергнуть наложенное на него государственное тягло, и при слабомъ Петрѣ III оно добивается жалованной грамоты, окончательно освобождающей его отъ обязательной службы государству.

Какъ же воспользовалось дворянство дарованной ему свободой? Если бы оно было озабочено культурными успѣхами страны, то прежде всего оно обратило бы вниманіе на своихъ крѣпостныхъ и постаралось бы поднять ихъ культурный уровень. Но такихъ помѣщиковъ оказалось развѣ одинъ на тысячу, остальные были Скотинины, Простаковы съ ихъ Митрофанушками, подарившими насъ впослѣдствіи Маниловыми, Собакевичами, Ноздревыми. Имъ даже въ голову не приходило, что они несутъ извѣстныя обязанности по отношенію къ крестьянамъ, что отъ культурнаго уровня крестьянъ зависитъ благополучіе всей страны: они признавали развѣ то, къ чему ихъ долго желѣзной рукой принуждало правительство, т. е. признавали своею обязанностью прослужить нѣкоторое время государству, но быстро отдѣлывались и отъ этой обязанности, теперь добровольно наложенной на себя, если она не вознаграждалась чинами, орденами, пенсіями и другими наградами. Это были въ государственномъ отношеніи слабые элементы, но они составляли большинство тогдашняго образованнаго русскаго общества.

Меньшинство, однако, сознавало, что у него есть обязанности передъ обществомъ и государствомъ. Распадалось оно, въ свою очередь, на два элемента: наиболѣе значительная часть продолжала дѣло своихъ отцовъ и дѣдовъ, работая вмѣстѣ съ правительствомъ надъ обезпеченіемъ безопасности и благосостоянія отечества. Другой же элементъ вступилъ на путь самостоятельный въ двоякомъ направленіи. Одни сами хорошенько не знали, что̀ дѣлать, къ чему приложить свои иногда недюжинныя силы, томились, изнывали, искали подвиговъ,—отсюда позднѣйшее онѣгинство, печоринство, словомъ, русскій байронизмъ. Другіе рѣшили искать самостоятельно, помимо правительства, путей для обезпеченія страны: правительство, на ихъ взглядъ, слишкомъ медлило. Но и эта часть нашего общества вѣрила, что вся сила въ государственной власти, что двинуть прогрессъ можетъ только она. Вольтеріанство и масонство были двумя сторонами этого общественнаго движенія. Во главѣ его становится Екатерина II, пытающаяся октроировать первую конституцію на европейскомъ материкѣ, и Павелъ I, выступающій въ роли гросмейстера масонскаго ордена и автора указа объ ограниченіи барщины. Масонство, по причинамъ, которыя здѣсь не мѣсто разбирать, оказалось у насъ нежизнеспособнымъ и скоро заглохло даже помимо преслѣдованій со стороны правительства. Но вольтеріанство, т. е. то движеніе, которое коренится во французской философіи XVIII в.

Библиотека "Руниверс"

и нашло себѣ выраженіе въ великой французской революціи, оказалось вполнѣ жизнеспособнымъ и становится въ отрицательномъ или положительномъ направленіи основою дѣятельности или оселкомъ нашихъ правителей, прежде всего Екатерины II, родоначальницы такъ называемаго освободительнаго движенія.

Къ сожалѣнію, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что это движеніе основано на силлогизмѣ съ слѣдующими посылками: человѣкъ по природѣ своей существо доброе и благоразумное; если же онъ на самомъ дѣлѣ не таковъ, то только вслѣдствіе окружающихъ его общественныхъ и политическихъ условій. Слѣдовательно, все дѣло только въ этихъ условіяхъ (Теорія эта ясно формулирована въ XVIII вѣкѣ Ж. Ж. Руссо, нашедшимъ себѣ въ наши дни страстнаго послѣдователя въ лицѣ Л. Толстого). Изъ этой теоріи логически вытекаетъ, что стòитъ только освободить человѣка отъ вредоносныхъ политическихъ и общественныхъ условій,—и мы вернемся къ золотому вѣку: зло исчезнетъ, всякое насиліе прекратится, упразднятся арміи, суды, тюрьмы, и люди будутъ блаженствовать. Само собой, однако, разумѣется, что если указанныя посылки невѣрны, то освободительная теорія дастъ такую трещину, что ее поддерживать будетъ уже трудно.

Екатерина II въ началѣ своего царствованія сильно увлекалась французской философіей XVIII вѣка и положила ее въ основу своихъ реформъ, такъ что и этотъ вѣкъ, какъ и XIX, имѣлъ въ Россіи свои «шестидесятые годы». Императрица носилась съ мыслью объ освобожденіи крестьянъ и о дарованіи интеллигенціи конституціи, но при своемъ остромъ умѣ не могла не убѣдиться сразу, что основная посылка освободительнаго силлогизма невѣрна, что человѣкъ далеко не такое совершенное существо, какъ его изображаютъ энциклопедисты. Сами они (Вольтеръ, Даламберъ, Дидро) предлагали ей такіе законы или реформы, которые вслѣдствіе полнаго незнанія условій реальной русской жизни были не только неосуществимы, но иногда даже вызывали невольную улыбку. Энциклопедисты были остроумными философами-публицистами, но составителями законовъ они оказались плохими, что̀ вполнѣ подтвердила и дальнѣйшая исторія Франціи: освобожденный французскій народъ воочію доказалъ, что если человѣкъ по природѣ своей существо доброе и благоразумное, то онъ на свободѣ творитъ иногда вещи очень злыя и неразумныя. Ужасы великой французской революціи разсѣяли тутъ всякія сомнѣнія. Екатерина это предусмотрѣла, когда увидѣла, что сама себя освободившая личность русскаго крестьянина разрушаетъ плоды многолѣтней культуры и творитъ невообразимые ужасы (бунтъ Емельки Пугачева). Да и созванные ею законодатели, которымъ она поднесла свой Наказъ, оказались въ общемъ, какъ все болѣе выясняется историческою критикою, законодателями, озабоченными не столько государственною поль-

Библиотека "Руниверс"

зою, сколько интересами личными, «роковыми», какъ называлъ Дж. Ст. Милль интересы этого рода, которые сыграли дѣйствительно роковую роль во всѣхъ соціальныхъ и политическихъ переворотахъ и реформахъ.

Какъ бы то ни было, съ Екатерины освободительная идея или ея антитеза: охранительная становятся у насъ прочнымъ достояніемъ государственныхъ людей, а затѣмъ и общества.

Такимъ образомъ, уже XVIII вѣкъ вполнѣ опредѣлилъ тѣ два русла, по которымъ широкимъ потокомъ полилась у насъ политическая мысль и политическая дѣятельность. Но этотъ потокъ неравномѣрно наполняетъ оба русла, и обыкновенно бываетъ такъ, что когда одно русло до береговъ наполнено, другое мелѣетъ и наоборотъ. Или по крайней мѣрѣ можно сказать, что наши государственные люди, вдохновлявшіеся Петромъ, шли робко по стопамъ Екатерины; государственные же люди, вдохновлявшіеся Екатериной, очень склонны были забывать завѣты Петра.

V.

Дѣятельность русскихъ правителей XIX вѣка вся насыщена освободительной идеей въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Екатерина II, какъ выражаются въ наукѣ, сдѣлала школу, имѣла безчисленныхъ послѣдователей, ея традиціи укоренились въ сознаніи государственныхъ людей и достигли широкаго развитія.

А какъ же съ традиціями Петра Великаго? Онѣ, конечно, никогда не упускались изъ виду сколько-нибудь значительными нашими государственными людьми, но какъ будто и въ общественномъ, и въ ихъ собственномъ сознаніи отступили на второй планъ. Сперанскій, какъ авторъ «Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ», хотя его политическіе взгляды крайне неустойчивы и совсѣмъ неоригинальны, пользуется сравнительно болѣе значительной славой, чѣмъ какъ составитель «Свода» и «Полнаго Собранія Законовъ» (труда капитальнаго, безъ котораго ни одному изслѣдователю русской государственности и обойтись нельзя). Его антиподъ, Аракчеевъ, тоже пользуется большою извѣстностью, хотя его государственные взгляды ужъ совершенно ничтожны. Былъ ярый охранитель и умеръ—вотъ и все. Стоитъ только русскому государственному человѣку прикоснуться къ либерализму или консерватизму, и онъ, словно Антей, прикоснувшійся къ землѣ, набирается силъ и, будь онъ даже трижды ничтожествомъ, вдругъ вырастаетъ въ нѣчто значительное, хотя на самомъ дѣлѣ онъ—шаблонъ и больше ничего. Съ другой стороны, какъ бы значителенъ, серьезенъ ни былъ государственный человѣкъ, если онъ не имѣетъ отношенія къ либерализму или консерватизму, онъ какъ-то проходитъ незамѣченнымъ, возбуждаетъ къ себѣ лишь слабый интересъ

Библиотека "Руниверс"

Возьмемъ для примѣра государственнаго дѣятеля, достигшаго того, что первая отечественная война обошлась намъ всего въ 100 миліоновъ, или предложившаго въ 10-хъ годахъ прошлаго столѣтія планъ освобожденія крестьянъ, точка въ точку совпадающій съ схемою освобожденія крестьянъ въ 1861 году, съ тою, однако, разницею, что планъ этого государственнаго человѣка, если бы онъ былъ принятъ, привелъ бы къ отмѣнѣ крѣпостничества одиннадцатью годами раньше и безъ всякихъ экономическихъ потрясеній для помѣщиковъ и крестьянъ, т. е. для государства, или положившаго въ такое время, когда о техническомъ образованіи мало кто думалъ, прочное основаніе нашему техническому образованію, или возстановившаго нашу финансовую систему послѣ ряда большихъ войнъ. Каждая изъ этихъ великихъ заслугъ могла бы обезсмертить его имя, а между тѣмъ большинство читателей съ недоумѣніемъ спроситъ: кто же этотъ чудотворецъ? И если назовешь фамилію этого государственнаго человѣка, они отвѣтятъ: «Въ самомъ дѣлѣ? Не знали»: или, «забыли», словно рѣчь идетъ о какомъ-нибудь наѣздникѣ или каскадной пѣвицѣ. Такіе государственные люди нашего интереса не возбуждаютъ; мы проходимъ мимо нихъ, почти какъ мимо пустого мѣста.

Между тѣмъ достиженіе культурныхъ успѣховъ по меньшей мѣрѣ столь же важно, какъ дальнѣйшее освобожденіе личности. Наши государственные люди это рѣдко сознаютъ, а мы, съ своей стороны, дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы затемнить ихъ сознаніе. Въ общемъ по большей части получается тотъ результатъ, что освободительныя задачи мѣшаютъ культурнымъ и наоборотъ.

Приведу примѣры.

Одна изъ самыхъ насущныхъ культурныхъ задачъ, если не главная, понятно—просвѣщеніе: нѣтъ просвѣщенія—нѣтъ культуры. И дѣйствительно, мы видимъ, что наши государственные люди заботятся о томъ, чтобы двинуть дѣло народнаго образованія. Но сузимъ еще примѣръ и будемъ говорить для большей ясности только о реальной и классической системѣ, столь сильно занимающей и общество, и правительство. Уже при Александрѣ I наблюдается какая-то странная неувѣренность. Только-что установленная учебная программа, всецѣло построенная на удовлетвореніи практическихъ требованій, т.е. реалистическая, внезапно смѣняется противоположной. Этотъ крутой поворотъ вызывается усиленіемъ освободительныхъ стремленій въ обществѣ. Съ тѣхъ поръ такъ и повелось, что успѣхи образованія въ Россіи были обратно пропорціональны освободительнымъ стремленіямъ, когда они исходили отъ самого общества и не встрѣчали сочувствія въ правящихъ кругахъ. Это до такой степени вѣрно, что, какъ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, революціонеры могли дать по своему усмотрѣнію тотъ или другой характеръ нашему гимназическому образованію:

Библиотека "Руниверс"

выстрѣлъ—реальная система летитъ кувыркомъ; опять выстрѣлъ—отъ классической системы остается только мокрое мѣсто; еще выстрѣлъ — возстанавливается классическая система и т. д. Это продолжалось въ теченіе всего XIX вѣка, перешло и на XX. Отсюда ясно видно, что успѣхи народнаго просвѣщенія находятся у насъ въ самой тѣсной зависимости отъ либеральныхъ или консервативныхъ вѣяній. Но кому же, какъ не русскимъ государственнымъ людямъ, представителямъ той власти, которая взяла въ свои руки почти все народное образованіе, слѣдовало заботиться о томъ, чтобы учащаяся молодежь воспитывалась по устойчивымъ началамъ, а не подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ временныхъ вѣяній. Вѣдь самое воспитаніе юношества—дѣло не временное, а вѣчное и должно подлежать твердымъ правиламъ, коренящимся не въ измѣнчивыхъ воззрѣніяхъ государственныхъ людей, а въ неизмѣнной природѣ человѣка. Но государственные наши люди, слѣдуя примѣру общества, постоянно сами забывали, что школа, какъ мѣсто, гдѣ изощряются умственныя способности подрастающаго поколѣнія, т.е. будущихъ гражданъ, и вырабатываются характеры, столь необходимые русскому обществу, должна быть мѣстомъ святымъ и, на ряду съ церковью, стоять въ сторонѣ отъ временныхъ политическихъ вѣяній,—и на самомъ дѣлѣ школа превратилась у насъ въ орудіе борьбы. Казалось бы, что въ странѣ, гдѣ 80 процентовъ населенія все еще безграмотны, всякая школа—цѣнное пріобрѣтеніе для культурныхъ успѣховъ страны, и умѣстно вспомнить апостола Іакова: «всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ». Вѣдь Ломоносовъ и Фонвизинъ обучались грамотѣ у дьячковъ, и всѣ протестантскіе народы первоначально обязаны своею широкою грамотностью пасторамъ и кистерамъ, а у насъ все еще идетъ борьба изъ-за земской и церковно-приходской школы, какъ будто онѣ не могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать рядомъ на пользу родной культуры.

Возьмемъ другой примѣръ, касающійся уже непосредственно самихъ государственныхъ людей и администраторовъ. Они должны быть способны и дѣльны,—на этотъ счетъ, слава Богу, спора нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ умѣніе и знаніе—тѣ признаки, которыми должна была бы опредѣляться пригодность государственнаго человѣка или администратора къ занятію того или другого поста. Но у насъ выработался другой признакъ, который можно назвать благонамѣренностью. Само собою разумѣется, что противникъ или врагъ существующаго правительства не можетъ быть назначенъ его агентомъ, т. е. чиновникомъ, если у него хватаетъ наглости этого добиваться (что̀, впрочемъ, случается у насъ очень часто); но, съ другой стороны, столь же очевидно, что гораздо легче притвориться благонамѣреннымъ и этимъ путемъ проложить себѣ торную дорожку къ чинамъ и наградамъ, чѣмъ быть человѣкомъ способнымъ

Библиотека "Руниверс"

и знающимъ. Даже отрасли администраціи, не имѣющія ничего общаго съ политикою въ собственномъ смыслѣ, т.е. чисто-техническія, наполняются людьми, щеголяющими своими освободительными или охранительными (смотря по времени) тенденціями, но невѣжественными, неспособными и дорожащими успѣхами страны приблизительно, какъ въ евангельскомъ изреченіи извѣстное животное дорожитъ бисеромъ. Нечего и пояснять, какъ это должно невыгодно отражаться на государственной службѣ.

Возьмемъ для убѣдительности еще примѣръ.

Вся наша внѣшняя политика, всѣ наши войны въ теченіе вѣковъ имѣли цѣлью отразить внѣшнихъ враговъ, обезпечить нашу внѣшнюю безопасность. Вспомнимъ печенѣговъ, половцевъ, татаръ, поляковъ, турокъ, шведовъ. Такъ было еще при Екатеринѣ, но уже тутъ во внѣшнюю нашу политику вкрадывается другой элементъ, получающій ясное выраженіе при Павлѣ: этотъ императоръ ведетъ войну не для огражденія внѣшнихъ интересовъ Россіи, а для упроченія тѣхъ началъ, которыя онъ считаетъ единственно спасительными во внутренней своей политикѣ, т. е. противодѣйствующихъ екатерининскимъ освободительнымъ тенденціямъ. Александръ I, побѣдивъ Францію и заручившись преобладающимъ вліяніемъ въ Европѣ, принимаетъ на себя роль покровителя ея народовъ, вершителя ихъ судебъ, охранителя ихъ спокойствія. Этимъ путемъ Россія вовлекается въ международную политику, направленную къ огражденію не реальныхъ интересовъ страны, а отвлеченнаго принципа, находящагося въ прямой связи съ освободительными тенденціями. Роль главы Священнаго, а потомъ трехъ-императорскаго союзовъ, роль оплота охранительныхъ элементовъ противъ революціонныхъ волнъ чрезвычайно соблазняетъ ея государственныхъ людей, вовлекаетъ ихъ въ цѣлый рядъ войнъ и побуждаетъ ихъ слѣдовать указаніямъ вѣнскихъ, а затѣмъ берлинскихъ правителей, которые сами давно уже вступили на путь чисто-реальной политики. Освобождать или мѣшать освобожденію стало, по почину Павла, нашимъ лозунгомъ въ то время, какъ другія государства прибирали все, что плохо лежало. Такъ на долю Россіи выпала роль рыцаря печальнаго образа, лѣзшаго въ драку по подговору мнимыхъ друзей и постоянно проигрывавшаго тамъ, гдѣ другіе выигрывали. Вспомнимъ хотя бы только Бисмарка, этого, по увѣренію Каткова (и его ли одного?), лучшаго нашего друга. Тройственный союзъ (Германія-Австрія-Италія) давно былъ имъ уже заключенъ противъ насъ (въ 1879г.), а онъ насъ продолжалъ увѣрять въ солидарности интересовъ Россіи и Германіи, пока наконецъ правитель, умѣвшій иногда вдохновляться традиціями Петра и возвыситься надъ освободительной и охранительной политикой, не заявилъ ему твердо, что Россію обманываютъ, что Германія сама рѣшительно нарушила солидарность интересовъ

Библиотека "Руниверс"

трехъ имперій, пока наконецъ этотъ «самодержавный» правитель не протянулъ первый руку «республиканской» Франціи, указавъ, этимъ, что внѣшняя политика Россіи не должна имѣть ничего общаго ни съ освободительными, ни съ охранительными началами, а должна быть всецѣло направлена къ огражденію реальныхъ интересовъ Россіи.

Свобода—вещь великая, вещь святая, но она сама по себѣ уже и въ частной, а подавно въ общественной и государственной жизни—понятіе безразличное: можно воспользоваться ею для добра и зла, для пользы и вреда. Не даромъ знаменитая республиканка передъ казнью воскликнула: «Oh liberté, que de crimes on commet en ton nom!» Дайте свободу Наполеону—и онъ зальетъ міръ кровью; дайте свободу Сократу,—и онъ облагородитъ человѣчество. Была ли свободна Эллада, былъ ли свободенъ Римъ? Греческіе и римскіе граждане превратили остальное населеніе въ рабовъ (въ Спартѣ одинъ свободный гражданинъ приходился на 25 рабовъ, въ Аѳинахъ—на 4), а сами были рабами государства, которому жертвовали всѣмъ, что только дорого человѣку. А между тѣмъ какую высокую культуру создали Греція и Римъ, какія они создали могущественныя государства. И потомъ, развѣ вѣкъ Шекспира, вѣкъ Расина и Мольера, вѣкъ Гете и Шиллера, вѣкъ Пушкина и Лермонтова не совпали съ крѣпостничествомъ и съ расцвѣтомъ абсолютной власти? Высокое развитіе умственной культуры требуетъ матерьяльнаго обезпеченія, возможности посвятить себя всецѣло духовнымъ благамъ, забыть о прозѣ жизни, жить для духа, какъ монахъ живетъ для Бога. Аристотель пророчествовалъ, что рабство исчезнетъ, когда челнокъ самъ будетъ ходить по ткацкому станку. Онъ предусматривалъ громадное значеніе техники для освобожденія человѣческаго труда, слѣдовательно, и человѣка, онъ предчувствовалъ то, что мы, русскіе, такъ плохо понимаемъ, именно, что техника и свобода находятся въ самой тѣсной связи, что безъ развитія техники нѣтъ и свободы. Для расцвѣта же государства нужно, чтобы личность была ему подчинена. Не въ дни ли разразившейся теперь міровой войны мы станемъ отрицать, что для государства человѣкъ долженъ всѣмъ жертвовать: и семьей, и имуществомъ, и здоровьемъ, и жизнью,—нести все это съ бодрымъ духомъ, радостно на алтарь отечества, т. е. того же государства. Станемъ ли мы въ эти дни утверждать, что государство только своего рода акціонерное или страховое общество, призванное за извѣстную плату ограждать извѣстный комплексъ интересовъ, что государство существуетъ только для личности, а не личность для государства?

Во всякомъ случаѣ это вопросъ сложный, далеко еще не рѣшенный, и класть то или другое рѣшеніе его въ основу государственной дѣятельности, считающейся только съ реальными фактами, нельзя, какъ нельзя, съ другой стороны, отрицать, что міръ вѣритъ

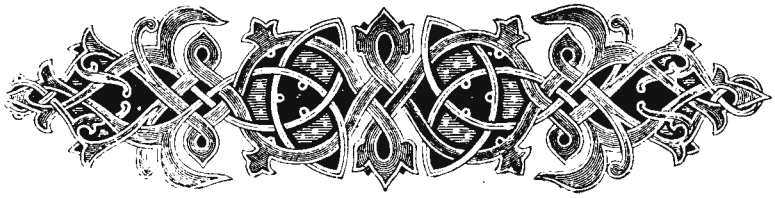
Библиотека "Руниверс"

въ свободу, вѣритъ даже тогда, когда самъ ее рѣшительно отрицаетъ, въ родѣ соціалистовъ—самыхъ горячихъ сторонниковъ свободы и въ то же время самыхъ рьяныхъ ея отрицателей, какъ только дѣло коснется не ихъ самихъ, а такъ называемыхъ правящихъ классовъ. Но разъ міръ вѣритъ въ свободу, разъ это несомнѣнный фактъ, государственный человѣкъ не можетъ не считаться съ этимъ фактомъ, не принимать его во вниманіе, не руководствоваться имъ въ своей дѣятельности. Съ другой стороны, онъ не можетъ не признавать главною своею задачею, для которой государство только и существуетъ, достиженіе культурныхъ успѣховъ, т.е. безопасности и благоденствія страны. Созданная Петромъ и усовершенствованная Минихомъ регулярная русская армія, созданный Петромъ же русскій флотъ—факты такого же огромнаго значенія, какъ Екатерининскій Наказъ. Сверженіе Наполеона такой же для Россіи значительный фактъ, какъ превращеніе старыхъ коллегій въ министерства и вообще освободительныя реформы Александра Благословеннаго. Установленіе общей воинской повинности—фактъ такого же огромнаго значенія, какъ земская и судебная реформы. Сооруженіе величайшаго желѣзнодорожнаго пути, соединяющаго Европу съ Дальнимъ Востокомъ,—фактъ, не уступающій по своему значенію освобожденію христіанскихъ народовъ Востока отъ ига турокъ. Тѣ, кто думалъ служить дѣлу свободы, не содѣйствуя нашей побѣдѣ на Дальнемъ Востокѣ, способствуя пораженію Россіи, оказали свободѣ медвѣжью услугу, поощривъ нашею несостоятельностью на полѣ брани Германію къ чрезмѣрнымъ и даже непріемлемымъ требованіямъ, вызвавшимъ теперешнюю ужасную войну.

Государственные люди, умѣющіе служить свободѣ, не превращая ее во врага культуры, и, съ другой стороны, умѣющіе служить культурѣ, не превращая ее во врага свободы, умѣющіе соединять петровскія традиція съ екатерининскими, очень у насъ рѣдки. Однимъ изъ нихъ былъ покойный П. А. Столыпинъ. Онъ во внутреннемъ управленіи сосредоточилъ вниманіе всего народа на насущнѣйшей задачѣ современности — на оздоровленіи деревни, вложилъ въ это дѣло творческій принципъ и рѣшалъ этотъ культурный вопросъ первостепенной важности, опираясь на народное представительство. Вотъ почему я и посвятилъ его памяти этотъ очеркъ.

Р. И. Сементковскій.

Библиотека "Руниверс"



„НАЧАЛЬНИКЪ ПОПОВЪ".

(Изъ волжскихъ встрѣчъ).

I.

КОМУ приходилось въ день «Ивана Постителя» (29-го августа) подходить на низовомъ пароходѣ къ городу Васильсурску, тотъ не забудетъ своеобразной картины, развертывающейся на правомъ берегу Волги, верстахъ въ двухъ не доходя живописнаго городка. На зеленой муравѣ приволжскихъ луговъ кишитъ разноцвѣтный человѣческій муравейникъ, собравшійся у подножія маленькой каменной церковки, отъ которой несетъ стариной начала XVIII вѣка. Въ многотысячной толпѣ преобладаютъ черный и бѣлый цвѣта, но на этомъ однообразномъ фонѣ тѣмъ ярче выступаютъ желтые, красные, синіе и т. д. платки и другія части женскихъ нарядовъ.

Толпа жмется около церкви, пріютившейся подъ береговыми высотами, покрытыми садами и березовыми рощами. Въ рамкѣ окружающей зелени ярко выступаетъ бѣлая церковка, строгіе и простые контуры которой портитъ аляповатая колокольня недавней постройки. Но эта неудачная деталь скрадывается общей красотой мѣста, отъ которой трудно глаза оторвать.

За церковью высоты отходятъ вглубь берега, образуя широкую долину маленькой рѣчушки Хмѣлевки, по берегамъ которой расположена слобода того же имени, скрывающаяся въ зелени садовъ, березъ и ветелъ. Ниже слободы береговыя высоты снова выходятъ

Библиотека "Руниверс"

на Волгу и тянутся далеко внизъ по рѣкѣ. Одѣтыя густыми лиственными лѣсами, изрѣзанныя красивыми оврагами и лощинами, по которымъ вьются многочисленные ручьи—истоки кристальныхъ ключей, эти высоты справедливо именуются «Малыми Жегулями», уступающими подлиннымъ Жегулямъ только своими размѣрами.

Въ такой чарующей обстановкѣ, въ виду Волги, устроилась Хмѣлевская ярмарка, продолжающаяся всего одинъ день (съ подторжіемъ наканунѣ) и привлекающая массы окрестныхъ черемисъ и чувашъ. Красива ярмарка издали, особенно съ рѣки, но она интересна и вблизи.

Своеобразна толпа черемисъ и чувашъ, съ красными женскими національными нарядами и съ преобладаніемъ бѣлаго цвѣта въ костюмахъ. Скромно, тихо, сдержанно бродятъ они по «рядамъ», среди палатокъ и навѣсовъ торговцевъ, около телѣгъ съ товарами, присматриваются и прицѣниваются къ нимъ, а потомъ и покупаютъ.

Въ церковной оградѣ стоитъ большая толпа молящихся, не попавшихъ въ тѣсную церковку, набитую до послѣднихъ предѣловъ. Тамъ весьма чтимая черемисами святыня—икона св. Христофора съ лошадиной головой...

По случаю престольнаго праздника служба затягивается до двухъ часовъ дня, и ярмарка поневолѣ ведетъ себя сдержанно. Но и послѣ открытія монопольки ярмарочное оживленіе хотя значительно приподнимается, но никогда не доходитъ до степени русскаго разгула. Русское населеніе Хмѣлевки, занятое пріемомъ гостей по домамъ, на ярмаркѣ бываетъ мелькомъ, а черемисы и чуваши пьютъ умѣренно, особенно внѣ дома. За все время моихъ многолѣтнихъ встрѣчъ съ черемисами мнѣ пришлось только разъ видѣть пьянаго вдрызгъ черемисина, да и то былъ монахъ изъ Черемисскаго монастыря...

Около единственной въ слободѣ монопольки тянется длинный хвостъ жаждущихъ попасть въ нее. Инородцы терпѣливо и молча ждутъ открытія дверей, но хмѣлевскіе и васильскіе мѣщане и крестьяне страшно волнуются, возмущенно перебраниваются и, видимо, готовы даже «поднять знамя бунта»... И было бы съ чего: церковная служба затягивается до двухъ часовъ, а съ четырехъ должна начаться вечерня, и тогда монополія снова закроется. Извольте въ два часа удовлетворить тысячную толпу!.. И всегда въ этотъ день у хмѣлевской монопольки происходили цѣлыя баталіи изъ-за первенства входа въ лавку, съ пролитіемъ крови, съ ранами и увѣчьями...

Но до ярмарки это безобразіе не доходитъ, и она скромно протекаетъ, благодаря чинности и порядочности черемисской и чувашской толпы. Чинно она бродитъ по ярмарочнымъ рядамъ и охотно раскупаетъ немудреные деревенскіе товары: тутъ и дешевыя

Библиотека "Руниверс"

сласти, косметика, галантерея, игрушки, и красные товары, и горы арбузовъ, яблокъ, лѣсныхъ орѣховъ (въ урожайные годы цѣна ихъ падаетъ до 80 коп. пудъ), и кадушки съ медомъ, выцѣженнымъ изъ сотовъ, и много всякихъ другихъ товаровъ.

Еще издали по роямъ мухъ можно узнать тотъ рядъ, гдѣ черемисы продаютъ медъ изъ своихъ пасѣкъ. Мухи облѣпляютъ и продавцовъ, и покупателей, а всего больше липовыя кадки съ медомъ, въ которомъ и погибаютъ. Покупатели подходятъ съ своей посудой или покупаютъ ее тутъ же, и черемисинъ деревяннымъ черпакомъ наливаетъ свѣжаго ароматнаго меда съ мухами. Горожане уносятъ медъ домой, а черемисы и чуваши усаживаются кружками на лугу и поѣдаютъ медъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, закусывая ломтями арбуза.

Въ рядахъ съ краснымъ товаромъ обращаютъ вниманіе лавки съ ситцами, платками, полотенцами и другими товарами «въ черемисскомъ вкусѣ». Кромѣ бѣлаго, самаго любимаго ихъ цвѣта, черемиски особенно любятъ желтый цвѣтъ разныхъ оттѣнковъ. Очень красивы затѣйливыя вышивки на полотенцахъ, рубахахъ и т. п. Торгуютъ здѣсь черемиски съ присущими имъ сдержанностью и корректностью, безъ зазываній, запрашиваній, восхваленія товаровъ и другихъ торгашескихъ пріемовъ. Такъ же солидно держатся и покупательницы-черемиски, безъ суетливости, жадности, безъ лишнихъ словъ и всякихъ жестовъ.

Неказиста увеселительная часть ярмарки: обязательная карусель, на который охотно катаются и взрослые черемисы съ чувашами, неизбѣжныя подозрительныя лотареи и «загадочныя» игры, вся загадка которыхъ въ выуживаніи денегъ изъ кармановъ ребятъ и взрослыхъ ротозѣевъ. Появляется и торговецъ книжнымъ товаромъ, т. е. немудреными «листовками» больше «божественнаго» содержанія, лубочными картинками и тощими брошюрками самой низкопробной «народной литературы».

Къ сумеркамъ тихо догораетъ скромная черемисская ярмарка, и всѣ расходятся и разъѣзжаются по домамъ. Даже въ самый разгаръ ея никогда она не бываетъ такою шумною, крикливою, безобразною и пьяною, какъ любая русская ярмарка. Какъ издали, такъ и вблизи хмѣлевская ярмарка напоминаетъ громадный пчелиный улей съ его дѣловитой возней и мягкимъ шумомъ, то постепенно нарастающимъ, то слабѣющимъ въ своемъ напряженіи.

II.

Потолкавшись среди этого человѣческаго улья, я возвращался въ городъ Василь, идя такъ называемыми «Возгребками», т. е. узкимъ бечевникомъ по берегу Волги. Солнце уже спустилось за лѣса Заволжья, и на рѣкѣ ярко переливались радужныя краски

Библиотека "Руниверс"

зари, золотя чуть тронутую желтизной листву садовъ и рощъ, покрывающихъ береговыя высоты.

Послѣдніе замирающіе звуки ярмарочнаго шума остались далеко позади, и я шелъ одинъ, любуясь красивыми берегами и тихой рѣкой, освѣщенной яркой зарей. Вдругъ сзади раздались быстрые, дробные, стариковскіе шажки. Кто-то догонялъ меня, и я задержалъ свои шаги.

Оглядываюсь и узнаю странную фигуру, которую замѣтилъ еще на ярмаркѣ. Тамъ эта фигура нѣсколько разъ промелькнула въ толпѣ и заинтересовала меня. Но она быстро исчезала среди народа, и мнѣ не удалось поближе присмотрѣться къ ней.

— Миръ дорогою!—послышалось симпатичное поволжское привѣтствіе дорожнаго попутчика.

— Милости просимъ!—отвѣчалъ я, какъ полагается въ этихъ случаяхъ, т. е. когда идущій впереди принимаетъ приглашеніе догоняющаго продолжать вмѣстѣ дорогу.

Мой попутчикъ оказался высокимъ, сухощавымъ старикомъ съ очень веселымъ, часто улыбающимся лицомъ, освѣщеннымъ живыми, бойкими, искрящимися глазами. Выраженіе лица было пріятное, но довольно рѣзкіе глаза и быстрыя, угловатыя движенія, переходившія иногда въ судорожныя подергиванія всего тѣла, портили хорошее впечатлѣніе. Поражали и странности въ костюмѣ бодраго еще старика.

Одѣтъ онъ былъ въ длиннополый военный сюртукъ, какой носятъ курьеры казенныхъ учрежденій изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Наглухо застегнутый сюртукъ былъ въ порядкѣ, только позументъ на воротникѣ и нашивки на обшлагахъ рукавовъ сильно потерлись и выцвѣли. По таліи сюртука надѣты пять разноцвѣтныхъ поясовъ—красный, синій, бѣлый, черный и зеленый (первые четыре—цвѣта четырехъ полковъ нашихъ армейскихъ дивизій, а зеленый—цвѣтъ лѣсной и путейской стражи и др.). На груди три медали—турецкой войны, коронаціонная и Краснаго Креста. Въ рукахъ короткая дубинка, окрашенная въ три казенныхъ цвѣта—бѣлый, черный, красный. Спрашиваю такъ странно разукрашеннаго воина:

— Зачѣмъ надѣли столько поясовъ?

— А это мой мундиръ... парадная форма... свыше пожалована...

— Какой же это мундиръ?

— Мундиръ начальника надъ попами...

— Какъ?!..

— Такъ точно!.. Какъ вышелъ я въ отставку изъ военной службы, такъ мнѣ и пожаловали свыше этотъ мундиръ и призвали къ особой службѣ—приказали быть начальникомъ надъ попами... Вотъ уже который годъ хожу по всей имперіи и наблюдаю за попами...

— Не легкая ваша служба...

Библиотека "Руниверс"

— Страсть какая тяжелая!.. Ходишь-ходишь,—сапогъ не напасешься... Жалованьишко небольшое: три рубля въ мѣсяцъ... А отказаться нельзя: свыше поставленъ...

— Почему же на васъ выпала эта служба?

— А видите ли, прежде было мало грамотныхъ солдатъ, а я хорошо грамотный, и писать могу... ну, меня и выбрали свыше на эту службу...

— Да вѣдь у поповъ есть свои начальники—архіереи, благочинные...

— То особь статья!.. тѣ надзираютъ по божественной части, а у меня иное дѣло: я наблюдаю, чтобы попы не обижали народъ и жили правильно, по закону... Страсть какъ не любятъ меня попы!.. Чуть что замѣчу неладное, сейчасъ ему выговоръ, замѣчаніе... проберу какъ слѣдуетъ!.. Знаете здѣшняго протопопа?

— Немного знаю...

— Ну, и золъ же онъ на меня, потому ничего ему не спускаю... И все грозится протопопъ: «Вотъ отошлю тебя къ полицейскому надзирателю—посадитъ онъ тебя въ каталажку»... А что мнѣ надзиратель?.. Какъ скажу ему одно словцо, такъ онъ—руки по швамъ, во фронтъ станетъ передо мной, честь откозыряетъ... Вотъ я какой!.. право же!..—и старикъ весело захохоталъ.

— А заходили вы въ хмѣлевскую церковь? Все нашли въ порядкѣ?

— Ничего пока не замѣтилъ...

— Такъ вотъ и ходите по церквамъ?

— Да... А то еще есть у меня другая служба: надзирать за старовѣрами... Тутъ бы ничего: народъ покладистый, да и свой братъ мужикъ, не то что попы... Да вотъ только больно упорны, ничего не хотятъ слушать... А особливо молокане! Бѣды съ ними! Спорю—спорю, а они все на своемъ стоятъ... Одного молоканина сослалъ, для острастки, на Соколинскій островъ, а другихъ пожалѣлъ: больно ужъ хорошіе мужики, правильно живутъ, чисто по-христіански, дома справные, въ семьѣ ладъ да миръ... проклятой водки не хлещутъ... Любо-дорого смотрѣть!..

— Лучше православныхъ живутъ?

— Куды тамъ православнымъ до молоканъ!.. на нашихъ-то и смотрѣть срамно какъ живутъ... Только вотъ зачѣмъ молокане спорятъ все со мною и поповъ нашихъ не признаютъ?.. это ужъ не порядокъ!..

— А съ немоляками встрѣчались?

— Сколько разъ!.. Ну, и народъ же!.. Насчетъ вѣры будутъ хуже молоканъ: ни во что не вѣруютъ.

— Ну, въ Бога-то вѣруютъ, а вотъ церкви нашей не признаютъ...

— То-то и оно!.. въ церковь не ходятъ, не крестятся, не молятся...

Библиотека "Руниверс"

Къ немолякамъ и не подступайся!.. и спорить не желаютъ... Да, тяжела моя служба... Да вотъ скоро освобожусь отъ нея...

— Да, пора бы вамъ отдохнуть...

— Какой тутъ отдыхъ!.. Вишь, каки дѣла загорѣлись на войнѣ-то. Неладно тамъ идетъ у насъ... Вотъ и зовутъ меня свыше—желаютъ препоручить новое дѣло насчетъ войны...

— Какое дѣло?

— Больно хитрое... Правда ли, сударь, что у японцевъ и бабы сражаются?

— Говорятъ такъ...

— Вотъ какой это народъ!.. А наши бабы и отъ мышенка завизжатъ... А коли у нихъ и баба воюетъ, съ ними надо держать ухо востро!.. Дѣло тамъ мудреное, и безъ меня не обойдется... Недаромъ зовутъ меня свыше и просятъ моихъ совѣтовъ насчетъ войны... Отказаться нельзя!.. послужимъ и тутъ...

Мы подходили къ пароходнымъ пристанямъ, и старикъ простился со мною, торопясь на подходившій сверху пароходъ. Быстро удаляясь отъ меня, онъ затянулъ вполголоса что-то церковное.

III.

Черезъ годъ ровно снова пришлось встрѣтиться съ «начальникомъ поповъ». Возвращаясь тѣмъ же путемъ съ той же хмѣлевской ярмарки, мы со своими спутниками усѣлись отдохнуть на кучѣ бревенъ, лежавшей на Возгребкахъ. Бесѣдуя, мы не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ этотъ странный старикъ, также возвращавшійся съ ярмарки. Здороваясь со мною, онъ заговорилъ:

— А я васъ призналъ... въ прошломъ году видѣлись...

— Садитесь отдохнуть... Не хотите ли покурить?

— Нѣтъ, я и не курю, и вина не пью...

— Ну, какъ служба ваша идетъ?

— Да вотъ хожу все, за попами наблюдаю...

— Были въ хмѣлевской церкви?

— Былъ... ничего, исправно идетъ...

— А теперь куда же? къ нашему протопопу?

— Да, надо его пробрать... Все-то онъ грозится мнѣ: «Ужо покажу тебѣ, вышній совѣтникъ!»... А развѣ же я боюсь?.. Со мною и министры совѣтуются...

— Вы бы вотъ занялись Черемисскимъ монастыремъ: много тамъ непорядковъ...

— Никакъ нельзя!.. Предводитель дворянства говоритъ: «Ты не очень нападай на монаховъ, а то я безъ службы останусь... разсердятся на меня, что я тебя не удерживаю, и не дадутъ мнѣ монаха для моей церкви...» Надо уважить предводителя, потому и за монахами не наблюдаю...

Библиотека "Руниверс"

— Ходили вы прошлою осенью въ Питеръ, какъ собирались? Насчетъ войны-то?..

— Нѣтъ, не ходилъ... и здѣсь дѣловъ много... все больше съ попами вожусь... обижаютъ они народъ... Да что война!.. тутъ другое важное дѣло заварилось: студенты бунтуютъ!.. И что за причина? Не поймешь никакъ... Это вотъ дѣло надо бы разобрать...

Сталъ присматриваться къ его внѣшности. Старикъ посѣдѣлъ, согнулся, но лицо стало еще добродушнѣе, румянѣе, веселая улыбка не сходитъ съ него. Говорить сталъ неразборчиво и слышитъ хуже.

«Парадный мундиръ» уже не тотъ: короткій сюртукъ, очень потертый, опоясанъ только тремя поясами, въ томъ числѣ одинъ новаго цвѣта—конно-артиллерійскій. Очевидно, старикъ выпрашиваетъ пояса у офицеровъ и солдатъ. Спрашиваю:

— Что же на васъ такъ мало поясовъ?

— А вотъ еще два...—и онъ вынулъ изъ кармана два пояса, одинъ офицерскій, который благоразумно припряталъ въ городѣ, гдѣ могла бы привязаться къ нему полиція... Странный старикъ былъ себѣ на умѣ.

— А гдѣ же ваши медали?—спрашиваю его.

— Снялъ... тяжело носить... и бренчатъ все, какъ идешь... А вотъ посмотрите на мои сапожки, хороши?..—и старикъ любовно сталъ показывать свои сапоги, голенища которыхъ сдѣланы изъ темно-красной кожи.

— Хороши...

— Ходить въ нихъ веселѣй... Чего носъ вѣшать!.. А вотъ полюбуйтесь на мой новый жезлъ!..

Дѣйствительно, это былъ жезлъ, а не прошлогодняя короткая дубинка: высокая черемховая съ «бородавками» палка, съ закругленной ручкой, обернутой краснымъ сукномъ, очень напоминала посохи католическихъ епископовъ. Костюмъ «начальника поповъ» довершалъ картузъ съ офицерской кокардой.

Отдохнувъ, старикъ простился съ нами и пошелъ въ городъ, напѣвая какой-то тропарь. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ замѣтилъ, что не разъ встрѣчалъ старика въ соборной церкви города Василя, гдѣ онъ всегда старается помѣститься поближе къ духовенству и зорко наблюдаетъ за всѣми ихъ дѣйствіями во время службы. Понятно, духовенству непріятенъ этотъ доброволецъ-наблюдатель, и оно не скрываетъ своей непріязни къ нему: если, напримѣръ, старикъ заберется въ алтарь, его безцеремонно выталкиваютъ оттуда...

Разумѣется, духовенство легче относилось бы къ старику, если бы онъ ограничивался однимъ внѣшнимъ надзоромъ за отправленіемъ богослуженія. Но старикъ идетъ дальше: онъ чутко прислушивается къ народнымъ толкамъ о томъ, какъ «попы обижаютъ народъ» и какъ они «живутъ не по закону»... Узнавши что-либо

Библиотека "Руниверс"

подобное объ извѣстномъ попѣ, старикъ смѣло обличаетъ его и почти всегда при народѣ.

И думается, что эти обличенія не остаются безрезультатными для обѣихъ сторонъ—и пастырей, и пасомыхъ... И если первые не безъ основаній отмѣчаютъ нѣкоторую ненормальность «начальника поповъ», то народъ не придаетъ большого значенія этой ненормальности, разъ она не мѣшаетъ старику выискивать правду и служить народнымъ интересамъ по мѣрѣ силъ и разумѣнія. Добровольно взятая почтеннымъ старикомъ миссія напоминаетъ по своей чудаческой обстановкѣ тотъ подвигъ любви къ ближнему, какой въ старину брали на себя «Христа ради юродивые», память о которыхъ еще жива въ народѣ, именно какъ о заступникахъ за гонимыхъ и какъ обличителяхъ гонителей...

IV.

Послѣдняя встрѣча съ «начальникомъ поповъ» произошла въ 1908 году, т. е. черезъ три года послѣ предыдущей встрѣчи. На этотъ разъ мы встрѣтились съ нимъ на Старой Казанской дорогѣ, пересѣкающей нагорную часть города Василя. Старикъ замѣтилъ меня издали, узналъ и остановился, поджидая, подъ развѣсистой березой Екатерининскаго большака.

Какъ будто чуточку онъ постарѣлъ, но держался такъ же бодро и энергично. Глаза были ясные, безъ прежней рѣзкости ихъ, лицо еще добродушнѣе и веселѣе.

На старикѣ былъ сюртукъ артиллерійскаго офицера (безъ погоновъ) съ двумя поясами—краснымъ и синимъ. Въ рукѣ новая палка, окрашенная въ три казенныхъ цвѣта, съ очень внушительнымъ острымъ наконечникомъ.

— Куда направляетесь?—спрашиваю старика.

— Иду въ больницу... Вотъ посмотрите, какъ избили меня враги...—и онъ показалъ на свои вспухшія руки въ синякахъ и кровоподтекахъ и на разбитый, въ ранахъ, затылокъ...

— За что это васъ такъ отдѣлали?

— А заспорили мы насчетъ политики... вотъ и вздули меня враги!.. Ну, да ихъ счастье, что не было со мною вотъ этого моего посоха, а то отвѣдали бы его кончика—чистое копіе!..

И старикъ грозно помахалъ своимъ остроконечнымъ посохомъ... Но ему, видимо, не хотѣлось пускаться въ непріятныя воспоминанія, и я такъ и не узналъ, кто и гдѣ его вздулъ. Раны были не первый свѣжести, значитъ—избіенію прошло уже нѣсколько дней и случилось оно, очевидно, не въ Василѣ, иначе слухи о томъ дошли бы до меня. Я не сталъ допытываться у старика и только выразилъ ему сочувствіе:

— Тяжела ваша служба...

Библиотека "Руниверс"

— Да, всего натерпишься... Что жъ дѣлать! Свыше даютъ разныя порученія... нельзя отказаться... А тутъ и своего дѣла много: съ попами никакъ не справлюсь... Проберешь какъ слѣдъ одного, а тутъ народъ на другого жалуется, надо и туда итти на проборку...

— Ну, а съ нашимъ протопопомъ ладите?

— Гдѣ тамъ!.. Вотъ кладбищенскаго попа совсѣмъ забижаютъ... надо за него вступиться—попъ хорошій, а взъѣлись на него зря, по великой своей жадности: доходы-де отбиваетъ... Ну, да я тутъ разберусь!.. и проберу же протопопа!.. попомнитъ онъ меня!..

— Ну, помогай вамъ Богъ!.. пора вамъ въ больницу... прощайте!

Больше не пришлось встрѣчаться съ этимъ почтеннымъ старикомъ, очень симпатичнымъ, несмотря на нѣкоторыя его странности. Не знаю, бродитъ ли онъ до сихъ поръ, обличая поповъ, «обижающихъ народъ» и «неправильно живущихъ», или уже онъ прекратилъ свою добровольную миссію и успокоился на старости лѣтъ.

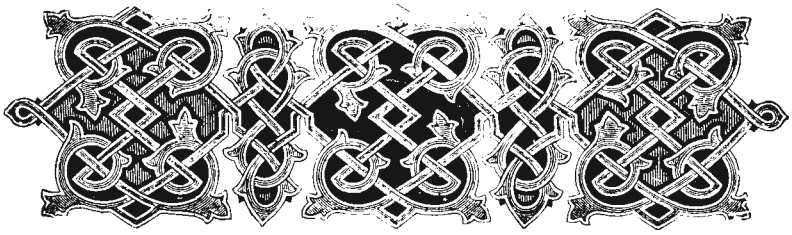
Разумѣется, никто старика «свыше» не «призывалъ» къ его «службѣ»—это бредъ его фантазіи, или, вѣрнѣе, это обстановка, нарочно придуманная имъ, чтобы въ глазахъ наивныхъ людей придать большую цѣнность своей миссіи, добровольно взятой имъ на себя. Не симпатична его борьба съ молоканами, если онъ правду сказалъ, что одного молоканина «сослалъ на Соколинскій островъ»... Но другихъ молоканъ старикъ «пожалѣлъ», ради ихъ «правильной» жизни, и вообще прекратилъ миссіонерскую борьбу съ ними, какъ и съ старовѣрами, немоляками и др. И это неудачное миссіонерство, и вопросы о войнѣ, о «бунтѣ студентовъ» и т. п.—все это было у него не второмъ планѣ и свидѣтельствуетъ лишь о чуткой натурѣ старика, отзывчивой на всѣ запросы жизни и злобы дня.

Бросаясь на тѣ или иные злободневные вопросы и удѣляя имъ долю своего вниманія, старикъ никогда не оставлялъ своей главной службы «начальника надъ попами», отдавая ей все свое свободное время и посильное разумѣніе. И по всѣмъ признакамъ, его своеобразная служба во имя блага народа не была безплодною, если «попы страсть какъ не любили» его... Можетъ быть, онъ самъ нѣсколько преувеличивалъ результаты своихъ «проборокъ», но и со стороны приходилось слышать, что его дѣятельность была небезполезна, сдерживая хотя немного «поповъ, обижающихъ народъ» и ведущихъ неправильную жизнь»...

Въ такія своеобразныя формы выливается настоятельная потребность народа критически отнестись къ печальнымъ непорядкамъ русской дѣйствительности и какъ-нибудь, хотя бы самыми наивными пріемами, помочь искорененію этихъ тормозовъ нашей жизни... Немало бродитъ по Руси подобныхъ ревнителей правды и гонителей зла, и они очень цѣнны, какъ одинъ изъ показателей просыпающагося народнаго самосознанія.

Н. Н. Оглоблинъ.

Библиотека "Руниверс"



ПЕТИЦІЯ ФИНСКАГО ВОЙСКА ВЪ 1822 ГОДУ.

ВРЯДЪ ЛИ въ военной исторіи Европы можно найти примѣры болѣе снисходительнаго и человѣколюбиваго отношенія къ военноплѣннымъ, нежели то, какое проявили русскій царь Александръ I и его правительство къ военноплѣннымъ шведамъ и финляндцамъ въ русско-шведскую войну 1808—1809 годовъ. Война еще не была кончена, а между тѣмъ тогдашній извѣстный финляндскій дѣятель, будущій первый финляндскій генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ домогался «для ефекта» освобожденія изъ плѣна даже такихъ офицеровъ, которые не хотѣли присягнуть своему новому русскому государю, т. е. упорствовали въ преданности Швеціи и были открытыми врагами Россіи!

Это домогательство увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ Высочайше утвержденномъ 19-го ноября 1808 года «положеніи объ учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи», въ § 16 предписывалось, «чтобы при семъ народномъ созывѣ (т. е. при предстоявшемъ сеймѣ въ Борго) сдѣлать болѣе впечатлѣнія, то возвратить нѣкоторыхъ плѣнныхъ офицеровъ внутрь Россіи разосланныхъ» [1]). Какъ также извѣстно, многіе офицеры изъ финляндцевъ послѣдовали со шведскими войсками и сражались противъ русскихъ, а въ то же время жены и дѣти ихъ оставали ь въ бостеляхъ (доход-

[1]) Сп. также § 8 Высочайше апробованнаго от ѣга депутатамъ отъ 4-го января 1809 года о возвращеніи изъ плѣна всѣхъ, кто зна лся въ спискѣ генералъ-губернатора Спренгтпортена.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ казенныхъ имѣніяхъ) на присоединенной къ Россіи территоріи и пользовались всѣми съ нихъ выгодами и доходами. Когда же въ концѣ 1808 года явилась въ Петроградѣ особая финляндская депутація, то она представила на имя государя прошеніе, въ которомъ въ семнадцати пунктахъ излагала нужды страны, требовавшія, по ея мнѣнію, наибольшаго вниманія. Въ пунктѣ девятомъ значилось: «лишь исходя изъ полнѣйшаго убѣжденія въ милосердіи Вашего Императорскаго Величества, депутаты осмѣливаются нижайше умолять, дабы предоставлено было женамъ и дѣтямъ финскихъ военныхъ сохранить до окончательнаго мира ихъ казенныя помѣстья (бостели) и оклады содержанія и чтобы дѣйствіе приказа объ ихъ конфискаціи было остановлено» [1]).

Какъ извѣстно, такая рѣшительная конфискація никогда не была осуществлена, а въ Высочайше апробованномъ 4-го января 1809 года отвѣтѣ депутатамъ значилось: «что касается до бостелей, то главнокомандующему войсками въ Финляндіи расположенными генералу-отъ-инфантеріи Кнорингу дано Высочайшее повелѣніе остановить ихъ продажу. Они останутся поэтому въ настоящемъ положеніи до заключенія мира».

По заключеніи мира въ Фридрихсгамѣ въ сентябрѣ 1809 года воспослѣдовали необычайно льготные въ отношеніи финляндскихъ войскъ манифесты. Именно манифестами 15, 21-го марта и 27-го мая 1810 года былъ закрѣпленъ рядъ необычайныхъ льготъ и милостей, которыя были проявлены русскимъ правительствомъ къ финляндскимъ войскамъ, какъ милиціоннымъ, такъ и линейнымъ (вербованнымъ). Всѣ ходатайства боргоскаго сейма, а въ особенности просьбы офицерской депутаціи, прибывшей въ Петроградъ поздней осенью 1809 года и дѣйствовавшей въ теченіе всей зимы 1810 года подъ руководствомъ генерала шведской службы барона Аминова, о широкомъ матеріальномъ обезпеченіи офицеровъ помѣстьями (бостелями), а всѣхъ вообще военныхъ чиновъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, пенсіями,—были съ избыткомъ удовлетворены русскимъ правительствомъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить, что еще до появленія этихъ милостивыхъ манифестовъ содержаніе получали, по условіямъ капитуляціи, даже войска, сдавшіяся въ плѣнъ при взятіи весной 1808 года крѣпостей Свартгольма (близъ гор. Ловизы) и Свеаборга и распущенныя затѣмъ по домамъ.

Свыше тысячи бывшихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, военныхъ чиновниковъ, а также ихъ вдовы и дѣти стали пользоваться

---

[1]) «Этимъ возвращены будутъ (говорилось дальше въ прошеніи) жизнь и средства существованія семействамъ, кои принятая мѣра повергла бы въ самую ужасную нищету. Великодушною благостью Вашего Императорскаго Величества они будутъ осчастливлены и никогда не престанутъ взывать къ Небу о благополучіи и счастіи ихъ августѣйшаго благодѣтеля».

Библиотека "Руниверс"

большими пенсіями, которыя въ общей сложности достигали въ годъ суммы въ 304.150 р. 96 к., составлявшей четвертую часть всего расхода великаго княжества, опредѣленнаго для 1811 года въ суммѣ 1.388.342 р. 74 к.

Такая щедрость русскаго монарха побудила финляндскій правительственный совѣтъ просить финляндскаго генералъ-губернатора повергнуть отъ лица совѣта, какъ представителя народа, вѣрноподданническую благодарность императору Александру I за благодѣянія, оказанныя всему финляндскому военному сословію. Это желаніе и просьбу совѣта генералъ-губернаторъ Штейнгель осуществилъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 30-го марта 1810 года.

Независимо отъ сего благодарная финская армія рѣшила выразить признательность своему новому монарху поднесеніемъ ему золотой медали, сопровождаемымъ адресомъ, и поручила осуществить все это дѣло тому же генералу Аминову, который въ 1809—1810 годахъ такъ сильно поддерживалъ интересы этой арміи предъ русскимъ правительствомъ.

Указанный адресъ, составленный на французскомъ языкѣ генераломъ Аминовымъ по порученію финской арміи и поднесенный государю императору чрезъ посредство предсѣдателя петроградской комиссіи финляндскихъ дѣлъ графа Армфельта [1]), гласилъ такъ:

---

[1]) Письмо барона Аминова графу Армфельту: «J'ose supplier Votre Excellence de remettre à Sa Majesté Imperial l'incluse, en prenant la liberté d'y ajouter une copie pour vous même. Tout ce que nous desirons est d'obtenir la permission que nous demandons de mettre en evidence les sentiments, dont nous sommes animés et que Votre Excellence daigne être l'organe auprès de Sa Majesté Imperial de ces voeux ardents, aussi bien que Vous avez daigné l'être jadis de nos humles petitions.

«Je me trouve dans ce moment-ci chez mon ami Son Excellence le Géneral Armfelt il attend toujours Vos ordres pour regler l'epoque de son départ pour Pétersbourg et me charge de ses homages. J'ai l'honneur d'être avec les sentimens d'une reconnaissance inviolable et la plus haute consideration. Monsieur de Vorte Excellence le plus humble et très obèissant serviteur Le baron d'Aminoff. Aminné ce 13—25 de Septembre 1811.

Переводъ:

Осмѣливаюсь просить ваше превосходительство передать его императорскому величеству, пріемля при семъ рѣшимость присоединить копію для васъ самихъ. Все, что мы желаемъ, это то, чтобы получить позволеніе, просимое нами, проявить воочію чувства, которыми мы воодушевлены, и чтобы ваше превосходительство изволили стать передатчикомъ его императорскому величеству этихъ пламенныхъ стремленій, такъ же точно, какъ нѣкогда вы удостоили насъ передачей нашихъ всенижайшихъ петицій.

Въ настоящее время я нахожусь у моего друга его превосходительства генерала Армфельта; онъ все ожидаетъ вашихъ приказаній для установленія срока его отъѣзда въ Петербургъ и уполномочиваетъ меня передать его почтеніе. Имѣю честь быть съ чувствомъ неизмѣнной благодарности и высшаго почитанія вашего превосходительства покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугой баронъ Аминовъ.

Оминэ 13—25 сентября 1811 г.

Библиотека "Руниверс"

Sire.

La cidevant Armée de la Finlande plus fortement subjugué encore par les bienfaits de Votre Majesté Imperial que par ses Armes Victorieuses, a resolu d'immortaliser la memoire d'un evenement qui caracterise et la magnanimité du Conquerant et la nature dss sentiments qui lui attache ses nouveaux sujets, dont l'amour et la fidelité pour leur Souverain ont été de tout temps independents de l'homage que la reconnaissance et l'admiration y ajoutent aujourd'hui.

Le Corps d'Officiers de la dite Armée m'a chargé comme celui qui fut la première organe de Vos Bienfaits, Sire, envers eux de les mettre à Vos pieds pour demander la permission de frapper une Medaille qui doit representer la Victoire Couronnée par la Bienfaisance avec l'inscription tatine: «Pompa Meliore Triumphas», et dans l'exergue: «Exercitus quondam Fennici pietas».

Nos contemporains, ainsi que la posterité, apprendrons par ce faible homage des sentiments, dont nous sommes penetrés, non seulement qu'Alexandre I savait consolider par ses vertus une Puissance bien plus grande que celle que les furreur de l'ambition voudraient étendre jusqu'aux sensations morales des Nations opprimées. Mais ils apprendront encore que s'il s'agit de soutenir cette Puissance légitime d'un bon Souverain, les coeurs comme les bras de Ses sujets n'attendront que Sa Voix pour se railler autour du Trône et en defendre la dignité et la gloire, au depend de leur fortune et de leur sang.

C'est avec l'attachement et la soumission les plus respectueux que je suis.

Sire,

De Votre Majesté Imperial le très soumis et fidele sujet, le baron d'Aminoff. Saris ce 13—25 de Septembre 1811.

Переводъ:

Государь,

Бывшая финская армія, покоренная больше благодѣяніями вашего императорскаго величества, нежели побѣдоноснымъ вашимъ оружіемъ, рѣшила обезсмертить память одного событія, характеризующаго и великодушіе побѣдителя и природу чувства, которое привязываетъ къ нему его новыхъ подданныхъ; любовь и вѣрность ихъ къ своему государю всегда были независимы отъ почитанія, которое благодарностью и восхищеніемъ теперь добавляется.

Корпусъ офицеровъ указанной арміи уполномочилъ меня, какъ перваго посредника при передачѣ имъ благодѣяній вашего величества, повергнуть ихъ къ стопамъ вашимъ, дабы испросить дозволеніе выбить медаль, которая должна представлять побѣду, увѣнчанную

Библиотека "Руниверс"

благотвореніемъ, съ латинскою надписью: «Pompa Meliore Triumphas», а на ободкѣ: «Exercitus quondam Fennici pietas».

Наши современники, равно какъ и послѣдующее поколѣніе, узнаютъ по этому слабому знаку почитанія о чувствахъ, которыми мы проникнуты, не только потому, что Александръ сумѣлъ упрочить своими добродѣтелями благосостояніе, но потому, что это благосостояніе гораздо больше того, которое крайности честолюбія желали бы распространить на моральныя чувства угнетенныхъ націй. Они еще узнаютъ, что для поддержанія такого законнаго благосостоянія отъ добраго государя, какъ сердца, такъ и руки его подданныхъ будутъ ждать только его голоса для того, чтобы сплотиться около трона и защищать его достоинство и славу за счетъ ихъ участи и крови.

Съ привязанностью и покорностью самыми почтительными остаюсь, государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнымъ баронъ Аминовъ.

Сарисъ 13—25 сентября 1811 года.

Отвѣтъ государя на имя барона Аминова былъ въ высшей степени благосклонный. Государь писалъ:

A Mr le General baron d'Aminoff le 13 Octobre 1811.

Monsieur le General baron d'Aminoff j'ai reçu la lettre que Vous m'avez adressée au nom du corps d'Officiers de l'Armée finoise.

En accordant les avantages que ces officiers avaient merités pour leur dévouement à leur patrie j'ai voulu montrer combien ce sentiment est honorable à mes yeux. Mon plus grand desir sera toujours de le maintenir et de l'encourager.

C'est donc a ce sentiment qu'ils doivent rapporter tout ce que j'ai fait pour euxetc'est dans ce sens aussi que j'agrée avec plaisir l'expression de leur gratitude.

Je desire que le nouveau temoignage par lequel ils se proposent de la manifester, atteste aux yeux de leurs concitoyens les droits qu'ils ont acquis à leur estime et la justice qu j'aimai à leur rendre,

Pour Vous Mr. le baron, il m'est agréable d'ajouter en particulier que le coprs d'officiers en Vous choisissant pour porter leurs voeux et leurs desirs n'a pu avoir un meilleur interprête. Sur ce je prie Dieu qu'il vous aie dans se sainte garde.

Переводъ:

«Господину генералу барону Аминову. 13-го октября 1811 г.

Я получилъ письмо, которое вы мнѣ адресовали отъ имени корпуса офицеровъ финской арміи.

Закрѣпляя преимущества, которыя эти офицеры заслужили за преданность ихъ отечеству, я хотѣлъ показать, насколько это чув-

Библиотека "Руниверс"

ство почтенно въ моихъ глазахъ. Мое большое желаніе всегда будетъ направлено къ поддержанію и къ поощренію этого чувства.

Такимъ образомъ, они должны относить къ этому чувству все то, что я для нихъ сдѣлалъ, и въ этомъ смыслѣ я и принимаю съ удовольствіемъ выраженіе ихъ признательности.

Я желаю, чтобы новое свидѣтельство, которымъ они предполагаютъ выразить эту признательность, подтверждало бы въ глазахъ ихъ согражданъ всѣ права, которыя они пріобрѣли своимъ уваженіемъ и справедливостью, что я радъ признавать за ними.

Относительно васъ, господинъ баронъ, мнѣ пріятно добавить въ частности, что общество офицеровъ не могло выбрать лучшаго выразителя ихъ пожеланій и просьбъ, нежели васъ. За симъ прошу Господа Бога, чтобы Онъ имѣлъ васъ въ своемъ храненіи».

Обращая, наконецъ, вниманіе на устройство военной части въ Финляндіи при русскомъ режимѣ, усматривается, что государю Александру I угодно было удовлетворить сословія, собранныя въ Борго, а именно что, кромѣ оставленія (въ принципѣ) милиціи (т. е. земскаго войска, поставляемаго въ натурѣ землевладѣльцами и распущеннаго со времени заключенія Фридрихсгамскаго мира) и образованія регулярныхъ (вербовочныхъ) войскъ на собственныя его величества средства, никакихъ другихъ способовъ рекрутской повинности не будетъ допущено въ Финляндіи. При разсмотрѣніи на боргоскомъ сеймѣ также и военныхъ вопросовъ, этотъ сеймъ, ограждая обособленность Финляндіи, какъ политическаго цѣлаго, высказалъ свое рѣшительное мнѣніе и пожеланіе, чтобы при возстановленіи милиціоннаго войска (лишь временно распущеннаго) какъ нижніе чины, такъ и высшіе, т. е. командиры, были избираемы исключительно изъ финляндцевъ и чтобы финская милиція не назначалась въ походы внѣ предѣловъ Финляндскаго края и употреблялась для защиты Финляндіи и Балтійскаго побережья [1]). Если считать такое пожеланіе допустимымъ къ осуществленію для финской милиціи, то совершенно неправильнымъ представлялось удовлетворять такое пожеланіе въ отношеніи регулярнаго (вербованнаго) войска, содержимаго на счетъ казны. Однако при составленіи въ 1812 году трехъ егерскихъ полковъ воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе,

---

[1]) За такія льготы сословія выражали готовность вносить въ казну такъ называемую «вакантную подать», платимую за освобожденіе отъ поставки солдатъ въ размѣрѣ, тогда же опредѣленномъ для разныхъ мѣстностей страны. Эта вакантная подать замѣнила всякаго рода повинности и сборы на содержаніе войска. Здѣсь будетъ умѣстно пояснить, что принципъ устройства еще съ древнихъ шведскихъ временъ милиціоннаго (земскаго) войска въ Финляндіи заключался въ томъ, что обязанность выставлять и снабжать войска лежала на землевладѣльцахъ, причемъ число пѣхотинцевъ и всадниковъ, которое должна была поставлять каждая провинція, обязательно оставалось неизмѣннымъ. Контингентъ же, который выставлялся хозяйствами (фермами) вновь устраиваемыми, долженъ былъ итти лишь на замѣну или на облегченіе прежнихъ гейматовъ (фермъ). Авт.

Библиотека "Руниверс"

данное 6-го сентября 1812 г. исправлявшему въ то время должность финляндскаго генералъ-губернатора графу Армфельту, причемъ во второмъ пунктѣ было сказано: «какъ цѣлію составленія сего войска главнѣйше есть защищеніе того края (т. е. Финляндіи), то посему и не будетъ войско сіе употреблено въ войнѣ иначе, какъ на случай нападенія непріятеля на Финляндію или на другія владѣнія Россійской имперіи по берегамъ Балтійскаго моря».

Такое странное ограниченіе военной дѣятельности финляндскаго войска при возможности нападенія непріятеля въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, являющейся общимъ отечествомъ, какъ для русскихъ, такъ и для финляндцевъ, не могло не затрагивать чести и достоинства финской арміи. Въ 1812 году на имя государя императора Александра I поступилъ всеподданнѣйшій рапортъ отъ командовавшаго финскими войсками генералъ-майора Еренрота, въ которомъ онъ доносилъ государю о всеобщемъ желаніи всего войска служить царю и отечеству наравнѣ со всѣмъ всероссійскимъ войскомъ и сообразно сему уничтожить стѣснительное условіе, изложенное въ указанномъ выше второмъ пунктѣ высочайшаго повелѣнія отъ 6-го сентября 1812 года. Императоръ Александръ I принялъ весьма благосклонно это справедливое и естественное желаніе финскаго войска и 5-го марта 1822 года направилъ по сему предмету два рескрипта на имя генералъ-майора Еренрота и финляндскаго генералъ-губернатора графа Штейнгеля на французскомъ языкѣ и, кромѣ того, одинъ указъ тому же графу Штейнгелю на русскомъ языкѣ.

Рескриптъ генералъ-майору Еренроту былъ составленъ въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ:

(Copie d'un Réscrit de Sa Majesté l'Empereur au Général-Major Ehrenroth, du 5 mars 1822).

J'ai reçu, Général, le rapport par lequel vous m'exprimez le voeu des troupes finlandaises. J'accueille leur demande avec une véritable satisfaction. Pleines d'une noble ardeur pour la défense de la patrie commune et dignes par conséquent de s'associer aux armées Russes,— elles recevront la faculté de combattre partout où se présentera l'occasion d'acquérir de la gloire. L'article 2-e du Réglement du 6 septembre 1812 va être changé: annoncez le aux troupes qui sont sous vos ordres: témoignez leur, combien je suis sensible à la preuve de dévouement qu'elles me donnent et croyez, Général, que je sais reconnaitre tout ce que je vous dois pour l'esprit qui régne dans le corps, à la tête duquel je vous ai placé.

(Signé) Alexandre.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ:

Копія рескрипта его величества императора генералъ-майору Еренроту отъ 5-го марта 1822 года.

Я получилъ, генералъ, рапортъ, въ которомъ вы выражаете мнѣ пожеланія финляндскаго войска. Я принимаю ихъ просьбу съ истиннымъ удовольствіемъ. Исполненное благороднымъ стремленіемъ къ защитѣ общаго отечества и потому заслуживающее чести быть присоединеннымъ къ русской арміи, оно получитъ возможность сражаться вездѣ, гдѣ представится случай завоевать славу. Пунктъ второй установленія отъ 6-го сентября 1812 года будетъ измѣненъ; объявите о семъ войсковымъ частямъ, находящимся подъ вашимъ начальствомъ; засвидѣтельствуйте имъ, насколько я тронутъ фактомъ преданности, которую они мнѣ проявляютъ, и вѣрьте, генералъ, что я умѣю признавать все, чѣмъ я вамъ обязанъ за то направленіе, которое господствуетъ въ войскѣ, во главѣ котораго я васъ поставилъ.

(Подписано) Александръ.

Копія.

(Господину генералу-отъ-инфантеріи финляндскому генералъ-губернатору графу Штейнгелю).

Снисходя на прошеніе финляндскихъ войскъ, изъявившихъ похвальное желаніе быть употребленными не только на защиту отечественнаго ихъ края и владѣній Россійской имперіи по берегамъ Балтійскаго моря, но раздѣлять съ войсками россійскими честь и славу военныхъ подвиговъ вездѣ, гдѣ представится къ тому случай, повелѣваю отмѣнить вторую статью рескрипта, даннаго мною генералу-отъ-инфантеріи графу Армфельту 6-го сентября 1812 г. О семъ нашемъ соизволеніи вы не оставите объявить финляндскимъ войскамъ и удостовѣрить ихъ, что я пріемлю сей новый опытъ усердія ихъ ко мнѣ и къ общему отечеству нашему съ особенной признательностью.

Пребываю вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ подписано собственной его императорскаго величества рукою: Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Марта 5 дня 1822 г.

Съ подлиннымъ вѣрно: генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ царскомъ указѣ тому же графу Штейнгелю сообщалось:

(Copie d'un Réscrit de Sa Majesté l'Empereur au Gouverneur Général de la Finlande Comte Steinheil, du 5 mars 1822).

Vous connaissez, Général, le voeu qui m'a été exprimé au nom des troupes de Finlande, et d'avance vous deviez être sûr que je me plai-

Библиотека "Руниверс"

rais à l'accueillir. Je viens d'adresser à ce sujet au Général-Major Ehrenroth le réscrit ci-joint où vous trouverez le témoignage de mon entière satisfaction. Elle vous est commune, Général,et il m'est agréable de joindre à l'assurance que je vous en donne, celle de ma parfaite estime.

(Signé) Alexandre.

Съ подлинномъ вѣрно: генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Переводъ:

Копія рескрипта его величества императора финляндскому генералъ-губернатору графу Штейнгелю отъ 5-го марта 1822 г.

Вы знаете, генералъ, о томъ пожеланіи, которое мнѣ передано отъ имени финляндскаго войска, и вы заранѣе должны быть увѣрены, что я съ пріятностью приму эту просьбу. По этому поводу я только что направилъ рескриптъ, при семъ прилагаемый, на имя генералъ-майора Еренрота, гдѣ вы найдете выраженія моего полнаго удовлетворенія. Оно вамъ, генералъ, одинаково подобаетъ, и мнѣ пріятно добавить къ сему и увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

(Подписано) Александръ.

Эти документы въ копіяхъ были препровождены главнымъ штабомъ для свѣдѣнія статсъ-секретарю по финляндскимъ дѣламъ барону Ребиндеру [1]).

Неестественная и оскорбительная преграда между русскимъ и финскимъ войскомъ, воздвигнутая благодаря сепаратистическимъ стремленіямъ перваго финляндскаго сейма, была, такимъ образомъ, навѣки разрушена и, какъ мы знаемъ, съ этого времени финскія войска выступали на боевое поприще вмѣстѣ съ русскими войсками какъ то было, напримѣръ, въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ, когда финскій гвардейскій батальонъ съ честью сражался бокъ-о-бокъ съ русскою арміею.

А. Папковъ.

---

[1]) № 108. Главный штабъ его императорскаго величества.
По канцеляріи начальника главнаго штаба.
Отдѣленіе финскихъ войскъ.
Въ С.-Петербургѣ 14 марта 1822 г. № 20.

Господину статсъ-секретарю барону Ребиндеру.

Имѣю честь препроводить при семъ вашему превосходительству для свѣдѣнія копіи съ двухъ рескриптовъ, данныхъ финляндскому генералъ-губернатору графу Штейнгелю, и съ рескрипта, послѣдовавшаго на имя дивизіоннаго командира финскихъ войскъ генералъ-майора Еренрота объ отмѣнѣ второй статьи высочайшаго рескрипта, даннаго генералу-отъ-инфантеріи графу Армфельту 6 сентября 1812 года.

Начальникъ главнаго штаба князь Вяземскій.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ КНЯЗЯ Б. Б. ГОЛИЦЫНА.

ЕРВАЯ половина нынѣшняго года печально ознаменовалась нѣсколькими незамѣнимыми утратами, понесенными нашимъ отечествомъ. Въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ 1916 года мы лишились четырехъ ученыхъ, которыми могла гордиться Россія: А. И. Воейкова, Е. В. Павлова, М. М. Ковалевскаго, А. В. Прахова. 4-го мая за ними совершенно неожиданно послѣдовалъ и князь Борисъ Борисовичъ Голицынъ, скончавшійся въ полномъ расцвѣтѣ силъ, когда родина могла ждать отъ этого выдающагося, рѣдкаго по своей разносторонней энергіи человѣка еще многаго и многаго на пользу свою и славу.

Широко плодотворная научная, общественная и административная его дѣятельность настолько замѣчательна и примѣръ его трудовой жизни настолько для всѣхъ насъ поучителенъ, что въ сжатомъ очеркѣ, посвященномъ его свѣтлой памяти, даже трудно поставить себѣ опредѣленныя границы. Яркая фигура покойнаго рѣзко выдѣляется на фонѣ нашей блѣдной еще общественности. Будемъ надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ взоры молодыхъ нашихъ поколѣній, которыя найдутъ въ жизни и дѣятельности этого человѣка достойнѣйшій примѣръ для подражанія.

Князь Борисъ Борисовичъ Голицынъ родился въ 1862 году. Происходилъ онъ изъ славнаго, многовѣтвистаго рода Гедиминовичей, давшаго Россіи, начиная съ XV столѣтія, столько выдающихся дѣятелей на разныхъ поприщахъ. Онъ былъ прямымъ потом-

Библиотека "Руниверс"

комъ князя Михаила Михаиловича Голицына, сподвижника императора Петра Великаго, фельдмаршала и побѣдителя при Шлиссельбургѣ, Нарвѣ и Митавѣ. По женской линіи покойный происходилъ отъ царей грузинскихъ. Отецъ кн. Бориса Борисовича, кн. Б. Н. Голицынъ, послѣ окончанія физико-математическаго факультета харьковскаго университета служилъ офицеромъ въ Кавалергардскомъ полку и въ генеральномъ штабѣ, а позже былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Курской губерніи.

Тщательнымъ домашнимъ воспитаніемъ въ дѣтствѣ кн. Борисъ Борисовичъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своей матери, рожденной графинѣ Кушелевой, послѣ развода со своимъ мужемъ вышедшей замужъ за маркиза Инконтри и жившей съ тѣхъ поръ по большей части въ Италіи.

Бывшій на попеченіи своей бабушки, графини Кушелевой, кн. Б. Б. Голицынъ въ 1876 году былъ по собственному желанію опредѣленъ въ морское училище, курсъ котораго онъ окончилъ въ 1880 году гардемариномъ, съ отличіемъ. По отзывамъ товарищей покойнаго, онъ уже въ стѣнахъ морской школы отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ при разносторонности интересовъ, высокимъ благородствомъ характера и прекрасными душевными свойствами. Однимъ изъ товарищей кн. Бориса Борисовича былъ Н. О. Эссенъ, позже герой Портъ-Артура и нашъ славный адмиралъ-флотоводецъ въ Балтійскомъ морѣ. Одинъ уже примѣръ Н. О. Эссена говоритъ о томъ, какую прекрасную военную школу давало наше морское училище въ концѣ 1870-хъ годовъ.

Воспитанникомъ морского училища кн. Б. Б. Голицынъ много плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Вспоминая эти плаванія, какъ и вообще всю практическую школу, пройденную имъ въ морскомъ училищѣ, покойный съ благодарностью называлъ имена адмираловъ В. Н. Брылкина и А. П. Епанчина, находя, что такихъ начальниковъ морское училище съ тѣхъ поръ не имѣло. Молодымъ офицеромъ кн. Борисъ Борисовичъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ на фрегатѣ «Герцогъ Эдинбургскій», въ числѣ офицеровъ котораго былъ и великій князь Константинъ Константиновичъ, будущій августѣйшій президентъ императорской академіи наукъ. При этомъ въ маѣ 1881 г. кн. Голицыну удалось совершить интересное путешествіе по Палестинѣ, имѣвшее для него общеобразовательное значеніе.

Во время этихъ плаваній жажда труда для пріобрѣтенія новыхъ знаній не покидала молодого князя, и онъ употреблялъ все свое сколько-нибудь свободное время на чтеніе и изученіе новыхъ предметовъ въ области точныхъ наукъ. Онъ мечталъ тогда, не покидая морской службы, поступить вольнослушателемъ въ университетъ. Но это встрѣтило непреодолимыя препятствія чисто формальнаго свойства, и молодому человѣку, жаждавшему высшаго обра-

Библиотека "Руниверс"

зованія, пришлось ограничиться поступленіемъ въ 1884 году въ морскую академію.

Серьезно заболѣвъ передъ этимъ (у молодого князя обнаружились признаки начинающейся чахотки), Борисъ Борисовичъ долженъ былъ провести два года у своей матери въ Италіи. Время это не пропало даромъ для дальнѣйшаго его разносторонняго образованія: проживая во Флоренціи, онъ усиленно занялся исторіей и политической экономіей, для чего записался слушателемъ въ мѣстную школу соціальныхъ наукъ, гдѣ слушалъ лекціи нѣсколькихъ выдающихся итальянскихъ профессоровъ. Въ то же время кн. Голицынъ съ любовью занимался изученіемъ исторіи искусствъ, для чего объѣхалъ рядъ городовъ Италіи.

Въ 1886 г. князь Борисъ Борисовичъ блестяще окончилъ курсъ Николаевской морской академіи по гидрографическому ея отдѣленію. Но это не удовлетворило его въ стремленіи къ широкому научному образованію. Къ тому же расхолаживающимъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ прохожденія дальнѣйшей военной службы явился слѣдующій случай. Въ это время вошелъ въ силу новый законъ о морскомъ цензѣ и выросло неожиданное препятствіе къ производству молодого талантливаго офицера въ слѣдующій чинъ (лейтенанта): ему не хватало для этого всего лишь одного мѣсяца плаванія, причемъ главный морской штабъ не нашелъ возможнымъ дать случай мичману, окончившему курсъ академіи, немедленно доплавать недостающій мѣсяцъ. На рѣшительнаго по природѣ князя Бориса Борисовича это подѣйствовало такъ, что онъ немедленно же вышелъ въ запасъ съ тѣмъ, чтобы поступить въ университетъ. Но и тутъ возникло новое, узко-формальное препятствіе, столь характерное для нашихъ порядковъ недавняго прошлаго: оказалось, что вмѣсто экзамена при университетѣ по древнимъ языкамъ отъ морского офицера, окончившаго курсъ академіи, требовался полный экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при классической гимназіи по всему гимназическому курсу, начиная съ Закона Божія, ариѳметики и проч. Это переполнило чашу терпѣнія кн. Бориса Борисовича, и онъ, по совѣту одного изъ преподавателей петроградскаго университета, рѣшилъ, выйдя въ полную отставку, поступить въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ.

Выборъ его палъ на страсбургскій университетъ, и покойный никогда не раскаивался въ своемъ выборѣ, такъ какъ въ этомъ университетѣ были въ то время сосредоточены многія выдающіяся профессорскія силы. Отдавшись спеціальному изученію физики, кн. Голицынъ прошелъ здѣсь основательную научную школу подъ руководствомъ главнымъ образомъ проф. Кундта. Каждое лѣто онъ возвращался въ Россію, не теряя такимъ образомъ связи со своей родиной даже временно.

Сдавъ докторскій экзаменъ, онъ въ 1890 году получилъ отъ страс-

Библиотека "Руниверс"

бургскаго университета степень доктора философіи «summa cum laude» за представленную имъ диссертацію по физикѣ.

Немедленно послѣ этого кн. Б. Б. Голицынъ вернулся въ Россію и сдалъ при петроградскомъ университетѣ полный циклъ магистерскихъ экзаменовъ по спеціальности физики; затѣмъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ, послѣ непродолжительной поѣздки за границу по случаю своей женитьбы на Маріи Константиновнѣ Хитрово, дочери бывшаго казанскаго вице-губернатора, онъ былъ въ 1891 г. назначенъ приватъ-доцентомъ университета по каѳедрѣ физики. Такимъ образомъ покойный, вмѣстѣ съ князьями Трубецкими, Гагариным и немногими другими, явился однимъ изъ первыхъ представителей нашей родовой аристократіи въ рядахъ профессоровъ и профессіональныхъ ученыхъ.

Въ 1893 году покойному пришлось испытать еще одну крупную непріятность. Весной этого года онъ представилъ въ физико-математическій факультетъ московскаго университета диссертацію на степень магистра. Вслѣдствіе разнорѣчивыхъ о ней отзывовъ профессоровъ и литературной между ними по этому поводу полемики диссертація эта была отклонена факультетомъ. Между тѣмъ основная часть ея была признана за границей цѣннымъ научнымъ вкладомъ, переведена, безъ всякаго участія ея автора, на англійскій языкъ и опубликована въ одномъ изъ солиднѣйшихъ научныхъ журналовъ Англіи...

Къ осени того же года кн. Б. Б. Голицынъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ юрьевскаго университета, гдѣ ему довелось читать лекціи по физикѣ въ теченіе одного лишь семестра, такъ какъ къ концу того же 1893 года онъ былъ избранъ академикомъ-адъюнктомъ императорской академіи наукъ.

Благодаря существованію въ то время должностей адъюнктовъ, наша академія наукъ имѣла возможность (каковой лишила себя позже) вводить въ свою среду молодыя, свѣжія силы, которыя могли оказывать благотворное вліяніе на ея дѣятельность.

Результаты избранія въ академическую среду молодого ученаго сказались тотчасъ же. Получивъ въ свое завѣдываніе физическій кабинетъ академіи, князь Голицынъ сразу поднялъ его на значительную высоту, личнымъ примѣромъ вдохновляя другихъ къ продуктивной научной работѣ. При немъ кабинетъ этотъ началъ съ успѣхомъ вырабатывать, между прочимъ, точные физическіе приборы, создавая новые ихъ типы. Какъ человѣкъ, одаренный исключительной энергіей, покойный явился еще въ 1890-хъ годахъ иниціаторомъ цѣлаго ряда академическихъ предпріятій. Еще будучи адъюнктомъ, т.е. однимъ изъ младшихъ членовъ академіи, онъ съ 1895 года состоялъ уже членомъ правленія академіи, участвовалъ во многихъ академическихъ комиссіяхъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предсѣдательствовалъ. Вездѣ, гдѣ требовалось быстрое и энер-

Библиотека "Руниверс"

гичное проведеніе дѣла, кн. Б. Б. Голицынъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ,. И академія наша широко пользовалась его изумительной энергіей. Начиная съ 1896 года покойный неоднократно исправлялъ должность непремѣннаго секретаря академіи,—даже тогда, когда былъ заваленъ другими дѣлами. Характерной чертой покойнаго было никогда не отказываться отъ участія въ живомъ дѣлѣ, для котораго онъ не жалѣлъ своихъ силъ.

Въ 1898 году онъ былъ избранъ экстраординарнымъ, въ 1908 г.— ординарнымъ академикомъ.

Въ 1896 году кн. Голицынъ вмѣстѣ съ академикомъ Баклундомъ организовалъ академическую экспедицію на Новую Землю для наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затменіемъ. Въ качествѣ фактическаго руководителя всей этой экспедиціей онъ, послѣ наблюденій солнечнаго затменія, проникъ, во главѣ партіи разныхъ спеціалистовъ, въ глубь южнаго острова Новой Земли и собралъ тамъ цѣнные для географіи матеріалы. Благодаря энергіи покойнаго, результаты этой экспедиціи были обработаны и изданы полностью, что у насъ вообще не часто случается.

А между тѣмъ въ это время дѣятельность кн. Б. Б. Голицына далеко не ограничивалась одной академіей наукъ. Съ 1894 года онъ непрерывно въ теченіе свыше двадцати лѣтъ состоялъ сперва преподавателемъ, позже профессоромъ физики въ Николаевской морской академіи. Это родное покойному учрежденіе обязано ему не только прекрасной постановкой преподаванія и образцовымъ оборудованіемъ физическаго кабинета, но также и выработкой раціональной программы курса при недавней реформѣ академіи.

Князь Б. Б. Голицынъ всегда пользовался заслуженнымъ авторитетомъ въ ученой средѣ морской академіи, которая избрала его въ 1908 г. постояннымъ членомъ конференціи.

Съ 1897 по 1899 г. кн. Голицынъ читалъ лекціи по экспериментальной физикѣ въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. И здѣсь ему пришлось создать физическій кабинетъ и организовать практическія занятія. Позже, съ 1909 г. до конца жизни, онъ читалъ физику и на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ оставилъ по себѣ среди своихъ слушательницъ свѣтлую память прекраснаго профессора и въ высшей степени гуманнаго человѣка. Популярность, которой пользовался покойный среди своихъ слушательницъ, ярко сказалась, между прочимъ, при его похоронахъ.

Въ началѣ 1899 года кн. Б. Б. Голицынъ былъ приглашенъ тогдашнимъ министромъ финансовъ С. Ю. Витте на отвѣтственный постъ управляющаго экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Кн. Борисъ Борисовичъ принялъ въ свое завѣдываніе это учрежденіе, функціонирующее исключительно на коммерческомъ основаніи, въ самомъ печальномъ состояніи: на немъ лежало до $1^1/_2$ милліона рублей долга при наличіи всего лишь 30

Библиотека "Руниверс"

тысячъ р. въ кассѣ и ежемѣсячномъ расходѣ на производство до 300 тыс. р. За шесть лѣтъ управленія экспедиціей кн. Голицыну удалось уплатить всѣ долги этого учрежденія, образовать новый оборотный капиталъ въ 700 тыс. р., выстроить за счетъ прибылей предпріятія цѣлый рядъ новыхъ зданій и пріобрѣсти большой земельный участокъ для квартиръ рабочихъ. Для того, чтобы дать понятіе объ изумительной дѣятельности покойнаго князя въ роли управляющаго экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ, нельзя не привести еще слѣдующихъ результатовъ его 6-лѣтней тамъ дѣятельности: при немъ былъ введенъ 8-часовой день во всѣхъ отдѣленіяхъ экспедиціи, увеличено содержаніе всѣмъ мастерамъ и рабочимъ, устроены ясли для ихъ дѣтей, лѣтняя колонія для подростковъ-рабочихъ, упорядочена столовая рабочихъ, открыта чайная, выстроено большое театральное зданіе съ прекраснымъ заломъ, устроенъ клубъ для чиновниковъ и мастеровъ съ библіотекой при немъ, выстроено два новыхъ зданія для рабочихъ, устроены потребительская лавка, заложено большое новое зданіе для мастерскихъ, созданы новыя мастерскія, предпринята серія художественныхъ изданій, для сбыта которыхъ открытъ магазинъ на Невскомъ, и учреждена въ особомъ, нарочно выстроенномъ для этого зданіи большая техническая школа для безплатнаго обученія дѣтей рабочихъ съ 9-лѣтнимъ полнымъ курсомъ; наконецъ, организованы общеобразовательныя лекціи для рабочихъ, въ чтеніи которыхъ принималъ участіе самъ кн. Голицынъ.

Проведеніе всѣхъ этихъ реформъ потребовало громаднаго напряженія энергіи покойнаго, а подчасъ и весьма упорной борьбы, что не могло не отозваться на здоровьѣ даже исключительнаго по энергіи человѣка.

Но вотъ наступилъ 1905 годъ,—и отголоски событій 9-го января, конечно, болѣзненно отозвались и въ экспедиціи. Долго князю Голицыну удавалось успѣшно бороться съ эксцессами забастовочнаго движенія и съ непомѣрно возраставшими притязаніями рабочихъ, не допуская ни въ чемъ нарушенія законовъ. Но когда, по словамъ покойнаго, «послѣ объявленія манифеста 17-го октября обнаружился у правительства полный параличъ власти и началось нестерпимое заигрываніе предсѣдателя совѣта министровъ съ рабочими», кн. Борисъ Борисовичъ, утомленный непрерывной борьбой на два фронта и не находя ни въ комъ поддержки для проведенія своей неуклонно-закономѣрной, твердой линіи, рѣшительно подалъ въ отставку. Эти тяжелыя обстоятельства его жизни не помѣшали ему позже, съ присущимъ ему высокимъ благородствомъ характера, дать слѣдующій безпристрастный отзывъ о дѣятельности гр. С. Ю. Витте:

«Во всемъ происшедшемъ едва ли справедливо слишкомъ строго винить графа Витте. Несомнѣнно, что онъ, подъ быстрымъ напоромъ

Библиотека "Руниверс"

событій, совершенно потерялъ почву подъ ногами и окончательно растерялся. Отъ манифеста 17-го октября онъ ожидалъ всеобщаго успокоенія, а на первое время вышло какъ разъ наоборотъ. Громадная заслуга графа Витте за время его управленія министерствомъ финансовъ заключается все-таки въ томъ, что онъ создалъ въ своемъ министерствѣ настоящую дѣловую атмосферу. Онъ не боялся окружать себя дѣльными и талантливыми людьми, въ противность многимъ другимъ администраторамъ, которые предпочитаютъ имѣть сотрудниковъ со средними дарованіями, чтобы на ихъ сѣромъ фонѣ самому легче выдвинуться и блеснуть. Достаточно вспомнить, кто въ это время были ближайшими сотрудниками Витте». Въ этой дѣловой школѣ князь Голицынъ очень многому научился, что оказалось ему очень полезнымъ и въ дальнѣйшей его дѣятельности»—скромно замѣчаетъ покойный.

Во время управленія своего экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ кн. Голицынъ состоялъ три года по избранію гласнымъ городской думы по Нарвской части, состоя въ то же время попечителемъ городскихъ школъ этой части столицы. Въ маѣ 1905 г. участвовалъ въ Москвѣ въ извѣстномъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей, выработавшемъ знаменитый адресъ, представленный Государю Императору делегаціей во главѣ съ покойнымъ кн. С. Н. Трубецкимъ. Съ 1910 г. кн. Б. Б. Голицынъ состоялъ гласнымъ петергофскаго земскаго собранія, въ которомъ считалъ долгомъ принимать также дѣятельное участіе.

Когда, въ началѣ русско-японской войны, образовался особый комитетъ для усиленія военнаго флота на добровольныя пожертвованія, кн. Б. Б. Голицынъ вступилъ въ число его членовъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ его работахъ, организовавъ, между прочимъ, новый способъ сбора пожертвованій, давшій комитету свыше 400 тыс. рублей.

Въ 1906 г. кн. Голицынъ явился однимъ изъ учредителей новой общественной организаціи—россійскаго морского союза и, послѣ выхода изъ его предсѣдателей С. В. Рухлова по случаю назначенія послѣдняго министромъ путей сообщенія, съ 1908 по 1913 г. состоялъ предсѣдателемъ союза, въ которомъ былъ раньше товарищемъ предсѣдателя и по день смерти оставался дѣятельнымъ членомъ совѣта. Вотъ характеристика дѣятельности этого союза, данная покойнымъ княземъ въ своей, еще не опубликованной автобіографіи:

«На первыхъ порахъ жизни нашего обновленнаго государственнаго строя при морскомъ союзѣ устраивались совѣщанія при участіи членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, на которыхъ разбирались разные вопросы, касающіеся возрожденія нашего флота, въ связи съ законопроектами, вырабатываемыми морскимъ министерствомъ. Послѣднее очень косо смо-

Библиотека "Руниверс"

трѣло на дѣятельность морского союза и чинило ему всякія препятствія, усматривая въ немъ какъ бы своего личнаго врага, какимъ онъ никогда не былъ, такъ какъ морской союзъ имѣлъ въ виду только интересы флота и искренно желалъ оказать морскому министерству посильную помощь. Такая свѣтобоязнь и пренебрежительное отношеніе къ общественному мнѣнію была, къ сожалѣнію, удѣломъ не одного только морского министерства».

Въ декабрѣ 1909 г. кн. Голицынъ выступилъ, въ качествѣ предсѣдателя морского союза, въ большомъ конференцъ-залѣ академіи наукъ съ публичнымъ докладомъ: «Объ общихъ директивахъ для правильной постановки дѣла воздухоплаванія въ Россіи», въ которомъ справедливо осуждалъ бездѣятельность и рутину, еще царившія въ военномъ и морскомъ министерствахъ въ то время. Докладъ этотъ произвелъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что на немъ присутствовали многіе члены нашихъ законодательныхъ учрежденій, представители высшей администраціи и видные общественные дѣятели.

Какъ человѣкъ не столько слова, сколько дѣла, кн. Голицынъ быстро наладилъ послѣ этого постройку аэроплановъ на одномъ изъ нашихъ вагоностроительныхъ заводовъ (именно Русско-Балтійскомъ), давшую прекрасные результаты и облегчившую работу нашему талантливому конструктору И. И. Сикорскому.

Одновременно съ энергичной дѣятельностью въ морскомъ союзѣ и въ другихъ общественныхъ организаціяхъ, кн. Голицынъ не прерывалъ ни на одинъ годъ своей чисто научной дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ его многочисленные, непрерывно появлявшіеся ученые труды, такъ и работа въ ученыхъ обществахъ. Такъ, онъ выступалъ не разъ въ этотъ періодъ своей жизни съ научными докладами на нѣсколькихъ съѣздахъ и собраніяхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, одинъ годъ состоялъ президентомъ русскаго физико-химическаго общества и съ 1908 по 1912 г. членомъ совѣта императорскаго русскаго географическаго общества.

Совершенно естественно выдвигалась не разъ кандидатура кн. Б. Б. Голицына на одинъ изъ двухъ министерскихъ постовъ: министра народнаго просвѣщенія и морского. Имя его было на устахъ у многихъ, но служебныя обстоятельства этого замѣчательнаго организатора и администратора складывались каждый разъ иначе. Происходило это, можетъ быть, потому, что онъ никогда въ жизни не искалъ ни передъ кѣмъ новыхъ, высшихъ назначеній. Въ этомъ сказывалась прирожденная благородная гордость нравственно безупречнаго человѣка.

Въ 1907 году кн. Б. Б. Голицынъ былъ приглашенъ занять постъ предсѣдателя ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Должности этой онъ не оставилъ до конца жизни

Библиотека "Руниверс"

и принесъ и на ней большую пользу отечеству. Безъ лишнихъ словъ онъ и здѣсь шелъ прямо навстрѣчу всякому живому дѣлу, отвѣчающему запросамъ жизни, и въ наикратчайшій срокъ осуществлялъ его. При кн. Голицынѣ было учреждено и широко поставлено при комитетѣ нѣсколько новыхъ научныхъ бюро прикладного характера, и прежнее скромное ассигнованіе на научныя нужды комитета въ одиннадцать съ половиной тысячъ рублей возросло къ 1913 году до 351 тыс. р., а въ результатѣ Россія въ дѣлѣ развитія нѣсколькихъ отраслей знанія, имѣющихъ прямое отношеніе къ сельскому хозяйству (какъ, напр., прикладныя зоологія и ботаника), стала приближаться къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣв. Америки.

Въ маѣ 1913 года академія наукъ избрала кн. Б. Б. Голицына директоромъ Николаевской главной физической обсерваторіи, дѣятельность которой, въ краткій періодъ его управленія, развилась чрезвычайно. За эти послѣдніе три года покойный академикъ успѣлъ произвести полный переворотъ въ организаціи и этого учрежденія. Онъ пришелъ туда съ широкими взглядами на научныя задачи обсерваторіи. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на гео-физическій институтъ, который долженъ вѣдать и изучать всѣ физическія явленія на земномъ шарѣ и въ окружающей его атмосферѣ, причемъ не должно было упускаться изъ виду служеніе наукѣ и всѣмъ практическимъ цѣлямъ (сельскому хозяйству, мореплаванію и другимъ). Эти широкія задачи онъ изложилъ въ 1913 г. въ блестящей вступительной рѣчи на первомъ же очередномъ научномъ собраніи служащихъ обсерваторіи, которыхъ онъ своимъ горячимъ словомъ вдохновилъ на новую, интенсивную дѣятельность. Вскорѣ послѣ этого надвинулась, однако, великая военная гроза, не предусмотрѣнная никакими обсерваторіями, и отъ покойнаго князя потребовалось напряженіе всей его энергіи на служеніе новому дѣлу, вызванному военной страдой. О томъ, какъ онъ поставилъ это дѣло, говорить еще преждевременно, но можно сказать одно: менѣе, чѣмъ когда-либо, щадя свои силы въ это трудное время, онъ принесъ свою жизнь въ жертву отечеству среди трудовъ, безпримѣрныхъ по напряженію.

Для характеристики того, какъ было развито чувство долга и трудовой дисциплины у этого замѣчательнаго человѣка, можно привести хотя бы слѣдующій фактъ. Тяжко больной гнойнымъ воспаленіемъ дыхательныхъ путей, онъ пытался переломить недугъ, не желая ему сдаться. Въ предсмертномъ бреду онъ старался убѣдить окружающихъ, что пора стряхнуть съ себя хворь и немедленно приняться за работу...

Какъ ни изумителенъ уже приведенный перечень разнородныхъ должностей и обязанностей, лежавшихъ одновременно на князѣ Б. Б. Голицынѣ, для характеристики всей совокупности его дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельности необходимо сказать еще нѣсколько словъ о научной ея сторонѣ.

Какъ ученый, кн. Б. Б. Голицынъ составилъ себѣ выдающееся европейское имя. Доказательствомъ этого явилось избраніе его почетнымъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ за границей, присужденіе ему въ 1910 г. манчестерскимъ университетомъ почетной степени доктора физико-математическихъ наукъ, единогласное избраніе его въ 1911 г. въ Манчестерѣ президентомъ международной сейсмологической ассоціаціи. Въ 1915 г. лондонское физическое общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ А за годъ передъ тѣмъ, въ 1914 г., московскій университетъ присудилъ ему степень почетнаго доктора.

Ученые труды кн. Б. Б. Голицына весьма многочисленны: ихъ набирается свыше 120 заглавій. Они относятся къ разнымъ отдѣламъ физики и появлялись ежегодно, начиная съ 1887 г., въ большинствѣ случаевъ по нѣскольку въ годъ, въ изданіяхъ нашей академіи наукъ, физико-химическаго общества и во многихъ заграничныхъ научныхъ органахъ.

Главныя заслуги покойнаго относятся къ молодой еще отрасли физики—сейсмологіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ области сейсмологіи имъ была создана новая отрасль знанія—точный способъ опредѣленія эпицентровъ колебаній земной коры, благодаря чему мы теперь получаемъ точныя данныя о всѣхъ землетрясеніяхъ земного шара. Для этихъ наблюденій покойнымъ княземъ не только были созданы новые весьма чувствительные приборы (сейсмометрическіе и сейсмографическіе); для постоянныхъ наблюденій имъ была создана и оборудована сейсмическая станція въ Пулковѣ; оборудованы были новыми приборами и нѣкоторыя наши провинціальныя обсерваторіи. Выдѣлка сейсмографическихъ приборовъ системы кн. Голицына съ успѣхомъ производилась подъ его руководствомъ въ Петроградѣ, и они вскорѣ получили широкое распространеніе на заграничныхъ обсерваторіяхъ. Это былъ, кажется, первый случай въ исторіи, когда сложные научные инструменты русскаго происхожденія и производства, съ клеймомъ петроградской механической мастерской, завоевали себѣ почетное мѣсто въ Западной Европѣ.

До конца своей жизни кн. Б. Б. Голицынъ стоялъ во главѣ сейсмологическаго дѣла, которое онъ такъ блестяще организовалъ въ Россіи.

Въ жизни и дѣятельности покойный обладалъ рѣдкими чертами, которыя никогда не изгладятся въ памяти тѣхъ, кто хоть изрѣдка съ нимъ встрѣчался.

При своей кипучей и неисчерпаемой энергіи, исключительной работоспособности онъ никогда не имѣлъ вида переобремененнаго дѣломъ человѣка и всегда былъ крайне простъ въ обращеніи и

Библиотека "Руниверс"

доступенъ. Чистый аристократъ по происхожденію, онъ никогда не «шилъ себѣ кафтана» изъ своей родовитости и не старался импонировать ею. Аристократизмъ его сказывался невольно развѣ лишь въ высокомъ благородствѣ его характера, въ его широкомъ великодушіи. Строго онъ относился лишь къ людямъ нечестнымъ, ко всѣмъ, страдающимъ недостаткомъ гражданскаго мужества, ко всякому проявленію косности и того сухого, мертвящаго формализма, съ которымъ всю жизнь велъ упорную борьбу. Со всѣми своими сотрудниками онъ держался добрымъ товарищемъ, являясь среди нихъ primus inter pares. Спокойный въ рѣчи и движеніяхъ, онъ со своимъ полнымъ довѣрчивости, открытымъ и добрымъ взглядомъ такъ умѣлъ привлечь къ себѣ всякаго, ободрить его простымъ и теплымъ словомъ, вдохновить и окрылить. Въ его неизмѣнномъ ко всѣмъ доброжелательствѣ, конечно, и заключался секретъ того, что онъ такъ умѣлъ безъ всякаго напора и понужденія заставлять другихъ работать по своему примѣру. Самъ же онъ имѣлъ завидную способность прямо и просто подходить къ дѣлу и, обходя все ненужное, отбрасывая все мелочно-формальное, быстро добираться до самаго «ядра» всякаго дѣла. Въ полномъ смыслѣ слова богатырь духа, двигавшій горы, онъ былъ въ то же время необыкновенно скроменъ и чуждался всякой рекламы. Вотъ почему знали о немъ и объ его дѣятельности въ широкихъ кругахъ у насъ сравнительно немногіе.

Но тысячи лицъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, сохранятъ о князѣ Б. Б. Голицынѣ до конца дней своихъ благодарную память. Такіе люди, какъ покойный, у насъ еще составляютъ рѣдкое исключеніе. Это былъ человѣкъ не столько настоящаго, сколько будущаго Россіи. Надежда на это свѣтлое будущее только и можетъ примирить насъ съ понесенной тяжелой утратой.

А. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

Библиотека "Руниверс"

Ѳ. М. ПЛЮШКИНЪ И ЕГО МУЗЕЙ.

СМЕРТЬ не щадитъ нашихъ собирателей. Давно ли умерли В. С. Передольскій и П. Я. Дашковъ, а теперь сошли въ могилу одинъ за другимъ Ѳ. М. Плюшкинъ, П. М. Романовъ, А. А. Титовъ и, наконецъ, П. И. Щукинъ.

Почти всѣхъ этихъ идейныхъ, «непрактичныхъ» въ глазахъ общества, людей я хорошо и давно зналъ лично. Не былъ знакомъ я только съ Романовымъ, потому что въ послѣдній годъ своей жизни онъ занималъ высокій постъ и едва ли былъ бы радъ посѣтителямъ, которые могли помѣшать его занятіямъ внѣ области коллекціонированія.

Изъ вышеупомянутыхъ покойныхъ собирателей самою оригинальною личностью былъ, безспорно, Ѳ. М. Плюшкинъ. Среди нихъ онъ выдѣлялся и какъ единственный самоучка, всѣмъ обязанный исключительно себѣ, и, наконецъ, какъ единственный среди пятерыхъ остальныхъ незнакомый съ табелью о рангахъ...

I.

Вышелъ Ѳедоръ Михайловичъ изъ богатой когда-то купеческой семьи. Эта семья вела крупныя торговыя дѣла въ Валдаѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Дерптѣ, Ригѣ и даже съ Индіей. Но надъ Плюшкиными тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Дѣда будущаго коллекціонера, Ѳедора Васильевича, постигло несчастье: караванъ его барокъ съ дорогими товарами затонулъ въ Ладожскомъ озерѣ.

Библиотека "Руниверс"

Судовладѣлецъ обѣднѣлъ и только позже нѣсколько поправилъ свое состояніе.

Внукъ его, Ѳедоръ Михайловичъ, родился въ Валдаѣ 7-го февраля 1837 года. При какихъ условіяхъ онъ росъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно лишь, что у мальчика были очень хорошія способности, поэтому отецъ рѣшилъ дать ему образованіе. Но смерть отца разбила эти мечты. Въ памятный 1848 годъ Михаилъ Ѳедоровичъ Плюшкинъ скончался отъ холеры, и образованіе маленькаго Ѳеди ограничилось курсомъ начальнаго училища.

Казалось, ребенку было обезпечено хоть безбѣдное существованіе, однакожъ и тутъ судьба жестоко насмѣялась надъ нимъ,— его близкихъ постигъ новый ударъ. Мать его поручилась своимъ имуществомъ за одного крупнаго поставщика и, когда послѣдній не выполнилъ своихъ обязательствъ, потеряла все свое состояніе. Она совершенно разорилась, и Ѳедору Михайловичу пришлось вступать въ жизнь при очень тяжелыхъ условіяхъ.

II.

Мать Ѳедора Михайловича, Анна Ивановна, рѣшила отдать мальчика въ ученіе къ дядямъ, Николаю и Ивану Ѳедоровичамъ Плюшкинымъ, которые торговали въ Валдаѣ краснымъ товаромъ. Племянника они приняли къ себѣ, но смотрѣли на него не какъ на близкаго своего родственника, а какъ на простого мальчика при своей лавкѣ.

Прежде всего, они помѣстили его не въ комнатахъ, а на кухнѣ. Маленькій Ѳедя долженъ былъ во всемъ слушаться кухарку, чистить посуду и быть на побѣгушкахъ. Къ счастью для ребенка, эта простая русская женщина оказалась доброю душой. Вмѣстѣ съ женой Ивана Ѳедоровича Плюшкина, Пелагеей Ивановной, крестной матерью Ѳеди, она старалась, насколько могла, скрасить его тяжелую жизнь, баловала его ласковымъ словомъ, дарила лакомствами... Вообще же эти двѣ женщины старались охранять мальчика отъ лютости его дяди, Николая.

Ѳедя долженъ былъ вставать ежедневно въ четыре часа утра, зимой—убирать снѣгъ и чистить или мести дорожку отъ параднаго крыльца до лавки, ходить въ трактиръ за кипяткомъ и заниматься съ покупателями.

Но самое тяжелое для него были далекія поѣздки по ярмаркамъ, куда мальчика отправляли вмѣстѣ съ извозчиками. Тутъ ему приходилось терпѣть и холодъ, и голодъ. Уже взрослымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, онъ не могъ безъ слезъ и ужаса вспоминать, что его оставляли ночевать въ холодныхъ балаганахъ въ то время, какъ его дяди благодушествовали и гуляли по гостиницамъ.

Библиотека "Руниверс"

Однажды двѣнадцатилѣтній Ѳедя стоялъ съ метлой около лавки, когда къ находившемуся возлѣ него дядѣ Николаю подошелъ нищій и сталъ что-то предсказывать тому, видимо, непріятное.

— А вотъ чей уголъ будетъ полонъ всякаго добра,—неожиданно обратился нищій къ Ѳедѣ.

Надъ болтовней старика-нищаго посмѣялись тогда; но его предсказаніе сбылось буквально. Николай Плюшкинъ три раза страдалъ отъ пожара, совершенно разорился и умеръ въ бѣдности. Онъ существовалъ только на тѣ деньги, которыя присылалъ ему разбогатѣвшій племянникъ, когда-то гонимый имъ Ѳедя...

Когда мальчикъ подросъ, дяди задумали отдать его «въ люди» и отправили въ Москву къ фабриканту Бутикову.

Опять началась тяжелая жизнь для Ѳеди. Ежедневно юноша долженъ былъ носить на Остоженку пудовые тюки съ товарами изъ хозяйскаго дома.

Хозяинъ былъ очень доволенъ Ѳедоромъ Михайловичемъ, сталъ отличать его передъ другими и, наконецъ, сдѣлалъ приказчикомъ.

— Приказчикомъ жалованья получалъ всего семь рублей, но жилъ припѣваючи,—разсказывалъ много позже Ѳедоръ Михайловичъ когда-то посѣтившему его сотруднику «Голоса Москвы».

Вообще онъ сохранилъ о Москвѣ добрую память и визитеровъ изъ Бѣлокаменной принималъ всегда радушно.

Вскорѣ надъ двадцатилѣтнимъ юношей стряслась нежданно-негаданно бѣда. На красиваго Ѳедю обратила вниманіе хозяйская дочь Наташа. Но Бутиковъ, которому не улыбалось родство съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, круто покончилъ съ увлеченіемъ дочери. Онъ велѣлъ Ѳедору Михайловичу отвезти крупную сумму своимъ кредиторамъ во Псковъ и ждать тамъ хозяйскихъ приказаній. Ѳедоръ Михайловичъ выполнилъ данное ему порученіе, но въ Москву уже не вернулся: онъ получилъ письмо, гдѣ говорилось, что Бутикову онъ больше не нуженъ и можетъ располагать собою...

Какъ громомъ, поразило это Ѳедора Михайловича и его мать. Положеніе было отчаянное. Тогда Плюшкинъ взялъ лучшія вещи, оставшіяся послѣ покойнаго отца, и пошелъ къ дядѣ Николаю, переселившемуся тогда во Псковъ, умоляя о ссудѣ денегъ подъ залогъ вещей. Разсвирѣпѣлъ Николай Плюшкинъ, выхватилъ вещи у оторопѣвшаго юноши, бросилъ къ его ногамъ десять рублей и выгналъ его изъ дому.

III.

Новая жизнь началась для его племянника.

Накупилъ онъ на дядины деньги катушекъ, иголокъ, мыла, тесемокъ и т. д. и пошелъ продавать ихъ по окраинамъ Пскова. Анна Ивановна дѣлала бумажные цвѣты (вѣнчики), которые, по

Библиотека "Руниверс"

тогдашней модѣ, крестьяне носили на шляпахъ (гречневикахъ), и поминанья. Кромѣ того, и мать, и сынъ ѣздили по ярмаркамъ.

Коробейникомъ Ѳедоръ Михайловичъ никогда не былъ, и разсказы нѣкоторыхъ журналистовъ, будто онъ съ коробомъ за плечами странствовалъ по Пскову и заглядывалъ, по дорогѣ, въ помѣщичьи усадьбы, скупая у разорившихся хозяевъ иконы, посуду, гравюры, фарфоръ и старинныя вещи, не что иное, какъ плоды досужаго вымысла.

Не разъ вспоминалъ потомъ будущій коллекціонеръ, какъ, отправившись однажды въ храмовой праздникъ, въ Никандрову пустынь, въ Порховскомъ уѣздѣ, онъ продалъ товару на цѣлыхъ семьдесятъ семь копеекъ! Это былъ богатый барышъ, и юноша радовался, что вырученныхъ денегъ хватитъ и на покупку товара, и на обѣдъ съ матерью.

Черезъ три года у Ѳедора Михайловича былъ скопленъ «капиталъ»—сто рублей серебромъ, и онъ въ первый разъ еще поѣхалъ за товаромъ въ Питеръ. Здѣсь онъ нашелъ добрыхъ людей, которымъ понравился серьезный, энергичный и дѣловой юноша. Они дали ему товару въ кредитъ, а въ придачу—практическіе и умные совѣты.

IV.

У братьевъ отца Ѳедора Михайловича—Василія [1]) и Ивана (о которомъ шла рѣчь выше) Ѳедоровичей—былъ во Псковѣ огромный, чуть ли не самый большой тогда въ городѣ, каменный трехъэтажный домъ, на углу Архангельской и Петропавловской улицъ, съ магазинами, номерами для пріѣзжающихъ и даже театромъ.

Въ этомъ-то домѣ Ѳедоръ Михайловичъ и открылъ 7-го февраля 1859 года, въ день своего рожденія, свое собственное торговое дѣло—небольшую галантерейную лавку. Въ домѣ дядей онъ взялъ себѣ и скромную квартирку въ третьемъ этажѣ и поселился здѣсь со своей матерью.

Отъ матери, скончавшейся въ 1889 году во Псковѣ, въ глубокой старости и бывшей вѣрнымъ другомъ сына, дѣлившей съ нимъ всѣ невзгоды жизни, онъ унаслѣдовалъ многія черты характера, между прочимъ—энергію и трудолюбіе.

Торговое дѣло Ѳедора Михайловича пошло настолько успѣшно, что онъ могъ подумать о женитьбѣ. Онъ поѣхалъ въ Валдай и въ началѣ 1861 года женился на своей землячкѣ, Марьѣ Ивановнѣ Шавриной, которая и дала ему семейное счастье.

Лѣтомъ 1867 года въ жизни Ѳедора Михайловича произошло крупное событіе. Домъ, гдѣ онъ торговалъ, сгорѣлъ до-тла. Обго-

---

[1]) Онъ фигурируетъ въ видѣ старика на извѣстной, находящейся въ Третьяковской галлереѣ, картинѣ А. И. Морозова—«Выходъ изъ церкви во Псковѣ».

Библиотека "Руниверс"

рѣлыя стѣны достались Ивану Ѳедоровичу и Ѳедору Михайловичу. Они подѣлили и землю, при чемъ второй получилъ небольшое угловое мѣсто. На немъ онъ выстроилъ въ 1870 году, придерживаясь старыхъ стѣнъ, собственный каменный домъ и осѣлъ во Псковѣ навсегда, пройдя здѣсь въ торговлѣ всѣ стадіи, отъ мелкаго торговца въ розницу до крупнаго оптовика.

Трудолюбіе, энергія и рѣдкая среди людей его профессіи добросовѣстность составили ему капиталъ и помогли отдаться коллекціонированію.

Въ концѣ концовъ, его страсть принимаетъ серьезную форму— онъ начинаетъ собирать музей.

V.

Если мы спросимъ, отъ кого изъ родныхъ унаслѣдовалъ покойный собиратель страсть свою, мы не получимъ отвѣта. Вѣрнѣй всего, это коллекціонеръ «Божіею милостью», собиратель по рожденію, одинъ изъ тѣхъ самородковъ, которые, къ счастью, еще не перевелись на Руси.

Манія его къ коллекціонированію, помимо музейнаго, выражалась въ началѣ иногда въ довольно курьезной формѣ. Напримѣръ, онъ завелъ садокъ съ канарейками. Вскорѣ къ канарейкамъ прибавились клѣткй со щеглами, дроздами, жаворонками и соловьями, а вслѣдъ за ними снѣгирь и иностранные гости—колибри, инсепарабли, кардиналъ и проч., въ общемъ, тридцать птицъ.

Но птицы одна за другой перемерли, и Ѳедоръ Михайловичъ завелъ акваріумъ съ золотыми рыбками. Страсть разгорѣлась, и черезъ нѣсколько времени вмѣсто одного акваріума въ Плюшкинской квартирѣ появилось цѣлыхъ десять, съ самымъ разнообразнымъ населеніемъ: телескопами, голубымъ окунемъ, карасями, ершами, аксолотами т. п. Для акваріума хозяинъ искалъ даже маленькаго сома.

Въ свою очередь, когда и все это исчезло, рыбъ смѣнилъ террарій съ черепахами, ящерицами, ужами и даже гадюкой. Но и это все переколѣло. И вотъ въ домѣ, для пополненія пустоты, появилась масса цвѣтовъ. Они держались сравнительно долго, пока поочередно не погибли отъ спертаго «музейнаго» воздуха.

Затѣмъ Ѳедоръ Михайловичъ заводитъ садъ, и опять начинается коллекціонированіе. Для сада выписываются рѣдкія породы деревьевъ—дорогіе виды елей и березъ, плакучія деревья и пестролистныя растенія. Попутно производятся опыты со всевозможными прививками, разведеніемъ грибовъ и акклиматизаціей папоротниковъ. Однакожъ все это было посажено такъ густо, что глушило другъ друга... и погибло!

Въ общемъ, не было отрасли науки или искусства, которою

Библиотека "Руниверс"

не интересовался бы Ѳедоръ Михайловичъ. Жажда знанія, особенно при томъ скудномъ образованіи, которое онъ получилъ, была у него прямо поразительная.

Коллекціонированіемъ онъ занимается первоначально въ часы досуга; но постепенно этотъ, если можно такъ выразиться, побочный интересъ дѣлается главнымъ дѣломъ его жизни, и онъ не измѣняетъ ему буквально до самой смерти. Всего за нѣсколько дней до своей кончины онъ пишетъ завѣдывающему древлехранилищемъ при Александро-Невской лаврѣ Ѳ. М. Морозову о сдѣланныхъ имъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ для своего музея...

VI.

Въ то время, какъ Ѳедоръ Михайловичъ поселился во Псковѣ, гдѣ прожилъ безвыѣздно болѣе пятидесяти лѣтъ, бывшій «вольный» городъ сохранялъ еще многое изъ своей прошлой исторической жизни. Онъ былъ самъ своего рода музеемъ. Полуразвалившаяся теперь, поросшая мхомъ городская стѣна XIII вѣка, видѣвшая и выдержавшая со славой приступы грознаго Баторія, еще не разрушалась варварски псковскимъ городскимъ управленіемъ, которое позже засыпáло ея щебнемъ ухабы на городскихъ улицахъ, Остатки древнихъ укрѣпленій, Довмонтова башня съ великолѣпнымъ видомъ на рѣку Великую, поэтическая Кислинская башня, множество церквей строгой старинной архитектуры, неумирающія легенды о великомъ прошломъ,—все это, взятое вмѣстѣ, не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія на любителя старины. И я лично чувствовалъ особенную «слабость» къ Пскову и часто ѣздилъ туда, лѣтъ тридцать тому назадъ, спасаться отъ столичной сутолоки и «житейской суеты».

Въ настоящее время городъ растетъ и богатѣетъ—и постепенно, но вѣрно теряетъ свой старинный обликъ. Ѳедоръ же Михайловичъ засталъ старину еще въ ея чистомъ видѣ и многое могъ спасти отъ расхищенія и уничтоженія, воскресить хоть отчасти память о нашемъ героическомъ прошломъ. Этого никогда не должна забывать русская археологія, которой представители, какъ мнѣ передавалъ самъ Плюшкинъ, первое время свысока относились къ собирателю, правда, не имѣвшему ученаго значка, зато, въ противоположность его носителямъ, мало говорившему и много дѣлавшему.

Добыча, собранная имъ, не могла не быть богатой: въ ту пору русскія рѣдкости старыхъ барскихъ или зажиточныхъ крестьянскихъ домовъ [1]) еще не сплавлялись за границу, скупаемыя на мѣ-

---

[1]) Во время своихъ сравнительно недавнихъ скитаній по Архангельской губерніи я уже не могъ найти, напримѣръ, кокошниковъ, шитыхъ жемчугомъ. Послѣдніе скупаютъ для Западной Европы. У нѣмцевъ есть даже особый головной уборъ, теперь модный, котораго внѣшній видъ заимствованъ отъ нашихъ кокошниковъ.

Библиотека "Руниверс"

стахъ юркими комиссіонерами, какъ это практикуется теперь. Достаточно сказать, что почти всѣ предметы Плюшкинскаго собранія, даже вещи коллекцій китайской и японской, пріобрѣтены въ предѣлахъ Псковскаго края.

VII.

Годъ отъ году музей Ѳедора Михайловича дѣлался богаче и богаче: его владѣлецъ пріобрѣталъ все, что̀ встрѣчалъ и что̀ къ нему несли. Вмѣстѣ съ тѣмъ его собраніе становится популярнымъ; о немъ создается своя литература. О немъ пишутъ и въ столичныхъ, и въ провинціальныхъ изданіяхъ и говорятъ даже за границей.

Къ 1911 году, времени кончины его основателя, музей заключалъ въ себѣ болѣе милліона предметовъ, относящихся къ самымъ различнымъ областямъ знанія и культуры, и по богатству и цѣнности предметовъ уступалъ изъ частныхъ собраній развѣ музею П. И. Щукина. Вообще же коллекція Плюшкина считалась третьей у насъ и одиннадцатой—въ мірѣ, по словамъ профессора Шляпкина. Пользовался когда-то большой извѣстностью и музей покойнаго В. С. Передольскаго въ Новгородѣ, теперь окончательно заброшенный наслѣдникомъ новгородскаго археолога; но это музей другого типа.

Какъ мы замѣтили выше, почти нѣтъ области знанія, которую не затрагивали бы коллекціи Ѳедора Михайловича. Правда, въ этой универсальности—слабая сторона его собранія, такъ какъ не всѣ отдѣлы въ немъ представлены вполнѣ хорошо и полно, но, въ свою очередь, именно эта универсальность и придаетъ музею особое значеніе. Недостающее теперь, пожалуй, можно пополнить впослѣдствіи, а вотъ нѣкоторые отдѣлы составишь въ настоящее время развѣ съ очень большимъ трудомъ. Плюшкинъ собиралъ и то, что̀ едва ли кто собираетъ гдѣ-либо въ Россіи,—старинную обувь. На этотъ отдѣлъ наши коллекціонеры, повидимому, не обращаютъ своего благосклоннаго вниманія, а вотъ парижскій Musée de Cluny отвелъ отдѣлу древней обуви цѣлый залъ, да еще какой интересный!

VIII.

Въ Плюшкинскомъ собраніи, по пословицѣ, «чего хочешь, того просишь». Рядомъ съ зародышемъ медвѣдя въ спирту, банкой съ мышью или морскою звѣздой стоятъ вещи высокой стоимости и даже историческаго значенія. Господа, наводящіе «критику», конечно, смѣются надъ этимъ, а одинъ строгій судья «изъ раннихъ» собирается даже кричать «караулъ» на всю Россію, что̀, впрочемъ, едва ли исполнимо, изъ-за ея дистанціи все еще огромнаго размѣра, даже послѣ потери Сахалина.

Библиотека "Руниверс"

Но audiatur et altera pars.

Любой серьезный собиратель скажетъ вамъ, что продавцы, заладивъ ходить къ тому или иному коллекціонеру, требуютъ, чтобы послѣдній покупалъ все, въ противномъ случаѣ, они не принесутъ ему вещей и дѣйствительно хорошихъ.

Плюшкину тащили и «безцензурное» съ той или иной точки зрѣнія.

«У меня всякаго жита по лопатѣ», говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ одному московскому журналисту, «все идетъ къ Плюшкину. Все, что считается неудобнымъ для храненія по религіознымъ или политическимъ основаніямъ въ нашихъ общественныхъ музеяхъ, въ церквахъ или въ частныхъ домахъ,—все разыщете въ моемъ собраніи».

И Плюшкинъ, начавшій собирать съ бабочекъ, птицъ, растеній и знаковъ почтовой оплаты, мало-по-малу могъ видѣть у себя и произведенія высокой марки.

IX.

Коллекціонерство—вещь обольстительная, но и опасная. Оно можетъ разорить васъ, оно же способно доставить вамъ, вмѣстѣ съ радостями, и много тяжелыхъ минутъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ у меня изъ рукъ глупо выскользнула безподобная миніатюра знаменитаго Эрранте, а я и до сихъ поръ не могу спокойно говорить объ этомъ! Кажется, не было ни одного историческаго уголка въ Псковской землѣ, гдѣ не побывалъ бы Ѳедоръ Михайловичъ; но и при этихъ условіяхъ порядочное количество рѣдкостей уходило изъ его рукъ, и онъ неподдѣльно горевалъ тогда.

X.

Первоначально вещи хранились въ каменныхъ амбарахъ и кладовыхъ при домѣ, но затѣмъ ихъ вынесли на свѣтъ Божій и размѣстили въ девяти комнатахъ того дома, гдѣ жилъ ихъ хозяинъ и гдѣ былъ, въ нижнемъ этажѣ, и его магазинъ красныхъ товаровъ.

Домъ Ѳедора Михайловича, въ два этажа, самой шаблонной архитектуры, находится, какъ мы замѣтили выше, на углу Петропавловской и Архангельской (теперь Сергіевской) улицъ.

Въ нижнемъ его этажѣ продавались ситцы и сукна, а верхній былъ отведенъ подъ музей. Догадаться объ этомъ не могъ никто. Никакой вывѣски о томъ, что въ домѣ помѣщается одна изъ выдающихся достопримѣчательностей древняго Пскова, нѣтъ. Только у параднаго подъѣзда, выходящаго на Архангельскую улицу, васъ встрѣчаетъ первая диковинка музея, очевидно, ради безопасности выставленная на улицу,—огромная древняя мортира съ четырьмя

Библиотека "Руниверс"

каменными ядрами. Такими ядрами, безъ сомнѣнія, обстрѣливали Псковъ поляки, такъ какъ ядра найдены и привезены Плюшкинымъ изъ такъ называемаго «становища Стефана Баторія», находящагося около Пскова, за «Проломомъ».

По лѣстницѣ, сплошь заставленной предметами старины, вы поднимаетесь во второй этажъ—и положительно теряетесь. Не только лѣстница, но и вся передняя, стѣны всѣхъ жилыхъ комнатъ, отъ пола до потолка, двери, окна, подоконники, карнизы, стулья, столы и даже печи,—все увѣшано или заставлено рѣдкостями, если и безъ системы, то, нельзя не сознаться, съ другой стороны,—со вкусомъ. Извѣстную роль играетъ, въ данномъ случаѣ, и разнообразіе цвѣтовъ различныхъ вещей.

Оріентироваться среди безчисленнаго количества предметовъ, принадлежащихъ къ разнымъ отдѣламъ,—безъ помощи владѣльца немыслимо. Это не музей въ строгомъ значеніи этого слова, систематизированный, раздѣленный на группы, а скорѣй «лавка древностей» или богатый антикварный магазинъ, гдѣ вещи, по мѣрѣ полученія, ставятся на первое попавшееся свободное мѣсто.

На выручку является старикъ-владѣлецъ музея. Лицомъ онъ походитъ больше на чиновника, чѣмъ на купца. Оторвавшись отъ прилавка, онъ поднимается въ верхній этажъ своего дома и, подводя гостей въ наиболѣе интереснымъ нумерамъ своего собранія, детально разсказываетъ имъ исторію этихъ предметовъ, въ своемъ увлеченіи уклоняясь въ сторону,—черта, свойственная многимъ собирателямъ. Все почему-либо заслуживающее вниманія подчеркнуто, ничто не забыто: съ горячею любовью къ родной старинѣ у Ѳедора Михайловича соединялась изумительная память.

Въ 1890 году уѣхали на службу или для окончанія образованія взрослыя дѣти Ѳедора Михайловича, вышла замужъ дочь. Благодаря всему этому, въ домѣ освободилось много комнатъ... и всѣ онѣ постепенно отошли подъ коллекціи!

Плюшкинъ и жилъ среди своихъ сокровищъ, въ своемъ «жиломъ» музеѣ. Тутъ была и его спальня, и кабинетъ, и столовая, а рядомъ съ ней—всѣ эти Грёзы, Айвазовскіе, Маковскіе, Уткины. Въ одной изъ комнатъ, тоже сплошь заставленной рѣдкостями, обѣдали плюшкинскіе «молодцы».

Удивительно поэтому, какъ музей до сихъ поръ не сгорѣлъ. Говорятъ, впрочемъ, что лѣтъ шесть тому назадъ съ нимъ по сосѣдству вспыхнулъ пожаръ. Музею угрожала опасность, но, къ счастью, все обошлось благополучно. Только Ѳедоръ Михайловичъ такъ переволновался, что занемогъ и, въ концѣ концовъ, слегъ въ постель.

Послѣ пяти-шестичасового хожденія по музею, вы заболѣваете своего рода «выставочною» болѣзнью—головной болью, но уходите неудовлетворенными. Вы начинаете сознавать, что для

Библиотека "Руниверс"

ближайшаго знакомства съ Плюшкинскимъ собраніемъ нужно не нѣсколько часовъ, а нѣсколько дней, и что, противъ вашего желанія, вашъ осмотръ былъ только поверхностнымъ...

XI.

Первою и любимою коллекціей покойнаго собирателя были монеты. Именно ихъ онъ началъ собирать первыми—чисто случайно. Торгуя, Плюшкинъ получилъ отъ покупателей въ уплату нѣсколько голландскихъ червонцевъ, такъ называемыхъ «арапчиковъ», старин-

Плюшкинскій музей во Псковѣ.

(Угловой бѣлый домъ, на Петропавловской улицѣ, направо отъ зрителя).

ныхъ рублей и другихъ монетъ. Внесли свою долю и поселенные во Псковѣ въ предпослѣднюю русско-турецкую войну плѣнные турки.

Въ основаніе нумизматической коллекціи легло также нѣсколько древнихъ русскихъ кладовъ, которые были найдены въ окрестностяхъ Пскова. Къ кладамъ Ѳедоръ Михайловичъ чувствовалъ особенную симпатію и обязательно покупалъ не только самые клады, но и кубышки, кувшины и сосуды, въ которыхъ они хранились.

Постепенно нумизматическій отдѣлъ Плюшкинскаго музея расширялся, и въ него вошли русскія монеты отъ временъ Владимира Святого до нашихъ дней.

Всѣ нумизматическія сокровища Ѳедора Михайловича хранятся въ восьмидесяти четырехъ огромныхъ ящикахъ.

Библиотека "Руниверс"

Чего только тутъ нѣтъ! Здѣсь и псковскія «деньги»,—нѣкоторыя изъ нихъ оправлены въ черепаху,—и всѣ тѣ рѣдкости въ области монетнаго дѣла, которыми въ правѣ гордиться любое не только частное, но и государственное собраніе. Однѣхъ лишь псковскихъ монетъ временъ самостоятельности Пскова нѣсколько сотъ, кромѣ восьмидесяти разновидностей мелкихъ серебряныхъ монетъ и мѣдныхъ пулъ. Наравнѣ съ коллекціей вислыхъ печатей эпохи Псковскаго княжества, это собраніе—единственное въ Россіи, такъ какъ псковскія монеты у насъ пріобрѣталъ исключительно Плюшкинъ.

Вотъ рубли псковскіе, новгородскіе, тверскіе, вотъ золотыя и серебряныя монеты царя Владислава Жигмонтовича, рубли царя Димитрія Іоанновича, такъ называемаго Самозванца, варварской чеканки рубль Емельяна Пугачева вмѣстѣ съ его медалями «за храбрость», рѣдкаго типа рубли императрицы Анны Іоанновны, съ орломъ, обведеннымъ цѣпью, рубли несчастнаго Іоанна Антоновича, современные «семейные» рубли, рубль эфемернаго императора Константина Павловича.

У Плюшкина былъ и послѣдній рубль! А я знавалъ одного страстнаго нумизмата-любителя, проѣхавшаго въ поискахъ за Константиновскимъ рублемъ болѣе четырехъ тысячъ верстъ! Онъ совершилъ чисто феерическое путешествіе по Сибири... но желаемаго рубля такъ-таки и не добылъ: какой-то другой, тоже завзятый коллекціонеръ, успѣлъ перехватить его!..

Въ отдѣлѣ нумизматики хранятся и русскія ассигнаціи и ассигнаціи польскихъ повстанцевъ.

Естественнымъ дополненіемъ къ собранію русскихъ монетъ служитъ коллекція монетъ иностранныхъ, между ними—чашкообразныхъ византійскихъ—и, въ заключенье, «монеты» изъ фарфора и раковинъ, т.-е. простые денежные знаки.

Годъ отъ году увеличиваясь, плюшкинскій минцъ-кабинетъ, ко дню смерти его владѣльца заключалъ въ себѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ монетъ, слитковъ, жетоновъ и медалей, принадлежащихъ всевозможнымъ государствамъ.

Какое аналогичное частное собраніе у насъ можетъ похвастаться этою цифрой? По разнообразію типовъ и богатству, псковское собраніе монетъ превосходитъ даже знаменитую коллекцію Эрмитажа, который еще во времена А. А. Куника не брезговалъ обмѣниваться съ Ѳедоромъ Михайловичемъ экземплярами восточныхъ монетъ.

При Плюшкинскомъ музеѣ есть и спеціальная библіотека по нумизматикѣ, труды Шодуара, Толстого и другихъ, русскіе и иностранные. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ старинное сочиненіе по китайскому монетному дѣлу, съ цвѣтными рисунками на мягкой шелковой бумагѣ.

Библиотека "Руниверс"

XII.

Затѣмъ вниманіе Өедора Михайловича возбудила русская церковная археологія.

И въ данномъ случаѣ создалась коллекція рѣдкихъ богослужебныхъ книгъ, въ томъ числѣ старинныхъ евангелій, и множество книгъ сектантскихъ и древняго, дониконовскаго, письма.

Среди иконъ—принадлежавшія стариннымъ псковскимъ фамиліямъ, каменный образъ Спаса «съ мокрою бородою», за который московскіе раскольники предлагали Плюшкину четырнадцать тысячъ рублей, «Вѣрую» въ лицахъ, иконы Спаса и святителя Николая Чудотворца, рѣзанныя на камнѣ, рѣдкій образъ св. Димитрія Ростовскаго, строгановскаго письма, икона св. Николая Чудотворца на берестѣ, множество запрещенныхъ иконъ, цѣлая коллекція изображеній св. Христофора съ песьей головой, лики святыхъ, размѣщенныхъ сообразно съ болѣзнями, отъ которыхъ они помогаютъ, иконы, имѣющія отношеніе къ русской демонологіи,—св. Никиты, чорта наказующаго, искушенія святыхъ, видѣнія, мученія грѣшниковъ въ аду и т. п.

Особнякомъ виситъ образъ, составлявшій когда-то собственность печальной памяти Настасьи Минкиной, любовницы Аракчеева. Изъ скромности, эта извѣстная истязательница приказала изобразить себя... въ видѣ Богоматери!

Есть иконы чернаго дуба и слоновой кости.

Въ отдѣлѣ церковной археологіи вы встрѣтите старыя паникадила, распятія, дарохранительницы съ воздухами, потемнѣвшія, частью домотканныя, церковныя облаченія, створцы и проч. По стѣнамъ—безчисленное собраніе крестовъ, начиная отъ драгоцѣнныхъ наперсныхъ и панагій и кончая маленькими тѣльниками, найденными на днѣ рѣки Псковы, а также множество четокъ. Въ одномъ углу—роговой съ серебряными украшеніями посохъ владыки, на полу—нѣсколько желѣзныхъ веригъ, древнихъ брачныхъ вѣнцовъ и часть коллекціи фигуръ, изображающихъ житіе преподобнаго Нила Столбенскаго.

Въ сторонѣ стоитъ кожаное кресло извѣстнаго Симона Тодорскаго, архіепископа псковскаго и нарвскаго, законоучителя супруги наслѣдника престола, Петра Өеодоровича, позже императрицы Екатерины. Вообще, и церковно-археологическая коллекція Плюшкинскаго музея не уступаетъ богатѣйшимъ изъ нашихъ монастырскихъ древлехранилищъ. Однѣхъ ея иконъ хватило бы на нѣсколько иконостасовъ.

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Но Өедоромъ Михайловичемъ собраны въ массѣ предметы, которые относятся не только къ христіанскимъ культамъ, но и къ сектантству, между прочимъ, къ скопчеству, и къ масонству по преимуществу.

Собраніе вещей, принадлежавшихъ масонамъ, поражаетъ своимъ богатствомъ. Здѣсь собраны масонскіе передники, черезплечныя и нашейныя ленты, вышитыя золотомъ и синелью, рукой императрицы Маріи Өеодоровны, знаки ложъ и степеней масоновъ, ихъ кубки, перстень масонскаго гросмейстера и его крестъ, работы императора Павла, молотки и печати секты вольныхъ каменщиковъ, шпаги для вновь принимаемыхъ членовъ, лопатки и прочія принадлежности масонскаго ритуала. Изъ вещей—не мало принадлежавшихъ лично императору Павлу.

Въ Плюшкинскомъ музеѣ вы найдете также литературу по исторіи ордена вольныхъ каменщиковъ и, кромѣ того, имѣющія отношеніе къ ней рукописи, напримѣръ, масонскій катехизисъ—«Книга учрежденнаго общества въ Ерусалимѣ, 5777 года написанная». Въ дѣйствительности, рукопись относится къ 1782 году.

Я близко знаю масонскую коллекцію Румянцовскаго музея; но въ ней нѣтъ той постепенности, которую можно видѣть въ собраніи Плюшкина, хотя, по числу предметовъ, московская коллекція, кажется, не уступаетъ псковской.

Я говорю «кажется», такъ какъ москвичи все еще не додумались до того, чтобы выстроить на свой, а не на казенный счетъ, новый музей, гдѣ могли бы свободно размѣстить сокровища изящнаго Пашковскаго палаццо, руководясь извѣстною системой, и показать свой товаръ публикѣ «лицомъ», а то въ нынѣшнемъ храмѣ науки на Знаменкѣ трудно дышать и... ходить. Предпринятая въ настоящее время перестройка зданія мало поможетъ дѣлу.

XIV.

Этнографическій отдѣлъ музея—тоже одинъ изъ выдающихся по своему богатству. Здѣсь собрано все, что имѣетъ дѣйствительное отношеніе къ укладу нашей русской жизни и Псковской губерніи по преимуществу.

Въ этомъ смыслѣ этнографическій отдѣлъ плюшкинской коллекціи—своего рода живая псковская лѣтопись, возстанавливающая картину древне-русской областной культуры.

Исторія и археологія Пскова, мѣстныя раскопки, архитектура старыхъ псковскихъ зданій, этнографія, живопись, скульптура, портреты и жизнеописанія псковскихъ замѣчательныхъ дѣятелей

Библиотека "Руниверс"

и уроженцевъ, насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы, ископаемыя, наконецъ, растенія, Псковской губерніи—все собрано съ замѣчательною полнотою и любовью къ дѣлу.

Укажемъ также на мѣстныя періодическія изданія, литературныя произведенія псковскихъ уроженцевъ, акаѳисты и молитвы мѣстнымъ святымъ [1]).

Не забытъ и старинный мундиръ ученика губернской псковской гимназіи, въ видѣ фрака съ краснымъ воротникомъ, лацканами и отворотами.

А какъ близко зналъ покойный Ѳедоръ Михайловичъ псковскую старину, доказываетъ слѣдующій фактъ.

Когда къ зданію псковскаго музея, въ Поганкиныхъ палатахъ, пристраивали во дворѣ каменное крыльцо въ древнемъ стилѣ, Плюшкинъ съ документами и рисунками въ рукахъ неопровержимо доказалъ, что дѣлаютъ «московское», а не «псковское» крыльцо, послѣ чего крыльцо, если не ошибаюсь, и было передѣлано.

Но вернемся къ отдѣлу этнографіи вообще.

По стѣнамъ развѣшаны и разставлены по шкапамъ шитые золотомъ и жемчугомъ торопецкіе кокошники, шали, косынки, парчевыя ферязи, предметы древнѣйшей русской вышивки, съ тонко исполненными узорами, вышитыя золотомъ душегрѣйки, пояса, красные сафараны, кошельки, привязные карманы.

Много вещей отличаются изумительною сохранностью. Видимо, ихъ берегли въ сундукахъ, не надѣвая.

Тутъ же поставцы для лучинъ.

Изъ предметовъ роскоши—цѣлые ящики съ драгоцѣнными перстнями, серебряныя бармы (оплечія), древне-княжескія и патріаршія, ожерелья такъ называемыхъ «полувѣрокъ» (православныхъ эстонокъ Псковской губерніи), ихъ нагрудныя украшенія изъ серебра и такія же пуговицы, вѣсомъ до полу-фунта каждая, фибулы, камеи, французскіе и китайскіе рѣзные вѣера изъ слоновой кости (всего девятнадцать штукъ XVIII—XIX вѣковъ), портбукеты, табакерки (до четырехсотъ экземпляровъ) изъ слоновой кости, серебра, фарфора и мѣди (между ними—жалованныя императрицей Екатериной II), трубки, старые турецкіе кальяны, собраніе палокъ и кастетовъ, коллекція печатей и подсвѣчниковъ, самыхъ разнообразныхъ рисунковъ, изъ которыхъ выдѣляется бронзовый подсвѣчникъ съ фигурами у подножія (въ числѣ ихъ фигура Ѳаддея Булгарина), игральныхъ картъ разныхъ эпохъ и народностей. Среди издѣлій изъ слоновой кости—собственноручныя работы императора Павла, между прочимъ—его правый глазъ.

Въ отдѣлѣ серебра—богатое собраніе серебряной посуды, кружка вѣсомъ въ четыре фунта, подаренная въ 1714 г. царемъ Пе-

---

[1]) Во время празднованія юбилея одного псковскаго святого только у Ѳедора Михайловича и нашли акаѳистъ ему, за которымъ и присылали изъ собора.

Библиотека "Руниверс"

тромъ Алексѣевичемъ одному псковичу, въ домѣ котораго Государь останавливался въ бытность свою во Псковѣ, ковшъ, пожалованный тоже Петромъ нѣкоему олончанину, жезлы, чарки, интересныя вещи изъ изборскаго клада и проч.

Очень недурна коллекція севрскаго фарфора, фарфора Аракчеева и небезызвѣстной матери Митрофаніи, рожденной баронессы Розенъ, а также фарфора русскихъ фабрикъ, собраніе хрусталя, принадлежавшаго коронованнымъ особамъ, двѣ великолѣпныя вазы синяго горнаго хрусталя, коллекція штофовъ старинныхъ кабаковъ, находки помпейскія и египетскія (послѣднихъ пятьдесятъ четыре штуки).

Въ отличное собраніе статуэтокъ Будды, издѣлій изъ нефрита и вещей японскихъ и китайскихъ вошли частью предметы извѣстной коллекціи князя Лобанова-Ростовскаго.

Любители найдутъ въ Плюшкинскомъ музеѣ и собраніе старинныхъ часовъ, до двухсотъ пятидесяти нумеровъ, начиная отъ высокихъ столовыхъ и каминныхъ и кончая миніатюрными золотыми хронометрами.

Существуетъ въ коллекціи Ѳедора Михайловича даже маленькій спеціальный, занимающій всего одну витрину, «эротическій» отдѣлъ культа Венеры и Пріапа.

Въ этотъ отдѣлъ слѣдовало бы помѣстить и... дониконовскій требникъ, не за самый текстъ, разумѣется, а за ту фривольную исповѣдь, которая приложена къ тексту религіознаго содержанія.

Исповѣдь доказываетъ, что и у насъ, въ далекую старину, водились свои собственные маркизы де-Сады. Приводимыя въ ней подробности таковы, что передъ ними пасуютъ, пожалуй, даже страницы «Половой психопатіи» Крафта-Эбинга или извѣстной книги о Захеръ-Мазохѣ.

Верхъ совершенства въ «эротическомъ» отдѣлѣ—высокопробное золотое кольцо «вольнаго рисунка», но замѣчательно художественнаго исполненія.

Среди другихъ предметовъ въ томъ же отдѣлѣ интересны древніе фаллосы, талисманы, амулеты, произведенія китайской и японской рѣзьбы и скульптуры, фарфоръ, часы, миніатюры, брелки, табакерки и всевозможныя бездѣлушки этого своеобразнаго жанра.

Кстати сказать, объ устройствѣ особаго эротическаго отдѣла подумываетъ и нашъ Эрмитажъ, такъ какъ нѣкоторыя картины нашей картинной галлереи нельзя показывать дѣтямъ.

XV.

Въ художественномъ отдѣлѣ Плюшкинскаго музея насчитывается до 1029 картинъ различныхъ художниковъ, русскихъ и иностранныхъ школъ, въ томъ числѣ произведенія первоклассныхъ мастеровъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ русскихъ знаменитостей назовемъ: Левицкаго—портретъ графа Николая Зубова съ собачкой,—Верещагина, Боровиковскаго, Венеціанова, Айвазовскаго, Тыранова, Саламаткина, Маковскаго, Шишкина и другихъ.

Среди иностранныхъ именъ имѣются произведенія Грёза (головки), Пуссена, Теньера, Сальватора Розы, Буше и проч.

Чудесной работы—двѣ великолѣпныя акварели-миніатюры знаменитаго Брюллова: портреты Ершова, автора «Конька-Горбунка», и Ф. А. Пузыревскаго.

Третья акварель того же мастера—жанръ. За экипажемъ бѣгутъ дѣти, повидимому, нищія. На первомъ планѣ—вѣдьмообразная старуха, кажется, итальянка, съ ребенкомъ.

Оригиналенъ рисунокъ перомъ, Брюллова же. Изображенъ, вѣроятно, кулачный боецъ. Подъ рисункомъ надпись рукой автора «Юрія Милославскаго»: «Чертилъ лѣвой рукой Брюлловъ, при мнѣ, нижеподписавшемся. Михаилъ Загоскинъ. 1836. Февраль, т. е. марта 5-го числа».

Очень рѣдокъ портретъ князя Волконскаго, выброшенный императоромъ Николаемъ послѣ бунта декабристовъ.

Кромѣ произведеній Брюллова, большого вниманія заслуживаетъ серія запрещенныхъ цензурой рисунковъ Тимма, какъ извѣстно, отличнаго рисовальщика, карикатуры на сибирскихъ администраторовъ, старинныя лубочныя русскія картинки, гравюры, литографіи и т. д.

Число гравюръ доходитъ до двухъ съ половиной тысячъ штукъ, литографій—до восьми тысячъ нумеровъ. Кромѣ того, Ѳедоромъ Михайловичемъ собрано до семисотъ миніатюръ. Изъ нихъ очень хороша миніатюра, представляющая Іоанна Грознаго.

XVI.

Много мѣста отведено въ собраніи Плюшкина и старинному оружію, вообще, военному дѣлу.

Въ музеѣ хранятся планы крѣпостей, старинныя руководства по фортификаціи, всевозможные образцы вооруженія, начиная отъ каменныхъ и бронзовыхъ топоровъ, «дубья» и луковъ и кончая различными образцами новѣйшаго обмундированія.

Здѣсь же находится нагрудникъ неизвѣстно какого князя, псковскіе щиты и шлемы, помнящіе Ледовое побоище, алебарды, собраніе кремневыхъ ружей и пистолетовъ работы кавказской, персидской и русской, охотничье оружіе,—между прочимъ, охотничье ружье императора Николая I,—заводныя ружья, стрѣляющія сжатымъ воздухомъ, ружья временъ польскаго возстанія, шпаги, собраніе шляпъ съ султанами, касокъ и т. д.

Памятныхъ медалей, знаковъ отличій и орденовъ очень много.

Библиотека "Руниверс"

Среди первыхъ не забытъ и серебряный значекъ «союза русскаго народа», нагрудные кресты польскихъ повстанцевъ и т. п.

Очень интересна оригинальная коллекція, относящаяся до Отечественной войны. Кромѣ портретовъ героевъ кампаніи 1812 года, здѣсь находится знамя Наполеона, нѣсколько его «орловъ», барельефы графа Ѳ. П. Толстого на событія 1812 года, стаканъ въ память взятія Парижа, платокъ англійской работы, изображающій московскій пожаръ въ Отечественную войну, и прочіе предметы, въ томъ числѣ рукописи.

XVII.

Изъ рукописей—ихъ около двухсотъ восьмидесяти, начиная съ XV вѣка, и кончая девятнадцатымъ—книгъ старопечатныхъ и церковной печати (въ общемъ, сто сорокъ семь нумеровъ), грамотъ (XVI—XVIII вѣковъ), автографовъ и патентовъ много рѣдкихъ.

Между рукописями — манускрипты дониконовскаго времени, синодикъ рода бояръ Морозовыхъ, свитки. Изъ старопечатныхъ книгъ—раскольничья литература и книги раскольниковъ, множество старинныхъ изданій, изданія, напечатанныя Никономъ въ Иверскомъ монастырѣ, рѣдчайшія изданія Брюсова календаря, цѣнныя книги съ иллюстраціями.

Изъ грамотъ интересна посланная Іоанномъ Грознымъ, о взысканіи съ псковскаго духовенства по полтинѣ съ плѣши въ пользу новгородскаго владыки, и грамоты послѣдняго патріарха «сѣверныхъ странъ» Адріана.

Изъ автографовъ заслуживаютъ вниманія: хранящаяся въ рамѣ подъ стекломъ, не совсѣмъ приличная по содержанію, не опубликованная записка Гоголя С. Т. Аксакову, письмо Суворова отъ 30-го іюля 1770 года М. Н. Кречетникову, письма Потемкина и С. Тодорскаго, прошеніе Аракчеева, отъ 9-го апрѣля 1826 года,—«безъ лести преданный» проситъ объ отпускѣ его въ Карлсбадъ съ сохраненіемъ содержанія—и неизвѣстныя письма Пушкина.

Патенты начинаются съ Петра Великаго.

XVIII.

Въ Плюшкинскомъ музеѣ есть, между прочимъ, вещи, принадлежавшія русскимъ коронованнымъ особамъ и нашимъ замѣчательнымъ людямъ, напримѣръ, стаканъ и палка Петра Великаго, эмальированный подносъ, составлявшій когда-то собственность императрицы Елизаветы Петровны, игрушки императора Павла—фигуры въ военной формѣ XVIII вѣка,—подчасникъ императора Николая I и каска, которую онъ носилъ въ памятные 1854—1855 года.

Вотъ фарфоровый чайникъ Суворова, люстра изъ его дома, табакерка, пожалованная ему императрицей Екатериной, табакерки

Библиотека "Руниверс"

съ его портретомъ, стаканъ, полдюжины ложекъ и печать Пушкина, его маска,—говорятъ, первый или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ слѣпковъ.

Къ Puschkiniana можно отнести также неприличный рисунокъ, изображающій Пушкина, «ищущаго вдохновенія», и портреты предковъ поэта.

Въ отдѣлѣ curiosa, довольно богатомъ, хранятся такія диковинки, какъ соборъ св. Марка, въ Венеціи, изъ соломы и опилокъ, ландшафты изъ пробки и кленовыхъ листьевъ, узоры изъ перьевъ, сѣмянъ и рыбьей чешуи, издѣлія изъ человѣческихъ волосъ, ягодъ, орѣховъ, раковинъ, соломы, мха, бисера и т. п.

Какъ это ни странно, среди богатѣйшаго собранія Ѳедора Михайловича не было... знаковъ для мѣтки преступниковъ, предметовъ, которые еще недавно можно было безъ особаго труда найти въ любомъ губернскомъ правленіи.

Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ покойный археологъ «заказалъ» мнѣ пріобрѣсти для его музея эти знаки. Мнѣ удалось исполнить желаніе Плюшкина,—въ Сибири я добылъ интересовавшія его вещи, но до мѣста онѣ не дошли: ихъ у меня украли дорогой случайные «любители старины».

Печатнаго каталога сокровищъ Плюшкинскаго музея, къ сожалѣнію, не существуетъ. Собственникъ собранія никогда не интересовался и его рыночной стоимостью.

Рукописи и старопечатныя книги коллекціи Ѳедора Михайловича началъ было описывать въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» мѣстный археологъ, тоже покойный, И. И. Васильевъ. но не кончилъ, хотя печатаніе продолжалось цѣлые восемь мѣсяцевъ и хотя описывались литературные матеріалы, относившіеся исключительно къ Пскову.

XIX.

Сорокъ два года составлялась коллекція Ѳедора Михайловича Въ концѣ концовъ, извѣстность пришла къ ней.

И профессора, и художники, и археологи-спеціалисты, и просто любители пріѣзжали во Псковъ посмотрѣть музей, и всѣхъ ихъ радушно встрѣчалъ хозяинъ.

Визиты пріѣзжихъ льстили ему. Вѣрнѣй даже, онъ гордился ими и старательно собиралъ все, что только появлялось печатнаго объ его любимомъ дѣтищѣ. Льстили ему и тѣ фотографіи, которыми его дарили Высочайшія особы, нерѣдко заглядывавшія во Псковъ изъ-за плюшкинскаго собранія.

Умеръ Ѳедоръ Михайловичъ 24-го апрѣля 1911 года во Псковѣ, на семьдесятъ пятомъ году жизни, оставивъ добрую память о себѣ и какъ благотворитель, и какъ общественный дѣятель.

Библиотека "Руниверс"

Онъ много лѣтъ состоялъ казначеемъ и членомъ псковскаго попечительства о дѣтскихъ пріютахъ, а на городской службѣ занималъ сперва должность ратмана, а затѣмъ гласнаго городской думы и члена управы. Плюшкинъ былъ также однимъ изъ учредителей псковскаго городского банка.

Какъ человѣкъ, покойный отличался добродушіемъ, соединеннымъ съ веселостью и остроуміемъ, напоминая этими чертами характера—своего отца.

Застарѣлая болѣзнь легкихъ и сердца заставляла Ѳедора Михайловича довольно часто прихварывать. Въ августѣ 1910 года къ этимъ недугамъ присоединилась каменная болѣзнь, которою Плюшкинъ страдалъ, повидимому, давно, но незамѣтно. Ея припадки стали, наконецъ, проявляться въ столь грозной формѣ, что потребовалась немедленная операція. Она была благополучно произведена въ одной изъ петроградскихъ больницъ; но организмъ семидесятилѣтняго старца не могъ, къ сожалѣнію, справиться съ послѣдствіями болѣзни.

Вернувшись во Псковъ, Ѳедоръ Михайловичъ уже не покидалъ квартиры, но, несмотря на недомоганіе, въ свѣтлые промежутки попрежнему показывалъ свои собранія многочисленнымъ посѣтителямъ, каждый разъ тратя на это не одинъ часъ времени, конечно, не безъ вреда для себя.

За два года до смерти онъ одно время прекратилъ было доступъ въ музей постороннимъ лицамъ. Говорятъ, какіе-то петроградцы, явившись къ Плюшкину съ рекомендательнымъ письмомъ, осмотрѣли коллекціи, но послѣ ухода посѣтителей была обнаружена пропажа нѣсколькихъ вещей.

Долго боролся съ болѣзнью организмъ Ѳедора Михайловича, пока новое осложненіе—воспаленіе почечныхъ лаханокъ—не свело его въ могилу. Онъ скончался 24 апрѣля тихо, безъ ропота и страданій, въ кругу своей многочисленной семьи и среди любимой имъ старины. Похоронили его 27-го апрѣля на Димитріевскомъ кладбищѣ.

XX.

Усердно пополняя свой музей, покойный коллекціонеръ не переставалъ, въ свою очередь, думать о томъ, какъ бы пристроить свое собраніе въ одно изъ правительственныхъ учрежденій. Въ этомъ случаѣ самымъ подходящимъ изъ нихъ былъ Русскій музей императора Александра III, и въ 1905 году съ нимъ были начаты переговоры.

Они тянулись безконечно долго, отчасти изъ-за того, что Ѳедору Михайловичу было тяжело разставаться со своими сокровищами, отчасти и по винѣ администраціи музея имени императора Александра III. Наконецъ, съ Плюшкина взяли обѣщаніе, что онъ

Библиотека "Руниверс"

не продастъ своей коллекціи въ чужія руки и сохранитъ ее для правительственнаго учрежденія. Со своей стороны, покойный получилъ категорическое обѣщаніе, что все его собраніе будетъ пріобрѣтено казной.

Плюшкинъ успѣлъ за это время умереть, и только 6 іюня 1911 г. въ засѣданіи совѣта министровъ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Столыпина, былъ, между прочимъ, внесенъ на обсужденіе вопросъ о покупкѣ музея Плюшкина правительствомъ, согласно ходатайству наслѣдниковъ покойнаго собирателя.

Совѣтъ министровъ призналъ желательнымъ не выпускать коллекціи за границу и внести осенью въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ о пріобрѣтеніи плюшкинскаго собранія въ государственную собственность. Съ іюня 1911 года въ тихій Псковъ стали ѣздить и комиссіи для осмотра Плюшкинскаго музея.

Осенью 1911 года администрація музея императора Александра III командировала для детальнаго осмотра и оцѣнки плюшкинской коллекціи спеціальную комиссію изъ слѣдующихъ лицъ: А. К. Маркова (монеты), академика С. Ѳ. Ольденбурга (восточный отдѣлъ), барона Н. Н. Врангеля (картины и миніатюры), С. Н. Тройницкаго (часы, табакерки и трубки), Г. Г. Якобсона (естественно-историческія коллекціи), профессора Н. В. Покровскаго и К. К. Романова (иконы и церковная археологія), Н. М. Могилянскаго (этнографія), Э. Э. Ленца (оружіе), г. Фаберже (драгоцѣнности), Б. А. Тураева (египетскія древности), Вс. И. Срезневскаго (рукописи и старопечатныя книги), В. А. Егунова (книги и гравюры) и приватъ-доцента А. А. Спицына (археологія и каменный вѣкъ).

Въ нашемъ спискѣ есть нѣсколько именъ, пользующихся заслуженной извѣстностью въ своей спеціальности. Это давало право думать, что оцѣнка плюшкинскаго собранія удовлетворитъ обѣ стороны: и продавца, и покупщика.

Къ сожалѣнію, вышло наоборотъ.

Напримѣръ, древнія монеты комиссія цѣнила... на вѣсъ. За серебряныя назначалась цѣна въ 13 рублей фунтъ, за мѣдныя— 20 рублей пудъ! Нѣкоторыя монеты-уники, стоящія сотни рублей, оцѣнивались спеціалистами по пяти или, въ лучшемъ случаѣ, по десяти рублей экземпляръ!

Въ результатѣ, комиссія оцѣнила весь музей... въ восемьдесятъ тысячъ рублей!

Такой финалъ вызвалъ общее удивленіе.

Но и эта оцѣнка испугала наше правительство. Оно отказалось пріобрѣсти весь музей и хотѣло купить лишь нѣкоторые отдѣлы за шестьдесятъ тысячъ рублей.

На подобныхъ условіяхъ сдѣлка, разумѣется, не могла состояться.

Библиотека "Руниверс"

Тогда въ Псковъ пріѣхалъ комиссіонеръ Британскаго музея, антикваръ Когенъ и, осмотрѣвъ только три отдѣла, сразу предложилъ сто семьдесятъ пять тысячъ рублей. Но и эта сдѣлка разстроилась изъ-за нежеланія Когена соблюсти нѣкоторыя формальности, которыя требовали наслѣдники Плюшкина.

А пока что, музей сталъ неузнаваемъ. Все было перерыто, все въ немъ поставлено верхъ дномъ, часть вещей разбита или поломана при осмотрѣ, и отъ прежняго внѣшняго вида музея, отъ прежняго порядка остались одни воспоминанія да прекрасныя фотографіи...

XXI.

Разъ правительство, въ концѣ концовъ, пріобрѣло за сто тысячъ собраніе Ѳедора Михайловича для музея императора Александра III, хотѣлось бы думать, что часть вещей, имѣющихъ прямое отношеніе къ Псковскому краю, отдадутъ въ такомъ случаѣ псковскому музею въ Поганкиныхъ палатахъ.

Это было бы не только разумно, но и справедливо.

Покойный коллекціонеръ, съ конца 1870 года, былъ членомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ псковскаго археологическаго общества, которое въ уваженіе его заслугъ и постановило на общемъ собраніи повѣсить въ залѣ совѣта портретъ Ѳедора Михайловича. Согласно желанію Плюшкина, вещи, имѣющіяся въ правительственныхъ музеяхъ неинтересныя для нихъ или ими не собираемыя, напримѣръ, гнѣзда и яйца псковскихъ птицъ, ихъ чучела, бабочки и рыбы Псковской губерніи и т. п., равно какъ коллекціи часовъ и разныхъ «раритетовъ», а тѣмъ болѣе—литература по Псковскому краю и относящіяся къ нему рукописи, все это должно навсегда остаться во Псковѣ, подъ наблюденіемъ членовъ псковскаго археологическаго общества.

Можетъ возникнуть, пожалуй, вопросъ о недостаткѣ помѣщенія. Но изъ «палатъ» слѣдовало бы перевести въ другое мѣсто рисовальную школу, эту «безплодную смоковницу», влачащую, судя по газетамъ, жалкое существованіе, однакожъ поглощающую массу денегъ.

Странные люди эти коллекціонеры, находящіе интересъ въ изученіи какого-то «прошлаго», въ собираніи его годъ-отъ-году исчезающихъ памятниковъ!

Вокругъ нихъ—одиноко стоящихъ—гудитъ толпа, которой нѣтъ дѣла ни до чего подобнаго, толпа, съ холодною разсудочностью думающая лишь о практической пользѣ и смѣющаяся въ душѣ надъ непрактичными собирателями.

— Мы съ вами собираемъ античныя монеты,—говорилъ мнѣ когда-то въ дружеской, съ глазу на глазъ, бесѣдѣ одинъ изъ

Библиотека "Руниверс"

очень извѣстныхъ нашихъ нумизматовъ, нынѣ покойный:—а наши дѣти станутъ собирать развѣ кредитныя бумажки.

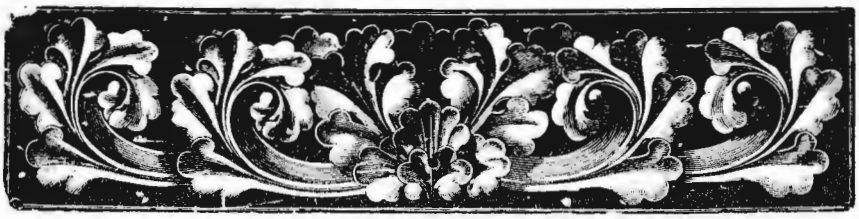
Къ несчастью, онъ личнымъ горькимъ опытомъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній.

И, махнувъ на все рукой, онъ еще при жизни продалъ за безцѣнокъ свою великолѣпнѣйшую коллекцію античныхъ монетъ такому же любителю, какимъ былъ онъ самъ...

Но кто изъ двухъ полюсовъ—отцовъ и дѣтей—дѣйствительно достоинъ смѣха, еще вопросъ...

В. А. Алексѣевъ.

Библиотека "Руниверс"



ПО ФРАНЦІИ НА АВТОМОБИЛѢ.

ЕСЛИ бы мы жили въ вѣкъ восторженной наивности, то можно было бы воскликнуть, что во Франціи нѣтъ крестьянъ, а только рантье, живущіе въ свое удовольствіе. Такое именно впечатлѣніе производятъ французскія деревни, черезъ которыя весною 1914 года мы проѣзжали на автомобилѣ по дорогѣ отъ Каннъ до Парижа. Автомобильныя поѣздки по Франціи вообще одно наслажденіе.

Жаль было покидать Каннъ, но мода безпощадна. Всякій уважающій себя снобъ считаетъ своимъ долгомъ уѣхать съ Ривьеры въ серединѣ апрѣля новаго стиля. Только этимъ можно объяснить столь ранній разъѣздъ съ береговъ лазурнаго моря, вслѣдствіе чего закрываются лучшіе отели и волей-неволей приходится уѣзжать тѣмъ, кто не имѣетъ собственной или наемной виллы. А между тѣмъ въ Каннахъ можно жить по меньшей мѣрѣ до конца мая, совершенно не страдая отъ жары.

Итакъ, въ серединѣ апрѣля, раннимъ утромъ, нашъ автомобиль плавно отъѣзжалъ отъ отеля и скоро оставилъ за собой элегантныя бѣлыя виллы, перевитыя лиловыми глициніями, и сады, полные благоуханіемъ распускающейся сирени.

Удивительно, до чего дешево можно имѣть помѣщеніе на всей французской Ривьерѣ, не говоря уже объ итальянской, гдѣ цѣны еще ниже. Вилла съ полнымъ комфортомъ и обстановкой стоитъ въ годъ отъ 1500 до 3000 тысячъ франковъ, и когда подумаешь, что въ дачныхъ мѣстностяхъ Петрограда за отвратительную, по сравненію, дачу берутъ только за лѣто 2000—3000 рублей, досада беретъ.

Библиотека "Руниверс"

Прибавьте къ этому, что вся Ривьера благоустроена, ну, а этого пункта нашихъ дачныхъ мѣстъ лучше и не касаться. Мои знакомые пріобрѣли недавно чудную виллу въ Антибѣ, около Каннъ, трехъэтажную, съ фруктовымъ садомъ, за сорокъ тысячъ франковъ, а въ Царскомъ Селѣ, въ худшей его части, въ колоніи, за скверную деревянную дачу съ клочкомъ земли предлагаютъ 50 тысячъ рублей, но дачевладѣльцы считаютъ эту цѣну слишкомъ низкой. Всѣ виллы на Ривьерѣ отдѣлены другъ отъ друга основательными заборами, такъ что сосѣди не смотрятъ вамъ въ ротъ, какъ на нашихъ петроградскихъ дачахъ, гдѣ послѣднія лѣпятся другъ къ другу, отъ чужого глаза никакъ не убережешься, а планировка дачъ, вообще, нелѣпая. Но все это «въ сторону»,—какъ говорилось въ старыхъ театральныхъ пьесахъ...

Перевалъ черезъ Эстерель чрезвычайно красивъ. Тутъ ужъ природа теряетъ мягкость очертаній Ривьеры и дѣлается величественной и мѣстами почти дикой. Но благосостояніе чувствуется во всѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали. Не только города и большія селенія—деревни дышатъ довольствомъ. Невольно сравниваешь съ Италіей, съ ея грязными деревнями, гдѣ въ домахъ окна сплошь и рядомъ безъ стеколъ. Повсюду развѣшено для сушки жалкое тряпье обитателей, засусленные ребятишки назойливо выклянчиваютъ «сольдо» у проѣзжающихъ. Разница съ Франціей большая, и становится понятнымъ, что Франція можетъ покрыть какой угодно заемъ, стоитъ лишь ея крестьянамъ потрясти свою мошну. Въ любой деревнѣ вамъ размѣняютъ крупную бумажку. Вездѣ найдутся вполнѣ приличные ночлегъ и столъ. Домики веселые, на окнахъ, кромѣ стеколъ и ставней, красуются занавѣски, дѣти чисто одѣты, нищихъ не видать. Словомъ, чувствуется, хотя и не крупный, но прочный собственникъ. Соціализму здѣсь не свить настоящаго гнѣзда. Собственность, особенно земельная, въ корнѣ подрываетъ соціализмъ. Послѣднему скорѣй найдется мѣсто въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ среди бездомнаго рабочаго пролетаріата.

Дорога великолѣпна и почти сплошь усажена тѣнистыми платанами, кажется, что ѣдешь паркомъ. Автомобиль совершенно незамѣтно дѣлаетъ 60 верстъ въ часъ, словно идетъ по паркету. Ѣдемъ безъ всякихъ поврежденій. Наша дорога носитъ названіе «route nationale».

Особой красоты окрестность не представляетъ. Мѣстность большей частью ровная, съ небольшими кое-гдѣ холмами, но глазъ пріятно ласкаютъ хорошо обработанныя поля, гдѣ ни одинъ кусочекъ зря не пропадаетъ. Чувствуется разумная бережливость французскаго крестьянина. А у насъ въ деревняхъ я знаю такіе факты, что въ ближайшихъ отъ Петрограда губерніяхъ большія земельныя пространства брошены крестьянами на произволъ судьбы, потому,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, что мостъ, соединявшій ихъ съ другими полями, сломался и они все не удосуживались его поправить и уже нѣсколько лѣтъ, какъ способная къ обработкѣ земля представляетъ собою мерзость запустѣнія. А вотъ подите же, все жалуются у насъ на безземелье. Очевидно, наше многоземелье не составляетъ еще богатства, если сравнить насъ съ французами, причемъ вездѣ цѣны на землю у насъ несоизмѣримо выше.

Около пяти часовъ дня мы подъѣзжаемъ къ Авиньону, и уже издали вырисовывается величественный силуэтъ папскаго дворца, окруженнаго зубчатыми стѣнами съ башнями. Весь дворецъ спокойнаго сѣраго цвѣта «couleur de feuille morte», какъ удачно опредѣлилъ его Стендаль.

Авиньонъ—одинъ изъ старѣйшихъ французскихъ городовъ—заслуживаетъ осмотра туриста. Папскій дворецъ, дѣйствительно, великолѣпный памятникъ средневѣковья. Въ продолженіе почти всего XIV вѣка Авиньонъ служилъ резиденціей папъ, которыхъ постоянное броженіе римской аристократіи вынудило покинуть Вѣчный городъ. Благодаря пребыванію въ Авиньонѣ девяти папъ, пребыванію, извѣстному подъ названіемъ «Вавилонскаго плѣненія папъ», возникъ и развился дворецъ. Первый авиньонскій папа Климентъ V не устраивался основательно въ Авиньонѣ, разсчитывая на свое скорое возвращеніе въ Римъ, и довольствовался скромнымъ помѣщеніемъ доминиканскаго ордена. Основаніе и разрастаніе дворца началось при папѣ Іоаннѣ XXII, бывшемъ до папства епископомъ въ Авиньонѣ и выбранномъ папою ліонскимъ конклавомъ въ 1316 году. Итальянскій исторіографъ Виллани, имѣвшій вообще зубъ противъ всѣхъ авиньонскихъ папъ за то, что престолъ ихъ находился не въ Римѣ, увѣряетъ, что во время этого конклава кардиналы никакъ не могли сговориться, кого избрать папою, и передали рѣшеніе вопроса кардиналу Duèze (будущій Іоаннъ XXII), который и выбралъ себя самого, воскликнувъ: «Ego sum Papa». Разумѣется, правдивость этого анекдота лежитъ всецѣло на душѣ Виллани, ибо подобное избраніе не могло имѣть мѣста. Другой итальянецъ разсказываетъ, что папа Іоаннъ XXII далъ клятву кардиналу Орсини, члену конклава, въ томъ, что онъ не сядетъ ни на коня, ни на мула, кромѣ как съ цѣлью ѣхать въ Римъ, и якобы сдержалъ клятву, пріѣхавъ въ Авиньонъ водою, пройдя пѣшкомъ въ свое бывшее епископское помѣщенье (послужившее основаніемъ для будущаго дворца) и вообще не выходя никуда, кромѣ собора. Все это очень трогательно для показанія непрестаннаго стремленія папъ къ Риму, но, какъ бы то не было, Іоаннъ XXII весьма прочно обосновался въ Авиньонѣ и не мало способствовалъ возвеличенію папскаго дворца. Гробница этого папы, въ готическомъ стилѣ, законченная черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, и теперь украшаетъ соборъ Notre Dame des Doms.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующіе папы, каждый по-своему, тоже расширяли и украшали дворецъ. Всѣ работы въ немъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стѣнныхъ украшеній, выполнены французскими зодчими и художниками. Такимъ образомъ, папскій дворецъ въ Авиньонѣ является произведеніемъ французскихъ художественныхъ школъ юга. Послѣ восьмого авиньонскаго папы Григорія XI, перенесшаго подъ конецъ жизни св. престолъ въ Римъ и тамъ умершаго, начался періодъ «западнаго раскола», давшаго католичеству двухъ папъ единовременно: одного въ Римѣ и другого въ Авиньонѣ. Девятому и послѣднему авиньонскому папѣ, того же періода раскола, Бенедикту XIII,

Авиньонъ. Панорама и мостъ св. Бенезета.

съ пятью оставшимися ему вѣрными кардиналами пришлось выдержать во дворцѣ долгую осаду со стороны сторонниковъ его противника папы римскаго, причемъ стѣны дворца на дѣлѣ доказали свою прочность и недоступность разрушенію ихъ орудіями того времени. Всѣ хитроумные планы враговъ потерпѣли пораженіе. Наконецъ папѣ удалось бѣжать изъ дворца, и, получивъ свободу, онъ вновь вернулъ подъ свою власть отпавшія было области. Хотя Бенедиктъ XIII не вернулся болѣе въ Авиньонъ, онъ приказалъ тѣмъ не менѣе снести всѣ постороннія постройки, изъ которыхъ во время осады обстрѣливался дворецъ, и, такимъ образомъ, расчистилъ его отъ давящихъ пристроекъ.

Папскій дворецъ имѣетъ и свою трагическую страницу, когда во время французской революціи въ 1791 году прибывшей бандой

Библиотека "Руниверс"

революціонеровъ подъ предводительствомъ Jourdan, по прозвищу Coupe-tête, въ одномъ изъ помѣщеній дворца было зарублено и придушено 61 человѣкъ, изъ коихъ 13 женщинъ. Тѣла ихъ были брошены въ люки дворца. Нѣкоторыя изъ жертвъ были еще живы, и до слѣдующаго дня изъ люковъ доносились ихъ предсмертные стоны.

Съ Бенедиктомъ XIII закончилась авиньонская папская эпопея, и дворецъ служилъ уже мѣстопребываніемъ прелатовъ. Позднѣе во дворцѣ помѣщались казармы, и лишь въ послѣдніе годы французское правительство принялось за его реставрацію.

До великой революціи въ Авиньонѣ было много мужскихъ и женскихъ монастырей, и ихъ постоянный колокольный звонъ вполнѣ заслужилъ данное городу писателемъ Раблэ прозваніе «ville-sonnante». Революція уничтожила большинство монастырей. Тогда же въ одномъ изъ нихъ была разрушена гробница знаменитой Лауры де-Садъ, умершей здѣсь въ первой половинѣ XIV вѣка отъ чумы, болѣзни, столь не вяжущейся съ поэтическимъ образомъ, воспѣтымъ Петраркою. Говорятъ, Авиньонъ славится красотою своихъ женщинъ. Къ сожалѣнію, не удалось въ этомъ убѣдиться воочію, такъ какъ, повидимому, авиньонки, помимо красоты, хорошія хозяйки и въ часы осмотра нами города готовили ужинъ своимъ мужьямъ. Самъ по себѣ городъ мало отличается отъ другихъ среднихъ провинціальныхъ французскихъ городовъ. Улицы узкія, кривыя, довольно мрачныя, и уличная жизнь крайне незначительная. Красивымъ мѣстомъ для прогулокъ считается мѣстный садъ Rocdes-Domes, съ постепеннымъ подъемомъ въ гору, на вершинѣ которой, на высотѣ около 60-ти метровъ, возвышается надъ Роной соборъ Notre Dame des Doms. Соборъ въ готическомъ стилѣ. Портикъ его считаютъ остаткомъ храма Геркулеса. Внутри собора находится папскій престолъ изъ бѣлаго мрамора, въ византійскомъ вкусѣ.

Заходящее солнце золотило старый каменный мостъ св. Бенезета, считающагося покровителемъ инженеровъ. Изъ его 18-ти арокъ осталось лишь четыре, изъ которыхъ четвертая полуразрушена и виситъ по срединѣ рѣки надъ мирно текущими водами Роны. Около конца XII вѣка это былъ единственный каменный мостъ на Ронѣ, начиная отъ Ліона и до моря, и потому всѣ пути шли черезъ него. Это обстоятельство и создало богатство города.

«Sur le pont d'Avignon
L'on y danse tous en rond...»

—звучалъ въ ушахъ далекій, но такъ ярко запечатлѣвшійся мотивъ пѣсни, которую во времена дѣтства пѣвала намъ француженка-гувернантка. Почему жители Авиньона избрали мѣстомъ для танцевъ этотъ мостъ, мнѣ такъ и не довелось узнать. Должно быть, его грандіозность дѣйствовала на ихъ воображеніе. По срединѣ моста сохра-

Библиотека "Руниверс"

нилась еще часовня святого, въ настоящее время совершенно запущенная.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы добрались до гостиницы «Европы». Гостиница — тоже одно изъ старыхъ зданій и въ свое время принадлежала разнымъ мѣстнымъ аристократическимъ семьямъ. По имени одной изъ нихъ «Crillon» назвали площадь, гдѣ помѣщается отель. Онъ небольшой, но комфортабельный и славится тѣмъ, что въ немъ останавливались многія знаменитыя личности. Такъ, напримѣръ, дважды былъ здѣсь Наполеонъ I. Въ первый разъ скрываясь отъ преслѣдованія директоріи, вторично—уже командующимъ итальянской арміею. Разсказываютъ, что онъ да-

Часовня папы Климента VI, построенная въ XIV вѣкѣ.

валъ завтракъ въ отелѣ чинамъ своего штаба и, зная скупость штабнаго казначея, конфиденціально предупредилъ хозяйку гостиницы, что если она хочетъ получить за завтракъ 25 франковъ, то пусть подастъ счетъ на 35—40 франковъ. Отель посѣтили покойный англійскій король Эдуардъ, папа Левъ XIII въ бытность кардиналомъ Печчи, русскіе великіе князья и немало знаменитостей ученаго и художественнаго міровъ.

Въ 14 километрахъ отъ Авиньона, по дорогѣ къ Тараскону, находится извѣстное аббатство St Michel де Frigolet, гдѣ недавно умершій знаменитый провансальскій поэтъ Фредерикъ Мистраль получилъ свое первоначальное образованіе. Монастырь этотъ относится къ сооруженіямъ XI и XII вѣковъ, и любопытные путеше-

Библиотека "Руниверс"

ственники найдутъ въ немъ не мало произведеній романской архитектуры XI вѣка.

На слѣдующій день мы покинули Авиньонъ, продолжая путь на Парижъ. Миновали Оранжъ, гдѣ сохранились остатки римскаго амфитеатра, построеннаго императоромъ Адріаномъ. Проѣхали подъ великолѣпными тріумфальными, въ три арки, воротами съ отлично сохранившимися лѣпными изображеніями,—тоже остатки былого величія,—и вторая ночь пути застала насъ въ городѣ бархата—Ліонѣ. Особеннаго интереса для туриста онъ не представляетъ. Отдохнувъ въ отличномъ отелѣ, носящемъ немодное названіе «Hôtel de la Cloche», утромъ мы уже выѣхали по направленію къ Дижону. Опять побѣжали цвѣтущія равнины, пересѣкаемыя кое-гдѣ возвышенностями а дорога все шла среди аллей. Завтракали, и очень недурно, въ городкѣ Маконъ, столь много говорящемъ любителямъ краснаго вина того же названія.

Дижонъ интересенъ только своей готической церковью конца XIII вѣка, одной изъ лучшихъ во Франціи. Рѣшено было ночевать не въ немъ, а въ Fontainebleau, оставивъ на третій день пути 60 километровъ, отдѣляющихъ его отъ Парижа. Городская жизнь Дижона, какъ, впрочемъ, и Ліона, до того уныла, до того безнадежно провинціальна, что остается лишь удивляться, какъ такъ близко отъ Парижа крупные провинціальные центры живутъ столь замкнутой однообразной жизнью, не имѣющей ничего общаго съ жизнью парижанъ, которыхъ мы почему-то отожествляемъ съ французами. Парижанинъ не составляетъ еще настоящаго француза, хотя, если присмотрѣться ближе къ образу жизни парижанъ средняго круга, то они оказываются далеко не тѣми, какими представляются поверхностному взгляду, и, въ сущности, не такъ ужъ далеко ушедшими отъ французской провинціи. Съ нѣсколько болѣе широкимъ размахомъ, это тотъ же расчетливый французъ съ узкимъ, на нашъ взглядъ, кругозоромъ, строго хранящій семейныя традиціи, преемственность, живущій лишь для себя и только небольшой избытокъ отдающій другимъ. Помню, что меня поражало въ Италіи и во Франціи, это замкнутость семейной жизни настолько, что когда вечеромъ раздастся въ передней звонокъ, хозяева съ изумленіемъ спрашиваютъ, что это могло бы быть,—такъ этотъ фактъ необыченъ. Хозяйка, моя пріятельница, знающая укладъ русской жизни, какъ-то сказала мнѣ: «Вы, русскіе, живете какъ на большой проѣзжей дорогѣ, любой изъ вашихъ знакомыхъ заходитъ, когда ему вздумается. При нашемъ образѣ жизни—это немыслимо. Оттого мы и богаче, что у насъ нѣтъ шальныхъ денегъ. Мы прежде всего живемъ для себя». Такова дѣйствительно натура французской націи, и потому это особенно ярко сказывается въ жизни провинціальныхъ городовъ, гдѣ нѣтъ космополитическаго элемента и гдѣ мѣстная аристократія держится очень замкнуто и еще не породнилась съ американскими

Библиотека "Руниверс"

и иными милліардершами, какъ парижская. Отель въ Дижонѣ оказался прекраснымъ, какъ и кухня въ немъ. Цѣны, разумѣется, дешевыя. Вотъ умѣютъ же французы, не беря нашихъ сумасшедшихъ процентовъ, наживаться и богатѣть.

Уютное Fontainebleau съ его дивнымъ лѣсомъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ связано со столькими воспоминаніями, для меня особенно цѣнными ввиду моего поклоненія великому Наполеону. Не могу безъ внутренняго трепета пройти мимо залы «отреченія», гдѣ рѣшалась судьба Европы, той Европы, которую еще недавно властно держала маленькая рука великаго корсиканца. Въ тронномъ

Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. (Видъ съ площади).

залѣ, какъ живая, стоитъ въ моемъ воображеніи все та же знакомая фигура. Сердце сжимается грустью, когда выхожу на широкій дворъ передъ дворцомъ «La cour des adieux», прозванный такъ въ память знаменитаго прощанія императора со своей старой гвардіей. Хорошо бы,—думалось,—если бы вмѣсто прощанія исторія оставила намъ воспоминанье, что здѣсь качались тѣла предателей Талейрана и Фуше!

Наша гостиница—это одна прелесть. Настоящая бомбоньерка въ стилѣ Людовиковъ. Всѣ стѣны сплошь увѣшаны старинными гравюрами, которыя любителямъ послѣднихъ стоитъ посмотрѣть. Онѣ чрезвычайно живо рисуютъ эпохи Людовиковъ и до Наполеона III включительно. Сюда часто пріѣзжаютъ парижане,

Библиотека "Руниверс"

которые хотятъ скрыться ненадолго отъ шума и назойливыхъ глазъ. Отель—не помню его названія—находится почти противъ дворца.

Сдѣлавъ на автомобилѣ, за недостаткомъ времени, краткій обзоръ фонтенблоскаго лѣса, мы выѣхали въ Парижъ. Теперь шоссе пошло значительно хуже, такъ какъ движеніе настолько большое, что не успѣваютъ основательно исправлять дорогу. Скоро на горизонтѣ показались знакомыя сѣрыя громады, и, миновавъ заставу, мы присоединились къ шумному вавилоно-парижскому столпотворенію.

Два русскихъ путешественника въ XVIII вѣкѣ сдѣлали по Франціи приблизительно тотъ же путь, который былъ сдѣланъ мною. Это Фонвизинъ и Карамзинъ, причемъ первый тринадцатью годами раньше второго. Фонвизинъ посѣтилъ Францію въ 1777 году, тогда какъ Карамзинъ былъ въ ней въ 1790 году. Любопытно сравнить впечатлѣнія, вынесенныя ими относительно внѣшняго порядка и благоустройства Франціи, съ впечатлѣніями, которыя мы выносимъ теперь. Надо замѣтить, что темпераменты обоихъ писателей различны. Фонвизинъ былъ холерикъ, умъ его склонялся къ язвительности, тогда какъ Карамзинъ, будучи сангвиникомъ, отличался благодушіемъ. Карамзинъ сверхъ того принадлежалъ къ другому поколѣнію, воспитанному на чувствительномъ Руссо, и на все смотрѣлъ благодушно. Но такъ какъ онъ былъ образованъ и наблюдателенъ, въ его умѣ уже съ молодости была критическая складка, то всѣ его замѣчанія всегда имѣютъ большую цѣну.

Несмотря на разность возрастовъ и темперамента, замѣчанія обоихъ совершенно одинаковы. Они говорятъ о внѣшней безпорядочности, о неряшествѣ городовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на высокую, даже и по тому времени, степень зажиточности населенія, особливо сельскаго. Читая ихъ безпристрастныя описанія, ясно видишь, до какой степени преувеличивали или прямо сочиняли либеральничавшіе историки французской революціи, увѣрявшіе своихъ читателей, что революція-де была вызвана невыносимою бѣдностью населенія, совершенно будто бы разоряемаго феодалами-помѣщиками. Послѣдніе изслѣдователи причинъ французской революціи—Тэнъ, Санъ-Аманъ и др. категорически отвергли это ходячее и мало на чемъ основанное мнѣніе. Не стану останавливаться на ихъ выводахъ и положеніяхъ. Меня интересуютъ только непосредственныя впечатлѣнія, которыя производила Франція на моихъ соотечественниковъ, посѣтившихъ ее какъ разъ передъ революціею или даже въ дни ея. И что же? Какъ сказано выше, картина оказывается относительно совершенно такая, какъ и теперь. Когда теперь въѣзжаешь откуда бы то ни было во Францію, приходится признать прежде всего большую степень зажиточности и благоустройства ея сравнительно

Библиотека "Руниверс"

съ ея сосѣдями. Такъ было и во время Фонвизина и Карамзина, которые проѣхали всю Германію, а Карамзинъ даже Швейцарію прежде, чѣмъ, попали во Францію. Карамзинъ, переѣхавши швей-

Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. Окно, откуда давалось отпущеніе грѣховъ.

царскую границу, несмотря на всѣ похвалы, расточаемыя имъ Швейцаріи, сейчасъ же замѣчаетъ разницу между благосостояніемъ свободныхъ «швейцаровъ» и французскихъ «поселянъ», находившихся въ рукахъ монархическаго дворянства. Ѣдучи изъ Ліона водою по Ронѣ въ Парижъ, онъ восхищается богатыми или

Библиотека "Руниверс"

зажиточными деревнями, попадающимся повсюду. Онъ невольно отдаетъ предпочтеніе Франціи передъ Швейцаріей, не говоря о Германіи. Зажиточность сельскаго населенія не мѣшаетъ ему замѣчать встрѣчаемые имъ непорядки, какъ онъ замѣчаетъ ихъ и въ той части теперешней Франціи, которая тогда принадлежала Италіи.

«Какъ только переступишь въ Савойскую землю,—пишетъ онъ:—увидишь бѣдность людей въ разодранныхъ рубищахъ, множество нищихъ, вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля не обработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Несчастная земля. Несчастливъ и путешественникъ, который долженъ въ савойскихъ трактирахъ искать обѣда или убѣжища на время ночи. Надобно закрыть глаза и зажать носъ, если хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился». Совсѣмъ другое впечатлѣніе во Франціи. Оставивши Женеву, онъ ѣдетъ «по гладкой, прекрасной дорогѣ», которая даже въ дикихъ горахъ прельщаетъ его, какъ прельщаетъ его учтивость жителей. «Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ,—пишетъ онъ, проѣзжая черезъ Юру,—такъ широка, что двѣ кареты свободно могутъ разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменныя горы для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ, трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народа торжествуютъ, какъ всегда, надъ естествомъ, и гранитныя преграды, какъ прахъ, разсѣкаются подъ эгидою могущества человѣка. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, — продолжаетъ онъ,—въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около 1 р. 20 к.), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су, что составляетъ на наши деньги рубля полтора». Кстати, любопытно это указаніе курса нашего рубля въ 1790 г., приводимое Карамзинымъ. Нашъ курсъ и тогда стоялъ, приблизительно, 366—367 сантимовъ, т. е. 37 копеекъ за франкъ. Вотъ и говорите о нищетѣ французскаго народа, повлекшей къ революціи, и высокомъ кредитѣ Россіи въ царствованіе Екатерины!

Ліонъ, теперь одинъ изъ великолѣпныхъ городовъ Франціи, не имѣетъ уже болѣе тѣхъ историческихъ примѣчательностей, о которыхъ разсказываетъ Карамзинъ. Онъ даже кажется намъ неинтереснымъ и незначительнымъ послѣ Парижа. Но вотъ какъ его описываетъ Карамзинъ: «издали казался Ліонъ не такъ великъ, какъ на самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ поднимались изъ тьмы громады зданій. Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять или шесть этажей, видъ пышный. Двадцатичетырехлѣтнему

Библиотека "Руниверс"

Карамзину, охотно сходившемуся съ людьми и знакомившемуся съ ними даже и безъ рекомендательныхъ писемъ, которыми онъ былъ обильно снабженъ, французы не казались симпатичными: въ этомъ онъ сошелся съ Фонвизинымъ. «Во Франціи,—говоритъ Карамзинъ,—я не ищу искренности, не ищу симпатичнаго сердца, не ищу для того, что на это не надѣюсь». Совершенно то же самое говорилъ и Фонвизинъ, сообщая въ своихъ письмахъ къ гр. Панину, что онъ избѣгаетъ какихъ бы то ни было знакомствъ съ французами, за исключеніемъ чисто дѣловыхъ, замѣчая, что во французскомъ обществѣ встрѣчаютъ далеко не любезно, не такъ, какъ въ Россіи. Фонвизинъ напрасно удивлялся этому, и неосновательны были

Дворецъ Фонтенбло. Тронный залъ.

его претензіи, чтобы его, иностранца, принимали во французскомъ обществѣ съ распростертыми объятіями. Это вообще напрасная надежда иностранцевъ, въ особенности нашихъ соотечественниковъ, ожидающихъ, что двери французскихъ домовъ будутъ для нихъ всегда открыты. Хваля Ліонъ, Карамзинъ не скрываетъ недостатковъ благоустройства города. «Пошелъ,—разсказываетъ онъ,—въ древнія римскія бани, принадлежащія женскому монастырю, пошелъ и чуть было не упалъ въ обморокъ отъ специфическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ. Вмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту. Итакъ, господа французы, вы не должны бранить азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвъ».

Библиотека "Руниверс"

Фонвизинъ въѣзжалъ во Францію изъ Германіи черезъ Мангеймъ, направляясь черезъ Страсбургъ въ Ліонъ. Онъ долженъ признать сейчасъ же, что въ противность Германіи, гдѣ дорогъ не существовало, хотя мелкіе владѣтели ея брали съ путешественниковъ поборы за несуществующія шоссе, во Франціи дороги «очень хороши». Впрочемъ, города, которые онъ проѣзжалъ: Страсбургъ, Безансонъ, Бурганбрезъ—не поразили его своимъ видомъ. Напротивъ, онъ говоритъ: «вездѣ въ городахъ улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ. Видно, что полиція въ сіе дѣло не вступается, чему въ доказательство, шедши въ Ліонѣ по самой знатной и большой улицѣ (которая, однакожъ, не годится въ наши переулки), увидѣлъ я среди бѣла дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорукъ, счелъ я, что это, конечно, какое-нибудь знатное погребеніе; но, подошедъ изъ любопытства ближе, увидѣлъ, что я сильно обманулся; господа французы изволили убить себѣ свинью и нашли мѣсто опалить ее на самой срединѣ улицы. Смрадъ, нечистота и толпа праздныхъ людей, смотрящихъ на сію операцію, принудили меня взять другую дорогу. Не видавъ еще Парижа, не знаю, меньше ли въ немъ страждетъ обоняніе, но видѣнные мною во Франціи города находятся въ разсужденіи чистоты въ прежалкомъ состояніи».

Попавши потомъ въ Парижъ, гдѣ онъ нашелъ чрезвычайно много поучительнаго и изученія и подражанія достойнаго, онъ слѣдующимъ образомъ выражается о благоустройствѣ міровой столицы: «Нечистота въ городѣ такая, какую людямъ не вовсе оскотинившимся переносить трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошка лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобы имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а въ другой, подлѣ нея, вывѣшена битая скотина съ текущей кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ, передъ прочими, имѣетъ лишь то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность сквернѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты—многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Со всѣмъ тѣмъ привычка жить отъ самаго младенчества въ грязи по уши дѣлаетъ, что обоняніе французовъ нимало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего».

Даже развитіе парфюмернаго искусства во Франціи желчный

Библиотека "Руниверс"

Фонвизинъ объясняетъ привычкой населенія жить въ грязи, чтобъ, молъ, не слышать дурного запаха нечистотъ, они принуждены душиться. Оставивъ эту выходку желчнаго писателя, нужно сказать, что и Карамзинъ также пораженъ великолѣпіемъ Парижа и грязью, встрѣчаемой имъ въ разныхъ кварталахъ и улицахъ города. Мостовыя Парижа въ его время (1790) были настолько плачевны, что, по его словамъ, по нимъ надо было пробираться чуть не съ опасностью жизни и карета была необходима для каждаго, кто хотѣлъ явиться куда-нибудь въ чистомъ видѣ. Онъ удивляется ловкости, съ которой французскіе щеголи перескакиваютъ, какъ горныя козы, съ камня на камень, чтобы не запачкать своихъ башмаковъ. Первое впечатлѣніе отъ Парижа на Карамзина было вообще отрицательное. А затѣмъ онъ считалъ Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ и самымъ вонючимъ городомъ. «Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ громадности домовъ; славная Сентъ-Оноре всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходамъ, особливо, когда идетъ дождь: всѣмъ надобно или мѣсить грязь на серединѣ улицы, или вода, льющаяся черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки».

Теперь въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Парижа не найдешь того, что можно было видѣть въ его центральныхъ улицахъ во время Карамзина. Надо сказать, что какъ республиканцы ни ругали Наполеона III и его знаменитаго префекта Гаусмана за ихъ перестройку Парижа, будто бы съ цѣлью избѣжать возможности устройства населеніемъ барикадъ, на дѣлѣ всѣ мы, какъ и парижское населеніе, должны быть благодарны этимъ двумъ дѣятелямъ, совершенно передѣлавшимъ Парижъ, давшимъ ширину, чистоту и воздухъ его улицамъ. Вѣдь еще у Герцена, въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, можно найти картинки внѣшняго благоустройства Парижа, очень мало чѣмъ отличающіяся отъ картинъ описанія Карамзина и Фонвизина.

Такимъ образомъ, наблюденія Карамзина и Фонвизина въ сущности одинаковы. Но Карамзинъ, проѣхавшій другою частью Франціи, чѣмъ авторъ «Недоросля», видѣлъ и другія картины. Такъ, его особенно прельстило все то, что онъ наблюдалъ, проѣзжая отъ Ліона до Парижа. Онъ ѣхалъ водою по Ронѣ. «На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики, вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я въ Германіи и въ Швейцаріи, сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его. Вообще онъ приходитъ къ заключенію, что Франція является прекраснѣйшимъ въ свѣтѣ государствомъ, прекраснѣйшимъ по своему климату, по своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ. Проѣхавъ теперь по тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

же мѣстамъ, по которымъ приблизительно полтораста лѣтъ назадъ проѣзжалъ Карамзинъ, можно о многомъ повторить то же самое, что говорилъ и онъ. Разница будетъ та, что недостатки, упоминаемые имъ, теперь исчезли. Вездѣ во внутренней Франціи больше порядка, удобствъ и комфорта, и все сравнительно недорого.

Въ прошломъ году неопредѣленный политическій горизонтъ Европы сильно повредилъ сезону на французской Ривьерѣ, всѣ излюбленныя иностранцами мѣста почти пустовали. Да и Парижъ довольно остро испытывалъ грозовую тучу призрака всеобщей войны. И въ эту весну Парижъ какъ будто не совсѣмъ еще освободился отъ тяжелаго прошлогодняго впечатлѣнія. Нѣтъ того оживленія, которое обычно въ это время. Всемірная столица весною всегда бывала переполнена иностранцами, а нынче всѣ крупныя модныя фирмы жалуются на незначительность заказовъ своихъ заграничныхъ кліентовъ. Средній кругъ парижанъ давно уже отбился отъ крупныхъ портныхъ и появляется въ ихъ мастерскихъ развѣ лишь на лѣтнихъ распродажахъ оставшихся моделей которыя въ это время продаются по баснословно пониженнымъ цѣнамъ. А въ сезонъ огромные магазины: Лувра, Лафайеттъ, Printemps и другіе перетягиваетъ къ себѣ почти весь Парижъ, составляя колоссальную конкуренцію одиночнымъ портнымъ. Стоитъ послѣднимъ выставить модели, какъ черезъ какія-нибудь двѣ недѣли онѣ уже повторены въ большихъ магазинахъ, конечно, изъ худшаго матерьяла, но несравненно дешевле, такъ какъ расходятся онѣ въ десяткахъ тысячахъ экземляровъ. Предохранить себя отъ подобной конкуренціи нѣтъ никакой возможности,—не брать же патентъ на каждую новость въ области модъ. И такъ уже коечто въ этомъ направленіи дѣлается нѣкоторыми извѣстными портными, но этотъ расходъ плохо окупается...

Ни въ какомъ другомъ европейскомъ городѣ нѣтъ болѣе красиваго мѣста, какъ все пространство отъ площади de la Concorde вплоть до Булонскаго лѣса. Какъ ни старается Берлинъ со своимъ Тиргартеномъ превзойти Парижъ, ему никогда не удастся достигнуть красоты вышесказанной мѣстности. Тутъ вы встрѣтите весь Парижъ, начиная съ ранняго утра, когда контингентъ составляютъ рабочіе, продавщицы магазиновъ, дѣти съ боннами и няньками, а чѣмъ позднѣе, тѣмъ разнообразнѣе и элегантнѣе дѣлается толпа. Весна сейчасъ въ полномъ разгарѣ. Чтобы понять здѣсь всю ея прелесть, надо пойти въ Булонскій лѣсъ, но не въ аллею акацій, излюбленную всѣмъ Парижемъ. Кстати, на послѣдней теперь опять можно видѣть элегантные экипажи съ породистыми лошадьми и красивые дамскіе туалеты ихъ обладательницъ, такъ какъ отъ 11 до часа дня автомобильное движеніе по аллеѣ воспрещено. На пѣшеходной дорожкѣ вы увидите «послѣдній крикъ» Парижа. Это своего рода выставка всѣхъ лучшихъ

Библиотека "Руниверс"

модныхъ фирмъ, и, чтобы имѣть о нихъ понятіе, необходимо время отъ времени посѣщать аллею акацій.

Но если вамъ надоѣло себя показывать и другихъ смотрѣть и, оставаясь въ Парижѣ, захочется временно забыть о немъ, пойдите тихими аллеями въ глубь лѣса, и сразу вы почувствуете себя вдали отъ парижской сутолоки. Публики совсѣмъ мало, и составъ ея другой. Вотъ прелестное озеро, вокругъ котораго прихотливо вьется дорожка, то подымаясь по холмамъ, то спускаясь къ самой водѣ. Нѣсколько любителей-рыболововъ закинули удочки и часами сидятъ, слѣдя внимательно за поплавкомъ. Цѣлыя стаи утокъ, лебедей плаваютъ по озеру. Вотъ бѣлоснѣжный лебедь медленно скло-

Дворецъ Фонтенбло. «Залъ отреченія», гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола.

нятъ свою царственную шею ниже и ниже и почти совсѣмъ скрывается подъ водою. А тамъ утята подрались изъ-за лакомаго кусочка и какой крикъ подняли! Степенныя утки спѣшатъ разнять пылкую молодежь.

Какой-то молодой человѣкъ фотографируетъ барышню, стоящую въ лодкѣ, подъ широко раскинувшимися вѣтвями дерева. Мысленно извожусь, что въ гимназіи не учили насъ ни ботаникѣ, ни естественной исторіи: тутъ такое разнообразіе всевозможныхъ породъ отъ сосны до магноліи включительно, правда, незначительнаго размѣра. Не будь этого разнообразія породъ, здѣшняя весна, особенно въ раннемъ періодѣ, очень напоминала бы нашу въ средней Россіи. Нѣкоторыя деревья уже въ полномъ зеленомъ нарядѣ, а

Библиотека "Руниверс"

на другихъ только еще показались маленькіе робкіе листики, такіе свѣтлые и кудрявые, что на разстояніи кажется, что все дерево осыпано мелкими одуванчиками. Среди яркой зелени другихъ это такъ красиво, такъ нѣжно, что умиленье охватываетъ душу. Чувствуешь прямо какую-то нѣжность къ этой начинающейся жизни, хотѣлось бы тихонько погладить рукою эти блѣдные листики, да жаль даже дотронуться до нихъ. Воздухъ такой легкій, надъ полянками стелется еще тонкая пелена утренняго тумана. По дорогѣ почти не встрѣчаются прохожіе, изрѣдка проплыветъ лодка съ катающимися да прозвучитъ автомобильный гудокъ наверху, на проѣзжей дорогѣ.

Только здѣсь понимаешь всю прелесть Булонскаго лѣса. Чтобы проникнуться его очарованьемъ, Боже васъ избави сѣсть въ моторъ и кататься по аллеямъ, ничего не успѣешь замѣтить, какъ ужъ объѣхали весь лѣсъ, и уносишь разочарованное чувство: это-то и есть знаменитый Булонскій лѣсъ? Охъ, ужъ эти автомобили! Конечно, благодаря имъ, всюду поспѣешь, но зато сколько поэзіи потеряно!

Парижъ очень почистился за послѣдніе два-три года, особенно бульвары, еще недавно сплошь усѣянные бумажками-рекламами, которыя тысячами совались въ руки прохожимъ. Теперь этотъ способъ рекламы воспретили, и сразу стало чисто на бульварахъ.

Что весьма не мѣшало бы обновить—это парижскіе театры. Большинство ихъ старой постройки и въ тѣ времена могли казаться верхомъ элегантности и удобства, но теперь они совершенно не отвѣчаютъ требованіямъ всемірнаго города. А когда вспомнишь, какъ строго въ Петербургѣ придираются къ театрамъ въ смыслѣ пожарной безопасности, то невольно подумаешь, что у насъ сказали бы, если бы перенести къ намъ здѣшніе театры. Становится прямо жутко, сидя въ любомъ изъ парижскихъ театровъ, если случайно придетъ мысль о возможности въ немъ пожара. Эти театры—настоящая западня, и врядъ ли кто выберется оттуда невредимымъ въ случаѣ несчастья. Кресла—подъемныя, какъ въ нашемъ Народномъ домѣ, но разстояніе между рядами до-нельзя узко, и, чтобы пропустить человѣка, весь рядъ долженъ встать, да и то съ трудомъ проходишь. Первый рядъ начинается у самой рампы, и, такъ какъ послѣдняя очень высока, зрители первыхъ 2—3-хъ рядовъ видятъ актеровъ отъ таліи, и то съ рискомъ вытянуть себѣ шею. Выходныхъ дверей мало, а коридоры до того узки, что въ нихъ не повернуться. Тутъ же вдоль стѣнъ, связанная въ кучу ремнями, виситъ верхняя одежда зрителей, потому понятно, что элегантная публика входитъ въ залъ, не снимая пальто. Вообще въ смыслѣ удобства наши театры имѣютъ несравнимое преимущество передъ парижскими, но такъ какъ это Парижъ, то ему все прощается, и воркотню россіяне приберегаютъ

Библиотека "Руниверс"

для недостатковъ у себя на родинѣ. Ворчать здѣсь, того гляди, азіатскимъ варваромъ прослывешь, а этого мы боимся пуще всего на свѣтѣ.

Зато игра артистовъ въ большинствѣ случаевъ вознаграждаетъ за претерпѣваемыя неудобства. И отдѣльные артисты и ансамбль превосходны. Правда, сыграться имъ имѣется полная возможность, принимая во вниманье безконечное повторенье одной и той же пьесы въ продолженіе сезона. А вотъ знаменитая «Grand Opéra» не можетъ похвастаться ни пѣвцами, ни балетомъ.Составъ исполнителей, за исключеньемъ нѣкоторыхъ гастролеровъ, оставляетъ желать очень и очень многаго. Балетъ ниже критики, у насъ развѣ что самая неважная изъ солистокъ танцуетъ, какъ здѣшнія балерины, а кордебалетъ—прямо одно горе. Говорятъ, что въ «Opéra» мало платятъ, поэтому лучшія силы направляются въ Америку и другія страны.

Съ удовольствіемъ отмѣчаю все возрастающій націонализмъ во Франціи. Еще въ прошломъ году всѣ «обозрѣнія» маленькихъ бульварныхъ театровъ подчеркивали патріотическій подъемъ въ странѣ и слова «родина», «солдатъ» встрѣчались публикой съ одушевленіемъ. И насколько бывшаго президента Фальера не оставляло ни одно «Revue», настолько Пуанкарэ совершенно не затрагиваютъ, а если упоминаютъ, то только, чтобы показать симпатію къ нему столицы Франціи. Французы сильно поправѣли, несмотря на соціалистическую шумиху, и этому можно только радоваться.

А вотъ совсѣмъ некстати грустный мотивъ изъ попавшейся на глаза газеты. Въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ Парижа давно проживала нѣкая престарѣлая баронесса X. Нѣкогда она была очень богата, но постепенно дѣла начали приходить въ упадокъ, и въ концѣ концовъ у баронессы осталась очень незначительная сумма, которую она и распредѣлила себѣ на нѣсколько лѣтъ. Но Богъ судилъ ей прожить дольше, чѣмъ она предполагала, и, дойдя до глубокой старости, баронесса осталась безъ копейки. Привыкшая всю жизнь быть большой барыней, старушка не хотѣла обращаться за помощью къ немногочисленнымъ оставшимся знакомымъ, которые даже не подозрѣвали острой нужды, испытываемой бѣдной женщиной. Обитатели квартала привыкли видѣть у окна нижняго этажа неизмѣнно элегантную старушку, жившую въ полномъ одиночествѣ, которая привѣтливо улыбалась дѣтямъ и давала имъ ежедневное порученье купить ей утреннюю булку, подъ конецъ ставшую ея единственнымъ питаньемъ. Когда послѣдняя копейка была истрачена, старая баронесса покончила съ собою. Многіе, быть можетъ, найдутъ нелѣпыми ея жизнь и послѣдній поступокъ, но все же есть трогательное благородство въ стараніи этой старой аристократки скрыть отъ чужихъ глазъ разрушенье былаго величія и въ покорной гордости, съ которой

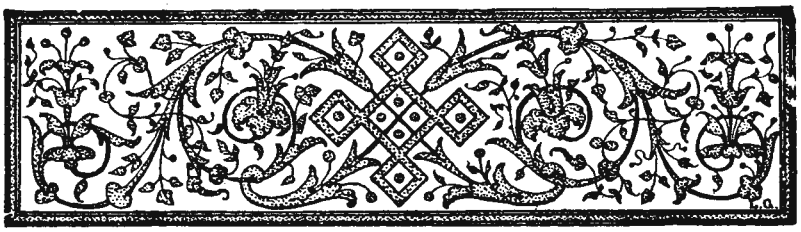
Библиотека "Руниверс"

она переносила лишенія, не считая совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ протянуть руку за подаяніемъ къ знакомымъ своего же аристократическаго круга.

Когда писались эти замѣтки, всѣ мы были далеки отъ мысли, что какъ насъ, такъ и милую намъ Францію ожидаютъ тяжелыя испытанія. Уже семь мѣсяцевъ не переставая льется кровь и раздается грохотъ орудій. Далеко ушедшимъ кажется то время, когда съ миромъ въ душѣ, съ миромъ вокругъ мы сидѣли въ плавно несущемся автомобилѣ и мимо бѣжали зеленыя поля. Сейчасъ передъ глазами блеститъ подъ солнцемъ дѣвственно-бѣлый снѣгъ царскосельскаго парка, но, несмотря на сильный морозъ, уже чувствуется приближеніе весны и съ нею обновленіе всей природы. Также чувствуется, что, несмотря на кровавое зарево войны, сквозь него уже проглядываетъ приближенье побѣднаго конца и что скоро вновь оживутъ и расцвѣтутъ наши и нашихъ союзниковъ поля и города, гдѣ уже не будетъ ноги тевтонскихъ варваровъ, а въ частности потянутся къ небу молодыя деревца любимаго, стараго Булонскаго лѣса, теперь мѣстами повырубленнаго для защиты Парижа.

А. Ш.

Библиотека "Руниверс"



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій Библіофилъ. Вып. I—VIII. Пгр. 1915. Подписная цѣна 8 р. 50 к. за годъ.

ОБЗОРЪ содержанія журнала приходится начать съ печальнаго извѣстія: 14-го августа скончался основатель «Библіофила», его редакторъ-издатель Н. В. Соловьевъ, горячо любившій литературу и искусство, а въ послѣднее время стоявшій, кромѣ того, во главѣ цѣлаго ряда лазаретовъ для раненыхъ воиновъ. При своихъ постоянныхъ разъѣздахъ по этимъ лазаретамъ онъ получилъ смертельную простуду, которая свела его въ могилу на 39-мъ году отъ роду. Единственнымъ утѣшеніемъ въ этой тяжелой утратѣ служитъ то, что вдова покойнаго рѣшила продолжать столь дорогое сердцу ея почившаго супруга изданіе журнала, сопряженное, конечно, при роскошной внѣшности «Библіофила» не съ какими-либо доходами, а съ тяжелыми матеріальными издержками; журналъ выходитъ съ VI книжки подъ просвѣщеннымъ и опытнымъ руководствомъ В. А. Верещагина, автора многихъ интересныхъ статей, посвященныхъ нашему прошлому.

Въ связи съ кончиной Н. В. Соловьева умѣстно коснуться большого изслѣдованія его, помѣщеннаго въ «Русскомъ Библіофилѣ» за прошлый годъ, тѣмъ болѣе, что этой статьѣ принадлежитъ безусловно первое мѣсто и по интересу содержанія и по объему. Заглавіе работы: «Исторія одной жизни (А. А. Воейкова—Свѣтлана)». Біографія эта, написанная почти исключительно на основаніи пріобрѣтенныхъ редакціей архивныхъ документовъ, посвящена племянницѣ и крестницѣ поэта В. А. Жуковскаго, А. А. Протасовой (въ заму-

Библиотека "Руниверс"

жествѣ Воейковой), родной сестрѣ пассіи поэта, М. А. Протасовой (въ замужествѣ Мойеръ). Н. В. Соловьевъ ярко характеризуетъ эту высокоталантливую женщину, вдохновлявшую Жуковскаго, Языкова и Козлова, увлекавшую А. И. Тургенева, В. А. Перовскаго и даже 84-лѣтняго ученаго и писателя Бонштеттена. Красавица, веселая и жизнерадостная, сердечная по природѣ, она еще въ ранней юности избрала себѣ девизъ: «Молись и работай! Молчи и терпи! Улыбайся и умирай!» Прекрасныя душевныя качества, давшія пышный расцвѣтъ подъ опытнымъ руководствомъ ея воспитателя, Жуковскаго, помогли ей терпѣливо перенести несчастное замужество съ поэтомъ А. Ѳ. Воейковымъ,—замужество, доведшее ее все же до чахотки, отъ которой она скончалась въ Ливорно на 34-мъ году жизни. Для характеристики отношеній Воейкова къ женѣ достаточно привести два слѣдующіе эпизода изъ записокъ извѣстнаго Н. И. Греча. пріѣзжаетъ поклонникъ Свѣтланы (такъ звалъ свою крестницу Жуковскій), А. И. Тургеневъ, хочетъ по обычаю пройти къ ней, но двери оказываются запертыми. Онъ спрашиваетъ у мужа о причинѣ. Тотъ говоритъ, что жена заперлась и плачетъ потому, что въ домѣ нѣтъ ни копейки. Тургеневъ проситъ Воейкова пустить его къ Свѣтланѣ, и Воейковъ соглашается на это подъ условіемъ, что Тургеневъ заплатитъ ему 500 рублей. Такимъ образомъ, мужъ «торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью своей жены», такъ какъ на самомъ дѣлѣ та плакала отъ огорченій, полученныхъ ею отъ супруга. Или наканунѣ отъѣзда больной Воейковой за границу, откуда несчастной страдалицѣ не суждено было вернуться, мужъ послалъ ее за бумагой къ себѣ въ кабинетъ. Войдя туда, Свѣтлана нашла на столѣ эпитафію, заблаговременно написанную супругомъ на случай ея смерти. Нечего и говорить, что увлекательно написанная біографія содержитъ много интересныхъ данныхъ по исторіи нашей литературы и сообщаетъ много неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній Жуковскаго, Языкова и др. Любопытно отмѣтить еще одну черту. Предъ нами жизнь безусловно лучшихъ представителей тогдашняго общества. Всѣ они владѣютъ крѣпостными. Какъ же они къ нимъ относились? Вотъ мелкій, но, кажется, весьма характерный штрихъ, позволяющій отвѣтить на этотъ вопросъ. Празднуютъ встрѣчу новаго 1814 года. Среди торжествъ ставятъ бога Януса, роль котораго изображалъ одинъ изъ крѣпостныхъ. На головѣ его ставятъ огарокъ, и несчастному лицедѣю «приказано было переносить, не морщась, боль отъ растопленнаго воска, если онъ потечетъ на его макушку». Біографія А. А. Воейковой вышла и отдѣльнымъ изданіемъ, которое, несомнѣнно, должно привлечь къ себѣ вниманіе публики.

Затѣмъ въ «Русскомъ Библіофилѣ» продолжалось печатаніе (къ сожалѣнію, очень маленькими порціями) любопытнѣйшихъ записокъ князя И. М. Долгорукова. О значеніи этого памятника было достаточно сказано въ двухъ нашихъ предшествующихъ отчетахъ о журналѣ. Въ помѣщенной нынѣ части авторъ повѣствуетъ о мрачномъ правленіи Павла I и притомъ въ сугубо черныхъ краскахъ, такъ какъ императоръ обошелъ князя пожалованіемъ ему чина тайнаго совѣтника.

Изъ обширнаго историко-литературнаго матеріала отмѣтимъ рядъ статей, посвященныхъ Пушкину (г. г. Евдокимова, Лернера, Морозова и Оксмана).

Библиотека "Руниверс"

Г. Морозовъ убѣдительно доказываетъ вліяніе на Пушкина Сентъ-Бева; г. Оксманъ приводитъ новыя данныя, подтверждающія вліяніе на стихи о Старомъ Домѣ Гофмана, г. Лернеръ возсоздаетъ хронологію «Евгенія Онѣгина» и публикуетъ отрывокъ чернового французскаго письма поэта къ неизвѣстной дамѣ. Весьма примитивна сшитая на живую нитку работа г. Евдокимова о Пушкинскомъ «Современникѣ». Любопытныя архивныя данныя изъ біографіи Островскаго и Салтыкова-Щедрина сообщаетъ г. Александровъ. Когда исполнилось 25-лѣтіе драматической дѣятельности Островскаго, тогдашній директоръ императорскихъ театровъ ходатайствовалъ о назначеніи писателю пенсіи, но получилъ въ отвѣтъ отъ министра Двора указаніе, что «съ подобнымъ офиціальнымъ представленіемъ о пожалованіи пенсіи (закономъ не установленной) входить не слѣдовало». Въ матеріалахъ для біографіи Салтыкова содержатся любопытныя указанія на тѣ гоненія, которымъ подвергался писатель при императорѣ Николаѣ I.

Б. Л. Модзалевскій далъ, какъ и всегда, цѣнный біографическій очеркъ жизни графа А. Ѳ. Ростопчина, сына извѣстнаго Ѳ. В. Ростопчина. Жаль только, что почтенный авторъ мало остановился на составляющихъ огромную библіографическую рѣдкость трудахъ графа А. Ѳ. Ростопчина. Приведенныя facsimilia ихъ заглавій весьма дразнятъ любопытство библіофиловъ. Тотъ же изслѣдователь издалъ съ присущею ему тщательностью небезынтересный отрывокъ изъ воспоминаній В. В. Боборыкина (дяди романиста) «Три встрѣчи съ Лермонтовымъ».

Очень любопытна работа г. Столпянскаго «Первые патріоты русскаго искусства. (Памяти братьевъ Чернецовыхъ)». Помимо любопытныхъ фактовъ изъ біографіи этихъ во всякомъ случаѣ крупныхъ художниковъ, статья лишній разъ подчеркиваетъ суровость режима николаевскаго времени, когда оба брата подвергались гоненію свыше за то, что не хотѣли заниматься батальными сюжетами. Не можемъ, по недостатку мѣста, перечислить остального цѣннаго и интереснаго матеріала, помѣщеннаго въ журналѣ за 1915 годъ. Отмѣтимъ только двѣ библіографическія работы г. Чижикова, посвященныя Катуллу Мендесу и Данте-Алигьери. Что касается перваго писателя, то, думается, поклонниковъ его у насъ не такъ ужъ много, да и тѣ, вѣроятно, могутъ читать своего любимца въ оригиналѣ, а Данте интересуются и занимаются многіе. Что же имъ дастъ указатель г. Чижикова? Весьма мало, такъ какъ составитель не потрудился указать тѣ источники, которые онъ пересмотрѣлъ для своей работы. Такимъ образомъ для того, чтобы дополнить указатель, надо начинать все сызнова.

Любители нашей старины могутъ искренно порадоваться тому, что и подъ новой редакціей и въ текущемъ 1916 году «Русскій Библіофилъ» даетъ столь же разносторонній и интересный матеріалъ, какъ и ранѣе. Это мы надѣемся показать въ своемъ будущемъ отчетѣ о журналѣ.

А. М—нъ.

Библиотека "Руниверс"

Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Томъ I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, проф. Н. А. Гредескула, Б. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. Кн-во б. М. В. Попова. Пгр.

Книга эта заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія русскихъ читателей и по своему содержанію, и по моменту своего появленія. Пятиглавая редакція «Отечества» задалась цѣлью уяснить русскому обществу основы, на которыхъ должно въ будущемъ покоиться единеніе съ Россіей всѣхъ обитающихъ въ ней инородцевъ, ихъ культурные чаянія и идеалы, ихъ стремленія къ національному самоопредѣленію. Все это, конечно, очень почтенно и любопытно для русскихъ читателей, вообще склонныхъ къ преувеличенному уваженію правъ и особенностей другихъ, не русскихъ національностей. Печально лишь одно, что въ этой книгѣ нѣтъ ни слова о русскомъ народѣ, его культурныхъ чаяніяхъ и правахъ на національное самоопредѣленіе, а Россія является лишь «отечествомъ» для живущихъ въ ней перусскихъ народностей. Разумѣется, привычка вершать дѣла «безъ хозяина» давно укоренилась въ русской государственной жизни, въ особенности въ періодъ нѣмецкаго засилья, когда русское національное самознаніе придавлено было двойнымъ прессомъ: инородческой бюрократіи и космополитической интеллигенціи; но въ настоящее время, когда русскій народъ ведетъ роковую борьбу на жизнь и смерть съ германизмомъ, даже немудрые политики изъ инородцевъ не рѣшатся предлагать ему заключить соглашеніе, гдѣ на долю Россіи (какъ въ замаскированной формѣ именуютъ они русскій народъ) выпадаютъ однѣ лишь обязанности, а на долю инородцевъ одни лишь права. Ибо, можно сказать положительно, русскій народъ, избавившись отъ нѣмецкаго ига, политическаго и культурнаго, отнюдь не пожелаетъ навязать себѣ другое инородческое иго, въ какой бы то ни было формѣ предлагаемое. Россія можетъ желать теперь, чтобы создавшій ее великій русскій народъ развилъ всю мощь національнаго своего духа, а не служилъ лишь «навозомъ» ни для германскаго, ни для какого-либо другого инородческаго самоопредѣленія. Если это въ концѣ концовъ не удалось нѣмцамъ, то едва ли удастся и всѣмъ другимъ, хотя бы и вмѣстѣ совокупившимся инородцамъ Россіи.

Только этимъ глубокимъ непониманіемъ совершающейся исторической эволюціи мы и можемъ объяснить себѣ стремленіе почтеннѣйшей пятиглавой редакціи въ настоящій страдный для русскаго народа моментъ выставлять на первый планъ «инородческій» вопросъ, забывая, что прежде всего онъ есть вопросъ русскій и что въ данное время и поляки, и евреи, и латыши, и армяне, всѣ они только русской мощью охраняются отъ нашествія германцевъ съ ихъ союзниками и только въ надеждѣ на нее могутъ разсчитывать на будущее свое національное процвѣтаніе. Въ глазахъ почтенной редакціи финляндцы, пользовавшіеся всѣми гражданскими правами на всемъ пространствѣ Россіи и отказывавшіе въ нихъ у себя дома всѣмъ русскимъ людямъ, являются типичными представителями тѣхъ національныхъ идеаловъ, къ которымъ вообще должны стремиться русскіе инородцы. Польша—для поляковъ, Арменія—для армянъ, Литва—для литовцевъ, но въ Россіи

Библиотека "Руниверс"

(т. е. среди русскаго народа) должно быть открыто широкое поле для всѣхъ инородцевъ и ихъ «культурному» воздѣйствію, ибо, въ глазахъ авторовъ «Отечества», русскій народъ есть пока только «творимая нація» и сотворится вполнѣ только тогда, когда восприметъ въ себя «культурный духъ» поляковъ, евреевъ, латышей и т. д. Первая статья «Отечества» писанная перомъ «русскаго» писателя, г. Гуревича такъ и озаглавлена: «Россія — творимая нація», Каковъ будетъ этотъ «духъ» общеинородческой культуры, судить намъ, конечно, не дано, но только въ чаяніи созданія этого духа г. Гуревичу «кажется желательнымъ, чтобы ростъ вліянія украинскаго и бѣлорусскаго языковъ не грозилъ распадомъ духовныхъ силъ русскаго народа, единство которыхъ такъ еще (sic!) нужно для созданія сердца Россіи — общерусской культуры, къ которой могли бы тяготѣть и культуры національностей». «О еврействѣ,—прибавляетъ г. Гуревичъ,—говорить не приходится: глубокая органическая связь его съ русской культурой общеизвѣстна» (sic!)...

Мы не коснемся «живого трупа»—статьи профессора Бодуэна-де-Куртене, рекомендующаго, между прочимъ, исключить изъ русскихъ (NB. не еврейскихъ или армянскихъ) училищъ преподаваніе Закона Божія и внести въ преподаваніе русской исторіи, русскаго языка и словесности «общечеловѣческаго содержанія» (sic!) «съ устраненіемъ изъ хрестоматій и сборниковъ отрывковъ, воспѣвающихъ военные подвиги, набѣги и захваты, а зато должно быть отведено мѣсто произведеніямъ, основаннымъ на общечеловѣческой солидарности...» Мы посмотримъ на вѣщанія другого русскаго писателя, г. Гредескула. «Въ Россіи,—сообщаетъ онъ:—кромѣ основного русскаго племени съ его тремя вѣтвями—великорусскимъ, малорусскимъ (украинскимъ) и бѣлорусскимъ,—въ Россіи живетъ свыше 100 различныхъ народовъ и народностей, большихъ и малыхъ. Изъ нихъ до десятка стоятъ на одной культурной степени съ русскими или даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *выше ихъ:* это финны вмѣстѣ со шведами, поляки, евреи, нѣмцы, литовцы, латыши, эстонцы, грузины и армяне... Всѣ они борются за свободу своего національнаго и культурнаго самоопредѣленія и желаютъ, чтобы эта свобода ограждена была для нихъ правовыми нормами... Всѣ эти народности, конечно, стремятся и не могутъ не стремиться къ обезпеченію себѣ свободы національнаго развитія, но они надѣются добиться его въ предѣлахъ и подъ покровомъ Россіи, не связывая своего національнаго дѣла ни съ какимъ «сепаратизмомъ». И даже тѣ національности, которыя для обезпеченія своего національнаго развитія считаютъ нужнымъ достигнуть «автономнаго» положенія въ государствѣ, вовсе не считаютъ этого безнадежнымъ въ Россіи, а, наоборотъ, твердо вѣрятъ въ то, что, выполнивъ задачу своего собственнаго политическаго освобожденія, Россія,—новая, свободная Россія,—дастъ «автономію» и тѣмъ своимъ народамъ, для которыхъ она будетъ составлять настоятельную національную потребность». Въ этомъ г. Гредескулъ почти увѣренъ, по свойству русскаго характера. Изъ инородцевъ грузины, по его мнѣнію, болѣе всего походятъ на русскихъ: «на русской и грузинской интеллигенціи это особенно ясно, потому что, кажется, самые недостатки ихъ одинаковы: при идеальности стремленій, при героичномъ настроеніи одинаковая безпечность въ дѣйствіи».

Библиотека "Руниверс"

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи г. Гредескулъ напрасно распинается, увѣряя, что въ Россіи національности угнетало якобы одно государство и что русскій народъ, напротивъ, относился къ нимъ только доброжелательно. Быть можетъ, самымъ «угнетеннымъ» народомъ въ Россіи былъ именно народъ русскій, жившій въ нормахъ крѣпостного права и несшій на себѣ весь крестъ созданія великаго, мірового государства. И теперь, когда оно создано, рѣшать вопросъ о правахъ державной народности должны, конечно, не поляки, евреи, армяне и латыши, а именно русскіе люди въ цѣляхъ огражденія интересовъ не только русской народности, но и существованія самого русскаго государства, которое и въ будущемъ послужитъ тѣмъ же инородцамъ, ихъ культурному развитію и преуспѣянію. Борьба грузинъ, мусульманъ и армянъ на Кавказѣ, евреевъ и поляковъ въ Польшѣ пока сдерживается лишь русской властью, а примѣръ Болгаріи, поднявшей руку на освободившую ее Россію, надолго останется памятенъ русскому народу и излечитъ его отъ сентиментальныхъ воззрѣній и «нѣкоторой безпечности въ дѣйствіи».

Всѣ инородцы въ Россіи имѣютъ права на національное свое самоопредѣленіе и культурное развитіе,—этого, конечно, можно было бы не доказывать ни г. Гуревичу, ни г. Гредескулу. Пятиглавой редакціи слѣдовало бы, взамѣнъ этой банальной истины, итти къ разрѣшенію волнующихъ ее вопросовъ съ другого конца: уяснить *права державной народности*. т. е. русской, по отношенію къ опредѣляющимся инородцамъ и *обязанности* ихъ по отношеніи къ Россіи, которая въ эластичныхъ, скользкихъ опредѣленіяхъ профессора государственнаго права Гредескула представляетъ собою не то географическій терминъ, не то конгломератъ разныхъ народностей въ родѣ русскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ «русскіе и евреи находятся въ глубокомъ органическомъ сродствѣ». Въ серьезныхъ государственныхъ вопросахъ слова должны уяснять мысль, а не затемнять ея, ибо каждое недоразумѣніе можетъ повлечь за собою тяжкія для обѣихъ сторонъ послѣдствія.

Большая часть книги «Отечество» занята очерками литературъ: финской, эстонской, латышской, литовской, малорусской (sic), еврейской, польской и грузинской. «Отечественная» литература Пушкина, Достоевскаго, Льва Толстого не заслужила особаго очерка въ «Отечествѣ» даже въ любезномъ г. Бодуэнуде-Куртене «общечеловѣческомъ содержаніи.» Къ очеркамъ инородческихъ литературъ приложены отрывки изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ ихъ произведеній.

Е. Шумигорскій.

А. И. Боргманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 года. Изд. т-ва «Новое Время» А. С. Суворина. Пгр. 1916. Стр. VIII+406 Ц. 2 р.

Это лучшая книга изъ написанныхъ авторомъ. Точность и литературность языка, широкая освѣдомленность въ новѣйшей ученой литературѣ, стройность и ясность плана изложенія—выдвигаетъ этотъ трудъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей учебной литературѣ. Особенно велико ея значеніе въ качествѣ пособія для самообразованія. Не только для любознательнаго гимназиста

Библиотека "Руниверс"

старшихъ классовъ, но и для самого преподавателя этотъ трудъ окажется весьма полезнымъ.

Методъ изложенія принятъ авторомъ нѣсколько иной, нежели въ остальныхъ учебныхъ пособіяхъ. Весь матеріалъ разбитъ на пять отдѣловъ: Кіевская Русь, Удѣльная Владимирская Русь, Литовская Русь, Московская Русь, Россійская Имперія, каждый изъ которыхъ распадается на главы; изъ нихъ основными являются: политическій строй, общественный строй, экономическое развитіе, церковь и просвѣщеніе. Если эти основныя главы не исчерпываютъ содержанія даннаго отдѣла, то авторъ вводитъ дополнительныя, напримѣръ: «главныя племена и области русскихъ славянъ» (отд. I) «характеристика южнорусскаго князя» (отд. I), «вліяніе Польши» (отд. III), «территоріальный ростъ» (отд. IV и V) и т. п.

Такимъ образомъ, развитіе общества, государственнаго строя, и пр. прослѣживается на протяженіи всей эпохи, что даетъ возможность читателю составить болѣе цѣльное представленіе о предметѣ изложенія.

Нѣкоторые очерки особенно удались. Хорошо, напримѣръ, разсказано о значеніи городовъ (стр. 12—13), обстоятельно выясненъ крестьянскій вопросъ (стр. 200 и сл.), религіозный и т. д. Однако есть пробѣлы. Говоря объ областномъ строѣ (стр. 33), г. Боргманъ ссылается на профессора Багалѣя («Русск. Ист.», т. I), тогда какъ болѣе научное и глубокое пониманіе этой эпохи предложено профессоромъ Любавскимъ («Лекція по древней русской исторіи до конца XVI вѣка»), книга котораго осталась неизвѣстной автору. Колонизація Сибири (стр. 151—152) охарактеризована слишкомъ схематично: данъ простой перечень фактовъ, нѣтъ общей, хотя бы и сжатой картины. Среди законовъ о крестьянахъ отсутствуетъ весьма важный законъ 1847 года, предоставлявшій крестьянамъ право выкупа на свободу въ случаѣ продажи съ аукціона имѣнія ихъ владѣльца, значеніе закона 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ указано неточно: практическаго примѣненія, правда, онъ не имѣлъ, но зато за нимъ оставалось большое юридическое значеніе: во-1-хъ, въ немъ проведена мысль, что личная свобода крестьянина не подлежитъ выкупу и во 2-хъ, высказанъ взглядъ на крестьянина, какъ на подданнаго государства, а нечастно-зависимаго раба. (см. объ этомъ Ключевскій, «Краткое пособіе по русской исторіи»). Ничего не сказано о проектѣ освобожденія крестьянъ при Николаѣ I путемъ финансовой реформы, если не считать глухого упоминанія о задолженности помѣщиковъ на стр. 362. Исторія возникновенія приказовъ изложена не совсѣмъ ясно (стр. 167). Автору необходимо использовать замѣчательную книгу по этому вопросу: Вернеръ, «О причинахъ и времени возникновенія московскихъ приказовъ».

Въ изложеніи церковной реформы Никона есть также нѣкоторыя неточности; авторъ не правъ, полагая, что Іосифъ только противодѣйствовалъ реформѣ (стр. 225); см. объ этомъ книгу о патріархѣ Никонѣ извѣстнаго знатока этого вопроса профессора Каптерева, гдѣ дано совершенно иное мнѣніе. Тамъ же авторъ найдетъ любопытныя подробности о борьбѣ ревнителей съ народными суевѣріями и порокомъ, чего никакъ нельзя обойти молчаніемъ, такъ какъ эта черта въ дѣятельности ревнителей весьма характерна. Далѣе, при изложеніи реформы Канкрина, глубокое значеніе и сложность ея не объясне-

Библиотека "Руниверс"

ны достаточно авторомъ (см. И. И. Кауфманъ, «Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи»), этому важнѣйшему вопросу отведено всего полстраницы (стр. 376). Наконецъ, не всегда объясняются употребляемые термины, напримѣръ, «подсѣчная» система (ст 204.р); читатель за объясненіемъ отсылается на стр. 11, гдѣ прямого упоминанія о «подсѣчной» системѣ въ сущности не имѣется, и неопытный читатель не сразу отыщетъ тѣ строки, которыя должны служить объясненіемъ термина.

Полагаемъ, что въ «краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи» необходимо внести также названія слѣдующихъ книгъ (помимо вышеупомянутыхъ Вернера и Любавскаго): Бѣлокуровъ, «О польскомъ приказѣ»; Ключевскій, «Исторія сословій»; И. Кауфманъ, «Серебряный рубль въ Россіи».

Резомируя все сказанное, еще разъ повторяемъ, что книгу слѣдуетъ признать лучшимъ изъ трудовъ автора и чрезвычайно полезнымъ пособіемъ по русской исторіи. Серьезныя достоинства книги отмѣчены и ученымъ комитетомъ, который удостоилъ ее преміи имени Петра Великаго.

К.

Сергѣй Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительная примѣчанія. Москва. Издательство «Мусагетъ». 1916 Стр. 39. Цѣна 50 к.

Г. С. Бобровъ—молодой поэтъ, молодой Сальери, авторъ интересныхъ стихотвореній и работъ въ области изслѣдованія русскаго стиха. Исходя изъ основныхъ положеній, предложенныхъ Андреемъ Бѣлымъ въ его воистину замѣчательныхъ работахъ по экспериментальному изслѣдованію русскаго ямба, авторъ въ первой статьѣ своей брошюры подвергаетъ метрико-ритмическому разбору, условившись въ терминахъ и опредѣливъ понятія, т. е. совершенно научно, а также добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, стихъ Пушкина въ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ». Стихъ этой сказки г. Бобровъ опредѣляетъ, такъ «паузный трехдольникъ». Не входя ни въ объясненіе названнаго термина, ни въ описаніе всего хода работы, укажемъ прямо на выводъ, который дѣлаетъ авторъ, разсмотрѣвъ эту форму стиха. Оказывается, во всей сказкѣ чисто метрическихъ строкъ (анапеста и амфибрахія) 33, 17%, а это обстоятельство, въ противность утвержденію Брюсова, будто сказка написана «народнымъ складомъ», былиннымъ, основывающимся на счетѣ значимыхъ выраженій въ стихѣ, доказываетъ, что ни о какомъ народномъ складѣ въ данномъ случаѣ рѣчи быть не можетъ.

Вторая замѣтка, или рецензія, какъ называетъ ее авторъ, излагаетъ напечатанную въ шестомъ томѣ сочиненій Пушкина (изданіе Брокгауза) статью Брюсова «Стихотворная техника Пушкина», съ пополненіемъ толкованія Брюсова своими глоссами, показывающими громадную начитанность въ русскихъ поэтахъ. Добавленія брошюры—собственно различныя marginalia къ той и другой замѣткѣ, примѣры схемъ трехдольнаго паузника у Фета, у Лермонтова въ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ», у Пушкина въ «Сказкѣ о попѣ и работникѣ его Балдѣ»

Библиотека "Руниверс"

и сказкѣ о медвѣдихѣ, о методѣ у Ѳ. Е. Корша въ его работахъ объ основаніяхъ народнаго стиха и пр.).

Газетно-книжному чтецу брошюра представится малозначительной. Но эта малозначительность кажущаяся, отъ непривычки. Авторъ доказалъ большую любовь и незаурядное умѣніе обращаться съ серьезнымъ научнымъ матеріаломъ, и оттого со всею возможною симпатіею слѣдуетъ привѣтствовать появленіе его работы, тѣмъ болѣе, что ученые изслѣдователи русскаго стихотложенія у насъ наперечетъ, а время выхода сколько-нибудь сносныхъ популярныхъ книжекъ по этому вопросу исчисляется почти столѣтіями («Словарь» Остолопова.—1821 г., книга г. Шульговскаго—1914 г.).

Влад. Княжнинъ.

Памятники міровой литературы. Творенія Востока. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта со вступительнымъ очеркомъ С. Ольденбурга. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. XXIV+341. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Самъ знатокъ индійской поэзіи, г. Ольденбургъ крайне сторожливо указываетъ во «вступительномъ очеркѣ», что «путемъ сложныхъ разсужденій и хронологическихъ соображеній мы съ довольно значительной степенью вѣроятія относимъ жизнь Калидасы къ первой половинѣ V вѣка по Р. Хр.».

Въ названномъ сборникѣ помѣщены драмы, «съ полною достовѣрностью приписываемыя Калидасѣ»,—«Малавика и Агнимитра», «Уравси» и «Сакунтала». Послѣднее имя, пожалуй, не вовсе чуждо каждому, такъ или иначе заглядывавшему въ историческіе учебники. Но, надо надѣяться, именно благодаря нарядному во всѣхъ отношеніяхъ изданію г.г. Сабашниковыхъ, и большая публика поглубже вникнетъ въ своеобразное творчество древнихъ индусовъ,—въ поэзію, гдѣ, съ одной стороны, и чувственность знойнаго Востока, окутываясь великолѣпной живописью, какъ бы удерживается въ извѣстныхъ предѣлахъ, а съ другой даже таятся зовы къ безплотному.

Царю въ «Сакунталѣ»

Припоминаетъ смутно д у х ъ
То сладко-радостно-родное,
Что было съ нами до земли,
Какъ мы любили до рожденья,
Какъ были счастливы н е з д ѣ с ь.

Передача Калидасы проведена г. Бальмонтомъ, въ общемъ, съ выдержанною ровною красивостью, безъ тѣхъ довольно кичливыхъ чудачествъ въ рѣчи, которыми подчасъ тѣшится этотъ искусникъ слова.

А. Налимовъ.

Библиотека "Руниверс"

К. Корниль. Пророки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желоховцева подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. VIII+224. Ц. 75 к.

«Коли тревога, то до Бога» и также «громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится...» Нужно было, чтобы покой нашъ былъ нарушенъ, чтобы громъ пушекъ пробудилъ насъ отъ спячки, чтобы полилась моремъ кровь, для того, чтобы проснулось общество, пребывавшее насчетъ Бога и религіи, если не въ полной индифферентности, то и къ тому, и къ другому относилось съ свойственной интеллигенту безпечностью. Въ лучшемъ случаѣ эта интеллигенція если и занималась «богоискательствомъ», то больше по своей привычкѣ философствовать, чѣмъ изъ чувства настоятельной потребности вѣры и жажды познать Бога. Всѣ эти интеллигентскіе кружки, и то въ весьма ограниченномъ количествѣ, если и занимались богословіемъ подъ наименованіемъ ли религіозно-философскаго общества, либо подъ другими названіями, больше всего и въ большей своей части стремились главнымъ образомъ къ обмірщенію религіи и къ вытравленію простой искренней вѣры. Участіе въ этихъ кружкахъ даже духовныхъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ не способствовало дѣйствительнымъ цѣлямъ вѣры и не вліяло на развитіе истинно религіозной мысли въ этихъ кружкахъ. Если будемъ откровенны, врядъ ли иниціаторы и организаторы этихъ кружковъ задавались цѣлью утвердить вѣру. Скорѣе всего замыслы ихъ заключались въ томъ, чтобы при содѣйствіи аки бы искренняго богоискательства имѣть право именоваться печальниками русскаго народа, вождями котораго они мнили себя и руководство которымъ желали бы закрѣпить за собою. Что русскій народъ не можетъ себя мыслить безъ Бога, это они знали; знали они и то, что не признаетъ себѣ руководителемъ русскій народъ безбожника. Вотъ, по-нашему, причины появленія у насъ интеллигентскихъ кружковъ «богоискателей».

Совсѣмъ другое теперь. Громъ, грянувшій съ Запада, настолько оглушилъ и нашего интеллигента, что, подобно мужику, съ которымъ все-таки у него есть великая связь въ смыслѣ культурныхъ наслѣдственностей, и онъ вспомнилъ о Богѣ не только для развлеченія и политики, но настоящимъ образомъ. Почти вся наша печать, какъ правая, такъ и лѣвая, безъ различія направленія, удѣляетъ весьма много мѣста церковно-религіознымъ вопросамъ всерьезъ, а не для потѣхи. Помимо печати періодической, на книжномъ рынкѣ появляются во множествѣ историко-религіозныя изданія, чрезвычайно содержательныя, проникнутыя истинной вѣрой. Наше общество охотно раскупаетъ ихъ. Подлежащая нашему разбору книга «Пророки» К. Корниля представляетъ собою пересказъ житій библейскихъ пророковъ, сдѣланный рукою первокласснаго мастера, проникнутыхъ глубокой вѣрой и чувствомъ благоговѣнія къ печальникамъ богоизбраннаго народа—пророкамъ. И удивительнѣе всего, что авторомъ этой книги является нѣмецъ, и тѣмъ не менѣе ничего раціоналистическаго, ничего мудрствующаго лукаво мы въ его изложеніи не находимъ, и книжка его проникнута идеалистическими чаяніями и вѣрою въ Божественный Промыселъ. Впрочемъ, г. Корниль врядъ ли природный тевтонъ; скорѣе всего онъ

Библиотека "Руниверс"

нѣмецкій еврей, почему становится понятнымъ его отношеніе къ роднымъ пророкамъ и отсутствіе въ его изложеніи характернаго для нѣмецкаго ученаго богослова сухости.

Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Никольскій, что книга К. Корниля дастъ читателю рядъ блестящихъ характеристикъ израильскихъ и іудейскихъ пророковъ, причемъ эти характеристики вдвинуты въ общую картину эволюціи израильской религіи; такимъ образомъ, читатель получитъ представленіе обо всѣхъ основныхъ проблемахъ исторіи древняго Израиля въ томъ видѣ, какъ онѣ ставятся и разрѣшаются современной ветхозавѣтной наукой. Искреннее теплое чувство, которымъ проникнута книжка, свидѣтельствуетъ, что ея авторъ не застылъ въ профессіональныхъ схемахъ кабинетнаго ученаго, но умѣетъ по-своему переносить вмѣстѣ съ собою своего читателя.

Книжка К. Корниля представляетъ собою рядъ лекцій на курсахъ, устраиваемыхъ въ свободной нѣмецкой высшей школѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ каждую зиму для распространенія научныхъ и художественныхъ интересовъ и знаній, и представляетъ собою изложеніе исторіи израильскихъ пророковъ на основаніи изслѣдованій и выводовъ новѣйшей ветхозавѣтной науки. Всѣхъ лекцій авторомъ было прочитано пять: сущность и значеніе израильскаго пророчества, израильскіе пророки до смерти Іезекіиля, израильскіе пророки отъ Манассіи до разрушенія Іерусалима, израильскіе пророки во время плѣна вавилонскаго и эпигоны израильскихъ пророковъ.

Рекомендуемъ эту книжку читателямъ; мы думаемъ, они на насъ не посѣтуютъ. Переводъ сдѣланъ вполнѣ литературно и даже мѣстами изящно.

О. Л—нъ.

Ѳ. М. Россейкинъ. Восточный папизмъ въ IX вѣкѣ. Сергіевъ посадъ 1915. Ц. 40 к.

Въ русской и иностранной исторической и канонической литературѣ иногда высказываются сужденія относительно такъ называемаго «восточнаго папизма». Ученые, не взявшіе на себя труда основательно изучить источники для исторіи и права греко-восточной православной церкви, утверждаютъ, будто патріархи Константинополя, имѣющіе въ составѣ своего титула эпитетъ «вселенскій», не только de iure, но и de facto были «папами для всего православнаго Востока». Такое сужденіе примѣняется или вообще ко всему византійско-константинопольскому патріаршеству, или къ нѣкоторымъ вселенскимъ патріархамъ въ частности, особенно же въ отношеніи къ патріархамъ Фотію (IX в.) и Михаилу Кируллярію (XI в.), дѣятельность которыхъ имѣетъ центральное значеніе въ исторіи раздѣленія восточной и западной церквей. Не трудно понять, что «восточный папизмъ» придуманъ латинскими писателями въ интересахъ оправданія подлиннаго и единственнаго папизма—римскаго. Тѣмъ болѣе странною представляется позиція русскихъ ученыхъ, слѣпо подражающихъ западнымъ своимъ коллегамъ.

Въ отмѣченной брошюрѣ г. Россейкинъ рѣшаетъ вопросъ о тамъ называемомъ «восточномъ папизмѣ» IX вѣка (патріарха Фотія) на строго научныхъ

Библиотека "Руниверс"

основаніяхъ. Авторъ вполнѣ убѣдительно показалъ, что византійскій патріархъ Фотій никогда не стремился къ церковно-іерархическому абсолютизму. Правда, Фотій отвергъ папскій приматъ, въ смыслѣ супрематіи, но сдѣлалъ это не по своей инициативѣ. Фактически онъ никогда motu proprio и не заявлялъ о личныхъ притязаніяхъ на первенство среди патріарховъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима. Напротивъ, онъ стремился къ братству и единенію съ ними на началахъ византійской патріаршей пентархіи. Вообще, о такъ называемомъ «восточномъ папизмѣ» и рѣчи быть не должно, поскольку вопросъ касается патріарха Фотія. Брошюра г. Россейкина является вполнѣ научной и даетъ основательную отповѣдь поверхностнымъ историкамъ и подражателямъ-канонистамъ русскимъ и иностраннымъ. Σ.

Проф. И. И. Соколовъ. Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV в. до настоящаго времени. Историческій очеркъ. Стр 81. П. 1916. Ц. 1 р.

Вниманіе всего русскаго общества нынѣ обращено къ Константинополю, столицѣ нѣкогда могущественной и знаменитой православной Византійской имперіи и городу вселенскаго патріарха. Сбываются грезы и мечты давнихъ и новыхъ печальниковъ русской гражданственности и церковности: Константинополь можетъ войти въ составъ Россійскаго государства. Въ этотъ знаменательный моментъ намъ необходимо знать, что представляетъ собою Константинополь въ гражданско-общественномъ и церковномъ отношеніяхъ На послѣдній вопросъ и дается отвѣтъ въ указанномъ сочиненіи извѣстнаго русскаго ученаго проф. И. И. Соколова. Здѣсь, на основаніи строго-научныхъ историческихъ и археологическихъ данныхъ изслѣдуется, гдѣ въ разные періоды турецкой эпохи находились вселенская патріархія и патріаршій храмъ, какіе приходы и церкви существовали здѣсь отъ завоеванія Константинополя турками въ 1453 г. и до нашихъ дней. Особенно важны и интересны сообщенія о церквахъ и приходахъ Константинополя въ настоящее время, о священныхъ здѣсь источникахъ, чудотворныхъ иконахъ и другихъ церковныхъ святыняхъ. Когда Константинополь, съ Божіей помощью, будетъ занятъ русскою побѣдоносною арміей, представители Россіи, пользуясь прекраснымъ изслѣдованіемъ авторитетнаго ученаго, будутъ вполнѣ освѣдомлены, что именно они найдутъ— въ отношеніи церковныхъ установленій—въ этомъ городѣ вселенскаго патріарха. Н.

Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Переводъ О. Анненковой. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915. Стр. 316. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ неоднократно посѣщалъ берега Средиземнаго моря и, въ результатѣ этихъ посѣщеній, подѣлился съ публикой своими впечатлѣніями. Спеціальность Диля, извѣстнаго историка-византиниста, заставляетъ его отводить среди этихъ впечатлѣній наиболѣе видное мѣсто археологіи. Такой характеръ носятъ первыя три главы очерковъ, посвященныхъ Далмаціи. Диль раз-

Библиотека "Руниверс"

сказываетъ здѣсь о дворцѣ Діоклетіана въ Спалато, одномъ изъ тѣхъ рѣдкихъ памятниковъ, которые даютъ больше знанія эпохи, чѣмъ вся исторія, о тамошнемъ, наиболѣе цѣнномъ и наиболѣе сохранившемся, послѣ Пантеона, произведеніи римской архитектуры, о христіанскихъ мученикахъ, память которыхъ связана съ Салоной. Знакомится читатель и съ общимъ характеромъ Далмаціи, этой Швейцаріи, омываемой моремъ и позлащенной солнцемъ Востока. Изъ Далмаціи Диль переводитъ насъ въ Боснію и Герцеговину, представляющія своеобразное смѣшеніе альпійскихъ пейзажей съ нравами и костюмами Востока. Восхваляя всю дальновидность австрійской политики въ этихъ странахъ, авторъ, какъ бы провидя настоящія событія, говоритъ о томъ, что не слѣдуетъ забывать и о неотъемлемыхъ правахъ славянъ на эти страны, гдѣ 43% населенія исповѣдуютъ православную вѣру. Спускаясь далѣе въ Грецію, Диль останавливается только на одномъ мѣстѣ этой страны, столь богатой археологическими данными. Это—Дельфы, раскопки которыхъ, начатыя французами, дѣлаютъ честь французской наукѣ. Въ слѣдующей главѣ о святой горѣ Аѳонской авторъ вспоминаетъ о другой исчезнувшей великой цивилизаціи, именно византійской, мистической и благочестивой, съ ея живописными образами отшельниковъ и аскетовъ и пышнымъ религіознымъ искусствомъ. Подвигаясь далѣе на востокъ, Диль, разумѣется, останавливаетъ вниманіе читателя на Константинополѣ. Но эта глава, названная авторомъ «Очерки и воспоминанія», принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ, не заключая въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ обычныхъ путевыхъ впечатлѣній туриста. Зато полны интереса слѣдующіе очерки автора, посвященные Кипру и Родосу. Изъ городовъ Кипра Диль беретъ памятную по исторіи Отелло и Дездемоны Фамагусту, городъ, умѣвшій въ свое время пожить всласть, такъ что, по словамъ одного нѣмецкаго паломника XIV вѣка, имѣть тамъ три тысячи флориновъ дохода значило быть бѣднѣе, чѣмъ въ Германіи съ тремя марками. Вспоминаетъ авторъ и про короля Петра I, который своеобразно соблюдалъ вѣрность своей супругѣ въ путешествіяхъ тѣмъ, что возилъ съ собою ея сорочку, которую каждый вечеръ приказывалъ класть въ свою постель. На Родосѣ Диль особенно живописно описываетъ одноименный съ островомъ городъ, типичный французскій городъ XV вѣка, сохранившійся почти цѣликомъ со всѣми своими памятниками, начиная отъ церквей и дворцовъ вплоть до самыхъ скромныхъ жилищъ. Въ заключительной главѣ, посвященной Іерусалиму, въ виду остро назрѣвающаго теперь вопроса о Палестинѣ, особое вниманіе обращаютъ сѣтованія автора на упадокъ французскаго вліянія на Св. Землѣ.

Нечего и говорить, что вся книга написана такъ изящно, живо и остроумно, какъ умѣютъ писать французы. Переводъ г-жи Анненковой удачно воспроизводитъ это блестящее изложеніе оригинала. Странно только, что сокращеніе mgr. понято, какъ magister, а не monseigneur (въ главѣ о Босніи и Герцеговинѣ).

М.

Библиотека "Руниверс"

А. Н. Мандельштамъ—бывшій первый драгоманъ россійскаго посольства въ Константинополѣ, членъ-сотрудникъ института международнаго права. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915. Стр. 68. Ц. 75 к.

Настоящая небольшая книжка представляетъ несомнѣнный интересъ въ переживаемую нами эпоху, когда Турція входитъ въ составъ воюющихъ противъ насъ странъ, а приведенныя въ заголовкѣ званія автора ея усугубляютъ интересъ, такъ какъ указываютъ на особенную компетентность автора разобраться въ современномъ положеніи Турціи, которую онъ покинулъ уже послѣ разрыва, т. е. въ октябрѣ 1914 года. Прочтя брошюру, выносишь ясное сознаніе невозможности существованія Турціи не только среди европейскихъ государствъ, но даже и въ Азіи.

Будучи близко знакомъ съ главными дѣятелями младотурецкаго комитета, которымъ онъ даже, правда, вмѣстѣ со всей Европой, повѣрилъ, и повѣрилъ не только ихъ патріотизму (который, пожалуй, отрицать нельзя), но и ихъ способности провести въ жизнь въ Турціи то, что они провозглашали своими принципами, авторъ даетъ наиболѣе правдивое изложеніе перипетій младотурецкой партіи въ борьбѣ ея сперва со старымъ режимомъ—наиболѣе легкой для нихъ, и изъ которой они вышли побѣдителями, а затѣмъ съ различными образовавшимися впослѣдствіи партіями, заимствовавшими у самихъ же младотурокъ пріемы борьбы, какъ-то: привлеченіе на свою сторону арміи и прикрытіе своихъ теорій зеленымъ знаменемъ ислама, что оказалось младотуркамъ настолько трудно, что они вынуждены были отказаться почти отъ всѣхъ своихъ завѣтныхъ идей и обратиться въ маленькихъ Абдулъ-Гамидовъ.

Такимъ возвращеніемъ къ тому злу, противъ котораго они возставали: всяческое ограниченіе свободы, организованное шпіонство и пр.,—младотурки доказали справедливость высказанной на первой же страницѣ статьи мысли, что «ужаснѣйшій ядъ медленно, но вѣрно отравлялъ турецкій народъ», а также истины, столь поэтично выраженной г. Мандельштамомъ (стр. 63), что турецкій народъ ничего не создалъ и не въ состояніи создать, а можетъ лишь разрушать.

Образовавшаяся побѣдами ордъ Османа и войскъ Магомета II и другихъ султановъ-завоевателей громадная имперія за четыре-пять вѣковъ существованія не претворилась въ единый народъ, такъ что и понынѣ Турція состоитъ какъ бы изъ отдѣльныхъ кусковъ различныхъ племенъ и народностей, связь коихъ поддерживается главнымъ образомъ страхомъ передъ дѣйствительно прекрасными солдатами ея, далеко не церемонящимися въ выборѣ экзекуціонныхъ способовъ по отношенію къ инородцамъ.

Этой неспособностью къ созданію чего-нибудь своеобразнаго турки и отличаются отъ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ—арійскихъ или семитическихъ, и она-то и есть причина того, что младотурецкія вожделѣнія и надежды на устройство изъ ихъ родины правового государства были въ самой основѣ своей невѣрны,—конституціонный образъ правленія не могъ не погубить Турцію, ибо турки—даже младотурки—не въ состояніи создать стройнаго государства. Эту задачу могли бы выполнить лишь инородные элементы, напримѣръ, арабы. армяне, евреи, а тогда это уже не было бы оттоманской Турціей.

Библиотека "Руниверс"

Это-то видѣли и не могли не понимать и относиться совершенно скептически ко всему движенію младотурокъ лица, знающія турецкій Востокъ, побывавшія тамъ и знакомыя съ жизнью и нравами этой страны, повѣрить же, что «младо» или какое-либо иное турецкое движеніе можетъ вылечить «больного человѣка», вѣрнѣе, создать государство, могли лишь абстрактные теоретики Европы, наивно мѣрящіе своеобразный до крайности Востокъ на банальную европейскую мѣрку.

Однако, одно обвиненіе г. Мандельштама противъ Абдулъ-Гамида и младотурокъ, быть можетъ, слишкомъ строго, и, пожалуй, даже отпадаетъ, это въ «открытіи первымъ наружныхъ, а вторыми—внутреннихъ воротъ турецкаго дома» Германіи, германскому вліянію.

Г. Мандельштаму лучше, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно, что каждый турокъ, а тѣмъ болѣе имѣющій малѣйшее отношеніе къ Портѣ и правительственнымъ сферамъ въ Константинополѣ, какъ и въ провинціи, постоянно видѣлъ, что представители Франціи, Англіи и Россіи старались всѣми силами достигнуть возможно большаго вліянія на оттоманское правительство и внутри страны, причемъ въ соревнованіи на этомъ поприщѣ не только не щадили своихъ противниковъ, стараясь всячески вредить имъ въ глазахъ турокъ, но и совершенно не считались съ истинными интересами турокъ, которые удовлетворялись лишь въ томъ случаѣ, если это было выгодно или для чего-нибудь нужно данному государству. Въ противность этому Германія подчеркивала незаинтересованность свою въ турецкомъ наслѣдствѣ; Бисмаркъ торжественно заявлялъ, что не дастъ ни одного прусскаго солдата ради балканскаго вопроса; германская дипломатія тщательно уклонялась отъ всего, что могло обидѣть турокъ, задѣть ихъ самолюбіе, какъ введеніе протектората надъ Критомъ, вмѣшательство въ армянскія дѣла. Даже еще въ 1861 году при составленіи Ливанскаго статута, коимъ этой провинціи дарована была извѣстная автономія и она ставилась подъ покровительство шести европейскихъ державъ, въ томъ числѣ Германіи, точно такъ же, какъ и на всѣхъ конгрессахъ и конференціяхъ, на которыхъ неизмѣнно проводились новыя ограниченія турецкаго суверенитета, въ огражденіе ли правъ христіанъ турецко-подданныхъ, или иностранныхъ подданныхъ, живущихъ въ Турціи, или, наконецъ, въ обезпеченіе интересовъ кредиторовъ ея, германскіе представители играли возможно пассивную роль, чтобы дать понять туркамъ, что они лишь «по обязанности» и чисто формально примыкаютъ къ европейскому концерту и отнюдь не сочувствуютъ ампутаціи «больного человѣка».

Привыкшіе лукавить съ другими, турки просмотрѣли лукавство тевтонское, повѣрили безкорыстію туркофильства германцевъ, дали себя ослѣпить вѣрою въ ихъ сверхчеловѣческую мощь, которая будетъ въ силахъ побѣдить всѣхъ противниковъ, т. е. почти весь міръ, и дали себя втянуть насильно въ міровую войну, въ которой они для Германіи играютъ роль лишь какъ средство отдалить окончаніе ея, но которая для Турціи есть, разумѣется, не что иное, какъ самоубійство.

Было бы интересно, чтобы, обладая такимъ знакомствомъ съ турецкимъ дѣлами и такой громадной эрудиціей, г. Мандельштамъ не ограничился столь краткой статьей о «младотурецкой державѣ», но далъ бы полный культурно-

Библиотека "Руниверс"

историческій трудъ, въ которомъ изложилъ бы, между прочимъ, тѣ язвы оттоманскаго строя, которыя давно уже дѣлали существованіе этого государства въ Европѣ, къ тому же на формальномъ принципѣ равноправія съ великими державами, чистѣйшей аномаліей, возможной исключительно вслѣдствіе безсмысленнаго страха Англіи передъ Россіей за цѣлость Индіи и сохранность пути къ ней и непонятной ошибки Франціи (или ея императора), кто ея истинный врагъ—Россія или Германія? аномаліей, устраненіе которой является еще однимъ изъ тѣхъ сложнѣйшихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ повлечетъ за собою нынѣшняя ужасная война. **Г. Батюшоввъ.**

А. В. Бѣлгородскій. Порабощенное славянство въ Австро-Венгріи и Германіи. Изданіе Н. П. Карбасникова. Пгр. 1915. Стр. 138. Ц. 1 р.—Его же. Галиція—исконное достояніе Россіи. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 46 Ц. 15 к.—Его же. За что боролся и пострадалъ Янъ Гусъ. (По поводу исполнившагося 500-лѣтія со дня его мученической кончины). Изданіе Н. П. Карбасникова. Пгр. 1916. Стр. 32. Ц. 20 к.

Нынѣшняя великая война вызвала необычайный подъемъ русскаго національнаго самознанія, пробудила доселѣ дремавшія въ душѣ народа братскія чувства къ подъяремному славянству и заставила внимательнѣе и ближе всмотрѣться въ судьбы нашихъ несчастныхъ порабощенныхъ единоплеменниковъ. Къ сожалѣнію, до войны ни школа (даже высшая), ни литература не ознакомили въ достаточной степени русское общество съ исторіей, бытомъ, политическимъ положеніемъ и національными запросами и чаяніями зарубежнаго славянства. Лишь война, какъ громъ, неожиданно разразившаяся надъ Россіей, выдвинула на первый планъ «славянскій вопросъ», заставила чутко прислушаться къ словамъ современныхъ славянофиловъ, и вотъ тогда въ нашемъ обществѣ почувствовалась настоятельнѣйшая потребность хотя въ общихъ чертахъ ознакомиться съ прошлыми судьбами и настоящей дѣйствительностью родного зарубежнаго славянства. Какъ весьма полезную въ этомъ отношеніи работу, нужно отмѣтить и разсматриваемыя нынѣ книжки г. Бѣлгородскаго. Въ первой изъ нихъ авторъ, давши въ введеніи общій обзоръ славянства, знакомитъ послѣдовательно съ исторіей, хозяйственнымъ и семейнымъ бытомъ, съ политическимъ положеніемъ и состояніемъ русскихъ Галичины, Угорщины и Буковины, поляковъ, чеховъ, словаковъ, сербо-хорватовъ, босняковъ, герцеговинцевъ, кашубовъ, лужичанъ и т. д., т. е. славянскихъ народовъ, находящихся нынѣ подъ властью Австро-Венгріи и Германіи. Съ особеннымъ интересомъ читаются страницы, посвященныя борьбѣ западныхъ славянъ съ германцами, а также повѣствованія о культурныхъ достиженіяхъ славянства.

Брошюра «Галиція—исконное достояніе Россіи», предназначенная для широкой народной массы и изложенная простымъ общепонятнымъ языкомъ, знакомитъ съ исторіей Галицкой земли, начиная съ образованія княжества и заканчивая 1914 годомъ. Книжка снабжена картой Галичины, Буковины и Угорской Руси и многочисленными портретами и рисунками.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, послѣдняя книга посвящена свѣтлой памяти великаго чешскаго проповѣдника Яна Гуса, который всю свою жизнь боролся за религіозную и національную свободу своего народа. Знакомство съ дѣятельностью и личностью этого борца какъ нельзя кстати именно въ эти дни нынѣшней войны славянства съ германизмомъ. Его свѣтлый образъ,—говоритъ г. Бѣлгородскій,—окруженный ореоломъ мученичества, долженъ служить въ наши дни примѣромъ героическаго подвига, побуждающаго каждаго изъ насъ отдать всѣ свои силы родинѣ въ ея борьбѣ съ исконнымъ врагомъ славянскаго міра.

Ш.

И. Б. Смольяниновъ. Защитный цвѣтъ. (Военные разсказы.) Изданіе М. А. Суворина. Пгр. 1916. Стр. 296 Ц. 2 р.

Обиліе «военныхъ» разсказовъ, написанныхъ штатскими авторами, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ пріучило читателя, не раскрывая откладывать въ сторону книжку, какъ только онъ узналъ, что это романъ, повѣсть или разсказы на военную тему. И пренебреженіе читателя подобной военной беллетристикой вполнѣ понятно: изъ великаго множества авторовъ, угодливо отвѣчавшихъ запросамъ книжнаго рынка, требовавшаго одно время единственно лишь произведеній на военные сюжеты, можно назвать всего лишь двухъ-трехъ писателей, создавшихъ дѣйствительно художественныя произведенія на тему о войнѣ. Даже такіе крупные художники, какъ Ѳ. Сологубъ или М. Кузминъ, не избѣгли общаго положенія и ихъ «военныя сочиненія» слабѣе всего передъ тѣмъ ими написаннаго. Причина нехудожественности этихъ произведеній, какъ намъ кажется, кроется въ томъ, что авторы описываютъ, чего они не знаютъ, не видѣли и не испытали, и, во-вторыхъ, не пришло еще время для того, чтобы современная дѣйствительность перевоплотилась въ художественную дѣйствительность. Вспомнимъ, какой большой промежутокъ годовъ отдѣлялъ Отечественную войну отъ времени написанія Л. Н. Толстымъ «Войны и мира». Теперь, въ настоящіе дни прямая задача писателя, обладающаго въ той или иной степени способностью художника, собрать эскизы и этюды для будущаго большого полотна, зарисовать спѣшными карандашными штрихами убѣгающую боевую сегодняшнюю дѣйствительность, сдѣлать правдивые наброски всего наиболѣе характернаго и любопытнаго, что ему удалось увидѣть тамъ, на поляхъ битвы, а не приподносить читателю романы, надуманные и сочиненные въ уютной тиши кабинета. Вотъ почему хорошая корреспонденція съ театра войны всегда читается съ интересомъ, а «военная беллетристика» нынѣ совсѣмъ уже потеряла всякое уваженіе читателя.

Военные разсказы (вѣрнѣе: очерки и корреспонденціи съ театра войны) г. Смольянинова заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Я не хочу сказать, что г. Смольяниновъ талантливѣе г. Сологуба или г. Кузмина; нѣтъ, но въ то время, какъ Сологубъ сочинялъ длиннѣйшую повѣсть съ звучнымъ заглавіемъ «Остріе меча», въ то время, какъ г. Кузминъ изощрялся въ сочиненіи разсказовъ на военныя темы, гдѣ то ангелъ таинственно превращался въ

Библиотека "Руниверс"

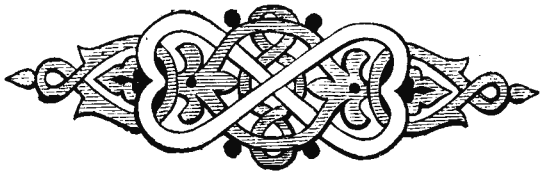
прапорщика, то прапорщикъ въ ангела, г. Смольяниновъ, въ качествѣ обыкновеннаго офицера, побывалъ на войнѣ, много тамъ испыталъ и перечувствовалъ, много пережилъ, многое сумѣлъ тамъ увидѣть, и результатомъ всего пережитаго и увидѣннаго и явился сборникъ его очерковъ «Защитный цвѣтъ».

Это именно эскизы и наброски той боевой дѣйствительности, которая такъ волнуетъ всѣхъ насъ, такъ близка и дорога намъ. Здѣсь и описаніе отдѣльныхъ боевыхъ эпизодовъ, и характеристика деревенской жизни, взбаламученной несмолкаемымъ грохотомъ орудій и прибытіемъ безконечныхъ вереницъ солдатъ; картина артиллерійскаго боя, пѣхотныхъ атакъ, ночныхъ развѣдокъ, затишья и сидѣнья въ окопахъ, кавалерійскаго набѣга, отбитія атаки удушающихъ газовъ, постройка понтоннаго моста, переправа войскъ черезъ рѣку, походный лазаретъ. Такъ эскизно, но выпукло и ярко набросаны фигуры людей въ одеждѣ защитнаго цвѣта. Вотъ кавказцы, сибирскіе стрѣлки, безконечные ряды нашихъ рассейскихъ сѣрыхъ шинелей... Вотъ старый гусаръ, тридцать семь лѣтъ не снимающій своего гусарскаго мундира съ штабъ-ротмистрскими эполетами; «пещерный житель», до войны инженеръ-путеецъ, теперь—саперный прапорщикъ, постоянно испачканный всѣми «грунтами», которые встрѣчаются на участкѣ его позиціи; «тяжелый хозяинъ»—командиръ батареи и т. д. И отдѣльныя личности и солдатская толпа,—всѣ они говорятъ каждый по-своему, особенно, и чувствуется, что ихъ разговоры не надуманные, не сочиненные, а дѣйствительно подслушанные и слышанные. Авторъ съ большимъ стараніемъ зарисовываетъ ихъ яркія фигуры, и онѣ долго потомъ не забываются.

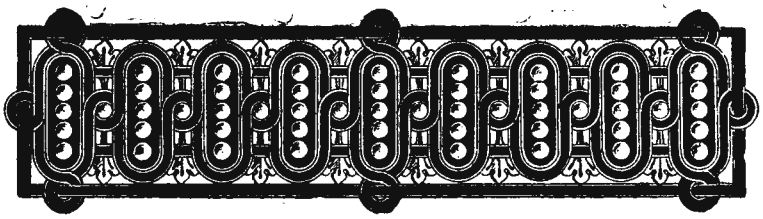
Весь сборникъ прочитывается съ неослабѣвающимъ интересомъ, и картина окопнаго житья-бытья представляется читателю хоть и въ бѣглыхъ, но выпуклыхъ и отчетливыхъ штрихахъ.

Первоначально эти очерки г. Смольянинова были напечатаны въ газетѣ «Новое Время» и журналѣ «Лукоморье».

Д. М—ко.



Библиотека "Руниверс"



Съ 15 мая по 15 іюня 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Краткій очеркъ за десятилѣтіе 1906—1916. Пгр. 1916. Стр. 63+VII. Въ продажу не поступаетъ.

Роскошно изданный историческій очеркъ дѣятельности названнаго комитета состоитъ изъ общаго обзора и главъ, повѣствующихъ о землеустроительной организаціи, землеустройствѣ на надѣльныхъ земляхъ, о содѣйствіи крестьянамъ по покупкѣ земли, о ссудахъ и пособіяхъ при землеустройствѣ, агрономической помощи и гидротехническихъ работахъ при землеустройствѣ и объ огнестойкомъ строительствѣ. Книга украшена многочисленными портретами главныхъ дѣятелей вѣдомства.

Проф. И. А. Линниченко. Проектъ новаго университетскаго устава. Пгр. 1916 г. Стр. 44. Ц. не обозн.

Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга 1. Пгр. 1916 г. Стр. IV+420. Ц. 2 р. 50 к.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XXVII. Вып. I. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1916. Стр. 150+XXVII. Ц. не обозн.

Наиболѣе интересны въ означенномъ выпускѣ «Трудовъ» слѣдующія работы: «Описаніе Рязанской губерніи 1838 г.» С. Д. Яхонтова; «Московское подворье рязанск. архіереевъ»» А. Левитскаго; «Правая грамота 1687 г., и продолженіе «Рязанскаго Некрополя» (Казанскій монастырь).

Я. Д. Верховецъ. Въ наши дни. Явно оказанная помощь святыми угодниками Божіими. I. Война 1914—15 гг. Приложенія: учрежденія, вызванныя событіями военнаго времени. Изданіе Д. М. Краевскаго. Пгр. 1916. Стр. 95. Ц. 15 к.

Н. И. Передерей. Исторія русскаго государства и великая битва народовъ. Поэма. Пгр. 1916. Стр. 171. Ц. 2 р. 25 к.

А. Новикова. «Рѣетъ надъ полемъ побѣда». Пгр. 1916. Стр. 15. Ц. 25 к.

Изъ десяти стихотвореній, входящихъ въ сборникъ г-жи А. Новиковой, ни одно не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Г-жѣ Новиковой, какъ и огромному большинству нынѣшнихъ поэтовъ, сочиняющихъ «на военныя темы», только одно и можно сказать: «суждены вамъ благіе порывы, но свершить ничего не дано...»

Вл. Ш—о. Лютый нѣмецъ и богатыри русскіе. Былина сего времени. Одесса. 1916 г. Стр. 24. Ц. 10 к.

«Былина сего времени» неизвѣстнаго херсонскаго автора посвящена событіямъ современной войны. Написанная дубовымъ псевдо-древнерусскимъ языкомъ и пропитанная какимъ-то фаль-

Библиотека "Руниверс"

шивыми благонамѣренно-патріотическими тенденціями, эта «былина» врядъ ли придется по вкусу даже самому непритязательному читателю.

Димитрій Суражевскій. Тишина. Стихи. М. 1916. Стр. 82. Ц. 1 р.

Г. Суражевскій характеризуетъ себя, какъ поэта «сокровенныхъ стремленій, сновидѣній, забытыхъ душой, полувстрѣчъ и больныхъ сожалѣній о потерянной жизни былой». Многія стихотворенія его полны глубокаго чувства; стихъ музыкаленъ и красивъ; многіе поэтическіе образы запоминаются. Особенно хороши стихотворенія: «Умирающій домъ», «Заброшенный трудъ», «Звуки» и «Осенняя пѣсня».

«Вѣстникъ императорскаго общества ревнителей исторіи. Вып. III. Пгр. 1916. Стр. 204. Ц. не обозн.

Императорское общество ревнителей исторіи въ 1891 г. Отчетъ о научной дѣятельности и составъ членовъ. Пгр. 1916. Стр. 44. Ц. не обозн.

Труды общества изученія Смоленской губерніи. Подъ ред. В. В. Станчинскаго. Вып. II. М. 1915. Стр. 131. Ц. не обозн.

Настоящій выпускъ содержитъ въ себѣ слѣдующія работы: «Отчетъ о почвенно-ботаническихъ изслѣдованіяхъ въ Бѣльскомъ у. Смол. губ. лѣтомъ 1914 г.» Я. Алексѣева; отчетъ о работахъ тамъ же М. П. Томина; «Опытъ систематическаго каталога млекопитающихъ Смол. г.» В. Меландера; «Списокъ птицъ Смол. г.» В. В. Стачинскаго; «Ихтіофауна рѣки Десны и нѣкот. ея притоковъ» А. А. Тимофеева; «Біологическія наблюденія», И. И. Кузьмина.

Н. Ефимовъ. Проблема любви и брака въ творчествѣ Жоржъ-Сандъ. (Памяти любвеобильной женщины). 1876—1916. Юрьевъ. 1916. Стр. 16. Ц. не обозн.

Небольшая брошюра г. Ефимова отмѣчаетъ вкратцѣ основныя мысли Жоржъ-Сандъ по женскому вопросу, блестящей піонеркой котораго она явилась, и выясняетъ то положеніе, которое заняли у насъ въ Россіи ея сочиненія и идеи. Первоначально работа г. Ефимова была напечатана въ №№ 117—119 «Рижскаго Вѣстника» за 1916 г.

Библіотека общественныхъ и литературныхъ памфлетовъ. № 3. Н. Я. Абрамовичъ. «Новое Время» и соблазненные младенцы. Кн-во «Памфлетъ». Пгр. 1916. Стр. 48. Ц. 65 к.

Проф. И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. 2-е дополн. изданіе т-ва М. О. Вольфъ. М. Пгр. 1915. Стр. 435. Ц. 2 р.

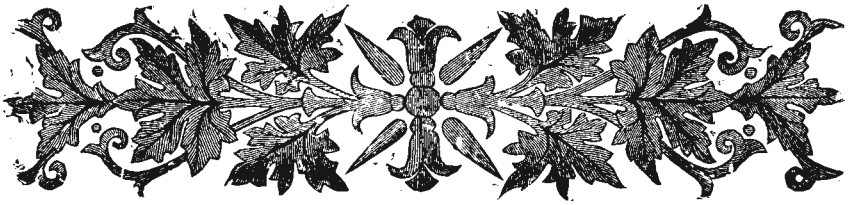
Отчетъ общества «Самодѣятельная Россія» за время съ 14 февраля по 31 декабря 1915 г. Пгр. 1916. Стр. 59. Ц. не обозн. (Адресъ правленія: Пгр. Вознесенскій пр. 55, кв. 19. Тел. 632—29).

Императорское русское историческое общество. 1866—1916. Пгр. 1916. Стр. XI 193. Ц. не обозн.

Е. И. Игнатьевъ. Законы природы. Опытъ общедоступнаго изложенія основныхъ началъ современнаго научнаго міропониманія. Съ рис. Пгр. 1916. Стр. 126. Ц. 1 р. 25 к.

Новая книга талантливаго популяризатора Е. И. Игнатьева даетъ понятіе объ основныхъ началахъ современнаго научнаго міровоззрѣнія на ряду съ научно-историческимъ изложеніемъ этихъ основъ естествознанія. Особенно интересны тѣ страницы, гдѣ авторъ знакомитъ съ такъ называемой электронной теоріей, которая сулитъ въ недалекомъ будущемъ вывести современную естественную науку на совершенно новый путь. Увлекательное общепонятное изложеніе и знакомство автора съ новѣйшими учеными работами по сему предмету придаютъ его книжкѣ значеніе серьезнаго научнаго труда, знакомство съ которымъ необходимо каждому любознательному читателю, слѣдящему за тѣми выводами, къ коимъ пришла послѣ долгихъ поисковъ нынѣшняя наука.

Библиотека "Руниверс"



НОВОСТИ ИСТОРІИ.

Бенкендорфъ и Пушкинъ въ дѣлѣ Дельвига и «Литературной Газеты».—Посѣщеніе Россіи въ 1890 году императоромъ германскимъ Вильгельмомъ II и его политическая исповѣдь.—Изъ жизни русскихъ людей въ Парижѣ въ XVIII в.—Покушеніе на жизнь Александра II Каракозова.—Г. Мельгуновъ и г. Берви-Флеровскій.

ВЪ ИСТОРІИ нашей общественности за николаевское время «попечительное отношеніе» правительства къ выдающимся представителямъ русской литературы, въ особенности къ Пушкину, уже получило достаточное освѣщеніе. Одновременно съ этимъ роль графа А. Х. Бенкендорфа, завѣдывавшаго третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи и, въ качествѣ шефа жандармовъ, «утиравшаго слезы несчастныхъ», выясняется въ истинномъ ея характерѣ, помимо желчной характеристики, сдѣланной гр. М. А. Корфомъ въ изданныхъ уже частяхъ его «Записокъ». Сладко-наставительныя рѣчи Бенкендорфа въ перепискѣ его съ Пушкинымъ и дубовой твердости тиски, въ которые заключалъ онъ личность геніальнаго поэта, ссылаясь, однако, постоянно на особое свое уваженіе къ его дарованіямъ и на заботу о его будущности,—подавляющимъ образомъ дѣйствовали на жизнь и дѣятельность Пушкина и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали роковому концу «этого умнѣйшаго человѣка въ Россіи», какъ называлъ Пушкина самъ императоръ Николай Павловичъ. «Соловей въ кошачьихъ лапкахъ»—такимъ рисуется положеніе Пушкина по отношенію къ приставленному къ нему опекуну. Соблюдая въ сношеніяхъ своихъ съ поэтомъ внѣшнія приличія и хотя этимъ отдавая дань его общественному значенію, Бенкендорфъ, однако, не стѣснялся проявлять свое презрѣніе въ самыхъ грубыхъ формахъ къ его ближайшимъ литературнымъ друзьямъ, задѣвая при этомъ прямо и косвенно и самого Пушкина. Въ 1830 году Пушкинъ принималъ участіе въ «Ли-

Библиотека "Руниверс"

тературной Газетѣ», издававшейся другомъ его, барономъ А. А. Дельвигомъ, хотя избѣгалъ, во избѣжаніе придирокъ Бенкендорфа, подписывать свои статьи, тѣмъ болѣе, что третье отдѣленіе неоднократно дѣлалъ Дельвигу по самымъ ничтожнымъ поводамъ, выговоры и предостереженія. Объ этомъ напоминаетъ въ интересной своей статьѣ: «Къ исторіи «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига» г. Замковъ въ «Русской Старинѣ».

Еще въ августѣ 1830 года Бенкендорфъ вызывалъ къ себѣ Дельвига, чтобы сдѣлать ему строгій выговоръ за помѣщенную въ № 45 «Литературной Газеты» анонимную замѣтку Пушкина: «Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи». Черезъ три мѣсяца шефъ жандармовъ вновь обратилъ свое вниманіе на русскій переводъ стихотворенія де-ла Виня, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», хотя и разрѣшенный цензурой къ напечатанію. При этомъ Бенкендорфъ показалъ себя въ истинномъ своемъ видѣ и, нисколько не стѣсняясь, высказалъ Дельвигу подлинныя свои чувства къ Пушкину и его друзьямъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ двоюродный братъ А. А. Дельвига, баронъ А. И. Дельвигъ, помогавшій ему въ изданіи «Литературной Газеты».

«Въ ноябрѣ Бенкендорфъ снова потребовалъ къ себѣ Дельвига, который былъ введенъ къ нему въ присутствіи жандармовъ. Бенкендорфъ самымъ грубымъ образомъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что ты опять печатаешь недозволенное?»—Выраженіе «ты» вмѣсто общеупотребительнаго «вы» не могло съ самаго начала этой сцены не подѣйствовать весьма непріятно на Дельвига. Послѣдній отвѣчалъ, что о сдѣланномъ распоряженіи не печатать ничего, относящагося до послѣдней французской революціи, онъ не зналъ и что въ напечатанномъ четверостишіи, за которое онъ подвергся гнѣву, нѣтъ ничего недозволительнаго для печати. Бенкендорфъ объяснилъ, что онъ газеты, издаваемой Дельвигомъ, не читаетъ; и когда послѣдній, въ доказательство своихъ словъ, вынувъ изъ кармана нумеръ газеты, хотѣлъ прочесть четверостишіе, Бенкендорфъ его до этого не допустилъ, сказавъ, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго (князя Петра Андреевича), уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Тогда Дельвигъ спросилъ, въ чемъ же онъ и двое другихъ, названныхъ Бенкендорфомъ, могли провиниться до такой степени, что должны вскорѣ подвергнуться ссылкѣ, и кто можетъ дѣлать такіе ложные доносы. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Дельвигъ собираетъ у себя молодыхъ людей, причемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства, и что на Дельвига донесъ человѣкъ, хорошо ему знакомый. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего тридцать два года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доноситъ Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ быть и подавно знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что

Библиотека "Руниверс"

Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался и выгналъ Дельвига словами: «Вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь»...

Нужно знать неограниченную силу, какую имѣлъ Бенкендорфъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное этой угрозой на Дельвига, тѣмъ болѣе, что «Литературная Газета» вслѣдъ за этимъ объясненіемъ съ нимъ Бенкендорфа была запрещена. Оскорбленный и возмущенный, Дельвигъ рѣшилъ было жаловаться на Бенкендорфа государю, но старый другъ Дельвига, Блудовъ, бывшій въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Дельвигу, убѣждая его отказаться отъ этой мысли, говоря, что «можно жаловаться государю на всѣхъ, даже на самого государя, но не на Бенкендорфа», и что подобная жалоба приведетъ Дельвига только къ большимъ непріятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ избѣгать ихъ. Тогда Дельвигъ впалъ въ апатію, никого не хотѣлъ видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и, всегда хворый, заболѣлъ сильнѣе прежняго. 14-го января 1831 года барона Дельвига не стало. Можно представить себѣ отчаяніе нѣжно любившаго его Пушкина!

Графъ Бенкендорфъ, бывшій во главѣ придворной нѣмецкой партіи, вѣдалъ въ то время, между прочимъ, общимъ надзоромъ за русской печатью, которую, впрочемъ, онъ искренно презиралъ. Причины его особенной близости къ императору Николаю Павловичу, доселѣ еще неуясненной, нужно искать въ перепискѣ его матери съ отцомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, герцогомъ вюртембергскимъ Фридрихомъ-Евгеніемъ...

Въ «Русской Старинѣ» закончено печатаніе въ майской книжкѣ «Записокъ» генералъ-адъютанта Н. О. Розенбаха, весьма интересныхъ въ послѣдней своей части воспоминаніями о посѣщеніи Россіи императоромъ германскимъ Вильгельмомъ II въ 1891 г. Въ то время Россія при Александрѣ III уже начала выходить изъ «дружескихъ» нѣмецкихъ объятій, но Вильгельмъ II, незадолго передъ тѣмъ вступившій на германскій престолъ, не терялъ еще надежды удержать Россію подъ нѣмецкимъ вліяніемъ и помѣшать сближенію ея съ Франціей. Этимъ объясняется поѣздка его въ Россію лѣтомъ 1890 года для присутствованія на маневрахъ въ окрестностяхъ Петербурга. Но императоръ Александръ III не считалъ нужнымъ продолжать германофильскія традиціи, руководившія русской политикой въ теченіе XIX в., и, ясно понимая конечныя цѣли Гогенцоллерновъ, несовмѣстныя съ русскимми интересами, принялъ Вильгельма довольно холодно. Розенбахъ назначенъ былъ состоять при особѣ германскаго императора на время пребыванія его въ Россіи и въ качествѣ лица нѣмецкаго происхожденія пользовался его довѣріемъ. По крайней мѣрѣ именно Розенбаху нынѣшній «кровавый кайзеръ», уѣзжая изъ Россіи подъ впечатлѣніемъ сухого пріема русскаго двора, рѣшился высказать на борту своей яхты «Гогенцоллернъ» свои политическія мечтанія, которыя въ настоящее время пріобрѣтаютъ особый интересъ. Слова Вильгельма Розенбахъ записалъ дословно.

«Императоръ выразилъ,—говоритъ Розенбахъ:—что дружба между Германіей и Россіей традиціонна, что онъ представить себѣ не можетъ

Библиотека "Руниверс"

чтобы когда-либо могла возникнуть война между сими державами, что не существуетъ никакихъ условій, которыя могли бы ее вызвать. Германскій народъ,—сказалъ онъ,—иногда раздражаютъ статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, проповѣдующія вражду къ Германіи, но послѣ послѣдняго свиданія съ императоромъ Александромъ онъ лично вполнѣ успокоился, впредь не будетъ придавать значенія подобнымъ статьямъ и нынѣ вполнѣ увѣренъ въ устойчивости дружбы съ Россіей. О расширеніи Германіи онъ не помышляетъ и намѣренъ посвятить все свое время внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ Германія нуждается.

«Опасность для всей Европы,—сказалъ императоръ,—заключается въ анархистахъ и соціалистахъ, неустанно работающихъ и имѣющихъ главный очагъ во Франціи, откуда они распространяютъ свое вредное ученіе. Частыя поѣздки его по Европѣ, о которыхъ столько говорятъ, вызваны желаніемъ ближе сойтись съ монархами и убѣдить ихъ тѣснѣе сплотиться для дружныхъ дѣйствій противъ этого общаго врага. Онъ, императоръ, убѣжденный монархистъ, всегда будетъ твердо стоять за этотъ принципъ, и онъ убѣдился, что императоръ Александръ человѣкъ такого же закала и вполнѣ раздѣляетъ его взглядъ.

«Германскій народъ ненавидитъ французовъ, и онъ съ нимъ въ этомъ вполнѣ солидаренъ. Германцы не могутъ по настоящее время простить французамъ 1806-й годъ. Одна Бранденбургская провинція была обложена Наполеономъ I контрибуціею въ шесть съ половиною милліардовъ франковъ. До сихъ поръ населеніе выплачиваетъ долги, сдѣланные ихъ предками для уплаты этой колоссальной контрибуціи.

«Французскую женщину онъ уважаетъ; конечно, и между мужчинами есть достойные люди, но они своего голоса подать не смѣютъ; общая же масса мерзость и гадость. Недавно онъ поздравилъ одного французскаго генерала телеграммою по случаю назначенія его корпуснымъ командиромъ. Генералъ этотъ, желая, вѣроятно, избѣгнуть подозрѣнія ярыхъ республиканцевъ, не посмѣлъ ему отвѣтить. Таковы они всѣ.

«Въ послѣднее время,—добавилъ императоръ,—установились между Франціею и Германіею, благодаря вліянію предсѣдателя комитета министровъ Фрейсине, вполнѣ достойнаго человѣка, нѣсколько лучшія отношенія, но надолго ли. Фрейсине истратилъ громадныя суммы на преобразованіе арміи и подорвалъ этимъ экономическое благосостояніе страны и поэтому едва ли удержится долго у кормила правленія.

«Франція,—сказалъ императоръ,—причина тревожнаго состоянія всей Европы, и оно не прекратится, пока она будетъ существовать. Онъ надѣется, что настанетъ время, когда русская и германская арміи вступятъ одновременно въ Парижъ и положатъ конецъ настоящему невыносимому положенію дѣлъ.

«Все вышеизложенное было высказано императоромъ съ крайнимъ оживленіемъ».

Къ счастію для Россіи и Европы, рѣчи германской сирены въ ботфортахъ и каскѣ не произвели никакого впечатлѣнія на императора Александра III, и въ слѣдующемъ году, вмѣсто «Гогенцоллерна», на кронштадтскомъ рейдѣ пока-

Библиотека "Руниверс"

залась французская эскадра, тепло встрѣченная и государемъ, и всѣмъ русскимъ народомъ. «Традиціонное» коварство нѣмецкой политики получило должную оцѣнку, и Вильгельму II пришлось еще на четверть вѣка отложить осуществленіе своихъ честолюбивыхъ плановъ.

Такой поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи положилъ начало ослабленію преобладающаго вліянія нѣмцевъ и во внутренней жизни русскаго государства. До того времени правительство всячески покровительствовало проникновенію въ русскую жизнь нѣмецкаго элемента, и всякій протестъ противъ нѣмецкаго засилья съ правительственной точки зрѣнія признавался неблагонадежнымъ. Въ «Очеркахъ драматической цензуры эпохи императора Александра II» барона Дризена («Русскій Библіофилъ») приведенъ рядъ фактовъ, показывающихъ, что даже въ области драматической литературы достоинство нѣмецкаго имени тщательно оберегалось представителями власти. Въ 1868 г., напр., цензура разсматривала комедію А. А. Потѣхина «Рыцари нашего времени». Въ пьесѣ главную роль игралъ выходецъ изъ Остзейскаго края нѣмецъ Кукубъ, личность въ высшей степени антипатичная. Въ качествѣ управляющаго онъ втерся въ довѣріе богатаго помѣщика гр. Телятнева и всякими несправедливостями довелъ крестьянъ до открытаго возстанія. Помимо нѣкоторой либеральной тенденціи пьесы (губернаторъ заискиваетъ у богатаго землевладѣльца), въ авторѣ усмотрѣли враждебныя чувства къ дружественной намъ націи. Нѣмцы Потѣхина буквально высасываютъ кровь у русскихъ. Но особенно поразилъ цензуру взглядъ автора, что только подобнымъ людямъ и открывается у насъ въ Россіи дорога». Совѣтъ по дѣламъ печати внимательно обсудилъ пьесу и разрѣшилъ ее лишь при условіи, что всѣ зазорныя мѣста будутъ радикально измѣнены. Въ эпоху франко-прусской войны цензура рѣшила, что «глупые толки о военныхъ дѣйствіяхъ Франціи и Пруссіи неумѣстны» и на этомъ основаніи не пропустила даже безобиднаго, пустого фарса. Замѣчательно, что къ нѣмецкимъ пьесамъ относились зато снисходительно даже въ томъ случаѣ, когда онѣ задѣвали достоинство самой Россіи. Изъ дѣлъ цензурнаго управленія видно, что это проявилось даже въ концѣ Крымской кампаніи, въ началѣ царствованія Александра II, когда неудачи Россіи радовали Европу, не исключая нашихъ, soi-disant, благожелателей-пруссаковъ. Въ Берлинѣ, напр., пользовалась большимъ успѣхомъ пьеса «Ein Werbebureau für Krimm», наполненная всякаго рода политическими намеками и насмѣшками надъ Россіей. Какими-то судьбами хотѣли пересадить ее и на петербургскую сцену. Въ томъ же духѣ была пьеса D. Kalich und A. Weirauch «Die Bummler von Berlin». Запрещая ее, цензоръ выразился, что пьеса «демократическая» и, слѣдовательно, о запрещеніи ея «не должно жалѣть». Тщательно воспрещались пьесы, откликавшіяся на энтузіазмъ, которымъ русскій народъ встрѣтилъ освободительную войну Сербіи и Россіи съ Турціей въ 1877—1878 г.г. «Эти пьесы несвоевременны,—писалъ цензоръ съ Фридбергъ:—потому что въ нихъ проглядываетъ стремленіе перенести вопросъ изъ области дипломатіи въ среду военныхъ дѣйствій и этимъ самымъ перейти предѣлъ, который правительствомъ признанъ наиболѣе соотвѣтствующимъ высшимъ государственнымъ цѣлямъ и интересамъ. Подобныя

Библиотека "Руниверс"

увлеченія, можетъ быть, и естественны въ русскомъ человѣкѣ (sic), но въ данную минуту представляется неосторожнымъ давать имъ слишкомъ большой просторъ—въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ».

Обращаетъ на себя вниманіе въ «Русскомъ Библіофилѣ» небольшая, но очень содержательная статья В. Верещагина: «Русскіе въ Парижѣ при Людовикѣ XV». Въ ней на основаніи полицейскихъ донесеній, сохранившихся въ парижской національной библіотекѣ, ярко и выпукло рисуется жизнь русскихъ баръ въ Парижѣ въ началѣ второй половины XVIII вѣка. Увы, сближеніе boyards съ западной культурой происходило, преимущественно на почвѣ кутежей и, главнымъ образомъ, политики алькова. Любовныя утѣхи сопряжены были съ огромными расходами, передъ которыми тароватые русскіе не останавливались, когда дѣло касалось артистокъ и дамъ полусвѣта. Графъ Апраксинъ въ одинъ мѣсяцъ тратитъ на красавицу Chedeville 60000 ливровъ. Статистка одного балета Лакуръ за нѣсколько мѣсяцевъ обошлась князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому въ 80.000 лавровъ. Графъ К. Г. Разумовскій, будущій гетманъ Малороссіи, взятый за нѣсколько лѣтъ ко двору изъ пастуховъ глухого черниговскаго села, открывалъ неограниченный кредитъ самымъ разнообразнымъ посредникамъ, чтобы добиться расположенія женщины, не заслуживавшей никакого вниманія. Подробныя донесенія агентовъ полиціи о о похожденіяхъ русскихъ баръ въ Парижѣ замѣчательны въ особенности съ бытовой стороны для характеристики полуевропейскихъ, полуазіатскихъ привычекъ и замашекъ представителей русской аристократіи половины XVIII вѣка. Любопытны въ высшей степени и отзывы французскихъ агентовъ о ихъ поведеніи, въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, сочувственно относящихся къ ихъ увлеченіямъ и неодобрительно отзывающихся объ алчности своихъ соотечественницъ. По словамъ г. Верещагина, содержаніе донесеній, изобилующихъ ультра-реальными описаніями, не поддается дословной передачѣ... «Добродѣтели узкой и строгой,—заключаетъ свою статью г. Верещагинъ,—раскрываемая мною страничка легкомысленныхъ нравовъ покажется, быть можетъ, излишней. Вѣская, однако, причина ей будетъ служить оправданіемъ. Это ея бытовое значеніе, важное не всегда и не только въ добродѣтельной маскѣ. Ибо куется исторія чаще людскими пороками».

Въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли» напечатаны письма К. П. Побѣдоносцева, относящіяся къ 1866 г., когда совершилось, 4-го апрѣля, извѣстное покушеніе на жизнь императора Александра II со стороны Каракозова у воротъ Лѣтняго сада. «На убійцу бросился народъ,—разсказываетъ Побѣдоносцевъ:—но государь велѣлъ оставить его и самъ взялъ у него изъ рукъ пистолетъ и спросилъ его: кто онъ, полякъ или русскій? Тотъ отвѣчалъ, что онъ русскій и хотѣлъ убить государя за то, что будто бы онъ обманулъ крестьянъ. До сихъ поръ его допрашиваютъ, но ничего не могутъ отъ него добиться. Онъ не говоритъ о себѣ, кто онъ такой, а человѣкъ еще молодой, лѣтъ 20-ти. Говоритъ, что онъ крестьянскій сынъ, но у него подъ красной рубашкой оказалось бѣлье чистое и тонкое, и руки бѣлыя и нѣжныя, а въ карманѣ у него нашли возмутительную прокламацію. Потомъ сказывалъ про себя, что работалъ на фабрикѣ, но на той фабрикѣ никто его не призналъ. Полагаютъ, что

Библиотека "Руниверс"

онъ задумалъ это дѣло безъ сообщниковъ. Такъ это прискорбно, что на такое дѣло рѣшился русскій, чего еще не бывало. Еще сказываютъ, что онъ учился въ гимназіи и, вѣрно, онъ изъ нынѣшнихъ бѣшеныхъ нигилистовъ. Вотъ какія у насъ страшныя дѣла совершаются, милая маменька. Сегодня весь городъ въ большомъ волненіи и только повсюду и рѣчи, что объ этомъ происшествіи...»

Черезъ нѣсколько дней Побѣдоносцевъ сообщаетъ дальнѣйшія подробности: «Всѣ были очень обрадованы тѣмъ, что слѣдствіе поручено Муравьеву,—надѣются, что онъ что-нибудь раскроетъ, а бывшіе до него генералы ничего не умѣли сдѣлать и время упустили. Открыто, по крайней мѣрѣ, гдѣ жилъ преступникъ, но, вѣрно, онъ дѣйствовалъ не самъ по себѣ, а какъ орудіе другихъ, и говорятъ, что арестовано много лицъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ самое время покушенія въ Зимнемъ саду видно было, какъ сказываютъ, довольно подозрительныхъ лицъ, которыя въ волненіи точно ждали выстрѣла, и, между прочимъ, замѣтили двухъ женщинъ-полекъ, которыхъ еще не разыскали. Но самъ злодѣй все еще ничего не говоритъ и никого не называетъ. Князь Долгорукій, шефъ жандармовъ, по этому случаю вышелъ въ отставку, объявивъ государю, что онъ виноватъ и считаетъ себя неспособнымъ къ своей должности, такъ какъ жандармы ничего не знали, что готовилось, и ничего не предупредили... Всѣ въ негодованіи на полицію, что ничего не умѣли предупредить и открыть. А, между тѣмъ, государь повсюду показывается и гуляетъ попрежнему въ публикѣ. Императрицѣ это событіе было точно новымъ ударомъ: въ эту пору, около Святой, когда въ прошломъ году сынъ умиралъ, она и теперь боялась какого-нибудь горя.

«Коммиссарову же просто покою не даютъ, такъ что онъ измучился. Наняли ему квартиру на Невскомъ и безпрестанно всѣ ходили смотрѣть на него; приносили ему подарки всякаго рода, и сейчасъ явились къ нему всякіе родственники, которые до тѣхъ поръ знать его не хотѣли. Теперь же, кажется, запретили пускать къ нему посѣтителей. Безпрестанно таскаютъ его на обѣды и на вечера и осыпаютъ всякими почестями. Карточку его невозможно еще достать, и у фотографа записываются сотнями...»

Побѣдоносцевъ видѣлъ Коммиссарова на балу во дворцѣ. «...Видѣлъ тутъ Коммиссарова,—пишетъ онъ,—онъ расхаживалъ по галлереѣ, уклоняясь, по возможности, отъ густой толпы, въ мундирѣ и въ бѣлыхъ панталонахъ, со шпагой и шляпой—небольшого роста человѣкъ и пріятной наружности. Примѣчательно, что въ новомъ своемъ платьѣ онъ держитъ себя такъ, что никто бы и не распозналъ въ немъ недавняго крестьянина, и на новыхъ его карточкахъ онъ представляется въ сюртукѣ такимъ же джентльменомъ, какъ и всѣ. Жены его не было на балу,—говорятъ, что ее звали, но она ни за что не хотѣла пріѣхать. Сказываютъ, что императрица подарила ей 12 платьевъ, въ томъ числѣ одно бальное. Дивное дѣло совершается съ этими людьми—точно въ сказкѣ. Коммиссарова теперь уже вывезли съ квартиры, которая была прежде нанята для него и гдѣ ему не давали покою, и помѣстили его въ Инженерномъ замкѣ вмѣсто съ генераломъ Тотлебеномъ, которому онъ порученъ. Кромѣ того, отдали его на руки умному священнику, изъ молодыхъ, чтобы тотъ говорилъ съ нимъ и училъ его.

Библиотека "Руниверс"

«Слѣдствіе надъ преступникомъ все еще производится,—говорятъ, что у него нѣтъ отца и матери въ живыхъ: счастье это—каково было бы теперь ихъ положеніе! Двѣ сестры его живутъ въ домѣ у пензенскаго предводителя Арапова, и здѣсь въ Петербургѣ есть одна богатая дама, которая съ нимъ вмѣстѣ воспитывалась въ одномъ домѣ, и говоритъ про него, что всегда былъ очень угрюмъ и что когда ему было 16 лѣтъ, въ немъ была замѣтна какая-то необыкновенная ненависть къ людямъ. Къ нему теперь никого уже не допускаютъ. Говорятъ, что онъ исповѣдывался и причащался, и что теперь онъ все пишетъ какія-то бумаги, въ родѣ исповѣди своей, для государя. Дай Богъ, чтобы удалось разслѣдовать эту исторію; вѣрно, тутъ былъ цѣлый заговоръ!»

Е. Шумигорскій.

P. S. Въ «Голосѣ Минувшаго», гдѣ исторія является иногда подчиненной кружковымъ интересамъ публицистики, г. Мельгуновъ обвиняетъ «Историческій Вѣстникъ» въ томъ, что онъ будто бы «опровергаетъ оцѣнку моральной силы общественнаго мнѣнія». На условномъ арго кружковыхъ дѣятелей, для которыхъ историческая правда дорога лишь постольку, поскольку она допускается интересами партіи,—это значитъ, что нашъ журналъ не сообразуется съ мнѣніемъ и моральной силой партіи, которой усердно служитъ самъ г. Мельгуновъ. Казалось бы, «свободолюбивый» журналъ, какимъ выставляетъ себя «Голосъ Минувшаго» въ противовѣсъ суворинскимъ изданіямъ, долженъ уважать историческую истину и свободу историческихъ изысканій, но для него, очевидно, сохраняетъ свою цѣнность изреченіе Мирабо по отношенію къ общественнымъ движеніямъ: «La petite morale tue la grande». Руководясь этимъ принципомъ, г. Мельгуновъ обнаруживаетъ свои «историческія» дарованія въ пошлыхъ нападкахъ на мою недавнюю статью «Историческій Ставрогинъ и русская молодежь во второй половинѣ XIX вѣка», въ которой я, основываясь *на подлинныхъ словахъ* стараго пропагандиста семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, г. Берви-Флеровскаго въ его «Воспоминаніяхъ», попытался охарактеризовать истинную моральную цѣнность черствыхъ, эксплоататорскихъ отношеній революціонныхъ заправилъ къ русской молодежи того времени. «Воспоминанія» г. Берви-Флеровскаго дѣйствительно привели меня «въ восторгъ», какъ выражается г. Мельгуновъ, потому что г. Берви-Флеровскій съ грубою, не лишенной нѣкоторой наивности, гражданской прямотой, не считаясь съ партійными директивами и фарисейскимъ лицемѣріемъ своихъ поклонниковъ, самъ подтверждаетъ тѣ пріемы революціонной агитаціи въ средѣ молодежи, о которыхъ многіе современники движенія семидесятыхъ годовъ до сихъ поръ сохраняютъ тяжелыя воспоминанія и которыя напомнили о себѣ еще не такъ давно при «освободительномъ движеніи» въ «гражданскихъ» забастовкахъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и «огарочныхъ» увлеченіяхъ. Съ этой точки зрѣнія, именно вслѣдствіе особаго достоинства «воспоминаній» г. Берви-Флеровскаго—его наивной, самодовольной откровенности, мы и готовы признать, вмѣстѣ съ г. Мельгуновымъ, ихъ «выдающуюся цѣнность» для исторіи нашей

Библиотека "Руниверс"

общественности, и мы только радуемся, что, дѣлая ихъ доступными «широкимъ кругамъ читателей», г. Мельгуновъ, въ качествѣ «историка», не обезцѣнилъ ихъ редакторскими исправленіями.

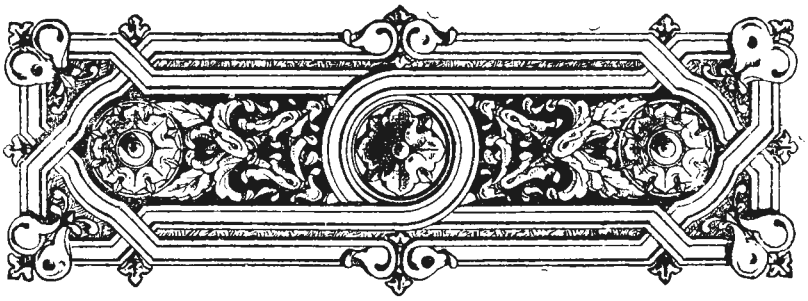
Высшую мѣру своего редакторскаго безпристрастія или блаженнаго непониманія значенія твореній г. Берви-Флеровскаго г. Мельгуновъ проявилъ въ той же книжкѣ «Голоса Минувшаго», гдѣ онъ удостоилъ «Историческій Вѣстникъ» и меня своимъ вниманіемъ. Въ напечатанномъ въ ней продолженіи воспоминаній г. Берви-Флеровскаго самъ г. Берви-Флеровскій, со всѣмъ очарованіемъ прямоты и искренности, авторитетно подтверждаетъ сущность «реакціонныхъ» и «пошлыхъ» выводовъ, сдѣланныхъ мною въ статьѣ «Историческій Ставрогинъ». Вотъ эти слова «одного изъ выдающихся русскихъ дѣятелей», по аттестаціи г. Мельгунова. Вдумайтесь въ нихъ и запомните ихъ, г. Мельгуновъ:

«Деспотизмъ до того деморализировалъ русскихъ, что лицемѣріе вовсе ихъ не возмущаетъ: *«почти полстолѣтія я участвую въ партіи движенія и все время былъ свидѣтелемъ ужасныхъ послѣдствій этого гнуснаго порока*; мнѣ еще съ горечью придется говорить объ этомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. *Всегда на два лица*: говорили одно, а дѣлали совсѣмъ другое, ставили задачи невозможныя и предъявляли къ юношеству требованія самыя несправедливыя, а когда юноша или дѣвушка погибали и кончали самоубійствомъ, тогда виновники ихъ смерти хладнокровно или даже съ порицаніемъ проходили мимо ихъ трупа... Я понимаю, что зло лицемѣрія до такой степени проникло все общество отъ вершины до подошвы, что истребить его очень трудно, но *поощрять его ужасно*». («Голосъ Минувшаго», май—іюнь, стр 265).

Вотъ что говоритъ самъ «maître»! Какими ничтожными и презрѣнными кажутся послѣ этого улюлюканія его фарисействующихъ подголосковъ!

Е. Ш.

Библиотека "Руниверс"



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НОВАЯ біографія Маріи-Антуанетты.—Продолжаемъ приводить въ извлечніи новую работу французскаго академика маркиза де-Сегюра, которая печатается частями въ «Revue Hebdomadaire».

Въ исторической литературѣ,—пишетъ авторъ,—установилась легенда, будто Марія-Антуанетта не любила заниматься политическими дѣлами, питала къ политикѣ отвращеніе и, если иногда вмѣшивалась въ нее, то исключительно подъ давленіемъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ она въ данное время находилась. Это вѣрно лишь на половину. Дѣйствительно, по своей натурѣ она не была склонна заниматься государственнымидѣлами, для этого она была слишкомъ легкомысленна и мало образована. Но въ то же время въ ней было достаточно властолюбія, желанія заставить министровъ считаться съ ея личными вкусами и прихотями, и это заставляло ее вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія. Къ тому же лица, которыхъ она неосторожно приближала къ себѣ, не упускали случая устраивать черезъ ея посредство свое личное положеніе и, пользуясь своимъ вліяніемъ на нее, заставляли ее дѣлать такія вещи, которыя были вредны какъ для государства, такъ и для нея самой.

Вліяніе на дѣла внутренней политики королевѣ удалось получить не сразу. Несмотря на свою нерѣшительность, безхарактерность и вообще нравственную дряблость, Людовикъ XVI по инстинкту и по воспитанію боялся вмѣшательства женщинъ въ государственныя дѣла. «Меня ничему не учили,—заявилъ

Библиотека "Руниверс"

онъ вскорѣ по восшествіи на тронъ:—но я немного знакомъ съ исторіей и знаю, что всегда губили государство либо законныя жены монарховъ, либо ихъ фаворитки». Поэтому онъ обыкновенно противился желаніямъ королевы, но по своей безхарактерности не былъ способенъ на долгое сопротивленіе и сдавался.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалось зловредное вліяніе королевы на внутреннюю политику, все хуже и хуже дѣлалось положеніе министровъ. Оно стало зависѣть уже не отъ того, способны они къ дѣлу, или нѣтъ, не отъ степени своей полезности для государства, а отъ каприза Маріи-Антуанетты, отъ ея настроенія. Смѣна министровъ, пріобрѣтавшихъ популярность, сильно раздражала общественное мнѣніе. 15 іюля 1789 года, когда Людовикъ XVI выходилъ изъ національнаго собранія, какая-то женщина въ траурѣ схватила за руку одну изъ бывшихъ тутъ придворныхъ дамъ и сказала: «Скажите королевѣ, чтобы она не вмѣшивалась болѣе въ политику. Пусть ея супругъ и генеральные штаты одни устроятъ счастье народа!»

Препятствіемъ для вмѣшательства королевы въ дѣла высшаго государственнаго управленія долгое время былъ первый министръ короля Морепа, «менторъ», какъ его прозвали при дворцѣ. Между Морепа и королевой завязалась глухая борьба, которая продолжалась первыя семь лѣтъ новаго царствованія. Свалить Морепа было не такъ-то легко: онъ пользовался также большимъ вліяніемъ на короля, и съ самаго его назначенія Мерси поспѣшилъ предостеречь Марію-Антуанетту противъ этого «кандидата тетокъ». Въ концѣ концовъ Морепа все же былъ побѣжденъ, и съ этого момента министры попали въ прямую зависимость отъ королевы, дѣйствовавшей подъ вліяніемъ личной симпатіи и антипатіи.

Первой жертвой новаго порядка вещей явился одинъ изъ даровитѣйшихъ министровъ того времени Тюрго. Онъ имѣлъ несчастье не понравиться королевѣ строгостью своихъ нравственныхъ воззрѣній и нежеланіемъ смѣшивать государственное казначейство съ личной шкатулкой короля. Вскорѣ послѣ его вступленія въ должность генеральнаго контролера произошелъ характерный случай, еще болѣе обострившій непріязнь къ нему Маріи-Антуанетты. Тюрго поставилъ условіе королю, чтобы всѣ счета и чеки прежде, чѣмъ они будутъ обращены къ оплатѣ, передавались бы на его усмотрѣніе. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ этого, какъ въ казначейство поступилъ для оплаты подписанный королемъ чекъ на пятьсотъ тысячъ ливровъ. Чекъ былъ данъ на имя одной придворной особы, т. е. королевы. Тюрго немедленно отправился за объясненіемъ къ королю. «Что дѣлать,—сталъ извиняться король,—меня захватили врасплохъ».—«Что же мнѣ теперь дѣлать?» спросилъ Тюрго. «Не платите», отвѣчалъ Людовикъ. Тюрго такъ и поступилъ, къ великому гнѣву королевы.

Случаевъ столкновенія Тюрго съ расточительной королевой на финансовой почвѣ очень много. Кромѣ королевы, Тюрго, старавшійся служить дѣлу, а не лицамъ, возстановилъ противъ себя и окружавшую Марію-Антуанетту придворную камарилью во главѣ съ герцогиней Полиньякъ. Эта Полиньякъ дѣлала съ королевой все, что хотѣла, и всѣ ея родственники сѣли на шею государству, получивъ неизвѣстно за что крупныя пенсіи изъ народныхъ денегъ. Тюрго прекратилъ пенсію теткѣ Полиньякъ, нѣкоей Андло. Въ отместку за это кучка этихъ государственныхъ нахлѣбниковъ составила въ высшей степени оскор-

Библиотека "Руниверс"

бительное письмо къ министру финансовъ. Королева не только присутствовала при составленіи этого письма и принимала участіе въ выработкѣ редакціи, но и показала его Морепа, который, какъ ловкій царедворецъ, впослѣдствіи перешелъ на ея сторону, убѣдившись, что на короля ему опереться нельзя.

При такихъ отношеніяхъ достаточно было малѣйшаго повода, чтобы произошло открытое столкновеніе Тюрго и этой роковой для судьбы Франціи женщины. Случай не замедлилъ, конечно, представиться. Одинъ изъ корифеевъ общества герцогини Полиньякъ и, стало быть, друзей королевы, французскій посланникъ въ Англіи графъ де-Гинь былъ уволенъ отъ службы за весьма серьезный служебный проступокъ. Занимая важный дипломатическій постъ, онъ легкомысленно проболтался испанскому посланнику, и министру де-Верженню не оставалось ничего другого, какъ отказаться скорѣй отъ его услугъ. Полиньякъ представила королевѣ все такъ, какъ будто де-Гинь являлся жертвой Верження и Тюрго. Королева бросилась въ борьбу съ какой-то страстью. Несчастный Людовикъ, не имѣя силъ рѣшиться на что-нибудь, не зналъ, что дѣлать. Шайка Полиньякъ пошла на все и съ помощью управляющаго почтой поддѣлала цѣлый рядъ писемъ, которыя будто бы были написаны Тюрго и въ которыхъ генеральный контролеръ непочтительно выражался о королѣ. Съ другой стороны, королева сдѣлала изъ этого случая вопросъ личнаго самолюбія и требовала отъ короля заключенія Тюрго въ Бастилію. По своей дряблости, Людовикъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. Онъ отказался посадить Тюрго въ крѣпость, но обѣщалъ женѣ уволить его отъ должности. Но этого Маріи-Антуанеттѣ показалось мало. Подъ ея давленіемъ король рѣшилъ даровать графу де-Гинь герцогское достоинство и отправить ему собственноручное письмо, которое было написано подъ диктовку Маріи-Антуанетты. Недалекій Людовикъ не понималъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ рылъ себѣ яму. «Король не понимаетъ,—писалъ по этому поводу Мерси:—что онъ компрометируетъ себя въ глазахъ общества, которое, вѣдь, не знаетъ, что все это дѣлается по насилію надъ нимъ королевы».

На другой день произошелъ настоящій скандалъ. Тюрго дважды являлся къ королю, желая объясниться съ нимъ, но Людовикъ по малодушію своему его не принялъ, а прислалъ къ нему Бертэна съ приказомъ передать портфель другому лицу и уѣхать изъ Версаля. Вмѣстѣ съ Тюрго получилъ отставку и его вѣрный сотрудникъ Мальзербъ.

Можно было сказать, что административная машина лишилась одного изъ главныхъ своихъ винтовъ, что ушелъ единственный человѣкъ, который еще могъ предотвратить надвигавшуюся революцію, но во дворцѣ было такъ мало понятія о жизни, что шайка Полиньякъ ликовала. По словамъ одного свидѣтеля, съ веселымъ смѣхомъ всѣ поздравляли другъ друга, всѣ ликовали во дворцѣ, даже въ комнатѣ самого короля.

Тюрго смѣнилъ Неккеръ. Это былъ человѣкъ совершенно другого закала. Защищая отца, m-me Сталь писала про него впослѣдствіи: «Онъ не отличался прямолинейностью, которая воображаетъ, что все погибло, если приходится сдѣлать уступки сообразно логикѣ вещей, и которыхъ малѣйшій холмикъ заставляетъ усомниться въ томъ, что земля кругла». Неккеръ ловко пользовался

Библиотека "Руниверс"

слабостями королевы и быстро завоевалъ ея расположеніе, но это не спасло его отъ паденія и униженія. Черезъ пять лѣтъ онъ палъ, сверженный интригою Морепа. Несмотря на свою угодливость, онъ не угодилъ никому: противъ него возстало общество, возсталъ дворъ и, когда онъ вздумалъ прибѣгнуть къ покровительству королевы, то ея благосклонности хватило только на то, чтобы взять у него прошеніе объ отставкѣ и передать королю.

Особенно часто вмѣшивалась королева въ назначенія и повышенія по военному вѣдомству. Протекціей ея пользовались, по большей части, люди плохой репутаціи, и это вмѣшательство только компрометировало Марію-Антуанетту. Военный министръ графъ де-Сенъ-Жерменъ, строгій администраторъ, но робкій, безхарактерный человѣкъ, не могъ отстоять свою самостоятельность, не могъ оградить себя отъ постоянныхъ приказаній королевы въ пользу ея фаворитовъ. Измученный этими требованіями, онъ бѣжалъ къ королю, прося у него защиты. Но что могъ сдѣлать другой такой же безхарактерный человѣкъ? «Я не хочу ссориться съ королевой,—говаривалъ въ такихъ случаяхъ Людовикъ XVI.— Поэтому устройте такъ, чтобы она осталась довольна».

Для того, чтобы угодить королевѣ, надо было иной разъ жертвовать и престижемъ начальства и воинской дисциплиной. Однажды близкій другъ королевы Эстергази былъ переведенъ съ полкомъ въ Монмеди, гдѣ ему не понравилось. Онъ бросился, конечно, къ Маріи-Антуанеттѣ съ жалобой на военнаго министра. Королева прячетъ его за ширмы и посылаетъ за графомъ Сенъ-Жерменомъ.

— Итакъ, достаточно того, чтобы я въ комъ-нибудь приняла участіе, чтобы вы стали преслѣдовать это лицо? Почему вы перевели Эстергази въ Монмеди, гдѣ ему не нравится?

Такими словами встрѣтила она военнаго министра. Напрасно тотъ оправдывался разными вѣскими соображеніями: королева «повернулась къ нему спиной» и ушла. А на другое утро Сенъ-Жерменъ прислалъ къ Эстергази своего адъютанта со спискомъ свободныхъ вакансій въ другихъ городахъ.

Особенно возмутила военные круги того времени исторія съ назначеніемъ преемника военному министру Монбарэ. Этотъ легкомысленный человѣкъ, приходившійся какимъ-то родственникомъ всесильному тогда Морепа и имъ посаженный на мѣсто военнаго министра, находился въ связи съ одной актрисой, нѣкоей Ренаръ, которая дѣлала съ нимъ, что хотѣла. Чтобы получить въ арміи назначеніе или повышеніе, надо было непремѣнно дать взятку этой Ренаръ. Наглость этой особы дошла до того, что лица, за которыхъ ходатайствовала королева, должны были ждать, а люди, давшіе взятку, быстро двигались впередъ по служебной лѣстницѣ. Неоднократно между королевой и Монбарэ происходили бурныя ссоры, кончавшіяся тѣмъ, что Марія-Антуанетта, сильно хлопнувъ дверью, уходила изъ комнаты.

Послѣ трехлѣтней борьбы Морепа долженъ былъ наконецъ разстаться съ своимъ родственникомъ и на его мѣсто намѣтилъ графа де-Пюисегюра, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ военныхъ кругахъ. Клика герцогини Полиньякъ, въ свою очередь, рѣшила посадить на мѣсто военнаго министра маркиза Сегюра и, конечно, не замедлила заручиться согласіемъ и поддержкой королевы. Началась упорная борьба.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы поддержать свою кандидатуру, Сегюръ лично явился въ Версаль и пожелалъ представиться королю. Кандидатъ клики оказался болѣзненнымъ калѣкой: одну руку онъ потерялъ въ какомъ-то сраженіи и, страдая жестокой подагрой, едва могъ двигаться съ помощью палки. Морепа воспользовался невыгоднымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ маркизъ на короля, и получилъ обѣщаніе отъ Людовика, что онъ считаетъ назначеніе Сегюра совершенно невозможнымъ.

Раздосадованная неудачей, королева наговорила рѣзкостей Полиньякъ, упрекая ее, что она не предупредила ее о физическихъ недостаткахъ своего протеже. Полиньякъ разыграла цѣлую сцену, просила отпустить ее изъ Версаля. Кончилось тѣмъ, что Марія-Антуанетта, находившаяся подъ какой-то странной властью своей пріятельницы, чуть не кланялась ей въ ноги, умоляя ее остаться, и не только забыла о своихъ упрекахъ, но съ удвоенной энергіей повела интригу въ пользу кандидата герцогини Полиньякъ.

24 декабря 1780 года весь дворъ собрался праздновать канунъ Рождества въ аппартаменты короля. Тутъ была и Полиньякъ. Отведя ее въ сторону, королева шепнула ей, что Морепа побѣдилъ и назначеніе Сегюра не состоится. Герцогиня не отвѣтила ничего, но въ одиннадцать часовъ вечера явилась въ комнату королевы и сумѣла такъ подѣйствовать на ея самолюбіе, что раздраженная Марія-Антуанетта опять ринулась въ борьбу.

Въ семь часовъ утра Морепа потребовали во дворецъ. Едва онъ вошелъ къ королю, какъ бывшая тутъ же Марія-Антуанетта стала говорить, что ради блага государства необходимо назначить Сегюра. Людовикъ пробормоталъ тоже нѣсколько словъ о Сегюрѣ, которыя королева поспѣшила истолковать, какъ согласіе короля на ея просьбу.

— Вы слышали волю короля,—обратилась она къ Морепа.—Пошлите же сейчасъ къ Сегюру и сообщите ему о его назначеніи.

Когда Морепа, откланявшись, проходилъ мимо короля, онъ слышалъ, какъ этотъ жалкій человѣкъ прошепталъ ему:

— Не покидайте меня!

Такимъ образомъ, изъ желанія угодить пріятельницѣ интересы государства были цинично принесены въ жертву, и искалѣченный маркизъ де-Сегюръ былъ предпочтенъ своему сопернику, котораго хотѣло видѣть военнымъ министромъ все здравомыслящее общество.

Другимъ назначеніемъ, тоже устроеннымъ герцогиней Полиньякъ и королевой, не менѣе возмутившимъ общество, было назначеніе на постъ генеральнаго контролера лильскаго интенданта де-Калонна, однаго изъ завсегдатаевъ салона Полиньякъ. То былъ свѣтскій франтъ, легкомысленный и лживый, который заботился только о своей карьерѣ, а никакъ не о благосостояніи государства. Онъ терпѣть не могъ заниматься дѣлами, а всѣ свои усилія направлялъ на то, чтобы незамедлительно исполнять всѣ прихоти королевы. «Если это возможно, то уже сдѣлано. Если это невозможно, то это будетъ сдѣлано», заявилъ онъ королевѣ при своемъ назначеніи на должность, и весь Парижъ повторялъ потомъ эти легкомысленныя слова.

Калоннъ умѣлъ откуда-то добывать деньги, и, сравнивая его съ Неккеромъ,

Библиотека "Руниверс"

Марія-Антуанетта любила повторять: «Тотъ былъ магъ, а этотъ — волшебникъ».

Благодаря этому волшебнику, расходы двора возрастали съ ужасающей быстротой. За два года издержки на королевскій гардеробъ увеличились на 53 тысячи ливровъ. За платье, которое королева надѣла одинъ разъ въ день своего рожденія, знаменитая портниха того времени Бертэнъ получила шесть тысячъ ливровъ. И это только за одну работу, а матерія была оплачена отдѣльно!

Впослѣдствіи, когда Марію-Антуанетту упрекали въ расхищеніи государственнаго казначейства, она наивно оправдывалась: «Какъ могла я знать объ этомъ? Когда я просила 50 тысячъ ливровъ, мнѣ давали сто!»

Плоды такой угодливости не заставили себя долго ждать. Въ 1787 году въ собраніи нотаблей было установлено, что государственный дефицитъ достигъ уже ста пятнадцати милліоновъ ливровъ. Надо было, во что бы ни стало, пожертвовать Калонномъ для успокоенія встревоженнаго и возмущеннаго общественнаго мнѣнія. Какъ ни интриговала Полиньякъ и ея клика, Колонну пришлось уйти.

На этотъ разъ кандидатъ на постъ генеральнаго контролера былъ подставленъ аббатомъ Вермономъ. Этимъ кандидатомъ оказался его старинный другъ, тулузскій архіепископъ Ломени-де-Бріеннъ. Надо только удивляться, какъ Вермонъ, столь преданный Маріи-Антуанеттѣ, могъ указать ей на такого человѣка, какъ этотъ архіепископъ. Прежде всего, несмотря на свое духовное званіе, этотъ карьеристъ въ рясѣ былъ отъявленнымъ атеистомъ, и, когда однажды его хотѣли провести въ архіепископы парижскіе, Людовикъ отказался его утвердить и съ неудовольствіемъ замѣтилъ: «Чтобы быть архіепископомъ парижскимъ, надо, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ Бога!»

Въ 1787 году, когда разразился денежный кризисъ и Франціи грозило банкротство, Морепа уже сошелъ со сцены, министръ внутреннихъ дѣлъ Верженнь, имѣвшій вліяніе на короля, умеръ, и такимъ образомъ вліяніе Маріи-Антуанетты на государственныя дѣла стало неограниченнымъ. Чтобы провести Ломени, она притворно стала настаивать передъ королемъ на назначеніи Неккера, очень хорошо зная, что Людовикъ былъ предубѣжденъ противъ этого банкира. Затѣмъ она, какъ бы нехотя, назвала Ломени, но Людовикъ о немъ и слышать не хотѣлъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что Ломени и былъ назначенъ.

Теперь королева стала дѣйствительной правительницей государства, и Ломени, учитывая неограниченность ея власти, замѣщалъ всѣ важныя должности своими родственниками и своими креатурами. Не прошло и полтора года, какъ Ломени оказался неограниченнымъ правителемъ. Но Ломени былъ ловкій пройдоха, интриганъ, а вовсе не государственный умъ. Своими происками онъ создалъ цѣлый рядъ конфликтовъ съ судебными учрежденіями и вызвалъ въ народѣ такое неудовольствіе противъ себя, что на картинной выставкѣ не рѣшился даже выставить своего портрета. Появились злыя карикатуры не только на генеральнаго контролера, но и на всю королевскую семью. Одна изъ нихъ изображала королевскій обѣдъ. Людовикъ держалъ стаканъ, Марія-Антуанетта подносила ко рту вилку, а люди, стоявшіе вокругъ стола, глядѣли на нихъ съ разинутыми ртами. Внизу стояла подпись: «Король пьетъ, королева ѣстъ, народъ кричитъ».

Библиотека "Руниверс"

Разумѣется, такое ничтожество, какъ этотъ Ломени, не могъ отвратить надвигающейся финансовой катастрофы и въ августѣ 1788 года пришлось пріостановить часть государственныхъ платежей. Поднялось волненіе, стали говорить о государственномъ банкротствѣ. Чтобы спасти положеніе, Мерси-Аржанто явился къ королевѣ и умолялъ ее скорѣе отставить Ломени и пригласить Неккера, но королева и слышать не хотѣла объ этомъ. Пять дней продолжалась упорная придворная борьба, въ результатѣ которой архіепископъ-финансистъ долженъ былъ уступить свое мѣсто банкиру-финансисту.

Возвращеніе Неккера къ власти словно по волшебству измѣнило настроеніе публики. «Мало можно указать примѣровъ,—писалъ одинъ современникъ:—когда люди съ такой внезапностью переходятъ отъ озлобленія и отчаянія къ удовольствію и необузданной радости, какъ это было въ Парижѣ». Популярность короля и королевы опять поднялась до давно небывалой высоты. Народъ нашелъ въ себѣ силы простить имъ ихъ недобросовѣстность въ употребленіи данной имъ власти и привѣтствовалъ ихъ оваціями. Но король и королева, очевидно, были совершенно чужды пониманію народныхъ чувствъ, или, можетъ быть, намѣренно изъ гордости не пожелали считаться съ ними. Какъ бы то ни было, но и этотъ подъемъ монархическаго чувства не былъ ими использованъ и обратился даже имъ во вредъ. Отпуская Ломени, Марія-Антуанетта не нашла ничего лучшаго, какъ пожаловать ему свой портретъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и обѣщала ему исхлопотать для него кардинальскую шляпу. Всѣ его родственники также были осыпаны милостями: его племянникъ, аббатъ де-Ломени, получилъ мѣсто помощника санскаго архіепископа, племянница сдѣлана придворной дамой. Разумѣется, эти незаслуженныя милости произвели въ народѣ самое дурное впечатлѣніе.

Съ возвращеніемъ къ власти Неккера въ 1788 году произволу королевы былъ положенъ конецъ. Она перестаетъ оказывать вліяніе на государственныя дѣла, удаляется къ себѣ въ аппартаменты, но ея предшествовавшее поведеніе и злоупотребленіе своимъ вліяніемъ на безхарактернаго, жалкаго короля принесло уже плоды: чуткое ухо Неккера уже улавливало первую грозу начинающейся революціи.

— Нѣмцы въ Америкѣ.—Главный библіотекарь парижской національной библіотеки Шалькъ-де-ла-Фавери напечаталъ въ іюньской книжкѣ «La Revue» очень интересную статью, посвященную исторіи нѣмецкой эмиграціи въ теперешніе Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и постепеннаго роста ихъ вліянія въ этой странѣ, всячески поддерживаемаго и укрѣпляемаго изъ Берлина.

Нѣмцы начали выселяться въ англійскія колоніи, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались Соединенные Штаты, еще въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда Германія была совершенно истощена и въ ней свирѣпствовало даже людоѣдство. Пеннъ, положившій начало Пенсильваніи, посѣтивъ Германію въ 1677 году, нашелъ въ ней огромный запасъ эмигрантовъ и, получивъ отъ англійскаго короля право колонизовать земли вдоль Делавера, вывезъ въ Америку значительное количество нѣмцевъ. Переселенцы эти тронулись въ путь подъ предводительствомъ нѣкоего Пасторіуса изъ Франкфурта и, осѣвъ въ Пенсиль-

Библиотека "Руниверс"

ваніи, рѣшили даже построить собственный городъ, который долженъ былъ называться «Джермантаунъ» (германскій городъ).

Къ началу XVII вѣка въ Америку успѣло уще переселиться до 30.000 нѣмцевъ. Количество это возросло еще болѣе, когда королева Анна пообѣщала даровать переселенцамъ разныя льготы. Тысячами прибывали нѣмцы въ Лондонъ. Это нашествіе испугало англійское правительство, которое вовсе не имѣло въ виду затопить свои колоніи иностранцами, а хотѣло только предложить для ихъ поселенія наиболѣе дикія и неуютныя мѣста, отъ которыхъ отказывались англійскіе колонисты. Наплывъ нѣмцевъ въ Америку испугалъ и мѣстныя власти, и въ 1717 году губернаторъ Пенсильваніи Джемсъ Логанъ писалъ: «За послѣднее время прибывала такая масса переселенцевъ изъ Германіи безъ всякой рекомендаціи, безъ всякихъ бумагъ, что страна начинаетъ безпокоиться, ибо съ иностранцами мы не можемъ такъ хорошо ужиться, какъ съ нашими же соотечественниками изъ Англіи».

Съ 1700 по 1725 года въ одну Пенсильванію прибыло не менѣе 50 тысячъ нѣмцевъ. Отсюда они разсѣялись по другимъ штатамъ—Виргиніи, Каролинѣ, Мэрилэнду. Болѣе двухъ тысячъ нѣмцевъ, соблазнившись заманчивыми обѣщаніями банкира Ло, направились на берега Миссисипи, но большая часть изъ нихъ погибла, остальные нашли пріютъ въ англійскихъ колоніяхъ.

Между 1735 и 1741 годами въ Америку хлынула новая волна нѣмецкихъ переселенцевъ. На этотъ разъ выселялись изъ Зальцбурга и его округи такъ называемые моравскіе братья, осѣвшіе въ Георгинѣ. Особенно густо были населены нѣмцами Делаверъ и Нью-Джерсей, гдѣ одна мѣстность такъ и называлась «Германская долина». Въ половинѣ XVIII вѣкѣ въ Пенсильваніи уже насчитывалось до ста тысячъ нѣмецкихъ выходцевъ.

Эмиграція, развившаяся изъ Германіи, не представляла въ теченіе всего XVIII вѣка никакой соціальной опасности для англійскихъ владѣній: переселялись низшіе слои населенія, люди бѣдные и мирные. Преступниковъ, бѣжавшихъ отъ правосудія, авантюристовъ, искавшихъ разныхъ приключеній, было сравнительно мало. Ѣхала въ Америку въ погонѣ за заработкомъ обыкновенно бѣднота, которой нечѣмъ иной разъ было заплатить за свой переѣздъ. Одинъ очевидецъ того времени разсказываетъ, какъ однажды къ американскимъ берегамъ прибылъ корабль, на которомъ находились и нѣмецкіе переселенцы. Ихъ не пускали на берегъ до тѣхъ поръ, пока они не заплатятъ за переѣздъ. А такъ какъ заплатить имъ было нечѣмъ, то они тутъ же на кораблѣ запродавали на нѣсколько лѣтъ впередъ свой трудъ и попадали въ настоящее рабство. Въ американскихъ газетахъ того времени не рѣдкость встрѣтить такія объявленія: «Продается нѣмецкая служанка, которой остается работать еще три съ половиной года». Или: «Нѣмецкіе эмигранты. Недавно прибыло около 60 нѣмцевъ, остановившихся въ гостиницѣ «Золотого Лебедя» у вдовы Крейдермъ. Между ними есть учителя, рабочіе, земледѣльцы. Они согласны работать за проѣздную плату». Или: «Продается нѣмецъ-ученикъ. Работать долженъ еще пять лѣтъ и три мѣсяца. Былъ въ ученьѣ у портного» и т. п. О томъ, какъ плохо приходилось нѣмцамъ даже въ самомъ сердцѣ Новой Англіи Массачусетсѣ, свидѣтельствуютъ

Библиотека "Руниверс"

названія деревень, ими построенныхъ. Одна изъ нихъ называлась, напримѣръ, Leidendorf—Горюхино.

Участь переселяющихся въ Америку нѣмцевъ стала облегчаться лишь съ началомъ XIX вѣка, по мѣрѣ того, какъ американцы ближе знакомились съ ихъ родиной. «Германія,—замѣтилъ одинъ изъ тогдашнихъ американскихъ писателей,—для насъ была такъ же неизвѣстна, какъ и Китай, пока m-me де-Сталь не напечатала своей знаменитой книги. Прочитавъ въ ней главу о нѣмецкомъ воспитаніи, извѣстный американскій ученый Тикноръ, авторъ капитальной исторіи испанской литературы, вздумалъ перенести пріемы нѣмецкаго воспитанія въ Америку, но во всемъ Массачусетсѣ не могъ найти ни нѣмецкихъ книгъ, ни нѣмецкихъ учителей. Тикноръ, впрочемъ, былъ исключительнымъ поклонникомъ нѣмецкой литературы, большинство же его соотечественниковъ просто не могли понять германской мысли. Познакомившись съ гетевскимъ «Фаустомъ», даже такой выдающійся человѣкъ, какъ Галлекъ, воскликнулъ: «Вотъ самая скверная книга, которую мнѣ когда-либо приходилось читать».

Къ двадцатымъ годамъ прошлаго столѣтія такое отношеніе къ Германіи мѣняется, и среди американцевъ входитъ въ моду доканчивать свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ, въ особенности въ геттингенскомъ. Съ другой стороны, и не прекращавшійся потокъ эмигрантовъ изъ Германіи принимаетъ другой характеръ. Революція 1848 году выбрасываетъ за бортъ уже не рабочихъ бѣдняковъ, готовыхъ ради куска хлѣба отдаваться въ кабалу, а людей интеллигентныхъ, политическихъ дѣятелей, которые почему-либо предпочитаютъ бѣжать изъ отечества. Ихъ очень много, и ежегодно въ Америку прибываетъ не менѣе сорока тысячъ нѣмцевъ изъ интеллигентныхъ слоевъ общества.

Задумавъ покорить подъ свою власть весь міръ, Германія, конечно, не могла пренебречь массой нѣмцевъ въ Америкѣ. И вотъ лѣтъ тридцать тому назадъ впервые начинается германская работа по сплачиванію этого нѣмецкаго элемента въ одно тѣло, которое, оставаясь физически въ Соединенныхъ Штатахъ, душой было бы въ Германіи. Работа эта велась подъ руководствомъ Берлина германскимъ посланникомъ въ Соединенныхъ Штатахъ барономъ фонъ-Гольлебеномъ, который постепенно, незамѣтно сплачивалъ американскихъ нѣмцевъ въ разныя гимнастическія, пѣвческія, стрѣлковыя и т. п. общества по всей территоріи Штатовъ. Потомъ эти отдѣльныя общества стали объединяться между собою и составили особую избирательную лигу, такъ называемый «нѣмецкій вотумъ», который сталъ играть большую роль при всякаго рода выборахъ американскихъ властей. Въ апрѣлѣ 1899 года былъ уже основанъ «центральный германо-американскій союзъ въ Пенсильваніи»—цѣлая корпорація, имѣвшая цѣлью сплотить вокругъ себя всѣхъ германо-американцевъ. Въ октябрѣ 1901 года въ Филадельфіи состоялось учредительное собраніе новаго общества—«національнаго германо-американскаго общества въ Соединенныхъ Штатахъ», на которомъ присутствовали представители 12 штатовъ. Общество ставило себѣ ближайшей задачей пробуждать чувство единства во всѣхъ лицахъ нѣмецкаго происхожденія и поддерживать «добрыя отношенія между старымъ и новымъ отечествомъ». Затѣмъ, конечно, имѣлось въ виду вводить въ Штатахъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе обычаи, прививать нѣмецкія понятія, словомъ,

Библиотека "Руниверс"

завести здѣсь пресловутую нѣмецкую Kultur. Въ значительной степени расчеты союза оправдались, и въ 1911 году на десятомъ собраніи членовъ союза президентъ его д-ръ Гекзамеръ съ гордостью объявилъ, что число членовъ достигло уже двухъ милліоновъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что баронъ фонъ-Гольлебенъ открылъ свои карты и сдѣлался фактическимъ президентомъ союза. Но берлинскіе заправилы не остановились и на этомъ. Устроена была поѣздка въ Америку брата кайзера Вильгельма, принца Генриха Прусскаго, котораго туда никто, впрочемъ, не звалъ. Для виду онъ пріѣхалъ какъ представитель кайзера при торжествѣ спуска одной американской яхты; на самомъ дѣлѣ, конечно, для того, чтобы еще болѣе закрѣпить дѣло, начатое фонъ-Гольлебеномъ. По случаю пріѣзда Генриха Прусскаго были мобилизованы всѣ нѣмецкія газеты, издающіяся въ Америкѣ, нѣмецкіе банкиры устроили рядъ великолѣпныхъ банкетовъ и т. д. Возникло такимъ образомъ государство въ государствѣ, и нѣмцы, живущіе въ Америкѣ и значащіеся по паспорту американцами, на самомъ дѣлѣ были германцами и слушались германскаго посланника.

Дѣло, такъ ловко начатое фонъ-Гольлебеномъ и упроченное визитомъ въ Америку Генриха Прусскаго, успѣшно продолжалъ и слѣдующій германскій посолъ, баронъ Шпекъ-фонъ-Штернбургъ, пользовавшій въ американскомъ обществѣ большой популярностью. Въ особенности близокъ онъ былъ къ президенту Рузвельту, ѣздилъ съ нимъ кататься, игралъ въ тенисъ и даже позволялъ себѣ называть его «Тедди».

Эта близость не вліяла, однако, на политическія воззрѣнія и симпатіи Рузвельта, и когда однажды американо-нѣмцы вздумали было эксплоатировать эту близость въ своихъ цѣляхъ, Рузвельтъ сразу далъ имъ рѣшительный отпоръ. «Чего они хотѣли отъ меня?—говорилъ потомъ бывшій президентъ.—Неужели они воображали, что если ихъ императоръ былъ со мной очень любезенъ, то я уже подпалъ подъ ихъ вліяніе?»

Шпекъ-фонъ-Штернбургъ умеръ рано, и его мѣсто занялъ теперешній посолъ графъ фонъ-Бернсторфъ, дѣятельность котораго достаточно извѣстна.

Но не однимъ образованіемъ союзовъ вели свое дѣло нѣмцы въ Америкѣ. Чтобы обезпечить себѣ духовное вліяніе на окружающихъ, они постарались захватить въ свои руки лучшій изъ американскихъ университетовъ—Гарвардскій въ Бостонѣ. Въ 1893 году здѣсь водворяется извѣстный впослѣдствіи авторъ переведенной и на русскій языкъ книги объ американцахъ Гюго Мюнстербергъ, сумѣвшій втереться въ довѣріе знаменитаго американскаго психолога Джемса. За Мюнстербергомъ появился Купо-Франке, написавшій исторію нѣмецкой литературы, также существующую въ русскомъ переводѣ. Этотъ уже основалъ въ Гарвардѣ цѣлый историческій музей, спеціально посвященный Германіи, не уступающій по своему богатству извѣстному нюренбергскому музею. За нимъ пробрался и фонъ-Махъ, читающій американцамъ исторію искусства, а за этой троицей и множество другихъ. Когда вспыхнула европейская война, эти культуртрегеры сослужили Германіи большую службу, поднявъ въ Америкѣ германофильскую пропаганду. Мюнстербергъ дошелъ даже до того, что обратился къ президенту Вильсону съ письмомъ, въ которомъ упрекалъ

Библиотека "Руниверс"

Штаты въ томъ, что они не поддерживаютъ Германію и нарушаютъ нейтралитетъ въ пользу державъ согласія.

Пока германское посольство въ Вашингтонѣ организовало своихъ американскихъ нѣмцевъ въ крупную общественно-политическую силу, Берлинъ дѣлалъ все возможное, чтобы привлечь на свою сторону американскую плутократію. Американскіе граждане находили въ Берлинѣ самый предупредительный пріемъ и не мало истыхъ демократовъ возвращались домой, украшенные германскими орденами, которые могутъ получать только лица аристократическаго происхожденія. Достаточно вспомнить, что покойный милліардеръ Пирмонтъ Морганъ, подарившій кайзеру Вильгельму какое-то еще неизвѣстное письмо Лютера, получилъ высшій прусскій орденъ, какой только можетъ быть данъ иностранцу.

Но, ухаживая за американцами и организуя въ то же время въ Штатахъ внутреннихъ нѣмцевъ, Берлинъ возбудилъ подозрѣніе американцевъ, а война явственно поставила передъ ними вопросъ: должны ли Штаты онѣмечиться, или остаться страной съ англо-саксонскимъ населеніемъ. Америка выбрала второй отвѣтъ, а развернувшіеся безъ удержу нѣмецкая грубость и деспотизмъ, потопленіе «Лузитаніи» и другіе акты озвѣрѣвшихъ нѣмцевъ окончательно оттолкнули отъ себя симпатіи Америки.

— Политическая мысль Германіи за послѣдніе годы.—Авторъ широко распространенной у насъ «Политической исторіи Европы въ XIX в.» профессоръ Шарль Сеньобосъ посвящаетъ на страницахъ «Revue de Paris» небольшой, но содержательный этюдъ публицистической дѣятельности извѣстнаго нѣмецкаго историка Дельбрюка, издателя одного изъ самыхъ вліятельныхъ въ Германіи журналовъ «Preussische Jahrbucher». Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что Дельбрюкъ по независимости своей мысли, по относительному безпристрастію къ своимъ соотечественникамъ и наконецъ по своей прозорливости и широтѣ своего кругозора занимаетъ совершенно особенное мѣсто среди нѣмецкихъ публицистовъ и рядъ его статей, аккуратно появлявшихся въ каждомъ выпускѣ «Прусской Лѣтописи», является въ сущности цѣлой политической исторіей Германіи за послѣднія десятилѣтія.

Профессоръ Гансъ Дельбрюкъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцемъ, министромъ Дельбрюкомъ, родился въ 1848 г. на островѣ Рюгенѣ, въ чиновничьей прусской семьѣ. Одинъ изъ его предковъ былъ воспитателемъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма IV, а самъ Дельбрюкъ давалъ уроки брату кайзера Вильгельма принцу Вольдемару и былъ одно время близокъ къ императору Фридриху III.

Дельбрюкъ принадлежитъ, такимъ образомъ, къ поколѣнію пруссаковъ, которое приняло европейскую культуру подъ флагомъ либерализма и развивалось въ то время, когда Германія еще не мнила себя центромъ всего міра. Но уже съ самаго начала его публицистической дѣятельности въ началѣ 60-хъ годовъ у него явилось свойственное нѣмцамъ того времени раздвоеніе: съ одной стороны, жажда національнаго объединенія Германіи, а съ другой—негодованіе противъ творца этого объединенія Бисмарка, противъ его циническаго презрѣнія къ народнымъ правамъ. Разгромъ Австріи въ 1866 г. откололъ отъ оппозиці

Библиотека "Руниверс"

Бисмарку огромный кусокъ, давшій начало самостоятельной партіи т. н. націоналъ-либераловъ, къ которымъ примкнулъ и Дельбрюкъ. Въ эту эпоху Бисмаркъ вдругъ представился ему въ другомъ свѣтѣ, и передъ нимъ засіяла, какъ онъ выражается, «идея прусскаго государства».

Въ семидесятыхъ годахъ Дельбрюкъ сталъ читать лекціи по исторіи (главнымъ образомъ военной) въ берлинскомъ университетѣ, въ восьмидесятыхъ былъ депутатомъ прусскаго ландтага, въ девятидесятыхъ засѣдалъ въ рейхстагѣ, въ восьмидесятыхъ же годахъ онъ вмѣстѣ съ Трейчке основалъ свой журналъ, который скоро остался въ полномъ его распоряженіи.

Опредѣляя свои политическія воззрѣнія, Дельбрюкъ въ разговорѣ съ императрицей Викторіей назвалъ себя «консервативнымъ соціалъ-демократомъ». Для него родовитая прусская аристократія—сокровищница исторической и соціальной традиціи, но въ то же время онъ не закрываетъ глазъ на безсмысленный эгоизмъ высшихъ классовъ. Столкновеніе интересовъ низшихъ и высшихъ слоевъ общества должно разрѣшиться, по мнѣнію Дельбрюка, только вмѣшательствомъ государства. Отъ былого либерализма осталось только уваженіе къ отдѣльной личности, выражавшееся у Дельбрюка афоризмомъ, что «богатство народа есть богатство составляющихъ его отдѣльныхъ личностей».

Націонализмъ Дельбрюка никогда, впрочемъ, не выражался въ ненависти къ другимъ народамъ. По его мнѣнію, «интеллектуальное богатство нашей эпохи покоится на существованіи нѣсколькихъ цивилизованныхъ народовъ, и было бы непоправимой ошибкой, если бы міръ лишился сотрудничества такого высоко одареннаго народа, какъ французы». Даже болѣе: «завоевательный націонализмъ» представляется ему просто варварствомъ, къ которому присоединилась чрезвычайно развитая техника. Насильственная германизація внушаетъ ему отвращеніе: «Бюрократія и національный фанатизмъ работали вмѣстѣ, чтобы создать невыносимое нравственно и политически положеніе вещей».

Но тѣмъ не менѣе единственнымъ средствомъ поддерживать миръ представляется для Дельбрюка непрерывное увеличеніе вооруженія. Начавшееся съ 1904 г. сближеніе между Англіей и Франціей встревожило этого прусскаго патріота. «Франція съ ея республиканскимъ режимомъ уже не страшна теперь Англіи. Соперницей ея стала Германія,—писалъ онъ.—Наша надежда должна опираться на сильныя вооруженія на сушѣ и на морѣ, чтобы внушить Англіи, что безъ войны мы не уступимъ ей своего мѣста». Послѣдовавшій затѣмъ визитъ Эдуарда VII въ Киль нѣсколько смягчилъ тревоги Дельбрюка, и онъ писалъ: «Кто посмѣлъ бы нарушить миръ въ такое время, когда ни у кого нѣтъ увѣренности въ побѣдѣ?»

Созданный Германіей конфликтъ съ Франціей изъ-за Марокко снова подвергъ европейскій миръ величайшей опасности. Но Дельбрюкъ, повидимому, зналъ намѣренія германской дипломатіи и спокойно писалъ: «Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ если бы три цивилизованнѣйшихъ народа столкнулись изъ-за Марокко въ войнѣ, которая должна обратить въ пустыню половину Европы! Если мы, германцы, относимся къ этому конфликту спокойнѣе французовъ,

Библиотека "Руниверс"

то это не потому, что мы этого не сознаемъ, а потому, что нѣтъ никакихъ основаній думать о войнѣ».

Попугавъ Францію и сами испугавшись мобилизаціи англійскаго флота, нѣмцы забили отбой, а затѣмъ задали себѣ прямой вопросъ, нельзя ли имъ побѣдить какъ-нибудь и Англію. «Побѣда надъ Англіей была бы величайшимъ пораженіемъ Германіи,—писалъ въ то время Дельбрюкъ.—Если бы мы разбили Англію, мы получили бы такое преобладаніе надъ всѣми другими государствами, которое оказалось бы несноснымъ для нихъ и привело бы къ образованію всеобщаго противъ насъ союза. Мы попали бы въ положеніе Наполеона I, который, несмотря на всѣ побѣды, кончилъ тѣмъ, что погибъ».

Опасность всеобщаго союза противъ Германіи съ этого времени становится главной темой писаній Дельбрюка, и онъ доказываетъ, что «міровая политика», въ которую вдалась Германія, вовсе не есть завоевательная политика Людовика XIV или Наполеона I. Германія, слѣдуя міровой политикѣ, хочетъ лишь имѣть голосъ въ міровыхъ событіяхъ. Къ тому же невѣрно, будто бы весь земной шаръ уже подѣленъ. Тѣмъ не менѣе Дельбрюкъ не можетъ скрыть, что одиночество Германіи, не только политическое, но и моральное, продолжаетъ усиливаться. «Если Германская имперія не популярна во всемъ мірѣ, но это не потому, что всѣ завидуютъ нашему прогрессу и могуществу,—писалъ онъ.—Жестокость нашей правительственной системы дѣлаетъ насъ въ глазахъ американцевъ, англичанъ и французовъ чѣмъ-то въ родѣ русскихъ и навлекаетъ на насъ общую антипатію».

А вотъ образчики политической прозорливости профессора-публициста. Когда Австрія аннексировала Боснію и Герцеговину, раздавались голоса, что турки возьмутся за оружіе , чтобы вернуть себѣ эти земли. Въ январской книжкѣ своего журнала за 1909 г. Дельбрюкъ прямо заявляетъ, что опасность идетъ не отъ турокъ, а со стороны Сербіи, которая можетъ явиться причиной общей войны.

«Если сербы начнутъ войну съ Австріей и будутъ побѣждены, то національные инстинкты въ Россіи и въ Италіи поднимутся, какъ взволнованное море. Германія не можетъ не поддержать Австрію, которая одна будетъ раздавлена. Тотчасъ же заговорятъ французскія орудія. Англія объявитъ блокаду нашихъ береговъ и добьется всего, чего хочетъ. Въ этотъ моментъ всеобщій союзъ противъ Германіи получитъ осуществленіе».

Не скрывалъ Дельбрюкъ отъ нѣмцевъ и роли Италіи въ будущей войнѣ. «Итальянцы,—писалъ—онъ, преисполнены ярости и зависти къ политикѣ Австро-Венгріи на Балканахъ. Общественное мнѣніе Италіи горитъ нетерпѣніемъ сразиться съ австрійцами».

Будущему историку предстоитъ любопытная задача выяснить, почему же Германія, несмотря на предостереженія умныхъ и близкихъ къ сферамъ политиковъ, тѣмъ не менѣе бросилась въ войну, которая неминуемо должна была привести къ страшному для Дельбрюка всеобщему противъ нея союзу.

Любопытно, какъ представлялась Дельбрюку война между Германіей и этимъ всеобщимъ противъ нея союзомъ. «Ясно,—писалъ онъ:—что военныя силы четверного союза далеко превосходятъ силы Австріи и Германіи, даже если

Библиотека "Руниверс"

возстаніе въ Марокко и надѣлаетъ непріятностей Франціи. Австрійская армія будетъ всецѣло поглощена войной съ Италіей, Сербіей и Черногоріей. Германіи придется сражаться одной противъ русскихъ, а съ другой стороны противъ французовъ, поддерживаемыхъ англичанами. Можемъ ли мы быстро разбить Францію—это еще вопросъ, особенно если придется послать половину арміи противъ Россіи. Пока мы будемъ пробивать линію ихъ укрѣпленныхъ лагерей, въ это время приближеніе огромныхъ массъ русскихъ потребуетъ отъ насъ цѣлыхъ армій. Въ лучшемъ случаѣ намъ удастся только счастливо охранять наши границы».

Понимая, что Германіи не справиться съ державами согласія, Дельбрюкъ дѣлаетъ попытку, нельзя ли предотвратить образованіе этого союза внесеніемъ въ него розни. Англичане хотятъ прежде всего сокрушить морскую мощь Германіи, объяснялъ онъ. Но французы и русскіе должны желать, чтобы эта мощь осталась. Россія хотѣла бы изгнать Австрію съ Балканскаго полуострова, но для Англіи было бы большой непріятностью видѣть, что мѣсто Австріи занято Россіей.

Разъединеніе интересовъ не удалось, и Дельбрюкъ старается уже запугать союзниковъ непрочностью самаго союза въ случаѣ войны. Тогда былъ бы разоренъ весь континентъ, и выиграла бы одна только Англія. Какъ только будутъ ослаблены морскія силы Германіи, для Англіи не будетъ уже интереса продолжать войну. Такія предположенія можно было бы строить, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если бы союзъ напалъ на Германію, а не Германія вздумала покорять себѣ подъ нози всю Европу. Дельбрюкъ какъ будто не предполагаетъ такого случая, а потому не желаетъ допустить, что оборонительный союзъ, даже при нѣкоторой разности интересовъ союзниковъ, бываетъ гораздо крѣпче, чѣмъ союзъ наступательный.

Однако грубое вмѣшательство Германіи въ споръ Франціи съ Марокко, недовольство зазнавшагося нѣмецкаго общественнаго мнѣнія уступчивостью германскаго правительства, требованіе вождя націоналъ-либераловъ Бассермана послать немедленно къ границамъ Франціи два корпуса,—все это показывало, что Германія готова перейти къ агрессивнымъ дѣйствіямъ, которыхъ такъ боялся Дельбрюкъ. Въ особенности его пугала Россія. «Она показала изумительную силу,—писалъ онъ.—Россія создала новыя арміи шутя. Ея экономическіе и финансовые источники оказались гораздо большими, чѣмъ предполагали. Огромные расходы, вызванные Японской войной, и экономическая разруха, причиненная революціей, были залечены очень скоро. Въ двѣнадцать лѣтъ ея населеніе увеличилось на 35 мил. Россія прежде всего сила политическая, и это самый страшный врагъ, какой только у насъ есть».

Вотъ почему послѣдніе годы передъ войной Дельбрюкъ не перестаетъ сдерживать германскихъ націоналистовъ, слѣпо лѣзущихъ на страшную опасность. «Политическая задача Германіи,—писалъ онъ по адресу пангерманистовъ,—состоитъ въ томъ, чтобы безъ устали работать надъ созданіемъ большой колоніальной имперіи, держать наготовѣ возможно большія силы, но не начинать войны, пока остается хоть какой-нибудь почетный выходъ. Война безполезная

Библиотека "Руниверс"

или начатая не въ добрый часъ—самая страшная опасность, какая только можетъ намъ представиться».

Предчувствія не обманули Дельбрюка, и Германія теперь стоитъ передъ такой опасностью, какая не встрѣчалась еще на ея историческомъ пути.

— Германская военная литература.—Съ мобилизаціей промышленности въ Германіи произошла и мобилизація нѣмецкихъ мозговъ. Несмотря на недостатокъ бумаги, нѣмцы выпускаютъ огромное количество литературныхъ издѣлій, главнымъ образомъ посвященныхъ войнѣ. Еще въ концѣ мая прошлаго года число этихъ изданій доходило до четырехъ съ половиною тысячъ, а къ сентябрю оно уже возросло до шести съ половиной тысячъ. По отдѣламъ вся эта масса литературы раздѣляется слѣдующимъ образомъ: военныя науки и описанія военныхъ дѣйствій—1170, карты—450, политическія, экономическія и соціальныя послѣдствія войны—1600, военное законодательство—300, религіозные вопросы, связанные съ войной—1200 и военная беллетристика—1700.

Какъ видно, первое мѣсто занимаетъ военная беллетристика, второе—религіозныя проблемы, связанныя съ войной. Это большею частью произведенія нѣмецкихъ пасторовъ, содержащія или проповѣди на тему о войнѣ или сочиненія, старающіяся раскрыть религіозный смыслъ для нѣмцевъ войны и доказать богоизбранность нѣмецкаго народа. Это участіе пасторовъ въ военномъ движеніи чрезвычайно характерно для нѣмцевъ.

Но не одни пасторы создаютъ военную литературу. Тутъ мы находимъ представителей всѣхъ классовъ нѣмецкаго общества и членовъ разныхъ партій, людей разныхъ общественныхъ положеній—и военныхъ и штатскихъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ литература эта не выходитъ изъ уровня простой макулатуры, преисполненной обычнаго нѣмецкаго бахвальства. Но среди нея найдется все же десятокъ-другой сочиненій, которыя нужно отмѣтить, какъ характерныя для нѣмецкихъ направленій и взглядовъ. Работу эту произвелъ сотрудникъ «Contemporary Review» Томасъ Смитъ.

Авторъ останавливается прежде всего на изданіяхъ офиціальныхъ. Въ августѣ 1914 г. германское правительство опубликовало «Бѣлую книгу», къ которой потомъ было напечатано нѣсколько дополненій. Въ январѣ 1915 г. германскій министръ финансовъ Гельферихъ выпустилъ обширный комментарій къ этой «Бѣлой книгѣ», собравъ въ одинъ сборникъ свои статьи изъ «Norddeutsche Allgemeine Zeitung подъ общимъ заглавіемъ «Die Entstehung des Weltkrieges». Точка зрѣнія Гельфериха на событія, конечно, самая казенная. Войну вызвала своей мобилизаціей Россія, Германія была въ правѣ занять Бельгію, ибо она сама нарушила нейтралитетъ, примкнувъ къ Англіи и Франціи, и т. д.

Наиболѣе интереснымъ изъ казенныхъ германскихъ изданій является «Aktenstücke zum Kriegsausbruch». Это сборникъ различныхъ документовъ, частью выкраденныхъ, частью найденныхъ въ бельгійскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Тутъ помѣщены 119 секретныхъ рапорта бельгійскихъ представителей въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, которые они посылали своему министру иностранныхъ дѣлъ. Особенно нѣмцы подчеркиваютъ благопріятныя

Библиотека "Руниверс"

для нихъ донесенія бельгійскаго посланника въ Берлинѣ барона Грейндля. Но этотъ баронъ оказывается еще очень свѣжаго нѣмецкаго происхожденія, и его донесенія доказываютъ только одно: что нѣмецъ, на чей бы онъ службѣ ни находился, всегда останется нѣмцемъ.

Любопытна исторія, разыгравшаяся съ другой «Бѣлой книгой», касающейся звѣрствъ, будто бы совершенныхъ бельгійцами надъ нѣмецкими войсками. Здѣсь разсказывается о томъ, какъ бельгійскіе мальчики и дѣвочки калѣчили нѣмецкихъ раненыхъ солдатъ, какъ они выкалывали имъ глаза и т. п. Книга эта, изданная германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, показалась до такой степени невѣроятной, что нѣмецкое же духовенство римско-католическаго вѣроисповѣданія рѣшило тщательно провѣрить всѣ разсказанные случаи, которые и не замедлили оказаться гнусной выдумкой. Собранные этимъ слѣдствіемъ матеріалы патеры передали баварскому іезуиту Дуру, который и издалъ ихъ въ Мюнхенѣ подъ заглавіемъ: «Der Lügengeist im Völkerkrieg». И вотъ въ то самое время, когда кайзеръ по телеграфу жалуется президенту Вильсону на жестокости бельгійцевъ, мюнхенскій іезуитъ открыто уличаетъ его во лжи. Власти, конечно, сообразили, какую они сдѣлали ошибку, разрѣшивъ патеру Дуру напечатать свои документы, и рѣшили быстро поправить дѣло: изданіе Дура было конфисковано, изъято изо всѣхъ библіотекъ и уничтожено.

Пропускаемъ здѣсь указанія на цѣлый рядъ сочиненій, написанныхъ разными нѣмецкими профессорами въ родѣ Колера на тему «Not kennt kein Gebot», и старающихся во всемъ оправдать Германію. Участіе профессоровъ въ созданіи этой литературы весьма знаменательно, и это обстоятельство Смитъ объясняетъ тѣмъ, что юридическое положеніе профессора въ Германіи ничѣмъ не отличается отъ положенія обыкновеннаго департаментскаго чиновника: при вступленіи въ должность онъ такъ же даетъ клятву на вѣрность государству и такъ же обязуется исполнять всѣ предписанія начальства, какъ и любой директоръ отдѣленія въ любомъ изъ министерствъ.

Большого шума надѣлала въ Германіи книга до сихъ поръ неизвѣстнаго автора, вышедшая въ Швейцаріи подъ заимствованныхъ у Золя заглавіемъ «J'accuse». На эту книгу, раскрывающую гнусные замыслы и махинаціи Германіи, набросились разомъ трое опровергателей. Какой-то раненый германскій солдатъ яростно упрекаетъ автора книги въ томъ, что французы бросали ее съ аэроплановъ въ нѣмецкія траншеи. Другой опровергатель подписался «нейтральнымъ швейцарцемъ», но, судя по взбѣшенному тону, этого швейцарца надо, вѣроятно, искать въ Берлинѣ. Наконецъ, противъ неизвѣстнаго автора выступилъ нѣмецъ, спеціалистъ по русскимъ дѣламъ, бывшій юрьевскій, а нынѣ берлинскій профессоръ Шиманъ, извѣстный своею ненавистью къ Россіи. Озаглавивъ свое полемическое изданіе «Клеветникъ», но не будучи въ состояніи опровергнуть критикуемаго автора, Шиманъ пытается подорвать его указанія другимъ способомъ и сообщаетъ, что авторъ «J'accuse» не кто иной, какъ берлинскій адвокатъ Рихардъ Греллингъ, вынужденный бѣжать изъ Берлина вслѣдствіе своего безчестнаго образа дѣйствій. Но старанія Шимана дискредитировать неудобнаго для нѣмцевъ автора не особенно удач-

Библиотека "Руниверс"

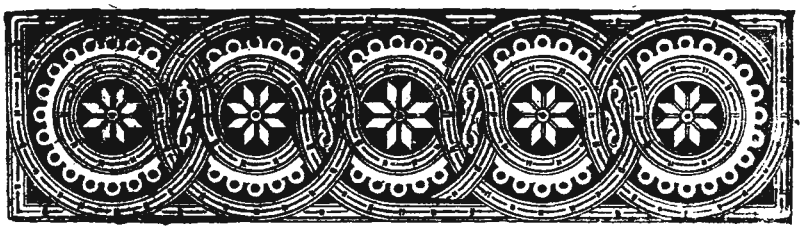
ны, такъ какъ имѣются основанія предполагать, что авторомъ нашумѣвшей книги является одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ дипломатовъ, а вовсе не какой-то адвокатъ.

Засыпавъ книжный рынокъ летучими брошюрами о войнѣ, нѣмецкіе профессора по обыкновенію соединились и соорудили magnum opus въ видѣ цѣлаго фоліанта «Deutschland und der Weltkrieg». Въ сооруженіи принимали участіе профессора Майнеке, Онкенъ, Шумахеръ и др. Но особенно любопытна статья берлинскаго профессора Трельча «Духъ германской культуры», открывающая особенности германской психики, какъ она представляется нѣмецкому интеллигенту. Нѣмецъ, пишетъ профессоръ, по натурѣ своей метафизикъ и гиперкритикъ и старается понять вещи, человѣка и судьбу, такъ сказать, изнутри. Германскій духъ занимается всегда самымъ основаніемъ и первоисточникомъ, а не формой, симметріей или красотой. Въ этомъ случаѣ нѣмцы представляютъ глубокую противоположность съ народами латинской расы. «Замѣчательно,— продолжаетъ Трельчъ:—что иностранцы никакъ не могутъ признать нѣмецкаго идеализма, который они считаютъ просто политической недозрѣлостью. Вслѣдствіе внутренней связи между нашимъ государствомъ и его культурой наша соціальная философія не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ ее желала бы видѣть французская или англійская демократія. Французская идея свободы основана на принципѣ всеобщаго равенства, хотя на практикѣ это не мѣшаетъ тому, чтобы власть попадала въ руки адвокатовъ и плутократовъ. Англійская идея свободы требуетъ независимости отдѣльнаго человѣка отъ государства. Обѣ эти идеи, безъ сомнѣнія, дали могучій толчокъ развитію политической и соціальной жизни. Германская идея свободы—совершенно другая. Она вышла изъ вѣковъ униженія Германіи и состоитъ въ свободѣ духовнаго содержанія каждаго. Германская свобода не есть свобода политическая. Парламенты, конечно, необходимы, но не въ нихъ самая суть свободы. Право голоса, конечно, развиваетъ политическую зрѣлость, но это не свобода, какъ мы ее понимаемъ».

Долго еще переминается казенный толкователь нѣмецкой «свободы» на одномъ мѣстѣ, стараясь доказать, что германская свобода есть истинная свобода духа и что такая свобода выше всѣхъ другихъ. Но, конечно, читателю не трудно опровергнуть всѣ эти софизмы. Главная потребность человѣческаго духа—это творчество. Задумываясь надъ смысломъ своего короткаго существованія на землѣ, человѣкъ неизбѣжно приходитъ къ мысли, что, пока онъ еще тутъ, онъ долженъ успѣть что-то сдѣлать, проявить какое-то творчество. А какое можетъ быть проявленіе творчества, когда со всѣхъ сторонъ меня тѣснятъ чисто внѣшнія установленія, не позволяющія иной разъ и рта раскрыть. При такихъ условіяхъ и самая свобода духа только отягчаетъ положеніе: внутри я могу думать, что угодно, а сказать слова не смѣю.

Нѣтъ, со стороны, очевидно, виднѣе, и иностранцы правы, считая пресловутую свободу германскаго духа просто политической незрѣлостью. Въ періоды политической реакціи и застоя вѣдь и у насъ проповѣдывалась та же самая теорія.

Библиотека "Руниверс"



СМѢСЬ.

Завѣщаніе его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. 20-го апрѣля въ 7 гражданскомъ отдѣленіи петроградскаго окружнаго суда слушалось дѣло объ утвержденіи, на основаніи давностнаго владѣнія, права собственности за наслѣдниками великаго князя Константина Константиновича на оставшуюся послѣ него, въ числѣ прочаго имущества, дачу въ Павловскѣ. Необходимость укрѣпиться въ правѣ собственности на основаніи давностнаго владѣнія возникла вслѣдствіе утраты крѣпостныхъ документовъ. Среди другихъ доказательствъ по настоящему дѣлу было представлено въ судъ духовное завѣщаніе покойнаго августѣйшаго поэта. Завѣщанія лицъ Царской фамиліи не нуждаются въ утвержденіи суда и утверждаются, по нашимъ законамъ, еще при жизни завѣщателей, Государемъ Императоромъ. 9 пунктовъ завѣщанія августѣйшаго поэта посвящены различнымъ историческимъ и художественнымъ реликвіямъ, находившимся въ обладаніи великаго князя Константина Константиновича. Раньше всего здѣсь упоминается о перстнѣ Пушкина, снятомъ съ руки великаго поэта черезъ нѣсколько часовъ послѣ его смерти его женою. Перстень этотъ золотой, съ четырехугольнымъ изумрудомъ, отъ вдовы поэта перешелъ къ его дочери, а послѣдняя подарилъ его Далю, который, въ свою очередь, подарилъ перстень великому князю Константину Константиновичу. Далѣе въ завѣщаніи говорится о перѣ поэта Фета, о двухъ картинахъ художника Полонскаго, подаренныхъ завѣщателю, о его рукописяхъ, о собранныхъ завѣщателемъ автографахъ и личной перепискѣ съ Фетомъ, Майковымъ, Полонскимъ, Кони и др. Всѣ эти вещи, согласно волѣ

Библиотека "Руниверс"

завѣщателя, должны быть переданы на храненіе академіи наукъ, а затѣмъ, по устройствѣ Пушкинскаго дома, перейти въ этотъ домъ. Что касается рукописей покойнаго великаго князя, то ихъ онъ разрѣшаетъ печатать разряду изящной словесности императорской академіи наукъ по соглашенію съ наслѣдниками. Отдѣльный параграфъ завѣщанія посвященъ пространнымъ дневникамъ великаго князя. Дневники эти должны перейти на храненіе въ архивъ академіи наукъ. Въ теченіе 90 лѣтъ ихъ никто не долженъ читать, не исключая близкихъ родственниковъ и наслѣдниковъ августѣйшаго поэта. Черезъ 90 лѣтъ дневники эти могутъ быть изданы съ разрѣшенія государя императора, который будетъ тогда царствовать, и съ согласія старшаго въ родѣ потомка автора дневниковъ.

Въ о-вѣ любителей древней письменности. 15-го апрѣля въ годовомъ собраніи императорскаго общества любителей древней письменности Л. К. Ильинскій сдѣлалъ сообщеніе «Новый списокъ перевода «Слова о полку Игоревѣ». Референтъ указалъ, что этотъ переводъ сдѣланъ въ XVIII вѣкѣ, доказательствомъ чего служитъ какъ внѣшній видъ рукописи, такъ и отсутствіе какого-либо указанія на печатное изданіе гр. Мусина-Пушкина. Второй докладъ—«Церковный уставъ въ его отношеніи къ современному церковному уставу на православномъ Востокѣ»—былъ сдѣланъ А. А. Дмитріевскимъ. Докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что въ настоящее время одинъ памятникъ, чрезвычайно важный для церковной и общественной жизни, не привлекаетъ на себя вниманія,—это церковный уставъ или типиконъ, именующійся также окомъ церковнымъ въ виду особеннаго своего значенія. Типиконъ появился на Руси съ 1401 г. въ переводѣ Аѳанасія Высоцкаго, и съ того времени въ каждомъ почти монастырѣ сталъ пополняться такъ называемыми обиходниками, вслѣдствіе чего претерпѣлъ столько измѣненій, что явилась настоятельная необходимость привести его въ порядокъ. Это было исполнено съ благословенія патріарха Ермогена Онисимомъ Радошевскимъ, и въ 1610 г. появилось печатное изданіе типикона, но при патріархѣ Филаретѣ изданіе было осуждено и сожжено рукой палача. Несмотря на осужденіе, означенное изданіе было принято во вниманіе во время исправленія богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, причемъ изъ новаго изданія типикона справщики выкинули около 90 памятей русскихъ святыхъ и цѣлый рядъ русскихъ статей. При новомъ разсмотрѣніи въ 1692 г. типиконъ былъ дополненъ памятями нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ, а съ 1832 г., когда было прибавлено празднованіе объ изгнаніи двунадесяти языковъ, составъ типикона остался неизмѣннымъ. При обзорѣ содержанія типикона А. А. Дмитріевскій отмѣтилъ, что въ добавленіи имѣются Марковы главы, которыя и составляютъ камень преткновенія въ богослужебной практикѣ; такъ, напримѣръ, по указанію Марковыхъ главъ не слѣдуетъ праздновать день Срѣтенія, когда онъ совпадаетъ съ понедѣльникомъ первой недѣли Великаго поста, а празднованіе должно быть перенесено на воскресенье, между тѣмъ такая практика совершенно противорѣчитъ греческому типикону, гдѣ дается прямое указаніе о празднованіи Срѣтенія въ понедѣльникъ поста. Отсутствіе указаній въ русскомъ типиконѣ о выносѣ плащаницы въ Страстную пятницу повлекло за собою разнорѣчивыя распоряженія церковныхъ властей въ 1855 и 1877 гг., когда

Библиотека "Руниверс"

совпали и Благовѣщеніе, и Страстная пятница. Эти факты и нѣкоторые другіе, а также цѣлый рядъ неудачныхъ выраженій и анахронизмовъ доказываютъ настоятельную необходимость по мнѣнію А. А. Дмитріевскаго, пересмотра типикона и его тщательнаго исправленія. Въ томъ же засѣданіи было доложено объ избраніи въ почетные члены общества архіепископа новгородскаго Арсенія.

Въ литературномъ фондѣ. Общее собраніе Литературнаго фонда 24-го апрѣля состоялось подъ предсѣдательствомъ С. Венгерова, которымъ въ краткой рѣчи была охарактеризована дѣятельность скончавшагося члена Литературнаго фонда проф. М. М. Ковалевскаго. Затѣмъ были прочитаны и утверждены собраніемъ отчеты по секретарской и казначейской части. Въ теченіе отчетнаго времени фондъ имѣлъ 18 засѣданій, на которыхъ было разсмотрѣно 714 дѣлъ и изъ 396 просьбъ было удовлетворено 370. Денежныхъ пособій было выдано на 361.896 р. Съ 1-го ноября 1915 г. по 23 апрѣля 1916 г. въ кассѣ фонда состояло 954.175 р. процентными бумагами и 21.701 р. наличными деньгами. Съ 1-го ноября по 24 апрѣля 1916 г. поступило процентными бумагами 160.550 р. и деньгами 66.293 р. Пожертвованія въ фондъ поступили: отъ кабинета Его Величества и высочайшихъ особъ—1050 р., А. М. Скрябина 126.700 р., пожертвованія разныхъ лицъ 1.000 руб. процентными бумагами, 2.000 р. наличными, членскіе взносы 2.610 р., доходъ фонда отъ изданій 31.536 р. На 23 апрѣля 1916 г. въ кассѣ фонда состоитъ 1.114.725 р. проц. бум. и 87.994 р. деньгами. Израсходовано: 4.723 р. на стипендіи, 5.985 р. на пенсіи, 3.778 р.—единовременныя пособія, 2.400 р.—безсрочныя ссуды, 1.953 р. ссуды на воспитаніе. Въ заключеніе собраніемъ былъ принятъ проектъ положенія о выдачѣ стипендій и пособій изъ капитала А. И. Скрябина.

Открытіе памятниковъ М. Ю. Лермонтову, М. П. Мусоргскому, Н. П. Слѣпцову и П. П. Семенову-Тянъ-Шанскому. 9-го мая въ Петроградѣ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ состоялось освященіе памятниковъ четыремъ знаменитымъ питомцамъ училища: поэту М. Ю. Лермонтову, композитору М. П. Мусоргскому, извѣстному кавказскому герою, покорителю Чечни и Дагестана, генералу Н. П. Слѣпцову и ближайшему сотруднику императора Александра II по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и извѣстному ученому и географу П. П. Семенову-Тянъ-Шанскому, а также освященіе новаго помѣщенія историческаго и Лермонтовскаго музеевъ. Памятникъ поэта М. Ю. Лермонтова работы автора-скульптора Микѣшина, а бюсты композитора Мусоргскаго, генерала Слѣпцова и ученаго П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго—работы скульптора В. В. Лишева. Историческій и Лермонтовскій музеи особенно пополнились въ послѣдніе годы и занимаютъ обширное помѣщеніе бывшей столовой юнкеровъ и заключаютъ три параллельныхъ между собою зала. Торжество началось въ десять съ половиной часовъ утра, и послѣ литургіи, совершенной въ церкви училища, было отслужено молебствіе, къ которому изволили прибыть: ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна, его императорское высочество великій князь Борисъ Владимировичъ и его высочество князь Гавріилъ Константиновичъ. По окончаніи молебствія духовенство направилось съ крестнымъ

Библиотека "Руниверс"

ходомъ въ училищный садъ, гдѣ настоятелемъ церкви былъ совершенъ чинъ освященія памятника поэту М. Ю. Лермонтову; затѣмъ крестный ходъ направился къ бюсту композитора Мусоргскаго, далѣе въ маленькій садикъ у тира—генерала Слѣпцова, и наконецъ, при возвращеніи обратно въ большой садъ, былъ освященъ бюстъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. А потомъ состоялось освященіе и осмотръ высокими гостями историческаго и Лермонтовскаго музеевъ, причемъ объясненіе великой княгинѣ Маріи Павловнѣ давалъ начальникъ училища, а великому князю Борису Владимировичу и князю Гавріилу Константиновичу—хранитель музеевъ. По выходѣ изъ музеевъ состоялся парадъ юнкеровъ, который принималъ его императорское высочество великій князь Борисъ Владимировичъ,—торжество закончилось общимъ завтракомъ въ новомъ учебномъ залѣ въ третьемъ часу дня. Въ лагерѣ же училища былъ отслуженъ молебенъ въ пять часовъ вечера. На праздникѣ присутствовали: депутація отъ Кубанскаго и Терскаго казачьяго войска, которая возложила серебряный вѣнокъ къ подножію памятника генерала Слѣпцова, много бывшихъ питомцевъ школы, представители отъ многихъ полковъ русской кавалеріи, нѣкоторые начальники военныхъ училищъ и родственники двухъ поколѣній П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.

Программа для историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и монастырей [1]). Церковно-археологическій отдѣлъ при московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, желая прійти на помощь духовенству, обязанному по указу Святѣйшаго Синода вести церковныя лѣтописи, выработалъ особую программу для историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и монастырей примѣнительно къ указу Синода и предложилъ ее вниманію оо. настоятелей церквей и монастырей. Описаніе приходскихъ церквей и состоящихъ при нихъ приходовъ, по мнѣнію церковно-археологическаго отдѣла, можно было вести, примѣрно, по слѣдующей программѣ: 1. мѣстоположеніе описываемаго села, мѣстечка или города, разстояніе отъ столицы или большого города, сосѣднія села, описаніе данной мѣстности. 2. Исторія села или города, названіе мѣстности, старинное или народное, владѣльцы села въ крѣпостную эпоху, историческія событія, связанныя съ данной мѣстностью. 3. Храмъ; время первоначальнаго его построенія или первое упоминаніе о немъ въ документахъ. Построеніе существующаго храма и придѣловъ; жертвователи, перестройки храма, стихійныя бѣдствія. Наружный видъ храма, его архитектура. Внутреннее устройство храма; иконостасы, иконы, замѣчательныя по древности и письму, иконы мѣстночтимыя, чудотворныя; роспись храма; устройство алтарей, престолы, жертвенники, антиминсы. Могилы и надгробныя плиты въ самомъ храмѣ или въ склепахъ. 4. Ризница, предметы богослуженія, замѣчательныя по древности, по художественности исполненія или по вкладчикамъ, надписи на вкладахъ. Библіотека, книги, замѣчательныя по древности, рукописи, архивъ, церковные документы. 5. Колокольня, время построенія ея и устройство, колокола, время и обстоятельства ихъ пріобрѣтенія, надписи на колоколахъ. 6. Кладбище, благо-

[1]) Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

Библиотека "Руниверс"

устройство его; лица, на немъ погребенныя, замѣчательные памятники на могилахъ. 7. Часовни, обстоятельства ихъ построенія, воспоминанія, связанныя съ ними, богослуженія, совершаемыя въ нихъ. Домовыя церкви, приписанныя къ данному храму. 8. Причтъ, его составъ въ различное время, количество причтовой земли, капиталы причта, руга, жалованье; члены причта, выдающіеся по своей дѣятельности или занимаемому ими впослѣдствіи положенію. 9. Церковные старосты, представители прихожанъ; приходъ, селенія, входящія въ составъ прихода. Расколъ и секты, число старообрядцевъ и сектантовъ, живущихъ въ приходѣ. Занятія жителей; замѣчательные уроженцы данной мѣстности; выдающіяся событія въ религіозно-общественной жизни прихожанъ; народныя бѣдствія. Крестные ходы, праздники, поминовенія участниковъ въ войнахъ русско-японской и нынѣшней европейской; религіозныя братства. Прихожане, заявившіе себя своею благотворительною и просвѣтительной дѣятельностью въ приходѣ. Принимая во вниманіе особыя условія жизни монастырей, отдѣлъ предложилъ для описанія монастырей отдѣльную программу въ слѣдующемъ видѣ: 1. Мѣстоположеніе даннаго монастыря. 2. Исторія монастыря; основатель монастыря, его жизнь и дѣятельность; построеніе монастырскихъ храмовъ и измѣненія, произведенныя со временемъ въ нихъ. 3. Описаніе храмовъ съ наружной и внутренней стороны, ризница, библіотека, архивъ. 4. Монастырскія зданія, часовни, кладбище, надгробные памятники. 5. Средства содержанія монастыря прежде и теперь, земли, дома, угодья, вклады, положеніе отъ казны. 6. Наличность братіи; списокъ настоятелей и ихъ дѣятельность, замѣчательныя лица изъ среды братіи. 7. Крестные ходы и особыя празднества. 8. Общественное служеніе монастыря прежде и теперь, дѣятельность религіозно-нравственнаго характера, благотворительная и просвѣтительная. Учрежденія, состоящія при монастырѣ: школы, богадѣльни, пріюты и т. п. Пожертвованія на нужды епархіи и въ пользу лазаретовъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГИ.

БАЖАЕВЪ, В. Г., проф. 26-го мая скончался видный ученый и общественный дѣятель, оставившій послѣ себя рядъ цѣнныхъ научныхъ работъ, профессоръ Владиміръ Гавріиловичъ Бажаевъ. Извѣстна его работа: «Крестьянское правопольное хозяйство нечерноземной полосы», представленная имъ, какъ диссертація, въ Петровско-Разумовскую академію и доставившая ему степень магистра сельскаго хозяйства. Для пользованія студентовъ имъ были выпущены въ Кіевѣ два краткихъ руководства: 1) по сельско-хозяйственной статистикѣ и 2) по сельско-хозяйственной экономіи. Въ изданной харьковскимъ обществомъ грамотности «Народной Энциклопедіи» онъ помѣстилъ цѣнную статью «Объ аграрной политикѣ». В. Г. Бажаевъ родился 5-го декабря 1865 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса въ реальномъ училищѣ онъ поступилъ въ Петровско-Разумовскую академію, курсъ которой онъ окончилъ въ 1890 году. И съ этого времени началась его учено-общественная дѣятельность. Онъ поступилъ въ московское земство въ эпоху, когда земская организація только зарождалась. В. Г. былъ первымъ земскимъ агрономомъ и имъ было положено начало той широкой дѣятельности въ области земской и общественной агрономіи, которая затѣмъ пріобрѣла право гражданства во всѣхъ земскихъ губерніяхъ и перешла затѣмъ въ другія губерніи, гдѣ тогда только вводили «упрощенное» земство. Въ 1894 г. В. Г. получилъ командировку въ Томскую губернію въ качествѣ правительственнаго агронома. Въ этой должности онъ пробылъ до 1-го января 1897 года, когда онъ получилъ назначеніе на должность московскаго губернскаго агронома. Работая на земской нивѣ, онъ въ то же время занимается научными изысканіями въ области сельско-хозяйственной экономіи, пишетъ диссертацію на тему о крестьянскомъ правопольномъ хозяйствѣ и получаетъ степень магистра сельскаго хозяйства отъ московской академіи. Въ 1903 году изъ кіевскаго политехникума уходитъ профессоръ сельско-хозяйственной экономіи

Библиотека "Руниверс"

и статистики Фортунатовъ, переведенный въ Москву, и на его каѳедру приглашается В. Г., который занималъ ее съ такимъ же достоинствомъ и успѣхомъ, какъ и ушедшій изъ Кіева извѣстный ученый. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1916 г., № 148).

† Бокъ, И. И. Скончавшійся 17-го мая Иванъ Ивановичъ Бокъ родился въ 1844 г. По окончаніи въ 1866 г. курса физико-математическаго факультета юрьевскаго университета онъ занялся спеціально геологіей и уже въ 1868 г. представилъ въ качествѣ магистерской диссертаціи солидный трудъ: «Геогностическое описаніе нижнесилурійской и девонской системъ С.-Петербургской губерніи», появившійся въ первомъ томѣ «Матеріаловъ по геологіи Россіи». По защитѣ этой диссертаціи въ петроградскомъ университетѣ покойный получилъ ученую степень магистра геологіи. Во время управленія центральнымъ статистическимъ комитетомъ П. П. Семенова (позже Тянъ-Шанскаго) И. И. состоялъ съ конца 1860 гг. однимъ изъ редакторовъ этого комитета и издалъ въ это время нѣсколько статистическихъ трудовъ (о заводско-фабричной промышленности въ Европейской Россіи, о горной промышленности, о виноградарствѣ и винодѣліи въ Россіи). Принимая съ конца 1860 г. постоянное участіе въ дѣятельности Императорскаго русскаго географическаго общества, онъ былъ сотрудникомъ П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и по составленію извѣстнаго «Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи». Исполнялъ и многія другія порученія общества. Такъ, въ 1868 г. участвовалъ въ геологическомъ обслѣдованіи Тверской губерніи, въ 1872 г. былъ однимъ изъ секретарей международнаго статистическаго конгресса въ Петроградѣ, участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ географическаго общества, редактировалъ нѣкоторыя его изданія, а съ 1894 по 1898 гг. несъ обязанности его казначея; съ 1898 по 1902 гг. былъ членомъ совѣта общества. Въ изданіяхъ географическаго общества въ разное время было напечатано нѣсколько работъ покойнаго. Одной изъ послѣднихъ появившихся въ печати работъ его была статья о снабженіи Петрограда питьевой водой на основаніи геологическихъ данныхъ. Занимался покойный, между прочимъ, и вопросомъ объ устройствѣ въ провинціи научныхъ музеевъ. Перейдя на службу сперва въ государственную канцелярію, а затѣмъ въ министерство финансовъ, И. И. съ половины 1890 годовъ занималъ довольно долгое время постъ вице-директора кредитной канцеляріи, позже былъ членомъ совѣта Дворянскаго банка. Какъ опытный статистикъ, покойный въ 1897 г. принялъ участіе во всеобщей переписи населенія Россіи въ качествѣ уполномоченнаго по одному изъ районовъ. Въ 1880 гг. онъ состоялъ правителемъ дѣлъ императорскаго женскаго патріотическаго общества, которое вслѣдъ за тѣмъ избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Во всѣхъ областяхъ своей разнородной дѣятельности покойный оставилъ по себѣ добрую память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916 г., № 14440).

† Драницынъ. Д. А. 6-го апрѣля послѣ взятія Трапезунда, слѣдуя во главѣ передового отряда Краснаго Креста въ деревню Сара-Соръ, былъ смертельно раненъ въ сердце Дмитрій Алексѣевичъ Драницынъ. Несмотря на тутъ же поданную помощь, скончался по дорогѣ въ Трапезундъ. Покойный родился 13-го декабря 1886 года. По окончаніи курса на физико-математическомъ

Библиотека "Руниверс"

факультетѣ въ петроградскомъ университетѣ въ 1909 г. онъ былъ причисленъ къ переселенческому управленію, но недолго пробылъ на канцелярской работѣ. Какъ натуралиста, его влекло къ природѣ и съ 1910 г. онъ прикомандировывается къ почвеннымъ экспедиціямъ для изслѣдованія Азіатской Россіи, организованнымъ подъ руководствомъ профессора К. Д. Глинки тѣмъ же вѣдомствомъ. Еще ранѣе ему удалось посѣтить Закаспійскую область и разобрать коллекціи инженера Ермолаева, оттуда же въ 1910 г. выходитъ его первая работа «Песчаная степь въ Восточныхъ Каракумахъ Закаспійской области». Съ 1910 г. начинается рядъ экспедицій Д. А.: въ Заангарье (1910 г.), въ Нарымскій край (1911 г.), въ Закаспійскую область (1912 г.), въ западную часть Барнаульскаго уѣзда (1913 г.) и, наконецъ, въ тундру на сѣверѣ Енисейской губ. (1914 г.). Въ результатѣ этихъ изслѣдованій появились его книги по почвамъ западнаго Заангарья и Нарымскаго края, напечатанныя въ «Трудахъ почвенно-ботанической экспедиціи для изслѣдованія колонизаціонныхъ районовъ Россіи» (изд. пер. упр.) и предварительные отчеты по всѣмъ другимъ работамъ; кромѣ того, напечатанъ рядъ статей въ научныхъ журналахъ («Почвовѣдѣніе», «Извѣстія докучаевскаго почвеннаго комитета», «Землевѣдѣніе» и «Вопросы колонизаціи»). Онъ состоялъ членомъ Докучаевскаго почвеннаго комитета со дня его основанія (1913 г.) и императорскаго русскаго географическаго общества (съ 1914 г.). Въ 1914 г. до отправленія въ тундру онъ успѣваетъ съѣздить въ Алжиръ, посѣтить его побережье и углубиться въ пустыни Сахары. Въ 1915 г. вышла въ «Трудахъ Докуч. почв. ком.» его работа «Поѣздка въ Алжиръ», излагающая результаты этого путешествія и сводку литературы по почвамъ пустыни. Въ декабрѣ 1914 г. Д. А. отправился на кавказскій фронтъ въ качествѣ начальника одного изъ передовыхъ отрядовъ Краснаго Креста, затѣмъ былъ командированъ въ Галицію для организаціи перевозки раненыхъ, а потомъ снова на Кавказъ. И здѣсь его самоотверженная работа была на лицо у всѣхъ: онъ всегда первый начиналъ дѣлать то, къ чему приглашалъ другихъ, всегда былъ во главѣ отряда и заражалъ всѣхъ своимъ примѣромъ. Съ декабря 1914 года до самой смерти (годъ съ четвертью) не покидалъ своего отряда, не пользовался отпускомъ, отказавшись отъ самыхъ дорогихъ для него дѣлъ и радостей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916 г., № 14412).

† Толстой, И. И., графъ. Въ Крыму 20-го мая послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался на пятьдесятъ восьмомъ году жизни бывшій вице-президентъ академіи художествъ, министръ народнаго просвѣщенія и петроградскій городской голова гр. Иванъ Ивановичъ Толстой. Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, среди котораго были видные дѣятели на государственномъ и общественномъ поприщахъ. Отецъ его былъ министромъ почтъ и телеграфа. Графъ И. И. окончилъ 3-ю петроградскую гимназію, а затѣмъ петроградскій университетъ по юридическому факультету. По окончаніи университета онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ 1885 г. графъ И. И. состоялъ членомъ археологической комиссіи. Въ 1893 г. покойный былъ назначенъ вице-президентомъ академіи художествъ и оставался на этомъ посту вплоть до 1905 года, когда былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія

Библиотека "Руниверс"

въ кабинетѣ графа С. Ю. Витте. Дѣятельность графа И. И., какъ министра народнаго просвѣщенія, продолжалась всего шесть мѣсяцевъ, при немъ былъ обновленъ составъ попечителей учебныхъ округовъ и центральныхъ учрежденій министерства, а также созданъ рядъ комиссій по выработкѣ новыхъ положеній о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ наукѣ графъ И. И. извѣстенъ главнымъ образомъ какъ выдающійся археологъ и знатокъ нумизматики. Изъ его трудовъ извѣстны: «Русская допетровская нумизматика», «Монета Великаго Новгорода», «Монеты псковскія», «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго» и др. Вмѣстѣ съ проф. Н. П. Кондаковымъ графъ И. И. издавалъ «Русскія древности въ памятникахъ искусства», которыя переведены на иностранные языки, какъ и болѣе крупные труды покойнаго по нумизматикѣ. До послѣднихъ дней своей жизни графъ И. И. принималъ близкое участіе въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ въ качествѣ его вице-предсѣдателя. Послѣдніе годы жизни графъ И. И. посвятилъ дѣятельности въ качествѣ петроградскаго городского головы. Заболѣвъ на почвѣ переутомленія отъ работы, графъ И. И. покинулъ въ концѣ прошлаго года постъ городского головы. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916 г., № 198).

† Чижовъ, М. А. 27-го мая скончался академикъ скульпторъ М. А. Чижовъ. Покойный родился 10-го ноября 1838 г. въ дер. Пудово, Подольскаго уѣзда Московской губерніи. У отца его, крестьянина-каменотеса, была въ Москвѣ небольшая мастерская надгробныхъ памятниковъ. Помогая отцу въ работахъ, мальчикъ въ то же время посѣщалъ Строгановскую рисовальную школу. Затѣмъ М. А. поступилъ въ академію художествъ. Въ 1865 г. за статую «Кіевлянинъ съ уздечкой, пробѣгающій чрезъ станъ печенѣговъ», онъ получилъ малую золотую медаль, а въ 1867 г. за программу «Воскресеніе сына Наинской вдовы»—большую золотую медаль. Въ 1868 г. М. А. отправился за границу въ качествѣ пенсіонера академіи. За группы «Игра въ жмурки» и «У колодца» онъ былъ въ 1873 г. удостоенъ званія академика скульптуры. За статую «Рѣзвушка» онъ получилъ въ 1875 г. золотую медаль. На всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г. ему была присуждена почетная золотая медаль. Съ 1893 г. М. А. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ академіи художествъ, а съ 1894 г. по 1915 г. исполнялъ обязанности члена совѣта академіи. Въ музеѣ академіи художествъ хранятся слѣдующія произведенія покойнаго: гипсовый бюстъ Александра II, «Кіевлянинъ съ уздечкой», бронзовый бюстъ баталиста П. Н. Грузинскаго, бюстъ принца П. Г. Ольденбургскаго, модель памятника Николаю I въ Кіевѣ и «Рѣзвушка». Въ Русскомъ музеѣ императора Александра III имѣются слѣдующія работы М. А.: «Кіевлянинъ», бюстъ А. П. Боголюбова, «Крестьянинъ въ бѣдѣ» и «Игра въ жмурки». (Некрологъ его: «Современное Слово», 1916 г., № 3008).

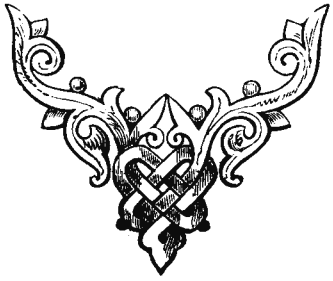
† Шапиръ, О. А. 13-го іюня въ Петроградѣ скончалась извѣстная писательница Ольга Андреевна Шапиръ. Покойная О. А. родилась въ 1850 году въ Ораніенбаумѣ. Окончила Александровскую женскую гимназію. Бабушка покойной происходила изъ древней шведской дворянской фамиліи и занималась переводомъ русскихъ поэтовъ на шведскій языкъ. Отъ нея О. А. унаслѣдовала литературный талантъ. Литературная дѣятельность покойной О. А.

Библиотека "Руниверс"

началась въ семидесятыхъ годахъ. Вначалѣ она работала въ газетахъ въ качествѣ переводчицы. Затѣмъ начала писать въ журналахъ. Первыя ея крупныя произведенія были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ». Чрезъ своего мужа, который во время студенчества за сношеніе съ кружкомъ Нечаева былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и затѣмъ высланъ, О. А. познакомилась съ революціонной средой. Нѣкоторыя ея произведенія затрагивали темы, волновавшія русское общество въ семидесятыхъ годахъ. Одинъ изъ написанныхъ покойной романовъ «Въ бурные годы» въ виду цензурныхъ условій пролежалъ семнадцать лѣтъ подъ спудомъ и только въ 1906 году былъ напечатанъ въ «Русской Мысли». Двѣ драмы «Глухая стѣна» и «Два момента», принадлежащія перу покойной, были поставлены на императорской сценѣ и имѣли большой успѣхъ у публики. Покойная написала четыре большихъ романа «Антиподы», «Безъ любви», «Миражи», «Любовь» и рядъ повѣстей и разсказовъ, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Послѣднее время новыхъ произведеній не появлялось, такъ какъ покойная была прикована тяжелою болѣзнью къ постели. О. А. умерла въ больницѣ для душевнобольныхъ на Удѣльной. (Некрологъ ея: «День», 1916, № 161).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 547 вкралась опечатка: напечатано Григорій Григорьевичъ *Даниловъ*; нужно читать: *Даниловичъ*.



Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, матушка. Но вотъ Гонто пострадалъ отъ паденія.

— Что случилось? Городъ какъ будто съ ума сошелъ. Я слышала какіе-то крики, а слуги разсказываютъ разныя нелѣпости про Бастилію.

— Бастилія взята толпой. Это вѣрно. Де-Лоней убитъ. Толпа-царь не щадитъ никого. Къ счастью, у нея есть предводители, которые гораздо умнѣе и осторожнѣе ея,—добавилъ онъ такимъ тономъ, что вся кровь бросилась мнѣ въ голову.

Но маркиза не слыхала послѣднихъ словъ. Она была ошеломлена извѣстіемъ о смерти де-Лонея, котораго знала лично.

— О, король жестоко накажетъ этихъ негодяевъ!—восклицала она.—Можетъ быть, наказаніе уже и совершилось, и они колесованы.

— Можетъ быть, когда-нибудь и накажетъ, но не теперь. Народа нельзя узнать. Даже здѣсь произошло маленькое столкновеніе. Гонто сбили съ ногъ. Да и я самъ едва ускользнулъ. Если бы г. де-Со не держалъ толпу въ своихъ рукахъ,—продолжалъ онъ съ ехиднымъ смѣхомъ:—то я боюсь, что намъ пришлось бы очень плохо.

Тутъ только маркиза какъ будто начала что-то понимать. Ея лицо приняло высокомѣрное выраженіе, а взглядъ холодно остановился на мнѣ.

— Развѣ это люди, г. де-Со?—спросила она, указывая на толпу оборванцевъ, стоявшихъ поодаль и наблюдавшихъ за нами.

— Это его лейбъ-гвардія, матушка. Впрочемъ, вы должны быть ему благодарны за меня. Если онъ не спасъ мнѣ жизнь, то во всякомъ случаѣ спасъ красоту.

— Съ помощью этихъ оборванцевъ?—гнѣвно спросила она.

— Съ помощью этихъ оборванцевъ или отъ этихъ оборванцевъ,—весело отвѣчалъ онъ.—Кромѣ того, дня черезъ два-три намъ придется просить у него защиты. Я увѣренъ, что онъ не откажетъ вамъ въ вашей просьбѣ.

Я стоялъ, внутренне бѣснуясь противъ его выходокъ; но былъ безсиленъ сдѣлать что-нибудь противъ него.

— Ни я, ни мои родные мы не желаемъ имѣть дѣло съ измѣнникомъ,—сказала она, пронизывая меня блестѣвшими отъ гнѣва глазами.

— Маркиза,—воскликнулъ я, пораженный ея несправедливостью.—Вы сами не знаете, что вы говорите. Если я сталъ между вашимъ сыномъ и опасностью, то вовсе не изъ тѣхъ гнусныхъ побужденій, которыя вы во мнѣ предполагаете.

— Мнѣ нѣтъ надобности предполагать это, когда за вами цѣлая толпа. Развѣ необходимо закричать: «Долой короля», чтобы стать измѣнникомъ. Уходите прочь отъ моего дома, или я позову сюда моихъ слугъ, и они прогонятъ васъ отсюда бичами,—продолжала она, обращаясь къ толпѣ.

Библиотека "Руниверс"

Она въ гнѣвѣ топнула ногой и, къ моему изумленію, люди, которые должны были бы понимать всю тщету ея угрозъ, съежились и стали разбѣгаться, какъ собаки. Въ одну минуту улица была пуста.

— Учитесь, сударь,—заговорила она опять, поблескивая глазами.—Вотъ вашъ храбрый народъ Прошу и васъ удалиться отсюда: въ моемъ домѣ нѣтъ мѣста измѣнникамъ.

Съ этими словами она сдѣлала мнѣ знакъ итти съ тѣмъ же высокомѣрнымъ презрѣніемъ, съ какимъ она разогнала толпу. Но прежде, чѣмъ уходить, я успѣлъ крикнуть ей:

— Вѣдь вы были въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ,— и прежде, чѣмъ она успѣла что-либо отвѣтить, я продолжалъ:— Вамъ бы слѣдовало помочь мнѣ, а не оскорблять меня. Если бы я былъ даже самымъ преданнымъ слугой королю, то и тогда перенесенныхъ мною оскорбленій было бы достаточно для того, чтобы сдѣлаться измѣнникомъ. Я попрошу васъ это запомнить.

Толпа уже разсѣялась на площади, но въ переулкахъ и улицахъ толкалось еще много народа. Вездѣ стояли группы, оживленно бесѣдовавшія между собой. Слово «Бастилія» было у всѣхъ на языкѣ. Когда я приближался, всѣ сняли шапки.

— Богъ да благословитъ васъ, г. де-Со. Вы—добрый человѣкъ,— неслось мнѣ вслѣдъ.

Придя домой, я чувствовалъ себя какъ въ лихорадкѣ. Мнѣ хотѣлось скорѣе посовѣтоваться съ человѣкомъ, который одинъ могъ вывести меня изъ создавшагося положенія. То былъ отецъ Бенедиктъ, нашъ домашній капелланъ. Онъ встрѣтилъ меня во дворѣ около того мѣста, гдѣ стоялъ нѣкогда позорный столбъ. Было довольно темно, и я не могъ видѣть его лица.

— Началось,—проговорилъ онъ, провожая меня по аллеѣ.

— Вы слышали?

— Мнѣ говорилъ Бютонъ.

— А развѣ онъ здѣсь?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Часа три тому назадъ я видѣлъ его въ Кагорѣ.

— Такія новости распространяются съ быстротою молніи. Теперь всего надо ждать. Толпа взяла Бастилію, а кто помогалъ толпѣ? Солдаты, французская гвардія. А если нельзя положиться и на армію, то конецъ всякимъ привилегіямъ, конецъ Фулонамъ и Бертье, голодовкамъ...

— Но если армія на сторонѣ толпы,—прервалъ я его:—то на чемъ же все это остановится?

— Нужно готовиться ко всему.

— Не раздѣлите ли вы мой ужинъ со мною?—спросилъ я.—Я бы вамъ разсказалъ кое-что и попросилъ бы у васъ совѣта.

Онъ охотно согласился.

— Я все ровно не засну эту ночь,—промолвилъ онъ, блестя

Библиотека "Руниверс"

глазами.—Большая новость, г. виконтъ. Вашъ отецъ выслушалъ бы ее съ радостью.

— А смерть де-Лонея?

— Безъ жертвъ не бываетъ перемѣнъ,—твердо отвѣчалъ онъ.— Отецъ его совершилъ не мало грѣховъ, за которые онъ и палъ жертвою. Царство ему небесное! Я слышалъ, что онъ былъ добрый человѣкъ.

Только тогда, когда мы усѣлись въ каштановой гостиной и занялись сыромъ и фруктами, я могъ оцѣнить во всемъ объемѣ то впечатлѣніе, которое произвело на аббата взятіе Бастиліи. Когда онъ слышалъ или говорилъ объ этомъ, его длинные и худые члены дрожали отъ возбужденія.

— Это конецъ,—повторялъ онъ.—Вашъ отецъ не разъ говаривалъ, что вся сила въ деньгахъ. А денегъ теперь нѣтъ. Измѣнила и вооруженная сила. Не осталось ничего.

— А король? — спросилъ я, невольно вспоминая о маркизѣ.

— Да благословитъ его Богъ! У него хорошія намѣренія, но безъ народа, безъ денегъ, безъ арміи—онъ король только по имени. И это имя не спасло уже Бастиліи.

Я разсказалъ ему все, что произошло со мной. Когда я описывалъ ему сцену въ собраніи, онъ не могъ оставаться въ спокойномъ состояніи, вскочилъ со стула и принялся ходить по комнатѣ, что-то бормоча про себя. Услыхавъ, что толпа кричала: «Да здравствуетъ Со!» — онъ посмотрѣлъ на меня восхищенными глазами и тихонько повторилъ эти слова. Когда же я дошелъ въ своемъ разсказѣ до того, какъ я пошелъ домой и думалъ, какой выборъ мнѣ сдѣлать, онъ замолкъ, присѣлъ къ столу и принялся крошить хлѣбъ.

V

Депутація.

Онъ долго сидѣлъ молча, устремивъ взоръ на столъ.

— Ну?—не безъ раздраженія заговорилъ наконецъ я.—Что вы скажете на это?

Тутъ я нарочно отодвинулъ одинъ изъ подсвѣчниковъ, чтобы лучше видѣть его лицо. Но онъ продолжалъ молчать, тихо играя хлѣбными крошками и попрежнему опустивъ взоръ на столъ.

—Г. виконтъ,—промолвилъ онъ наконецъ:—по моей матери я тоже дворянинъ.

Я зналъ это обстоятельство, но никогда не придавалъ ему такого значенія.

— Итакъ, вы...—началъ я въ изумленіи.

Библиотека "Руниверс"

— Не то,—остановилъ онъ меня, поднимая руку.—По отцу я вышелъ изъ народа. Къ тому же я принадлежу къ числу бѣдняковъ. Однако.....

Поднявшись съ своего мѣста, онъ взялъ подсвѣчникъ и повернулся къ стѣнѣ, на которой висѣли портреты моего отца и предковъ.

— Антуанъ дю-Понъ виконтъ де-Со, — громко прочелъ онъ подпись подъ портретомъ.—Онъ былъ добрый человѣкъ и другъ бѣдныхъ. Царство ему небесное.

—Адріенъ дю-Понъ виконтъ де-Со,—продолжалъ онъ читать:—полковникъ фландрскаго полка. Онъ былъ убитъ, если не ошибаюсь, при Минденѣ. Кавалеръ ордена св. Людовика. А вотъ Антуанъ дю-Понъ виконтъ де-Со, маршалъ и пэръ Франціи, кавалеръ многихъ орденовъ, членъ королевскаго совѣта, умеръ отъ чумы въ Генуѣ въ 1710 г. Кажется, онъ былъ женатъ на одной изъ Роганъ.

Потомъ онъ перешелъ къ четвертой стѣнѣ и молча остановился передъ однимъ изъ портретовъ.

— Антуанъ дю-Понъ сеньоръ де-Со, кавалеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Умеръ въ Валезѣ во время великой осады отъ ранъ, по словамъ нѣкоторыхъ, или отъ непомѣрныхъ трудовъ, какъ утверждаютъ другіе. Воинъ-христіанинъ.

И, посмотрѣвъ съ минуту на этотъ портретъ, онъ поставилъ подсвѣчникъ на столъ. Въ окружавшей насъ темнотѣ онъ освѣщалъ только наши блѣдныя и возбужденныя лица.

— Г. виконтъ,—съ поклономъ произнесъ кюре:—вы происходите изъ очень древняго и благороднаго рода.

Я пожалъ плечами.

— Это я знаю. Что же дальше?

— Я не рѣшаюсь давать вамъ совѣты.

— Но дѣло, за которое я стою, заслуживаетъ полнаго сочувствія.

— Да, конечно,—медленно промолвилъ онъ.—Я это всегда утверждалъ. Но народъ долженъ самъ защищать свое дѣло.

— И это говорите вы!—въ смущеніи и гнѣвѣ воскликнулъ я.—Вы, который тысячу разъ говорили, что вы тоже изъ народа, что во Франціи должны быть только народъ и король!

Онъ улыбнулся какъ-то печально и забарабанилъ по столу пальцами.

— Это все теорія. А когда дѣло дойдетъ до практики, сердце говоритъ другое. Во мнѣ самомъ есть дворянская кровь, и я знаю, что это такое.

—Я не понимаю васъ,—съ отчаяніемъ сказалъ я.—Вѣдь я только что сказалъ вамъ, что на собраніи дворянства я говорилъ за народъ, и вы же меня одобрили.

— Это было благородно,—отвѣчалъ отецъ Бенедиктъ съ тонкой улыбкой.—Боритесь за народъ среди равныхъ себѣ. Но если дѣло

Библиотека "Руниверс"

дойдетъ до борьбы между народомъ и классомъ, къ которому вы принадлежите, и если дворянину придется дѣлать выборъ, то.....

Голосъ отца Бенедикта слегка задрожалъ, и онъ еще проворнѣй забарабанилъ пальцами.

— То я предпочелъ бы видѣть васъ въ рядахъ вашего сословія.

— Противъ народа?

— Да, противъ народа,—отвѣчалъ онъ, съеживаясь.—Логика, конечно, противъ меня. Дѣло реформъ, честнаго, дешеваго заработка, справедливости—такое дѣло не можетъ быть несправедливымъ. Но инстинктъ не позволяетъ мнѣ стать на эту сторону.

— А какъ же Мирабо? Вѣдь недаромъ его называютъ великимъ человѣкомъ—спросилъ я.—Я слышалъ, что и вы нерѣдко отзывались о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

— И даже очень часто,—отвѣчалъ аббатъ, продолжая барабанить по столу пальцами.—Но что дѣлать, у меня нѣтъ твердости убѣжденій. Я знаю, какъ отзываются о тѣхъ, которые мыслятъ иначе, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы такъ говорили о васъ. Есть вещи, которыя хороши только издали,—продолжалъ онъ, отворачиваясь отъ меня, чтобы скрыть теплое чувство ко мнѣ, которое такъ и свѣтилось въ его глазахъ.

Нѣсколько минутъ мы оба молчали.

— Но вѣдь и мой отецъ былъ на сторонѣ реформъ,—промолвилъ я наконецъ.

— Да на сторонѣ реформъ, которыя должны были совершиться дворянами для народа.

— Но вѣдь дворяне-то и изгнали меня.

— Такъ всегда бываетъ: народный трибунъ становится изгнанникомъ.

Перспектива, которая ожидала меня, представилась мнѣ съ совершенной ясностью, и я понялъ, почему отецъ Бенедиктъ колебался такъ долго.

Кюре скоро простился со мной. Послѣ его ухода я цѣлый часъ ходилъ по каштановой аллеѣ, потомъ, остановившись у желѣзной рѣшетки парка, долго смотрѣлъ на разстилавшуюся за ней дорогу. Наконецъ я повернулся и пошелъ къ своему сѣрому островерхому дому съ башенками по угламъ.

Гдѣ-то за домомъ не во̀-время закричалъ пѣтухъ. Гдѣ-то среди стихшихъ полей далеко-далеко залаяла собака. Съ небесъ торжественно глядѣли на землю звѣзды.

Я думалъ о внезапно потерянной невѣстѣ, и эта мысль наполняла меня слабымъ сожалѣніемъ, не лишеннымъ даже пріятности. Желалъ бы я знать, что она подумаетъ обо мнѣ послѣ нашего внезапнаго разрыва? Возбудитъ ли это ея мысль, ея любопытство, или она придетъ къ заключенію, что такъ идетъ всегда: женихи появляются и исчезаютъ?

Библиотека "Руниверс"

Была среда 22-го іюля. Вечеромъ этого дня Парижъ весь дрожалъ отъ невиданныхъ еще событій. Первый разъ раздался въ немъ крикъ: «На фонарь», и старецъ съ длинной сѣдой бородой закрутился на веревкѣ, пока смерть не остановила его отъ мученій. Парижъ былъ свидѣтелемъ, какъ разорвали на части столичнаго интенданта и многихъ другихъ, отчего щеки сторонниковъ реформъ покрылись блѣдностью.

Прошла недѣля.

29-го іюля снова зашелъ ко мнѣ отецъ Бенедиктъ.

— Что вы думаете о парижскихъ событіяхъ?—спросилъ я.

— То же, что и прежде. Безъ денегъ, безъ солдатъ, съ народомъ, умирающимъ отъ голода, съ интеллигенціей, у которой въ головѣ однѣ теоріи,—что тутъ можетъ сдѣлать правительство? Будетъ періодъ безпорядковъ. Но силы, стоящія на сторонѣ законности и порядка, всегда одерживали верхъ. Такъ будетъ и на этотъ разъ.

— Что тебѣ надо, Жиль?—спросилъ я подошедшаго къ намъ лакея.

— Изъ Кагора пріѣхалъ къ вамъ Дюри.

— Хозяинъ гостиницы.

— Такъ точно, и съ нимъ Бютонъ. Они желаютъ васъ видѣть.

— Оба вмѣстѣ?—спросилъ я, пораженный этимъ страннымъ соединеніемъ.

— Да, сударь.

— Хорошо, веди ихъ сюда, сказалъ я, теряясь въ догадкахъ, зачѣмъ могъ пріѣхать Дюри. Вѣдь я заплатилъ ему по счету.

— Увидимъ,—промолвилъ аббатъ, переводя взоръ на дверь.— Знаете, я чувствую себя не такъ ужъ увѣренно.

Хозяина гостиницы, человѣка ловкаго и услужливаго, я зналъ давно, хотя никогда не могъ представить его себѣ отдѣльно отъ его гостиницы и ея посѣтителей. На этотъ разъ къ его обычной услужливости примѣшивалось какое-то чувство собственнаго достоинства. Онъ то важно поджималъ губы, то вдругъ конфузился и кланялся съ видомъ малодушія. Его костюмъ также возбуждалъ удивленіе: вмѣсто чернаго камзола, какой обычно носили люди его положенія, на немъ красовался голубой, съ золотыми пуговицами. На груди и на шляпѣ у него были два банта изъ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ лентъ.

Его спутникъ, державшійся позади и представлявшій своей огромной фигурой рѣзкій контрастъ съ горожаниномъ, точно такъ же былъ разукрашенъ. Встрѣтившись со мной глазами онъ покраснѣлъ и старался, насколько было возможно, спрятаться за Дюри.

— Добрый день, Дюри,—сказалъ я.

Я чуть было не разсмѣялся, любуясь на его важность, но серьезность, не покидавшая кюре, удержала меня отъ этого.

Библиотека "Руниверс"

— Что васъ привело въ Со? Вамъ что-нибудь нужно отъ меня?

— Точно такъ, г. виконтъ,—началъ трактирщикъ и вдругъ выпрямился во весь ростъ.—Насъ привели сюда общественныя дѣла. Намъ хотѣлось бы поговорить о нихъ съ вами. Теперь происходятъ большія перемѣны, и намъ нуженъ совѣтъ.

Я пожалъ плечами и взглянулъ на кюре.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.—Плохо идетъ у васъ торговля виномъ? или....

— Извините, сударь,—перебилъ онъ меня съ достоинствомъ:—теперь не время шутить. Теперь содержатель гостиницы и дворянинъ оба подвергаются не меньшему риску. Оставленные тѣми, кто долженъ былъ бы вести ихъ, они...

— Что такое, хозяинъ?—вскричалъ я.

Дюри густо покраснѣлъ.

— Надѣюсь, г. виконтъ понимаетъ, что я говорю о народѣ. Оставленные тѣми, кто долженъ былъ бы быть ихъ естественными защитниками.....

— Но кто же оставлялъ народъ?

— Развѣ вы еще не слышали? Герцогъ д'Артуа, принцъ Конде, герцогъ Полиньякъ... Черезъ три дня послѣ взятіи Бастиліи эти принцы крови всѣ бѣжали тайкомъ изъ Франціи.

— Это невозможно!—вскричалъ я.—Для чего имъ бѣжать?

— Вотъ въ этомъ-то и вопросъ, г. виконтъ. Одни говорятъ, для того, чтобы своимъ удаленіемъ наказать Парижъ. Другіе утверждаютъ, что это сдѣлано для того, чтобы выразить свое неудовольствіе противъ амнистіи, объявленной на дняхъ его величествомъ. А третьи увѣрены, что они хотѣли избѣгнуть участи Фулона.

— Вздоръ,—строго остановилъ я его.—Ты говоришь вздоръ. Отправляйся назадъ къ своимъ супамъ и наварамъ. Что ты можешь понимать въ государственныхъ дѣлахъ? Если бы ты посмѣлъ такъ говорить о принцахъ крови при нашихъ дѣдахъ, то тебя посадили бы на шесть недѣль на хлѣбъ и на воду.

Забывъ о своей новой внѣшности, онъ забормоталъ какія-то извиненія. Я хотѣлъ было прочесть ему нотацію, какъ вдругъ, къ моему изумленію, въ разговоръ вмѣшался Бютонъ.

— Это было лѣтъ тридцать тому назадъ,—ворчливо произнесъ онъ.

— Какъ? Ты тоже здѣсь по государственнымъ дѣламъ?

— Да, г. виконтъ.

— Почему же вы въ такомъ случаѣ не привели съ собой еще сторожевой собаки?—воскликнулъ я, переходя отъ изумленія къ изумленію.—Или козла отъ фермера Жана?

Тутъ я почувствовалъ, что кюре тихонько дотронулся до моего плеча

— Можетъ быть, лучше выслушать, что имъ нужно?—мягко замѣтилъ онъ.

Библиотека "Руниверс"

Я молча кивнулъ головой.

— Что же вамъ здѣсь нужно?

— Интендантъ бѣжалъ,—заговорилъ Дюри, вернувъ себѣ покинувшее его достоинство:—и мы, слѣдуя примѣру Парижа, образовали комитетъ, который будетъ управлять мѣстными дѣлами. Чтобы справиться съ своей задачей, комитетъ, котораго мы оба имѣемъ честь быть членами, долженъ заключать въ себѣ представителей всѣхъ классовъ. И мы пришли просить васъ, г. виконтъ, не только въ члены, но и...

— Но и?....

— Но и въ предсѣдатели комитета.

— Благодарю васъ, г. трактирщикъ,—заговорилъ я, едва оправившись отъ удивленія.—Если я правильно васъ понялъ, вы предлагаете мнѣ засѣдать въ вашемъ комитетѣ рядомъ съ этимъ человѣкомъ?—продолжалъ я, указывая на Ботона.—Съ этимъ мужикомъ, который родился въ моихъ помѣстьяхъ и до вчерашняго дня подлежалъ моему суду?

— Но, г. виконтъ,—промолвилъ Дюри:—въ комитетѣ должны быть представлены всѣ.

— Комитетъ!—закричалъ я, не будучи въ состояніи сдерживать овладѣвшій мною гнѣвъ.—Это что-то новое во Франціи! Что же будетъ дѣлать этотъ комитетъ?

Дюри успѣлъ уже справиться и заговорилъ съ важнымъ видомъ:

— Интендантъ бѣжалъ. Народъ больше не вѣритъ чиновникамъ. Ходятъ слухи о разбояхъ. Нѣтъ хлѣба. И комитетъ долженъ заняться всѣмъ этимъ. Надо принять мѣры къ снабженію населенія съѣстными припасами и къ умиротворенію мѣстности. Кромѣ того, г. виконтъ, комитетъ войдетъ въ сношеніе съ Парижемъ.

— Однимъ словомъ,—перебилъ я:—управлять будетъ комитетъ, а король, очевидно, отрекся отъ власти.

Дюри какъ-то съежился и поблѣднѣлъ.

— Боже сохрани,—трусливо сказалъ онъ.—Комитетъ будетъ дѣйствовать отъ имени его величества.

— И его властью?

Трактирщикъ въ смущеніи посмотрѣлъ на меня и что-то забормоталъ о народѣ.

— А, стало быть, меня приглашаетъ управлять народъ? Но вѣдь это значитъ присваивать себѣ права короля и замѣнять собою его чиновниковъ, словомъ, совершить государственную измѣну. Понимаете?

Трактирщикъ дрожащей рукой вытеръ себѣ лобъ и стоялъ молча. Вмѣсто него опять заговорилъ кузнецъ.

— Г. виконтъ,—началъ онъ, поглаживая огромной рукой свою бороду.—Вы забываете, что комитету предстоитъ еще одна задача,—продолжалъ онъ мрачно, стараясь не смотрѣть на меня.

Библиотека "Руниверс"

— Какая же это задача?

— Охранять дворянъ.

Я посмотрѣлъ на него съ гнѣвомъ и изумленіемъ.

— Отъ кого же?—кратко спросилъ я, помолчавъ немного.

— Отъ ихъ собственныхъ крестьянъ.

— Вотъ что! Стало быть, насъ будутъ сжигать на нашихъ собственныхъ постеляхъ.

Бютонъ покраснѣлъ сквозь свой загаръ и вдругъ въ первый разъ взглянулъ мнѣ прямо въ лицо.

— Вы знаете,—заговорилъ онъ:—что я готовъ умереть за своего сеньора, что прежде, чѣмъ огонь коснется Со, онъ долженъ сжечь меня. Но, г. виконтъ,—продолжалъ онъ дѣловымъ тономъ:—развелось много разныхъ злоупотребленій, и этому надо положить конецъ. Женщины и дѣти умираютъ съ голоду, и мы должны устранить это. Бѣдняки платятъ подати, а богатые люди свободны отъ нихъ. Бѣдняки чинятъ дороги, а богатые только ѣздятъ по нимъ. У бѣдняковъ нѣтъ даже соли, а король ѣстъ на золотѣ. Всему этому надо положить конецъ, хотя бы путемъ сожженія замковъ,—мрачно добавилъ онъ

VI

Встрѣча на дорогѣ.

Неожиданное краснорѣчіе, обнаруженное кузнецомъ, увѣренность, съ которой онъ говорилъ, совершенно новый ходъ мыслей, которыя я никакъ не могъ подозрѣвать у него,—все это озадачило меня, и нѣкоторое время я не могъ сказать ничего. Дюри воспользовался этимъ случаемъ и снова вступилъ въ разговоръ.

— Теперь вы изволите видѣть необходимость такого комитета,—вкрадчиво сказалъ онъ.—Надо какъ-нибудь поддерживать спокойствіе.

— Я вижу только то, что есть бунтовщики, которые находятся на волѣ и которымъ лучше было бы сидѣть въ колодкахъ. Поддерживать спокойствіе—это дѣло короля... Администрація...

— Она совершенно разстроена...—произнесъ было Дюри и смутился.

— Такъ пусть приведутъ ее въ порядокъ—закричалъ я.—Ступайте прочь! Я не желаю имѣть дѣла ни съ вами, ни съ вашимъ комитетомъ!

— Однако въ другихъ провинціяхъ: Ліанкуръ, Рошфуко—отнеслись къ этому дѣлу иначе,—проговорилъ опять Дюри, блѣдный отъ неудачи своей миссіи.

— А я не желаю,—возразилъ я.—Не забывайте,что вы потомъ отвѣтите за ваши дѣйствія. Я уже предупредилъ васъ, что это государственная измѣна.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, въ такомъ случаѣ быть пожарамъ,—пробормоталъ кузнецъ.—Не успѣетъ наступить утро, какъ зарево будетъ уже на небѣ. И все это падетъ на вашу голову.

Я хотѣлъ ударить его палкой, но онъ избѣжалъ удара и медленно пошелъ прочь. Дюри двинулся за нимъ. Его лицо было блѣдно, а нарядный костюмъ сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Я стоялъ и молча смотрѣлъ на нихъ, пока они не ушли, потомъ повернулся къ кюре, желая услышать, что онъ скажетъ.

Но онъ исчезъ. Можетъ быть, для того, чтобы перехватить ихъ у воротъ и потолковать съ ними. И дѣйствительно, скоро изъ-за угла показалась его сухая фигура, почти не отбрасывавшая отъ себя тѣни: былъ полдень. Я замѣтилъ, что онъ что-то шепталъ про себя, но, когда онъ подошелъ ко мнѣ, онъ поспѣшилъ принять бодрый видъ.

— Я вступилъ въ ихъ комитетъ,—сказалъ онъ, слабо улыбаясь.

— Не можетъ быть!

— Почему же не можетъ быть? Развѣ я не предсказывалъ наступленія этого дня? Вамъ я совѣтую оставаться на сторонѣ вашего сословія. А я человѣкъ бѣдный и стану на своей сторонѣ. А что касается комитета, то лучше хоть какое-нибудь правительство, чѣмъ никакого. Вы сами понимаете, что прежній правительственный механизмъ разрушенъ. Интендантъ бѣжалъ, народъ не довѣряетъ чиновникамъ. Солдаты заодно съ народомъ. Сборщики податей—Богъ ихъ знаетъ гдѣ.

— Въ такомъ случаѣ нужно, чтобы дворянство.....

— Приняло на себя руководство и стало править?—перебилъ онъ меня.—При помощи кого же? Кучки слугъ и стражниковъ? И это противъ такой толпы, которую вы видѣли на площади? Невозможно!

— Кажется, все перевертывается вверхъ ногами,—безнадежнымъ тономъ сказалъ я.

— Нужно болѣе крѣпкое и устойчивое управленіе,—промолвилъ онъ, обмахиваясь шляпой.—Вотъ что я еще хотѣлъ сказать вамъ: я слышалъ отъ Дюри, что дворянство рѣшило собраться въ Кагоръ, чтобы общими усиліями обуздать народъ. Теперь это безполезно и даже вредно. Это можетъ привести къ тѣмъ самымъ эксцессамъ, которыхъ хотятъ избѣжать. Бютонъ говорилъ, конечно, не зря. Онъ самъ добрый человѣкъ, но онъ знаетъ, что есть люди другого склада. Онъ знаетъ, что есть не мало уединенно стоящихъ замковъ, гдѣ живутъ лишь нарядныя женщины и дѣти.

— Неужели вы опасаетесь жакерій?—вскричалъ я въ ужасѣ.

— Богъ знаетъ, что будетъ,—торжественно отвѣчалъ онъ.—Сколько лѣтъ люди веселились въ Версалѣ, принося въ жертву жизнь мужика. Теперь, можетъ быть, пришелъ чередъ расплатиться за все это.

Библиотека "Руниверс"

Кюре ушелъ, и я долго еще не могъ успокоиться, Чтобы собрать новости, я велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ въ сопровожденіи двухъ слугъ по направленію къ Кагору. Едва выбрался я на большую дорогу, какъ изъ-за пригорка показался большой, медленно двигавшійся экипажъ. Онъ уже перевалилъ черезъ гребень пригорка и спускался по дорогѣ. Надъ кузовомъ ясно вырисовывались на фонѣ яснаго неба спина дороднаго кучера и двѣ головы стоявшихъ сзади лакеевъ. Экипажъ направлялся на меня, и я сразу сообразилъ, что это экипажъ маркизы де-Сентъ-Алэ. Сначала я хотѣлъ взять въ сторону и избѣжать встрѣчи съ нимъ. Но гордость помѣшала мнѣ сдѣлать это, и, натянувъ поводья, я двинулся ему навстрѣчу.

Скоро экипажъ поравнялся со мной. Я надѣялся встрѣтить Луи, но былъ убѣжденъ, что встрѣчу самое маркизу. Поэтому, проѣзжая мимо, я снялъ шляпу и отвѣсилъ поклонъ: вѣжливость нигдѣ не мѣшаетъ.

Ожиданія мои не оправдались: вмѣсто маркизы по срединѣ экипажа возсѣдала маленькая фигура m-lle Денизы съ блѣднымъ лицомъ, вспыхнувшимъ при видѣ меня. Если бы я былъ подготовленъ къ этому, я проѣхалъ бы мимо экипажа, не сказавъ ни слова. Послѣ всего того,что случилось, я такъ и долженъ былъ сдѣлать. Но я видѣлъ, какъ лакеи оскалили на меня зубы,—вѣроятно, обращеніе со мной маркизы сдѣлалось предметомъ ихъ пересудовъ,—и я инстинктивно остановилъ лошадь. Передъ мадемуазель сидѣли спиной къ лошадямъ двѣ служанки, уставившіяся на меня съ самымъ глупымъ видомъ.

— Мадемуазель!—вскричалъ я.

— Monsieur,—машинально отвѣтила она.

Я въ сущности сказалъ все, что я имѣлъ право сказать, и мнѣ оставалось только раскланяться и ѣхать дальше. Но что-то толкнуло меня спросить:

— Вы изволите ѣхать въ Сентъ-Алэ?

Ея губы зашевелились, но отвѣта я не разслышалъ. Она смотрѣла на меня, словно была не въ состояніи отвести отъ меня своего взора. Вмѣсто нея отвѣтила—и довольно грубо—одна изъ ея служанокъ:

— Да.

— А сама маркиза де-Сентъ-Алэ?

— Маркиза по дѣламъ осталась въ Кагорѣ съ маркизомъ,—тѣмъ же тономъ продолжала она.

Мнѣ опять слѣдовало ѣхать, но видъ этой дѣвушки, молча и краснѣя смотрѣвшей на меня, заставилъ меня остановиться и высказать опасенія, которыя были у меня на умѣ.

— Мадемуазель,—порывисто сказалъ я, не обращая вниманія на ея служанокъ:—если вамъ угодно выслушать мой совѣтъ—не ѣздите туда.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ какъ!—дерзко вскричали обѣ служанки, покачивая головой.

Маленькая маркиза молчала.

— Почему же?—вдругъ спросила она. Любопытство, видимо, пересилило въ ней робость.

— Потому что,—началъ я почтительно,—состояніе округи таково, что... Я опасаюсь, что вы не изволите знать, что...

— Что?—застѣнчиво переспросила она.

— Что въ Сентъ-Алэ есть много недовольныхъ...

— Въ Сентъ-Алэ?

— То-есть, я хотѣлъ сказать въ его окрестностяхъ,—неловко поправился я.—По моему мнѣнію, было бы лучше,—продолжалъ я въ смущеніи, если бы вы вернулись назадъ.

— Чтобы составить вамъ компанію, вѣроятно,—дерзко хихикнула одна изъ служанокъ.

Мадемуазель быстро взглянула на мою оскорбительницу и, вспыхнувъ, довольно громко скомандовала:

— Трогай!

Я былъ тогда довольно глупъ. Кромѣ того, мнѣ не хотѣлось пускать ее одну.

— Тысячу извиненій, мадемуазель...—заговорилъ было я.

— Трогай!—крикнула она опять такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ возраженій. Служанка,—не та, которая говорила мнѣ дерзости,—громко повторила приказаніе. Экипажъ тронулся, и я остался на дорогѣ одинъ, съ самымъ глупымъ видомъ.

Прямая дорога, спускавшаяся внизъ и обсаженная тополями, подпрыгивающій на ухабахъ экипажъ, насмѣшливыя физіономіи лакеевъ, обернувшихся ко мнѣ и глазѣвшихъ на меня сквозь пыль,—все это я помню, какъ теперь.

Я былъ взбѣшенъ на самого себя. Я не могъ не сознавать, что я перешелъ границу дозволеннаго и заслужилъ такой отпоръ. Но лицо мадемуазель—полное удивленія и презрѣнія—не выходило у меня изъ памяти всю дорогу, и вмѣсто того, чтобы думать о Бютонѣ и комитетѣ, я невольно думалъ о ней.

Я пришелъ въ себя только тогда, когда былъ уже на половинѣ дороги въ Кагоръ. Тутъ я остановилъ лошадь и задумался. Мной овладѣло возбужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительность. Черезъ полчаса я могу быть у маркиза Сентъ-Алэ и, что бы ни случилось, я исполню свой долгъ и мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя потомъ. Или же я могу вернуться домой и черезъ полчаса буду въ полной безопасности, не выигравъ, однако, въ собственномъ уваженіи къ себѣ.

Подумавъ и поколебавшись, я двинулся впередъ и черезъ полчаса уже переѣзжалъ черезъ Валандрійскій мостъ.

Высокомѣріе, съ которымъ обращалась со мной маркиза, было еще слишкомъ свѣжо въ моей памяти. Изъ гордости и самолюбія

Библиотека "Руниверс"

я разъ десять хотѣлъ вернуться обратно, но каждый разъ передо мной являлись некрасивыя физіономіи съ злыми глазами, которыя я видѣлъ въ деревнѣ. Мнѣ рисовались ужасы, которые могутъ произойти прежде, чѣмъ подойдетъ помощь изъ Кагора,—и это заставляло меня ѣхать дальше.

Переполненныя народомъ улицы, несомнѣнно, свидѣтельствовали о сильномъ возбужденіи. Всюду видны были группы людей, горячо о чемъ-то разсуждавшихъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ люди стояли на стульяхъ, окруженные толпой всякихъ бездѣльниковъ. Нѣкоторыя лавки были закрыты, передъ булочными стояли стражники. Я замѣтилъ, что въ рукахъ людей было много газетъ. Мое появленіе возбудило удивленіе. Нѣкоторые поздоровались со мною, но большинство смотрѣло на меня молча. Въ двухъ мѣстахъ раздались даже крики противъ меня.

Это разсердило было меня, но меня ожидало еще большее удивленіе, заставившее меня забыть свой гнѣвъ. Кто-то сзади окрикнулъ меня по имени. Обернувшись, я увидѣлъ Гонто, который спѣшилъ за мной, насколько ему позволяла его хромота. По обыкновенію, онъ опирался одной рукой на лакея, а въ другой держалъ палку и табакерку.

— Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я не испытывалъ такого удовольствія, какъ теперь, когда я вижу васъ,—началъ онъ съ самой подкупающей сердечностью.—Вы превзошли всѣхъ насъ, г. виконтъ. Вы хорошо проучили ихъ, а знаете текстъ: «На небесахъ больше радости объ одномъ раскаявшемся грѣшникѣ, чѣмъ...» Ха-ха-ха! Теперь мы опять съ вами вмѣстѣ.

— Позвольте, баронъ,—промолвилъ я въ величайшемъ изумленіи, тронувшись дальше по его приглашенію:—я васъ совершенно не понимаю.

— Не понимаете? А, вы думали, что мы не узнаемъ этого такъ скоро?—проговорилъ онъ съ значительнымъ видомъ, покачивая головой.—Нѣтъ, мы хорошо оборудованы. Компанія началась, и не слѣдуетъ пренебрегать и нашимъ информаціоннымъ бюро. Этотъ мошенникъ Дюри все выболталъ. Я слышалъ, что вы прочли ему хорошую нотацію! Комитетъ! Скажите, пожалуйста, что выдумали негодяи. Если бъ вы присоединились къ нимъ...

Онъ вдругъ остановился. Какой-то человѣкъ, переходившій черезъ улицу, толкнулъ его. Старикъ вышелъ изъ себя и съ ругательствомъ замахнулся на него палкой. Тотъ трусливо убѣжалъ.

Но барону было не легко успокоиться.

— Бродяга!—кричалъ онъ ему вслѣдъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.—Опять хотѣлъ сбить меня съ ногъ. Погодите, мы поставимъ васъ опять на свое мѣсто. Когда я былъ молодъ...

— Вы увѣрены въ томъ, что намъ удастся сдержать ихъ?—спросилъ я Гонто, чтобы отвлечь его отъ этого инцидента, ибо около

Библиотека "Руниверс"

насъ уже собралось нѣсколько человѣкъ, которые бросали на насъ злобные взгляды.

Старый баронъ все еще не могъ овладѣть собою.

— Вы увидите!—кричалъ онъ.—Вотъ наконецъ мы и у цѣли. Видите, на балконѣ сидитъ маркиза де-Сентъ-Алэ съ ея тѣлохранителями,—добавилъ онъ, посылая рукой воздушный поцѣлуй.—Поднимайтесь наверхъ, вы увидите, что васъ тамъ ждетъ, а я счастливъ, что привелъ васъ сюда.

Все происшедшее казалось мнѣ просто сномъ. Двѣ недѣли тому назадъ меня съ насмѣшками выгнали изъ этого дома, а теперь мнѣ съ балкона привѣтливо махали платками. На лѣстницѣ, гдѣ толпилось множество слугъ и лакеевъ, меня встрѣтили громомъ апплодисментовъ. Всюду мнѣ предлагались табакерки, а блестящіе взгляды изъ-за вѣеровъ могли по блеску равняться съ зеркалами. Въ дверяхъ меня встрѣтилъ Луи. Потомъ навстрѣчу ко мнѣ вышла маркиза—словомъ, получился какой-то тріумфъ, совершенно для меня непонятный. Впослѣдствіи я узналъ, что отпоръ, который я далъ Дюри по поводу комитета, былъ преувеличенъ чуть не въ сотню разъ. Люди болѣе благоразумные и разсудительные привѣтствовали въ моемъ лицѣ роялистскую реакцію, которой всѣ ждали съ первыхъ же дней возникновенія безпорядковъ.

Неудивительно, что пораженный изумленіемъ, я продолжалъ итти впередъ. Для того, чтобы заявить, что я явился сюда совсѣмъ по другому поводу, что хотя я и отвергъ предложеніе депутаціи, но что я вовсе не собираюсь дѣйствовать противъ нея,—для этого требовалось такое мужество, которымъ я не могъ похвалиться.

Къ тому же обстоятельства, вызвавшія появленіе у меня депутаціи Дюри, намеки Бютона, наконецъ насилія, произведенныя парижской толпой,—все это произвело на меня неблагопріятное впечатлѣніе. Подобно тысячамъ другимъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали необходимыхъ реформъ, я отступалъ предъ ними, начиная понимать, къ чему онѣ могутъ привести. Въѣзжая въ Кагоръ, я всего менѣе разсчитывалъ присоединиться къ партіи Сентъ-Алэ. Но теперь я считалъ невозможнымъ объясняться съ ними.

Я былъ игрушкой обстоятельствъ—слабый въ томъ, въ чемъ нужно было быть твердымъ, и упрямый тамъ, гдѣ надо было уступить. Къ тому же лесть дѣйствуетъ опьяняюще, а я былъ молодъ. Да и мадемуазель Дениза не выходила у меня изъ головы.

— Не мало вещей случилось съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла васъ въ послѣдній разъ, г. виконтъ,—съ достоинствомъ начала маркиза.— Извините меня. Слово женщины и мечъ мужчины не наносятъ оскорбленія.

Я поклонился и вспыхнулъ отъ удовольствія. Послѣ двухнедѣльнаго одиночества вдругъ эти группы людей, говорившихъ

Библиотека "Руниверс"

между собой тихо и серьезно, и огромное вліяніе, которое вдругъ явилось у меня.

— Король,—заговорила маркиза,—у нея всегда на первомъ мѣстѣ былъ король,—черезъ недѣлю или двѣ приметъ нужныя мѣры. До сихъ поръ до него доходили невѣрныя свѣдѣнія. Теперь этому будетъ положенъ конецъ. А пока мы должны вооружить нашихъ слугъ, подавить безпорядки и оказать сопротивленіе грабителямъ.

— А что дѣлать съ комитетомъ?

Она улыбнулась и слегка ударила меня по плечу выхоленными пальцами.

— Мы обойдемся съ ними такъ же, какъ обошлись вы.

Кругомъ насъ шумѣла толпа красивыхъ и нарядныхъ мужчинъ и женщинъ, какую мнѣ пришлось видѣть разъ или два въ жизни. Подъ этой блестящей внѣшностью скрывались одряхлѣлость и духовная пустота, порочность и равнодушіе. Но пудренные парики, мушки, шелкъ и бархатъ давали этому старому режиму видъ силы и достоинства. Хотя солдатъ тутъ было не много, но всѣ носили шпагу и умѣли дѣйствовать ею. Не всѣ, впрочемъ, понимали, что страшное на дуэли оружіе не годится противъ толпы, вооруженной камнями и дубинами. Казалось, что для возстановленія въ провинціи порядка достаточно будетъ какихъ-нибудь трехсотъ всадниковъ.

Отбросивъ всякія мечты о реформахъ, я тоже сталъ думать, что сохраненіе порядка—это единственное, что въ данное время требуется.

Говорить о мадемуазель было какъ-то неловко въ такую минуту: я предчувствовалъ, что меня осмѣютъ за мои опасенія, и молчалъ.

Я собирался уже уходить, давъ обѣщаніе пріѣхать сюда завтра. Двинувшись къ выходу, я столкнулся съ Луи и тутъ только заговорилъ. Я спросилъ его, увѣренъ ли онъ, что его сестра въ Сентъ-Алэ находится въ безопасности.

— Какое же въ этомъ можетъ быть сомнѣніе?—въ свою очередь, спросилъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо.

— Волненіе замѣчается не только въ городѣ,—осторожно намекнулъ я.

Въ отвѣтъ Луи пожалъ плечами.

— Вы придаете всему этому слишкомъ много значенія,—отвѣчалъ онъ.—Повѣрьте, разъ мы будемъ дѣйствовать всѣ вмѣстѣ, безпорядки прекратятся сами собой.

Этотъ разговоръ происходилъ 4 августа, въ тотъ самый день, когда въ Парижѣ національное собраніе въ ночномъ засѣданіи уничтожило всѣ привилегіи, феодальныя права, десятину и налогъ на соль.

А Луи думалъ, что безпорядки уже кончились!

Библиотека "Руниверс"

VII.

Тревога.

Въ тѣ времена большой костеръ на площади, да три-четыре фонаря на углу улицъ составляли все освѣщеніе города. Проѣхавъ Валандрійскій мостъ, я остановился на гребнѣ дороги, чтобы дать лошади немного отдохнуть, и оглянулся назадъ на Кагоръ. Городъ исчезалъ въ темнотѣ, только мѣстами виднѣлись желтыя пятна свѣта. Вокругъ города обвивалась, слабо поблескивая волнами, рѣка, присутствіе которой можно было скорѣе угадывать, чѣмъ видѣть. Наверху по небу бѣжали быстрыя облака, гонимыя холоднымъ, несмотря на жаркій день, вѣтромъ. Вся эта картина навѣвала какое-то торжественное настроеніе.

Пока я стоялъ на дорогѣ, возбужденіе, въ которомъ я находился послѣдніе два часа, стало постепенно спадать. Все, что я только что видѣлъ, стало казаться мнѣ довольно пошлымъ. Эти хвастливые циническіе голоса, эти въ высшей степени эгоистическіе планы, которымъ я долженъ былъ внимать въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ,—все это представилось мнѣ съ какой-то особенной отчетливостью.

Впрочемъ, что сдѣлано, то сдѣлано. На моей груди красовался бѣлый бантъ. И все-таки я не ощущалъ никакого энтузіазма. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ падало настроеніе, пріобрѣтало особое значеніе то дѣло, ради котораго я и поѣхалъ въ Кагоръ. Я быстро дернулъ поводья лошади и попробовалъ быстрой ѣздой разсѣять овладѣвавшія мною мысли.

Но и ночью такъ же трудно ускользнуть отъ себя, какъ и днемъ. Завываніе вѣтра въ каштановыхъ деревьяхъ, быстро бѣгущія облака и стукъ копытъ—все это дѣйствовало мнѣ на нервы На разстилавшейся передо мной равнинѣ не было ни одной свѣтлой точки. Казалось, что въ этомъ морѣ мрака я былъ единственнымъ живымъ существомъ.

Наконецъ я добрался до холма, съ котораго открывался видъ на Сентъ-Алэ. Отсюда по крутизнѣ дороги можно было ѣхать только шагомъ, и это сильно раздражало меня. Вдругъ я услышалъ сзади знакомый звукъ и вспылилъ.

— Стой!—крикнулъ я, повернувшись въ сѣдлѣ.—Твоя лошадь сломала подкову, а ты ѣдешь, какъ ни въ чемъ ни бывало! Слѣзай скорѣй и осмотри подковы!

— Виноватъ,—пробормоталъ Жиль, дремавшій на сѣдлѣ. Онъ быстро слѣзъ съ лошади. Оказалось, что задняя подкова была сломана. Это было уже не въ первый разъ. Бютонъ примѣнялъ всѣ способы ковать ее, но, какъ видно, не особенно успѣшно.

Библиотека "Руниверс"

— Лошадь не можетъ итти дальше до Со въ такомъ состояніи,— сердито сказалъ я.

Оба слуги сначала молчали, внимательно разглядывая подкову. Потомъ Жиль заговорилъ:

— Кузница въ Сентъ-Алэ находится недалеко отъ дороги. Вотъ поворотъ. Мы достучимся къ Маленькому Жану, и онъ какъ-нибудь прибьетъ подкову. Только...

— Что только?..—угрюмо спросилъ я.

— Я поссорился съ нимъ на ярмаркѣ въ Кагорѣ,—смущенно сказалъ Жиль.—Онъ, пожалуй, не выйдетъ къ намъ.

— Отлично,—рѣзко отвѣтилъ я.—Я сейчасъ же поѣду туда. А ты съ лошадью оставайся здѣсь и жди насъ.

Ближайшая хижина деревни находилась въ разстояніи четверти мили, и я отправился прямо къ ней. Въ своемъ раздраженіи я слѣзъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ. Шаговъ черезъ пятьдесятъ я былъ уже на перекресткѣ, съ котораго шла дорога въ Сентъ-Алэ. Я быстро пошелъ по ней, и скоро голоса моихъ людей перестали долетать до меня.

По обѣимъ сторонамъ дороги на возвышеніи поднимались тополя, отчего на самой дорогѣ было темно, какъ въ ямѣ, и я долженъ былъ итти чуть не ощупью. Вдругъ я споткнулся и чуть не упалъ. Это еще болѣе усилило раздраженіе, и я пустился ругать и дорогу за ея ухабы, и луну за несвоевременное исчезновеніе. Непрерывный шелестъ тополей производилъ на меня какое-то странное, удручающее впечатлѣніе. Я опять споткнулся и выругалъ про себя Жиля. Вдругъ до меня донесся какой-то шумъ, какъ будто за мной кто-то ѣхалъ верхомъ. Остановившись на дорогѣ, я сталъ прислушиваться.

Сначала мнѣ представилось, что люди не исполнили моего приказанія, но скоро я убѣдился, что звуки неслись спереди. Они были гораздо тяжелѣе, чѣмъ бряцаніе уздечекъ. Я ощупью двинулся дальше и, сдѣлавъ поворотъ, замѣтилъ сквозь темноту между тополями слабый красноватый свѣтъ. Мнѣ показалось страннымъ, что въ кузницѣ еще работаютъ.

Сдѣлавъ еще одинъ поворотъ, я очутился передъ кузницей и остановился въ изумленіи: работа въ ней была въ полномъ ходу. Я видѣлъ, какъ поднимались и опускались два молота, падая съ приглушеннымъ стукомъ на наковальню. Отблескъ огня падалъ на дорогу и лизалъ стоявшія противъ кузницы деревья.

Была уже полночь, и такое зрѣлище сильно удивило меня. Но тутъ я увидалъ нѣчто такое, что еще болѣе изумило меня и заставило остановиться. Около кузницы суетилась цѣлая толпа народа. Трудно пересчитать всѣ эти полуобнаженныя фигуры съ включенными волосами, да я и не пытался это сдѣлать. Нѣкоторые изъ нихъ были вооружены пиками и вилами, и видно было, какъ одинъ

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ дѣлилъ ихъ на группы и давалъ имъ указанія. Несмотря на стукъ молотовъ, всѣ двигались въ полной тишинѣ.

Я инстинктивно отошелъ на самый край дороги и сталъ смотрѣть дальше. Человѣкъ, бывшій, очевидно, ихъ предводителемъ, держалъ на плечахъ топоръ, широкое лезвіе котораго ярко поблескивало, когда онъ поворачивался бокомъ къ кузницѣ. Этотъ человѣкъ каждую секунду былъ въ движеніи. Онъ безпрестанно переходилъ отъ одной группы къ другой, жестикулируя и ободряя ихъ. Иногда онъ выбиралъ изъ группы какого-нибудь человѣка и толкалъ его въ другую. По временамъ онъ что-то говорилъ, чего я за дальностью разстоянія не могъ слышать. Не разъ онъ входилъ въ кузницу, закрывая своимъ огромнымъ туловищемъ просвѣтъ ея двери. То былъ кузнецъ Маленькій Жанъ.

Воспользовавшись тѣмъ, что при входѣ его въ кузницу на дорогѣ дѣлалось темнѣй, я прошмыгнулъ нѣсколько далѣе. Я понималъ, что творится передо мной; но мнѣ нужно было знать все подробнѣе. И вотъ, ползя въ канавѣ, я пробрался къ этому сборищу шаговъ на тридцать и замеръ. Я видѣлъ, какъ Маленькій Жанъ вышелъ изъ кузницы и сталъ раздавать новую партію оружія. Слышно было, какъ они безпрестанно повторяли имя Гаргуфа, управляющаго маркизы Сентъ-Алэ, отъ котораго много доставалось имъ. Теперь наступилъ часъ расплаты за прежніе грѣхи!

Какой-то человѣкъ вдругъ зажегъ факелъ и закричалъ:

— Къ замку! къ замку!

Этотъ крикъ сразу перемѣнилъ волновавшія меня чувства. Первымъ моимъ побужденіемъ было броситься впередъ на свѣтъ и образумить ихъ, заставить ихъ угрозами или обѣщаніями отказаться отъ ихъ намѣренія. Но въ тотъ же самый моментъ благоразуміе подсказало мнѣ все безразсудство такой попытки. Передо мной были уже не крестьяне, не терпѣливые мужики, какими я зналъ ихъ до сихъ поръ, а взбѣсившіеся звѣри.

Я поползъ обратно и, выбравшись подальше на дорогу, побѣжалъ назадъ, не обращая вниманія ни на рытвины, ни на темноту. Добѣжалъ я до своихъ слугъ совершенно запыхавшись и едва могъ сказать имъ, что они должны дѣлать.

— Въ деревнѣ возстаніе! Они хотятъ напасть на замокъ, а тамъ находится мадемуазель. Жиль, скачи галопомъ въ Кагоръ и предупреди маркиза. А ты, Андрэ, скачи въ Со и разскажи все отцу Бенедикту. Скажи, чтобы онъ велъ сюда всѣхъ, кого можно.

Оба слуги смотрѣли на меня во всѣ глаза, открывъ отъ изумленія ротъ.

— А какъ же лошадь?—спросилъ Жиль.

— Скачи немедленно! До лошади ли теперь? Замокъ...

— А какъ же вы сами?

Библиотека "Руниверс"

— Я вернусь домой садовой тропинкой. Сто ливровъ каждому, если удастся спасти замокъ!—вскричалъ я.

Я сказалъ «замокъ», не рѣшаясь произнести то, что было у меня на умѣ. Я живо воображалъ себѣ эту одинокую беззащитную дѣвушку среди этихъ разъяренныхъ чудовищъ. Эта мысль о ней подгоняла меня: я бросился черезъ поле и черезъ секунду былъ уже у опушки парка. Съ этой стороны ограды не было, ее замѣнялъ рядъ кустовъ и деревьевъ.

Самый замокъ Сентъ-Алэ, выстроенный отцомъ теперешняго маркиза, представлялъ собою зданіе съ двумя флигелями, выходившее фасадомъ на дорогу и стоявшее отъ нея шагахъ въ ста. Отъ желѣзныхъ воротъ, которыя стояли всегда открытыми, вела къ главному подъѣзду широкая, пыльная аллея.

Бунтовщикамъ было недалеко итти: не было ничего такого, что могло бы задержать ихъ на пути. Я содрогался при мысли, какъ беззащитенъ замокъ и какъ бунтовщики, вломившись въ главный подъѣздъ, быстро наводнятъ собою парадную лѣстницу. Эта мысль придавала мнѣ быстроты. Спотыкаясь о кусты и корни, безпрестанно падая, покрытый потомъ и пылью, я все же летѣлъ впередъ.

Наконецъ мнѣ удалось добраться до парка съ его тѣнистыми аллеями и статуями нимфъ и фавновъ. Я оглянулся на деревню. Между деревьями мелькали красные огоньки, и доносился отдаленный шумъ голосовъ: они приближались! Я бросился бѣжать по ближайшей аллеѣ. Черезъ минуту я былъ уже на подъѣздѣ. Толкнувъ плечомъ дверь, я убѣдился, что отворить ее не такъ-то легко! Каждая секунда была дорога. Огоньки скрылись за угломъ замка, но воображеніе рисовало мнѣ, что бунтовщики подошли уже къ самому подъѣзду.

Я началъ изо всей силы колотить кулаками въ дверь. Тщетно вертѣлъ я въ рукахъ дверную ручку: дверь не открывалась. Въ безумномъ порывѣ я сталъ трясти ее и наконецъ, забывъ всякую осторожность, громко закричалъ.

Черезъ минуту, показавшуюся мнѣ вѣчностью, пока, задыхаясь, я стоялъ въ темнотѣ, за дверью послышались чьи-то шаги и подъ дверью мелькнула узкая полоска свѣта.

— Кто здѣсь?—спросилъ чей-то дрожащій голосъ.

— Виконтъ де-Со,—нетерпѣливо отвѣчалъ я.—Впустите меня скорѣе. Слышите!

И я опять принялся колотить въ дверь.

— Что случилось?—спросилъ опять тотъ же трепещущій голосъ.

— Деревня взбунтовалась! Они идутъ сюда поджечь замокъ. Отворяйте скорѣй, если не хотите заживо сгорѣть въ вашихъ постеляхъ!—кричалъ я.

Библиотека "Руниверс"

Поколебавшись съ секунду, слуга отперъ дверь. Въ одну минуту я вскочилъ въ узкія сѣни. Передо мной стоялъ съ подсвѣчникомъ старый лакей маркизовъ Сентъ-Алэ, котораго я не разъ видалъ въ передней. Подсвѣчникъ такъ и заходилъ въ его рукахъ, когда онъ увидалъ меня. Я быстро схватилъ запоръ и засунулъ его на прежнее мѣсто. Потомъ я взялъ у него подсвѣчникъ.

— Скорѣе!—закричалъ я. —Наверхъ! Наверхъ!

Онъ что-то хотѣлъ сказать мнѣ, но я не сталъ его дожидаться. Зная дорогу, я бросился впередъ. Споткнувшись раза три-четыре о лежавшіе на полу тюфяки служанокъ, я наконецъ добрался до входа во внутреннія комнаты. Въ обступившей меня со всѣхъ сторонъ темнотѣ моя свѣча свѣтила не болѣе ночника, но все же я успѣлъ убѣдиться, что дверь заперта. Потомъ я бросился опять внизъ. Едва я достигъ послѣдней ступеньки лѣстницы, какъ старый слуга, слѣдовавшій за мною, насколько позволяли ему его старыя ноги, сдѣлалъ какое-то неловкое движеніе и задѣлъ прялку, стоявшую у стѣны. Она упала съ грохотомъ, и чрезъ минуту послышался цѣлый хоръ испуганныхъ голосовъ. Шагая черезъ три ступеньки, я бросился опять наверхъ. Передо мной очутился старый лакей съ мальчикомъ, смотрѣвшіе на меня расширенными отъ ужаса глазами. Позади нихъ, прижавшись къ обитому коврами мѣсту для сидѣнія, тянувшемуся вдоль всей залы, стояли еще три или четыре женщины, кричавшія и прятавшія лицо въ одеждѣ другъ друга. Они даже не обращали на меня никакого вниманія, а только продолжали плакать и кричать.

Старикъ напрасно пытался заставить ихъ замолчать.

— Гдѣ Гаргуфъ?—спросилъ я его.

— Онъ пошелъ запереть заднюю дверь, сударь.

— А мадемуазель?

— Она тамъ.

Я оглянулся назадъ и замѣтилъ, что тяжелая занавѣсь, отдѣлявшая залу отъ коридора во внутреннія комнаты, колыхалась. Черезъ секунду изъ нея показалась сама мадемуазель съ дѣтскимъ, блѣднымъ отъ страха лицомъ, но, видимо, уже овладѣвшая собою. На ней было легкое платье, волосы были распущены. Въ темнотѣ, которую не могли разсѣять свѣчи, она сначала не замѣтила меня.

— Вернулся ли Гаргуфъ?—спросила она.

— Нѣтъ, но вотъ...—заговорилъ лакей, указывая на меня.

Увидя меня, она гнѣвно вскрикнула:

— Да позовите сюда Гаргуфа! Неужели никто не хочетъ повиноваться?

— Мадемуазель,—сказалъ я, выступая впередъ:—вы должны немедленно бѣжать черезъ парковыя ворота.

Она вздрогнула и пристально глядѣла на меня расширенными глазами.

Библиотека "Руниверс"

— Г. де Со! Вы здѣсь,—бормотала она.—Я не понимаю... Я думала...

— Въ деревнѣ возстаніе! Черезъ минуту бунтовщики будутъ здѣсь.

Глухой шумъ на дорогѣ становился съ каждой минутой все явственнѣе и зловѣщѣе. Женщины, слушавшія нашъ разговоръ съ блѣдными лицами, опять принялись кричать. Неосторожнымъ движеніемъ одна изъ нихъ уронила подсвѣчникъ. Старый слуга, сопровождавшій меня, принялся бранить ее.

— Неужели нельзя заставить этихъ дураковъ вести себя спокойно!—въ гнѣвѣ закричалъ я.—Никто васъ не тронетъ, не кричите, а вы, мадемуазель, должны сейчасъ же слѣдовать за мною. Нельзя терять ни одной минуты. Паркъ, черезъ который я проникъ...

— Развѣ необходимо бѣжать?—вдругъ спросила она такимъ тономъ, что я остановился въ изумленіи.—Развѣ нѣтъ какого-нибудь другого средства.

Шумъ все приближался.

— Сколько у васъ людей?—спросилъ я.

— А вотъ и Гаргуфъ!—быстро отвѣчала она.—Онъ вамъ все скажетъ.

Обернувшись, я увидѣлъ поднимавшагося по лѣстницѣ управляющаго. Лицо его было рѣшительно и угрюмо. Въ одной рукѣ онъ держалъ подсвѣчникъ, въ другой пистолетъ. Я спросилъ, сколько людей въ его распоряженіи.

— Вотъ всѣ,—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ онъ, дѣлая видъ, что мое присутствіе вовсе не удивляетъ его.

— Только?

— Было еще трое. Но двери оказались не запертыми, и они ушли.

— Мадемуазель должна сейчасъ же удалиться отсюда,— вскричалъ я.

— Какъ это сдѣлать?—равнодушно спросилъ онъ.

— Черезъ ворота въ паркъ.

— Но они уже тамъ. Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Я вскрикнулъ отъ отчаянія, и въ слѣдующій моментъ, какъ бы подтверждая его слова, раздался сильный ударъ въ парадную дверь, прокатившійся гулкимъ эхомъ по всему дому. Вслѣдъ за первымъ ударомъ послышался второй, третій.

— Мы должны спрятаться,—прошепталъ я мадемуазелль.

— Не надо.

— Тутъ должно же быть какое-нибудь мѣсто для этого,—продолжалъ я въ отчаяніи, не слушая ея отвѣта.—Вы...

— Я не желаю прятаться,—рѣзко отвѣчала она.

Ея лицо было блѣдно, какъ полотно, и только глаза горѣли яркимъ огонькомъ.

— Это наши люди, и я желаю говорить съ ними,—продолжала она, храбро двинувшись впередъ.—Если они осмѣлятся...

Библиотека "Руниверс"

— Она съ ума сошла!—воскликнулъ я.—Есть еще возможность спастись. Откройте окно!

Я уже хотѣлъ отдернуть занавѣску окна, какъ вдругъ передо мной очутился Гаргуфъ. Онъ схватилъ меня за руку и спросилъ:

— Что вы хотите дѣлать?

— Я хочу говорить съ ними изъ окна.

— Они не будутъ васъ слушать.

— Все-таки я хочу попробовать. Это что еще такое?

— Это два охотничьихъ ружья маркиза. Возьмите одно, а я возьму другое. Мы по крайней мѣрѣ не пустимъ ихъ на лѣстницу.

Я машинально взялъ одно изъ ружей. Дверь трещала отъ града ударовъ. Снаружи неслись дикія завыванія толпы. По крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго часа помощи ждать было неоткуда. Сердце у меня невольно упало, и я только дивился мужеству управляющаго.

— Неужели ты не боишься?—спрашивалъ я его.

Я зналъ, какъ онъ притѣснялъ крестьянъ и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ всячески злоупотреблялъ своей властью надъ ними.

— Ты останешься при мадемуазель?—продолжалъ я, чувствуя, какъ его присутствіе возвращаетъ мнѣ самообладаніе.

Онъ схватилъ меня за руку, словно желѣзными тисками, и я не разспрашивалъ его болѣе.

Черезъ минуту я вдругъ закричалъ:

— Они хотятъ поджечь домъ! Какой смыслъ намъ охранять лѣстницу, когда они хотятъ сжечь насъ, какъ мышей!

— Мы, по крайней мѣрѣ, умремъ вмѣстѣ,—промолвилъ онъ въ отвѣтъ, ткнувъ ногою одну изъ плакавшихъ женщинъ.—Тише ты, рева! Неужели ты думаешь, что слезы тебѣ помогутъ?

Я быстро подскочилъ къ окну и отдернулъ тяжелую занавѣсь. Въ комнату ворвался красноватый свѣтъ, заигравшій на потолкѣ. Я боялся, что дверь вотъ-вотъ слетитъ съ петель и будетъ уже поздно. Къ счастью, рама подалась очень быстро. Я отворилъ окно настежь и вскочилъ на подоконникъ, какъ разъ надъ дверью главнаго входа.

Прямо передъ нимъ горѣла большая голубятня, посылая къ небу длинные языки пламени. Дымъ пожара несло прямо на паркъ, и онъ былъ весь окутанъ ѣдкой гарью, сквозь которую мѣстами поблескивалъ огонь. На этомъ фонѣ виднѣлись черные силуэты бѣснующихся людей, подбрасывавшихъ въ огонь солому. За голубятней горѣлъ флигель и стогъ сѣна. Передъ подъѣздомъ дома переливалась волнами толпа людей: одни изъ нихъ били стекла въ окнахъ, другіе несли горючіе матеріалы,—и все это кричало шумѣло и, словно стая демоновъ, хохотало подъ трескъ пламени и звонъ разбиваемыхъ оконъ.

Библиотека "Руниверс"

Я видѣлъ, какъ Маленькій Жанъ сновалъ впереди, раздавая какія-то приказанія. Въ срединѣ толпы бѣсновалась какая-то полуголая женская фигура, размахивая головней. Она первая увидала меня и съ ругательствами показывала на меня пальцемъ.

VIII

Гаргуфъ.

Одни изъ нападавшихъ требовали молчанія, другіе тупо уставились на меня глазами. Большинство, впрочемъ, грозило мнѣ кулаками и осыпало меня ругательствами.

— Долой сеньоровъ! Долой тирановъ!—носилось въ воздухѣ.

Начало не предвѣщало ничего хорошаго. Чрезъ минуту толпа, замѣтивъ управляющаго или, быть можетъ, вспомнивъ о предметѣ своей ненависти, отъ котораго ее отвлекло мое появленіе, заревѣла снова:

— Гаргуфа! Гаргуфа!

Я невольно поблѣднѣлъ отъ этого крика.

— Гаргуфа! Подавайте намъ Гаргуфа! Мы ему покажемъ, какъ обижать нашихъ дочерей!

Дымъ стало оттягивать въ бокъ. Кто-то въ заднихъ рядахъ выстрѣлилъ въ меня; и я слышалъ, какъ разлетѣлось вдребезги стекло сзади меня. Другой, стоявшій ближе, пустилъ въ меня головней: она упала на подоконникъ и трещала около меня. Я сбросилъ ее ногой внизъ.

Это заставило толпу прекратить на минуту крикъ, и я воспользовался этимъ моментомъ.

— Эй, вы!—закричалъ я, стараясь покрыть своимъ голосомъ трескъ пламени.—Слушайте! Солдаты уже идутъ изъ Кагора. Уходите, пока они не явились сюда. Я заступлюсь за васъ. Если же вы останетесь тутъ и вздумаете буйствовать, васъ повѣсятъ всѣхъ до единаго!

Нѣсколько голосовъ отвѣтили мнѣ насмѣшками, крича, что солдаты съ ними заодно. Нѣкоторые утверждали, что дворянство уже уничтожено, а его имущества переданы имъ. Какой-то пьянница одинъ кричалъ съ особенной настойчивостью:

— Долой Бастилію! Долой Бастилію!

Я замахалъ рукой и закричалъ:

— Чего вы хотите?

— Правосудія!—кричали въ одномъ мѣстѣ.

— Мщенія!—вопили въ другомъ.

— Гаргуфа! Гаргуфа!—раздавалось громче всего.

— Перестаньте,—вдругъ закричалъ дикимъ, хриплымъ голосомъ Маленькій Жанъ.—Развѣ мы пришли сюда, чтобы орать

Библиотека "Руниверс"

зря? Сеньоръ, выдайте намъ Гаргуфа, и мы васъ отпустимъ! Въ противномъ случаѣ мы подожжемъ домъ!

— Каналья!—вскрикнулъ я.—У насъ есть ружья...

— И у мышей есть зубы, однако онѣ сгораютъ заживо.

И онъ съ торжествомъ махнулъ своимъ топоромъ въ ту сторону, гдѣ горѣлъ флигель.

— Мы дадимъ вамъ минуту на размышленіе. Выдайте намъ Гаргуфа, мы расправимся съ нимъ, какъ хотимъ. Остальные могутъ убираться.

— Всѣ?

— Всѣ.

— А что же вы думаете сдѣлать съ Гаргуфомъ?—снова спросилъ я, весь дрожа.

— Мы сожжемъ его заживо,—съ ругательствами закричалъ кузнецъ.

Меня бросило въ холодъ. Помощи изъ Кагора нечего было и ждать раньше часа-другого. Изъ Со ея не могло и быть. Дверь не могла долго выдерживать напоръ. Ихъ было разъ въ тридцать больше, чѣмъ насъ. Я не зналъ, на что рѣшиться.

— Даемъ одну минуту!—кричалъ снизу кузнецъ.—Одну минуту! Гаргуфа, или погибнете всѣ.

— Подождите!

Я отвернулся отъ этихъ бѣсноватыхъ фигуръ, отъ кружившихся надъ огнемъ голубей, спрыгнулъ съ подоконника и увидѣлъ другую сцену, не менѣе для меня ужасную. Комната, едва освѣщаемая двумя свѣчами, была полна красноватымъ свѣтомъ. Женщины уже перестали плакать и молча сбились въ ужасѣ въ кучу. Старикъ-лакей закрылъ лицо руками и робко посматривалъ между пальцами. Одна мадемуазель, блѣдная, какъ смерть, стояла спокойно. Она, очевидно, слышала наши переговоры.

— Вы дали имъ отвѣтъ?—тихо спросила она, встрѣтившись со мною глазами.

— Нѣтъ. Они дали намъ минуту на размышленіе и...

— Дайте имъ отвѣтъ,—промолвила она, содрогаясь.—Скажите, что этого никогда не будетъ! Никогда! Только скорѣй! Иначе они подумаютъ, что мы колеблемся.

Я не зналъ, на что рѣшиться. Въ концѣ концовъ что такое жизнь какого-нибудь канальи въ сравненіи съ ея жизнью.

— Мадемуазель,—заговорилъ я, стараясь не глядѣть на нее:—можетъ быть, вы не подумали хорошенько. Отказать имъ вѣдь это значитъ обречь насъ всѣхъ на гибель и въ то же время не спасти его самого!

— Я подумала!—отвѣчала она съ рѣшительнымъ жестомъ.—Онъ служилъ моему отцу, а теперь служитъ моему брату. Если онъ и погрѣшилъ въ чемъ-нибудь, то ради нихъ. Но вѣдь до этого,

Библиотека "Руниверс"

можетъ быть, и не дойдетъ,—продолжала она, стараясь заглянуть мнѣ въ глаза.—Они не посмѣютъ...

— Гдѣ онъ?—хрипло перебилъ я.

Она указала въ уголъ комнаты. Я не узнавалъ теперь Гаргуфа. Я оставилъ его въ припадкѣ храбрости отчаянія, готовымъ дорого продать свою жизнь. Теперь онъ лежалъ, скорчившись, въ углу. Хотя я говорилъ о немъ вполголоса и не называлъ его по имени, онъ, видимо, слышалъ все. Его блѣдное лицо исказилось отъ страха. Онъ пытался что-то сказать, но его губы шевелились, не издавая звука.

Такого рода страхъ дѣйствуетъ заразительно. Я подскочилъ къ нему въ бѣшенствѣ и схватилъ его за воротъ.

— Вставай, каналья!—закричалъ я.—Вставай и защищай свою жизнь.

— Да, да, я буду защищать мадемуазель,—зашепталъ онъ, поднимаясь.—Я...

Я слышалъ какъ стучали у него зубы. Глаза его безцѣльно блуждали по сторонамъ, словно у зайца, котораго вотъ-вотъ нагонитъ собака. Я понималъ, что ждать отъ него нечего. Ревъ толпы показывалъ, что срокъ, данный мнѣ на размышленіе, истекъ. Я оттолкнулъ отъ себя Гаргуфа и снова бросился къ окну.

Было, однако, уже поздно. Раздался такой сильный ударъ въ дверь, что запрыгали подсвѣчники. Женщины начали кричать. Въ окно влетѣлъ большой камень, за нимъ другой, третій. Со звономъ посыпались разбитыя стекла. Отъ дуновенія холоднаго воздуха одна свѣча потухла. Обезумѣвъ отъ страха, женщины съ крикомъ бѣгали изъ одной комнаты въ другую.

Всѣ эти крики, завываніе толпы, отблескъ пожара, общая паника, все это сильно подѣйствовало на меня, и я стоялъ, озираясь и не зная, что предпринять.

Кто-то слегка дотронулся до моей руки. Я повернулся и увидѣлъ передъ собой мадемуазель, которая пристально всматривалась снизу въ мое лицо.

Она была блѣдна, какъ смерть.

— Спасите меня!—шептала она, прижимаясь ко мнѣ.—Неужели ничего нельзя сдѣлать? Неужели мы должны погибнуть?

— Мы должны выиграть время. Не все еще потеряно. Я попробую вступить съ ними въ переговоры,—говорилъ я, чувствуя, какъ отъ ея прикосновенія мужество возвращается ко мнѣ.

Я подбѣжалъ къ окну и вскочилъ на подоконникъ. На первый взглядъ снаружи все оставалось попрежнему. Но, приглядѣвшись внимательно, не трудно было замѣтить, что бунтовщики уже не двигались то туда, то сюда, а густой массой столпились всѣ внизу противъ входныхъ дверей, очевидно, въ ожиданіи, когда онѣ будутъ взломаны. Я испустилъ отчаянный крикъ, надѣясь удержать

Библиотека "Руниверс"

ихъ отъ этой попытки. Но въ общемъ шумѣ меня не было даже слышно.

Пока я кричалъ и старался привлечь на себя ихъ вниманіе, двери наконецъ рухнули, и толпа съ торжествующимъ крикомъ вломилась въ замокъ.

Нельзя было терять ни минуты. Я спрыгнулъ съ подоконника и остановился въ недоумѣніи: около меня никого не было. Слышно было, какъ толпа стучала ногами по вестибюлю, черезъ секунду-двѣ она уже бросится на насъ! Куда же исчезли мадемуазель, Гаргуфъ, плакавшія женщины, которыя только что были здѣсь?

Вдругъ я услышалъ что-то вродѣ стона. Стонъ доносился, повидимому, съ правой стороны. Я бросился къ двери, которая вела во флигель, и отворилъ ее.

Едва я успѣлъ закрыть ее за собой, какъ появились передніе бунтовщики. Я быстро заперъ дверь на ключъ, который, къ счастью, оказался въ замкѣ, и пустился бѣгомъ черезъ цѣлый рядъ комнатъ, которыя оказались передо мной.

Въ послѣдней изъ нихъ я нашелъ нашихъ бѣглецовъ. Они скрылись съ такою поспѣшностью, что даже не подумали запереть за собою дверь. Послѣдней комнатой былъ будуаръ самой маркизы,отдѣланный бѣлымъ шелкомъ и золотомъ. Здѣсь несчастные укрылись за высокими спинками золоченыхъ креселъ. У нихъ была всего одна свѣчка, и свѣтъ, падавшій отъ нея на разныя украшавшія будуаръ бездѣлушки, придавалъ какое-то особенное выраженіе ихъ блѣднымъ лицамъ, почти обезумѣвшимъ отъ страха.

Мадемуазель стояла впереди всей этой толпы. Она первая узнала меня и старалась успокоить своихъ спутниковъ. Я спросилъ, самъ не узнавая своего голоса, гдѣ Гаргуфъ.

Оказалось, что они сами не знали, куда онъ дѣвался.

— Но вѣдь вы бѣжали за нимъ?

— Да, сударь.

Это не объясняло отсутствія Гаргуфа. Впрочемъ, не все ли равно, куда онъ спрятался: вѣдь помощи отъ него было немного.

Я съ отчаяніемъ оглядѣлся. У меня было ружье, одного я могъ уложить на мѣстѣ, но какая отъ этого польза? Минуты черезъ двѣ мятежники неминуемо сломаютъ дверь, и вся эта дикая орда бросится на насъ...

— А, лѣстница изъ чулана! Онъ убѣжалъ по лѣстницѣ изъ чулана!—закричалъ бывшій въ группѣ бѣглецовъ мальчикъ—единственное существо, не растерявшееся въ эти страшныя минуты.

— Гдѣ эта лѣстница?—спросилъ я.

Мальчикъ бросился было ко мнѣ, но мадемуазель опередила его: со свѣчой въ рукѣ она бросилась въ коридоръ, отдѣлявшій будуаръ отъ ряда другихъ комнатъ. Въ стѣнѣ коридора стояла раскрытая настежь дверь. Это, очевидно, и былъ чуланъ. Я загля-

Библиотека "Руниверс"

нулъ въ него и увидѣлъ темную лѣстницу. Сердце мое подпрыгнуло отъ радости.

— Что тамъ наверху?

— Крыша.

— Наверхъ, скорѣе наверхъ!—закричалъ я.—Скорѣе, они уже приближаются.

Я слышалъ, какъ трещала запертая мною за собой дверь. Они старались выломать ее, и это могло произойти во всякую минуту. Слышны были хриплые голоса и ругательства. Но всѣ были уже на крышѣ. Я быстро заперъ за собой дверь изъ чулана, въ которомъ сильно пахло мышами, и ощупью полѣзъ наверхъ.На поворотѣ лѣстницы темнота разсѣялась, и скоро я вылѣзъ на крышу.

Зарево горящаго внизу дома ярко отражалось на большой трубѣ, стоявшей сзади насъ, и играло на небѣ; на листьяхъ каштановъ, поднимавшихся верхушкой до самой крыши, также лежалъ красноватый отблескъ пожара.

Остальная часть крыши и желоба тонули въ темнотѣ, казавшейся по контрасту съ освѣщенными мѣстами еще гуще. Густой дымъ цѣлыми струями валилъ снизу и временами совершенно скрывалъ насъ изъ виду. Шумъ бушевавшей внизу толпы доносился сюда довольно глухо. Ночной вѣтерокъ холодомъ пахнулъ намъ въ лицо, и у меня была теперь минута-другая, чтобы осмотрѣться и собраться съ мыслями.

— Есть еще лѣстница на крышу?—не безъ страха спросилъ я.

— Есть.

— Гдѣ? Впрочемъ, стой здѣсь и охраняй эту лѣстницу,—сказалъ я, передавая ружье слугѣ.—Пусть со мной пойдетъ и покажетъ мнѣ дорогу мальчикъ.

Мальчикъ побѣжалъ впередъ и на гребнѣ между двумя скатами крыши показалъ мнѣ второй ходъ. Запереть его было нечѣмъ, и я не зналъ, что предпринять. Къ счастью, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда лежала груда кирпичей, оставшаяся здѣсь, повидимому, послѣ ремонта трубы. Я быстро перетащилъ ихъ къ входу. Въ одну минуту мы наложили на дверь хода больше сотни кирпичей. Поручивъ мальчику перетащить сюда еще сотню, я бѣгомъ вернулся къ женщинамъ.

Бунтовщики могли поджечь домъ, и намъ было бы невозможно спастись отъ мучительной смерти. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно было хоть дышать. Внизу, въ будуарѣ маркизы, среди шелковыхъ подушекъ и тяжелаго аромата духовъ, мнѣ было не по себѣ. Къ тому же замокъ былъ довольно длиненъ, и пламя не могло бы охватить все зданіе разомъ. А тѣмъ временемъ могла подойти помощь.

Я приложилъ руку къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ свѣта снизу, и жадно всматривался въ темноту по направленію къ

Библиотека "Руниверс"

Кагорской дорогѣ. Черезъ часъ, навѣрно, подоспѣетъ помощь. Зарево видно за нѣсколько миль отсюда, оно будетъ подгонять нашихъ спасителей. Подоспѣетъ на помощь и отецъ Бенедиктъ. Не все еще было потеряно.

Мы стояли, сбившись въ одну кучу, стараясь ободрить плачущихъ женщинъ.

— А гдѣ Гаргуфъ?—вдругъ прошепталъ старикъ-лакей.

— А, я и забылъ про него!—воскликнулъ я.

— Онъ влѣзъ сюда,—продолжалъ старикъ, осматриваясь вокругъ.

— Куда же онъ дѣвался, однако?

Крыши, какъ я уже сказалъ, не видно было въ темнотѣ. Кромѣ того, вся она была усѣяна трубами, и Гаргуфъ могъ быть гдѣ-нибудь около насъ. А, можетъ быть, онъ въ отчаяніи уже бросился внизъ.

Пока я старался разыскать Гаргуфа, прибѣжалъ опрометью мальчикъ, котораго я оставилъ переносить кирпичи.

— Тамъ кто-то сидитъ!—вскрикнулъ онъ, плотно прижимаясь къ старому лакею.

— Это, должно быть, Гаргуфъ,—отвѣчалъ я.—Подожди здѣсь.

И, невзирая на вопли женщинъ, умолявшихъ меня остаться съ ними, я побѣжалъ ко второму ходу на крышу, тщетно стараясь разглядѣть что-нибудь въ темнотѣ. Вдругъ до меня донесся какой-то шорохъ. Кто-то копошился на самомъ краю крыши. Я сталъ осторожно продвигаться впередъ, не зная, что меня ожидаетъ. За одной изъ трубъ оказался Гаргуфъ.

Онъ прижался въ самой темной части крыши, тамъ, гдѣ стѣна восточнаго флигеля выходила въ паркъ, черезъ который я сюда прибѣжалъ.

Паркъ былъ объятъ мракомъ и только можно было разглядѣть уголъ зданія, стоявшаго между нимъ и горящимъ домомъ. Сначала я предположилъ, что Гаргуфъ забрался сюда, чтобы спрятаться въ темнотѣ. Я думалъ, что онъ не видитъ меня, но, когда я вздумалъ было приблизиться къ нему, онъ всталъ съ колѣнъ и зарычалъ на меня, какъ собака.

— Назадъ!—закричалъ онъ какимъ-то нечеловѣческимъ голосомъ.—Назадъ или я.....

— Послушай, вѣдь это я, виконтъ де-Со!—заговорилъ я самымъ спокойнымъ образомъ, думая, что онъ не узналъ меня отъ страха.

— Назадъ!—опять закричалъ онъ и такъ прильнулъ къ крышѣ, что я никакъ не могъ разглядѣть его.—Назадъ,—повторилъ онъ, цѣлясь въ меня изъ пистолета:—дайте мнѣ одну минуту! Я не хочу умирать одинъ! Назадъ!

— Да ты съ ума сошелъ!—вскрикнулъ я.

— Назадъ, или я буду стрѣлять. Я не хочу умирать одинъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ поднялся на колѣни и цѣпляясь лѣвой рукой за трубу, держался на самомъ краю крыши. Вступить съ нимъ въ борьбу значило итти на вѣрную смерть... Пришлось отодвинуться назадъ, но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ онъ отцѣпился отъ трубы и полетѣлъ внизъ!

У меня захватило духъ. Но напрасно я прислушивался, никакого паденія не было слышно. Вдругъ у меня блеснула спасительная мысль: я бросился къ тому мѣсту, гдѣ былъ Гаргуфъ,и заглянулъ внизъ.

Гаргуфъ висѣлъ въ воздухѣ, футахъ въ двѣнадцати ниже меня. Медленно и осторожно онъ порывался спуститься внизъ. Я инстинктивно ощупалъ крышу вокругъ меня, и скоро попалъ рукою на веревку, на которой онъ висѣлъ. Она была завязана за трубу. Онъ, очевидно, припасъ эту веревку заранѣе и, какъ всякій трусъ, скрывалъ отъ всѣхъ свой планъ спасенія, чтобы не уступить первой очереди мадемуазель и другимъ женщинамъ.

Въ порывѣ негодованія я сначала хотѣлъ было обрѣзать веревку, но, къ счастью, скоро сообразилъ, что если ему удастся спастись, то этотъ путь можетъ пригодиться и для другихъ.

Пока я соображалъ, внизу въ паркѣ вдругъ вспыхнулъ яркій свѣтъ, и человѣкъ двадцать мятежниковъ бросились къ дверямъ, черезъ которыя я вошелъ въ замокъ.

Гаргуфъ, до половины уже спустившійся, замеръ и пересталъ двигаться. При свѣтѣ факеловъ, которые несли съ собой бунтовщики, можно было видѣть каждый узелъ веревки и ея конецъ, волочившійся по землѣ при каждомъ движеніи Гаргуфа. Направляясь ко входу въ замокъ, негодяи должны были пройти въ двухъ шагахъ отъ веревки и ея вздрагивавшаго конца. Можно было предположить, что, ослѣпленные яркимъ свѣтомъ факеловъ, они въ своемъ возбужденіи могли и не замѣтить веревки. У меня захватило дыханіе, когда передній изъ шайки поравнялся съ нею: мнѣ показалось, что онъ замѣтилъ ее. Къ счастью, онъ прошелъ мимо и вошелъ въ подъѣздъ. За нимъ послѣдовали и другіе. У меня отлегло отъ сердца. Оставалась одна женщина, та самая, которая осыпала меня ругательствами, когда я появился въ окнѣ. Она бѣжала, торопясь нагнать другихъ и можно было думать, что она не замѣтитъ веревки. Факелъ она держала въ правой рукѣ, такъ что свѣтъ приходился между нею и веревкой. Къ тому же она, какъ сумасшедшая, размахивала факеломъ, танцуя и приглашая мужчинъ скорѣе разграбить замокъ.

Вдругъ она остановилась какъ разъ противъ веревки, словно присутствіе человѣка, сдѣлавшаго ей такъ много зла, имѣло на нее какое-то особенное вліяніе. Я видѣлъ, какъ, стоя на порогѣ, она медленно повернула голову и, отдаливъ факелъ въ сторону,

Библиотека "Руниверс"

подняла голову и стала смотрѣть вверхъ. Черезъ секунду она увидѣла Гаргуфа!

Съ радостнымъ крикомъ мегера бросилась къ концу веревки и стала тянуть ее къ себѣ, какъ будто такимъ путемъ она могла скорѣе овладѣть несчастнымъ управляющимъ. Мужчины, уже вошедшіе было въ домъ, услышали ея хохотъ и вышли наружу. Стоя на колѣняхъ на самомъ краю крыши, я дрожалъ всѣми членами, встрѣчаясь съ волчьими взглядами этихъ устремленныхъ вверхъ глазъ. Что же чувствовалъ въ это время человѣкъ, поплатившійся за свой эгоизмъ и висѣвшій безпомощно между небомъ и землей.

Онъ началъ проворно взбираться опять наверхъ и поднялся уже футовъ на двѣнадцать, но вдругъ силы измѣнили ему. Никакіе человѣческіе мускулы не выдержали бы такой работы. Онъ хотѣлъ было добраться до слѣдующаго узла, но не могъ.

— Тяните меня кверху!—прохрипѣлъ онъ едва слышнымъ голосомъ.—Ради самого Бога!

Но бунтовщики уже схватились за конецъ веревки, и втащить его наверхъ не было никакой возможности, если бы у меня и хватило силы для этого. Я крикнулъ ему, чтобы онъ поднимался самъ, если хочетъ спасти свою жизнь. Черезъ минуту будетъ уже поздно.

Онъ понялъ, съ усиліемъ добрался до ближайшаго узла и повисъ. Потомъ онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и добрался до второго. Я слышалъ, какъ трещали его мускулы и тяжело дышала грудь. Оставалось преодолѣть еще три узла, и онъ будетъ на крышѣ.

Вдругъ онъ поднялъ голову и устремилъ на меня свой взоръ. Силы его, очевидно, изсякли, и въ глазахъ виднѣлось полное отчаяніе. Мятежники схватили веревку и съ хохотомъ принялись раскачивать ее во всѣ стороны. Руки его ослабѣли, и онъ со стономъ спустился на два или на три узла. Потомъ онъ опять уцѣпился на веревку и замолкъ.

Между тѣмъ внизу собралась цѣлая толпа. Всѣ выли и прыгали, словно собаки, дожидающіяся лакомой пищи.

Я не могъ видѣть лица Гаргуфа, но отъ этого ужаснаго зрѣлища кровь стыла у меня въ жилахъ. Я поднялся и, съ ужасомъ ожидая, что вотъ-вотъ онъ упадетъ внизъ, пошелъ прочь отъ края крыши. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ рѣзкій красноватый отблескъ ударилъ мнѣ въ глаза, и раздался громкій выстрѣлъ. Тѣло управляющаго кулькомъ упало внизъ, а около того мѣста, гдѣ онъ висѣлъ, вилось легкое облачко дыма.

Гаргуфъ избѣгъ мести своихъ враговъ.

Библиотека "Руниверс"

IX.

Трехцвѣтный бантъ.

Впослѣдствіи мы узнали, что бунтовщики набросились на трупъ Гаргуфа и растерзали его, какъ дикія собаки. Но тогда съ меня было довольно и того, что я видѣлъ.

Нѣсколько минутъ я держался за трубу, дрожа, какъ женщина, и едва не падая въ обморокъ. Страшную драму видѣлъ только одинъ зритель—я, и это одиночество, холодный вѣтеръ наверху и свалка внизу потрясли меня до глубины души. Если бы бунтовщики напали на меня въ эту минуту, я не могъ бы пальцемъ шевельнуть. Къ счастью, отрезвленіе пришло быстро и съ той стороны, съ которой я всего менѣе могъ ожидать.

Сзади меня послышались чьи-то шаги, и чья-то рука легла мнѣ на плечо. То была маркиза де-Сентъ-Алэ.

— Вы вернетесь къ намъ?—спросила она, вопросительно поворачивая ко мнѣ свое лицо, казавшееся въ темнотѣ сѣрымъ.

Я оторвался отъ трубы.

Мнѣ стало стыдно, что въ припадкѣ малодушія я совсѣмъ забылъ о ней.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Домъ горитъ.

Она сказала это такъ спокойно, что сначала я не повѣрилъ ей, хотя и зналъ, что это должно было случиться.

— Что такое? Какъ горитъ?—глупо спрашивалъ я.

— Да, горитъ,—такъ же спокойно пояснила она.—Дымъ поднимается по чуланной лѣстницѣ. Повидимому, они подожгли восточный флигель.

Я бросился съ нею къ лѣстницѣ: черезъ щели двери, ведущей на крышу, вился легкій дымокъ, едва замѣтный въ темнотѣ. Женщины уже бѣжали съ этого мѣста и около струйки дыма, которая становилась все замѣтнѣе и гуще, остались только я да мадемуазель.

Когда я впервые влѣзъ на крышу, мнѣ казалось, что я смѣло встрѣчу эту опасность. Казалось, что хуже всего было попасться въ руки мятежниковъ вмѣстѣ съ женщинами въ этихъ роскошныхъ аппартаментахъ, гдѣ такъ сильно пахло розовой пудрой и жасминными духами.

Но теперь угрожавшая намъ опасность казалась еще ужаснѣе.

— Мы должны скорѣе убрать кирпичи и открыть дверь,—закричалъ я.—Скорѣе открывайте дверь!

— Они уже открываютъ,—отвѣчала мадемуазель.

И дѣйствительно, всѣ, кто былъ на крышѣ, сгруппировались

Библиотека "Руниверс"

около второго хода на крышу, разбрасывая кирпичи, которыми мы завалили его.

— Мадемуазель, идите скорѣе,—кричалъ я.—Негодяи внизу, по всей вѣроятности, занялись грабежомъ, и мы успѣемъ спастись. Ничего другого намъ не остается.

Въ темнотѣ и въ распространявшемся дыму уже въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было видѣть ничего. Я сталъ шарить вокругъ себя руками и нашелъ ее около трубы. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками. Волосы ея распустились и почти закрыли ей лицо.

— Мадемуазель,—не безъ раздраженія крикнулъ я, находя, что теперь не время молиться:—нельзя терять ни одной минуты. Идемъ! Ходъ открытъ!

Она какъ-то странно взглянула на меня. Ея лицо было такъ блѣдно, что весь мой гнѣвъ сразу испарился.

— Я не пойду отсюда,—промолвила она.—Прощайте!

— Не пойдете?—воскликнулъ я въ ужасѣ.

— Не пойду. Спасайтесь сами,—твердо и спокойно добавила она.

Я почти задыхался.

— Послушайте,—закричалъ я, пристально глядя на эту бѣлѣвшую въ темнотѣ фигуру:—послушайте, вы не понимаете, что вы дѣлаете! Оставаться здѣсь значитъ погибнуть, погибнуть навѣрное. Домъ подъ нами горитъ. Сначала рухнетъ крыша, на которой мы стоимъ, потомъ...

— Это лучше,—промолвила она, обращая лицо къ небу съ чисто женской величавостью.—Это лучше, чѣмъ попасть въ ихъ руки. Я—Сентъ-Алэ и сумѣю умереть съ честью. Спасайтесь сами. Идите, а я буду молиться за васъ.

— Въ такомъ случаѣ, я остаюсь здѣсь,—отвѣчалъ я, недолго думая.

Что-то дрогнуло въ ея лицѣ. Она медленно поднялась съ колѣнъ. Слуги уже бѣжали, ходъ былъ открытъ и свободенъ. Въ одну минуту я схватилъ ее въ свои объятія и понесъ къ лѣстницѣ—она была не тяжелѣе ребенка. Сначала она слабо вскрикнула и попробовала бороться со мной, но я только крѣпче держалъ ее и продолжалъ бѣжать. Въ открытомъ люкѣ виднѣлась лѣстница, и я кое-какъ, все еще не выпуская ее изъ рукъ, спустился по ней внизъ и очутился въ какомъ-то совершенно темномъ коридорѣ. Въ одномъ мѣстѣ, въ концѣ его, виднѣлся, впрочемъ, какой-то свѣтъ.

Я бросился туда. Ея волосы били мнѣ прямо въ лицо. Она уже не сопротивлялась болѣе, и черезъ секунду я добѣжалъ до какой-то новой лѣстницы. То была узкая и крутая лѣстница, не крашеная и не совсѣмъ чистая и, очевидно, предназначавшаяся для слугъ. Здѣсь не было еще никакихъ признаковъ пожара, и даже дымъ не

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинихъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮНѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Философія, психологія, логика.

ДЕБОРИНЪ, А. Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Ц. 3 р.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Зачѣмъ воскресъ? Религіозная личность и общественность. Ц. 40 к.

ЭКЗЕМПЛЯСКІЙ, В. Христіанское юродство и христіанская сила. Кіевъ. 1916. Ц. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

ЕФИМОВЪ, Н. Вѣчный рыцарь. Памяти Сервантеса. Юрьевъ. 1916 . Ц. 75 к.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

БЛОКЪ, А. Театръ. М. 1916. Ц. 2 р.

— Стихотворенія. Кн. 1-я. Ц 1 р. 75 к.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ, обработанная сатириконцами. Ц. 1 р. 50 к.

ГВИДО-ДЕ-ВЕРОНА. Жизнь начинается завтра! Романъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДМИТРІЕВА, В. Повѣсти и разсказы. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.

ЖАНЪ-ДЕ-БОШЕРЪ. Въ царствѣ грезъ и символовъ. Поэмы въ прозѣ. М. 1916. 1916. Ц. 3 р.

ЗЕМЛЯ. Сборникъ 18-й. М. Арцыбашевъ. Раба и др. разсказы. Ц. 2 р.

ЗИМНІЙ БАЛАГАНЪ. Шаржи нашихъ дней. 1916. Ц. 15 к.

ИЗГНАННИКЪ. На пирѣ земли. Разсказы и пѣсни. Ц. 1 р. 50 к.

КОПЫТКИНЪ, С. Струны народныя. Пѣсни о войнѣ. Ц. 80 к.

КОСТОМАРОВА, А. Стихотворенія. Ц. 1 р.

КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Томъ VII. Зыбь жизни. Ц. 2 р. 25 к.

МИРТОВЪ, О. Мертвая зыбь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

МОРОЗОВЪ, Н. На войнѣ. Разсказы и размышленія. Ц. 1 р. 50 к.

НАГРОДСКАЯ, Е. Аня. Разсказы. Изд. 6. Ц. 1 р. 35 к.

— Борьба микробовъ. Изд. 5. Ц. 1 р. 35 к.

НОВИКОВЪ, И. Золотые кресты. Романъ. М. Ц. 1 р. 80 к.

НОВИКОВЪ, И. Изъ жизни духа. Романъ. Ц. 1 р. 80 к.

ОПОЧИНИНЪ, В. Вѣкъ нынѣшній. Книга разсказовъ. Ц. 2 р.

Библиотека "Руниверс"

РУДЕНКОВЪ, И. Разсказы и сценки. Изд. 2. Ц. 1 р. 25 к.

САНЖАРЬ, Н. По своему. Драма. М. 1916. Ц. 75 к.

СБОРНИКЪ армянской литературы, подъ редакціей М. Горькаго. Ц. 2 р.

СМОЛЬЯНИНОВЪ, И. Защитный цвѣтъ. Военные разсказы. Ц. 2 р.

ТОЛСТОЙ, Л. Хаджи-Муратъ. Худож. иллюстрирован. изданіе. Ц. 25 р.

ТЫРКОВА, С. Семь разсказовъ. Ц. 1 р. 75 к.

ЧИРИКОВЪ, К. Успокоеніе. Замѣтки провинціала. Ц. 1 р. 50 к.

История, біографія и археологія.

ВЕСЕЛОВСКІЙ, С. Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства. Т. 2. М. 1916. Ц. 5 р.

ВИШНЯКОВЪ, В. Опытъ примѣненія принциповъ православія къ историческимъ изслѣдованіямъ. Рукопись XVII вѣка: повѣсть о проявленіи честныхъ мощей святаго Симеона новаго Чудотворца. Ц. 1 р.

— Императоръ Павелъ Первый. Ц. 25 к.

САРСЕ, Ф. Франко-прусская война. Ц. 1 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

БАГОТЪ, Р. Современные итальянцы. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р.

БАТИЦКІЙ, В. Объ организаціи вагоннаго хозяйства на желѣзныхъ дорогахъ. Х. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

ВИНОГРАДОВЪ, М. Потребленіе водки въ Россіи и урожай. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕРНЕТЪ, М. Уставъ уголовнаго судопроизводства. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.

ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, В. Деньги. Ц. 2 р. 50 к.

ЗВѢРСТВА ПРОТИВНИКА въ очеркахъ и фотографическихъ документахъ. Альбомъ. Ц. 15 к.

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ рядового обывателя въ области сельскаго хозяйства. Кіевъ. 1916. Ц. 15 к.

ИСТОМИНЪ, В. Великая война, ея особенности и значеніе. М. 1915. Ц. 40 к.

КАУФМАНЪ, А. Учетъ сельскохозяйственныхъ силъ. Къ предстоящей всероссійской сельскохозяйственной переписи. Ц. 60 к.

КОЛОМІЙЦОВЪ, Н. Чайная міровая торговля и вопросъ о казенной чайной монополіи въ Россіи. М. 1916. Ц. 3 р.

МОГИЛЯНСКІЙ, М. О культурномъ творчествѣ. Украинская проблема. Ц. 20 к.

ПЛЕХАНОВЪ, Г. Дневникъ соціалъ-демократа. № 1. 1916. Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ статистическихъ свѣдѣній о заведеніяхъ закрытаго призрѣнія дѣтей, въ томъ числѣ сиротъ сельскаго населенія. Ц. 3 р.

СИМОЛИНЪ, А. Вліяніе момента безвозмездности въ гражданскомъ правѣ. Казань. 1916. Ц. 3 р.

ТРУДЫ харьковскаго съѣзда представителей городовъ по борьбѣ съ дороговизной топлива. Х. Ц. 1 р. 50 к.

ЯРОЦКІЙ, В. Курсъ лекцій политической экономіи. Вып. I. Ц. 3 р.

Искусство.

ВИНОГРАДОВЪ, Д. Постановка дыханія и голоса въ честь знаменитаго артиста Ѳ. И. Шаляпина. В. I. Москва. Ц. 20 к.

КРИТИКА о Качаловѣ. Статьи. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ТРУБЕЦКОЙ, Е. Два міра въ древнерусской иконописи. Ц. 30 к.

ЩИЛКИНЪ, Д. Искусство и мистика. Друзьямъ А. Н. Скрябина. Ц. 40 к.

Естествознаніе и математика.

БОГОМОЛОВЪ, С. Аксіома непрерывности, какъ основаніе для опредѣленія длины окружности, площади круга, поверхностей и объемовъ круглыхъ тѣлъ. Ц. 20 к.

БЮЛЛЕТЕНЬ русской химической литературы. М. 1916. Ц. 50 к.

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Законы природы. Опытъ общедоступнаго изложенія основныхъ началъ современнаго научнаго міропониманія. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

КИСЕЛЕВЪ, А. О тѣхъ вопросахъ элементарной геометріи, которые рѣшаются обыкновенно помощью предѣловъ. Ц. 20 к.

КРЫЛОВЪ, А. Ученіе о предѣлахъ, какъ оно изложено у Ньютона. Ц. 20 к.

НЕКРАСОВЪ, П. Принципъ эквивалентности величинъ въ теоріи предѣловъ и послѣдовательномъ приближенномъ исчисленіи. Ц. 25 к.

УСПЕНСКІЙ, Я. Изложеніе геометрическихъ способовъ приближ. вычисленія отношеній окружности къ діаметру. Ц. 15 к.

ХУДЕНКО, А. Новая теорія міровданія. Одесса. Ц. 75 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

СЕРЕДОНИНЪ, С. Историческая географія. Ц. 2 р. 50 к.

ШЕРГИНЪ, И. Въ сѣверныхъ трущобахъ. Ц. 50 к.

— Въ сѣверныхъ захолустьяхъ. Ц. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, В. Организація и техника коммерческаго банка. Ц. 3 р.

— Теорія и практика коммерческаго банка. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ДУРОВЪ, А. Отопленіе и вентиляція. М. 1916. Ц. 3 р.

КРУГЛОВЪ, Н. Телефонія. Ц. 1 р. 25 к.

ЛУПИЛИНЪ, С. Зажиганіе въ современныхъ автомобильныхъ двигателяхъ. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к.

НОВЫЯ идеи въ техникѣ. № 2. Утилизація тепла въ современныхъ силовыхъ станціяхъ. Ц. 1 р.

РИВОШЪ. Графики для расчета желѣзо-бетонныхъ конструкцій. 2 части. Ц. 7 р.

ЮХОЦКІЙ, И. Проектъ водопровода губернскаго города Читы. Ц. 1 р.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

ГАУФФЪ, В. Какъ долженъ жить неврастеникъ. Ц. 40 к.

ГРУЗДЕВЪ, М. Сколько долженъ вѣсить вашъ ребенокъ? Рига. 1916. Ц. 30 к.

ЛЕВИНСКІЙ, Л. Какъ долженъ жить больной желудокъ. Ц. 40 к.

ПЕРОТТЪ, Б. Compendium туберкулеза легкихъ съ обращеніемъ особаго вниманія на специфическую терапію и искусственный пневматораксъ. Съ черт. и табл. Ц. 1 р. 25.к

ФЕДЕРОЛЬФЪ, А. Гигіена. М. 1916. Ц. 2 р.

Военное и морское дѣло.

ВѢЩІЙ. Вильна-молодечненская операція. Августъ—сентябрь. 1915. Изд. 2. Ц. 25 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ДМИТРІЕВЪ, И. Къ вопросу обученія родному языку въ низшей школѣ. В. I. Ц. 20 к.

ДУЛЬСКІЙ, П. Современная иллюстрація въ дѣтской книгѣ. Казань. 1916. Ц. 60 к.

САНЧУРСКІЙ, Н. Латинская хрестоматія. Ч. I. Курсъ третьяго класса, съ 57 иллюстр. Ц. 1 р. 20 к.

ТРУДЫ харьковскаго общества грамотности. Съѣзда по вопросамъ организаціи разумныхъ развлеченій. 2 тома. Ц. 3 р.

ФРИДЕ, Е. Обозрѣніе всеобщей исторіи. В. I. Древняя исторія. Ц. 50 к., съ прил. таблицъ 82 к., тоже вып. 2 и 3. Средняя исторія. Ц. по 50 к., таблицы по 32 к.

ШЕСТОВЪ, А. Научная педагогика и русская древняя исторія. Обзоръ матеріаловъ по организаціи школьнаго обученія на началахъ научной педагогики въ виленскомъ учебномъ округѣ. Юрьевъ. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Справочныя книги.

КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВЪ, М. Кавказскія минеральныя воды. Ессентуки. Ц. 20 к.

МОСКВИЧЪ, Г. Путеводитель по Кавказу. Ц. 2 р. 75 к.

— Путеводитель по Волгѣ. Ц. 1 р. 75 к.

— Путеводитель по черноморскому побережью. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА

И. Б. Смольяниновъ

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

Цѣна 2 рубля. Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и на станціяхъ жел. дор.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ"

Цѣна 1 р. 50 к.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртеловъ, 18.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго. Редакторъ **Б. Б. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за 1/2 стран. 45 р., за 1/4 стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за 1/2 стран. 35 р., за 1/4 стран. 20 р.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ 1916 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . I—XXXII

Иллюстраціи: 1) Командиръ Кавказскаго армейскаго корпуса генералъ-отъ-артиллеріи Владиміръ Александровичъ Ирмановъ.—2) Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.—3) Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.—4) Государь Императоръ принимаетъ депутацію войскъ Кавказской арміи, участвовавшихъ во взятіи крѣпости Эрзерума. Представленіе Его Императорскому Величеству турецкихъ знаменъ.

I. У чужихъ алтарей. Романъ. I—V. **В. В. Тимоѳеевой-Починковской** 273

II. Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Васильева. **Л. І. Автономовой.** 299

III. Вѣдьма. (Изъ типовъ русской деревни). Повѣсть. **Григорія Ольшанскаго.** 331

IV. Дяденька Петръ Егоровичъ (Бытовая картинка изъ помѣщичьяго быта прошлаго столѣтія). **А. Н. Витмера** 368

V. Александръ Васильевичъ Самсоновъ. († 15 августа 1914 года). **В. А. Мустафина.** 383

Иллюстрація: Генералъ А. В. Самсоновъ.

VI. Егорьевскій городской голова Н. М. Бардыгинъ. **М. Черняевскаго** 406

VII. Отступленіе изъ Варшавы. **Н. В. Акаёмова.** 435

VIII. Памятники современной войны. Почтовый день въ селѣ. (Вѣсти съ войны). **И. Н. Ульянова.** 456

IX. На Никитушкиной могилѣ. **М. И. Орѣшникова** 467

Иллюстрація: Никитушкина могила.

X. Красное Село. (Начало военной службы цесаревича Александра Александровича). **Е. С. Каменскаго.** 474

Иллюстраціи: 1) Маневры подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I. (Съ картины Шварца).—2) 1 августа 1851 года. Открытіе памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Великій князь Александръ Александровичъ 6-ти лѣтъ отъ роду стоитъ на часахъ у памятника своего прадѣда.—3) 1865 годъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ на бивакѣ подъ Краснымъ Селомъ. (Съ акварели Зичи изъ музея л.-гв. Преображенскаго полка).—4) Музыкальный кружокъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ. Цесаревичъ, принцъ А. П. Ольденбургскій, генералъ Половцевъ, гр. Адамъ и Александръ Олсуфьевы, Бергъ и Вурмъ.—5) 1874 годъ. Окончаніе корпуснаго маневра въ Красномъ Селѣ въ Высочайшемъ присутствіи. (Съ картины Шарлеманя).—6) 1875 г. Командиръ гвардейскаго корпуса наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ съ корпуснымъ штабомъ въ Красномъ Селѣ. (Съ картины Френтца).—7) Красное Село 1876 года. Большіе маневры на Гатчинскомъ шоссе. (Съ акварели Френтца).—8) Открытіе памятника императору Александру III въ Красномъ Селѣ въ лагерѣ офицерской стрѣлковой школы 8 августа 1896 г.

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

XI. Критика и библіографія 512

1) Мемуары кн. Л. Сапѣги. Предисловіе графа Ст. Тарновскаго. Вступительная статья В. Павловскаго. Переводъ Л. Круковской. Кн-во «Прометей». Птр. 1916 г. Поручика Слабченка.—2) Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861 г.г. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Птр. 1916. А. Вознесенскаго.—3) В. В. Васильевъ. (Ясавъ.) Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Т. I. Изданіе С. Ф. Орлика. Ревель. 1916. Д. М—но.—4) В. Строевъ, магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ съ рисунками и картами. М. 1915. К.—5) Извѣстія пермскаго епархіальнаго церковно-археологическаго общества. Выпускъ первый. Пермь. 1915.—Протоіерей П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. Выпускъ первый. Харьковъ. 1916. А. Налимова.—6) В. В. Латышевъ. Византійская «Царская» минея. Изслѣдованіе. Птр. 1915. Σ.—7) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1915 годъ. Выпуски II—III. Вятка. 1915. М.—7) Борисъ Рапгофъ. К. Павлова. Матеріалы для изученія жизни и творчества. Издательство «Трирема». Пгр. 1916. Вл. Княжнина.—9) В. Денисовъ. Война и лубокъ. Изданіе «Новаго Журнала для Всѣхъ». Пгр. 1916. Вл. Кн.

XII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 526

XIII. Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 529

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 537

1) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—2) Трагическая недѣля.—3) Бумажный голодъ во времена революціи.—4) Кто разрушилъ Парѳенонъ.

XV. Смѣсь 551

1) Семидесятипятилѣтіе «Земледѣльческой Газеты». 2) Юбилей профессора А. И. Томсона.—3) Столѣтняя годовщина со дня кончины Г. Р. Державина.

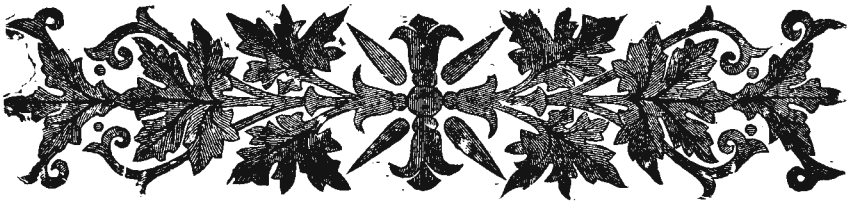
XVI. Некрологи 556

1) Герценштейнъ, Д. М.—2) Гейеръ, В. Ѳ.—3) Мечниковъ, И. И.—4) Никульцевъ, П. Ѳ.—5) Смирновъ С. И.—6) Свистунъ. Ф. И.—7) Шмаковъ, А. С.

Приложенія: 1) Императоръ Александръ III въ бытность командиромъ стрѣлковой роты въ 1864 г. (Съ портрета, гравированнаго И. И. Хелмицкимъ). — 2) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго. А. Б. Михайлова. Часть первая. X—XII. Часть вторая. I.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"



ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕВЯТАГО мая въ Аргоннахъ французскія батареи подвергли сильному огню непріятельскія позиціи у Нантилуа, Монфокона и лѣса Шеппи. На лѣвомъ берегу Мааса французы въ теченіе дня 19-го мая продолжали продвигаться къ югу отъ высоты 287 и заставили здѣсь непріятеля эвакуировать небольшое полевое укрѣпленіе, которое онъ занималъ съ 5-го мая въ районѣ къ западу отъ Мортомма. Произведенными атаками французы выбили непріятеля еще изъ нѣсколькихъ участковъ занятой имъ траншеи. На правомъ берегу Мааса послѣ сильной артиллерійской подготовки пѣхота пошла въ атаку на германскія позиціи на фронтѣ приблизительно въ два километра между райономъ къ западу отъ фермы Тіомонъ и мѣстностью, прилегающей съ востока къ Дуомонскому фронту. На всемъ этомъ протяженіи французскія войска заняли германскія траншеи и проникли въ Дуомонскій фортъ, въ сѣверной части котораго непріятель продолжаетъ еще держаться. Французами было взято значительное число плѣнныхъ. На Маасскихъ высотахъ, у лѣса Бушо, французы успѣшной атакой заняли непріятельскія траншеи протяженіемъ въ 300 метровъ и взяли плѣнныхъ.

На лѣвомъ берегу Адиже итальянцы отразили атаку непріятеля. На всемъ протяженіи итальянскаго фронта велась артиллерійская перестрѣлка и наблюдался рядъ мелкихъ стычекъ, заканчивавшихся вполнѣ благопріятно для итальянцевъ. Непріятельскій гидропланъ, производившій налетъ на Порто-груаро, былъ сбитъ огнемъ итальянскихъ батарей.

10-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ южнѣе Крево вечеромъ 8-го мая нами былъ взорванъ горнъ; воронка, образовавшаяся отъ взрыва, нами вѣнчана. Въ районѣ Кухоцка Воля части одного изъ нашихъ полковъ, поддержанныя артиллеріей, отбросили нѣмцевъ за р. Веселуху (притокъ р. Припяти) и уничтожили вновь возведенные

Библиотека "Руниверс"

противникомъ окопы. Къ сѣверу отъ Бучача (на р. Стрыпѣ) вражеская артиллерія обстрѣливала наши позиціи шрапнелью, въ которой найдены куски стекла. На остальномъ фронтѣ армій — положеніе безъ перемѣнъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ районѣ къ юго-западу отъ Трапезунда нами были отражены на разсвѣтѣ 8-го мая неоднократныя наступательныя попытки турокъ. На гюмишханскомъ направленіи наши части выбили турокъ изъ укрѣпленной позиціи на одномъ изъ сѣверныхъ отроговъ Понтійскаго Тавра. Въ Персіи на моссульскомъ направленіи нашими войсками занятъ Сердештъ.

10-го мая командующій англійскимъ отрядомъ въ Месопотаміи доносилъ: «Правый берегъ Тигра вплоть до Шаттъ-эль-Хая очищенъ отъ непріятельскихъ войскъ, за исключеніемъ лишь небольшого турецкаго арріергарда, прикрывающаго мостъ черезъ Шаттъ-эль-Хай въ 500 ярдахъ отъ мѣста его сліянія съ Тигромъ (Шаттъ-эль-Хай впадаетъ въ Тигръ у Кута). На этомъ берегу наши главныя силы достигли линіи Магасси—Дуджайлахъ. На лѣвомъ берегу непріятель, согласно донесеніямъ, продолжаетъ занимать позиціи у Саннаята. Погода стоитъ крайне знойная».

Въ верденскомъ районѣ сраженіе продолжалось всю ночь съ 9-го на 10-ое мая съ чрезвычайнымъ ожесточеніемъ на обоихъ берегахъ рѣки Мааса. Произведенныя германцами на лѣвомъ берегу двѣ ожесточенныя контръ-атаки противъ всѣхъ позицій у высоты 304, какъ гласитъ офиціальное сообщеніе отъ 10-го мая, закончились полной неудачей. Къ западу отъ высоты 304 германцы широко примѣняли аппараты, выбрасывающіе огонь, что дало имъ возможность проникнуть въ одну изъ французскихъ траншей, однако возвращеніе туда ея защитниковъ заставило ихъ тотчасъ же очистить всѣ занятыя позиціи. На востокѣ, несмотря на сильную артиллерійскую подготовку, непріятельская атака разбилась объ огонь, и участвовавшія въ ней войска не могли подойти къ французскимъ линіямъ. На правомъ берегу бой въ участкѣ Тіомонъ—Дуомонъ продолжался и носилъ ожесточенный характеръ. Германцы въ теченіе ночи производили частыя массовыя атаки, неся огромныя потери. Имъ удалось только снова занять одну изъ потерянныхъ ими ранѣе траншей къ сѣверу отъ фермы Тіомонъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ французы удержали свои позиціи внутри форта Дуомонъ. Французы, несмотря на упорное сопротивленіе, продолжали оттѣснять германцевъ, которые занимаютъ лишь сѣверо-восточный выступъ форта на Маасскихъ высотахъ. Внезапное нападеніе, произведенное французами у лѣса Des Chevaliers, вполнѣ удалось. На остальномъ протяженіи фронта ночь съ 9-го на 10 мая прошла сравнительно спокойно.

11-го мая въ районѣ къ юго-западу отъ острова Даленъ нѣмцы пытались атаковать наши передовые окопы, но были отбиты огнемъ съ большими для нихъ потерями. Въ районѣ Башлыки (къ сѣверу отъ станціи Олыка) наши развѣдчики, атакованные австрійской заставой, сами бросились на нее въ контръ-атаку съ ручными гранатами и обратили непріятеля въ бѣгство. На всемъ остальномъ нашемъ фронтѣ отъ Рижскаго залива до румынской границы безъ перемѣнъ.

Днемъ 10-го мая въ Верденскомъ районѣ германскія контръ-атаки приняли чрезвычайно ожесточенный характеръ на всемъ протяженіи этого фронта,

Библиотека "Руниверс"

причемъ, однако, нельзя было еще точно установить численность значительныхъ силъ, принимавшихъ участіе въ этихъ атакахъ. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса германцы послѣ бомбардировки изъ тяжелыхъ орудій, длившейся въ теченіе всего утра, по нѣсколько разъ бросали свои части на штурмъ позицій къ востоку и западу отъ Мортомма. Первый разъ части, производившія атаку, были скошены артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ и отражены съ большимъ для нихъ урономъ, причемъ непріятелю не удалось подойти къ французскимъ линіямъ. Вторая, столь же ожесточенная атака, произведенная около семи часовъ, дала возможность германцамъ задержаться въ одной изъ траншей на западѣ, но немедленно произведенной контръ-атакой непріятель былъ совершенно выбитъ. На правомъ берегу, въ районѣ Одромонъ—Дуомонъ, въ теченіе всего дня 10-го мая происходилъ кровопролитный бой. Германцы учащали свои штурмы, которымъ каждый разъ предшествовала весьма мощная артиллерійская подготовка. Несмотря, однако, на всѣ эти условія, позиціи, которыми 9-го мая французы завладѣли, были полностью ими сохранены, въ особенности въ фортѣ Дуомонъ. Въ этомъ районѣ было захвачено болѣе 300 плѣнныхъ.

11-го мая бои подъ Верденомъ продолжались съ крайнимъ ожесточеніемъ и съ неизбѣжной смѣною продвиженій впередъ и отступленій.

«На лѣвомъ берегу Мааса,—какъ гласитъ офиціальное донесеніе отъ 11-го мая,—продолжались пѣхотные бои на востокъ отъ Мортомма. Нѣсколько разъ мы своимъ артиллерійскимъ огнемъ останавливали непріятеля, который пытался наступать по направленію отъ селенія Кюмьеръ. Въ теченіе второй половины дня наши войска стремительной контръ-атакой завладѣли непріятельскими траншеями, расположенными у южной окраины этого селенія. На правомъ берегу Мааса артиллерійскій огонь непріятеля принялъ еще болѣе напряженный характеръ въ районѣ Дуомонскаго фронта, за обладаніе которымъ германцы вели особенно ожесточенную борьбу. Въ теченіе всего дня 11-го мая двѣ недавно прибывшія на фронтъ баварскія дивизіи производили отчаянныя атаки на Дуомонъ, причемъ послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ и огромныхъ потерь людьми непріятелю удалось вновь занять развалины форта; наши войска занимаютъ мѣстность, непосредственно къ нему прилегающую. Произведенная въ то же время германцами попытка прорвать линію нашихъ позицій у лѣса Лакайльетъ была отбита нашимъ артиллерійскимъ и пѣхотнымъ огнемъ».

На итальянскомъ фронтѣ, согласно сообщенію итальянской главной квартиры отъ 11-го мая, положеніе дѣлъ было таково:

«Въ долинѣ Лагарина 10-го мая послѣ полудня происходилъ ожесточенный обстрѣлъ всего нашего фронта на обоихъ берегахъ Адижэ. Непріятельская колонна, пытавшаяся продвинуться небольшими отрядами отъ Лиццана по направленію къ Марко, была остановлена огнемъ нашей артиллеріи. Въ теченіе вечера непріятельская атака вдоль Валль-Арса, по направленію къ Монте-ди-Меццо, была сдержана нашими войсками. Между долинами Тераньоло и Астико происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Мы произвели въ полномъ порядкѣ эвакуацію верхняго бассейна Позина и Астико. Наши войска укрѣ-

Библиотека "Руниверс"

пляются на оборонительной линіи въ бассейнѣ Арсьеро. Мы уничтожили артиллерію, которую невозможно было вывезти. Между Астико и Брента непріятель произвелъ 10-го мая сильный натискъ на наши позиціи къ востоку отъ Валь-Арсо. Въ долинѣ Сугана отступленіе нашихъ войскъ на главную линію сопротивленія, начавшееся 9-го мая, продолжалось еще вчера медленно и въ полномъ порядкѣ. Въ Карніи, въ Верхнемъ Бутѣ, происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка».

12-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ къ западу отъ острова Даленъ нѣмцы, послѣ усиленнаго артиллерійскаго обстрѣла, перешли въ наступленіе и, сбивъ нашу заставу, заняли одинъ изъ нашихъ передовыхъ окоповъ. Нашей повторной контръ-атакой противникъ былъ выбитъ и отошелъ въ свои окопы. Потери у насъ ничтожныя. Попытка противника наступать на Карниловку (въ десяти верстахъ къ сѣверу отъ ст. Олыка) и рѣзать проволоку нашихъ загражденій была отбита нашимъ огнемъ. На остальномъ фронтѣ безъ перемѣнъ.

На кавказскомъ фронтѣ на моссульскомъ направленіи наступленіе противника на Ревандузъ было отбито.

Наши войска, дѣйствующія въ районѣ Керманшахъ—Касри-Ширинъ, вошли въ связь съ англійскими войсками на р. Тигрѣ, ниже Кутъ-Эль-Амара. 9-го мая наши казаки прибыли въ ставку командующаго англійскимъ месопотамскимъ корпусомъ.

12-го мая на лѣвомъ берегу Мааса непріятель въ теченіе дня усилилъ свой артиллерійскій огонь противъ французскихъ позицій у высоты 304. На правомъ берегу послѣ ожесточенной артиллерійской подготовки германцы около пяти часовъ дня произвели рядъ атакъ на Одромонскій лѣсъ и ферму Тіомонъ. Однако всѣ эти атаки были отбиты съ тяжелыми потерями, за исключеніемъ одного пункта, на которомъ непріятельскимъ частямъ удалось занять участокъ французской траншеи. Въ районѣ Дуомона продолжались сильные артиллерійскіе бои. Огнемъ одного изъ дальнобойныхъ орудій былъ вызванъ пожаръ въ матеріальномъ складѣ германцевъ у Одикура (къ сѣверу-востоку отъ Сентъ-Міэля). На остальномъ фронтѣ продолжалась съ перерывами артиллерійская перестрѣлка.

Итальянскій король обратился къ арміи и флоту съ приказомъ, высказывая увѣренность въ осуществленіи національныхъ стремленій. На итальянскій фронтъ прибылъ принцъ Артуръ Коннаутскій. Итальянскія войска энергично отразили атаки непріятеля на Коль-ди-Буоле, отбросили непріятеля и вновь заняли возвышенность Пармезанъ, къ юго-востоку отъ Коль-ди-Буоле.

Португальскія войска, высадившіяся на р. Рогума, въ Восточной Африкѣ, атаковали германцевъ и заняли факторію.

Англійскіе аэропланы изъ Портъ-Саида произвели воздушную атаку на непріятельскіе передовые посты. Четыре британскихъ аэроплана сбросили сорокъ бомбъ на непріятельскіе передовые посты въ Родъ-Салемѣ, Эль-Хамма, Биръ-Баюдѣ, Биръ-Салманѣ и Биръ-эль-Мазарѣ. Бомбами причинены былъ большія поврежденія, въ томъ числѣ разрушены цистерны съ водою въ Родъ-Салемѣ; послѣднее обстоятельство разрушаетъ весь планъ непріятеля, такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

Командиръ Кавказскаго армейскаго корпуса генералъ-отъ-артиллеріи Владимиръ Александровичъ Ирмановъ.

водяныя цистерны въ Родъ-Салемѣ имѣли для него огромное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ англійскіе патрули разрушили буровыя машины въ Джифъ-Джафѣ.

13-го мая, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ районѣ озера Вишневскаго и сѣвернѣе Черныжа были отогнаны огнемъ партіи противника, пытавшіяся подойти къ нашимъ окопамъ. Въ остальномъ—безъ перемѣнъ.

Сильная атака нѣмцевъ у форта Дуомонъ отражена французами съ большими для противника потерями. Французскія войска на лѣвомъ берегу Мааса заняли восточную часть д. Кюмьеръ. Непріятельскіе аэропланы совершили по-

Библиотека "Руниверс"

летъ надъ городомъ Бари и бросали бомбы, причемъ было убито 18 и ранено около 20 гражданскихъ лицъ. Итальянская моторная лодка потопила въ Адріатическомъ морѣ непріятельскую моторную лодку и захватила въ плѣнъ ея экипажъ. Непріятельская пѣхота, пошедшая приступомъ на итальянскія позиціи на Кони-Цуніа и Коль-де-Буоле, была уничтожена огнемъ. Итальянская пѣхотная колонна и альпійскіе стрѣлки выбили непріятеля изъ позицій, занятыхъ имъ на лѣвомъ берегу потока Масо.

Германскія войска заставили грековъ эвакуировать портъ Рунель на Струмѣ и укрѣпленія, устроенныя греками противъ болгаръ, и вступили широкимъ фронтомъ на греческую территорію.

14-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ южнѣе острова Далена противникъ открывалъ бомбометный и минометный огонь. Тамъ же артиллерія противника одновременно обстрѣляла участокъ нашихъ окоповъ. Затѣмъ, пользуясь туманомъ, нѣмцы перешли въ наступленіе, остановленное нашимъ огнемъ. На всемъ остальномъ фронтѣ происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка и столкновенія мелкихъ частей.

На кавказскомъ фронтѣ на моссульскомъ направленіи турки, при поддержкѣ курдовъ, повели наступленіе въ направленіи на Сердештъ. Рядомъ штыковыхъ и конныхъ контръ-атакъ мы понудили противника, понесшаго значительныя потери, къ отступленію.

Къ 14-го мая положеніе дѣлъ подъ Верденомъ оставалось все тѣмъ же, мало измѣняясь. Послѣ ожесточенныхъ натисковъ непріятель прекращаетъ наступленіе на время, необходимое для перегруппировки порѣдѣвшихъ частей и замѣны испорченнаго матеріала, а затѣмъ снова наступаетъ съ еще большей стремительностью, съ новыми средствами.

14-го мая къ югу отъ рѣки Соммы сосредоточенный огонь французскихъ батарей разрушилъ прикрытія непріятеля и повредилъ его траншеи. Въ Шампани происходила усиленная артиллерійская перестрѣлка въ участкахъ Вилльсюръ-Турбъ, Тагюръ и Наваренъ. Около шести часовъ вечера германцы направили атаку на позиціи французовъ къ западу отъ Наваренской дороги и проникли въ нѣкоторые небольшіе посты французской передовой линіи, откуда, однако, контръ-атаками французскихъ войскъ были совершенно выбиты. На лѣвомъ берегу рѣки Мааса 14-го мая происходилъ артиллерійскій бой, сопровождавшійся дѣйствіями траншейныхъ орудій, въ Авокурскомъ лѣсу и въ участкѣ высоты 304. Къ юго-западу отъ Мортомма французы захватили нѣсколько частей траншеи и взяли около 50 плѣнныхъ. Число плѣнныхъ, захваченныхъ во время атаки французовъ на Кюмьеръ, достигаетъ ста человѣкъ. Въ рукахъ французовъ остались два пулемета. На правомъ берегу напряженная бомбардировка продолжалась въ районѣ Одромонъ—Дуомонъ. Въ траншейныхъ ходахъ къ сѣверо-западу отъ фермы Тіомонъ французы въ теченіе 14-го мая замѣтно продвинулись. Въ Веврѣ шла артиллерійская перестрѣлка въ участкахъ у подножья Маасскихъ высотъ.

Генералъ Жилинскій вручилъ обоимъ героямъ Вердена генераламъ Бальфурье и Петэну знаки ордена святого Георгія, пожалованные имъ Государемъ Императоромъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ ночь на 14-ое мая нѣмцы послѣ сильной подготовки артиллерійскимъ огнемъ повели наступленіе въ районѣ южнѣе озера Дрисвяты противъ нашихъ окоповъ. Сосредоточеннымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи нѣмцы были вынуждены повернуть обратно и скрыться въ свои опопы. На всемъ остальномъ фронтѣ происходила перестрѣлка. Во многихъ мѣстахъ появлялись непріятельскіе аэропланы. Одинъ изъ нихъ былъ подбитъ нашимъ артиллерійскимъ огнемъ и спланировалъ за м. Иллукстъ.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка у анатолійскихъ береговъ подъ огнемъ съ берега и съ непріятельскаго гидроаэроплана утопила большой турецкій бригъ.

На кавказскомъ фронтѣ атаки значительныхъ силъ турокъ на линіи Ревандузъ—Дергала были нами отбиты.

15-го мая французская главная квартира опубликовала слѣдующее заявленіе о ходѣ операцій подъ Верденомъ:

«Изъ 35 германскихъ дивизій, которыя были сосредоточены на фронтѣ Вердена съ 21-го февраля, когда началось нѣмецкое наступленіе, около 25 дивизій были расположены между Вокуа и С.-Міель. Эти дивизіи были поддерживаемы 600 батареями, въ томъ числѣ 300 тяжелаго калибра. Съ 22-го мая происходитъ ожесточенное сраженіе на обоихъ берегахъ. На лѣвомъ берегу французы удержали полностью свои позиціи по линіи высоты 304—Мортоммъ. Только деревня Кюмьеръ была отдана. На правомъ же берегу мы блестящей атакой на дортъ Дуомонъ предупредили и разстроили подготовлявшееся нѣмцами въ этомъ районѣ наступленіе большихъ силъ. Фортъ Дуомонъ, которымъ мы овладѣли 23-го мая, сдѣлался объектомъ столь сильной бомбардировки, что мы должны были его оставить. Начиная съ 21-го февраля, на западный фронтъ прибыли съ восточнаго фронта слѣдующія дивизіи противника — первая и третья гвардейскія — съ русскаго фронта, альпійскій корпусъ и 103-я дивизія изъ Сербіи».

15-го мая въ Шампани огнемъ французской артиллеріи былъ взорванъ непріятельскій складъ снарядовъ въ районѣ Вилль-сюръ-Турбъ. Происходила ожесточенная бомбардировка всего района Мортоммъ на лѣвомъ берегу рѣки Мааса, а также участка къ западу отъ фермы Тіомонъ на правомъ берегу. Въ теченіе дня 15-го мая никакихъ дѣйствій пѣхоты не было. На остальномъ фронтѣ происходили съ перерывами дѣйствія артиллеріи. Къ югу отъ Руа французская артиллерія разрушила германскія укрѣпленія первой линіи въ районѣ Бевренъ.

15-го мая въ семь часовъ вечера германцами отъ лѣса Корбо была произведена атака, остановленная огневой завѣсой французовъ и ружейнымъ огнемъ. Вторая атака, произведенная въ томъ же районѣ, также окончилась неудачей для непріятеля.

Итальянскія войска отбили атаки непріятеля къ югу отъ Ріо-Камересъ, три атаки въ направленіи Буолэ, двѣ атаки у горнаго потока Позина, а также атаку въ долинѣ Сугана. Въ бою 15-го мая захвачено 157 плѣнныхъ.

Атаки непріятеля на британскія траншеи къ востоку отъ Калоннъ потерпѣли неудачу.

Библиотека "Руниверс"

Болгарскіе патрули заняли желѣзнодорожный мостъ въ Демиръ-Хиссарѣ. Греческое правительство заявило протестъ противъ занятія болгарами укрѣпленія Рупель.

16-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Восточнѣе Риги, въ районѣ Куртенгофа, непріятельская артиллерія нѣсколько разъ обстрѣливала полотно желѣзной дороги. Эскадра нашихъ самолетовъ бомбардировала непріятельскую электрическую станцію въ м. Комай (сѣверо-западнѣе озера Нарочъ).

На кавказскомъ фронтѣ бой у Ревандуза продолжался. Курды, пытавшіеся напасть на наши обозы, удачными дѣйствіями нашихъ войскъ были разсѣяны. Партія казаковъ въ числѣ 44 человѣкъ скрытно подошла къ курдскому биваку у селенія Зова и, ворвавшись на бивакъ, уничтожила до 150 курдовъ во главѣ съ муллой, послѣ чего вернулась въ свою часть, потерявъ двухъ убитыми и одного пропавшаго безъ вѣсти.

Въ долинѣ Лагарина итальянскія войска отбили кровопролитныя атаки между рѣкою Адидже и Валь-Арсо. На плоскогоріи Азіаго итальянскія войска заняли позиціи, господствующія надъ бассейномъ Азіаго, и укрѣпляются на нихъ. Здѣсь итальянскіе пѣхотинцы произвели блестящую контръ-атаку и выручили двѣ батареи, оказавшіяся совершенно окруженными на горѣ Мошьягъ, причемъ отбили всѣ орудія. Въ долинѣ Сугана происходили лишь мелкія стычки. На остальномъ фронтѣ продолжалась артиллерійская перестрѣлка, принимавшая болѣе напряженный характеръ въ районѣ Плавы и Монфальконе, а также въ участкѣ Позина—Астико.

16 мая на лѣвомъ берегу рѣки Мааса непріятель въ теченіе всего дня направлялъ усиленный артиллерійскій обстрѣлъ снарядами крупнаго калибра на французскія первыя и вторыя линіи отъ Авокурскаго лѣса до Кюмьера. Около трехъ часовъ дня германцы ожесточенно атаковали позиціи французовъ у высоты 304. Отбитый въ первый разъ съ ощутительными потерями, непріятель въ 5 ч. 30 м. возобновилъ свою попытку и понесъ новую кровопролитную неудачу. Скопленія непріятеля, замѣченныя къ западу отъ высоты 304, были подвергнуты обстрѣлу французскими батареями и разсѣяны.

Между Мортоммомъ и Кюмьеромъ сильная атака непріятеля, исходившая изъ лѣса Корбо, разбилась объ огневую завѣсу французовъ, кромѣ одного пункта, гдѣ непріятель задержался на фронтѣ приблизительно въ 300 метровъ въ одной изъ французскихъ траншей, выдвинутыхъ къ сѣверо-западу отъ Кюмьера.

На правомъ берегу рѣки Мааса происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой въ районѣ къ востоку и западу отъ форта Дуомонъ.

Къ концу дня 16-го мая на лѣвомъ берегу Мааса бомбардировка возобновилась съ удвоенной силой между Мортоммомъ и Кюмьеромъ. Вскорѣ послѣ этого непріятель предпринялъ одновременно на всѣ позиціи въ этомъ секторѣ весьма сильную атаку свѣжею дивизіею, недавно прибывшею на этотъ фронтъ. На лѣвомъ французскомъ флангѣ всѣ приступы на склоны къ востоку отъ Мортомма были отбиты французскимъ огнемъ. Болѣе на востокъ, по направленію къ лѣсу Коретъ, послѣ нѣсколькихъ безрезультатныхъ атакъ германцевъ, понесшихъ

Библиотека "Руниверс"

при этомъ значительныя потери, французы отступили къ югу отъ дороги Бетенкуръ—Кюмьеръ. На правомъ крылѣ, несмотря на повторныя усилія, германцамъ не удалось выбить французовъ изъ опушки лѣса къ югу отъ Кюмьера. Бомбардировка продолжала быть напряженной въ теченіе всей ночи съ 16-го на 17-ое мая.

17-го мая сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

«Въ ночь на 16-ое мая непріятель произвелъ попытку послѣ артиллерійской подготовки перейти въ наступленіе въ районѣ сѣверо-восточнѣе Августингофа, но нашимъ огнемъ былъ загнанъ обратно въ свои окопы. Непріятельскіе летчики сбросили нѣсколько бомбъ на ст. Вилейка и на м. Войстомъ (сѣверо-западнѣе ст. Вилейка). Въ Галиціи, въ районѣ дер. Глядки, противникъ открылъ сильный огонь изъ легкихъ и тяжелыхъ орудій, бомбометовъ и минометовъ по нашимъ окопамъ и одновременно повелъ наступленіе пѣхотою. Потѣснивъ наше сторожевое охраненіе, непріятель взорвалъ двѣ незаконченныя заряжаніемъ наши галлереи. Подоспѣвшіе наши резервы контръ-атакой выбили австрійцевъ изъ занятыхъ ими нашихъ окоповъ и возстановили прежнее положеніе. Сѣверо-восточнѣе Зелена (къ сѣверу отъ Бучача) сильная партія австрійцевъ пыталась подойти къ нашимъ окопамъ, но, встрѣченная ружейнымъ огнемъ и ручными гранатами, отошла».

Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.

17-го мая днемъ и въ теченіе ночи съ 17-го на 18-ое мая на лѣвомъ берегу Мааса происходилъ ожесточенный бой между Мортоммомъ и Маасомъ. Германцы послѣ неслыханно яростной бомбардировки, продолжавшейся въ теченіе двухъ дней, кинули въ концентрическихъ повторныхъ атакахъ весьма крупныя

Библиотека "Руниверс"

силы противъ французскихъ траншей къ востоку отъ Мортомма и обѣихъ сторонъ селенія Кюмьеръ. Они повсюду были отражены и понесли значительныя потери. Однако въ районахъ къ югу отъ лѣса Кореттъ французы вынуждены были эвакуировать траншею первой линіи, которую бомбардировка совершенно сравняла съ землею. Къ югу отъ Кюмьера германскія атаки, ведшіяся съ двухъ сторонъ селенія, сначала дали возможность непріятелю оттѣснить французовъ въ направленіи къ станціи Шаттанкуръ, но быстрой контръ-атакой французы снова достигли окраины деревни. Нѣсколько отрядовъ германцевъ, которымъ, подъ защитой тумана, удалось продвинуться вдоль рѣки Мааса до станціи, были совершенно уничтожены французскимъ огнемъ. На правомъ берегу рѣки происходилъ съ перерывами артиллерійскій бой. Въ Верхнемъ Эльзасѣ германцы послѣ усиленной артиллерійской подготовки атаковали французскія позиціи приблизительно въ разстояніи 130 метровъ отъ Сеппуа и задержались въ нѣсколькихъ частяхъ траншей, откуда, однако, немедленно же были выбиты контръ-атакою.

Французскія войска заняли Порой на балканскомъ фронтѣ.

Британскія войска, вступившія въ предѣлы германской восточной Африки съ юга, заняли Ней-Лангенбургъ, гдѣ захватили большое количество военныхъ припасовъ и провіанта.

18-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Въ районѣ озернаго пространства къ югу отъ Двинска непріятельская артиллерія во многихъ мѣстахъ открывала оживленный огонь. Надъ всѣмъ фронтомъ непріятель производитъ усиленную воздушную развѣдку. Нашъ аэропланъ имѣлъ бой съ германскимъ альбатросомъ надъ непріятельскимъ расположеніемъ. Альбатросъ былъ разстрѣлянъ изъ пулемета и, окутанный дымомъ, упалъ сѣверо-западнѣе м. Барановичи.

На кавказскомъ фронтѣ въ діарбекирскомъ направленіи 15-го мая турки повели наступленіе со стороны Огнота на Хырхабазаръ (Каргабазаръ), причемъ часть турокъ заняла Ганиретъ. Наши войска, перейдя въ наступленіе, выбили противника.

Французскія войска стремительной атакой заняли сильно укрѣпленную германцами позицію на юго-западныхъ склонахъ Мортомма и взяли 220 плѣнныхъ. Около восьми часовъ вечера нѣмцы произвели здѣсь атаку, которая была успѣшно отражена огнемъ французскихъ войскъ.

Итальянцы отразили сильныя атаки непріятеля въ долинѣ Лагарина. На плоскогорьи Азіаго итальянцы эвакуировали Пунта Корбинъ.

На границѣ Греціи начались аванпостные бои по всему фронту англо-французскихъ позицій.

Австралійская и ново-зеландская кавалерія утромъ 18-го мая атаковала непріятельскій постъ у Биръ-Сальмана въ Египтѣ, приблизительно въ 20 миляхъ къ востоку отъ сѣверо-востока и отъ Ратіи, и, заставивъ непріятеля отступить, оттѣснила его къ востоку, нанеся большія потери. Аэропланы продолжали преслѣдованіе, бомбардируя отступавшій отрядъ, и нанесли непріятелю дальнѣйшій уронъ. Непріятельскія войска, разбитыя въ Берингіи, около

Библиотека "Руниверс"

Эль-Фашера, насчитывали 2.600 штыковъ. Число отобранныхъ ружей превышаетъ 3.200. Кромѣ того, захвачено четыре орудія.

Днемъ 18-го мая произошло морское сраженіе у береговъ Ютландіи. Британскія суда, на которыхъ пала вся тяжесть боя, были: флотъ броненосныхъ крейсеровъ, а также нѣсколько крейсеровъ и легкихъ крейсеровъ, поддержанныхъ четырьмя быстроходными линейными судами. Среди этихъ судовъ потери тяжелы. Германскій линейный флотъ, благопріятствуемый слабой своей видимостью, постарался избѣгнуть продолжительнаго дѣйствія съ британскими главными силами. Какъ только послѣднія вступили въ бой, непріятель вернулся въ портъ, получивъ тяжкій уронъ отъ британскихъ линейныхъ судовъ.

Броненосные крейсера «Queen Mary», «Indefatigable», «Invincible» и крейсера: «Defence» и «Black Prince» затонули. «Warrior» потерялъ способность маневрированія, былъ взятъ на буксиръ и оставленъ экипажемъ. Погибли восемь англійскихъ контръ-миноносцевъ, въ числѣ которыхъ: «Tipperary», «Turbulent», «Fortune», «Arrowhawk» и «Ardent».

Англійское адмиралтейство дало слѣдующій отчетъ о ходѣ и результатахъ этого сраженія:

«Нашъ главный флотъ встрѣтился съ германскимъ океанскимъ флотомъ въ 3 ч. 30 м. пополудни 18-го мая, причемъ головныя суда обоихъ флотовъ завязали сильный бой, въ которомъ дѣятельное участіе принимали броненосные крейсера, быстроходные броненосцы и разныя вспомогательныя суда. Потери съ обѣихъ сторонъ были серьезны, но, когда главное ядро британскаго флота вошло въ соприкосновеніе съ германскимъ океанскимъ флотомъ, оказалось достаточно краткаго періода времени, чтобы заставить германцевъ, понесшихъ серьезное наказаніе, искать убѣжища въ своихъ защищенныхъ водахъ. Этотъ маневръ оказался возможнымъ для нихъ вслѣдствіе пасмурной погоды и тумана, и хотя нашему флоту время отъ времени и удавалось входить въ мгновенное соприкосновеніе съ врагомъ, но послѣдовательный бой сталъ невозможнымъ. Мы продолжали преслѣдованіе до наступленія полной темноты, когда британскимъ истребителямъ удалось произвести удачную ночную атаку. Тѣмъ временемъ сэръ Джонъ Джеллико, загнавъ непріятеля въ портъ, возвратился къ мѣсту главнаго боя въ поискахъ за поврежденными судами. Къ полудню слѣдующаго дня (19-го мая) стало очевиднымъ, что ничего болѣе нельзя было предпринять, и онъ вернулся къ своей базѣ, расположенной въ 400 миляхъ отъ мѣста боя, возобновилъ угольные запасы флота и къ вечеру 20-го мая былъ въ готовности вновь выйти въ море.

«Британскія потери уже подробно были опубликованы, и не имѣется никакихъ добавленій или изъятій изъ послѣдняго отчета, опубликованнаго адмиралтействомъ. Гораздо труднѣе опредѣлить потери непріятеля. Однако несомнѣнно, что отчеты, опубликованные имъ, невѣрны, и мы еще не можемъ имѣть абсолютно точныхъ данныхъ добиться истины. Но, на основаніи полученныхъ донесеній, британское адмиралтейство не сомнѣвается, что германскія потери превышаютъ британскія не только пропорціонально силѣ обоихъ флотовъ; имѣется полное основаніе предполагать, что германцы потеряли слѣдующія суда: два линейныхъ судна, два броненосныхъ крейсера сильнѣйшаго дред-

Библиотека "Руниверс"

поутнаго типа, два легкихъ крейсера новѣйшей конструкціи («Wiesbaden» и «Elbing»), легкій крейсеръ типа «Rostock», легкій крейсеръ «Frauenlob», по меньшей мѣрѣ 9 истребителей и одну подводную лодку».

Чрезвычайно больно отозвалась въ сердцахъ англичанъ и ихъ союзниковъ смерть лорда Китченера, британскаго военнаго министра, ѣхавшаго на броненосномъ крейсерѣ «Hampshire» со своимъ штабомъ въ Россію со спеціальной миссіею къ нашему Государю Императору.

19-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

По всему фронту велась ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Двѣ наши воздушныя эскадры произвели налеты на тыловые пункты непріятеля. Одна, изъ шести аппаратовъ, бомбардировала районъ м. Солы (сѣверо-западнѣе Сморгони), другая, изъ 14 аппаратовъ—ст. Маневичи (на желѣзной дорогѣ Сары—Ковель). Въ первомъ случаѣ было сброшено 48 бомбъ, во второмъ—66 бомбъ и зажигательные снаряды. Несмотря на ожесточенный обстрѣлъ аппаратовъ огнемъ непріятельской артиллеріи, въ обоихъ случаяхъ всѣ летчики и аппараты возвратились невредимыми.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка во время крейсерства потопила пять парусныхъ шхунъ и одну привела въ Севастополь. Лодка подверглась безрезультатной атакѣ гидроаэроплана.

На кавказскомъ фронтѣ въ байбуртскомъ направленіи значительныя силы турокъ произвели въ ночь на 17-го мая три атаки на одинъ изъ нашихъ участковъ, но вынуждены были отойти обратно исключительно выдержаннымъ огнемъ нашей пѣхоты. Въ то же время крупныя силы непріятеля повели наступленіе въ охватъ нашего выступа у Мамахатуна. Мамахатунъ былъ нами оставленъ послѣ уничтоженія моста. На діарбекирскомъ направленіи наступленіе непріятельской пѣхоты и курдской конницы было отбито огнемъ.

19-го мая на лѣвомъ берегу рѣки Мааса происходила съ перерывами бомбардировка въ участкахъ Авокурскаго лѣса и Мортомма. На правомъ берегу непріятель, послѣ весьма ожесточенной артиллерійской подготовки, атаковалъ французскія позиціи на линіи отъ фермы Тіомонъ вплоть до Во. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ штурмовъ непріятелю удалось проникнуть въ французскія траншеи первой линіи между фортомъ Дуомонъ и прудомъ Во.

Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ германскія атаки разбились о пулеметный огонь французовъ, причинившій непріятелю тяжелыя потери. На правомъ берегу Мааса бой продолжался въ теченіе 19-го мая и ночи съ 19-го на 20-ое мая съ крайнимъ напряженіемъ на всемъ фронтѣ отъ фермы Тіомонъ до Во и распространился даже на востокъ отъ форта Во вплоть до Данлу. Въ районѣ Тіомонъ—Дуомонъ атаки германцевъ были отражены огнемъ и контръ-атаками французовъ. На юго-востокѣ отъ Дуомонскаго форта непріятелю удалось проникнуть въ часть лѣса Кайльетъ и подойти съ юга пруду Во. На правомъ флангѣ всѣ атаки германцевъ, направленныя противъ района Во—Данлу, были отбиты съ крайне тяжелыми для германцевъ потерями. Въ этихъ бояхъ артиллерійскій огонь достигъ исключительнаго напряженія и продолжался на всемъ фронтѣ германскаго наступленія.

Въ долинѣ Лагарина итальянцы отразили неожиданную атаку противъ

Библиотека "Руниверс"

горнаго прохода Буоле. Непріятельская колонна, наступавшая къ юго-востоку отъ Арсьеро, разбита и отогнана въ безпорядкѣ за Позину.

20-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Непріятельская артиллерія открывала огонь по икскюльскому предмостному укрѣпленію. 19-го мая около трехъ часовъ ночи нѣмцы внезапно открыли огонь изъ ружей, пулеметовъ, бомбометовъ и легкихъ и тяжелыхъ орудій по участку нашего расположенія южнѣе ст. Ней-Зельбургъ, сѣверо-западнѣе Якобштадта. Подъ прикрытіемъ этого огня непріятельская пѣхота трижды выходила изъ окоповъ, но каждый разъ, пройдя свои проволочныя загражденія, отбрасывалась нашимъ огнемъ обратно въ свои окопы. Къ семи часамъ утра огонь значительно стихъ. Противъ ст. Ницгаль, сѣвернѣе Двинска, наши казаки произвели смѣлый поискъ на лѣвомъ берегу Двины. Непріятельская артиллерія развивала также огонь въ районѣ двинскихъ позицій. Въ ночь на 19-го мая послѣ непродолжительнаго, но сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня по нашимъ позиціямъ къ югу отъ Сморгони противникъ повелъ наступленіе на д. Суцковъ, но гранатами и ружейнымъ огнемъ былъ отогнанъ. На ст. Буславъ, сѣверо-восточнѣе Вилейки, съ непріятельскаго аэроплана сброшено шесть бомбъ.

20-го мая у Ипра на выступѣ фронта въ 3.000 ярдовъ между Хооге и желѣзной дорогой Ипръ—Коминъ происходилъ ожесточенный бой между британскими и германскими войсками. Британскіе летчики сбили два непріятельскихъ аэроплана.

Французскія войска къ западу отъ Монъ-Тетю въ Шампани выбили нѣмцевъ изъ передовыхъ постовъ. Въ Аргоннахъ французы отбили двѣ атаки нѣмцевъ на Филь-Мортъ. Послѣ повторныхъ и бѣшеныхъ атакъ германцевъ на фортъ Во ночью съ 20-го на 21-го мая германскимъ частямъ удалось проникнуть въ сѣверный ровъ укрѣпленія, внутреннюю часть котораго французы продолжали энергично отстаивать.

Итальянцамъ удалось продвинуться въ Верхнемъ Валь-Арсо.

Ожесточенныя атаки непріятеля къ юго-востоку отъ Арсьеро по направленію къ Куаро на сѣверные склоны Форни-Альти отбиты были итальянцами, причемъ непріятель понесъ большія потери.

21-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ о томъ, что непріятельская артиллерія открывала огонь по м. Шлокъ и по икскюльскому предмостному укрѣпленію. Въ районѣ двинскихъ позицій также на многихъ участкахъ происходилъ оживленный артиллерійскій бой. Въ теченіе ночи на 20-го мая тяжелая и легкая артиллерія противника усиленно обстрѣливала районъ сѣверо-восточнѣе м. Крево. Около 10 ч. вечера 19-го мая непріятельскія цѣпи повели наступленіе на участокъ южнѣе д. Богуше (къ сѣверо-востоку отъ м. Крево), но были отбиты нашимъ ружейнымъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ на діарбекирскомъ направленіи, въ долинѣ Бингель-Су, наши части успѣшно отразили наступленіе турокъ. Противникъ, потерпѣвъ отошелъ на заранѣе укрѣпленную позицію, къ западу отъ Ревандуза.

2-го мая въ Аргоннахъ попытка непріятеля напасть на одинъ изъ французскихъ небольшихъ постовъ у Куртъ-Шоссъ была отражена. На лѣвомъ берегу

Библиотека "Руниверс"

рѣки Мааса артиллерійская дѣятельность въ теченіе дня 22-го мая усилилась въ районѣ высоты 304. Подготовленія германцевъ къ атакамъ, замѣченныя въ германскихъ траншеяхъ, были тотчасъ же прерваны заградительнымъ огнемъ французовъ. На правомъ берегу непріятель продолжалъ артиллерійскій обстрѣлъ позицій въ районѣ Во — Данлу и съ особымъ ожесточеніемъ обстрѣливалъ фортъ Во. Произведеденная около трехъ часовъ дня германцами атака противъ склоновъ лѣса Фюмэнъ, къ сѣверо-западу отъ форта, была остановлена пулеметнымъ огнемъ французовъ. Ихъ тяжелая артиллерія сильно повредила три германскихъ батареи въ лѣсу Корьеръ. Французы обстрѣляли орудійнымъ огнемъ и разсѣяли скопленія непріятеля въ лѣсу Лакайеттъ.

Ночью съ 22-го на 23-е происходилъ ожесточенный бой между защищавшими этотъ фортъ частями и наступавшими германцами, которые, примѣняя струи горючей жидкости, пытались проникнуть въ фортъ. Однако, несмотря на широкое пользованіе непріятелемъ этимъ пріемомъ борьбы, французскія войска ни разу не дали ему возможности продвинуться впередъ.

Итальянцы успѣшно отразили попытку непріятельской пѣхоты прорваться въ направленіи Онаро, на юго-постокъ отъ Арсіеро, вдоль фронта отъ Позины до Астико. Итальянскій миноносецъ потопилъ большой пароходъ на рейдѣ Тріеста.

На большей части остального фронта происходилъ сильный артиллерійскій бой, причемъ крупныя массы непріятельскихъ войскъ, брошенныя въ атаку противъ итальянскихъ позицій между Коль-Ксомо и Коль-Позина, были отброшены съ большими для нихъ потерями. На плоскогорьѣ Сетте-Коммуни продолжалась, съ перемѣннымъ успѣхомъ, борьба за обладаніе горой Ченджо.

23-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Германская артиллерія обстрѣливала икскюльское предмостное укрѣпленіе. Подъ Двинскомъ, , въ районѣ сѣвернѣе Поневѣжской желѣзной дороги, нѣмцы открывали ураганный огонь по нашимъ окопамъ, послѣ чего повели было наступленіе, но были отброшены назадъ. 22-го мая съ утро начался бой на фронтѣ отъ рѣки Припяти до румынской границы. При содѣйствіи артиллеріи наши войска во многихъ участкахъ имѣли крупные успѣхи. До настоящаго времени взято около 13.000 плѣнныхъ, орудія, пулеметы. Сраженіе развивается. Артиллерія продолжаетъ постепенное разрушеніе непріятельскихъ укрѣпленій и закрытій. Пѣхота, по мѣрѣ артиллерійской подготовки, овладѣваетъ непріятельскими позиціями. Въ бою 22-го мая доблестные командиры полковъ, полковникъ Лурье убитъ и полковникъ фонъ-Циглеръ тяжело раненъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ эрзинджанскомъ направленіи турки нѣсколько разъ переходили въ наступленіе значительными силами, но успѣха не имѣли. Бой вдоль барнакабанскаго шоссе продолжается. У Ревандуза также идетъ бой. Наши части нанесли большія потери курдамъ. Одной изъ нашихъ колоннъ найдены два зарытыхъ горныхъ орудія.

По дополнительному офиціальному сообщенію британскаго адмиралтейства, германскія потери въ бою въ Сѣверномъ морѣ превышаютъ британскія не только пропорціонально силѣ обоихъ флотовъ; имѣется полное основаніе предполагать, что германцы потеряли слѣдующія суда: два линейныхъ судна, два броненос-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ крейсера сильнѣйшаго дредноутнаго типа, два легкихъ крейсера новѣйшей конструкціи («Wiesbaden» и «Elbing»), легкій крейсеръ типа «Rostock», легкій крейсеръ «Frauenlod», по меньшей мѣрѣ 9 истребителей и 1 подводную лодку.

На верденскомъ театрѣ продолжалась бомбардировка въ районѣ Во—Данлу и на фронтѣ Во, гдѣ въ положеніи перемѣнъ не произошло.

Въ районѣ Ченджо итальянцы вынуждены были эвакуировать свои позиціи и отойти на линію долины Каналіа. Въ долинахъ Даоке, Лагарина и на фронтѣ Позина—Астино непріятельскія атаки были итальянцами отбиты.

24-го мая сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Въ двинскомъ районѣ, сѣвернѣе Поневѣжской желѣзной дороги, германцы переходили въ наступленіе, но были отбиты огнемъ. Въ ночь на 23-е мая, къ югу отъ Сморгони, нѣмцы выходили за свои проволочныя загражденія съ цѣлью захватить одинъ изъ нашихъ передовыхъ окоповъ, но, будучи обстрѣляны пулеметами и встрѣченные контръ-атакой, бѣжали въ свои окопы. 23-го мая къ югу отъ Крезо нѣмцы, послѣ артиллерійскаго обстрѣла, пытались наступать противъ нашихъ передовыхъ частей у дер. Кочаны, но прибывшими поддержками были отброшены. На фронтѣ отъ р. Припяти до румынской границы наши войска продолжаютъ развивать достигнутые 23-го мая успѣхи. Къ настоящему времени число взятыхъ нами плѣнныхъ возросло до 480 офицеровъ и болѣе 25.000 нижнихъ чиновъ. Захвачено 27 орудій и болѣе 50 пулеметовъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ байбуртскомъ и эрзинджанскомъ направленіяхъ турки при поддержкѣ артиллеріи наступали противъ нѣсколькихъ участковъ нашего фронта, но были всюду отбиты. Около Ханекина (130 верстъ сѣверо-восточнѣе Багдада) 21-го мая нами былъ нанесенъ ударъ туркамъ.

24-го мая днемъ къ востоку отъ Ипра происходилъ сильный бой. Непріятель въ 12 час. дня открылъ сильную бомбардировку вокругъ Хооге и Ипра и взорвалъ рядъ минъ между тремя и $4^1/_2$ часами пополудни въ различныхъ пунктахъ сѣвернаго фронта Хооге на протяженіи 2.000 ярдовъ. Эти взрывы сопровождались пѣхотными атаками, причемъ непріятель къ сѣверу отъ Хооге ворвался во фронтальныя траншеи послѣ взрыва минъ. Сраженіе продолжалось, причемъ общая линія англійскаго фронта оставалась неприкосновенною.

Къ востоку отъ Первиза и Рамскапелле на линіи расположенія бельгійскихъ войскъ происходила артиллерійская перестрѣлка.

Итальянцы успѣшно отразили атаку непріятеля вдоль фронта Позина—Астико.

25-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Успѣхи нашихъ войскъ на Волыни, въ Галиціи и Буковинѣ развиваются. Цифры взятыхъ плѣнныхъ и трофеевъ при выбитіи противника съ его сильно укрѣпленныхъ позицій продолжаютъ расти. Съ начала послѣднихъ боевъ и до полудня 24 мая арміями генерала Брусилова взято въ плѣнъ 900 офицеровъ и болѣе 40.000 нижнихъ чиновъ. Захвачено 77 орудій, 134 пулемета, 49 бомбометовъ; кромѣ того, захвачены прожекторы, телефоны, походныя кухни, много ручного оружія, снаряженіе и значительные склады огнестрѣльныхъ запасовъ. Часть батарей захвачена нашей пѣхотой цѣликомъ со всѣми орудіями и за-

Библиотека "Руниверс"

рядными ящиками. Послѣдніе бои на дѣлѣ доказали непріятелю ростъ нашихъ боевыхъ средствъ.

Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ уже вчера въ 10 часовъ вечера послалъ изъ Царской Ставки привѣтъ войскамъ генералъ-адъютанта Брусилова за одержанный успѣхъ:

«Передайте Моимъ горячо любимымъ войскамъ ввѣреннаго вамъ фронта, что Я слѣжу за ихъ молодецкими дѣйствіями съ чувствомъ гордости и удовлетворенія, цѣню ихъ порывъ и выражаю имъ самую сердечную благодарность. Да поможетъ намъ Господь изгнать врага изъ предѣловъ нашихъ. Убѣжденъ, что всѣ постоятъ дружно и поработаютъ до конца во славу русскаго оружія.

«Николай».

На Кавказскомъ фронтѣ въ эрзинджанскомъ направленіи нашимъ артилерійскимъ огнемъ остановлено наступленіе большихъ турецкихъ силъ. На багдадскомъ направленіи въ районѣ Ханекина наши войска послѣ боя заняли сильно укрѣпленныя позиціи Турокъ. Во время этого боя наша конница ходила въ атаку на турецкіе окопы и изрубила нѣсколько батальоновъ противника.

25-го мая, согласно французскому правительственному сообщенію, къ западу отъ Суассона, близъ Фонтенуа, два германскихъ патруля, пытавшихся переправиться черезъ рѣку Энъ, были разсѣяны. Французская артиллерія разрушила нѣсколько непріятельскихъ наблюдательныхъ пунктовъ близъ Нуввона. Въ Аргоннахъ французами были успѣшно взорваны три горна близъ Фильморта. На лѣвомъ берегу Мааса продолжалась артиллерійская борьба на участкахъ высоты 304 и лѣса Кореттъ. На правомъ берегу Мааса германцы повели стремительную атаку на фортъ Во, но атака эта была отбита пулеметнымъ огнемъ, причемъ нападавшіе отхлынули, оставивъ на мѣстѣ боя большое число труповъ. Германская артиллерія продолжала непрерывно обстрѣливать фортъ Во и прилегающую къ нему мѣстность; французская артиллерія энергично отвѣчала ей. Въ Вогезахъ можно отмѣтить лишь ожесточенную бомбардировку германцами французскихъ первыхъ линій у Гартмансвейлеркопфа.

26-го мая сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: Наши войска 24-го мая, развивая наступленіе на направленіи Ровно—Ковель, на плечахъ опрокинутаго непріятеля съ боемъ овладѣли райономъ города Луцка и заняли самый городъ. Во многихъ мѣстахъ наши войска не только овладѣли линіей р. р. Стыри и Иквы, но и, переправившись черезъ нихъ, продолжаютъ наступленіе.

Въ Галиціи на Нижней Стрыпѣ энергичнымъ натискомъ пѣхоты, поддержанной огнемъ артиллеріи, взяты сильныя укрѣпленія непріятеля на фронтѣ Тржибуховце—Язловецъ. Войска подошли къ линіи р. Стрыпы.

Сверхъ указаннаго 25-го мая числа плѣнныхъ 40.000 человѣкъ и трофеевъ во вчерашнихъ бояхъ вновь взято въ плѣнъ 58 офицеровъ и около 11,000 нижнихъ чиновъ, вновь захвачено еще не выясненное количество орудій, пулеметовъ, складовъ оружія, походныя кухни, телефонное имущество.

Библиотека "Руниверс"

Результаты боевъ 22—25 мая въ Волыни и въ Галиціи позволяютъ уже теперь считать достигнутый успѣхъ крупной побѣдой нашего оружія съ полнымъ прорывомъ непріятельскаго укрѣпленнаго фронта.

На фронтѣ р. Двины и южнѣе Двинска въ озерномъ пространствѣ во многихъ мѣстахъ сильная перестрѣлка. Нѣмцы обстрѣливали икскюльское предмостное укрѣпленіе сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи. Неоднократныя попытки нѣмцевъ продвинуться въ районѣ къ югу отъ Сморгони были отражены нашимъ огнемъ. Южнѣе Крево непріятельская артиллерія подвергла ураганному огню расположеніе нашихъ войскъ.

Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.

26-го мая въ Аргонахъ германцы взорвали мину на высотѣ 285 у Отъ-Шевоше, не причинивъ вреда. Французы заняли южный край образовавшейся отъ взрыва воронки. На лѣвомъ берегу Мааса продолжалась съ перерывами бомбардировка вторыхъ линій французскихъ позицій. На правомъ берегу рѣки происходили весьма сильные артиллерійскіе бои въ районѣ Тіомонъ—Дуомонъ. Послѣ семи дней ожесточенныхъ боевъ съ непрерывно штурмовавшими войсками непріятеля гарнизонъ, истощившій всѣ свои силы, не былъ въ состояніи воспрепятствовать занятію непріятелемъ совершенно разрушеннаго ожесточенной бомбардировкой укрѣпленія, французы занимаютъ непосредственные подходы къ форту и траншеи, расположенныя вправо и влѣво отъ него; всѣ атаки герман-

Библиотека "Руниверс"

цевъ на эти позиціи отбиваются артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. На Гартмансвейлеркопфѣ продолжается сильный артиллерійскій бой.

На итальянскомъ фронтѣ непріятель продолжалъ стремительныя атаки отъ бассейна Адиже до Азіаго; всѣ атаки были успѣшно отражены съ большими потерями для австрійцевъ. Въ Верхнемъ Валь-Теллина итальянскіе альпійскіе стрѣлки расширили захватъ альпійскаго массива Ортлеръ, занявъ перевалы Камозеи (3.199 метровъ), Волонтари (3.042 метра), Ортлера (3.359 метровъ) и Гохъ-Іохъ (3.530 метровъ). Въ долинѣ Кіезе непріятельскій отрядъ атаковалъ итальянскій постъ Скораде вверхъ по рѣкѣ Даонѣ, но подвергся контръ-атакѣ и былъ разсѣянъ.

27-го штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

На Волыни и въ Галиціи сраженіе продолжается. Германцы стремятся остановить развитіе нашего прорыва. Замѣчено прибытіе германскихъ частей изъ района сѣвернѣе Полѣсья. Въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ много германцевъ. Несмотря на сильное мѣстами сопротивленіе непріятеля, на всемъ фронтѣ отъ Припяти до румынской границы наше наступленіе продолжается. На многихъ участкахъ наша конница имѣла случай атаковать въ конномъ строю. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ боевъ извѣстны: атака казачьей сотни у Суска (восточнѣе Луцка) укрѣпившагося противника, закончившаяся захватомъ двухъ орудій, 8 зарядныхъ ящиковъ и 200 ящиковъ со снарядами, захватъ нашими развѣдчиками у Борятина (юго-восточнѣе Луцка) двухъ 10-сантиметровыхъ орудій, 4 офицеровъ и 160 нижнихъ чиновъ и у Добрягина (на Иквѣ ниже Млынова) одного 10-сантиметроваго орудія и 35 ящиковъ со снарядами. На одномъ изъ участковъ въ числѣ прочей добычи захвачено 30 балоновъ съ удушливыми газами. Молодыя части нашихъ армій соперничаютъ въ доблести съ наиболѣе славными старыми полками. Такъ, молодые полки одной дивизіи, сформированной изъ ополченскихъ частей, стремительнымъ ударомъ смяли противника на рѣкѣ Стыри и на его плечахъ ворвались въ предмостное укрѣпленіе у мѣстечка Рожище, взявъ въ плѣнъ около 2.500 германцевъ и австрійцевъ, пулеметы и богатую добычу. Рѣка Стырь перейдена нами и наши части достигли рѣки Злоты (Потокъ). При руководствѣ боемъ на одномъ изъ участковъ наступленія тяжело раненъ генералъ Микулинъ. Число плѣнныхъ значительно возросло. Къ ранѣе показанному общему ихъ числу (958 офицеровъ и болѣе 51.000 нижнихъ чиновъ австрійцевъ и германцевъ) надо добавить взятыхъ во вчерашнихъ бояхъ еще 185 офицеровъ и 13.714 нижнихъ чиновъ. Всего за операцію пока взято въ плѣнъ зарегистрированныхъ 1.143 офицера и болѣе 64.140 нижнихъ чиновъ.

Вечеромъ, 25 мая непріятельская артиллерія открыла сильный огонь по району сѣверо-восточнѣе Крево (южнѣе Сморгони). Вскорѣ огонь распространился далѣе на сѣверъ. Въ ночь на 26 мая непріятель повелъ въ этомъ районѣ наступленіе значительными силами. Однако всѣ попытки противника приблизиться къ нашему расположенію были нами отбиты. Въ районѣ станціи Молодечно непріятельскій аэропланъ сбросилъ 4 бомбы. Пять германскихъ самолетовъ произвели налетъ на мѣстечко Логишинъ (сѣвернѣе Пинска), сбросивъ около 50 бомбъ. Одинъ изъ нихъ былъ сбитъ нашей артиллеріей и упалъ на линіи германскихъ окоповъ.

Библиотека "Руниверс"

На Кавказскомъ фронтѣ въ трапезондскомъ районѣ наши развѣдчики выбили турокъ изъ монастыря, что южнѣе селенія Хортокопъ. На гюмишханскомъ направленіи наши части ворвались на позицію противника, захватили плѣнныхъ и взяли бомбометъ, оружіе, боевые припасы и палаточный лагерь. Контръ-атака противника была отбита огнемъ.

27-го мая на лѣвомъ берегу Мааса германцы произвели въ теченіе дня нѣсколько атакъ на позиціи у высоты 304. Они дважды ходили въ атаку на западѣ отъ этой высоты и столько же разъ на юго-западѣ, примѣняя при этомъ горючую жидкость, но атаки были отбиты заграждающимъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ французовъ. На правомъ берегу Мааса германцы поддерживали крайне сильный огонь противъ всего района къ югу отъ фермы Тіомонъ, а также противъ лѣса Шапитръ и Дюменъ, въ участкѣ къ югу отъ Данлу. Здѣсь въ теченіе дня непріятель не производилъ никакихъ пѣхотныхъ атакъ. Въ Вогезахъ сильный непріятельскій развѣдочный отрядъ былъ разсѣянъ ружейнымъ огнемъ французовъ у Гартмансвейлеркопфа.

Союзниками установлена блокада Греціи.

Атака непріятеля между Сантъ-Убальдо и Вело была разсѣяна огнемъ итальянцевъ.

Часть Глостерскаго полка, на англійскомъ фронтѣ, ворвалась въ непріятельскія траншеи къ югу отъ Невшапель и захватила пулеметъ. Англійскій морской развѣдочный отрядъ вступилъ въ бой съ непріятельскими контръ-миноносцами, скрывшимися въ Зеебрюгге.

28-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Верховнымъ Главнокомандующимъ Государемъ Императоромъ была получена слѣдующая телеграмма президента Французской республики:

«Блестящая побѣда, одержанная Россіей, даетъ совмѣстнымъ операціямъ, намѣченнымъ союзными штабами, мощный толчокъ къ общему успѣху. Въ то время, какъ передъ Верденомъ французскія войска съ непоколебимымъ мужествомъ отражаютъ повторныя атаки германцевъ, доблестные русскіе солдаты Вашего Величества наносятъ нашимъ врагамъ кровавый ударъ. Франція затрепетала отъ радости при этомъ счастливомъ извѣстіи, и я прошу Ваше Величество принять за Себя и за Вашу армію мои горячія поздравленія.

Раймондъ Пуанкарэ».

На западномъ фронтѣ войска генерала Брусилова продолжаютъ наступленіе и преслѣдованіе противника. Ведя бой съ арьергардами непріятеля, наши войска переправляются черезъ рѣку Стырь какъ ниже, такъ и выше Луцка. Части, успѣвшія переправиться, преслѣдуютъ непріятеля, пытающагося задерживаться на тыловыхъ позиціяхъ.

Въ Галиціи, сѣверо-западнѣе Тарнополя, въ районахъ Глядки и Цеброва идетъ горячій бой за высоты, нѣсколько разъ переходившія изъ рукъ въ руки. Бельгійскія бронированныя машины оказываютъ мощную поддержку нашимъ войскамъ. Прорывъ непріятельскаго фронта въ районѣ Нижней Стрыпы привелъ къ овладѣнію укрѣпленной позиціей на восточномъ берегу Стрыпы.

Библиотека "Руниверс"

28-го мая, на разсвѣтѣ наши войска вступили въ городъ Бучачъ и, развивая наступленіе вдоль Днѣстра, захватили селеніе Сцянска. Въ селѣ Потокъ-Злоты захваченъ большой артиллерійскій паркъ со снарядами и патронами. Наступленіе продолжается.

Въ бояхъ за 27-го мая вновь взято въ плѣнъ 97 офицеровъ и около пяти съ половиной тысячъ нижнихъ чиновъ и захвачено 11 орудій. Всего за операцію пока взято въ плѣнъ зарегистрированныхъ 1.240 офицеровъ и около 71.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 94 орудія, 167 пулеметовъ и 53 бомбомета. Кромѣ того, захвачено много другой боевой добычи.

На фронтѣ рѣки Двины во многихъ мѣстахъ артиллерійская перестрѣлка. Въ ночь на 27-ое мая германская артиллерія открывала сильный артиллерійскій и минометный огонь по различнымъ участкамъ двинскихъ позицій. Въ районѣ села Крево (южнѣе Сморгони) непріятель нѣсколько разъ пытался приближаться къ нашимъ окопамъ, но былъ отгоняемъ нашимъ огнемъ. На Огинскомъ каналѣ мѣстами происходила оживленная перестрѣлка.

На Кавказскомъ фронтѣ въ трапезондскомъ районѣ наши части сбили противника съ позицій къ западу отъ города Платаны. Контръ-атака турокъ была отбита съ большими для нихъ потерями.

28-го мая въ Бельгіи разрушительный огонь артиллеріи нашихъ союзниковъ, направленный на германскія оборонительныя сооруженія въ участкѣ дюнъ, вызвалъ два пожара, за которыми послѣдовали взрывы.

На фронтѣ къ сѣверу отъ Вердена продолжался весьма энергичный артиллерійскій бой на обоихъ берегахъ рѣки Мааса. Дѣйствій пѣхоты въ теченіе дня не было. Французскія батареи обстрѣляли непріятельскія колонны къ сѣверу отъ селенія Дуомонъ.

Въ Вогезахъ къ югу отъ перевала Сентъ-Мари германскія части, пытавшіяся приблизиться къ нашимъ линіямъ послѣ ожесточенной бомбардировки, были отброшены въ свои траншеи французскимъ пулеметнымъ огнемъ.

28-го мая итальянская главная квартира сообщила о томъ, что послѣ тяжелой неудачи и огромныхъ потерь, понесенныхъ 26 мая, непріятель ограничивался слабымъ артиллерійскимъ обстрѣломъ итальянскихъ позицій. Зато итальянскія войска произвели въ нѣсколькихъ пунктахъ фронта контръ-атаки, вызвавъ этимъ появленіе большихъ массъ непріятельскихъ войскъ, удачно обстрѣлянныхъ нашими батареями. Итальянцы продвинулись нѣсколько впередъ въ Верхнемъ Валь-Арсо, въ участкѣ Монте-Новего, у горной рѣчки Позины, затѣмъ въ долинѣ Астико, а также на западныхъ склонахъ Монте-Ченджо. Въ горныхъ долинахъ Ботте и Ансіеи итальянскія войска продолжали непрерывно продвигаться впередъ.

На остальномъ протяженіи итальянскаго фронта вплоть до моря происходила обычная артиллерійская перестрѣлка, метаніе бомбъ и мелкіе набѣги итальянскихъ отрядовъ.

28-го мая великобританское адмиралтейство опубликовало слѣдующее донесеніе главнокомандующаго Большимъ флотомъ:

«Нынѣ установлено, что крейсеръ «Hampshire» наткнулся на мину въ прошлый понедѣльникъ, около 8 часовъ вечера. Крейсеръ конвоировался двумя

Библиотека "Руниверс"

контръ-миноносцами до того момента, когда, въ виду крайне сильнаго волненія, командиръ его былъ вынужденъ отослать ихъ обратно, что произошло около 7 час. вечера. Изъ показаній немногихъ оставшихся въ живыхъ видно, что взрывъ произошелъ незадолго до 8 час. вечера, причемъ крейсеръ затонулъ въ 10 минутъ.

«Немедленно вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о гибели судна на мѣсто происшествія былъ отправленъ отрядъ контръ-миноносцевъ и сторожевыхъ судовъ; кромѣ того, особыя команды были посланы для розысковъ въ автомобиляхъ вдоль берега. Какъ передаютъ, съ берега было видно, что отъ крейсера отвалили четыре шлюпки. Всѣмъ посланнымъ на помощь судамъ было приказано искать шлюпки и подавать имъ помощь.

«Однако, несмотря на эти мѣры, главнокомандующій флотомъ вынужденъ, къ своему величайшему огорченію, прійти къ заключенію, что не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что шлюпки были разбиты волнами на подвѣтренномъ берегу.

«Такимъ образомъ, за исключеніемъ добравшихся до берега на плоту 12 оставшихся въ живыхъ человѣкъ, не слѣдуетъ уже надѣяться на спасеніе еще кого бы то ни было».

29 мая сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

По полученнымъ донесеніямъ, наступленіе нашихъ войскъ на Волыни, Галиціи и Буковинѣ 28-го мая продолжалось, сопровождаясь новыми успѣхами. Непріятельскія арміи продолжаютъ нести (даже считая только однихъ плѣнныхъ) огромныя потери. Лихіе удары нашихъ войскъ отдаютъ въ ваши руки новыя тысячи плѣнныхъ и самую разнообразную военную добычу, количество которой въ настоящее время даже не поддается болѣе или менѣе точному учету. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ участковъ взятыхъ непріятельскихъ позицій нами захвачены 21 прожекторъ, 2 обоза, 29 походныхъ кухонъ, 47 пулеметныхъ двуколокъ, 12.000 пудовъ колючей проволоки, 1.000 бетонныхъ брусьевъ, 7 милліоновъ бетонныхъ кубовъ, 10.000 пудовъ угля, огромные склады огнестрѣльныхъ припасовъ, громадное количество оружія, снаряженія и разнаго имущества.

На другомъ участкѣ нами взято 300.000 ружейныхъ патроновъ, 300 коробовъ пулеметныхъ лентъ, 200 ящиковъ ручныхъ гранатъ, 1.000 исправныхъ винтовокъ, 4 пулемета, 2 артиллерійскихъ дальномѣра и одинъ новый нортоновскій колодецъ (переносный колодецъ для добычи питьевой вод).

Захватъ огромнаго количества заготовленнаго непріятелемъ для различныхъ сооруженій матеріала самъ по себѣ говоритъ о своевременности нашего удара.

Въ бояхъ 28 мая было вновь взято въ плѣнъ: 1 генералъ, 409 офицеровъ, 35.100 нижнихъ чиновъ, 30 орудій, 13 пулеметовъ и пять бомбометовъ.

Такимъ образомъ, общее количество плѣнныхъ, взятыхъ за операцію, пока составляетъ: 1 генералъ, 1.649 офицеровъ, свыше 106.000 нижнихъ чиновъ, 124 орудія, 180 пулеметовъ и 58 бомбометовъ.

Изъ отдѣльныхъ боевъ и эпизодовъ пока извѣстны слѣдующіе:

Лихой бой одной изъ нашихъ молодыхъ частей у Рожище (на Стыри), ниже Луцка. Здѣсь нѣмцы пытались оказать поддержку австрійцамъ, но атакой

Библиотека "Руниверс"

нашей пѣхоты, подъ прикрытіемъ огня тяжелой артиллеріи, были выбиты изъ мѣстечка, потерявъ болѣе 2.000 плѣнными, два орудія и пулеметы. Наши войска преслѣдуютъ отступающихъ германцевъ. Войска, дѣйствующія въ районѣ гор. Дубна, тѣсня непріятеля, взяли городъ Дубно и фортъ.

Нѣкоторыя части переправились черезъ Икву и развиваютъ наступленіе. Часть ихъ заняла районъ селенія Демидовки на шоссе Млыновъ—Берестечно. Непріятельскій гарнизонъ опорнаго пункта въ Млыновѣ былъ принужденъ къ сдачѣ. При выбитіи непріятеля изъ главной его позиціи сѣвернѣе Бучача захвачено много плѣнныхъ, въ томъ числѣ штабъ одного австрійскаго батальона и большое количество оружія.

Непріятель сброшенъ въ р. Стрыпу.

У Оссовца (сѣвернѣе Бучача) однимъ изъ полковъ захвачена цѣлая батарея, въ составѣ четырехъ 10-сантиметровыхъ гаубицъ. Невзирая на отчаянное сопротивленіе непріятеля, не только фланговый, но даже и тыльный артиллерійскій огонь и на взрывы горновъ, непріятельская позиція южнѣе Доброновце (20 верстъ сѣверо-восточнѣе Черновицъ), взята войсками генерала Лечицкаго. Только въ одномъ этомъ районѣ нами взято въ плѣнъ 18.000 нижнихъ чиновъ, 1 генералъ, 347 офицеровъ и 10 орудій. Въ моментъ посылки донесеній плѣнные продолжали пребывать большими партіями.

Юго-восточнѣе Залещиковъ рѣшительнымъ ударомъ непріятель былъ сбитъ и отходитъ. Станція Юркутцъ взорвана непріятелемъ.

Текинцы въ конномъ строю атаковали отходящаго непріятеля, превративъ этотъ отходъ въ безпорядочное отступленіе. Пытаясь исправить создавшееся положеніе, непріятель во многихъ мѣстахъ переходитъ въ ожесточенныя контръатаки. Такъ, на разсвѣтѣ 28 мая въ районѣ Семки (восточнѣе Колковъ) превосходныя силы непріятеля атаковали наши выдвинувшіяся впередъ части и при поддержкѣ сосредоточеннаго огня артиллеріи потѣснили ихъ на правый берегъ рѣки Стыри. Но дальнѣйшее развитіе этого наступленія было нами въ тотъ же день остановлено.

Очень большое упорство непріятель проявляетъ въ районѣ Торговицы (на Стыри, выше Луцка), гдѣ кипитъ ожесточенный бой.

Общіе результаты непрерывныхъ ожесточенныхъ ударовъ нашихъ войскъ въ періодъ съ 22 по 28 мая даютъ картину прорыва непріятельскаго укрѣпленнаго расположенія на фронтахъ всѣхъ нашихъ армій, ведущихъ бой на пространствѣ отъ района Полѣсья до румынской границы.

На кавказскомъ фронтѣ турки вели повторныя атаки на наши позиція отъ Платаны, но были отброшены съ большими потерями. Передъ нашими окопами лежатъ сотни непріятельскихъ труповъ. На гюмишханскомъ направленіи наши части заняли первую линію окоповъ противника. На діарбекирскомъ направленіи наши войска продвинулись впередъ, захвативъ при этомъ плѣнныхъ и зарядные ящики.

Французская артиллерія разрушила германское укрѣпленіе въ районѣ лѣса Сенъ-Маркъ. Къ сѣверу отъ Вердена происходилъ усиленный артиллерійскій бой; всѣ атаки германцевъ были отбиты.

Библиотека "Руниверс"

На пространствѣ между рѣками Адидже и Брентой наступленіе итальянцевъ продолжало развиваться.

30-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ ночь на 29-го мая, вслѣдствіе грозъ на югѣ Россіи, произошелъ временный перерывъ телеграфнаго сообщенія. Въ виду этого доставка донесеній задержалась, и свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ армій нѣсколько ограничены. Полученныя донесенія свидѣтельствуютъ, что наступленіе войскъ ген.-ад. Брусилова продолжалось. На многихъ участкахъ ведется преслѣдованіе разбитаго непріятеля. Мѣстами идутъ жаркіе бои съ противникомъ, переходящимъ въ отчаянныя контръ-атаки. Общее число взятыхъ нами плѣнныхъ возросло до 1.700 офицеровъ и 113.000 нижнихъ чиновъ.

Получены слѣдующія подробности боевъ. Въ упоминавшемся вчера бою у Рожище одной изъ нашихъ молодыхъ частей взято въ плѣнъ германцевъ 18 офицеровъ и 1.185 нижнихъ чиновъ и австрійцевъ 26 офицеровъ и 742 нижнихъ чина. (Вчера была приведена круглая цифра 2.000 плѣнныхъ). Къ югу отъ Луцка на фронтѣ р. Иквы непріятель поспѣшно и въ безпорядкѣ отходитъ. Наши войска преслѣдуютъ его по пятамъ.

Въ Галиціи, въ районѣ деревень Глядки и Воробьевки (сѣвернѣе Тарнополя), непріятель яростно и неоднократно (до шести разъ) атаковалъ наши части, но къ утру 29-го мая былъ отброшенъ. Здѣсь отмѣчается выдающаяся доблесть нашей артиллеріи, которая, невзирая на подавляющій огонь непріятеля, встрѣчала всѣ атаки развитіемъ ураганнаго огня. Въ районѣ Бебулинце, сѣвернѣе Бучача, австрійцы, поддержанные вновь переброшенными въ этотъ районъ германскими частями, оказывали упорное сопротивленіе. Рядъ контръатакъ противника, чередовавшихся съ нашими атаками, заставилъ здѣсь наши войска нѣсколько податься назадъ. Бой продолжается съ возрастающимъ ожесточеніемъ.

Въ районѣ къ югу отъ Днѣстра наши войска вчера были уже у предмостнаго укрѣпленія Залещиковъ и вели бой за предмѣстья гор. Черновицъ. Въ Черновицахъ наблюдались сильные взрывы, мостъ у с. Махалы, восточнѣе Черновицъ, былъ непріятелемъ взорванъ. Число плѣнныхъ, взятыхъ войсками ген. Лечицкаго, возросло до 21.000 человѣкъ. Эти плѣнные принадлежатъ въ венгерскимъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ частямъ.

На правомъ флангѣ рижскаго плацдарма нѣмцы переходили въ наступленіе сѣвернѣе Типульскаго болота, но были отбиты, послѣ чего наши части снова продвинулись впередъ. На всемъ фронтѣ якобштадтскихъ позицій утромъ 29-го мая нѣмцы внезапно открыли сильный ружейный и артиллерійскій огонь. Спустя нѣкоторое время ихъ цѣпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двинулись впередъ, но, отбитыя повсюду нашимъ огнемъ, отошли въ свой окопъ.

Въ ночь на 29-е мая, значительныя силы нѣмцевъ, послѣ артиллерійской подготовки, перешли въ наступленіе южнѣе оз. Дрисвяты. Встрѣченныя нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ, онѣ и здѣсь отошли назадъ.

Въ районѣ къ югу отъ м. Крево непріятель въ ночь на 28 мая, открылъ сильный артиллерійскій огонь, послѣ чего перешелъ въ наступленіе въ значительныхъ силахъ къ югу отъ дер. Кочаны. Частямъ противника удалось задержаться

Библиотека "Руниверс"

въ лѣсу западнѣе д. Кочаны. Подвергнутый артиллерійскому обстрѣлу и забросанный ручными гранатами, непріятель вынужденъ очистить большую часть занятаго имъ участка лѣса. На Ясельдѣ мы отбили огнемъ наступленіе противника 30-го мая, въ день св. Духа, по окончаніи Божественной литургіи, совершенной въ церкви штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ Царской Ставкѣ, на площади передъ штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго, былъ отслуженъ протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства о. Шавельскимъ благодарственный Господу Богу молебенъ за ниспосланныя россійскому воинству побѣды.

31-го мая послѣ 48-часового перерыва непріятель возобновилъ отчаянныя атаки на правомъ берегу Мааса. Этотъ бой имѣлъ небывало яростный характеръ. Онъ начался въ ночь съ 29 на 30 мая наступленіемъ, потерпѣвшимъ полную неудачу. Утромъ 30 мая и въ теченіе всего дня 31 мая бой продолжался въ видѣ ряда непрерывныхъ штурмовъ на укрѣпленіе Тіомонъ. Однако, когда непріятель, окончательно истощенный, вынужденъ былъ къ вечеру прекратить яростныя атаки, французская линія осталась безъ измѣненій.

Итальянцы продвинулись впередъ на участкѣ Пазубіо, на линіи Позино—Астико, на возвышенности Сетте-Комуни и въ долинѣ Сучана.

31-го мая штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Вслѣдствіе выхода во многихъ мѣстахъ австро-венгерскихъ и австро-германскихъ войскъ изъ-подъ ударовъ нашихъ южныхъ армій, общая цифра взятыхъ нами плѣнныхъ, показанныхъ во вчерашнемъ сообщеніи, пока мало повысилась, составляя всего 1.700 офицеровъ и 114.000 нижнихъ чиновъ. Въ частности извѣстно, что войсками генерала Лечицкаго съ начала операцій взяты въ плѣнъ: 1 генералъ, 3 командира полка, 754 офицера и 37.832 нижнихъ чина и захвачено 120 пулеметовъ, 49 орудій, 21 бомбометъ и 11 минометовъ.

Къ сѣверо-западу отъ Рожище, сбивъ германцевъ, наши войска подошли къ р. Стоходу. Къ западу отъ Луцка наши войска заняли Торчинъ и продолжаютъ тѣснить непріятеля. На фронтѣ р. Стрыпы, къ сѣверу отъ с. Бобулинце, упорный бой продолжается. Деревня Зарваница послѣ отчаяннаго сопротивленія непріятеля взята нами. На нѣкоторыхъ участкахъ обнаружены спѣшныя работы непріятеля по укрѣпленію заранѣе подготовленныхъ позицій.

На участкѣ Днѣстра и южнѣе наши войска, съ боемъ перейдя черезъ Днѣстръ и овладѣвъ въ числѣ многихъ укрѣпленныхъ пунктовъ также и м. Залещики, продвигаются впередъ. С. Городенка, сѣверо-западнѣе м. Залещиковъ, въ нашихъ рукахъ.

На участкѣ р. Прута, отъ Лояна до Непоколоутца, наши войска вплотную подошли къ лѣвому его берегу.

У предмостнаго укрѣпленія Черновицъ идетъ горячій бой.

Противникъ повсюду въ оставленныхъ имъ мѣстахъ бросилъ огромное количество военной добычи. Такъ, на путяхъ отъ Дубно на Козинъ брошена цѣлая сѣть телефонныхъ проводовъ, множество патроновъ, минометы, автомобили, узкоколейка съ большимъ количествомъ вагонетокъ и продовольственный складъ. Тутъ же у сел. м. Мильча, на высотѣ, оставленъ нетронутымъ отовсюду замѣт-

Библиотека "Руниверс"

ный памятникъ австрійскихъ побѣдъ въ видѣ высокой колонны, увѣнчанной австрійскимъ орломъ.

Въ с. Садагура (сѣвернѣе Черновицъ) захваченъ большой складъ инженернаго имущества и подвѣсная желѣзная дорога.

Въ одномъ изъ приказовъ, найденныхъ у убитаго германскаго офицера, при описаніи распредѣленія частей встрѣчается выраженіе: «и другіе разбитые австрійцы».

На фронтѣ р. Двины и южнѣе Двинска нѣмцы производили въ нѣсколькихъ мѣстахъ обстрѣлъ нашихъ позицій.

Государь Императоръ принимаетъ депутацію войскъ Кавказской арміи, участвовавшихъ во взятіи крѣпости Эрзерума. Представленіе Его Императорскому Величеству турецкихъ знаменъ.

На діарбекирскомъ направленіи наши части, скрытно подойдя къ расположенію турокъ, атаковали противника на отдыхѣ и захватили его лагерь; противникъ, понеся потери, бѣжалъ.

Атака турокъ въ районѣ Ревандуза нами отбита.

1-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ:

На всемъ фронтѣ къ югу отъ Полѣсья и до румынской границы наши войска продолжаютъ тѣснить непріятеля. За 31 мая было вновь взято въ плѣнъ около 6.000 нижнихъ чиновъ при 20 офицерахъ, захвачено 6 орудій, 10 пулеметовъ, много зарядныхъ ящиковъ. Общее число зарегистрированныхъ плѣнныхъ и

Библиотека "Руниверс"

трофеевъ за операцію составляетъ около 10.000 нижнихъ чиновъ, 1.720 офицеровъ, 130 орудій и 260 пулеметовъ.

Нѣкоторыя части противника находятся въ совершенномъ разстройствѣ, судя, напримѣръ, по тому, что въ бояхъ съ 24-го по 29-е мая войсками генерала Щербачева на сравнительно небольшомъ участкѣ взято въ плѣнъ зарегистрированныхъ 414 офицеровъ, 17,000 нижнихъ чиновъ и захвачено 29 орудій, 34 пулемета, 56 зарядныхъ ящиковъ и другая военная добыча. Поступающія донесенія указываютъ, что мѣстами непріятель бросилъ столь большое количество различнаго боевого имущества, что подсчитать его въ короткій срокъ не является возможнымъ (напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ оказалось брошеннымъ 30 верстъ полевой желѣзной дороги).

На путяхъ къ Владимиру-Волынскому противникъ оказывалъ упорное сопротивленіе. Бои ведутся западнѣе с. Затурцы (на полдорогѣ Луцкъ—Владимиръ-Волынскій). Въ лихой конной атакѣ наши казаки въ районѣ Затурцевъ изрубили эскадронъ непріятеля. Къ западу отъ Дубна наши войска, тѣсня непріятеля, продвинулись, за селеніе Демидовку, а юго-западнѣе Дубна овладѣли сел. Козинъ. Сѣвернѣе Бучача, въ районѣ праваго берега р. Стрыпы, непріятель производитъ сильныя контръ-атаки.

Въ бояхъ 31 мая нашимъ войскамъ удалось, однако, и здѣсь потѣснить непріятеля, занявъ высоты западнаго берега въ районѣ Гайворонка—Бобулинце; къ югу отъ Днѣстра нами занятъ гор. Снятынь. Бой за черновицкое предмостное укрѣпленіе продолжается. На фронтѣ р. Двины нѣмцы обстрѣливали сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ икскюльское предмостное укрѣпленіе. Южнѣе Сморгони была отражена попытка противника приблизиться къ нашимъ позиціямъ. Въ районѣ Барановичей и далѣе на югъ, до района Полѣсья, за вчерашній день было нѣсколько столкновеній и со значительными партіями противника.

На кавказскомъ фронтѣ, на багдадскомъ направленіи нами остановлено наступленіе большихъ силъ противника.

На итальянскомъ фронтѣ атаки непріятеля на фронтѣ Позины были всюду отбиты.

Контръ атаки непріятеля противъ итальянскихъ войскъ на Верхнемъ Бойто потерпѣли полную неудачу.

Германскія силы въ Восточной Африкѣ, отступивъ къ югу, сосредоточиваются въ районѣ Китега. Бельгійцы достигли Узумбуру, Лузараки и Казими; лѣвая колонна ихъ захватила проходы къ озеру Танганайка.

2-го іюня сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

На фронтѣ рѣки Двины и юго-западнѣе озера Нарочь непріятельская артиллерія во многихъ мѣстахъ открывала сильный артиллерійскій огонь. Слѣдовавшія за нимъ попытки нѣмцевъ выйти изъ окоповъ и начать наступленіе были нами повсюду отбиты. Въ районѣ Барановичей произошелъ частный бой, въ которомъ мы, овладѣвъ сначала непріятельскими окопами, подъ натискомъ германцевъ отошли затѣмъ въ прежнее положеніе. Наступленіе войскъ генерала Брусилова 1 іюня продолжалось.

На различныхъ участкахъ фронта вновь взяты плѣнные и военная добыча.

Библиотека "Руниверс"

Противникъ мѣстами продолжаетъ вести контръ-атаки и закрѣпляться на новыхъ рубежахъ.

По дополнительнымъ донесеніямъ болѣе точный подсчетъ далъ слѣдующія цифры взятыхъ пока плѣнныхъ и трофеевъ: плѣнныхъ—1 генералъ, 3 командира полковъ, 2.467 офицеровъ, 5 врачей, до 150.000 нижнихъ чиновъ, трофеевъ—163 орудія, 266 пулеметовъ, 131 бомбометъ, 32 миномета.

На Балтійскомъ морѣ наши миносцы въ ночь съ 31 мая на 1 іюня атаковали караванъ непріятельскихъ пароходовъ, шедшихъ съ охраной. Во время боя съ конвоемъ нами потоплено два охранныхъ судна типа малыхъ миноносцевъ и вспомогательный крейсеръ, съ котораго взята въ плѣнъ команда. У насъ потерь и поврежденій нѣтъ. Во время боя непріятельскіе пароходы направились въ территоріальныя воды Швеціи, почему нами не преслѣдовались.

2-го іюня на лѣвомъ берегу рѣки Мааса французскія войска, послѣ артиллерійской подготовки, энергичной атакой овладѣли германской траншеей на южныхъ склонахъ Мортомма, захвативъ 130 плѣнныхъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ. Происходила усиленная дѣятельность артиллеріи въ районѣ Шатанкура у высоты 304. На правомъ берегу рѣки непріятель ожесточенно бомбардировалъ участки полевого укрѣпленія Тіомона и Сувилли. Артиллерійскій огонь съ перерывами велся на остальномъ фронтѣ. Непріятельскія атаки въ районѣ Мортомма и между высотами 321 и 320, а также у опушки лѣса Кайеттъ успѣшно отражены.

Итальянцы проникли въ непріятельскія линіи къ востоку отъ Монфальконе.

3 іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Верховнымъ Главнокомандующимъ Государемъ Императоромъ получена слѣдующая телеграмма короля Италіи: «Съ чувствомъ полнаго восхищенія, вмѣстѣ со всѣмъ итальянскимъ народомъ, мысленно слѣжу за мощнымъ, побѣдоносно развивающимся наступленіемъ Твоихъ армій. Шлю Тебѣ мои самыя горячія и дружественныя поздравленія. Въ убѣжденіи, что общія усилія приведутъ къ полному и окончательному успѣху, я прошу Тебя вѣрить моей неизмѣнной дружбѣ. Викторъ-Эмануилъ».

На фронтѣ армій, къ югу отъ Полѣсья, бои продолжаются. Непріятель въ столкновеніи съ нашими войсками несетъ тяжелыя потери. Получены слѣдующія подробности о ходѣ операцій на нѣкоторыхъ участкахъ. Въ сильныхъ, но безуспѣшныхъ контръ-атакахъ непріятеля на Стыри, въ районѣ Сокуля (сѣвернѣе Рожище), нами было взято въ плѣнъ 20 офицеровъ и 1.750 нижнихъ чиновъ.

Въ районѣ къ западу и юго-западу отъ Луцка наша конница, преслѣдуя непріятеля, имѣла нѣсколько удачныхъ дѣлъ. Къ сѣверо-западу отъ Кременца наши молодецкія части, принадлежащія къ составу войскъ генерала Сахарова, послѣ упорнаго боя, стремительнымъ ударомъ выбили непріятеля изъ укрѣпленной позиціи на р. Пляшевкѣ, между Козинымъ и Торнавкой. Одинъ изъ молодыхъ полковъ, во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Татаровымъ, вбродъ по горло, переправился черезъ рѣку. Одна изъ ротъ, попавъ на глубокое мѣсто, погибла смертью героевъ. Доблесть войскъ и начальниковъ увѣнчалась безпорядочнымъ бѣгствомъ непріятеля. При этомъ нами взято въ плѣнъ

Библиотека "Руниверс"

70 офицеровъ, 5.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 2 орудія, много пулеметовъ, тысячи винтовокъ, патроновъ, огромные запасы колючей проволоки. Такимъ же стремительнымъ ударомъ пѣхоты, при могучемъ содѣйствіи артиллеріи, послѣ упорнаго боя, взятъ Ростокскій лѣсъ (южнѣе Н.-Почаева), захвачены плѣнные, пулеметы и бомбометы.

Въ войскахъ генерала Щербачева геройскими усиліями 2 іюня, къ 9-ти часамъ вечера, австрійцы были опрокинуты въ районѣ Гайворонка—Гниловоды (западный берегъ р. Стыри, сѣверо-западнѣе Бучача); упорный бой съ австрійцами и поддерживающими ихъ германцами еще продолжается; пока взято до 6.000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

Непріятельскій аэропланъ бросалъ бомбы въ Тарнополь.

Лихіе донскіе казаки взяли въ плѣнъ 7 офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ. Приблизительный подсчетъ за 2 іюня даетъ плѣнными около 100 офицеровъ и врачей и 14.000 нижнихъ чиновъ и много матеріальной части.

На фронтѣ р. Двины и далѣе на югъ до района Полѣсья произошла ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Наша артиллерія открывала 2 іюня сильный огонь въ двинскомъ районѣ. Попытки противника переходить на нѣкоторыхъ участкахъ въ наступленіе были всюду отражены нашимъ огнемъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ турки нѣсколько разъ переходили въ наступленіе, но были отброшены нашимъ огнемъ. На багдадскомъ направленіи 1-го іюня турки повели наступленіе и заняли гор. Серпуль, но затѣмъ нашими частями были изъ него выбиты и оттѣснены на свои прежнія позиціи.

3 іюня французское офиціальное сообщеніе гласило: «За истекшія сутки артиллерійская перестрѣлка на обоихъ берегахъ Мааса имѣла прерывающійся характеръ; пѣхотныхъ боевъ не было. Подтверждается, что атака, произведенная нами 2 іюня на южныхъ склонахъ Мортомма, дала намъ возможность занять непріятельскія траншеи на пространствѣ около километра. Всѣ попытки германцевъ выбить насъ изъ нихъ потерпѣли полную неудачу. Количество плѣнныхъ превышаетъ 200 человѣкъ, въ числѣ коихъ 6 офицеровъ. На остальномъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго».

На восточномъ фронтѣ ходъ военныхъ операцій съ 18 мая по 2 іюня былъ таковъ:

Въ районѣ Вардара и Дойранскаго озера дѣятельность артиллеріи обѣихъ сторонъ не прекращалась въ теченіе истекшихъ двухъ недѣль; артиллерійскіе бои принимали напряженный характеръ 22, 26, 28, мая и 2 іюня. Крупныхъ пѣхотныхъ боевъ не было; лишь въ гористомъ районѣ къ западу отъ Вардара было нѣсколько столкновеній сторожевыхъ отрядовъ. На Струмѣ болгары съ лихорадочной поспѣшностью укрѣплялись въ районѣ форта Рупель, не продвигаясь, однако, дальше вглубь греческой территоріи. За указанное время непріятельскіе аэропланы проявляли слабую дѣятельность. Наши летчики 18 мая обстрѣляли непріятельскія лагерныя расположенія и укрѣпленія у Петрича, 25 мая мѣстности: Петричъ, Гевгели, Иштипъ и Радовицу. 29 мая—фортъ Рупель, 1 іюня—Петричъ и Струмицу. 21 мая въ Солуни было объявлено осадное положеніе; введеніе его не вызвало никакихъ инцидентовъ.

Библиотека "Руниверс"

3-го іюня итальянская главная квартира сообщила: «Между Адиже и Брентою непріятель дѣлалъ новыя безуспѣшныя, но дорого стоившія ему усилія разбить наше сопротивленіе, доказавшее свою силу вдоль всей линіи фронта. Въ долинѣ Лагарина въ ночь съ 2-го на 3-е іюня непріятель значительными силами пытался внезапнымъ нападеніемъ овладѣть нашими позиціями у Серравелле и на Коницунья. На разсвѣтѣ, послѣ трехчасового жестокаго боя, колонны непріятеля поспѣшно бѣжали, преслѣдуемыя огнемъ нашей артиллеріи. На фронтѣ Позино—Астико непріятель, послѣ ночной атаки въ районѣ Кампилья, ограничился сильной бомбардировкой, на которую отвѣчали наши батареи. На плоскогорьѣ Азіаго непріятель силами до 18 батальоновъ атаковалъ наши линіи между Монте-Пари и Монте-Лемерле послѣ обычной артиллерійской подготовки. Рѣшительная атака въ велась центрѣ, а демонстративныя на флангахъ. Заграждающій огонь предшествовалъ бою и прикрывалъ ожесточенныя атаки непріятельской пѣхоты, которыя всѣ до одной потерпѣли неудачу передъ нашими линіями, гдѣ непріятель оставилъ груды труповъ. Мы произвели успѣшную контръ-атаку съ горы Лемерле, взявъ нѣсколько плѣнныхъ и пулеметовъ. Во время всѣхъ этихъ дѣйствій въ общемъ взято 254 плѣнныхъ. На остальномъ фронтѣ вплоть до моря ничего выдающагося».

Англичане въ Восточной Африкѣ подошли на близкое разстояніе къ Хандени, гдѣ окопались германцы. Англичане заняли Укереве и захватили два крупповскихъ орудія.

4-го штабъ Верховнаго Главнокомандующаго опубликовалъ:

Верховнымъ Главнокомандущимъ Государемъ Императоромъ получена слѣдующая телеграмма императора Японіи:

«Съ большимъ удовольствіемъ получивъ пріятное извѣстіе о славной побѣдѣ, одержанной Вашей доблестной арміей въ Галиціи, я спѣшу принести Вашему Императорскому Величеству мои самыя искреннія поздравленія по поводу этого великаго боевого подвига Вашей арміи.

«Іосихито».

Съ цѣлью остановить наше наступленіе на Львовъ, непріятель, усиленный подвезенными съ другихъ фронтовъ частями, ведетъ во многихъ мѣстахъ яростныя контръ-атаки на войска генерала Брусилова.

На рѣкѣ Стыри, къ западу отъ мѣстечка Колки, 3 іюня вечеромъ непріятель подъ сильнымъ огнемъ нашей артиллеріи перешелъ въ наступленіе въ районѣ деревни Гадомичи. Отбивъ атаку, наши войска на плечахъ непріятеля ворвались на его позицію на сѣверномъ берегу Стыри, взявъ при этомъ въ плѣнъ свыше 15 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ.

На рѣкѣ Стоходѣ (сѣверо-западнѣе Рожище) въ жаркомъ бою съ германцами сибирцы, во главѣ съ полковникомъ Кислымъ, доблестной атакой овладѣли селеніемъ Свидники, взявъ въ плѣнъ 4 офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ германцевъ. Бѣлорусскіе гусары въ конномъ строю, при содѣйствіи огня конной артиллеріи, произвели лихую атаку цѣпей непріятеля и, пройдя три линіи этихъ цѣпей, перекололи и изрубили болѣе двухъ ротъ австрійцевъ. 3-го іюня же въ полдень наша кавалерія заняла Радзивиловъ, выбивъ оттуда

Библиотека "Руниверс"

непріятеля, и тѣснитъ его на Броды. Изъ Стараго и Новаго Почаева и изъ древней Почаевской лавры непріятель отброшенъ и они 3 іюня заняты нашими войсками. Въ одномъ изъ районовъ на Стрыпѣ въ бояхъ 3-го іюня, по личному впечатлѣнію очевидца—корпусного командира, «все поле бѣжало. Австрійцы и германцы смѣшались въ одну кучу, разстрѣливаемые бѣшенымъ огнемъ нашихъ батарей, и падали сотнями. Взводы батарей карьеромъ выѣзжали на открытыя позиціи и прямой наводкой разстрѣливали бѣгущихъ. Порывъ войскъ былъ неудержимъ».

Въ районѣ Гайворонки и Курдвановки на Стрыпѣ кипитъ горячій бой. Непріятель бѣшено атакуетъ. На пути Снятынь—Коломеа непріятель отброшенъ за рѣку Черняву. Наша артиллерія въ районѣ двинскихъ позицій продолжала обстрѣлъ непріятеля съ замѣтнымъ успѣхомъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наступательныя попытки турокъ на трепезундскомъ участкѣ фронта нами отбиты. Въ районѣ Платаны наши части продвинулись впередъ. На моссульскомъ направленіи наши развѣдчики въ числѣ 27 человѣкъ наткнулись на непріятельскій отрядъ, силой около 300 человѣкъ, и вступили съ ними въ бой, продолжавшійся непрерывно около двухъ часовъ; наша горсть лихихъ развѣдчиковъ мѣткимъ огнемъ выбила противника изъ занимаемаго имъ района; непріятель бѣжалъ.

4-го іюня на лѣвомъ берегу Мааса продолжается непрерывный обстрѣлъ французскихъ первыхъ линій у высоты «304, и вторыхъ линій въ районѣ Шаттанкура. На правомъ берегу Масса атака французскихъ войскъ на германскія позиціи къ сѣверу отъ высоты 301 позволила французамъ занять нѣсколько участковъ траншей и захватить около 30 плѣнныхъ.

Въ теченіе дня 4-го іюня происходила ожесточенная артиллерійская борьба на участкѣ къ югу отъ форта Во. Въ Апремонскомъ лѣсу происходила борьба при помощи ручныхъ гранатъ. Французская артиллерія подвергла обстрѣлу лагерныя расположенія и сооруженія германцевъ въ Монъ-Секѣ къ востоку отъ Сенъ-Міэля. Одно изъ французскихъ дальнобойныхъ орудій открыло огонь по станціи Виньель-ле-Аттоншатель и вызвало тамъ пожаръ.

Французы отразили атаки нѣмцевъ и отбросили ихъ отъ своихъ новыхъ позицій у Мортона. Рядъ германскихъ атакъ противъ траншей къ сѣверу отъ Тіомонскаго укрѣпленія потерпѣлъ неудачу.

Англійскій контръ-миноносецъ «Edeu» затонулъ въ Ламаншѣ.

Къ сѣверо-востоку отъ Азіаго итальянскія войска достигли верхней части долины Френцела и Кастель Томберто, причемъ захватили 203 плѣнныхъ и 6 орудій.

Англійскія и французскія суда стали на якорь въ бухтѣ Суды; другой отрядъ находится у Кавалы.

Въ Восточной Африкѣ колонна генерала Тембера атаковала въ Кивитаве непріятельскій арьергардъ, причемъ германцы очистили, понеся тяжелыя потери, позицію. Португальцы энергично отбросили въ Восточной Африкѣ нѣмцевъ, атаковавшихъ пограничный постъ Унде.

5-го штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Библиотека "Руниверс"

Верховнымъ Главнокомандующимъ Государемъ Императоромъ получены слѣдующія телеграммы:

1) Сербскаго короля: «Отъ всего моего сердца спѣшу передать Вашему Величеству мои искреннѣйшія поздравленія по поводу громоноснаго успѣха Вашихъ блестящихъ солдатъ. Мои самыя горячія пожеланія всегда съ Вашимъ Величествомъ, лично ведущимъ свои арміи.

«Петръ».

2) Сербскаго королевича: «Сердца сербскихъ солдатъ день ото дня все живѣе наполняются радостью при извѣстіяхъ о все растущихъ размѣрахъ побѣдъ, одержанныхъ геройскими войсками подъ командованіемъ Вашего Величества. Являясь толкователемъ ихъ чувствъ, я приношу Вамъ, Государь, ихъ самыя горячія поздравленія, ровно какъ и выраженіе увѣренности въ конечномъ торжествѣ, такъ счастливо выражающемся въ громкихъ успѣхахъ славной русской арміи, столь близкой сербскому сердцу. Позвольте мнѣ, Государь, присоединиться къ нимъ отъ всей моей души.

«Александръ».

На фронтѣ арміи генерала Брусилова непріятель, оказывая упорное сопротивленіе, переходилъ въ неоднократныя контръ-атаки. Съ успѣхомъ ихъ отражая и на многихъ направленіяхъ тѣсня непріятеля, наши войска продолжаютъ наступать, беря плѣнныхъ и добычу. 4-го іюня въ 4 часа дня войска генерала Лечицкаго взяли штурмомъ предмостное укрѣпленіе гор. Черновицъ (Черновцы) на лѣвомъ берегу р. Прута. Послѣ упорнаго боя на переправахъ черезъ рѣку Прутъ, мосты черезъ который были взорваны непріятелемъ, городъ Черновицы (Черновцы) занятъ нами. Войска преслѣдуютъ непріятеля, отходящаго къ Карпатскимъ переваламъ. При взятіи укрѣпленія захвачено болѣе 1.000 плѣнныхъ; въ гор. Черновицахъ (Черновцы) захвачены орудія.

О бояхъ на остальномъ фронтѣ получены слѣдующія подробности. Войска ген. Каледина отбиваютъ ожесточенныя контръ-атаки непріятеля и въ томъ числѣ германцевъ, подвезенныхъ даже съ французской границы. Въ районѣ дер. Гадомичи, на Стыри, идетъ жаркій бой. Плѣнные германцы и австрійцы прибываютъ партіями. Пока прошло 70 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ при восьми пулеметахъ. На взятое нами селеніе Свидники (сѣверный берегъ р. Стохода) нѣмцы вели бѣшеную атаку при содѣйствіи огня бронированнаго поѣзда, но были отбиты. Сотни одного казачьяго полка дважды въ конномъ строю, подъ начальствомъ войскового старшины Смирнова, атаковали во флангъ наступавшаго непріятеля, захвативъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ, много нижнихъ чиновъ германцевъ и пять пулеметовъ и изрубивъ большое количество нѣмцевъ; остальныхъ обратили въ паническое бѣгство.

По дополнительнымъ даннымъ, за бои съ 23-го мая по 4-е іюня войсками генерала Каледина взято въ плѣнъ 1.309 офицеровъ, 10 врачей, 70.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 83 орудія, 236 пулеметовъ и огромное количество военной добычи. Въ районѣ праваго берега р. Стрыпы, сѣвернѣе Бучача,

Библиотека "Руниверс"

непріятель велъ наступленіе, но, встрѣченный выдержаннымъ нашимъ огнемъ, отхлынулъ въ свои окопы. На фронтѣ къ сѣверу отъ Полѣсья и на фронтѣ р. Двины мѣстами сильная артиллерійская перестрѣлка. Наша артиллерія причинила своимъ огнемъ большія поврежденія въ непріятельскихъ окопахъ и укрѣпленіяхъ на фронтѣ двинскихъ позицій и юго-западнѣе оз. Нарочъ.

5-го іюня на фронтѣ къ сѣверу отъ Вердена артиллерійскій бой принялъ нѣсколько болѣе напряженный характеръ въ районѣ высоты «304» и на участкѣ къ сѣверу отъ полевого укрѣпленія Тіомонъ. Пѣхотныхъ атакъ не было. На остальномъ протяженіи фронта день прошелъ спокойно, за исключеніемъ Аргоннъ, гдѣ дѣятельно продолжалась минная борьба въ районахъ Болантъ, Вокуа и Фильмортъ.

Итальянскія войска успѣшно продвигались впередъ между долинами Френцела и Марчезина. Въ долинѣ Сугана итальянцы продвинулись на лѣвой сторонѣ Мазо.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III,
въ бытность командиромъ стрѣлковой роты въ 1864 г.
(Съ портрета, гравированнаго И. П. Хелмицкимъ).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

У ЧУЖИХЪ АЛТАРЕЙ.

(Романъ).

I.

...«Вѣдь философія жизни есть самая великая философія»...

(Изъ старыхъ писемъ 70-хъ годовъ).

ОПЕЧИТЕЛЬ всталъ въ это утро раньше обыкновеннаго и даже чай потребовалъ въ кабинетъ за недосугомъ пить его въ столовой. Не выпуская пера изъ рукъ, отпивалъ глотокъ-другой крѣпкаго настоя изъ чашки на откидномъ столикѣ у ручки его кресла и сейчасъ же опять начиналъ выводить изящнымъ тонкимъ почеркомъ свою обычную подпись: А. Поярковъ, А. Поярковъ...

Завтра начнутся уже каникулы, а письменный столъ его весь былъ усыпанъ бумагами разнаго вида и содержанія: прошенія, заявленія, представленія, сообщенія, донесенія... Послѣднія онъ недолюбливалъ и чаще всего брезгливо или благодушно, смотря по настроенію, надрывалъ и бросалъ въ корзину.

Одинъ только пакетъ—съ печатью губернаторской канцеляріи и съ надписью: «конфиденціально», лежалъ у него на видномъ мѣстѣ въ ожиданіи особаго разъясненія.

Неясныхъ бумагъ и неточныхъ рѣшеній попечитель благоразумно остерегался, боясь уподобленія знаменитой баснѣ о секретарѣ и начальникѣ, который «все подписывалъ, что тотъ ни подавалъ».

Библиотека "Руниверс"

Нѣтъ, онъ не все подписывалъ и то и дѣло звонилъ, вызывая изъ канцеляріи своего любимца-письмоводителя. Письмоводитель, съ самодовольной улыбкой близкаго къ «начальству» опытнаго дѣльца, безшумно скользилъ по ковру и, забирая со стола все подписанное, давалъ всегда самыя точнѣйшія разъясненія.

— Замучимъ мы васъ сегодня, Аполлонъ Ермолаевичъ!—вкрадчиво говорилъ письмоводитель, ловко подсовывая къ подписи именно то, что казалось ему самымъ нужнымъ.

— Да, ужъ нечего сказать, накопили вы тутъ добра! И все это къ самому послѣднему дню. Потъ съ меня такъ и льетъ, а тутъ и утереться, кажется, некогда. Ну, а это что еще за хартію вы принесли?

— Свидѣтельство на домашнюю учительницу Антиповой. Отъ педагогическаго совѣта. По желанію отца—на пергаментѣ.

— Это та, что экзаменовалась недавно у насъ въ испытательной комиссіи? Почему же это она «выбыла изъ нѣмновской гимназіи до окончанія курса»?

— А это, помните, года два тому назадъ, тамъ вышла цѣлая исторія... Ее подозрѣвали тогда въ нигилизмѣ...

Попечитель нахмурился и держалъ перо въ воздухъ.

— А какая же это нигилистка, помилуйте!—убѣжденно продолжалъ письмоводитель, лично знакомый съ Антиповымъ и подбившій его раскошелиться на пергаментъ для дочки.—Дай Богъ побольше теперь такихъ нигилистокъ. Самого Ольшанина срѣзала.

— Это по поводу большой буквы въ прилагательномъ: божій?—съ улыбкой переспросилъ попечитель, присутствовавшій на этомъ экзаменѣ.—А вѣдь, согласитесь, ловко отвѣтила: «Напиши я съ маленькой—вы обвините въ безбожіи»... Ну, такъ вотъ же, молъ, вамъ! Знаю, что противъ грамматики, а въ ошибку поставить не имѣете права! Великолѣпно отвѣтила! И вѣдь какая молоденькая—всего девятнадцатый годъ. Куда же она теперь думаетъ? Въ народную школу? Что же, прекрасное дѣло. Только вѣдь, если въ округъ къ тому же Ольшанину, онъ ее заклюетъ тамъ, бѣдняжку.

— Антиповъ осенью переводится въ царство Польское.

— Царства Польскаго не существуетъ у насъ,—не забывайте объ этомъ пожалуйста, Михайло Петровичъ!—мягко остановилъ попечитель.—Такъ, значитъ, въ Привислинскій край? Прекрасно. Нашего полку прибыло. Вотъ вамъ и нигилистка! — какъ бы побѣждая что-то враждебное, со смакомъ протянулъ попечитель, привычной рукой выводя эффектный росчеркъ на мягкомъ, какъ бархатъ, дубленомъ пергаментѣ.

— Да, кстати, чтобъ не забыть... Когда вы назначили этому господину?—кивнулъ онъ въ сторону таинственнаго пакета.

— Заслонному? Да къ двѣнадцати, какъ всегда, Аполлонъ Ермолаевичъ. Я справлялся: онъ уже здѣсь, въ Лѣсновѣ.

Часамъ къ одиннадцати всѣ бумагибыли подписаны. Оставался

Библиотека "Руниверс"

только конфиденціальный пакетъ съ собственноручной надписью начальника Нѣмновской губерніи:

«Къ свѣдѣнію г. попечителя лѣсновскаго учебнаго округа».

Попечитель взялъ цвѣтной карандашъ и еще разъ внимательно прочелъ съ начала до конца большой листъ веленевой бумаги, отмѣчая карандашомъ особенно значительныя мѣста, требовавшія отвѣта и разъясненія.

«Состоящій преподавателемъ древнихъ языковъ въ нѣмновской мужской гимназіи»,—чеканя по слогамъ, читалъ вполголоса попечитель,—«магистрантъ вѣнскаго университета, австрійскій подданный, Лука Ѳомичъ Заслонный съ первыхъ шаговъ своей педагогической дѣятельности заявилъ себя врагомъ исконныхъ русскихъ началъ и православнаго просвѣщенія. Характера будучи гордаго, скрытнаго и образа мыслей вполнѣ независимаго, г. Заслонный сразу поставилъ себя въ недружелюбныя отношенія къ своимъ сослуживцамъ. Ни съ кѣмъ не знакомясь, не посѣщая церковныя службы православныхъ,—открыто предпочитая имъ костелы и синагогу,—онъ отдаетъ столь же явное предпочтеніе и ученикамъ своимъ изъ католиковъ и евреевъ предъ единокровными и единовѣрными русскими. Что же касается педагогическихъ пріемовъ, то сей ученый преподаватель, внушая сомнѣніе въ здравомъ состояніи своихъ умственныхъ способностей, вызываетъ порой справедливое опасеніе за здоровье и самую жизнь ввѣренныхъ его обученію юношей и дѣтей. Такъ, напримѣръ, явившись однажды съ запозданіемъ на урокъ и заставъ въ классѣ нѣкоторыхъ учениковъ бѣгающими по столамъ и скамейкамъ, этотъ выписанный нарочно изъ Австріи феноменъ-учитель громовымъ голосомъ закричалъ на нихъ, поднявъ руки кверху: «Что за insania [1]) на васъ напала? Въ той же позѣ!» И всѣ эти виновныя въ ребяческихъ шалостяхъ дѣти принуждены были — въ продолженіе урока — оставаться въ тѣхъ самыхъ положеніяхъ, или «позахъ», въ какихъ засталъ ихъ непомѣрно строгій учитель: кто на рукахъ, кто на одной ногѣ, а кто и головой и лицомъ на полу. Никакого вмѣшательства въ свою педагогическую методу г. Заслонный не допускаетъ и на совѣтахъ учительскихъ требуетъ всегда одного: исключенія всѣхъ плохо успѣвающихъ и малоспособныхъ. Къ сожалѣнію, таковыми наичаще всего оказываются одни только православные русскіе.

«Священнымъ долгомъ почитаю довести сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства въ твердомъ упованіи, что ревностное попеченіе ваше объ успѣшномъ развитіи важнаго дѣла русенія въ Нѣмновской губерніи изыщетъ надлежащія мѣры къ пресѣченію столь прискорбныхъ явленій, могущихъ пагубно отразиться на исконномъ призваніи каждаго вѣрноподданнаго Россійской имперіи—

[1]) Безуміе.

Библиотека "Руниверс"

всемѣрно охранять историческую твердыню и нравственный оплотъ ея—православное исповѣданіе и народность русскую».

Подписано: «Православный».

«И въ Нѣмновѣ завелся свой Ольшанинъ!» подумалъ озабоченный попечитель. И ему непріятно было, что учебный годъ заканчивался «исторіей».

«Странный персонажъ во всякомъ случаѣ!» мысленно рѣшилъ онъ и, устало зѣвнувъ, позвонилъ, чтобы принесли еще чаю. Ему казалось, что все непріятное—отъ усталости, отъ жары и сидѣнья тутъ за столомъ въ кабинетѣ.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

Крупную барственную фигуру попечителя, наклонную къ тучности, свободно облегалъ длинный сюртукъ изъ легкой матеріи своеобразнаго покроя—нѣчто среднее между европейскимъ пальто и старобоярскимъ кафтаномъ. Гладко выбритое лицо пожилого, но далеко еще не стараго человѣка сохраняло слѣды замѣчательной породистой красоты. Зоркій взглядъ умныхъ глазъ, эстетическій изгибъ тонкихъ губъ и обаятельная улыбка придавали ему сходство съ портретомъ извѣстнаго мецената-вельможи. Недоставало только напудреннаго парика, пышныхъ складокъ кружевного жабо да золотой табакерки съ алмазами въ красивой, выхоленной рукѣ съ отточенными на диво ногтями. Да онъ и былъ меценатъ по воспитанію и натурѣ, съ историческимъ именемъ и родственными связями въ мірѣ «изящной словесности» и научной литературы, среди академиковъ и дилеттантовъ.

Попечителемъ сталъ онъ недавно. Только что потерявъ страстно любимую жену, бездѣтный и одинокій, онъ принялъ это назначеніе, какъ монашескій послухъ. За бурнымъ сезономъ крутого «усмиренія» послѣдовалъ не менѣе крутой сезонъ «умиротворенія». И, по общему мнѣнію, никто лучше Пояркова не годился для этой роли. Онъ любилъ все спокойное, мягкое, «благостное». Любилъ «ваятельную» поэзію классическихъ одъ, любилъ и вдохновенныя созерцанія романтизма, любилъ старинные монастыри съ ихъ тишиной и церковнымъ напѣвомъ, любилъ старинныя гравюры и старинную музыку, и нѣжные женскіе образы въ англійскихъ политипажахъ,—и не любилъ ничего вульгарнаго—ни шумныхъ сборищъ, ни рѣзко выраженныхъ мнѣній и чувствъ. И хоть былъ какъ нельзя болѣе представителенъ въ своемъ расшитомъ золотомъ камергерскомъ мундирѣ,—не выносилъ никакихъ «парадовъ», ни на военномъ плацу, ни въ великосвѣтскихъ салонахъ.

«Умиротворитель» онъ былъ идеальный. Всѣ распри и жалобы развѣвались, какъ дымъ, на порогъ его кабинета. Самъ онъ считалъ себя убѣжденнымъ славянофиломъ, но пользовался довѣріемъ, уваженіемъ и симпатіями непримиримыхъ западниковъ и завзятыхъ патріотовъ «повстанья»,—отчасти, можетъ быть, потому, что

Библиотека "Руниверс"

женатъ былъ на «послѣдней изъ Отоцкихъ», зналъ польскую литературу и былъ равно благожелателенъ ко всѣмъ и каждому, кто обращался къ нему. Ходилъ даже по округу анекдотъ, что, не желая обидѣть ни одной народности въ краѣ, попечитель выписалъ лакея-француза и не ропталъ, когда тотъ, sans façons [1]), курилъ его дорогія сигары и допивалъ лафиты и понте-кане.

Но теперь отъ него требовали чего-то совсѣмъ несвойственнаго ему: мѣръ пресѣченія и обузданія, «ежовыхъ рукавицъ»...

Вотъ бы посмѣялись надъ нимъ его лицейскіе сверстники: «Поярковъ Аполлонъ — въ роли Держиморды и Сквозника-Дмухановскаго»...

Археологія интересовала Пояркова несравненно болѣе педагогіи. Обширный кабинетъ попечителя напоминалъ скорѣе музей антикварія. Стѣны увѣшаны были картонами, архитектурными чертежами и снимками только что реставрированной по его указаніямъ древне-русской часовни временъ князя Островскаго. Въ шкапахъ и витринахъ хранились рѣдчайшіе манускрипты, слѣпки, монеты, коллекціи древне-русскихъ подѣлокъ изъ дерева и металла, иконы, медали, кресты и заставки, лоскутья древнихъ матерій, запонъ съ кунтуша литовскаго кунигаса, запястье русской княгини...

И только этотъ кабинетъ и мирилъ попечителя съ докучной канцелярской волокитой его служебнаго «попечительства».

Онъ стоялъ, задумавшись, передъ раскрашеннымъ планомъ старыхъ развалинъ часовни, открытой имъ здѣсь въ самомъ центрѣ города, среди всякаго хлама, у входа въ подвалъ еврейской лавчонки. На осколкахъ старыхъ плитъ, подъ грудами песку и каменьевъ виднѣлись явственно черты и краски драгоцѣнной византійской иконописи. И полъ былъ въ подвалѣ чугунный съ рѣзьбой. А этотъ полъ, истоптанный и загрязненный продавцами и покупателями, когда-то, можетъ быть, съ благоговѣніемъ лобызали горячія уста послѣднихъ русскихъ богомольцевъ. И, можетъ быть, тутъ же, на этотъ самый полъ, и пролита была кровь послѣднихъ защитниковъ Бѣлой Руси...

— Когда-то!—А теперь?—Tout passe, tout casse, tout lasse!— [2]) задумчиво шепталъ онъ, одинокій въ своемъ кабинетѣ и въ своемъ настроеніи.

Пріятный полусвѣтъ отъ спущенныхъ маркизъ царилъ въ кабинетѣ. Чѣмъ-то пріятнымъ и нѣжнымъ пахло, какъ всегда, отъ всей его мебели и вещей. Но въ открытыя двери балкона врывались удушливыя струи знойнаго дня съ противными запахами окрашенныхъ заново стѣнъ сосѣдняго дома, изъ оконъ канцеляріи рядомъ

---

[1]) Безцеремонно.

[2]) Все проходитъ, все ломается, все утомляется.

Библиотека "Руниверс"

тянуло затхлой бумагой пыльныхъ архивовъ, рѣзали ухо выкрикиванья торговцевъ-разносчиковъ, барабанная дробь и визгливая пѣсня гарнизоннаго запѣвалы,—и все это какъ-то особенно назойливо тяготило сегодня Пояркова.

«Хорошо, что я завтра ѣду,—думалъ онъ, притворяя балконную дверь.—Дня черезъ два уже буду въ Висбаденѣ. Ну, а тамъ можно будетъ и не возвращаться совсѣмъ. Коллекціи эти пожертвую здѣсь для музея. Михаилъ Петровичъ устроитъ мнѣ это».

II.

Попечитель такъ замечтался, что не замѣтилъ, какъ вошелъ старикъ канцелярскій служитель съ подносомъ. Рядомъ съ чашкой крѣпчайшаго чая на подносѣ лежала визитная карточка или, вѣрнѣе, кусочекъ бѣлаго картона съ крупно выведенной сплошной готической вязью—какъ писались въ дни оны старинныя грамоты или заклинанія чернокнижниковъ:

«Лука Ѳомичъ Заслонный, преподаватель древнихъ языковъ въ мужской нѣмновской гимназіи».

— Въ канцелярію прикажете провести? Или къ вамъ въ пріемную?

— Проведи его лучше сюда въ кабинетъ,—тихо сказалъ попечитель и прибавилъ еще тише и еще нерѣшительнѣе:

— Да вотъ что, Силантьевъ... Скажи тамъ, пожалуйста, кому-нибудь у меня : пусть Жозефъ поставитъ въ столовой еще приборъ или два на случай, если кто-нибудь подойдетъ.

Попечитель облегченно вздохнулъ, какъ бы предвкушая заранѣе благопріятное рѣшеніе непріятнаго дѣла, и, взявъ чашку съ подноса, вернулся опять къ столу и къ пакету съ «конфиденціальнымъ» сообщеніемъ.

Дверь распахнулась, и въ кабинетъ вступилъ неспѣшной, грузной походкой высокій, плотный господинъ среднихъ лѣтъ въ черномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ.

— По вострэбованью вашего прэвосходытэлства честь имѣю явиться,—пріятнымъ голосомъ, звучнымъ и гибкимъ, съ акцентомъ уроженца австрійской Галиціи, произнесъ вошедшій, остановясь съ почтительнымъ поклономъ посреди комнаты.

Попечитель привычнымъ взглядомъ окинулъ его съ головы до ногъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ отсутствія обязательнаго для всѣхъ являющихся къ нему вицъ-мундира. Широкій высокій лобъ въ глубокихъ морщинахъ, съ чуть замѣтной бахромкой русыхъ волосъ на вискахъ и у самой шеи, вмѣстѣ съ сутулой осанкой, придавалъ ему внушительный видъ нѣмецкаго «гелертера» читающаго курсы. Правильныя черты загорѣлаго славянскаго облика не выдавали ни смущенія, ни тревоги.

Библиотека "Руниверс"

Попечитель невольно поднялся ему навстрѣчу.

— Господинъ Заслонный... Лука Ѳомичъ? Присядьте, пожалуйста!—указалъ онъ на кресло сбоку стола и передвинулъ подальше пакетъ.

— Что это у васъ тамъ за исторія въ Нѣмновѣ? Разскажите мнѣ,—началъ онъ въ обычномъ своемъ тонѣ мирнаго собесѣдованія.—Я врагъ всякихъ формальностей,—хоть и безъ нихъ иногда невозможно... Но мы съ вами, надѣюсь, обойдемся безъ нихъ. Вы можете быть вполнѣ откровенны. Разскажите мнѣ просто, въ чемъ дѣло?

— Затрудняюсь отвѣтить вашему превосходительству на томъ «просто» основаніи, что мнѣ еще не извѣстно, о какихъ «исторіяхъ» изволите вы допрашивать, ваше превосходительство.

— Я не допрашиваю васъ. Но разъ я вызвалъ васъ для объясненій....

— И я здѣсь именно по вызову вашего превосходительства.

Попечитель не могъ не замѣтить, что у этого «гелертера» съ голой, какъ облупленное яйцо, головой яркіе и совсѣмъ молодые глаза, а на тонкихъ красивыхъ губахъ подъ волнистой бородой и усами мелькаетъ что-то вродѣ ироніи, когда онъ произноситъ,—чаще, чѣмъ слѣдуетъ,—это «ваше превосходительство» и это «изволите». Его какъ будто даже тѣшило затруднительное положеніе попечителя, враждующаго съ формальностью.

Поярковъ подозрительно покосился и перемѣнилъ тонъ на болѣе офиціальный.

— На васъ тамъ жалуются. Вы всѣхъ тамъ возстановили противъ себя. Я получилъ конфиденціальный запросъ по этому поводу, и въ немъ приводятся такіе странные факты...

Заслонный поднялъ голову и выпрямилъ сутулыя плечи.

— Факты? Благоволите сообщить хоть одинъ, ваше превосходительство.

— Да вотъ, напримѣръ, хоть бы то: почему вы посѣщаете костелы и синагогу, а не нашу православную церковь? Вѣдь вы православный?

— Потому что я поклонникъ божествъ, ваше превосходительство. А божества вѣдь всѣ православныя. И поклоняться божествамъ отъ древнихъ временъ считается православіемъ. Случается захожу иногда и въ русскую,—съ успокоительной улыбкой, помолчавъ, договорилъ онъ.

Попечитель отвелъ глаза въ сторону. «Ну, что на это сказать? Не проповѣдывать же мнѣ филаретовскій катехизисъ! Слуга покорный! Это дѣло ужъ не мое. Это пусть они тамъ, въ управѣ благочинія, разбираются!» думалъ попечитель и продолжалъ, какъ бы не прерывая потокъ своихъ мыслей.

— Потомъ еще васъ обвиняютъ въ недопустимомъ пристрастіи:

Библиотека "Руниверс"

вы отдаете предпочтеніе... не господствующей, не родственной вамъ по вѣрѣ и языку русской національности, — вы отдаете предпочтеніе иноплеменнымъ, иновѣрцамъ... Почему это?—строго спросилъ Поярковъ.

— Потому что стараюсь быть справедливымъ,—дабы не пр огнѣвать строжайшую богиню съ повязкой на глазахъ и съ вѣсами. Я отдаю предпочтеніе способнѣйшимъ, ваше превосходительство. И я не виноватъ, если способнѣйшими къ усвоенію древнихъ языковъ являются по преимуществу иноплеменные и иновѣрные—въ данномъ случаѣ поляки и евреи, ваше превосходительство.

— Но вы слишкомъ требовательны, г. Заслонный. Вы не должны забывать, что мы не въ Спартѣ. Это хорош о было прежде, во времена Катоновъ и Муцій Сцеволъ,—а гдѣ же намъ, хилымъ потомкамъ давно ослабѣвшихъ родовъ... Я еще не забылъ латынь: quod licet Jovi, non licet bovi...[1]).

— Мой дѣдъ гуцулъ пасетъ овецъ до сихъ поръ въ Карпатскихъ долинахъ, а мы, его внуки, всѣ прошли эту школу—мужчинскую школу,—здоровую школу, ваше превосходительство.

— Но вѣдь про васъ говорятъ, что вы пр едпринимаете какія-то гоненія... Противъ кого же!—противъ дѣтей, именно въ этомъ возрастѣ нуждающихся въ гуманномъ просвѣщеніи!..

— Ни въ какомъ просвѣщеніи не нуждаются эти ослы и дѣти ословъ. Для ихъ существованія необходимо только одно: корыто съ овсомъ да теплое стойло. Ну, а «тепленькое мѣстечко для своего родного человѣчка» имъ всегда обезпечено. Вѣдь казенные штаты для всѣхъ этихъ будущихъ дармоѣдовъ, казнокрадовъ и скомороховъ не скоро еще переведутся въ Россіи. Вотъ почему и надо держать ихъ смолоду въ черномъ тѣлѣ, чтобы не осѣдлали потомъ тѣхъ... способнѣйшихъ!—закончилъ онъ съ презрительной усмѣшкой и ярко сверкающими глазами.

Попечитель съ минуту молчалъ, видимо, озабоченный.

— У васъ странные взгляды... очень странные взгляды!—повторилъ онъ.—Долженъ сознаться, мнѣ не легко будетъ защищать васъ...

Морщины рѣзко покраснѣли и зашевелились на лбу у Заслоннаго. Судорога передернула губы.

— И не извольте напрасно утруждать себя, ваше превосходительство,—быстро проговорилъ онъ, отстегивая верхнюю пуговицу сюртука, и, вынувъ сложенную по формѣ бумагу, положилъ ее на столъ передъ попечителемъ.—Благоволите принять. Прошеніе объ увольненіи, ваше превосходительство.

Попечитель сдѣлалъ движенье назадъ, какъ бы отстраняя себя отъ непріятной бумаги. Необъяснимое влеченіе чувствовалъ

---

[1]) Что довлѣетъ Юпитеру, то не довлѣетъ быку.

Библиотека "Руниверс"

онъ къ этому странному учителю, несмотря на всѣ его странности.

— Я не требую отъ васъ ничего подобнаго, г. Заслонный,—проговорилъ онъ, жестомъ удерживая его на мѣстѣ.—Я даже больше скажу вамъ: я не считаю себя въ правѣ ничего предрѣшать въ этомъ дѣлѣ. Возможно, что все это одна только кляуза, вздорный навѣтъ или простое непониманіе. У васъ, очевидно, есть тамъ враги и завистники, люди разнаго съ вами уровня, недостаточно развитые. Нравовъ этой среды я совсѣмъ не знаю. Да наконецъ я и самъ здѣсь едва ли надолго. Однимъ словомъ, объясненіе наше кончено. Возьмите ваше прошеніе назадъ. И знаете что, почтенный Лука Ѳомичъ,—съ лаской въ голосѣ продолжалъ попечитель, держа его за руку:—чтобы ближе намъ познакомиться и совсѣмъ помириться, давайте-ка вмѣстѣ позавтракаемъ сейчасъ. Вы у кого здѣсь остановились? Ну, вотъ видите, вы въ гостиницѣ, я еще ввелъ васъ въ расходъ,—а я здѣсь совсѣмъ одинокъ, на холостомъ положеніи. Третій годъ ужъ вдовѣю,—со вздохомъ прибавилъ онъ и, уже какъ любезный хозяинъ, повелъ гостя въ столовую.

Гость оказался убѣжденнымъ вегетарьянцемъ, не пилъ никакого вина и ограничился только чашкой кофе да omelette aux fines herbes,[1]) собственноручно приготовленной для него Жозефомъ. Но чѣмъ больше съ нимъ говорилъ попечитель, тѣмъ больше плѣнялся онъ имъ. О себѣ Заслонный совсѣмъ не распространялся, и только подъ конецъ Пояркову удалось вырвать нѣчто вродѣ признанія.

— Вы вотъ сказали, что дѣдъ вашъ гуцулъ. Я ничего не знаю объ этихъ гуцулахъ. Сами вы родомъ откуда?

— Я русинъ, изъ селенія Заслонъ, недалеко отъ Львова. Гуцулы—первобытные насельники нашихъ горъ. И бытъ ихъ и нравы до сихъ поръ почти тѣ же, что въ дни Гомера. Ихъ обувь называется гузы—отсюда и самое имя. Это тѣ же лапти, пожалуй, только не лыковые, какіе носятъ въ Россіи, а изъ кожи и на застежкахъ. Можете видѣть у Тика на статуѣ Одиссея. Ходятъ они въ холстѣ и въ овчинахъ. Женщины ткутъ и прядутъ всѣ одежды. Мужчины или пасутъ стада, или поступаютъ въ коллегіумы, слушаютъ универсальные курсы и съ семи лѣтъ зубрятъ уже Цицерона и Эзоповы басни. И никто на это не жалуется. Способные учатся, а тальные пасутъ стада и сами пасутся.

Попечителю слова эти показались чѣмъ-то въ родѣ откровенія генія.

— «Пасутъ стада и сами пасутся!» Способные учатся, а остальные пасутся!—съ увлеченіемъ повторилъ онъ, и ему казалось, что тутъ есть разрѣшеніе всѣхъ «проклятыхъ» вопросовъ, пана-

[1]) Яичница съ приправой изъ травъ.

Библиотека "Руниверс"

цея отъ всѣхъ недуговъ, и что именно объ этомъ и говорится въ Евангеліи: «послѣдніе будутъ первыми, и первые—послѣдними»... «О, если бы мы не были такъ косны и не боялись иногда новыхъ словъ, новыхъ формъ! Во всякомъ случаѣ безъ реформъ намъ не обойтись, реформы будутъ, реформы необходимы»,—думалъ теперь попечитель, внимательно прислушиваясь къ тому, что разсказывалъ ему «оклеветанный» нѣмновскій учитель.

— Ни граціи, ни музы и никакія благодѣтельныя феи не стояли у моей колыбели,—иронически, какъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ, разсказывалъ Заслонный.—Все приходилось брать съ боя желѣзной волей да неустаннымъ трудомъ. Насъ пять сыновей у отца, простого сельскаго дьякона. Но мы изъ способныхъ и въ пастухахъ не остались. Братья пошли другой дорогой. Одинъ увлекся Америкой—фермеромъ тамъ. Другой въ инженерахъ. Третій учителемъ во Львовѣ. Младшій, студентъ, изучаетъ высшее богословіе въ Тюбингенѣ. Моя жизненная дорога намѣчена разъ навсегда: докторская степень и каѳедра классической филологіи. А если не удастся пробиться—книжное отшельничество гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу.

— Отчего не удастся?

— Насъ за Дунаемъ, какъ вамъ извѣстно, не любятъ. Насъ вытѣсняютъ оттуда. И тамъ, за Дунаемъ, всѣ мы страстно мечтаемъ объ этой странѣ великихъ ожиданій и всякихъ возможностей—о могущественной заступницѣ всѣхъ славянъ, о родной нашей матери—о великой Россіи...

Онъ замолчалъ и выразительно посмотрѣлъ на Пояркова.

— Я слушаю. Продолжайте, пожалуйста. Говорите все безъ стѣсненія!—отозвался еще болѣе заинтересованный Поярковъ.—И мы васъ теперь не отпустимъ,—нѣтъ, нѣтъ, ни за что не отпустимъ. Вы намъ сослужите великую службу. Россіи нужны такіе витязи духа,—съ жаромъ договорилъ онъ.

— Да, я мечталъ о Россіи... Я тоже мечталъ о Россіи,—съ разстановками продолжалъ Заслонный, прикрывая глаза рукой:—но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я какъ рыба на берегу... Нечѣмъ дышать... Смерть какъ бы заживо... Мнится порой, будто сходишь съ ума... Не понимаю, гдѣ я, зачѣмъ я тутъ?.. И что это такое вокругъ—сонъ или явь?.. Даже сны у меня какъ будто аристофановскіе... А, впрочемъ, можетъ быть, и нѣтъ совсѣмъ никакой гармоніи, und das Leben ist nur wahres Gaukelspiel [1]),—неожиданно вставилъ онъ, съ болѣзненной складкой на губахъ, глухимъ, едва внятнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, привыкшій говорить самъ съ собою.

Нѣсколько минутъ длилось тягостное для обоихъ молчаніе.

---

[1]) А жизнь просто игра скомороха.

Библиотека "Руниверс"

Поярковъ съ сочувствіемъ смотрѣлъ на него, сознавая, что видитъ передъ собой незауряднаго человѣка,—нѣчто совсѣмъ ненужное здѣсь, среди всѣхъ этихъ полуграмотныхъ и полусонныхъ или враждебно щетинившихся на все, что «не мы и не наше». Передъ нимъ сидѣлъ, очевидно, какой-то рѣдкостный фрескъ, уникумъ, «раритетъ» въ своемъ родѣ, пропадающій тутъ въ пыли среди всякаго хлама—какъ мозаичныя плиты открытой имъ здѣсь часовни. И любителю всего рѣдкаго хотѣлось теперь уберечь и спасти человѣка отъ неминуемой гибели. И ему начинало уже казаться, что именно онъ, попечитель Поярковъ, виноватъ въ томъ, что этотъ уникумъ-раритетъ нигдѣ не находитъ гармоніи.

— Послушайте, дорогой мой,—понижая голосъ до интимнаго шопота, какъ врачъ у постели опасно больного, заговорилъ онъ:— а почему бы вамъ не жениться? Вѣдь, только женщинѣ дано вносить въ нашу жизнь гармоническое начало. Вспомните шиллеровское:

Ehret die Frauen! sie flechten und weben
Himmlische Rosen ins irdische Leben! [1])

— Вамъ теперь сколько? Тридцать скоро... Лучшая пора для женитьбы.

Заслонный весь съежился, втянувъ въ плечи голову, и лицо его приняло старообразное выраженіе неудовольствія и страданія.

— Я слишкомъ долго изучалъ другого поэта и такъ усердно слѣдовалъ его завѣтамъ мизогена, что даже—вы разсмѣетесь, если я скажу,—братья зовутъ меня въ насмѣшку: «нашъ Эурипидусъ».

— Напрасно. И очень жаль, если такъ. Есть прелестныя дѣвушки, полныя душевной гармоніи...

— Да и вообще я не привыкъ къ женскому обществу... И никогда не имѣлъ успѣха у женщинъ,—добавилъ онъ, какъ бы въ свое оправданіе.

— Значитъ, не тамъ искали, гдѣ слѣдовало,—гдѣ васъ лучше могли бы оцѣнить и понять. Да вотъ даже здѣсь есть такая одна. Вы должны ее знать—она тоже изъ Нѣмнова. Антипова—не слыхали? У нея тоже тамъ вышла «исторія».

— Не помню. Можетъ быть, и слыхалъ,—опуская глаза, сквозь зубы процѣдилъ Заслонный.—Вообще я считалъ бы даже нечестнымъ съ своей стороны всѣ подобныя мысли въ настоящемъ моемъ положеніи. Завести молодую женщину въ гнѣздо осъ и подвергать ее всякимъ лишеніямъ—это, по-моему, жестокое варварство, и я на него не способенъ!—какъ бы отрѣзалъ онъ.

---

[1]) Женщинъ вы чтите! Онѣ ткутъ и сплетаютъ небесныя розы въ земной нашей жизни.

Библиотека "Руниверс"

«Да, дѣйствительно, у этого человѣка характеръ и воля желѣзные!»—невольно подумалъ попечитель и какъ бы мимоходомъ спросилъ:

— А вы куда бы желали? Въ Петербургъ или куда-нибудь поюжнѣе?

— Затрудняюсь сказать, куда именно,—пробормоталъ въ раздумьи Заслонный, но глаза его радостно вспыхнули, и морщины зашевелились на лбу.—Въ Москвѣ—слыхалъ я—открывается новое учебное заведеніе. Вродѣ Итонской школы—разсадникъ античнаго классицизма... Но я никого не знаю въ Москвѣ...

— А! Вотъ оно что!—просіялъ, въ свою очередь, и Поярковъ.—Открывается, да, и не позже, какъ будущей весной. И именно въ этомъ родѣ, какъ вы сказали,—классическій колледжъ съ интернатомъ вродѣ Итона или Оксфорда. Это давнишняя мечта графа Толстого. И директоръ уже намѣченъ—Катковъ. Я съ нимъ хорошо знакомъ, и мнѣ ничего не стоитъ все это устроить. Осенью, вернувшись изъ-за границы,—а, можетъ быть, и раньше еще, въ Висбаденѣ,—я повидаюсь съ обоими.—Очень радъ, очень радъ,—съ обаятельной улыбкой своей говорилъ попечитель въ отвѣтъ на всѣ изъявленія благодарности.

— И разъ навсегда прошу васъ, Лука Ѳомичъ, обращайтесь ко мнѣ, когда нужно, и знайте, что я полюбилъ васъ, какъ сына!

На прощанье, оба растроганные, они обнялись и облобызались—какъ сынъ и отецъ.

III.

Пробило три на башнѣ каѳедральнаго костела, когда Заслонный вышелъ отъ попечителя. На поѣздъ въ Нѣмновъ онъ уже опоздалъ. Приходилось оставаться весь день—до слѣдующаго, ночного.

«Тѣмъ лучше,—рѣшилъ онъ.—Посмотрю городъ, повидаюсь съ Денисомъ Мартыновичемъ, разузнаю о *ней*»...

Денисъ Мартыновичъ Стефановичъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ «знался» на общей квартирѣ въ учительскомъ «конвиктѣ» нѣмновской гимназіи. Большой чудакъ и мечтатель, бывшій народный учитель, отрѣшенный отъ школы за слишкомъ близкое знакомство съ энциклопедистомъ Дидро.

— Тезка мой, тоже Денисъ, и тоже перебивался разной мелкой работишкой и ходилъ, съ позволенья сказать, sans culottes,—а какія умнѣйшія мысли носилъ въ головѣ... Ну-съ, извольте видѣть!—уже слышалось какъ будто Заслонному забавное фантазированье пріятеля. Теперь этотъ чудакъ благополучно состоялъ секретаремъ редакціи «Лѣсновскаго Голоса», органа православія и русенія...

Редакція помѣщалась тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ квартиры попечителя, но тамъ ему сказали, что сегодня день выпуска и Де-

Библиотека "Руниверс"

нисъ Мартыновичъ «не приходили». Заслонному дали адресъ—въ Портовой улицѣ, на Малой Погулянкѣ,— «вотъ тутъ, совсѣмъ близко». Заслонный поблагодарилъ, но повернулъ совсѣмъ въ обратную сторону.—«Успѣю еще тамъ побывать, а пока лучше побыть одному».

Ужъ очень все было для него неожиданно... Пріѣхалъ подавать отставку—а зовутъ «на службу Россіи»... Готовился отрясти прахъ отъ ногъ и бѣжать—а тутъ говорятъ: «Россіи нужны такіе витязи духа»...

— Да, Россія страна неожиданностей,—противорѣчій и неожиданностей!—говорилъ онъ себѣ съ улыбкой горделиваго торжества и съ полной увѣренностью въ томъ, что можетъ оправдать все, что о немъ говорили. Молодымъ, смѣлымъ и сильнымъ чувствовалъ онъ себя, способнымъ завоевать цѣлый міръ, какъ только что завоевалъ милаго добряка-попечителя. Мечты его юности вихремъ кружились въ пылающей головѣ. Онъ видѣлъ себя уже на каѳедрѣ, въ толпѣ восторженныхъ учениковъ, готоваго произнести сейчасъ вѣщее слово новой судьбы. И губы шептали съ выразительной страстностью:

«Ja, ich weiss, woher ich stamme:
Ungesättig, gleich der Flamme,
Glühe und verzehr' ich mich!...» [1])

Этотъ стихъ неотступно преслѣдовалъ его мысль—съ минуты, какъ онъ впервые услыхалъ его въ ту дивную ароматную ночь,—весеннюю ночь его юности,—въ царственныхъ аллеяхъ Шенбрунна. Онъ былъ тогда не одинъ. Съ нимъ былъ поэтъ и философъ, умѣвшій слагать и разгадывать волшебныя сказки жизни,—совсѣмъ новыя, не всѣмъ доступныя сказки. Этотъ стихъ замѣнялъ ему вѣщее слово оракула, но онъ же былъ и бичомъ его жизни... Мучительный голосъ неотвязной судьбы—всегда манящей и никогда не насыщающей—опять манилъ и звалъ куда-то и сулилъ небывалое счастье...

Шенбрунскія аллеи напомнилъ ему теперь старый садъ съ густымъ навѣсомъ каштановъ у подножья горы съ развалинами стараго литовскаго замка. Онъ зашелъ въ садъ, отыскалъ уединенную скамейку въ тѣни двухъ развѣсистыхъ вязовъ, вынулъ записную книжку и прочелъ между записями ежедневныхъ расходовъ:

«I. Въ Лѣсновѣ подать прошеніе объ отставкѣ.

«II. Повидаться съ Стефановичемъ. Разузнать о Л. А.»

Онъ зачеркнулъ первый нумеръ и захлопнулъ книжку, когда въ пустынной аллеѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, показалась высокая, осани-

---

[1]) «Да, я знаю, откуда я родомъ: ненасытный, подобно огню, я пылаю и пожираю себя». (Фр. Ницше—«Ecce Homo»).

Библиотека "Руниверс"

тая фигура совсѣмъ молодого еще генерала въ красныхъ лампасахъ и военномъ пальто съ отстегнутой внизу на крючокъ яркопунцовой генеральской подкладкой.

Засунувъ руки въ карманы, высоко поднимая золотые погоны безъ звѣздочекъ, генералъ выступалъ по дорожкѣ неторопливой мѣрной походкой, съ дымящей сигарой въ зубахъ. И пальто, и погоны, и самъ генералъ были какъ будто съ иголочки. Поровнявшись со скамейкой, генералъ искоса поглядѣлъ на Заслоннаго.

Заслонный опять раскрылъ книжку и сдѣлалъ новую запись:

«Страна конфиденціальныхъ доносовъ, нежданныхъ сюрпризовъ —Россія».

«А мы-то, студентами, мечтали объ этой странѣ, какъ о славянской Аркадіи!—думалъ онъ, выходя изъ сада, чтобы не встрѣтиться опять съ генераломъ.—Славянство русское—это первобытная протоплазма. Течетъ и расплывается въ пассивномъ ожиданіи своего зиждителя. Но кто тутъ можетъ быть зиждителемъ?

—И хорошо еще, если *свой*, коренной, а не *тотъ*, изъ-за Мемеля... А явись тутъ какой-нибудь вѣщій—на него сейчасъ же доносъ. И выбросятъ вонъ, какъ негодную тряпку. Или еще того хуже—засадятъ въ Петропавловскую, сошлютъ въ Колу или куда тамъ еще—въ Илимскъ, какъ было во дни Вольфа, Дидро и... Радищева...

«Ja, ich weiss!..» [1])

«Но, вѣдь, и тотъ не сдобровалъ»—его геніальный другъ—съ кѣмъ онъ и мыслилъ заодно и заодно мечталъ пересоздать людей и вселенную.

«Licht wird Alles, was ich fasse!
Kohle—Alles, was ich lasse!» [2])

Онъ остановился въ самозабвеніи и говорилъ самъ съ собой, ничего не замѣчая вокругъ.

— Цо потшебуе панъ? Прошен ту до мнѣ! Цыгарэ, папыросэ, гузыкэ... Цо потшебуе?—пронзительно закричала ему еврейка съ ларькомъ въ углубленьѣ стѣны. Грязная жирная пыль лежала слоями на всѣхъ ея коробкахъ съ «цыгарами» и «гузиками» [3]), лоснилась на румяномъ лицѣ, блестѣла захватанными пятнами

---

[1]) Да, я знаю!..

[2]) Свѣтъ будетъ все, что захвачу я, уголь,—все, что покину.

[3]) Пуговицами.

Библиотека "Руниверс"

на просаленной черной шелковой кофтѣ и на рыжемъ отвратительномъ парикѣ, безобразно надвинутомъ чуть не на самыя брови. А ярко-румяныя свѣжія губы улыбались наивной улыбкой, открывая ровные бѣлоснѣжные зубы.

Заслонный подошелъ было къ ней, чтобы посовѣтовать ей сбросить безобразный парикъ и купить у нея хоть фунтъ вишенъ, лежавшихъ въ плетенной корзинѣ рядомъ съ пучками солдатской махорки и копченой сельдью, но въ ту же минуту со всѣхъ сторонъ окружила его цѣлая орава такихъ же точно торговокъ, старыхъ и молодыхъ, въ парикахъ, съ такими же вишнями и гузиками. Одна за другой точно вырастали онѣ изъ-подъ земли, изъ зловонныхъ щелей между стѣнъ закоптѣлыхъ отъ грязи домовъ всѣхъ цвѣтовъ и фасоновъ. Всѣ галдѣли, всѣ пытались заглянуть ему прямо въ лицо, всѣ щупали безцеремонно его пальто и сюртукъ, чтобы узнать, гдѣ они куплены, кѣмъ они шиты, и наперерывъ зазывали къ себѣ,

— Панъ муси з Варшавы? Чи з Гродна? Може навэтъ из Пруссовъ?

— Може покой тшеба для пана? Сличны мам покой въ дому.

— Прошен' вейсть до мнѣ!—приглашалъ старый, въ пейсахъ еврей, стоя въ дверяхъ чего-то вродѣ заѣзжаго дома.

А другой бормоталъ ему прямо въ уши:

— Може цось иннэго пан хце? Може млодзютку тшеба для пана? Айн юнгес медхен, зер хюбш... Пенкна и млода. Нех пан зайдзе... попатшить...[1]).

Точно нечаянно ступилъ въ муравьиную кучу—такъ всѣ и впились въ него. Онъ попробовалъ свернуть въ сосѣдній переулокъ, но и тамъ отовсюду кричали:

—Исшто вы тамъ покупаете? Сшто вамъ на-да? Послухайте, господинъ! Тысомкэ, грабенкэ, цыгарэ, папыросэ...

А сзади громыхала телѣга съ какой-то дурно пахнущей кладью—и ни пройти, ни разъѣхаться.

Притиснутый вплотную къ стѣнѣ, онъ догадался спросить, гдѣ тутъ кофейня или цукерня.

— Кафейнэ? Цюкернэ? Нема ту жаднэй (нѣтъ никакой)! Тудой, тудой!—разочарованно махали ему куда-то въ пространство. И онъ шелъ тудой, все дальше и безнадежнѣе запутываясь въ лабиринтѣ переулковъ самой старой части этого стараго города. Одинъ переулокъ замыкался живописной старинной стѣной съ нависшимъ надъ нею жасминомъ въ цвѣту—и его обдало сразу ароматомъ и цвѣтовъ, и поэзіи. За раскрытой настежь калиткой таинственно бѣлѣлъ въ глубинѣ старинный костелъ, глухо гудѣлъ органъ и въ глубокія оконныя ниши неслись звонкіе голоса зна-

---

[1]) Молоденькая дѣвушка, очень красивая. Пусть панъ зайдетъ посмотрѣть.

Библиотека "Руниверс"

комой ему майской литаніи. Онъ зашелъ туда и присѣлъ на пустую скамью—отдохнуть и послушать. Прохлада и полумракъ пріятно освѣжали его. А то, что совершалось тутъ передъ нимъ, невольно возвращало его на родину, къ днямъ его дѣтства и отрочества. Всѣ скамейки почти были пусты. Весь народъ—мужчины и женщины, молодые и старые, простые и «благородные»—стоялъ на колѣняхъ у подножія алтаря и пѣлъ въ одинъ голосъ громкую и горячую жалобу на свою несчастную долю... Тотъ же самый языкъ; тѣ же звуки и тѣ же самыя жалобы—все было понятно и нравилось какъ безыскусственное проявленіе народныхъ обычаевъ и народнаго духа. Но органъ замолкъ, у алтаря загнусили ксендзы—и сразу сдѣлалось непріятно и душно. И онъ снова вышелъ на улицу и снова бродилъ безъ конца, то поднимаясь въ гору, то спускаясь къ рѣкѣ и зарѣчью съ его тупиками и смрадными ущельями для всякаго рода нищеты и отбросовъ. А тамъ снова выплывалъ изъ смрада костелъ и органъ, и цвѣты, и молитвы... Городъ какъ какъ марево—то исчезалъ въ пестромъ мѣсивѣ убожества и нелѣпицы, то поражалъ какъ живая картина—созданье вѣковъ, природы и ея населенія. Симфоніей красокъ, застывшихъ въ видѣніяхъ прошлаго, широкой панорамой раскинулся онъ вокругъ своей старой горы съ вѣковыми развалинами и дремалъ и нѣжился въ лучахъ горячаго дня, обвѣянный душистыми волнами своихъ лѣсовъ и садовъ...

Лѣса и костелы... И въ костелахъ цѣлыми днями играютъ органы и поются молитвы... Только костелы не дремлютъ. Только костелы на стражѣ... Какъ защитной стѣной, обвитъ ими старый историческій Лясно. Угрюмые и дряхлѣющіе, они напоминаютъ бойницы феодальныхъ временъ. Городъ дряхлѣлъ и мѣнялся—костелы его не мѣнялись. Они здѣсь помнили многое. Они видали въ стѣнахъ своихъ королей и князей разныхъ династій. Видали и «станы» своей недолговѣчной, метеоромъ блеснувшей республики. Они благословляли «збавитéлей ойчызны»—священныхъ легіонеровъ—и пѣли громовыми хорами у разукрашенныхъ цвѣтами алтарей мятежные гимны «Боже цось Польска» у трона Крулёвы Небёской въ польской коронѣ...

А тамъ, на площади, въ самомъ центрѣ новыхъ построекъ, одиноко красовался во всемъ парадѣ, блестя золотыми главами, весь новенькій—«съ иголочки»—православный соборъ,

И на воротахъ церковнаго двора издалека бросалась въ глаза тоже какъ будто генеральская, сверкающая золотомъ, крупная надпись:

«Кто есть Богъ велій, яко нашъ Богъ?»

«Страна счастливыхъ генераловъ!—снова подумалъ Заслонный.—Тамъ костелы, а тутъ генералы. А конецъ будетъ тотъ же для всѣхъ:

Библиотека "Руниверс"

«Licht wird Alles, was ich fasse,
«Kohle—Alles, was ich lasse!» [1]).

«Всѣ эти сутаны и двуглавыя митры—искусные пастыри душъ—умѣли хорошо успокаивать и совѣсть, и умъ. Поработали—и выжгли до тла. Никто ни о чемъ не думалъ,—хотѣли только «жить». По-пански—безъ заботъ и печалей. И панъ жилъ, а хлопъ на него работалъ. Хлопъ хирѣлъ, а земля истощалась. Когда хлопъ худо работалъ—его били и жарили даже живьемъ, какъ одну бабу въ Нѣмновской губерніи — для примѣра, какъ надо печь панскіе хлѣбы,—посадили въ печь и «спекли». Когда же и это не помогало для устроенія «панской жизни», панъ призывалъ «жида» и за кошель съ дукатами доставалъ всѣмъ жидамъ «привилегію»,—продавалъ ему землю и стѣны костельныя подъ амбары и склады,—то-есть дѣлалъ то же самое, что дѣлали съ его панскою совѣстью паны всѣхъ костеловъ, а съ костелами—панъ всѣхъ пановъ на тронѣ св. Петра.

«Но съ духовнымъ огнемъ безвозбранно не шутятъ!—И вотъ тысячелѣтній городъ незамѣтно превращается въ прахъ. Покрытыя плѣсенью стѣны врастаютъ въ землю, известка осыпается, камни дробятся, дерево загниваетъ, разсыпаясь въ труху, желѣзо ржавѣетъ, черепица перегораетъ... И тамъ, гдѣ дышалъ вдохновеньемъ ихъ лучшій поэтъ, помѣщена пожарная команда. А гдѣ давали пламенныя клятвы вѣчнаго союза во имя вѣчной борьбы за «неподлеглость» мечтатели-лучезарные—въ зарѣчной долинѣ, на опушкѣ вѣчно-зеленаго бора—тамъ отстроенъ новый острогъ и стоитъ новая полосатая буква, точь-въ-точь какъ у дворца губернатора.

Онъ невольно остановился. Мысль сдѣлала свой кругъ—и вотъ онъ опять у истока тревогъ и сомнѣній...

«Но вѣдь это для *нихъ*, для не знающихъ,—говорилъ онъ себѣ,—а для «вѣщихъ»... Для вѣщаго духа—безграничный просторъ созиданія. Онъ призванъ «создавать людей», какъ Прометей, страданіемъ добывая небесный огонь... Освободиться и освободить проклятаго Сизифа—несчастный родъ человѣческій, въ потѣ лица катящій камень въ гору, чтобы сейчасъ же скатиться обратно! Духъ вѣщій гонитъ его неустанно искать надежную точку опоры—чтобы камень не скатывался, чтобы усталый Сизифъ отдохнулъ... И онъ найдетъ эту точку опоры безъ рясъ и сутанъ и безъ полицейскаго разрѣшенія на поиски...

«Соединить раскаленный до паѳоса духъ Эпикура и желѣзную волю стоиковъ съ нѣжной граціей мягкаго женственнаго начала,—мыслительное бытіе съ свѣтозарной игрою искусства, съ трепетомъ страсти и наслажденія,—духъ захватывало отъ этихъ мыслей, и жизнь представлялась дивной гармоніей.

---

[1]) Свѣтъ будетъ все, что захвачу я; уголь—все, что я оставлю.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Онъ не замѣтилъ, какъ обошелъ почти весь городъ, отдохнулъ на просторѣ зеленыхъ вершинъ и спустился опять къ душнымъ улицамъ. Опять запестрѣло въ глазахъ отъ ярко-синихъ и ярко-зеленыхъ и сизыхъ, и какъ брусникой вымазанныхъ домовъ и размалеванныхъ вывѣсокъ надъ смрадными дворами. Опять въ ушахъ стоялъ гвалтъ базарнаго еврейскаго торга, и раздражала тѣснота булыжныхъ мостовыхъ, и нещадно рѣзали ногу неровные и узкіе булыжные тротуары.

На колокольнѣ братской обители гулко прозвонили ко всенощной. Пора было въ Портовую улицу, на розыски Стефановича. Но прежде надо было переодѣться и расплатиться въ гостиницѣ. По привычкѣ беречь и выгадывать каждый грошъ Заслонный рѣшилъ, собравъ вещи, нанять возца по часамъ до отхода ночного поѣзда. Онъ чувствовалъ утомленіе. Да такъ и удобнѣе, и дешевле, чѣмъ платить еще за вторыя сутки въ грязномъ, хоть и роскошномъ по виду номерѣ. Въ «Европейской гостиницѣ»—несмотря на ея названіе и электрическіе звонки—не было ничего европейскаго. Золоченыя трюмо, триповые диваны и кружевныя занавѣски—все казалось ему отвратительно, какъ парики на молодыхъ и старыхъ еврейкахъ.

Въ швейцарской не было ни души. Только на подъѣздѣ, ковыряя въ носу, вертѣлся какой-то быстроглазый еврейчикъ. Заслонный снялъ съ доски ключъ отъ номера и по изъѣденной молью пыльной ковровой дорожкѣ поднялся къ себѣ во второй этажъ. Дверь его номера оказалась не заперта. Онъ оглянулся вокругъ, и первое, что бросилось въ глаза, настежь раскрытый шкапъ и пустая вѣшалка у самыхъ дверей, гдѣ онъ повѣсилъ свое дорожное платье. Дорожнаго мѣшка съ перемѣной бѣлья и туалетными принадлежностями тоже не было. А онъ заперъ его въ шкапъ, и ключъ оставался у него въ карманѣ. Но туфли стояли попрежнему на коврикѣ за ширмой, возлѣ кровати. На столикѣ попрежнему лежалъ карманный томикъ Аристофана—на греческомъ и нѣмецкомъ,—съ которымъ онъ никогда не разставался.

Онъ позвонилъ—разъ и два. Никто не являлся. Вышелъ въ коридоръ и хлопнулъ въ ладоши. Никто не откликался. Въ концѣ темнаго коридора, у самыхъ дверей, стояли высокіе военные сапоги со шпорами. Думая, что тамъ, вѣроятно, помѣщенье прислуги, онъ громко позвалъ: «Услужающій!» Ни звука. Точно все вымерло.

Онъ прошелся по коридору въ направленіи къ сапогамъ и еще громче, во весь голосъ позвалъ:

— Услужащій! Услужащій!

Въ темнотѣ, гдѣ-то близко, щелкнулъ замокъ, и высунулась

Библиотека "Руниверс"

гладко, по военному остриженная голова человѣка въ одномъ бѣльѣ.

— Подите сюда... услужающій!—отчаяннымъ голосомъ еще разъ подозвалъ Заслонный.

— Убирайтесь къ чорту! Какой я вамъ услужащій! Тутъ нѣтъ никакихъ услужающихъ...

— Прошу извиненія... Но меня обокрали, и я не знаю, кому заявить.

— Заявляйте въ полицію, а здѣсь прошу не кричать! Я хочу спать.

Дверь съ шумомъ захлопнулась, сапоги со шпорами предусмотрительно исчезли, и за дверью послышалось сначала насмѣшливо и пискливо: «Услужающій, услужающій!»—а потомъ съ веселымъ хохотомъ: «Идіотъ!»

Заслонный устало повелъ плечами, разсовалъ по карманамъ туфли и сатиры Аристофана и спустился снова по лѣстницѣ.

Еврейчика уже не было. Нигдѣ никого не было. Гостиница превратилась въ нѣмую пустыню, гдѣ мирно почивалъ одинъ только сердитый офицеръ съ нечищенными сапогами. Улица тоже опустѣла. Слышались только глухіе звуки замковъ и засововъ да торопливые шаги куда-то исчезавшихъ людей въ картузахъ и лапсердакахъ, съ длинными пейсами за ушами или въ замасленныхъ кофтахъ и въ парикахъ надъ самыми бровями. Картина была слишкомъ знакомая—и въ Австріи, и въ Россіи такъ начинается «шабашъ».

Онъ попробовалъ крикнуть извозчика—ни единаго. Іудеи исчезли, христіане еще не явились на смѣну. Пришлось вернуться опять къ губернаторскому дворцу—единственному мѣсту, гдѣ городъ напоминалъ нѣчто живое и благоустроенное. На углу подлѣ будки съ часовымъ подъ ружьемъ стоялъ на вытяжкѣ молодцоватый городовой. Заслонный подошелъ къ нему.

— Гдѣ тутъ полицейское управленіе, любезнѣйшій? Меня обокрали въ гостиницѣ, я хочу заявить.

Городовой сдѣлалъ подъ козырекъ съ выраженіемъ сочувствія.

— Въ Газовомъ переулкѣ, ваше благородіе.

— А далеко это, скажите пожалуйста?

— Нѣ! Зовсѣмъ близко. Вотъ идите себѣ усе прамо, прамо, ажъ до самаго поля. Тутъ и есть оно самое—вуправленіе. Дэжуровый заусегды тамъ знайдцеся.

— Ну, а Портовая улица?

— А и Портовая тутъ же само!—какъ бы радуясь этой близости, усмѣхнулся городовой и снова сдѣлалъ подъ козырекъ учтивому господину. Заслонный ощутилъ къ нему рѣшительную симпатію.

Дежурный былъ налицо въ управленіи, но вмѣсто содѣйствія пожималъ только плечами.

Библиотека "Руниверс"

— Что же подѣлаешь? Съ кого теперь взыскивать, когда у нихъ шабашъ! Да и какъ же вы такъ: взяли номеръ на сутки и ушли съ утра, не предупредивъ никого. Сутки прошли—они подумали, что вы ихъ надули, не расплатившись, уѣхали,—ну, и забрали вещи въ уплату. Ясное дѣло. Вѣдь и ихняго брата надуваютъ здѣсь тоже не мало. Подождите до воскресенья. Вотъ шабашъ пройдетъ—съ факторомъ ихнимъ можно будетъ потолковать.

— Но зачѣмъ же мнѣ ждать тутъ до воскресенья?—съ тоской протянулъ Заслонный.—Я пріѣхалъ по вызову попечителя и съ ночнымъ уѣзжаю обратно. Долженъ былъ днемъ уѣхать, съ часовымъ, но г. Поярковъ удержалъ меня на завтракъ.

Дежурный мгновенно преобразился.

— Генералъ Поярковъ, Аполлонъ Ермолаевичъ? Они завтра съ курьерскимъ выѣзжаютъ отъ насъ за границу.—Оставьте вашъ адресъ, пожалуйста. Сдѣлаемъ отъ себя все, что можно. Какъ прикажете записать?

Заслонный далъ ему такую же рукописную карточку и со вздохомъ побрелъ на Портовую. Неподалеку стоялъ католикъ-извозчикъ, но онъ уже отказался отъ мысли о «возцѣ». Непредвидѣнная покража необходимыхъ вещей нарушала его обычный бюджетъ, и онъ мысленно высчитывалъ теперь, на какія еще новыя лишенія придется ему обрекать себя въ возмѣщеніе неизбѣжныхъ новыхъ расходовъ. Никакіе стихи и никакія «гармоніи» не приходили уже на умъ. Хотѣлось только поскорѣе выбраться изъ этого Лѣснова, вернуться домой и засѣсть за работу.

«А тамъ, можетъ быть, подвернется хорошій лѣтній урокъ—у Гинтовта или у Шаскольскаго», утѣшалъ онъ себя. Но вещей все-таки было очень жалко. Особенно мѣшокъ не выходилъ у него изъ головы. Съ этимъ мѣшкомъ на плечахъ, въ дни студенчества, исходилъ онъ пѣшкомъ много мѣстъ, и много мыслей передумано было дорогой въ поискахъ работы и знаній, въ пытаньѣ судьбы и судебъ человѣческихъ...

Улица все поднималась въ гору. Слѣва сплошнымъ навѣсомъ тянулись сады. Справа опять начинались миражи... Солнце уже спускалось надъ лѣсомъ, и окна домовъ и костеловъ пылали сказочными огнями—точно тамъ совершались античныя оргіи или рыцарскіе пиры. А бѣлыя башни стояли надъ городомъ какъ небесная стража, зорко хранящая власть свою надъ ввѣреннымъ ей самимъ Богомъ католическимъ міромъ. И безпечная сонная дрема разливалась въ раскаленныхъ ароматахъ цвѣтовъ и листвы. Въ гущѣ сплошныхъ цвѣтниковъ заманчиво прятался уютный швейцарскій домикъ, увитый виноградомъ и дикими розами. Подъ тѣнью густого каштана лѣниво щипала траву верховая лошадь въ нарядномъ сѣдлѣ съ расшитыми вензелями. И что-то знойное дышало тамъ тревогой и страстью изъ-за прикрытыхъ ревнивыми ставнями оконъ....

Библиотека "Руниверс"

Заслонный ничего не замѣчалъ. Усталый и раздраженный поднимался онъ вверхъ по булыжнику, пока не уперся прямо въ чью-то калитку. Густой запахъ махровыхъ піоновъ и какихъ-то пряныхъ цвѣтовъ бросился ему въ голову. Сквозь сѣтку вѣтвей высоко въ открытыя окна вырывался оживленный говоръ по-польски. Одинъ голосъ былъ женскій, другой—баритонъ—мужской.

— Пшспрашам, панове,—заговорилъ по-польски Заслонный,—гдзѣ ту бендзе Портова улица?

Двѣ фигуры рядомъ показались въ окнѣ. Одна бритая, въ черной сутанѣ, другая—въ пышномъ шиньонѣ, съ блестящими бусами на открытой шеѣ. Въ рукахъ у обоихъ были игральныя карты.

— Але, пане ласкàвы, ту ест Портова!—съ обольстительной улыбкой, вкрадчиво прозвучалъ баритонъ въ сутанѣ.

— Мѣшканье пани Левковскей?

— Тэн самы, бардзо прошен'!

— До кого, з ласки пана?—сладкозвучно пропѣло женское сопрано въ бусахъ.

— Денисъ Мартыновичъ Стефановичъ...

Фигуры разомъ исчезли.

— Прошен' тамъ далѣй!—рѣзко прозвенѣлъ чей-то голосъ изъ глубины.—На долу! на долу!

И кто-то мурлыкалъ заунывную пѣсню.

Заслонный окончательно потерялъ терпѣніе. Приходилось возвращаться назадъ и искать еще гдѣ-то «на долу». А на долу уже начинались поля, и тропинка отъ самой калитки катилась внизъ къ орѣховымъ зарослямъ надъ рѣкой. Но пѣніе вдругъ оборвалось.

— Лука Ѳомичъ! Какими это судьбами?—неожиданно раздалось у него за спиной.

Онъ обернулся—и только тутъ замѣтилъ за тополями приземистый домикъ съ крыльцомъ на столбикахъ по срединѣ. На крыльцѣ сидѣлъ самъ Денисъ Мартынычъ и, засучивъ по локоть рукава, усердно чистилъ кирпичомъ съ деревяннымъ масломъ старое заржавѣлое ружье. И одинъ видъ этого тщедушнаго, маленькаго человѣчка съ тонкимъ голосомъ и порывистыми движеніями возвратилъ Заслонному обычное равновѣсіе и сознаніе своихъ силъ.

Не говоря ни слова, Заслонный сѣлъ подлѣ него на нижней ступенькѣ и съ облегченіемъ перевелъ духъ прежде, чѣмъ приняться за передачу своей «одиссеи».

V.

— А я слышу тутъ голосъ знакомый, не могу только сразу понять, какъ это вы сюда попали. Пріѣхали бы прямо ко мнѣ—ничего бы и не было. И вещи были бы цѣлы, и мы бы съ вами на досугѣ и

Библиотека "Руниверс"

погуляли, и побесѣдовали. А, можетъ, и планъ бы какой-нибудь новый сообща оборудовали. Ну-съ, изволите видѣть, жизнь, батюшка мой, только тѣмъ и красна, что вотъ тутъ, въ башкѣ, шевелится какой-нибудь планъ. Иначе, ей-Богу, заплесневѣешь. И начнется всякая тамъ, съ позволенья сказать, хандра, дисгармонія.

Маленькій человѣчекъ обладалъ именно такимъ преимуществомъ. У него былъ всегда неистощимый запасъ всевозможныхъ плановъ на всевозможныя существованія. Сейчасъ вотъ онъ чистилъ ружье,— и Богъ его знаетъ, откуда у него это ружье,—чистилъ и все время мечталъ, что онъ больше не секретарь редакціи «Лѣсновскаго Голоса», а самый что ни на есть настоящій извозчикъ.

— Хорошо быть извозчикомъ, увѣряю васъ. Многому можно такимъ образомъ научить и самому научиться. А главное тутъ— свобода. Ни отъ кого не зависишь. Ѣздишь себѣ да ѣздишь. Лошадь тебя везетъ, а ты думаешь. Ѣсть захочешь, устанешь—остановишься. Чудесное дѣло. Или вотъ тоже пѣсни народныя собирать. Наши бѣлорусскія—совсѣмъ ихъ не знаютъ. А вѣдь въ нихъ вся душа народная. Какъ есть вся душа. И я много ихъ знаю. Ну-съ, изволите видѣть, ежели изучить всѣ распѣвы, записать ихъ какъ слѣдуетъ да явиться къ Пояркову: дескать, такъ, молъ, и такъ, дѣло патріотическое, изученье народнаго духа и тамъ все прочее... Поярковъ схватится обѣими руками, потому что онъ патріотъ какъ быть слѣдуетъ.

— Поярковъ сюда уже не вернется.

— А не вернется, такъ можно и другое придумать. Купить, напримѣръ, бандуру и ѣздить по ярмаркамъ...

«А у ляску, ляску, на жоцтымъ пяску
Солоцви гудуюць, церкву будуюць,
С трамя вокнами, читырьмя углами»..,

—затянулъ онъ тоненькимъ речитативомъ, заунывнымъ и трогательнымъ.

«У водно вокно соунцо увойшлю,
У другого вокно мѣсяць увойшоу,
У треці вокно сокол уляцѣу.
Сокол уляцѣу, слязу уронну
А с тыи слязы рѣчуньки пошли,
Рѣчуньки пошли, усе быстрыи,
Рѣки быстрыи, биражистыя»...

— Рекрутская это пѣсня. Рекрута поютъ, когда ружье чистятъ. Ну, а теперь пѣсня спѣта, можно и ружье повѣсить на прежнее мѣсто. Пора и въ хату—милости прошу. Чѣмъ вотъ только угощать васъ, не знаю. Столуюсь я тутъ по сосѣдству. Поужинаемъ вмѣстѣ потомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ окна смотрѣло заходящее за лѣсомъ солнце. Тополи передъ окнами вспыхивали огнемъ и постепенно угасали. Сумерки прозрачнымъ сизымъ туманомъ заволакивали всю комнату, глубокую и пріятно прохладную. Заслонный улегся въ растяжку безъ сюртука и безъ обуви на кожаномъ диванѣ съ продавленными пружинами и съ невольной улыбкой слѣдилъ за смѣшными движеніями пріятеля.

Денисъ Мартынычъ возбужденно сновалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ-то нелѣпо размахивая руками и поминутно натыкаясь на разные предметы. И это снованье, и голосъ, звенящій на одной нотѣ, напоминали Заслонному комара или муху, ищущихъ впотьмахъ чѣмъ-нибудь поживиться и найти себѣ «ходъ»...

— Прежде всего доложу я вамъ,—звенѣлъ этотъ тоненькій голосъ гдѣ-то далеко въ углу,—не слѣдуетъ вамъ совсѣмъ уѣзжать отсюда. Ну, что вы будете дѣлать теперь въ вашемъ Нѣмновѣ? Писать диссертацію? Да кто же пишетъ диссертаціи въ этакую жарынь? Для чего и каникулы. Отдохнете отъ вашихъ упражненій съ «ослами» и, отцами ословъ»—втрое потомъ наверстаете. И просто вамъ надо, по-моему, прежде всего жениться, и всю эту вашу хандру и всю дисгармонію какъ рукой тогда сниметъ,—увѣряю васъ!

Заслонный вспомнилъ «пунктъ II» въ записной своей книжкѣ. Вспомнилъ, что и Поярковъ совѣтовалъ ему то же самое.

— На комъ же прикажете мнѣ жениться? Ужъ не на Антиповой ли?!—скрывая волненіе подъ видомъ ироніи, проговорилъ онъ, боясь обнаружить какъ-нибудь невзначай неясную еще самому душевную тайну.

— А, такъ вы ее помните?—прозвенѣлъ тотъ же голосъ надъ самымъ ухомъ Заслоннаго.—А вѣдь она теперь здѣсь, на Стефановской...

Заслонный перевернулся на другой бокъ, лицомъ къ спинкѣ.

— Ну, оставимъ объ этомъ! Скажите-ка лучше, какъ это вы отъ Дениса Дидро въ «Лѣсновскій Голосъ» перескочили?

— Э, государь мой, пустяки вы болтаете!—звенѣло опять гдѣ-то въ углу.—Ну,такъ что жъ, что Денисъ Дидро! И Денисъ Дидро промышлялъ сперва кое-какой работушкой,—безграмотнымъ патерамъ, напримѣръ, хоть бы проповѣди писалъ. Что же такое! Живой человѣкъ вѣдь, не духъ. Если онъ даже и санкюлотъ, ѣсть ему все-таки требуется. Ну-съ, изволите видѣть.

— Вижу. Теорія растяжимая. Все, что угодно, войдетъ.

Денисъ Мартынычъ, въ возбужденіи, налетѣлъ на стулъ, стукнулся о комодъ, присѣлъ на секунду въ кресло, стоявшее у окна, и сейчасъ же поднялся опять въ новомъ полетѣ фантазіи.

— Главное, могу васъ увѣрить, надо хорошо себя чувствовать. Вотъ чтобъ тутъ шевелилось хоть что-нибудь,—указалъ онъ на

Библиотека "Руниверс"

лобъ,—да чтобы дышать повольготнѣе было. Ну-съ! А для этого надо прежде всего, чтобы деньги намъ за работу аккуратно платили. Вотъ это, пожалуй, самое главное. А то, изволите видѣть, дражайшая половина нашего шефа, madame де-Кавалье,—не безъ ехидства подчеркнулъ онъ,—обираетъ у насъ казну дочиста. По грошамъ гонорары-то наши получать приходится. Вотъ это, доложу вамъ, прескверное дѣло.

«Непремѣнно денегъ попроситъ взаймы»,—съ опаской подумалъ Заслонный, проводя незамѣтно рукой по боковому карману.

— И на что, подумаешь, этой бабѣ деньги нужны?—На разныя тамъ фалбалы да турнюры, да капоты со шлейфами. Поди, уже подъ сорокъ, черна, какъ галка, суха, какъ палка, да вдобавокъ еще презлющая, преревнивая.

— Ревность доказываетъ любовь,—отводя мысль отъ денегъ, зѣвая, вставилъ Заслонный.—Чѣмъ-нибудь да плѣнила же она вашего Кавалье.

— Кавалье малый съ мозгомъ. Старый морякъ, севастополецъ. Когда-то объѣздилъ весь шаръ земной, въ морскихъ сраженіяхъ участвовалъ, а вотъ подите, передъ супругой пикнуть не смѣетъ. Ну, и сидятъ оба, какъ куры на яйцахъ, высиживаютъ газетныя вырѣзки. Только иностранный отдѣлъ и выручаетъ кое-когда. Я вотъ имъ теперь біографію этого самого тезки въ фельетонѣ запустить хочу. Пусть понюхаетъ de la libre pensée... «Fraternité, égalité» [1]) и все прочее. Коли цензоръ не вымараетъ, штука знатная выйдетъ... Ги-ги-ги-ги!—захихикалъ онъ счастливымъ, дребезжащимъ смѣхомъ, какимъ смѣются уличные мальчишки, играя въ бабки, когда сразу повалятъ цѣлый конъ.

«Обойдется, кажется, и такъ»!—съ облегченіемъ думалъ Заслонный.

— А не то, знаете, какой еще планъ у меня?—таинственно заговорилъ Денисъ Мартынычъ, приближаясь къ дивану.—Надо только найти издателя. Богатѣйшая вещь! И славу, и деньги можно нажить... Вотъ тутъ у меня одна книжица: «Almanach du bonhomme Richard»—со смакомъ выговорилъ онъ, щеголяя «настоящимъ» французскимъ «прононсомъ». Языкъ онъ зналъ основательно, и хоть спотыкался иногда на слогахъ, переводилъ мастерски, благодаря знакомству въ юности съ француженкой—гувернанткой въ богатомъ еврейскомъ домѣ, гдѣ онъ подучивалъ «оболтуса сына».—Сочиненіе Веніамина Франклина—слыхали?—вставая на цыпочки, чтобы достать съ полки infolio, издалека переспросилъ онъ.

— Сочиненіе нельзя сказать чтобы новое... съ тѣхъ поръ, какъ открылась Америка. Что же, посовѣтуйте пустить приложеніемъ

---

[1]) Пусть понюхаютъ свободной мысли... «Братство, равенство» и проч.

Библиотека "Руниверс"

къ «Лѣсновскому Голосу». Чтобы подписчики хорошо себя чувствовали.

— Вы смѣетесь, а я серьезно. Помилуйте! Величайшій умъ величайшаго гражданина вселенной!—Онъ зацѣпилъ ногой за диванъ и присѣлъ на краешекъ, въ ногахъ у Заслоннаго.—И вѣдь только подумайте, гнусность какая... Какой-то, съ позволенья сказать, Ольшанинъ—доносы пишетъ на всѣхъ, шмыгаетъ по жандармскимъ переднимъ—и ему назначаютъ субсидію, ему поручаютъ какую-то тамъ программу объединенія и прощенія... Ольшанинъ, изволите видѣть, «руситель» и «патріотъ». А господинъ Ольшанинъ просто-напросто проходимецъ и гороховый шутъ. Да еще шутъ-то какой—самый нечистоплотный. Ученицу на святкахъ въ сельской школѣ къ себѣ заманилъ подъ видомъ награды, да и наградилъ—утопилась изъ-за него. И вотъ этого-то мерзавца гнать бы въ шею по третьему пункту—какъ прогнали меня—а ему, изволите видѣть, субсидію въ сколько-то тысячъ, —насаждай, молъ, просвѣщеніе и забвеніе... Ну-съ!—А поляки только прослышали—шипятъ въ одинъ голосъ: «Цо они маен' нам пшебачиць?» (Что намъ будутъ они прощать?!) Пхе!—Онъ дернулъ по-еврейски плечомъ, зацѣпился за что-то и, закуривъ новую папироску, продолжалъ съ возрастающимъ увлеченіемъ, точно дѣло шло о борьбѣ на жизнь и на смерть:

— А вотъ Франклинъ такъ научилъ бы и забвенію, и прощенію! Увѣряю васъ, научилъ бы. Помилуйте! Величайшій гражданинъ всемірной исторіи! Президентъ и правитель—и самъ первѣйшій работникъ, добродѣтельный человѣкъ, раздающій все свое достояніе бѣднымъ — это вотъ патріотъ. Это — отецъ отечества. Да передъ нимъ, по правдѣ сказать, всѣ эти ваши Софоклы и Эврипиды въ подметки, что называется, не годятся. Потому что всѣ эти ваши греки, съ позволенья сказать, только ротъ разѣвать красиво умѣли да въ тоги завертываться... А больше и ничего!

Заслонному надоѣло и «комариное зудѣнье», и дымящая папироса Дениса Мартыныча.

— Знаете что,—сказалъ онъ, поднимаясь и снова берясь за сюртукъ и ботинки:—я вѣдь съ утра почти ничего не ѣлъ, и вчера не обѣдалъ, да и на вокзалъ мнѣ, пожалуй, пора.

— Плюньте вы, пожалуйста, на вокзалъ!—рѣшительно объявилъ Стефановичъ.—Пойдемте къ Балковскому ужинать. Это здѣсь такой табльдотъ имѣется. Тутъ сейчасъ въ двухъ шагахъ. Кормятъ недурно. За два злотыхъ намъ такихъ колдуновъ да вареников съ вишнями подадутъ,—сама пани готовитъ,—пальчики просто оближете. И пива, коли надо, дадутъ, и лимонаду, и зельтерской. Все у нихъ есть. А по дорогѣ надо будетъ зайти въ редакцію. Пошлю сторожа сейчасъ къ Лейбѣ. Нашъ редакціонный разсыльный. Лейба лучше всякой полиціи устроитъ намъ все, что нужно. У нихъ вѣдь свое тутъ status in statu. Кагальный уставъ и кагальное право. И

Библиотека "Руниверс"

порядки первостатейные, увѣряю васъ. Особливо, если умѣю затронуть ихъ гоноръ. Со дна морского разыщутъ и отдадутъ. Я вѣдь ихъ знаю давно, росъ вмѣстѣ съ нами. Поговорю потихоньку съ Лейбой—и вотъ увидите, всѣ ваши вещи найдутся. А сегодня вы ночуете здѣсь у меня, на диванѣ. А я перейду туда, въ кухню, гдѣ спитъ мой племяшъ Емельянъ. Емельяна же мы отправимъ къ товарищу. Вотъ и дѣло въ шляпѣ. Ну-съ, а теперь приведемъ себя въ должный порядокъ. Надо мнѣ будетъ малость почиститься.

В. Тимофеева-Починковская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТОІЕРЕЯ І. В. ВАСИЛЬЕВА.

«Нѣтъ памяти о прежнемъ, да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ».

I.

Происхожденіе о. Іосифа Васильева и его воспитаніе.—Женитьба его на дочери прот. Флерова и назначеніе священникомъ парижской церкви при русскомъ посольствѣ.—Смуты 1848 и 1849 гг. въ Парижѣ.—Семья о. І. В. Васильева.—Дѣятельность его во Франціи въ восточную войну 1853—1856 гг.: заботы о русскихъ военноплѣнныхъ въ Эксѣ, происки іезуитовъ и аудіенція Васильева у императора Наполеона III.

РОДИЛАСЬ 31-го августа 1853 года въ Парижѣ на несомнѣнную радость своихъ родителей, которыхъ была пятой дочерью, что не помѣшало назвать меня Людмилой. Отецъ мой, священникъ посольской церкви въ Парижѣ, Іосифъ Васильевичъ Васильевъ, былъ женатъ на Аннѣ Еѳимовнѣ Флеровой. Папаша былъ сыномъ сельскаго священника села Стрѣльца Орловской губ. и хотя отецъ его умеръ молодымъ, все же успѣлъ оставить послѣ себя вдову съ многочисленнымъ семействомъ, чуть ли не восемь человѣкъ дѣтей. Бѣдность вопіющая, босые, полуголодные; жила семья въ полуразрушенной избѣ. Вдовы сельскаго духовенства не получали тогда ниоткуда никакихъ пособій, живи, какъ знаешь. Несчастныя женщины должны были въ потѣ лица зарабатывать свое пропитаніе. Бѣдная бабушка моя выбивалась изъ силъ, чтобы про-

Библиотека "Руниверс"

кормить свою семью. Ея труды не пропали: ей удалось воспитать своихъ сыновей, опредѣлить ихъ по очереди въ духовное училище, и они, въ силу своихъ дарованій, всѣ прекрасно кончили высшія духовныя заведенія и почти всѣ, такъ или иначе, съ честью служили своей родинѣ. До конца своей жизни отецъ мой сохранилъ благоговѣйную память о своей труженицѣ-матери и, вспоминая о ея жизни, полной лишеній и самоотверженія, называлъ ее святой. Отецъ мой былъ самымъ даровитымъ среди своихъ братьевъ, способности его и умъ были прямо выдающимися. Окончивъ первымъ ученикомъ орловскую семинарію, онъ былъ посланъ на казенный счетъ въ с-петербургскую духовную академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1845 г. первымъ магистрантомъ богословія; кромѣ богословскихъ наукъ, онъ превосходно зналъ греческій и латинскій языки, на послѣднемъ говорилъ и писалъ сочиненія. На послѣднемъ курсѣ академіи онъ такъ выдѣлился среди студентовъ своими яркими дарованіями, что по окончаніи курса ему было предложено остаться при академіи для подготовки къ профессурѣ. Одновременно и министерство иностранныхъ дѣлъ предполагало дать отцу мѣсто въ своемъ вѣдомствѣ, но отецъ мой какъ отъ профессуры, такъ и отъ предложенія министерства иностранныхъ дѣлъ рѣшительно отказался, заявивъ о своемъ горячемъ желаніи принять санъ священника и посвятить жизнь на пользу и славу православной церкви. Его магистерская диссертація «О главенствѣ папы» показала такое всестороннее и глубокое изученіе западной католической церкви, что отцу предложили занять открывшееся мѣсто священника парижской посольской церкви. Отецъ мой съ радостью принялъ предложеніе и сталъ искать себѣ невѣсту.

Въ то время у оканчивающихъ курсъ студентовъ академіи, желающихъ принять священный санъ, велся списокъ невѣстъ, имѣвшихся среди духовнаго сословія, и на первомъ мѣстѣ списка стояла семья протоіерея единовѣрческой Волково-кладбищенской церкви, о. Евѳимія Флерова. При посредствѣ знакомыхъ молодой студентъ былъ введенъ въ эту почтенную семью, гдѣ ему сразу понравилась дочь о. Евѳимія, Анна, которой еще не было 16 лѣтъ. О. Евѳимій былъ по внѣшности суровый, малообщительный человѣкъ, но весьма добрый, прекрасный семьянинъ, очень любимый и уважаемый въ семьѣ своей и среди прихожанъ. Хотя мой дѣдъ принадлежалъ къ единовѣрію, которое всегда старалось сохранить древній укладъ жизни въ семьѣ и не особенно склонно было къ образованію дѣтей, особенно дочерей, все же о. Евѳимій, очевидно, былъ выше среды своей по своему духовному развитію, а потому всѣмъ дѣтямъ далъ изрядное образованіе; семья же была патріархальная — 10 человѣкъ: 6 дочерей и 4 сына. Сыновья впослѣдствіи окончили высшія

Библиотека "Руниверс"

учебныя заведенія, среди нихъ были священники, офицеры, докторъ [1]). Дѣдушка и дочерей не забывалъ. Въ то время (1825—1830 г.г.) мѣстность, прилегавшая къ Волковскому кладбищу, была совершенная глушь; не говоря объ отсутствіи порядочнаго освѣщенія, не было ни мостовой, ни панелей, а просто деревянные, почему-то всегда ветхіе, мостки, которые прыгали подъ ногами, какъ клавиши, а среди мостовой былъ настилъ изъ досокъ, чтобы экипажи не слишкомъ застревали въ грязи. Несмотря на эти обстоятельства и дальнее разстояніе кладбища отъ культурной части города, дѣдушка все же ежедневно отвозилъ дочерей въ городъ, въ лучшій тогда пансіонъ Заливкиной, гдѣ преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, языки: французскій, нѣмецкій и танцы.

По тому времени это было рѣдкое среди духовныхъ образованіе для дѣвочекъ, даже городское духовенство въ большинствѣ случаевъ считало образованіе излишней роскошью для дѣвочекъ, онѣ еле-еле умѣли читать.

Большинство изъ дочерей о. Евѳимія вышли замужъ за священниковъ, при этомъ больше за заграничныхъ.

Послѣ свадьбы, въ 1846 году, мой отецъ съ женой уѣхалъ въ Парижъ. Первый годъ жизни моихъ родителей въ Парижѣ ничѣмъ не отмѣчается, кромѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній съ французскимъ языкомъ; мать моя говорила, что ей сначала трудно было понимать парижанъ изъ-за ихъ необыкновенно быстрой рѣчи. Несмотря на то, что мои родители не имѣли понятія о заграничной жизни до переѣзда въ Парижъ, она имъ сразу пришлась по душѣ, и они быстро усвоили обычаи и порядки. Французовъ весьма изумляло количество рождающихся дѣтей у моихъ родителей, и все дѣвочекъ. Насъ было: Марія, умершая 10-ти лѣтъ отъ перитонита, Софія, Надежда, Елизавета, Людмила, Ольга, Любовь—итого семь дочерей подъ рядъ. Когда родилась седьмая, русскіе жалѣли отца, что у него такое количество дѣвочекъ, но онъ заявилъ, что очень радъ новорожденной и назвалъ ее Любовью. Все же, когда родился восьмой ребенокъ, а первый сынъ—Влади-

---

[1]) Сыновья: Василій, кончилъ академію, священникъ на Охтѣ; Иванъ, кончилъ академію, священникъ крѣпостного Петропавловскаго собора; Димитрій, офицеръ Семеновскаго полка; Павелъ, докторъ медицины, корпусный врачъ. Дочери: Ольга—за В. П. Полисадовымъ, священникомъ въ Женевѣ, Парижѣ, Берлинѣ, профессоромъ Петроградскаго университета, настоятелемъ Петропавловскаго собора, Анна—моя мать, Александра—за І. Л. Янышевымъ, священникомъ въ Висбаденѣ, Копенгагенѣ, гдѣ присоединилъ къ православію принцессу Дагмару, нынѣ вдовствующую Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, ректоромъ петроградской духовной академіи, духовникомъ Ихъ Величествъ, протопресвитеромъ придворнаго духовенства; Елизавета—за П. А. Матвѣевскимъ, священникомъ въ Веймарѣ, настоятелемъ Смоленскаго кладбища; Прасковья—за В. В. Головинымъ, законоучителемъ Смольнаго института; Пелагія—за В. Я. Глыбовскимъ, докторомъ.

Библиотека "Руниверс"

миръ—радость въ семьѣ была большая, вся русская колонія приняла участіе въ семейномъ событіи, мамаша получила много подарковъ...въ поощреніе. Братишка нашъ былъ дуренъ собою, но составлялъ гордость не только родителей, но и насъ, дѣвочекъ, которыхъ по случаю его рожденія нарядили въ бѣлыя платья съ цвѣтными кушаками, и мы ходили кругомъ своего двора съ разноцвѣтными ленточками (faveurs) въ шумномъ восторгѣ.

Послѣ брата Владимира родилась опять дочь Елена, умершая черезъ нѣсколько дней; сынъ Борисъ, умершій младенцемъ, сынъ Сергѣй и уже въ Петроградѣ сынъ Борисъ 2-ой. Итого 12 чел.: 8 дочерей и 4 сына. Изъ нихъ девять понынѣ здравствующихъ [1]). Мать моя разсказывала намъ о таинственномъ видѣніи, бывшемъ у ней послѣ родовъ второй дочери. Это было въ 1848 году. Въ Петербургѣ свирѣпствовала азіатская холера, отъ которой скоро скончалась бабушка Флерова. Чтобы не волновать родильницу печальнымъ извѣстіемъ, дѣдушка телеграфировалъ моему отцу о своемъ горѣ по-латыни, чтобы мамаша не могла неожиданно прочитать телеграмму. Въ эту ночь, проснувшись, мамаша ясно увидѣла на стѣнѣ у своей кровати свою мать, въ яркомъ освѣщеніи, какъ бы въ медальонѣ. Взволнованная, она стала искать объясненіе этому видѣнію: оказалось, что бабушка скончалась именно въ ту ночь, въ которую она явилась своей дочери.

Родители мои пріѣхали въ Парижъ въ царствованіе короля Людовика-Филиппа, который не пользовался въ странѣ популярностью и любовью; онъ былъ слишкомъ буржуа, ходилъ одинъ пѣшкомъ по улицамъ Парижа въ костюмѣ сомнительной свѣжести, съ большимъ дождевымъ зонтикомъ подъ мышкой и былъ черезчуръ скупъ. Въ Парижѣ (1848—49 г.) вспыхнула революція послѣ изгнанія короля; на улицахъ мятежники устроили баррикады и дрались. Отцу моему предложили выѣхать изъ Парижа, онъ не согласился оставить церковь въ такое смутное время; остальной причтъ и большинство русскихъ разъѣхалось. Пришлось окна своей квартиры задѣлать матрасами отъ шальныхъ пуль; эта предосторожность оказалась не лишней, нѣкоторые матрасы были пробиты пулями. Прислуга боялась выходить на улицу,

---

[1]) Софія замужемъ за профессоромъ петроградской духовной академіи А. Л. Катанскимъ; Надежда—за священникомъ въ Ниццѣ, Флоренціи В. И. Левицкимъ; Елизавета—за П. А. Аннинымъ (тайный совѣтникъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія); Людмила—за А. А. Автономовымъ (протоіерей Зимняго дворца); Ольга—за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ докторомъ Лебедевымъ; Любовь—за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Н. М. Аничковымъ (товарищъ министра народнаго просвѣщенія Делянова, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта). Сыновья: Владиміръ—чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй—правовѣдъ-медалистъ, членъ петроградскаго окружнаго суда; Борисъ—правовѣдъ, членъ петроградскаго окружнаго суда. Всѣ дочери и сыновья понынѣ здравствуютъ.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ революціонеры даже женщинъ заставляли стрѣлять съ баррикадъ въ указанныхъ лицъ. Провизію приходилось получать черезъ довѣренныхъ людей. Не успѣвшая еще разъѣхаться часть русскихъ искала убѣжища въ нашей церкви. Они столпились, какъ испуганныя овцы, вокругъ своего пастыря. Папаша для успокоенія своихъ прихожанъ отслужилъ молебенъ, всѣ пріободрились и благополучно уѣхали изъ мятежнаго города.

Однажды въ это тревожное время отецъ мой шелъ по улицѣ къ больному. Вдругъ на баррикадѣ его остановили революціонеры. Папаша назвалъ себя, вынулъ свой наперсный крестъ и просилъ пропустить его къ умирающему. Его пропустили, но было очень жутко. Родители благополучно пережили это страшное время, когда всякаго подозрительнаго революціонерамъ человѣка, особенно аббата, тутъ же застрѣливали на улицѣ или вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Одинъ знакомый, домашній учитель у князя Куракина, Ал. Ив. Поповицкій, изъ любопытства вышелъ на улицу; мятежники его схватили, посадили на баррикаду и приказали стрѣлять въ прохожихъ. Бѣдняга считалъ себя погибшимъ, и если съ нимъ сразу не обошлись круто—это оттого, что онъ былъ иностранцемъ, и революціонеры, къ счастью, были такъ пьяны, что не услѣдили за Поповицкимъ: онъ удралъ въ близъ находившееся русское посольство и болѣе не показывался на улицахъ.

Чернь, да и не одна чернь, разграбила дворцы и личное имущество короля. Папаша купилъ за безцѣнокъ собственный кофейный сервизъ короля изъ чуднаго бѣлаго фарфора. Чашки стопочками, просто окаймленныя бордюромъ изъ стараго золота, а спереди чашекъ, на блюдечкахъ и на всемъ приборѣ золотомъ былъ выведенъ вензель короля L. P. съ королевской короной. Впослѣдствіи отцу предлагали крупную сумму за этотъ сервизъ, но онъ не продалъ; не знаю, куда его дѣли послѣ смерти отца. У насъ его употребляли только въ особо торжественныхъ случаяхъ.

По разсказамъ моей матери, отецъ не былъ красивъ въ молодости, но лобъ у него былъ замѣчательно высокъ и красивъ, а глаза, глубоко сидѣвшіе въ глазныхъ впадинахъ, отличались замѣчательной выразительностью и умомъ. У отца была замѣчательная шевелюра, такъ что онъ съ нею самъ не могъ справляться, мамашѣ приходилось съ большимъ трудомъ пробирать проборъ среди вьющихся, густыхъ волосъ отца; это обиліе волосъ не помѣшало, однако, тому, что отецъ мой въ 35 лѣтъ обладалъ почтенной лысиной; роста былъ онъ средняго. Отецъ мой очень скоро выучился прекрасно говорить по-французски, много читалъ, да ему много помогало въ этомъ солидное знаніе латинскаго языка. Съ теченіемъ времени отецъ былъ въ состояніи посѣщать богословскія публичныя лекціи въ сорбонской академіи; къ сожалѣнію, тогда эти курсы

Библиотека "Руниверс"

были уже не на прежней высотѣ. Послѣ революціи богословіе было въ загонѣ, аудиторіи пустовали, да и профессора мало посѣщали свою академію за недостаткомъ слушателей.

Отецъ мой сразу завоевалъ себѣ симпатію русскихъ въ Парижѣ, такъ какъ, несмотря на молодость и казавшуюся неопытность, онъ обладалъ большимъ природнымъ тактомъ, умѣлъ во̀-время, кстати, сказать слово, утѣшить, поддержать скорбящихъ. Въ обращеніи былъ замѣчательно мягкимъ, привѣтливымъ и простымъ; онъ усвоилъ себѣ симпатичную привычку, входя въ чей-либо домъ, привѣтствовать хозяевъ словами: «Миръ вамъ». Будучи умнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, онъ всегда держался въ курсѣ литературы, какъ богословской, такъ и свѣтской, съ которой, какъ видно изъ его писемъ къ оберъ-прокурорамъ, знакомилъ послѣднихъ и освѣдомлялъ ихъ съ состояніемъ умовъ въ до-и послѣреволюціонное время въ 1848 году.

Отецъ Іосифъ, всегда безукоризненно одѣтый, ввелъ форму для заграничныхъ священниковъ: вмѣсто обыкновеннаго—однобортный сюртукъ, глухо застегивавшійся на всѣ пуговицы, стоячій воротникъ, на груди золотой наперсный крестъ, задѣтый за верхнія пуговицы, такъ какъ отецъ не хотѣлъ подвергать св. крестъ неумѣстнымъ замѣчаніямъ свободомыслящихъ: на сюртукѣ была видна только цѣпь. Цилиндръ, трость, перчатки дополняли костюмъ. Ma foi, voilà papa! Насколько я помню, у отца была красивая борода, подстриженная, равно какъ и волосы, но, хотя я его помню среднихъ лѣтъ, онъ былъ уже съ большой просѣдью.

Приблизительно черезъ два года по переѣздѣ въ Парижъ отецъ мой былъ назначенъ настоятелемъ церкви вмѣсто дряхлаго о. Вершинскаго, который не хотѣлъ уходить съ своего мѣста, но впалъ въ дѣтство: цѣлыми часами стоялъ передъ попугаемъ, дѣлая ему различныя гримасы и задавая странные вопросы. Да и въ молодости о. Вершинскій не отличался большимъ рвеніемъ къ своимъ обязанностямъ; рѣдко и какъ попало служилъ, безъ діакона съ 3 дьячками, такъ что церковь была прямо заброшена, и русскіе ея почти не посѣщали.

Мы жили въ кварталѣ Champs Elysées, rue de Berry. Церковь бѣдненькая, помѣщалась въ частномъ домѣ. Она состояла изъ двухъ комнатъ рядомъ, соединенныхъ пролетомъ; обстановка бѣдная, иконостасъ маленькій дубовый, и весь храмъ такой неуютный, темный.

Наша квартира была въ томъ же домѣ, отдѣлялась отъ церкви экипажнымъ проѣздомъ со сводомъ. Изъ залы можно было попадать прямо въ церковь, дверь въ дверь. Эта дверь открывалась только для отца, мы должны были ходить въ храмъ кругомъ. Квартира была большая, въ двухъ этажахъ, такъ что одна комната, длинная проходная, служила какъ бы складомъ разной домашней утвари

Библиотека "Руниверс"

и не освѣщалась. Я страшно боялась темныхъ комнатъ и вечеромъ, бывало, прямо бѣгомъ пролетала мимо темной комнаты. Меня пріучали къ храбрости, заставляя нѣсколько разъ подъ рядъ, медленно, спокойно (sic) проходить мимо злосчастной комнаты. Этотъ чрезвычайно странный педагогическій пріемъ большого успѣха не имѣлъ, да я на бѣду слышала разсказъ о «Пиковой дамѣ» и такъ боялась мертвой старухи въ бѣлыхъ атласныхъ туфляхъ, что, вся дрожа, думала, что сейчасъ страшная старуха вынырнетъ изъ темной комнаты и схватитъ меня.

Мнѣ было лѣтъ семь, но всѣ находили, что я для своихъ лѣтъ мала ростомъ—и вотъ по совѣту одной умной дамы меня положили спать въ сосѣдней съ «пиковой» комнатѣ на длинный узенькій волосяной диванъ. Я страшно мучилась отъ страха, не отпускала няню отъ себя, пока не засну, но зато вытянулась и стала нормальнаго роста.

Нашъ домъ стоялъ внутри большого мощенаго двора; противъ нашего дома, сбоку—другой для псаломщиковъ и діакона. За палисадникомъ начинался большой садъ, раздѣленный на двѣ половины. Въ немъ росли громадныя абрикосовыя деревья съ большимъ количествомъ душистыхъ, крупныхъ плодовъ; мы доставали ихъ палками, трясли вѣтви. Жатва бывала обильная. Въ Россіи, даже въ лучшихъ фруктовыхъ магазинахъ, мнѣ не приходилось видѣть такихъ крупныхъ, душистыхъ абрикосовъ; здѣсь персики немного крупнѣе абрикоса, а послѣдній—съ французскую сливу. До сихъ поръ мнѣ непонятно, почему наши плоды, въ сравненіи съ французскими, такіе мизерные.

Росли у насъ и грецкіе орѣхи; дерево было такое высокое, что приходилось бросать въ него палки, чтобы сбить орѣхи. При паденіи съ дерева у орѣха разрывалась его зеленая оболочка, и тогда удобно бывало вынуть изъ нея самый орѣхъ, такъ какъ иначе у незрѣлаго эта оболочка очень толста, съ трудомъ отдирается и такъ сильно пачкаетъ пальцы іодомъ, что бывало трудно отмыть руки. Мы особенно любили именно недозрѣлые орѣхи за ихъ замѣчательно нѣжное, вкусное ядро. Созрѣвшіе сами падали съ дерева, и съ этихъ оболочка отпадала очень легко. Въ урожайные годы орѣхи во множествѣ лежали вокругъ дерева. У колодца на дворѣ вился виноградъ, не знаю, какого сорта, такъ какъ мы, дѣти, находили излишнимъ ждать, когда онъ созрѣетъ. Въ первой половинѣ сада находилась также большая качель.

Русская колонія въ Парижѣ была многочисленна. Крѣпостное право давало помѣщикамъ возможность безразсудно прожигать жизнь. Начиная съ аристократіи, большихъ помѣщиковъ и дворянъ, каждый считалъ чуть ли не долгомъ побывать въ Парижѣ. Да и богатые купцы охотно наѣзжали—себя показать и людей посмотрѣть. Многіе изъ нашихъ аристократовъ годами безвыѣздно живали

Библиотека "Руниверс"

въ Парижѣ, обзаводились собственными домами и не щадили средствъ всячески веселиться. Графиня Бутера, въ мое время больная старуха, имѣла собственный отель въ Парижѣ и совсѣмъ забыла, что есть на свѣтѣ Россія.

Русскіе въ то время пріѣзжали въ Парижъ всѣмъ домомъ, съ дѣтьми, прислугой и своими поварами. Въ виду большого количества дѣтей-подростковъ папаша устроилъ во второй церковной комнатѣ общіе курсы Закона Божія; это являлось крайней необходимостью, такъ какъ наши баре, увлеченные разнаго рода развлеченіями, конечно, бросали своихъ дѣтей на руки прислуги, иногда инославной, или помѣщали ихъ въ іезуитскія школы, мало помышляя о послѣдствіяхъ своего поступка, лишь бы отдѣлаться отъ малышей. Они вполнѣ индифферентно относились къ религіозному воспитанію дѣтей, а католическое духовенство не дремало и не упускало удобнаго случая пріобрѣсти новую овечку, особенно съ золотымъ руномъ.

Въ церковной комнатѣ поставили нѣсколько рядовъ скамеекъ, посадили дѣтей, младшихъ впереди, въ числѣ коихъ сестру Лизу и меня (8 и 6 лѣтъ). Папаша уроковъ не задавалъ, все время ходилъ мимо скамеекъ, разсказывая, объясняя, спрашивая, и мы всѣ охотно посѣщали эти классы. Отецъ мой былъ очень доволенъ успѣхами учениковъ, помню, какъ онъ однажды былъ такъ доволенъ моимъ отвѣтомъ на одномъ изъ уроковъ, что подошелъ ко мнѣ, погладилъ по головѣ и похвалилъ—это было высокой наградой и честью передъ всѣмъ классомъ.

Отецъ мой все раздумывалъ, какъ бы выхлопотать разрѣшеніе французскаго правительства на постройку церкви особымъ зданіемъ; его удручало то униженіе и пренебреженіе, въ которомъ находилась русская православная церковь: всѣ другія исповѣданія, даже не христіанскія, имѣли свои зданія храмовъ, а французское правительство подъ давленіемъ тогда очень сильнаго ордена іезуитовъ упорно отклоняло всѣ ходатайства, считая православіе за вредную секту, отпавшую отъ католичества, и не называло насъ иначе, какъ схизматиками. Такое положеніе дѣла тянулось много лѣтъ до отца, но ему все же удалось подготовить почву въ прямомъ значеніи этого слова. Послѣ массы переговоровъ и различныхъ препятствій, нарочно чинившихся іезуитами, русскому правительству все же удалось пріобрѣсти большое пустопорожнее мѣсто въ ожиданіи разрѣшенія построить на немъ русскую церковь. Мѣсто было куплено на улицѣ de la Croix, впослѣдствіи переименованной въ rue Daru. Она была на окраинѣ Парижа, и единственнымъ украшеніемъ мѣстности былъ чудный паркъ Монсо. Весь этотъ кварталъ впослѣдствіи, при префектѣ Гаусманѣ, перестроился, и наша церковь очутилась въ одной изъ лучшихъ частей Парижа. Мы очень любили ходить гулять на купленное мѣсто; тамъ росло много разныхъ

Библиотека "Руниверс"

цвѣтовъ, особенно хороши были штокъ-розы въ человѣческій ростъ.

Гуляли мы всѣ вмѣстѣ, по семи штукъ, возбуждая удивленіе французовъ, которые принимали насъ за малолѣтнюю школу. Помню, какъ я въ одну прогулку, стараясь подшутить надъ старшей сестрой кричала ей: «Соня, Соня, ногами кривишь», на что сестра мнѣ отвѣтила: «Людмила, Людмила, азбуки не знаешь». Это напоминаніе непріятнаго обстоятельства показалось мнѣ со стороны сестры неделикатнымъ. Дѣло въ томъ, что я была изъ рукъ вонъ лѣнива, всячески старалась увильнуть отъ ненавистнаго урока, Соня же была очень строга и при томъ учила первобытнымъ способомъ— а, б, в, потомъ склады во всевозможныхъ сочетаніяхъ; было очень скучно.

Папаша непремѣнно хотѣлъ, чтобы мы хорошо говорили по-русски; сами родители всегда объяснялись съ нами на родномъ языкѣ. Мы говорили хорошо, но съ сильнымъ акцентомъ и часто употребляли французскіе обороты рѣчи и мягкое *л*. Отецъ поѣхалъ въ Петербургъ и, чтобы исправить наше произношеніе, купилъ у весьма злой помѣщицы, генеральши Крыжановской, крѣпостную дѣвку Софью за 100 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, что купленная няня изъ положеннаго ей отцомъ первоначальнаго жалованья 35 фр. будетъ ежемѣсячно вносить свой выкупъ. Эта Софья почти всѣхъ насъ, младшихъ, вырастила, нрава была драчливаго, ибо каковъ господинъ, таковъ и слуга, но мы ее скоро обуздали. Софья была интересная нянька, знала много сказокъ чисто русскихъ, даже не совсѣмъ приличныхъ разсказовъ—вродѣ разсказа о подслѣповатой невѣстѣ. Жила она у насъ въ Парижѣ свыше 10-ти лѣтъ, и эта простая дѣвушка, хотя скверно, но быстро выучилась говорить и читать по-французски, была страшной поклонницей А. Дюма, зачитывалась «Тремя Мушкетерами», «Королевой Марго» и прочими произведеніями плодовитаго романиста; часто ходила въ театры, по преимуществу на мелодрамы, гдѣ любила всласть поплакать. Она такъ много пила кофе, что кофейникъ не сходилъ съ плиты, и лицо ея приняло цвѣтъ кофейной гущи, а отъ природы длинный носъ впослѣдствіи обогатился почему то фестономъ на одной ноздрѣ, что придало ей видъ типичной цикорницы. Софья пользовалась большой любовью и даже авторитетомъ у русскихъ. Имъ, повидимому, нравилось ея безцеремонное обращеніе; не разбирая ни чина, ни положенія лица, попросту рубила правду въ глаза. Всѣ благодушно смѣялись на ея порой довольно рѣзкія выходки. Бывало, если не взлюбитъ кого-нибудь изъ русскихъ, приходящихъ къ намъ, непремѣнно обойдетъ его чаемъ, который послѣ обѣдни подавался въ залу на подносѣ; приходилось сестрѣ Надѣ поправлять выходку няньки. Она на глазъ опредѣляла общественное положеніе человѣка и однажды страшно попалась. Приходитъ къ отцу и, съ пренебре-

Библиотека "Руниверс"

женіемъ подавая карточку, говоритъ, что оставила за дверью какого то просителя «прощалыгу», маленькаго, некрасиваго да еще горбатаго. По визитной карточкѣ этотъ «прощалыга» оказался министромъ народнаго просвѣщенія. Няня сломя голову, съ любезной улыбкой побѣжала впустить невзрачнаго посѣтителя. Видя ея любезность, министръ съ благодушной улыбкой сказалъ: «Что, видно, узнала, кто я».

Софья переѣхала съ нами въ Петербургъ, здѣсь жила еще лѣтъ пять, и пришлось ей отказать, такъ какъ, по старой привычкѣ, она всюду совала носъ, что было нежелательно и неудобно при новыхъ житейскихъ условіяхъ въ Петербургѣ.

Изъ особенно интересныхъ эпизодовъ жизни отца за границей слѣдуетъ отмѣтить время Крымской кампаніи, когда отцу приходилось часто ѣздить къ поселеннымъ въ Эксѣ русскимъ плѣннымъ. Конечно, вся русская колонія во главѣ съ русскимъ посломъ покинула Парижъ, а отецъ съ семьей остался тамъ подъ покровительствомъ саксонскаго посла барона Зеебаха. Когда плѣнныхъ русскихъ солдатъ поселили въ Эксѣ, отецъ по собственной иниціативѣ и по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ сталъ ихъ посѣщать, утѣшая, ободряя, служа у нихъ молебны, всенощныя и обѣдницы; онъ снабжалъ ихъ деньгами изъ собственныхъ средствъ и входилъ въ сношенія съ маршаломъ Вальяномъ и министромъ Фульдомъ, чтобы исхлопотать плѣннымъ улучшеніе пищи. Замѣтивъ происки іезуитовъ среди нашихъ плѣнныхъ, ихъ старанія совлечь соотечественниковъ въ католицизмъ, отецъ оставилъ семью въ Парижѣ, а самъ переселился въ Эксъ, чтобы постоянно наблюдать и мѣшать дѣятельности іезуитовъ среди плѣнныхъ. Такое неожиданное и энергичное противодѣйствіе ихъ планамъ взбѣсило іезуитовъ; они стали искать повода отдѣлаться отъ неудобнаго имъ русскаго священника. Одинъ изъ польскихъ іезуитовъ, Яловецкій, нѣсколько разъ публично побитый отцемъ въ религіозныхъ дебатахъ, воспылалъ къ нему особой злостью и мстительностью за свои пораженія въ преніяхъ и довелъ до свѣдѣнія императора Наполеона, что русскій священникъ есть шпіонъ, подосланный русскимъ правительствомъ, что онъ дѣйствуетъ въ ущербъ и вредъ Франціи, и предостерегалъ отъ вредныхъ послѣдствій, если не уберутъ русскаго священника. Этотъ гнусный доносъ возымѣлъ дѣйствіе, и французское правительство воспретило отцу посѣщать плѣнныхъ. Папаша былъ слишкомъ честнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, чтобы испугаться угрозъ, и не счелъ свою партію проигранной. Онъ обратился къ покровительству барона Зеебаха, изложилъ ему свою дѣятельность и просилъ его доложить Наполеону, разъяснить ему, что русскій священникъ совершенно чуждъ политики и что его дѣятельность среди плѣнныхъ соотечественниковъ имѣетъ исключительно нравственно-религіозное значеніе. Послѣ донесенія объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ дѣлѣ барона Зеебаха Наполеона заинтересовала личность энергичнаго русскаго аббата. Онъ пожелалъ видѣть его лично и назначилъ аудіенцію. При свиданіи съ императоромъ Наполеономъ отецъ сказалъ горячую рѣчь въ свою защиту, изложивъ передъ Наполеономъ руководящія имъ христіанскія побужденія. Блестящая рѣчь отца, произнесенная при томъ на чудномъ литературномъ французскомъ языкѣ, произвела на Наполеона глубокое впечатлѣніе и ошеломила его своей неожиданностью. Онъ нѣсколько разъ во время рѣчи повторялъ: «O, monsieur l'abbé, o, monsieur le curé», а послѣ окончанія нѣсколько секундъ молча, удивленно смотрѣлъ на отца, наконецъ пришелъ въ себя, разразился комплиментами, извиненіями за подозрѣніе въ шпіонствѣ и сказалъ: «Теперь я васъ лично знаю, ничему и никому не повѣрю, все было клеветой», и, конечно, разрѣшилъ отцу по-старому посѣщать плѣнныхъ. Такъ какъ русскихъ въ Парижѣ не было, то папаша провелъ Страстную недѣлю среди плѣнныхъ, устроилъ пасхальную заутреню и русское разговѣнье. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ жили у насъ на квартирѣ въ Парижѣ, подъ отвѣтственностью отца; онъ ихъ содержалъ на свой счетъ, чѣмъ сталъ извѣстенъ государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ и государю, наградившему отца орденомъ св. Анны 2-ой степени. Однажды плѣнному захотѣлось побродить по Парижу. Отецъ долго ему объяснялъ, гдѣ находится наша улица, и твердилъ ея названіе: рю Бери. Плѣнный увѣрилъ, что хорошо запомнилъ названіе улицы: бери—русское слово, и пошелъ..... Два дня пропадаетъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что плѣнный задержанъ, какъ бродяга, въ части, и никто не понимаетъ, что онъ говоритъ. На замѣчаніе отца, почему онъ не говорилъ названія той улицы, въ которой живетъ, нашъ русакъ разразился бранью по адресу французовъ: «Помилуйте, батюшка, глупый, несообразительный народъ. Я говорю «рю возьми», всякій знаетъ, что бери и возьми одно и то же, а они не понимаютъ. Я бери то забылъ»...

II

Поѣздка семьи Васильевыхъ въ Петербургъ.—Постройка русской православной церкви въ Парижѣ.—Составъ церковнаго причта: дьячки Копорскій и Устюжскій; дьяконъ Тесельскій, священникъ Д. В. Васильевъ.

Проходили года. Дѣдушка о. Евѳимій сталъ настоятельно просить привезти къ нему въ гости своихъ «француженокъ». Такъ какъ дѣдушка былъ уже очень старый, то родители рѣшили показать ему внучекъ, и мы собрались ѣхать въ Петербургъ.

Ѣхать мы должны были морскимъ путемъ—это было дешевле и удобнѣе съ маленькими дѣтьми. Выѣхали мы въ портъ Дюнкирхенъ, очень маленькій, дрянной тогда городишко, съ недурнымъ обще-

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ садомъ и знаменитыми башенными часами, которые каждый часъ играли музыкальныя пьесы, во время которыхъ передъ циферблатомъ проходили какія-то фигуры. Интересна была набережная и портъ съ массой разнообразнѣйшихъ судовъ; вездѣ и повсюду сильный запахъ дегтя. Такъ какъ морской пароходъ глубоко сидитъ въ водѣ, то, чтобы отъѣхать изъ порта, надо было ожидать прибыли воды, la marée haute, которая бываетъ при появленіи луны. Къ пароходу подъѣзжали довольно далеко на лодкахъ, а подниматься на него по веревочной лѣстницѣ было довольно трудно. Насъ ѣхало семеро дѣтей, сама мамаша, няня съ малюткой братомъ. Переходъ совершили благополучно, хотя скучно и однообразно; куда ни глянешь—все вода. До Копенгагена шли недурно, а въ противномъ желтомъ Балтійскомъ морѣ пошли густые туманы. Сирены все время гудѣли, чтобы не столкнуться со встрѣчнымъ пароходомъ, а главное—давался очень тихій ходъ, благодаря которому вмѣсто обѣщанныхъ шести сутокъ мы совершили переѣздъ въ девять дней. Нашъ капитанъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и впослѣдствіи, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то непремѣнно бывалъ и у насъ.

Наконецъ пріѣхали, и мы у дѣдушки. Дѣдушка жилъ богато, домъ—полная чаша. Самъ онъ былъ очень благообразный, плотный старикъ съ сѣдой бородой до пояса. Онъ занималъ большую казенную квартиру въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ на церковномъ дворѣ; при домѣ былъ порядочный фруктовый садъ.

На черной лѣстницѣ мы впервые познакомились съ разнообразными тараканами, ихъ была масса, цѣлыми полками они ползали по лѣстницѣ. Мы ихъ страшно боялись и, спускаясь съ лѣстницы, чтобы не коснуться ихъ, поднимали платье на голову и кубаремъ скатывались внизъ. На лѣстницѣ всегда пахло чернымъ хлѣбомъ, который пекли дома и который былъ очень вкусенъ. Рядомъ съ садомъ дѣда тянулось очень запущенное единовѣрческое кладбище съ сильнымъ запахомъ крапивы и иныхъ ароматовъ, а недалеко отъ него, въ сторону находилось православное Волковское кладбище; мы любили, гуляя по кладбищу, читать надписи на памятникахъ, но не могли понять, почему все коллежскіе, статскіе, дѣйствительно статскіе и иные совѣтники, почему именно ихъ такъ много умираетъ и кому они давали совѣты?

У дѣдушки всегда висѣлъ въ спальнѣ большой холщевый мѣшокъ съ сухарями изъ чернаго хлѣба, густо посыпанными крупной солью; черный хлѣбъ былъ для насъ рѣдкостью и лакомствомъ, мы эти сухари истребляли въ большомъ количествѣ и даже много повезли съ собой въ Парижъ.

Дѣдушка требовалъ, чтобы мы ходили къ церковнымъ службамъ; службы же длиннѣйшія, масса намъ совершенно непонятнаго чтенія, гнусавое однотонное пѣніе, все это насъ совершенно не

Библиотека "Руниверс"

притягивало, особенно послѣ нашей чудной парижской службы, но, чтобы не обижать дѣда, приходилось надѣвать ситцевый платокъ на голову, брать круглый коврикъ для поклоновъ и отправляться въ церковь. Однако мы никакъ не могли выстоять всей службы, уходили раньше конца; дѣдушка сначала сердился на нашу лѣнь, а потомъ смирился и не принуждалъ больше молиться, скрѣпя сердце.

Такъ какъ на Волковомъ не было совсѣмъ лавокъ, и ничего нельзя было покупать на мѣстѣ, то дѣдушка держалъ лошадь и экипажъ-двуколку и ѣздилъ въ городъ за припасами съ кѣмъ-нибудь изъ насъ. Это было чудное удовольствіе. Дѣдушка сидѣлъ въ широкополой шляпѣ и самъ правилъ бодрой лошадкой. Мы такъ и ѣздили съ нимъ по Петербургу, и это никого не удивляло и не смущало, какъ удивило бы теперь. Мы объѣдались русскими, невиданными нами сластями—вродѣ пастилы, паточной карамели съ билетиками со скверными стихами-прибаутками (5 карамелекъ на 1 коп.), подсолнухами и макомъ на меду.

Проживъ у дѣда съ большимъ удовольствіемъ лѣто, мы двинулись обратно домой въ Парижъ, на томъ же пароходѣ, съ тѣмъ же капитаномъ, но съ двумя пассажирами. Одинъ изъ нихъ былъ отталкивающей наружности арабъ, но мы его очень полюбили, хотя рѣшительно ничего не понимали изъ его разговора. Онъ могъ минуты двѣ совершенно не мигая, пристально смотрѣть на солнце, но при этомъ у него глаза наливались кровью.

Послѣ этой поѣздки мы больше къ дѣдушкѣ не ѣздили, онъ умеръ за полгода до нашего окончательнаго переѣзда въ Петербургъ, въ глубокой старости.

Отецъ мой вновь началъ энергичныя хлопоты о постройкѣ русской церкви. Принятый опять на аудіенціи у Наполеона, какъ человѣкъ, лично ему извѣстный, папаша возобновилъ передъ нимъ свое ходатайство о разрѣшеніи возвести русскую церковь. Наполеонъ долго и много разспрашивалъ, что такое въ сущности православіе, какого рода секту оно представляетъ собою. Отецъ былъ прямо пораженъ глубокимъ невѣжествомъ въ этомъ вопросѣ главы государства, не разрѣшавшаго постройки церкви православной, о которой не имѣлъ даже поверхностнаго понятія. Конечно, это было дѣло іезуитовъ держать Наполеона въ полномъ невѣжествѣ относительно православной вѣры, которую они фанатически ненавидѣли, вѣроятно, сознавая ея правоту, истинность, а потому боясь ея. Пришлось отцу прочитать Наполеону цѣлую лекцію по церковной исторіи, разъяснить, объяснить, убѣдить, вновь сказать цѣлую рѣчь. Послѣдствіемъ этого свиданія съ главой французскаго правительства явилось офиціальное разрѣшеніе на построеніе храма въ Парижѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ отца было взято обязательство не заниматься пропагандой своей вѣры среди католиковъ и не разрѣшено повѣсить колокола. Впослѣдствіи и эта послѣдняя придирка

Библиотека "Руниверс"

отпала, звонъ былъ разрѣшенъ. Первые колокола пожертвовалъ староста церкви, богатѣйшій московскій купецъ Мазуринъ. Теперь надлежало найти средства, чтобы приступить къ постройкѣ; денегъ, собранныхъ во время службъ тарелочнымъ сборомъ, было очень мало, капля въ морѣ. Надо было построить такой храмъ, который бы служилъ великой цѣли и по внѣшности, и по внутренней красотѣ, свидѣтельствовалъ о величіи нашей православной вѣры, чтобы храмъ этотъ являлся какъ городъ на горѣ, чтобы оттуда свѣтилъ и былъ бы виденъ всѣмъ.

Отецъ сталъ собирать деньги, ходилъ по домамъ съ подписнымъ листомъ. Въ это время въ Парижѣ жили сливки нашей богатѣйшей аристократіи: графы Андрей, Павелъ и Петръ Шуваловы, Воронцовы, Чернышевы (военный министръ), Барятинскіе, Лобановы, Волконскіе, Трубецкіе, Шаховскіе и прочая знать и помѣщики. Жертвовали охотно, большими суммами, но все же этого было недостаточно, чтобы приступить къ важному дѣлу. Тогда отецъ мой поѣхалъ въ Россію, на Нижегородскую ярмарку. Купцы на ярмаркѣ пожертвовали большія суммы. Папаша ходилъ по русскимъ городамъ, какъ простой сборщикъ съ кружкой, а для болѣе крупныхъ пожертвованій со шнуровой книгой. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ государь императоръ Александръ II пожелалъ лично видѣть усерднаго сборщика, очень милостиво принялъ его, одобрилъ его дѣятельность за границей и пожертвовалъ отъ себя и супруги 50.000 рублей. Свят. Синодъ отпустилъ изъ своихъ средствъ также 50.000 рублей, винные откупщики—ту же сумму, такъ что отецъ мой вывезъ изъ Россіи свыше 200.000 рублей. Трудъ вознагражденъ, завѣтная мечта близится къ осуществленію. Архитекторъ Штромъ взялся, также безвозмездно, слѣдить за постройкой, и работы энергично начались. Закладка церкви произошла въ 1859 году, отстроена она въ 1861 году. Обошлась она въ 2 милліона франковъ. Храмъ въ византійскомъ стилѣ, по образцу Егерской и Коннаго полка, пятиглавая, золоченая. Внутри всѣ стѣны расписаны арабесками и картинами изъ Новаго Завѣта прямо на стѣнахъ al fresco. На окончательную внутреннюю отдѣлку храма средствъ не хватило, потому что архитекторъ перетратилъ сверхъ смѣты 80.000 франк. Завистники отца, въ томъ числѣ облагодѣтельствованный имъ младшій братъ его Дмитрій, второй священникъ при церкви, распустили слухъ, что денегъ не хватаетъ оттого, что отецъ присвоилъ себѣ часть собранныхъ суммъ. Тяжелыя минуты пережилъ мой бѣдный отецъ, пока могъ обнародовать всѣ смѣты, отчеты, счеты, словомъ, всѣ оправдательные документы. Конечно, злой слухъ, пущенный въ опороченіе отца, разлетѣлся въ прахъ послѣ фактическихъ доказательствъ о расходованіи суммъ, и враги вынуждены были со срамомъ признаться въ своей клеветѣ.

Русское правительство почему-то въ дѣлѣ исхлопотанія разрѣ-

Библиотека "Руниверс"

шенія на постройку церкви не показало большой энергіи передъ французскимъ правительствомъ, такъ что вся тяжесть хлопотъ въ этомъ дѣлѣ всецѣло лежала на отцѣ, да и вся инициатива была его. Между тѣмъ за построеніе храма ему прислали въ награду изъ кабинета его величества наперсный изумрудный крестъ. Такая болѣе чѣмъ скромная оцѣнка трудовъ строителя храма очень его обидѣла. Многіе рядовые священники имѣютъ такіе кресты, а отецъ мой совершенно правильно разсматривалъ построеніе православнаго храма въ Парижѣ, при тогдашнихъ условіяхъ, какъ дѣло государственной важности. Въ это время посломъ нашимъ въ Парижѣ былъ графъ Киселевъ, умный и тонкій дипломатъ, уважавшій отца и цѣнившій его дѣятельность, близко ему извѣстную. Отецъ пошелъ къ нему съ просьбой взять отъ него и отослать обратно пожалованный крестъ, какъ награду совершенно не соотвѣтствующую важности совершеннаго имъ дѣла: или должна быть вполнѣ отвѣчающая дѣлу награда, или никакой. Графъ не пожелалъ взять отъ отца обратно крестъ, но рѣшилъ самъ отъ себя хлопотать о дарованіи отцу митры. Митра была тогда очень рѣдкой и важной наградой. Она давалась исключительно изъ кабинета Его Величества, была какъ бы подаркомъ самого государя. Императоръ Александръ II велѣлъ наградить о. Васильева митрой, и ему она была прислана золотая, съ драгоцѣнными камнями. Это было послѣ 15-лѣтней службы, отцу, стало быть, было 42—43 года. Потомъ, къ сожалѣнію, митра потеряла свой характеръ исключительно высокой награды, стала почти очередной наградой. Ее жалуетъ Синодъ, и довольно легко: стоитъ прослужить въ столичномъ соборѣ 30—35 лѣтъ, ничѣмъ особенно не выдвигаясь, чтобы получить митру; даютъ ее также и какъ принадлежность къ извѣстному посту, поэтому рѣдкій протоіерей первокласснаго собора въ Петроградѣ не имѣетъ этой награды. Все же съ гордостью могу сказать, что протоіерей Васильевъ былъ первымъ священникомъ приходскимъ, получившимъ митру, и первымъ же среди другихъ получившимъ звѣзду.

Новая церковь отдѣляется отъ улицы высокой желѣзной рѣшеткой. Экипажи подъѣзжаютъ къ самой лѣстницѣ церкви. Дворъ большой, мощеный, съ панелями по сторонамъ, былъ обсаженъ вдоль рѣшетки растеніями и кустами; кругомъ церкви большой садъ изъ тополей и другихъ деревьевъ.

Французы страшно заинтересовались вновь возведеннымъ храмомъ неизвѣстнаго вѣроисповѣданія и массами стали ходить осматривать его. Народъ стоялъ часами по всей улицѣ, образуя большой хвостъ, въ ожиданіи впуска за рѣшетку, а въ церковь впускались разомъ человѣкъ по 200. Французы лѣзли въ церковь въ шляпахъ, такъ что сторожу приходилось сбивать ихъ съ головы непослушныхъ посѣтителей; нѣкоторыя дамы входили съ собачками, пришлось

Библиотека "Руниверс"

вывѣсить объявленіе, что воспрещается входить въ церковь въ шапкахъ и вводить собакъ. Нѣкоторыя дамы все же умудрялись проносить свою амишку подъ бурнусомъ. Сколько бывало крику, плача, скандала, когда сторожъ, замѣтивъ неблаговидную продѣлку такой барыни, вытащитъ неповинную собаку за шиворотъ и бросаетъ ее съ лѣстницы! Французы, впрочемъ, не считаютъ неприличнымъ водить собакъ въ церкви: все, молъ, Божіе. Когда мы жили въ Италіи среди очень набожнаго населенія, насъ поражало, что во время мессы собаки не стѣсняясь ходили между скамеекъ молящихся, и никто на это не обращалъ никакого вниманія. Собаки попадали въ церкви потому, что во время богослуженія двери храма бывали открыты.

Французовъ въ нашей церкви особенно поражало обиліе иконъ большого количества святыхъ. У нихъ иконы вообще не чтутся, они исключительно поклоняются Распятію и бюстамъ-изваяніямъ Спасителя и особенно Пресвятой Дѣвы.

Пріѣхала осмотрѣть церковь красавица императрица французовъ Евгенія. Будучи испанкой, она была ярой католичкой; посѣщеніе ею нашей церкви очень не понравилось святымъ отцамъ. Императрица показала большую любознательность, все разспрашивала, разсматривала. Отецъ вынесъ ей изъ алтаря всю утварь, далъ ей въ руки большое выносное евангеліе, она его едва удержала въ рукахъ и проговорила: «Уфъ, тяжело». Она крестилась, а когда отецъ открылъ ей царскія врата, чтобы показать алтарь, она передъ престоломъ присѣдала, что равносильно нашему колѣнопреклоненію. Императрица вздумала войти черезъ царскія врата въ алтарь и была очень поражена, что у насъ женщинъ туда не впускаютъ, никакъ не могла уяснить себѣ причину такого страннаго запрещенія. Особенно же она была радостно тронута, что мы, какъ и католики, чтимъ Богоматерь и что Ея изображеніе на почетномъ мѣстѣ въ иконостасѣ.

Дѣло въ томъ, что у католиковъ особая любовь, культъ Пресвятой Дѣвы. Бывало, прежде ежедневно въ церквахъ въ пять часовъ вечера шла служба—похвала въ честь Святой Дѣвы, и если почему-либо службы не было, то все-таки въ этотъ часъ производился колокольный звонъ Ave Maria; рѣдкій добрый католикъ того времени не перекрестится, бывало, и не сотворитъ молитвы. Весь май мѣсяцъ посвященъ Дѣвѣ Маріи и называется «мѣсяцемъ Маріи». Это высокое почитаніе Божественной Матери отразилось и на нравахъ французовъ: въ семьѣ доминирующее значеніе имѣетъ мать; ее окружаютъ особымъ почтеніемъ, и считается особо сквернымъ поступкомъ обидѣть свою мать. Не мало у насъ глупо потѣшаются надъ французскимъ постояннымъ восклицаніемъ «O, ma mère»! Я тутъ, признаюсь, ничего смѣшного не нахожу.

Само собой разумѣется, что католическое духовенство не удо-

Библиотека "Руниверс"

стоило церкви своимъ посѣщеніемъ; мало того, оно было такъ поражено и озлоблено чуднымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на католиковъ нашей церковью, а особенно посѣщеніемъ императрицы Евгеніи, что іезуиты посылали отцу подметныя письма въ которыхъ угрожали: «Берегись, мы тебя взорвемъ на воздухъ съ твоей раззолоченной лавочкой». (Prends garde, nous te ferons sauter avec ta boutique dorée). Впослѣдствіи, какъ увидимъ, въ силу вліянія отца, эти страсти и религіозное соперничество значительно улеглись. Почти за каждой обѣдней присутствовали иностранцы, особенно много англичанъ, и всѣ вели себя весьма чинно, хотя и осматривали все глазами.

Не буду описывать чина освященія церкви, это всѣмъ извѣстно; объ освященіи нашей церкви говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ мой зять А. Л. Катанскій и митрополитъ Леонтій. Для большей пышности и чтобы показать французамъ архіерейскую службу, папаша выхлопоталъ пріѣздъ въ Парижъ епископа Леонтія[1]). Послѣдній былъ чрезвычайно простъ въ обращеніи со всѣми, онъ жилъ у насъ и очень любилъ дѣтей. Для осмотра Парижа онъ разъѣзжалъ съ отцомъ въ своемъ костюмѣ и вездѣ встрѣчалъ къ себѣ почтеніе и вниманіе, что его тронуло и поразило. Конечно, дорогого гостя, епископа, у насъ кормили постнымъ, что было не особенно затруднительно при обиліи въ Парижѣ всякихъ овощей. Что касается послушника архіерея, онъ какъ сыръ въ маслѣ катался, яро ухаживалъ за няней Софьей, за что она кормила его особенно вкусными вещами и сильно поила кофе. Посѣщеніе Парижа епископомъ оставило во всѣхъ отрадное воспоминаніе.

При парижской церкви причтъ состоялъ изъ двухъ священниковъ, діакона и трехъ псаломщиковъ, которые жили во второмъ, противъ нашего, каменномъ флигелѣ на церковномъ дворѣ. Папаша организовалъ прекрасный хоръ пѣвчихъ, нѣкоторые даже были изъ оперы, пѣли отлично, но съ плохимъ русскимъ произношеніемъ. О славянскомъ языкѣ нельзя было и думать. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, обѣдни совершались по средамъ и пятницамъ безъ пѣвчихъ, только съ тремя дьячками. Истинно набожные люди очень любили эти скромныя обѣдни, такъ какъ бывало мало народу и не было отвлеченія отъ молитвы. Разъ въ недѣлю, кажется, въ среду, обѣдня шла на греческомъ языкѣ, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ многочисленной греческой колоніи въ Парижѣ. Этотъ введенный моимъ отцомъ обычай заслужилъ полную признательность грековъ прихожанъ, которые обожали отца. Одинъ дьячокъ, Копорскій, важно взялся читать за обѣдней Апостолъ по-гречески; папаша его подготовилъ, но во время обѣдни К. все перезабылъ, онъ прямо воротилъ чушь, слышались слова «вздоро-

---

[1]) Впослѣдствіи московскій митрополитъ.

Библиотека "Руниверс"

логунденъ, каколунденъ», такъ что одинъ изумленный, почтенный грекъ, старикъ Рокка, вплотную подошелъ къ чтецу, стараясь уловить смыслъ чтенія, но, безнадежно махнувъ рукой отошелъ, проговоривъ вслухъ: «Toujours russe» (всегда по-русски). Этотъ же дьячокъ составилъ винигретъ изъ итальянскаго, французскаго и греческаго языковъ, считая съ самомнѣніемъ, что прекрасно говоритъ на новогреческомъ языкѣ и непремѣнно лѣзъ при встрѣчахъ съ греками говорить изъ любезности на ихъ языкѣ. Подходитъ къ вновь пріѣхавшему изъ путешествія греку съ привѣтствіемъ и говоритъ: «El sedetta di Odessa, signor Чокка?»—Ему сурово отвѣчали: «Говорите по-русски, ничего не понимаю». У этого дьячка Копорскаго былъ хорошій басъ, но онъ страдалъ отвратительной привычкой какъ можно громче прокричать конецъ Апостола, при этомъ такъ кривилъ ротъ, что долго не могъ вернуть его въ нормальное положеніе, такъ и шелъ черезъ церковь на клиросъ съ перекошеннымъ ртомъ. Отъ этой скверной привычки отцу такъ и не удалось его отучить.

У Копорскаго была жена изъ простого званія, которую онъ изъ важности звалъ по-французски «mon Mathilda», произнося Матылда, что являлось вольнымъ переводомъ Матрены. Дѣтей у этой тучной четы была масса, какая-то совершенно недисциплинированная орда. На замѣчанія отца о невозможномъ поведеніи дѣтей Копорскій съ искреннимъ сокрушеніемъ наивно отвѣчалъ: «Самъ знаю, батюшка, что негодяи. А ужъ я ли не воспитывалъ, всѣ кулаки объ ихъ головы обтрепалъ, а толку никакого». Этотъ же чудакъ, при пріѣздѣ государя Александра II въ Парижъ, познакомился съ его камердинеромъ и попросилъ его показать ему государя поближе. Лакей поставилъ К. въ проходную комнату. Государь, замѣтивъ стоявшаго псаломщика, котораго видѣлъ въ церкви, обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ, а Копорскій отвѣтилъ: «Oui, monsieur», да и пришелъ къ отцу похвастаться, что говорилъ лично съ государемъ. Папаша очень разсердился за это «oui, monsieur»: простому генералу и то иначе, какъ «excellence», не говорятъ.

Наша новая квартира при церкви была очень хороша и обширна. Мы занимали два этажа: внизу—кабинетъ, зала, столовая и кухня. Изъ прихожей шла широкая дубовая лѣстница, по праздникамъ съ ковровой дорожкой, которая вела въ верхнія комнаты: второй кабинетъ отца, домашній, спальня, комната старшей, платяная, аптечная, классная и двѣ очень большія дѣтскія. Лѣстница, ведшая въ верхній этажъ, доставляла намъ большое, но рѣдкое развлеченіе: мы садились на верхнія ступеньки и скатывались внизъ. Иногда этимъ способомъ насъ спускалось по три разомъ — кто скорѣе. Хотя въ комнатахъ стояли печи, но ихъ рѣдко топили, такъ какъ было вполнѣ достаточно тепла отъ подвальной печи, черезъ душники.

Библиотека "Руниверс"

Въ верхнемъ этажѣ надъ нами жилъ старый, безголосый, бывшій теноръ, дьячокъ Устюжскій, порядочная пьяница, женатый на энергичной парижанкѣ, отъ которой имѣлъ 6 человѣкъ дѣтей, совершенно не говорившихъ по-русски; дьячокъ же, несмотря на французскую семейную среду, едва-едва объяснялся на ломаномъ французскомъ языкѣ. Этотъ Устюжскій въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время неизмѣнно пропадалъ въ кабакѣ, на нашей же улицѣ, наискось отъ церкви. Кабаки тогда въ Парижѣ были отдѣльными, каменными домиками, непремѣнно окрашенными снаружи въ красную масляную краску. И вотъ по улицѣ идетъ озлобленная дьячиха и тащитъ изъ кабака своего красненькаго, упирающагося мужа и слегка (sic) подталкиваетъ его, чтобы правильнѣе шелъ; на другой день то же зрѣлище. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на службу Устюжскій никогда не являлся пьянымъ. Мы съ этой семьей сначала были въ хорошихъ отношеніяхъ, дьячиха даже бывала при частыхъ родахъ матери сидѣлкой у нея. Когда мнѣ было лѣтъ шесть, у меня образовалась непонятная странная привычка ежедневно ходить къ Устюжскимъ обѣдать. Меня радушно принимали и сажали за столъ. Только примусь за супъ, появлялась разъяренная нянька и меня, горько плачущую и упирающуюся, влекла домой. И такъ ежедневно. Ничѣмъ не могли меня отучить отъ этой странной любви къ чужому хлѣбу, пока мать моя не попросила дьячиху не пускать меня къ себѣ въ обѣденный часъ. Конечно, я не могла больше у нихъ обѣдать и прекратила свое лизоблюдство.

Старшая дочь Устюжскихъ, очень красивая, образованная, скромная, Елена, вышла замужъ за поэта Полонскаго и вскорѣ, очень молоденькая, умерла. Полонскій, въ то время уже написавшій своего «Кузнечика музыканта», считался начинающимъ поэтомъ, на котораго никто большихъ надеждъ не возлагалъ. До сихъ поръ смѣшно вспомнить, какъ на хвастливый разсказъ Устюжской о томъ, что ея дочь за извѣстнымъ поэтомъ, она страшно бѣсилась на неизмѣнную поправку матери: «O! un petit poëte de rien».

Конечно, надо сознаться, что составъ дьячковъ при церкви былъ весьма неудовлетворительный. Голоса у нихъ спали, нѣкоторые были нерадивы по службѣ, но отцу было жаль просить объ ихъ увольненіи. Вѣдь пенсіи за заграничную службу тогда не полагалось и только впослѣдствіи, сначала по изъятію изъ правилъ, лично давали священнику 1000 рублей пенсіи въ годъ. Теперь пенсіи уже вошли въ обычай. Псаломщики старые, мало образованные, съ большими семьями—куда имъ, бѣднотѣ, дѣваться. Вотъ и держалъ папаша ихъ въ память ихъ прежней службы. По воскресеньямъ въ церкви пѣлъ чудный большой хоръ, такъ что «тихое» пѣніе псаломщиковъ слышалось только по буднямъ.

А какъ работали тогда слуги! Нашъ сторожъ, необразованный польскій дворянинъ Фаремскій, православный, несъ

Библиотека "Руниверс"

безъ всякихъ помощниковъ сложныя и многочисленныя обязанности. Онъ былъ одинъ и для церкви, и для обоихъ домовъ. Спеціальнаго церковнаго сторожа не полагалось. Когда по буднямъ дьячки были заняты на клиросѣ пѣніемъ, онъ даже прислуживалъ въ алтарѣ, подавалъ кадило, собиралъ на тарелку. Онъ же убиралъ и чистилъ всю церковь, подавалъ стулья, ставилъ свѣчи, словомъ, дѣлалъ все одинъ, до топки подвальной печки включительно. Въ квартиры носилъ воду, убиралъ дворъ, садъ, зажигалъ газъ, исполнялъ порученія, словомъ, то дѣло, съ которымъ у насъ плохо справляются пять сторожей, въ Парижѣ совершалъ прекрасно одинъ. Жена дворника слѣдила за входящими и уходящими, открывала калитку. Это дѣлалось тамъ безъ хлопотъ: выходящій кричитъ, проходя мимо дворницкой: «cordon!» дворничиха, не вставая съ своего мѣста, дергала толстый шнурокъ, и калитка отворялась.

Діакона сперва не полагалось; отецъ выхлопоталъ, чтобы діакона ввели въ штатъ для благолѣпія въ богослуженіяхъ. Я прежнихъ не помню, а только послѣдняго, Тесельскаго, женатаго на очень хорошенькой дочери знаменитаго своимъ басомъ и грубостью протодіакона Оболенскаго, который въ алтарѣ Казанскаго собора передъ обѣдней подрался со священникомъ Муретовымъ. Такъ какъ Оболенскаго высшее начальство цѣнило за его рѣдкій басъ, то наказаніе было не слишкомъ сурово въ сравненіи съ проступкомъ: его перевели въ другую церковь, кажется, въ Исаакіевскій соборъ, не помню. По поводу этой исторіи въ Петербургѣ по рукамъ ходили куплеты, охотно распѣвавшіеся небрезгливыми батюшками. Тесельскій былъ замѣчательнымъ красавцемъ и при этомъ обладалъ чуднымъ бархатнымъ басомъ, заставлявшимъ поневолѣ смотрѣть сквозь пальцы на его частную жизнь. Его красивая внѣшность неотразимо дѣйствовала на многихъ легкомысленныхъ молодыхъ и пожилыхъ особъ и возбуждала непріятныя, иногда неприличныя послѣдствія, что вызывало раздоры въ семейной жизни Тесельскаго. Онъ былъ не промахъ и, кромѣ сердечныхъ побѣдъ, получалъ богатые подарки отъ своихъ поклонницъ.

Второй священникъ, младшій братъ моего отца, Дмитрій Васильевичъ, находился въ холодныхъ отношеніяхъ съ отцомъ, который былъ недоволенъ имъ за его вѣчныя интриги и сплетни; его, впрочемъ, и русскіе не любили, у него почти никто не бывалъ. Онъ былъ до Парижа священникомъ въ Ниццѣ; прихожане терпѣть его не могли, онъ былъ вынужденъ уходить оттуда. Папаша взялъ его къ себѣ на вакантную должность второго священника, тѣмъ спасъ его заграничную карьеру—и въ благодарность получалъ отъ брата только непріятности. Онъ страшно завидовалъ популярности отца. Дома это былъ тиранъ, совершенно забившій свою жену, такъ что мы къ нему не ходили, слишкомъ была у нихъ тяжелая семейная обстановка. Мы, дѣти, все же очень любили

Библиотека "Руниверс"

Дмитрія Васильевича и всегда старались послѣ урока удержать его пить съ нами чай, что рѣдко удавалось, такъ какъ дядя очень боялся своего старшаго брата. Дядя давалъ намъ уроки русскаго языка и Закона Божія, былъ чрезвычайно раздражителенъ. Мы, особенно Надя, никакъ не могли справиться съ правописаніемъ слова «повелѣніе», все «ѣ» не на мѣстѣ. Дядя, бывало, возьметъ перо и раздраженно, нѣсколько разъ подчеркиваетъ непослушную букву и очень пачкаетъ тетрадь. Чтобы не ошибиться, нѣкоторыя изъ насъ ставили ѣ въ обоихъ случаяхъ и получали двойную порцію подчеркиванія.

III.

Жена о. Васильева.—Воспитаніе дѣтей, семейныя отношенія и домашняя обстановка.—Типы гувернантокъ и учителей.—Дочери о. Васильева.—Французская прислуга.

Отмѣтивъ въ главныхъ чертахъ окружавшую насъ среду и служащихъ, съ которыми приходилось постоянно сталкиваться, познакомлю теперь васъ съ моей матерью, такой, какой я ее хорошо помню, т.е.женщиной 30—35 лѣтъ. Мамаша была скорѣе некрасива, но имѣла рѣдкостныя по величинѣ маленькія ноги; она не безъ гордости любила показывать намъ свои подвѣнечныя туфли, прямо дѣтскія. Жила она съ мужемъ душа въ душу, не принимая никакого участія въ его служебныхъ заботахъ, и только въ первые годы изданія отцомъ еженедѣльнаго журнала «L'Union Chrétienne, изрѣдка держала корректуру. По вечерамъ, послѣ хлопотливаго дня, она вслухъ читала отцу, въ видѣ отдыха для него, романы гремѣвшаго міровой славой Виктора Гюго «Отверженные» и «Труженики моря». Въ обществѣ мамаша вела себя тактично, могла поддерживать разговоръ на французскомъ языкѣ. Съ утра затянутая въ корсетъ, она неизмѣнно носила очень высокіе французскіе каблуки и такъ къ нимъ привыкла, что по переѣздѣ въ Петербургъ, несмотря на ужасную мостовую, продолжала ихъ носить на улицѣ и была весьма смѣшна своей «китайской» походкой. У русскихъ мамаша любовью не пользовалась: она была слишкомъ горда, непривѣтлива и слишкомъ поглощена своимъ семейнымъ счастьемъ,— ее больше ничего не интересовало. Она очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы ей воздавалось должное уваженіе. Одинъ французъ, пришедшій по дѣлу, вошелъ въ комнату въ шапкѣ. Не успѣлъ онъ рта раскрыть, какъ мамаша неожиданно сорвала съ него шапку; французъ страшно сконфузился и извинился. Вставала мамаша въ 12 часовъ дня. На обязанности сестры Нади лежало, чтобы къ этому часу было готово матери кофе съ молокомъ. Надо было наблюдать, чтобы на молокѣ было возможно больше жирныхъ сливокъ. На подносѣ Надя несла кофе наверхъ, мамаша пила его, лежа въ кровати; но бѣда, если было мало пѣнокъ на молокѣ. Надѣ доста-

Библиотека "Руниверс"

валось, мамаша съ ней не стѣснялась, пользуясь тѣмъ, что дочь ея была безотвѣтной, доброй дѣвушкой. Наконецъ мать рѣшалась покинуть постель, наряжалась и приходила съ нами здороваться въ классную комнату. Исполнивъ свои материнскія обязанности, мать немного занималась хозяйствомъ, а ко времени завтрака, послѣ службы или уроковъ, возвращался домой папаша; имъ подавался наверхъ завтракъ, съ нами они никогда не завтракали; затѣмъ уѣзжали оба по визитамъ или по дѣламъ, возвращаясь только къ обѣду въ шесть съ половиной часовъ вечера, да часто дома не обѣдали. Два раза въ недѣлю намъ каждой давались карманныя деньги. Когда приближался день именинъ родителей, мы начинали копить свои деньги, чтобы купить имъ подарокъ. Наканунѣ вечеромъ съ большой таинственностью мы отправлялись съ гувернанткой въ цвѣточный магазинъ для покупки подношенія. Однѣ изъ насъ дарили цвѣты, другія покупали нарядный, раззолоченный листъ бумаги, писали на немъ стихи, басни, привѣтствіе. Бумага свертывалась трубочкой, перевязывалась шелковой лентой, и, подносся, ребенокъ произносилъ родителю написанное на листѣ. Нѣкоторыя изъ насъ подносили свои рисунки, образчики диктовокъ и т. д. Бывало торжественно и весело. Родители благодарили насъ, цѣловали, и въ этотъ день уроковъ не полагалось: мы отправлялись на весь день гулять подальше.

У насъ былъ годовой врачъ, m-r Siry, который былъ обязанъ еженедѣльно, кромѣ экстренныхъ случаевъ, производить осмотръ всей семьи. Чтобы не получать своего содержанія даромъ, почтенный докторъ пичкалъ насъ всякой дрянью, особенно любилъ прописывать рыбій жиръ. Мы старались нечаянно забыть о пріемѣ лекарства, вѣдь приходилось принимать этотъ отвратительный жиръ натощакъ, прямо утромъ, со сна. Няня за нами зорко слѣдила, не давая улизнуть, стояла у шкапа съ лекарствомъ, съ большими мятными лепешками для отбитія запаха жира; одну давала до пріема, другую послѣ. Но любимыя лепешки насъ не радовали, ужасно было противно глотать вонючій жиръ. Маленькій братъ Володя такъ любилъ рыбій жиръ, что прямо пилъ его изъ горлышка бутылки. Мы рѣдко хворали, но зато всѣ разомъ. Скарлатина, корь и прочія дѣтскія болѣзни сходили весело и благополучно; только сестра Лиза страдала періодически отъ бронхита и была слегка глуховата на одно ухо; ее лечили много, но безъ пользы. Княгиня Шаховская, прозванная Barbe Moustacheff, увѣряла, что Лиза прекрасно слышитъ, и пожелала это опытно доказать. Она велѣла Лизѣ стать въ дальній уголъ комнаты, предупредивъ дѣвочку, что спроситъ, сколько ей лѣтъ. Конечно, на вопросъ Лиза быстро и точно отвѣтила, и княгиня торжествовала. Насъ никогда строго не наказывали, все ограничивалось выговоромъ, иногда ставили въ уголъ. Няня пробовала давать волю рукамъ, но мы быстро отучили

Библиотека "Руниверс"

ее отъ этой рабской привычки. Только однажды я перенесла тяжелое наказаніе. Мнѣ было лѣтъ шесть. Отцу подарили двѣ очень цѣнныя вазы для фруктовъ, изъ желтоватаго мрамора, художественной работы, прямо точно кружево. Оставили эти вазы въ залѣ на столѣ безъ присмотра. Я стала одну вазу съ любопытствомъ разглядывать, вертѣла ее во всѣ стороны, наклонила... о, ужасъ, верхняя тарелка соскользнула, упала на полъ и разбилась вдребезги. Оказалось, что ваза не изъ цѣлаго куска, а надѣвалась на ножку на мраморномъ шпенькѣ. Всю семью объялъ страхъ, отца не было дома, и въ ожиданіи его мы ходили, какъ ошпаренныя. Несмотря на заступничество за меня матери, отецъ, узнавъ о случаѣ, пришелъ въ ярость и высѣкъ меня. Я никогда не могла простить отцу своего позора, не взлюбила даже его и до сихъ поръ нахожу, что я была жертвой небрежнаго отношенія къ цѣнной вещи, домашнихъ оставившихъ ее на столѣ. Я не шалила, никого не ослушалась, а просто любовалась красивою вещью, и считала и считаю, что не заслуживала такого суроваго наказанія за свою неловкость.

Одѣвали насъ просто, удобно, но очень рано стали надѣвать корсетъ, чуть ли не съ восьми лѣтъ. Конечно, носили пышные кринолины, которые мамаша сама очень хорошо дѣлала. Помню, какъ было смѣшно, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ разгружали сундукъ, и въ немъ оказался безконечный слой кринолиновъ, которые очень удобно складывались кружочкомъ. Причесывались безъ проборовъ, носили сѣтки на всю голову, одинаково всѣ, до шестнадцати лѣтъ. Тогда носили прюнелевые цвѣтные башмаки. Было весьма эффектно, когда мы всѣ вмѣстѣ гуляли: двѣнадцать зеленыхъ ногъ. Наша большая семья была такой рѣдкостью во Франціи, что французы восхищались нами, къ тому же большинство изъ насъ были очень бѣлокуры, а я, Люба и Володя почти бѣловолосые. Этотъ цвѣтъ волосъ большая рѣдкость среди французовъ, насъ прозвали «belle famille». Когда почему-либо не приходила гувернантка, мы ходили гулять съ няней, которая несла младшаго отпрыска на рукахъ и сама щеголяла въ спеціально заказывавшихся для нея бѣлыхъ чепцахъ съ цвѣтными лентами. Мы нянѣ не позволяли говорить съ нами на прогулкахъ по-французски, она ужасно скверно произносила, это насъ стѣсняло. Въ это время няни имѣли свой костюмъ, а именно чепчикъ, длинный бѣлый передникъ съ большимъ рубцомъ, безъ всякихъ кружевъ, и на плечахъ—шаль.

Первая гувернантка, воспитывавшая старшихъ сестеръ и у которой я начала учиться, была m-elle Justine изъ Люксембурга. Говорила она по-французски скверно, какъ нѣмка, но намъ не требовался французскій языкъ. Она была образованная, чудная дѣвушка, много лѣтъ ходившая къ намъ и которую мы любили, какъ родную. Скоро по нашемъ переѣздѣ въ rue de la Croix она однажды приходитъ къ намъ на обычныя занятія, поднимается по лѣстницѣ;

Библиотека "Руниверс"

мамаша выходитъ къ ней навстрѣчу и, говоритъ, что въ этотъ день уроковъ съ нами не будетъ, и проситъ ее исполнить нѣкоторыя порученія въ городѣ. Едва мать моя кончила говорить, какъ Justine упала къ ея ногамъ. Ее подняли, положили на кровать въ сосѣдней комнатѣ. Въ ту же ночь она умерла. Намъ сначала не говорили о ея смерти, опасаясь рева мы же ходили печальныя, пришибленныя по саду, съ опаской глядя на окно съ опущенными ставнями, на ту комнату, въ которой лежала наша бѣдная, любимая гувернантка. Тайно отъ насъ, маленькихъ, покойницу вынесли изъ квартиры и отвезли на кладбище Монмартръ. Justine была очень бѣдная, помогала своимъ роднымъ. Когда полиція вошла къ ней въ квартиру, то, кромѣ ужаснаго воздуха, была аттакована массой голодныхъ кошекъ. По разсказамъ дворничихи, убиравшей ея комнату, Justine чуть не треть своего маленькаго содержанія, пятьдесятъ франковъ тратила на прокормленіе своихъ кошекъ, подбирая ихъ изъ состраданія съ улицы. Конечно, похоронили ее прилично, отецъ даже купилъ для нея мѣсто на кладбищѣ на пять лѣтъ. А какой грустный обычай существуетъ въ Парижѣ! Земля въ городѣ такъ дорога, что небогатые люди не въ состояніи пріобрѣтать себѣ собственное мѣсто на кладбищѣ, поэтому тамъ въ ходу общія могилы, fosse commune, куда опускаютъ гробы съ усопшими; гробы ставятся сначала рядомъ другъ съ другомъ, потомъ другъ на друга—за очень маленькую плату, а то и даромъ. Когда яма наполнится, ее засыпаютъ, роютъ новую. Само собой разумѣется, что на общихъ могилахъ нѣтъ отдѣльнаго у каждаго креста, иногда лежитъ какой-нибудь жалкій вѣнокъ. Люди побогаче какъ бы арендуютъ себѣ могилу на болѣе или менѣе продолжительные сроки, смотря по средствамъ, отъ пяти до двадцати лѣтъ; срокъ этотъ обозначается на могильной плитѣ. По прошествіи уплаченнаго срока гробъ съ останками вырывается и опускается, уже на вѣчное упокоеніе, въ общую могилу. Богатые люди, конечно, покупаютъ себѣ на кладбищѣ мѣста на вѣчныя времена, à perpetuité. Папаша купилъ для своей умершей старшей дочери мѣсто на вѣчныя времена.

Слѣдующей учительницей нашей была кровная парижанка съ дивнымъ парижскимъ произношеніемъ, m-elle Барабанъ, очень образованная, но съ невозможными манерами. Все фыркала носомъ и для сбереженія своей одежды усвоила привычку, садясь, задирать платье и всѣ юбки чуть не до шеи, будь то дома или на прогулкѣ. Этотъ способъ бережливости насъ весьма стѣснялъ и возмущалъ: сидитъ, бывало, на скамейкѣ въ аристократическомъ паркѣ Монсо— шлейфъ спереди, шлейфъ сзади, сама сидитъ на нижнемъ бѣльѣ. Картина прямо непристойная. Часто, увлекшись послѣ уроковъ игрой въ безикъ, старушка оставалась у насъ обѣдать. Она хвасталась, что чудно говоритъ по-англійски, но произносила слова такъ, что вполнѣ оправдывала французскую насмѣшку надъ англійскимъ

Библиотека "Руниверс"

языкомъ: чтобы хорошо произнести слово, надо плюнуть и одновременно сломать тарелку. За обѣдомъ отецъ мой очень любилъ стравливать Барабанъ съ кровной англичанкой изъ Лондона m-elle Левисъ, которую чаще называли m-elle Александрà. Конечно, Левисъ возмущалась апломбомъ и ужаснымъ языкомъ француженки, а та, въ свою очередь, увѣряла, что англичанка произноситъ свои слова, какъ полѣно (une bûche). Выходили весьма пикантныя и интересныя лингвистическія пренія, гдѣ старушки, какъ два пѣтуха, насѣдали другъ на друга, пока чопорная m-elle Александрà первая не прекратитъ разговора, заложитъ руки на груди и упорно молчитъ, сохраняя при этомъ саркастическую ядовитую улыбку. Несмотря на прекрасное образованіе и умѣніе преподавать, мы были рады, когда беззастѣнчивая m-elle Барабанъ отошла отъ насъ, найдя себѣ болѣе выгодное мѣсто, на которое ей давали право ея дипломы. Послѣ нея поступила къ намъ также парижанка, m-elle Леду, прекрасная по характеру, скромная до застѣнчивости, хорошо воспитанная, но, къ сожалѣнію, хотя она и имѣла дипломъ объ окончаніи своего образованія, послѣднее было недостаточно, особенно послѣ ея блестящей въ этомъ отношеніи предшественницы. Замѣтя сразу недостаточное знаніе новой учительницы по географіи, на урокѣ этого предмета мы умышленно показывали какой-либо французскій департаментъ въ совершенно противоположной сторонѣ, чѣмъ ему надлежало быть, а Леду хвалила за хорошо приготовленный урокъ. Да и по другимъ предметамъ мы любили сажать ее носомъ, чего она, однако, никогда не замѣчала. Намъ было не легко добывать гувернантокъ: содержаніе было скромное, а дѣла достаточно. Гувернантка приходила въ десять часовъ утра ежедневно и уходила въ пять часовъ вечера; иногда оставалась обѣдать, а завтракала, по уговору, ежедневно. Получала она всего пятьдесятъ фр. (15 руб.) въ мѣсяцъ и должна была заниматься съ четырьмя дѣвочками всѣми предметами, кромѣ языковъ, и даже репетировать заданные уроки музыки. Были заведены дневники, баллы, отмѣтки по поведенію, словомъ, все какъ слѣдуетъ. Въ двѣнадцать часовъ былъ перерывъ занятій, спускались завтракать и уходили гулять, непремѣнно каждый день, по большей части въ паркъ Монсо, до половины второго. Отъ двухъ до пяти уроки возобновлялись, съ перерывами для музыки, языковъ и рисованія. По четвергамъ учились только до двѣнадцати часовъ. Учительница могла по желанію либо итти домой, либо съ нами гулять. Въ Парижѣ тогда во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлали отдыхъ для дѣтей среди недѣли, что было весьма полезно. Мы забирали въ корзинку провизію и отправлялись пѣшкомъ на цѣлый день въ Булонскій лѣсъ, въ его дикую часть черезъ porte Maillot. Нанимали ословъ для катанія верхомъ въ особыхъ сѣдлахъ для дѣвочекъ, вродѣ стула. Не везло въ этомъ удовольствіи сестрѣ Надѣ. Она была очень толстая, это обстоятельство,

Библиотека "Руниверс"

повидимому, ослу не нравилось, и вотъ во время катанія онъ неожиданно подгибалъ переднія ноги и ложился на землю, конечно, сбрасывая при этомъ своего сѣдока. Это сбрасываніе не имѣло дурныхъ послѣдствій для сестры, такъ какъ оселъ прежде, чѣмъ лечь, останавливался слегка и тѣмъ давалъ возможность дѣвочкѣ соскочить съ сѣдла. Чрезвычайно трудно бывало заставить коварнаго осла встать на ноги. Онъ съ наслажденіемъ и не безъ насмѣшки въ глазахъ катался въ пыли дороги, такъ что приходилось подчиниться его капризу, оставлять его валяться, пока онъ самъ не найдетъ нужнымъ встать, чтобы пощипать придорожную травку. Несправедливо говорятъ о глупости ословъ, они только довольно упорные и хитрые, но при этомъ за границей работаютъ не меньше лошади по своимъ силамъ. Когда мы брали вожака, то оселъ гораздо лучше шелъ и никого не сбрасывалъ, мы, однако, избѣгали этой траты. Оселъ на часъ стоилъ одинъ франкъ, а съ вожакомъ два франка. Нанимали двухъ ословъ и поочередно катались. Послѣ катанія мы садились на чахлую траву подъ чудными дубами, чтобы закусить. Аппетитъ былъ большой; это не мудрено, принимая во вниманіе, что Булонскій лѣсъ отстоялъ отъ нашего мѣстожительства версты на три. Мы совершенно свободно, весело, даже въ жару, проходили это пространство, гуляли по лѣсу часа два и бодро возвращались домой тѣмъ же путемъ. На главной аллеѣ лѣса кондитеръ на переносной печуркѣ пекъ чудныя вафли, но для насъ онѣ были рѣдкимъ лакомствомъ, такъ какъ стоили пятнадцать сант. штука, насъ же было много, и мы только тогда покупали себѣ вафли, когда не нанимали ословъ для катанія.

Для обученія нѣмецкому языку разъ въ недѣлю приходила къ намъ нѣмка Федеръ. Этого языка мы не любили, а потому не преуспѣвали, еле-еле читали и переводили, говорить же не могли. Сама Федерхенъ была славная дѣвушка, добрая, терпѣливая, но весьма глупая.

Сестра Соня тогда окончила уже свое образованіе, да и Надя кончала, такъ что серьезно еще учились только четверо младшихъ дѣвочекъ. По Закону Божію и русскому языку учились всѣ, кромѣ старшей. Разъ въ недѣлю приходилъ старикъ учитель музыки, m-r Gomion, прекрасный теоретикъ, самъ не игравшій. Изъ всѣхъ шестерыхъ дѣтей только Соня и я играли хорошо. По четвергамъ приходилъ учитель рисованія, m-r Tremblay, маленькій, жиденькій человѣчекъ съ длинными волосами, какъ полагается артисту средняго дарованія. Старшая сестра прекрасно рисовала акварелью и особенно пастелью, плоды этимъ способомъ выходятъ почти какъ натуральные. Неудобства этого рода рисованія въ томъ, что пастель легко стирается, требуетъ крайне осторожнаго обращенія. Оконченные рисунки надо было немедленно отдавать спеціалисту класть подъ стекло, на пробкахъ. Это было довольно дорого. Всѣ три стар-

Библиотека "Руниверс"

шія сестры болѣе или менѣе хорошо рисовали углемъ, что же касается меня, то я была совершенно лишена способности къ рисованію и до конца жизни не могу правильно провести черту, даже при помощи линейки, которую ставлю криво. Все же въ классѣ работала, цѣлый годъ сидѣла надъ маленькимъ домикомъ—нарисую, учитель сотретъ и самъ нарисуетъ, такъ что, когда я кончила свою работу, она была, въ сущности, учителя. Не суждено было мнѣ, видно, владѣть собственнымъ домомъ. На урокахъ рисованія изводилось много мякоти бѣлаго хлѣба, потому что погрѣшности карандаша стирались ею, да и милый учитель тайно, думая, что мы этого не замѣчаемъ, не мало поѣдалъ этой мякоти.

По субботамъ на вечернія занятія англійскимъ языкомъ приходила описанная выше англичанка, m-elle Александрà, предварительно, до урока, обѣдавшая у насъ. Она страшно любила кошекъ, у нея ихъ было чуть ли не десять штукъ, содержать ихъ ей было дорого, и вотъ, приходя къ намъ обѣдать, она приносила съ собой жестяную коробку, куда складывала съ тарелокъ остатки отъ обѣда: непритязательныя кошки часто получали въ пищу салатъ съ уксусомъ и масломъ. Если же остатковъ съ тарелокъ было мало, Александра отправлялись на кухню и выклянчивала у презиравшей ее кухарки что-либо съѣстное своимъ кошкамъ. У нея было много почти поговорокъ, почти на каждое блюдо напримѣръ: La salade rafraichit, rejeunit et fait dormir; les épinards—le balai de l'estomac; après la soupe un bon verre de vin cinq francs de moins dans la poche du médecin.

Мамаша вывезла изъ Россіи прекрасное умѣніе солить огурцы. Этотъ способъ приготовленія огурцовъ въ прокъ тогда былъ еще совершенно не извѣстенъ въ Парижѣ, и французы у насъ объѣдались этой для нихъ новинкой. Мы поочередно несли недѣльныя дежурства по столу. На обязанности дежурной лежало: накрыть къ обѣду на столъ, наблюденіе за чистотой столоваго бѣлья, ставить на столъ огурцы, фрукты, вино. Для дѣтей каждую субботу привозилось двѣнадцать литровъ простого краснаго вина по пятнадцати су литръ, а для взрослыхъ ставилось вино изъ погреба отца. Подъ нашей квартирой былъ обширный погребъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою желѣзными дверями. Въ первой комнатѣ стояла громадная печь, отапливавшаяся коксомъ. Она согрѣвала всю нашу квартиру посредствомъ большого рѣшетчатаго душника въ полу у насъ въ прихожей. Какъ бывало пріятно стать на этотъ душникъ во время топки. Тяга отъ сильнаго жара была такая, что наше платье надувалось на насъ шаромъ, но это удовольствіе намъ запрещалось изъ опасенія простуды.

Въ погребѣ стояли три-четыре большія кадки съ солеными огурцами, а въ слѣдующей комнатѣ былъ винный погребъ. Нѣкоторыя бутылки были зарыты въ песокъ, другія просто такъ стояли, смотря

Библиотека "Руниверс"

по сорту вина. Самые дорогіе сорта были тѣ, которые почти сплошь по бутылкѣ были покрыты паутиной,—это свидѣтельствовало почтенномъ возрастѣ вина. Приходилось такую опутанную паутиной бутылку осторожно нести наверхъ и въ такомъ грязномъ, по нашему мнѣнію, видѣ ставить на парадный столъ. Французы очень хорошо поддѣлываютъ бутылки молодого вина, продавая его за старое, окутывая ихъ густымъ слоемъ паутины. Мы должны были итти въ погребъ за припасами, погребъ темный, весь въ паукахъ. Мы брали зажженную свѣчку и изъ трусости шли вдвоемъ, опускаясь по длинной темной каменной лѣстницѣ въ погребъ. Послѣдній вентилировался и освѣщался маленькими отдушинами прямо на улицу, у панели. Уличные мальчишки, завидя свѣтъ въ погребѣ, начинали насъ пугать и кричать, смотрѣли съ интересомъ, что мы дѣлали. Чтобы отъ нихъ отвязаться, мы имъ иногда бросали гнилые огурцы, которые они съ жадностью поѣдали. Этотъ погребъ скрывалъ въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ массу котятъ-сиротъ, брошенныхъ своими легкомысленными матерями. Движимыя состраданіемъ, мы чуть не ежедневно извлекали на свѣтъ Божій захудалаго, голоднаго, полупаршиваго котенка, кормили, ласкали сироту, согрѣвали, баловали, и неблагодарный пріемышъ, упитанный, впослѣдствіи всегда пропадалъ. Надя воспитывала совершенно паршиваго котенка, съ гноящимися глазами, «Trovatore», у котораго была длиннѣйшая шея и очень дикаго цвѣта, дыбомъ торчавшая шерсть. Надя его очень любила, что не помѣшало поправившемуся и похорошѣвшему коту исчезнуть. Вотъ и дѣлай добро. М. Фаремскій подарилъ мнѣ чуднаго ангорскаго кота «Бисмарка». Я его очень любила и берегла. Каждый вечеръ съ прислугой съ фонаремъ приходилось искать кота по всему саду, такъ какъ боялись оставить его ночью на дворѣ, чего онъ, очевидно, добивался и не добился: я не ложилась спать, пока кота не было дома. При отъѣздѣ въ Россію мы не могли взять его съ собою. Я до послѣдней минуты разсчитывала взять его, уложила въ корзину и незамѣтно всунула его подъ сидѣнье кареты, когда мы поѣхали на вокзалъ. Котъ сталъ вести себя такъ буйно, что пришлось его высадить и отдать сторожу. Бѣдный котъ вскорѣ околѣлъ отъ тоски. Рѣдкое явленіе привязанности у неблагодарныхъ вообще кошекъ.

Мы получали много дѣтскихъ иллюстрированныхъ журналовъ, имѣли всѣ томики «Розовой Библіотеки», получая ихъ къ именинамъ или въ поощреніе успѣховъ въ наукахъ, такъ что вмѣстѣ съ тѣми книгами, которыя намъ дарили знакомыя, у насъ образовалась очень большая библіотека, которую, увы, пришлось оставить въ Парижѣ при нашемъ переселеніи въ Россію, такъ какъ багажъ и безъ нея у насъ былъ громаднымъ,—цѣлый пароходъ.

Дѣтьми мы были очень набожны, молились усердно и охотно, каждое воскресенье и, конечно, праздники, всѣ мы ходили къ служ-

Библиотека "Руниверс"

бамъ, которыя даже маленькія выстаивали до конца. Хорошо помню свою первую исповѣдь. Къ ней приготовлялъ меня бывшій вторымъ священникомъ въ Парижѣ о. Прилежаевъ. Я лично его очень боялась, такъ какъ онъ былъ серьезнымъ, строгимъ человѣкомъ, заставлялъ учить молитвы и разъяснялъ важность покаянія. Было торжественно и страшно, тѣмъ болѣе, что глупая нянька, когда расшалимся, пугала насъ тѣмъ, что за шалости и непослушаніе священникъ послѣ исповѣди заставитъ себя катать по церкви въ большомъ креслѣ, а если силъ не хватитъ, будетъ подгонять палкой. Наканунѣ исповѣди весь день и вечеръ мы держали себя въ высшей степени смиренно и скромно, читали молитвы и Евангеліе, настроеніе было умиленное. На исповѣди, особенно первой, священникъ спрашивалъ молитвы и, вспоминая какую-либо шалость, дѣлалъ строгій выговоръ. Впослѣдствіи, когда былъ назначенъ Дм. Вас. Васильевъ, то мы исповѣдывались у него. Когда онъ сердился, у него судорожно закрывались вѣки, онъ не сразу могъ открыть глаза, что для меня служило нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ торжественности минуты. За границей священнику за исповѣдь не принято было приносить свѣчку. Самыхъ маленькихъ пріобщали во второй день Пасхи. Послѣ исповѣди мы били поклоны у всѣхъ иконъ въ церкви, поклоны были преувеличенно глубокіе. Въ день причастія мы чинно стояли обѣдню, несмотря на соблазнъ осмотрѣть пышно разодѣтыхъ причастницъ. При достиженіи исповѣднаго возраста папаша дарилъ каждой изъ насъ по евангелію. Оно и теперь у меня цѣло, даже переплетъ изъ кожи мало измѣнился. Съ этими евангеліями мы слѣдили въ великій четвергъ за чтеніемъ двѣнадцати евангелій, предварительно отмѣтивъ ихъ, а тѣ изъ насъ, которыхъ еще не пускали на вечернія службы, должны были дома вслухъ прочитать всѣ евангелія. Въ эти Евангелія мы вкладывали цвѣты отъ креста и всѣ картинки католическаго духовнаго содержанія, очень изящныя, которыя мы получали въ награду и поощреніе отъ нашихъ преподавателей. Мы въ Парижѣ исполняли гораздо больше и охотнѣе церковныя правила, чѣмъ здѣсь; никто изъ старшихъ, особенно родители, не позволяли себѣ никогда какого-либо осужденія, неодобренія къ законамъ церкви: намъ и въ голову не приходило, какъ впослѣдствіи, при переѣздѣ въ С.-Петербургъ, что церковные законы не намъ, православнымъ, писаны... Посты, конечно, соблюдались, и какъ было хорошо, чисто на душѣ, съ какимъ умиленіемъ мы читали евангеліе, Большое впечатлѣніе производилъ день перваго причастія дѣтей у католиковъ. На улицахъ царило приподнятое настроеніе. Въ церковь посмотрѣть на это духовное иновѣческое торжество насъ никогда, конечно, не водили. Въ наше время считалось недопустимымъ православному христіанину присутствовать на службѣ въ иновѣрческой церкви. Но по улицамъ тянулись цѣлыя процессіи

Библиотека "Руниверс"

дѣтей: дѣвочки въ бѣлыхъ, болѣе или менѣе богатыхъ платьяхъ, длинныхъ до полу, на головѣ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и длинная бѣлая тюлевая фата до полу, какъ у невѣстъ, а лицо на половину ею закрыто. Въ рукахъ молитвенникъ, толстая восковая свѣча, а у пояса на шелковой лентѣ сумочка съ деньгами для подачи милостыни. Мальчики въ черныхъ курточкахъ, черезъ плечо (или просто повыше локтя) бѣлая атласная широкая лента съ золотой бахромкой, завязанная на боку бантомъ съ длинными концами; въ рукахъ молитвенникъ и свѣча. Въ церкви, говорили, дѣти стояли съ зажженными свѣчами. Рядомъ съ дѣтьми шли расфранченныя матери. Вообще тогда въ Парижѣ религіозное чувство было очень развито и какъ бы просилась наружу. Напримѣръ, въ дни поминовенія усопшихъ шли религіозныя процессіи, а желающіе устраивали вдоль панели улицъ шатры. Внутри ихъ ставили столъ со статуэтками, цвѣтами, а за столомъ непремѣнно висѣло Распятіе. У входа въ шатеръ стояла тарелка со святой водой. Проходящій мимо обмакивалъ кончики пальцевъ въ св. воду, крестился произносилъ нѣсколько молитвъ и шелъ дальше. Нѣкоторые шатры бывали богато убраны и случалось, что на одной улицѣ отъ избытка усердія попадалось нѣсколько такихъ шатровъ, что не мѣшало помолиться передъ каждымъ. Тогда и по улицамъ Парижа чуть не ежедневно проходили своего рода крестные ходы: впереди мальчикъ, церковный прислужникъ, въ характерной одеждѣ—кружевной какъ бы рубашкѣ до колѣнъ на длинномъ цвѣтномъ платьѣ—и несъ большое распятіе, за нимъ, въ облаченіи, шелъ, священникъ благословляя народъ. На пути процессіи женщины бросались на колѣни или присѣдали передъ распятіемъ, а мужчины крестились, снимая шапки. Вообще тогда (1860 г.) на улицахъ Парижа поражало обиліе многоразличныхъ орденовъ и конгрегацій въ ихъ характерныхъ костюмахъ: нѣкоторые въ какихъ-то коричневыхъ халатахъ, перевязанныхъ у пояса толстой веревкой, босые, съ непокрытой головой и тонзурой; другіе въ какихъ-то необыкновенныхъ капюшонахъ, съ полузакрытыми лицами, производили жуткое впечатлѣніе. Сестры-монахини въ громадныхъ чепчикахъ съ необыкновенными воскрыліями, большое количество аббатовъ, все это идетъ, бывало, по улицамъ, перебирая четки, съ опущенными въ молитвенникъ глазами. Спрашивается, если они были такъ не отъ міра сего, что даже на улицахъ шли, перебирая четки, читая молитвы, что заставляло ихъ толкаться въ толпѣ среди простыхъ смертныхъ? Да и фарисейство ихъ какъ-то очень ярко выступало въ тѣхъ взглядахъ, которыми они время отъ времени оглядывали прохожихъ.

Старшая сестра моя, Софія, была хорошенькая дѣвушка, любимица родителей. Она занималась музыкой со мною, рисовала, играла на роялѣ и вышивала на большихъ пяльцахъ не очень нужныя вещи. Сядетъ у окна въ столовой, что-нибудь вкусное ѣсть

Библиотека "Руниверс"

или пьетъ во время вышиванія. Она пользовалась большимъ вниманіемъ и любовью русской и особенно греческой колоніи, такъ что даже одинъ грекъ-дворянинъ, Марино Вретосъ, сватался за нее, да и другой, Вертисъ, также умильно поглядывалъ на Соню. Ее приглашали на балы, и я помню, какая она была хорошенькая, отправляясь на балъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ Мингрельской Дадіани, въ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ декольтэ, вся въ локонахъ и цвѣтахъ. Эти князья Дадіани были страшные богачи, ихъ дочь, красавица Саломэ, вышла впослѣдствіи замужъ за принца королевской крови Мюрата, а красавецъ сынъ, при дѣятельномъ сватовствѣ, уже въ Петербургѣ, папаши, женился на дочери министра императорскаго двора графинѣ Адлербергъ, принесшей супругу большое приданое и обширныя связи. За это сватовство, такъ блестяще удавшееся, благодарные графы Адлербергъ поднесли моему отцу чудный чайный серебряный сервизъ съ самоваромъ, послѣдній, вѣроятно, какъ эмблема того, что жизнь молодыхъ должна итти на всѣхъ парахъ къ счастью и почестямъ...

Сестра Надя была не такъ красива, какъ старшая, но была активной помощницей матери по хозяйству. Мамаша выдавала ей ежедневно на хозяйство двадцать франковъ, и Надя должна была каждый вечеръ давать отчетъ въ произведенныхъ затратахъ. Сестрѣ бремя хозяйства было очень тяжело, такъ какъ отпускаемой суммы было недостаточно. Вѣдь ежедневно садилось за столъ девять человѣкъ, не считая двухъ прислугъ, а прислуга въ Парижѣ пользуется тѣмъ же столомъ, что и господа, да еще полагается каждой полъ-литра вина ежедневно. Часто обѣдали гости, гувернантки, а м-lle Александрà непремѣнно ѣла у насъ по два раза въ недѣлю, за что мы ее прозвали pique-assiette.

Какая была тогда трудолюбивая прислуга въ Парижѣ! Большая квартира въ двухъ этажахъ, двое господъ да восемь человѣкъ дѣтей и двѣ дѣвушки прислуги. Кухарка получала шестьдесятъ фр. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; она вѣдала свою большую кухню съ порядочнымъ количествомъ мѣдной посуды, которая содержалась образцово, убирала столовую, коридоръ, залу и кабинетъ, въ которыхъ натирала полы, да еще должна была ко времени обѣда надѣть чистый, бѣлый передникъ и чепчикъ, чтобы подавать за столомъ. Все исполнялось прекрасно. Остальныя верхнія комнаты съ частымъ мытьемъ половъ убирала няня, она же и горничная. На ея долю, значитъ, приходилось восемь комнатъ, кромѣ того, она нянчила и воспитывала маленькихъ, среди которыхъ вѣчно былъ одинъ новорожденный. Она штопала своей арміи малышей чулки, починяла, словомъ, завѣдывала всѣми дѣтскими вещами и ихъ обладателями. Маленькіе не могли ей помогать, и опять-таки нѣкоторую помощь оказывала иногда Надя, укладывая спать маленькихъ. Разъ въ недѣлю къ намъ приходила ветхая старушка въ бѣломъ

Библиотека "Руниверс"

чепчикѣ и большихъ круглыхъ очкахъ, m-me Андре, исключительно для штопанья чулокъ дѣтей,—няня не успѣвала. Свои мать сама чинила и прямо художественно, точно паутина, трудно было отличить штопанное отъ цѣлаго. M-me Андре многолѣтъ у насъ работала, штопала очень хорошо, слегка пересыпая свою работу табакомъ, который нюхала въ большомъ количествѣ, а потому часто сморкалась, отчего носъ былъ красный.

Время отъ времени приходила для починки бѣлья толстая, большая m-me Раммъ, изъ нѣмокъ. Она ходила къ намъ пѣшкомъ изъ окрестности Парижа, Нельи, вся въ поту, со свойственнымъ ей запахомъ перегорѣлаго столярнаго клея. Впрочемъ, почтенная старушка работала хорошо, но коверкала добросовѣстно французскій языкъ, хотя и жила въ Парижѣ съ незапамятныхъ временъ, все «ахъ, ахъ, ну, вуй».

Л. І. Автономова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ВѢДЬМА.

(Изъ типовъ русской деревни).

(Повѣсть.)

I.

ЖАРКІЙ іюльскій день въ одномъ изъ уѣздовъ Средняго Приднѣпровья. Здѣсь не такъ плоско и голо, какъ дальше на югъ, мѣстность холмистая, много воды, попадаются густыя лѣсныя заросли и даже болота; но все же это не Полѣсье съ его безплодными песками и мрачными водами, а продолженіе теплой и когда-то весьма плодородной малороссійской степи. Вотъ и теперь полуденное солнце накалило весь край до того, что безоблачное, ясное небо потеряло свой обычный голубой цвѣтъ и перекрасилось въ мутно-сѣрое, неопредѣленной формы пространство, откуда палило на землю, словно изъ раскаленной печи. Въ данномъ мѣстѣ лѣсъ виднѣлся только на краю горизонта, все же остальное пространство было покрыто золотистыми посѣвами спѣлой ржи, волновавшимися отъ малѣйшаго вѣтерка подобно настоящему морю. Долго ничего живого не было видно кругомъ, и только рѣзвые жаворонки, несмотря на палящій зной, подымались и опускались въ дрожавшемъ воздухѣ; но вотъ среди безбрежнаго моря показалась небольшая черная точка, продвигавшаяся по этому морю, словно обломокъ корабля на настоящихъ волнахъ. Еще нѣсколько времени, и вмѣсто обломка обрисовалась фигура женщины, дви-

Библиотека "Руниверс"

гавшейся по затерянной въ посѣвахъ тропинкѣ съ малымъ ребенкомъ, котораго она вела за руку.

Трудно было опредѣлить лѣта этой женщины, но, повидимому, она была уже не молода. Измученныя и обострившіяся черты лица ея, равно какъ и убогій костюмъ, хотя и городского покроя, ясно показывали, что она много видѣла горя и вообще принадлежала къ числу тѣхъ несчастливцевъ, которыхъ гнететъ судьба, не давая имъ ничего, кромѣ обидъ и лишеній. Ребенокъ оказался дѣвочкою лѣтъ трехъ и при томъ прехорошенькою, съ ясными голубыми глазками и свѣтлыми волосами; однако тощее и блѣдное личико дѣвочки заставляло предполагать, что и она не сладко жила и весьма плохо питалась. Обѣ казались сильно измученными дальней дорогой и невыносимой жарой.

— Мамочка, я уже больше итти не могу,—серьезно проговорила дѣвочка, подымая на мать глаза съ такимъ видомъ, какъ будто объясняла ей что-нибудь постороннее.

Страданіе выразилось еще сильнѣе на утомленномъ лицѣ женщины.

— Потерпи, моя дѣточка, потерпи еще крошечку,—хрипло проговорила она.—Вотъ, дойдемъ до плотины,тамъ будетъ не такъ жарко, и водички попьешь...

— Ахъ, мамочка! Хорошо бы водички; да еще корочку, хоть маленькую.... Дай!

Женщина приложила руку ко впалой груди:

— Нѣту у насъ больше корочекъ, дѣточка,—печально проговорила она.

— Нѣту?—переспросилъ ребенокъ съ прежней серьезностью:— а зачѣмъ же мы ушли изъ города, мамочка? Тамъ у насъ всегда были корочки, и такія вкусныя попадались... и жарко не было такъ... и ходить не было нужно...

— Потерпи, дѣточка. Дойдемъ до села,—можетъ, и здѣсь Господь пошлетъ что-нибудь... Ты бы помолилась Ему хорошенько...

— Да я, мама, молюсь; вотъ и сегодня молилась, а Онъ ничего... вѣрно, передать Ему не съ кѣмъ.

Въ горлѣ у матери что-то щелкнуло.

— Молись, моя дѣточка,—Онъ, навѣрно, услышитъ тебя. Безгрѣшнаго ребенка Онъ всегда пожалѣетъ...

Дѣвочка замолчала, продолжая перебирать босыми ножонками по пыльной тропинкѣ.

— Мамочка!—снова обратилась она къ утомленной до-нельзя матери.—Вѣдь Богъ все можетъ? У Него много всякихъ корочекъ, да?

— Все, дѣточка, все!

— А отчего же Онъ намъ ничего не даетъ? Вотъ въ городѣ я часто просила у Него яблочко; а Онъ не далъ. Видно, жалко было Ему?

Библиотека "Руниверс"

— Нельзя такъ говорить, нельзя, мое сердце!—заторопилась испуганно женщина.—Господь услышитъ и крѣпко накажетъ за это!

Дѣвочка хотѣла что-то сказать, но ножки ея вдругъ подогнулись. Сначала она ухватилась за юбку матери, а затѣмъ и вовсе опустилась на землю, примявъ собою окружавшую рожь.

Мать бросилась передъ ней на колѣни, и изъ груди ея вырвались такія рыданія, какими можетъ рыдать только человѣкъ, перешедшій всѣ границы отчаянія.

Долго надрывалась бѣдная женщина, припавши головою къ горячей землѣ; наконецъ она подняла голову и въ упоръ взглянула на небо,—тамъ не видно было ничего, кромѣ колеблющейся сѣроватой дымки, дышавшей ей прямо въ лицо настоящимъ полымемъ. Тогда, собравши послѣднія силы, она вскочила съ колѣнъ и, схвативши дѣвочку на руки, поплелась съ нею, спотыкаясь на каждомъ шагу, прямо черезъ рожь къ виднѣвшемуся кресту сельской церкви.

Исторія этой женщины была очень простая. Молодой и довольно красивой дѣвушкой, сманилъ ее изъ семьи какой-то не то управляющій, не то надсмотрщикъ и держалъ ее у себя нѣсколько лѣтъ. Не легко было бѣдной дѣвушкѣ приноравливаться къ эгоистичному и грубому нраву своего содержателя, и съ перваго же мѣсяца она горько раскаялась въ невольномъ своемъ проступкѣ. Но дѣлать было нечего: родители прокляли ее во имя нарушенной нравственности и тѣмъ только и ограничили дальнѣйшее участіе въ судьбѣ своей дочери, которой не оставалось ничего больше, какъ покоряться новому властелину. Съ каждымъ годомъ положеніе ея дѣлалось хуже, и скоро она оказалась безправной, даровой работницей своего соблазнителя, не оставлявшаго, однако, своихъ прежнихъ къ ней отношеній. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не забеременѣла она первымъ ребенкомъ. Роды были очень трудные, и дѣвушка, вставши съ постели, сразу превратилась въ худую и измученную старуху. Увидѣвъ это, любовникъ долго не думалъ, а, отворивъ дверь, вытолкнулъ свою сожительницу вмѣстѣ съ ребенкомъ прямо на улицу. Невозможно передать, сколько вытерпѣла несчастная женщина, попавши въ подобное положеніе. Не находя нигдѣ пріюта себѣ, она сдѣлалась профессіональной нищенкой и этимъ доступнымъ для всѣхъ ремесломъ поддерживала свою жизнь и жизнь ребенка; и такъ онѣ прожили года четыре, не видѣвши ничего, кромѣ свѣжей воды и черстваго хлѣба, который ребенокъ, со словъ матери, называлъ «корочками». Когда дѣвочка подросла, несчастная мать, все время просившая ей смерти у Бога, вдругъ страстно къ ней привязалась и, вмѣстѣ съ этимъ, почувствовала въ себѣ неожиданный подъемъ духа и готовность на все, лишь бы спасти ребенка отъ предстоящей ему участи. Но что могла она сдѣлать? Лишенная почти всякой одежды, съ репутаціей нищенки,

Библиотека "Руниверс"

да еще и съ ребенкомъ,—никакого мѣста себѣ она найти не могла и, побившись въ поискахъ нѣсколько времени, порѣшила покинуть городъ и пойти пѣшкомъ въ родное село, до котораго было верстъ полтораста. Истощенныя частымъ голодомъ силы оказались черезчуръ слабыми, ея нищенская провизія скоро вся вышла и, проголодавъ цѣлый день, она едва могла добраться до половины пути, гдѣ ея дѣвочка окончательно ослабѣла. Отчаянный страхъ за ребенка придалъ матери невѣроятныя силы, и она все-таки кое-какъ доползла до церковной паперти, гдѣ опустилась на сырую траву совсѣмъ безъ движенія. Принесенная на рукахъ дѣвочка начала плакать и тѣмъ собрала вокругъ себя толпу народа, по преимуществу бабъ, привлеченныхъ прежде всего любопытствомъ. Однако послѣднее скоро перешло въ состраданіе, а затѣмъ и въ реальную помощь.

Прибывшая была накормлена, поднята и устроена въ развалившейся выморочной избушкѣ, гдѣ жилъ когда-то давно уже умершій отставной николаевскій солдатъ Шепель. По послѣдней причинѣ, незнакомка, объ имени коей никто не догадался спросить, стала съ тѣхъ поръ разъ навсегда называться на селѣ Шепелихой.

Такимъ образомъ бѣдная скиталица нежданно отыскала себѣ нѣкоторый пріютъ, но положеніе ея было весьма непрочно и ничего не обѣщало въ будущемъ. Правда, добросердечныя попечительницы продолжали приносить ей кое-какую провизію, а избенка николаевскаго солдата, хотя и совсѣмъ развалившаяся, давала достаточное убѣжище на лѣтнее время; но чѣмъ же жить дальше и въ особенности зимой? Истерзанная прошедшею жизнью и потерявшая здоровье городская женщина для полевыхъ работъ совсѣмъ не годилась, а помимо ихъ въ деревнѣ ничего не было, гдѣ бы можно было заработать себѣ кусокъ хлѣба. Несчастная понимала весьма хорошо, что доброхотныя даянія, получаемыя пока въ изобиліи, не могли продолжаться вѣчно, и что скоро наступитъ такое время, когда она станетъ нуждаться еще горше, чѣмъ въ городѣ. Подъ вліяніемъ мыслей такого рода она уже собралась было покинуть временныхъ своихъ благодѣтелей и продолжать путь въ родное село; однако благоразуміе ей подсказывало, что безъ особой крайности дѣлать этого не слѣдовало. Здѣсь пока жалѣли и кормили и ее и ребенка, а кто зналъ, что встрѣтитъ ее на родинѣ? Пока бѣдняга колебалась въ своихъ опасеніяхъ, внезапно случилось нѣкоторое происшествіе, опредѣлившее навсегда ея дальнѣйшій жизненный путь.

Однажды, теплою лѣтнею ночью проходила она по задворкамъ села и услышала возню и подавленный крикъ за плетнемъ огорода. Заглянувши черезъ этотъ плетень, она увидѣла, что какой-то здоровенный парень облапилъ дѣвушку, которая отбивалась отъ него изъ послѣднихъ силъ и въ то же время таяла и млѣла въ его объятіяхъ. Точно ножомъ кольнула въ сердце эта картина женщину

Библиотека "Руниверс"

испытавшую весьма хорошо на себѣ, какою бѣдою грозитъ дѣло подобнаго рода. Выпрямившись во весь свой высокій ростъ и сверкая въ темнотѣ пронзительными черными глазами, она яростно закричала на парня:

— Ахъ, ты, проклятый поганецъ! Ты что жъ это дѣлаешь?! Какъ тебя громъ не убьетъ за твои пакости?!

Испуганная дѣвушка разомъ пропала на огородѣ, а сконфуженный парень, не зная еще, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, выступилъ раздраженно впередъ.

— Ты чего, тетка, не въ свое дѣло мѣшаешься?—закричалъ онъ на нее, въ свою очередь.—Кулаковъ захотѣла попробовать, видно?

— Ахъ, ты, поганый выродокъ!—начала по обычаю мѣстныхъ бабъ проклинать разсвирѣпѣвшая женщина.—Да чтобъ тебѣ провалиться сквозь землю! Чтобъ тебѣ руки и ноги отсохли!.. И не только что несчастныхъ дѣвушекъ портить, а и къ женѣ своей, когда женишься, чтобъ вовѣки тебѣ подойти не пришлось!..

Послѣ этихъ словъ парень неожиданно струсилъ и побѣжалъ безъ оглядки домой.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, и женщина успѣла забыть о своей встрѣчѣ, какъ вдругъ передъ ея избушкой остановилась высоко нагруженная чѣмъ-то телѣга, сопровождаемая цѣлой семьей. Послѣдняя, какъ только вошла, такъ и бросилась передъ ней на колѣни. Хозяйка сразу догадалась, въ чемъ дѣло.

— Что вамъ нужно?—гордо спросила она, не подымая пришедшихъ.

— Матушка ты наша, голубушка, смилуйся ты надъ несчастными!—говорилъ почтенный старикъ, повидимому, отецъ этой семьи.

— Что же вамъ нужно?

— Да вотъ сынокъ у меня, что ты закляла,—объяснялъ старикъ, указывая на въ конецъ разстроеннаго мужика.—Онъ въ этомъ мѣсяцѣ только женился... Смилуйся, сними свое заклятіе страшное!

Будущая знахарка злобно и торжествующе улыбнулась.

— А! Теперь сними! А сниметъ этотъ проклятый кабанъ то горе и несчастье, что натворилъ другимъ дѣвушкамъ на селѣ? Нѣтъ, голубчики, теперь поздно!

— Ничего онъ такого не дѣлалъ!—валялась въ ногахъ вся семья.—Сними, матушка! Вотъ мы тебѣ тутъ и холста, и муки, и крупъ привезли; вотъ и деньгами прими десять рублей... Только помилуй!

При видѣ денегъ глаза у женщины засверкали.

— А что, это та самая дѣвушка, съ которой я его встрѣтила, или другая?—спросила она, поглядывая на высокій возъ.

— Та самая, матушка, та самая!

— Ну, если та самая, то, пожалуй, прощу—согласилась она,

Библиотека "Руниверс"

беря деньги.—Вставайте и ступайте себѣ спокойно домой: ничего худого больше не будетъ! Только помните, что какъ родится у васъ первый ребенокъ, такъ сейчасъ же отслужите пять молебновъ св. Варварѣ Великомученицѣ,—прибавила она на прощанье, повидимому, уже окончательно войдя въ свою роль.

Этотъ случай, быстро разнесшійся по всей окрестности, сразу перемѣнилъ всю судьбу безпріютной скиталицы и указалъ ей очень выгодный заработокъ. Не прошло мѣсяца, какъ всѣ крестьяне твердо увѣровали, что неожиданно появившаяся среди нихъ женщина—не кто иная, какъ «страшная вѣдьма», и всѣ пожелали воспользоваться ея силой. Деньги потекли къ ней рѣкой. Такимъ образомъ бывшая нищенка вдругъ получила и средства, и славу, и прочное положеніе на селѣ,—словомъ, все, чего добиваются люди.

II.

Прошло лѣтъ пятнадцать со времени описаннаго въ предыдущей главѣ. Много за это время воды утекло, но село все стояло на прежнемъ мѣстѣ. Такъ же, какъ прежде, въ немъ пахали, косили и сѣяли; такъ же родились и умирали, празднуя въ промежуткахъ церковные и обычные праздники, на которыхъ, если веселья не особенно было много, зато весьма достаточно пьянства и драки; такъ же точно, какъ прежде, возвышавшійся амфитеатромъ далекій лѣсъ лѣтомъ посылалъ на поля комаровъ и густые туманы, а зимою волковъ, часто пробиравшихся даже на улицы и производившихъ не малое опустошеніе въ скудномъ сельскомъ хозяйствѣ. Но не разгибавшіе спины поселяне на убытки не обращали вниманія, принимая ихъ какъ неизбѣжный порядокъ вещей, и продолжали трудиться, вовсе не думая о какомъ бы то ни было улучшеніи своей участи. Впрочемъ, вѣяніе времени и здѣсь уже оказало нѣкоторое вліяніе: на селѣ появилась небольшая и сырая угарная школа, въ которой, къ собственному удивленію, мирно доканчивала десятилѣтіе своей дѣятельности старая барышня Софья Васильевна, пользовавшаяся всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Кромѣ школы, прогрессъ обнаружился въ томъ, что большинство крестьянъ, а въ особенности ихъ женская половина, бросили свои живописные домотканные костюмы и облеклись въ московскіе ситцы необыкновенно яркихъ рисунковъ, однако тотчасъ же и пропадавшихъ на солнцѣ. Въ избахъ завелись самовары, а мѣстныя дѣвушки, собираясь на «вечерницы», уже не довольствовались мятными пряниками и сладкою водочкою, приготовляемою на мѣстѣ, а требовали для себя настоящихъ конфетъ отъ Сіу... И на ряду съ такими несомнѣнными признаками цивилизаціи на селѣ существовала штатная вѣдьма, къ которой и обращались крестьяне при всѣхъ своихъ физическихъ и моральныхъ недугахъ, упорно минуя назначенныхъ для того

Библиотека "Руниверс"

начальствомъ спеціалистовъ. Вѣдьма эта была не кто иная, какъ уже знакомая намъ Шепелиха, превратившаяся за это время въ настоящую бабу-ягу. Она вполнѣ сознавала свое положеніе и обставилась въ немъ, какъ слѣдуетъ: поправила и перекрыла наново свою избу, завела нѣсколько сундуковъ и укладокъ, въ коихъ хранилось уже не мало добра, и даже обзавелась чернымъ котомъ и вороной, какъ необходимыми аттрибутами своего званія, приносившими ей несравненно больше дохода, чѣмъ нѣсколько паръ добрыхъ воловъ. Травы свои она собирала и варила безъ всякаго пониманія, но продавала ихъ по такимъ цѣнамъ, какихъ не слыхано было въ самыхъ роскошныхъ аптекахъ. Но постоянная борьба и обманъ окончательно испортили ея и безъ того необщительный нравъ, а жадность, недовѣріе и наглая грубость, вмѣстѣ съ ея темной профессіей, оттолкнули отъ нея всѣхъ сосѣдей, которые столько же ненавидѣли ее, сколько боялись. Однако старуха, повидимому, свыклась съ такимъ положеніемъ и даже гордилась имъ, пользуясь внушаемымъ ею страхомъ съ полнѣйшей безцеремонностью. Обирая и обманывая каждаго, насколько могла, никому не сказала она добраго слова, а, напротивъ, вездѣ проявляла только злобу и ненависть, какъ бы мстя настоящимъ своимъ благодѣтелямъ за испытанныя прежде огорченія и обиды. Только для своей ненаглядной дочки Олеси, превратившейся теперь въ выхоленную красавицу, находила она привѣтъ и горячія ласки, какихъ, казалось, трудно было ожидать отъ нея. Для Олеси отнимала она отъ другихъ и копила деньги, наряжала ее, какъ куколку, и всячески баловала; но въ то же время зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы какой-нибудь «прощалыга» не погубилъ дѣвку, сбивши ее съ пути. Испытавъ въ молодости только одно несчастье отъ любви, старуха только одно несчастье въ ней видѣла и всячески старалась предохранить отъ нея свою любимую дочку. «Проклятые! — думала она о мужчинахъ.—Тянетъ къ нимъ дѣвичье сердце, какъ въ рай, а они хуже всякаго звѣря лютаго! Что-то будетъ съ моей бѣдной Олесей? Неужели и ей придется связаться съ такимъ безжалостнымъ звѣремъ и такъ же мучиться, какъ ея матери? Нѣтъ! Лучше всю кровь свою по каплѣ отдамъ, а не допущу ее до такого горя!» И почти помѣшавшаяся на своихъ опасеніяхъ старуха не отпускала дочку свою ни на шагъ, лишая ее тѣмъ почти всѣхъ дѣвичьихъ радостей. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ дѣвушка не могла чувствовать себя счастливой, несмотря на все баловство и ласки матери. «Прощалыги», опасаясь ужасной вѣдьмы, положительно обѣгали красивую и ласковую дѣвушку; но, что было хуже всего, то же дѣлали всѣ остальные селяне. Какъ ни нуждались они въ помощи лекарки, какъ ни боялись ея страшной мести, однако входить въ близкія отношенія съ семьей богоотступницы казалось имъ невозможнымъ, и потому всѣ подруги, къ которымъ дѣвочка обращалась съ при-

Библиотека "Руниверс"

вѣтомъ и лаской, старались какъ можно скорѣй убѣжать отъ нея. Олеся не могла не замѣчать этого, и ея горячее сердце, страстно жаждавшее отвѣта, обливалось кровью при видѣ всеобщаго отчужденія и холодности. Не мало пролила горькихъ слезъ по этому поводу дѣвушка и даже начала охладѣвать къ родной матери, справедливо считая ее причиной своихъ огорченій.

Единственнымъ существомъ на селѣ, не боявшимся вѣдьмы и не раздѣлявшимъ всеобщаго отчужденія къ ея дочери, была добрая барышня Софья Васильевна. Она чуть не насильно обучала Олесю грамотѣ и теперь часто принимала у себя бѣдную дѣвочку, дозволяя ей выплакать на своей груди ея горе.

— Голубушка вы моя, барышня,—плакала передъ ней дѣвушка каждый разъ, какъ видѣла убѣгавшихъ отъ ея ласки подругъ;— и за что я такая несчастная на свѣтъ народилась! За что всѣ меня ненавидятъ? Видитъ Господь, что я никому ничего худого не сдѣлала, и мать моя ничему такому не учитъ,—это хоть у отца Алексѣя спросите. А никто не хочетъ подружиться со мной, и всѣ бѣгаютъ отъ меня, какъ отъ нечистой... Что съ того, что у матери много добра? Не нужно мнѣ отъ нея ничего, а вотъ возьму да и убѣгу, куда глаза глядятъ. Пусть я пропаду, да зато никто укорять меня даромъ не станетъ.

— Потерпи, милая дѣточка,—утѣшала ее Софья Васильевна, сама готовая плакать.—Потерпи, можетъ и перемѣнится твоя судьба. Я не разъ говорила уже съ твоею матерью; но, къ несчастью, перемѣниться ей трудно. Слишкомъ много горя ей сдѣлали люди, да и теперь требуютъ, чтобы она ихъ обманывала и обирала... такая ужъ, значитъ, ея судьба; но бросать мать никакъ невозможно. Ты лучше помолись хорошенько на сонъ грядущій да почитай хорошую книжечку, что я тебѣ дамъ...

Въ отвѣтъ на такія слова дѣвушка бросалась на грудь своей утѣшительницы, чувствуя, что на этой высохшей отъ постоянныхъ лишеній груди чужой женщины она находила гораздо больше отрады, чѣмъ на груди любившей ее до безумія родной матери.

Въ послѣдній разъ, когда Олеся снова пришла плакать и жаловаться, учительница сильно задумалась.

— «Бѣдная дѣвочка!—думала она про нее.—Вотъ, говорятъ, что вся бѣда народа происходитъ отъ бѣдности; а тутъ и средства большія, а горя, пожалуй, больше, чѣмъ у послѣдняго бѣдняка.— Какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, помочь ей? Пойти развѣ посовѣтоваться къ о. Алексѣю? Онъ человѣкъ практическій, и, навѣрно, что-нибудь посовѣтуетъ...»

Барышня встала, накинула на себя старенькую накидку, бывшую еще свидѣтельницей ея юности, и отправилась на церковный дворъ.

Священника она застала въ кругу семьи, за чайнымъ столомъ и по обыкновенію, въ благодушнѣйшемъ настроеніи. Это былъ тучный

Библиотека "Руниверс"

старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ высокимъ умнымъ челомъ и почти юношескими глазами.

— Ба! Ба!—закричалъ онъ радостно, какъ только гостья появилась въ дверяхъ.—Наша всеобщая просвѣтительница и печальница! Попадья! Принимай гостью!—обратился онъ черезъ столъ къ маленькой старушкѣ, сморщенной, какъ печеное яблоко.—Ну, присаживайтесь, почтенная мати-печальница, и повѣдайте, о чемъ сегодня печалиться будемъ.

— Какъ не печалиться, о. Алексѣй: горя-то сколько вездѣ!—сказала учительница, присаживаясь къ чайному столику.

— Истинныя ваши слова: «міръ», какъ сказано,«весь во злѣ лежитъ»,—отвѣтилъ о. Алексѣй, докончивъ стаканъ и отодвигая его въ сторону.—Только чѣмъ же мы поможемъ ему нашей печалью?

— Можно помочь, батюшка, можно и должно! Вотъ я и теперь пришла къ вамъ за совѣтомъ и помощью: необходимо что-нибудь сдѣлать.....

И учительница разсказала все, что знала о горѣ Олеси, прибавивъ при этомъ:

— Вы человѣкъ разумный, о. Алексѣй, и ужъ, вѣрно, придумаете, чѣмъ помочь бѣдной дѣвушкѣ.

Священникъ слушалъ спокойно, поглаживая свою широкую бороду, и по окончаніи укоризненно покачалъ головой.

— Видите, во что мы съ вами запутались; а еще разумнымъ меня называете. Гдѣ же тутъ разумъ? Если бы дѣйствительно какая бѣда: пожаръ, воровство или обида какая,—то, можетъ быть, и я бы могъ пособить какъ-нибудь: а то, изволите видѣть, мать родная не нравится! Такъ при чемъ же я тутъ? Внушить я могу, что и дѣлалъ уже неоднократно, а больше мнѣ нечего дѣлать. Я человѣкъ старый, сударыня, и слѣдую, по мѣрѣ силъ, закону писаному, а не создаю свой. А въ законѣ что сказано?—«Чти отца и матерь твою». А чтобы мѣнять ихъ по вкусу или бѣгать отъ нихъ—такъ объ этомъ въ законѣ ничего нѣтъ... Шепелиха, конечно, дурная женщина и живетъ не по закону евангельскому; но существуетъ въ мірѣ еще другой вѣрный законъ, открытый намъ великимъ Дарвиномъ, и вотъ этотъ законъ, до извѣстной степени, ее оправдываетъ...

— Хорошо, батюшка, не будемъ объ этомъ спорить; но согласитесь, что положеніе несчастной дѣвочки крайне печальное.

— Не вижу, почему бы оно было печальнѣе другихъ: сыта, одѣта, обута... другіе и десятой доли того не имѣютъ. А если печалится по пустякамъ—такъ это, что называется, съ жиру: нѣтъ настоящаго дѣла, такъ она и находитъ печали себѣ. Вотъ и мои дочери тоже: какъ пришла имъ пора—просто удержу не было. «Ахъ, папаша, мы хотимъ жертвовать собой на пользу народа! Ахъ, папаша, мы хотимъ на курсы!» И что же? Какъ повышли замужъ да понародили дѣтей,—вся дурь сразу изъ головы выскочила, и

Библиотека "Руниверс"

теперь больше не думаютъ ни о чемъ, какъ о пріобрѣтеніяхъ для собственнаго семейства. Значитъ, идеальные ваши порывы одна чепуха, а законъ Дарвина вѣченъ! Не слѣдуетъ только границы переходить, какъ это дѣлаютъ многіе краснобаи.

— Такъ, значитъ, батюшка, вы мнѣ ничего не посовѣтуете по этому дѣлу?

— Какъ не посовѣтую,—не къ Шепелихѣ же вамъ за совѣтомъ итти!—широко улыбнулся священникъ.—Только вѣдь я уже далъ вамъ совѣтъ: если хотите осчастливить свою протеже—такъ выдайте ее немедленно замужъ. Вотъ и всему дѣлу конецъ!—поднялся онъ со стула.

Въ это время Шепелихина дочка, даже не подозрѣвая, чтобы она могла служить предметомъ столь оживленной бесѣды, снова ходила къ своей доброй барышнѣ и, не заставъ ея дома, печально возвращалась въ свою избушку. На сердцѣ она чувствовала что-то жгучее и тоскливое, неутолимую жажду чего-то такого, чего возлѣ нея не было, но безъ чего жить казалось совсѣмъ невозможно. Она шла къ доброй барышнѣ въ надеждѣ, что та своими ласковыми и разумными словами, по обыкновенію, разговоритъ ее и успокоитъ ея тревожное сердце, но и барышни она не нашла, и ей страшно хотѣлось заплакать. «Боже мой, какъ хорошо все на свѣтѣ!—думала она, глядя на темно-синее небо съ вьющимися въ немъ жаворонками, на родные поля и луга, по которымъ ребенкомъ она бѣгала съ такою ясною радостью и которые теперь не давали ея сердцу отрады.—Боже мой, какъ хорошо! Отчего же я такая несчастная?» Она нагибалась, срывала полевые цвѣты и прикладывая ихъ къ губамъ, точно желая имъ передать не находящую исхода сердечную нѣжность, и тотчасъ же ихъ бросала на землю. Въ такомъ томленіи дошла она наконецъ до дому, гдѣ застала мать возившеюся у своихъ сундуковъ, которые при входѣ дочери она быстро захлопнула.

— Гдѣ ты была?—сурово спросила старуха, поворачивая отъ сундука свою сѣдую, косматую голову.

— Гдѣ же мнѣ быть, мамочка? Заходила на минутку къ Софьѣ Васильевнѣ.

Старуха глухо расхохоталась.

— Къ Софьѣ Васильевнѣ! Каждый день къ Софьѣ Васильевнѣ! Очень тебѣ нужна эта Софья Васильевна!

— Какъ же, мамочка? Я и такъ совсѣмъ не вижу людей...

— А на что тебѣ видѣть ихъ? Обиды себѣ захотѣла?—такъ это недолго отъ нихъ! Отъ людей надо бѣгать, дочка, тебѣ, все равно, какъ птичкѣ отъ коршуна. Ахъ, ты, глупая!

— Что это, мамочка, ты выдумала такое?—рѣшилась въ первый разъ возразить окончательно разстроенная Олеся.—Гдѣ же это видано, чтобы отъ людей бѣгать: что мы съ тобой, прокаженныя,

Библиотека "Руниверс"

что ли? И такъ уже никто слова съ нами сказать не хочетъ, а тебѣ все еще мало... Ужъ лучше бы ты меня живую въ гробъ уложила!

И Олеся горько заплакала.

III.

Лѣсъ стоялъ хмуро на скатѣ холма, перешептываясь вѣковыми своими вершинами. Здѣсь царилъ сумракъ, тишина и прохлада, даже въ пору самой палящей жары, и ютилось великое множество разнаго рода птицъ и звѣрей, часто нарушавшихъ торжественную тишину своими любовными, яростными и предсмертными криками. Но не одни звѣри и птицы гнѣздились тамъ: въ глухую полночь ужасающе хохотали тамъ лѣшіе, выходившіе изъ невѣдомыхъ зарослей на поляны справлять свои свадьбы при тускломъ свѣтѣ ущербленнаго мѣсяца; изъ глухого озера, заросшаго камышомъ и лозою, толпою высыпали на берегъ русалки и рѣзвились подъ надзоромъ водяного-дѣдушки, хотя и жившаго подъ плотиной на мельницѣ, но приходившаго сюда такимъ же порядкомъ, какъ приходитъ удрученный годами сановникъ на репетиціи балетнаго представленія; по вѣтвямъ березъ и осинъ, какъ спѣлые гроздья, висѣли кикиморы, нетопыри и прочая нечисть, не упускавшая никогда случая сорвать «очипокъ» съ головы захмелѣвшей бабы, если случайно послѣдняя попадалась имъ подъ лохматую лапу. А въ ночь подъ Ивана Купалу здѣсь собиралось громадное общество. Прибѣгали юркіе черти всѣхъ сословій и ранговъ: тощіе, какъ сверхштатные канцеляристы, и толстые и брюхатые, подобно деревенскимъ кулакамъ, разъѣвшимся на чужомъ хлѣбѣ. Прилетали на вѣникахъ и ухватахъ вѣдьмы могилевскія, переяславскія и кіевскія въ болѣе чѣмъ кафешантанныхъ костюмахъ и нѣжно подмигивали мужскому сословію... И вся эта ватага до утра наполняла весь лѣсъ своими кликами, не давая честному христіанину даже приблизиться къ нему въ этотъ день.

Но чѣмъ дальше спускался холмъ къ небольшой, свѣтлой рѣчкѣ, серебристою змѣйкою пробѣгавшею по долинѣ, тѣмъ лѣсныя заросли становились свѣтлѣе и рѣже и наконецъ заканчивались небольшимъ лужкомъ у рѣки; а за нею уже начинались поля, вплоть до самой деревни.

Въ одинъ вечеръ въ Петровскомъ посту, наступившій послѣ палящаго зноя, изъ лѣсу по дорогѣ къ водяной мельницѣ вышли двое молодыхъ парней въ шитыхъ малороссійскихъ рубахахъ, суконныхъ портахъ и съ косами за плечами. Хотя костюмъ ихъ по случаю лѣтней жары и обычной работы ничѣмъ не отличался отъ прочихъ односельчанъ, однако по матеріалу и чистотѣ было видно, что оба они изъ семей зажиточныхъ. Рубашки были тонкія

Библиотека "Руниверс"

и новыя, сапоги по городскому, гармоникой, а соломенныя «брыли» или шляпы на головахъ явно показывали, что онѣ сдѣланы не ими самими, а также куплены въ городѣ. Дѣйствительно, одинъ изъ парней былъ сынъ Онисима Гарбуза, сельскаго старосты и богатѣйшаго мужика въ цѣломъ селѣ, а другой-сынъ деревенскаго кулака и арендатора мельницы Козолупа, или, какъ онъ подписывалъ себя, Козолупова, человѣка тоже весьма достаточнаго.

— Что, Петро,—сказалъ второй изъ нихъ,—добре накосили мы сегодня съ тобою? Вотъ бы смѣялись наши батьки, если бы увидѣли.

Петро презрительно передернулъ плечами.

— Чего жъ тутъ смѣяться, что христіанинъ работаетъ! Развѣ съ тебя, что ты только за дѣвчатами бѣгалъ?

— Ну, ну!—примирительно успокоилъ товарищъ, котораго звали Грыцкомъ.—Почему жъ не бѣгать! У меня батько не такой строгій, какъ твой, и въ этомъ мнѣ не мѣшаетъ. Только что жъ наши дѣвки,—развѣ такія, какъ въ городѣ? Пфе!

Петро покачалъ головой.

— Ишь-ты, ужъ и дѣвки ему наши не нравятся! Видно, вы съ батькой и вправду въ паны записались. Дать бы тебя на выучку къ моему—такъ бы онъ показалъ тебѣ городскихъ дѣвокъ! Да и то сказать: куда ты больше годишься? Батько твой хоть кровь съ людей хорошо пить умѣетъ; а самъ ты что? Ни панъ, ни крестьянинъ,—такъ себѣ: харцызъ городской...

— Ну, чего ты лаешься, Петро, какъ собака?—обидѣлся наконецъ Грыцко.—Чѣмъ попусту лаяться—посмотри лучше вонъ на этотъ лужокъ.

Петро поднялъ голову; между кустовъ на лужкѣ мелькала бѣлая рубашка и красная юбка дѣвушки, которая, напѣвая, собирала что-то на немъ и, видимо, ничего не замѣчала кругомъ за своею работою.

— Ты знаешь, кто это?—говорилъ съ волненьемъ Грыцко.—Это Шепелихина дочка Олеся. Ну, и дѣвка, скажу, я тебѣ. Вотъ ужъ не нашимъ чета: чистый сахаръ!

— Вѣдьмина дочка!—флегматично замѣтила Петро.

— То-то, что вѣдьмина, а то, ей-Богу, сейчасъ бы сватовъ къ ней послалъ. Чистая, нѣжная, точно барышня...

Петро махнулъ рукой, и пріятели замолчали.

— Посмотри—снова началъ Грыцко:—какая по плотинѣ собака бѣжитъ: точно бѣшеная...

По плотинѣ дѣйствительно бѣжала собака, со взъерошенной шерстью, высунутымъ языкомъ и оскаленными зубами. Она бѣжала не прямо, какъ бѣгаютъ собаки на волѣ, а дѣлала большіе круги, какъ будто отъ кого убѣгая. Пріятели молча наблюдали за ней.

— И правда, что бѣшеная,—сказалъ Петро.—То-то на косовицѣ

Библиотека "Руниверс"

хлопцы разсказывали, что у лавочницы Голендухи собака взбѣсилась... Проклятая баба: держитъ цѣлый день собакъ на цѣпи—онѣ и бѣсятся.—Что жъ, насъ не тронетъ,—у насъ косы съ собой,—прибавилъ онъ, замѣтивши безпокойство своего товарища.

Солнце все ниже и ниже опускалось за темную тучу на горизонтѣ; въ воздухѣ потянуло прохладой и запахомъ свѣжаго сѣна; въ низинахъ подъ лѣсомъ уже заколебался туманъ.

— Будетъ на завтра дождь!—сказалъ, поглядѣвъ на небо, Петро.— Мой батько всѣ примѣты на это знаетъ. Если солнце за тучу зайдетъ, да назадъ не выглянетъ—непремѣнно дождь... А все-таки этого мало; надо и другія примѣты знать, потому что...

— Смотри, смотри!—съ ужасомъ перебилъ Грыцко;—опять собака бѣжитъ и прямо на насъ!...

Та же собака, скрывшаяся было изъ виду, опять появилась и теперь прямо бѣжала на парней. Послѣдніе схватились за косы.

Собака была уже близко, такъ что можно было разсмотрѣть ея красные яростные глаза и пѣну, бѣжавшую изо рта; но, не добѣжавъ нѣсколькихъ шаговъ, она круто повернула въ сторону и бросилась прямо къ дѣвушкѣ, собиравшей цвѣты на лугу.

— Это она прямо на вѣдьму бѣжитъ!—закричалъ во все горло Грыцко и, кинувъ свою косу, поспѣшилъ взлѣзть на ближайшее дерево.

Но товарищъ его поступилъ совершенно иначе: страшная жалость къ дѣвушкѣ охватила все его существо и, нисколько не думая о себѣ, крѣпко сжимая косу въ рукахъ, онъ побѣжалъ собакѣ наперерѣзъ.

— Ой, не добѣгу! Ой, не поспѣю!—колотилось въ груди его горячее сердце.—Еще, еще крошечку!.. И въ то время, какъ звѣрь добѣжалъ вплоть до дѣвушки,—коса ударила его по ногамъ, и онъ перевернулся на брюхо съ отчаяннымъ визгомъ. Не помня ничего, Петро продолжалъ наносить удары, пока не изрубилъ своего врага на куски. И только тогда, бросивъ окровавленную косу на землю, посмотрѣлъ сначала на небо, а потомъ на дѣвушку.

Олеся лежала на тровѣ безъ движенія. Красная юбка ея подвернулась и обнажила стройную и бѣлую, какъ молоко, ногу. Парень зажмурился и началъ съ того, что привелъ юбку въ порядокъ.

— Что же это она?—говорилъ себѣ парень, съ удивленіемъ поглядывая на лежавшую дѣвушку:—сомлѣла со страху, точно панночка... Правда, что она на панночку и похожа,—продолжалъ онъ, замѣтивъ нѣжное личико и тонкія брови дѣвушки:—только какъ же теперь?.. Эй, ты, дѣвчина, вставай!—крикнулъ онъ.— Вставай, да иди скорѣй къ матери: уже солнце зашло!

Но дѣвушка не шевелилась, и ея высокая грудь, рельефно выдѣлявшаяся подъ тонкой рубашкой, кажется, вовсе перестала дышать.

— Вотъ такъ оказія!—сказалъ парень:—Недоставало того,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ она померла тутъ. Грыцко, а Грыцко!—кликнулъ онъ товарища.—Иди скорѣе сюда, да перенесемъ куда-нибудь дѣвку, пока она не очнулася.

Но Грыцка и слѣдовъ не осталось.

— Ишь, проклятый выродокъ,—обругался Петро:—сейчасъ видна городская работа!.. Что жъ теперь дѣлать? Положимъ, до мельницы я и одинъ ее донесу...

Петро осторожно поднялъ дѣвушку на руки. Но чуть только почувствовалъ онъ на себѣ теплоту ея нѣжнаго тѣла, чуть только ея роскошная грудь прикоснулась къ его чубамъ,—парень окончательно потерялся. Сердце его охватило горячей волной, и, совсѣмъ обезумѣвъ, онъ сталъ осыпать ее поцѣлуями, прибирая самыя нѣжныя изъ названій.

Подъ его поцѣлуями дѣвушка открыла глаза и забилась такъ сильно, что онъ принужденъ былъ опустить ее снова на землю.

— Собака!.. Собака!..—заметалась она отчаянно.

— Не тревожься, сердце мое,—уговаривалъ ее Петро:—собаки давно уже нѣтъ: я прогналъ ее!

— А она опять воротится...

— Не воротится, голубка моя: она уже убита!

— Убита? Кто же убилъ ее?

— Я убилъ ее, мое золото, чтобы она на тебя не напала. Для тебя бы я и волка, и медвѣдя убилъ, и самого чорта не побоялся!

Дѣвушка приходила въ себя. Она оправила свой костюмъ, и темныя брови ея строго сдвинулись.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, что помогъ мнѣ,—сказала она, поворачиваясь, чтобы отойти отъ него.

— Постой, моя ласточка, какъ же ты пойдешь одна въ эту пору?—остановилъ ее взволнованный парень.

Дѣвушка, видимо, совсѣмъ разсердилась.

— Откуда ты это выдумалъ, что я твоя ласточка?—выговорила строго она.—Что же ты себѣ думаешь, развѣ такъ можно?..

— Да я... только проводить отъ собакъ...—сконфузился парень, точно облитый водою.—Время позднее, ну и...

— Чего меня провожать? Я не барышня. Вѣрно хочешь, чтобъ моя матка глаза тебѣ выцарапала? Нѣтъ, хлопче, за ласку твою спасибо, а приставать ко мнѣ лучше не думай!

И, не обернувшись ни разу, она быстро отошла отъ него и скоро скрылась совсѣмъ за ближайшею изгородью.

Какъ потерянный, стоялъ парень, провожая ее глазами.

— Господи! что же это со мной, навожденіе, что ли?—шептали его дрожащія губы. Онъ снялъ свою шляпу и набожно перекрестился нѣсколько разъ.—Должно быть, что навожденіе,—не даромъ мать ея вѣдьма!—догадался парень объяснить себѣ свой невольный порывъ.

Библиотека "Руниверс"

И, нѣсколько успокоенный такимъ простымъ объясненіемъ, онъ тряхнулъ кудрями и, посвистывая, направился къ дому, думая, что уже покончилъ со своимъ навожденіемъ.

Однако навожденье не кончилось. Цѣлую ночь прометался безъ сна парубокъ, видя предъ собой неотступно стройную и красивую дѣвушку, лежавшую у него на рукахъ; цѣлую ночь онъ слышалъ ея ласкающій голосъ и даже чувствовалъ трепетанье дѣвичьей груди у своихъ губъ и нѣжное щекотанье дѣвичьихъ косъ по лицу... Онъ поднялся съ постели разбитый, словно перенесшій какую болѣзнь; отъ ѣды, приготовленной ему матерью, наотрѣзъ отказался и, кинувъ работу, пошелъ безцѣльно бродить по селу, причемъ, неожиданно для себя самого, оказался на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила вчерашняя исторія; но тамъ онъ уже ничего не нашелъ, кромѣ отвратительнаго трупа дохлой собаки. Это какъ будто еще болѣе его опечалило, и, возвратившись уныло домой, онъ пробрался потихоньку въ сарай и бросился ничкомъ на свѣжее сѣно, гдѣ долго пролежалъ безъ движенія.

Въ слѣдующіе дни болѣзнь парня нисколько не проходила, а, напротивъ, развивалась все больше. Избѣгая взоровъ и разспросовъ семьи, онъ почти совсѣмъ отбился отъ дому и бродилъ по окрестностямъ безъ всякой цѣли, каждый разъ, однако, попадая къ пустырю надъ рѣкой, гдѣ стояла изба Шепелихи.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ позднею ночью онъ со страхомъ почувствовалъ вдругъ, какъ костистые, похожіе на когти пальцы впились ему въ плечи, и увидѣлъ прямо передъ собой косматую голову вѣдьмы и ея сверкавшіе, какъ свѣчи, глаза.

— Святъ, святъ, святъ!—воскликнулъ перепуганный парень.— Чего тебѣ надобно, тетка?

— Ты спасъ мою дочку отъ страшной смерти. Ты держалъ ее на рукахъ, ты говорилъ съ нею?..—задыхаясь шептала вѣдьма.

— Матерь Божія! А хотя бы и такъ,—неужели ты съѣсть меня хочешь за это?!

— Будешь счастливъ, будешь таланенъ, всего тебѣ будетъ, чего пожелаетъ душа твоя,—продолжала шептать старуха, впиваясь сильнѣе своими когтями въ плечо праня.—Только поклянись мнѣ отцомъ и матерью, вѣчнымъ спасеньемъ и сырою землею, что никогда больше не станешь встрѣчаться съ моею дочкою и говорить съ нею.

Парень успѣлъ немного оправиться и освободилъ свои плечи изъ рукъ старухи.

— Что ты, тетка, бѣлены, что ли, объѣлась?—сказалъ онъ.— Какъ же я тебѣ поклянусь, что не встрѣчусь съ твоею дочкою, когда мы ходимъ по одной улицѣ? А если спроситъ что, такъ бѣжать отъ нея, какъ отъ чорта, прикажешь? Ты иди-ка лучше домой да ложись себѣ спать, если только умѣешь спать по ночамъ!...

— Слушай!—продолжала зловѣще старуха:—не бѣлены я объѣ-

Библиотека "Руниверс"

лась, а погибели твоей не хочу. Охрани тебя сила нездѣшняя и подумать только о томъ, чтобы гоняться за моей дочкою! Если вздумаешь—то и самъ пропадешь, какъ собака, и родные твои всѣ перемрутъ, и весь домъ вашъ разсыплется прахомъ. И не будетъ вамъ спасенья ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, и костей вашихъ сама сырая земля не приметъ! Вотъ я все сказала тебѣ,—добавила она, сверкая глазами, и внезапно исчезла изъ виду.

— Ахъ, чтобы тебѣ языкъ твой поганый отсохъ!—бормоталъ оторопѣлый парень, въ то же время быстро осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.—Вишь чего насказала проклятая баба! А я думалъ, что она же и заколдовала меня. Да полно, есть ли какое колдовство на свѣтѣ? Софья Васильевна намъ говорила, что никакого колдовства нѣтъ, а только худые люди дураковъ этимъ обманываютъ; а она барышня разумная и правдивая... А хоть и не колдунья—такъ все-таки проклятая вѣдьма... Бѣдная моя Олеся, каково тебѣ жить съ такимъ чортомъ! Хоть бы увидѣть тебя одинъ разъ; хоть бы голосокъ твой сладкій послушать...

И парень съ растерзаннымъ сердцемъ тихо побрелъ къ дому, такъ какъ уже некуда было больше итти.

Для Олеси послѣднее приключеніе тоже не прошло даромъ. Возвратившись домой, она, по обыкновенію, все разсказала матери и тѣмъ вызвала со стороны послѣдней неожиданный ужасъ и гнѣвъ. Насказавъ дочери съ три короба разныхъ разностей про злобу людей вообще и молодыхъ мужчинъ въ особенности, старая Шепелиха приказала ей вовсе не отлучаться изъ дому, къ крайнему удивленію и огорченію дѣвушки. Подъ вліяніемъ вынужденнаго заключенія, обычная тоска ея разыгралась еще сильнѣе, тѣмъ болѣе, что къ ней примѣшалось какое-то новое болѣзненное и томящее чувство. Находясь въ забытьи, дѣвушка не помнила ни ласкъ, ни горячихъ поцѣлуевъ чужого парня; но, должно быть, послѣдніе остались у ней на губахъ, потому что образъ этого парня, помимо воли, постоянно всплывалъ у ней передъ глазами, и она испытывала при этомъ такую сладкую боль, точно кто вынималъ изъ нея душу. Не понимая, что такое съ ней происходитъ, дѣвушка, однако, чувствовала себя крайне несчастной, относя всецѣло то несчастье къ запрещенью матери выходить со двора.

— Ужъ лучше бы она похоронила меня живою!—думала съ отчаяніемъ дѣвушка и начала по ночамъ плакать.

По случаю сильныхъ жаровъ жатва окончилась очень рано, и все село стало готовиться къ наиболѣе веселому изъ своихъ праздниковъ, по мѣстному называемому «обжинками». Для празднованія этого дня на нивѣ наиболѣе почтеннаго домохозяина нарочно оставляли нѣсколько недожатаго хлѣба, который должны были въ самый праздникъ дожать особо освященными серпами двѣ красивѣйшія дѣвушки на селѣ. Изъ такихъ колосьевъ связывали гро-

Библиотека "Руниверс"

маднѣйшій снопъ, а, кромѣ того, еще и крестъ, которые, вмѣстѣ съ готовымъ хлѣбомъ и солью, представляли необходимые атрибуты этого праздника. Разумѣется, приглашали на поле священника для молебна, во время котораго снопъ и крестъ стояли на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, а затѣмъ разбирались дѣвушками по рукамъ и въ торжественной процессіи, съ веселыми, издавна сложенными на этотъ случай пѣснями, переносились въ село. Въ былое время такая процессія шла прямо на дворъ къ помѣщику, гдѣ оставляла свой снопъ и крестъ, получая взамѣнъ угощеніе; но уже давно помѣщики оскудѣли и всѣ разъѣхались, а занимавшіе ихъ мѣсто деревенскіе кулаки находили такой почетъ для себя слишкомъ убыточнымъ, почему атрибуты празднества крестьяне стали относить на церковный дворъ, а угощались уже на собственный счетъ, впрочемъ, все-таки устраивая игры и пляски до поздняго вечера.

И теперь все устроено было, какъ слѣдуетъ. Достали два дѣвственные серпа и пригласили о. Алексѣя съ причтомъ, который освятилъ серпы святою водой и отслужилъ молебенъ по чину. Какъ ни хотѣлось бы старой Шепелихѣ удержать дома свою Олесю, но сдѣлать этого она никакъ не могла; и Олеся, разрядившись на диво, съ сильно бьющимся радостью сердцемъ пошла на праздникъ вмѣстѣ съ прочимъ народомъ. Праздничный видъ и веселый говоръ народа подѣйствовалъ весьма благотворно на измученное сердечко невольной затворницы, и она уже было начала забывать свое горе; но бѣдной дѣвочкѣ очень хотѣлось, чтобы ей достался одинъ изъ освященныхъ серповъ, на что она имѣла полное право. Вотъ уже освятили серпы,—неужели не позовутъ ее? И дѣвушка съ глубокой печалью увидѣла, что на это дѣло назначены были другія, не имѣвшія десятой доли ея достоинствъ. Наконецъ молебенъ окончился; начали разбирать иконы и прочее для процессіи, и благодушный дьячокъ Вертихвистъ протянулъ хлѣбный крестъ Олесѣ. Радостно забилось сердце ея, и она благоговѣйно собралась принять освященный предметъ въ свои руки; но злая судьба и тутъ не захотѣла утѣшить ее, неожиданно выславъ на сцену врага въ лицѣ здоровенной и богатой вдовы, лавочницы Голендухи, про которую на селѣ говорили, что она не боится ни Бога, ни чорта, ни даже урядника.

— Что жъ вы это дѣлаете?—грозно окрысилась послѣдняя на дьячка.—Крестъ святой, а вы даете его, сами не зная кому. Это такъ не годится!

Священника уже не было, дьячокъ оторопѣлъ, а въ толпѣ, стоявшей вокругъ, никто не сказалъ слова, какъ бы выражая молчаливое одобреніе.

— Горпино, Горпино!—подозвала лавочница свою дочку, больше похожую на корову, чѣмъ на дѣвушку:—неси, мое сердце, ты крестъ!

Библиотека "Руниверс"

И, вырвавъ послѣдній изъ ослабѣвшихъ ручекъ Олеси, она передала его своей дочери.

Сердце разомъ оборвалось у бѣдной Олеси, точно кто вырвалъ его руками, и, закрывши лицо, она выбѣжала изъ толпы на поле, гдѣ упала на землю съ горькимъ рыданіемъ.

Съ этихъ поръ она стала хирѣть и чахнуть, и ходила сама не своя, во всемъ слушалась матери, за исключеніемъ лишь одного—повѣдать причину своей печали. Но старуха и безъ того все хорошо видѣла, и въ ея истомленной груди забушевали такое горе и злоба, что она готова была на самую страшную месть цѣлому свѣту и съ радостью, не шутя, продала бы свою грѣшную душу чорту, если бы это было только возможно.

IV.

— Послушай, Петро!—сказалъ разъ старый Описимъ Гарбузъ своему сыну, когда вся семья собралась за вечерей.—Съ тобою вышло что-то недоброе, а отъ отца ты это скрываешь... Что съ тобой сдѣлалось? Обокралъ или убилъ ты кого-нибудь?

— Нѣтъ, батько, напрасно ты говоришь это. Твой сынъ никогда ни воромъ, ни грабителемъ не былъ!—отвѣтилъ Петро, не подымая глазъ отъ стола.

— А когда такъ—то зачѣмъ же честному человѣку такъ печалиться?—не отставалъ отъ него отецъ.—Слава Богу, здоровъ ты, какъ быкъ, недостатковъ и горя у насъ никакихъ нѣту,—такъ съ чего же ты опустилъ голову, точно кнуръ, котораго собираются колоть подъ Рождество?

— Такъ, тату, чего-то сердце болитъ...

— Хе-хе-хе!—засмѣялся Гарбузъ:—это дѣло другое! Если сердце болитъ—такъ слѣдуетъ его полечить... Я, признаться, давно ужъ объ этомъ подумываю.

Парень встрепенулся и поблѣднѣлъ.

— Давно ужъ, давно,—продолжалъ старикъ:—да, по правдѣ сказать, ужъ кое-что и сдѣлалъ для этого, и со старымъ Козолупомъ мы говорили уже. Что жъ? Ничего, дѣвка добрая и работница будетъ хорошая, не похожа на своего брата, пріятеля твоего Грыцка.

— Помилуй, тату! Да вѣдь онъ христіанской крови по горло напился! Неужели ты захочешь родниться съ такимъ?!

— Такъ что жъ, что напился,—значитъ, голодать не придется. А тебѣ жить не съ нимъ, а съ Наталкою, она дѣвка добрая и степенная. Ну, если Козолупенковой ты не хочешь,—такъ у лавочницы Голендухи дочка есть... Вотъ ужъ правда, что дѣвка! На двоихъ годится, а тебѣ, дурню, одному достанется...

— Да ее, тату, и безъ того Козолупенковъ Грыцко съ урядни-

Библиотека "Руниверс"

комъ раздѣлили... можетъ, и еще кому что досталось... Нечего сказать, нашелъ дѣвку!

— Гм! Что-то я не слышалъ про это. А когда такъ, то мы тебѣ другую достанемъ. Да, вѣрно, уже самъ снюхался съ кѣмъ?—говори!

— Никого не нужно мнѣ, тату!

Старикъ внимательно посмотрѣлъ на сына.

— Никого не хочешь? Что жъ, въ монахи, что ли, итти собираешься? Дѣло доброе, и неволить тебя я не стану. Въ какой же монастырь мы поѣдемъ?

— Видно, батько, я крѣпко тебѣ надоѣлъ, что ты меня куда-нибудь сбыть торопишься! Развѣ я не работалъ, какъ слѣдуетъ, или согрубилъ тебѣ въ чемъ? За что ты погубить меня хочешь?

— Дурень ты—вотъ и все!—спокойно отвѣтилъ старикъ.—Не погубить тебя я хочу, а поправить. Подумай самъ, до чего ты дошелъ? А женишься—сейчасъ думка другая пойдетъ, и станешь ты родителямъ и всѣмъ добрымъ людямъ на утѣшенье. Чего ты, какъ дѣвка, голосишь передъ вѣнцомъ? Развѣ я тебѣ худое совѣтую?

— Нѣтъ, тату,—хоть убей, а жениться я не желаю,—отчаянно отбивался Петро.—Хочешь держать меня—такъ я во всемъ буду покоренъ тебѣ; а не хочешь—отпусти меня на заработки въ Одессу, а не то я и въ солдаты, пожалуй, согласенъ!—объявилъ въ конецъ разстроенный парень и вышелъ изъ-за стола.

Старуха-мать горько заплакала, а за нею и прочія бабы начали утирать слезы платками.

— Тю-тю, дурныя!—крикнулъ на нихъ старикъ:—чего это вы разревѣлись? Ничего нѣтъ такого, кромѣ того, что хлопецъ втюрился въ дѣвку, про которую пока сказать намъ не хочетъ. Кто же бы это такая?... Слушай, стара! Чѣмъ даромъ голосить по здоровомъ сынѣ, ты бы лучше выпытала у него, какая это шельма его такъ за сердце задѣла... Ишь, дурни, что выдумали,—передъ свадьбою плакать!

И старикъ энергично плюнулъ.

Въ это время въ одинокую избу Шепелихи, которую безъ крайней надобности всѣ обходили, пробиралась незванная и нежданная гостья. Это была учительница Софья Васильевна съ неизбѣжными своими принадлежностями: вѣчною накидкою, вѣчнымъ порыжѣлымъ зонтикомъ и небольшою книжечкою въ рукахъ. Войдя въ избу, она ласково поклонилась удивленной хозяйкѣ.

— Здравствуйте, Одарка!—спокойно сказала она.

Необходимо сказать, что, обучая Олесю, она узнала по паспорту настоящее христіанское имя вѣдьмы и только одна этимъ именемъ ее называла.

— Здравствуйте, барышня!—черезъ силу вымолвила непривычное ласковое слово старуха.—Зачѣмъ пожаловали? — тотчасъ же прибавила она по-своему, испытывая гостью своими злыми глазами.

Библиотека "Руниверс"

Учительница не обратила никакого вниманія на эти глаза и, какъ ни въ чемъ не бывало, опустилась на лавку. При этомъ она брезгливо оттолкнула ногою чернаго кота, вздумавшаго къ ней приласкаться. Не привыкшій къ подобному обращенію котъ злобно фыркнулъ и забился подъ печку.

— Гдѣ Олеся?—спросила она вмѣсто отвѣта.

— Лежитъ... промолвила со стономъ старуха.

— Такъ чему же вы удивляетесь, что я навѣстить больную пришла?—внушительно замѣтила гостья.—Видите, вы всѣхъ увѣряете, будто знаете, какъ лечить, а дочери своей не поможете. А помочь ей все-таки нужно... Эхъ, Одарка! Если бы я могла растопить ваше сердце, то, кажется, ничего бы не пожалѣла для этого; да, видно оно у васъ засохло совсѣмъ!

— Это, барышня, не ваше дѣло!—отвѣтила грубо старуха.

— Не мое дѣло, вы думаете? Вотъ то-то и есть, что мое! Ваша дочь страдаетъ, мнѣ необходимо надо помочь ей, и я пришла ее полечить. Чему вы удивляетесь?

— Ой, Боже жъ мой, Боже!—отчаянно закричала старуха.— Да я на кусочки бы самое себя изрѣзала для нея!

— Вотъ видите,—значитъ, я не даромъ пришла! Пустите же меня къ ней: я ее успокою и вылечу; а вамъ совѣтую не держать ее взаперти и вообще ни слова не говорить съ ней, пока она не поправится. Ну!

Оторопѣлая старуха посторонилась и сама отворила дверь въ каморку, гдѣ находилась больная дѣвушка.

Олеся лежала ничкомъ на покрытой постели и даже не шевельнулась, когда отворили къ ней дверь.

— Здравствуй, моя дѣвочка!—весело поздоровалась съ нею учительница:—а я тебѣ обѣщанную книжечку принесла.

При первыхъ звукахъ знакомаго голоса дѣвушка вскочила съ постели и, бросившись на грудь своей любимицы, залилась отчаянными слезами.

— Господь съ тобою, дѣвочка,—ласкала ее учительница.—Какъ не стыдно такъ разстраиваться по пустякамъ!

— Ахъ, барышня, голубушка вы моя! Ахъ, какъ сердце болитъ, силъ моихъ нѣту!—страстно рыдала Олеся, сжимая въ объятіяхъ свою гостью.

— Да что такое могло случиться? Ну, мать обидѣла,—такъ я поговорю съ твоей матерью и урезоню ее. А тебѣ грѣхъ такъ сильно печалиться и сердиться на мать: она любитъ тебя до безумія. Чего же ты такъ огорчаешься?

Но дѣвушка не отвѣчала ни на какіе вопросы и только горько рыдала. Учительница посадила ее на кровать и дала выплакаться; затѣмъ напоила ее водой и, поглаживая ее по волосамъ, присѣла возлѣ нея.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что, дурочка?—нѣжно сказала она:—признаешься теперь, о чемъ плакала?

— Скучно, барышня!—слукавила явно Олеся, отвернувъ свое личико въ сторону.

— Ахъ, ты какая! и не стыдно тебѣ?—посмотрѣла ей въ глаза Софья Васильевна.—Ну, чего ты скрываешься? Съ кѣмъ же тебѣ и подѣлиться своимъ горемъ, какъ не со мной. Что случилось? Побранила мать, или, можетъ быть, даже побила?

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Такъ что же такое?

Учительница сначала задумалась и вдругъ неожиданно разсмѣялась.

— Ахъ, ты разбойница! Ну, теперь и говорить мнѣ не нужно: ты влюблена?

Дѣвушка мигомъ вспыхнула, какъ кумачъ, и, соскользнувши съ постели на полъ, скрыла свое пылающее личико въ колѣняхъ своей собесѣдницы.

— Да, вотъ оно что!—протянула послѣдняя, причемъ улыбка у ней быстро исчезла.—Что жъ, моя дѣточка,—это со всѣми бываетъ.

— А съ вами... было?—прошептала едва слышно Олеся, не отрывая лица отъ колѣнъ.

При этомъ наивномъ вопросѣ твердая, какъ стальная пружина, учительница разомъ осунулась, и ея блѣдное лицо приняло выраженіе обиженнаго ребенка.

— Что тебѣ до меня!—хрипло вымолвила она, стараясь овладѣть собою какъ можно скорѣе:—дѣло не во мнѣ теперь, а въ тебѣ.

— Господи!—какъ же я узнаю что-нибудь, если вы ничего мнѣ не скажете?—продолжала шептать дѣвушка.

— Что же тебѣ сказать? Ужъ, конечно, обманывать тебя я не стану. Видишь, мой другъ, любовь вообще не радость, не счастье, какъ говорятъ о томъ люди, а тяжелая повинность, наложенная на насъ судьбой. Тяжела она сама по себѣ, а люди, неизвѣстно зачѣмъ, добавили къ ней еще такъ много ненужныхъ выдумокъ, что она превратилась въ настоящее горе. Но что жъ съ этимъ подѣлаешь? Самый лучшій исходъ—поскорѣй выйти за любимаго человѣка замужъ!

— Мама меня никогда не отдастъ; она говоритъ, что всѣ мужчины—звѣри лютые!...—печально вымолвила Олеся.

— Мало ли что она говоритъ! А ты, дѣточка, очень не убивайся. Станешь горевать да печалиться — здоровье себѣ разстроишь и красоту свою потеряешь, а это значитъ испортить дѣло совсѣмъ... Будь увѣрена, что я сдѣлаю все возможное, чтобы устроить твое счастье. А кто онъ такой?

— Петро... сынъ Онисима Гарбуза...—еле могла вымолвить дѣвушка, изо всѣхъ силъ стараясь провалиться сквозь землю.

Библиотека "Руниверс"

— Тотъ самый, что спасъ тебя отъ собаки? Да это настоящій романъ! Что жъ! Онъ парень хорошій, я его знаю; только отецъ черезчуръ крутъ у него... Ну, да это какъ-нибудь мы уладимъ!

Учительница еще долго сидѣла у дѣвушки, уговаривая ее и успокаивая, и наконецъ настолько успѣла ее утѣшить, что когда старая Шепелиха увидѣла свою дочку послѣ ея ухода, то не шутя готова была увѣровать, что барышня настоящая вѣдьма, до того измѣнилась чуть не умиравшая было Олеся.

Проходя при свѣтѣ вечерней зари мимо поповскаго сада, Софья Васильевна увидѣла самого о. Алексѣя, копавшагося въ этомъ саду, и, какъ будто что-то припомнивъ, остановилась въ раздумьи. Но зоркій глазъ стараго священника уже замѣтилъ ее и ея колебаніе.

— Не сомнѣвайтесь, не сомнѣвайтесь, честная мать, а лучше прямо входите. Къ чему безплодныя колебанія!—крикнулъ онъ ей своимъ богатырскимъ голосомъ.

— Да я, батюшка, боялась обезпокоить...

— Обезпокоить? Это точно, что вы меня безпокоите,—разсмѣялся священникъ.—Какъ же не безпокоиться? Пока васъ нѣтъ,—я самъ себѣ кажусь порядочнымъ человѣкомъ; а войдете вы—и я не что иное, какъ старый, нераскаянный грѣшникъ. Вотъ и теперь вижу, что вы не то меня обличите, не то потребуете чего-либо такого, чего, по немощамъ моимъ, я сдѣлать не въ состояніи. Вѣдь правда?

— Нѣтъ, батюшка, я и думать объ этомъ не смѣю; а дѣйствительно хотѣла поговорить съ вами,—сказала учительница.

— Поговорить!... какая польза отъ разговора? То-то и бѣда, что говоримъ мы много, а дѣлаемъ до крайности мало. Впрочемъ, что жъ? пожалуйте—поговоримъ!

И священникъ повелъ свою гостью въ покои.

— Я желала бы, батюшка,—начала сразу послѣдняя,—продолжить нашъ разговоръ о Шепелихиной дочери. Хотя вы оспаривали меня тогда, но въ главномъ мы, кажется, согласились. Теперь остается только это устроить...

— Не понимаю. Говорите, ради Бога, яснѣе.

— Вы говорили, выдать Олесю замужъ...

— Да, говорилъ.

— Ну, вотъ, она полюбила хорошаго парня, и парень, какъ оказалось, тоже не прочь отъ нея...

— Что жъ? Значитъ, будемъ вѣнчать!

— Что вы, батюшка, да развѣ это легко?!

— Повѣнчать-то? Ужъ, кажется, на что легче!

— Батюшка, батюшка!—съ укоромъ покачала головой учительница.

— Не говорилъ ли я, что вы меня обличать станете, а за что?—развелъ руками священникъ.—Хоть и отецъ я духовный, но не

Библиотека "Руниверс"

могу же я въ душу каждому влѣзть и во всѣхъ ихнихъ дѣлахъ разобраться. Конечно, я понимаю, что при репутаціи ея матери могутъ оказаться препятствія къ браку, но чѣмъ же я виноватъ? Наконецъ, въ данномъ случаѣ и вы можете ошибиться: народъ нашъ слабъ, и деньги для него весьма многое значатъ... А кто же женихъ?

— Сынъ Онисима Гарбуза.

— Ну, матушка,—сказалъ печально священникъ:—напрасно было тогда и начинать разговоръ. Здѣсь, не только что я, а и преосвященный самъ не поможетъ. Развѣ вы не знаете этого человѣка?

— Что жъ дѣлать, батюшка?—заломила руки учительница.— Поймите, что это не простая деревенская дѣвка, и условія, при которыхъ она живетъ, не обыденныя. Неудача будетъ смертнымъ для нея приговоромъ,—какъ же можемъ мы оставаться равнодушными къ этому?

Священникъ строго посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

— Сударыня!—сказалъ онъ.—Вы твердо вѣруете въ свои идеалы; дозвольте жъ и мнѣ вѣрить ученію церкви, въ коемъ я съ дѣтства воспитанъ и держусь коего неотъемлено. А по сему ученію плохой христіанинъ и ничтожный человѣкъ тотъ, кто придаетъ такое преувеличенное значеніе плотской любви. Знаете, какъ женился я самъ? Я увидѣлъ свою невѣсту только лишь подъ вѣнцомъ! А слава Богу, живемъ уже сорокъ лѣтъ согласно и дружно, отнюдь не позоря другъ друга, какъ нѣкоторые поборники идеальной любви. Всѣ мы грѣшны, милая барышня, и этого передѣлать нельзя; однако и твердость душевная во многихъ случаяхъ необходима. А теперь чуть что не по нраву—и крайнія мѣры сейчасъ... Сочувствовать подобной распущенности никакъ невозможно.

— Но какъ же, батюшка? Жалко вѣдь, до слезъ жалко!

— А мнѣ, думаете вы, не жалко? Насчетъ Шепелихи я много дурного предвидѣлъ и говорилъ объ этомъ съ кѣмъ слѣдуетъ... Но рѣшенья никакого не вышло. Да и какъ порѣшить? Неужели вы полагаете, что дѣвушка станетъ счастлива, если мать ея посадятъ въ тюрьму? А иного воздѣйствія я не знаю.

— Хорошо, батюшка, я не стану входить въ философскіе споры, но сердцемъ чувствую, что нельзя сидѣть сложа руки, видя несчастье ближнихъ. Пусть даже всѣ усилія наши будутъ напрасны, но, видя зло, необходимо что-нибудь сдѣлать. Хоть попытаться только, хоть попробовать, наконецъ!—настаивала учительница.

— Попробовать? А что, если ваша неосмотрительная попытка принесетъ на дѣлѣ еще худшее зло? Вы думаете, этого не бываетъ? Ну, хорошо. Согласно вашему желанію—мы попробуемъ!

Библиотека "Руниверс"

V.

Въ первое же воскресенье о. Алексѣй выступилъ съ громовою проповѣдью, на тему о евангельской жизни. «Какая польза называть себя христіанами—говорилъ онъ,—не имѣя живой вѣры во Христа и не исполняя Его заповѣдей? Не говорю уже объ истинно христіанской жизни, потому что ложь, жадность, ненависть и вообще всѣ семь смертныхъ грѣховъ окончательно покорили слабыя души ваши; но вы даже и не вѣруете во Христа, такъ какъ если бы вы имѣли въ Него живую вѣру, то искали бы Его всѣми силами, надѣялись бы на Его великую благость и прибѣгали бы къ ней во всѣхъ затрудненіяхъ вашей временной жизни. Но вмѣсто того вы ищете знахарей и гадалокъ и, какъ бы окончательно усомнившись во всемогуществѣ Божіемъ, ожидаете себѣ помощи отъ этихъ жалкихъ людей, не находя, разумѣется, ничего, кромѣ обмана.

«Не знаю, братіе, что васъ болѣе удручаетъ, — продолжалъ свою проповѣдь о. Алексѣй:—темнота ваша духовная или сердечная; потому что, имѣй вы въ сердцѣ любовь, которой только и требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей,—вамъ не нужно бы было никакихъ высокихъ познаній для того, чтобы быть благодушными и счастливыми. Но любви такой у васъ нѣтъ: вы злобствуете и всячески огорчаете другъ друга и тѣмъ нарушаете свое спокойствіе и довольство. Подумайте же, братіе, о всемъ сказанномъ мною, очистите и смягчите ваши сердца, а главное, постарайтесь на дѣлѣ исполнить то обѣщаніе, которое ежедневно даете въ молитвѣ Господней».

Батюшка закончилъ въ глубокомъ волненіи; но большинство прихожанъ отнеслось къ этой проповѣди такъ же, какъ и ко всему прочему читаемому въ церкви, то-есть съ полнѣйшимъ безучастіемъ.

— Ну, ужъ и батюшка нашъ сегодня!—разсуждалъ за обѣдомъ старый Гарбузъ.—Выдумалъ проповѣдывать, что колдовства нѣтъ; а самъ же и говоритъ, что особыя молитвы для этого полагаются... Видно, уже послѣднія времена приходятъ, что священники въ церкви противъ устава церковнаго проповѣдуютъ. А еще старикъ, точно онъ не жилъ на свѣтѣ!.. Какъ же это нѣтъ колдовства? Попробовалъ бы онъ связаться хоть съ нашей Шепелихой, такъ узналъ бы, какъ по новому разговаривать. Однако же не трогаетъ ея,—видно, боится, а намъ совѣтуетъ ее не дарить... Не мы даримъ, а нужда наша даритъ! Если бы не нужда—какой бы чортъ ее чѣмъ подарилъ,—развѣ дубиною по затылку... Нѣ-э-тъ! Я уже лучше заплачу что-нибудь, да буду спокоенъ.

— Какъ же тату? Священникъ лучше знаетъ, что говоритъ!—робко отозвался Петро.

Библиотека "Руниверс"

— Ишь, какой ты разумный! Прежде, сынку, и вправду такъ было; а теперь ужъ никто не знаетъ, что говоритъ...

— А вотъ и барышня наша, Софья Васильевна. Она также намъ говорила, что колдовства нѣтъ. А она такая справедливая, чуть не святая.

— Много знаетъ твоя Софья Васильевна! Извѣстно, барышнямъ вѣрить теперь не полагается... Хоть и святая она, по твоему, а, пожалуй, и въ Бога не вѣритъ. А ты, сынку, не барышень, а лучше старыхъ людей послушай!

— Нѣтъ, тату, никогда я не повѣрю тому, чтобы простая баба могла помыкать міромъ Божіимъ: это все глупости!

— Какъ себѣ хочешь—не вѣрь. Да чего ты такъ вступился за вѣдьму?—разсмѣялся старикъ.—Ужъ не думаешь ли къ ея дочкѣ присвататься?

Старикъ не докончилъ. При послѣднихъ словахъ смертельная блѣдность покрыла лицо его сына, внезапно задрожавшаго, какъ уличненый преступникъ. Всѣ глядѣли на него со страхомъ и удивленіемъ.

— Что жъ ты, сынку, точно Каинъ, дрожишь?—заговорилъ старикъ послѣ продолжительнаго молчанія.—Неужели и вправду что есть такое?...

Петро не отвѣтилъ и блѣднѣлъ все больше.

— Да не можетъ же быть! Какъ же ты рѣшился взять такой грѣхъ на душу, чтобы спутаться съ проклятою шлюхою?!

— Она, тату, не шлюха; а честнѣе и лучше нѣтъ дѣвушки въ цѣломъ свѣтѣ!—рѣшился наконецъ отвѣтить Петро.

— Вотъ какъ! Такъ ты, значитъ, не шутя съ проклятою вѣдьмою связался? То-то я смотрю, что парень, какъ дѣвка, отъ вѣнца бѣгаетъ,—а это онъ жениться собрался! На вѣдьминой дочкѣ! на бродягѣ безъ роду и племени! на придорожномъ поганомъ выродкѣ! Спасибо, сынку,—утѣшилъ меня на старости лѣтъ! Да кто же позволитъ тебѣ покрыть такимъ позоромъ нашу честную семью? Нѣтъ, сынку, не будетъ сего: скорѣе я убью тебя собственными руками, чѣмъ попущу такой срамъ!

Старикъ ударилъ кулакомъ по столу; бабы завыли, а Петро выбрался изъ-за стола еле живой и, прибѣжавши, по обыкновенію, въ сарай, зарылъ свою побѣдную голову въ сѣно.

На другой день старый Гарбузъ объявилъ, что ѣдетъ въ городъ по дѣлу. Его собрали и проводили, послѣ чего вся семья ходила, точно потерянная, какъ бы ожидая большого несчастья. Старикъ возвратился только на третій день, и по его виду сразу всѣ догадались, что теперь на него нашелъ такой стихъ, при которомъ оставалось одно: молчать и повиноваться. Онъ тотчасъ же потребовалъ къ себѣ старшаго сына.

— Ну, сынку,—сказалъ онъ тономъ, не допускающимъ никакихъ

Библиотека "Руниверс"

возраженій:—собирайся: нанялъ я тебя на пять лѣтъ на заводы въ Одессу. И контрактъ уже подписалъ. Хочешь—поѣзжай честью, какъ доброму христіанину слѣдуетъ; а не хочешь—такъ хоть въ бродяги бѣги. Все же мнѣ будетъ легче, чѣмъ тотъ позоръ, что ты хотѣлъ навести на мою сѣдую голову. Не пойдешь самъ—все равно стражники приведутъ...

Петро стоялъ, какъ ведомый на казнь, но не промолвилъ ни одного слова.

— Не можно, сынку, не можно!—сказалъ тронутый его молчаніемъ отецъ.—Лучше живому въ могилу лечь, чѣмъ такъ свою честь опозорить!

Невозможно передать причитаній и горькихъ слезъ, которыя пролила семья Гарбуза, собирая Петра въ Одессу. Старуха-мать еле двигалась съ горя, а, наконецъ, и вовсе слегла, подавъ этимъ поводъ къ еще горшему плачу. Не плакалъ только самъ виновникъ всей кутерьмы, а относился ко всему окружающему, включая и собственную поѣздку, какъ къ чему-то вовсе до него не касающемуся. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ прощаній, оховъ и слезъ отецъ съ сыномъ сѣли въ телѣжку, и послѣдняя покатила по направленію къ городу, унося съ собою все возможное счастье Олеси.

Съ этого дня она не вставала съ постели. Возлѣ нея неотступно ухаживала Софья Васильевна, по требованію которой была привезена изъ города фельдшерица. Старая Шепелиха совсѣмъ измучилась; она сдѣлалась кротка, какъ ягненокъ, во всемъ повиновалась учительницѣ, а на дочь свою глядѣла съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго у всѣхъ сердце сжималось. Каждый день навѣщать больную приходило множество дѣвокъ и бабъ главнымъ образомъ, не могшихъ удержать своего любопытства. Фельдшерица возстала было противъ такихъ посѣщеній, но ее удержала Софья Васильевна, видя, какъ радуется больная приходу людей, не считая уже себя больше отверженной. О колдовствѣ Шепелихи, не могшей помочь родной дочери, какъ будто, всѣ забыли.

Въ одно ясное утро дѣвушка почувствовала себя значительно лучше и попросила надѣть на нее праздничное платье и убрать ее монистами и цвѣтами. А когда это исполнили—пожелала остаться наединѣ со своей барышней.

— Милая моя барышня,—схватила она ее тотчасъ же за руку, какъ только вышелъ послѣдній свидѣтель:—скажите мнѣ: вы вѣрите въ Бога?

— Какой глупый вопросъ, моя дѣвочка! Кто же рѣшится сказать, что не вѣритъ въ Него?—отвѣтила учительница словами Фауста.

— Такъ, значитъ, и въ будущую жизнь вѣрите?—жадно допытывалась больная.

Учительница пріостановилась.

Библиотека "Руниверс"

— Что я могу знать, милая!—сказала она:—ты бы лучше объ этомъ съ отцомъ Алексѣемъ поговорила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я съ нимъ не хочу,—онъ на это разсердится. Я хочу съ вами... Такъ скажите: вѣдь душа не умретъ? Не можетъ же быть, чтобы такъ все осталось!

— Не знаю, голубка моя.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы знаете, да только сказать не хотите. И я знаю, почему это: это затѣмъ, чтобы о Петрѣ я не думала... потому, что я съ нимъ не вѣнчана и въ раю намъ быть вмѣстѣ нельзя. А развѣ Христосъ не можетъ повѣнчать насъ?

— Конечно, можетъ, дѣточка!

— Вотъ, я такъ и думала!—весело вскричала Олеся.—Вѣдь Онъ добрый,—какъ же ему не пожалѣть насъ? Знаете, барышня, какъ увижу Христа,—такъ сейчасъ кинусь передъ нимъ на колѣни, стану просить, чтобы Онъ далъ мнѣ живой воды для моего сердца, потому что оно очень болитъ... А потомъ еще буду крѣпко просить, чтобы Онъ послалъ вамъ на землю всякаго счастья... Вы какого счастья хотите?

Горькая улыбка искривила блѣдныя губы учительницы:

— Не могу сказать тебѣ, дѣточка, потому что сама не знаю еще. Подожди лѣтъ сорокъ,—можетъ быть, я надумаю...

Личико дѣвушки приняло огорченное выраженіе:

— Вы смѣетесь надо мной, барышня,—мнѣ сейчасъ надо итти!—увѣренно сказала она.

— Полно, голубка моя,—успокаивала ее учительница:—кто можетъ знать часъ своей смерти? Ты еще поправишься и будешь счастлива замужемъ. Не грѣши понапрасну!

— Нѣтъ, я знаю, я знаю!

— Ну, какъ хочешь, а я не могу продолжать такой разговоръ: онъ слишкомъ тебя разстраиваетъ.

И, отворивъ дверь, она кликнула фельдшерицу.

Къ вечеру больной сдѣлалось хуже. Она металась и бредила, видимо, воображая себя маленькой дѣвочкой, бредущею съ матерью изъ города по жарѣ.

— Ахъ, какъ душно, какъ тошно кругомъ,—восклицала она непрерывно:—хоть бы капельку мнѣ отдохнуть! Ахъ, какая ты недобрая, мама! Корочки мнѣ не даешь, водички не даешь, а говоришь—нужно итти... а у меня ножки болятъ и сердце, сердце!... Хоть бы кто-нибудь намъ помогъ, но кругомъ ни одной христіанской души не видно... Гдѣ же Бозя, который намъ прежде корочки посылалъ? Сдѣлай милость, позови Его,—Ему, вѣрно, не слышно... Скажи Ему, что мнѣ только одну... одну сладкую корочку—и больше просить я не буду... Ахъ, Боже мой—никого нѣтъ! Гдѣ же это вы всѣ?..

Дѣвушка простирала къ кому-то руки и какъ будто кого-то

Библиотека "Руниверс"

искала; но руки ея захватывали одинъ лишь воздухъ, и она со стономъ опрокидывалась на постель.

Черезъ нѣсколько часовъ Олеся пришла въ себя и попросила напиться. Она была настолько блѣдна и слаба, что учительница повѣрила ея близкой смерти и, желая доставить ей послѣднее утѣшеніе, побѣжала сама къ о. Алексѣю, прося его поскорѣе напутствовать дѣвушку.

Олесю они нашли приподнятою на постели, но такой истомленной и слабой и съ выраженіемъ такого неземного спокойствія на лицѣ, которое ясно показывало, что для этого хрупкаго существа въ настоящемъ мірѣ уже ничего не осталось.

— Вотъ, дочь моя,—началъ о. Алексѣй:—самъ Христосъ посѣтилъ тебя...

— Какъ же, батюшка, какъ же!—оживленно перебила дѣвушка:—приходилъ и живой воды мнѣ принесъ... А я и говорю Ему: Господи, какъ долго я Тебя дожидалась! Хорошо, что Ты пришелъ наконецъ, а то бы я не вынесла больше... А теперь хорошо мнѣ: уже ничего не болитъ.

О. Алексѣй крайне смутился такимъ заявленіемъ и не зналъ, что на это отвѣтить. Въ своемъ смущеніи онъ взглянулъ въ передній уголъ, ища образовъ, но оттуда торчало крыло какой-то черной птицы. Священникъ плюнулъ и перекрестился.

— Хорошо, дочь моя,—наконецъ, собрался онъ съ духомъ:—теперь тебѣ надо исповѣдаться Господу Нашему Іисусу.

— Зачѣмъ, батюшка? Я уже давно Ему все разсказала. А Онъ улыбнулся такъ ясно и говоритъ: «Не бойся, теперь тебѣ ничего больше не нужно»! И правда, батюшка, правда,—ничего мнѣ не нужно теперь.

Однако она исповѣдалась и пріобщилась по чину.

— Скажи, дочка, можетъ ты что передать кому хочешь,—такъ я съ удовольствіемъ...—нагнулся послѣ причастія къ дѣвушкѣ о. Алексѣй.

— Ничего, батюшка, Христосъ все устроитъ!

— Можетъ быть, этому, какъ его... изъ-за котораго ты страдала такъ сильно...

— Петру-то?—улыбнулась спокойно Олеся:—да вѣдь я его и не знала совсѣмъ! Нѣтъ, батюшка: Христосъ сказалъ мнѣ, что это одинъ обманъ и что на небѣ ничего мнѣ нужно не будетъ...

— Ну, такъ Христосъ же съ тобою!—промолвилъ священникъ, осѣняя ее крестнымъ знаменіемъ.— Ты права, дочка: Онъ и дѣйствительно лучше насъ знаетъ, что кому нужно.

И, завернувъ св. Дары, о. Алексѣй ушелъ не оглядываясь.

Къ утру Олеси не стало. Софья Васильевна, за послѣднее время окончательно замѣнившая ей родную мать, приказала выбросить изъ передняго угла дурацкія крылья и, поставивши вмѣсто нихъ

Библиотека "Руниверс"

образа, убѣдила отца Алексѣя отслужить панихиду. На панихиду собралось народу великое множество, и многіе плакали отъ души по безвременно погибшей дѣвушкѣ, которую погубила ихъ же глупость и злоба. Только старая Шепелиха, о которой почти всѣ забыли теперь, и не думала плакать, а вела себя такъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Когда Олесю прибрали, она пораскрыла свои многочисленные сундуки и стала заботливо выбирать самые дорогіе уборы, чтобы нарядить свою дочь. Принесли гробъ, положили въ него разряженную Олесю и всю покрыли живыми цвѣтами. Шепелиха казалась очень довольной такимъ убранствомъ и все время не отходила отъ покойницы, нашептывая ей что-то на ухо. Но вотъ пришли четыре парня и взялись за гробъ, чтобы перенести его въ церковь. Старуха засверкала глазами и вскочила, какъ бѣшеная.

— Куда? не пущу!—яростно закричала она.

Въ толпѣ, пришедшей на похороны, произошла суматоха. Многіе бросились къ гробу, чтобы оттащить отъ него старуху, но послѣдняя закоченѣла, уцѣпившись за него своими высохшими руками; а когда начали ее отрывать,—стала царапаться и кусаться. Два дюжіе парня, однако, успѣли схватить ее за руки, и гробъ подняли на плечи.

— Ой!... взвизгнула Шепелиха отчаянно, точно кто ударилъ ее ножомъ.—Ой!—не берите! Зачѣмъ проклятые звѣри берете мою ненаглядную доченьку? Кто вамъ позволилъ издѣваться надъ нею?!

Гробъ продолжали нести.

— Кабала! Шебала!—закричала совсѣмъ обезумѣвшая старуха.—Собирайтесь сюда, всѣ черти косматые! Собирайтесь, упыри, вѣдьмы и лѣшіе! Бѣги сюда, самъ старый чортъ сатана! Выручайте мою Олесю!

Вся толпа задрожала отъ этихъ криковъ, и несшіе чуть не бросили гробъ. Но на помощь подоспѣла Софья Васильевна.

— Какъ вамъ не стыдно бояться сумашедшей старухи!—прикрикнула она на толпу.—Въ Бога вы, что ли, не вѣрите? Уносите ее скорѣе отсюда!

Окрикъ подѣйствовалъ, и гробъ кое-какъ вынесли изъ избы.

Съ нечеловѣческою силою вырвалась Шепелиха изъ рукъ и снова появилась передъ народомъ.

— Такъ будьте же вы всѣ прокляты на вѣки вѣковъ!—закричала она съ пѣной у рта, вытягивая впередъ свои сухія руки къ толпѣ.—Чтобъ вамъ всѣмъ въ тартарары провалиться! Чтобъ вамъ ни матери, ни отца, ни свѣта небеснаго не увидѣть! Чтобъ у васъ руки и ноги посохли! Чтобъ васъ живыхъ земля проглотила! Погодите: будетъ вамъ, будетъ! Нашлю на васъ громы небесные и недородъ лютый, и болѣзни лихія, и немочь черную! Будьте вы прокляты, прокляты!

Библиотека "Руниверс"

Доселѣ совершенно спокойный народъ вздрогнулъ, какъ одинъ человѣкъ, и заволновался, какъ при великомъ общественномъ бѣдствіи. Женщины и дѣти подняли крикъ и бросилась врассыпную, а изъ толпы мужчинъ послышались страшныя угрозы тотчасъ же схватить и сжечь вѣдьму живьемъ. Еще минута, и угроза была бы приведена въ исполненіе. Растерзанная и покрытая потомъ и пылью Софья Васильевна металась въ толпѣ, какъ птица по клѣткѣ, умоляя и упрашивая одного и хватая за руки другого. Благодаря ли ея усиленному вмѣшательству, или по какимъ другимъ причинамъ, но толпа разошлась, на сей разъ не учинивъ злодѣянія, а гробъ кое-какъ удалось доставить до церкви.

— Господи!—подняла къ небу свои исцарапанныя руки учительница:—видишь ли Ты все это?! И если видишь, то какъ можешь Ты допускать столько ни къ чему ненужнаго горя на свѣтѣ!

VI.

Олесю похоронили, противъ обыкновенія, почти при полномъ безлюдьи. Кромѣ о. Алексѣя съ причтомъ, Софьи Васильевны да нѣсколькихъ человѣкъ носильщиковъ, на похоронахъ ея никого не было. Никто не поплакалъ надъ могилою дѣвушки, что въ этомъ краю считается большимъ несчастьемъ, хотя покойникъ, разумѣется, никакого плача не слышитъ. У учительницы сильно болѣло сердце, словно она хоронила родную дочь, но плакать она была не мастерица; что же касается до родной матери, то на похоронахъ она вовсе отсутствовала и послѣ извѣстной сцены при выносѣ совершенно исчезла изъ виду. Одни говорили, что она убѣжала въ лѣсъ, другіе—будто уѣхала въ городъ; однако позднею ночью запоздалые христіане иногда видѣли таинственный свѣтъ въ одинокой избѣ и усердно крестились, со страхомъ воображая, что тамъ происходитъ. Скоро всѣ забыли какъ о матери, такъ и о дочкѣ, и село зажило своей обычной жизнью.

Наступила зима, но снѣгу нападало очень мало и надежды на будущій урожай оказались плохія. Невзирая на то, великій праздникъ отпразднованъ былъ всѣми мѣстными жителями, какъ полагается въ честномъ христіанскомъ селѣ. Въ каждой сколько-нибудь достаточной семьѣ непремѣнно кололи кабана къ Рождеству, кормленнаго, полукормленнаго или даже вовсе не кормленнаго,—но кабанъ являлся необходимою принадлежностью, безъ которой и праздникъ былъ не въ праздникъ. Осмоливши тушу, какъ полагается, на огнѣ, кабана клали на самый большой столъ, къ которому собиралася вся семья. Хозяинъ семьи вооружался большимъ ножомъ, набожно крестился на образа, а затѣмъ, по установленнымъ еще отъ прадѣдовъ правиламъ, начиналъ выкраивать и снимать толстыя полосы сала, которыя прочими членами семьи тутъ же разрѣзывались

Библиотека "Руниверс"

на куски и укладывались, пересыпанныя солью, въ нутряной сальный мѣшокъ, вынутый изъ того же самаго кабана, послѣ чего этотъ мѣшокъ перевязывали веревками и подвѣшивали къ потолку на всеобщую пользу. Съ приготовленіемъ этого традиціоннаго, можно сказать, священнаго мѣстнаго кушанья, обязанности хозяина дома кончались, а къ столу подбѣгала цѣлая куча бабъ, начиная рѣзать, крошить и толочь мясо для цѣлой сотни всевозможнаго рода колбасы, которыми и доселѣ славится этотъ край. И недаромъ кабанъ являлся необходимою принадлежностью праздника: чего-чего не извлекалось только изъ этой драгоцѣнной, хотя и грязной скотины! Сало, свинина, колбасы, «свиняча голова до хрѣну», воспѣтая Котляревскимъ въ знаменитой его «Энеидѣ», свиныя ноги для студня,—словомъ, и пересчитать всего невозможно!..

Въ день праздника всѣ надѣли свои лучшія платья и чинно отправились въ церковь, а затѣмъ стали мирно разговляться въ кругу семьи заранѣе приготовленными лакомствами. Только церковному причту на этотъ день не было настоящаго отдыха: они должны были по цѣлымъ днямъ ходить по домамъ «славить Христа», за что получали, конечно, извѣстную мзду; но все же день Рождества выходилъ для нихъ днемъ рабочимъ... Прочіе, разумѣется, отдыхали, переваривая непривычныя кушанья, а къ вечеру молодежь собиралась на игры. Послѣднія были весьма незатѣйливы: пѣли пѣсни, танцовали въ избахъ, а то и прямо на снѣжной улицѣ и катались по замерзшимъ лужамъ на собственныхъ сапогахъ и ногахъ, подзадоривая и толкая другъ друга. Но всѣмъ было весело...

Старинныя колядки, столь поэтично описанныя Гоголемъ въ его малороссійскихъ разсказахъ, теперь почти совсѣмъ уже вывелись, и взрослые больше въ нихъ не участвуютъ. Правда, мальчишки бѣгали и теперь по селу съ фонарями, долженствовавшими изображать символическую звѣзду, и картинками, вырѣзанными изъ дешевыхъ изданій, часто не имѣвшихъ никакого отношенія къ празднику. Но это были только отдаленные отзвуки прежняго поэтическаго быта, почти совершенно исчезнувшаго среди всеобщей нивеллировки.

Проводивъ Рождество, люди стали дожидаться масленицы, а потомъ Пасхи; а въ промежуткахъ работали, ссорились, мирились, и даже дрались между собою, заботясь только лишь объ одномъ,—чтобы побольше прибрать къ своимъ рукамъ какого-либо имущества, словомъ, все шло, какъ всегда, но въ воздухѣ уже чуялось что-то зловѣщее. Сильные морозы, при недостаткѣ снѣга, помѣшали вырасти травамъ весной, и деревенскій скотъ началъ сперва голодать, а потомъ и падать. Бабы завыли по всему селу, оплакивая безвременную погибель своихъ кормильцевъ; однако это было еще только начало; весною, когда хлѣбъ долженъ былъ наливаться,—дожди прекратились почти окончательно, что уже угрожало настоящею

Библиотека "Руниверс"

голодовкою. Всѣ запечалились и нахмурились, и деревенскія пѣсни, распѣваемыя въ лѣтнюю пору чуть не съ утра до вечера въ этомъ краю, совершенно замолкли. Собирался нѣсколько разъ сельскій сходъ и порѣшилъ пригласить для молебна о ниспосланіи дождя о. Алексѣя съ причтомъ. О. Алексѣй ихъ желанье исполнилъ, но засуха не прекращалась. Сходъ покрутилъ головами и уже собрался было снова посылать къ священнику съ просьбою поискать, нѣтъ ли у него какихъ особыхъ молитвъ для подобнаго случая,—но тутъ неожиданно выступилъ изъ толпы старый Онисимъ Гарбузъ.

— Напрасно будете только трепать языки, панове!—обратился онъ къ сходу со свойственной ему образностью рѣчи.—Если бы можно было, такъ Господь и простыхъ нашихъ молитвъ бы послушалъ,—а, вотъ, выходитъ, нельзя! А знаете почему нельзя? То-то и я говорю, что не знаете,—видно, врагъ засыпалъ пескомъ вамъ глаза и заткнулъ пробкою уши. Развѣ забыли, что на нашемъ селѣ уже сколько лѣтъ живетъ окаянная вѣдьма? То она портила по одиночкѣ людей, а теперь разсердилась разомъ на все село и ловитъ и разгоняетъ каждый день тучи. Что же вамъ о. Алексѣй тутъ поможетъ?

Толпа зароптала, какъ море во время бури.

Вѣрилъ ли самъ старый Онисимъ тому, о чемъ говорилъ съ такою увѣренностью,—неизвѣстно, но народъ сразу повѣрилъ. Тотчасъ же стали припоминать на этотъ счетъ разные слухи, о которыхъ раньше даже не думали,—и чего только тутъ не припомнили! У одного хозяина вѣдьма сглазила дѣвочку, у другого—теленка. Молодая жена стараго казака Выдыбайла пошла къ ней за лекарствомъ для своего мужа, а тотъ какъ попробовалъ, такъ на другой же день Богу душу отдалъ. Многіе видѣли, какъ вѣдьма выдаивала у коровъ молоко, а нашлись и такіе, которые видѣли ее стоявшею на пригоркѣ и махавшею руками на тучи, послѣ чего тучи немедленно расходились; а это уже явное доказательство, что никто иной, какъ она, мѣшаетъ дождю и дѣлаетъ засуху. Воображенье толпы разыгралось до послѣднихъ предѣловъ.

Разъ была найдена истинная виновница всякихъ бѣдствій, то оставалось только распорядиться съ нею, но какъ? «Выселить проклятую вѣдьму,—предлагали на сходѣ:—а то просто спалить; тогда и о. Алексѣя безпокоить не нужно будетъ!..» Но палить вѣдьму крестьяне пока не рѣшались; что же касается выселенія, то и въ этомъ потерпѣли полную неудачу. Пріѣхалъ волостной писарь и объяснилъ, что въ силу ранѣе составленнаго приговора Шепелиха выселенію не подлежитъ, что изба и поле, неотъемлемая ея частная собственность, не подлежатъ вѣдѣнію крестьянскаго общества и потому отняты у нея ни въ какомъ случаѣ быть не могутъ; если же крестьяне чѣмъ-либо ею обижены или знаютъ за нею какое-нибудь преступленіе, то они могутъ заявить объ этомъ суду.

Библиотека "Руниверс"

Выслушавъ такое объясненіе, мужики разомъ махнули рукою и тотчасъ же разошлись; но броженіе не утихало, и крестьяне продолжали точить зубы на вѣдьму, видя въ ней единственную причину всѣхъ своихъ неудачъ, до проигрыша въ орлянку и пьянства включительно. Разумѣется, такое положеніе дѣлъ, продолжшавееся уже нѣсколько мѣсяцевъ, могло продолжаться и еще столько же и не разрѣшиться ничѣмъ, но роковая судьба, творящая исторію невѣдомыми намъ путями, на сей разъ захотѣла совершить трагическое проишествіе; и, какъ она всегда выбираетъ изъ темной среды героевъ для своихъ цѣлей, такъ и теперь выбрала Остапа Черногуза.

Остапъ Черногузъ былъ низкорослый, плюгавый мужиченко лѣтъ тридцати, владѣвшій ничтожной избенкой, четырьмя десятинами земли и довольно большимъ семействомъ, которое, повидимому, сильно любилъ. Все это было бы весьма хорошо; но на содержаніе любимой семьи нужны были средства, а ихъ у Остапа почти никогда не хватало. И вотъ Черногузъ, подражая своему тезкѣ[1]), бродившему по болотамъ, бродилъ день и ночь во всѣ стороны съ цѣлью разыскать какой-нибудь заработокъ, чтобы принести его въ свое гнѣздо. Однажды позднею ночью пришлось ему возвращаться домой по опушкѣ страшнаго для всѣхъ селянъ лѣса. Мѣсяца не было, и надъ полями волновался густой туманъ, придавая всей мѣстности еще болѣе таинственный и мрачный характеръ. Сердце у мужика сильно билось, но онъ бодрился, перечитывая про себя молитвы, какія зналъ. Вотъ онъ уже ощупью перешелъ по двумъ бревнамъ, лежавшимъ черезъ узкую рѣчку, и уже сталъ въ темнотѣ различать плетни деревенскихъ огородовъ, какъ вдругъ передъ нимъ выросла страшная фигура вѣдьмы съ ея косматою головой и пугавшими всѣхъ глазами. Вѣдьма адски захохотала и протянула передъ нимъ руки.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ!—закричала она на мужика и тотчасъ же скрылась въ туманѣ, а мужикъ, какъ прикованный, остался на мѣстѣ.

Неизвѣстно, сколько времени простоялъ онъ въ полномъ безпамятствѣ, пока свѣжій ночной воздухъ не отрезвилъ его.

— Ну,—сказалъ онъ себѣ съ непоколебимой увѣренностью,— не жилецъ я больше на этомъ свѣтѣ! Бѣдная моя жинка! бѣдныя дѣти! кто же теперь станетъ кормить васъ?

И примирившись, такимъ образомъ, съ совершившимся фактомъ, Черногузъ уже безъ всякаго опасенія, спокойно пошелъ домой.

Какъ бы ни была неизбѣжна человѣку погибель,—все же онъ борется съ нею, и хотя безнадежно, но ищетъ помощи у людей. Такъ и нашъ Черногузъ: хотя и былъ онъ увѣренъ вполнѣ въ роковомъ дѣйствіи полученнаго имъ проклятія, однако появился со своею

---

[1]) Черногузъ—по мѣстному аистъ.

Библиотека "Руниверс"

бѣдою на сходѣ, который, по случаю тревожнаго времени, собирался теперь чуть не каждый день. Помощи онъ, конечно, не ждалъ, а только хотѣлъ облегчить свое сердце передъ народомъ. Войдя въ кругъ, онъ перекрестился на церковь и поклонился на всѣ четыре стороны.

— Простите меня, православные христіане!—сказалъ онъ удивленной толпѣ.

— Богъ проститъ! Богъ проститъ!—загудѣли кругомъ:—покайся, что ты надѣлалъ.

— Ничего не надѣлалъ я, братцы; а прощаюсь потому съ вами, что не жилецъ больше я на семъ свѣтѣ, хотя и не знаю еще, какой лютой бѣдой долженъ погибнуть. Не оставьте, не оставьте, панове,—тутъ онъ поклонился нѣсколько разъ въ землю:—не оставьте моей бѣдной жены и дѣтей!

Толпа зашумѣла и сдвинулась въ тѣсный кругъ.

— Вчера ночью близъ Поганаго Яра встрѣтилъ я носъ къ носу вѣдьму, и она прокляла меня...

Надо было ожидать, что толпа встрѣтитъ насмѣшкой и даже бранью такое признаніе; однако никто и не подумалъ смѣяться, а, напротивъ, на всѣхъ лицахъ появилось крайне серьезное и даже трагическое выраженіе.

— Что жъ,—прошамкалъ какой-то совсѣмъ дряхлый старикъ:—міръ, конечно, твоихъ дѣтей не оставитъ; а ты пойди, да отговѣйся скорѣй.

Толпа одобрила это рѣшеніе.

— А если спалить сейчасъ же вѣдьму живою, такъ и говѣть будетъ не нужно!—раздался въ толпѣ чей-то голосъ, и весь народъ ахнулъ, какъ одинъ человѣкъ.

Неизвѣстно, что происходило дальше на сходѣ; только на другой день изъ села по направленію къ рѣкѣ вышла группа душъ въ двадцать мужчинъ разнаго возраста, повидимому, рабочихъ, такъ какъ, кромѣ топоровъ, имѣвшихся у каждаго за поясомъ, они несли съ собой колья, доски и большіе пуки соломы. Рабочіе мирно, хотя и сдержанно, бесѣдовали между собою, и въ такомъ видѣ дошли до того мѣста, гдѣ стояла изба Шепелихи. Дойдя до этой избы, толпа разомъ перекрестилась и остановилась, какъ бы въ нерѣшимости. Изъ нея выдѣлились Остапъ Черногузъ и его двоюродный братъ Охримъ съ блѣдными, фатальными лицами.

— Что жъ, панове,—сказалъ первый изъ нихъ:—забыли, видно, зачѣмъ пришли, или хотите пропадать, какъ собаки? Все равно, вѣдьма уже знаетъ о нашихъ думкахъ!

Толпа зашевелилась и придвинулась ближе.

— Ну, входи кто-нибудь—раздались голоса.—Иди ты, Остапъ: тебѣ первому и надо итти!

Остапъ и Охримъ, съ тѣмъ самымъ стихійнымъ спокойствіемъ

Библиотека "Руниверс"

съ какимъ извѣстный Архипъ Осиповъ зажигалъ пороховой погребъ, вошли въ незапертую дверь избушки. Старуха оказалась дома и сидѣла на полу, перебирая какія-то травы.

— Здравствуй, бабуся!—поздоровался съ нею Остапъ.

Старуха не отвѣчала и недовѣрчиво повела своими черными глазами на нежданныхъ гостей. Но эти глаза, прежде столь пугавшіе мужиковъ, не оказали теперь никакого дѣйствія.

— Такъ вотъ мы, бабуся, къ тебѣ,—продолжалъ Остапъ:—ты ужъ сдѣлай милость, не безпокойся...

— А что вамъ нужно, проклятые?—наконецъ прохрипѣла старуха.

— Да видишь, бабуся, оно, какъ говорится, собственно ничего... Видишь, міръ порѣшилъ, что довольно тебѣ губить родъ христіанскій,—такъ мы теперь забьемъ твою хату да и запалимъ... объяснялъ спокойно мужикъ.

Старуха сразу метнулась къ дверямъ. Остапъ добродушно расхохотался.

— Нѣтъ уже, тетка, лучше и не кидайся. Мы не затѣмъ пришли, чтобы тебя выпустить.

— Ахъ, вы разбойники! Ахъ вы душегубы! Развѣ не знаете, что вамъ будетъ за это?!

— Ну, ужъ что будетъ— то будетъ; а горшаго, чѣмъ отъ тебя было,—не будетъ!—возразилъ съ увѣренностью Остапъ.

Вѣдьма оторопѣла. Она, очевидно, не приготовилась къ своей роли и, сосредоточивъ всю душу на мести, совершенно забыла, что существуетъ и обратная месть.

— Голубчики! помогите! спасите!—крикнула она стоявшимъ за дверью.

Оттуда отвѣтило только зловѣщее молчаніе. Нѣкоторые взяли принесенныя съ собой доски и начали прибивать ихъ поперекъ оконъ.

— Боже мой, милостивый! Владычица Пресвятая! Да что же это дѣлаете вы такое?!—отчаянно завопила старуха.

Удары топора раздавались все чаще и чаще, и въ избѣ потемнѣло.

— Братцы мои милые, голубчики мои бѣлые, отпустите хоть душу на покаяніе!

— Говорилъ я тебѣ, тетка, чтобы ты не тревожилась понапрасну,—убѣждалъ ее хладнокровно Остапъ.—Ну, подумай сама: какое можетъ быть покаяніе? Только даромъ время потратимъ.

— Нѣтъ, этакъ, братъ, не годится!—заявилъ, глядя въ землю, все время до сихъ поръ молчавшій Охримъ.—Если хочетъ—пусть кается.

— Да передъ кѣмъ же она тутъ будетъ каяться?—весь народъ на дворѣ....

— Свяжемъ ее и выведемъ изъ избы.

Библиотека "Руниверс"

Вѣдьму связали накрѣпко и посадили на ея же крыльцѣ; народъ тѣсною кучею сдвинулся вкругъ нея, сохраняя на лицахъ то же фатальное выраженіе.

— Клянусь Христомъ и Пречистой Его Матерью,—начала съ рыданіемъ старуха:—что неповинна я ни въ какомъ колдовствѣ и колдовать совсѣмъ не умѣю...

Вокругъ послышался недовольный ропотъ.

— А что обманывала я народъ—такъ это дѣйствительно правда... Умирала я съ дочкою съ голоду, а вы сами приказали мнѣ васъ лечить,—я и лечила...

— Подумайте, хлопцы,—продолжала несчастная:—у всѣхъ у васъ есть родныя матери, и всѣ онѣ выкормили васъ, какъ слѣдуетъ. А я для моей ненаглядной доченьки не только молока не имѣла, а часто не могла достать сухой корочки, чтобы ее накормить... Вы дали мнѣ и хлѣба, и денегъ только за то, чтобы я васъ обманывала, и я обманывала, какъ умѣла.

—Хорошо говоритъ баба!—замѣтилъ одинъ молодой мужикъ, утирая слезы полой своей свитки.

— Еще бы: дьяволъ—да чтобъ не умѣлъ говорить! Они и святыхъ угодниковъ соблазняли не разъ!—отвѣтилъ ему другой постарше.

— Никому я не дѣлала зла,—а всѣ смотрѣли на меня, какъ на собаку бѣшеную,—продолжала старуха.—Думала я хоть доченьку свою милую спасти отъ людей; для того терпѣла и грѣхъ, и обиды, для того готова была душу свою отдать. А злые люди отняли ее у меня и живую въ гробъ уложили...

— И распалилось на людей мое сердце. Да что же я могла съ ними подѣлать, кромѣ того, какъ ихъ проклинать? А теперь, промучивши меня цѣлую жизнь, вы еще спалить меня живою хотите. Не проклинаю я васъ, а по правдѣ скажу: не будетъ вамъ за это прощенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!

Убійцы поблѣднѣли и выронили изъ рукъ орудія казни. Еще минута,—и они разбѣжались бы по домамъ; но среди нихъ появился непреклонный, какъ судьба, Остапъ.

— Что это вы, панове, трусу праздновать?—презрительно крикнулъ онъ мужикамъ.—Развѣ вы не знали, какъ шли сюда, что дьяволъ будетъ за нее заступаться? Вотъ онъ и заступается теперь, и соблазняетъ. Не явиться же ему съ огнемъ да съ полымемъ среди бѣлаго дня! А, ну-те, хлопцы, съ Христомъ да съ Богомъ, посрамимъ его, проклятаго! Берите вѣдьму да кидайте ее поскорѣе въ избу!

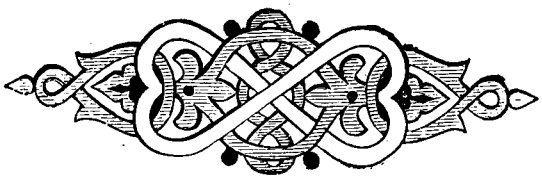
И тяжелое настроеніе разрѣшилось дружнымъ дѣйствіемъ. Мужики, какъ одинъ человѣкъ, бросились на старуху и, кинувъ ее въ избу, накрѣпко заколотили двери, а затѣмъ обложили кругомъ

Библиотека "Руниверс"

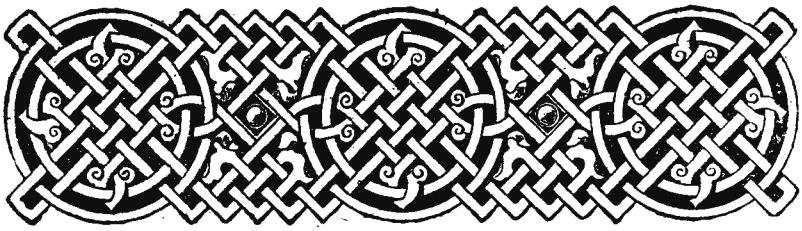
соломою и зажгли. Дряхлая, перегнившая постройка запылала, какъ свѣчка, но усердные работники долго еще стояли вокругъ, отбрасывая головешки и ровняя пламя; а когда все окончилось, они поснимали шапки и стали усердно креститься. Остапъ молился всѣхъ горячѣе и благодарилъ Господа за спасенье, такъ какъ обѣщанная ему вѣдьмою казнь, очевидно, теперь отмѣнялась...

Образованные господа въ городѣ весьма удивились, узнавши о такомъ дѣлѣ; а начальство, до сихъ поръ не обращавшее никакого вниманія на село, усердно занялось производствомъ слѣдствія.

Григорій Ольшанскій.



Библиотека "Руниверс"



ДЯДЕНЬКА ПЕТРЪ ЕГОРЫЧЪ.

(Бытовая картинка изъ помѣщичьяго быта прошлаго столѣтія).

I.

ДѢДА МОЕГО по матери, Егора Васильевича Баранова, было двадцать девять человѣкъ дѣтей: отъ первой жены—восемнадцать и отъ второй одиннадцать. Моя мать родилась отъ второй жены, Александры Макаровны, женщины необычайно кроткой и доброй—святой, какъ выражалась матушка, благоговѣйно чтившая ея память и до старости себя упрекавшая за то горе, которое доставляла ей своимъ непослушаніемъ и грубоватымъ съ нею обхожденіемъ.

Дѣда Егора Васильевича, умершаго раньше моего рожденія, по созвучію съ Егоромъ, мы называли «дѣдушка Гагоръ» (Егоръ). Это былъ, по общимъ отзывамъ, человѣкъ необычайно дѣятельный, хорошій хозяинъ и вѣчно въ разъѣздахъ. Дѣти его мерли почему-то, какъ мухи, и относился онъ къ этому въ высокой степени стоически: возвращается домой, застаетъ жену въ слезахъ,—умеръ Васенька или Олечка, а дѣдъ очень спокойно произноситъ:

— Ну, что жъ дѣлать. Богъ далъ, Богъ взялъ,—и приказываетъ подавать обѣдъ.

Изъ двадцати девяти человѣкъ до зрѣлаго возраста дожил только трое: «дяденька» Петръ Егоровичъ, тетушка Екатерина Егоровна и моя мать.

Библиотека "Руниверс"

«Дяденька», какъ его всегда у насъ называли, былъ старшій, за нимъ слѣдовала Екатерина Егоровна и спустя десять лѣтъ— моя мать.

Дядю обѣ сестры называли: братецъ Петръ Егоровичъ и говорили ему «вы», а онъ ихъ—сестрица Катерина, или Наталья Егоровна, и также примѣнялъ къ нимъ «вы». Что же касается сестеръ, то старшая на десять лѣтъ Екатерина звала младшую «Наташенька» и говорила ей «ты», а мать моя, какъ младшая, говорила старшей неизмѣнно «вы» и называла «сестрица Катерина Егоровна». Таково было родовое чинопочитаніе былого времени среди помѣщиковъ средней руки.

Родъ Барановыхъ происходилъ, какъ значится въ сохранившемся у меня патентѣ, отъ крымскаго мурзы Барапа, или «Барына», какъ мнѣ удалось дознаться въ Крыму, ушедшаго «изъ Крымской орды въ 1490 году въ княженіе великаго князя Василія Темнаго и названнаго во святомъ крещеніи Даніиломъ».

За подвиги подъ Казанью потомки его были награждены вотчинами Новгородской губерніи въ Тихвинскомъ уѣздѣ, которыя составили впослѣдствіи мое родовое имѣніе, гдѣ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы лучшей поры юности и молодости.

Но прежде, чѣмъ перейти къ матери и потомъ ко мнѣ, это имѣніе, Гора, досталось старшему въ родѣ дядѣ моему Петру Егоровичу, или «дяденькѣ», какъ его всегда у насъ называли.

Онъ слылъ, да и былъ въ дѣйствительности большимъ чудакомъ.

Ребенкомъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, его отдали въ морской корпусъ, въ такую суровую школу, о которой даже я, прошедшій также тяжелую школу кадетскаго воспитанія пятидесятыхъ годовъ, не могъ составить себѣ ни малѣйшаго представленія.

Была, напримѣръ, въ морскомъ корпусѣ игра въ разбойники, отличавшаяся такою жестокостью избіеній, что мальчики прыгали изъ оконъ второго этажа, лишь бы не попасться въ руки разбойниковъ. Что же касается воспитательнаго метода, то дядя увѣрялъ, что въ первый же день поступленія въ корпусъ его высѣкли за шалость два раза. На слѣдующій день опять высѣкли. Это показалось ему такъ оригинально, что мальчикъ сталъ на листѣ бумаги отмѣчать черточками каждое сѣченіе. Оказалось, что за шалости въ первые два мѣсяца его высѣкли пятьдесятъ два раза. И, между тѣмъ, во лжи я его никогда не замѣчалъ. Такъ какъ онъ не кричалъ во время сѣченія,—что, т.-е. малодушные крики отъ боли, считалось величайшимъ позоромъ,—то неисправимый шалунъ пріобрѣлъ уваженіе товарищей и свою интересную статистику сѣченія бросилъ.

Неисправимая наклонность къ шалостямъ указывала на характеръ мальчика, живой и впечатлительной, но суровая, спартан-

Библиотека "Руниверс"

ская школа, а затѣмъ не менѣе суровая морская служба того времени, вмѣстѣ съ жизненными неудачами, сдѣлали то, что, когда я сознательно познакомился съ «дяденькой», это былъ уже бирюкъ въ полномъ смыслѣ слова, бирюкъ самый тяжелый, нелюдимъ, котораго всѣ побаивались, кромѣ сосѣда, товарища по корпусу и службѣ Дмитрія Васильевича, также Баранова, происходившаго отъ того же корня, но совсѣмъ уже не родственника.

Этотъ Барановъ, также суровый на видъ, былъ человѣкомъ исключительнымъ по своей необыкновенной добротѣ и непоколебимой честности.

На сѣверѣ, у насъ по крайней мѣрѣ, крѣпостное иго было не такъ тяжело, какъ въ центральныхъ и хлѣбородныхъ губерніяхъ. Помѣщики, не очень богатые, управляли имѣніями либо сами, либо черезъ старостъ. Не было «кровопійцъ» управляющихъ, не было и богатыхъ, властныхъ самодуровъ-помѣщиковъ. Гаремы же изъ крѣпостныхъ позволялъ себѣ у насъ дѣлать только одинъ помѣщикъ Мартьяновъ, человѣкъ относительно богатый, и, несмотря на то, что онъ щедро «награждалъ» и хорошо выдавалъ замужъ своихъ крѣпостныхъ любовницъ, Мартьяновъ пользовался общимъ презрѣніемъ и не смѣлъ показываться на дворянскихъ собраніяхъ.

II.

Что же касается дяди, тетки и моей матери, то помню одинъ только случай розогъ въ имѣніи моей тетки, у которой матушка меня оставила на время поѣздки въ Петербургъ для опредѣленія въ институтъ путей сообщенія старшаго брата.

Въ числѣ крѣпостныхъ у тетки, Екатерины Егоровны Шамшевой, былъ сапожникъ Василій Пугачевъ, или Пугачъ, какъ его называли. Онъ былъ отличный мастеръ, работавшій и въ Петербургѣ, какъ оброчный. Но въ Петербургѣ спился, оброкъ платить бросилъ, дошелъ до обнищанія и водворенъ былъ въ усадьбу. Это былъ человѣкъ, видавшій виды, «образованный» по общему признанію, хорошо грамотный и очень любившій чтеніе. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ, и всѣ относились къ нему съ оттѣнкомъ уваженія, не исключая даже тетки, женщины властной, умной и вполнѣ корректной. Что же касается меня, девятилѣтняго впечатлительнаго мальчишки, то я смотрѣлъ на него, какъ на существо, совсѣмъ выдающееся по уму и знанію жизни, и цѣлыми часами просиживалъ подлѣ его верстака, слушая интересные разсказы про то, гдѣ онъ бывалъ и что видѣлъ.

Человѣкъ онъ былъ, несмотря на сложеніе гиганта, больной, съ безкровнымъ, налитымъ лицомъ алкоголика: онъ страдалъ запоемъ, который тогда, въ доброе старое время, считался не бо-

Библиотека "Руниверс"

лѣзнью, а распущенностью, и общепризнаннымъ, прекраснымъ противъ него средствомъ рекомендовались розги.

Староста нѣсколько разъ говорилъ барынѣ, что надо поучить Пугача, но та все не соглашалась, а ограничивалась призывомъ къ себѣ и нотаціями:

— Что ты, батюшка Василій, никакъ совсѣмъ потерялъ совѣсть?

— Не буду матушка, Катерина Егоровна, не буду больше. Брошу,—неизмѣнно отвѣчалъ Василій и такъ же неизмѣнно, недѣли черезъ двѣ, какъ только получалъ деньжонки, благодаря тому, что въ ремеслѣ своемъ былъ, дѣйствительно, первоклассным мастеромъ, снова напивался.

Такъ тянулись мѣсяцы: тетушка усовѣщевала, даже бранилась, а Василій пилъ.

Но вотъ однажды пріѣзжаетъ «капитанъ-исправникъ», человѣкъ бойкій, развязный. Остановился по дѣламъ службы въ сосѣднемъ селѣ Большой Дворъ, гдѣ устроилъ временную квартиру, но пріѣхалъ въ усадьбу навѣстить помѣщицу, пользовавшуюся всеобщимъ уваженіемъ. Оставили, разумѣется, обѣдать.

— Ну, что у васъ подѣлывается, матушка Екатерина Егоровна?—говоритъ развязный капитанъ-исправникъ.

— Да что, батюшка,—между прочимъ отвѣчаетъ Екатерина Егоровна:—Пугачъ мой совсѣмъ отъ рукъ отбился: пьетъ безъ просыпу.

— Знаю, знаю его, и мастеръ вѣдь онъ хорошій: сапоги и мнѣ сшилъ прекрасно. А вы вотъ что, Екатерина Егоровна, пришлите-ка его ко мнѣ со старостой въ Большой Дворъ, я его поучу немножко, пить перестанетъ.

И исправникъ, всегда торопившійся, вставъ изъ-за стола, немедленно уѣхалъ, повторяя на прощанье:

— А вы, Пугача-то прислать ко мнѣ не забудете?

Тетушка колебалась. Кузины, дѣвушки совсѣмъ молодыя, образованныя и милыя, умоляли «maman» простить Василія, но пришелъ староста и настойчиво рекомендовалъ «поучить Василія,— потому отъ рукъ отбился вовсе».

И Василій, вмѣстѣ со старостой, былъ отправленъ къ капитану-исправнику въ Большой дворъ. Кузины плакали, горничныя ахали, тетушка въ волненіи, молча ходила по комнатамъ, я съ бьющимся сердцемъ не отрывался отъ окна въ ожиданіи возвращенія Василія.

Возвратился онъ, когда уже стемнѣло. Самъ я боялся взглянуть на него, но горничныя говорили, что пришелъ онъ «весь синій-синій», староста доложилъ барынѣ, что капитанъ-исправникъ «поучилъ и хорошо поучилъ Пугача, не извольте безпокоиться, баловство броситъ».

Библиотека "Руниверс"

Но кузины, я, сама тетка и весь домъ безпокоились и въ безпокойствѣ провели всю ночь, опасаясь, что Пугачъ въ отместку сожжетъ домъ и усадьбу.

Подъ утро, разумѣется, я заснулъ, а, вставъ съ постели, прежде всего заглянулъ въ комнатку Пугача и вижу его мрачнымъ, сидящимъ на своемъ обычномъ мѣстѣ за работой.

Долго не смѣлъ подойти къ нему. Подошелъ только къ вечеру.

Сначала оба молчали.

— Да, Саша,—наконецъ сказалъ онъ:—поучили и за дѣло поучили. Что жъ, справедливо поучили. Катерина Егоровна женщина справедливая. Король-дама!

У меня навернулись слезы, и я бросился цѣловать Василія.

Передаю этотъ незначительный эпизодъ, произведшій на меня огромное, неизгладимое впечатлѣніе именно вслѣдствіе своей исключительности и доказывающій, что крѣпостное право у насъ, по крайней мѣрѣ, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ дворянъ средняго достатка, было въ большинствѣ игомъ совсѣмъ не тяжелымъ.

На крѣпостного помѣщики смотрѣли какъ на человѣка. Это были отношенія чисто патріархальныя, и помѣщикъ стоялъ горой за своего крестьянина—передъ капитанъ-исправникомъ, напримѣръ, который выбирался изъ дворянъ дворянами же; а становые—не только обидѣть мужика, но и вообще передъ помѣщикомъ пикнуть не смѣли, не то, что теперь, когда даже урядникъ можетъ изъ мужика «и дровъ и лучины нащепать».

Личная польза обязывала также помѣщика заботиться о благосостояніи крестьянина, чтобы у него была лошадь, корова, овцы (для полушубковъ и шерстяной пряжи), и въ неурожайный годъ крестьянинъ не боялся голодухи: «баринъ накормитъ, баринъ не дастъ въ обиду, за бариномъ, какъ за каменной стѣной».

Не говорю, конечно, чтобы не было исключеній: одна изъ сосѣдокъ тетушки, напримѣръ, совсѣмъ мелкопомѣстная, кормившая меня, ребенка, великолѣпными сливками, тянула со своихъ двѣнадцати душъ, что могла, и крестьянамъ этимъ, конечно, жилось не легко, хотя голодухи они все-таки не испытывали, какъ частенько бываетъ теперь.

Что касается патріархальности отношеній между помѣщиками, повторяю, средней руки сѣверныхъ губерній и ихъ крѣпостными, то она выражалась между прочимъ въ общеніи дворянскихъ дѣтей съ дворовыми ребятишками.

Хорошо помню свои первыя спортивныя увлеченія игрою въ городки, или, по народному, грубому выраженію, «въ рюхи».

Правила игры требовали, чтобы побѣжденные отвозили побѣдителей, садившихся имъ на плечи, отъ одного городка къ другому, и я добросовѣстно подчинялся этому правилу, несмотря на

Библиотека "Руниверс"

реприманды моей матери, тетки и насмѣшки кузинъ, находившихъ, что въ городки я играть могу съ дворовыми дѣтьми, но возить на себѣ всякихъ «Ванекъ и Сенекъ благородному мальчику неприлично».

Реприманды и насмѣшки я выслушивалъ, но изъ чувства справедливости и равноправія продолжалъ возить на себѣ въ случаѣ пораженія своихъ побѣдителей.

Такъ продолжалось, однако, только до поступленія моего въ корпусъ. Кадетомъ же, чтобы не «марать честь мундира» и вмѣстѣ не быть несправедливымъ, вовсе отказался отъ любимой игры, тѣмъ болѣе, что весь къ этому времени былъ уже поглощенъ страстью къ ружью, стрѣльбѣ въ цѣль, верховой ѣздѣ и охотѣ.

III.

Не имѣя ни малѣйшаго желанія писать апологію крѣпостного права и, напротивъ того, возмущаясь всѣми его ужасами, тѣмъ не менѣе, долженъ сказать, что были помѣщики, не только не «поровшіе» крестьянъ, но даже не употреблявшіе бранныхъ словъ. Такимъ именно былъ сосѣдъ и пріятель «дяденьки»—Дмитрій Васильевичъ Барановъ. Этотъ суровый на видъ морякъ, обстрѣлянный, казалось бы, непристойными ругательствами и поркой моряковъ былого времени, не только не сѣкъ своихъ крестьянъ, но никто никогда не слышалъ отъ него иной брани, кромѣ «дурака», да и то въ рѣдкихъ случаяхъ.

Того же правила придерживался и мрачный нелюдимъ-дядя, мужикамъ котораго жилось совсѣмъ хорошо, благодаря тому, что барщину они несли только два дня въ недѣлю [1]) и при томъ имѣли право безданно-безпошлинно рубить лѣсъ въ его обширныхъ лѣсныхъ дачахъ и возить бревна на продажу въ Тихвинъ, за двадцать двѣ версты.

И между тѣмъ, какъ къ Дмитрію Васильевичу Баранову, человѣку небогатому, обремененному большой семьей, мужики шли съ довѣріемъ, со всякими пустяками,—«дяденьку» всѣ боялись, какъ огня. Причина заключалась въ его крайней нелюдимости и чудачествахъ.

Мрачный холостякъ, онъ былъ совершенно искреннимъ врагомъ женщинъ и избѣгалъ ихъ общества.

А когда-то, какъ говорили, это былъ весельчакъ и усердный поклонникъ всемогущей богини, благодаря которой всегда и во всемъ, по мнѣнію многихъ, надо искать женщину; но эта-то богиня и по-

---

[1]) Обыкновенно барщину т. е. работу на барина, крестьяне несли три дня въ недѣлю.

Библиотека "Руниверс"

губила его, какъ многихъ, слишкомъ многихъ. Гибель произошла въ самой грубой, неинтересной формѣ: онъ заболѣлъ и, какъ разсказывалъ, предостерегая меня впослѣдствіи, когда я былъ уже офицеромъ, проболѣлъ цѣлыхъ семь лѣтъ.

Это-то и заставило его выйти въ отставку, уединиться, остаться холостякомъ и избѣгать женщинъ. Сосѣдъ его, также морякъ, Дмитрій Васильевичъ, о которомъ я упомянулъ, былъ тогда еще на службѣ; дядя провелъ поэтому лѣтъ пять въ полномъ уединеніи, и тутъ-то развились его чудачества. Человѣкъ по тому времени образованный, онъ много читалъ и зачитывался, конечно, по ночамъ; не склонный къ хозяйству, началъ вставать поздно и мало-по-малу дошелъ до того, что не спалъ по ночамъ вовсе и, живя въ деревнѣ, вставалъ съ постели послѣ полудня. Пріѣдешь, бывало, часа въ два дня и слышишь: «дяденька еще не вставали».

И всѣ въ домѣ ходятъ на цыпочкахъ, и въ усадьбѣ вообще не слышно громкихъ разговоровъ, и только изрѣдка раздастся властный голосъ старосты Ивана Абакумова.

Не только пѣсенъ, веселыхъ голосовъ и перебранки, которыми отличались усадьбы былого времени, не было слышно на Горѣ,— казалось, даже животныя и тѣ не позволяли себѣ громко мычать или ржать изъ опасенія потревожить «дяденьку».

И проѣзжіе мужики, даже не его крѣпостные, подымаясь въ гору, на которой стоялъ старинный господскій домъ, почти вплотную къ проселочной дорогѣ, отдѣленный отъ нея лишь палисадникомъ, не позволяли себѣ ни криковъ, ни ругани, снимали шапки и опасливо поглядывали на окна господскаго дома.

А въ этихъ окнахъ днемъ никогда ничего не было видно; по ночамъ же бывалъ свѣтъ, обрисовывавшій подчасъ тѣнь бродящаго по пустому обширному дому человѣка. И эта тѣнь наводила страхъ не на однихъ крѣпостныхъ, а на всю округу. Всѣ знали, что Петра Егоровича днемъ никто не видитъ, кромѣ старосты да домашней прислуги, а цѣлыя ночи онъ ходитъ по дому, и суевѣріе того времени наполняло таинственный домъ какими-то ужасами: въ домѣ, особенно послѣ смерти дяди, несомнѣнно, «чудилось».

По крайней мѣрѣ, когда его имѣніе и усадьба перешли во владѣніе моей матери, она долго не рѣшалась поселиться въ домѣ и помѣстилась наконецъ во второмъ этажѣ, устроивъ себѣ спальню въ комнатѣ своей покойной матери, которую всѣ почитали за святую. Какъ теперь вижу эту комнату съ огромной иконой Тихвинской Божьей Матери и такою же Николая Чудотворца, стариннаго письма, за которую еще тогда, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, старовѣры предлагали триста рублей.

Въ комнаты же дяди, въ тѣ двѣ комнаты, гдѣ онъ спалъ, читалъ и обѣдалъ, даже днемъ никто не ходилъ въ одиночку, и въ усадьбѣ прочно укоренилось убѣжденіе, что умершій «дяденька» по но-

Библиотека "Руниверс"

чамъ ходитъ по дому. Нѣкоторые даже видѣли его, а шаги его слышали почти всѣ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я, девятнадцатилѣтній поручикъ, пріѣхалъ послѣ лагерныхъ сборовъ въ отпускъ, благодаря распоряженіямъ военнаго министра—отпускать офицеровъ-дворянъ «для устройства быта крестьянъ», по назрѣвавшему тогда, въ 1858 году, вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ.

Хотя и воспитанный въ разсказахъ нянекъ, да и не однѣхъ только нянекъ, о привидѣніяхъ, мертвецахъ и всемогуществѣ нечистой силы, я успѣлъ уже, однако, освободиться отъ впечатлѣній дѣтства и не вѣрилъ къ тому времени ни въ какую «нечисть». Полная власть надъ нечистой силой далась, однако, не сразу.

Теперешней молодежи это покажется, конечно, смѣшнымъ, но тогда другое было время. Лѣтъ пятнадцати-шестнадцати я не вѣрилъ уже въ привидѣнія, но не вѣрилъ только умомъ, а нервы все еще не отказывались реагировать на образы, воспринятые воображеніемъ съ дѣтства. Я рѣшилъ бороться съ самимъ собою въ этомъ смыслѣ и, между прочимъ, вслѣдъ за производствомъ въ офицеры началъ ходить по ночамъ, и именно въ полночь—самое любимое, какъ извѣстно, время для прогулокъ мертвецовъ—на уединенное Тихвинское городское кладбище. Признаюсь, сначала было какъ-то жутко: въ прогулки мертвецовъ не вѣришь, понимаешь, что они народъ самый безобидный, и тѣмъ не менѣе бѣлый крестъ сначала принималъ издали форму, совсѣмъ на крестъ непохожую, и шорохъ деревьевъ также казался чѣмъ-то необычнымъ; но силою характера заставлялъ себя итти навстрѣчу привидѣнію или звуку, и привидѣніе принимало форму простого креста или памятника, а шорохъ—просто дыханія вѣтра въ листвѣ.

Такъ и тутъ: я рѣшилъ сразу сдѣлать домъ, въ которомъ «чудилось» и въ которомъ ходила тѣнь дяденьки, обитаемымъ и не страшнымъ. Къ вечеру же приказалъ перенести свою постель изъ второго этажа, изъ комнаты, сравнительно болѣе безопасной отъ посѣщеній мертвеца,—въ тѣ самые покои, гдѣ жилъ и спалъ дяденька, куда даже мужчины днемъ не рѣшались ходить въ одиночку, и самую постель велѣлъ устроить на кровати «дяденьки».

Матушка сильно возставала, умоляла не дѣлать этого, но я настоялъ на своемъ, захвативъ, однако, съ собою пистолетъ (револьверы тогда только что начали входить въ употребленіе) на случай какой-нибудь съ чьей-либо стороны неумѣстной шутки.

Къ этому времени я уже достаточно закалилъ себя и заснулъ, какъ всегда засыпалъ бывало,—немедленно послѣ того, какъ прислонишь голову къ подушкѣ; проспалъ, какъ убитый, восемь часовъ, и утромъ на робкіе вопросы со всѣхъ сторонъ, весело отвѣчалъ, что спалъ превосходно и ни въ какіе разговоры съ покойнымъ дяденькой не вступалъ. Такъ съ тѣхъ поръ дяденька и пересталъ

Библиотека "Руниверс"

ходить по ночамъ. Домъ сдѣлался окончательно обитаемъ, и никто бѣднаго покойнаго дяди уже не боялся. Я же прочно поселился въ его любимыхъ двухъ комнатахъ, благо онѣ были расположены совсѣмъ отдѣльно, съ выходомъ прямо въ садъ.

IV.

Я сказалъ «бѣдный дядя».

Дѣйствительно, это былъ совсѣмъ несчастный человѣкъ. Старый холостякъ и хмурый нелюдимъ, онъ, по всѣмъ даннымъ, обладалъ мягкимъ, любящимъ сердцемъ. По крайней мѣрѣ, помню хорошо, когда мнѣ было еще лѣтъ шесть-семь, не болѣе, отецъ изъ Западнаго края, гдѣ служилъ, пріѣхалъ со всей семьею—съ матушкой, двумя сыновьями и гувернанткой—къ нему погостить въ родовое Барановское гнѣздо,—«дяденька» былъ совсѣмъ другой. Онъ ласкалъ меня и брата, не дичился и хотя чудачилъ слегка, но самымъ искреннимъ образомъ относился къ отцу, котораго очень любилъ и котораго, за его богатырскую, почти сказочную силу, называлъ, какъ и всѣ, «Полканъ-богатырь». Ходитъ, бывало, по комнатамъ и поетъ: «Полканъ-Богатырь, Полканъ-Богатырь», а отецъ вторитъ ему «Цесаревичъ Елисѣй».

— Вѣдь ты и впрямь Полканъ-богатырь,—говоритъ дядя.

— А ты—цесаревичъ Елисѣй,—отвѣчаетъ отецъ, указывая тѣмъ на силу дяди, тоже выдающуюся, хотя не шедшую даже въ сравненіе съ колоссальной силой отца.

Помню также, что дядя, человѣкъ очень религіозный, обладавшій притомъ слухомъ и хорошимъ басомъ, часто пѣлъ псалмы и религіозныя молитвы. Ходитъ по комнатѣ и распѣваетъ, а иногда и подыгрываетъ себѣ на скрипкѣ или старомъ-старомъ фортепьяно.

Лѣтъ черезъ семь, когда я пріѣхалъ къ нему кадетикомъ, мальчикомъ лѣтъ тринадцати, онъ уже былъ совсѣмъ другимъ.

Страстно любя деревню, матушку, тетку, кузинъ, верховую ѣзду и охоту, я каждую осень, послѣ лагерей, отпрашивался въ отпускъ и отправлялся въ имѣніе тетки, гдѣ матушка проводила лѣто. Усадьба тетки отстояла отъ Тихвина въ семидесяти слишкомъ верстахъ и отъ Петербурга почти въ четырехстахъ.

Тогда Николаевская дорога была еще не совсѣмъ готова, и приходилось ѣхать на пароходѣ до «Шлюшина» (Шлиссельбурга), оттуда по Ладожскому каналу на «трешкотѣ»—ужасной посудинѣ, доверху начиненной клопами, хотя прекрасно откормленными, но алчными до неистовства. Отъ Ладоги до Тихвина—въ простой телѣгѣ на «долгихъ», потому что на почтовыхъ нельзя было ѣздить безъ подорожной, а подорожныя кадетамъ не выдавались. Доброе, но тяжелое старое время!

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, до Тихвина приходилось ѣхать не менѣе двухъ сутокъ. Здѣсь нанималась телѣга, потому что даже на почтовыхъ станціяхъ другихъ экипажей не было, до усадьбы дяди (въ двадцати двухъ верстахъ отъ Тихвина), гдѣ предполагалось получить лошадей и уже на нихъ, въ бричкѣ, добраться до Климова, усадьбы тетки Екатерины Егоровны. Путешествіе, однимъ словомъ, отнимало болѣе трехъ сутокъ въ одинъ конецъ, было въ полномъ смыслѣ костоломнымъ, и, тѣмъ не менѣе, я съ радостно-бьющимся сердцемъ стремился въ завѣтное Климово, чтобы провести тамъ не болѣе недѣли, потому что обратная поѣздка требовала даже болѣе времени, чѣмъ въ Климово, вслѣдствіе дождей, почти неизбѣжныхъ въ концѣ августа, и распускавшихся отъ нихъ дорогъ.

Такъ вотъ, пріѣзжаю я, тринадцатилѣтній мальчикъ, въ первый разъ самостоятельно къ дядѣ въ два часа дня. Матушка предупреждала меня, что дядя чудачитъ, что надо быть съ нимъ осторожнымъ въ разговорахъ и поступкахъ.

— Заѣзжай къ нему непремѣнно,—говорила она:—онъ очень просилъ. Ты ему понравился, еще когда былъ ребенкомъ, но будь, пожалуйста, осторожнымъ. Дастъ лошадей—хорошо, не дастъ—найми у мужиковъ и, пожалуйста, не раздражай его ничѣмъ.

Заряженный такимъ образомъ, подъѣзжаю въ телѣгѣ къ усадьбѣ, и прежде всего поражаетъ меня полная тишина. Изъ дома выбѣгаетъ лакей съ двумя казачками и тихо, таинственно говоритъ, что «дяденька еще спятъ».

— А нельзя ли разбудить?—задаю вопросъ.

— Какъ можно, они будутъ гнѣваться.

Вотъ горе! Надѣялся закусить да часа черезъ два и дальше, чтобы къ утру добраться до завѣтнаго Климова, а тутъ жди.

Грохотъ телѣги, подъѣхавшей къ крыльцу, разбудилъ, однако, дядю, и вскорѣ послышался его голосъ.

Встрѣтилъ онъ меня съ видимымъ неудовольствіемъ и все поглядывалъ исподлобья.

— Это что же у васъ на погонахъ за нашивка?

— Ефрейторская,—отвѣчаю я.

— Это, что же, первый чинъ, что ли?

— Да, первый чинъ, пожалуй.

— Да, сестрица Наталья Егоровна говорила, что вы учитесь прекрасно, первымъ ученикомъ.

— Первымъ не первымъ, а ниже третьяго не спускаюсь. Да что это, дядя, вы мнѣ «вы» говорите?

— Какъ же можно, вы уже юноша, пожалуй, обидитесь.

Мало-по-малу дядя началъ оживляться, спросилъ, не голоденъ ли, и, узнавъ, что голоденъ, какъ волкъ, заторопился, чтобы меня накормили. Къ вечеру кончилось тѣмъ, что дядя развеселился окончательно, ни за что не пустилъ меня, на ночь глядя, изъ усадьбы,

Библиотека "Руниверс"

оставилъ ночевать, занималъ разсказами о жестокомъ режимѣ морского корпуса и вообще флотской службы, а когда я отпросился наконецъ спать, то просидѣлъ у меня на постели еще часа два, хотя я и молилъ его оставить меня, говоря что спать хочу безмѣрно.

Такъ добрыя отношенія между нами и установились.

Я заѣзжалъ къ нему два раза въ годъ—по дорогѣ въ Климово и обратно,—и тѣмъ не менѣе, каждый разъ, особенно послѣ долгаго промежутка, т.-е. послѣ Петербурга, встрѣчалъ онъ меня непривѣтливо, понуро, сурово и только черезъ часъ или полчаса оживлялся и выказывалъ самое искреннее расположеніе.

Расположеніе это дошло до того, что, когда я вышелъ изъ корпуса прямо поручикомъ и первымъ ученикомъ, записаннымъ на мраморную доску, то онъ просто сталъ гордиться мною и непремѣнно хотѣлъ передать мнѣ свою фамилію, минуя старшаго моего брата.

Послѣ смерти его оказался даже черновикъ прошенія въ этомъ смыслѣ, въ которомъ онъ ходатайствуетъ, какъ послѣдній въ родѣ, не оставляющій послѣ себя прямого наслѣдника, чтобы фамилія Барановыхъ перешла ко мнѣ, чтобы мнѣ была дана фамилія Витмеръ-Барановъ.

По русской привычкѣ, онъ, разумѣется, не торопился, откладывалъ, а черезъ годъ и скончался скоропостижно.

V.

И вотъ этотъ-то несчастный человѣкъ—на видъ угрюмый, мрачный, одичавшій, но въ сущности очень добраго сердца—лѣтъ за пять до смерти сталъ временами неистовствовать съ своими крѣпостными и особенно со старостой Иваномъ Абакумовымъ.

Я говорилъ уже о томъ, что крѣпостное иго на сѣверѣ, въ томъ районѣ, по крайней мѣрѣ, съ которымъ я соприкасался, было совсѣмъ игомъ не обременительнымъ, но одна возможность того, что случилось съ дядей, заставляетъ благословлять великій актъ освобожденія крестьянъ.

Дядя просто-напросто сталъ временами сходить съ ума. И это выражалось, главнымъ образомъ, въ тѣхъ неистовствахъ, которыя началъ онъ продѣлывать надъ своей дворней: никогда не сѣкъ людей, а тутъ вдругъ сѣчь начнетъ и безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, а старосту своего велитъ привязать къ столбу, сѣчь его привязаннымъ у столба и держитъ его такъ цѣлыя сутки, повторяя сѣченіе.

И между тѣмъ этотъ мученикъ, Иванъ Абакумовъ, былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ.

Когда имѣніе послѣ смерти дяди въ 1858 году перешло къ намъ, я имѣлъ полную возможность хорошо познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

Высокаго роста, вершковъ десяти, не менѣе, атлетически сложенный, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ красавцемъ въ полномъ смыслѣ слова, а матушка говорила, что, когда онъ былъ молодымъ, на него положительно всѣ заглядывались.

Покойный дѣдъ сдѣлалъ его старостой, когда ему было всего двадцать два года,—до такой степени очевидно было его умственное превосходство надъ всѣми. И дѣйствительно, я рѣдко видѣлъ человѣка, болѣе спокойно, толково и властно распоряжавшагося людьми. Онъ никогда не кричалъ, никого не сѣкъ, не дрался, но мужики боялись его, какъ огня, и слушались безпрекословно, считая слово его закономъ. Да драться ему и нельзя было, при его гигантской силѣ. Разсказывали, что если толкнетъ какого-нибудь лѣнтяя, толкнетъ, кажется, слегка, не ударитъ, а только толкнетъ,—тотъ такъ и свалится съ ногъ.

Онъ обладалъ при этомъ необычайнымъ трудолюбіемъ и изобрѣтательнымъ умомъ. Самоучкой онъ сдѣлался прекраснымъ кузнецомъ, слесаремъ и даже механикомъ. Поставилъ себѣ кузницу и по праздникамъ работалъ въ ней цѣлые дни, удовлетворяя потребностямъ всей округи. Самоучкой построилъ нѣсколько мельницъ. Услышавъ про Николаевскую желѣзную дорогу, по которой будутъ, молъ, ходить паровозы, онъ, никуда не выѣзжавшій далѣе уѣзднаго города Тихвина, не видѣвшій, конечно, ни одного локомотива, устроилъ модель паровоза собственной конструкціи, разумѣется, несовершенной, однако такой, что паровозикъ могъ двигаться.

Этотъ Иванъ Абакумовъ былъ извѣстенъ по всему уѣзду какъ человѣкъ необычайнаго ума. О немъ говорили даже, что онъ, какъ неограниченный распорядитель богатаго имѣнія,—потому что дядя даже въ усадьбѣ рѣдко показывался, а все ходилъ только по большому необитаемому дому,—сталъ богаче самого дяди.

Принявъ имѣніе, я убѣдился, однако, въ томъ, что это было сущей клеветой: имѣніе оказалось въ полнѣйшемъ порядкѣ, а большія, прекрасныя лѣсныя дачи—совершенно не тронутыми, хотя молва шла, что Иванъ Абакумовъ дачи вырубилъ въ конецъ.

Такова людская зависть, на которую долженъ разсчитывать и мириться съ нею всякій, хоть чѣмъ-нибудь выдающійся изъ общаго уровня посредственности.

У Ивана Абакумова, конечно, были сбереженія, но, какъ я убѣдился впослѣдствіи,—очень небольшія, и явились они результатомъ единственно его безусловной трезвости и чрезвычайнаго трудолюбія: каждое воскресенье, каждый праздникъ онъ цѣлый день проводилъ въ своей кузницѣ, заставляя работать и своихъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Ваня, почти мой ровесникъ, красавецъ и порядочный вѣтреникъ, былъ взятъ мною въ Петербургъ въ качествѣ слуги и вмѣстѣ—большого пріятеля. Жена

Библиотека "Руниверс"

Ивана Абакумова, мать этого Вани, была также подругой дѣтства и пріятельницей моей матери; ее всегда сажали и угощали, когда она приходила въ домъ, и какъ матушка, такъ и мы, братья, звали ее не иначе, какъ Оленькой.

Послѣ 19-го февраля матушка просила Ивана Абакумова остаться старостой, и онъ прослужилъ у насъ еще нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ купилъ на сбереженія кусокъ земли и поселился на немъ съ семьей. И каждый разъ, пріѣзжая со службы въ деревню, я считалъ своею обязанностью навѣстить почтеннаго старика и его старушку «Оленьку», смотрѣвшую на меня влюбленными глазами и не знавшую, куда посадить, чѣмъ угостить. Говорить ли, что Иванъ Абакумовъ и свое личное хозяйство, поставилъ, разумѣется, образцово.

И вотъ надъ такимъ-то человѣкомъ неистовствовалъ покойный дядя. И что всего замѣчательнѣе—истязуемый не только не относился со злобой къ памяти покойнаго барина-истязателя, но вспоминалъ о немъ, какъ о баринѣ хорошемъ, добромъ, къ мужикамъ милостивомъ.

Года за три до смерти причина находившаго на дядю «стиха» жестокости объяснилась очень просто.

Однажды утромъ баринъ пропалъ изъ комнаты. Начали ходить по всему дому, разумѣется, на цыпочкахъ, робко взывать: «Батюшка, Петръ Егорычъ». Батюшки нигдѣ не оказалось. Поднялся переполохъ, осмотрѣли всю усадьбу, батюшка-баринъ пропалъ безъ слѣда.

Иванъ Абакумовъ немедленно разсылалъ всю вотчину по лѣсу, и вдругъ видятъ во мху, въ одной рубашкѣ ходитъ баринъ на четвереренькахъ и хрюкаетъ.

— Батюшка, Петръ Егорычъ, пожалуйте домой,—говорятъ ему. А онъ ходитъ себѣ да хрюкаетъ.

Наконецъ кое-какъ привели домой, послали за сосѣдомъ и другомъ Дмитріемъ Васильевичемъ, поѣхали за докторомъ, и черезъ нѣсколько дней баринъ совсѣмъ пришелъ въ себя. Такъ это временное помѣшательство повторялось еще нѣсколько разъ и всегда во время лѣтнихъ жаровъ, а когда дядя умеръ скоропостижно и вскрыли его черепъ, то на мозгу оказалась гнойная язва—результатъ той ужасной болѣзни, которую получилъ дядя въ молодости и которою страдалъ, какъ говорилъ, цѣлыя семь лѣтъ.

— Вотъ она, причина-то того, что покойникъ съ ума сходилъ временами,—сказалъ докторъ.

VI.

Черепъ былъ положенъ на мѣсто и дядя похороненъ въ оградѣ Дымскаго монастыря, тамъ, гдѣ покоятся и дѣдъ, и бабка, и братъ мой, и мать—всѣ родные изъ рода Барановыхъ.

Библиотека "Руниверс"

А черезъ годъ, просматривая бумаги и книги, оставшіяся послѣ покойнаго, я натолкнулся на тетрадь, въ которой тщательно были выписаны рукою дяди мнѣнія различныхъ святыхъ и угодниковъ о лучшей половинѣ человѣческаго рода. Эта интересная тетрадь куда-то запропастилась, благодаря непростительной моей небрежности и разсѣянности; но одинъ листъ большого формата, обведенный рамкой, тщательно написанный крупнымъ, въ четверть дюйма полууставомъ, съ раскрашенными заглавными буквами, величиною достигающими три четверти дюйма, какъ-то сохранился. Воспроизвожу его въ точной копіи:

«Сказаніе Святыхъ Отецъ Іоанна Златоустаго и Ипполита Папы Римскаго.

Вопросъ а:	Отвѣтъ а:
Что лучше въ свѣтѣ?	Яхонтъ.
Что лучше яхонта?	Цѣломудріе.
Что лучше цѣломудрія?	Терпѣніе.
Что лучше терпѣнія?	Смиреніе.
Что лучше смиренія?	Любовь.
Что лучше любви?	Добродѣтель.
Что лучше добродѣтели?	Богъ.
Что лучше Бога?	Ничто.

Вопросъ в:	Отвѣтъ в:
Что сильнѣе въ свѣтѣ?	Огонь.
Что сильнѣе огня?	Вода.
Что сильнѣе воды?	Гора.
Что сильнѣе горы?	Человѣкъ.
Что сильнѣе человѣка?	Сонъ.
Что сильнѣе сна?	Демонъ.
Что сильнѣе демона?	Жена.
Что сильнѣе жены?	Ничто.

Вопросъ г:	Отвѣтъ г:
Что злѣе въ свѣтѣ?	Тигръ.
Что злѣе тигра?	Аспидъ.
Что злѣе аспида?	Василискъ.
Что злѣе василиска?	Демонъ.
Что злѣе демона?	Жена.
Что злѣе жены?	Ничто.

Библиотека "Руниверс"

Вопросъ д:	Отвѣтъ д:
Что хуже въ скотахъ?	Вепрь.
Что хуже въ звѣряхъ?	Ежъ.
Что хуже въ птицахъ?	Нетопырь.
Что хуже въ рыбахъ?	Ракъ.
А въ человѣцѣхъ что хуже?	Нѣтъ того хуже мужа,

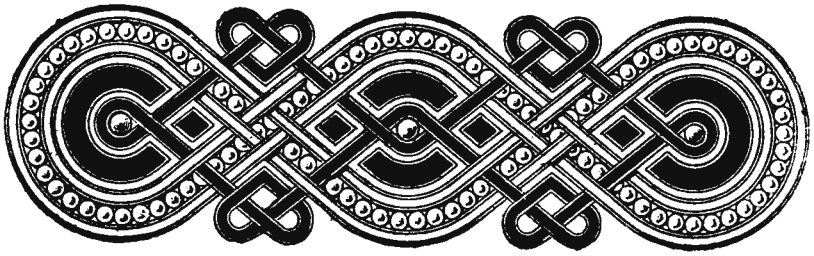
которымъ жена владѣетъ, удобнѣе тому человѣку со зміею въ вертепѣ быти, неужели со злою женою въ дому жити. О нихъ Святые отцы глаголютъ: «Аще бы было небо бумагою, море чернилами, звѣзды небесныя перьями, Ангелы Господни писцами, то и тогда невозможно описать женскаго лукавства. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи въ 91-й главѣ Евангелиста Матѳія пишетъ тако: «есть злая жена и хитрая, есть другъ дьявола, путь неспокойствія, уязвленіе скорпіона, непримиримый врагъ согласія, домашняя погибель. Аминь».

Вотъ какими забавными афоризмами старался утѣшить себя несчастный человѣкъ, старый холостякъ, лишенный прелести женской ласки, женскаго пригрѣва.

Фигура дяди сама по себѣ, конечно, не представляетъ собою ничего замѣчательнаго, но, нарисованная на фонѣ крѣпостного быта, въ среди помѣщиковъ средней руки, она, несомнѣнно, должна представить нѣкоторый интересъ именно благодаря этому фону, еще недавнему, но уже такъ хорошо забытому и такъ рѣдко съ должною правдивостью и объективностью освѣщаемому.

А. Витмеръ.

Библиотека "Руниверс"



АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ САМСОНОВЪ.

(† 15 августа 1914 года).

ТО ВЪ РОССІИ не пережилъ тяжелаго, щемящаго чувства, читая лаконическое сообщеніе Верховнаго Главнокомандующаго, отъ 18-го августа 1914 года, о катастрофѣ, постигшей нѣкоторые корпуса нашей второй арміи въ окрестностяхъ гор. Сольдау, и гибели командовавшаго этой арміей генерала-отъ-кавалеріи Александра Васильевича Самсонова.

Въ обществѣ и арміи ходили самые разнообразные, противорѣчивые и просто невѣроятные слухи объ обстоятельствахъ кончины генерала Самсонова; нѣкоторые утверждали даже, что генералъ Самсоновъ живъ, находится въ плѣну въ одной изъ германскихъ крѣпостей, тщательно скрывая свое имя и званіе; нашлась и какая-то сестра милосердія, якобы лично видѣвшая генерала Самсонова въ плѣну и ухаживавшая за нимъ во время его болѣзни. А. И. Гучковъ—большой почитатель покойнаго—предпринялъ спеціальную поѣздку въ Германію, чтобы выяснить вопросъ о гибели А. В. и мѣстѣ его погребенія, но собранныя имъ свѣдѣнія не имѣли достаточной фактической твердости, основываясь на отрывочныхъ и не вполнѣ достовѣрныхъ показаніяхъ опрошенныхъ имъ лицъ.

Такъ продолжались эти перешептыванія, сплетни и разговоры, проникавшіе и въ печать, до тѣхъ поръ, пока не стало извѣстно, что вдовѣ покойнаго командующаго арміей, Екатеринѣ Александровнѣ Самсоновой, принявшей на себя отъ Краснаго Креста

Библиотека "Руниверс"

миссію ознакомиться въ Германіи съ положеніемъ томящихся тамъ нашихъ плѣнныхъ, удалось, пользуясь указаніями А. И. Гучкова, разыскать дѣйствительное мѣсто погребенія праха генерала Самсонова въ Восточной Пруссіи [1]), установить по найденному при покойномъ медальону съ фотографіями самой Е. А. и ея дѣтей съ полной точностью, что найденный погребеннымъ трупъ дѣйствительно прахъ генерала Самсонова. Въ настоящее время тѣло генерала Самсонова доставлено вдовою его въ Россію и погребено въ родовомъ имѣніи Егоровка, Херсонской губ.

Такимъ образомъ, только теперь явилась возможность сказать о личности и дѣятельности генерала Самсонова, такъ безвременно погибшаго, надъ закрытою крышкой его гроба, подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» какъ тѣмъ, что удалось мнѣ узнать о немъ отъ родныхъ и близко знавшихъ Самсонова, такъ и личными воспоминаніями объ этомъ блестящемъ, образованномъ генералѣ нашей арміи, незаурядномъ администраторѣ и рѣдкомъ, по душевнымъ своимъ качествамъ, человѣкѣ.

Конечно, теперь нельзя еще говорить о генералѣ Самсоновѣ многаго, не время производить объективную оцѣнку его дѣятельности, какъ въ сферѣ спеціально военной, такъ и въ области административной, по управленію имъ сначала областью Войска Донского, а затѣмъ и всѣмъ обширнымъ Туркестанскимъ краемъ: не пришла еще та историческая давность, которая даетъ возможность говорить о государственномъ дѣятелѣ въ исторической перспективѣ, не поддаваясь личнымъ чувствамъ симпатіи и антипатіи; нѣтъ для этого и достаточно матеріала.

Да мы и не задаемся такой сложной и непосильной для насъ задачей, а хотимъ только, пока многое не забыто и живо еще сохранилось въ памяти о личности и дѣятельности генерала Самсонова и требуетъ закрѣпленія, передать, не мудрствуя лукаво и именно то, что возможно въ данную минуту, о почившемъ, несомнѣнно, заслуживающемъ вниманія, какъ оставившемъ слѣдъ въ области военнаго управленія, исторіи нашего военнаго искусства и въ области гражданской администраціи [2]).

Съ Александромъ Васильевичемъ я лично познакомился лишь со времени его назначенія туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, въ роли ближайшаго сотрудника его по гражданскому управленію, занимая должность управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора при немъ и трехъ предшественникахъ. Однако еще до этого

---

[1]) Близъ гор. Нейденбурга.

[2]) Въ настоящемъ біографическомъ очеркѣ я не претендую ни на полноту, ни на безусловную точность нѣкоторыхъ датъ: составляя этотъ очеркъ въ дѣйствующей арміи, я не имѣлъ возможности пользоваться ни своими записными книжками, ни справочными изданіями, писалъ то, что ярко запечатлѣлось въ памяти. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

личнаго знакомства я много былъ наслышанъ о генералѣ Самсоновѣ отъ его сослуживцевъ и товарищей и просто знакомыхъ, интересуясь этой во всѣхъ отношеніяхъ незаурядной личностью среди нашего относительнаго безлюдья еще во время Японской войны, на высшихъ постахъ строевой и административной службы. Началъ свою службу А. В. въ славномъ гусарскомъ Ахтырскомъ полку во время Русско-Турецкой войны, подъ командой Н. Н. Тевяшева (бывшаго потомъ главнымъ интендантомъ и туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ). Въ полкъ А. В. былъ выпущенъ изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. Въ училище же генералъ Самсоновъ поступилъ изъ кіевскаго кадетскаго корпуса. Съ кіевскимъ корпусомъ А. В. связывали крѣпко воспоминанія его юношескихъ и дѣтскихъ лѣтъ, а симпатіи и товарищескія чувства, вынесенныя изъ стѣнъ корпуса, на всю жизнь привязали А. В. къ нѣкоторымъ изъ однокашниковъ, которыхъ А. В., занимая потомъ вліятельныя должности въ военномъ вѣдомствѣ, проводилъ въ кругъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Отъ этого, въ шутку, въ Туркестанѣ называли время управленія Самсонова кіевскимъ періодомъ.

Кристальная личность Н. Н. Тевяшева, добраго отца-командира, умѣвшаго воспитать въ своихъ подчиненныхъ чувство долга и беззавѣтной преданности государю и родинѣ, гуманнаго, отзывчиваго,—оставила на всю жизнь слѣды на нравственномъ и служебномъ обличьи его бывшаго подчиненнаго и крѣпкими узами дружбы спаяла Самсонова съ семьей ген. Тевяшева.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о полковой жизни А. В. останавливался часто на одномъ случайномъ эпизодѣ, именно встрѣчѣ съ генераломъ М. И. Драгомировомъ, опредѣлившей его дальнѣйшую служебную карьеру. Драгомировъ, своей оригинальной повадкой, испытывая свойства и качества юнаго корнета, какъ человѣка военнаго, обратилъ вниманіе на блестящій, живой умъ, сметку, наблюдательность, находчивость А. В. и посовѣтовалъ ему итти въ военную академію. А. В. послушалъ его совѣта. Окончилъ курсъ академіи, но далеко не изъ первыхъ. Такія талантливыя, живыя натуры рѣдко уживаются съ школьной схоластикой, школьнымъ режимомъ. Вѣдь и Скобелевъ окончилъ военную академію по второму разряду, несмотря на свою несомнѣнную любовь къ военному искусству и военному дѣлу вообще. Вѣроятно, не совсѣмъ удачное окончаніе академіи привело А. В. къ службѣ по генеральному штабу сначала на далекую окраину—на Кавказъ. Служба тянулась съ треніями, довольно безцвѣтно, и А. В. впослѣдствіи вспоминалъ, что никогда бы, служа на Кавказѣ и даже впослѣдствіи въ Польшѣ, онъ не могъ мечтать о той блестящей служебной дорогѣ, которая ему открылась послѣ Японской войны. Думаю, что, какъ всегда, исключительныя, блестящія дарованія

Библиотека "Руниверс"

А. В. вызывали зависть, и его просто затирали. Личная жизнь складывалась весело, безпечно; А. В. являлся непремѣннымъ членомъ всякихъ огрудковъ[1]), которыми такъ богата Варшава, участникомъ шумныхъ пикниковъ; товарищей въ этотъ періодъ у А. В. было много, искренно привязанныхъ къ нему за его веселый характеръ, живость, остроуміе; въ тѣсномъ кругу товарищей въ Варшавѣ его обыкновенно называли Самсонъ Самсоновичемъ. Такая разсѣянная жизнь А. В. не мѣшала ему работать надъ своимъ самообразованіемъ,—онъ много читалъ, многимъ интересовался. Суровый фельдмаршалъ І. В. Гурко, большой знатокъ человѣческой души и человѣческихъ слабостей, сразу оцѣнилъ молодого блестящаго офицера генеральнаго штаба, его знанія, трудоспособность и, повидимому, самъ большой труженикъ, человѣкъ суроваго долга, привязался душевно къ своему молодому сотруднику. Отъ Гурко А. В. получилъ рѣдкій даръ для молодого еще штабъ-офицера—прекрасный портретъ Гурка, исполненный масляными красками. Этимъ подаркомъ А. В. искренно гордился. Вспоминая это время службы при Гуркѣ, А. В. разсказывалъ, какъ Гурко былъ требователенъ, какъ приходилось не только цѣлые дни, но и ночи напролетъ работать, чтобы не вызвать строгаго замѣчанія грознаго командующаго войсками. Служба въ Варшавѣ при Гурка была для Самсонова своего рода школой, подготовившей его къ широкой военно-административной дѣятельности, познакомившей его съ боевой подготовкой войскъ того важнаго округа, управленіемъ большими массами войскъ, съ особенностями этого настоящаго театра войны и т. п. По словамъ А. В., онъ такъ хорошо изучилъ Польшу во время своихъ многократныхъ служебныхъ поѣздокъ, такъ хорошо зналъ свойства и качества какъ высшихъ, такъ и среднихъ чиновъ военной и административной іерархіи въ округѣ, что впослѣдствіи ему легко было, въ качествѣ начальника штаба округа, быть дѣйствительно полезнымъ сотрудникомъ генерала Скалона. Большую пользу, несомнѣнно, принесла Самсонову и работа въ штабѣ округа подъ руководствомъ такого талантливаго офицера генеральнаго штаба, какимъ былъ покойный генералъ Пузыревскій. Послѣ Варшавы А. В. получилъ вскорѣ должность начальника Елисаветградскаго кавалерійскаго училища. До этого назначенія А. В. женился на своей дальней родственницѣ Екатеринѣ Александровнѣ П., дѣвушкѣ рѣдкой красоты, невольно заставлявшей обращать на себя вниманіе. Несмотря на сравнительно большую разницу лѣтъ, Е. А. проявляла рѣдкую любовь къ мужу, сдѣлавшись на всю жизнь его добрымъ ангеломъ-хранителемъ, прекрасно воспитала своихъ двухъ дѣтей. Съ того мо-

---

[1]) Увеселительныхъ садовъ особаго жанра, съ прекрасными оркестрами, легкой комедіей, балетомъ.

Библиотека "Руниверс"

мента начался рѣзкій поворотъ въ жизни А. В., и изъ веселаго, безшабашнаго подчасъ въ компаніи товарищей—онъ сдѣлался рѣдкимъ семьяниномъ, домосѣдомъ.

За сравнительно краткое время своего пребыванія въ должности начальника Елисаветградскаго училища А. В. сумѣлъ внести большія перемѣны въ отношеніи улучшенія постановки учебнаго дѣла въ училищѣ, въ соотвѣтствіи съ увеличенными требованіями, которыя предъявляла жизнь къ выпускаемымъ изъ стѣнъ его юнымъ корнетамъ. Особенно строго А. В. преслѣдовалъ всякіе фокусы, обманы, къ которымъ прибѣгали не только юнкера, но и преподаватели, чтобы втереть очки начальству, затрачивая минимальные труды на прохожденіе курса. Какъ ни требователенъ былъ А. В. къ юнкерамъ и въ смыслѣ строевой подготовки и въ увеличеніи объема учебнаго курса, память о немъ, какъ справедливомъ, добромъ начальникѣ, сохранилась въ сердцахъ его бывшихъ питомцевъ, которымъ ихъ бывшій начальникъ шелъ всегда потомъ навстрѣчу на ихъ жизненномъ служебномъ пути, чѣмъ только было нужно: кому деньгами, кому протекціей, кому совѣтомъ. Какъ только началась Японская война, А. В. сталъ проситься на войну. Во главѣ сибирской казачьей дивизіи, стяжавшей подъ его начальствомъ славу одной изъ лучшихъ кавалерійскихъ частей манчжурской арміи, въ особенности въ бою у Вафангоу, А. В. заслужилъ себѣ репутацію одного изъ выдающихся нашихъ военачальниковъ, а имя его произносилось въ арміи рядомъ съ именемъ Мищенка. Тяжелая болѣзнь вынудила А. В., однако, скоро эвакуироваться изъ арміи, и не суждено ему было осуществить вполнѣ тѣ надежды и упованія, которыя связывались съ его именемъ въ арміи. Георгіевскій крестъ 4 степени—орденъ храбрыхъ—былъ наградой А. В., и за проявленные имъ таланты полководца и за подвиги его личной храбрости. Съ войны А. В. получилъ мѣсто начальника штаба варшавскаго военнаго округа, сдѣлался сотрудникомъ ген. Скалона. Эта служба въ Варшавѣ еще болѣе пополнила свѣдѣнія, собранныя во время прежней службы А. В. въ округѣ о боевой подготовкѣ войскъ округа, о недочетахъ въ этой подготовкѣ, предполагаемыхъ реформахъ и т. п. и особенно по острому въ то время вопросу объ упраздненіи крѣпостей варшавскаго укрѣпленнаго района. Сколько я помню, А. В. высказывался именно противъ этого упраздненія, признавая эту мѣру чрезвычайно опасной. По должности начальника штаба Самсонову, приходилось, какъ ближайшему сотруднику ген. Скалона довольно близко знакомиться и съ руководящими началами тогдашняго управленія Польшей, проникнутыми недовѣрчивостью къ лояльности польскаго народа, стремленіемъ подавить проявленія его національной жизни, не считаясь съ національнымъ самолюбіемъ, самобытной народной культурой.

Библиотека "Руниверс"

Не успѣвъ еще вполнѣ войти въ свою новую сферу дѣятельности начальника штаба округа, Самсоновъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ войска Донского.

Трудно было А. В. послѣ чисто военной строевой, военно-учебной и военно-административной дѣятельности перейти на постъ начальника области съ чисто административными функціями, сложными, запутанными интересами ея разнообразнаго населенія—казачьяго и такъ называемаго «иногороднаго», гражданскаго элемента, взаимно борющимися. Правда, и до А. В. этотъ постъ занимали люди, ничего общаго съ казачествомъ не имѣвшіе, не подготовленные вовсе къ дѣятельности по гражданскому управленію; но эти лица «просто» смотрѣли на свою дѣятельность, а Александръ Васильевичъ былъ не такой человѣкъ: ему хотѣлось быть «на мѣстѣ», усвоить себѣ дѣйствительныя нужды населенія, правильно поставить и провести задачи управленія краемъ.

Какъ помѣщикъ Херсонской губерніи, Александръ Васильевичъ очень интересовался земскимъ дѣломъ, бывалъ на земскихъ собраніяхъ, былъ самъ хорошимъ хозяиномъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ большой наблюдательностью и начитанностью,— все это и дало ему возможность «не потерять лицо», какъ говорятъ китайцы, въ новой своей должности и даже сдѣлать много полезнаго. Будь у Александра Васильевича больше знанія людей и больше характера, вмѣстѣ больше довѣрчивости къ людямъ, но не только къ тому, что говорятъ дурного о другихъ эти люди, будь онъ ближе къ населенію, а не къ казацкой старшинѣ, онъ бы сдѣлалъ еще больше, при его свѣтломъ практическомъ умѣ, блестящихъ дарованіяхъ и трудоспособности. Менѣе даровитый, чѣмъ Александръ Васильевичъ, но болѣе опытный и болѣе твердый человѣкъ, его преемникъ Ф. В. Таубе, несмотря на свой не особенно пріятный характеръ, какъ администраторъ, больше принесъ донскому казачеству пользы, въ смыслѣ управленія, чѣмъ Самсоновъ, но за Самсоновымъ въ исторіи Донской области остается одна великая заслуга, и этой заслуги одной, не упоминая о многомъ другомъ полезномъ, что сдѣлалъ Самсоновъ, будетъ достаточно, чтобы дѣятельность его всегда съ признательностью была отмѣчена въ исторіи края—это созданіе Донского политехникума.

Но и на Дону Александру Васильевичу суждено было не долго задерживаться. Весною 1908 года, совершенно для него неожиданно, Самсоновъ получилъ высшее назначеніе—туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Назначеніе это было, по словамъ Александра Васильевича, настолько неожиданно, что, будучи за нѣсколько дней до этого въ Петроградѣ, онъ ничего ни отъ кого объ этомъ не слыхалъ и, вернувшись въ Новочеркасскъ, прочелъ о своемъ назначеніи съ удивленіемъ въ «Русскомъ Инвалидѣ».

Библиотека "Руниверс"

Генералъ А. В. Самсоновъ.

Библиотека "Руниверс"

Назначеніе это опять было обычной у насъ импровизаціей. Александръ Васильевичъ въ Туркестанѣ никогда не служилъ, ничего общаго съ этимъ своеобразнымъ краемъ не имѣлъ. А между тѣмъ назначеніе на такой высокій постъ, какъ главнаго начальника края, въ то время требовало не только тѣхъ дарованій, которыми природа богато одарила Александра Васильевича, но еще знанія края, его своеобразныхъ условій быта и вѣрованій его иноплеменнаго населенія, сложныхъ задачъ по устройству русскихъ людей, піонеровъ европейской культуры въ краѣ, по тѣсному сближенію этой окраины съ остальной имперіей. Этими условіями и знаніями Александръ Васильевичъ не обладалъ, этому онъ могъ лишь научиться путемъ внимательнаго личнаго знакомства съ краемъ и своими будущими сотрудниками, на что требовалось потратить достаточное количество времени, въ ущербъ немедленной продуктивной работѣ по управленію краемъ.

Мы думаемъ, что, будучи по продолжительности занятія должности туркестанскаго генералъ-губернатора изъ 11 генералъ-губернаторовъ третьимъ (два другихъ—Кауфманъ, Вревскій), Самсоновъ не успѣлъ сдѣлать для края ничего выдающагося, несмотря на всѣ упомянутыя свои отличныя качества и искреннее, горячее желаніе принести пользу, по недостаточному знакомству съ мѣстными особенностями. Это обстоятельство не можетъ быть поставлено лично ему въ вину, такъ какъ нельзя отказать ему ни въ личныхъ дарованіяхъ, ни въ благородствѣ его побужденій, ни въ трудахъ, губительно отразившихся на его здоровьѣ и повліявшихъ отчасти на его безвременную кончину.

Въ тяжелое для туркестанской администраціи время прибывалъ новый генералъ-губернаторъ въ Ташкентъ. Въ краѣ еще не закончила своей дѣятельности сенаторская ревизія, изъ-за столкновенія съ руководителемъ которой вынужденъ былъ покинуть край благороднѣйшій предшественникъ генерала Самсонова. Ревизія пыталась расширить границы своей дѣятельности даже за предѣлы гражданскаго управленія, подчинивъ своей компетенціи и обслѣдованіе вопросовъ спеціально военной администраціи, дѣла штаба Туркестанскаго военнаго округа, хотя основной и единственной задачей ревизіи было поставлено не разслѣдованіе злоупотребленій туркестанской администраціи, о которыхъ не было и помину, а выясненіе вопроса о своевременности и условіяхъ введенія новаго положенія объ управленіи краемъ, болѣе тѣсно сближающаго эту окраину съ остальной имперіей. Однако ревизія, по подбору своихъ чиновъ, особенно въ измѣненномъ своемъ составѣ, прибывшемъ во время вторичнаго наѣзда своего въ край, не въ силахъ была, по неподготовленности къ созидательной реформаторской работѣ, слѣдовать намѣченной программѣ и потому уклонилась совершенно отъ крупныхъ чисто реформаторскихъ задачъ

Библиотека "Руниверс"

своей дѣятельности, сузивъ ихъ до функцій какой-то слѣдственной комиссіи. Сенаторская ревизія возбудила цѣлый рядъ дѣлъ, сравнительно съ общимъ числомъ административно-полицейскихъ чиновъ— немного, притомъ касавшихся не особенно вліятельныхъ по положенію представителей этой администраціи [1]). Большая часть этихъ дѣлъ впослѣдствіи, при разсмотрѣніи ихъ судомъ, окончились оправданіемъ привлеченныхъ къ суду лицъ, не только по недостаточности собранныхъ противъ нихъ уликъ, но просто по несостоятельности самыхъ обвиненій, основанныхъ на клеветническихъ, вздорныхъ доносахъ. Но въ то время дѣла эти еще находились въ стадіи производства, а чины ревизіи поспѣшили обобщить ихъ, предать гласности собранныя ими данныя, преувеличенныя и искаженныя при этомъ печатью. Вся администрація чувствовала себя послѣ газетной травли какъ бы оплеванной, оклеветанной, не имѣя возможности по многимъ условіямъ выступить съ доказательствами своей невиновности. Въ обществѣ, мало знакомомъ вообще съ Туркестаномъ, газетныя замѣтки о найденныхъ будто бы ревизіей крупныхъ злоупотребленіяхъ связались съ смутными воспоминаніями о прочитанныхъ когда-то щедринскихъ сатирахъ на г. г. ташкенцевъ, и это былое, давно ушедшее въ область забвенія пріобрѣтало характеръ современнаго.

Попытка генералъ-адъютанта Мищенка выступить въ печати въ защиту администраціи противъ газетной травли и съ выясненіемъ истиннаго положенія дѣлъ только усилила недовольство противъ него ревизуемыхъ и стремленіе къ увеличенію числа привлекаемыхъ къ суду и смѣщаемыхъ по распоряженію ревизоровъ должностныхъ лицъ.

Во главѣ ревизіи поставлено было лицо не русскаго происхожденія, плохо даже говорившее по-русски, полное недовѣріе ко всему русскому [2]), само незадолго до назначенія своего ревизоромъ весьма печально закончившее губернаторство въ одной изъ с.-западныхъ губерній, знакомое съ Туркестаномъ, и то, вѣроятно, смутно, какъ съ простымъ географическимъ терминомъ [3]).

[1]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ чиновъ уже производились разслѣдованія по распоряженію краевого начальства и мѣстнаго прокурорскаго надзора, возбужденныя задолго до прибытія въ Туркестанскій край ревизіи, и послѣдняя воспользовалась уже вполнѣ подготовленнымъ матеріаломъ. Авт.

[2]) Это лицо однажды въ интимномъ разговорѣ въ присутствіи одного русскаго чиновника поощряло своего докладчика къ свободному изложенію дѣла, говоря: «Вы не стѣсняйтесь, при немъ говорить можно (указывая на присутствовавшаго чиновника), онъ хотя и русскій, но все же довольно порядочный человѣкъ». О германофильствѣ этого лица и утайкѣ имъ лошадей при послѣдней мобилизаціи см. «Историческій Вѣстникъ» 1915 г., мартъ, CXXXIX, 886, 887. Авт.

[3]) Странно, что въ руководители ревизіи, весьма полезной и даже необходимой по первоначально опредѣлявшимся ея задачамъ для края, не былъ привлеченъ

Библиотека "Руниверс"

Понятно, что результаты ревизіи не оправдали ея крупныхъ расходовъ, не отвѣчали поставленной задачѣ и сама ревизія обратилась не къ предуказанной работѣ по созданію основъ новаго положенія объ управленіи краемъ, а къ розыску и сыску, поощряя туземцевъ, безъ того склонныхъ къ кляузничеству, къ доносамъ.

Мелочность, болѣзненное самолюбіе стоявшаго во главѣ ревизіи и его личные счеты съ предшественникомъ генерала Самсонова окрасили всѣ дѣйствія ревизіи: сплетни, клевета, которыя, охотно выслушиваемыя и поощряемыя ревизующими, создавали тяжелую атмосферу, въ которую приходилось окунуться новому генералъ-губернатору. Эта атмосфера клеветы, сплетенъ, мелочныхъ счетовъ призвела сразу на генерала Самсонова тяжелое впечатлѣніе и, несомнѣнно, отравила его извѣстнымъ недовѣріемъ къ окружающимъ людямъ, его будущимъ сотрудникамъ, мѣшая продуктивной работѣ по управленію краемъ, заслоняя иногда крупные вопросы управленіи, заставляя искать закулисную, оборотную сторону въ каждомъ возбуждаемомъ докладами вопросѣ.

Самъ А. В. не разъ говорилъ впослѣдствіи, что если бы зналъ ту обстановку, въ которую онъ попадетъ благодаря ревизіи, онъ ни за что не принялъ бы управленія Туркестаномъ. Правда, свѣтлый, трезвый умъ А. В. помогалъ ему въ большинствѣ случаевъ уяснить значеніе и истинное основаніе преподносимыхъ ему сплетенъ, доносовъ, но на это уясненіе надо было тратить время, нервы, это волновало, лишало необходимаго для работы душевнаго разновѣсія.

Будущій безпристрастный историкъ, которому будутъ, какъ и намъ, доступны всѣ документы архивовъ генералъ-губернаторской и областныхъ канцелярій, не только обѣлитъ туркестанскую администрацію отъ той клеветы, которая на нее возводилась въ то время, благодаря ревизіи, и въ печати, и въ петроградскихъ салонахъ, но и удостовѣритъ, что, слабая по своей численности, она работала честно и по крайнему своему разумѣнію добросовѣстно, и не ея вина, что управленіе Туркестаномъ нельзя признать соотвѣтствующимъ требованіямъ времени, государственнымъ и краевымъ задачамъ. Туркестанъ, какъ сказалъ цинично, одинъ изъ бывшихъ министровъ, представляетъ изъ себя дѣвицу которая такъ выросла, что надѣтое на нее платье (т. е. дѣйствующее положеніе объ управленіи краемъ) далеко не прикрываетъ сокровенныя части ея тѣла,— но не мѣстные администраторы могли прикрывать эту дѣвицу платьемъ; платье ей должны были шить въ Петроградѣ.

Однако я отвлекся отъ своего повѣствованія объ Александрѣ Васильевичѣ. Онъ являлся въ краѣ новичкомъ, никого не зналъ

никто изъ извѣстныхъ знатоковъ края или хотя бы служившихъ въ Туркестанѣ занимавшихъ при томъ высокое служебное положеніе, какъ, напримѣръ, сенаторы Череванскій, Николаенко, Дедюлинъ и друг. Авт.

Библиотека "Руниверс"

тамъ и, кромѣ природной осторожности, долженъ былъ испытывать еще то свойственное вообще людямъ, искушеннымъ жизненнымъ опытомъ, чувство недовѣрія, которое всегда является въ отношеніи новыхъ людей, подчиненныхъ, стремящихся, конечно, показаться начальству съ лучшей стороны.

Въ Туркестанъ Александръ Васильевичъ пріѣхалъ лѣтомъ 1908 года. Стояла туркестанская лѣтняя жара. Мнѣ вмѣстѣ съ сыръ-дарьинскимъ губернаторомъ, согласно составленному мною и утвержденному новымъ генералъ-губернаторомъ церемоніалу, пришлось встрѣчать еще одного новаго (по счету для меня четвертаго за 4 года) главнаго начальника края на станціи Сакскульской, пограничной станціи туркестанскаго генералъ-губернаторства. Генералъ Романовъ и я пріѣхали на станцію Сакскульскую наканунѣ встрѣчи Самсонова вечеромъ. Чудный степной воздухъ, запахъ полыни, живописный закатъ солнца въ безграничной киргизской степи—отвлекли наши мысли о предстоящемъ знакомствѣ съ новымъ лицомъ, которому ввѣрялось управленіе обширнымъ краемъ, которое могло перевернуть все созданное въ краѣ его предшественниками, могло повліять на наше служебное положеніе. Ни Романовъ, ни я Самсонова лично не знали. Мѣстные киргизы поставили прекрасную шелковую палатку для встрѣчи новаго генералъ-губернатора, приготовили вкусный кумысъ. Такъ часто совершались при мнѣ смѣны генералъ-губернаторовъ, что создалась какъ бы привычка встрѣчать новыхъ сановниковъ, и я совершенно не волновался. Поѣздъ пришелъ на Сакскульскую сравнительно рано утромъ. Вотъ на площадкѣ вагона появляется представительная фигура молодого генерала, одѣтаго въ живописную форму л.-гвардіи Атаманскаго казачьяго полка, рыжеватые волосы и борода, открытое, умное лицо въ веснушкахъ, глаза смотрятъ привѣтливо и вмѣстѣ пытливо. Я представился и получилъ приглашеніе зайти въ вагонъ, гдѣ находилась супруга генералъ-губернатора, женщина дѣйствительно поразительной красоты, и подростки дѣти—дочь и сынъ.

Начался обычный разговоръ знакомящихся между собою людей, нащупывавшихъ темы, и т. п. Генералъ-губернаторъ Самсоновъ живо интересовался моими разсказами о дѣятельности предшественниковъ, при которыхъ я былъ управляющимъ канцеляріей, выслушалъ докладъ о текущихъ спѣшныхъ дѣлахъ. Резолюціи его были вдумчивы, осторожны, свидѣтельствовали о полученномъ имъ административномъ опытѣ по управленію областью Войска Донского. Генералъ Самсоновъ очаровывалъ своей простотою, любезностью, умной, живой бесѣдой. Встрѣчи дорогой, депутаціи отъ населенія, смотры войсковыхъ частей на попутныхъ стоянкахъ отнимали много времени. На вокзалѣ въ Ташкентѣ Самсонова встрѣтили чины сенаторской ревизіи, если память меня не обманываетъ, съ замѣстителемъ ревизующаго сенатора во главѣ, такъ какъ сенаторъ уже

Библиотека "Руниверс"

уѣхалъ въ Петроградъ. Ревизія закончила свою дѣятельность и собиралась также уѣзжать вслѣдъ за своимъ патрономъ. Затѣмъ послѣдовали въ Ташкентѣ обычные пріемы торжественныхъ посольствъ отъ вассальныхъ ханствъ Бухары и Хивы; пошли суматошные дни первыхъ пріемовъ. Все это мѣшало взаимно присмотрѣться другъ къ другу. Самсоновъ лишь жаловался на большую работу по управленію, пріемы, утомлявшіе и отнимавшіе отъ генералъ-губернатора почти цѣликомъ весь день, лишавшіе его совершенно личной жизни.

Чтобы ознакомиться съ краемъ, Александру Васильевичу пришлось много попутешествовать по обширнымъ предѣламъ туркестанскаго генералъ-губернаторства.

По собственному сознанію его, поѣздки, совершаемыя, правда, какъ бы налетомъ, знакомили съ мѣстными дѣятелями, нуждами населенію, изъ подаваемыхъ ему многочисленныхъ прошеній, изъ бесѣдъ личныхъ. Генералъ-губернаторъ въ первый же годъ побывалъ въ Закаспійской и Самаркандской области, заглянулъ въ далекое Семирѣчье, переваливъ затѣмъ черезъ Кугартскій перевалъ въ Ферганскую область. Вездѣ онъ осматривалъ войска, учебныя и правительственныя учрежденія, а слѣдовавшій съ нимъ обыкновенно мой помощникъ по управленію канцеляріей А. А. Семеновъ производилъ ревизію учрежденій.

Приблизительно въ ноябрѣ 1908 года Самсоновъ пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ и, очень смущенный, сказалъ, что за время своего знакомства со мною и моей дѣятельностью онъ искренно привязался ко мнѣ, какъ полезному своему сотруднику, неутомимому работнику, что у него разсѣялись тѣ сомнѣнія и то недовѣріе, которое внушено ему было нѣкоторыми моими недоброжелателями и въ томъ числѣ ревизовавшимъ край сенаторомъ, представившимъ меня человѣкомъ хитрымъ и интриганомъ. Поэтому А. В. кается, что, выѣзжая изъ Петрограда, подъ впечатлѣніемъ этихъ нашептываній, онъ переговорилъ съ военнымъ министромъ, и мнѣ рѣшено было предоставить генеральскую должность по в.-судебному вѣдомству. По совѣту ревизовавшаго край, онъ пригласилъ было замѣстителемъ мнѣ одного изъ чиновниковъ ревизіи, но теперь проситъ меня остаться на своемъ посту и простить ему то недовѣріе, съ которымъ онъ, не зная меня лично, отнесся ко мнѣ и которое теперь совершенно разсѣялось. Самсоновъ проситъ меня только не сѣтовать на него за то, что онъ, несмотря на признанныя мои заслуги, не представляетъ меня теперь къ производству въ генералы, а отложитъ это представленіе до личнаго свиданія съ военнымъ министромъ, чтобы не дать повода къ новымъ сплетнямъ, будто бы управляющій канцеляріей «обошелъ» и новаго генералъ-губернатора.

Закончивъ объѣздъ края, А. В. къ концу 1908 г выразилъ желаніе во всеподданнѣйшемъ докладѣ представить свои взгляды на

Библиотека "Руниверс"

коренныя задачи управленія краемъ и испросить руководящихъ указаній правительства по поводу этихъ взглядовъ, чтобы управленіе носило не случайный характеръ, а согласовалось съ видами высшаго правительства, съ поставленными правительствомъ высшими задачами внутренней государственной политики.

Послѣдній всеподданнѣйшій отчетъ былъ по Туркестанскому краю представленъ генераломъ Духовскимъ за десять лѣтъ до назначенія Самсонова. Затѣмъ слѣдовали непрерывныя смѣны генералъ-губернаторовъ, едва успѣвавшихъ пріѣхать въ край и уже покидавшихъ его. Благодаря этой смѣнѣ, никакой опредѣленной тенденціи въ управленіи краемъ не проводилось, наконецъ сомое время измѣнило совершенно, благодаря создавшимся новымъ экономическимъ и политическимъ факторамъ и условіямъ, физіономію кроя, а, слѣдовательно, ставило и новыя задачи управленія. Въ силу этого самое положеніе объ управленіи краемъ, изданное въ 1886 году, оказывалось не соотвѣтствующимъ новымъ отношеніямъ, новымъ условіямъ. Въ составъ генералъ-губернаторства съ 1899 г. вышли новыя области: Закаспійская, Семирѣченская, которыя управлялись на основаніи своихъ особыхъ положеній, не объединенныхъ съ положеніемъ объ управленіи коренныхъ областей Туркестана (Сыръ-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская.)

Еще при генералѣ Тевяшевѣ былъ чисто канцелярскимъ путемъ, не привлекая мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, выработанъ проектъ новаго объединеннаго положенія. Проектъ этотъ, неудовлетворительный и устарѣвшій, находился въ Петроградѣ, ожидая безконечное время дальнѣйшаго движенія, пока изданіемъ въ 1906 г. Высочайшаго повелѣнія объ изъятіи Туркестана изъ вѣдѣнія военнаго министерства и передачѣ его, на общихъ основаніяхъ, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ не создавалась необходимость въ его коренномъ пересмотрѣ. Въ интересахъ же всесторонняго обслѣдованія началъ для такого пересмотра и была командирована въ край вышеупомянутая ревизія. Ея труды должны были послужить матерьялами для новаго положенія, еще и по настоящее время, однако, не вышедшаго. Генералъ Самсоновъ, ознакомившись съ краемъ и видя настоятельную нужду въ скорѣйшемъ изданіи новаго положенія, считалъ необходимымъ высказать и свои взгляды на основныя начала этого положенія, помимо работы сенаторской ревизіи, которые и задумалъ изложить въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, внеся въ послѣдній и свои соображенія о различныхъ коренныхъ вопросахъ по текущему управленію краемъ, испросивъ Высочайшую для нихъ санкцію.

Такимъ образомъ, въ этотъ отчетъ имъ были внесены путевыя впечатлѣнія, мысли и наблюденія генералъ-губернатора, вынесенныя изъ его поѣздокъ по обширному Туркестанскому краю.

А. В. особенное вниманіе обратилъ на крайне печальное поло-

Библиотека "Руниверс"

женіе школьнаго дѣла въ краѣ, на неурегулированность переселенческаго дѣла, вопросъ о водномъ законѣ, эксплоатацію казенныхъ земель частными предпринимателями въ цѣляхъ орошенія плодородной пустыни для разведенія хлопка и другія мѣропріятія къ подъему производительныхъ силъ страны, по проведенію Семирѣченской и Бухарской желѣзныхъ дорогъ, наконецъ на упорядоченіе и выясненіе отношеній нашихъ къ ханствамъ—Бухарѣ и Хивѣ. Много поработалъ онъ и надъ составленіемъ отчета о расширеніи и реформированіи боевыхъ силъ округа, въ виду событій въ Китаѣ, отразившихся и на пограничныхъ съ нами владѣніяхъ Китая—въ Кульджѣ. [1])

Посѣщая не только городскія, учебныя заведенія, но и сельскія школы, А. В. былъ пораженъ крайне печальнымъ положеніемъ какъ низшей школы въ краѣ, такъ и среднихъ городскихъ учебныхъ заведеній. Неудовлетворительная постановка преподаванія, не соотвѣтствующій учебный персоналъ, наконецъ несоотвѣтствіе школьныхъ программъ требованіямъ жизни. Чувствовалось полное отсутствіе общаго руководящаго надзора. Цѣлый рядъ приказовъ по краю отмѣчалъ иногда вопіющіе факты упадка учебнаго дѣла и его неправильной постановки. Эти дефекты А. В. относилъ отчасти къ тому, что во главѣ учебнаго дѣла стоялъ человѣкъ устарѣвшій, малодѣятельный. А. В. рѣшился настаивать на смѣнѣ этого чиновника передъ министромъ народнаго просвѣщенія, выхлопотавъ ему усиленную пенсію.

Если таково было положеніе русской школы, за которой какъ-никакъ слѣдили, наблюдали, то положеніе туземныхъ школъ, остававшихся безъ всякаго совершенно надзора и руководства, было болѣе чѣмъ печальное. Питомцы многочисленныхъ мусульманскихъ мактебе и медресе получали самое превратное представленіе о мірѣ и его явленіяхъ; ихъ юные умы насыщались религіозной схоластикой, комментаріями къ Корану или чтеніемъ и разборомъ эротическихъ, вѣрнѣе даже, порнографическихъ поэмъ персидскихъ поэтовъ съ Гафизомъ во главѣ. Мертвящая рутина царила въ этихъ школахъ.

Правда, въ это время и среди туземнаго населенія Туркестана, какъ бы отвѣчая нараставшему въ немъ сознанію необходимости истиннаго знанія, стали возникать и распространяться такъ называемыя новометодныя мактебе съ преподаваніемъ современной географіи, ариѳметики, съ обученіемъ грамотѣ по звуковому методу и т. п.,—но эти школы не были разсадниками того, что было желательно въ нашихъ интересахъ—истиннаго просвѣщенія—и вмѣстѣ съ тѣмъ проводниками началъ русской культуры, знакомства съ

---

[1]) Отчетъ о состояніи войскъ округа былъ представленъ отдѣльно и разрабатывался въ штабѣ туркестанскаго военнаго округа. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

Россіей, а носили узко націоналистическій характеръ. Необходимо было прибѣгнуть къ коренной реформѣ учебнаго дѣла въ краѣ, выработать новыя программы для туземныхъ и русско-туземныхъ школъ, не задѣвая и не оскорбляя религіознаго чувства мусульманъ, создать органы надзора за ними и т. п.

Какъ ни горячо взывалъ Самсоновъ къ министру народнаго просвѣщенія, указывая на недостатки школьнаго дѣла, на необходимость внести живую струю въ это дѣло, создать высшій органъ министерства въ лицѣ попечителя учебнаго округа,—этотъ голосъ его оказался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Къ концу 1910 года въ Туркестанъ былъ командированъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ Георгіевскій, но никакихъ существенныхъ и даже просто видимыхъ результатовъ поѣздка его для Туркестана не имѣла, «а возъ остался и нынѣ тамъ».

Въ связи съ реформой школьнаго дѣла А. В. горячо взялся за проведеніе въ жизнь проекта его предшественниковъ: г.г. Субботича, Гродекова и Мищенка—за созданіе въ Ташкентѣ курсовъ мѣстныхъ языковъ съ исторіей, географіей, правомъ мусульманскаго Востока, чтобы провести черезъ эти курсы весь наличный составъ мѣстной администраціи. Но и въ этомъ случаѣ не суждено было достичь успѣха: эти идеи, осуществленныя практичными англичанами въ ихъ индійскихъ владѣніяхъ, не встрѣтили сочувствія въ Петроградѣ и заглохли. Познакомившись ближе съ краемъ, А. В. чрезвычайно заинтересовался дѣятельностью народнаго суда, являющагося по своему вліянію на туземную среду важнымъ факторомъ, препятствующимъ проникновенію въ туземныя массы началъ гуманности и культуры. Ему представлялось весьма желательнымъ, не откладывая въ долгій ящикъ, немедленно же уничтожить первую единоличную и при томъ самую вредную и вліятельную инстанцію народнаго суда, замѣнивъ ее съѣздомъ трехъ выборныхъ народныхъ судей, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго участковаго мирового судьи, съѣзды же и чрезвычайные съѣзды народныхъ судей—какъ вторую и послѣднюю инстанцію народнаго суда—замѣнить сначала окружными судами, а затѣмъ съѣздомъ мировыхъ судей.

Еще больше вниманія и значенія А. В. придавалъ вопросамъ землеустройства какъ русскихъ переселенцевъ, такъ и коренного инородческаго населенія. Сознавая чрезвычайное государственное значеніе русской колонизаціи Туркестана, Самсоновъ видѣлъ, что эта колонизація для прочнаго водворенія новоселовъ въ краѣ требуетъ цѣлаго ряда мѣръ не только для надѣленія ихъ соотвѣтствующими земельными участками, но и обезпеченія въ смыслѣ ихъ дальнѣйшаго экономическаго благополучія въ сбытѣ произведеній ихъ труда, возможности постояннаго заработка и другихъ мѣропріятій, связанныхъ тѣсно съ широкимъ развитіемъ промышленности въ Туркестанскомъ краѣ.

Библиотека "Руниверс"

Ближайшая задача по переселенческому дѣлу сводилась къ подысканію свободныхъ годныхъ земель и орошенію новыхъ площадей, съ тѣмъ, однако, чтобы старожилы и туземное населеніе, особенно кочевое, были бы устроены на справедливыхъ основаніяхъ при новомъ положеніи вещей, приводящемъ ихъ къ необходимости потѣсниться и дать мѣсто основной государственной народности.

Самсоновъ находилъ полезнымъ въ цѣляхъ успѣшности колонизаціи края предоставить земствамъ нѣкоторыхъ губерній, дающихъ наибольшій процентъ переселенцевъ, возможность направить дѣйствительно нуждающихся въ землѣ крестьянъ этихъ губерній на тѣ переселенческіе участки, которые остаются въ вѣдѣніи главнаго управленія земледѣлія послѣ водворенія всѣхъ находящихся уже въ краѣ переселенцевъ. Благодаря такой мѣрѣ, неорганизованное переселеніе въ край превратилось бы въ организованное и явилась бы возможность направлять его съ такимъ расчетомъ, чтобы контингентъ новоселовъ вполнѣ обезпечилъ правильное развитіе земледѣлія въ занятыхъ ими мѣстностяхъ.

Чтобы подготовить и обезпечить значительно земельный фондъ для нуждъ русской колонизаціи, Самсоновъ настаивалъ на передачѣ такъ называемыхъ казенныхъ оброчныхъ статей, т. е. всевозможнаго рода угодій, сдававшихся въ аренду большею частью туземцамъ, преимущественно въ окрестностяхъ большихъ городовъ— переселенческому управленію, чтобы вокругъ этихъ населенныхъ преимущественно инородцами пунктовъ создать кольцо русскихъ селеній. Кромѣ того, Самсоновъ указывалъ на необходимость скорѣйшаго изданія правилъ объ отдачѣ свободныхъ казенныхъ земель для орошенія какъ частнымъ лицамъ, такъ и акціонернымъ компаніямъ, промышленнымъ товариществамъ съ тѣмъ, чтобы извѣстная часть орошенныхъ земель была уступаема безвозмездно ими на особыхъ льготныхъ условіяхъ въ переселенческій фондъ. Для широкой и правильной постановки переселенческаго дѣла главный начальникъ края выяснилъ правительству значеніе скорѣйшаго проведенія Семирѣченской дороги, новой сѣти земскихъ шоссе и улучшенныхъ групповыхъ дорогъ, относя послѣднія дорожныя работы на особую сумму, которую правительство ссудило бы взаймы въ мѣстные земскіе капиталы.

Я не буду болѣе утомлять читателей пересказомъ въ подробностяхъ тѣхъ мѣръ, которыя намѣчались Самсоновымъ для выполненія самой крупной государственной задачи русской колонизаціи края. Въ разработкѣ этихъ мѣропріятій Александру Васильевичу много помогалъ начальникъ управленія земледѣлія, нынѣшній генералъ-губернаторъ В. Сибири А. Н. Пильцъ. Чуждый самомнѣнія и вѣры въ свою непогрѣшимость и врагъ келейной, въ стѣнахъ однѣхъ канцелярій разработки крупныхъ вопросовъ, затрагивавшихъ интересы мѣстнаго населенія, Александръ Васильевичъ

Библиотека "Руниверс"

пользовался постоянно совѣтами мѣстныхъ свѣдущихъ людей, широко привлекая ихъ къ обсужденію и разработкѣ интересовавшихъ его вопросовъ, провѣряя такимъ образомъ свои личные взгляды и мнѣнія и не отстаивая только изъ ложнаго самолюбія то, что считалъ правильнымъ, цѣлесообразнымъ, если мѣстные свѣдущіе люди доказательно опровергали его взгляды.

Приведенныя соображенія о коренныхъ реформахъ къ дальнѣйшему развитію края, къ усовершенствованію административнаго его строя Александръ Васильевичъ предложилъ мнѣ изложить во всеподданѣйшемъ отчетѣ, который подготовлялся имъ для личнаго доклада государю въ задуманную имъ въ началѣ 1909 года поѣздку въ Петроградъ [1]).

Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ, во всеподданнѣйшій отчетъ внесены были и соображенія генералъ-губернатора объ отношеніяхъ нашихъ къ ханствамъ—Хивѣ и Бухарѣ. Упорядоченію и выясненію этихъ отношеній Самсоновъ придавалъ большое государственное значеніе. Теперь не время еще говорить объ его взглядахъ на эти отношенія, о предложенныхъ имъ мѣропріятіяхъ, въ интересахъ русской государственности, подъема экономическихъ силъ страны, а также объединенія всей туркестанской окраины съ остальными частями имперіи. Скажу только, что взгляды Александра Васильевича не были одобрены въ Петроградѣ и хотя не вызвали принципіальнаго возраженія, въ виду ихъ основательности, въ соотвѣтствующихъ министерствахъ, но тамъ рѣшили сохранить status quo, горячая же оппозиція Самсонова, ознакомившагося на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ и настаивавшаго на осуществленіи задуманнаго, навлекла на него глухую непріязнь нѣкоторыхъ прикосновенныхъ къ этимъ вопросамъ вѣдомствъ, причинившую впослѣдствіи немало огорченій Александру Васильевичу.

Въ началѣ 1909 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе Александру Васильевичу прибыть въ Петроградъ для всеподданнѣйшаго доклада и для участія въ рядѣ совѣщаній въ различныхъ министерствахъ по туркестанскимъ дѣламъ.

Не откладывая своей поѣздки, уже въ первыхъ числахъ января генералъ-губернаторъ выѣхалъ въ Петроградъ, захвативъ съ собою меня, полковника генеральнаго штаба Давыдова и личнаго своего адъютанта. Въ Петроградѣ Александръ Васильевичъ всегда останавливался въ «Hôtel de France». Здѣсь, въ бытность еще Александра Васильевича въ академіи генеральнаго штаба, произошла встрѣча его съ знаменитымъ нашимъ путешественникомъ Пржевальскимъ.

---

[2]) Въ составленіи отчета принимали участіе помощникъ военнаго губернатора С. А. Геппенеръ, обладающій «золотымъ перомъ», А. А. Семеновъ—почтенный оріенталистъ, помощникъ мой по должности управляющаго канцеляріей, нынѣ покойный полковникъ К. М. Ермаковскій и бывшій секретарь совѣта генералъ-губернатора Лейбинъ. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

Александръ Васильевичъ всегда занималъ во время завтраковъ излюбленный столикъ у окна; публики тамъ всегда собиралось много, мѣсто было оставлено заранѣе, другихъ мѣстъ не было. Вошелъ полковникъ генеральнаго штаба, высокій, представительный, съ пышной шевелюрой сѣдѣющихъ волосъ. Оглянувшись и не найдя соотвѣтствующаго мѣста, полковникъ просилъ Александра Васильевича разрѣшить сѣсть за одинъ столъ. Самсоновъ видѣлъ, что это лицо знакомо, но, какъ ни напрягалъ память, не могъ припомнить, съ кѣмъ онъ имѣлъ удовольствіе бесѣдовать. Пржевальскій былъ интересный разсказчикъ, слушать его было истиннымъ наслажденіемъ: быстро пролетѣлъ часъ-другой за столомъ, но инкогнито все-таки не было открыто. Только уже прощаясь, Пржевальскій спросилъ Самсонова, будетъ ли онъ вечеромъ на лекціи, которую онъ собирается читать въ академіи. Тутъ лишь Александръ Васильевичъ догадался, кто былъ его интересный собесѣдникъ. Послѣ этого установились добрыя отношенія, довольно тѣсное знакомство между Александромъ Васильевичемъ и Пржевальскимъ и даже проектъ участія Самсонова въ одномъ изъ ближайшихъ путешествій Пржевальскаго въ Средней Азіи, оставшійся, однако, не осуществленнымъ.

Въ Петроградѣ Александръ Васильевичъ съ самаго ранняго утра до глубокаго вечера былъ занятъ то пріемомъ прошеній, то служебными визитами, то выслушиваніемъ докладовъ по разнымъ текущимъ вопросамъ, то участіемъ во всякихъ совѣщаніяхъ; когда же ему приходилось присутствовать на засѣданіяхъ Совѣта Министровъ, послѣднія затягивались и до глубокой ночи. Въ Царскомъ Селѣ Самсоновъ былъ очень милостиво принятъ и въ восторгѣ разсказывалъ о пріемѣ его Государемъ и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Чрезвычайно удачно прошли совѣщанія Александра Васильевича съ бывшимъ главноуправляющимъ земледѣлія и землеустройства А. В. Кривошеинымъ.

Послѣдній весьма предупредительно относился къ Самсонову. Всѣ недоумѣнія, вопросы, возникавшіе въ отношеніяхъ генералъ-губернатора и главнаго управленія, предупредительно были разрѣшены Кривошеинымъ. Самсоновъ всегда цѣнилъ это доброжелательное отношеніе къ нему главноуправляющаго, облегчавшее ему управленіе Туркестаномъ, такъ какъ въ жизни послѣдняго особенное значеніе играетъ именно согласованная дѣятельность администраціи съ представителями вѣдомства земледѣлія и землеустройства.

Въ бытность свою въ Петроградѣ Самсоновъ, пользуясь добрымъ къ нему отношеніемъ А. В. Кривошеина, уладилъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ колонизаціи Туркестана, обострившійся, благодаря треніямъ между мѣстной административной властью и мѣстными чинами переселенческаго управленія, а именно весьма важный

Библиотека "Руниверс"

вопросъ объ узаконеніи отвода русскимъ самовольцамъ-переселенцамъ уступленныхъ по взаимному соглашенію ихъ съ киргизами земель для прочнаго устройства этихъ переселенцевъ и осѣвшихъ уже киргизъ. Рѣшеніе этого вопроса о такъ называемыхъ кугартскихъ переселенцахъ (въ Андижанскомъ уѣздѣ Ферганской области) послужило темой ряда статей въ «Русскомъ Знамени», обвинявшихъ Самсонова и Кривошеина, путемъ подтасовки и извращенія фактовъ, въ какомъ-то игнорированіи интересовъ господствующей народности и заботахъ о завоеванныхъ пролитою русскою кровью туземцахъ. Статьи эти принадлежали перу нынѣ покойнаго Ш., бывшаго чиновника переселенческаго управленія, человѣка даровитаго, но неустойчиваго по своимъ нравственнымъ качествамъ, удаленнаго Самсоновымъ изъ Туркестана послѣ обнаруженія произведенной по распоряженію генералъ-губернатора ревизіей злоупотребленій. Ш. не могъ простить Самсонову этого и злобно преслѣдовалъ его въ печати, клевеща на него до послѣднихъ минутъ своей жизни. Эта травля отравила не мало дней жизни г. Самсонову, заставляя его терять душевное равновѣсіе, отражаясь и на его отношеніяхъ къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и т. п.

Не такъ удовлетворительно протекали совѣщанія по другимъ вопросамъ. Особенно разстроенъ былъ Александръ Васильевичъ результатами особаго совѣщанія, въ которомъ предсѣдательствовалъ П. А. Столыпинъ, объ отношеніяхъ нашихъ къ Хивѣ и Бухарѣ. Засѣданіе затянулось до двухъ съ половиною часовъ ночи. Взволнованный, вернувшійся изъ совѣта министровъ, Александръ Васильевичъ, всегда деликатно относившійся къ чужому покою, не удержался, чтобы не подѣлиться со мною своими впечатлѣніями, и глухою ночью пришелъ ко мнѣ въ номеръ.

Александра Васильевича особенно безпокоило тревожное настроеніе, которое господствовало въ Бухарѣ, выразившееся въ столкновеніи народныхъ массъ въ Ст. Бухарѣ, какъ разъ во время нашего отъѣзда изъ Туркестана суннитовъ противъ шіитовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ подавляющее количество высшихъ бухарскихъ чиновниковъ съ Кушъ-беги во главѣ. Это движеніе подтверждало высказанное Самсоновымъ въ совѣтѣ министровъ положеніе о необходимости коренныхъ реформъ въ Бухарѣ. Поэтому оставленіе status quo, къ чему склонялось большинство членовъ совѣщанія, поддерживало въ немъ тревогу за будущее.

Въ Петроградѣ вскорѣ появился эмиръ бухарскій, получившій разрѣшеніе прибыть въ столицу по случаю 25-лѣтняго управленія имъ Бухарой, несмотря на не вполнѣ еще мирное настроеніе народныхъ массъ въ его ханствѣ.

Почтенный Сеидъ-Абдулъ-ханъ, эмиръ бухарскій, былъ ласково принятъ государемъ, получилъ драгоцѣнные знаки высочайшаго расположенія и былъ назначенъ шефомъ 5-го Оренбургскаго ка-

Библиотека "Руниверс"

зачьяго полка. Начался рядъ торжественныхъ обѣдовъ, раутовъ въ честь эмира, отнимавшихъ не мало времени у генералъ-губернатора. Самсоновъ стремился скорѣе вернуться въ Ташкентъ, гдѣ до его пріѣзда было отложено и оставлено безъ движенія его замѣстителемъ много текущихъ дѣлъ. Не задолго до отъѣзда изъ Петрограда, Самсоновъ дѣлалъ докладъ въ Совѣтѣ Министровъ по вопросу о выселеніи изъ края Бухарскихъ евреевъ, которымъ оканчивалась послѣдняя отсрочка ихъ пребыванія во всѣхъ безъ исключенія мѣстностяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Здѣсь Самсоновъ высказалъ свои гуманные взгляды на необходимость извѣстныхъ льготъ въ проведеніи этой мѣры, поддержанные бывшимъ министромъ финансовъ Коковцевымъ, не согласившись съ болѣе суровымъ для евреевъ рѣшеніемъ этого вопроса, предлагавшимся въ докладъ канцеляріи генералъ-губернатора.

Къ началу марта мы вернулись въ Ташкентъ. Въ виду полученныхъ въ Петроградѣ указаній, всеподданнѣйшій докладъ генералъ-губернатора былъ измѣненъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ.

Въ Туркестанѣ началась работа по выработкѣ деталей нѣкоторыхъ мѣръ, проектированныхъ Самсоновымъ по управленію; обсуждались и подготовлялись матеріалы для особаго совѣщанія, которое должно было, подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, разсмотрѣть результаты сенаторской ревизіи Туркестана и вмѣстѣ разрѣшить вопросъ о новомъ положеніи объ управленіи краемъ. Сенаторская ревизія бережно охраняла секретность своихъ трудовъ, какъ бы боясь, что преданіе ихъ гласности можетъ уменьшить ихъ цѣнность, вызвать нежелательныя возраженія. Приходилось съ трудомъ доставать томы сенаторскаго отчета, чтобы провѣрить приводимыя тамъ данныя, иногда противорѣчивыя, иногда ошибочныя, для оцѣнки поставленныхъ ревизіей положеній о реформированіи всѣхъ отраслей экономической и административной жизни Туркестана и нормъ его управленія. А. В. по поводу выводовъ ревизіи подготовлялъ свою записку. Въ этой запискѣ онъ отстаивалъ расширеніе полномочій и власти генералъ-губернатора по отношенію ко всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ судебнаго и государственнаго контроля въ краѣ для объединенія ихъ дѣятельности, находилъ необходимымъ сохранить край въ вѣдѣніи военнаго министерства. Я лично не соглашался съ этими послѣдними взглядами по многимъ соображеніямъ, которые здѣсь не мѣсто приводить, и въ этомъ кореннымъ образомъ разошелся съ генералъ-губернаторомъ, хотя исполнилъ, какъ подчиненный, порученную мнѣ работу по составленію записки по предначертанію А. В.

Въ концѣ 1910 года А. В. проявилъ много энергіи въ организаціи самой широкой помощи пострадавшему отъ сильнаго землетрясенія населенію Семирѣченской области. Несмотря на продолжав-

Библиотека "Руниверс"

шіяся еще колебанія почвы, повторявшіеся довольно значительные толчки, причинявшіе все новые и новыя разрушенія въ Вѣрномъ и окрестныхъ селеніяхъ, А. В. рѣшилъ лично на мѣстѣ обслѣдовать размѣры бѣдствій и выѣхалъ въ Вѣрный.

Въ августѣ 1910 года началось дѣло полковника К., связаннаго со мною узами родства, явно возбужденное только съ цѣлью повредить моему служебному положенію,—дѣло, вопіющее по пристрастнымъ и неправильнымъ выступленіямъ нѣкоторыхъ чиновъ мѣстной судебной власти, [1]) какъ впослѣдствіи признано было сенатомъ, окончившееся оправданіемъ по недоказанности самаго событія, вмѣнявшагося ему въ вину. Полковникъ К. , начальникъ отдѣльной части, человѣкъ безукоризненной честности, корректный, уравновѣшенный, пользовался въ войскахъ Туркестанскаго округа и мѣстномъ обществѣ заслуженнымъ почетнымъ положеніемъ. Самсонову полковникъ К. былъ лично очень мало извѣстенъ, и потому онъ легко поддался усердному нашептыванію нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ, стремившихся удалить меня отъ главнаго начальника края, и повѣрилъ распускавшимся сплетнямъ, умѣло сфабрикованнымъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, А. В. не разъ сѣтовалъ на себя за то, но въ то время онъ не проявилъ ни достаточной проницательности, чтобы понять истинную подкладку дѣла, ни мужества, чтобы защитить почтеннаго штабъ-офицера. Дѣло это надѣлало много шуму въ Туркестанѣ и послужило въ ущербъ популярности А. В. въ войскахъ Туркестанскаго округа. Полковникъ К., произведенный въ генералы, вскорѣ вышелъ въ отставку и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сошелъ въ могилу отъ тяжелой нервной болѣзни, развившейся у него вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія, вызваннаго пережитымъ незаслуженнымъ преслѣдованіемъ.

Вотъ этимъ-то дѣломъ, какъ я сказалъ, поспѣшили воспользоваться нѣкоторыя окружавшія Самсонова лица, чтобы удалить меня отъ генералъ-губернатора и возбудить его недовѣріе ко мнѣ именно на почвѣ этого дѣла.

Нѣкоторымъ окружавшимъ Самсонова людямъ было выгодно возбудить его недовѣріе. Эти люди старались дѣйствовать и на меня для того, чтобы разссорить съ А. В. Мнѣ предложено было мѣсто губернатора, все было оформлено, но назначеніе это не состоялось. Въ мартѣ 1911 года, взявъ сначала отпускъ, я затѣмъ перешелъ въ другое вѣдомство. Провожая меня у себя въ старомъ губернаторскомъ домѣ и затѣмъ въ публичной рѣчи на станціи желѣзной дороги А. В. высказалъ свое глубокое сожалѣніе, что временно разстается со мной, благодарилъ за сотрудничество въ теченіе почти трехъ лѣтъ по гражданскому управленію Туркестаномъ; свою благодарность онъ изложилъ и въ приказѣ по Туркестанскому краю.

---

[1]) Вскорѣ удаленныхъ изъ Туркестанскаго края.

Библиотека "Руниверс"

Когда я пріѣхалъ изъ Ташкента въ апрѣлѣ 1911 года въ Петроградъ и представлялся П. А. Столыпину, то послѣдній задалъ мнѣ вопросъ: «Вѣдь вы разссорились съ Самсоновымъ?» Я былъ чрезвычайно удивленъ этимъ вопросомъ и, конечно, отвѣтилъ отрицательно. Какъ оказалось, мои враги, не успѣвъ разссорить еще меня съ А. В., разглашали объ этомъ усиліи своемъ, какъ достигшемъ цѣли.

Въ маѣ 1911 года я съѣхался, по соглашенію, съ А. В. Самсоновымъ, къ которому я лично сохранилъ добрыя чувства, въ Петроградѣ. Онъ только что принятъ былъ Его Величествомъ и подъ впечатлѣніемъ милостиваго отношенія къ представленному имъ всеподданнѣйшему отчету горячо благодарилъ меня за отчетъ и совмѣстную службу.

Въ это время въ Петроградѣ уже начала свои засѣданія особая комиссія подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера, о которой я упоминалъ выше. А. В. принималъ дѣятельное участіе въ ея первыхъ засѣданіяхъ, но затѣмъ ему пришлось уѣхать изъ Петрограда за границу вслѣдствіе болѣзни сердца, обострившейся переутомленіемъ.

Въ 1912 году разразилось совершенно неожиданно для туркестанскихъ военныхъ властей возстаніе въ саперныхъ частяхъ округа. Это дѣло причинило не мало хлопотъ и непріятности А. В.

Въ 1913 году въ маѣ мѣсяцѣ состоялось торжественное освященіе въ Ташкентѣ памятника устроителю и покорителю Туркестанскаго края К. П. Кауфману, и тогда же совершилось большое культурное событіе—открытіе въ Голодной степи большого оросительнаго канала императора Николая Второго. Въ скорѣйшемъ завершеніи работы по сооруженію этого канала А. В. принималъ самое дѣятельное участіе: настаивалъ на примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ для ускоренія земляныхъ работъ, беззамедлительномъ отпускѣ кредитовъ и т. п.. Ему не пришлось видѣть и осуществленіе одной изъ важнѣйшихъ въ жизни Туркестана желѣзнодорожныхъ линій: при немъ приступили наконецъ къ работамъ по соединенію рельсовымъ путемъ Семирѣчья съ Оренбургской желѣзной дорогой. Значеніе этого пути въ дальнѣйшей экономической жизни Туркестана ясно сознавалъ А. В., и много энергіи и настойчивости употребилъ онъ, чтобы давно задуманный путь этотъ наконецъ былъ проложенъ для вывоза дешеваго семирѣченскаго хлѣба въ Ферганскую и Самаркандскую области для освобожденія плодородныхъ земель этихъ областей подъ посѣвы хлопка.

Послѣ этого я встрѣчалъ А. В., когда онъ пережилъ тяжелыя событія въ Туркестанѣ — упомянутый бунтъ саперныхъ частей и другія непріятности по управленію. Это было въ мартѣ 1914 года. Онъ сильно измѣнился, посѣдѣлъ. Свиданіе наше было очень кратковременно, такъ какъ я въ этотъ же день выѣзжалъ въ Вильну и долженъ былъ спѣшить. А. В. разсказалъ мнѣ, что обсу-

Библиотека "Руниверс"

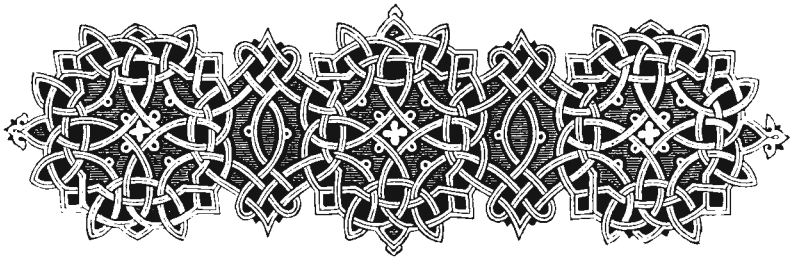
ждался вопросъ о назначеніи его въ Варшаву генералъ-губернаторомъ и назначеніе это для него весьма желательно, онъ считаетъ, что принесетъ тамъ пользу, зная таможнія войска и край, но, повидимому, назначеніе это встрѣчаетъ противодѣйствіе, говорилъ о возможности другого назначенія на другую окраину, во всякомъ случаѣ о несомнѣнномъ оставленіи имъ Туркестана. Мы поцѣловались и разстались, и больше А. В. я не видѣлъ. Лѣто 1914 года онъ провелъ на Кавказѣ съ семьей и совершенно неожиданно получилъ назначеніе командующаго 2-й арміей. Проводивъ семью и не возвращаясь въ Туркестанъ, А. В. прослѣдовалъ въ армію, съ нимъ поѣхали нѣкоторые изъ его близкихъ друзей, служившихъ въ Туркестанѣ.

Какъ грустно, что эти близкіе люди оставили А. В. одного въ тяжелыя минуты его горя, послѣ разразившейся надъ частями его арміи катастрофы, и онъ умеръ совершенно одинокимъ, настолько одинокимъ, что о подробностяхъ послѣднихъ его минутъ никто ничего достовѣрнаго не знаетъ. Одно только несомнѣнно, что безвременно погибъ одинъ изъ выдающихся нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, даровитый администраторъ, врагъ рутины и застоя, человѣкъ съ блестящимъ живымъ умомъ, честный труженикъ, рѣдкій семьянинъ.

Миръ его праху!

В. Мустафинъ.

Библиотека "Руниверс"



ЕГОРЬЕВСКІЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА Н. М. БАРДЫГИНЪ.

ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ноября 1901 г. въ гор. Егорьевскѣ происходило необычайное зрѣлище: въ темный осенній вечеръ, при мерцаніи задрапированныхъ трауромъ фонарей, переносилось тѣло почившаго Никифора Михайловича Бардыгина въ Успенскій соборъ, въ сопровожденіи рязанскаго епископа Поліевкта, двухъ архимандритовъ, всего духовенства города и ближайшихъ селъ, въ преднесеніи хоругвей, при перезвонѣ колоколовъ, пѣніи двухъ хоровъ и въ присутствіи массы народа. На другой день, по совершеніи заупокойной литургіи и отпѣваніи покойнаго гробъ его съ такимъ же торжественнымъ шествіемъ перенесенъ былъ по траурно задрапированнымъ улицамъ въ монастырскій Свято-Троицкій храмъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Желавшихъ понести покойнаго было такъ много, что несшіе безпрерывно чередовались. Весь городъ былъ налицо, не пришелъ лишь тотъ, кто не могъ.

Такъ провожали своего излюбленнаго голову благодарные сограждане. И было за что: 29 лѣтъ онъ безсмѣнно стоялъ на своемъ посту, безвозмездно исполняя свою обязанность, и въ продолженіе этого времени отдавалъ много труда и своихъ средствъ для поднятія его благосостоянія и изъ захолустнаго грязнаго городка превратилъ его въ благоустроенный городъ, отвѣчающій всѣмъ потребностямъ обывателей. То, чѣмъ былъ Егорьевскъ до него и чѣмъ онъ сталъ послѣ него, представляется поразительнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Прошло 15 лѣтъ послѣ смерти Бардыгина, и за все это время мнѣ не приходилось встрѣчать въ печати какихъ-либо отзвуковъ объ этомъ выдающемся и симпатичномъ дѣятелѣ. Неужели онъ забытъ? Весной этого года я совершенно неожиданно обрадованъ былъ любезно представленнымъ мнѣ сыномъ покойнаго Бардыгина Михаиломъ Никифоровичемъ экземпляромъ изданной имъ книги, посвященной памяти незабвеннаго его родителя. Это роскошное изданіе на веленевой бумагѣ, со множествомъ гравюръ на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, какъ самого Бардыгина, такъ и лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ его дѣятельности, а также снимковъ съ видовъ города, церквей съ ихъ старинными образами и другихъ зданій, какъ существовавшихъ до него, такъ и созданныхъ имъ. Трудъ этотъ исполненъ А. А. Виталемъ, планъ же работы и окончательная редакція принадлежатъ С. Ф. Шарапову. Къ сожалѣнію, книга эта остается неизвѣстной большой публикѣ, въ продажѣ ея не имѣется; она издана для семейства, родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Это, безъ сомнѣнія, самый лучшій памятникъ, который могъ оставить благодарный сынъ своему отцу въ поученіе своимъ дѣтямъ и потомкамъ. Все это прекрасно. Но выдающаяся личность покойнаго Бардыгина и безпримѣрная дѣятельность его по устройству города должны быть общимъ достояніемъ. Составленный мною очеркъ жизни и дѣятельности Н. М. Бардыгина на основаніи имѣющейся у меня собственноручной записки его, написанной по моей просьбѣ и дополненной недостающими свѣдѣніями изъ вышеупомянутой книги, представляется на благосклонное вниманіе читателей «Историческаго Вѣстника».

I.

Считаю нелишнимъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о происхожденіи гор. Егорьевска и мѣстности, занимаемой имъ. Окружающая природа и самая почва, несомнѣнно, до извѣстной степени вліяютъ на человѣка, отражаясь во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ и дѣятельности его. Егорьевскъ съ его уѣздомъ, расположенный въ сѣверной части Рязанской губерніи, получилъ настоящее названіе въ 1778 г.; до того же на его мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ было село Высокое, существованіе котораго отмѣчено впервые въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича Калиты 1328 г. Село Высокое составляло отчину князей московскихъ, потомъ принадлежало святителю Алексѣю митрополиту московскому, и затѣмъ пожаловано Чудову монастырю въ Москвѣ. При царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Ми-

Библиотека "Руниверс"

хайловичѣ селу Высокому предоставлены нѣкоторыя преимущества: еженедѣльный торгъ и учрежденія волостеля. Въ царствованіе Петра Великаго, при отобраніи отъ монастырей части ихъ земельныхъ владѣній, село Высокое было отписано отъ Чудова монастыря со всею волостію, и затѣмъ село это преобразовано въ безуѣздный городъ, а въ 1778 г. въ уѣздный, подъ именемъ Егорьевска. Почему дано этому вновь образованному городу имя Егорьевскъ? Въ церкви села Высокаго хранилась очень древняя рѣзная икона св. великомученика Георгія, весьма чтимая. На этой иконѣ имѣется надпись, учиненная въ 1847 году, въ которой значится, что «по древнему преданію и истлѣвшей надписи сей рѣзной образъ св. Георгія положенъ вкладу въ село Высокое въ 1500 г. бояриномъ и воеводою Георгіемъ (онъ же Юрій) Захарьевымъ, прапрадѣдомъ царя Михаила Ѳедоровича Романова, послѣ взятія имъ литовскаго города Дорогобужа». Предполагаютъ, что бояринъ Захарьевъ оказалъ такое вниманіе с. Высокому, какъ бывшей вотчинѣ св. митрополита Алексѣя, въ день памяти котораго, 20 мая, совершается крестный ходъ вокругъ всего города. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія образъ св. Гергія былъ въ войскѣ князя Димитрія Пожарскаго при одержаніи имъ первой побѣды надъ поляками. Почитаніе образа св. Георгія росло въ населеніи с. Высокаго, хотя и медленно, но прочно. Въ тяжелый 1812 годъ населеніе города, совершенно беззащитное, опасаясь появленія французскихъ мародеровъ, прежде всего подумало о сохраненіи иконы св. Георгія, украшенной серебряной ризой; староста Лежневъ хотѣлъ вынуть ее изъ ея мѣста и укрыть на время, пока мародеры не уйдутъ; но икона почему-то не выходила. Ночью ему приснилось, что онъ опять старается вынуть икону, но вдругъ св. Георгій говоритъ ему: «Не безпокойся, сюда враги не придутъ». Икону оставили на своемъ мѣстѣ, и мародеры въ Егорьевскъ не приходили. Съ этого времени св. Георгій сталъ какъ бы защитникомъ города, его патрономъ. Духъ населенія вѣками какъ бы впитался святостію и силою св. Георгія, онъ сталъ для него, какъ свой, близкій защитникъ отъ всѣхъ враговъ и напастей и какъ предстатель за него предъ Богомъ. Еще въ селѣ Высокомъ поставлена былъ деревянная церковь во имя св. Георгія, затѣмъ старообрядцами сооружена уже каменная церковь, тоже во имя св. Георгія; въ бѣломъ Успенскомъ соборѣ поставленъ драгоцѣнный кіотъ для помѣщенія въ немъ образа того же святого. До какой степени культъ св. Георгія прочно обосновался въ населеніи, можно судить по слѣдующему: въ 1876 году мѣщанское общество постановило поднести Н. М. Бардыгину за его труды и заботы по благоустройству города благодарственный адресъ и икону. Можно было ожидать, что икона будетъ съ изображеніемъ св. Никифора, какъ патрона Бардыгина, или Спасителя, благословляющаго дѣтей, которыхъ такъ любилъ

Библиотека "Руниверс"

покойный Бардыгинъ и объ образованіи которыхъ такъ много заботился. Ничего подобнаго. Образъ былъ поднесенъ все того же св. Георгія. Самое названіе села постепенно начало игнорироваться, какъ бы забываться. Народъ сталъ называть его просто Егорій. Вотъ почему при преобразованіи села въ городъ онъ получилъ имя Егорьевска.

Наслѣдство, полученное новымъ городомъ отъ села Высокое-Егорій, было очень скудное. Село это, несмотря на длительное свое существованіе, не создало никакого промысла, оно, можно сказать, прозябало и было бѣдно. Единственная драгоцѣнность его была образъ св. Георгія и построенная въ честь его церковь; при ней появился даже какой-то лѣтописецъ, который въ своей церковной записи отмѣчалъ кратко нѣкоторыя свѣдѣнія. Такъ, онъ передаетъ, что съ преобразованіемъ Егорьевска въ уѣздный городъ онъ въ 1796 г. былъ оставленъ за штатомъ по 1804 г., когда былъ возстановленъ по указу сената 24 апрѣля 1802 г. Можно поэтому допустить, что на возведеніе села въ городъ Егорьевскъ повліялъ образъ св. Георгія и что самое названіе ему дано въ честь этого святого.

Егорьевскъ съ своимъ уѣздомъ, расположенный въ сѣверной части губерніи, не принадлежитъ къ числу хлѣбородныхъ. Почва, окружающая городъ, песчаная, болотистая; большія лѣсныя угодья разстилались вокругъ города, земля безъ постояннаго удобренія почти ничего не родитъ и потому засѣвается настолько, сколько хватаетъ удобренія. Жители всѣ были крестьяне на положенномъ окладѣ, не были поэтому обезпечены въ своемъ существованіи землей, и многіе изъ нихъ сдавали свои участки за безцѣнокъ для пользованія другимъ лицамъ, а сами занимались разными промыслами или уходили на работы въ другія мѣста. Торговля была незначительна, преимущественно ярмарочная, торговали хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ уѣздовъ, хмелемъ, кожами, деревянной посудой. Населеніе было незначительно: въ городѣ было всего 106 дворовъ съ населеніемъ до 500 душъ обоего пола. Были двѣ церкви, обѣ деревянныя: Казанская и Георгіевская. Школы не было ни одной. Всего болѣе поражаетъ малочисленность населенія. Село Высокое существовало пять столѣтій, а можетъ быть и больше; за такой періодъ времени оно должно было давно превратиться въ большое населенное мѣстечко, если не городъ. Но если этого не случилось, надо полагать, что мѣстныя естественныя условія не давали возможности существованія приросту населенія и оно уходило въ другія мѣста на заработки и тамъ осѣдало. Такое наслѣдство приняло городское управленіе въ свое завѣдываніе. Положеніе его было не изъ легкихъ: населеніе было земледѣльческое, въ городѣ не было ни промышленныхъ заведеній, ни значительной торговли, оставалось ограничиться сборомъ поземельныхъ налоговъ, но эти доходы не покрывали вполнѣ даже самыхъ существенныхъ нуждъ,

Библиотека "Руниверс"

и городъ продолжалъ оставаться все въ томъ же жалкомъ видѣ, безъ всякихъ улучшеній, сколько-нибудь отличающихъ его отъ села, городскіе заправилы топтались на одномъ мѣстѣ и ни шагу впередъ. Такъ прошло не мало времени.

То, чего недоставало городскимъ заправиламъ,—таланта, творчества, умѣнія поднять производительность въ населеніи, проявилось, помимо ихъ, въ предпріимчивомъ духѣ самого населенія. Въ числѣ промысловъ его наиболѣе преобладало кустарное ткачество, которое въ 20-хъ годахъ начало быстро распространяться, съ появленіемъ первыхъ ручныхъ станковъ, какъ въ самомъ Егорьевскѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ; затѣмъ въ городѣ начали появляться разныя бумажно-ткацкія производства. Крестьянинъ Василій Карцовъ первый положилъ начало хлопчатобумажной промышленности въ городѣ, онъ развилъ крупное дѣло и уже можно было предвидѣть, что Егорьевскъ ожидаетъ богатая будущность. Карцовъ былъ лишь первой ласточкой. Вслѣдъ за нимъ на горизонтѣ появилась семья орловъ, ткачей Хлудовыхъ. Эти богатыри повели дѣло широко и общими трудами достигли значительнаго матеріальнаго достатка и завели торговлю съ Москвой. Послѣ смерти отца четыремъ братьямъ Хлудовымъ осталось въ наслѣдство до 200.000 р. деньгами и имуществомъ. На этомъ они не успокоились. Въ 1842 году братья Хлудовы учредили торговый домъ своего имени и затѣмъ приступили къ постройкѣ бумагопрядильной фабрики на предложенномъ имъ городомъ участкѣ земли, выписали усовершествованныя машины и пригласили опытныхъ руководителей. Въ короткое время, въ какіе-нибудь десять лѣтъ Хлудовы имѣли уже болѣе милліона чистаго капитала. По ихъ ходатайству проведена желѣзнодорожная вѣтвь къ городу Егорьевску отъ ст. Воскресенскъ Московско-Казанской дороги, чѣмъ значительно была облегчена отправка товаровъ въ другія мѣста. Такимъ образомъ братья Хлудовы подняли городъ, превративъ его изъ захолустнаго въ бойкій промышленный и торговый пунктъ, и тѣмъ положили прочное основаніе дальнѣйшему его развитію и благосостоянію. Но городъ пока все еще находился въ нищенскомъ положеніи, не отвѣчающемъ потребностямъ и удобствамъ его уже значительно возросшаго населенія. Нуженъ былъ умный дѣятельный хозяинъ, который, пользуясь увеличивающимися съ каждымъ годомъ средствами города, поставилъ бы его въ положеніе, отвѣчающее назрѣвшимъ его потребностямъ. Къ этому времени послѣдовало утвержденіе новаго городового положенія, и когда очередь примѣненія его дошла до Егорьевска, городскимъ головой избранъ былъ въ 1872 г. Н. М. Бардыгинъ, пользовавшійся въ городѣ довѣріемъ, честностію и дѣловитостію. Выборъ былъ болѣе чѣмъ удачный. Бардыгинъ сдѣлалъ для города то, чего отъ него и не ожидали и чего и во снѣ никому не грезилось.

Библиотека "Руниверс"

II.

Н. М. Бардыгинъ родился 4 марта 1835 года. Отецъ и мать его были типичными представителями людей такъ называемаго «древляго благочестія», перешедшаго къ нимъ отъ своихъ родителей, а, можетъ быть, и отъ болѣе отдаленныхъ предковъ. Христіанство чрезъ своихъ проповѣдниковъ внесло въ народную массу бездну всевозможной нравственной и физической чистоты, но главное то, что они, проповѣдники, старались эгоистическое сердце человѣка развить въ сердце всескорбящее, обобщить его разумомъ и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ. Эта проповѣдь запала въ душу наиболѣе воспріимчивыхъ лицъ и освѣтила ихъ жизненный путь во всѣхъ проявленіяхъ до малѣйшихъ мелочей и создала людей «древляго благочестія», пронесшихъ свою вѣру черезъ вѣка тяжкихъ испытаній и невзгодъ и сохранившихъ ее до нашего времени. Это люди, ищущіе прежде всего правды, не знающіе лжи въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и проникнутые самоотверженіемъ, какъ идеею христіанства въ самомъ дѣлѣ. Въ средѣ этихъ Божьихъ людей создались поговорки, сдѣлавшіяся народнымъ достояніемъ и какъ бы иллюстрировавшія ихъ вѣру. Таковы: «Богъ все видитъ», «безъ Бога ни до порога», «молитва за Богомъ не пропадетъ», «Богъ далъ, Богъ и взялъ», «бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ» и т. п. Таковы были и родители Бардыгина: глубокая вѣра въ промыселъ Божій, непрестанный трудъ, молитва дома и въ церкви и помощь впавшимъ въ бѣдность. Мать его, Гликерія Александровна, въ молитвѣ за дѣтей просила у Бога одного, чтобы они были благочестивы. Изъ четырехъ дочерей ея только одна была замужемъ, а остальныя въ цвѣтущихъ лѣтахъ поступили въ монастырь по собственному желанію.

Въ такой атмосферѣ, насыщенной молитвой, трудомъ, добротой къ ближнему, росъ мальчикъ Бардыгинъ, и, когда настало время ученія, родители пригласили ходившую читать псалтирь надъ покойниками вѣковушку Пашиху обучать его грамотѣ, потомъ учился онъ у дьячка Дмитрія Лебедева, и этимъ образованіе его кончилось. Чему эти педагоги его научили? Вѣроятно, немногому, но несомнѣнно, что ихъ уроки пробудили въ немъ любознательность и любовь къ чтенію, которая не оставляла его въ продолженіе всей жизни, и онъ такимъ образомъ путемъ самообразованія, при хорошихъ способностяхъ, пріобрѣлъ достаточно знаній и свѣдѣній и стоялъ въ курсѣ современныхъ идей. Съ ранняго возраста Бардыгинъ началъ помогать отцу въ занятіяхъ по торговлѣ хлѣбнымъ товаромъ: трудился по дому и по лавкѣ, ѣздилъ въ Коломну за мукой и въ ближайшее село Орѣхово съ хлѣбомъ, баранками и пряниками. Мелочная торговля эта

Библиотека "Руниверс"

не обезпечивала существованія семейства Бардыгина; но у него былъ свой двухъэтажный домъ, верхній этажъ отдавался внаймы, что и служило ему подспорьемъ; въ нижнемъ же этажѣ была лавка, хлѣбная пекарня и кухня, гдѣ и помѣщалась вся семья Бардыгина. Такъ шло торговое дѣло этой семьи до Крымской кампаніи. Съ окончаніемъ войны цѣны на хлѣбъ внезапно упали, а у отца Бардыгина было принято много хлѣба, купленнаго въ степи по дорогимъ цѣнамъ и въ долгъ. Бардыгинъ уплатилъ весь долгъ сполна, но самъ остался безъ оборотнаго капитала. Пришлось ограничиться маленькой булочной и самому съ своими домашними печь булки и баранки. Не много помощи было и отъ размотки пряжи, которую семья брала отъ мѣстныхъ фабрикантовъ. Но если съ этимъ мирился отецъ Бардыгинъ, то сынъ его думалъ иное. На его глазахъ выросли и расцвѣли въ городѣ громадныя фабрики, дѣла ихъ шли отлично, и онѣ едва успѣвали удовлетворить требованія рынка на хлопчатобумажныя ткани. Его энергическій умъ наводилъ его на мысль и какъ бы подталкивалъ завести и себѣ такое производство. Но для этого нужны деньги, которыхъ ни у него, ни у отца его не было. Отецъ къ тому же относился съ большимъ недовѣріемъ къ его затѣѣ. Помогли ему добрые знакомые, къ которымъ онъ обратился за содѣйствіемъ, и въ 1857 году началось новое дѣло.

Помощь, оказанная Бардыгину, была не настолько значительна, чтобы можно было начать дѣло съ постройки фабрики. Планъ поэтому былъ принятъ такой: покупать пряжу со стороны, разматывать руками своей семьи, а также сновать основы и затѣмъ отдавать по деревнямъ ткачамъ-кустарямъ для выработки и сработанный товаръ отвозить для продажи на украинскія ярмарки. Незадолго до этого Н. М. женился на воспитанницѣ купеческаго семейства Макѣева, крестьянкѣ Авдотьѣ Ѳеофилактовнѣ. Онъ нашелъ въ ней то, что ему нужно было: доброту, умъ, хозяйственность. Она сразу освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ, поняла и оцѣнила предпринятое мужемъ дѣло, приняла на себя завѣдываніе хозяйственной частью дѣла и сдѣлалась такимъ образомъ первою и лучшею помощницею его. Между тѣмъ выработка тканей и продажа пошли успѣшно . Первая значительная выручка, привезенная съ украинской ярмарки, доставила большую радость всему семейству. Этотъ первый успѣхъ былъ какъ бы маленькой побѣдой, разсѣявшей сомнѣнія и недовѣріе къ новому дѣлу. Вся семья, и старые, и малодые, сознавала, что «Микеша», какъ называла мать своего сына, идетъ по вѣрному пути, смотрѣли на него съ любовью и надеждою на хорошую будущность.

Окрыленный первымъ успѣхомъ, молодой Бардыгинъ продолжалъ расширять свое дѣло. Во дворѣ своего дома онъ устроилъ небольшое помѣщеніе для сновальни, потомъ завелъ 40 ткацкихъ

Библиотека "Руниверс"

ручныхъ станковъ, чтобы устранить перерывъ работъ на лѣтнее время, такъ какъ до того работы производились только зимою, когда крестьяне были свободны, далѣе устроилъ красильню для пряжи. Съ расширеніемъ дѣла работы велись уже наемными рабочими. Дѣло росло, ширилось вдоль и поперекъ; становилось тѣсно, сознавался недостатокъ помѣщенія. Въ 1865 г. Бардыгинъ купилъ небольшую усадьбу за 1000 р., построилъ двухъэтажный домъ, куда перенесъ ткацкую и красильню, а на прежнемъ мѣстѣ при домѣ осталась контора, кладовая, крутильня и сновальня.

Явилась возможность устроить при домѣ отдѣлочное производство «галандрія».

Изъ сохранившагося самаго ранняго баланса на 1 апрѣля 1866 г., т. е. всего чрезъ 9 лѣтъ послѣ основанія Бардыгинымъ дѣла, активъ его выразился въ суммѣ 270.637 р. и въ такой же пассивъ. Съ 1868 года, въ видахъ расширенія сбыта своихъ товаровъ, началъ ѣздить на Нижегородскую ярмарку и открылъ постоянную торговлю въ Москвѣ.

Таковы были результаты первыхъ десяти лѣтъ дѣятельности молодого Бардыгина, потребовавшіе отъ него громаднаго труда и напряженія всѣхъ силъ. Крѣпкая его натура не чувствовала усталости, успѣхъ его радовалъ, но не въ его характерѣ было остановиться на полдорогѣ, ему хотѣлось довести дѣло до конца, до настоящей самоткацкой фабрики. И онъ не сомнѣвался, что рано или поздно его мечта осуществится. Въ торговомъ мірѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти хорошую репутацію способнаго и добросовѣстнаго дѣльца и въ то же время пользовался уже большимъ кредитомъ какъ у мѣстныхъ фабрикантовъ, такъ и въ банкахъ. Въ домѣ, какъ въ муравейникѣ, шла своя неустанная работа, у всѣхъ было много дѣла. Молодые Бардыгины помѣстились въ верхнемъ этажѣ, который прежде отдавался жильцамъ; жена завѣдывала всею хозяйственною частью дѣла, ключи не выходили изъ ея рукъ; у Бардыгиныхъ въ это время было уже двое дѣтей-сыновей; старшій, Порфирій, успѣлъ обнаружить прекрасныя способности къ ученію; въ нижнемъ этажѣ помѣщался старикъ отецъ Бардыгина съ женой; онъ остался при прежнемъ дѣлѣ: торговалъ съ женой въ бакалейной лавочкѣ. Милость Божія какъ бы почила на домѣ этихъ трудолюбцевъ.

Вслѣдъ за первыми успѣхами Бардыгина въ новомъ дѣлѣ началась длинная полоса тяжелыхъ потерь, осиротившихъ его и уничтожившихъ почти все нажитое имъ трудомъ достояніе. Въ 1866 г. умерла мать его, Гликерія Александровна, еще далеко не старая (52 г.). Это была чистая, возвышенная душа, просившая у Бога одного: чтобы дѣти были благочестивы. Вскорѣ послѣ сего домъ, въ которомъ онъ жилъ съ семействомъ, сгорѣлъ. Едва начата была постройка новаго дома, въ городѣ случился большйо

Библиотека "Руниверс"

пожаръ, уничтожившій большую часть его, при чемъ сгорѣли и надворныя постройки при строящемся домѣ Бардыгина и другой его домъ, гдѣ была ткацкая и красильня; къ счастію, кладовая со всѣми запасами при домѣ осталась цѣла, огонь даже не тронулъ ея. Бардыгинъ перекрестился и сказалъ: «слава Богу, мы цѣлы».

Вслѣдъ за пожаромъ, въ томъ же 1868 г. умеръ его отецъ Михаилъ Ѳедоровичъ (59 л.) въ слѣдующемъ году скончалась бабушка его Авдотья Ивановна (87 л.); въ 1871 году постигла его болѣе чувствительная утрата: умеръ старшій сынъ его Порфирій (13 л.), учившійся въ московской коммерческой академіи съ отличнымъ успѣхомъ. Мать его особенно любившая своего первенца, была такъ поражена неожиданною его смертью, что на другой день послѣ смерти сына скончалась, на 35 году.

Чаша горестей испита до дна. Положеніе Бардыгина было слишкомъ тяжелое, можно сказать, трагическое. Надо имѣть крѣпкую вѣру, чтобы не прійти въ отчаяніе. У него была сильная вѣра, и на его рукахъ остался малолѣтній сынъ Михаилъ: прямая его обязанность—докончить начатое образованіе сына и поставить его на ноги. Одно его смущало: послѣ погребенія жены, завѣдывавшей всѣмъ хозяйствомъ, Бардыгинъ въ первый разъ долженъ былъ взять въ свои руки ключи. И это его стѣсняло. Какъ ни любилъ онъ покойную жену, онъ невольно началъ склоняться къ тому, что ему необходимо найти замѣстительницу. Выборъ его палъ на Марію Владимировну Макарову и былъ вполнѣ удаченъ. Она вполнѣ замѣнила ему первую жену.

Жизнь снова вошла въ прежнюю колею, но приходилось работать съ удвоенной энергіей; возобновлять то, что истреблено пожаромъ, и продолжать прежнее дѣло. Прошло немного времени, и счастіе вновь улыбнулось Бардыгину. Промышленный кризисъ, разразившійся въ началѣ 70-хъ годовъ, заставилъ многихъ фабрикантовъ сократить, а нѣкоторыхъ вовсе пріостановить работы. Пряжа не имѣла сбыта, и цѣна ея упала. Несмотря на это, Бардыгинъ, пользуясь кредитомъ, расширилъ свои покупки пряжи и продолжалъ вырабатывать товары на складъ въ кладовыя. Знакомые его удивлялись и недоумѣвали, зачѣмъ онъ залѣзаетъ въ долги. Но Н. М. оказался сообразительнѣе и дальновиднѣе. Вскорѣ послѣ окончанія восточной войны дѣла оживились, цѣна пряжи и товаровъ сильно поднялась, и заготовленные имъ товары быстро были проданы, доставивъ ему 300.000 р. капитала.

Успѣхъ этотъ радовалъ Бардыгина болѣе всего потому, что наконецъ представлялась возможность осуществить свою давнишнюю мечту—построить механическо-ткацкую фабрику, къ чему онъ и приступилъ въ 1880 году. Постройка эта потребовала отъ него громаднаго напряженія силъ и массы хлопотъ и только благо-

Библиотека "Руниверс"

даря добрымъ отношеніямъ главныхъ кредиторовъ его бр. Хлудовыхъ и Ю. С. Нечаева-Мальцова была закончена, а въ 1882 году построена еще и товарная красильня. Не мало труда положилъ Н. М. на усовершенствованіе производства цвѣтныхъ товаровъ, главнымъ образомъ чернаго. Совмѣстными опытами съ красильнымъ мастеромъ Смирновымъ былъ выработанъ способъ, при которомъ товаръ выходилъ доброкачественнымъ, не теряя цвѣта отъ дождя и солнца. Хорошее качество создало Бардыгину большую извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянно увеличивающійся сбытъ. Въ послѣдніе годы производство его фабрики достигло двухъ милліоновъ оборота, при 3000 рабочихъ

Таковъ былъ тернистый путь, пройденный Бардыгинымъ и превратившій его изъ мелкаго торговца въ крупнаго фабриканта. Медленно, шагъ за шагомъ совершался этотъ процессъ, не останавливаемый никакими невзгодами и потерями. Доведя дѣло до конца и возможнаго совершенства, онъ съ спокойной совѣстью могъ бы сказать «довольно» и наслаждаться плодами своихъ трудовъ и заслуженнымъ отдыхомъ, тѣмъ болѣе, что сынъ его посвященъ былъ уже во всѣ детали фабричнаго производства и торговли. Но его натурѣ противны были и покой, и отдыхъ. У него уже назрѣли новые планы, цѣлый рой плановъ, но уже не личные, а общественные. Избраніе его городскимъ головою послужило наилучшему осуществленію этихъ плановъ.

III.

Избраніе Бардыгина въ городскіе головы съ перваго взгляда вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Выбранъ онъ въ то время, когда едва началъ оправляться послѣ постигшихъ его двухъ пожаровъ и понесенныхъ семейныхъ потерь и когда его матеріальное положеніе было болѣе чѣмъ скромное. Можно было сомнѣваться и въ согласіи самого Бардыгина, при такомъ его положеніи. Кандидаты на эту должность имѣлись и въ средѣ богатыхъ купеческихъ семействъ. Выбранъ былъ, однако, Никифоръ Михайловичъ большинствомъ гласныхъ средняго и малаго достатка, какъ человѣкъ мірской, безукоризненный и внимательный къ нуждамъ бѣдныхъ людей. О немъ говорили: «Онъ самъ нужду видѣлъ и самъ въ люди вышелъ». Довѣріе къ нему было полное, а довѣріе онъ высоко цѣнилъ и потому не считалъ себя въ правѣ отказываться отъ выбора.

При вступленіи Бардыгина въ городскіе головы Егорьевскъ представлялъ собою печальную картину. Пожаръ 1868 года уничтожилъ большую половину города, населеніе котораго возросло къ этому времени до 5.000 душъ обоего пола. Значительная часть его лишена была крова и требовала особаго заботливаго вниманія

Библиотека "Руниверс"

къ его положенію. Однимъ изъ первыхъ же постановленій городской думы отпущено было погорѣльцамъ безплатно десять десятинъ городского лѣса, причемъ лѣсъ былъ отданъ не только съ правомъ рубки для построекъ, но и съ правомъ продавать часть его, въ случаѣ нужды въ деньгахъ. Такъ блистательно на первыхъ порахъ новый голова оправдалъ довѣріе своихъ избирателей.

Первою и ближайшею задачей Бардыгина было приведеніе въ порядокъ городского хозяйства, находившагося въ хаотическомъ состояніи. Городъ самъ не зналъ точно своихъ земельныхъ владѣній; выгонныя земли и лѣсныя дачи были въ спорномъ владѣніи съ окрестными деревнями и частными лицами, безспорные земли, луга и лѣса были запущены и почти не давали дохода. Въ городѣ не было ни мостовыхъ, ни освѣщенія, ни противопожарныхъ учрежденій. Существовали двѣ маленькія начальныя школы. Городскіе доходы не превышали 10 т. р. и почти цѣликомъ состояли изъ налоговъ, далеко не покрывавшихъ расходовъ на самыя существенныя нужды.

Бардыгинъ, какъ хорошій хозяинъ, призналъ необходимымъ привести въ извѣстность городскія земельныя имущества, какъ могущія создать крупный источникъ дохода. Еще до него начато было дѣло съ обществомъ Московско-Рязанской желѣзной дороги, которая захватила городскую землю для проведенія вѣтки на фабрику братьевъ Хлудовыхъ и подъ постройку станціи Егорьевскъ. Правленіе товарищества братьевъ Хлудовыхъ предложило городу сдѣлку: продать товариществу какъ арендуемую у него землю подъ фабриками, такъ равно и занятую вѣткой желѣзной дороги съ тѣмъ, чтобы городъ отъ претензій къ обществу желѣзной дороги отказался. Дума на это согласилась. Земля, въ количествѣ двадцати трехъ десятинъ, была продана, и городъ получилъ пятьдесятъ тысячъ рублей. Другое дѣло, еще болѣе крупное, по пустоши Самгино, длившееся уже много лѣтъ, также было удачно закончено Бардыгинымъ. Пустошь эта находилась въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи городского общества, крестьянъ деревни Русанцевой и купца Клопова. Возникавшія постоянно пререканія между совладѣльцами лишали городъ возможности пользоваться угодьями. Возбуждено было судебное дѣло, и по полюбовному размежеванію составленъ былъ планъ и полюбовная сказка, утвержденная окружнымъ судомъ; во владѣніи города оказалось четыреста шестьдесятъ шесть десятинъ подъ лѣсомъ и лугами. На всѣ остальныя пустоши, планы которыхъ, составленные въ 1812 г., не сходились съ дѣйствительными городскими владѣніями, сдѣланы новые планы и послѣ возстановленія границъ городъ оказался владѣльцемъ угодій въ восьми пустошахъ, всего девятьсотъ восемьдесятъ двѣ десятины, стоимостью до трехсотъ тысячъ рублей.

Библиотека "Руниверс"

Приведя въ порядокъ владѣнія городскихъ земельныхъ имуществъ и упорядочивъ ихъ доходность, Бардыгинъ съ первыхъ же лѣтъ своего управленія городомъ значительно поднялъ и другіе доходы. Въ концѣ перваго четырехлѣтія они возросли съ десяти тысячъ почти до ста тысячъ рублей.

IV.

Перехожу къ дѣятельности Бардыгина по благоустройству города, продолжавшейся непрерывно за все время его службы. Здѣсь кстати отмѣчу одну характерную черту его дѣятельности. Ошибочно было бы предполагать, что Бардыгинъ будетъ ожидать окончанія приведенія въ порядокъ городскихъ имуществъ, чтобы приступить затѣмъ къ благоустройству города. Напротивъ, онъ приступаетъ къ этому дѣлу одновременно съ первымъ въ первый же годъ службы своей, какъ бы вполнѣ увѣренный, что первое его дѣло не можетъ не кончиться хорошо и что средства будутъ. Ему не терпѣлось; ему противно и обидно было видѣть городъ въ томъ жалкомъ и грязномъ положеніи, въ какомъ онъ находился, хотѣлось поскорѣе дать ему приличную обстановку, чтобы не стыдно было на него смотрѣть. Душа его жаждала видѣть во всемъ благолѣпіе, красоту.

Началось благоустройство города съ Соборной площади, какъ центральнаго мѣста. Базарная торговля производилась здѣсь въ передвижныхъ деревянныхъ лавочкахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ города. Бардыгинъ предложилъ думѣ построить на Соборной площади два каменныхъ корпуса лавокъ для сдачи въ аренду. На слѣдующій годъ лавки были готовы и сданы. Послѣ сего по оградѣ собора построено было сорокъ шесть лавочекъ на средства города и собора въ равныхъ доляхъ; доходы дѣлились пополамъ. Позже была устроено еще нѣсколько помѣщеній для магазиновъ въ городскихъ зданіяхъ.

Въ томъ же 1872 году Бардыгинъ поднялъ вопросъ объ устройствѣ къ станціи желѣзной дороги мощенаго подъѣздного пути. Дѣло это вызывалось крайней необходимостью. Сообщеніе со станціей было невозможное: не только весною и осенью, но даже нерѣдко и лѣтомъ дорога превращалась въ топкую грязь и крайне затрудняла доставку и отправленіе товаровъ, а также проѣздъ пассажировъ. Съ проведеніемъ шоссе всѣ эти неудобства прекратились. Для покрытія произведенной на это затраты установленъ сборъ за проѣздъ по шоссе съ каждаго груженнаго воза по двѣ копейки.

Невозможно было и городу оставаться безъ мостовыхъ. Грязь повсюду была невылазная, въ особенности на площадяхъ въ базарные дни. Устройство шло непрерывно въ широкихъ размѣрахъ. Ежегодно мостовыя удлинялись и прокладывались вновь въ нѣсколь-

Библиотека "Руниверс"

кихъ мѣстахъ. Грязи стало меньше, но тьма ночная висѣла еще надъ городомъ. Съ 1875 года заговорили наконецъ и объ уличномъ освѣщеніи, котораго всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Вскорѣ появилась цѣлая сѣть фонарей, расширяясь безостановочно и быстро.

Всѣ улицы съ нетерпѣніемъ ждали своей очереди. Жители Огородной улицы просили поставить хоть одинъ фонарь, но имъ поставленъ былъ тридцать одинъ, и они, конечно, радовались, какъ дѣти.

Городъ начинаетъ принимать видъ хоть нѣсколько культурнаго, благоустроеннаго.

Таковы были первые шаги Бардыгина по благоустройству города, но не въ характерѣ его было останавливаться на полдорогѣ. Не успѣвалъ онъ окончить одно дѣло, какъ на смѣну ему являлись другіе планы. Въ томъ же 1875 году поднятъ былъ имъ вопросъ о сооруженіи городского водопровода. Это была уже мѣлая до дерзости затѣя. Въ это время, если не ошибаюсь, водопроводы у насъ были только въ столицахъ. Составлены были проектъ и смѣта, и дума постановила построить водокачку, главный резервуаръ и бассейны на трехъ центральныхъ площадяхъ и ассигновала на это двадцать пять тысячъ рублей. Суммы этой было не достаточно, и Бардыгинъ предложилъ обратиться къ пожертвованіямъ, подписавъ для примѣра самъ пять тысячъ руб., собрано еще было двѣ тысячи шестьсотъ семь рублей. Постройка водопровода производилась хозяйственнымъ способомъ. На рѣчкѣ Гусляпкѣ, выше города, устроенъ былъ прудъ, а на берегу его каменное зданіе для машинъ, поставлены были котелъ, паровая машина и насосы, дававшіе четыре тысячи ведеръ въ часъ. Въ 1877 году водопроводъ былъ уже успѣшно пущенъ въ ходъ. Затѣмъ, по заявленіямъ жителей, начали проводить воду на прочія улицы, и въ скоромъ времени ее можно было имѣть на всѣхъ перекресткахъ. Впослѣдствіи оказалось, что вода въ прудѣ часто загрязняется, и это послужило поводомъ къ усовершенствованію водопроводнаго дѣла. Для устраненія этого недостатка Бардыгинъ на свой счетъ устроилъ возлѣ пруда пять артезіанскихъ скважинъ, изъ коихъ одну глубиною въ сорокъ пять саженъ, а остальныя въ одиннадцать саженъ. Изъ первой и подается вода въ городъ, а послѣднія остаются въ запасѣ на случай ремонта первой. Прежнія машины уже не могли подавать воду изъ такой глубины, поэтому былъ пріобрѣтенъ и установленъ воздушный элеваторъ системы «Мамутъ», подающій въ часъ восемь тысячъ воды. Бардыгинъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не довелъ начатаго дѣла до возможнаго совершенства. Нужно ли говорить, какимъ благодѣяніемъ для жителей города было проведеніе водопровода.

Одновременно съ этимъ Бардыгинъ принималъ мѣры къ защитѣ города отъ пожаровъ. У всѣхъ еще въ живой памяти былъ по-

Библиотека "Руниверс"

жаръ 1868 г., испепелившій болѣе половины города; пострадалъ дважды отъ пожаровъ и самъ Никифоръ Михайловичъ. Была усилена городская пожарная команда какъ людьми, такъ и лошадьми и необходимымъ инвентаремъ, затѣмъ выстроено зданіе для пожарнаго депо. Въ водопроводѣ видѣлъ онъ одно изъ средствъ для болѣе скораго и успѣшнаго тушенія пожаровъ. Поэтому, когда устроенъ былъ водопроводъ, на центральныхъ бассейнахъ были придѣланы краны и рукава, черезъ которые вода могла подаваться на мѣсто пожара, если, конечно, оно было недалеко отъ бассейновъ, напоромъ изъ баковъ, не требуя ни бочекъ, ни насосовъ. Въ случаѣ пожаровъ Бардыгинъ пріѣзжалъ первый и самъ распоряжался тушеніемъ. Пострадавшіе отъ пожара бѣдные горожане всегда находили въ немъ защитника и помощь.

Не было ни одного мѣста въ городѣ, куда бы Бардыгинъ не направлялъ своего хозяйственнаго глаза. Недалеко отъ кладбища была площадь, постоянно заваливаемая мусоромъ. Никифоръ Михайловичъ предложилъ думѣ устроить здѣсь садъ, на что послѣдовало согласіе и отпущено двѣсти рублей. Мѣсто было огорожено и сдѣланы посадки. Впослѣдствіи садъ этотъ, въ ознаменованіе двадцатипятилѣтней службы Никифора Михайловича былъ названъ Бардыгинскимъ. Въ 1879 году было постановлено оградить и другое мѣсто у главнаго водопроводнаго бассейна, гдѣ образовалась самосѣвомъ отъ деревьевъ большой дороги роща подъ названіемъ «Нескучный садъ».

V.

Какъ сказано было выше, до избранія Бардыгина въ городскіе головы въ Егорьевскѣ существовали двѣ маленькія школы, мужская и женская, открытыя: первая въ 1817 г., а послѣдняя лишь въ 1862 году. Это было все, что сдѣлано старой думой за свыше полувѣковое существованіе города. Школы эти были далеко неудовлетворительны по скудости получаемыхъ въ нихъ познаній. По настоянію Бардыгина, въ 1875 году онѣ преобразованы были въ двухклассныя училища. Позднѣе къ нимъ прибавилось еще двухклассное церковно-приходское училище. Но все это не могло удовлетворить потребность городского населенія въ образованіи. Назрѣвала настоятельная потребность въ среднемъ образованіи и въ уѣздѣ. Съ полнымъ вниманіемъ и участіемъ поэтому отнесся Никифоръ Михайловичъ къ предложенію егорьевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Афанасьева открыть въ Егорьевскѣ мужскую прогимназію на соединенныя средства города и земства. Согласно предложенію своего предсѣдателя дума постановила отпустить на это дѣло три тысячи рублей и на наемъ помѣщенія триста рублей, Никифоръ Михайловичъ прибавилъ отъ себя одну

Библиотека "Руниверс"

тысячу рублей, земство ассигновало съ своей стороны пять тысячъ рублей и на помѣщеніе шестьсотъ рублей, и въ 1874 году уже была открыта четырехклассная прогимназія. Потребность въ образованіи была такъ велика, что въ скоромъ времени выяснилась необходимость въ открытіи пятаго и шестого классовъ, каковые и были открыты въ 1878 году.

Женская прогимназія началась съ частнаго предпріятія учителя А. Н. Волкова, которому городъ давалъ лишь пособіе на наемъ помѣщенія, а когда появился четвертый классъ, она перешла въ вѣдѣніе города и земства, причемъ городомъ былъ отведенъ участокъ земли подъ постройку для нея дома, который вскорѣ и былъ возведенъ. Какъ мужская, такъ и женская гимназіи преобразованы въ полныя гимназіи уже послѣ смерти Бардыгина.

Прилагая постоянныя заботы къ расширенію образованія въ средѣ городского населенія, Бардыгинъ въ то же время проявлялъ свое личное участіе къ достиженію возможно лучшихъ успѣховъ просвѣщенія въ христіанскомъ духѣ. Состоя почетнымъ попечителемъ всѣхъ народныхъ училищъ, онъ всѣми мѣрами старался приблизить къ себѣ учениковъ этихъ школъ и быть руководителемъ ихъ. Передъ большими праздниками онъ заходилъ въ школы и бесѣдовалъ съ учениками, объясняя имъ значеніе предстоящаго праздника. По его желанію обѣ мужскія школы, по очереди, на второй день Рождества Христова приходили къ нему на домъ «славить» Христа, послѣ чего онъ бесѣдовалъ съ ними и одаривалъ конфетами и деньгами. Онъ наблюдалъ также, чтобы ученики посѣщали въ праздники храмъ Божій и ввелъ въ обычай, чтобы въ воскресные дни Великаго поста старшіе классы пѣли за обѣдней вмѣстѣ съ хоромъ. Неизмѣнно присутствовалъ Бардыгинъ на всѣхъ выпускныхъ экзаменахъ училищъ и самъ предлагалъ вопросы дѣтямъ. По окончаніи экзаменовъ всѣ окончившіе курсъ получали отъ своего попечителя въ напутствіе экземпляръ Новаго Завѣта, а окончившимъ съ отличіемъ онъ раздавалъ цѣнныя книги.

Въ 1900 году Бардыгинъ возбудилъ вопросъ объ учрежденіи въ Егорьевскѣ техническаго училища съ болѣе высокимъ курсомъ. Потребность въ опытныхъ мастерахъ и механикахъ въ Егорьевскомъ фабричномъ районѣ чувствовалась давно, но никому изъ фабрикантовъ не приходило въ голову, какъ помочь этому дѣлу. Бардыгину не суждено было осуществить его желаніе: 13-го ноября 1901 года онъ скончался. Но мысль его не умерла. Единственный сынъ его и наслѣдникъ, Михаилъ Никифоровичъ Бардыгинъ, благоговѣя предъ памятью своего дорогого отца, соорудилъ на свои средства прекрасное трехъэтажное зданіе механическаго и электротехническаго училища съ мастерскими и съ домами для квартиръ учителямъ и общежитія учениковъ, разсчитанное на четыреста учащихся для приготовленія научно и практи-

Библиотека "Руниверс"

чески мастеровъ и монтеровъ-механиковъ и электромехаников. Училищу этому, съ Высочайшаго соизволенія, присвоено имя Цесаревича Алексѣя и состоитъ оно подъ покровительствомъ Его Высочества. Сооруженіе этого училища является послѣднимъ актомъ, вдохновленнымъ покойнымъ Николаемъ Михайловичемъ на пользу и украшеніе своего родного города.

VI.

Въ началѣ 90-хъ годовъ Егорьевскъ представлялъ собою уже вполнѣ благоустроенный городъ; населеніе его значительно возросло. На это обратило вниманіе военное вѣдомство, и въ 1892 году, на основаніи новой дислокаціи войскъ, въ Егорьевскъ назначены два батальона сто тридцать девятаго Моршанскаго полка. Новость эта и порадовала, и въ то же время поставила трудную задачу: какъ и куда размѣстить два батальона? Спеціальныхъ помѣщеній для этого въ городѣ не было, оставалось одно—размѣстить солдатъ по обывательскимъ домамъ; но такой способъ, по многимъ соображеніямъ, представлялся нежелательнымъ и, главное, стѣснительнымъ: обывательскіе дома строились для своей семьи. Для Бардыгина разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакой трудности; для него ясно было, что единственнымъ и лучшимъ выходомъ была постройка для войскъ казармъ. Дума приняла это предложеніе, но было затрудненіе въ средствахъ для такой крупной постройки. Никифоръ Михайловичъ вызвался построить казармы на свой счетъ, съ возвращеніемъ ему денегъ по мѣрѣ возможности. На томъ и порѣшили. Казармы были построены деревянныя, одноэтажныя, по барачной системѣ и признаны образцовыми въ гигіеническомъ отношеніи. Когда расквартированы были въ нихъ два батальона, безъ штабныхъ частей, то въ результатѣ предпріятіе оказалось убыточнымъ. Тогда Никифоръ Михайловичъ предложилъ думѣ ходатайствовать о переводѣ въ городъ всего Моршанскаго полка. Военному начальству, конечно, это было на руку, и ходатайство было уважено. Построены были вторыя казармы, и съ помѣщеніемъ въ городѣ всего полка результаты были нѣсколько лучше: не было прибыли, но не было и убытку. Впослѣдствіи Бардыгинъ возбудилъ ходатайство о переводѣ Егорьевска на высшій окладъ по платежу отъ казны вознагражденія за размѣщеніе войскъ, результатъ котораго былъ уже благопріятный для города. Такимъ образомъ и въ этомъ дѣлѣ, потребовавшемъ крайняго напряженія силъ, онъ вышелъ побѣдителемъ.

Постройка казармъ была послѣдней капитальной работой Бардыгина по благоустройству города. Работа эта не входила въ общій планъ его, была какъ бы случайная, вызванная, тѣмъ не менѣе она сослужила хорошую службу: дала возможность къ установле-

Библиотека "Руниверс"

нію наилучшихъ отношеній городского населенія къ нижнимъ воинскимъ чинамъ. Въ этомъ отношеніи труды Никифора Михайловича въ высшей степени цѣнны и заслуживаютъ полнаго вниманія и признательности съ обѣихъ сторонъ.

Такова была дѣятельность Бардыгина по городскому общественному управленію на пользу города. Считаю не лишнимъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о томъ участіи, какое Никифоръ Михайловичъ принималъ въ дѣятельности егорьевскаго городского банка. Банкъ этотъ былъ любимымъ его дѣтищемъ. Онъ много содѣйствовалъ развитію промышленности и торговли: въ 70-хъ годахъ ссуда его достигала одного милліона. Основной капиталъ банка, составлявшій въ 1871 году двадцать восемь тысячъ, чрезъ двадцать пять лѣтъ возросъ до восемидесяти пяти тысячъ руб., запасный съ шести тысячъ четырехсотъ рублей до тридцати четырехъ тысячъ рублей, за все это время вкладовъ поступило на 3.144.594 р., выдано 3.125.761 р., и городъ получилъ отъ прибылей банка 110.105 р. Бардыгинъ не руководилъ банкомъ, но его хозяйскій глазъ зорко слѣдилъ за операціями его и тѣмъ предупреждалъ возможные финансовые кризисы. И вотъ когда послѣ Рыковскаго краха въ скопинскомъ банкѣ всѣ общественные городскіе банки находились въ тяжеломъ положеніи и многіе закрылись, начали ходить неблагопріятные слухи и объ егорьевскомъ банкѣ. Тогда Никифоръ Михайловичъ настоялъ у думы ходатайствовать о производствѣ правительственной ревизіи для того собственно, чтобы слухи эти не повредили банку. Правительственная ревизія состоялась и дала заключеніе о полной благонадежности банка.

VII.

Въ 1875 году Бардыгинъ, какъ землевладѣлецъ въ Егорьевскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ, избранъ былъ гласнымъ егорьевскаго уѣзднаго земства. Онъ быстро оріентировался въ своемъ новомъ положеніи, ознакомился съ положеніемъ дѣлъ и на первыхъ же порахъ проявилъ, со свойственнымъ ему темпераментомъ, дѣятельность, направленную къ разнаго рода улучшеніямъ, но въ то же время вызвалъ къ себѣ враждебное отношеніе. Предсѣдателемъ земской управы въ то время былъ уѣздный предводитель дворянства Афанасьевъ, относившійся къ своему дѣлу слишкомъ по-барски и не проявляя своей иниціативы. Онъ слишкомъ довѣрился образовавшейся около него партіи, которая преслѣдовала свои интересы и дѣлала, что хотѣла, прикрываясь его именемъ, и въ концѣ концовъ привела земское хозяйство въ полное разстройство. Никифоръ Михайловичъ обратилъ вниманіе на такое положеніе дѣла и предлагалъ мѣры къ упорядоченію его и этимъ сразу вызвалъ со стороны заинтересованныхъ враждебное къ себѣ отношеніе. Но и на

Библиотека "Руниверс"

сторонѣ Бардыгина нашлось много сочувствующихъ гласныхъ, и онъ былъ выбранъ въ члены ревизіонной комиссіи. Ревизія обнаружила большія злоупотребленія, причемъ оказалась и растрата земскихъ суммъ, чего даже не предполагалось. Составъ управы былъ смѣщенъ.

Положеніе дѣлъ въ земствѣ послѣ этого измѣнилось нѣсколько къ лучшему, но партія недовольныхъ, устраненная отъ активной дѣятельности, продолжая свою работу, проваливала самыя полезныя начинанія, въ особенности, если они исходили отъ Бардыгина. Такъ, въ 1879 году комиссія по предположенію объ учрежденіи земскаго банка представила собранію составленный Бардыгинымъ докладъ, въ которомъ онъ предлагалъ учредить банкъ не въ видѣ коммерческаго учрежденія, а въ видѣ вспомогательной земской кассы, по слѣдующимъ соображеніямъ: хозяйство крестьянское въ такомъ упадкѣ, что неотступно взываетъ о помощи и требуетъ хотя и не крупнаго, но необходимаго, скораго и дешеваго кредита. А потому комиссія рѣшила, что учрежденіе, которое бы открывало кредитъ всему народонаселенію и преимущественно крестьянамъ, и при томъ кредитъ дешевый и необременительный, существенно необходимо. И этотъ прекрасный проектъ земскимъ собраніемъ былъ отклоненъ. Та же участь постигла и другой замѣчательный проектъ его по поводу пищенства.

Можно ли сказать, что Бардыгинъ потерпѣлъ въ земствѣ неудачу? Отклоненіе проектовъ было ему непріятно, но онъ зналъ, изъ какого лагеря послѣдовали щелчки. Никифоръ Михайловичъ могъ бы спокойно, не теряя своего достоинства, отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и оставить земство, но это было не въ его характерѣ. Онъ зналъ себѣ цѣну и увѣренъ былъ, что и земство оцѣнитъ его и поклонится ему. Такъ въ дѣйствительности и было. Уже въ слѣдующемъ 1880 году онъ былъ избранъ завѣдывающимъ пансіономъ егорьевской прогимназіи и ея почетнымъ попечителемъ; въ томъ же году былъ избранъ въ губернскіе гласные отъ Егорьевскаго уѣзда, а въ 1886 году онъ былъ избранъ предсѣдателемъ земской управы и за трехлѣтіе успѣлъ сдѣлать много полезнаго. Прежде всего онъ отказался отъ жалованья и слѣдующіе ему за трехлѣтіе 7.200 р. просилъ употребить на устройство пріюта для неизлечимобольныхъ при земской больницѣ. Особенное вниманіе обращено было Бардыгинымъ на медицинскую помощь населенію, которая поставлена была далеко неудовлетворительно: больницъ было мало, земскіе врачи жили въ городѣ. Приступлено было къ устройству врачебныхъ пунктовъ, гдѣ должны были находиться врачи; выстроена новая больница въ с. Красномъ и открыта больница въ с. Дмитровскомъ-Погостѣ въ наемномъ домѣ; затѣмъ образованы и акушерскіе пункты. Для егорьевской земской больницы построено новое большое зданіе, а старое об-

Библиотека "Руниверс"

ращено подъ пріютъ для неизлечимобольныхъ. Не мало заботъ положено имъ на санитарныя улучшенія, особенно въ школахъ, которыхъ при немъ вновь было открыто нѣсколько, а также установленъ строгій надзоръ за привитіемъ оспы. Много сдѣлано имъ для улучшенія дорогъ и было построено два большихъ моста чрезъ рѣку Цну при с. Жабкахъ. Такимъ образомъ, и въ земствѣ Никифоръ Михайловичъ проявилъ себя хорошимъ хозяиномъ.

VIII.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту въ дѣятельности Бардыгина, какъ городского головы,—это готовность итти навстрѣчу желаніямъ и намѣреніямъ правительства. Когда въ 90-хъ годахъ поднятъ былъ вопросъ о принятіи мѣръ къ прекращенію нищенства посредствомъ учрежденія домовъ трудолюбія, егорьевская дума первая въ губерніи отозвалась на предложеніе объ этомъ губернской власти. Вопросъ этотъ былъ близокъ сердцу Никифора Михайловича. Онъ поднималъ его въ земскомъ собраніи, но тамъ его провалили. Теперь онъ горячо опять взялся за свой проектъ о помощи нищимъ и внесъ въ думу. Немедленно комиссіей подъ его предсѣдательствомъ выработанъ былъ уставъ общества для пособія бѣднымъ Егорьевска, который и былъ утвержденъ 16-го іюля 1897 г. Всѣ бѣдные, по мнѣнію Бардыгина, раздѣляются на три категоріи: одни совершенно неспособны къ труду по болѣзни или старости,—для такихъ долженъ быть устроенъ пріютъ; другіе работоспособны, но нравственно испорчены—для такихъ надлежитъ учредить артельное общежитіе, организованное, съ одной стороны, для доставленія работы, а съ другой—для пріученія ихъ къ христіански-дисциплинированной жизни; наконецъ, третьи нуждаются только въ матеріальной поддержкѣ у себя на дому или въ помощи для пріисканія занятій и т. п.; общество должно заботиться объ этомъ. Потребныя для сего средства должны быть составлены: изъ ежегодныхъ ассигнованій думы, изъ частныхъ пожертвованій, изъ членскихъ взносовъ и другихъ статей. Общество организовалось; избраны были члены правленія подъ предсѣдательствомъ Н. М. Бардыгина, Въ члены общества записалось четыреста восемьдесятъ шесть человѣкъ. Прежде всего обществомъ испрошено было благословеніе о. Іоанна Кронштадтскаго на устойство, по его примѣру, въ Егорьевскѣ дома трудолюбія. О. Іоаннъ прислалъ вмѣстѣ съ благословеніемъ двѣсти рублей на первый починъ. Съ легкой его руки пожертвованія потекли обильнымъ ручьемъ: Бардыгинъ внесъ 5.000 р., братья Хлудовы 10.000 р., дума отпустила 3.500 р. и при томъ какъ ежегодное пожертвованіе; членскіе взносы достигли 2.400 р., лотерея-аллегри дала 686 р. Всѣ суммы общества къ концу перваго года послѣ открытія до-

Библиотека "Руниверс"

стигли 44.500 р. Теперь явилась возможность приступить къ постройкѣ дома трудолюбія. 10-го октября 1899 г. состоялась закладка большого двухъэтажнаго дома, стоившаго обществу тридцать тысячъ рублей.

Не ожидая окончанія постройки начатаго дома, общество приступило къ осуществленію своей задачи. Составленъ былъ списокъ всѣхъ нищихъ Егорьевска и всѣхъ бездомныхъ босяковъ, или «котовъ», какъ ихъ называли; затѣмъ они были собраны въ зданіи думы, и здѣсь члены правленія общества личнымъ опросомъ ознакомились съ положеніемъ каждаго и распредѣлили ихъ по ихъ нуждамъ на категоріи. Немедленно устроенъ былъ пріютъ въ отведенномъ безплатно помѣщеніи для престарѣлыхъ и больныхъ, всего на двадцать два человѣка; десять человѣкъ помѣстили за плату въ земскій пріютъ. Затѣмъ нанято было помѣщеніе для артельнаго общежитія босяковъ, коихъ было всего тринадцать человѣкъ. Они обязывались разными работами отъ города и должны являться на пожары въ помощь пожарной командѣ. Въ слѣдующемъ году домъ трудолюбія былъ уже готовъ и въ него были переведены всѣ призрѣваемые изъ прежнихъ помѣщеній и приняты новые—всего сорокъ восемь человѣкъ. Впослѣдствіи въ этомъ домѣ устроено было отдѣленіе и для бѣдныхъ мальчиковъ-сиротъ. На все это общество расходуетъ до десяти тысячъ рублей въ годъ.

Въ первый же годъ своего существованія общество лишилось ближайшаго руководительства своего предсѣдателя. Никифоръ Михайловичъ, удрученный неожиданной смертью своей жены, почувствовалъ упадокъ силъ, отдался религіозному настроенію, и въ слѣдующемъ году его не стало.

Что же сталось съ домомъ трудолюбія послѣ смерти его вдохновителя? Немощные старики были обезпечены въ своемъ существованіи; главная же задача—обращеніе здоровыхъ, но испорченныхъ бездѣльниковъ къ труду,—несмотря на всѣ старанія, не удалась и была оставлена. Взамѣнъ этого въ домѣ учредили пріютъ для бѣдныхъ мальчиковъ-сиротъ, но забыли о существованіи такихъ же дѣвочекъ-сиротъ. Такимъ образомъ, домъ трудолюбія превратился въ пріютъ для немощныхъ стариковъ и для бѣдныхъ мальчиковъ-сиротъ.

Спустя нѣкоторое время по открытіи дома трудолюбія на улицахъ Егорьевска появилось опять много нищихъ. Объясняется это явленіе тѣмъ, что когда по сосѣднимъ городамъ и селамъ стало извѣстно, что Егорьевскъ хорошо устроилъ всѣхъ своихъ нищихъ, то въ него потянулись оттуда всѣ нищіе въ надеждѣ также хорошо устроиться. Общество не признало себя обязаннымъ, да и не въ состояніи, пріютить эти пришлыя массы нищихъ. Невольно припоминается евангельское изреченіе: «нищихъ всегда будете имѣть съ собою».

Библиотека "Руниверс"

IX.

Для полной характеристики Н. М. Бардыгина остается еще сказать о церковной и благотворительной его дѣятельности.

Съ того времени, какъ фабрика его начала давать значительные доходы, едва ли не большую часть ихъ онъ отдавалъ на украшеніе существующихъ церквей и постройку новыхъ. Это была какъ бы потребность его души, его благочестія, и продолжалось это до послѣднихъ дней его жизни. Въ Егорьевскѣ было четыре церкви, изъ коихъ три деревянныя: Георгіевская, Казанская и кладбищенская Никитская, и одна каменная позднѣйшихъ временъ, Успенская. Церковь св. Георгія была самая древняя, холодная и поставлена была на такихъ высокихъ каменныхъ столбахъ, что подъ ней лѣтомъ прятались отъ жары и играли дѣти; окрашена она красной краской и потому называлась «Красный соборъ»; ничѣмъ не была огорожена и давно уже требовала ремонта. На эту церковь Никифоръ Михайловичъ сдѣлалъ первое свое пожертвованіе: онъ подвелъ подъ нее сплошной фундаментъ, оштукатурилъ внутри стѣны и расписалъ ихъ, отдѣлалъ и позолотилъ иконостасъ, снабдилъ ризницей и утварью и устроилъ вокругъ деревянную ограду. Церковь приняла болѣе благолѣпный и привѣтливый видъ. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на кладбищенскую Никитскую церковь, тоже холодную. Церковь эта не имѣла своего причта, и потому службы въ ней совершались очень рѣдко, а горожане лишены были возможности во всякое время совершить поминки на родныхъ могилахъ. Стараніями Никифора Михайловича при церкви былъ учрежденъ самостоятельный кладбищенскій причтъ, и затѣмъ онъ построилъ на собственныя средства новую теплую церковь, которая была освящена въ 1883 году.

Съ особенной любовью относился Бардыгинъ къ Успенскому собору, старостою котораго онъ состоялъ все время съ 1881 года. Соборъ этотъ, называемый «Бѣлый», въ отличіе отъ Краснаго Георгіевскаго, поражаетъ громадностью; онъ строился 12 лѣтъ, съ 1826 по 1839 годъ, и вмѣщаетъ болѣе 5000 человѣкъ, а въ то время въ городѣ было всего 3000 жителей. Строителями этого храма были мѣстные купцы Аѳанасій Щекинъ и Хрисанфъ Щедринъ и постройка эта обошлась имъ въ сумму болѣе 374.000 рублей. Что побудило этихъ благотворителей соорудить такой обширный храмъ, не отвѣчавшій потребности населенія города? Предвидѣніе ли, что городъ современемъ будетъ многолюденъ, свойственное ли людямъ тщеславіе—оставить послѣ себя громкую память, или, можетъ быть, искупительная жертва за содѣянные тяжкіе грѣхи, все это темно, гадательно. О Щекинѣ сохранилось лишь преданіе, что дѣдушка Аѳанасій былъ слѣпой и, когда къ нему приходили за деньгами для

Библиотека "Руниверс"

постройки, онъ лазилъ въ подполье и доставалъ золото изъ кувшиновъ безъ счета, горстями.

Бѣлый соборъ, представляющій собою лучшее украшеніе города, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ украшенъ братьями Хлудовыми прекрасною живописью и одаренъ полнымъ звономъ, съ большимъ праздничнымъ колоколомъ въ 612 пудовъ. И здѣсь Никифоръ Михаиловичъ положилъ не мало заботъ на приведеніе собора въ болѣе блестящее состояніе: онъ ремонтировалъ все его внутреннее убранство, поновилъ всю живопись, сдѣланную братьями Хлудовыми, добавивъ къ тому художественный орнаментъ, а также заново отремонтировалъ всѣ иконостасы и соорудилъ серебряныя, вызолоченныя одежды на главный престолъ. Въ то же время онъ прилагалъ много стараній о благолѣпіи богослуженій и содѣйствовалъ утвержденію «истоваго» ихъ исполненія. По его иниціативѣ было учреждено приходское попечительство и собесѣдованія со старообрядцами. Для лучшаго обезпеченія церковнаго причта Никифоръ Михайловичъ пріобрѣлъ усадьбу и устроилъ помѣщеніе для всѣхъ членовъ причта.

Три церкви такимъ образомъ приведены были Никифоромъ Михаиловичемъ въ полное благоустройство; но этимъ далеко не исчерпывается церковная дѣятельность его. Одновременно съ этимъ по его начинанію создавались новыя. Вскорѣ послѣ покушенія 2-го апрѣля 1879 года на жизнь императора Александра II въ экстренномъ собраніи думы Никифоръ Михаиловичъ произнесъ рѣчь и провелъ предложеніе о сооруженіи въ Егорьевскѣ на средства города и добровольныя пожертвованія въ память неоднократнаго спасенія царя-Освободителя отъ рукъ злодѣевъ часовни и храма во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго. На постройку часовни и храма пожертвовано Бардыгинымъ 50.000 рублей и собрано по подпискѣ пожертвованій до 150.000 рублей, и на эти деньги сооружены были сначала прекрасная часовня, а потомъ и такой же храмъ во имя Александра Невскаго.

Другая церковь построена Бардыгинымъ въ селѣ Алешинѣ въ четырехъ верстахъ отъ города, съ домомъ для причта и церковно-приходской школой на собственныя его средства. Постройка, стоившая до шестидесяти тысячъ рублей, вызывалась крайней необходимостью вслѣдствіе отдаленности ближайшей церкви, что лишало населеніе возможности посѣщать церковь, Къ церковно-приходскимъ школамъ Бардыгинъ относился съ особымъ вниманіемъ. Въ Егорьевскѣ онъ выстроилъ на свои средства трехъэтажное зданіе для двухклассной церковно-приходской школы съ квартирами для учителей, съ помѣщеніемъ для ночлега дальнихъ учениковъ, а также для остановки дальнихъ прихожанъ постомъ во время говѣнія и подъ большіе праздники. Другая подобная школа, какъ сказано выше, построена имъ при церкви въ селѣ Алешинѣ. Третью

Библиотека "Руниверс"

школу онъ соорудилъ въ с. Горкахъ. Это уже была второклассная для приготовленія учителей въ церковно-приходскія школы грамоты. Всего болѣе поражаетъ въ сказанномъ тонкое, внимательное отношеніе Никифора Михаиловича къ облегченію дальняго населенія въ исполненіи религіозныхъ обязанностей.

Такому чуткому христіанину было далеко не по сердцу видѣть то, что творилось въ городѣ въ воскресенья и праздничные дни: обычная торговля шла до поздняго вечера, винныя лавки и питейныя заведенія открыты, отсюда пьянство и разгулъ. Все это глубоко возмущало Никифора Васильевича, и онъ вошелъ въ думу съ докладомъ о совершенномъ прекращеніи торговли въ воскресные и праздничные дни, за исключеніемъ торговли съѣстными припасами, но съ сокращеніемъ производства таковой; продажа питей совершенно воспрещалась въ большіе праздники, а въ воскресные дни сильно ограничивалась. Докладъ былъ принятъ думой съ полнымъ сочувствіемъ. Но, къ сожалѣнію, постановленіе думы шло въ разрѣзъ съ политикою акцизнаго вѣдомства и было отмѣнено губернскимъ присутствіемъ. Предположенію Бардыгина суждено было осуществиться уже послѣ его смерти, въ недавнее время, повсемѣстно. за нимъ осталась слава, какъ предвозвѣстника, предтечи русской трезвости.

Въ послѣдніе годы жизни Бардыгина общественная дѣятельность его по преимуществу приняла характеръ благотворительный и церковный. Построенъ былъ богадѣленный домъ на отведенной городомъ землѣ при кладбищенской церкви, затѣмъ предположено соорудить тамъ же домъ для женской общины и потомъ построенную имъ раньше кладбищенскую Троицкую церковь и общину обратить въ монастырь. Мысль о монастырѣ впервые зародилась у жены его Маріи Владимировны. По лѣтамъ она была значительно моложе своего мужа, дѣтей не имѣла и, пользуясь хорошимъ здоровьемъ, естественно предполагала рано или поздно остаться вдовой и въ такомъ положеніи провести остатокъ жизни въ монастырѣ. Это была ея завѣтная мечта, но ей не суждено было осуществиться. Болѣзнь захватила ее неожиданно и быстро унесла въ могилу. Смерть жены причинила Никифору Михаиловичу большое горе и ослабила его, но онъ рѣшилъ во что бы то ни стало довести начатое дѣло до конца и въ случаѣ своей смерти завѣщалъ исполнить его своему сыну. Мечта покойной жены была ему дорога, онъ вполнѣ раздѣлялъ ее и тѣмъ болѣе, что ему желательно было перевести изъ Коломенскаго Брусенскаго монастыря своихъ сестеръ-инокинь, Поликсену и Олимпіаду, въ свой монастырь, чтобы видѣть ихъ близъ себя. Немедленно послѣ смерти жены Никифора Михайловича достраивались зданія для богадѣльни и общины и въ то же время приступлено къ расширенію построенной Никифоромъ Михайловичемъ въ 1883 г. Троицкой церкви, причемъ стѣны ея были расписаны священны-

Библиотека "Руниверс"

ми изображеніями и орнаментомъ въ стилѣ XVII вѣка, перезолочены иконостасы и пріобрѣтена новая утварь. Въ 1898 году, въ день первой годовщины смерти Маріи Владимировны богадѣльня была открыта. Въ слѣдующемъ году кладбище было расширено и вокругъ Троицкой церкви и всѣхъ окружающихъ его строеній заложена была каменная ограда съ башнями и приступлено къ сооруженію второго каменнаго корпуса общины. 25-го августа 1899 года Свято-Троицкая женская община, основанная въ память покойной Маріи Владимировны, была торжественно открыта; къ началу открытія ея сестеръ вмѣстѣ съ старицами-богадѣлками было уже 86 душъ. Прошелъ еще годъ, и въ тотъ же день 25-го августа женская община преобразована въ Свято-Троицкій Маріинскій общежительный монастырь. Открытіе его сопровождалось еще большимъ торжествомъ. Послѣ литургіи прочитанъ былъ указъ Святѣйшаго Синода о переименованіи общины въ монастырь и совершенъ актъ врученія посоха первой игуменьѣ новаго монастыря монахинѣ Олимпіадѣ.

Привожу здѣсь выписку изъ помянутой мною книги г. Виталя о благолѣпіи этого новаго монастыря:

«При посѣщеніи этой обители не знаешь, чему болѣе удивляться: красотѣ ли ея убранства и блеску новизны и свѣжести, поддерживаемому заботливыми руками сестеръ, или тому старинному вѣянію, которое невольно охватываетъ посѣтителя. Вотъ предъ нами монастырскія стѣны: стильныя, круглыя и четырехугольныя башни среди нихъ и по угламъ и вышки по сторонамъ святыхъ воротъ, напоминающія вышку около Спасскихъ воротъ на стѣнѣ Московскаго кремля напѣваютъ о временахъ стародавнихъ. По входѣ въ ворота—какъ бы обнимающая васъ паперть Троицкой церкви, а надъ нею высится колокольня съ башенными часами, каждую четверть часа вызванивающими мелодію, еще болѣе переносящую мысль къ святымъ воротамъ Кремля. Вы входите въ церковь и сразу поражаетесь внутреннимъ убранствомъ. Теремный ли дворецъ Алексѣя Михаиловича отдалъ сюда свои стѣны? Или каноны Дамаскина и мелодіи знаменнаго распѣва въ видѣ пестрыхъ струй густо переплелись между собою? Позлащенный, весь изъ рѣзьбы иконостасъ, священные лики на золотыхъ фонахъ, безконечно разнообразный орнаментъ, сіяющая утварь и въ общемъ скромный, темноватый колоритъ, какъ и подобаетъ монастырю, что, однако, не мѣшаетъ всему наводить растроганнаго зрителя на свѣтлыя мысли, гармонирующія съ массою свѣта, льющагося извнѣ въ широкія окна храма?»

Созданіе женскаго общежительнаго монастыря было вѣнцомъ всего, что было сдѣлано Бардыгинымъ на пользу и украшеніе города. Это была послѣдняя его жертва, принесенная во славу Бога и въ благодарность за все, что Онъ далъ ему въ жизни, вывелъ его изъ

Библиотека "Руниверс"

ничтожества и поставилъ его на высоту. И жертва его была велика. Одна постройка Троицкой церкви съ послѣдующимъ расширеніемъ и украшеніями стоила болѣе ста тысячъ рублей, общинныя зданія и церковная ограда стоили не менѣе того. Кромѣ сего, на содержаніе общины пожертвовано имъ тридцать тысячъ рублей и 265 десятинъ земли съ лѣсомъ, стоящей 20.000 рублей.

Что бы ни побудило Никифора Михайловича строить женскій монастырь, мечта ли его любимой жены, желаніе ли видѣть возлѣ себя своихъ сестеръ-инокинь, все это не объясняетъ въ полной мѣрѣ всю ту прелесть и красоту созданной имъ обители, такъ восхитившей его историка. Откуда у этого простеца, дьячковскаго выученика, проявился такой вкусъ и любовь къ красотѣ, художественности? Еще въ молодыхъ годахъ Бардыгинъ совершалъ паломничества къ московскимъ святынямъ, къ св. Сергію и другимъ обителямъ, видѣлъ ихъ, слушалъ красивыя церковныя службы, умилительныя церковныя пѣснопѣнія, и душа его впитывала въ себя всю эту красочность православной вѣры. Все это воспитывало и развивало въ немъ вкусъ къ красотѣ церковныхъ зданій. Впослѣдствіи онъ интересовался церковною археологіею и изучалъ ее. Стиль XVII вѣка ему особенно нравился. И вотъ въ постройкѣ Троицкаго монастыря онъ проявилъ много вкуса и красоты, какъ бы перенося туда уголокъ московскаго Кремля.

Вся эта общественная, церковная и благотворительная дѣятельность Бардыгина исходила изъ одного источника «древляго благочестія»—любви къ ближнему и помощи бѣднымъ. Ближними для него были всѣ и на первомъ мѣстѣ обитающіе въ одной съ нимъ мѣстности. Но онъ не оставлялъ и далекихъ ближнихъ: такъ, имъ пожертвовано было 4.000 рублей на построеніе церквей въ Сибири для переселившихся туда крестьянъ. И если Богъ одарилъ его талантомъ и споспѣшествовалъ успѣху въ его личныхъ дѣлахъ и обогащенію, онъ и талантъ свой и прибытокъ отдавалъ своимъ ближнимъ для благоденствія, просвѣщенія ихъ ума и процвѣтанія родной страны.

X.

Считаю не лишнимъ хотя нѣсколько коснуться личной обыденной жизни Никифора Михайловича Бардыгина. Прежде всего долженъ отмѣтить его имущественное положеніе. Кромѣ фабрикъ, Никифору Михайловичу принадлежитъ въ Егорьевскомъ, Зарайскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ до 4.000 десятинъ земли. Въ Егорьевскомъ уѣздѣ ведется у него хлѣбопашество и огородничество; при имѣніи находится садъ въ количествѣ 12 десятинъ и три мукомольныя мельницы. Но здѣсь онъ рѣдко бывалъ. Жилъ онъ въ городѣ въ своемъ двухъэтажномъ домѣ, построенномъ имъ послѣ

Библиотека "Руниверс"

пожара, который постоянно расширялъ и украшалъ. Была у него прекрасная дача при деревни Старой, но въ ней онъ проводилъ не болѣе двухъ дней сразу. Его тянуло въ городъ къ труду. Когда ему совѣтовали побольше отдахнуть, успокоиться, онъ на это отвѣчалъ: «Кто желаетъ быть спокойнымъ, тотъ долженъ безпокоиться». Домъ былъ для него мѣстомъ отдыха, вся его дѣятельность проходила внѣ дома. Съ 4—5 часовъ утра онъ былъ уже на ногахъ. Послѣ молитвы онъ отправлялся въ городъ, осматривалъ городское хозяйство, слѣдилъ за ходомъ работы, давалъ указанія, затѣмъ посѣщалъ свои фабрики. Въ девятомъ часу онъ завтракалъ и пилъ чай, потомъ занимался въ своей конторѣ; съ 11 до 2 часовъ работалъ въ городской управѣ; затѣмъ обѣдъ и часъ отдыха, послѣ чего снова отправлялся въ городъ для всякихъ наблюденій. Въ пять часовъ пилъ чай; съ 6—8 часовъ снова работалъ въ конторѣ, а послѣ ужина всегда любилъ проѣхаться еще разъ по городу—взглянуть на ночныя работы и провѣрить ночные караулы; такъ любовно относился онъ къ своему дѣтищу—городу; затѣмъ до 11 часовъ вечера занимался у себя въ кабинетѣ, чѣмъ и заканчивалъ свой трудовой день.

Въ воскресные и праздничные дни Никифоръ Михайловичъ являлся въ церковь съ первымъ ударомъ колокола. Онъ любилъ церковныя богослуженія и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, читалъ Апостола, пѣлъ въ хорѣ. Обладая красивымъ голосомъ, онъ особенно хорошо исполнялъ на преждеосвященныхъ обѣдняхъ соло «Да исправится молитва» знаменнаго напѣва. Никифоръ Михайловичъ былъ большой любитель церковнаго пѣнія и понималъ его, какъ немногіе даже спеціалисты. Къ нему присоединились другіе любители, и такимъ образомъ образовался постоянный соборный хоръ. На Рождество Христово хоры всѣхъ окрестныхъ церквей приходили къ Никифору Михайловичу «славить». Въ храмовые праздники и въ дни св. Георгія и св. Николая у него на дому совершались по старинѣ всенощныя. Неуклонно участвовалъ онъ во всѣхъ установленныхъ крестныхъ ходахъ.

Въ свободные часы своей трудовой жизни Никифоръ Михайловичъ отдавался чтенію книгъ, преимущественно по богословію, исторіи и археологіи. Онъ достаточно знакомъ былъ и съ русской литературой и внимательно слѣдилъ за теченіемъ общественной и политической жизни. Проповѣдь Л. Н. Толстого о «непротивленіи» была до того ему чужда и непонятна, что онъ лично отправился къ графу для выясненія: какъ же намъ быть и что же въ нашихъ условіяхъ предпринять для того, чтобы дѣйствительно двинуться по пути истиннаго прогресса? Къ сожалѣнію, г. Виталь не сообщаетъ, какой послѣдовалъ на это отвѣтъ Льва Николаевича.

Въ обращеніи со всѣми Никифоръ Михайловичъ былъ простъ, привѣтливъ, внимателенъ къ обращающимся къ нему съ просьбами и исполнялъ ихъ по мѣрѣ возможности и безъ всякаго замедленія.

Библиотека "Руниверс"

Точно также былъ внимателенъ и къ рабочимъ на своихъ фабрикахъ. Судя по времени, онъ дѣлалъ необходимыя увеличенія заработныхъ платъ и сокращенія рабочихъ часовъ. Поэтому на его фабрикахъ не было никакихъ недоразумѣній, и въ 1894 году, въ первую забастовку на фабрикѣ бр. Хлудовыхъ, его фабрика работала безостановочно, хотя и была нѣсколько дней окружена тысячной толпой волновавшихся забастовщиковъ. Слѣдуетъ еще сказать, что его рабочіе были застрахованы отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ съ перваго же дня появленія такого страхованія, хотя обязательная отвѣтственность работодателей тогда еще не была установлена.

Нужно ли говорить, что Никифоръ Михайловичъ пользовался въ городѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Довѣріе къ нему было безгранично, и это удваивало его силу. Онъ поднялъ городъ не только съ внѣшней, матеріальной стороны, но своимъ трудомъ и нравственною мощію и примѣромъ въ то же время воспитывалъ новыя поколѣнія горожанъ, сплотилъ ихъ и одушевилъ любовью къ общественному дѣлу. Признательные горожане, въ свою очередь, чествовали его всѣми способами: подношеніемъ благодарственныхъ адресовъ, иконы св. Георгія, званіемъ почетнаго гражданина, постановкою въ залѣ засѣданія думы его портрета и т. п. Правительство, съ своей стороны, поощряло его полезную дѣятельность пожалованіемъ ему наградъ медалями и орденами до ордена св. Владимира 4 степени включительно.

Успѣхъ всѣхъ предпріятій Бардыгина и полное сочувствіе и одобреніе какъ со стороны общества, такъ и правительства сопровождали всю его жизнь. Нельзя не удивляться его необычайной подвижности, его энергіи довести до желаемаго конца свои начинанія. Всю жизнь онъ горѣлъ ровнымъ, яркимъ пламенемъ въ своемъ трудѣ. Его крѣпкій организмъ и здоровье, казалось, не знали усталости; но всему есть предѣлъ, «его же не прейдеши». За четыре года до смерти онъ началъ чувствовать недомоганіе отъ начавшейся у него болѣзни печени, но онъ не обращалъ на это вниманія. Послѣдовавшая за симъ смерть его второй жены во цвѣтѣ лѣтъ поразила Никифора Михаиловича неожиданностью и ускорила его развитіе болѣзни. Съ трудомъ его уговорили поѣхать за границу; тамъ ему помогли. По возвращеніи домой онъ началъ попрежнему заниматься своими дѣлами; всего болѣе онъ торопился закончить работы по устройству женской общины и Троицкаго монастыря, какъ бы предчувствуя скорую кончину. Всего этого онъ достигъ и все еще продолжалъ заниматься дѣлами, но болѣзнь шла прогрессивно и приняла угрожающій характеръ. Въ послѣдній разъ онъ присутствовалъ въ засѣданіи городской думы 31 мая 1901 года и послѣ того слегъ, а 13 ноября того же года скончался на 67 году жизни. Онъ умеръ съ спокойною совѣстью, съ сознаніемъ, что онъ не зарылъ даннаго ему таланта въ землю, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, на пользу

Библиотека "Руниверс"

ближнихъ своихъ, никого не сдѣлалъ несчастнымъ, никому не причинилъ обиды. Да, онъ былъ вполнѣ рыцаремъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Погребеніе Никифора Михайловича совершено было съ торжественностью, какой никогда не видалъ Егорьевскъ. Онъ похороненъ въ придѣлѣ Троицкаго монастыря во имя св. Никифора, патріарха цареградскаго. Надъ могилой положена бѣлая мраморная плита, огороженная бронзовыми перилами; на ней сложены надгробные серебряные вѣнки, а на стѣнѣ устроена мраморная кіота съ семейной иконой Бардыгиныхъ. На аркѣ помѣщено избранное самимъ Никифоромъ Михайловичемъ изреченіе Спасителя: «ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ».

Избранное Никифоромъ Михайловичемъ изреченіе Спасителя представляетъ какъ бы его завѣщаніе или напутственное слово своимъ согражданамъ. Г. Виталь полагаетъ, что изреченіе это служило какъ бы девизомъ всей трудовой его жизни, что такимъ образомъ онъ желалъ всѣмъ подтвердить укрѣпленное въ немъ чрезъ опытъ всей жизни убѣжденіе, что именно эту цѣль надлежитъ ставить своей задачей каждому человѣку. Во всякомъ случаѣ девизы и нагробныя надписи должны быть кратки и ясны для всѣхъ; приведенный текстъ изъ Евангелія составляетъ лишь заключительный аккордъ всего сказаннаго Спасителемъ въ нагорной проповѣди о блаженствахъ, а потому для большинства, недостаточно изучавшаго Евангеліе, слова «сія вся приложатся вамъ» едва ли будутъ понятны.

И. С. Аксаковъ, лично знавшій Бардыгина, такъ отозвался о немъ: «типичный русскій человѣкъ и замѣчательный дѣятель».

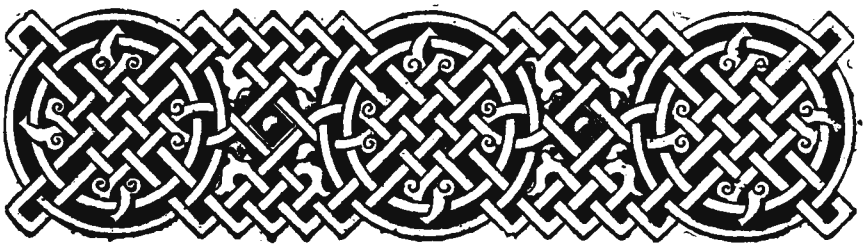
Несомнѣнно, Никифоръ Михайловичъ представлялъ собою законченный типъ русскаго человѣка и притомъ съ большимъ талантомъ, выросшаго и воспитаннаго на родной почвѣ «древляго благочестія». Не получивъ научнаго образованія, онъ самоучкой усвоилъ и развилъ въ себѣ современныя понятія по всѣмъ вопросамъ, касающимся общественной и государственной жизни, и примѣнялъ ихъ въ своей дѣятельности, причемъ иногда предъявлялъ такіе вопросы и рѣшенія, которые приняты были и осуществлены уже послѣ его смерти. И все это у него гармонично сливалось съ основами самобытной русской жизни. Въ этомъ отношеніи Никифоръ Михайловичъ представляетъ собою образецъ того, какъ слѣдуетъ усвоивать европейское просвѣщеніе и культуру, не переставая въ то же время быть русскимъ человѣкомъ съ его исторически сложившимися обычаями и его культомъ. Что же касается дѣятельности Никифора Михайловича, то она поражаетъ своею многосторонностью и законченностью. То, что онъ сдѣлалъ для Егорьевска, является безпримѣрнымъ, чудеснымъ. Въ короткій сравнительно періодъ времени онъ превратилъ ничтожный поселокъ въ цвѣтущій средней руки городъ, удовлетворяющій потребности населенія во всѣхъ отношеніяхъ. Но этимъ Никифоръ Михаиловичъ не довольствовался.

Библиотека "Руниверс"

ствовался и въ то же время заботился придать своему городу блескъ и красоту, что особенно проявилось въ послѣднемъ его созданіи— Свято-Троицкомъ монастырѣ. Есть что-то женственное въ дѣятельности Никифора Михайловича. Его хозяйственность, распорядительность, любовь къ дѣтямъ, заботы о сиротахъ и поклоненіе красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, всѣ эти качества присущи болѣе женской природѣ. Его мелкій, красивый почеркъ письма— совершенно женскій—какъ бы подтверждаетъ это.

М. Чернявскій.

Библиотека "Руниверс"



ОТСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ ВАРШАВЫ.

I.

ОСЛѢ попытки нѣмцевъ овладѣть Варшавой въ концѣ сентября 1914 года, когда германскія войска подошли къ городу съ юга и запада на какихъ-нибудь 15 верстъ и были геройски отражены славными сибирскими войсками, столица Польши зажила нормальною жизнью города, находящагося въ ближайшемъ тылу. Лишь только нѣмцы были отброшены, въ Варшаву стали съѣзжаться всѣ эвакуированные чиновники и обыватели. Улицы, театры, «цукерни» заполнились обычной нарядной толпой. Магазины торговали на славу, особенно ювелирные, такъ какъ щедрые офицеры, наѣзжая съ позицій, денегъ не жалѣли и дѣлали крупныя подарки дамамъ полусвѣта, количество которыхъ росло съ чрезвычайной быстротой. Соблазнъ наживы преодолѣвалъ страхъ возмездія за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи спиртныхъ напитковъ, и Варшавѣ грозила опасность превратиться въ нѣчто подобное Харбину временъ русско-японской войны, если бы не энергичное вмѣшательство сначала оберъ-полицеймейстера, а затѣмъ поселившагося временно въ Варшавѣ главнаго начальника двинскаго военнаго округа князя Туманова. Были закрыты «отдѣльные кабинеты», приняты крутыя мѣры противъ болтавшихся безъ дѣла въ Варшавѣ и крупными штрафами и высидками призваны къ порядку зарвавшіеся трактирщики.

Библиотека "Руниверс"

Къ январю жизнь въ Варшавѣ уже немногимъ отличалась отъ обычной, хотя въ 40—50 верстахъ гремѣли орудія, и въ тихія ночи даже въ центрѣ города бывала слышна канонада. Но на нее не обращали вниманія, интересуясь гораздо болѣе очередными политическими и городскими новостями и сплетнями.

— У насъ меньше боятся нѣмцевъ, чѣмъ въ Парижѣ,—съ гордостью заявляли коренные варшавяне. — Тамъ всѣ пріуныли, по ночамъ тьма, а у насъ почти все какъ всегда...

Дѣйствительно, варшавяне быстро приспособились къ измѣнившимся условіямъ жизни и стоически переносили неудобства, вызванныя обстоятельствами военнаго времени. Жизнь вздорожала, чувствовался недостатокъ то каменнаго угля, то мяса, то сахара. Дѣтямъ приходилось учиться въ гимназіяхъ не по утрамъ, а по вечерамъ, такъ какъ многія зданія учебныхъ заведеній были заняты подъ госпитали и лазареты, но что дѣлать? A la guerre comme à la guerre, утѣшали себя варшавяне-поляки.

— Самое главное—побить нѣмцевъ,—твердили они, съ жадностью прислушиваясь къ вѣстямъ съ фронта.

Настроеніе громаднаго большинства было оптимистическое: въ «цукерняхъ» то и дѣло появлялись слухи о побѣдахъ, объ удачныхъ для насъ эпизодахъ той войны въ окопахъ, которая всю зиму велась по линіи Бзура—Пилица.

— «Наши войска», «наша побѣда»,—постоянно слышалось въ разговорахъ поляковъ, которые еще такъ недавно ни за что не признали бы ничего «россійскаго» «нашимъ».

Война съ Германіей совершила великое чудо, разрушивъ возводившуюся сто съ лишнимъ лѣтъ стѣну недовѣрія и недоброжелательства, раздѣлявшую два братскихъ народа.

Какіе это были чудные, незабвенные дни—первыя недѣли войны, когда вдругъ польское населеніе царства Польскаго (за немногими исключеніями) безъ колебаній и безъ оговорокъ стало на сторону Россіи въ ея титанической борьбѣ съ Германіей и когда въ отвѣтъ на этотъ порывъ разнеслась по всему краю вѣсть объ историческомъ воззваніи верховнаго главнокомандующаго!

Польскія народныя массы при объявленіи мобилизаціи сразу, стихійно прониклись убѣжденіемъ, что надо итти рука объ руку съ Россіей, а не съ вѣковѣчнымъ врагомъ славянства. Сначала на такое рѣшеніе повліяла, несомнѣнно, главнымъ образомъ ненависть къ нѣмцу-угнетателю, утѣснявшему поляковъ въ Познанской области и захватившему въ свои руки вмѣстѣ съ евреемъ преобладающее вліяніе на экономическую жизнь края.

Библиотека "Руниверс"

Полякъ недолюбливалъ и «москаля», но «москаль» даже въ самыя крутыя времена никогда не проявлялъ той непримиримой ненависти къ полякамъ, какая вылилась, напримѣръ, въ Пруссіи въ преслѣдованіи польскаго языка даже въ костелѣ или въ законѣ о принудительномъ отчужденіи земель. Правда, и «москаль» не безъ грѣха,—разсуждали поляки,—но онъ все же свой братъ, славянинъ, а нѣмецъ—чужой, безпощадный, систематическій утѣснитель. Нѣмецъ можетъ многое наобѣщать, но никогда своихъ обѣщаній не исполнитъ, а потому,—рѣшили поляки,—лучше остаться при нынѣшнемъ «московскомъ» режимѣ, чѣмъ попасть въ лапы нѣмца.

Словомъ, сначала поляки просто выбрали изъ двухъ золъ меньшее, выбрали безъ воздѣйствія прессы (вѣдь, къ нашему стыду, большинство польскаго населенія все еще неграмотно и газетъ не читаетъ), которая, впрочемъ, тоже съ первыхъ же дней войны стала проповѣдывать необходимость «россійской оріентаціи».

Мобилизація прошла блестяще. Кромѣ запасныхъ, явившихся почти полностью на сборные пункты (не явились во̀-время лишь тяжело больные), на призывъ къ борьбѣ съ нѣмцами откликнулась молодежь, не состоявшая на учетѣ, и стала записываться въ добровольцы. Въ теченіе недѣли въ одной только Варшавѣ записалось до 3000 человѣкъ.

Трудно описать тотъ восторгъ, который охватилъ польское населеніе Варшавы, когда полученъ былъ текстъ воззванія великаго князя. Если до воззванія руссофильство диктовалась полякамъ соображеніями холоднаго расчета, то послѣ воззванія раскрылось сердце польскаго народа, забывшаго сразу старые счеты съ «москалями» и увидѣвшаго въ нихъ братьевъ-славянъ, стремящихся воскресить единство и свободу расчлененной сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Польши. Начались манифестаціи. Поляки требовали въ театрахъ исполненія русскаго народнаго гимна, стали охотно разговаривать по-русски съ русскими. Мы, русскіе варшавяне, сразу почувствовали эту перемѣну отношеній, такъ какъ поляки старались удвоеннымъ вниманіемъ и любезностью сгладить впечатлѣніе прежней холодной сдержанности, усвоенной ими по отношенію къ русскимъ во времена крутого режима.

Поворотъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ не могъ, конечно, не встрѣтить извѣстной оппозиціи среди «непримиримыхъ», какъ поляковъ, такъ и русскихъ. Первые пользовались всякимъ случаемъ, всякой сплетней для того, чтобы брюзжать на россійскіе порядки и доказывать, что ничего путнаго изъ руссофильства не выйдетъ, а среди русскаго служилаго люда не всегда проявлялась должная тактичность. На первыхъ же порахъ руссофильскія чувства поляковъ попали подъ холодный душъ распоряженія начальника Варшаво-Вѣнской дороги объ уничтоженіи уцѣлѣвшихъ еще русско-польскихъ надписей и о замѣнѣ ихъ надписями на одномъ лишь русскомъ

Библиотека "Руниверс"

языкѣ. Какъ впослѣдствіи выяснилось, замѣна надписей была произведена на основаніи резолюціи предмѣстника начальника дороги.

Еще болѣе взволновало польское общество «разъясненіе» учебнымъ округомъ новаго закона о разрѣшеніи преподаванія почти всѣхъ предметовъ въ частныхъ польскихъ школахъ на польскомъ языкѣ. Учебный округъ, готовясь примѣнить новый законъ, почему-то пришелъ въ недоумѣніе, слѣдуетъ ли допустить къ преподаванію исторіи и географіи лицъ польскаго происхожденія, или же эти предметы, согласно прежнимъ распоряженіямъ, должны преподаваться исключительно лицами русскаго происхожденія. Запросили министерство народнаго просвѣщенія, и оно отвѣтило, что прежнее правило остается въ силѣ.

Польское общество вознегодовало, но, въ дѣло вмѣшалась высшая административная власть въ краѣ, и вопросъ былъ перерѣшенъ Совѣтомъ Министровъ въ благопріятномъ для поляковъ смыслѣ.

Эпизоды, подобные вышеприведеннымъ, случались еще не разъ, но благоразумное большинство польскаго населенія понимало, что они неизбѣжны при наличности не отмѣненныхъ еще «разъясненій» и циркуляровъ, изданныхъ во времена иного режима, и не поддавалось агитаціи малочисленныхъ австрофильскихъ элементовъ, пытавшихся время отъ времени воздѣйствовать на общественное мнѣніе прокламаціями и распространеніемъ печатавшихся въ изобиліи въ Галиціи и занятой непріятелемъ части русской Польши агитаціонныхъ изданій. Появлялись по временамъ и эмиссары галиційскихъ поляковъ, пріѣзжавшіе черезъ Унгени или пробиравшіеся черезъ расположеніе нашихъ войскъ, но успѣха не имѣли. Особенно усердствовали какія-то дѣвицы, которыхъ незадолго передъ оставленіемъ нами Варшавы изловило охранное отдѣленіе, арестовавшее одновременно и руководителя австрофильской агитаціи, лидера такъ называемыхъ «людовцевъ» М—скаго.

«Людовцы» оказались на австрійской сторонѣ, какъ острили поляки въ Варшавѣ, изъ-за того, что ихъ враги—«народовцы»—стояли

Библиотека "Руниверс"

за «россійскую оріентацію». Вражда между «народовцами» или націоналъ-демократами и «людовцами (отъ слова людъ—простонародье) существовала издавна. Тогда какъ «народовцы» проповѣдывали необходимость сближенія и объединенія всѣхъ членовъ и сословій для достиженія національнаго идеала, «людовцы» сдѣлали своимъ девизомъ «самъ для себя» и стремились въ своей общественной работѣ обойтись «безъ ксендза и пана». Безъ ксендза-то они обходились, а «паны»—интеллигенты въ лицѣ М—скаго и другихъ польскихъ прогрессистовъ—ими руководили, устраивали для нихъ съѣзды и т. д. «Народовцы» стремились организовать крестьянъ въ земледѣльческіе кружки, имѣвшіе цѣлью, прежде всего, оградить ихъ отъ еврейскаго посредничества. Кружки эти состояли подъ руководствомъ центральнаго земледѣльческаго общества и пользовались субсидіями изъ средствъ, отпускавшихся главнымъ управленіемъ землеустройства. «Людовцы» никакихъ субсидій получать не желали и устроили свои земледѣльческіе кружки имени Сташица, которыхъ существовало во всемъ краѣ около 120. Въ общемъ, «людовое» теченіе было слабымъ по своему вліянію, безъ опредѣленной политической программы, и «австрофильская оріентація» его руководителя для многихъ была неожиданностью.

Громадное, подавляющее большинство польскаго населенія пребыло, несмотря ни на какія превратности судьбы, вѣрнымъ Россіи...

Само собой понятно, что поляковъ не могъ не интересовать вопросъ о будущемъ строѣ объединенной Польши. Всю зиму 1914—1915 годовъ объ этомъ шли оживленные разговоры. Прибытіе новаго генералъ-губернатора князя П. Н. Енгалычева и его рѣчь при пріемѣ въ замкѣ чиновъ гражданскихъ учрежденій убѣдили наконецъ поляковъ въ томъ, что «курсъ» дѣйствительно перемѣнился, что вскорѣ слѣдуетъ ожидать проведенія въ жизнь обѣщаній воззванія верховнаго главнокомандующаго путемъ постепенной отмѣны накопившихся за полвѣка ограничительныхъ мѣропріятій. Но первый шагъ въ этомъ направленіи—законъ о городскомъ самоуправленіи—

Библиотека "Руниверс"

не оправдалъ польскихъ ожиданій. Годомъ раньше,—говорили поляки,—этотъ законъ мы бы привѣтствовали, какъ великое благодѣяніе, но теперь, когда мы ждемъ автономіи, онъ слишкомъ тѣсенъ, слишкомъ ограничиваетъ самодѣятельность городскихъ самоуправленій, относится къ польскому языку, какъ къ терпимому только. Зато послѣдовавшія затѣмъ льготы въ области школьнаго дѣла, особенно предоставленіе права поступать въ высшія учебныя заведенія окончившимъ курсъ въ частныхъ польскихъ гимназіяхъ, произвели на поляковъ отрадное впечатлѣніе.

Въ общемъ, къ тому времени, когда русскимъ войскамъ пришлось покинуть Варшаву, большинство польскаго населенія твердо и искренно исповѣдывало «россійскую оріентацію», которая не измѣнилась, надо полагать, и теперь, когда въ Варшавѣ хозяйничаютъ временно нѣмцы.

II.

Жители Варшавы—поляки и русскіе—долго не вѣрили тому, что Варшава можетъ быть оставлена русскими войсками, не вѣрили даже въ то время, когда воспослѣдовало распоряженіе объ эвакуаціи семействъ чиновниковъ.

— Будетъ такъ, какъ въ прошломъ сентябрѣ... Подойдутъ нѣмцы и уйдутъ, не солоно хлебавши...—толковали варшавяне, а русскихъ дамъ мужьямъ пришлось вывозить чуть не насильно: имъ не хотѣлось превращаться опять «на какой-нибудь мѣсяцъ» въ странницъ, вынужденныхъ мыкаться по чужимъ угламъ. Въ Варшавѣ, у себя дома, было, какъ онѣ уже знали по прошлогоднему опыту, гораздо лучше, несмотря на то, что дороговизна росла съ каждымъ днемъ.

Но вскорѣ послѣ эвакуаціи семействъ служащихъ стало выясняться, что положеніе Варшавы значительно опаснѣе прошлогодняго. Сѣверный и южный фланги непріятеля стали все болѣе сближаться, и Варшава оказалась какъ бы въ глубинѣ коридора, соединявшаго еще ее съ Россіей. Стали поговаривать объ отъѣздѣ и многіе изъ поляковъ, особенно тѣ, которымъ могли грозить со стороны нѣмцевъ непріятности за антинѣмецкую дѣятельность. Полиція начала выдавать безплатные билеты на выѣздъ по желѣзной дорогѣ. Многіе поляки воспользовались ими и уѣхали, но въ это время газеты забили тревогу. Онѣ стали указывать на необходимость исполнить гражданскій долгъ, остаться въ польской столицѣ, чтобы отстоять ея «польскій характеръ», не дать ей превратиться въ Іерусалимъ (евреи изъ Варшавы не выѣзжали, а, напротивъ, ея еврейское населеніе значительно увеличилось бѣженцами изъ другихъ городовъ).

— Если будетъ насъ много, то мы сумѣемъ громадой дать отпоръ нѣмецкимъ притязаніямъ,—стали толковать поляки.—Будетъ легче,

Библиотека "Руниверс"

если мы вмѣстѣ станемъ переживать бѣду... А на чужой сторонѣ мы будемъ жить врозь...

Тѣмъ не менѣе Варшава обезлюдѣла. Въ началѣ іюля (эвакуація семействъ чиновниковъ была закончена къ 25 іюня) варшавскія улицы сильно опустѣли, и на нихъ встрѣчался гораздо большій процентъ семитскихъ физіономій, чѣмъ въ обычное время.

Въ началѣ іюля послѣдовала постепенная эвакуація казенныхъ учрежденій. Остались только полиція, жандармскія управленія и канцелярія генералъ-губернатора, эвакуированная лишь за нѣсколько дней до оставленія Варшавы нашими войсками.

благодаря вниманію А. И. Гучкова, богослуженія возобновились въ обоихъ православныхъ соборахъ: туда были командированы священники изъ Краснаго Креста.

Какое трогательное впечатлѣніе производили эти послѣднія богослуженія! Молящихся въ храмѣ немного, но какъ жарка и искренна ихъ молитва!

Въ старомъ соборѣ хлопочутъ у свѣчного ящика, продавая свѣчи и маленькія «походныя» просфоры, двѣ русскія дамы и старичокъ.

— Мы рѣшили остаться,—говоритъ старичокъ.—Надо же кому-нибудь за храмомъ присмотрѣть. А себя предаемъ волѣ Божіей,— добавляетъ онъ и истово крестится на икону Николая Угодника.

Что-то сталось съ вами, славные люди, въ нѣмецкой Варшавѣ?...

Въ Успенской церкви на Медовой улицѣ церковное имущество было оставлено на храненіе сторожа-католика и нищаго, тоже католика, пристроившихся къ церкви съ давнихъ временъ. Оба они заботливо убирали церковь и цѣлый день до вечера находились въ ней. Многіе русскіе заходили туда помолиться и поставить свѣчку передъ образомъ Покрова Пресвятой Богородицы.

Въ новомъ Александро-Невскомъ соборѣ вызванные изъ Москвы отъ Хлѣбникова мастера вывезли всѣ облаченія и церковную утварь, а также мѣдный иконостасъ, иконы и мѣдную обшивку парового отопленія. Остались лишь фрески и мозаика да остовъ иконостаса. Съ соборной колокольни подъ руководствомъ академика П. А. Феддерса стали снимать колокола. Къ утру 22 іюля, когда г. Феддерсъ уѣхалъ, было вывезено 9 меньшихъ колоколовъ и одинъ въ 50 пудовъ спущенъ внизъ, но не вывезенъ (его вывезла полиція). Большой колоколъ остался на колокольнѣ. Отъ него успѣли лишь отколоть два куска, но и они остались. Кромѣ того, не вывезли еще двухъ меньшихъ колоколовъ.

Съ начала іюля началась эвакуація промышленныхъ заведеній, работавшихъ на оборону, а также складовъ издѣлій и матеріаловъ, которые могли пригодиться непріятелю для военныхъ цѣлей. Эва-

Библиотека "Руниверс"

куаціей занимались, подъ общимъ руководствомъ оберъ-полицеймейстера генералъ-майора П. П. Мейера, пять реквизиціонныхъ комиссій изъ представителей различныхъ вѣдомствъ. Благодаря усиленной работѣ этихъ комиссій, удалось вывезти большую часть машинъ и станковъ изъ такихъ заведеній, причемъ дана была возможность выѣхать и рабочимъ съ семьями. Чего вывезти не успѣли, было въ послѣдній день, 22 іюля, взорвано, такъ что непріятелю ничѣмъ въ этомъ отношеніи воспользоваться не удалось.

Во избѣжаніе анархіи и безчинствъ подонковъ населенія послѣ ухода русскихъ войскъ было рѣшено передать въ послѣдній моментъ попеченіе объ общественной безопасности городскому обывательскому комитету и обывательской стражѣ—милиціи, въ составъ которой принимались лишь люди вполнѣ благонадежные въ нравственномъ отношеніи. Обывательскіе комитеты сыграли видную роль въ исторіи перваго года войны въ предѣлахъ русской Польши, и поэтому, полагаемъ, не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ объ ихъ организаціи и задачахъ.

Первые обывательскіе комитеты возникли въ городахъ и посадахъ, оставляемыхъ нашими войсками. Наиболѣе видные мѣстные жители объединялись въ комитетъ, который принималъ на себя попеченіе объ общественной безопасности во время «междуцарствія» и являлся представителемъ и защитникомъ интересовъ населенія предъ непріятельской властью. Для охраны города и поддержанія порядка комитеты организовывали милицію, кадромъ которой, обыкновенно, бывала вольно-пожарная дружина. Милиція стояла на постахъ, задерживала виновныхъ въ безчинствахъ и кражахъ и учиняла надъ ними судъ скорый и строгій: виновные подвергались поркѣ въ пожарной конюшнѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ обывательскіе суды постановляли приговоры о заключеніи обвиненныхъ на извѣстный срокъ въ тюрьму и передавали арестантовъ «начальнику ареста», а тотъ немедленно замѣнялъ заключеніе тѣлеснымъ наказаніемъ и освобождалъ затѣмъ арестанта «по отбытіи срока заключенія». Въ тѣхъ городахъ, гдѣ были тюрьмы, милиціонерамъ поручалось «храненіе» уголовныхъ арестантовъ, освобожденіе которыхъ могло бы оказаться опаснымъ для населенія.

Нѣмцы обыкновенно не церемонились съ обывательскими комитетами и съ милиціей. Членовъ комитетовъ они увозили въ качествѣ заложниковъ, а милицію стремились возможно скорѣе замѣнить своими «шуцманами», послѣ чего заставляли милиціонеровъ работать при постройкѣ окоповъ, такъ какъ всегда и вездѣ подозрѣвали милицію и обывательскіе комитеты въ руссофильствѣ.

Постепенно обывательскіе комитеты возникли повсемѣстно, поставивъ себѣ задачей заботиться о бѣженцахъ и оказывать помощь мѣстному населенію, страдающему отъ военныхъ дѣйствій. Работа комитетовъ оказалась настолько полезной, что мѣстная админи-

Библиотека "Руниверс"

страція признала необходимымъ использовать ихъ не только для оказанія первой помощи пострадавшимъ отъ войны, но и для осуществленія болѣе широкой задачи—возстановленія нарушенной войной нормальной экономической жизни края. Обывательскіе комитеты образовали стройную организацію, во главѣ которой сталъ центральный обывательскій комитетъ подъ предсѣдательствомъ помощника генералъ-губернатора—сначала А. О. Эссена, а затѣмъ сенатора Д. Н. Любимова. Въ губерніяхъ возникли губернскіе комитеты подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, въ уѣздахъ—уѣздные, въ большихъ городахъ—отдѣльные городскіе. Кромѣ поляковъ общественныхъ дѣятелей, въ составъ комитетовъ вошли главы мѣстныхъ казенныхъ учрежденій, и благодаря этому явилась возможность совмѣстной работы на пользу края представителей мѣстнаго населенія и администраціи.

Обывательскіе комитеты явились какъ бы суррогатами отсутствовавшихъ въ краѣ органовъ городского и земскаго самоуправленія, но съ болѣе тѣсною компетенціею, занимаясь лишь дѣлами, имѣвшими отношеніе къ устроенію экономической жизни края, потрясенной непріятельскимъ нашествіемъ. Насколько плодотворна была работа комитетовъ при благосклонной поддержкѣ генералъ-губернатора князя П. Н. Енгалычева, видно изъ того, что, напримѣръ, центральный обывательскій комитетъ, кромѣ широкой помощи жертвамъ войны на средства Татьянинскаго комитета и на поступавшія широкой волной изо всѣхъ концовъ Россіи пожертвованія исходатайствовалъ 10 милліоновъ рублей на выдачу ссудъ пострадавшимъ отъ войны землевладѣльцамъ и ремесленникамъ, 50 милліоновъ рублей на организацію мелкаго кредита, 23 милліона въ распоряженіе управленія казеннаго взаимнаго страхованія на возстановленіе строеній въ Люблинской, Холмской и др. губерніяхъ послѣ прошлогодняго австрійскаго нашествія, организовалъ на отпущенные въ распоряженіе генералъ-губернатора два милліона снабженіе земледѣльцевъ лошадьми и т. д. Рука объ руку съ комитетами работали присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, выдававшія «казенный паекъ» и сѣменныя ссуды. Словомъ, была налажена большая работа, имѣвшая цѣлью не только прокормить и пріютить разоренное населеніе, но и «поставить его на ноги», залечить раны, причиненныя войной, и возстановить въ краѣ нормальное теченіе экономической жизни. Работа эта была распредѣлена такимъ образомъ, что общее руководство ею лежало на общихъ собраніяхъ комитетовъ, а ближайшее завѣдываніе дѣлами—на исполнительныхъ комиссіяхъ, состоявшихъ исключительно изъ мѣстныхъ обывателей.

Въ центральномъ обывательскомъ комитетѣ исполнительная комиссія состояла подъ предсѣдательствомъ князя Святополкъ-Четвертинскаго, а вице-предсѣдателемъ былъ г. Грабскій. Въ варшав-

Библиотека "Руниверс"

скомъ городскомъ комитетѣ, находившемся подъ предсѣдательствомъ президента города А. А. Миллера, исполнительная комиссія состояла подъ предсѣдательствомъ князя Любомирскаго.

По нашествіи непріятеля на Варшаву центральный обывательскій комитетъ раздвоился: часть его членовъ осталась въ Варшавѣ, а часть съ г. Грабскимъ во главѣ образовала центральный обывательскій комитетъ въ Петроградѣ. Городской комитетъ остался въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ кн. Любомирскаго.

Съ первыхъ чиселъ іюля городской комитетъ приступилъ къ организаціи обывательской стражи (милиціи), которая должна была въ случаѣ отхода нашихъ войскъ замѣнить полицію. Начальникомъ милиціи былъ избранъ присяжный повѣренный Поповскій. Въ каждый изъ 15 полицейскихъ участковъ были назначены комиссары съ помощниками. Милиціонеры въ видѣ отличительнаго знака были снабжены бѣло-малиновыми перевязями на лѣвой рукѣ.

За недѣлю до сдачи Варшавы городской обывательскій комитетъ принялъ въ свое вѣдѣніе пожарную команду. Всѣ пожарные военнообязанные были эвакуированы въ Москву. Освободившіяся вакансіи были замѣщены варшавянами-добровольцами. Такъ какъ третья часть пожарной команды (Новосвѣтская) по требованію военныхъ властей была выслана въ Брестъ-Литовскъ, то въ ея казармахъ была размѣщена вольная пожарная дружина, эвакуировавшаяся изъ Жирардова. Новая, обывательская пожарная команда подъ начальствомъ назначенныхъ городскимъ комитетомъ брандмейстеровъ удачно дебютировала при тушеніи пожаровъ въ первый же день своего существованія.

Что касается обывательской милиціи, то она вступила въ исполненіе своихъ обязанностей въ послѣдній моментъ при уходѣ полиціи изъ города.

III.

Этотъ послѣдній моментъ наступилъ въ ночь съ 22 на 23 іюля. Въ дни, предшествовавшіе оставленію нами Варшавы, наша оборонительная линія, передвинувшаяся первоначально съ р. Бзуры къ гор. Блоню и съ р. Пилицы къ гор. Гройцамъ, еще болѣе приблизилась къ варшавскимъ фортамъ. Черезъ Варшаву пошли обозы отступавшихъ частей, а надъ городомъ все чаще и чаще стали появляться нѣмецкіе хищные «таубе», стремившіеся, повидимому, разрушить мосты и желѣзнодорожныя линіи, но вмѣсто этого попадавшіе въ дома, на улицы и въ сады. На варшавянъ эти налеты не производили устрашающаго впечатлѣнія, такъ какъ количество жертвъ нѣмецкихъ бомбъ было сравнительно невелико.

Библиотека "Руниверс"

Въ виду близости непріятельскихъ позицій «таубе» стали прилетать не только въ 3—5 часовъ пополудни (обычные часы ихъ визитовъ), но и по утрамъ, бросая какъ разрывные, такъ и зажигательные снаряды, а 21 іюля они угостили варшавянъ и удушающими газами, отъ которыхъ погибло до 20 человѣкъ въ разныхъ пунктахъ города. По обыкновенію, незванныхъ гостей наши встрѣчали всякій разъ шрапнелью, и варшавяне очень любили наблюдать съ площадей и широкихъ улицъ разрывы шрапнелей, обозначавшіеся на небѣ красноватыми облачками дыма. Правда, шрапнель, разорвавшись, летѣла внизъ на «наблюдателей», и не разъ случались пораненія ихъ, но къ этому всѣ привыкли и продолжали, напримѣръ, оставаться въ Уяздовскомъ паркѣ, когда шрапнельныя пули сбивали тамъ листву съ деревьевъ, а стаканы зарывались въ мостовую Уяздовской аллеи. Человѣкъ ко всему привыкаетъ... Варшавяне привыкли къ нѣмецкимъ аэропланамъ, привыкли къ «тьмѣ египетской», окутывавшей не разъ городъ въ ожиданіи налета цеппелиновъ, но цеппелины ни разу не пожаловали.

Утро «послѣдняго дня» ознаменовалось залетомъ въ городъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ орудійныхъ снарядовъ. Одинъ разорвался на южной окраинѣ — около церкви л.-г. Кексгольмскаго полка на Мокотовскомъ полѣ, три—на юго-западной: два изъ нихъ упали на Дворянской улицѣ, а одинъ разорвался на желѣзнодорожномъ переѣздѣ на Вольской и тяжело ранилъ солдата-сапера, сопровождавшаго повозки съ разобранными станками съ эвакуировавшейся фабрики на вокзалъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу и уничтожила послѣднія иллюзіи «оптимистовъ», продолжавшихъ доказывать въ «цукерняхъ», что будетъ такъ, «какъ въ сентябрѣ».

Съ утра черезъ городъ тянулись обозы. Проходили войсковыя части. На улицахъ не было обычнаго оживленія. Чувствовалось, что Варшава переживаетъ какой-то особенный моментъ, заставлявшій забывать и о повседневной «суетѣ суетъ» и о блескѣ погожаго лѣтняго дня...

Время отъ времени доносился гулъ орудій. Часамъ къ 10-ти канонада все росла и росла, а затѣмъ вдругъ стихла.

— Наши отразили аттаку,—пронеслись вѣсти по городу:— но сильный бой идетъ еще за Виляновомъ.

Дѣйствительно, нѣмцы все больше приближались къ городу по мѣрѣ того, какъ наши войска отходили на линію варшавскихъ фортовъ. Бой шелъ въ теченіе цѣлаго дня. Особенно отчетливо видна была артиллерійская дуэль съ вала, тянущагося вдоль московскаго шоссе на Прагѣ. Отъ находящагося на этомъ шоссе ветеринарнаго института ясно были видны разрывы снарядовъ, падавшихъ вблизи Чернякова (на югъ отъ города). Дымъ и пыль отъ этихъ разрывовъ поднимались большими грибами то бѣлаго, то желтоватаго, то розоватаго цвѣта.

Библиотека "Руниверс"

Среди дня прилетали нѣмецкіе «таубе», но ихъ встрѣтили шрапнелью изъ цитадели, и они скрылись, преслѣдуемые нашими летчиками.

Тревожный день прошелъ въ Варшавѣ спокойно, безъ «происшествій», если не считать инцидента на станціи Варшава-Привислинская. Тамъ желѣзнодорожные служащіе разрѣшили окрестнымъ жителямъ разломать на топливо деревянный заборъ. Тотчасъ сбѣжалась огромная толпа и прежде, чѣмъ полиція водворила порядокъ, успѣла разнести и «унести» также нѣсколько деревянныхъ сараевъ.

Съ наступленіемъ темноты горизонтъ на югѣ, юго-западѣ и западѣ охватили зарева пожаровъ, а на южной сторонѣ съ Праги видны были за Вислой какъ бы вспышки яркихъ молній и доносились раскаты орудійныхъ залповъ. Въ городѣ съ вечера начали раздаваться взрывы: это подрывали машины и станки въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыя могли пригодиться непріятелю для военныхъ цѣлей и не были эвакуированы. На большомъ заводѣ «Ортвейнъ и Карслинскій» послѣ взрыва начался пожаръ, который уничтожилъ всѣ заводскія постройки. На Прагѣ саперы спѣшно снимали мѣдные провода городского трамвая (въ городѣ они остались). На мостахъ заканчивалось снаряженіе минъ.

Изъ всѣхъ административныхъ учрежденій въ Варшавѣ оставалась въ послѣдній день лишь полиція, которой приказано было уйти изъ города вмѣстѣ съ отступающими воинскими частями, слѣдовать походнымъ порядкомъ черезъ Новоминскъ въ Сѣдлецъ и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій штаба арміи, въ распоряженіе котораго она была отдана. Вмѣстѣ съ городской полиціей должны были выступить въ походъ прикомандированные къ ней чины земской стражи изъ лѣвобережныхъ губерній края и варшавскій жандармскій дивизіонъ.

Организовать походное передвиженіе для цѣлаго отряда въ 3.000 человѣкъ (1.200 чиновъ городской полиціи и 1.800 земской стражи), къ походамъ непривычныхъ и не подготовленныхъ, было дѣломъ мудренымъ. Въ числѣ чиновъ полиціи было не мало такихъ, для которыхъ пѣшеходное путешествіе представлялось непосильнымъ. Чтобы не пришлось бросать ихъ по пути, какъ отсталыхъ, рѣшено было выслать ихъ заблаговременно въ Москву по желѣзной дорогѣ. Туда же высланы были въ поѣздѣ и почти всѣ чиновники канцелярій оберъ-полицеймейстера и участковыхъ. Большія трудности представлялъ вопросъ о довольствіи въ пути. Въ виду отсутствія походныхъ кухонъ было рѣшено забрать съ собою мѣдные котлы изъ печей участковыхъ командъ. Кромѣ котловъ каждый участокъ долженъ былъ взять съ собою трехдневный запасъ хлѣба, сала и крупы. Для перевозки продовольствія и вещей городо-

Библиотека "Руниверс"

выхъ былъ организованъ обозъ изъ наемныхъ повозокъ, примѣрно по пяти подводъ на участокъ. Обозъ долженъ былъ захватить съ собою и послѣднія «дѣла» и переписки.

Въ общемъ вмѣстѣ съ подводами полицейскаго резерва и канцеляріи оберъ-полицеймейстера составился обозъ изъ болѣе чѣмъ ста подводъ. Кромѣ того, при полицейскомъ отрядѣ должны были слѣдовать экипажи и пять автомобилей для начальствующихъ лицъ и два грузовика съ прицѣпными платформами фирмы «Бюссингъ», предоставленные магистратомъ города и оказавшіеся чрезвычайно полезными при передвиженіи по шоссе. На этихъ грузовикахъ помѣщалось стоя до трехсотъ человѣкъ сразу, и, благодаря этому, оказывалось возможнымъ въ нѣсколько пріемовъ «перекидывать» нашихъ городовыхъ съ одного этапа на другой. При выступленіи съ этапа выѣзжала на «Бюссингахъ» первая партія городовыхъ, затѣмъ «Бюссинги», ходившіе со скоростью десять верстъ въ часъ, возвращались и, встрѣтивъ полицейскую колонну въ пути, увозили вторую партію и т. д. Благодаря этому, не было отставшихъ, и полицейскій отрядъ быстро подвигался впередъ. Обозъ съ провіантомъ и котлами уходилъ впередъ за нѣсколько часовъ раньше, и къ приходу всего отряда былъ готовъ уже обѣдъ.

Подробности слѣдованія походнымъ порядкомъ были разработаны на рядѣ собраній приставовъ подъ предсѣдательствомъ оберъ-полицеймейстера генералъ-майора П. П. Мейера еще въ сентябрѣ 1914 года, когда полиціи тоже предстояло уйти изъ города въ послѣдній моментъ, если бы нашимъ войскамъ пришлось отступить. Тогда полицейскій обозъ былъ уже высланъ по шоссе до Милосны, но доблестнымъ сибирцамъ удалось отразить врага, и полиція осталась.

По примѣру прошлогоднихъ приготовленій къ выступленію полицейскій обозъ съ утра 22-го іюля былъ собранъ на обширномъ дворѣ ветеринарнаго института. Къ вечеру выяснилось, что едва ли наши войска долго останутся на фортовыхъ позиціяхъ, а потому въ $10^1/_2$ часовъ вечера обозу приказано было двинуться по шоссе по направленію къ Новоминску.

Начались послѣднія томительныя минуты ожиданія... Городъ въ это время какъ бы замеръ. На улицахъ обычная полутьма. Не видно огней и въ окнахъ домовъ. Небо освѣщено блѣднѣющими заревами на югѣ и западѣ и разгорающимися пожарами на сѣверо-востокѣ и востокѣ. Это горятъ станціонныя зданія на Прагѣ-Привислинской и въ Ваврѣ.

Прохожихъ почти не видно. Лишь стоятъ на своихъ постахъ городовые и ночные сторожа.

Въ 10 ч. 55 м. ночи военный губернаторъ Варшавы, генералъ-лейтенантъ Турбинъ увѣдомилъ по телефону оберъ-полицеймей-

Библиотека "Руниверс"

стера, что отходъ войскъ съ позицій уже начался. Тотчасъ было приказано полиціи сдать охрану города обывательской стражѣ, а затѣмъ собраться на Прагу, къ зданію ветеринарнаго института. Въ ратушѣ водворился присяжный повѣренный Поповскій со своими помощниками.

Въ 11 ч. 35 м. генералъ Мейеръ выѣхалъ съ чинами его управленія и конной сотней по Александровскому мосту на Прагу.

За мостомъ большое оживленіе. Саперы возятся около трамвайныхъ столбовъ, снимая мѣдную проволоку. Тянутся обозы... А на темномъ небѣ сіяютъ алмазныя звѣзды, видѣвшія столько войнъ, столько кровопролитій, столько «взятій Варшавы»—и шведами, и русскими, и нѣмцами, и французами.

На Гроховской улицѣ, ведущей мимо ветеринарнаго института къ Московской заставѣ, оживленное движеніе воинскихъ обозовъ, артиллеріи, почти сплошнымъ потокомъ направляющихся на востокъ. Навстрѣчу движется множество возовъ съ евреями. Они везутъ въ Варшаву съѣстные припасы, товары въ тюкахъ, разный домашній скарбъ и мебель.

До $1^1/_2$ часа ночи подходили къ ветеринарному институту полицейскія команды. Когда собрались всѣ, была отдана командѣ двинуться въ путь.

Начался «полицейскій анабасисъ», въ которомъ пришлось принять участіе и пишущему эти строки. Наше отступленіе длилось съ 23-го іюля по 2-е августа, когда полицейскія команды попали наконецъ въ поѣзда въ Высоколитовскѣ.

IV.

Когда мы прибыли въ Сѣдлецъ, тамъ началась уже «предъэвакуаціонная» суета. Городъ былъ переполненъ врачами и сестрами милосердія, ожидавшими поѣздовъ. На базарной площади шла реквизиція лошадей. Надъ городомъ рѣяли аэропланы расположившагося близъ Александрійскаго парка авіаціоннаго отряда. Много квартиръ пустовало, такъ какъ владѣльцы ихъ, охваченные паникой, спѣшно уѣхали еще въ началѣ іюля.

Въ одной изъ такихъ квартиръ на Палацовой улицѣ близъ красы Сѣдлеца Александрійскаго парка пришлось помѣститься и мнѣ въ комнатѣ, бывшей прежде жилищемъ какого-то гимназиста. Бѣдняжка бросилъ въ ней всѣ свои «сокровища»: электрическую батарею, токарную пилочку, какія-то коробочки, тетрадки. Второпяхъ позабылъ даже уничтожить вырванную изъ тетради страницу съ алгебраической задачей, подъ которой свирѣпый педагогъ написалъ красными чернилами: «списано, 1». Сколько огорченій доставила, вѣроятно, эта единица моему предшествен-

Библиотека "Руниверс"

нику, который, быть можетъ, искренно радовался эвакуаціи, увезшей его подальше отъ «проклятой алгебры»...

Устроившись въ этой комнатѣ, я отправился осматривать Сѣдлецъ и, выйдя на Палацовую улицу, услышалъ неистовый вой, раздававшійся на сосѣдней широкой улицѣ.

Тамъ собралась большая толпа, сдерживаемая земскими стражниками. Преобладали бабы, голосившія во все горло. Какъ оказалось, мѣстная полиція стала снимать колокола съ оригинальной костельной колокольни, выстроенной въ видѣ тріумфальной арки поперекъ улицы.

Работами руководилъ полицеймейстеръ. Толпа все увеличивалась, вой все возрасталъ, и въ концѣ концовъ полиція отступила, не снявъ ни одного колокола.

Долго еще на площади стояли бабы, то причитая, то разговаривая спокойно другъ съ другомъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, уже къ вечеру вой снова возобновился. Полицеймейстеръ выждалъ, пока бабы не разошлись, и снова началъ снимать колокола. Бабы пробовали было помѣшать, но ихъ оттѣснили за костельную ограду, и колокола были сняты и увезены.

Съ плачемъ прощались съ ними богомольныя бабы, а затѣмъ бросились передъ костеломъ на колѣни и стали пѣть: «Подъ Твою защиту». Печальный мотивъ понесся къ вечернему небу, какъ вопль безысходной тоски польской души-страстотерпицы... А въ костелъ въ это время прибылъ свадебный поѣздъ. «Онъ»—идетъ на войну, «она» сдѣлалась только на дняхъ круглой сиротой. Она—бѣдняжка, у которой и отецъ и мать погибли отъ нѣмецкихъ снарядовъ. Печальная свадьба...

Ночью на Сѣдлецъ произвелъ налетъ непріятельскій цеппелинъ, провѣдавшій какимъ-то путемъ, что съ вокзала отойдетъ поѣздъ съ однимъ изъ высшихъ лицъ командного состава арміи.

Около часа ночи, когда городъ уже спалъ и слышны были лишь вой собакъ да отдаленные гудки паровозовъ, съ неба вдругъ брызнулъ снопъ яркаго свѣта. Германскій хищникъ сталъ разыскивать добычу... Изъ моей «гимназической» комнаты я увидѣлъ яркое освѣщеніе двора и тотчасъ выбѣжалъ на крыльцо, предположивъ, что гдѣ-нибудь по сосѣдству вспыхнулъ пожаръ...

Вдругъ раздался страшный взрывъ, во много разъ сильнѣе, чѣмъ взрывъ снарядовъ, бросаемыхъ нѣмцами съ аэроплана... На темномъ небѣ виденъ былъ еще болѣе темный силуэтъ нѣмецкой сигары, отъ которой шелъ пучокъ яркихъ лучей, обшаривавшихъ городъ.

Вслѣдъ за первымъ взрывомъ послышался второй, третій, а надъ городомъ поднялся отчаянный женскій визгъ: для жителей Сѣдлеца бомбы, падающія съ неба, были диковинкой...

Библиотека "Руниверс"

Въ нашемъ домѣ жильцы верхняго этажа, вскочивъ съ постелей, бросились стремглавъ по лѣстницѣ въ нашу квартиру, рѣшивъ, что внизу безопаснѣе. Мы постарались поддержать въ нихъ это заблужденіе и кое-какъ успокоили черезчуръ взволновавшихся отъ неожиданности сосѣдей.

Утромъ выяснилось, что бомбъ было брошено болѣе десяти. Многія изъ нихъ упали на территорію вокзала, вырывъ глубокія воронки. Всѣ стекла въ вокзальныхъ зданіяхъ были разбиты. Пострадало до 90 человѣкъ, въ томъ числѣ 16 жандармскихъ вахмистровъ, эвакуированныхъ изъ губерній царства Польскаго. Вагонъ, въ которомъ они сидѣли, превратился въ груду обломковъ.

На слѣдующій день послѣ налета цеппелина варшавская полиція, расположившаяся бивакомъ въ лѣсу дачной мѣстности Игаке въ $2^1/_2$ верстахъ подъ Сѣдлецомъ, получила отъ военныхъ властей приказъ итти походнымъ порядкомъ по шоссе на Морды и Лосицы, а оттуда по проселкамъ къ шоссе, идущему изъ Дрогичина въ Высоколитовскъ, и ждать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. Автомобилямъ, особенно грузовикамъ, нечего было и покушаться пройти тридцать верстъ по проселочному бездорожью, а потому генералъ Мейеръ поручилъ мнѣ отвести ихъ въ Высоколитовскъ по шоссе, идущему на сѣверъ отъ Сѣдлеца въ уѣздный городъ Соколовъ, а оттуда на востокъ на Дрогичинъ и Высоколитовскъ. Тамъ грузовики должны были ждать выхода полицейскаго отряда на шоссе и прибыть къ мѣсту этого выхода для подвоза городовыхъ партіями въ 300 человѣкъ.

Такъ какъ грузовики передвигались со скоростью десяти верстъ въ часъ, а одинъ изъ нихъ буксировалъ еще поломавшійся пассажирскій автомобиль, то передвиженіе нашей «автомобильной колонны» продолжалось цѣлый день, съ нѣсколькими остановками легковыхъ автомобилей, поджидавшихъ подхода грузовиковъ.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ шоссе, мы попали въ совершенно мирную обстановку. На шоссе почти не было движенія. Въ деревняхъ шли обычныя работы, слышались пѣсни...

Только въ Соколовѣ замѣтны были признаки надвигающейся военной грозы: въ скверѣ неподалеку отъ въѣзда въ городъ отъ памятника царю Михаилу Ѳеодоровичу остался одинъ пьедесталъ съ надписью, а бронзовый бюстъ былъ уже снятъ. На базарѣ шла реквизиція лошадей. Откуда-то съ запада проходили отступавшія воинскія части. Бродили по городу запыленные, уставшіе чины земской стражи Радиминскаго уѣзда Варшавской губерніи, добравшіеся до Соколова кто пѣшкомъ, кто—на поѣздѣ...

Но если въ Соколовѣ была нѣкоторая суета, тотчасъ по выѣздѣ изъ него опять начиналась «мирная идиллія». Деревня еще не знала объ ожидающей ее горькой участи. Мирно дремалъ и за-

Библиотека "Руниверс"

холустный Дрогичинъ, но за нимъ появлялись уже тревожные предвѣстники надвигающейся бури: цѣлые отряды бабъ копали окопы. Въ деревняхъ, гдѣ мы останавливались, насъ окружала толпа и допытывались: «Скоро ли нѣмецъ буде? скоро ли уходить?» Населеніе тутъ было уже русское, хотя всѣ умѣли и по-польски. Когда въ одной изъ деревень мы спросили бабъ, разговаривавшихъ по-польски съ шофферомъ, русскія онѣ или польки, одна изъ бабъ отвѣтила:

— Мы православныя, но умѣемъ говорить и по-католицку...

Мужчинъ видно было мало. «На войну много ушло, а мы тутъ сами управляемся...»

— Только бы Богъ далъ его, проклятаго, побѣдить...

— Мы уйдемъ, все спалимъ, а ему не дадимся...

И дѣйствительно, спалили, ушли, превратились въ злосчастныхъ бѣженцевъ, которыхъ намъ пришлось вскорѣ видѣть въ Высоколитовскѣ, но объ этомъ рѣчь впереди.

Сдѣлавъ привалъ на правомъ берегу Западнаго Буга у самаго моста, мы вскорѣ были окружены большою толпою варшавянъ, которые были привезены сюда за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ для постройки окоповъ.

Очень огорчились они, узнавъ, что нѣмецъ въ Варшавѣ.

— Слава Богу, что насъ сюда привезли. Платятъ хорошо, ѣсть даютъ, и къ нѣмцамъ не попадемъ...

— Насъ здѣсь пять тысячъ. Никто подъ нѣмцемъ быть не хочетъ.

Среди варшавянъ много типичныхъ «лобузовъ». Одинъ изъ нихъ страшно обрадовался, словно близкому родственнику, городовому изъ «своего» участка.

— Пане панъ, а вѣдь вы меня три раза въ козу (кутузку) сажали. Неужели не помните? Да я вѣдь—Анджей Салата... Забыли? Правда, это когда была монополія...

И панъ Салата радостно пожималъ руку своему «начальству».

По прибытіи въ Высоколитовскъ мѣстный становой приставъ помѣстилъ насъ въ четырехъ верстахъ отъ посада, переполненнаго войсками и обозами, въ имѣніи и деревнѣ Долбневѣ.

Пришлось ждать два дня, пока наконецъ полицейскій пѣшій отрядъ преодолѣлъ сыпучіе пески поселка и переправы въ бродъ черезъ рѣчки и появился въ селѣ Турнѣ въ тридцати семи верстахъ по шоссе отъ Высоколитовска.

Заработали опять грузовики, и къ вечеру того же дня отрядъ расположился на бивакѣ въ селѣ Токарахъ, въ десяти верстахъ отъ Высоколитовска, а на слѣдующее утро началось ожиданіе въ Долбневѣ посадки въ поѣздъ. «Анабасисъ» полиціи закончился. Прошелъ онъ, несмотря на чрезвычайно утомительное блужданіе по проселку, гдѣ приходилось тащить на себѣ возы, чтобы

Библиотека "Руниверс"

облегчить выбивавшихся изъ силъ лошадей, въ общемъ вполнѣ благополучно: больныхъ было очень мало, всего какой-нибудь десятокъ объѣвшихся недозрѣлыми яблоками или простудившихся.

Во время ожиданія въ Долбневѣ по шоссе мимо него понеслась волна бѣженцевъ. Сначала появились одиночныя подводы, а затѣмъ двинулись цѣлыя деревни русскихъ крестьянъ Прибужья. Шли также и бѣженцы-поляки, по большей части изъ Варшавской губерніи, но были и изъ болѣе далекихъ мѣстностей. Поляки уже «проѣлись» и голодали. Бѣженцы изъ ближайшихъ мѣстностей еще не успѣли уничтожить запасы съѣстного и были гораздо бодрѣе. На подводахъ съ домашнимъ скарбомъ сидѣли маленькія дѣти, а остальные шли пѣшкомъ... Куда? Они и сами не знали... Только бы подальше отъ нѣмца...

Но когда рѣзко перемѣнилась погода и пошелъ дождь, настроеніе бѣженцевъ стало падать. Остановившись гдѣ-нибудь подъ деревьями, они старались укрыть дѣтей и бабъ подъ телѣгой, строили шалаши, разводили костры—и начинали проклинать свою горькую судьбу...

Но это были лишь цвѣточки, ягодки были впереди, тамъ на тянущемся вдаль шоссе, гдѣ потомъ разыгралось столько сценъ отчаянія, столько тяжкихъ драмъ...

Но все это было еще впереди, когда по шоссе, ведущимъ вглубь Россіи, хлынула многомилліонная волна и когда еще не успѣли организовать ни питательныхъ пунктовъ, ни врачебной помощи.

Мимо Долбнева проходилъ пока лишь, такъ сказать, маленькій ручеекъ, стремившійся въ бѣженское море. Но и въ этомъ ручейкѣ уже попадались изголодавшіеся, измученные люди.

Спасаясь отъ мелкаго, пронизывающаго, совсѣмъ осенняго дождя, подъ придорожными деревьями около долбневской усадьбы остановились семь подводъ. Мы ихъ пріютили въ стодолѣ и «кератѣ». Оказалось, что ни у кого изъ нихъ не было ни чаю, ни сахару, ни хлѣба, ни соли. Почти всѣ страдали разстройствомъ желудка и обрадовались каплямъ Иноземцева больше, чѣмъ ѣдѣ. На пяти подводахъ ѣхали крестьяне-поляки изъ Варшавской губерніи. Одна принадлежала старику-органисту изъ Лешна, Блонскаго уѣзда. Онъ ѣхалъ съ женой и дочерью, сохранившими еще «культурный» обликъ. Зато владѣлицы седьмой подводы, оказавшіяся помѣщицами изъ-подъ Наленчова, Люблинской губерніи, совсѣмъ опростились.

Библиотека "Руниверс"

Онѣ странствовали уже три недѣли. Еле успѣли уйти отъ непріятеля и видѣли издали, какъ горѣла подожженная нѣмцами ихъ усадьба. Спасти удалось лишь то, что второпяхъ онѣ сами успѣли нагрузить на возъ. Кучеръ у нихъ сбѣжалъ, и энергичныя дамы сами запрягали, сами правили. Мать натерла себѣ вожжами до крови руки, а дочь-барышня превратилась въ типичную деревенскую дѣвушку съ краснымъ, обвѣтрившимся лицомъ и еще болѣе красными «лапками».

Но, несмотря на невзгоды странствованія, обѣ были бодры и веселы: вѣдь каждый день приближалъ ихъ къ завѣтной цѣли, къ тому уголку Витебской губерніи, гдѣ онѣ разсчитывали найти пріютъ у родныхъ.

У другихъ бѣженцевъ не было такого утѣшенія: они шли, куда глаза глядятъ, лишь бы подальше отъ «проклятаго».

V.

Въ Брестъ-Литовскѣ мнѣ привелось побывать два раза—30-го іюля и 2-го августа. Посадка полицейскаго отряда въ поѣзда на станціи Высоколитовскъ затягивалась, а погрузить лошадей и автомобили нечего было и думать за отсутствіемъ какихъ-либо приспособленій. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ путешествіи «Бюссинги» не могли принести пользы, то генералъ Мейеръ рѣшилъ сдать ихъ брестъ-литовской крѣпости и командировалъ меня къ коменданту, генералу Лайминту.

Между Высоколитовскомъ и Брестомъ нѣтъ шоссе, и потому нашему автомобилю пришлось сдѣлать изрядный кругъ, проѣхать сначала до тридцать шестой версты на востокъ, затѣмъ свернуть на югъ и по кобринскому шоссе черезъ Жабинку пріѣхать въ Брестъ съ запада.

Болѣе пыльнаго города, чѣмъ Брестъ, не было, кажется, и не будетъ въ Россійской имперіи. Уже издали, несмотря на полный штиль, надъ Брестомъ видны были облака пыли, поднимавшейся высоко надъ городомъ и превращавшей злосчастныхъ брестцевъ въ какихъ-то сѣрыхъ араповъ. Пылью были покрыты мостовыя, крыши домовъ, листья деревьевъ. Она лѣзла въ носъ, въ глаза, эта немилосердная брестская пыль...

Ѣдемъ къ вокзалу, чтобы узнать, гдѣ получить разрѣшеніе проникнуть въ цитадель, но, къ счастью, нежданная встрѣча съ варшавскими «стражаками» (пожарными) помогла избавиться отъ лишнихъ хлопотъ.

Уже около самаго вокзала шоффѐръ радостно кричитъ: «наши, стражаки!» и такъ энергично тормозитъ машину, что пришлось

Библиотека "Руниверс"

«клюнуть носомъ»... Къ автомобилю бѣгутъ, крича восторженныя привѣтствія знакомому шофферу, варшавскіе пожарные третьей части, эвакуированной въ Брестъ. Появляется и брандмейстеръ К. Г. Исаенко, который берется провезти насъ въ крѣпостную цитадель: у него оказались всевозможные билеты и пропуски. Но предварительно онъ хочетъ непремѣнно показать, какъ устроилась его часть на новомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, посмотрѣть есть на что. Пожарнымъ дали длинный пустой сарай, и они такъ умѣло приспособили и использовали его, что диву даешься, какъ они могли сдѣлать все это своими средствами «изъ ничего».

Въ оградѣ цитадели—«тишь да гладь»... Только пыль, доносящаяся изъ города, напоминаетъ о суетѣ суетъ. Въ цитадели—какое-то сонное царство... Кругомъ нея дремлютъ громадныя стада рогатаго скота, стоятъ большіе сараи, склады, два ангара для дирижаблей...

— Видите, какъ застроено,—разсказываетъ г. Исаенко, оцѣнивая все, какъ и полагается пожарному, съ пожарной точки зрѣнія.—А никакихъ гидрантовъ нѣтъ, воды близко нѣтъ, хоть копнуть на поларшина, и уже вода показывается. Вѣдь здѣсь болото...

Дѣйствительно, что было бы, если бы сюда, въ эти склады попалъ нѣмецкій снарядъ. А аэропланы появлялись надъ Брестомъ ежедневно.

Изъ-за нихъ по ночамъ въ Брестѣ не было освѣщенія, а прожекторы съ фортовъ цѣлую ночь посылали къ небу снопы свѣта, передвигавшіеся въ разныхъ направленіяхъ и создававшіе иллюзію сѣвернаго сіянія...

Во второй пріѣздъ въ Брестъ намъ пришлось любоваться этимъ сѣвернымъ сіяніемъ послѣ того, какъ нѣмецкіе таубе сбросили нѣсколько снарядовъ на пути около вокзала. Одна изъ бомбъ разорвалась въ санитарномъ вагонѣ. Вагонъ сгорѣлъ, и въ немъ погибло семь человѣкъ. А затѣмъ начался обстрѣлъ аэроплановъ шрапнелью, и обломки ея падали около вагоновъ, въ которыхъ находился одинъ изъ полицейскихъ эшелоновъ.

Утромъ въ Брестѣ начался переполохъ.

Еврей, содержатель «Новоодесской гостиницы», въ которой удалось пріютиться на ночь, трагически восклицалъ, ероша на головѣ волосы:

— Господа, я разоренъ... Купите пожалуйста сардинки по дешевой цѣнѣ... Все равно пропадать... А можетъ быть—венгерскаго купите? Ой вай, какое несчастіе...

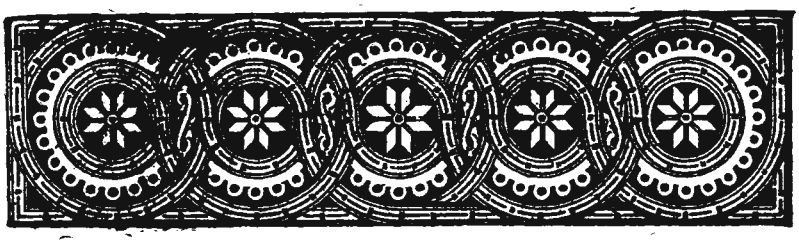
Библиотека "Руниверс"

Что творилось въ эти дни на брестскомъ вокзалѣ, трудно себѣ представить. Послѣдніе поѣзда привозили бѣженцевъ царства Польскаго; прибывали бѣженцы изъ окрестностей; спѣшили уѣхать брестцы... И всѣ осаждали желѣзнодорожниковъ: «Дайте поскорѣе поѣздъ»...

, но желѣзнодорожники выдержали съ честью эту «осаду» и, проявляя по истинѣ ангельское терпѣніе, отправляли поѣздъ за поѣздомъ вглубь Россіи...

Н. Ѳ. Акаёмовъ.

Библиотека "Руниверс"



ПАМЯТНИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Почтовый день въ селѣ.

(Вѣсти съ войны).

«Ты пиши-ко намъ письма-грамотки,
Шли словесныя челобитьица».

Изъ народной причети.

ІРОВАЯ небывалая война держитъ въ постоянномъ напряженіи народное живое чувство. Ежедневно испытывается вѣра въ силы русскаго народа, въ высшую жизнь націи и святость ея идеаловъ.

На необычайной степени живого чутья всего совершающагося стоитъ теперь деревня, благодаря главнымъ образомъ безчисленнымъ солдатскимъ письмамъ съ войны. Эти письма вмѣстѣ въ разными газетными извѣстіями и слухами вызываютъ въ народѣ глубокія психологическія переживанія и разсужденія. Напрягается сознаніе осмыслить жертвенную борьбу человѣческихъ массъ,—и часто въ простыхъ словахъ крестьянъ сказывается глубокая своеобразная нравственная оцѣнка войны.

Видимое соприкосновеніе народной души съ войною интересно наблюдать въ почтовые дни въ селахъ, гдѣ часто вслухъ читаются и обсуждаются только что полученныя съ почты письма изъ дѣйствующей арміи. Тутъ вы можете слышать правду безспорную и осязательную.

Библиотека "Руниверс"

Ниже предлагаются вниманію наши записи, касающіяся почтоваго дня (осенью текущаго года) въ одномъ изъ селъ Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи.

I.

Почта приходитъ въ село (въ которомъ сдѣланы нами наблюденія и записи) два раза въ недѣлю, обыкновенно около 8 ч. вечера. На этотъ разъ уже часа за два до ея прихода сталъ собираться около волости народъ—старики, старухи, солдатки, рекруты. Всѣмъ хочется скорѣе узнать, какія извѣстія принесетъ почта, что напишутъ солдаты съ войны, о чемъ прочитаютъ въ газетахъ. Въ ожиданьи почты кое-кто пишетъ письма, иные приготовляютъ посылки солдатамъ; идутъ разговоры о войнѣ, о новомъ солдатскомъ наборѣ, передаются разные слухи, случаи храбрости въ бояхъ и т. п.

— Вотъ мой братъ Максимъ,—разсказываетъ одинъ крестьянинъ,—писалъ, какъ онъ сталъ замерзать прошлой зимой отъ холода въ окопѣ, но спасся: качалъ ногами и руками по 500 разъ. А доброволецъ, такъ тотъ застылъ бѣдняга. Которы какъ-то ничего не боятся на войнѣ-то, отъ всего отрѣшаются; имъ не страшенъ ни холодъ, ни голодъ; ну, умереть, такъ умереть, говорятъ, такъ Господь привелъ,—ну, а если давить свое сердце, вспоминать свою деревню, родныхъ, женъ, матерей—тяжело. Часто на войнѣ даже пѣсни поютъ; послѣ пѣсни, сказываетъ Максимъ, ровно обрусѣешь и снарядовъ не страшно...

— Да, все такъ,—замѣчаетъ одна баба:—а много прибрали семейныхъ головушекъ, овдовили честныхъ мужнихъ женъ молодыхъ, обсиротили сиротъ малыхъ дѣтушекъ...

— Ничего не подѣлаешь, нельзя безъ этого,—опять заговорилъ одинъ старичокъ:—знайте и помните, какъ пишутъ сами солдаты, что они не должны жалѣть своей жизни; выполняютъ долгъ, который на нихъ возложенъ, который дали предъ крестомъ Спасителя и святымъ Его Евангеліемъ,—что вѣрно и безызмѣнно защищать будутъ матушку святу Россію и родину и наше отечество до послѣдней капли крови, не щадя своей жизни. И каждый день, какъ идутъ на вѣрную смерть, цѣлые источники изъ нихъ крови проливаются; за кого и за что ее проливаютъ, это только нужно, вѣдь, подумать.

Наскоро записавъ подслушанные мною разговоры крестьянъ, я пошелъ затѣмъ въ самое помѣщеніе волости. Здѣсь, какъ и на улицѣ, было много народа. Въ пріемной комнатѣ и въ другой, гдѣ выдается и принимается почтовая корреспонденція, сидѣли и стояли мужики, бабы, старухи. Молодые парни-рекруты толпились

Библиотека "Руниверс"

около расклеенныхъ разныхъ объявленій отъ губернатора, отъ воинскаго присутствія, земскаго начальника и другихъ властей.

— Что, видно, прощай родительскій домъ, прощай, милашка-ягодка,—ласково-полушутливо говорили старики рекрутамъ:—придется итти на чужую сторонку, поглядѣть нѣмца...

— Ну, и пойдемъ,—враговъ посмотримъ, себя покажемъ, знаете, вѣдь, насъ драться не учить,—смѣялись ребята:—намъ не страшна сила нѣмцевъ, только пушками и бьютъ; мы возьмемъ у нѣмцевъ пушки,и всѣмъ нѣмцамъ тутъ капутъ,—импровизируютъ въ отвѣтъ старикамъ рекруты.

Около окна въ прихожей комнатѣ кто-то читалъ вслухъ старую газету о нѣмецкомъ коварствѣ и о тяжеломъ положеніи нашихъ плѣнныхъ. Раздавались отдѣльныя замѣчанія: «Нехорошо...безсовѣстно... Вотъ окаянные-то, какой-то дымъ выдумали и народъ сразу задыхатъ... Ишь, какъ издѣваются, грають надъ нашими плѣнными... У насъ-то, небось, имъ хорошо живется—откармливаютъ, ухаживаютъ, робить боятся заставить, а они, видишь, какъ все это помнятъ... Ну, плѣнные-то одно дѣло, а такъ-то сколько налѣзло вездѣ Нѣмцевъ, житья отъ нихъ православному честному человѣку не стало... говорятъ, тысячами у нашего Царя-батюшки просятъ свои нѣмецкія фамиліи на русскія перемѣнить; боятся суда народнаго; не надо бы имъ давать лукавить съ фамиліями въ теперешнее время».

Прислушиваясь къ этимъ отдѣльнымъ фразамъ, я обратилъ вниманіе на тихій разговоръ двухъ старушекъ, которыя хотя и близко сидѣли отъ «чтеца» газеты, но, повидимому, не обращали вниманія на чтеніе,—онѣ вели свой разговоръ:

— Господи, какая стоитъ штурма-битва,—говорила 70-лѣтняя старушка Ульяна:—сколько людей гибнетъ. Обо всѣхъ я болѣю и всѣ глаза выплакала. Всѣхъ-то мнѣ жаль. Смотрю, въ церкви все стоятъ старики и нѣту молодыхъ, болитъ сердце. У меня въ сердцѣ битенье—бьется, бьется, выбиться хочетъ изъ меня. Оно все сказываетъ. И бросить войну нельзя, охота одолѣть нечестивыхъ. Война протянется, говорятъ, долго. Нашему-то Царю неминя (необходимость), они, вѣдь, нападаютъ...

— Чуешь, на ручной бой бились,—говорила другая, 60-лѣтняя старушка Полинарья,—и положили много народу своего и чужого. Г. М. пишетъ,—зарылъ въ могилу трехъ австрійцевъ и двухъ своихъ, одной шинелью покрылъ ихъ. Австрійцы покорны: падутъ на колѣни, руки вверхъ,—коли, братъ, коли; жалко и плачешь... Ночь-то темная была, вдругъ звѣзда и мѣсяцъ появились. Господь-то и показалъ, куда пятиться отъ злодія. Мать-то Пресвята Богородица будто на войнѣ не однова спускалась. Думаешь, сердце-то у ней не болитъ,—и такъ то проситъ все своего сына. Матушка Ты, Пресвята Богородица, купина неопалимая, безъ

Библиотека "Руниверс"

нея какъ проживешь; спаси Ты, сохрани наше воинство Покровомъ Своимъ. Говорятъ, перерождаются солдаты на войнѣ-то заклинаются сдѣлаться хорошими людьми. Слава Тебѣ, Господи! У насъ, стариковъ, всего одинъ сынъ, благословила бы на войну, переродился бы тамъ,—онъ у насъ знаешь какой. Спаси, Господи, насъ грѣшныхъ. Вотъ наши солдатки сложились и заказали икону «Утоли моя печали»; доброе это дѣло, много, вѣдь, и у нихъ горято. Богородица спасетъ ихъ»...

Мысли неграмотныхъ старушекъ показались намъ удивительными; ясно чувствуешь, какъ воспринимаютъ и понимаютъ войну старые люди, обогащенные преданіями и опытомъ жизни. Въ жалостливомъ сердцѣ старушекъ, война отсвѣчивается и какъ великое бѣдствіе и испытаніе Божіе, и какъ сила очистительная и возрождающая къ новой жизни.

Отъ старушекъ я подошелъ къ сидящимъ поодаль солдаткамъ и разговорился съ ними про икону «Утоли моя печали», разговоръ о которой только что слышалъ. Солдатки сказали мнѣ, что икону пріобрѣтаютъ за 110 рублей по особому заказу въ екатеринбургскомъ Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ. На мой вопросъ, почему именно эту икону, а не другую какую, напримѣръ, Георгія Побѣдоносца, заказали,—мнѣ отвѣтили, что онѣ не сразу остановились на этой иконѣ, было разногласіе; нѣкоторыя женщины, дѣйствительно, хотѣли имѣть Георгія Побѣдоносца, но потомъ согласились съ другими пріобрѣсти «Утоли моя печали». Вѣдь, у нихъ-де много печали, сердце болитъ о мужьяхъ и дѣтяхъ и хозяйствѣ; онѣ часто плачутъ, и только Пресвятая Богородица «Утоли моя печали» можетъ утѣшить ихъ. А, кромѣ того, и мужья-солдаты просятъ письмами съ войны чаще молиться Пресвятой Богородицѣ, искать ея покрова и защиты. Я попросилъ разсказать солдатокъ, къ какимъ еще святымъ обращаются солдаты въ письмахъ и о чемъ чаще всего просятъ молиться. Женщины охотно сообщили мнѣ, что ихъ мужья просятъ также молитвъ: своего ангела, Николая Угодника, Егорія Храбраго, Михаила Архангела, Власія и Модеста, Серафима Саровскаго, Симеона Верхотурскаго чудотворца и др. разныхъ святыхъ; заказываютъ «ставить имъ свѣчи» и «служить молебны» о здравіи, о спасеніи, «чтобъ Господь домой вынесъ», помогъ «очиститься отъ скверны» и «укрѣпиться въ хорошей жизни», «чтобъ Богъ помогъ нашему русскому войску одолѣть враговъ» (со словъ солдатокъ Кожевиной, Усовой, Терентьевой и др.).

Въ бесѣдѣ солдатки спѣшили сообщить мнѣ и многое другое, главное, что ихъ мужья не только воюютъ и держатъ Бога въ умѣ, но и не забываютъ также и о домашнихъ дѣлахъ, о родныхъ и о нихъ, женахъ. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, одна солдатка подала мнѣ небольшую записочку, которая была вложена въ солдатское письмо. Я прочелъ:

Библиотека "Руниверс"

«Затѣмъ я прошу тебя, тятенька и родимая мамонька, въ томъ, что я помню у моей хозяйки были плохія ботинки, такъ ей вы купите, и не таки что взять плохоньки, взять чтобы получше. Богъ дастъ, будемъ здоровы, такъ все отработаемъ»..

Еще подали лоскутокъ бумаги, исписанный солдатской рукой:

«... Я васъ прошу, батюшка, не оставь мою жену безъ вниманія. Можетъ быть, мнѣ и не придется живому вернуться домой. А также и ты, Даша, не бросай старика и тебя Господь за это найдетъ. Живи, Даша, да слушайся старика... Я на тебя надѣюсь, Даша, какъ на самого себя, и увѣренъ, что ты не бросишь у меня старика. Пуще всего, Даша, береги сама себя, не простудись»..

Когда многіе увидѣли, что я читаю письма, то нѣсколько лицъ стали предлагать мнѣ почитать и имъ «грамотки». Я сказалъ, что охотно сдѣлаю это потомъ,—а теперь, въ виду скораго прихода почты, мнѣ надо еще зайти въ почтовую комнату сдать разныя бумаги. Со своей корреспонденціей я справился скоро. Почта запаздывала. Было свободное время.

Волостной писарь любезно предложилъ мнѣ ознакомиться съ особыми увѣдомленіями (разсылаемыми по волостямъ) командировъ разныхъ полковъ объ отличившихся и награждаемыхъ солдатахъ, крестьянахъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Я перелисталъ книгу и попросилъ разрѣшенія сдѣлать нѣкоторыя выписки. Вотъ, для примѣра, какого характера названныя увѣдомленія:

«Въ ...ское волостное правленіе ...уѣзда ...губерніи.

«Состоящій на службѣ во ввѣренномъ мнѣ полку стрѣлокъ Василій Андреевъ Упоровъ, умершій 6-го іюля отъ ранъ, приказомъ по корпусу 30-го іюля за № 145 награжденъ георгіевской медалью 4 степени за № 316.382 за то, что 8-го февраля с. г. подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника установилъ телефонную связь между частями полка; при работѣ оказалъ выдающееся самоотверженіе и мужество, чѣмъ и способствовалъ общему успѣху дѣла.

«Сообщая объ этомъ, прошу объявить родственникамъ. Настоящее сношеніе по исполненіи оставить въ дѣлахъ волостного правленія для могущихъ встрѣтиться справокъ.

«Полковникъ (подпись). Полковой адъютантъ (подпись)».

Еще примѣръ:

«...Ефрейторъ, Александръ Ѳедоровичъ Шмаковъ приказомъ по корпусу отъ 30-го іюля за № 145 награжденъ горгіевскимъ крестомъ 4 степени за № 265.422 за то, что въ бою 16-го февраля 1915 года у деревни Сольце при штыковой схваткѣ мужествомъ и храбростью ободрялъ своихъ товарищей, увлекая ихъ за собой впередъ, чѣмъ способствовалъ успѣху атаки и занятію непріятельскихъ окоповъ. Сообщая...» и пр. (начало и конецъ бумаги то же, что въ первомъ примѣрѣ).

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что же, кромѣ родственниковъ, многіе знаютъ объ этихъ увѣдомленіяхъ?—спросилъ я у писаря.

— Всѣ знаютъ, и всѣ грамотные читаютъ эту книгу, — отвѣтилъ писарь.—И надо удивляться, сколько у нихъ гордости такими молодцами. Увѣрены въ побѣдѣ.

— Да какъ же намъ не знать-то, что дѣлаютъ наши солдаты,— вступились въ разговоръ сидѣвшіе тутъ мужики:—вѣдь отъ нихъ теперь все наше спасенье, вся наша жизнь, только на нихъ и надёжа. Врагъ-то коварный объявился не только тамъ у себя и на войнѣ, но и среди нашей матушки Россіи. Тяжелое испытаніе намъ Богъ послалъ за наши непорядки и грѣхи. Вотъ и теперь у многихъ глаза закрыты на великое горе народное; что дѣлаютъ купцы, подрядчики. Или вотъ желѣзнодорожники[1]) съ ихъ нѣмецкими агентами лучшія угодья отняли и оцѣнили ихъ за грошъ, лѣса, изгороди изрубили и ничего не заплатили. Кругомъ обманъ. Господи, мы согрѣшили. Правды и суда надъ ними не можемъ найти.

Наперерывъ старались мужики разсказать мнѣ о своихъ мірскихъ дѣлахъ, разныхъ обидахъ, неурядицахъ и т. п.

Разговоры оборвались. Почта пришла.

II.

Съ почтой пришло около 200 писемъ изъ дѣйствующей арміи. Письма быстро разбирались и многими тутъ же, въ почтовой комнатѣ, читались. Нѣсколько неграмотныхъ мужиковъ и бабъ подошли ко мнѣ съ просьбой «почитать» имъ письма. Я, конечно, не отказался,—къ тому же имѣлъ въ виду возможность снять съ нѣкоторыхъ писемъ копіи.

Почти во всѣхъ письмахъ съ войны, которыя мы читали, видна у солдатъ, прежде всего, ясно выраженная воля—быть въ молитвенномъ общеніи съ Божествомъ, неизмѣнно служить, терпѣливо пострадать за родину, находиться въ постоянной духовной близости съ родными и чрезъ ихъ молитвы и «великое благословленіе» сохранить себя на войнѣ. Затѣмъ, попутно, можду прочимъ, съ какою-то внутренней осторожностью, что не надо много говорить, высказываются иногда въ краткихъ отрывочныхъ словахъ полныя глубокаго интереса мысли и переживанія солдатъ на войнѣ, да-

---

[1]) Въ томъ краѣ строится частная (но почти всецѣло на казенные милліоны) сѣверо-восточная Уральская желѣзная дорога. Во главѣ правленія общества строителей стоятъ: предсѣдатель Штольцманъ, директора: Гуревичъ, Шуберскій, Рафаловичъ, Шереръ. См. «Весь Петроградъ» 1915 г. Особенно ненавистны крестьянамъ мѣстный агентъ по отчужденію г. Эльснеръ и оцѣночная комиссія въ гор. Ирбитѣ.
Авт.

Библиотека "Руниверс"

ются яркія и волнующія подробности военнаго быта въ окопахъ и тылу.

Ниже приводится нѣсколько обычныхъ писемъ къ роднымъ и близкимъ людямъ, прочитанныхъ нами въ этотъ вечеръ.

Больше всего было писемъ въ родительскій домъ—къ отцу, матери, семьѣ. Приведемъ для примѣра два такихъ письма:

«Письмо отъ доблестнаго вашего воина Ѳедота Никаноровича. Во-первыхъ, я увѣдомляю въ томъ, что я получилъ отъ васъ письма и за что благодарю и получилъ посылки и очень остаюсь на тѣмъ радъ. Затѣмъ кланяюсь родимому тятинькѣ и родной мамонькѣ по низкому поклону; и прошу у васъ позовочное родительское благословеніе на в сю царскую службу, которое могло, чувствовалось бы позовочь. Затѣмъ кланяюсь супругѣ Пелагіи Игнатьевнѣ(далѣе идутъ поклоны роднымъ и знакомымъ, съ именемъ и отчествомъ каждаго, съ обычнымъ «еще кланяюсь»). Прошу меня не забывать на чужой сторонѣ. Богъ васъ не забудетъ и дастъ вамъ здоровья на многая лѣта. Затѣмъ я увѣдомляю въ томъ, что меня ранило,—такъ я думаю по-своему, что буду скоро въ строю,—но не придется. Раненъ въ правый бокъ, рана пока легка; по полю, не знаю гдѣ, пуля прошла шинель и три рубашки (рубашки были въ шароварахъ) и пули нѣтъ въ боку точно ровно не чувствую. Смерть была тутъ какъ тутъ. Про товарищей и сказать не знаю. Если кто будетъ живъ то черезъ мѣсяцъ ждите письмо, если убитъ, то вѣчно не будетъ никакого извѣстія... Я вамъ всѣмъ скажу, что хоть вѣрьте хоть не вѣрьте: когда туча накатается большая и гремитъ шибко, тамъ и у насъ гремитъ артиллерія; мы, бѣдняги, стоимъ, а они пущаютъ черезъ насъ та и другая сторона: а мы лежимъ въ окопахъ. Прощайте, дорогіе мои. Адресъ будетъ старый. Жду отвѣту. Ѳ. Т.».

«Письмо въ родительскій домъ. Здравствуйте, дорогіе мои родители. Во первыхъ строкахъ моего письма съ почтеніемъ и уваженіемъ отъ бѣла лица и до сырой земли кланяюсь дорогому родимому тятинькѣ И. Г. и дорогой родимой мамонькѣ. У. А. по низяющему поклону и желаю отъ Господа Бога доброго здравія. И прошу (у) васъ позовочное родительское благословеніе, которое можетъ существовать по гробъ моей жизни. (Затѣмъ идутъ поклоны сестрицамъ, «крестнымъ», «сусѣдямъ рядомъ» и знакомымъ, съ пожеланіемъ добраго здоровья и всего хорошаго въ дѣлахъ рукъ; самъ-де живъ и здоровъ). Родимой тятинька, я ваше письмо получилъ и 5 рублей денежекъ. Очень радъ я вашимъ письмомъ, равно какъ я съ вами повидался... Родимый тятинька, наша жизнь вамъ извѣстна. Пропишите, родимый тятинька, какъ ваше здоровьице и какъ идетъ ваша работа. И думаю, вотъ пришла работа, а у насъ робить некому. Родимый тятинька, чичасъ пострадаемъ, быть можетъ, Господь Богъ послѣ не забудетъ наше терпѣнье. Молитеся Богу. Родимый тятинька, что вы способію получаете или нѣтъ. Въ этомъ письмѣ было прописано—

Библиотека "Руниверс"

жалованье получили, но я настояще не могу опредѣлить. Пишите письма почаще и поскорѣе, чего слышно новенькаго въ нашемъ селѣ. Бой идетъ все время изъ орудій, изъ ружей, пулеметовъ: очень часто летаютъ германскіе еропланы и бросаютъ бомбы. Мы теперь переходимъ на другую позицію... До свиданья и прощайте и благословляйте дорогіе родители, Расписался вашъ сынъ В. И. У. (адресъ). Еще кланяюсь, И. В. низяющій поклонъ, желаю всего хорошаго.

Кромѣ общихъ писемъ въ родительскій домъ, встрѣчались, но сравнительно рѣже, и отдѣльныя письма на имя матери, жены, дѣтей, проникнутыя нѣжнымъ чувствомъ любви и вѣрою, что молитвы этихъ близкихъ лицъ особенно угодны Богу и могутъ спасти въ бою. Вотъ четыре небольшихъ, весьма интересныхъ и по содержанію письма:

«Здравствуйте, моя дорогая мамонька. Прошу я у васъ вашего родительскаго благословенія, которое можетъ существовать по гробъ моей жизни и на вѣки нерушимымъ. Еще кланяюсь Матренѣ Трифоновнѣ и Виктору Клементьевичу; посылаю по низкому поклону и желаю всего хорошаго. Затѣмъ увѣдомляю васъ въ томъ, что я поступилъ въ число рядовъ... и получили знаме и приняли святыя тайны. Теперь будемъ выступать... (адресъ). Прошу письмо не задерживайте».

«Здравствуй, Даша. Посылаю тебѣ супружеское искренно любящее почтеніе и желаю я тебѣ, Дашинька всѣхъ благъ. Благословляй и до свиданья, моя дорогая супруга Дарья Кузьмовна. Я сегодня (въ) 5 часовъ вечера ухожу въ бой. Если меня Господь сохранитъ, тогда и вамъ напишу. Но если же мнѣ суждено умереть на полѣ брани тогда кто-нибудь другой сообщитъ. До свиданія, моя милая Дашинька, помолись еще за меня Господу, можетъ, Господь услышитъ твою молитву и сохранитъ меня. Тебя любящій Александръ».

...«Милой моему сердцу дочери поклонъ и благословеніе. И увѣдомляю, что по милости Божіей живъ и здоровъ и нахожусь на позиціи. Получилъ письма, въ которыхъ написано много радостнаго и благорадю за это, что все прописываете мнѣ.

«Здравствуйте, Маня и мама. Пишу письмо слезами. Писалъ, покуда живъ, идемъ сичасъ въ атаку. Быть можетъ, помру, то молитесь за меня пуще Богу и благословите меня, мама и Маня, на смерть быть можетъ, насъ больше и не видать. Остаюсь К.

«Пишу на оборотѣ (на другой сторонѣ почтоваго листа бумаги) того же дня вечеромъ. Отъ атаки остался, слава Богу, живъ. Аѳоню Корепалкина ранило тяжело въ спину, такъ что насъ отъ роты осталось очень мало, наступали въ 8 часовъ утра... Затѣмъ до свиданья, остаюсь живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю добраго здоровья, крѣпко цѣлую, живи хорошо... адресъ тотъ же. Твой мужъ К.».

Библиотека "Руниверс"

Не менѣе интересны были письма къ крестному и крестной. Эти лица, по народному обычаю, замѣняютъ родителей, когда ихъ нѣтъ. Приведемъ одно письмо къ крестной роднѣ, которое характеризуется тою же почтительностью и сыновней преданностью, какъ и письма къ родителямъ:

«Пишу письмо 1915 г. 11 августа. Здравствуйте мои родны—хресной Кормило Ивановичъ и хрестна Авдотья Андреевна, кумонекъ Яковъ Тимофеевичъ со своей супругой Татьяной Кормиловной и со своими дорогими дѣтками О. и А. Въ первыхъ строкахъ моего письма желаю я васъ увѣдомить, что я слава Богу живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю отъ души,—и кланяюсь хресному К. И. и хреснинкѣ А. А. по низкому поклону и прошу я (у) васъ хреснинка А. А. и хресной К. И. позовочное благословеніе, которое можетъ существовать на всю сарскую службу. Еще кланяюсь кумоньку Я. Т. со своей супругой Т. К. и со своими дорогими дѣтками но низкому поклопу и прошу я васъ кумонекъ Я. Т. и кумушка Т. К. позовочное благословленіе, которое можетъ существовать на всю сарскую службу. Еще я вамъ пишу, что я сдалъ экзаменъ и нахожусь чечасъ въ своей ротѣ на позиціѣ и пишу я вамъ, что у впервы былъ въ окопахъ и не столь мнѣ-ка было страшно.

Еще я вамъ пишу, хреснинка и хресной К. И. пропишите мнѣ-ка какъ у насъ страдаютъ и какъ поживаютъ. Прошу я васъ, хреснинка А. А. не забудьте нашъ домъ разореный, провѣдывайте, потому что нѣтъ родимой мамоньки и нѣкому позаботиться объ насъ сироточкахъ на чужой сторонѣ. Кабы была родима мамонька и она бы ночью бы не одинова помянула насъ на чужой сторонѣ; но нѣтъ ее; прошу у васъ хреснинка и хресной К. И. не забудьте вы меня на чужой сторонѣ, и я васъ считаю какъ за родиму мамоньку, потому что больше некому позаботиться обо мнѣ-ка, и также и я васъ не забуду вѣчно и буду я вѣчно молиться Богу, чтобы васъ Господь спасъ и сохранилъ и прислалъ бы вамъ Господь добраго здоровья и хорошаго успѣха въ дѣлахъ вашихъ. И еще я у васъ прошу, хреснинка А. А. и хресный К. И., позовочное благословеніе, чтобы меня Господь спасъ и сохранилъ бы на чужой сторонѣ и велѣлъ бы вернуться въ родное гнѣздо и ко своимъ роднымъ и прославилъ бы я Господа Бога и разсказалъ бы я вамъ мои родные, какъ мнѣ-ка жилось трудно на чужой сторонѣ. Затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

до свиданья, хреснинка и хресной К. И. и куманекъ К. И. и куманекъ Я. Т. со своей супругою Т. К. и со своими дѣтками. Остаюсь живъ и здоровъ, что и вамъ желаю отъ Господа Бога (Адресъ)».

Изъ писемъ къ близкимъ лицамъ приведемъ, для примѣра, еще письмо къ тестю:

«Письмо на родину отъ извѣстнаго вамъ зятя. Во первыхъ строкахъ моего письма спѣшу увѣдомить васъ мои родные—я по милости Всевышняго нахожусь живъ и здоровъ, того и вамъ желаю. Затѣмъ кланяюсь всѣмъ по низяющему поклону. Мы находимся уже на позиціѣ, но только еще сзади. Сегодня заступаемъ въ ночь на переднюю позицію, т.-е. пойдемъ въ бой. Пока мы стояли въ резервѣ. Живемъ мы въ лѣсу, устроили себѣ землянки; и лѣсъ онъ обстрѣливаетъ, освичаетъ прожекторомъ и катитъ такъ по сзади и спереди, но не можетъ ущупать нашъ бивакъ. Германцы очень народъ хитрый; вчера днемъ леталъ еропланъ, сдѣлалъ развѣдку и ночью началъ сыпать снаряды по намъ. Мы ходили ночью дѣлать окопы, дакъ намъ мало удалось, такъ что непріятель все время освичаетъ прожекторомъ или же бросаетъ ракеты, какъ только будетъ свѣтло, тогда и начнетъ сыпать по окопамъ. Дакъ вотъ батюшко Федоръ Зеновьевичъ и матушка Марѳа Ивановна и дяденька и тетенька благословляйте меня и я иду на святое дѣло побороться съ врагомъ. И помолитесь обо мнѣ и моихъ братьяхъ, которые сражаются за вѣру, Царя и отечество. Мы матушка М. И. и батюшка Ѳ. З. прибыли въ полкъ ночью... Больше писать нечего, до свиданья, будьте здоровы. Васъ любящій зять А. Находимся мы вмѣстѣ съ И. С. У.».

Къ сожалѣнію, я не могу дольше останавливать вниманіе на подобныхъ отдѣльныхъ письмахъ къ разнымъ родственникамъ, свойственникамъ и совершенно опускаю письма къ знакомымъ и друзьямъ. Пишутъ всѣмъ имъ солдаты, какъ и къ близкимъ родственникамъ, все съ тѣмъ же характеромъ искренности, глубокой религіозности, съ благодарностью за всякое даже маленькое вниманіе и со скромнымъ упоминаніемъ о своей службѣ. Для примѣра:

«Стоимъ въ окопахъ и каждую секунду угрожаетъ смерть. Если кому жаль, то помолитесь Господу Богу и Симеону Верхотурскому чудотворцу, чтобы Господь спасъ нашу жизнь»...

Письма приходилось читать громко. Слушали всѣ желающіе. По мѣстнымъ понятіямъ, въ солдатскихъ письмахъ нѣтъ того, чего нельзя было бы слушать всѣмъ. Около меня народу собиралось все больше и больше. Когда чьи-либо письма были прочитаны, то эти люди, также и тѣ, которые совсѣмъ не получили съ почты писемъ, не уходили домой, а оставались слушать письма другихъ. Всякое слово солдатскаго письма казалось интереснымъ,—слушали съ напряженіемъ, какъ бы опасаясь что-нибудь не запомнить. По прочтеніи каждаго письма слышались разныя замѣчанія, сужденія. Особенно разговоры идутъ

Библиотека "Руниверс"

въ тѣхъ случаяхъ, когда солдаты открыто всѣмъ объявляютъ о какихъ-либо своихъ обѣщаніяхъ, данныхъ на войнѣ.

«Былъ бы здоровъ, я даю себѣ такое обѣщаніе идти въ Верхотурье къ Симеону праведному, и вотъ я вамъ объявляю»...

Солдатскія переживанія и впечатлѣнія на войнѣ крестьяне представляютъ ясно; не менѣе ясно представляютъ они и бытъ войны. Солдаты въ своихъ письмахъ какъ-то особенно умѣютъ одной-двумя фразами наглядно обрисовать характерныя стороны и даже мелочи военнаго быта:

«Пожили въ землянкахъ, прямо въ бору, какъ у насъ у «Федюной ямы», и живемъ, ночи не бывали теплы, все холодны и холодны»...

«Каждый день попадаются эшалона два-три (плѣнныхъ) германцы, австрійцы, турки. Германцы и австрійцы народъ чистоплотной, а турки все старые и черные»...

«Когда германецъ былъ около В., то всѣ деревни разрушилъ и польскіе костелы»...

Много мнѣ пришлось перечитать разныхъ извѣстій изъ арміи въ этотъ вечеръ, причемъ я не получилъ ни одного отказа въ снятіи копій съ интересныхъ для меня писемъ; а нѣкоторыя лица отдали любезно и подлинныя письма. Разошлись по домомъ около полуночи.

Несмотря на встрѣчающееся нѣкоторое однообразіе солдатскихъ писемъ, въ нихъ, можетъ быть, вслѣдствіе именно этого, какъ-то особенно правдиво отражается солдатская душа съ ея изумительными по глубинѣ нѣжности и духовной красотѣ переживаніями.

Нѣтъ сомнѣнія, что солдатскія письма вмѣстѣ съ повышеннымъ интересомъ и чуткимъ отношеніемъ крестьянской массы къ войнѣ, выказываемымъ въ разспросахъ и отвѣтныхъ письмахъ, дадутъ богатый психологическій-бытовой матеріалъ будущимъ историкамъ войны и помогутъ уяснить народное пониманіе міровой борьбы, какъ оно проявлялось въ наше жестокое, но полное чаяній и надеждъ время.

Н. И. Ульяновъ.

P. S. Въ виду высокаго интереса, какой представляютъ солдатскія письма, дневники, стихотворенія, пѣсни, причитанія, молитвенные заговоры и т. п. матеріалъ, имѣющій отношеніе къ нынѣшней войнѣ, покорнѣйшая просьба къ русскому обществу не отказать направлять, при случаѣ, названный матеріалъ въ рукописное отдѣленіе императорской академіи наукъ въ Петроградѣ, для систематизированія его въ научныхъ интересахъ. На конвертахъ желательна помѣтка: для д. чл. Императорскаго русскаго географическаго общества И. И. Ульянова.

И. У.

Библиотека "Руниверс"

НА НИКИТУШКИНОЙ МОГИЛѢ.

РАННЕЕ осеннее утро. Только что встало солнышко и яркими бликами расцвѣтилось на густой зелени крупныхъ и задумчиво-важныхъ елей и тысячами огонь ковъ-брильянтовъ заиграло на росистой травѣ; изрѣдка среди сумрачныхъ и разлапистыхъ сосенъ проглянетъ стволъ одинокой березы, стыдливо заалѣвшій въ яркихъ лучахъ утренняго солнца,—и снова кругомъ... ели, лохматыя ели; то тамъ, то здѣсь зажелтѣетъ свѣжій и съ еще не застывшей смолой огромный пень только что срѣзанной сосны, поваленная сухостойная осина, а кругомъ опять—ели, бѣлоствольныя березы..., полуосыпавшійся малинникъ и темно-зеленый коверъ черничныхъ кустовъ...

Среди елей пролегаетъ широкая и песчаная дорога, по которой впереди меня движутся фигуры богомолокъ-старушекъ, медленно бредущихъ поклониться высокочтимому (конечно, только среди старообрядцевъ) и пострадавшему за древлее благочестіе и двоеперстіе Никитѣ, извѣстному у православныхъ подъ названіемъ «Пустосвята».

Не торопясь и шепча что-то своими высохшими и провалившимися губами и подпираясь посошками-палочками, бредутъ онѣ изъ своихъ деревенекъ на могилку Никитушки, чтобы въ день его именинъ помолиться на ней и попросить заступничества, а то и поплакать объ уходящихъ послѣднихъ дняхъ своей жизни и о религіозномъ развалѣ, вторгнувшемся даже и въ ихъ строго оберегаемую старообрядческую семью.

Библиотека "Руниверс"

И бредутъ онѣ, эти пережитки старины, эти хранительницы дѣдовскихъ преданій и прошлыхъ пообычаевъ и, перебирая лестовки, вспоминаютъ тѣ далекіе годы, годы гоненій, годы подвиговъ гдѣ-нибудь въ далекихъ керженскихъ скитахъ и, наконецъ, годы оскудѣнія старой вѣры.

А кругомъ такъ хорошо, такъ свѣтло и по-осеннему ярко...

Голубѣетъ небо, зеленѣютъ обомшенныя ели, струятся пожелтѣвшіе листья березъ, звенятъ птичьи голоса, и все окружающее наполнено ароматомъ хвойнаго лѣса...

Я не тороплюсь, но все же то и дѣло обгоняю старушекъ-старовѣрокъ.

— Здравствуй, батюшка, здравствуй, желанный...—звучитъ въ отвѣтъ на мой поклонъ старческое шамканье, и я вижу, какъ зоркій взглядъ изъ-подъ нависшихъ полусѣдыхъ бровей окидываетъ меня съ ногъ до головы и долго, долго провожаетъ меня...

И въ этомъ взглядѣ столько подозрительности и столько осужденія моему городскому и модному костюму.

Да... для этихъ старушекъ мое одѣяніе кажется больше чѣмъ предосудительнымъ... Но, впрочемъ... все меньше и меньше остается теперь такихъ старушекъ, глубоко скорбящихъ о прошлыхъ строгихъ дняхъ жизни, полныхъ суровости, но и не лишенныхъ своеобразной прелести и глубоко ненавидящихъ всѣ новшества настоящаго и всѣ эти, часто ненормальные и больные изломы современной жизни...

И вотъ такъ, скорбя и стараясь отвоевать каждую пядь дорогого имъ прошлаго, живутъ онѣ и, ничего не видя хорошаго въ будущемъ, погружаются въ молитву и терпѣливо ждутъ смерти...

И трудно сказать, гдѣ больше красоты и правды: въ прошломъ или же теперь, когда все движется, все стремится впередъ, безжалостно сметая прошлое и развѣнчивая сказку былого, въ которомъ было также много милаго, хорошаго и было столько особенной и своеобразной прелести...

Издали донеслось какое-то заунывное пѣніе, замелькали кресты, и передо мной, окруженное валомъ и осѣненное елями, открылось старообрядческое кладбище.

Я остановился и прислушался.

Шла служба. Около могилокъ служили панихиды, звучало заунывное пѣніе и чернѣли фигуры молящихся.

Кругомъ было такъ величаво-просто и интимно...

Служилъ священникъ, читала молитвы, покаживая глиняной кадильницей, какая-то старуха въ большихъ очкахъ, отбивали поклоны, сгибаясь до земли, какія-то горожанки въ черненькихъ платочкахъ, пахло ладаномъ, да съ дороги доносилось гнусавое пѣніе корявыхъ нищихъ.

Я прошелъ на кладбище и, пройдя немного по тропинкѣ, очу-

Библиотека "Руниверс"

тился передъ могилой или, вѣрнѣе, передъ большимъ камнемъ песчаникомъ, осѣненнымъ небольшимъ и простенькимъ навѣсомъ, съ потемнѣвшимъ крестомъ и съ горящей толстой красной свѣчой,— подъ этимъ камнемъ и была похоронена голова высокочтимаго среди старовѣровъ Никиты.....

Около могилы стояли на колѣняхъ двѣ женщины-простолюдинки и со слезами на глазахъ отбивали поклоны, часто замирая на землѣ, распластавшись крестомъ; отовсюду слышались слова молитвы и тихій шелестъ березъ подъ набѣгавшимъ изрѣдка вѣтеркомъ.

Никитушкина могила.

Я отошелъ немного въ сторону, присѣлъ на лавочку и, посматривая на этотъ скромный памятникъ, невольно вспомнилъ то далекое время, когда подъ знаменніемъ исправленія Никономъ ошибокъ, вкравшихся въ богослужебныя книги, вспыхнуло движеніе суровой старообрядческой волны, стихійно прокатившейся по всей Руси и захлестнувшей въ своемъ неудержимомъ движеніи все населеніе того времени; вспомнилъ и про Никиту—борца за древлее благочестіе.

Все, все вспомнилось мнѣ, и передо мной воскресли страницы читаннаго еще въ дѣтствѣ романа «Брынскій лѣсъ» Загоскина, въ которомъ такъ ярко и картинно изображено начало этого движенія,

Библиотека "Руниверс"

эти суровые старообрядцы-изувѣры и этотъ фанатически-озлобленный борецъ «Адамантъ» за это движеніе—Никита,—что я не могу не привести здѣсь этихъ страницъ, полныхъ жизни и суровой живописности.

«На Красной площади творилось что-то необыкновенное. Народъ волновался, шумѣлъ, и многочисленныя толпы со всѣхъ сторонъ спѣшили къ Лобному мѣсту.

«Множество людей, изъ которыхъ нѣкоторые были одѣты, какъ чернецы, стояло съ иконами, крестами и святымъ евангеліемъ; у иныхъ были въ рукахъ огромные свитки, другіе толпились вокругъ налоевъ, на которыхъ лежали развернутыя книги, передъ ними полупьяные мужики держали зажженныя свѣчи, а на Лобномъ мѣстѣ стоялъ въ подрясникѣ человѣкъ высокаго роста, съ косматой бородою и растрепанными длинными волосами.

«Онъ кричалъ громкимъ голосомъ:

«— Послушай, народъ христіанскій, обличеніе на новую Никоніанскую вѣру! Постойте, православные, за истинную церковь, ибо нынѣ уже нѣтъ православной церкви и прямая вѣра погибе на земли! Се бо антихристъ насталъ!»

И вотъ этотъ-то кричавшій человѣкъ и былъ Никита...

Дальше авторъ переходитъ и къ описанію богословскаго спора, устроеннаго съ разрѣшенія соправительницы Софьи въ Грановитой палатѣ.

Какъ и выше, онъ опять красочно и ярко описываетъ Дворцовую площадь, переполненную народомъ и раскольниками, захватившими всѣ входы въ Грановитую палату и имѣвшими въ рукахъ четки съ книгами, а также за пазухой и камни; не забываетъ онъ упомянуть и о томъ изступленіи, звѣрствѣ и остервенѣніи, которое виднѣлось почти на всѣхъ лицахъ ревнителей старой вѣры; затѣмъ переходитъ онъ и къ описанію самаго спора, веденнаго въ присутствіи царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, соправительницы Софьи Алексѣевны, благоволившей къ старообрядцамъ, представителей царской семьи, а также и думныхъ бояръ, окольничьихъ и прочихъ первыхъ и государственныхъ и придворныхъ сановниковъ.

Для большей полноты и яркости воспроизвожу цѣликомъ это важное событіе, какъ оно изображено было Загоскинымъ:

«По правую сторону царскаго мѣста сидѣлъ святѣйшій патріархъ Іоакимъ; одиннадцать митрополитовъ, четыре архіепископа, два епископа и всѣ московскіе архимандриты. Съ обѣихъ сторонъ царскаго мѣста стояли рынды, младшіе придворные чины и человѣкъ пятьдесятъ вооруженныхъ жильцовъ, одѣтыхъ въ шелковые разноцвѣтные терлики. Вся середина палаты была занята толпою раскольниковъ: тутъ были люди всѣхъ званій, и въ томъ числѣ многіе принадлежащіе, повидимому, къ духовному сословію. Это были бѣглые чернецы, выгнанные изъ монастырей послушники и разстриги

Библиотека "Руниверс"

изъ бѣлаго духовенства; одни изъ нихъ держали въ рукахъ иконы, другіе зажженныя свѣчи. Впереди этой буйной толпы стоялъ передъ налоемъ разстрига Никита Пустосвятъ. По обѣимъ сторонамъ у входа въ Грановитую палату толпились стрѣльцы разныхъ полковъ съ своими начальниками. Дьякъ Борисъ Протасовъ читалъ по приказу царей челобитную Никиты, въ которой этотъ мятежный разстрига, называя себя и своихъ единомышленниковъ православными, а все духовенство, начиная съ патріарха, отступниками отъ истинной вѣры, требовалъ собора для всенароднаго обличенія всѣхъ послѣдователей, по словамъ его, нечестивой Никоніанской ереси. Когда челобитная была прочтена, Никита и нѣкоторые изъ его сообщниковъ, ссылаясь на принесенныя ими древнія рукописи, начали въ самыхъ дерзкихъ обидныхъ выраженіяхъ обвинять духовенство въ злоумышленномъ искаженіи церковныхъ книгъ. Святѣйшій патріархъ и митрополитъ астраханскій Никифоръ отвѣтствовали имъ, что сдѣланныя при патріархѣ Никонѣ поправки въ церковныхъ книгахъ были необходимы; что нѣкоторые списки, при сличеніи ихъ, оказались несходными межъ собою и что даже многіе изъ прежнихъ переводовъ греческихъ церковныхъ книгъ не во всемъ были сходны съ своими подлинниками. Но всѣ эти доказательства, основанныя на истинѣ и здравомъ смыслѣ, остались тщетными. Грубое невѣжество и эта фарисейская гордость, которую мы называемъ фанатизмомъ, ненавидятъ истину. Многорѣчіе, пустословіе, превратное толкованіе текстовъ и насиліе—вотъ ихъ здравый смыслъ и логика. Вмѣсто того, чтобы слушать съ должнымъ уваженіемъ слова своихъ духовныхъ пастырей или, по крайней мѣрѣ, возражать имъ съ кротостію и приличіемъ, Никита и его сообщники, забывъ, что находятся въ присутствіи самихъ царей, подняли такой неистовый крикъ, что заглушили совершенно рѣчи архипастырей и не давали имъ выговорить ни слова. Я думаю, всякому случалось видѣть людей и пообразованнѣе раскольниковъ, которые полагаютъ, что побѣдили своихъ противниковъ, потому что имъ удалось ихъ перекричать,— такъ удивительно ли, что Никита и его товарищи, почитая себя побѣдителями, приступили смѣло къ главной своей цѣли, то-есть къ торжественному проповѣдыванію въ присутствіи царей и всего духовенства своихъ невѣжественныхъ бредней и богопротивной ереси. Но тутъ возсталъ противъ нихъ архіепископъ холмогорскій Аѳанасій. Онъ нѣкогда раздѣлялъ самъ заблужденія этихъ послѣдователей Аввакумовскаго раскола и, слѣдовательно, зналъ лучше другихъ, на чемъ они основывали свои превратныя понятія о вѣрѣ. На всѣ ихъ лживыя умствованія онъ возражалъ словами Спасителя, Его апостоловъ, святыхъ отцовъ, и самыми ясными, неоспоримыми доказательствовами изобличалъ всю нелѣпость ихъ противозаконныхъ толковъ и вѣрованій; но это вовсе не усмирило, а только привело въ большую ярость мятежниковъ. «Эта, по словамъ лѣто-

Библиотека "Руниверс"

писца, гидра изувѣрія, чѣмъ болѣе была поражаема, тѣмъ страшнѣе становилась». Угрозы заступили мѣсто доказательствъ, и разстрига Никита, видя себя совершенно побѣжденнымъ, въ безумной ярости бросился на архіепископа Аѳанасія и ударилъ его въ грудь. Это буйное святотатство было началомъ всеобщаго смятенія. Изступленные крики и неистовые вопли мятежниковъ заглушили все. Раскольники, бывшіе въ сѣняхъ, сломили стражу и ворвались въ палату; тѣ, которые стояли на Красномъ крыльцѣ, обратились къ народу и начали кричать: «Ступайте, правовѣрные, спасайте церковь! на соборѣ насиліе: никоновцы бьютъ православныхъ!» Въ самой палатѣ раздавались вездѣ мятежные крики. «Очистимъ отъ хищныхъ волковъ церковь!» вопили раскольники: «истребимъ всѣхъ слугъ антихристовыхъ!» Въ эту минуту общаго смятенія царь Іоаннъ Алексѣевичъ, Софья Алексѣевна и весь дворъ, по выраженію того же лѣтописца, въ несказанномъ страхѣ и слезахъ ушли изъ палаты, и на царскомъ мѣстѣ осталось одно десятилѣтнее дитя; но это дитя былъ Петръ. Окинувъ смѣлымъ взглядомъ мятежную толпу, онъ всталъ, снялъ съ головы свой царскій вѣнецъ и дѣтскимъ, но уже мощнымъ голосомъ сказалъ: «Пока этотъ вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ, не попущу воевать святую церковь: и какъ я самъ нарицаю ее матерью и вѣрю, что она есть правая и истинная, такъ и всѣмъ повелѣваю вѣрить! Ну, что жъ вы»? продолжалъ онъ, обращаясь къ стрѣльцамъ, и грозные взоры его засверкали гнѣвомъ: «берите этихъ крамольниковъ»! Въ одно мгновеніе все измѣнилось. Голосъ царя русскаго, какъ гласъ Божій, поразилъ мятежниковъ. Стрѣльцы, державшіе сторону раскольниковъ, выдали ихъ руками. Левшинъ первый съ обнаженною саблей кинулся въ толпу, а за нимъ всѣ тѣ изъ стрѣльцовъ, которые не принадлежали къ расколу. Въ нѣсколько минутъ зачинщики были схвачены, и всѣ ихъ сообщники выгнаны изъ палаты».

Такъ вотъ и закончился этотъ споръ, еще больше принесшій озлобленія и непримиримости на родную Русь.

Но неодинаково для всѣхъ прошелъ онъ... Нѣкоторыми старообрядцами онъ считался побѣдой надъ никоніанцами; другіе же старообрядцы трусливо бѣжали изъ Москвы и прятались по потаеннымъ мѣстамъ, но одно несомнѣнно: хуже всѣхъ пришлось Никитѣ.

Онъ прямо изъ Грановитой палаты былъ взятъ въ разбойный приказъ, гдѣ, навѣрно, былъ подвергнутъ пыткамъ, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, ему была отрублена голова.

Какъ произошло это событіе и какъ держалъ себя Никита на плахѣ—объ этомъ ничего не извѣстно, но Загоскинъ, пользуясь историческими источниками, все же описываетъ, какъ на подмосткахъ лежалъ трупъ Никиты, одѣтаго въ черное платье, и какъ на окровавленной плахѣ стояла его голова съ застывшимъ выраженіемъ нестерпимой муки и отчаянія. Долго ли провалялся трупъ Никиты

Библиотека "Руниверс"

на площади, исторія умалчиваетъ; но что касается его отрубленной головы,—извѣстно одно: что будто бы она была похищена или, вѣрнѣе, выкуплена у палача и привезена въ Гжатскъ.

Есть ли въ этомъ какая-нибудь доля правды, конечно, судить объ этомъ трудно, но что Никита историческая личность, что онъ былъ нестерпимый фанатикъ-изувѣръ и что, наконецъ, онъ, вырисовываясь мрачной фигурой на фонѣ прошлаго, былъ все-таки однимъ изъ камней «адамантовъ», на твердыни которыхъ окрѣпло и усилилось старообрядчество, — все это, конечно, не приходится оспаривать, объ этомъ говоритъ и правдивая исторія; что же касается его головы, похороненной будто бы въ Гжатскѣ,—объ этомъ говоритъ только преданіе...

Но въ это преданіе твердо и свято вѣрятъ раскольники, они чтутъ то мѣсто, гдѣ зарыта голова Никитушки, поклоняются этому мѣсту, видя въ Никитѣ заступника старой вѣры, прошлыхъ пообычаевъ и всего стариннаго уклада жизни, а затѣмъ поклоняются какъ мученику, положившему жизнь свою за старую вѣру и двоеперстіе; чтутъ Никиту и нѣкоторые православные, хотя среди нихъ существуетъ и другое преданіе, что будто бы здѣсь похороненъ совсѣмъ другой Никита, замученный во времена крѣпостного права своимъ бариномъ-помѣщикомъ, за нежеланіе перейти въ православіе...

Но объ этомъ преданіи знаютъ немногіе, да оно и оспаривается старообрядцами, въ рукахъ которыхъ больше данныхъ для первой версіи, что здѣсь похоронена голова Никитушки-мученика.

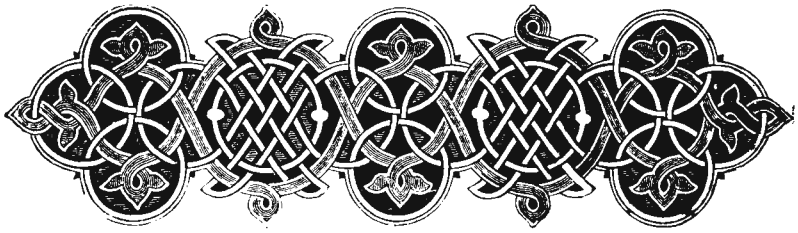
. . . . . .

Было уже за полдень, когда я, усталый и со смутнымъ чувствомъ на душѣ, вышелъ съ кладбища и пошелъ по дорогѣ домой.

Сіяло яркое солнце, голубѣло задумчивое осеннее небо, скользили серебристыя паутинки, шумѣли березы и тихо роняли пожелтѣвшій листъ, струились огнистыя пурпурныя осинки, и такъ важно стояли молчаливыя ели и лили свой смолистый ароматъ; а сзади все еще продолжало наплывать тягучее и заунывное пѣніе и тихо и скорбно затихало среди сумрачныхъ и разлапистыхъ елей...

М. И. Орѣшниковъ.

Библиотека "Руниверс"



КРАСНОЕ СЕЛО. [1]

(Начало военной службы цесаревича Александра Александровича).

I.

ВИЖУ, ЧТО моя армія—первая въ свѣтѣ, для нея нѣтъ ничего невозможнаго, и по самому наружному ея виду никакія войска не могутъ съ нею сравниться,—сказалъ императоръ Александръ I въ 1815 году, любуясь своею арміею на парадѣ близъ Вертю (Vertu).

Прошли годы трудной и продолжительной войны. Войска обратились къ своимъ мирнымъ занятіямъ, забыты были всѣ труды и лишенія походной жизни. Началась мелочная, но постоянная работа обыденной жизни войскъ, которая такъ поглощаетъ часы, дни, годы нашей жизни и незамѣтно увлекаетъ насъ въ интересы строя.

Военный элементъ послѣ наполеоновскихъ войнъ достигъ чрезвычайно высокаго положенія. Заключая въ себѣ цвѣтъ русскаго дворянства и образованныхъ людей своего времени, офицеры вездѣ были желанными гостями, которымъ оказывали самое широкое гостепріимство и съ восторгомъ слушали ихъ разсказы о минувшихъ невзгодахъ и геройскихъ дѣлахъ. Общество относилось съ величайшимъ уваженіемъ къ офицерамъ, и вся дворянская молодежь стремилась въ войска, добиваясь чести получить офицерскіе эполеты.

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1913 г., августъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ войны начался цѣлый рядъ реформъ какъ по измѣненію внѣшней формы войскъ, такъ и по развитію учебныхъ пріемовъ. Съ введеніемъ реформъ начались неизбѣжныя при всякой перемѣнѣ утрировки требованій и увлеченія одной стороной во вредъ другой. Выработаны уставы, учреждены школы для верховой ѣзды, причемъ въ Варшавѣ такой школой руководилъ великій князь Константинъ Павловичъ, а въ Петроградѣ—генералъ Левашевъ. Въ 1819 году была образована гвардейская берейторская школа. Въ 1809 году былъ учрежденъ учебный кавалерійскій эскадронъ, а въ 1812 году при дворянскомъ корпусѣ—дворянскій эскадронъ.

Эта лихорадочная дѣятельность нашей конницы того времени привела къ жалкимъ увлеченіямъ. Самый короткій галопъ и собранная рысь составляли красоту и изящество въ выѣздкѣ. Посадка, хотя и красивая, была натянута и привела къ долго извѣстной формулѣ «плечо, колѣно и носокъ всадника должны быть на одной отвѣсной линіи». Не обращалось вниманія, чего стоила выѣздка лошадей и какъ страдали лошади отъ усиленнаго сбора, приходя рано въ негодность: разбитыя ноги, слабость зрѣнія—были обычными явленіями. Въ то время говорили, что «рысь на пяточкѣ» и галопъ «на мѣстѣ»—это верхъ совершенства выѣздки лошадей.

Подъ гнетомъ новыхъ требованій строевой службы и суровости наказаній того времени, которое извѣстно подъ названіемъ «аракчеевщины», втягивались войска въ новый режимъ этихъ требованій и совершенствовались въ новыхъ знаніяхъ устава съ его точностью исполненія.

Срокъ службы солдата тогда былъ двадцатипятилѣтній, причемъ первыя десять лѣтъ рекрутъ считался не обученнымъ. Строй былъ трехшереножный; ружье было кремневое, стрѣляли изъ ружья мало, лучше сказать, совсѣмъ не стрѣляли, а берегли его для смотровъ и ученій, когда темпъ движенія ружья отбивался тактомъ.

Строевые солдаты, побывавшіе въ походахъ и въ сраженіяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ помнившіе великаго Суворова, теперь должны были отбывать лагерные сборы подъ Краснымъ Селомъ и обучаться новымъ уставамъ. Императоръ Александръ I любилъ лагерь, часто посѣщалъ ученія войскъ и пробовалъ ввести въ ихъ занятіяхъ маневры. Этотъ новый видъ упражненій весьма трудно прививался къ войскамъ. Руководители не понимали, какъ обучать войска, а войска не понимали своихъ начальниковъ, а потому происходило полное недоразумѣніе, а государь требовалъ. Порѣшили на томъ, чтобы прежде начала маневра производить репетицію, на которой каждый начальникъ заранѣе зналъ бы, что онъ долженъ дѣлать. По тогдашнему уставу, младшій начальникъ былъ лишенъ всякой иниціативы и долженъ былъ только исполнять приказанія; при подобныхъ условіяхъ очень трудно было понять такой маневръ, гдѣ все было основано на воображеніи.

Библиотека "Руниверс"

Воспитанные на развернутомъ фронтѣ, съ сигналами, барабаннымъ боемъ, холостой стрѣльбой и ружейными пріемами, не могли понять сущности маневровъ, которыми хотѣли обучать войска. Каждое производство маневровъ производило путаницу, въ которой и обучающій, и обучаемые совершенно не понимали другъ друга; веселое ученіе превращалось въ муку и долго не прививалось къ войскамъ. Господствовала рутина, «аракчеевщина», стремившаяся уничтожить человѣка и сдѣлать изъ него манекена.

Во все тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая I военное званіе стояло очень высоко,—много было сдѣлано для улучшенія быта солдата и офицера. Дисциплина была поднята на высокую степень; строевое образованіе достигло такихъ результатовъ, что вызывало удивленіе иностранцевъ, присутствовавшихъ на царскихъ смотрахъ войскъ. Вырабатывался особый типъ солдата, который надолго сохранилъ военный терминъ «николаевскій»—точно опредѣлявшій внѣшній видъ браваго молодца-солдата, отлично сложеннаго, ловкаго, смѣлаго, способнаго переносить безропотно всѣ лишенія солдатской жизни. Одной изъ первыхъ милостей молодого государя было повелѣніе объ увольненіи въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ въ арміи двадцать три года, а въ гвардіи—двадцать лѣтъ. Мѣра эта не составляла постояннаго правила, но примѣнялась до 1834 года, когда была введена система «безсрочныхъ отпусковъ» для нижнихъ чиновъ, прослужившихъ въ войскахъ безпорочно двадцать лѣтъ. Въ томъ же году состоялось положеніе объ увольненіи офицеровъ въ годовые отпуски. Входя во всѣ мелочи военной жизни, императоръ Николай отдалъ множество самыхъ разнообразныхъ повелѣній, способствовавшихъ къ улучшенію быта и облегченію службы. Введено употребленіе звѣздочекъ на эполетахъ для различенія чиновъ; въ 1832 году разрѣшено всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ носить усы (до сего времени усы носили только гусары). Со времени Павла въ войскахъ введены были косы, бритье усовъ и бороды, что, кромѣ косъ, продолжалось во все царствованіе Александра I и Николая I до 1847 года, когда послѣдовало разрѣшеніе на ношеніе усовъ и для нижнихъ чиновъ. Только въ первый годъ воцаренія императора Александра III послѣдовало разрѣшеніе всѣмъ военнымъ носить бороду.

До 1838 года офицеры при отданіи чести должны были снимать фуражки при встрѣчѣ съ начальникомъ, съ этого года разрѣшалось лишь прикладывать руку къ козырьку. Впослѣдствіи офицерамъ разрѣшалось не сбрасывать съ праваго плеча шинели при отданіи чести начальникамъ, какъ было до сего времени, а только прикладывать руку къ козырьку фуражки. Въ 1826 году командиромъ гвардейскаго корпуса назначенъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Во время лагерей подъ Краснымъ Селомъ онъ былъ

Библиотека "Руниверс"

Маневры подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I.
(Съ картины Шварца).

Библиотека "Руниверс"

руководителемъ обученія войскъ и требовательнымъ начальникомъ по уставной части. Занятія войскъ происходили въ подготовкѣ къ царскимъ смотрамъ. Тѣ же одиночныя стойки, шереножныя ученія, линейныя ученія и ружейные пріемы. Государь часто посѣщалъ лагерь и дѣлалъ смотры и маневры. Въ 1832 году на большихъ маневрахъ государь сосредоточилъ весь гвардейскій корпусъ въ Красномъ Селѣ на берегу Безыменнаго озера, потребовалъ понтонную роту и приказалъ навести мостъ черезъ озеро. Когда понтонеры исполнили данную задачу, то государь приказалъ легкой артиллеріи въ карьеръ проскакать по мосту и открыть огонь на берегу Фабрикантской слободы; затѣмъ четыре полка кирасиръ промчались по тому же мосту и атаковали мнимаго противника. Движеніе это, по словамъ очевидца, представляло великолѣпную картину. По окончаніи маневра всѣ генералы были приглашены къ чаю на мызу ея величества на Дудергофѣ, въ швейцарскій домикъ. Мыза эта была какъ бы чудомъ, перенесеннымъ въ одну изъ красивѣйшихъ долинъ Швейцаріи съ хижинами, козами, коровами и пастухами [1]).

Въ 1837 году посѣтилъ Красное Село король прусскій, для котораго былъ произведенъ парадъ войскамъ и заря съ церемоніей.

Въ 1839 году въ Коломенской слободѣ произошелъ пожаръ, уничтожившій не только крестьянскіе дома, но часть дворцовой слободы.

Въ 1843 году былъ произведенъ у мызы Ропши красивый маневръ, на который пріѣхали императрица и великіе князья. Государь водилъ ихъ по бивуакамъ войскъ, гдѣ были очень искусно сложены пирамиды изъ ружей, освѣщенныя кострами, среди поляны лежали солдаты и пѣли пѣсни,—все это было очень живописно и оживленно. Палатки для царской фамиліи были раскинуты въ лѣсу, чайный столъ накрытъ подъ открытымъ небомъ. Вечеръ былъ чудный, вспоминаетъ генералъ Паткуль объ этомъ маневрѣ [2]). Въ 1846 году посѣтилъ Красное Село наслѣдный принцъ шведскій Оскаръ. Адъютантъ его такъ описываетъ это событіе: «Мы всѣ въ экипажахъ, въ сопровожденіи императора, поѣхали въ лагерь. Намъ пришлось проѣхать мимо множества палатокъ, передъ которыми были выстроены полки. Потомъ мы всѣ остановились возлѣ палатки императора, которая ничѣмъ не отличалась по убранству отъ обыкновенной офицерской палатки. Здѣсь были собраны всѣ хоры музыки; этотъ гигантскій оркестръ игралъ марши. Въ девять часовъ взвились три ракеты, то былъ сигналъ артиллеріи стрѣлять. Послѣ третьей ракеты было сдѣлано сто двадцать выстрѣловъ; забили барабаны, музыка играла, и тамбуръ-мажоръ скомандо-

---

[1]) «Русская Старина» 1885 г. Записки Мердера.

[2]) «Историческій Вѣстникъ» 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

валъ «шапки долой» и прочиталъ краткую молитву, во время которой императоръ стоялъ съ открытой головой. Разсчитывали, что онъ сдѣлаетъ тревогу, но, уходя, государь сказалъ: «Они думали, что я сдѣлаю тревогу, но потому-то я и не сдѣлалъ ея». Черезъ десять дней принцъ шведскій опять былъ въ Красномъ Селѣ, присутствуя на смотрахъ и на маневрахъ. Особенно понравилось ему ученіе кавалеріи въ блестящихъ мундирахъ съ отличной посадкой. По окончаніи маневровъ опять была заря съ церемоніей, и здѣсь иностранцы были поражены простотой обращенія императора съ солдатами. Онъ вывелъ великую княжну Ольгу Николаевну и поставилъ рядомъ съ солдатами, чтобы сравнить ея ростъ съ ростомъ гвардейскихъ солдатъ. Хотя она и не малаго роста, но могла установиться у солдата только подъ руку. «Такое патріархальное обращеніе привлекаетъ къ императору сердца солдатъ. Вотъ почему онъ любимъ ими» [1]).

Среди однообразной жизни въ лагеряхъ смотры, маневры и тревоги весьма часто вносили въ лагерную жизнь нѣкоторое разнообразіе, въ особенности когда присутствовалъ государь. Маневры происходили въ окрестностяхъ Краснаго Села и продолжались по нѣсколько дней. Когда маневры были близъ Гатчины, Царскаго Села и Петергофа, то государь любилъ внезапно давать балы и спектакли, на которые приглашались офицеры маневрирующихъ частей.

По воспоминаніямъ современниковъ, послѣ тревоги войска проходили церемоніальнымъ маршемъ съ музыкой и пѣснями. Солдаты называли такое прохожденіе «кудельком» [2]). Во время маневровъ поражала современниковъ придворная роскошь главной императорской квартиры. За государемъ всегда слѣдовалъ придворный обозъ, состоявшій изъ цѣлаго ряда фургоновъ съ разными закусками, прохладительными и горячительными напитками, наконецъ, и съ цѣлой кухней, въ которой на походѣ готовились кушанья, такъ что по прибытіи на стоянку на открытомъ воздухѣ уже красовался столъ, накрытый человѣкъ на шестьдесятъ и болѣе [3]).

II.

Въ 1849 году скончался великій князь Михаилъ Павловичъ въ Варшавѣ во время венгерскаго похода; вмѣсто него назначенъ командиромъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Въ память командованія цесаревичемъ второй гвардейской пѣхотной дивизіей въ Красномъ Селѣ

---

[1]) Записки шведскаго офицера Гаффнера. «Историческій Вѣстникъ» 1914 г.
[2]) «Русскій Архивъ» 1890 г.
[3]) «Русскій Архивъ» 1884 г. Воспоминанія Самсонова.

Библиотека "Руниверс"

поставленъ памятникъ на мѣстѣ ставки его высочества, между лагерей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго и лейбъ-гвардіи Павловскаго полковъ.

По ходатайству цесаревича, какъ извѣстно, въ Красномъ Селѣ былъ построенъ театръ, первое представленіе въ которомъ состоялось 3-го іюля 1851 года. Когда посѣтилъ театръ императоръ Николай I, то, войдя въ залу, сказалъ: «Прекрасно! Я этого не ожидалъ». Съ тѣхъ поръ каждое лѣто даютъ спектакли во время лагерей.

Въ августѣ 1851 года происходили маневры въ окрестностяхъ Гатчины. При дождливой погодѣ войска мужественно претерпѣвали всѣ невзгоды бивачной жизни. Маневръ продолжался нѣсколько дней, и 1-го августа былъ назначенъ парадъ по случаю открытія памятника императору Павлу I. Государь назначилъ парадъ тѣмъ частямъ войскъ, которыя были сформированы его отцомъ, а именно: полкамъ Кавалергардскому, лейбъ-гвардіи Гусарскому, лейбъ-гвардіи Егерскому, лейбъ-гвардіи Павловскому, дивизіону лейбъ-гвардіи казачьяго полка и всей гвардейской конной артиллеріи. Въ день открытія памятника и водоосвященія на плацу передъ дворцомъ въ одиннадцатомъ часу были разставлены войска, линія которыхъ протянулась по саду, противъ главнаго подъѣзда, вплоть до устроеннаго на пруду плотика для водоосвященія.

По окончаніи литургіи въ церкви гатчинскаго дворца начался крестный ходъ къ водоосвященію. Императрица, цесаревна, великая княжна Ольга Николаевна и герцогиня веймарнская, пройдя съ духовенствомъ до парадной лѣстницы, вошли на балконъ, откуда и смотрѣли чудную картину парада.

По прибытіи на прудъ началось богослуженіе, къ которому прибылъ императоръ и принесены знамена и штандарты частей войскъ. При погруженіи крестовъ въ воду съ стоящихъ на прудѣ фрегатовъ былъ произведенъ орудійный салютъ. Тучи облаковъ порохового дыма красиво стлались на ровной поверхности пруда, и огни изъ жерлъ орудій вспыхивали одинъ за другимъ среди окутавшаго фрегаты дыма. Музыка играла молитву; войска держали на караулъ, и открылось торжественное шествіе духовенства къ памятнику, покрытому бѣлой пеленой. Какъ только императоръ Николай I подошелъ къ памятнику, на часы у подножія монумента, въ формѣ павловскаго гренадера, съ ружьемъ въ рукахъ, сталъ правнукъ императора Павла I, сынъ наслѣдника престола, великій князь Александръ Александровичъ, которому въ этомъ году исполнилось всего шесть лѣтъ. Когда протодьяконъ провозгласилъ «вѣчную память», то государь, обнаживъ саблю, самъ скомандовалъ: «слушай на караулъ». Въ этотъ моментъ пелена спала съ памятника, и передъ массой войскъ и народа предстала фигура императора Павла I въ треугольной шляпѣ, съ форменной тростью

Библиотека "Руниверс"

1 августа 1851 года. Открытіе памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ.
Великій князь Александръ Александровичъ. 6-ти лѣтъ отъ роду, стоитъ на часахъ у памятника своего прадѣда.

Библиотека "Руниверс"

въ рукѣ [1]). Войска кричали «ура», изъ орудій полевой артиллеріи и павловскихъ бастіоновъ открыли салютаціонную стрѣльбу. Парадъ закончился церемоніальнымъ маршемъ, причемъ войска проходили «тихимъ шагомъ» подъ звуки марша императора Павла I, разученнаго музыкантами въ одну ночь [2]).

На этомъ парадѣ цесаревичъ Александръ Николаевичъ командовалъ войсками, бывшими на водоосвященіи, великій князь Николай Александровичъ находился въ строю лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, великій князь Николай Николаевичъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ въ строю артиллеріи, а великій князь Константинъ Николаевичъ и принцъ гессенскій командовали отрядами войскъ. Всѣмъ парадомъ командовалъ императоръ Николай I.

Въ четвертомъ часу въ залахъ дворца состоялся завтракъ, на которой были приглашены всѣ начальники войскъ. Послѣ завтрака государю были представлены нижніе чины разныхъ родовъ войскъ въ формахъ временъ императора Павла. Государь былъ очень доволенъ парадомъ и выразилъ начальникамъ частей свое удовольствіе за то, что, несмотря на проведенные нѣсколько дней на бивуакахъ и аванпостахъ, подъ дождемъ, войска представились въ блистательномъ видѣ.

Императоръ Николай I любилъ войска, щеголялъ ими, и дѣйствительно выправка ихъ, стройность движеній, дисциплина и неутомимость были превосходны; но довольствіе войскъ оставалось прежнее, чуть не со времени Петра Великаго: три фунта хлѣба и двѣнадцать пятнадцатыхъ гарнца крупы; мясо давали только Высочайше пожалованное въ дни смотровъ и праздниковъ. Въ 1851 г было увеличено мясное довольствіе въ слѣдующемъ размѣрѣ: строевымъ—по пяти полуфунтовыхъ порцій въ недѣлю, а нестроевымъ—по пяти четвертей фунта въ недѣлю. Фронтъ былъ линейный; ружья были гладкоствольныя, патронъ бумажный, стрѣляли не дальше 200—250 шаговъ; число патроновъ для обученія было крайне ограничено. Процвѣталъ тихій шагъ, учебный шагъ и церемоніальный маршъ. При такомъ обученіи мы встрѣтили войну севастопольскую.

III.

Императоръ Николай скончался 18-го февраля 1855 года, а 17-го марта 1856 года былъ заключенъ миръ. Императоръ Александръ II, подъ давленіемъ минувшихъ событій, ясно видѣлъ необходимость коренного переустройства всей системы военнаго

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1851 г. и «Русскій Инвалидъ» 1851 г.

[2]) Исторія лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Библиотека "Руниверс"

1865 годъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ, на бивакѣ подъ Краснымъ Селомъ.

(Съ акварели Зичи изъ музея л.-гв. Преображенскаго полка).

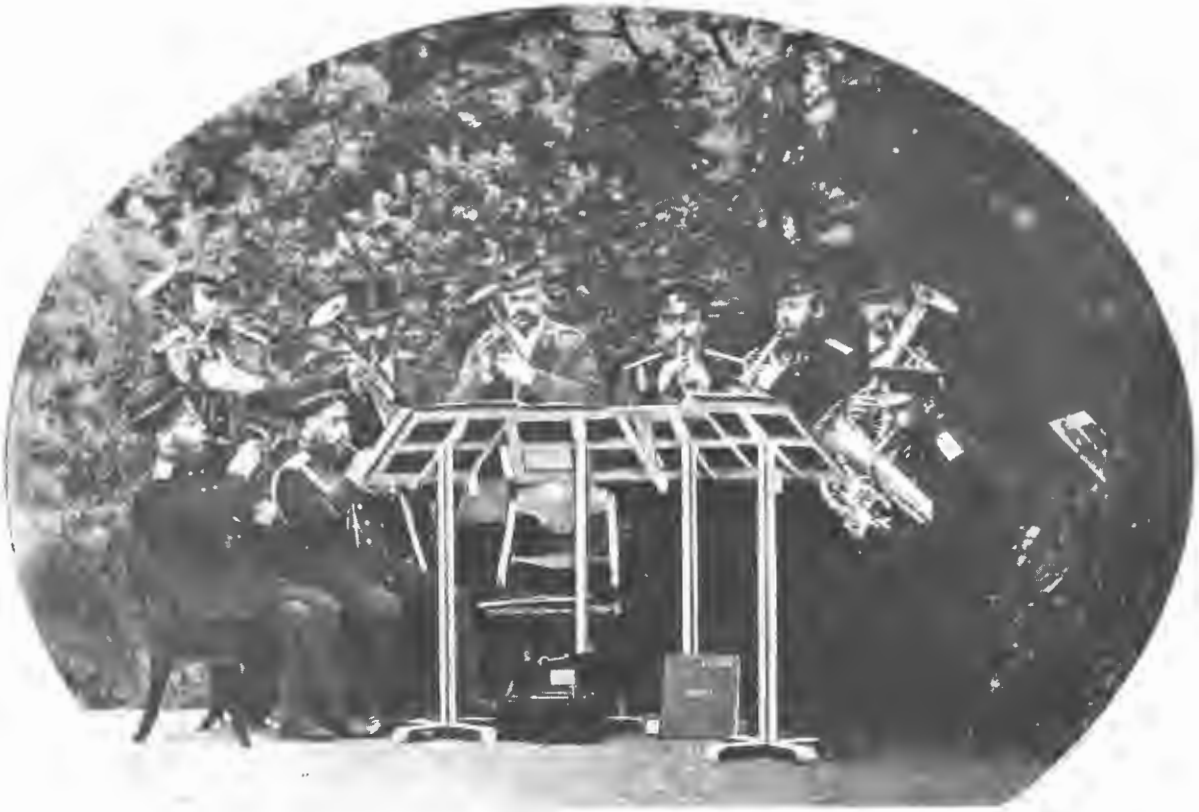
Библиотека "Руниверс"

управленія. Съ этой цѣлью государь измѣнилъ весь строй жизни, службы, воспитанія, обученія и внѣшняго вида войскъ. Въ основаніе этой системы положена и проведена главная мысль — облегчить, насколько возможно, военную службу, привлечь къ ней образованныхъ людей и достигать главныхъ требованій ея путемъ яснаго пониманія и сознательнаго отношенія къ ней со стороны военнослужащихъ. Сокращенный при Николаѣ I срокъ дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ при Александрѣ II сокращенъ еще болѣе: сначала дѣйствительная служба была уменьшена до пятнадцати лѣтъ, потомъ до девяти лѣтъ и, наконецъ, съ введеніемъ общей воинской повинности, была доведена до пяти—шести лѣтъ. Но зато значительно увеличился контингентъ безсрочныхъ или, какъ впослѣдствіи ихъ называли, запасныхъ. Въ 1857 году уничтожены военныя поселенія. Въ 1859 году было увеличено содержаніе всѣмъ служащимъ и учреждена эмеритальная касса военнаго вѣдомства. Въ 1874 году выработанъ и утвержденъ уставъ офицерскихъ собраній. Ассигнована особая сумма на учрежденіе общихъ офицерскихъ столовыхъ, библіотекъ и учреждены вспомогательныя офицерскія кассы. Въ 1872 году установлена выдача жалованья офицерамъ помѣсячно, взамѣнъ издавна практиковавшейся выдачи по третямъ года. Въ этомъ же году были установлены новые оклады столовыхъ денегъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это вниманіе къ матеріальнымъ нуждамъ офицеровъ, послѣ крѣпостного права, при возраставшей дороговизнѣ предметовъ жизненной потребности, было большимъ благодѣяніемъ.

Въ обученіи войскъ также произошло много перемѣнъ. Одиночное образованіе солдатъ поставлено въ основу обученія и воспитанія войскъ. Учреждены были полковыя учебныя команды сначала съ двухлѣтнимъ, а впослѣдствіи—съ годичнымъ курсомъ для подготовки будущихъ унтеръ-офицеровъ и учителей новобранцевъ, замѣнившихъ былыхъ «рекрутъ». Въ 1875 году учебный курсъ былъ сокращенъ на одинъ годъ. Съ 1869 года для пѣхоты и драгунъ установлены призы за стрѣльбу, а въ 1873 году стрѣльба на призы разрѣшена и офицерамъ. Въ 1870 году, для возбужденія соревнованія между нижними чинами въ правильной выѣздкѣ молодыхъ лошадей, установлено испытаніе на призы. Для офицеровъ также были установлены призы отъ государственнаго коннозаводства за скачки, чѣмъ развилось пріобрѣтеніе хорошихъ верховыхъ лошадей, а въ 1872 году членами императорской фамиліи пожалована сумма на призы за скачки въ Красномъ Селѣ для всѣхъ офицеровъ гвардейской и армейской кавалеріи, причемъ сумма призовъ опредѣлена въ три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ.

По отношенію къ нижнимъ чинамъ также проявлено много заботливости въ улучшеніи ихъ быта и служебнаго положенія. Отмѣнены тѣлесныя наказанія, какъ-то: прогнаніе сквозь строй,

Библиотека "Руниверс"



Музыкальный кружокъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ. Цесаревичъ, принцъ А. П. Ольденбургскій, генералъ Половцевъ, гр. Адамъ и Александръ Олсуфьевы, Бергъ и Вурмъ.

Библиотека "Руниверс"

наказаніе шпицрутенами—этими нѣмецкими изобрѣтеніями, попавшими въ нашу армію. Въ обращеніи съ нижними чинами рѣзко измѣнился обычай употребленія наказаній—кулака и истязаній при обученіи—и замѣнился ласковымъ обращеніемъ, добрымъ словомъ и силою убѣжденій. Взамѣнъ сниманія шапки при отданіи чести офицерамъ установлено прикладываніе руки къ козырьку; разрѣшено нижнимъ чинамъ ѣздить въ экипажахъ и посѣщать театры. Обращено вниманіе на грамотность и на нравственность.

Въ 1869 году наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ былъ очень занятъ мыслью о передѣлкѣ ружей, вмѣсто шестилинейныхъ винтовокъ, замѣнившихъ севастопольское ружье, на болѣе совершенное оружіе съ металлическимъ патрономъ, причемъ его высочество испросилъ разрѣшенія государя о передѣлкѣ, на свой счетъ и рискъ, на заводѣ Путилова десяти тысячъ ружей по вновь предложенной Барановымъ системѣ съ металлическимъ патрономъ. Въ результатѣ оказалось, что болѣе экономно было бы передѣлать наши винтовки по системѣ Крнка, но съ металлическимъ патрономъ, на которомъ такъ настаивалъ наслѣдникъ [1]). Съ этимъ ружьемъ наши войска двинулись въ турецкую войну 1877—1878 гг.

Всѣ эти реформы и перемѣны ужасали своимъ новшествомъ старыхъ воиновъ, воспитанныхъ на темпахъ, вытягиваніи носка и постоянныхъ наказаніяхъ, видѣвшихъ въ новомъ вѣяніи полное разрушеніе арміи, но тѣ, которые сочувствовали реформамъ, думали иначе, и надежды ихъ вполнѣ оправдались.

Реформа произошла и въ формѣ одежды: вмѣсто николаевской шинели со стоячимъ воротникомъ, подпиравшимъ подбородокъ, введено пальто съ отложнымъ воротникомъ; появились на сюртукѣ и мундирѣ погоны, китель и, по французской системѣ, кепи. Для похода указана только одна форма—походная, безъ эполетъ и султановъ, которыхъ больше въ походъ не брали. Императоръ Александръ II, подобно своему отцу, любилъ красносельскій лагерь, и посѣщеніе его входило въ кругъ ежегодныхъ занятій. Смотры, парады, маневры и тревоги вошли въ систему. Кромѣ желанія видѣть свои войска, государь интересовался обученіемъ стрѣльбѣ и производилъ смотры стрѣльбы, въ особенности изъ новыхъ ружей, заряжающихся съ казенной части и металлическимъ патрономъ.

Великій преобразователь русскихъ вооруженныхъ силъ и основатель регулярной арміи Петръ Великій еще въ годы ранняго дѣтства обнаружилъ воинственность своей натуры и, съ образованіемъ «потѣшныхъ войскъ», вмѣстѣ съ прочими несъ службу солдатскую, не уклоняясь отъ тяжелыхъ трудовъ ея. Онъ стоялъ на

[1]) Архивъ главнаго артиллерійскаго управленія.

Библиотека "Руниверс"

1874 годъ. Окончаніе корпуснаго маневра въ Красномъ Селѣ въ высочайшемъ присутствіи.
(Съ картины Шарлеманя).

Библиотека "Руниверс"

часахъ, рылъ землю, билъ въ барабанъ, спалъ въ солдатской палаткѣ и безусловно подчинялся требованіямъ военной дисциплины.

Этотъ царскій примѣръ сталъ руководящимъ и при послѣдующихъ царствованіяхъ, когда на престолъ возсѣдали лица мужескаго пола. Императоръ Павелъ I, еще будучи наслѣдникомъ, завелъ у себя въ Гатчинѣ особыя войска и проходилъ съ ними всѣ воинскіе уставы по особой программѣ. Императоры Александръ I, Николай I и Александръ II съ ранняго дѣтства обучались военному строю сначала въ кадетскихъ корпусахъ, а потомъ въ войскахъ, причемъ съ устройствомъ красносельскаго лагеря учились на его военномъ полѣ. Императоръ Александръ III, будучи шести лѣтъ отъ роду, какъ мы видѣли, стоялъ на часахъ у памятника въ Гатчинѣ въ 1851 году.

Когда великому князю Александру Александровичу минуло девятнадцать лѣтъ, государь призналъ необходимымъ, чтобы его высочество началъ свое практическое военное образованіе въ рядахъ войскъ.

1-го іюля 1864 года въ приказѣ по учебному пѣхотному батальону было объявлено: «Прикомандированныхъ на лагерное время къ ввѣренному мнѣ батальону, по высочайшему повелѣнію, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Александра Александровича и Владимира Александровича зачислить налицо.

«Предписывается великому князю Александру Александровичу принять на законномъ основаніи (за исключеніемъ хозяйственной части) стрѣлковую роту, вступивъ въ командованіе ею; о пріемѣ роты донести установленнымъ порядкомъ.

«Великій князь Владимиръ Александровичъ зачисляется въ первую роту отдѣленнымъ офицеромъ третьяго отдѣленія, которое его высочеству принять на законномъ основаніи. Подписалъ командиръ батальона полковникъ Нотбекъ».

Для великихъ князей были разбиты палатки, стоявшія рядомъ впереди мѣсторасположенія барака, занимавшагося впослѣдствіи начальникомъ офицерской стрѣлковой школы (на лѣвомъ флангѣ главнаго лагеря, рядомъ съ лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ). Въ этотъ же день великій князь Александръ Александровичъ принялъ стрѣлковую роту отъ капитана лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Зарубаева. На другой день оба великіе князья были представлены командиромъ батальона начальнику второй гвардейской пѣхотной дивизіи, которому на лагерное время былъ подчиненъ учебный батальонъ, начальнику штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса и, наконецъ, великому князю Николаю Николаевичу, какъ командиру корпуса.

Такъ началась служба великихъ князей въ лагеряхъ. Ежедневно происходили ученья утромъ, а вечеромъ иногда линейныя ученья

Библиотека "Руниверс"

1875 г. Командиръ гвардейскаго корпуса наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ съ корпуснымъ штабомъ въ Красномъ Селѣ.

(Съ картины Френтца).

Библиотека "Руниверс"

на Военномъ полѣ замѣнялись стрѣльбой, ружейными пріемами, малыми маневрами и проч. Великіе князья, со свойственнымъ имъ сознаніемъ долга службы, исполняли всѣ требованія службы съ полнымъ усердіемъ и входили во всѣ детали уставныхъ правилъ и воинской дисциплины. Изъ сохранившейся переписки видно, что великій князь Александръ Александровичъ ни разу не подвергалъ никакому наказанію людей своей роты.

Въ іюлѣ 1864 года на Дудергофѣ былъ устроенъ военный праздникъ съ музыкой, пѣснями и ужиномъ, за который обоимъ великимъ князьямъ пришлось заплатить по раскладкѣ шестьсотъ рублей. Вообще расходы за лагерное время были немалые, напримѣръ, за довольствіе заплачено 1.460 рублей да еще за приглашенныхъ 931 руб.; солдатамъ на водку и пироги—499 руб.; за устройство кухни—167 руб. и проч., а лагерь продолжался одинъ мѣсяцъ и семь дней.

Учебный батальонъ былъ на смотрахъ великаго князя Николая Николаевича и государя и удостоился благодарности. Маневры великій князь Александръ Александровичъ провелъ вмѣстѣ съ батальономъ, слѣдуя пѣшкомъ во главѣ своей роты. 7-го августа оба великіе князя, по высочайшему повелѣнію, были отчислены отъ батальона. По этому случаю полковникъ Нотбекъ отдалъ слѣдующій приказъ: «По высочайшему повелѣнію, ихъ императорскія высочества великіе князья Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ отчисляются отъ батальона. Предписываю великому князю Александру Александровичу сдать на законномъ основаніи стрѣлковую роту, а великому князю Владиміру Александровичу сдать третье отдѣленіе первой роты и о сдачѣ донести установленнымъ порядкомъ.

«Отъ лица батальона, какъ представитель его, позволяю себѣ принести искреннюю и полную благодарность ихъ императорскимъ высочествамъ за то неутомимое, добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей, которыя несли они въ теченіе пребыванія своего въ батальонѣ. Они показали, какъ долженъ служить царю своему русскій офицеръ, и подобный примѣръ, разнесенный чинами батальона во всѣ части русской армій, будетъ содѣйствовать утвержденію въ ней достоинства, которое всегда ее отличало: сознаніе долга и преданности церкви и престолу. Подписалъ командиръ учебнаго батальона полковникъ Нотбекъ» [1]).

Прошло тридцать два года, и въ районѣ бывшаго лагеря нынѣшней офицерской стрѣлковой школы, на мѣстѣ, гдѣ была палатка, въ которой жилъ почившій императоръ Александръ III, воздвигнутъ памятникъ, на которомъ покойный государь изображенъ въ видѣ бюста, въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, работы академика По-

[1]) Архивъ офицерской стрѣлковой школы.

Библиотека "Руниверс"

пова. На лицевой сторонѣ мраморной колонны помѣщенъ портретъ государя, снятый въ 1864 году. Копіи съ этого портрета были пожалованы сослуживцамъ его высочества по учебному батальону. Открытіе и освященіе памятника произошло 8-го августа 1896 г., въ присутствіи великаго князя Владимира Александровича.

За службу въ учебномъ батальонѣ великій князь Александръ Александровичъ награжденъ орденомъ св. Владимира четвертой степени. Въ этомъ же году полковникъ Нотбекъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

IV.

По программѣ военнаго образованія своего сына императоръ Александръ II въ 1865 году назначилъ великому князю Александру Александровичу пройти слѣдующую ступень военной подготовки и повелѣлъ ему командовать въ теченіе лагернаго времени батальономъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку. Какъ извѣстно, въ этомъ году великій князь Александръ Александровичъ потерялъ своего старшаго брата и друга наслѣдника цесаревича Николая Александровича, скончавшагося въ Ниццѣ, и по закону объ учрежденіи императорской фамиліи принялъ званіе наслѣдника престола и цесаревича.

Первой гвардейской пѣхотной дивизіей, въ составъ которой входилъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ то время командовалъ генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, добрый человѣкъ, но извѣстный своими строгими требованіями по службѣ и за то недолюбливаемый офицерами. Случилось такъ, что передъ самымъ прикомандированіемъ цесаревича къ полку генералъ Дрентельнъ только что окончилъ инспекторскій смотръ и, найдя какое-то нарушеніе порядка, сильно разгнѣвался и арестовалъ начальника стрѣлковаго полка. Конечно, на офицеровъ этотъ случай произвелъ самое непріятное впечатлѣніе, и всѣ осуждали начальника дивизіи за строгость и мелочность.

Въ это время прибылъ въ полкъ цесаревичъ, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ какъ разговоровъ офицеровъ, такъ и господствовавшаго между молодежью недовольства.

Молодой двадцатилѣтній юноша, жаждавшій общенія съ окружавшими его людьми, цесаревичъ легко сталъ поддаваться вліянію молодежи и, мало еще зная чудную душу Александра Романовича, сначала составилъ о немъ совершенно невѣрное представленіе.

Цесаревичъ жилъ въ баракѣ, въ районѣ своего полка, столъ держалъ свой, а по четвергамъ, когда въ полку происходили давно установленные общіе обѣды въ артели полка, а также и въ особыхъ случаяхъ, на большихъ обѣдахъ, всегда обѣдалъ въ полко-

Библиотека "Руниверс"

вой офицерской столовой. Отношенія великаго князя къ офицерамъ полка были самыя лучшія, простыя, свойственно его характеру, безъ всякой натяжки.

Полкомъ тогда командовалъ генералъ-адъютантъ князь Ан. Ив. Барятинскій, который часто былъ отвлекаемъ изъ лагеря по разнымъ случаямъ придворной жизни, и потому цесаревичу приходилось самостоятельно вести занятія съ своимъ первымъ батальономъ. Конечно, генералъ Дрентельнъ, какъ негласный наставникъ, зорко присматривался къ службѣ и занятіямъ цесаревича.

Однажды во время батальоннаго ученія цесаревичъ водилъ свой батальонъ колонною и, по разсѣянности, вмѣсто команды «кругомъ—маршъ», каковая подается при движеніи подъ правую ногу, скомандовалъ «кругомъ», т.-е. подалъ команду для поворота на мѣстѣ; но вышло такъ удачно, что послѣдній слогъ «гомъ» пришелся подъ правую ногу, и батальонъ ловко повернулся, не сбившись съ ноги. Стоявшій невдалекѣ начальникъ дивизіи, наблюдавшій за ученіемъ, замѣтивъ, конечно, ошибку цесаревича, но видя случайный поворотъ батальона, невольно сказалъ: «Ишь, канальи, знаютъ, когда нужно какъ повернуться» [1]).

Вмѣстѣ съ цесаревичемъ въ полку состояли на службѣ великій князь Владиміръ Александровичъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Командованіе цесаревича батальономъ въ красносельскомъ лагерѣ продолжалось съ 22-го іюля по 7-е августа. Вскорѣ цесаревичъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ государь производилъ смотры войскъ на Ходынскомъ полѣ.

Въ 1866 году, по высочайшему повелѣнію, цесаревичъ, по возвращеніи изъ поѣздки въ Данію, откуда возвратился счастливымъ женихомъ, 2-го іюля былъ назначенъ командовать лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ. Полкъ стоялъ уже въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, и цесаревичъ прибылъ туда принимать полкъ.

Хотя на цесаревичѣ не лежало хозяйственныхъ заботъ по полку, а вѣдалъ онъ только строевою частью, но все же служба въ лагерѣ была не легка, такъ какъ цесаревичъ хорошо сознавалъ, что самъ долженъ учиться строевому дѣлу, дабы представиться на смотрахъ государю вполнѣ ознакомленнымъ съ дѣломъ командованія полкомъ.

Жилъ цесаревичъ въ районѣ лагеря полка, занимая баракъ командира полка князя Барятинскаго, который въ этомъ году былъ въ отпуску. Поддерживая полковыя традиціи, каждый четвергъ цесаревичъ обѣдалъ въ полковой артели. Его высочество очень любилъ супъ, котораго ему наливали всегда полную тарелку до краевъ.

---

[1]) Разсказъ бывшаго офицера полка.

Библиотека "Руниверс"

Красное Село 1876 года. Большіе маневры на Гатчинскомъ шоссе.

(Съ акварели Френтца).

Библиотека "Руниверс"

Не любя рейнскихъ винъ, цесаревичъ пилъ бѣлый квасъ, иногда съ шампанскимъ, говоря: «И не пьяно и вкусно» [1]).

Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ отлично понималъ свою нравственную обязанность быть руководителемъ обученія цесаревича строевому дѣлу, такъ какъ отвѣтственность передъ государемъ за обученіе наслѣдника лежала на немъ. Поэтому-то Александръ Романовичъ часто присутствовалъ на полковыхъ ученіяхъ и слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ занятій по расписанію, составленному штабомъ дивизіи.

Однажды, во время сильнаго дождя, продолжавшагося всю ночь и цѣлое утро, цесаревичъ отмѣнилъ назначенное по расписанію полку ученіе. Между тѣмъ на ученіе пріѣхалъ верхомъ начальникъ дивизіи и, узнавъ, что ученіе отмѣнено, приказалъ немедленно собрать полкъ и начать ученіе. Дали знать цесаревичу, который сейчасъ же пріѣхалъ на ученіе и подъ дождемъ началъ учить полкъ. Проходитъ часъ,—ученіе не кончается. Дождь льетъ, Дрентельнъ стоитъ и смотритъ на ученіе. Проходитъ другой часъ; дождь не перестаетъ,—ученіе продолжается; люди всѣ промокли, подъ ногами образовалась грязь, а цесаревичъ не только не просилъ разрѣшенія кончить ученіе, но ни разу не скомандовалъ: «стоять вольно». Наконецъ, послѣ двухчасового ученія, начальникъ дивизіи отъѣхалъ, и цесаревичъ немедленно кончилъ ученіе [2]).

Конечно, такое педантичное требованіе по буквѣ закона не могло не оставить горькаго чувства. Въ этотъ же лагерный сборъ, во время ученія дивизіи, когда начальникъ дивизіи скомандовалъ: «вольно, оправиться», цесаревичъ подъѣхалъ къ офицерамъ полка, закурилъ папироску и, какъ всегда дѣлалъ на полковыхъ ученіяхъ, скомандовалъ: «закурить люльки», и солдаты закурили. Замѣтивъ дымъ, Дрентельнъ послалъ своего адъютанта къ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, сказавъ: «Поѣзжайте узнать, отчего въ Преображенскомъ полку пожаръ». Адъютантъ, узнавъ, что разрѣшеніе курить послѣдовало отъ его высочества, доложилъ о семъ начальнику дивизіи. Тогда Дрентельнъ подъѣхалъ самъ къ цесаревичу и, взявъ руку подъ козырекъ, сказалъ: «Ваше императорское высочество, это вы разрѣшили курить?»—«Да, я», отвѣчалъ наслѣдникъ. «Если Преображенскому полку вы разрѣшили курить, какъ наслѣдникъ цесаревичъ, то прошу разрѣшенія курить и прочимъ полкамъ дивизіи», и, обратясь къ адъютанту, Дрентельнъ сказалъ: «Поѣзжайте по полкамъ дивизіи и объявите, что его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ изволилъ разрѣшить курить» [3]).

---

[1]) Разсказъ бывшаго офицера полка.

[2]) Воспоминанія бывшаго офицера лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка А. А. Вонлярлярскаго.

[3]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

Такой ничтожный инцидентъ, самъ по себѣ, прошелъ бы незамѣтно, но Дрентельнъ, какъ обязанный не пропускать случаевъ нарушенія воинской дисциплины, какъ элемента служебнаго воспитанія, долженъ былъ подчеркнуть этотъ случай и указать на нарушеніе порядка службы.

Въ этомъ же лагерномъ сборѣ, на одномъ изъ дивизіонныхъ маневровъ, генералъ Дрентельнъ былъ очень раздосадованъ неудачнымъ ходомъ маневра вслѣдствіе неправильныхъ распоряженій одного изъ командировъ полковъ. По окончаніи маневра, собравъ всѣхъ командировъ полковъ, Дрентельнъ въ рѣзкихъ и даже грубыхъ выраженіяхъ высказалъ имъ свое неудовольствіе, причемъ употреблялъ такія сравненія, которыя коробили присутствовавшихъ. Увлеченный разборомъ маневра, Дрентельнъ совершенно забылъ, что передъ нимъ стоитъ наслѣдникъ, и вдругъ, замѣтивъ на лицѣ цесаревича волненіе, оборвалъ свою рѣчь и, обратившись къ нему, сказалъ: «Ваше императорское высочество, простите меня за грубую рѣчь; вѣдь я солдатъ, преслѣдую лишь пользу службы и позволилъ себѣ указать ошибки на бывшемъ маневрѣ». Цесаревичъ закусилъ губу, снялъ каску, обтеръ лобъ платкомъ и ничего не отвѣтилъ. Цесаревичъ понялъ душевное настроеніе Дрентельна, разстроеннаго неудачнымъ маневромъ [1]).

6-го августа, въ день праздника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, происходилъ церковный парадъ впереди своего лагеря, въ высочайшемъ присутствіи. Августѣйшій полковой командиръ представилъ полкъ въ блестящемъ состояніи. Государь благодарилъ за парадъ, и всѣ офицеры полка были приглашены на завтракъ въ царскую столовую въ Красномъ Селѣ. Вечеромъ въ полку былъ устроенъ ужинъ для офицеровъ и разныя представленія для солдатъ. Цесаревичъ пригласилъ на эти представленія и нижнихъ чиновъ гвардейской артиллеріи, праздновавшихъ свой праздникъ 6-го августа. Всѣ расходы на праздникъ наслѣдникъ принялъ на свой счетъ. 8-го августа 1866 года цесаревичъ сдалъ полкъ и выѣхалъ изъ Краснаго Села, а 9-го августа отправился въ путешествіе по Волгѣ.

Въ 1868 году цесаревичъ, въ генералъ-майорскомъ чинѣ, былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

V.

Продолжая военное образованіе, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ назначенъ на лагерное время командовать 2-ю бригадою 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Начальникомъ дивизіи былъ тогда генералъ Дубельтъ, а начальникомъ штаба ея подпол-

[1]) Воспоминанія И. И. Дирина.

Библиотека "Руниверс"

ковникъ Левицкій. Бригада, которою командовалъ цесаревичъ, состояла изъ полковъ: лейбъ-гвардіи Уланскаго и лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества. Командиромъ перваго полка былъ генералъ Крыловъ, а второго—свиты его величества генералъ-майоръ графъ Воронцовъ-Дашковъ [1]).

Въ виду того, что цесаревичу впервые еще приходилось быть передъ кавалерійскимъ строемъ, то для ознакомленія его съ кавалерійскимъ строевымъ уставомъ къ нему былъ прикомандированъ капитанъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка Темирязевъ (впослѣдствіи командовалъ Кавалергардскимъ Его Величества полкомъ).

На цесаревича было возложено командованіе бригадой только въ строю; но, интересуясь кавалерійскимъ строемъ, онъ часто выѣзжалъ не только на ученіе своей бригады, но и всей дивизіи, занимавшейся на Военномъ полѣ.

Въ результатѣ командованія вовсе не знавшій коннаго строя и устава цесаревичъ усвоилъ весь механизмъ командованія кавалерійской бригадой. Несмотря на ошибки, лагерь прошелъ самымъ благополучнымъ образомъ. Государь остался доволенъ смотрами. Погода стояла отличная, даже слишкомъ жаркая и душная, ни одного дня не было съ дождемъ, и наслѣдникъ въ праздники охотно уѣзжалъ на отдыхъ въ Петергофъ, въ свой любимый коттеджъ.

Въ 1870 году цесаревичъ назначенъ командовать первой гвардейской дивизіей; при немъ назначенъ былъ состоять генералъ-адъютантъ Дрентельнъ. Лагерный сборъ этого года былъ короткій, и потому пришлось на практикѣ пройти соотвѣтствующій уставъ спѣшно. Во время маневровъ подъ Краснымъ Селомъ съ 16-го по 21-ое іюля цесаревичъ командовалъ передовымъ отрядомъ войскъ южнаго корпуса въ высочайшемъ присутствіи, и государь остался очень доволенъ какъ маневрами, такъ и командованіемъ цесаревича дивизіею.

Награждая его орденомъ святого Владимира 2-й степени, государь пожелалъ выразить свое благоволеніе въ слѣдующей грамотѣ:

«Любезному моему сыну Государю Наслѣднику Цесаревичу.

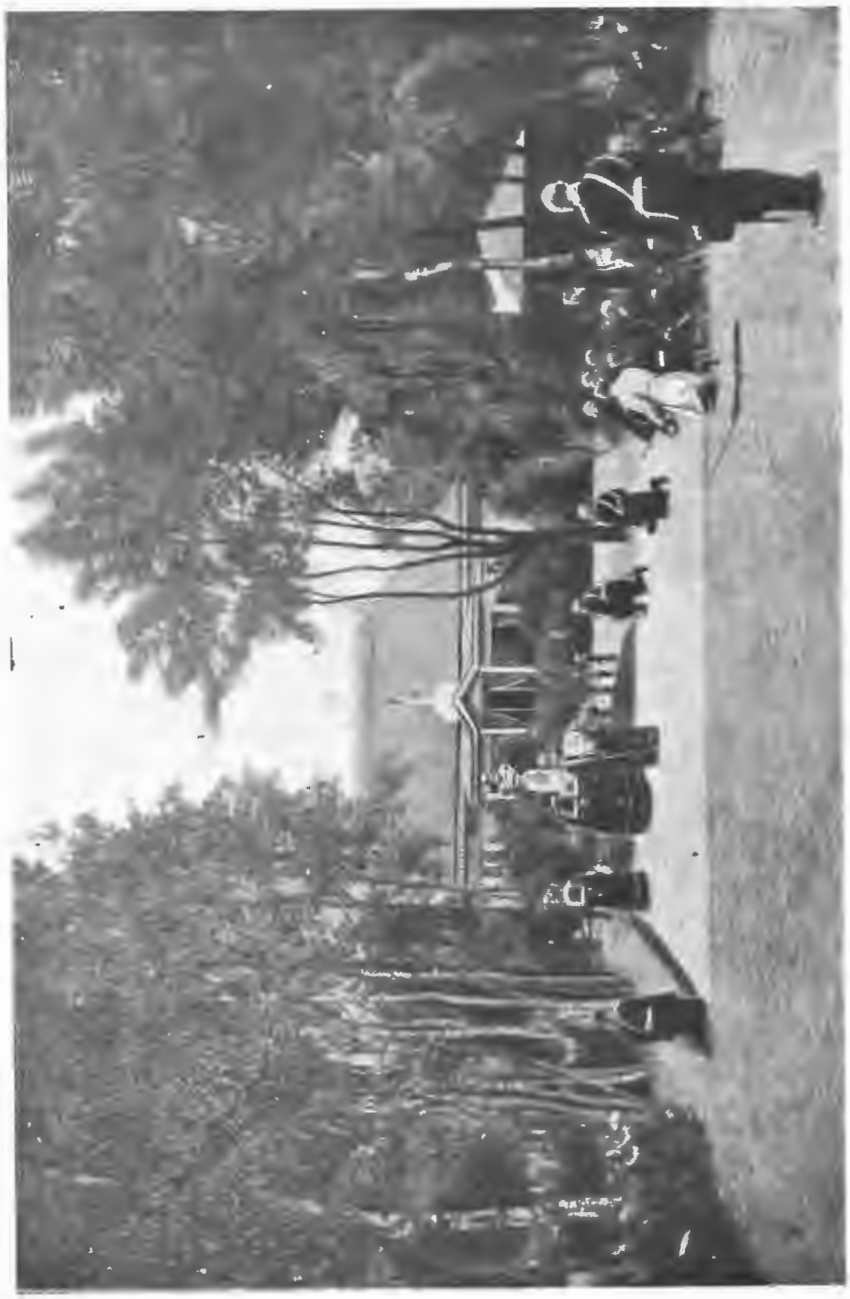
«При осмотрѣ мною войскъ, бывшихъ въ теченіе лѣта въ сборѣ подъ Краснымъ Селомъ, я съ истиннымъ удовольствіемъ находилъ состоявшую подъ вашею командою первую гвардейскую пѣхотную дивизію въ отличномъ состояніи по всѣмъ частямъ воинскаго образованія.

«Относя это къ примѣрной ревности вашей по исполненію всѣхъ возлагаемыхъ мною на васъ порученій и въ знакъ особаго моего къ вамъ благоволенія, я жалую васъ кавалеромъ императорскаго ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени,

---

[1]) Архивъ штаба второй лейбъ-гвардіи кавалерійской дивизіи.

Библиотека "Руниверс"



Открытіе памятника императору Александру III въ Красномъ Селѣ въ лагерѣ офицерской стрѣлковой школы 8 августа 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваю вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываю къ вамъ монаршею милостью нашею благосклоннымъ. Александръ». 30-го августа 1870 г. [1]).

— «Мы очень любили лагерное время,—говоритъ Скалонъ [2]),— въ особенности первую половину, до пріѣзда государя. Первая половина совпадала съ концомъ весны, съ свѣтлыми ночами и расцвѣтомъ природы. Это было чудное время. Цесаревичъ, великіе князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи проходили службу въ частяхъ войскъ, а въ свободное время посѣщали своего дядю—главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича, ѣздили вмѣстѣ купаться, играли въ кегли, а иногда присутствовали въ театрѣ. Мы очень веселились и продѣлывали разныя шалости, въ особенности во время купанья. Однажды мы притащили въ купальню насосы и обливали другъ друга. Ожидая опоздавшаго адъютанта великаго князя Николая Николаевича Орлова, цесаревичъ взялъ въ руки брандспойтъ и нацѣлился на дверь купальни. Вмѣсто Орлова случайно отворилъ дверь купальни генералъ Тимофеевъ и былъ облитъ съ головы до ногъ. По вечерамъ, когда главнокомандующій уже спалъ, молодые великіе князья любили приходить ужинать съ адъютантами главнокомандующаго. Ужины проходили съ большимъ оживленіемъ».

Цесаревичъ очень любилъ музыку и собиралъ у себя небольшой кружокъ любителей, въ числѣ которыхъ былъ офицеръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка А. А. Берсъ, оставившій интересныя воспоминанія объ оркестрѣ цесаревича.» Однажды музыка не могла состояться по причинѣ моего дежурства по полку,—пишетъ Берсъ [3]).—Узнавъ объ этомъ, цесаревичъ приказалъ смѣнить меня съ дежурства и замѣнить другимъ. Въ то время былъ періодъ царскихъ смотровъ, такъ что покойный государь Александръ Николаевичъ жилъ тоже въ Красномъ Селѣ. Во время нашего отдыха между игрой вдругъ съ шумомъ отворяется дверь, и въ комнату врывается черный сетеръ государя «Милордъ». Цесаревичъ промолвилъ, что, вѣроятно, къ намъ идетъ государь. Мы побросали папироски, привели себя въ должный порядокъ и машинально, точно по командѣ «разбирай ружье», взялись за инструменты, которые лежали по столамъ и стульямъ. Великій князь Владиміръ Александровичъ, сидѣвшій тутъ же въ комнатѣ съ графомъ Владиміромъ Петровичемъ Клейнмихелемъ, всталъ и вмѣстѣ съ цесаревичемъ направился навстрѣчу государю. Его величество подошелъ къ намъ и съ самой добродушною улыбкою, черезъ которую проглядывало

---

[1]) Послужной списокъ наслѣдника цесаревича.

[2]) «Русская Старина», 1909 г.

[3]) «Старина и Новизна», 1900 г.

Библиотека "Руниверс"

не особенно большое довѣріе къ искусству участвующихъ, попросилъ насъ что-нибудь сыграть. Мы всѣ, не исключая и цесаревича, сконфузились и засуетились. Одинъ предлагалъ сыграть одну пьесу, другой—другую, перелистывали тетрадь то вправо, то влѣво и наконецъ, въ суматохѣ, точно нарочно порѣшили сыграть пьесу вовсе некрасивую, которая къ тому же намъ плохо удавалась. Мы ее играли и въ то же время раскаивались въ неудачномъ выборѣ; это былъ старый нѣмецкій полонезъ, который часто играется музыкантами, шляющимися по петербургскимъ дворамъ.

«Во время нашей игры государь не переставалъ добродушно улыбаться, и когда мы кончили, то его величество сказалъ: «Ну, неважно, могло бы быть лучше». За нашу робость и неумѣнье показать товаръ лицомъ мы получили отъ государя то, что на этотъ разъ заслужили, а между тѣмъ у насъ было не мало пьесъ, которыя звучали и стройно, и красиво... Удаляясь изъ комнаты, государь поцѣловалъ и перекрестилъ своихъ дѣтей...»

Въ числѣ постоянныхъ участниковъ септета были слѣдующія лица: цесаревичъ—корнетъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій — альторнъ, графъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ — корнетъ, генералъ Михаилъ Васильевичъ Половцевъ — корнетъ, капитанъ Александръ Александровичъ Берсъ—басъ.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ выступили впередъ требованія маневрированія, и появились болѣе тонкіе строи, занимавшіе огромное пространство, какъ по фронту, такъ и въ глубину, все это сузило красносельское поле и заставило уходить далеко за его предѣлы. Туго прививались новыя требованія ко многимъ изъ строевыхъ начальниковъ; сознательность въ производимыхъ дѣйствіяхъ и примѣненіе устава къ данной обстановкѣ затрудняли ихъ, привыкшихъ къ голымъ формамъ устава, исполнявшимся безъ разсужденій. Вмѣсто линейныхъ ученій, съ ружейными пріемами и небольшими упражненіями въ разсыпномъ строю, производившимися большую часть лагеря, перешли къ обученію маневрированію сначала мелкими частями, а потомъ соединеніемъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. «Великій князь Николай Николаевичъ,—пишетъ генералъ Скалонъ [1]),—особенное вниманіе обратилъ на обученіе стрѣльбѣ артиллеріи, когда всѣ батареи красносельскаго лагеря выстраивались въ одну линію и громили мишени съ заранѣе опредѣленныхъ разстояній».

Вспоминаетъ генералъ Скалонъ маневръ, когда наслѣдникъ командовалъ одной стороной, а великій князь Владиміръ Александровичъ другой. Въ началѣ маневра, чтобы занять впереди лежащія укрѣпленныя мѣста и остановить наступленіе драгунъ, наслѣдникъ выѣхалъ впередъ гусаръ и уланъ, а морской учебной ротой на под-

[1]) «Русская Старина», 1909 г.

Библиотека "Руниверс"

водахъ подъ командой великаго князя Алексѣя Александровича. Казаки открыли это движеніе непріятеля и окружили моряковъ, вслѣдствіе чего великій князь Алексѣй Александровичъ съ ротой попалъ въ плѣнъ.

«На другой день,—пишетъ генералъ Скалонъ,—позавтракавъ послѣ ученія, великій князь Николай Николаевичъ Старшій поѣхалъ на репетицію въ театръ. Вдругъ взвилась ракета, другая, третья, государь поднялъ тревогу. Было два часа дня. Государь раздѣлилъ войска на два отряда и взялъ себѣ большую половину: двѣ гвардейскія дивизіи съ кирасирами, а великому князю назначилъ 37-ю пѣхотную дивизію съ двумя стрѣлковыми батальонами и легкую кавалерію. Великій князь вынесъ на позицію три конныхъ батареи и, осыпавъ огнемъ царскія колонны, ринулся на пѣхоту съ бригадою уланъ и гусаръ, а драгунами и конно-гренадерами атаковалъ правый флангъ государя. Картина была великолѣпная! Государь подкрѣпилъ свои наступавшія части изъ резервовъ и снова повелъ атаку напроломъ. Великій князь подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи перешелъ въ отступленіе, завлекая войска государя въ пространство между лабораторіею, занятою отступавшими стрѣлками, и Кавелахтами, за которыми была скрыта 37-я пѣхотная дивизія. Пустивъ, такимъ образомъ, сторону государя на центръ войскъ великаго князя, неожиданно открылъ огонь по всему кряжу Кавелахтскихъ высотъ и повелъ атаку съ фронта и фланговъ. Войска сошлись, началась путаница, и государь далъ отбой.

VI.

Въ 1872 году цесаревичъ былъ высочайше утвержденъ въ званіи начальника первой гвардейской пѣхотной дивизіи. Вмѣсто генерала Дрентельна, получившаго другое назначеніе, состоять при цесаревичѣ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Чертковъ.

Ближе узнавши Александра Романовича Дрентельна, цесаревичъ за послѣдніе два года совершенно перемѣнился къ нему и, оцѣнивъ его добрую душу и серьезное отношеніе къ службѣ, сталъ уважать его.

Послѣ высочайшаго смотра 7-го іюля 1872 года цесаревичъ отправилъ изъ Краснаго Села слѣдующую телеграмму генералу Дрентельну:

«Вчера государь осмотрѣлъ бывшую вашу дивизію, и, благодаря вамъ, дивизія оказалась, какъ всегда, великолѣпной. Вспоминали васъ съ Николаемъ Николаевичемъ, что васъ сильно недостаетъ между нами. Отъ души жму вашу руку».

«Александръ».

Библиотека "Руниверс"

А на другой день, 9-го іюля, цесаревичъ писалъ письмо:

«Любезный Александръ Романовичъ. Позвольте мнѣ поднести вамъ на память мой портретъ въ измайловскомъ мундирѣ [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ поблагодарить васъ за все то время, которое мы прослужили съ вами, и за всѣ совѣты по командованію дивизіей. Благодаря вамъ, я получилъ дивизію въ блестящемъ состояніи, и мнѣ остается только, по мѣрѣ моихъ силъ и способностей, продолжать вести такъ мою дивизію, чтобы государь и великій князь Николай Николаевичъ были ею всегда довольны, и чтобы она, по возможности, была бы всегда первой по всей русской арміи. Какъ вы уже знаете изъ моей телеграммы, государь остался очень доволенъ нашимъ дивизіоннымъ ученіемъ, равно и второю дивизіею. Вообще лагерь достался нынѣшній годъ тяжелый, но зато, слава Богу, недолгій, и 17-го числа все кончится вмѣстѣ съ большими маневрами. Къ моему великому прискорбію, меня назначили командовать одной стороной на большихъ маневрахъ, и я не знаю еще, какъ справлюсь съ этимъ назначеніемъ».

«Я очень прошу васъ, любезный Александръ Романовичъ, прислать мнѣ тоже свой фотографическій портретъ, потому что у меня еще нѣтъ ни одного вашего портрета.

«Теперь еще разъ отъ души благодарю за все счастливое время, которое мы провели вмѣстѣ, и желаю вамъ такъ же счастливо продолжать вашу службу, какъ до сихъ поръ. Можетъ быть, мы увидимся въ нынѣшнемъ году въ вашемъ округѣ [2]); итакъ, до свиданія, любезный Александръ Романовичъ. Искренно любящій и уважающій васъ Александръ» [3]).

Маневръ, о которомъ упоминаетъ цесаревичъ въ приведенномъ письмѣ, происходилъ подъ Краснымъ Селомъ съ 13-го по 17-ое іюля въ высочайшемъ присутствіи. Цесаревичъ командовалъ восточнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 28 батальоновъ, 18 эскадроновъ и 66 орудій. Начальникомъ штаба въ отрядѣ цесаревича былъ полковникъ Лавровъ. Противоположной стороной командовалъ начальникъ первой гвардейской кавалерійской дивизіи генералъ-адъютантъ князь Голицынъ. Задачей восточному корпусу, расположенному у Тосно, было поставлено—занять Красное Село и оттѣснить противника къ Ропшѣ [4]). Маневръ вышелъ удачный, и государь благодарилъ войска.

Въ этомъ же году цесаревичъ уѣхалъ въ Петергофъ, а оттуда въ Данію.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ командовалъ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ и ему былъ пожалованъ мундиръ этого полка.

[2]) Генералъ Дрентельнъ получилъ назначеніе командующаго войсками кіевскаго военнаго округа.

[3]) Изъ бумагъ покойнаго генерала Дрентельна. Сообщилъ В. В. Жерве.

[4]) «Русскій Инвалидъ», 1872 года.

Библиотека "Руниверс"

Во все время командованія дивизіею не было случаевъ выраженія неудовольствія цесаревичемъ; отъ низшаго до высшаго все тянулось и подтягивалось. Руководя строевыми занятіями дивизіи, цесаревичъ въ своихъ приказахъ даетъ цѣлый рядъ указаній о порядкѣ производства этихъ занятій, составляетъ задачи для упражненій въ маневрированіи и особенно обращаетъ вниманіе на примѣненіе къ мѣстности, какъ къ наиболѣе надежной защитѣ отъ губительнаго огня [1]). Кромѣ строевыхъ занятій, цесаревичъ весьма внимательно слѣдилъ и за перепиской по дѣламъ дивизіи. Перечитывая всѣ входящія бумаги, цесаревичъ собственноручно дѣлалъ помѣтки. Такъ, на одной бумагѣ сохранилась слѣдующая помѣтка рукой цесаревича: «Я рѣдко читалъ бумагу, составленную менѣе основательно и болѣе небрежно. 19-го апрѣля 1870 года».

Однажды, во время маневровъ, цесаревичу захотѣлось пить, и онъ подъѣхалъ къ разносчику съ сѣдой бородой, оказавшемуся маркитантомъ одного изъ гвардейскихъ полковъ, слѣзъ съ коня и потребовалъ сельтерской воды. «Сколько тебѣ лѣтъ?» спросилъ цесаревичъ.—«А вотъ, должно быть, за семьдесятъ перевалило», отвѣчалъ разносчикъ. «А что ты дѣлаешь, что такъ долго живешь; вѣрно, не пьешь водки?» сказалъ цесаревичъ.—«Нѣтъ, ваше высочество, пью водку, оттого и живу долго»,—отвѣчалъ разносчикъ. Наслѣдникъ засмѣялся и сказалъ: «Странно, это новый способъ для долгожитія» [2]).

Въ 1874 году цесаревичъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и въ генералы-отъ-кавалеріи, съ назначеніемъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

Разставаясь съ первой гвардейской дивизіей, цесаревичъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Высочайшимъ приказомъ въ 30-й день минувшаго августа, я назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

«Какъ ни лестно мнѣ это новое доказательство монаршаго ко мнѣ довѣрія, но не могу безъ сожалѣнія думать, что я больше не начальникъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи. Утѣшаю себя тѣмъ, что дивизія входитъ въ составъ ввѣреннаго мнѣ корпуса.

«Со дня рожденія считаюсь я въ первой гвардейской пѣхотной дивизіи, въ рядахъ вашихъ я началъ служебное поприще и горжусь тѣмъ, что навсегда останусь считаться товарищемъ вашимъ.

«Отдѣльныхъ благодарностей я никому въ этомъ приказѣ не отдаю, мнѣ пришлось бы упомянуть о всѣхъ генералахъ, штабъ- и оберъ-офицерахъ, въ дивизіи находящихся. Заодно и имъ отъ всей души благодарю и васъ, начиная отъ моего помощника до послѣдняго рядового родной мнѣ дивизіи—это за добросовѣстность, съ

---

[1]) Архивъ штаба 1-й гвардіи дивизіи.

[2]) Разсказъ свидѣтеля этого случая.

Библиотека "Руниверс"

которою каждый изъ васъ относился къ своему долгу, за то вѣрное и глубокое пониманіе долга, составляющее лучшее доказательство высокаго моральнаго уровня чиновъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи.

«Сдаю васъ брату и не сомнѣваюсь, что, сойдясь съ вами ближе, онъ такъ же, какъ и я, будетъ васъ любить и уважать. Генералъ-адъютантъ Александръ» [1]).

Штабъ цесаревича, по званію командира гвардейскаго корпуса, состоялъ изъ начальника штаба, генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, генеральнаго штаба подполковника Гудимъ-Левковича, капитана Скугаревскаго, штабсъ-капитана барона Криденера и капитана Скордули. Слѣдуемое по должности командира корпуса содержаніе цесаревичъ оставлялъ въ штабѣ корпуса, въ видѣ особаго капитала, изъ котораго всѣмъ чинамъ штаба выдавались вторыя столовыя деньги и пособія офицерамъ корпуса. Особую помощь этотъ капиталъ доставилъ штабу корпуса при мобилизаціи въ 1877 году [2]).

О проведенномъ лѣтѣ цесаревичъ самъ разсказывалъ, что все лѣто прошло въ лагерѣ, гдѣ онъ командовалъ всѣми войсками, собранными подъ Краснымъ Селомъ. Все прошло благополучно, и государь всѣмъ былъ доволенъ. На маневрахъ наслѣдникъ сражался противъ великаго князя Владимира Александровича, причемъ маневръ выигралъ цесаревичъ. «Все шло такъ плавно и хорошо» [3]),—сказалъ наслѣдникъ. На этомъ маневрѣ при наслѣдникѣ состоялъ прибывшій съ Кавказа генералъ князь Меликовъ, который исполнялъ нѣкоторыя порученія. Въ этомъ году дворъ былъ въ Гатчинѣ, гдѣ давали спектакли, на которые приглашались старшіе чины маневрировавшихъ войскъ. Погода во все время маневровъ была чудная, что, конечно, немало способствовало общему оживленію. Во время лагеря въ красносельскомъ театрѣ два раза въ недѣлю давали спектакли, которые любилъ посѣщать цесаревичъ. Однажды давали оперетку, тогда только что поставленную «La belle Hélène». Актеръ Озеровъ игралъ Калхаса, Сазоновъ—Париса, а Лядова—прекрасную Елену. Цесаревичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и такъ весело хохоталъ, что своею веселостью заразилъ весь театръ. Смѣхъ цесаревича ободрилъ актеровъ, которые вошли въ свои роли и безъ стѣсненія играли такъ весело, что сцена и зрители понимали другъ друга и смѣялись отъ души. Это былъ рѣдкій спектакль, веселье котораго нельзя забыть [4]).

За руководство лагернымъ сборомъ цесаревичу была выражена «искренняя высочайшая государя императора благодарность».

---

[1]) Архивъ штаба первой гвардейской пѣхотной дивизіи.

[2]) Изъ неизданныхъ записокъ А. П. Скугаревскаго.

[3]) Архивъ министерства двора.

[4]) Воспоминанія автора.

Библиотека "Руниверс"

Благодарность эту цесаревичъ раздѣлилъ между своими сотрудниками и, приказомъ по корпусу, благодарилъ: начальника первой гвардейской пѣхотной дивизіи великаго князя Владимира Александровича, начальниковъ дивизій—второй гвардейской пѣхотной генералъ-адъютанта Дена, 22-й пѣхотной—генералъ-лейтенанта Романова, 24-й пѣхотной—генералъ-адъютанта князя Барклай-де-Толи-Веймарна, первой гвардейской кавалерійской дивизіи генералъ-адъютанта князя Голицына, второй гвардейской кавалерійской дивизіи—генералъ-адъютанта графа Мусина-Пушкина, начальника артиллерійскаго корпуса генерала Жуковскаго и начальниковъ военныхъ училищъ: генераловъ Винберга, Демьяненкова, Пригоровскаго, Анчутина и Кондзеровскаго.

Вступивъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, цесаревичъ сразу проявилъ нѣкоторыя черты своего характера. Онъ всѣмъ говорилъ «вы» и не допускалъ цѣлованія въ плечо, когда, въ знакъ благодарности, подавалъ руку. Обычаи эти съ обращеніемъ къ подданнымъ на «ты», укоренившіеся въ прежнія царствованія, продолжали практиковаться по послѣднихъ дней жизни императора Александра II.

По окончаніи одного маневра цесаревичъ собралъ начальниковъ частей и, сдѣлавъ нѣкоторыя указанія по ходу маневра, благодарилъ начальника первой гвардейской кавалерійской дивизіи князя Голицына и подалъ ему руку. Князь Голицынъ близко подъѣхалъ къ лошади цесаревича и, нагнувшись, хотѣлъ поцѣловать цесаревича въ плечо, но наслѣдникъ съ силой пожалъ ему руку и удержалъ отъ поцѣлуя въ плечо, сказавъ: «Прошу васъ, не дѣлайте этого» [1]).

Въ 1875 году, въ серединѣ лѣта, какой-то авантюристъ, съ разрѣшенія штаба, устроилъ въ Красномъ Селѣ народное гулянье съ безпроигрышною лотереею, на лугу между фабрикой Печаткина и госпиталемъ, съ платою по 20 копѣекъ съ человѣка.

Понятно, что объявленіе о такой приманкѣ собрало огромную толпу народа и солдатъ. Съ началомъ гулянья толпа эта еще болѣе увеличилась публикой, прибывшей съ поѣздами желѣзной дороги. Гулянье было въ полномъ разгарѣ; музыка играла, пѣсенники пѣли; народъ прибывалъ, и около разставленныхъ палатокъ, гдѣ должны лежать выигрышныя вещи, сконилось очень много народа и солдатъ. Начались шутки и остроты, а потомъ толпа стала просить начать лотерею.

Между тѣмъ оказалось, что вещи для лотереи еще не прибыли, такъ какъ везлись изъ Петрограда на подводахъ. Когда толпа узнала, что вещей нѣтъ, то подумала, что ее обманули, и начала роптать, потомъ шумѣть, кричать, ругаться и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, дошла и до буйства, разломала стойки, порвала палатки,

---

[1]) Воспоминанія автора.

Библиотека "Руниверс"

побила распорядителей и ихъ приказчиковъ. Вдругъ въ толпѣ раздались крики: «Пойдемъ жаловаться къ цесаревичу». Дали знать начальнику штаба округа графу Шувалову, который, видя серьезность положенія, распорядился послать за дежурною частью войскъ, а самъ, во главѣ со своимъ штабомъ, въѣхалъ въ толпу и началъ уговаривать ее разойтись, обѣщая всѣмъ на другой день возвратить деньги или отдать вещи. Всѣми этими дѣйствіями удалось понемногу успокоить толпу и остановить ее на дорогѣ ко дворцу наслѣдника, который съ своего балкона видѣлъ все происходившее и благодарилъ графа Шувалова за его распорядительность и энергію. Къ ночи пришли подводы съ вещами и на другой день ихъ роздали народу и солдатамъ по предъявленіи билетовъ.

Съ тѣхъ поръ никакихъ лотерей и народныхъ гуляній въ Красномъ Селѣ не было. Дѣйствительно, лагерный сборъ назначается для серьезной подготовки войскъ, а не для народныхъ развлеченій.

VII.

Въ августѣ 1871 года происходилъ маневръ въ окрестностяхъ д. Парголова, гдѣ была расположена 1-я гвардейская пѣхотная дивизія. 6-го августа былъ назначенъ парадъ л.-гв. Преображенскому полку по случаю его полкового праздника. Наканунѣ вечеромъ прибыли на станцію Финляндской ж. дороги императрица, великая княжна Марія Александровна, король эллиновъ и великіе князья Сергѣй и Павелъ Александровичи. Государь, цесаревичъ и великіе князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ съ свитою верхомъ встрѣчали ихъ на станціи Левашево. Прямо со станціи царскій кортежъ отправился къ расположеннымъ бивакомъ войскамъ, около мызы «Осиновая Роща», гдѣ были встрѣчены восторженными кликами «ура». Весь бивакъ освѣтился бенгальскими огнями, музыка играла, пѣли пѣсни, и царскій поѣздъ прослѣдовалъ на дачу гр. Левашева, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для ночлега царской семьи. Вечеромъ на дачѣ «Осиновая Роща» былъ раутъ, на который были приглашены свита и командиры расположенныхъ вблизи частей войскъ южнаго корпуса. 6-го августа былъ произведенъ церковный парадъ, на который прибыли августѣйшіе гости. Послѣ парада государь, императрица, цесаревна, король эллиновъ, принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская и всѣ великіе князья отправились на завтракъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Послѣ завтрака августѣйшіе гости катались по живописнымъ окрестностямъ д. Парголова, а затѣмъ въ 5 часовъ состоялся въ высочайшемъ присутствіи обѣдъ на дачѣ графа Левашева, къ которому приглашены были всѣ офицеры л.-гв. Преображенскаго полка, свиты и всѣ начальники частей. На другой

Библиотека "Руниверс"

день манервы продолжались, а августѣйшіе гости уѣхали въ Царское Село.

Въ 1874 г. государь объѣзжалъ лагерь и показывалъ австрійскому принцу Альбрехту лагерное расположеніе войскъ. Произведена была заря съ церемоніей, а на другой день состоялся парадъ на Военномъ полѣ. Въ этомъ же году, по окончаніи развода л.-гв. Измайловскому полку государь съ эрцгерцогомъ австрійскимъ проѣхали по передней линейкѣ лагеря, и, доѣхавъ до расположенія л.-гв. Семеновскаго полка, государь приказалъ бить тревогу и произвелъ маневръ на Военномъ полѣ. На большихъ маневрахъ, которые начались 30-го іюля этого года, прибывшій съ Кавказа великій князь Михаилъ Николаевичъ командовалъ отрядомъ противъ великаго князя Николая Николаевича.

25-го іюля на Военномъ полѣ происходило въ высочайшемъ присутствіи ученье всей кавалеріи подъ начальствомъ великаго князя Николая Николаевича. Какъ только государь замѣтилъ приближеніе императрицы, которая вмѣстѣ съ цесаревной и великими княжнами подъѣхала къ войскамъ, принялъ на себя начальствованіе всей кавалеріей, отсалютовалъ саблей императрицѣ и подалъ ей строевой рапортъ.

Въ 1875 году посѣтилъ Красносельскій лагерь шведскій король, который смотрѣлъ церемонію зари и слушалъ громадный оркестръ музыки всѣхъ лагерныхъ хоровъ. Въ этомъ же году посѣтили Красное Село великая княгиня Марія Александровна и герцогъ Эдинбургскій, который присутствовалъ на тревогѣ, произведенной государемъ. На большихъ маневрахъ этого года наслѣдникъ командовалъ отрядомъ противъ великаго князя Владимира Александровича.

Въ 1876 году, во время лагеря, 30-го іюля, послѣ обѣдни государь произвелъ маневръ у Павловской слободы Краснаго Села. Послѣ отбоя государь вызвалъ л.-гв. Павловскій полкъ и передъ фронтомъ его произнесъ рѣчь, въ которой напомнилъ, что 50 лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, семилѣтнимъ ребенкомъ, онъ былъ поставленъ императоромъ Николаемъ I во фронтъ этого полка, назначенъ шефомъ павловцевъ. Теперь онъ такимъ же образомъ ставитъ во фронтъ своего старшаго семилѣтняго внука. Съ этими словами, взявъ за руку великаго князя Николая Александровича, бывшаго въ мундирѣ л.-гв. Павловскаго полка, государь поставилъ его во фронтъ роты его величества, скомандовавъ ротѣ: «слушай на караулъ». При этомъ присутствовали наслѣдникъ, цесаревна, великая княгиня Марія Павловна и всѣ великіе князья, находившіеся въ лагеряхъ. Въ разбитыхъ шатрахъ, тутъ же въ полѣ, былъ приготовленъ завтракъ, на который были приглашены всѣ офицеры л.-гв. Павловскаго полка, всѣ начальники частей и свита. Когда подали шампанское, государь провозгласилъ тостъ за л.-гв. Павловскій полкъ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ маневры продолжались въ присутствіи государя. Когда по окончаніи маневровъ войска собрались на Военное поле, государь пропустилъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Настроеніе было сильно приподнятое; всѣ были полны извѣстіями изъ Турціи; ожидался разрывъ дипломатическихъ отношеній. По окончаніи парада государь приказалъ собраться всѣмъ офицерамъ и среди нихъ впервые торжественно сказалъ, что ему дорога честь Россіи, что усиліями его не удалось сохранить миръ, что самъ онъ желаетъ мира, «но—прибавилъ государь—если будетъ задѣта честь страны, то полагается онъ на вѣрную и храбрую армію»[1]). Восторженно были приняты эти слова и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ провожали криками «ура» отъѣзжавшаго государя.

Насталъ 1877 годъ, и обычные участники Красносельскаго лагеря приняли участіе въ русско-турецкой войнѣ. На поляхъ Болгаріи съ честью и славой примѣнили они на дѣлѣ все то, что долго и добросовѣстно изучали въ мирное время. Показная смотровая сторона на службѣ войскъ въ Красномъ Селѣ не мѣшала имъ совершенствоваться въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ и достигать блестящихъ результатовъ, доказательствомъ чему служатъ побѣдоносныя дѣла нашей доблестной гвардіи и войскъ округа въ турецкую войну. Боевой опытъ направилъ ея дальнѣйшіе труды по новому пути, и Красное Село явилось свидѣтелемъ болѣе совершенныхъ способовъ обученія нашей арміи.

Въ 1879 году 12 іюля исполнилось 40-лѣтіе со времени назначенія государя командиромъ л.-гв. Преображенскаго полка въ 1839 году. По этому случаю его величество прибылъ въ Красное Село и произвелъ церковный парадъ л.-гв. Преображенскому полку. На этомъ парадѣ государь самъ командовалъ полкомъ и провелъ полкъ церемоніальнымъ маршемъ мимо присутствовавшей на парадѣ цесаревны, которой салютовалъ саблей. Послѣ парада состоялся завтракъ въ офицерской столовой полка въ присутствіи государя, который въ память этого знаменательнаго дня пожаловалъ всѣмъ офицерамъ серебряные стаканы. Послѣ тоста государя наслѣдникъ провозгласилъ тостъ за перваго шефа полка.

Въ 1879 году цесаревичъ пробылъ весь лагерный сборъ въ Красномъ Селѣ. Вставалъ онъ около 8 часовъ утра, а въ 9 ч. ежедневно съ небольшой свитой отправлялся въ объѣздъ по лагерю на ученья войскъ; при этомъ его высочество заходилъ часто на войсковыя кухни, гдѣ пробовалъ солдатскую пищу. Утренніе объѣзды наслѣдника продолжались до 12 часовъ, когда цесаревичъ возвращался во дворецъ къ завтраку. Послѣ завтрака онъ принималъ доклады начальника штаба, каковымъ послѣ войны 1877—78 г.г. назначенъ былъ свиты его величества генералъ-майоръ Розенбахъ. Графъ Во-

---

[1]) Газета «Голосъ» 1876 года.

Библиотека "Руниверс"

ронцевъ-Дашковъ получилъ въ командованіе 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію.

Въ 2 часа цесаревичъ снова выѣзжалъ на ученье войскъ и продолжалъ объѣздъ до 6 часовъ вечера. По вечерамъ у наслѣдника собирались его адъютанты и приглашенныя лица, составлялись партіи для игры въ карты или для игры въ кегли, что очень любилъ цесаревичъ. И такъ проходилъ вечеръ, если цесаревичъ не уѣзжалъ въ Петергофъ. Во время одного изъ своихъ объѣздовъ лагеря цесаревичъ заѣхалъ въ лагерь учебнаго батальона, гдѣ тогда жилъ великій князь Сергѣй Александровичъ, и съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ въ 1864 году онъ жилъ, будучи прикомандированъ къ этому батальону.

До сего времени войска маневрировали или противъ мнимаго, воображаемаго противника, или противъ отрядовъ войскъ. Но для малыхъ частей было неудобно отдѣлять часть войскъ для противной стороны, а первый способъ не даетъ никакой практики для иниціативы. Сознавая такое неудобство въ обученіи войскъ, цесаревичъ придумалъ употребленіе обозначеннаго противника, который, имѣя отдѣльнаго начальника, могъ, посредствомъ людей съ флагами, маневрировать совершенно самостоятельно. Иногда, для обозначенія артиллеріи, придавали обозначенному противнику одно или два орудія. Первоначально были обучены дѣйствію съ обозначеннымъ противникомъ два батальона л.-гв. Павловскаго полка, а затѣмъ, къ высочайшему смотру, была подготовлена вся гвардейская дивизія.

Присутствовавшій на подготовительныхъ ученіяхъ фельдмаршалъ Гурко призналъ этотъ способъ обученія войскъ весьма практичнымъ и высказалъ цесаревичу свой взглядъ, добавивъ: «Какъ я буду радъ, если этотъ смотръ понравится государю и послѣдуетъ высочайшее повелѣніе на введеніе этого чрезвычайно полезнаго пособія въ правильномъ направленіи полевого обученія нашей славной арміи». Дѣйствительно, смотръ понравился государю, который своимъ военнымъ чутьемъ сразу оцѣнилъ эту полезную мѣру и утвердилъ введеніе въ обученіе войскъ обозначеннаго противника. Развитіе этого обученія принесло много пользы и дало прекрасные результаты [1]).

VIII.

Въ 1880 году, 1 іюля, въ день 50-лѣтія зачисленія государя въ списки Кавалергардскаго полка, въ Красномъ Селѣ происходилъ церковный парадъ, на которомъ полкъ былъ выстроенъ въ конномъ строю подъ командою командира полка, графа А. П. Игнатьева. На парадѣ присутствовали: наслѣдникъ, который, какъ второй шефъ

[1]) Разсказъ генерала Розенбаха.

Библиотека "Руниверс"

полка, былъ впереди полка, цесаревна, великія княгини Марія Павловна и Марія Александровна, принцесса Евгенія Максимиліановна, великіе князья—Николай Николаевичъ, Константинъ Николаевичъ, Владимиръ Александровичъ и др. Для присутствовавшихъ августѣйшихъ дамъ полкомъ была устроена ложа, изъ которой онѣ могли хорошо видѣть всю церемонію. Передъ молебномъ государь самъ принялъ командованіе полкомъ и при церемоніальномъ маршѣ ѣхалъ впереди полка и салютовалъ цесаревнѣ. Послѣ парада были поставлены столы для обѣда нижнихъ чиновъ, и государь поднялъ чарку за здоровье полка, а наслѣдникъ провозгласилъ тостъ за здоровье полка. Командиръ полка поднялъ чарку за здоровье второго шефа полка, государя наслѣдника цесаревича. Въ этотъ день, по случаю траура по императрицѣ Маріи Александровнѣ, никакихъ увеселеній не было. Всѣ офицеры полка, какъ и прежде служившіе въ полку, были приглашены къ царскому завтраку въ столовой палаткѣ. При отъѣздѣ государя съ парада офицеры Кавалергардскаго полка съ командиромъ во главѣ сопровождали верхомъ государя и наслѣдника до дворца. День закончился въ полковомъ собраніи, гдѣ былъ товарищескій ужинъ. Никто изъ великихъ князей по случаю траура на этотъ ужинѣ не былъ.

Кавалергардскіе офицеры и прежде служившіе въ полку поднесли государю серебряную группу, изображающую покойнаго шефа полка, императрицу Александру Ѳеодоровну, на постаментѣ изъ краснаго порфира, окруженную фигурами кавалергардовъ. Группа эта до сихъ поръ стоитъ въ одной изъ залъ Царскосельскаго дворца.

Послѣ кавалергардскаго парада наслѣдникъ съ цесаревной 2 іюля вновь выѣхали въ Гапсаль, гдѣ оставались ихъ августѣйшія дѣти, и прожили тамъ до 13 августа, когда цесаревичъ былъ вызванъ государемъ въ Царское Село.

Черезъ три дня по возвращеніи изъ Гапсаля цесаревичъ былъ назначенъ командующимъ войсками гвардіи и петроградскаго военнаго округа. Высочайшій приказъ объ этомъ послѣдовалъ 17 августа. Командиромъ же гвардейскаго корпуса назначенъ былъ великій князь Владимиръ Александровичъ, который былъ въ это время за границей.

Несмотря на такое высокое назначеніе, цесаревичъ не пожелалъ сдавать гвардейскій корпусъ никому, кромѣ какъ вновь назначенному командиру, и продолжалъ командовать и округомъ и корпусомъ до возвращенія великаго князя Владимира Александровича.

Великій князь возвратился въ Петроградъ 17 ноября 1880 года, а 18 числа цесаревичъ отдалъ слѣдующій приказъ по гвардейскому корпусу за № 31: «Высочайшимъ приказомъ 17 августа я назначенъ командующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа. Какъ ни лестно мнѣ это новое доказательство монаршаго ко

Библиотека "Руниверс"

мнѣ довѣрія, я, однакоже, съ искреннимъ сожалѣніемъ оставляю командованіе дорогимъ для меня гвардейскимъ корпусомъ, въ рядахъ котораго я началъ службу, съ коимъ я вполнѣ сроднился и который я искренно полюбилъ.

«Утѣшаю себя тѣмъ, что гвардія входитъ въ составъ высочайше ввѣренныхъ мнѣ войскъ, и я съ нею не разстанусь.

«Командуя корпусомъ 6 лѣтъ, я былъ постоянно свидѣтелемъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія всѣми чинами служебнаго долга, безпредѣльной преданности и любви къ возлюбленному монарху и непоколебимой дисциплины.

«Призванный во время минувшей войны государемъ императоромъ къ оружію, гвардейскій корпусъ оказался вполнѣ достойнымъ своей прежней славы и вызвалъ общее удивленіе къ подвигамъ.

«Передавая нынѣ дорогой мнѣ корпусъ брату моему, его императорскому высочеству великому князю Владиміру Александровичу, я уношу твердую увѣренность, что тотъ же доблестный духъ сохранится навсегда во всѣхъ частяхъ его.

«Искренно благодарю начальниковъ дивизій, бригадъ и полковыхъ командировъ за ихъ плодотворную дѣятельность и всѣхъ г.г. офицеровъ за ихъ усердные труды.

«Мое душевное спасибо нижнимъ чинамъ за ихъ молодецкую службу и доброе поведеніе.

«Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и командахъ. Генералъ-адъютантъ Александръ».

Съ назначеніемъ цесаревича на должность командующаго войсками его высочество неоднократно заявлялъ военному министру о своемъ желаніи имѣть начальникомъ штаба округа генерала Розенбаха, но по разнымъ причинамъ это назначеніе не могло долго состояться. Тогда цесаревичъ настойчиво обратился къ графу Милютину и сказалъ: «Когда же вы дадите мнѣ Розенбаха?» Тогда графъ Милютинъ сообщилъ бывшему тогда начальникомъ штаба округа свѣтлѣйшему князю Имеретинскому о рѣшеніи цесаревича назначить генерала Розенбаха начальникомъ своего штаба, и тотъ немедленно подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности [1]), и Розенбахъ былъ назначенъ. Впослѣдствіи онъ былъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а князь Имеретинскій—командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

Красное Село, предназначенное для боевой подготовки нашихъ войскъ, на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ имѣло, въ сущности, болѣе значительную роль, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. На его поляхъ проходили свою практическую военную

---

[1]) «Русская Старина», 1907 г. П. А. Паренсовъ.

Библиотека "Руниверс"

школу будущіе государи Россіи и особы царствующаго дома, здѣсь отборныя части нашей доблестной арміи раньше всѣхъ прочихъ проводили въ жизнь всѣ усовершенствованія и изобрѣтенія военнаго дѣла, здѣсь они много разъ представлялись не только своимъ верховнымъ вождямъ, но и государямъ Европы, укрѣпляя въ нихъ чувство уваженія къ вооруженнымъ силамъ могущественной Россіи.

Можно безошибочно сказать, что Красное Село занимаетъ не послѣднее мѣсто среди тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ совершались или незамѣтно подготовлялись многія событія въ исторіи Россіи, что не всегда отмѣчалось въ ея лѣтописяхъ или было неизвѣстно среди широкой публики. Многіе не знаютъ, напримѣръ, что именно здѣсь, въ Красномъ Селѣ, лѣтомъ 1819 года, послѣ ученья бригады, которою командовалъ великій князь Николай Павловичъ, произошелъ откровенный разговоръ съ нимъ и императоромъ Александромъ Павловичемъ о престолонаслѣдіи, поразившій будущаго государя, въ то время занимавшаго лишь скромную должность бригаднаго командира. Присмотрѣвшись къ своему младшему брату, какъ къ военачальнику, Александръ I подмѣтилъ въ немъ твердую волю и другія черты характера, необходимыя для будущаго правителя Россіи, и, оставшись довольнымъ командованіемъ войсками, порученными Николаю Павловичу, откровенно высказалъ ему свою радость по поводу хорошаго исполненія имъ своихъ обязанностей, такъ какъ на немъ современемъ будетъ лежать большое бремя [1])...

Въ Красномъ Селѣ получилъ свое военное образованіе бывшій главнокомандующій въ войну съ Турціей великій князь Николай Николаевичъ Старшій, такъ побѣдоносно окончившій войну съ Турками и создавшій Болгарское княжество.

Не дальше, какъ лѣтомъ 1914 года, въ Красномъ Селѣ происходило важное совѣщаніе по поводу возможности военныхъ дѣйствій съ нашими теперешними врагами. Въ это же время представители дружественныхъ намъ державъ, Англіи и Франціи, во главѣ съ президентомъ Пуанкарэ, посѣтили Красносельскій лагерь наканунѣ первыхъ выстрѣловъ на поляхъ сраженій нынѣшней великой войны. Верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ Младшій тоже учился и самъ училъ красносельскія войска, подобно своему августѣйшему отцу, къ побѣдамъ и славѣ.

Красное Село могло бы разсказать многое изъ своего прошлаго и поднять завѣсу надъ этимъ прошлымъ, и поэтому будемъ желать, чтобы нашлись будущіе изслѣдователи своеобразной и интересной исторіи Краснаго Села.

Е. Каменскій.

---

[1]) Н. Шильдеръ. «Императоръ Александръ I».

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Мемуары кн. Л. Сапѣги. Предисловіе графа Ст. Тарновскаго. Вступительная статья Б. Павловскаго. Переводъ Л. Круковской. Кн-во «Прометей». Птр. 1916 г.

Къ числу мемуаровъ, изданіе которыхъ стало замѣтно развиваться въ послѣднее время, относятся и записки замѣтнаго польско-галицкаго дѣятеля князя Л. Сапѣги. По обычаю первой половины XIX ст. мемуары Сапѣги адресованы дѣтямъ мемуариста, но, конечно, содержаніе записей разсчитано на посторонняго читателя.

Мемуары князя Сапѣги раздѣлены на четыре неравныя части: въ первой описано то, чему князь свидѣтелемъ въ жизни былъ, съ 1803 по 1830 г.г., во второй—событія съ 1831 по 1846 г.г., въ 3-ей—съ 1846 по 1848 г. и въ послѣдней съ 1849 по 1863 г.г. Въ первой части мы находимъ отрывочныя данныя о родственникахъ и знакомыхъ семьи Сапѣги; описаны отдѣльные, ничего характернаго не представляющіе эпизоды изъ жизни этихъ родственниковъ; переданы кое-какія анекдотическія свѣдѣнія, напримѣръ, о князѣ Авг. Яблоновскомъ, мечтавшемъ гдѣ-то и когда-то основать запорожское герцогство, но до того спившемся (стр. 54); сообщены сплетни о взяточничествѣ министра финансовъ графа Гурьева и великаго князя Константина (стр. 77) и прочее. Князь ни надъ чемъ не задумывается, онъ скользитъ по жизни. Даже о юношескихъ годахъ у него не находится сказать чего-нибудь. Говоря объ образованіи своемъ въ варшавскомъ лицеѣ, князь Сапѣга ни словомъ не обмолвился ни о профессорахъ, ни о системѣ преподаванія, ни о порядкахъ, ни о нравахъ студенчества своего времени, а въ то же время мемуаристъ находитъ возможнымъ говорить о неизвѣстныхъ ни ему, ни кому другому вещахъ, напри-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ, объ изгнаніи изъ Крыма Екатериной II татаръ (стр. 66), выселеніи запорожцевъ на Уралъ и заселеніи «вольностей» старовѣрами (стр. 67) и прочее. Несмотря на все это, въ мемуарахъ все-же находятся подчасъ очень интересныя свѣдѣнія Къ числу ихъ нужно отнести новыя данныя о декабристахъ. О существованіи заговора, имѣющаго въ виду coup d'état въ Россіи, князь Сапѣга узналъ отъ генерала Витта. До сихъ поръ считалось, что заговорщики 1825 года были обличены Шервудомъ и Майбородой. Сапѣга увѣряетъ, что генералъ Витта игралъ такую же роль, только болѣе тонко. Витта зналъ нѣкоторыхъ участниковъ декабрьскаго возстанія, но, видимо, желалъ по возможности шире охватить заговоръ. Съ этой цѣлью онъ заявлялъ, что, узнавъ о смерти императора Александра I, онъ со своимъ корпусомъ пойдетъ на Кіевъ и овладѣетъ тамошнимъ арсеналомъ (стр. 69). Сапѣга понялъ Витта и уклонился отъ подобныхъ разговоровъ. Видимо, нашъ мемуаристъ вообще не сочувствовалъ заговору, хотя и знакомъ былъ съ Раевскимъ и Волконскимъ и зналъ о пріѣздѣ изъ Варшавы князя Яблоновскаго и Кржижановскаго по дѣлу о переговорахъ съ будущими декабристами (стр. 78—79). Возможно, что и князя избѣгали и не посвящали въ тайну. Характерно, что Сапѣга не зналъ о существованія Stowarzyszenia Kosynierow, филаретовъ зналъ только по наслышкѣ, о студентѣ Закѣ ему ничего не было извѣстно, вообще же преслѣдованіе тайныхъ обществъ въ Россіи князь считалъ продиктованнымъ Меттернихомъ (стр. 72). Какъ бы то ни было, но бунтъ декабристовъ состоялся, причемъ въ него замѣшанъ былъ кое-кто изъ поляковъ и даже пострадало нѣсколько человѣкъ (стран. 95—96), по приговору сеймоваго суда. (Сеймовый судъ князь Сапѣга ошибочно считалъ незаконнымъ явленіемъ но въ дѣйствительности и по конституціи sprawy o szbrodnie stanu должны были подлежать именно сеймовому сенаторскому суду).

Изъ интересныхъ подробностей, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи, слѣдуетъ отмѣтить еще такія. Недоразумѣнія между императоромъ Александромъ I и великимъ княземъ Константиномъ вызваны были княземъ Чарторыйскимъ, старавшимся разссорить братьевъ (стран. 93). Пикантныя подробности сообщены о первой турецкой войнѣ при императорѣ Николаѣ I. Оказывается, что хотя въ достаточномъ количествѣ были заготовлены въ Россіи и пушки и снаряды, но снаряды не подходили къ орудіямъ (стран. 108), патроны же не подходили къ винтовкамъ (стран. 110), а когда понадобилось выливать орудія, то въ цѣлой Россіи не оказалось сухихъ дровъ—десятки тысячъ были затрачены на сырыя дрова, однако орудій не вылили, ибо метталлъ почему-то не плавился (стран. 119). Небезынтересно объясненіе князя Сапѣги, почему властями нѣкоторое время скрывался фактъ смерти императора Александра: такъ какъ наслѣдникъ на престолъ не былъ назначенъ и могли возникнуть серьезныя осложненія въ государствѣ, то до окончанія переговоровъ между великимъ княземъ Николаемъ и Константиномъ пришлось отложить и манифестъ о смерти императора (стр. 88). Говоря о царѣ Николаѣ I, князь Сапѣга объективно описываетъ коронацію въ Польшѣ, оскорбительную встрѣчу въ Варшавѣ (стр. 112), безтактности на обѣдѣ (стр. 113) и балу (стр. 114) и прочее, что служило предвѣстникомъ возстанія 1830 года. Самое возстаніе

Библиотека "Руниверс"

описано Сапѣгой такъ, что изъ него почти ничего нельзя узнать. Да оно и понятно, ибо Сапѣга былъ очень маленькимъ человѣкомъ въ возстаніи и растерянно переходилъ отъ генерала къ генералу, изъ кавалеріи въ артилерію, не то въ качествѣ адъютанта, не то ординарца. Правда, Сапѣга къ началу опоздалъ: онъ былъ въ Парижѣ, ожидая Любецкаго для ликвидаціи денежныхъ счетовъ по герцогству Варшавскому. Когда до Парижа докатились вѣсти о возстаніи, Сапѣга обратился за помощью къ генералу Себастіани (стр. 131), а затѣмъ поѣхалъ за помощью въ Англію къ Грею (стран. 132). Но въ Англіи Сапѣгѣ прямо заявили, что англичане желаютъ Россіи скорѣйшаго подавленія возстанія (стран. 136). Послѣ этого князь Сапѣга рѣшилъ «умереть за отечество», тѣмъ болѣе, что французскій комитетъ далъ лишь 100.000 франковъ, попавшимъ журналистамъ за статьи, а изъ французскихъ генераловъ никто не хотѣлъ ѣхать въ Польшу (стран. 141—142). При изображеніи возстанія мемуаристъ нашъ безпристрастенъ. Онъ не скрываетъ мародерства генераловъ (стран. 153) и нижнихъ чиновъ (стран. 157), не скрываетъ и апатіи войска къ возстанію, пьянства въ офицерскомъ составѣ, недостатка въ способныхъ генералахъ (стр. 170), недостатка въ вооруженіи, почему солдатъ, какъ кое-гдѣ и нынѣ, вооружали косами (стр. 171), признается, что русскихъ плѣнныхъ польскіе военачальники заставляли сражаться противъ русскихъ же войскъ (стр. 159). Большой интересъ представляютъ страницы мемуаровъ, посвященныя описанію настроенія общественныхъ низовъ послѣ и вслѣдствіе военныхъ неудачъ польскаго войска, разговоры о революціи и измѣнахъ, боязнь этихъ низовъ, испытываемая жондомъ (стр. 165), интриги ген. Ушинскаго и Круковецкаго, стремившихся къ диктатурѣ, вызвавшихъ безпорядки и убійства и потомъ разстрѣливавшихъ повстанцевъ (стр. 180—182) и т. п.

Во второй главѣ мемуаровъ посвящено не мало страницъ эмиграціи со всѣми ея уродливостями, «гверильясувкѣ»—мелкому партизанскому повстанничеству (стр. 226); сообщается о миссіи въ 1834—1835 году, нѣкоего Свирскаго, имѣвшаго въ виду тайно организовать 100.000 человѣкъ и съ ними вторгнуться въ Россію для возстановленія Польши (стр. 227).

Въ слѣдующей главѣ много драматизма. Тутъ помѣщены описанія и пропаганды австрійскими чиновниками ненависти къ помѣщикамъ Галиціи (стр. 229), и организованнаго крестьяниномъ Шелей избіенія шляхтъ въ Тарновскомъ округѣ (стр. 233), и броженія среди интеллигенціи, выразившагося въ курьезномъ адресѣ, которымъ отъ Австріи требовалось объявить войну Россіи (стр. 238), и организаціи польской національной гвардіи (стр. 239), состоявшей изъ евреевъ, нѣмцевъ и чиновниковъ (стр. 244), и созыва всеславянскаго съѣзда, гдѣ одна славянская народность не понимала другой (стр. 247), и пр. и пр.

Наконецъ послѣдняя глава трактуетъ о дѣятельности князя Сапѣги въ Галиціи въ качествѣ создателя желѣзнодорожнаго кредитнаго общества и т. п.

Въ этой области князь Сапѣга новаго ничего не создавалъ, онъ повторялъ лишь то, что въ царствѣ Польскомъ сдѣлалъ князь Любецкій, главное дѣйствующее лицо въ мемуарахъ. Къ Любецкому Сапѣга относится безъ критики, онъ благоговѣйно повѣствуетъ, что сдѣлано Любецкимъ. Въ дѣйствительности послѣдній своего тоже ничего не далъ. Уже на сеймѣ 1818 году былъ проведенъ

Библиотека "Руниверс"

ипотечный уставъ и отмѣненъ мораторій, на сеймѣ 1825 году утверждено было образованіе кредитнаго общества, въ 1828 году образованъ поземельный банкъ (Askenazy,-Sto lat, Lwow, 1901, стр. 27—28). Продумано же и проведено все это было министромъ финансовъ Матушевичемъ (Tarnowski-Nasze dzieje, Krak., 1901, стр. 38 и 43). Любецкій при Матушевичѣ не игралъ никакой особенной роли. Даже горное дѣло, которымъ будто интересовался Любецкій, до него было прочно поставлено Сташицемъ. Да и въ министры финансовъ Любецкій попалъ при интересныхъ обстоятельствахъ. Административный совѣтъ Ц. П. въ всеподданнѣйшемъ рапортѣ указывалъ на тяжелое финансовое положеніе страны и просилъ о сокращеніи войскъ въ Польшѣ. Тогда-то Любецкій и взялся увеличить доходы, не выводя войскъ, и дѣйствительно увеличилъ ихъ на 33 мил. зл., добился возвращенія взятыхъ правительствомъ декабристовъ и взыскивалъ недоимки со всею неумолимостью (мемуары, стр. 82—83). Но Лелевель увѣряетъ, что Любецкій при этомъ допускалъ беззаконія, самовольно распоряжался суммами, оттягивалъ созывы сейма, не допускалъ измѣненія бюджета и проч. (Lelewel,-Polskao dradzajaça się, Brut., 1836, стр. 42, 43). Кромѣ того, Любецкій былъ и немалымъ интриганомъ въ отношеніи къ графу Канкрину (мемуары, стр. 108), русской придворной партіи (ib.) и т. п. Какъ характеръ, Любецкій отличался нерѣшительностью и неустойчивостью, за что Лелевель питалъ къ нему нескрываемое презрѣніе. Такъ, когда началось возстаніе, князь Любецкій къ нему примкнулъ, но одновременно вмѣстѣ съ княземъ Чарторыйскимъ просилъ великаго князя «poskromier» возстанцевъ (Lelewel, op. c., 61) или, являясь членомъ повстанническаго правительства, просилъ Константина возвратиться въ Варшаву (ib., 63) и т. п.

Князь Сапѣга человѣкъ тоже маленькій. Онъ и не подозрѣвалъ, что онъ былъ игрушкой Чарторыйскаго, направившаго Сапѣгу въ Парижъ и Лондонъ и разсылавшаго «Zale i skargi po gabinetach Europy» (ib., 110). Идеи допущенія къ власти и нешляхтянства, какъ и религіозная терпимость Сапѣги идутъ отъ того же Чарторыйскаго (Tarnowski, op. c., 39). Какъ это случилось, нашъ мемуаристъ не знаетъ да врядъ ли когда и интересовался такими вопросами.

Есть личности, которыя, какъ говорятъ, эпоху дѣлаютъ, другія идутъ въ ногу съ жизнью, а третьихъ тащитъ сама жизнь за собою. Князь Сапѣга принадлежитъ къ этому послѣднему разряду. Эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ князь Сапѣга, интересна, и она-то и спасаетъ отъ забвенія мемуары; ничего новаго не говорятъ вступительныя статьи г. Тарновскаго и г. Павловскаго.

Что касается перевода, то онъ сдѣланъ г-жой Круковской вполнѣ безукоризненно, а мѣстами даже художественно.

Поручикъ Слабченко.

Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861 гг. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Пгр. 1916. Стр. XI+560. Цѣна 2 руб. 75 коп.

Труды академика Н. Котляревскаго по исторіи новой русской литературы пользуются широкою извѣстностью въ просвѣщенныхъ кругахъ русскаго общества. Многіе изъ нихъ выдержали нѣсколько изданій. Популярность его

Библиотека "Руниверс"

трудовъ вполнѣ понятна и объясняется тѣми достоинствами, которыя присущи всѣмъ его изслѣдованіямъ. Прежде всего, чисто художественная форма изложенія его работъ невольно приковываетъ вниманіе читателя. Затѣмъ, яркость тѣхъ литературныхъ явленій, которыя составляютъ предметъ его изслѣдованія, еще болѣе увеличиваетъ интересъ къ нимъ и способствуетъ ихъ широкой популярности. Правда, нужно добавить, что они не проникаютъ въ глубину научныхъ изысканій и разсчитаны, главнымъ образомъ, на широкую публику. Новый трудъ академика Котляревскаго всецѣло сохраняетъ общій характеръ его предшествующихъ работъ.

Съ внѣшней стороны эта книга представляетъ собою ученую работу, написанную въ художественной формѣ. Это скорѣе даже литературно-художественное произведеніе, чѣмъ ученое изслѣдованіе. Внѣшняя форма изложенія очень увлекательна, такъ что читатель съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за изложеніемъ затронутой темы и до конца книги сохраняетъ къ ней живѣйшій интересъ. Напряженность вниманія къ этой работѣ поддерживается еще и тѣмъ, что авторъ очень умѣло размѣщаетъ изучаемый матеріалъ. Сначала онъ говоритъ о будничныхъ, обыкновенныхъ настроеніяхъ въ радикальныхъ кругахъ, затѣмъ переходитъ къ болѣе выдающимся явленіямъ и, наконецъ, изображаетъ полный расцвѣтъ радикальныхъ идей и теченій передъ эпохой великихъ реформъ. Сперва проходитъ увядающій въ блескѣ былой славы «союзникъ на короткій срокъ» Герценъ, затѣмъ проносится яркимъ, но слишкомъ быстрымъ метеоромъ Добролюбовъ и, наконецъ, выступаетъ могучій вождь радикаловъ—Чернышевскій.

Со стороны содержанія этотъ трудъ также представляетъ большой интересъ. Канунъ всѣхъ великихъ событій, ихъ прологъ, является вообще однимъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ въ исторіи общественно-политической мысли извѣстнаго народа, можетъ быть, даже болѣе интереснымъ, чѣмъ самое время выдающихся событій. Но авторъ останавливается только на изображеніи радикальнаго движенія въ жизни русскаго общества, оставляя въ сторонѣ другія теченія общественной мысли того времени. Свои разысканія въ данной области онъ основываетъ преимущественно на изученіи первоисточниковъ и сырыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ: газетъ, журналовъ, писемъ, дневниковъ и проч. Послѣ небольшого экскурса въ область оцѣнки реформъ прошлаго столѣтія въ освѣщеніи современныхъ мнѣній и взглядовъ авторъ обращается къ краткому, но довольно выпуклому изображенію общественныхъ настроеній въ годы 1855—1861. Здѣсь проходятъ представители офиціальной группы, славянофилы, вожди либеральной партіи и радикалы. Каждая изъ этихъ группъ очерчена въ общихъ чертахъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе только на исторіи радикальныхъ настроеній въ жизни русскаго общества, причемъ заявляетъ, что радикализмъ наканунѣ освобожденія былъ явленіемъ новымъ «и корни его въ старину не уходили» (VIII). Съ этимъ утвержденіемъ, однако, трудно согласиться. Понятія радикалъ, либералъ и даже соціалистъ имѣютъ много точекъ соприкосновенія между собою. Недаромъ самъ авторъ считаетъ главнаго вождя и вдохновителя радикальной партіи Чернышевскаго теоретикомъ

Библиотека "Руниверс"

соціализма (355). Поэтому трудно признать, чтобы радикализмъ даннаго времени былъ настроеніемъ совершенно новымъ и не связаннымъ съ предыдущими теченіями общественно-политической мысли. Несомнѣнно, его эмбріональныя проявленія кроются еще въ политико-общественной жизни сороковыхъ годовъ, хотя, можетъ быть, и подъ другимъ названіемъ. Наканунѣ же освобожденія онъ получилъ уже окончательное и полное выраженіе. Авторъ, прежде всего, даетъ общій обликъ этому направленію. Онъ говоритъ, что радикалы того времени «въ вопросахъ религіозныхъ были простые индифференты и отрицатели, въ вопросахъ философскихъ—послѣдователи довольно наивнаго матеріализма, въ вопросахъ нравственныхъ—проповѣдники какъ будто яснаго «разумнаго» эгоизма; въ вопросахъ политическихъ они стремились въ радикализмѣ и демократизмѣ превзойти другъ друга. Но не эти идеи создали силу радикаловъ, а именно ихъ отношеніе къ охватившимъ ихъ мыслямъ, ихъ отношеніе къ жизни вообще—то настроеніе, въ какомъ они находились, когда вѣрили въ свое призваніе и ждали отъ него великихъ благъ для родины... Первой ихъ заботой было созданіе именно личностей, которыя могли бы бороться съ общей тенденціей коснаго гражданскаго существованія... Завѣтной ихъ мыслью было—дать Россіи прежде всего новыхъ людей, образованныхъ и воспитанныхъ по новой системѣ, въ полномъ отрицаніи всѣхъ традицій прошлаго» (80). Но этой вновь народившейся партіи нуженъ былъ вождь, который укрѣпилъ бы неустойчивое и трудное положеніе молодыхъ радикаловъ и болѣе точно опредѣлилъ бы программу ихъ общественно-политическихъ взглядовъ. Такимъ вождемъ на зарѣ пролога освобожденія и явился Герценъ. Но скоро между взглядами вождя и руководимой имъ партіей оказалась глубокая пропасть. Тогда выступаетъ на сцену, какъ вдохновитель радикальной молодежи, Добролюбовъ, который былъ сродни ей и «тѣломъ и духомъ» (194). Однако этотъ вождь жилъ слишкомъ короткое время, и его мѣсто заступилъ человѣкъ, имя котораго «становится знаменемъ массоваго движенія» (256) интеллигентныхъ круговъ. Это былъ—Чернышевскій, который далъ связное міросозерцаніе, «ясное и доступное всякому», «удивительно приспособленное къ данному моменту, требовавшему разрыва со всѣмъ прошлымъ и быстраго рѣшенія новыхъ, жизнью выдвинутыхъ вопросовъ. Замѣна религіи «антропологіей», дедуктивнаго метода — индуктивнымъ, идеалистическаго дуализма—матеріалистическимъ монизмомъ, эстетики отвлеченной—эстетикой эмпирической, нравственности, построенной на сверхчувственныхъ началахъ, теоріей разумнаго эгоизма» (264),—вотъ что предлагало въ области отвлеченныхъ вопросовъ это новое ученіе въ лицѣ своего новаго руководителя. Въ сферѣ же общественно-политической Чернышевскій былъ первымъ русскимъ теоретикомъ соціализма. Очередной задачей момента онъ считалъ работу надъ сближеніемъ двухъ новыхъ силъ: «народной массы и интеллигенціи радикальной и революціонной» (410), совмѣстное движеніе которыхъ и должно было обезпечить успѣхъ конечной цѣли. Но если онъ очертилъ въ главныхъ чертахъ программу дѣйствія и опредѣлилъ его конечныя стремленія, то «никакого приказа на текущій день» (410) онъ не отдалъ; детали выступленія указаны не были. Такимъ образомъ, Чернышевскій въ этомъ отношеніи остался

Библиотека "Руниверс"

только кабинетнымъ ученымъ и не перешагнулъ за порогъ революціи. Въ заключительныхъ главахъ авторъ кратко останавливается на исторіи женскаго вопроса въ то время, на культурномъ значеніи иностранной книги въ данный періодъ и на изящной словесности за эти годы.

А. Вознесенскій.

В. В. Васильевъ (Ясавъ.) Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Т. I. Изданіе С. Ф. Орлика. Ревель. 1916. Стр. XVIII+221. Цѣна 75 коп.

Нельзя не привѣтствовать мысль объ изданіи общедоступнаго сборника біографій русскихъ самородковъ, съ огромнымъ трудомъ и поразительнымъ упорствомъ воли выбившихся на широкую дорогу культурной жизни. Ненасытная жажда знанія, стремленіе къ свѣту, постоянная напряженная борьба съ темными сторонами жизни, съ ея препятствіями, бѣдами, невзгодами, настойчивый трудъ и вѣра въ могущество просвѣщенія,—все это придаетъ біографіямъ нашихъ самородковъ значеніе огромной важности, все это является примѣромъ, значеніе котораго въ воспитательномъ отношеніи признано всѣми.

Къ сожалѣнію, составитель этого сборника не сумѣлъ осуществить свое благое намѣреніе вполнѣ удовлетворительно. Для того, чтобы сборникъ біографій русскихъ самоучекъ могъ оказать нужное вліяніе на читателей, которыми являются и учащаяся молодежь, и простонародная масса, требуется живое занимательное повѣствованіе, не чуждое художественности въ исполненіи. Только такое повѣствованіе способно увлечь, заинтересовать, оставить глубокое впечатлѣніе и возбудить тотъ высокій порывъ, то благородное стремленіе къ свѣту, къ знанію, къ наукѣ, какимъ всегда отличались наши талантливые самородки. Но книга г. Васильева этого не достигаетъ. Авторъ на протяженіи двухсотъ маленькихъ страницъ втиснулъ болѣе тридцати біографій, написанныхъ въ большинствѣ случаевъ скучно, точно формулярный списокъ или газетный некрологъ. Напримѣръ, біографіи патріарха Никона, Ломоносова или Посошкова совершенно не даютъ никакого понятія о личностяхъ и значеніи этихъ выдающихся русскихъ «самородковъ». Могутъ, пожалуй, возразить, что трудно на протяженіи трехъ-четырехъ страничекъ обрисовать съ достаточной полнотою эти фигуры; поневолѣ автору приходится быть краткимъ, помня, что въ скромный объемъ своей книги онъ долженъ вмѣстить еще тридцать дѣятелей. На это возраженіе можно отвѣтить: гораздо цѣлесообразнѣе разсказать о десяти дѣятеляхъ, но представить ихъ такъ, чтобы читатель ясно помнилъ каждаго изъ нихъ и не смѣшивалъ бы ихъ, что неизбѣжно будетъ, если онъ прочтетъ всю книжку г. Васильева подъ рядъ.

Такимъ образомъ нужно признать, что любопытная по замыслу книга г. Васильева, къ сожалѣнію, очень слаба по выполненію и совершенно не соотвѣтствуетъ цѣли автора—познакомить въ общедоступномъ видѣ читателей съ жизнью и трудами лучшихъ представителей нашего народа.

Очень не велико также и научное значеніе работы г. Васильева; главный недостатокъ его въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что онъ не указалъ

Библиотека "Руниверс"

источниковъ и литературы по предмету, который, кажется, въ первый разъ еще разрабатывается въ спеціальномъ сочиненіи.

По своему содержанію книга распадается на три отдѣла. Въ первый отдѣлѣ («Русскіе дѣятели») вошли біографіи: патріарха Никона, И. Т. Посошкова, рода заводчиковъ Демидовыхъ, М. В. Ломоносова, И. П. Кулибина, Т. И. Волоскова, Ѳ. А. Семенова, П. А. Зарубина, В. В. Татаринова, И. А. Милютина и А. В. Сморода. Второй отдѣлъ посвященъ артистамъ, художникамъ и композиторамъ и заключаетъ въ себѣ біографіи слѣдующихъ самородковъ: М. С. Щепкина, М. Т. Иванова-Козельскаго, Ѳ. И. Шаляпина, А. Д. Вяльцевой, М. Л. Кропивницкаго, И. К. Тобилевича (Карпенко Карый), А. В. Ступина, В. М. Максимова, Л. В. Попова, Л. А. Сѣрякова и А. Д. Данилова. Въ третій отдѣлъ вошли біографіи слѣдующихъ писателей—прозаиковъ и поэтовъ: Г. С. Сковороды, Ф. Н. Слѣпушкина, А. В. Кольцова, Т. Г. Шевченка, Н. С. Цыганова, И. С. Никитина, И. З. Сурикова, С. Д. Дрожжина, А. Е. Раззоренова, С. Я. Дерунова, А. И. Левитова, В. К. Влазнева, Ѳ. М. Рѣшетникова, А. Ѳ. Иванова-Классика, Я. Е. Родіонова, М. А. Козырева, В. И. Иванова-Савихина, Н. А. Панова, К. М. Фофанова, Н. А. Лазарева (Темный), А. М. Пѣшкова (Максима Горькаго), С. Г. Петрова (Скиталецъ), С. Т. Семенова, И. А. Бѣлоусова, М. Л. Леонова, Ф. С. Шкулева, Е. Е. Нечаева, И. И. Морозова, М. А. Логинова (М. Тихоплесецъ), Ѳ. Т. Гаврилова, Н. М. Сулейкина и В. І. Дмитріевой.

Нѣкоторыя біографіи составлены по матеріаламъ, присланнымъ составителю самими авторами.

Составитель обѣщаетъ издать и второй томъ «Русскихъ самородковъ»; будемъ надѣяться, что продолженіе выйдетъ удачнѣе начала.

Д. М—ко.

В. Строевъ, магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ съ рисунками и картами. М. 1915. Изд. Думнова. Стр. V+170+III. Ц. 60 к.

Намѣреніе автора дать учебникъ, предназначенный обслуживать главнымъ образомъ I—II классы мужскихъ гимназій и согласно требованіямъ программы представляющій «обозрѣніе отечественной исторіи въ элементарныхъ разсказахъ о главныхъ ея событіяхъ и лицахъ и въ простыхъ бытовыхъ картинахъ родной старины» («Журн. Мин. Н. П., 1913, авг., стр. 104). Такимъ образомъ, составитель стремится избѣгать «всякихъ общихъ разсужденій» и строитъ свою книгу изъ ряда очерковъ, «изъ коихъ центромъ каждаго является какое-либо крупное историческое лицо».

Такое пособіе должно удовлетворять двумъ условіямъ: учебный матеріалъ долженъ быть для учениковъ вполнѣ доступенъ, изложеніе легкимъ и живымъ.

Въ существенныхъ чертахъ авторъ справился съ первой и второй задачей. Особенно слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайную легкость языка—качество, довольно рѣдкое для нашихъ учебныхъ пособій, потому тѣмъ болѣе цѣнное. Живости

Библиотека "Руниверс"

и наглядности изложенія авторъ не мало содѣйствуетъ и удачнымъ подборомъ рисунковъ. Старая манера иллюстрировать текстъ снимками съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, хотя бы сюжеты и не имѣли прямого отношенія къ тексту, забыта. Задачей поставлено текстъ и рисунки связать неразрывно, чтобы они дополняли и поясняли другъ друга. Отсюда необычайная свѣжесть и заботливость въ подборѣ иллюстрацій, стоившая, видимо, автору не мало труда. Нѣкоторые рисунки особенно пріятно видѣть въ учебной книгѣ. Отмѣтимъ, напримѣръ, «Рюриково городище», монеты разныхъ эпохъ и гривны, «Передвиженіе татаръ», «юрта хана», древній планъ Великаго Новгорода, «Пріемъ иностраннаго посла» и «Баторіевъ проломъ во Псковѣ» и т. д.

Авторъ, къ сожалѣнію, злоупотребилъ изображеніями соборовъ: ихъ слишкомъ много, благодаря чему вниманіе школьника будетъ разсѣиваться, и онъ не сумѣетъ уловить типическія черты этихъ сооруженій. Нѣкоторые рисунки и неудачны; портретъ самозванца невѣренъ: болѣе точнымъ считается другой (см. Пирлингъ. Дмитрій самозванецъ, впереди текста. Москва. 1912. «Сфинксъ»); рис. 57—«Филиппъ обличаетъ Грознаго»—даетъ ложное представленіе о характерахъ дѣйствующихъ лицъ, рис. 66—излишенъ. Исполненіе рисунковъ нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ.

Досадное чувство вызываетъ рис. 60—«Поѣздка царя на богомолье»: онъ совершенно неразборчивъ, немало и другихъ, о которыхъ можно повторить то же (рис. 18, 32, 49, 50, 66, 69, 81, 95). Вообще методъ автора въ выборѣ рисунковъ слѣдуетъ признать правильнымъ, но къ содержанію ихъ и исполненію необходимо отнестись строже.

Есть въ учебникѣ и другіе недосмотры, исправленіе которыхъ въ слѣдующемъ изданіи было бы желательно. Давъ понятіе о различіи между преданіемъ и фактомъ (стр. 14—16), авторъ зачѣмъ-то нѣсколько разъ возвращается къ этому вопросу. Есть неточности: Владиміръ Св. крестился не послѣ взятія Корсуня, какъ пишетъ авторъ (стр. 24), а раньше; рѣка Калка не нынѣшній Калецъ (стр. 48), а Кальчикъ; это установлено новѣйшими изслѣдованіями; тысяцкій командовалъ не «войсками» Новгорода (стр. 54), а ополченіемъ, что не одно и то же. По словамъ автора, Петръ завелъ ассамблеи «для того, чтобы молодые люди и дѣвушки могли знакомиться между собою»,—здѣсь въ угоду удобопонятности искаженъ самый фактъ, слишкомъ сужено его значеніе. Къ числу мелкихъ недосмотровъ книги необходимо отнести и нѣкоторыя погрѣшности языка: «св. Алексій ѣздилъ въ орду, подобно князьямъ, сумѣлъ тамъ пріобрѣсти (внушить?) уваженіе къ своему сану» (стр. 59), «польскій языкъ и католичество все больше и больше стали дѣлаться господствующими въ Литвѣ» (стр. 60); «долженъ былъ быть возведенъ одинъ изъ русскихъ великихъ князей» (стр. 148) и пр.

Устраненіе подобныхъ пробѣловъ, конечно, не затруднитъ автора. Пока же за учебникомъ остаются главныя его достоинства: легкость языка, доступность матеріала, свѣжесть въ подборѣ рисунковъ. Карты удовлетворительны. Цѣна очень невысока. **К.**

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія пермскаго епархіальнаго церковно-археологическаго общества. Выпускъ первый. Пермь. 1915. Стр. 140+46. Цѣна 1 руб.
Протоіерей П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. Выпускъ первый. Харьковъ. 1916. Стр. 181. Цѣна 1 р.

«Въ «Извѣстіяхъ пермскаго епархіальнаго церковно-археологическаго общества» въ первомъ ихъ выпускѣ много мѣста удѣлено разнымъ сообщеніямъ о «Пыскорскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ, исторія котораго неразрывна съ исторіей благочестиваго рода Строгановыхъ». Усерднымъ вкладчикомъ изданія заявляетъ себя П. С. Богословскій. Онъ даетъ очеркъ къ вопросу о матеріальномъ положеніи духовенства въ Пермскомъ краѣ въ первой четверти XVIII столѣтія по архивнымъ даннымъ». Коробятъ тутъ читателя бытописныя черточки въ такомъ, напримѣръ, родѣ: въ причтѣ Чердынскаго Успенскаго Богородичнаго дѣвичьяго монастыря питаются «с великою нуждою... попъ с причетники... поданіемъ от христолюбивыхъ людей, а почему того подаянія в год в даче бывало, тому записки небывало и впредь даватца будетли, того познать невозможно». Этому же автору принадлежитъ статья съ рисунками—«Подземный ходъ и археологическія раскопки въ селѣ Пыскорѣ Соликамскаго уѣзда и друг. Н. Я. Кривощековъ говоритъ въ «Извѣстіяхъ» «о предпринятой имъ интересной работѣ»—составленіи свода историческаго матеріала «Перми, Югры, Печоры и Булгаръ, какъ географической области». Имѣются еще въ книгѣ такія работы: В. С. Верхоланцева—«Открытіе екатеринбургскаго викаріатства», священника А. Рычкова—«Описаніе древностей Ново-Усольской Спасо-Преображенской церкви Соликамскаго уѣзда» протоіерея І. Измайловича—«Исторія построенія и освященія храма во имя Всѣхъ Святыхъ на новомъ кладбищѣ въ гор. Перми».

О. Ѳоминъ въ предисловіи своемъ къ «историко-археологическому очерку» «Церков ыя древности Харьковскаго края» напираетъ на то, что его трудъ «представляетъ первый опытъ систематическаго изслѣдованія церковныхъ древностей Харьковскаго края». Очерчивая общіе историческіе контуры въ своей книгѣ главнѣйше по работамъ профессора Д. И. Багалѣя, авторъ «Церковныхъ древностей» въ чисто-археологическомъ отношеніи затрагиваетъ разнообразный матеріалъ. По словамъ г. Ѳомина, многое «приходилось» ему «добывать лично, путешествуя по харьковскому краю, обозрѣвая и изучая церковные памятники на мѣстахъ». **А. Налимовъ.**

В. В. Латышевъ. Византійская «Царская» минея. Изслѣдованіе. Стр. 326. Пгр. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

Изслѣдованіе академика В. В. Латышева о византійской «Царской» минеѣ заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія со стороны византологовъ по оригинальности своего сюжета и по весьма цѣннымъ научнымъ выводамъ. Въ 1911—1912 гг. авторъ издалъ греческіе тексты, подъ заглавіемъ «Menologii anonymi Byzantini saeculi X (правильнѣе—XI) quae supersunt, fasciculi I—II etc.», гдѣ впервые опубликовалъ минею по рукописямъ московской синодальной

Библиотека "Руниверс"

библіотеки № 376 (мѣсяцы февраль и мартъ) и іерусалимской Свято-Гробской библіотеки № 17 (мѣсяцы іюнь, іюль и августъ). Настоящее изслѣдованіе и посвящено указаннымъ греческимъ текстамъ. Во введеніи авторъ намѣтилъ троякую для него задачу: 1) доказать, что части минеи, помѣщенныя въ указанныхъ рукописяхъ московской и іерусалимской библіотекъ, представляютъ отрывки важнаго агіографическаго труда, принадлежащаго одному и тому же автору, 2) опредѣлить время составленія этого труда и личность его автора и 3) опредѣлить источники, которыми авторъ пользовался для каждаго житія. Во введеніи академикъ В. В. Латышевъ сообщилъ и нѣсколько фактическихъ данныхъ объ указанныхъ рукописяхъ, а также о другихъ, въ которыхъ имѣются тѣ же тексты, именно іерусалимской патріаршей библіотеки № 16, аѳонскаго Діонисіева монастыря № 83 и № 166, амброзіанской библіотеки въ Миланѣ № 834, ватиканскій кодексъ № 1991.

Соотвѣтственно намѣченной задачѣ, изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой главѣ (стр. 8—77) разсматривается вопросъ о принадлежности минеи одному автору. Доводы въ пользу этого тезиса весьма убѣдительны, хотя ни въ одномъ изъ житій минеи авторъ не называетъ себя по имени, не ссылается на другія свои произведенія и представилъ въ своемъ трудѣ не самостоятельныя произведенія, написанныя на основаніи критическаго изученія различныхъ источниковъ, а простыя эпитомы, т. е. сокращенныя обработки ранѣе составленныхъ житій. Несмотря на отмѣченныя неблагопріятныя обстоятельства, В. В. Латышевъ съ успѣхомъ обосновываетъ первый свой тезисъ о принадлежности двухъ частей минеи одному автору. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего композиція житій, которыя составлены по одной опредѣленной схемѣ, и ясно указанное ихъ назначеніе—служить для церковнаго чтенія во время богослуженій. Въ нѣкоторыхъ житіяхъ святыхъ, родившихся или подвизавшихся въ Константинополѣ, встрѣчается наименованіе ихъ «нашими» или «земляками». Значитъ, житія были написаны въ этомъ городѣ. Затѣмъ, сходство начала многихъ житій, то хронологическое и географическое, то въ формѣ риторическаго вопроса и общихъ сентенцій, аналогичныя заключенія житій въ видѣ многолѣтствованія царя, выраженнаго—по мѣстамъ—въ стихотворной формѣ, сходство въ частностяхъ изложенія житій, тождество міровоззрѣнія автора, отличавшагося глубокой преданностью православію и ненавистью къ язычеству и ересямъ, оживленіе разсказа житейскими пословицами и поговорками, однообразными сравненіями и лаконизмами, стильная фразеологія и типичная лексическая сторона житій, однообразіе грамматическихъ явленій, особенно въ синтаксисѣ,—вотъ тѣ данныя въ пользу положенія, что царская минея представляетъ не случайно составленный сборникъ текстовъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ и временамъ, а цѣльный литературный памятникъ, написанный однимъ авторомъ въ Константинополѣ. Каждый изъ аргументовъ весьма обстоятельно обоснованъ въ изслѣдованіи, а всѣ указанные доводы являются болѣе чѣмъ достаточными для доказательства основного положенія о единствѣ автора византійской «Царской» минеи.

Во второй главѣ изслѣдованія (стр. 78—117) рѣчь идетъ о времени составленія минеи и о личности автора. По авторитетному обоснованію академика В. В.

Библиотека "Руниверс"

Латышева, авторъ «Царской» минеи жилъ и трудился послѣ Метафраста, произведеніями котораго онъ охотно пользовался по отношенію къ житіямъ, входившимъ въ мѣсяцы съ февраля по августъ включительно, а также для начальныхъ словъ житій. Такъ какъ Метафрастъ трудился въ послѣдней четверти X вѣка, то «Царская» минея могла возникнуть не ранѣе X вѣка или въ XI вѣкѣ, но не позднѣе, такъ какъ древнѣйшія рукописи, содержащія части ея, относятся именно къ XI вѣку. Изъ эпилоговъ съ молитвою за царя слѣдуетъ заключить, что минея была составлена по порученію византійскаго императора, или предназначалась для чтенія въ византійскихъ придворныхъ церквахъ. Наиболѣе вѣроятнымъ авторомъ ея нужно признать византійскаго писателя Іоанна Ксифилина, родственника константинопольскаго патріарха Іоанна Ксифилина (1-го января 1064—2-го августа 1075 г.), составившаго минею въ первые годы царствованія императора Алексѣя Комнина (1081—1118 г.г.), стало быть, въ два послѣднія десятилѣтія XI вѣка, по родственному завѣту патріарха. Изданная В. В. Латышевымъ минея и есть именно Ксифилиновская, при томъ сохранившаяся въ своемъ чистомъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера автора. Таковъ цѣнный выводъ ученаго изслѣдователя.

Въ третьей главѣ (стр. 118—302) изслѣдуются источники «Царской» минеи. Мы не послѣдуемъ за весьма сложной и детальной аргументаціей ученаго автора, отмѣтимъ лишь, что здѣсь обслѣдованы источники почти 150 греческихъ текстовъ минеи и представлены ихъ источники, то сохранившіеся до нашего времени и извѣстные въ наукѣ, то пока неизвѣстные въ пространныхъ своихъ редакціяхъ и до насъ не дошедшіе, или еще не найденные.

Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію (стр. 303—314) помѣщены житіе святого мученика Іакинѳа въ греческомъ текстѣ и замѣтки ко второму выпуску минеи въ греческомъ изданіи, въ заключеніи находится два указателя (стр. 315—326).

Новое изслѣдованіе В. В. Латышева представляетъ крупный вкладъ въ византологическую литературу. Ученый авторъ, издавши неизвѣстную прежде византійскую минею XI вѣка, не только убѣдительно показалъ единство ея автора, но и опредѣлилъ этого автора въ лицѣ византійскаго писателя Іоанна Ксифилина, указалъ мѣсто ея происхожденія—Константинополь и время—конецъ XI вѣка. Представивъ ученому міру новаго византійскаго писателя и подвергнувъ тщательному описанію его агіографическій трудъ, академикъ В. В. Латышевъ вскрылъ его богословское міровоззрѣніе и установилъ процессъ его работы, показавъ читателямъ, какъ именно работалъ этотъ продолжатель знаменитаго византійскаго Метафраста и какими иными агіографическими источниками онъ пользовался. Мы полагаемъ, что разсматриваемое изслѣдованіе русскаго ученаго дастъ будущему продолжателю «Исторіи византійской литературы» К. Крумбахера, или новому автору аналогическаго византологическаго труда основаніе научно говорить о вновь открытомъ византійскомъ агіографѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ. Σ.

Библиотека "Руниверс"

Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1915 годъ. Выпускъ II—III. Вятка. 1915. Стр. IV+22, 20, 153+64, XIV+150. Цѣна не обозначена.

Объемистый томъ трудовъ вятской архивной комиссіи полонъ статьями, представляющими почти исключительно узкій мѣстный интересъ. Такъ, изъ сырыхъ матеріаловъ любопытны описи имущества упраздненныхъ въ 1764 г. двадцати монастырей, представляющія довольно содержательный матеріалъ для словаря предметовъ церковнаго обихода и различныхъ тканей въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. Затѣмъ въ отдѣлѣ «Рефераты и сообщенія членовъ и сотрудниковъ комиссіи» обращаютъ вниманія различныя данныя изъ исторіи гор. Малмыжа, перемѣшанныя съ нѣкоторыми архивными документами. Правда, данныя эти собраны довольно примитивно (встрѣчаются даже ссылки на энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона), но они все же имѣютъ извѣстное значеніе, какъ сводъ воедино разбросанныхъ дотолѣ извѣстій. Не безъ интереса можно прочесть составленную болѣе 45 лѣтъ тому назадъ и только теперь напечатанную біографію протоіерея вятскаго каѳедральнаго собора Азарія Тимоѳеевича Шиллегодскаго, написанную протоіереемъ Игн. Фармаковскимъ. Авторъ и редакція неоднократно приводятъ любопытныя выписки изъ дневника о. Азарія, живо рисующія его борьбу со своими недостатками и пороками. Если этотъ дневникъ существуетъ и понынѣ, то его слѣдовало бы издать. Священникъ о. Игнатьевъ далъ описаніе древне-христіанской терракоттовой лампочки, вывезенной изъ Палестины и пожертвованной авторомъ вятскому церковно-археологическому музею. Описаніе это весьма примитивно. Такъ, напр., читаемъ: «Свѣтильники дѣлались изъ глины, почему и называются «терракоттовыми». Но что такое значитъ собственно слово «терракотта», этого не объяснено. Въ заключеніе укажемъ на продолженіе отмѣченной въ отзывѣ о предшествующемъ выпускѣ трудовъ комиссіи «Описи дѣлъ архива вятской духовной консисторіи во второй половинѣ XVIII вѣка». Любопытно, что болѣе половины всѣхъ дѣлъ трактуютъ вопросъ о блудодѣяніи, а встрѣчаемъ и такое дѣло, отзывающееся идиллической простотой добраго стараго времени, «о высылкѣ въ духовной приказъ діакона Козму къ допросу о взятьѣ при крещеніи младенцевъ по копейкѣ съ души».

М.

Борисъ Рапгофъ. К. Павлова. Матеріалы для изученія жизни и творчества. Издательство «Трирема». Пгр. 1916. Стр. 86. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ противоположность очерку г. Брюсова, приложенному къ собранію сочиненій К. К. Павловой, біографическій очеркъ г. Рапгофа отличается рядомъ положительныхъ достоинствъ. Выступающій, если не ошибаемся, впервые, молодой историкъ литературы привлекъ массу новаго матеріала, не только печатнаго, но и рукописнаго: о рожденіи Павловой, о ея французскихъ переводахъ, о ея отношеніи къ славянофиламъ, о ея заграничной жизни и т. п. Не совсѣмъ удачной надо признать попытку автора «разобраться въ творчествѣ и эволюціи міровоззрѣнія К. Павловой». Вообще психологическое обо-

Библиотека "Руниверс"

снованіе характера Павловой произведено слишкомъ обще: сказать о пессимизмѣ значитъ, на нашъ взглядъ, сказать очень мало и довольно неопредѣленно. Далѣе авторомъ даны: хронологическая канва для біографіи Павловой (здѣсь необходимо отмѣтить неопытность типографскую—даты надо было выдѣлить отчетливѣе, жирнѣе), списокъ ея произведеній по времени перваго ихъ появленія въ печати, библіографія, а въ приложеніяхъ- неизданныя письма Павловой (Шевыреву, Н. Н. Мельгунову, О. А. Кирѣевой и неизвѣстному) и ея стихотворенія, не вошедшія въ изданіе г. Некрасова (но напечатанныя прежде), а также одно и вовсе неизданное.

Нѣкоторая нестройность очерка—авторъ вѣдь не столь опытный литературный закройщикъ, какъ г. Брюсовъ —искупается его большою добросовѣстностью и, по новизнѣ привычнаго матеріала, значительно подвигаетъ впередъ дѣло изученія этой интересной поэтессы. Авторъ какъ будто готовъ продолжать свои изысканія. Если это такъ, не можемъ не пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Цѣна за книгу непомѣрная и несуразная.

Вл. Княжнинъ.

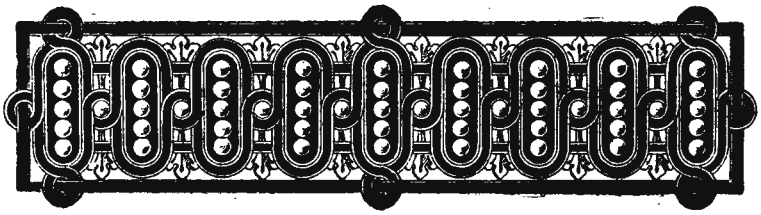
В. Денисовъ. Война и лубокъ. Изданіе «Новаго журнала для всѣхъ». Пгр. 1916. Съ 51 снимкомъ. Стр. 40. Ц. 1 р. 50 к.

«Нѣмецъ» русскому народу весьма памятенъ. И, думается, не потому вовсе, что всякаго иностранца у насъ зовутъ «нѣмцемъ», а именно потому, что «нѣмецъ»-то ужъ былъ и есть весьма памятный для народа иностранецъ. Въ лубкѣ—народная мудрость, народная смѣтливость: съ французомъ-непріятелемъ мы дрались жестоко и высмѣивали его безпощадно, но правъ авторъ, говоря что къ французу «въ противоположность нѣмцу нашъ народъ всегда относился съ явной симпатіей за его веселый нравъ и почти русскую безпечность». Намъ ли не знать «нѣмца», когда послѣдніе два вѣка въ Россіи все время ощущалась сухая и черствая душа его, старавшагося поработить волю нашего народа.

Въ книгѣ г. Денисова нѣмецъ, однако, занимаетъ сравнительно скромное мѣсто. Г. Денисовъ съ большимъ вкусомъ выбралъ (весьма недурно для популярнаго изданія воспроизведенныя) 51 лубочную картинку, снабдилъ ихъ текстомъ, написаннымъ сжато, интересно и красиво и содержащимъ исторію происхожденія, способовъ производства, вліяній живописи и пр. въ области лубочнаго художества. Можно пожалѣть, что снимки воспроизводятъ исключительно однѣ военныя лубочныя картинки, что воспроизведеній, даже военныхъ, слишкомъ мало (масса интереснаго осталось за бортомъ), что не дано ни одного красочнаго воспроизведенія и что, кромѣ Ровинскаго, не указано ни одной статьи или брошюры по литературѣ предмета.

Вл. Кн.

Библиотека "Руниверс"



Съ 15 іюня по 15 іюля 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Воеводы города Усмани XVII столѣтія. Составилъ по актамъ московскаго архива министерства юстиціи и другимъ источникамъ. Тамбовъ. 1916. Стр. 33. Ц. 20 к.

У. Дж. Локкъ. Другъ человѣчества Романъ. Переводъ съ англ. З. Журавской. Кн-во «Сѣверные Дни». М. 1916. Стр. 237. Ц. 2 р.

Новый романъ Локка еще разъ подтверждаетъ уже укрѣпившуюся за нимъ среди русскихъ читателей репутацію интеллигентнаго, занимательнаго, и остроумнаго разсказчика. Герои романа—Септимусъ и Сайферъ—чрезвычайно любопытные равновидности донъ-кихотскаго типа; отъ увлекательнаго описанія ихъ жизни и характеровъ прямо не оторваться.

Ф. Анстей. Мѣдный кувшинъ. Романъ. Переводъ съ англ. В. Кошевичъ. Кн-во «Сѣверные Дни». М. 1916. Стр. 202. Ц. 1 р. 75 к.

Особенную прелесть романа Ф. Анстея представляетъ сочетаніе восточной фантастики «1001 ночи» съ практицизмомъ и ультра-реальностью молодого англійскаго архитектора. Неожиданность въ положеніяхъ, парадоксальныя осложненія, брызги узорноый фантастики и ироніи придаютъ роману «Мѣдный кувшинъ» немалый интересъ. труды вятской ученой архивной комиссіи. 1916 г. Вып. I—II. Вятка. 1916. Стр. XVIII 289. Ц. не обозн.

И. Ф. Павловскій. Къ исторіи Полтавской епархіи. Историческіе и бытовые очерки, замѣтки и переписка. По архивнымъ даннымъ. Изданіе Полтавской архивной комиссіи. Полтава. 1916. Стр. 182. Ц. 1 р.

В. В. Васильевъ (Ясавъ). Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Томъ I. Изданіе С. Ф. Орлика. Ревель. 1916. Стр. XVIII+221. Ц. 75 к.

А. Ренниковъ. Лунная дорога. Разсказы. Пг. 1916. Стр. 248. Ц. 1 р. 75 к.

К. Е. Вейгелинъ. Воздушный справочникъ. (Ежегодникъ Имп. Всерос. аэроклуба). Пг. 1916. Стр. 184. Ц. 1 р.

Въ составъ справочника входятэ краткая поденная лѣтопись воздушнов войны съ марта по декабрь 1905 г.- весьма обстоятельная характеристика воздушной войны, дающая понятіе о роли и значеніи воздушныхъ силъ, матерьяльной части авіаціонныхъ войскъ й объ эскизахъ германскихъ аэроплановъ. Заканчивается ссправочникъ подробнымъ отчетомъ о дѣятельности аэроклуба.

Французскіе разсказы съ фронта съ начала войны по октябрь 1915 года. Съ офиціальнаго разрѣшенія по сооб-

Библиотека "Руниверс"

щеніямъ французскаго военнаго министерства обработалъ и перевелъ Н. М. Лаговъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Шестое иллюстрир. и переработанное изданіе съ мн. рис. Пг. 1916. Стр. 246. Ц. 2 р.

«Французскіе разсказы съ фронта», вышедшіе уже шестымъ изданіемъ, читаются съ захватывающимъ интересомъ. Это не «военная беллетристика» несвѣдущихъ штатскихъ авторовъ, а правдивое повѣствованіе о той героической многотрудной борьбѣ. которая уже третій годъ безпрерывно ведется французами. Кромѣ біографій Жоффра и Кастельно, здѣсь повѣствуется о началѣ войны и дѣйствіяхъ въ Бельгіи, о бояхъ въ Артуа, Шампани, въ Аргони, на высотахъ Мезы и Евра, въ Вогезахъ и Эльзасѣ, о борьбѣ подъ Эпаржемъ и взятіи англичанами Лоса. Легкій живой разсказъ прерывается мелкими отдѣльными эпизодами, пересыпанъ остроумными замѣчаніями, техническими объясненіями, письмами участниковъ и т. п., что придаетъ ему еще большую жизненность и занимательность. Книга украшена множествомъ иллюстрацій. Когда мы дождемся такихъ разсказовъ съ нашихъ фронтовъ?

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международнаго права. Пг. 1916. Стр. 64. Ц. 50 к.

В. Н. Бутовичъ. Матеріалы для этнографической карты Бессарабской губерніи. Кіевъ. 1916. Стр. 59. Ц. не обозн.

Извѣстія Имп. Рус. Географическаго о-ва, изд. подъ ред. Д. И. Мушкетова. Т. LII. 1916. Вып. V. Пг. 1916. Стр. 82. Ц. не обозн.

А. В. Миртовъ. Учебникъ по исторіи русскаго языка. Изданіе т-ва М.О.Вольфъ. М. Пг. 1916. Стр. IV+197. Ц. 1 р.

Учебникъ г. Миртова по исторіи русскаго языка, которую не такъ давно ввели въ программу сред. учебн. заведеній, особенно имѣетъ въ виду изученіе древне-церковно-славянскаго языка постольку, поскольку послѣдній объясняетъ тѣ или другія явленія и особенности современнаго русскаго языка. Поэтому авторъ достаточно приводитъ примѣровъ, какъ изъ языка нашихъ поэтовъ, такъ и живыхъ народныхъ массъ, основываясь такимъ образомъ не на одной лишь теоретической грамматикѣ. Извѣстную пользу можетъ принести книга г. Миртова и начинающимъ преподавателямъ.

Григорій де-Волланъ. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Ч. I. Т. II. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пг. М. 1916. Стр. 300. Ц. 2 р. 25 к.

С. Д. Чебанъ. Досиѳей, митрополитъ сочавскій, и его книжная дѣятельность. Къ исторіи румынской письменности и румыно-русскихъ литературныхъ отношеній XVII в. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Кіевъ. 1915. Стр. VIII+160. Ц. 2 р.

N. Markovitch. Le pangermanisme en orient. Le crime prémédité. Librarie Rosanoft. Nice. 1916. P. 25. Prix: 50 c.

Элеонора Диксонъ. Гюлльхана. Стихотворенія. Ташкентъ. 1916. Стр. 33. Ц. 55 к.

Нѣкоторый интересъ могли бы представить стихотворенія г-жи Диксонъ, посвященныя природѣ, быту и людямъ нашихъ средне-азіатскихъ областей, если бы авторъ описывалъ хорошо знакомую ему, повидимому, жизнь просто и добросовѣстно. Но авторъ подъ вліяніемъ новыхъ поэтовъ слишкомъ вычуренъ, искусственъ; языкъ небреженъ и не отдѣланъ и черезчуръ пестритъ непонятными и ненужными провинціализмами. Прозаическіе очерки «Двѣ свадьбы» и «Артистка» наивны по содержанію и слабы по выполненію. Автору много и усиленно нужно работать надъ собою, чтобы тѣ искорки дарованія, которыя все-таки кое-гдѣ замѣчаются въ названномъ сборникѣ, не потухли и не заглохли въ нездоровыхъ подражаніяхъ нынѣшнимъ новымъ поэтамъ.

Александръ Лебедевъ. Рукописи церковно-археологическаго музея Императорской Кіевской Духовной Академіи. Т. I. Саратовъ. 1916. Стр. 472. Ц. 3 р. 50 к.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. Кн-во «Огни». Пг. 1916. Стр. VII+571. Ц. 4 р. 75 к.

Я. Штахъ. Очерки по исторіи и современной жизни южно-русскихъ колонистовъ. М. 1916. Стр. 265. Ц. 3 р. 50 к.

Зоя Кананова. Я и міръ. Пг. 1916. Стр. 148. Ц. 1 р.

К. и О. Ковальскіе. Двуликій богъ. Романъ. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Т. I. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Стр. 282. Ц. 1 р. 50 к.

Вышедшій нынѣ отдѣльнымъ романъ изданіемъ К. и О. Ковальскихъ рисуетъ яркую картину нашего театральнаго быта и не лишенъ нѣкоторой портретности, которая придаетъ ему еще большую занимательность и интересъ. Хотя описаніе храмовъ и

Библиотека "Руниверс"

жрецовъ Мельпомены достаточно было разработано старыми беллетристами (наприм.: Вас. Н. Немировичемъ-Данченко, В. Я. Свѣтловымъ, Г. Т. Сѣверцовымъ, Полиловымъ, П. П. Гнѣдичемъ и мн. др.), однако романъ Ковальскихъ интересенъ тѣмъ, что въ немъ нашли себѣ отраженія новыя театральныя вѣянія и обрисованы новые типы актерской среды. Герои романа — братъ и сестра Ланскіе, Владимиръ и Лиза, начинающіе драматургъ и актриса; ихъ мечты, первые шаги и борьба на театральныхъ подмосткахъ, побѣды и пораженія, успѣхи и жертвы глубоко волнуютъ читателя. Романъ вскрываетъ много темныхъ сторонъ театральнаго міра и прочитывается съ глубокимъ интересомъ.

В. Н. Кононовъ, М. Н. Николаевскій и К. П. Ягодовскій. Практическія занятія по естествознанію. Вып. I. Міръ неорганическій. Съ 33 рис. 2-е изданіе Тенишевскаго училища. Пг. 1916. Стр. 88. Ц. 65 к.

Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Вліяніе войны, возможныя послѣдствія ея для народнаго хозяйства и проблемы будущаго Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 86. Ц. 65 к.

Книга г. Авилова посвящена одному изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ современности. Изложивъ вкратцѣ ходъ нашего экономическаго развитія за послѣднее десятилѣтіе и охарактеризовавъ вліяніе войны на народное хозяйство, авторъ довольно убѣдительно пытается намѣтить вѣроятныя экономическія послѣдствія настоящей войны. Книжка читается съ интересомъ.

К. Тахтаревъ. Соціологія, какъ наука. Кн-во «Жизнь и знаніе». Пг. 1916. Стр. 81. Ц. 1 р.

Настоящая книжка г. Тахтарева представляетъ собою часть болѣе обширнаго труда, готовящагося къ печати и имѣющаго въ виду дать опытъ системы соціологіи, какъ науки о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрности. Въ названный I-ый выпускъ этого труда, представляющій собою введеніе въ общій курсъ, вошли главы о закономѣрности, исторіи понятій о закономѣрности общественной жизни и своеобразности ея явленій, о необходимости и возможности соціологіи, объ ея предпосылкахъ и, наконецъ, о задачахъ и методахъ соціологіи.

Библиотека "Руниверс"

НОВОСТИ ИСТОРІИ.

Козьма Мининъ и юбилейныя параллели. — Отзывы современниковъ о кончинѣ императора Павла и воцареніи Александра I. — Письмо придворной дамы о кончинѣ цесаревича Николая Александровича.

Трехсотлѣтіе со дня кончины знаменитаго нижегородца Козьмы Минина, умершаго въ первой половинѣ 1616 г., было отпраздновано въ маѣ настоящаго года въ Нижнемъ-Новгородѣ, но, какъ это ни странно, не получило характера всероссійскаго чествованія памяти и заслугъ великаго русскаго гражданина, «выборнаго отъ всей русской земли», спасавшаго свою родину во времена великой разрухи въ 1612—1613 гг. Между тѣмъ характеръ дѣятельности Козьмы Минина, имѣвшей цѣлью прежде всего спасти русскій народъ отъ порабощенія его иноземцами, какъ нельзя болѣе поучителенъ для насъ въ моментъ великой борьбы Россіи съ германизмомъ, потому что именно въ лицѣ Минина въ смутное время выпукло выразилось все значеніе общественной и народной иниціативы въ борьбѣ съ внѣшнимъ засильемъ, а въ безпримѣрномъ подвигѣ Козьмы Минина проявилось величіе русскаго народа, угадавшаго въ простомъ «говядарѣ» великаго патріота-гражданина и сдѣлавшаго его «излюбленнымъ человѣкомъ» отъ всей русской земли. Дѣятельности Минина и «юбилейнымъ параллелямъ» въ связи съ современными переживаніями посвящена въ ежемѣсячномъ приложеніи къ «Русской Будущности» интересная статья А. М—скаго подъ заглавіемъ: «Во времена Козьмы Минина и теперь». Читая ее, невольно думаешь о томъ, какъ плохо цѣнятъ русскіе люди великихъ своихъ соотечественниковъ, какъ коротка у насъ память о заслугахъ историческихъ нашихъ дѣятелей и какъ гнусно, возмутительно скверно учатъ насъ родной исторіи сравнительно съ исторіей всеобщей, въ особенности съ исторіей древнихъ грековъ и римлянъ. Да и мало ли еще о чемъ подумаешь! Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣкоторыя выдержки изъ прекрасной статьи г. А. М—скаго.

Библиотека "Руниверс"

«Триста лѣтъ,—говоритъ авторъ,—срокъ очень большой. За это время совершенно измѣнился ликъ земли русской. Тяжкое «смутное время», мрачная эпоха государственной разрухи, когда наша родина стояла на краю окончательной гибели и когда, казалось, должна была исчезнуть всякая надежда на возрожденіе политической и національной самостоятельности Россіи, давно миновали. Русь окрѣпла, сплотилась, выросла въ могучее государство и хотя иногда переживала тяжкія времена, но уже никогда не оказывалась въ такомъ отчаянномъ и, повидимому, совершенно безнадежномъ положеніи, какъ въ періодъ междуцарствія, до вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Даже въ страшный 1812 годъ положеніе не было столь угрожающимъ, какъ за 200 лѣтъ передъ тѣмъ. И когда теперь перечитываешь акты и документы смутнаго времени, когда пристально вглядываешься въ происходившія тогда событія, то положительно теряешься передъ необыкновеннымъ подвигомъ князя Пожарскаго и Козьмы Минина. На фонѣ общей безпримѣрной разрухи, среди жалкихъ, ничтожныхъ обломковъ совершенно развалившагося государства фигуры этихъ спасителей отечества кажутся столь великими, что передъ ними блѣднѣютъ легендарный образъ Жанны д'Аркъ и героическая личность Гарибальди. Особенно эффектна и велика личность худороднаго, необразованнаго и даже неграмотнаго Минина. Какія обстоятельства и условія его личной жизни могли воспитать въ немъ ту высочайшую степень патріотизма, на которой человѣкъ безъ малѣйшихъ колебаній приноситъ въ жертву родинѣ все самое дорогое для него и священное? Откуда почерпнулъ и какимъ образомъ сумѣлъ онъ выработать въ себѣ тотъ необыкновенно широкій и правильный взглядъ на внутреннее и международное положеніе русскаго государства,—тотъ взглядъ, который далъ ему возможность, въ сотрудничествѣ съ княземъ Пожарскимъ, вывести свое отечество на единственную спасительную дорогу? Гдѣ онъ пріобрѣлъ тотъ авторитетъ, предъ которымъ безропотно преклонялись не только его сограждане-нижегородцы, но и весь народъ, на всемъ пространствѣ русской земли, отъ простыхъ крестьянъ до князей и бояръ?—Вотъ вопросы, на которые, при скудости историческихъ матеріаловъ, касающихся личности Минина до выступленія его на общегосударственное служеніе, очень трудно отвѣтить съ исчерпывающей полнотой и обстоятельностью.... Не будемъ долго останавливаться на причинахъ, по которымъ выборъ нижегородцевъ палъ именно на Козьму Минина. Отвѣтимъ лишь что этотъ «купецъ коровій», несомнѣнно, былъ человѣкъ очень умный («родомъ не славенъ, но смысломъ мудръ»), рѣшительный («аще неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ»), преданный общественнымъ интересамъ («ношашеся тогда бурями различныхъ попеченій») и занимавшій въ Нижнемъ видное служебное положеніе посадскаго старосты («по случаю чина чреды своея бысть начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ въ братіи своей, рекше посадныхъ людей»). Когда Нижній сдѣлался центромъ общенароднаго движенія противъ поляковъ, Мининъ всецѣло отдался этому движенію. Обладая недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ и въ порывѣ патріотическаго воодушевленія, онъ сказалъ свою знаменитую рѣчь нижегородцамъ, призывая ихъ жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія отечества. Моментъ для рѣчи былъ выбранъ какъ нельзя болѣе удачно: народъ, подготовленный проповѣдью уважаемаго соборнаго протопопа Саввы и чтеніемъ грамоты архиман-

Библиотека "Руниверс"

дрита Троице-Сергіевой обители Діонисія, горячо отозвался на призывъ Козьмы, извѣстнаго своею благочестивою жизнью и удостоеннаго видѣнія преп. Сергія. Примите все это во вниманіе, и вамъ понятно станетъ то огромное впечатлѣніе, которое произвела на слушателей рѣчь Минина. Никогда ни прежде, ни послѣ Нижній не былъ такъ щедръ на пожертвованія, какъ въ этотъ лучшій моментъ своей многовѣковой исторіи. И для Козьмы этотъ моментъ былъ самымъ знаменательнымъ и важнымъ во всей его жизни. Онъ окончательно поставилъ его на подвигъ славнаго, но тяжкаго и отвѣтственнаго служенія гибнувшей родинѣ. Оставалось лишь закрѣпить за Мининымъ формальнымъ актомъ то право на народное довѣріе, которое фактически онъ уже пріобрѣлъ своимъ патріотическимъ вступленіемъ. И это, казалось бы, совершенно второстепенное и ужъ не столь важное дѣло было проведено Козьмой съ замѣчательнымъ тактомъ и осторожностью. Козьма не самъ выставилъ свою кандидатуру въ народные избранники: на него указалъ нижегородцамъ другой ихъ избранникъ, кн. Дм. Мих. Пожарскій, въ свою очередь, указанный нижегородцамъ Мининымъ и согласившійся стать во главѣ нижегородскаго ополченія лишь при условіи, что вся хозяйственная часть будетъ поручена надежному и вѣрному человѣку Козьмѣ, которому «то дѣло за обычай». Послѣ долгихъ упрашиваній со стороны нижегородцевъ Мининъ согласился на это, но потребовалъ отъ нихъ приговора, «чтобы имъ во всемъ быть послушливымъ и покорливымъ во всемъ и ратнымъ людямъ давать деньги. Они даша ему приговоръ. Онъ же написа приговоръ не токмо что у нихъ имати животы, но жены и дѣти продавати. И взя у нихъ приговоръ за руками и посла тотъ приговоръ ко князю Димитрію въ тотъ часъ для того, чтобы того приговору назадъ у него не взяли» («Нов. Лѣтописецъ»).

Съ этого момента у Козьмы была уже не только моральная власть надъ нижегородцами, но и формальное, безспорное право на взиманіе «военнаго налога» со всего государства. И Мининъ пользовался своимъ правомъ безъ всякой потачки и послабленія кому бы то ни было; «первѣе же собою начатъ: мало себѣ нѣчто въ дому своемъ оставивъ, а то все житіе свое положивъ предъ всѣми на строеніе ратныхъ людей. И тако же и прочіи гости и торговые люди приносяще казну многу. Иніе же аще и не хотяще скупости своея ради, но и съ нужею приносяще: Козьма бо уже волю вземъ надъ ними по ихъ приговору, съ помощ ю Божіею и страхъ на лѣнивыхъ налагая. Тако же и уѣздные люди не единаго Нижняго Новгорода, но и прочихъ градовъ, везуща казну, колико кто можаше, за повелѣніемъ его». (Изъ «книги о новоявл. чудесахъ преп. Сергія, творенія Симона Азарьина»).

«Налогъ былъ очень тяжелый: ставки его достигали такихъ размѣровъ, о которыхъ теперь никто не посмѣетъ и заикнуться. По однимъ документамъ, Козьма бралъ пятую, а по другимъ даже третью деньгу съ денежнаго имущества. «Козьма рече: азъ убогій съ товарищами своими, а числомъ насъ 1500, а въ сборѣ у насъ денегъ 1700, и брали третью деньгу; у кого рубль, взяли 10 алтынъ; а у кого три рубля, и у того взяли рубль; а у кого 30 рублей, у того 10 рублей; а у меня убогаго было 300 рублей, и азъ 100 рублей въ сборныя деньги принесъ» (изъ хронографа кн. М. А. Оболенскаго).

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на такія непомѣрно высокія ставки, находились люди, дававшіе на ратное дѣло еще больше: «нѣкая вдовица пріиде ко старостамъ сборнымъ и сказала у себя 12 тысячъ, а осталася послѣ господина своего безчадна, а дала 10 тысячъ, а себѣ оставила 2 тысячи, и многихъ людей въ страхъ вложила. А у иныхъ и силою почали отнимать. И собраша 160 тысячъ» (Изъ того же хронографа)... Своекорыстные интересы были ему и кн. Пожарскому совершенно чужды. Характерная въ этомъ отношеніи подробность содержится въ «Латухинской степенной книгѣ», гдѣ между прочимъ говорится: «Князь Димитрій же Михаиловичъ въ Ярославль пріиде, и пріяша ихъ ярославцы съ великою честью, принесоша князь Димитрію и Козьмѣ Минину дары многіе, они же не пріяша. И тако съ ними пріидоша ратные люди отъ иныхъ градовъ, и посадскіе граждане приношаху денежную казну на помощь». Козьма хорошо понималъ, что на великой войнѣ, а тѣмъ болѣе на такой, отъ исхода которой зависитъ судьба отечества, необходимо прежде всего позаботиться о ратныхъ людяхъ, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ: и жалованьемъ, и кормами, и военнымъ снаряженіемъ. И вотъ Козьма Мининъ и кн. Пожарскій, «комуждо по достоянію даваша имъ денежное жалованье, и кормы, и трапезами учрежаше ихъ, и во оружіи готовы ко брани устрояше ихъ. И всѣ, иже отъ воинственнаго чина, и нищіи обогатившася и быша конны и вооруженны, и паки бысть многое воинство» (изъ сказанія Авраамія Палицына)...

Сравнивая «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», наши дни съ временами Минина и кн. Пожарскаго, просто удивляешься, какъ здраво и правильно смотрѣли тогда на взаимныя отношенія между народомъ и властью и какъ извращены понятія объ этихъ отношеніяхъ у огромнаго числа, у цѣлыхъ классовъ нашихъ современниковъ...

Въ «Запискахъ» кн. Ивана Михайловича Долгорукаго («Русскій Библіофилъ») живо передается впечатлѣніе, которое произвело въ Москвѣ въ мартѣ 1801 года извѣстіе о смерти императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра I. «Историки, которые упражняться будутъ въ сочиненіи россійскихъ лѣтописей, — говоритъ Долгорукій, — не умолчатъ, конечно, предъ потомствомъ о имянахъ тѣхъ, кои составили заговоръ на жизнь его и привели его въ исполненіе. Они предадутся анаѳемѣ своихъ внучатъ, ибо если предательство иногда и похваляется по видамъ корыстолюбія и политики, но предатели всегда гнусными остаются въ глазахъ даже тѣхъ, коимъ они споспѣшествовали. Такъ-то мы начинали новое столѣтіе въ Россіи, въ которой до тѣхъ поръ еще кровь царская въ Петрополѣ царскихъ пороговъ не окропляла. Историки, конечно, всякую подробность сего опаснаго и страшнаго происшествія разскажутъ. До меня онѣ не принадлежатъ, но упомяну только здѣсь, что фаворитъ Екатерины, второй Зубовъ съ братьями своими, бывъ въ изгнаніи и призванъ интригой царедворцевъ паки ко двору незадолго предъ смертію Павла, поставилъ себя въ подвигъ придумать способъ сей избавиться его. Конечно, смерть Павлова была необходима, никто не могъ жалѣть о ней. Все отечество несказанно имъ было угнетаемо, но никто, никто не могъ одобрить избраннаго къ тому средства, да и по истинѣ нельзя было изъ тысячи возможныхъ избрать хуже того, которое было къ тому употреблено».

Библиотека "Руниверс"

Упомянувъ затѣмъ о перемѣнахъ въ высшемъ правительствѣ, сдѣланныхъ новымъ государемъ, Долгорукій продолжаетъ: «На первый случай сими перемѣнами образовалось царствованіе Александра, котораго извѣстная кротость сдѣлала тотчасъ любимцемъ всѣхъ его подданныхъ. Отъ востока до запада Россіи встрѣчали съ первой весною столѣтія весну блаженныхъ дней; всѣ успокоились, всѣ пришли въ себя, каждый позналъ право свое, облобызалъ пріятную свободу, обрѣлъ собственность и, послѣ столь крутыхъ политическихъ непогодъ, при вожделѣнномъ мирѣ со всѣми державами никто не боялся бѣдствій самовластія. Какая благодѣтельная перемѣна! Какая школа небесами дана была тѣмъ, кои, скучая днями Екатерины Второй, алчно желали видѣть Павла на ея тронѣ и, увидѣвши, скоро склонили долу отъ ужаса глаза свои и потеряли взоры ихъ (sic). Посѣдѣлая во славѣ древняя Романовыхъ столица съ восторгомъ приняла вѣстника радости. Соборъ и всѣ храмы тотчасъ наполнились людьми всякаго состоянія, принявшими присягу. Долгоруковъ, пробывши сутки въ Москвѣ, возвратился щедро одаренъ ею. Скромность его быта такъ велика, что никто еще не зналъ, какъ умеръ Павелъ, а по словеснымъ его извѣщеніямъ считали всѣ, что ему сдѣлался отъ непомѣрной злости ударъ. Дни два послѣ, когда стали наѣзжать изъ Петербурга разные люди, узнали и въ Москвѣ, что Павелъ убитъ кѣмъ и какъ. Столица не безъ содроганія свѣдала о таковомъ неслыханномъ злодѣйствѣ. Радость ея покрылась тонкимъ мракомъ, всѣ шептали о немъ, поднимали руки къ небу и не смѣли ожидать благъ небесныхъ на престолъ, орошенный кровію родительской. Публика волновалась и въ Петербургѣ, гдѣ къ удивительному соблазну всѣхъ состояній Зубовъ и его сообщники, называя себя патріотами, новыми Брутами, пили цѣлый день въ клубѣ, кружились въ конвульсіяхъ пьянаго бѣшенства, восклицали свободу— словомъ поражали ужасомъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Но дворъ, дворъ самъ объятый страхомъ, не смѣлъ еще обуздать въ скорости сего неистовства и принужденъ былъ нѣсколько снисходить бунтующей молодости первостатейныхъ своихъ чиновниковъ. Послѣ нѣсколькихъ дней недовѣрчивости, страха, догадокъ и заключеній съ обѣихъ сторонъ, ровно неосновательныхъ, наконецъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ всѣ успокоились, перестали о убійствѣ Павла толковать, начали безъ помѣхи основывать на грядущихъ дняхъ новыя зданія блаженства, и всякой тамъ и тутъ принялся за свою химеру.

«Никогда столько стиховъ не было написано, ни на какого царя восшествія, какъ на 12 марта. Казалось, что всѣ риѳмачи выпустили своихъ пегасовъ изъ заключенія, чтобы на нихъ скакать, куда глаза глядятъ. Лучшіе тогдашніе наши стихотворцы, Херасковъ и Державинъ, написали двѣ оды; первый явнымъ образомъ показалъ, что воображеніе его уже погасло, а второй бранилъ безъ пощады Павла и кадилъ Александра. За ними вмѣстѣ, кто только двѣ риѳмы умѣлъ кое-какъ связать вмѣстѣ, подносилъ государю стихи. Многіе были награждаемы. Сіе ободряло и прочихъ. Въ такомъ общемъ стихотворномъ духѣ нашего отечества не смѣлъ и я не написать чего-нибудь, дабы не замѣтили, что я иногда посѣщая Парнасскіе закоулки, на этотъ случай не хотѣлъ ничего произвести. Но я не могъ сочинять ни по наряду, ни изъ корысти, еще менѣ изъ выслуги, потому что стихи не должны быть выслугой для агорелнобное

Библиотека "Руниверс"

человѣка: онъ на то имѣетъ другіе способы, и я написалъ нѣсколько стиховъ на освобожденіе Сибирскаго, которые были напечатаны и приняты публикой весьма благосклонно.

«Отвсюда стали являться вслѣдъ за Сибирскимъ сосланные въ разные остроги и крѣпости, исчезло даже имя секретныхъ преступниковъ: всѣ они сдѣлались гласны, кромѣ убійцъ Павла, которыхъ политика запрещала и назвать и наказать. Освобождаемые разнаго состоянія люди наполнили свѣтъ свѣдѣніями о жестокости миновавшагося царства. Тутъ увидѣли самыя сокровенныя злодѣянія императора Павла, тутъ умножились на главу его проклятія всего народа; чѣмъ менѣе онъ былъ сожалѣнія достоинъ, тѣмъ снисходительнѣе разсуждали о его кончинѣ».

Намъ мало приходилось встрѣчать въ современныхъ кончинѣ императора Павла извѣстіяхъ такія точныя данныя объ измѣнчивыхъ настроеніяхъ общества по отношенію къ совершавшимся событіямъ. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, и кн. Ив. М. Долгоруковъ считалъ главнымъ виновникомъ цареубійства въ ночь съ 11 на 12 марта «второго Зубова», т. е. князя Платона. «Историки, упражнявшіеся въ сочиненіи россійскихъ лѣтописей», уже достаточно выяснили тотъ фактъ, что заправилами заговора были нѣмцы: графъ Паленъ и Беннигсенъ и что Платонъ Зубовъ былъ лишь ихъ удобнымъ орудіемъ, совмѣстно съ братьями своими Николаемъ и Валеріаномъ и нѣкоторыми гвардейскими офицерами.

Въ «Р. Архивѣ» помѣщено письмо одной изъ придворныхъ дамъ о кончинѣ наслѣдника цесаревича Николая Александровича въ Ниццѣ въ 1866 г. Подробности, заключающіяся въ этомъ письмѣ, дополняютъ въ значительной степени извѣстія объ этомъ же событіи, напечатанныя лѣтъ двадцать тому назадъ въ «Р. Архивѣ», въ «Воспоминаніяхъ» почетнаго опекуна Оома. Изъ письма придворной дамы мы вновь узнаемъ о тѣсной дружбѣ, соединявшей почившаго наслѣдника съ братомъ, великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ, будущимъ императоромъ Александромъ II; немало также въ немъ чертъ, рисующихъ образъ юной невѣсты цесаревича, датской принцессы Дагмары, будущей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Какъ извѣстно, цесаревичъ Николай Александровичъ умеръ на 24 году жизни, 12 апрѣля 1866 г., вызывая всеобщія сожалѣнія о безвременной его кончинѣ.

Вотъ это письмо придворной дамы: «Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался сегодня въ часъ ночи; и я чувствую себя настолько убитой, словно намъ не пришлось пережить восьмидневной агоніи, когда все время находились между надеждой и отчаяніемъ. Въ среду утромъ врачи произнесли смертный приговоръ; въ тотъ же день вечеромъ ему стало настолько лучше, что они заявили, что онъ спасенъ, и имѣли жестокость сказать объ этомъ матери. Но ночь со среды на четвергъ прошла ужасно безпокойно, а къ утру сдѣлалось новое кровоизліяніе въ мозгъ. Весь четвергъ онъ провелъ въ бреду, хотя и узнавалъ подходившихъ къ нему лицъ, а особенно мою мать, которой наконецъ и поручили остаться при немъ. Въ пятницу, подъ утро, онъ уснулъ. Онъ спалъ всю ночь и весь слѣдующій день—пятницу, и самъ просилъ, чтобы его оставили совершенно одного, потому что онъ хотѣлъ спать. Врачи опять стали надѣяться.

Библиотека "Руниверс"

Въ субботу пріѣхалъ императоръ съ сыновьями и бѣдной маленькой невѣстой, которую онъ встрѣтилъ въ Дижонѣ. Она имѣетъ видъ нѣжнаго пятнадцатилѣтняго ребенка съ прелестнымъ личикомъ, все очарованіе котораго заключается въ великолѣпныхъ, большихъ черныхъ глазахъ, смотрящихъ прямо въ душу. Суббота прошла очень безпокойно, мысли его все болѣе и болѣе путались, и онъ съ пятницы вечера больше не спалъ.

«Увидавъ отца, онъ смутно узналъ его, не обративъ вниманія на его пріѣздъ, какъ человѣкъ, у котораго еще есть впечатлѣнія, но мыслей больше нѣтъ.

«Къ вечеру онъ успокоился. Императрица (Марія Александровна) легла спать, приказавъ разбудить себя къ 4-мъ часамъ, потому что Гартманъ сказалъ, что къ этому времени ему опять будетъ хуже. Дѣйствительно, какъ только она снова была возлѣ него, онъ пришелъ въ полное сознаніе. Началъ цѣловать ей руки, цѣлуя отдѣльно каждый палецъ, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ, и сказалъ ей: «Прощай ма, жаль мнѣ тебя, бѣдная мамаша!» Гартману, который въ это время подошелъ, онъ сказалъ, показывая на мать: «Прощайте, прощайте, ухаживайте за ней хорошенько».

«Позвали императора. На этотъ разъ онъ его узналъ, бросился къ нему на шею и долго держалъ его въ объятіяхъ; потомъ поцѣловалъ ему руки, цѣлуя каждый палецъ.

«Подошелъ его братъ Александръ, онъ сказалъ отцу: «Вотъ это славный человѣкъ, береги его».

«Увидя другихъ братьевъ, онъ воскликнулъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы показать, что находитъ ихъ выросшими. Между тѣмъ подошла маленькая невѣста. Ему сказали, что она здѣсь. Тогда его лицо озарилось радостью, онъ долго держалъ ее въ объятіяхъ, повторяя: «Моя милая, душка моя, ангелъ мой». Потомъ сказалъ отцу: «Не правда ли, какъ она мила?». Его спросили, не хочетъ ли онъ причаститься. Онъ съ радостью согласился. Онъ уже не могъ исповѣдываться, но, когда ему читали молитвы, онъ схватилъ епитрахиль, и долго прижималъ ее къ сердцу; принимая причастіе, ему показалось, что на губахъ его осталась одна крошка, и онъ попробовалъ вытереть ее пеленою. Когда стали читать молитву послѣ причастія, лицо бѣднаго умирающаго было залито слезами и до такой степени сіяло радостью, что священникъ сказалъ, что ему никогда не приходилось видѣть у умирающихъ такого счастливаго выраженія лица.

«Онъ еще долго держалъ въ объятіяхъ невѣсту. Отецъ и мать благословили его, а затѣмъ повернулись, чтобы дать благословеніе слѣдующему сыну, который стоялъ рядомъ, окаменѣвъ отъ горя, потому что этотъ братъ былъ для него всѣмъ, что онъ только любилъ на свѣтѣ.

«Послѣ причастія наслѣдникъ сдѣлалъ рукою знакъ всѣмъ присутствующимъ и нѣсколько разъ повторилъ громкимъ голосомъ: «Прощайте, прощайте, прощайте!». Мало-по-малу мысли его путались, но я слышала, какъ онъ еще разъ сказалъ: «Простите меня всѣ», и затѣмъ позднѣе: «Славу Отцу и Сыну и Святому Духу!» Это было въ девять часовъ утра. Потомъ онъ говорилъ все меньше и безсвязнѣе, два раза онъ заснулъ, у врачей еще оставалась слабая надежда спасти его, и я думала, что Господь совершитъ это чудо и оставитъ его намъ въ воздаяніе за наши горячія молитвы. Мы, должно быть, очень согрѣшили передъ

Библиотека "Руниверс"

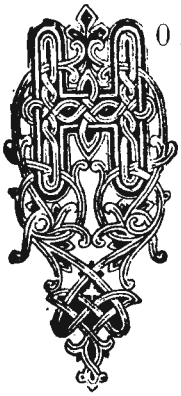
Богомъ, если усердныя молитвы всей Россіи не могли дойти до него. Въ три часа насъ въ первый разъ позвали къ отходной. Молились долго, больной былъ очень возбужденъ мускусомъ, который ему давали безпрестанно. Врачи сказали, что такъ будетъ продолжаться до вечера. Въ 7½ ч. началась настоящая агонія: больной уже ничего не видѣлъ и не слышалъ, но ужасно стоналъ, началась предсмертная икота. Ужасна была борьба между смертью и такой молодой жизнью. Мы всѣ были тутъ у изголовья больного. Императрица стояла въ ногахъ, императоръ съ одной стороны постели, съ другой—великій князь Александръ и маленькая невѣста. Они держали умерающаго за руку. Бѣдное дитя! нѣсколько разъ хотѣли увести ее, но она сказала съ удивительнымъ спокойствіемъ и твердостью: «Нѣтъ, ничто не заставитъ меня уйти, онъ меня узнаетъ, онъ мнѣ улыбается и ласкаетъ меня». Съ 7½ ч. до послѣдней минуты она сама вытирала черную пѣну, вытекавшую изъ устъ умирающаго послѣ каждаго приступа икоты. Потомъ она цѣловала ему руки и клала свое молодое, очаровательное личико рядомъ съ лицомъ умирающаго, дѣлала это такъ спокойно и нѣжно..... Четыре раза начинали читать напутственныя молитвы. Я ничего не скажу тебѣ объ императрицѣ. Этотъ сынъ былъ ея радостью, ея гордостью, онъ былъ для нея всѣмъ. Эти муки длились шесть часовъ. Стоны становились все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе, икота все сильнѣе и сильнѣе. Мы молили Бога освободить его. Наконецъ началось предсмертное храпѣніе, которое длилось цѣлый часъ. Когда онъ испустилъ духъ, императоръ, императрица, невѣста и братья съ криками бросились къ тѣлу..... Императоръ унесъ императрицу, лишившуюся чувствъ. Но малютку нельзя было оторвать отъ тѣла, она покрывала его поцѣлуями и цѣплялась за него. Ее пришлось наконецъ увести насильно. Говорятъ, что съ самой своей помолвки она, ложась спать, всегда клала подъ подушку его письма. Когда въ Копенгагенѣ было получено извѣстіе о томъ, что жизнь его въ опасности, она настояла на томъ, чтобы за него молились въ русской церкви, хотя всѣ были противъ этого, считая, что бракъ не состоится. Вчера она тоже крестилась по-русски. Да пошлетъ Господь силъ и смиреніе императрицѣ. У императора характеръ такой нѣжный и смиренный, онъ благодаритъ Бога за то, что пріѣхалъ во-время и успѣлъ благословить своего сына; но для него сынъ этотъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для матери. Теперь она провела восемь ночей, не раздѣваясь и безъ сна».

Кончина цесаревича Николая Александровича повлекла за собою переходъ престолонаслѣдія къ любимому брату его, великому князю Александру Александровичу, вступившему затѣмъ въ супружество съ принцессой Дагмарой, нынѣ вдовствующей императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Е. Шумигорскій.

Библиотека "Руниверс"

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



ОВАЯ біографія Маріи-Антуанетты. Изслѣдованіе маркиза де-Сегюра о Маріи-Антуанеттѣ подходитъ къ концу. Послѣднія главы его посвящены революціонному періоду ея судьбы, тому періоду, который совершенно преображаетъ несчастную королеву въ глазахъ читателя и окружаетъ ее ореоломъ мученичества и героизма, съ которымъ она перешла въ память потомства.

27-го декабря 1788 года Людовикъ XVI, по совѣту Неккера, рѣшилъ созвать генеральные штаты. Открытіе ихъ назначено было на 5-е мая 1789 года. Наканунѣ, по древнему обычаю, по улицамъ Версаля прошла пышная профессія, въ которой приняли участіе всѣ три сословія, король, королева и всѣ принцы крови. Людовика привѣтствовали криками, королеву же встрѣчали ледянымъ молчаніемъ.

На другой день въ залѣ Menus Plaisirs состоялось открытіе штатовъ. Королева, немного опоздавшая, заняла свое мѣсто справа отъ короля, но на двѣ ступени ниже его трона и молча слушала рѣчи депутатовъ, разсматривая скамьи третьяго сословія, гдѣ сидѣли ея будущіе враги. Въ свою очередь, и депутаты-провинціалы, никогда ея не видавшіе, посматривали на нее съ любопытствомъ и мало-по-малу невольно поддавались ея обаянію. Послѣ рѣчи Неккера, когда королева поднялась и направилась къ выходу, раздались даже крики: «Да здравствуетъ королева!»

Можно предполагать, что Марія-Антуанетта сумѣла бы разсѣять создавшуюся противъ нея вражду и овладѣть положеніемъ. Но у нея былъ страшный, непримиримый врагъ въ лицѣ двоюроднаго брата ея мужа, герцога Орлеанскаго. И безъ того враждебный семьѣ своего кузена, герцогъ Орлеан-

Библиотека "Руниверс"

скій теперь пылалъ местью за новую нанесенную ему обиду: онъ старался устроить бракъ своего сына со старшей дочерью Маріи-Антуанетты, но получилъ отказъ. Рѣшивъ погубить королевскую семью, этотъ низкій человѣкъ не скупился на агитацію противъ королевы, распуская самые неблагопріятныя для нея сплетни, тѣмъ болѣе разжигавшія толпу, что сама Марія-Антуанетта, по присущей ей гордости, дѣлала иногда шаги, которыми ловко пользовались ея враги. Такъ, принимая однажды депутацію отъ города Парижа, она выразила неудовольствіе, что ея глава вмѣсто того, чтобы, по древнему обычаю, преклонить передъ королевой колѣно, ограничился простымъ поклономъ. Депутаты ушли отъ нея въ обидѣ и не замедлили разсказать о неблагопріятномъ ихъ пріемѣ всему Парижу.

11-го іюля произошло новое волненіе. Король уволилъ Неккера за его излишнюю уступчивость штатамъ и назначилъ на его мѣсто Фулона, военное министерство было поручено маршалу де-Брольи, а первымъ министромъ сдѣлался баронъ де-Бретейль, человѣкъ очень ограниченный, но бывшій въ большой дружбѣ съ Маріей-Антуанеттой.

Эта неумная перемѣна министерства съ новой силой подняла разговоры о реакціи, дала пищу сплетнямъ о томъ, что король хочетъ разогнать національное собраніе. Результатомъ народнаго возбужденія было черезъ два дня взятіе Бастиліи и усиленіе ненависти къ королевѣ и ко всѣмъ Полиньякамъ. Ихъ засыпали угрожающими письмами и повѣсили на фонарѣ чучело, изображавшее герцогиню де-Полиньякъ. Положеніе сдѣлалось настолько опаснымъ, что 16-го іюля вся семья Полиньяковъ принуждена была бѣжать изъ Парижа.

Ихъ отъѣздъ явился сигналомъ къ общей паникѣ: за два дня парижскому муниципалитету пришлось выдать болѣе двухсотъ паспортовъ. Бѣжали почти всѣ, кто окружалъ королевскую чету, которая осталась почти въ одиночествѣ. Даже прислуга ихъ покинула и была замѣнена другими лицами, большею частью состоявшими въ сношеніяхъ съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Но Марія-Антуанетта, несмотря на постигшее ее горе—смерть старшаго сына, не думала сдаваться. Она отправила все серебро изъ дворца на монетный дворъ, уговорила короля показаться раза два въ Парижѣ. Опять стали было раздаваться крики: «Да здравствуетъ король!»—и опять одинъ ложный шагъ испортилъ все дѣло.

1-го октября вернувшійся въ Версаль фландрскій полкъ былъ приглашенъ на банкетъ, который ему устроила королевская гвардія. На этомъ банкетѣ присутствовали король, королева и дофинъ, неоднократно обходившіе присутствовавшихъ. Въ порывѣ преданности къ королю нѣсколько солдатъ сорвали новыя трехцвѣтныя кокарды и прикрѣпили бѣлыя. Этого было достаточно, чтобы демагоги подняли сильнѣйшую агитацію противъ королевы, обвиняя ее въ желаніи вернуться при помощи вооруженной силы къ прежнему порядку вещей.

5-го октября, когда король былъ на охотѣ въ Медонѣ, а Марія-Антуанетта въ своемъ Тріанонѣ, въ Версаль явилась толпа женщинъ, тысячъ въ семь или восемь, среди которыхъ было не мало переодѣтыхъ мужчинъ. Произошли

Библиотека "Руниверс"

извѣстные безпорядки, во время которыхъ королева выказала огромное мужество и неустрашимость. Достаточно указать на одинъ случай. Когда королева появилась на балконѣ передъ разъяренной толпой, какой-то человѣкъ прицѣлился въ нее изъ ружья и долго держалъ ее на прицѣлѣ. Королева мужественно вынесла это испытаніе, и, пораженная ея выдержкой, толпа разразилась рукоплесканіями.

Опускаемъ здѣсь извѣстныя подробности насильственнаго возвращенія королевской семьи въ Парижъ. Марія-Антуанетта молча выносила всѣ неудобства и испытанія, но не могла скрыть своего волненія, когда кортежъ проѣзжалъ черезъ Пасси и на балконѣ своего дворца появился съ злорадной улыбочкой герцогъ Орлеанскій въ сопровожденіи своихъ присныхъ и m-me Жанлисъ.

Плѣнниковъ сначала привезли въ городскую ратушу, гдѣ мэръ привѣтствовалъ возвращеніе королевской семьи въ Парижъ. Потомъ ихъ поселили въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ которомъ съ 1665 г. никто не жилъ и который стоялъ почти пустымъ. Королевской свитѣ пришлось провести ночь на скамейкахъ и столахъ. На скорую руку устроили ужинъ. Людовикъ ѣлъ съ не измѣнявшимъ ему аппетитомъ.

Проснувшись на другой день, королева, помѣстившаяся въ нижнемъ этажѣ дворца, съ ужасомъ увидѣла у самыхъ оконъ цѣлую толпу, которая требовала ея появленія. Толпа, впрочемъ, была настроена не враждебно и привѣтствовала появленіе королевы съ дофиномъ апплодисментами.

Кое-какъ жизнь въ Тюльери налаживалась. Во второй половинѣ октября пріѣхала принцесса Ламбаль, поселившаяся во дворцѣ и занявшая должность оберъ-гофмейстерины. Несмотря на всѣ усилія сократить дворъ, число лицъ, обслуживавшихъ королевскую семью, все еще было очень велико: однихъ врачей было шестеро для короля и столько же для королевы.

Марія-Антуанетта вела скучный и однообразный образъ жизни: завтракала она всегда одна, затѣмъ къ ней спускался изъ верхняго этажа Людовикъ, потомъ она шла на богослуженіе. Въ часъ—обѣдъ, потомъ прогулка по Тюльерійскому парку. Впослѣдствіи Лафайеттъ сталъ требовать, чтобы королевская чета хоть изрѣдка показывалась въ городѣ, чтобы не говорили, будто она содержится въ заключеніи, хотя въ дѣйствительности это такъ и было.

Внутри дворца король и Марія-Антуанетта были окружены цѣлой стаей шпіоновъ, и прежде, чѣмъ начать говорить между собой, должны были убѣдиться, что никто ихъ не подслушиваетъ за дверью.

Какъ ни осторожна была Марія-Антуанетта, поведеніе эмигрантовъ сильно вредило ей и королю. Особенно интриговалъ противъ новаго порядка вещей будущій Людовикъ XVIII, графъ д'Артуа, возненавидѣвшій къ этому времени свою belle soeur и окружившій себя ея врагами въ родѣ бывшаго генеральнаго контролера Калонна.

Между тѣмъ въ самомъ національномъ собраніи наступила полная анархія. Королева получала множество писемъ, угрожавшихъ ей смертью. Лѣтомъ нашли болѣе безопаснымъ перевести королевскую чету въ Сенъ-Клу, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ конвоемъ. Однако, когда на слѣдующій годъ король

Библиотека "Руниверс"

вздумалъ было опять поѣхать въ Сенъ-Клу, собравшаяся передъ Тюльерійскимъ дворцомъ чернь не пустила его, и королевская чета принуждена была вернуться подъ надзоръ Лафайетта, смертельно ненавидѣвшаго королеву. Въ молодости своей онъ часто бывалъ при дворѣ, но его ярко-рыжіе волосы и неуклюжесть неизмѣнно вызывали насмѣшки надъ нимъ королевы. Марія-Антуанетта прозвала его «блондинчикомъ». Лафайеттъ не могъ забыть этой насмѣшки. Съ годами взаимная антипатія развилась въ ненависть. «Король,— говаривалъ Лафайеттъ,—не имѣетъ ни характера, ни мужества, и я могу дѣлать съ нимъ, что хочу. Но королева мнѣ мѣшаетъ».

Другимъ пугаломъ для Маріи-Антуанетты былъ Мирабо. Съ сентября 1789 года Мирабо, испуганный начинающейся анархіей, сталъ искать сближенія съ дворомъ. Одна изъ близкихъ къ королевѣ дамъ, m-me д'Оссэнъ, находившаяся въ связи съ другомъ Мирабо де-ла-Марсомъ, явилась посредницей между королевой и трибуномъ.

Сначала Марія-Антуанетта рѣшительно отказалась было вступать въ какіе бы то ни было переговоры съ Мирабо, но потомъ, видя, что спасенія нѣтъ, рѣшила принять его услуги. Мирабо была обѣщана денежная награда въ размѣрѣ шести тысячъ ливровъ въ мѣсяцъ, милліонъ ливровъ по окончаніи сессіи и уплата всѣхъ его долговъ впослѣдствіи.

3-го іюля въ паркѣ Сенъ-Клу между ними состоялось свиданіе. Мирабо пріѣхалъ для этого въ Отейль, гдѣ жила его племянница, и на другой день рано утромъ черезъ боковую калитку проникъ въ паркъ. Свиданіе состоялось въ одномъ изъ гротовъ. При видѣ Мирабо королева сначала не могла подавить въ себѣ чувство ужаса, но быстро оправилась и пустила въ ходъ все свое обаяніе. Мирабо, неловкій и отвыкшій отъ приличнаго общества, былъ смущенъ и почтителенъ. Бесѣда продолжалась около часа. Прощаясь, Мирабо просилъ разрѣшенія поцѣловать королевѣ руку и, уходя, сказалъ: «Теперь монархія спасена». Вернувшись домой, онъ съ волненіемъ сказалъ своей племянницѣ: «Она велика, благородна и глубоко несчастна. Но я ее спасу».

Планъ Мирабо заключался въ томъ, чтобы вернуть королевской четѣ утраченную популярность, для чего она должна была какъ можно чаще показываться народу и приходить съ нимъ въ соприкосновеніе. Потомъ предполагалось переселить короля и его семью куда-нибудь въ Компьенъ или въ Фонтенебло и тамъ окружить однимъ изъ преданныхъ монархіи полковъ. Междоусобную войну Мирабо считалъ совершенно неизбѣжной.

Смерть Мирабо разрушила всѣ эти замыслы. Истощенный распущенной жизнью, трибунъ неожиданно скончался 2-го апрѣля 1791 года, унеся съ собой въ могилу послѣднюю надежду на спасеніе монархіи.

Лишившись могучей поддержки Мирабо, Марія-Антуанетта рѣшила итти одна по тому же направленію. Она просила своего брата Леопольда II, сидѣвшаго теперь на австрійскомъ престолѣ, двинуться съ войскомъ къ французской границѣ. Тогда французская армія должна будетъ пойти навстрѣчу непріятелю. Во главѣ ея станетъ, конечно, король. Австрійцы, разумѣется, ограничатся одной демонстраціей, и такимъ образомъ въ рукахъ короля окажется вооруженная сила, которую потомъ можно будетъ направить на подавленіе возрастающей анархіи.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ фантастическій планъ не могъ удаться, хотя бы по тому одному, что Леопольдъ былъ въ сущности совершенно чужимъ для Маріи-Антуанетты. Леопольдъ съ десяти лѣтъ жилъ въ Тосканѣ, и братъ и сестра никогда не видѣли другъ друга.

Потомъ послѣдовала попытка бѣжать изъ Франціи, столь печально кончившаяся въ Вареннѣ.

Когда королевская семья была возвращена въ Парижъ, королева, которой не было еще и тридцати шести лѣтъ, имѣла уже видъ сильно пожилой женщины. Убирая ей волосы, ея камеристка съ удивленіемъ замѣтила, что ея голова стала совсѣмъ сѣдой.

Тюльерійскій дворецъ окончательно превратился въ тюрьму: всѣ двери запирались на ключъ, вездѣ были разставлены часовые, и адъютантъ Лафайетта каждый вечеръ обходилъ королевскія спальни, чтобы убѣдиться, что плѣнники дѣйствительно легли спать. Каждый, кто хотѣлъ видѣть королеву, подвергался цѣлому допросу и ряду обысковъ.

И тѣмъ не менѣе въ умѣренной части общества, не желавшей господства черни, не умирала мысль о спасеніи короля и возстановленіи нормальнаго порядка вещей. Мѣсто Мирабо занялъ депутатъ Барнавъ, тотъ самый, которому вмѣстѣ съ Петіономъ и де-Латуръ-Мобуромъ національнымъ собраніемъ было поручено привезти короля изъ Варьена. Помѣстившись въ экипажѣ между королемъ и королевой, Петіонъ показалъ себя человѣкомъ очень плохо воспитаннымъ. Наоборотъ, Барнавъ, сидѣвшій на передней скамейкѣ, былъ вѣжливъ и молчаливъ. Во время этого путешествія Барнавъ, впервые познакомившійся съ королевой, сумѣлъ побороть въ себѣ предвзятую къ ней вражду. Со своей стороны, и Марія-Антуанетта почувствовала къ нему довѣріе и симпатію.

Барнавъ родился въ 1761 году въ Греноблѣ и происходилъ изъ протестантской семьи. Его отецъ былъ извѣстнымъ въ то время адвокатомъ. Ко времени встрѣчи съ королевой ему было уже подъ тридцать лѣтъ, пылъ юности уже улегся, и политическая его мысль принимала все болѣе и болѣе умѣренный характеръ, враждебный якобинскимъ неистовствамъ. Организуя помощь королевской семьѣ, Мирабо намѣчалъ помощникомъ себѣ въ этомъ дѣлѣ Барнава.

Между королевой и депутатомъ завязалась тайная переписка черезъ посредство нѣкоего шевалье де-Жарже. Барнавъ безъ колебаній принялъ на себя роль, которую ему предназначила Марія-Антуанетта. Онъ только просилъ разрѣшенія взять себѣ на помощь двухъ совѣтниковъ парижской коммуны Ламета и Дюпоръ де-Дюайертра, бывшихъ сначала якобинцами, но затѣмъ отпугнутыхъ отъ этой партіи ея анархическими и кровавыми дѣяніями. Оба они охотно взялись помогать Барнаву.

Планъ послѣдняго заключался прежде всего въ томъ, чтобы прекратить враждебныя новому порядку вещей выходки эмигрантовъ и вытребовать ихъ обратно во Францію, чтобы усилить вліяніе умѣренныхъ элементовъ. Однако, несмотря на неоднократныя письма Маріи-Антуанетты къ графу д'Артуа и даже спеціально отправленное къ нему посольство, этотъ пунктъ программы Барнава потерпѣлъ крушеніе. Зато второй пунктъ—принятіе королемъ конституціи—удалось осуществить полностью. Дѣло принимало благопріятный для

Библиотека "Руниверс"

короля оборотъ. Рѣчь, произнесенная имъ въ собраніи, была принята съ энтузіазмомъ, а возвращеніе въ Тюльери сопровождалась криками восторга. Еще горячѣе была встрѣча королевы въ итальянскомъ театрѣ, куда она отправилась вечеромъ съ дѣтьми.

Улучшеніе отношеній между народомъ и королевской четой было встрѣчено въ Кобленцѣ съ яростью. Королеву тамъ называли теперь не иначе, какъ демократкой. На короля смотрѣли, какъ на предателя.

Къ этой опасности справа прибавилась еще грозная опасность слѣва. Кончился срокъ учредительнаго собранія, мѣсто котораго должно было занять законодательное собраніе, «сборище злодѣевъ и глупцовъ, среди которыхъ немногіе благоразумные люди не осмѣливаются говорить», какъ выразилась про него Марія-Антуанетта.

Между тѣмъ сношенія съ Барнавомъ продолжались. Однажды онъ сдѣлалъ было попытку проникнуть въ Тюльерійскій дворецъ, но, замѣтивъ, что за нимъ слѣдитъ какая-то подозрительная фигура, прошелъ мимо калитки. Свиданіе состоялось потомъ, незадолго до его гибели. Всѣ его письма королева изъ осторожности передавала Ферзену. Погубилъ Барнава король, который забылъ въ своемъ письменномъ столѣ письмо депутата. Барнава арестовали въ Греноблѣ, два мѣсяца томили въ тюрьмѣ и 29-го ноября 1793 года отправили на эшафотъ.

Послѣ Барнава за спасеніе королевской семьи взялся Ферзенъ. Онъ неоднократно пріѣзжалъ подъ чужимъ именемъ изъ Брюсселя въ Парижъ и переодѣтый проникалъ въ Тюльери. Но всѣ его проекты бѣгства встрѣчали рѣшительный отказъ со стороны короля, который впалъ въ апатію и не желалъ никуда двигаться. Марія-Антуанетта была также нравственно сломлена, и энергія ея упала.

Между тѣмъ эмигранты и корпусъ герцога Брауншвейгскаго продолжали дѣйствовать самымъ вызывающимъ образомъ, ухудшая и безъ того тяжелое положеніе тюльерійскихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ эмигрантовъ, нѣкій Лимонъ, составилъ манифестъ къ французскому народу, въ которомъ было сказано, что если французы немедленно не покорятся королю и не падутъ передъ нимъ на колѣни, то Парижъ будетъ сравненъ съ землею. Легко себѣ представить ярость клубныхъ демократовъ!

Скоро представился новый случай для агитаціи противъ королевской семьи. Король отказался утвердить два законопроекта, принятыхъ подъ вліяніемъ крайнихъ демагоговъ: о ссылкѣ всѣхъ священниковъ, отказавшихся присягнуть новому государственному строю, и объ образованіи подъ Парижемъ лагеря для двадцати пяти тысячъ солдатъ, куда хотѣли собрать весь сбродъ изъ городовъ, всякихъ головорѣзовъ, всегда готовыхъ поддержать всякій бунтъ. Хотя король имѣлъ полное право на это, но въ дѣйствительности во Франціи уже не существовало никакого правового порядка, и власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ демагоговъ и городского отребья, ими подкупленнаго. Вечеромъ того же дня королева, вышедшая было погулять въ садъ Тюльерійскаго дворца, подверглась нападенію толпы и едва спаслась отъ черни съ помощью національной гвардіи.

Библиотека "Руниверс"

20-го іюля 1793 года, въ годовщину ареста короля въ Вареннѣ, было назначено общее возстаніе въ Парижѣ. Одичавшая, потерявшая всякую узду чернь вломилась во дворецъ и чуть не полсутокъ проходила мимо королевы и дофина, засаженныхъ къ стѣнѣ за столъ, за которымъ обычно происходили совѣщанія министровъ. Толпа осыпала королеву ругательствами, показывала ей рисунки, гдѣ изображалась ея казнь, грозила ей кулаками. Королева вынесла все это съ такимъ хладнокровіемъ и стойческимъ равнодушіемъ, что даже предводитель всего этого отребья пивоваръ Сантерръ былъ пораженъ и шепнулъ ей: «У васъ неловкіе друзья. Но есть другіе, которые могутъ вамъ служить лучше».

Съ этого времени всякій сбродъ непрерывно толпился подъ окнами дворца, распѣвая оскорбительныя для королевы пѣсни. Марія-Антуанетта ждала смерти всякій часъ. На ночь она клала съ собой собачку, которая должна была своимъ лаемъ разбудить ее въ случаѣ нападенія. И король, и она не снимали съ себя шелковой кирассы, которая могла предохранить ихъ отъ удара ножомъ.

Къ этому времени относится попытка Маріи-Антуанетты завязать сношенія съ главарями санкюлотовъ: Робеспьеромъ, Дантономъ и Сантерромъ. Хотя эпизодъ этотъ еще недостаточно выясненъ историками, но сношенія эти не подлежатъ теперь сомнѣнію. Посредникомъ между королевой и тріумвиратомъ былъ врачъ принцессы де-Ламбаль, нѣкто Зейфертъ, оставившій сбивчивый и темный разсказъ объ этомъ дѣлѣ.

Мятежъ, вспыхнувшій 9-го августа, разрушилъ всѣ планы королевы. По настоянію Редерера, Людовикъ XVI долженъ былъ искать спасенія въ самомъ собраніи, предоставивъ послѣднихъ преданныхъ ему защитниковъ ихъ собственной участи. Напрасно королева всѣми силами сопротивлялась этому шагу; король совершенно опустился и лишь бормоталъ какія-то непонятныя слова.

Пропускаемъ извѣстныя подробности тягостнаго и унизительнаго перехода королевской четы въ ложу логографа, гдѣ имъ долго пришлось сидѣть, не принимая никакого участія во всемъ происходящемъ. Наконецъ вспомнили, что ни король, ни королева еще ничего не ѣли. Имъ принесли курицу, которую Людовикъ съѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Королева только выпила глотокъ холодной воды.

Поздно вечеромъ ихъ отвели опять во флигель Тюльерійскаго дворца и заперли. У нихъ не было съ собою ничего, и одна изъ придворныхъ дамъ получила отъ королевы записку такого содержанія: «Ради Бога, пришлите мнѣ сорочку. Я уже два дня не раздѣвалась».

11-го и 12-го августа королевская семья попрежнему проводила день въ ложѣ логографа, ночь въ тюльерійскомъ флигелѣ, гдѣ не было даже тюфяковъ. 13-го ночью явились комиссары собранія, которымъ было приказано немедленно перевезти королевскую семью въ тюрьму Тампль.

Когда узники подъѣхали, тюрьма оказалась ярко освѣщенной, словно готовилась къ какому-то торжеству. Это озлобленные подонки городского населенія, чувствуя себя господами положенія, рѣшили посмѣяться надъ своимъ бывшимъ государемъ!

Библиотека "Руниверс"

— Трагическая недѣля.—Бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ баронъ Бейенсъ, издалъ книгу о разразившемся въ Европѣ военномъ кризисѣ, изъ которой «National Review» приводитъ въ іюньской книжкѣ первую главу, посвященную «трагической недѣлѣ», предшествовавшей объявленію войны Германіей Россіи и Англіи. Эта недѣля имѣетъ огромное историческое значеніе, и дипломаты хорошо дѣлаютъ, что издаютъ теперь свои личныя воспоминанія. Они пригодятся какъ для исторіи, такъ и для будущаго конгресса при выясненіи вопроса о томъ, кто именно вызвалъ великую европейскую войну.

«Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ,—пишетъ бельгійскій дипломатъ,—сошелъ въ могилу не разгаданный. Ему приписывались великіе политическіе планы, о которыхъ, однако, никто не знаетъ ничего опредѣленнаго. Извѣстно только, что онъ отличался настойчивостью, приверженностью къ клерикализму и не любилъ венгерцевъ, для противодѣйствія которымъ думалъ организовать австрійскихъ славянъ, создавъ вмѣстѣ двуединой тріединую имперію. Извѣстно также, что онъ совершенно оттѣснилъ собою дряхлаго императора, доживавшаго свой вѣкъ въ Шенбруннѣ, и мечталъ о реорганизаціи арміи по прусскому образцу и созданіи сильнаго австрійскаго флота. Утверждали, что Францъ-Фердинандъ дѣятельно готовился къ войнѣ съ Россіей, которая была ему нужна по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Австрія считала необходимымъ пробиться къ Салоникамъ, что вело къ уничтоженію Сербіи, а, стало быть, и къ неминуемому столкновенію съ Россіей. А, во-вторыхъ, наслѣднику престола хотѣлось пріобрѣсти военную славу съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность закрѣпить австрійскій престолъ въ своемъ родѣ и передать его своему сыну отъ своего морганатическаго брака съ гр. Хотекъ».

Авторъ воспоминаній встрѣчался съ эрцгерцогомъ лично два раза. Первый разъ въ Вѣнѣ въ 1910 г., а второй разъ черезъ два года въ Мюнхенѣ на похоронахъ принца-регента. Оба раза этотъ Габсбургъ произвелъ на него тяжелое, непріятное впечатлѣніе: довольно толстый, съ хмурымъ лицомъ и отталкивающими манерами, Францъ-Фердинандъ едва ли могъ привлекать къ себѣ сердца окружающихъ. Наоборотъ, его жена, которую авторъ воспоминаній зналъ еще дѣвочкой, когда ея отецъ былъ австрійскимъ посланникомъ въ Бельгіи, сохранила простоту обращенія и представляла большой контрастъ съ своими угрюмымъ супругомъ.

Извѣстіе о сараевскомъ убійствѣ, ставшее извѣстнымъ въ Берлинѣ въ полдень дня убійства, поразило всѣхъ, какъ громомъ. Баронъ Бейенсъ немедленно отправился къ австро-венгерскому послу гр. Сечени, котораго не долюбливалъ Францъ-Фердинандъ и который уже собирался выходить въ отставку. Въ австро-венгерскомъ посольствѣ царило полная растерянность. Дипломатическій корпусъ былъ встревоженъ.

На другой день германская пресса заговорила о необходимости мѣръ противъ Сербіи, но на Вильгельмштрассе предпочитали еще говорить въ возможно мягкихъ выраженіяхъ. Императоръ Вильгельмъ былъ въ это время въ Килѣ, гдѣ присутствовалъ на гонкѣ яхтъ. Узнавъ о сараевской драмѣ, онъ со свойственнымъ ему желаніемъ всюду выставлять свое пробормоталъ нѣсколько словъ, смыслъ которыхъ до сихъ поръ остается загадочнымъ: «Погибло дѣло, надъ ко-

Библиотека "Руниверс"

торымъ я трудился двадцать пять лѣтъ и которое теперь надо начинать опять съ начала». Британскому посланнику Гошену, который выѣхалъ въ Киль навстрѣчу возвращавшейся изъ Петрограда эскадрѣ адмирала Битти, онъ высказался гораздо опредѣленнѣе: ««Это преступленіе противъ всего нѣмечества», сказалъ онъ. Такимъ образомъ дѣло Австро-Венгріи отождествлялось съ дѣломъ Германіи.

Въ началѣ іюля Вильгельмъ отправился въ свой обычный объѣздъ береговъ Норвегіи. Въ Берлинѣ стало немного спокойнѣе, и британскій посолъ счелъ даже возможнымъ поѣхать въ отпускъ. Но поѣздка Вильгельма была только уловкой, чтобы сбить съ толку представителей державъ согласія. Германскій посолъ въ Вѣнѣ фонъ-Чирскій держалъ кайзера въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и даже протелеграфировалъ ему весь текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи. Этотъ ультиматумъ, переданный Сербіи бар. Гизлемъ 10 іюля, былъ до такой степени неожиданъ, что даже инспирированная берлинская печать растерялась и не знала какъ о немъ говорить. Среди дипломатовъ явилось убѣжденіе, что этотъ шагъ Австрія сдѣлала подъ непосредственнымъ давленіемъ Вильгельма. Это предположеніе подтверждалось тѣмъ тономъ, въ какомъ 12-го іюля заговорили фонъ-Яговъ и его товарищъ Циммерманъ. Уклоняясь отъ прямого отвѣта, они утверждали, что имъ ничего не было извѣстно объ австрійскомъ ультиматумѣ. А между тѣмъ на другой день берлинская печать, видимо, уже получившая соотвѣтствующія инструкціи, ополчилась на защиту австрійскихъ требованій.

Справедливо полагая, что ключъ всего положенія находится въ Берлинѣ, бельгійскій дипломатъ посѣтилъ своего французскаго и итальянскаго коллегу Боллати, который ему сказалъ, что въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ убѣждены, что Россія не можетъ выступить на защиту Сербіи и должна будетъ молча присутствовать при разгромѣ австрійцами этой маленькой страны. Внутреннія волненія, интриги революціонеровъ, недоконченность вооруженій и недостаточность стратегическихъ путей сообщеній—все это, по мнѣнію нѣмцевъ, осуждало Россію на пассивную роль. Населеніе Вѣны ликовало въ ожиданіи австрійскаго похода на Сербію. Безпечный гр. Берхтольдъ, находившій время даже въ такую минуту искать личныхъ развлеченій и удовольствій, былъ совершенно неспособенъ взвѣсить послѣдствія своего образа дѣйствій и во всемъ полагался на германскаго посланника...

Въ Берлинѣ тоже господствовала полная увѣренность, что лучшаго случая разгромить Россію и Францію долго еще не представится. 13-го іюля за большимъ обѣдомъ въ гостиницѣ «Бристоль» Круппъ-фонъ-Боленъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо заявилъ, что русская артиллерія находится еще въ періодѣ сформированія, а германская—не знаетъ себѣ равной.

Встревоженные дипломаты то и дѣло навѣщали Вильгельмсштрассе, надѣясь почерпнуть тамъ какія-нибудь свѣдѣнія, но въ германскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ притворялись, что теперь все зависитъ отъ Россіи.

Когда былъ опубликованъ отвѣтъ Пашича, въ Берлинѣ перемѣнили валъ и стали утверждать, что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ отношенія между Австро-Венгріей и Сербіей, прекрасно понимая, что Россія не можетъ отказаться отъ своей роли на Балканахъ. Въ то же время германскія власти

Библиотека "Руниверс"

сознательно сбивали съ толку публику, утверждая, что Германія для избѣжанія войны дала Россіи ручательство, что сербская территорія останется неприкосновенной. Какъ будто нельзя поработить себѣ любое государство, не захватывая его территоріи!.

Вечеромъ 13-го іюля въ Берлинѣ распространился слухъ, что Вильгельмъ неожиданнно возвращается въ свою столицу. Фонъ-Циммерманъ при свиданіи съ британскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ заявилъ, что это было сдѣлано, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ и къ общей тревогѣ. 16-го іюля вечеромъ сэръ Гошенъ былъ приглашенъ къ канцлеру Бетману-Гольвегу, который старался добиться отъ него ручательства въ томъ, что въ случаѣ столкновенія между Германіей и Франціей Англія останется нейтральной на томъ условіи, что французская территорія останется неприкосновенной.

— А французскія колоніи?—спросилъ посолъ.

Канцлеръ предпочелъ отдѣлаться отъ этого вопроса двусмысленными фразами.

Вильгельмъ, очевидно, рѣшилъ начать войну во что бы то ни стало, и когда французскій посолъ Камбонъ пріѣхалъ къ фонъ-Ягову, тотъ откровенно сознался, что всѣ генералы настаиваютъ на объявленіи войны.

Въ то же время Пурталесъ передалъ въ Петроградѣ ноту Германіи, требовавшую въ грубыхъ и повелительныхъ выраженіяхъ прекращенія начавшейся въ Россіи мобилизаціи.

Требованіе это было встрѣчено, какъ извѣстно, рѣшительнымъ отказомъ.

Такимъ же отказомъ былъ встрѣченъ въ Лондонѣ и нѣмецкій торгъ о нейтралитетѣ Англіи. Чтобы сразу заставить Германію сбросить съ себя маску, сэръ Грей поступилъ такъ, какъ сдѣлалъ Гладстонъ въ 1870 г., и прямо запросилъ Парижъ и Берлинъ, намѣрены ли они уважать нейтралитетъ Бельгіи. Въ то время, какъ изъ Франціи пришелъ совершенно ясный утвердительный отвѣтъ, берлинскіе дипломаты попробовали уклониться отъ отвѣта и тѣмъ самымъ открыли свои карты.

17-го іюля всѣ убѣдились, что война неизбѣжна. Вильгельмъ объявилъ въ Германіи такъ называемый Kriegsgefahrzustand. Это первая стадія общей мобилизаціи, въ которой гражданское управленіе во многихъ областяхъ замѣняется военнымъ. 18-го іюля въ офиціозномъ «Local Anzeiger» было напечатано воззваніе къ германскому народу, которому объяснялось, что война возникаетъ исключительно по винѣ Россіи.

Авторъ воспоминаній былъ еще въ это время въ Берлинѣ и свидѣтельствуетъ, что объявленіе войны вовсе не вызвало такого энтузіазма, о которомъ кричали потомъ нѣмцы. Лишь 20-го іюля въ воскресенье собралась довольно большая толпа народа, пѣвшая національныя пѣсни и кричавшая «hoch» передъ австрійскимъ и итальянскимъ посольствами. Зато газеты старались изъ всѣхъ силъ травить Россію и тѣхъ несчастныхъ русскихъ, которые застряли въ это время въ Германіи.

Впослѣдствіи раздавались голоса, что Англія могла бы занять съ самаго начала конфликта болѣе опредѣленное положеніе на сторонѣ Франціи и Россіи, и такимъ образомъ предотвратить надвигавшуюся войну. Баронъ Бейенсъ считаетъ,

Библиотека "Руниверс"

что такой упрекъ Англіи совершенно неосноваменъ. Онъ утверждаетъ, что даже прямая угроза со стороны Англіи не удержала бы Вильгельма и его совѣтчиковъ: слишкомъ сильно было въ нихъ воспоминаніе объ Агадирѣ, и Вильгельмъ рисковалъ бы потерять всякій престижъ, если бы отступилъ отъ своихъ плановъ изъ страха передъ Англіей. Къ тому же до самаго объявленія войны съ Англіей въ нѣмцахъ жила увѣренность, что англичане способны только на демонстрацію, но не на войну.

— Бумажный голодъ во времена революціи. Подъ впечатлѣніемъ недостатка бумаги, чувствующагося теперь во всѣхъ странахъ Европы, профессоръ Маріонъ помѣстилъ въ майской книжкѣ «Le Correspondant« любопытную справку о бумажномъ голодѣ въ первые годы великой французской революціи.

Еще Токвилль доказалъ, что старый режимъ держался исключительно бумажнымъ дѣлопроизводствомъ. Шесть министерствъ, 34 интенданта, съ полдюжины провинціальныхъ штатовъ изводили огромное число бумаги. Но это число было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что истреблялось созданными революціей 83 департаментами, 544 округами и 44 тысячами муниципальныхъ управленій, не говоря уже о національномъ собраніи и многочисленныхъ комитетахъ. Огромное количество бумаги требовалось также и на печатаніе бумажныхъ денегъ, всякаго рода боновъ, патріотическихъ воззваній, всякаго рода описей имущества, списковъ эмигрантовъ, не существовавшихъ раньше всякихъ удостовѣреній и т. п.

Недостатокъ бумаги обнаружился уже съ 1-го мая 1792 г. Послѣ низверженія жиронды министерство распредѣленій было отдано Детурнеллю, ревностному приверженцу якобинцевъ. Этотъ курьезный министръ началъ съ того, что побранился съ своимъ министерскимъ курьеромъ, которому приказалъ говорить съ нимъ на ты и съ которымъ обѣдалъ за однимъ столомъ. Одинъ изъ служившихъ подъ его начальствомъ чиновниковъ разсказываетъ такую сцену, которой онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Министру принесли какое-то очень важное донесеніе. Прежде, чѣмъ приняться за него, Детурнелль снялъ съ себя башмакъ, вынулъ изъ кармана нитку и иголку и принялся усердно чинить продырявившуюся обувь. Покончивъ съ этимъ, онъ углубился въ чтеніе свѣжаго номера «Père Duchêne», только потомъ и нашелъ нужнымъ заняться и важной бумагой.

Въ борьбѣ съ бумажнымъ голодомъ Детурнель прежде всего воспретилъ употребленіе конвертовъ для писемъ и дѣловой переписки и предписалъ наблюдать всюду строгую экономію въ бумагѣ. Впослѣдствіи онъ пошелъ еще далѣе и въ разнообразныхъ спискахъ, которые такъ любятъ во французскихъ канцеляріяхъ, зачеркнулъ цѣлыя гранки и колонки, чтобы меньше выходило бумаги. О томъ, до какихъ размѣровъ доходило бумажное дѣлопроизводство республиканскихъ учрежденій, даетъ наглядное понятіе рѣчь Сенъ-Жюста, произнесенная имъ 10-го октября 1793 г.—«Министерства—это цѣлыя бумажныя царства,—говорилъ онъ.—Я не знаю, какъ управлялись безъ бумаги Греція и Римъ. Но убѣжденъ, что изобиліе переписки и бумажныхъ распоряженій знаменуетъ бездѣйствіе министерства. Народные представители, генералы, администраціи,—всѣ окружены цѣлыми канцеляріями, словно люди стараго режима. Монархизмъ

Библиотека "Руниверс"

замѣнился бюрократизмомъ. Демонъ борзописанія объявилъ намъ войну, и все управленіе стало».

Въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться комитетъ общественнаго спасенія. 16 фримера имъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ не смѣли уничтожать ни одного кусочка бумаги и собирали бы ихъ для изготовленія новой бумаги. Книги не должны были печататься въ форматѣ крупнѣе обычной четвертки.

Но всѣ эти мѣры, повидимому, не имѣли никакого успѣха, и бумажный голодъ продолжался. Стопа бумаги, стоившая въ 1790 г. 10 франковъ, теперь стоила 450 франковъ. Офиціальная газета «Moniteur» была принуждена увеличить подписную плату до 250 франковъ за треть года.

Въ той же прогрессіи возрастали цѣны и на другіе товары: хлѣбъ продавали по 20 франковъ за фунтъ. Ужинъ, устроенный комитетомъ общественнаго спасенія 4 брюмера IV года республики, въ послѣдній день конвента, обошелся въ огромную сумму: одна соль стоила 120 франковъ, пирогъ обошелся въ 800 франковъ, за щуку взяли 1000 франковъ. Двѣнадцать грушъ на десертъ стоили 120 франковъ.

Чтобы избавиться отъ бумажнаго голода, останавливавшаго управленіе республикой, правительство рѣшилось на героическую мѣру—уничтоженіе подпрефектуръ, или, примѣнительно къ нашимъ понятіямъ,—губернскихъ правленій, изводившихъ массу бумаги. Эта мѣра повлекла за собой отсутствіе всякаго рода списковъ—выборщиковъ, плательщиковъ податей и т. п.

Разстраивалась правительственная машина и по другой причинѣ: кромѣ недостатка бумаги и другихъ канцелярскихъ принадлежностей, обнаружился еще недостатокъ свѣчей и вообще освѣтительныхъ матеріаловъ. Во многихъ мѣстахъ служащіе стали отказываться отъ письменныхъ работъ при одной свѣчкѣ, требуя чтобы имъ давали, какъ прежде, двѣ. Муниципалитеты городовъ заваливали центральное правительство просьбами о присылкѣ бумаги и освѣтительныхъ матеріаловъ.

«Городъ Бордо,—писалъ въ Парижъ мѣстный муниципалитетъ,—вовсе не освѣщается въ этомъ году, всѣ общественныя мѣста покинуты, такъ какъ служащимъ давно уже не платили жалованья».

Еще хуже оказалось положеніе муниципалиета въ Тулузѣ. За неимѣніемъ столовъ, стульевъ, отопленія и освѣщенія муниципалитетъ не могъ засѣдать

Бумажный кризисъ сильно подорвалъ даже самое законодательство, и начальство тогдашней національной типографіи доносило. «Рабочіе, печатающіе законы, могутъ работать только днемъ по причинѣ полнаго отсутствія освѣщенія. Кромѣ того, они требуютъ, чтобы имъ выдавалась бумага, которую теперь удается пріобрѣтать лишь съ большимъ трудомъ и издержками. Работаютъ они очень медленно, такъ какъ находятъ выплачиваемое имъ жалованье слишкомъ ничтожнымъ».

Перваго послѣ учрежденія директоріи министра внутреннихъ дѣлъ Бенезека со всѣхъ сторонъ засыпали прошеніями о снабженіи правительственныхъ учрежденій бумагой, освѣтительными матеріалами и топливомъ. Но что могъ сдѣлать министръ въ опустошенной революціей странѣ?

Библиотека "Руниверс"

Гораздо остроумнѣе поступилъ министръ Кловьеръ. Онъ рѣшился измѣнить часы открытія и закрытія правительственныхъ мѣстъ и приказалъ, чтобы всѣ канцелярій открывались не позднѣе восьми часовъ утра и закрывались въ три часа дня. Этимъ устранялся вопросъ объ освѣщеніи, но жалобы на недостатокъ бумаги будутъ слышаться еще долго, на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти до начала диктатуры Наполеона.

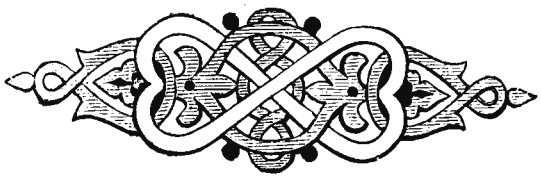
— Кто разрушилъ Парѳенонъ?—За дни великой войны германцы проявили себя въ качествѣ спеціалистовъ по разрушенію историческихъ памятниковъ. Достаточно вспомнить систематическій обстрѣлъ германскою артиллеріею дивнаго собора въ Реймсѣ, подъ тѣмъ пустымъ предлогомъ, будто бы на башняхъ собора французы имѣютъ обсерваціонные посты. Ученики германцевъ, австрійцы,—тѣ идутъ по стопамъ своихъ учителей, и, совершая разбойничьи воздушные рейды въ предѣлы Италіи, систематически бросаютъ бомбы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти бомбы нанести урона итальянскимъ вооруженнымъ силамъ не могутъ, но могутъ погубить дивные памятники стараго искусства. Такъ, полуразрушенъ выстроенный еще Теодорихомъ Великимъ чудесный храмъ въ тихой Равеннѣ. Такъ разрушенъ одинъ изъ чтимѣйшихъ храмовъ «дэи скальци» въ Венеціи,—погублены несравненныя фрески Тьеполо. Такъ, наконецъ, только по особой милости Неба австрійская бомба не нанесла поврежденій великому, единственному въ мірѣ храму Санъ-Марко, а взорвалась въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ этого храма на площади.

Подвиги нѣмцевъ въ этомъ отношеніи свѣжи въ памяти у всѣхъ. Но рѣдко кто даже и изъ историковъ знаетъ, что именно нѣмецъ погубилъ несравненный Парѳенонъ.

Въ концѣ 1687 года венеціанцы, тогда бывшіе еще хозяевами Мореи, ведя кровопролитную войну съ турками, предприняли осаду Аѳинъ. Засѣвшіе въ Греціи турки дѣятельнѣйшимъ и энергичнѣйшимъ образомъ защищались. Они сочли необходимымъ укрѣпить Акрополь и произвели здѣсь рядъ фортификаціонныхъ работъ. Во время этихъ работъ, кажется, и было снесено чудесное зданіе античнаго храма Побѣды. Въ самомъ Парѳенонѣ, который до конца XVII столѣтія уцѣлѣлъ почти совершенно и сохранилъ большую часть своего античнаго великолѣпія, по крайней мѣрѣ—наружнаго, варвары турки устроили пороховой складъ. Помѣщая порохъ въ стѣнахъ Парѳенона, они руководились тѣмъ соображеніемъ, что «гяуры» едва ли осмѣлятся посягнуть на этотъ дивный монументъ, а, можетъ быть, разсчитывали и на то, что венеціанцамъ останется неизвѣстнымъ мѣсто, гдѣ хранится порохъ. Но какой-то грекъ-перебѣжчикъ выдалъ венеціанцамъ этотъ секретъ. Венеціанцы подъ предводительствомъ проведитора Морозини, который впослѣдствіи сдѣлался дожемъ, и шведскаго кондотьера графа Кенигсмарка, высадившись въ Пиреѣ, приблизились къ Аѳинамъ и повели правильныя осадныя работы. Началась бомбардировка. Возникъ вопросъ: какъ быть съ Парѳенономъ? Венеціанцы колебались, не рѣшались. Только категорическое заявленіе Кенигсмарка объ абсолютной необходимости бомбардировать Парѳенонъ рѣшило вопросъ. Но бомбардировка не давала никакихъ результатовъ, покуда за дѣло не взялся привезенный съ собою Кенигсмаркомъ пушкарь, ганноверецъ по происхожденію, родомъ изъ города

Библиотека "Руниверс"

Люнебурга. Вечеромъ 26 сентября 1687 года брошенная люнебуржцемъ фитильная бомба пробила крышу Парѳенона, упала внутрь и взорвалась въ пороховомъ складѣ. Произошелъ ужасный взрывъ, который разорвалъ на-двое величественное зданіе античнаго храма и произвелъ жестокія разрушенія во всѣхъ его частяхъ. До сихъ поръ внутри Парѳенона видно на полу то мѣсто, куда упала эта проклятая бомба. На протяженіи всего восемнадцатаго вѣка и первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго хозяйничавшіе въ Греціи турки, отъ которыхъ, впрочемъ, не отставали и ихъ рабы и холопы греки, продолжали дѣло разрушенія Парѳенона, растаскивая античный мраморъ для собственныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Въ 1801 году англичанинъ лордъ Эльджинъ снялъ и увезъ въ Англію великолѣпные рельефы, украшавшіе портикъ. Скульптура эта была въ 1816 году пріобрѣтена Британскимъ музеемъ за огромную по тѣмъ временамъ сумму въ 875,000 франковъ. Эльджинъ подвергся горькимъ упрекамъ со стороны наиболѣе культурныхъ элементовъ европейскаго общества и заклейменъ прозвищемъ «грабителя Парѳенона». Пылкій Байронъ, влюбленный въ Элладу, сыгралъ большую роль въ обвиненіи лорда. До извѣстной степени упреки Эльджину справедливы: онъ отнялъ у Парѳенона лучшее его украшеніе. Но, съ другой стороны, этимъ онъ сохранилъ для человѣчества великія произведенія античнаго искуства. Богъ знаетъ, уцѣлѣли ли бы рельефы, если бы ихъ не увезъ въ Англію Эльджинъ? Вѣдь, ни турки, ни сами греки тѣхъ временъ о сохраненіи памятниковъ древности совершенно не заботились. Кто знаетъ, не вздумалось ли бы какому-нибудь турецкому пашѣ, засѣдавшему сатрапомъ въ Аѳинахъ, употреблять мраморъ Парѳенона на устройство бассейна для купанья одалисокъ своего гарема? А то и того проще: греки, вѣдь, стаскивали мраморную обшивку стѣнъ старинныхъ монументовъ и безъ всякихъ церемоній пережигали божественныя мраморныя изваянія на известку...



Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

ЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ «Земледѣльческой Газеты». Ровно 82 года тому назадъ, 3-го іюля 1834 года, вышелъ § 1 журнала «Земледѣльческая Газета, издаваемая по высочайшему повелѣнію». Журналъ просуществовалъ почти 72 года, временно съ 1906 года прекратилъ свое существованіе, а затѣмъ вновь, по иниціативѣ с.-х. комиссіи Государственной Думы, возобновился въ 1913 году. Такимъ образомъ въ текущемъ году заканчивается три четверти вѣка фактическаго существованія журнала. «Земледѣльческая Газета» возникла за 27 лѣтъ до манифеста 1861 года, въ эпоху сельско-хозяйственнаго кризиса, бывшаго началомъ конца крѣпостной зависимости. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка наступило катастрофическое паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Онѣ упали до 40% прежней стоимости. Въ заключеніе въ 1833 году надъ Россіей разразился еще сильнѣйшій неурожай, захватившій 23 губерніи и продолжавшійся отчасти и въ слѣдующемъ году. Благосостояніе землевладѣльческаго класса было подорвано, въ связи съ этимъ тридцатые годы отмѣчены пробужденіемъ огромнаго интереса къ сельскому хозяйству и возвращеніемъ землевладѣльцевъ къ себѣ въ имѣнія для нарушенія нарушеннаго благосостоянія. Къ этимъ чисто матеріальнымъ побужденіямъ присоединилось еще одно обстоятельство: первыя десятилѣтія того вѣка являлись эпохой увлеченія ученіемъ физіократовъ, справедливо полагавшихъ въ земледѣліи «основу всѣхъ богатствъ». Собственно говоря, съ этого момента и начинается исторія русскаго сельскаго хозяйства,— ранѣе было только землевладѣніе. Молодые хозяева, встрѣтивъ старыя крѣпостническія формы хозяйничанья и часто сознавая убыточность крѣпостного труда при новыхъ условіяхъ рынка, стали стремиться поставить дѣло на предпринимательскихъ началахъ. Это были первые у насъ опыты приложенія къ

Библиотека "Руниверс"

земледѣлію производительнаго капитала. Въ эту-то эпоху и возникаетъ «Земледѣльческая Газета», издаваемая по высочайшему повелѣнію. Кризисъ сельскаго хозяйства и неурожай 1833 года вызвали образованіе высочайше учрежденнаго комитета для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи, который въ числѣ мѣръ усовершенствованія призналъ необходимымъ и изданіе «Земледѣльческой Газеты». Въ составъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ вошли извѣстные въ исторіи агрономіи дѣятели того времени: И. И. Самаринъ, К. С. Гагаринъ, авторъ интересныхъ примѣчаній къ переводу Теэра Н. Н. Муравьевъ, московскій профессоръ Мих. Павловъ, писавшій въ 1834—35 гг., и многіе другіе. Весь этотъ первый періодъ журнала прошелъ подъ лозунгомъ «плодоперемѣнія». Почти исключительно о плодоперемѣнной системѣ только и писалось въ «Земледѣльческой Газетѣ». Образцы для постройки новыхъ хозяйствъ брались изъ тогдашней западно-европейской практики, въ которой царило ученіе Теэра, и все прогрессивное и раціональное въ сельскомъ хозяйствѣ совпадало тогда съ «плодоперемѣніемъ». Передовые дѣятели 30-хъ годовъ глубоко были убѣждены, что исцѣленіе русскаго земледѣлія—въ плодосмѣнѣ, въ тукахъ и въ разведеніи «корнеплодныхъ овощей». «Земледѣльческая Газета» того времени видѣла въ идеалѣ превращеніе русскихъ имѣній въ родъ англійскихъ фермъ съ овощно-кормовыми плодосмѣнами и навозами (туками) Понятно, что къ ней устремились читатели-хозяева молодого теченія и въ ней искали поддержки и указаній въ стоявшей передъ ними задачѣ обновленія разрушавшагося крѣпостническаго хозяйства. Сотрудники этого періода по необходимости черпались изъ круга остзейскихъ землевладѣльцевъ, гдѣ типъ хозяйства во многихъ отношеніяхъ приближался къ западно-европейскимъ образцамъ. Лифляндскій помѣщикъ В. Энгельгардтъ (съ 1834 г), К. Г. фонъ-Майдель (1834—35 гг.), фонъ-Гагенместеръ (1834—46 гг.), профессоръ Шмальцъ, фонъ-Штейгеръ, Стиссеръ Э. Ф., Крестлингъ и другіе были наиболѣе дѣятельными и авторитетными сотрудниками первыхъ годовъ, описывали свои собственныя хозяйства и давали отвѣты на вопросы подписчиковъ по веденію плодосмѣннаго полеводства. Мало-помалу втягивались въ обмѣнъ мнѣніями и русскіе хозяева, и этотъ моментъ мы считаемъ началомъ критики остзейскихъ рецептовъ по насажденію системы Теэра въ тогдашней Россіи и тѣмъ переломомъ, который былъ вызванъ столкновеніемъ подражанія Западу съ дѣйствительностью крѣпостной эпохи. Увлеченіе Теэромъ и прибалтійскими учителями разбилось о крѣпостную организацію хозяйства. Въ 30-хъ же годахъ стали появляться статьи шацкаго помѣщика князя Вл. Волконскаго (1836), артиллеріи штабсъ-капитана Д. Ратаева (1834), затѣмъ С. Лошкарева (1842) и ковровскаго помѣщика Андрея Ивановича Чихачева, подвергавшихъ на основаніи практическаго опыта критикѣ не только плодосмѣнное хозяйство, но и самое увлеченіе техникой. Не въ техникѣ хозяйства, а въ экономической организаціи его видѣли они источникъ назрѣвавшаго кризиса. Этотъ новый кризисъ, названный историками кризисомъ барщиннаго хозяйства, совершенно опредѣлился къ 40-мъ годамъ. Оброкъ и барщина были двумя видами той организаціи крѣпостного хозяйства, къ которымъ обратились общественная мысль и «Земледѣльческая Газета», отвернувшаяся отъ вопросовъ техники плодосмѣна. Оброкъ и барщина и необходимость экономической и

Библиотека "Руниверс"

соціальной реформы—таково преимущественно содержаніе статей «Земледѣльческой Газеты», начиная приблизительно съ 1845 года, и этотъ моментъ нужно считать началомъ подготовки великой крестьянской реформы. Низкая производительность барщины навлекла на нее всеобщее осужденіе хозяевъ. Правда, барщинный трудъ не заставлялъ вынимать деньги изъ кармановъ, гдѣ ихъ было и такъ немного, но производительность его была крайне низка. «Земледѣльческая Газета» начала въ этотъ періодъ выдвигать вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ и стала приводить примѣры его удачнаго примѣненія.

Крупнымъ событіемъ въ исторіи «Земледѣльческой Газеты» на пути ея служенія освободительному дѣлу мы считаемъ статью «Добрая воля сильнѣе неволи», появившуюся въ 1847 году и принадлежавшую блестящему перу извѣстнаго русскаго публициста, талантливаго хозяина, сапожковскаго предводителя дворянства, Александра Ивановича Кошелева. Будучи сторонникомъ выкупа, который освободилъ бы крестьянскій трудъ и далъ землевладѣльцамъ капиталъ для предпринимательскаго хозяйства, А. И. Кошелевъ съ точки зрѣнія хозяина-практика подвергалъ безпощадной критикѣ преимущества крѣпостного права. Къ 1853 г. во главѣ журнала становится давній соратникъ графа Киселева по крестьянскому дѣлу и знатокъ крѣпостной Россіи—А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Со всей энергіей онъ отдался проведенію въ «Земледѣльческой Газетѣ» освободительной идеи. Замолчанная въ свое время мысль А. И. Кошелева о преимуществахъ вольнонаемнаго труда приблизительно съ 1857 г. вновь становится важнымъ элементомъ содержанія журнала. Вопросы «объ улучшеніи быта поселянъ», какъ тогда называли эзоповскихъ языкомъ грядущую реформу, вопросы грамотности, поземельной собственности, тѣлесныхъ наказаній, о свободѣ личности и труда, устройствѣ и надѣленіи крестьянъ, объ общинѣ наполняютъ страницы журнала, испытавшаго рѣшительный поворотъ отъ техническаго содержанія къ статьямъ экономическимъ и общественнаго характера. Съ 1858 г. печатается богатый матеріалъ о ходѣ подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ. Много горячихъ статей было написано тогда. Изъ авторовъ этого періода назовемъ рославльскаго хозяина К. Мясоѣдова (1859), О. К. Медвѣдева и В. В. Лободу посылавшихъ крѣпостной эпохѣ рядъ горькихъ упрековъ. Много писали также К. Н. Доманскій, Д. Н. Струковъ и М. П. Заблоцкій—братъ редактора. Наконецъ великая реформа свершилась, но роль «Земледѣльческой Газеты» еще далеко не была сыграна: самый блестящій періодъ ея служенія русскому сельскому хозяйству былъ еще впереди. Вопросы экономическіе продолжаютъ въ это время занимать въ журналѣ доминирующее положеніе. Хозяева присылаютъ описанія своихъ попытокъ введенія вольнонаемнаго труда и засыпаютъ редакцію жалобами на невозможность веденія хозяйства изъ-за недобросовѣстности и дороговизны наемныхъ рабочихъ, указываютъ, что агрономія не оправдала ихъ надеждъ, и т. д. Редакція утѣшала подписчиковъ и энергично держалась своего стараго курса. Указывая, что и въ Западной Европѣ наблюдается въ сельскомъ хозяйствѣ рабочій кризисъ, редакція проводила мысль созданія класса батраковъ: «надѣляйте вашихъ работниковъ клочками земли—это сильное средство приковать работника къ земледѣлію» (№№ 37—38 1865 г.). Въ 1865 г. во главѣ журнала становится

Библиотека "Руниверс"

Ф. А. Баталинъ и энергично начинаетъ бороться съ пессимизмомъ хозяевъ. Нужно изъ землевладѣльцевъ превратиться въ земледѣльцевъ — вотъ лозунгъ «Земледѣльческой Газеты» того періода. Мало-по-малу, однако, вопросы о не существующемъ уже крѣпостномъ трудѣ становятся анахронизмомъ. Высокія хлѣбныя цѣны 60-хъ годовъ смѣняются новымъ паденіемъ цѣнъ, приближается время извѣстнаго «оскудѣнія центра» и, бросивъ разсужденія о возможности или невозможности вести хозяйство наемнымъ трудомъ, землевладѣльцы вынуждены интенсивно заняться своимъ хозяйствомъ. Часть старыхъ хозяевъ смѣнилась владѣльцами новой формаціи, и эта эпоха 70—80-хъ годовъ стала эпохой расцвѣта помѣщичьяго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расцвѣта «Земледѣльческой Газеты», принявшей теперь видъ журнала исключительно техническаго, созданнаго совмѣстной работой А. С. Ермолова, В. И. Ковалевскаго, И. А. Стебута, П. А. Костычева, А. П. и А. Н. Энгельгардтовъ, А. П. Мертваго и ряда другихъ нашихъ корифеевъ. Не будемъ останавливаться на этомъ періодѣ—онъ достаточно уже освѣщенъ старыми сотрудниками Ф. А Баталина. Къ концу тридцатилѣтняго редакторства Ф. А. Баталина намѣтился тотъ новый кризисъ, который въ наши дни разрѣшился міровой войной— мы говоримъ о соперничествѣ русскаго и прусскаго сельскихъ хозяевъ въ борьбѣ на хлѣбномъ рынкѣ. Вліяніе экономической политики на строй русскаго хозяйства стало ощутаться все замѣтнѣе, но журналъ продолжалъ держаться стараго техническаго направленія. Новое разочарованіе въ возможности поднять хозяйство при помощи исключительно однѣхъ только техническихъ мѣръ привело, по мнѣнію нѣкоторыхъ, къ упадку журнала. Онъ закрылся, а когда черезъ 7 лѣтъ онъ вновь возникъ, вокругъ кипѣла и творилась уже новая жизнь. Уже существовало свыше 200 районныхъ техническихъ изданій по сельскому хозяйству, взявшихъ на себя и расширившихъ задачи старой «Земледѣльческой Газеты». Ей пришлось искать новыхъ путей, чтобы быть полезной отечественному сельскому хозяйству.

Юбилей профессора А. И. Томсона. 3-яго апрѣля текущаго года исполнилось 30 лѣтъ учено-педагогической дѣятельности ординарнаго профессора новороссійскаго университета, доктора сравнительнаго языковѣдѣнія А. И. Томсона. Почтенный юбиляръ по окончаніи восточнаго факультета петроградскаго университета, гдѣ онъ работалъ по преимуществу подъ руководствомъ профессора Минаева, въ Москвѣ примкнулъ къ числу ближайшихъ учениковъ и послѣдователей знаменитаго Ф. Ѳ. Фортунатова. За 30 лѣтъ своей ученой дѣятельности юбиляръ напечаталъ рядъ статей по сравнительному синтаксису падежей и анализу фонетическихъ явленій. Эти труды, напечатанные въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ, доставили ему широкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границей, и званіе члена-корреспондента императорской академіи наукъ. Его капитальный трудъ «Общее языковѣдѣніе» считается одной изъ лучшихъ работъ въ этомъ направленіи. Труды по теоріи русскаго правописанія доставили автору почетную извѣстность среди дѣятелей средней школы. Его лекціи всегда привлекаютъ слушателей ясностью изложенія и обиліемъ ученаго матеріала. Неблагопріятныя обстоятельства помѣшали многочисленнымъ почитателямъ проф. Томсона достойно отпраздновать его юбилей,

Библиотека "Руниверс"

но среди нихъ возникла мысль поднести ему спеціальный сборникъ статей по лингвистикѣ.

Столѣтняя годовщина со дня кончины Г. Р. Державина. Въ Хутынскомъ монастырѣ вблизи Новгорода эта годовщина была ознаменована торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ. Парастасъ наканунѣ и литургію съ панихидой въ день годовщины 9 іюля совершилъ преосвященный Алексій, епископъ тихвинскій, въ сослуженіи братіи обители. На богослуженіи, кромѣ монастырской братіи, преподавателей новгородскаго Деревяницкаго епарх. училища и одного проживающаго на дачѣ въ Хутыни преподавателя мѣстной духовной семинаріи и малаго числа дачниковъ, не было никого пріѣзжихъ. Преосвященный Алексій въ живомъ, прекрасномъ своемъ словѣ предъ панихидой отмѣтилъ это отсутсвіе представителей ученыхъ обществъ литераторовъ, представителей общества даже въ столь знаменательный день, какимъ является столѣтній юбилей великаго поэта, высокаго сановника, обласканнаго тремя государями, возлагавшими на него отвѣтственныя обязанности. Очерчивая образъ Г. Р. Державина, какъ человѣка, преосвященный раскрылъ его міросозерцаніе, тѣ возвышенные идеалы, которые поэтъ ставилъ предъ современниками, его глубокую религіозность и вѣру. Это поминовеніе совершалось въ томъ храмѣ, гдѣ находится могила поэта. Могилу украшаетъ мраморная глыба, увѣнчанная черной мраморной урной, и ограждена она позолоченной рѣшеткой. Рядомъ съ поэтомъ покоится и жена его Дарья Алексѣевна, урожденная Дьякова. Надъ ея могилой находится гранитная плита, вдѣланная въ полъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГИ.

ЕРЦЕНШТЕЙНЪ Д. М. 24-го іюня въ Петроградѣ скончался докторъ Д. М. Герценштейнъ. Уроженецъ Херсона, Д. М. получилъ среднее образованіе въ херсонской гимназіи, откуда поступилъ на медицинскій факультетъ харьковскаго университета. Для болѣе близкаго изученія выдвигаемыхъ Сѣченовымъ теорій, которыми онъ особенно увлекся, Д. М. оставилъ харьковскій университетъ и перешелъ въ медико-хирургическую академію. Параллельно съ занятіями въ академіи Д. М. принималъ живѣйшее участіе въ студенческомъ движеніи и въ 1869 г. подвергся аресту по нашумѣвшему тогда Нечаевскому дѣлу. О своихъ встрѣчахъ и наблюденіяхъ Д. М. впослѣдствіи писалъ много въ журналѣ «Былое». Процессъ Вѣры Засуличъ и свидѣтельства, выданныя Герценштейномъ нѣкоторымъ лицамъ, замѣшаннымъ въ процессѣ Засуличъ, заставили его оставить службу въ домѣ предварительнаго заключенія. Д. М. принималъ близкое участіе въ газетѣ Корша «С.-Петербургскія Вѣдомости», въ газетѣ «Порядокъ», печаталъ повѣсти въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли» и «Вѣстникѣ Европы». Издававшаяся имъ въ 1905 г., правда, непродолжительное время, газета «Начало» успѣла объединить выдающихся представителей русской с.-д. интеллигенціи. Газета была закрыта, а Д. М., какъ редакторъ ея, по суду отбывалъ въ «Крестахъ» тюремное заключеніе въ теченіе года. По выходѣ изъ тюрьмы Д. М. посвятилъ себя всецѣло общественной дѣятельности, которой отдавалъ себя до конца своей жизни. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1916, № 56 г., № 139).

† Гейеръ Б. Ѳ. 30-го іюня въ Сѣрноводскѣ (Самарской губ.) скончался журналистъ Борисъ Ѳедоровичъ Гейеръ. Покойный родился въ Петроградѣ 20 іюля 1879 года. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ 1901 году, когда онъ помѣстилъ въ журналѣ «Нива» разсказъ «Элегія» за подписью «Г. И. Р.». Съ этого времени онъ сталъ заниматься литературной работой, помѣщая

Библиотека "Руниверс"

въ «Руси» замѣтки и статьи по различнымъ вопросамъ. Въ 1905—1906 гг. Б Ѳ. принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ члена редакціи въ журналахъ «Зритель», «Пулеметъ» и др. Первая большая пьеса «Въ сумеркахъ разсвѣта» была поставлена въ первый разъ на сценѣ Василеостровскаго театра въ Петроградѣ, когда этотъ театръ держалъ К. А. Поповъ, а затѣмъ она неоднократно шла въ провинціи, гдѣ пользовалась успѣхомъ. Съ основаніемъ «Кривого Зеркала» Б. Ѳ. поставилъ на сценѣ театра спеціально написанную для «Кривого Зеркала» пьесу «Эволюція театра». Въ скоромъ времени Б. Ѳ. сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Кривого Зеркала», гдѣ съ успѣхомъ прошли его пьесы: «Эволюція театра», «Воспоминанія», «Эоловы арфы», «Вода жизни», «Любовь русскаго казака», не сходящія до сихъ поръ съ репертуара. Лишь недавно Б. Ѳ. закончилъ драму «Анархистъ», находящуюся въ настоящее время въ драматической цензурѣ, и велъ переговоры о постановкѣ ея съ московскими Драматическимъ и Малымъ театрами. (Некрологъ его: «День», 1916, № 180).

† Мечниковъ И. И. Въ Парижѣ скончался Илья Ильичъ Мечниковъ. Не стало крупнаго ученаго міровой извѣстности, основателя современной эмбріологіи, создателя въ области патологіи новой теоріи воспаленія, выдвинувшаго въ борьбѣ организма съ микробами на первое мѣсто фагоцитовъ. И. И. родился 3-го мая 1845 года въ деревнѣ Ивановкѣ Купянскаго уѣзда Харьковской губерніи. По выходѣ изъ 2-й харьковской гимназіи съ золотой медалью, онъ окончилъ курсъ харьковскаго университета по естественно-историческому отдѣленію. Затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ готовился въ заграничныхъ университетахъ къ профессорскому званію и въ 1876 году защищалъ въ петербургскомъ университетѣ диссертацію «Исторія эмбріональнаго развитія sepiola» на степень магистра зоологіи. Пробывъ недолго приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, покойный перешелъ доцентомъ въ новороссійскій университетъ, затѣмъ отправился за границу и вернулся въ 1868 году доцентомъ зоологіи въ петербургскій университетъ. Въ слѣдующемъ году онъ защитилъ диссертацію «Исторія развитія Nebalia» на степень доктора зоологіи и получилъ званіе экстраординарнаго профессора зоологіи. Но скоро вновь переселился въ Одессу. Его одновременно пригласили ординарнымъ професоромъ зоологіи въ новороссійскій университетъ и въ петербургскую медико-хирургическую академію. Покойный жилъ тогда въ Веве и избралъ новороссійскій университетъ, въ которомъ и занималъ каѳедру зоологіи съ 1870 г. по 1882 годъ. Въ это время онъ лѣтомъ совершилъ научныя поѣздки на острова Теперифъ и Мадейру, а также занимался на зоологической станціи професора Дорна въ Неаполѣ и антропологіей калмыковъ въ Калмыцкой степи. Къ этому же періоду относятся его выдающіяся работы по сравнительной исторіи развитія безпозвоночныхъ, изслѣдованіе о развитіи планарій и рядъ популярныхъ статей, напечатанныхъ по преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы»: «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія», «Современное направленіе біологіи». «Возрастъ вступленія въ бракъ», «Антропологія и дарвинизмъ» и др. Въ 1882 г. И. И. отправился въ Парижъ и занимался въ институтѣ Пастера, въ 1886 году завѣдывалъ устроенной одесской го-

Библиотека "Руниверс"

родской думой бактеріологической станціей въ Одессѣ и съ 1889 г. окончательно поселился въ Парижѣ, работая въ институтѣ Пастера. Къ послѣднему періоду относятся всѣ его замѣчательныя изслѣдованія по борьбѣ животныхъ съ болѣзнетворными микробами. Россію покойный въ послѣдніе годы посѣтилъ въ 1909 году, когда ѣхалъ въ Стокгольмъ для полученія Нобелевской преміи, и въ 1912 г., когда посѣтилъ Киргизскую степь для изученіи чумы. Его неоднократно называли кандидатомъ на должность директора Императорскаго института экспериментальной медицины, особенно послѣ смерти проф. Подвысоцкаго, но покойный не хотѣлъ покидать Пастеровскій институтъ. Какъ человѣкъ, И. И. отличался большой самостоятельностью и независимостью взглядовъ. Онъ выработалъ собственное философское міровоззрѣніе. Работы съ микроскопомъ вызвали у него сильную близорукость. Кромѣ того, онъ отличался рѣдкой разсѣянностью, которая дала тему для многихъ анекдотическихъ разсказовъ. Его главной помощницей и сотрудницей въ работахъ была его жена (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14485).

† Никульцевъ П. Ѳ. [1]) 24-го февраля скончался въ Москвѣ П. Ѳ. Никульцевъ, видный педагогъ, авторъ извѣстныхъ учебниковъ по элементарной математикѣ Онъ родился въ 1854 году; въ 1873 г. кончилъ курсъ въ кронштадтской гимназіи съ золотою медалью, а въ 1877 году въ петроградскомъ университетѣ съ серебряною медалью за сочиненіе на тему: «Цвѣта тѣлъ въ связи съ физическими свойствами». Педагогическая дѣятельность его протекла въ различныхъ реальныхъ училищахъ: онъ былъ учителемъ и инспекторомъ въ Смоленскѣ, директоромъ же послѣдовательно въ Зарайскѣ, Скопинѣ, Тулѣ, Калугѣ, Гжатскѣ и Макарьевѣ Костромскомъ. Въ всѣхъ этихъ городахъ, кромѣ Смоленска и Калуги, онъ завѣдывалъ также и женскими гимназіями. И вездѣ оставилъ онъ по себѣ свѣтлую память, какъ талантливый педагогъ и гуманный человѣкъ, сердечно относившійся къ учащимся и товарищески къ сослуживцамъ. Вездѣ онъ проявилъ полезную инціативу: въ Смоленскѣ устроилъ товарищескую учительскую кассу при реальномъ училищѣ, энергично работалъ въ обществѣ пособія бѣднымъ ученикамъ, основалъ общественную библіотеку, организовалъ воскресныя народныя чтенія съ туманными картинами; въ Гжатскѣ много потрудился при открытіи реальнаго училища, при которомъ, по его же инціативѣ, организовалось общество вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ; въ Скопинѣ при немъ женская прогимназія была преобразована въ полную гимназію. Учебники П. Ѳ. вышли уже многими изданіями: ариѳметика одиннадцатымъ, I часть алгебры девятымъ, II часть восьмымъ. Рецензіи оцѣнили въ нихъ полноту, послѣдовательность, точность и ясность, корректурную исправность, незначительность цѣны. Онъ напечаталъ также нѣсколько историческихъ записокъ (О смоленскомъ, скопинскомъ и гжатскомъ реальныхъ училищахъ) и работалъ въ спеціальныхъ журналахъ по математическимъ вопросамъ. Въ 1914 году П. Ѳ. вышелъ въ отставку.

† Смирновъ С. И. Профессоръ Сергѣй Ивановичъ Смирновъ скончался 4-го іюля въ Москвѣ. Покойный, сынъ священника, служившаго въ селѣ Боль-

---

[1]) Сообщилъ А. Костпицкій.

Библиотека "Руниверс"

шіе Бремболы (Переяславскаго уѣзда Владимирской губерніи), родился въ 1871 году и послѣдовательно воспитывался въ переяславскомъ духовномъ училищѣ, Виѳанской семинаріи и московской духовной академіи. По окончаніи курса академіи вторымъ магистрантомъ (1895г.) онъ былъ оставленъ при ней префессорскимъ стипендіатомъ (съ 14-го іюня 1895 года) и уже со слѣдующаго года занялъ тамъ каѳедру исторіи русской церкви, какъ доцентъ, а послѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней магистра (1906 г.) и доктора (1906 г.) продолжалъ состоять профессоромъ той же науки до дня кончины. Кромѣ многихъ статей, помѣщенныхъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», имъ были изданы отдѣльно слѣдующіе труды: «Преподобный Сергій Радонежскій и Троицкая лавра его времени», публичная лекція, «Древнерусскій духовникъ» очеркъ, «Водокрещи», матеріалъ для исторіи крещенскихъ обрядовъ въ древней Руси, «Александръ Васильевичъ Горскій», біографическій очеркъ (1901 г.), «Какъ говѣли въ древней Руси», «Какъ служили міру подвижники древней Руси» «Духовный отецъ въ древней восточной церкви», магистерская диссертація, «Житіе преподобнаго Даніила, переяславскаго чудотворца», и, наконецъ, изслѣдованіе, написанное для полученія степени доктора церковной исторіи: «Древнерусскій духовникъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1916, № 156).

† Свистунъ Ф. И. Въ Ростовѣ-на-Дону скончался на дняхъ историкъ Прикарпатской Руси и предсѣдатель львовскаго «общества имени Михаила Алексѣевича Качковскаго», Филиппъ Ивановичъ Свистунъ. Покойный принадлежалъ къ старшему поколѣнію тѣхъ галицко-русскихъ дѣятелей, которые съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія трудились надъ пробужденіемъ національнаго самосознанія Галицкой и Буковинской Руси. По призванію педагогъ, Ф. И. вступилъ на учительское поприще въ восточной, русской, части Галиціи, но его національная дѣятельность была вскорѣ школьнымъ начальствомъ замѣчена, и онъ былъ переведенъ въ западную Галицію, въ польскую гимназію въ Ржешовѣ (Ряшевѣ), гдѣ и пробылъ преподавателемъ гимназіи до своего выхода въ отставку. Не имѣя возможности примѣнить тамъ свои силы въ русской средѣ, покойный Ф. И. предался изученію родной исторіи, и результатомъ его изслѣдованій явилось двухтомное сочиненіе: «Прикарпатская Русь подъ австрійскихъ владычествомъ въ 1772 по 1890 г.». Въ этомъ трудѣ Ф. И. далъ первое прагматическое изложеніе главныхъ событій исторической жизни Галицкой, Буковинской и отчасти Угорской Руси за послѣднее столѣтіе. Особенно любовно онъ обработалъ главы о галицко-русскомъ возрожденіи 1848 года. Подъ конецъ жизни Ф. И. переселился во Львовъ и былъ, послѣ покойнаго Б. И. Дѣвицкаго, избранъ предсѣдателемъ научнаго общества «Галицко-Русская Матица» и народопросвѣтительнаго «общества имени Качковскаго». Его перу принадлежитъ цѣлый рядъ историческихъ брошюръ, замѣтокъ и статей, посвященныхъ популяризаціи науки, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Народнаго Дома» во Львовѣ, научно-литературномъ сборникѣ «Галицко-Русской Матицы», въ газетахъ «Галичанинъ», «Прикарпатская Русь», въ изданіяхъ общества Качковскаго, во «Временникѣ Ставропигійскаго института во Львовѣ» и т. д. Во время занятія Львова русскими

Библиотека "Руниверс"

войсками Ф. И. былъ избранъ предсѣдателемъ географической комисіи, которая работала надъ возстановленіемъ русскихъ названій городовъ и селеній Галиціи, Буковины и Угроруссіи. Работу эту Ф. И. не удалось, къ сожалѣнію довести до конца, и онъ продолжалъ ее затѣмъ во время своего бѣженства въ Кіевѣ и Ростовѣ-на-Дону до самой своей смерти. Въ покойномъ Ф. И. не только русскій народъ Прикарпатья, но и русская наука потеряла серьезнаго труженика. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14482).

† Шмаковъ А. С. 25-го іюня въ Москвѣ, въ 12 часовъ дня, отъ болѣзни сердца (міокардитъ) скончался гласный московской городской думы, присяжный повѣренный Алексѣй Семеновичъ Шмаковъ. Покойный родился въ 1852 году. По окончаніи курса въ новороссійскомъ университетѣ по юридическому факультету А. С. поступилъ на службу въ судебное вѣдомство и нѣкоторое время состоялъ судебнымъ слѣдователемъ въ одной изъ южныхъ губерній. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ Москву и зачислился въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ состоялъ до послѣднихъ дней въ теченіе 30 лѣтъ. А. С. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ Ѳ. Н. Плевако, у котораго состоялъ помощникомъ, и нѣсколько разъ выступалъ съ нимъ въ качествѣ товарища по уголовной защитѣ. Два громкія дѣла доставили ему славу незауряднаго адвоката: извѣстное дѣло о «Золотой ручкѣ» и дѣло Мельницкаго. То и другое были проведены покойнымъ блестяще. Благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ и ораторскому таланту, А. С. скоро пріобрѣлъ обширную кліентуру не только въ Москвѣ, но и далеко за ея предѣлами. Выступая первое время почти исключительно по уголовнымъ дѣламъ, покойный въ послѣдніе годы охотно и весьма успѣшно занимался цивилистикой, выступая повѣреннымъ по крупнымъ гражданскимъ дѣламъ. Много времени покойный удѣлялъ городскимъ дѣламъ. До послѣдняго дня въ теченіе 12 лѣтъ онъ состоялъ гласнымъ городской думы и принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ ея многочисленныхъ подготовительныхъ комиссій. Въ городской думѣ покойный занималъ правое крыло и былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ и лучшихъ знатоковъ муниципальнаго хозяйства. Въ политическомъ отношеніи покойный представлялъ собой цѣльную фигуру и былъ однимъ изъ ярыхъ и искренно-убѣжденныхъ монархистовъ. Въ Москвѣ въ годы освободительнаго движенія А. С. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ монархическихъ организацій и былъ однимъ изъ членовъ-учредителей московской монархической партіи. Извѣстны цѣнные, весьма интересные труды А. С. въ области еврейскаго вопроса. Работамъ на эту животрепещущую тему нашихъ дней А. С. предавался съ особой энергіей и любовью. Покойный считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ еврейства. Значеніе трудовъ его въ этой области огромно; всестороннее освѣщеніе ихъ требуетъ спеціальнаго изслѣдователя. А. С. принималъ также дѣятельное участіе въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Въ Москвѣ существуетъ пріютъ имени покойнаго для дѣтей воиновъ, убитыхъ на войнѣ. На этотъ пріютъ А. С. въ свое время пожертвовалъ 80.000 рублей. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1916, № 147).

Библиотека "Руниверс"

проникъ еще сюда. Но на половинѣ ея валялась еще горѣвшая свѣча, которую, очевидно, кто-то только что уронилъ. Снизу доносились хриплые крики, смѣхъ, возня и суматоха. Я остановился и сталъ прислушиваться.

— Поставьте меня на ноги,—прошептала мадемуазель.

— А вы пойдете?

— Я буду дѣлать все, что вы мнѣ скажете.

Я поставилъ ее у начала лѣстницы и шепотомъ спросилъ, куда ведетъ дверь, виднѣвшаяся въ концѣ лѣстницы.

— Въ кухню.

— Если бъ можно было чѣмъ-нибудь накрыть васъ,—сказалъ я:— можетъ быть, намъ и удалось бы пробѣжать. Они насъ не ищутъ. Они грабятъ и пьютъ.

— Поднимите свѣчку,—прошептала она.—Можно будетъ добыть кое-что.

Я сталъ внимательно прислушиваться: въ кухнѣ послышался какой-то шумъ, становившійся все сильнѣе и сильнѣе. Въ то же время до меня донесся запахъ дыма. Пожаръ, очевидно, распространялся и на флигель, гдѣ были мы. Сзади насъ была какая-то дверь. Налѣво вдоль коридора виднѣлось еще нѣсколько дверей. Я передалъ свѣчку моей спутницѣ и заглянулъ въ дверь.

— Можетъ быть, здѣсь найдется какая-нибудь накидка,—прошепталъ я.—Нельзя оставаться здѣсь ни минуты.

Едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ дверь внизу лѣстницы широко распахнулась, и какой-то человѣкъ бросился наверхъ къ намъ, шагая черезъ двѣ ступеньки. Онъ держалъ свѣчу въ лѣвой рукѣ и желѣзную палку въ правой. Вслѣдъ за нимъ въ растворенную дверь ворвался дикій хоръ голосовъ.

Онъ появился такъ внезапно, что мы не успѣли даже двинуться съ мѣста. Я бокомъ взглянулъ на мадемуазель. Она совершенно застыла отъ ужаса, и только свѣча сильно дрожала въ ея рукѣ. Я быстро вырвалъ у нея свѣчу и потушилъ ее. Потомъ, схвативъ желѣзный подсвѣчникъ, я сталъ ждать приближенія ворвавшагося къ намъ человѣка. Шпагу свою я гдѣ-то оставилъ, и теперь у меня не было другого оружія. Но лѣстница была довольно узка, и тутъ могъ пригодиться и подсвѣчникъ, особенно если его товарищи не послѣдуютъ за нимъ.

Онъ поднимался быстро, держа свѣчу передъ собой. Насъ отдѣляло отъ него всего пять или шесть ступенекъ. Вдругъ онъ споткнулся и съ ругательствомъ упалъ. Свѣча потухла, и мы остались въ полной темнотѣ.

Я инстинктивно схватилъ лѣвой рукой мадемуазель, чтобы не дать ей вскрикнуть. Мы стояли, какъ статуи, затаивъ дыханіе.

Ворвавшійся человѣкъ, несмотря на близость къ намъ, очевидно, не догадывавшійся о нашемъ присутствіи, поднялся съ

Библиотека "Руниверс"

ругательствами и остановился. Слышно было, какъ онъ ощупью искалъ свою свѣчку. Потомъ онъ сталъ спускаться внизъ и долго въ темнотѣ искалъ задвижку двери.

Дверь открылась, и снова въ нее ворвался на минуту шумъ толпы. Пользуясь этимъ, я втолкнулъ мадемуазель въ комнату, которая находилась сзади насъ, и, остановившись у ея двери, сталъ прислушиваться.

Какъ, однако, найти здѣсь въ абсолютной темнотѣ какое-нибудь платье, чтобы переодѣться? Какъ пройти потомъ черезъ кухню? Я пожалѣлъ, что покинулъ лѣстницу. Въ комнатѣ было совершенно темно и пахло спертымъ мышинымъ запахомъ. Однако ворвавшійся за нами дымъ становился все сильнѣе и заглушалъ всякій другой запахъ. Слышно было, какъ трещало пламя, уже охватившее флигель.

Сердце у меня упало.

— Мадемуазель,—тихо сказалъ я.

— Я здѣсь,—слабо прошептала она.

— Нѣтъ ли отсюда какого-нибудь окна на крышу?

— Есть, но оно, вѣроятно, закрыто.

У меня вдругъ блеснула новая мысль: если пробраться черезъ кухню было невозможно, то, можетъ быть, есть возможность спастись черезъ окно. Я хотѣлъ подойти къ нему, но мадемуазель, къ моему удивленію, крѣпко схватила меня. Потомъ въ темнотѣ раздался тихій стонъ, и она упала прямо на меня.

— Не падайте духомъ! Крѣпитесь!—твердилъ я, холодѣя отъ страха.

— Я такъ боюсь, такъ боюсь! Спасите, спасите меня!—простонала она.

Мадемуазель держала себя въ началѣ такъ храбро, что я былъ удивленъ этой перемѣной, не зная, что даже самая храбрая изъ женщинъ подвержена такимъ перемѣнамъ. Удивляться мнѣ, впрочемъ, было некогда. Она все сильнѣе и сильнѣе наваливалась на меня, и я напрасно искалъ какой-нибудь помощи, какого-нибудь средства спасенія. Кругомъ насъ былъ полный мракъ. Я уже не помнилъ, гдѣ была дверь, черезъ которую мы вошли сюда. Напрасно я старался уловить малѣйшій свѣтъ отъ окна. Я былъ совершенно одинъ съ полумертвой отъ страха дѣвушкой. Путь отступленія былъ отрѣзанъ, а пожаръ подходилъ все ближе и ближе. Я чувствовалъ, какъ ея голова откинулась назадъ, и понималъ, что съ нею обморокъ. Въ темнотѣ я могъ только поддерживать ее, прислушиваясь, не появится ли опять на лѣстницѣ напугавшій насъ человѣкъ.

Все было тихо. Вдругъ опять ворвался шумъ толпы: изъ кухни, очевидно, опять открыли дверь. По ступенькамъ кто-то застучалъ деревянными башмаками. Я какъ-то сразу сообразилъ, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

находится дверь въ комнату и, положивъ мадемуазель на полъ, остановился на порогѣ, сжимая въ рукѣ подсвѣчникъ. Я былъ въ отчаяніи.

Съ замираніемъ сердца я прислушивался къ тому, какъ они шли. Я слышалъ, какъ они остановились противъ двери, и крѣпко сжалъ въ рукѣ свое оружіе.

Вдругъ раздался голосъ, который я сразу узналъ. Я быстро растворилъ дверь и очутился прямо передъ ними. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что въ эту минуту я былъ похожъ на человѣка, возставшаго изъ гроба. Всѣхъ ихъ было четверо, ближайшимъ ко мнѣ оказался отецъ Бенедиктъ.

Кюре бросился мнѣ на шею и расцѣловалъ меня.

— Вы не ранены?—вскричалъ онъ прежде всего.

— Къ счастью, нѣтъ. Но какъ вы сюда попали?

— Славу Богу, попали какъ разъ во̀-время, чтобы васъ спасти. А гдѣ мадемуазелль де-Сентъ-Алэ,—быстро прибавилъ онъ, оглядываясь кругомъ.—Вамъ что-нибудь извѣстно о ней?

Я молча повернулся и вошелъ въ комнату. Отецъ Бенедиктъ со свѣчкой послѣдовалъ за мной, а за нимъ тѣснились и трое его спутниковъ, однимъ изъ которыхъ былъ Бютонъ. Все это были простые крестьяне, но зрѣлище, представившееся ихъ глазамъ, заставило ихъ отпрянуть и обнажить головы.

Мадемуазель лежала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я опустилъ ее на полъ. Голова ея покоилась на подушкѣ изъ собственныхъ волосъ. Лицо было спокойно и блѣдно, какъ у мертвой. Одинъ глазъ былъ полураскрытъ и не моргая глядѣлъ въ потолокъ. Что касается меня, то я смотрѣлъ на все это довольно спокойно: такъ много пришлось пережить мнѣ за это короткое время.

— Боже мой!—воскликнулъ, зарыдавъ, отецъ Бенедиктъ.—Неужели они убили ее?

— Нѣтъ,—тихо отвѣчалъ я.—Она просто въ обморокѣ. Если бъ здѣсь была какая-нибудь женщина...

— Ни одной женщины здѣсь нѣтъ, за это можно поручиться,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Потомъ онъ приказалъ одному изъ своихъ спутниковъ спуститься внизъ и принести воды, прибавивъ еще нѣсколько словъ, которыя я не могъ разслышать.

Вода явилась довольно быстро, и отецъ Бенедиктъ, приказавъ своимъ спутникамъ стать немного въ сторону, принялся приводить мадемуазель въ чувство, плеская воду ей въ лицо. Онъ, видимо, очень торопился. Да и было отчего: комната все сильнѣе и сильнѣе наполнялась удушливымъ газомъ. Заглянувъ за дверь, я увидѣлъ, что огонь уже показался въ концѣ коридора. Это сразу заставило меня рѣшиться, и я заявилъ отцу Бенедикту, что вынесу мадемуазель на рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

— Здѣсь она никогда не придетъ въ себя,—промолвилъ я, чувствуя, какъ рыданія сдавили мнѣ горло.—Она задохнется здѣсь.

Какъ разъ въ эту минуту въ коридоръ ворвался густой клубъ дыма, какъ бы подтверждая мои слова.

— Я и самъ такъ думаю,—медленно проговорилъ священникъ:—однако....

— Что однако? Вѣдь здѣсь оставаться все равно нельзя!

— Вы послали въ Кагоръ?

— Да. Развѣ маркизъ уже прибылъ?

— Нѣтъ еще. Видите ли, насъ здѣсь всего четыре человѣка. Если бы я сталъ собирать еще, то, вѣроятно, я бы опоздалъ. А съ этими тремя что я могу сдѣлать? Половина негодяевъ, устроившихъ этотъ погромъ, перепилась. Другіе явились сюда со стороны...

— Я думалъ, что все уже кончилось!—вскричалъ я.

— Не тутъ-то было,—серьезно отвѣчалъ онъ.—Они позволили намъ пройти послѣ большихъ препирательствъ. Я и Бютонъ—мы входимъ въ число членовъ комитета. Но когда они увидятъ васъ и мадемуазель де-Сентъ-Алэ, трудно поручиться за то, что они сдѣлаютъ.

— Не посмѣютъ же они...—закричалъ было я.

— Да, батюшка, не бойтесь: они не посмѣютъ.

Слова эти сорвались у Бютона, котораго не видно было изъ-за дыма. Онъ выдвинулся впередъ, потряхивая тяжелымъ желѣзнымъ брускомъ.—Они не посмѣютъ. Нужно только сдѣлать одно.

— Что же именно?

— Вы должны надѣть трехцвѣтный бантъ.

Онъ проговорилъ эти слова съ какой-то особенной гордостью, которая показалась мнѣ непонятной въ ту минуту. Я понялъ это позднѣе.

Отецъ Бенедиктъ подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Вѣрно, Бютонъ совершенно правъ,—заговорилъ онъ.—Къ этому они должны отнестись съ уваженіемъ.

И прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать, онъ сорвалъ у себя трехцвѣтный бантъ и прикололъ его мнѣ на грудь.

— Теперь давай сюда твой, Бютонъ.

И, взявъ не совсѣмъ чистый бантъ кузнеца, онъ прикололъ его Денизѣ на лѣвое плечо.

— Вотъ такъ,—проговорилъ онъ.—Теперь берите ее на руки, обратился онъ ко мнѣ.—Живо, иначе мы здѣсь задохнемся. Бютонъ и я пойдемъ впереди. Остальные пойдутъ за вами.

Дениза стала приходить въ себя. Кашляя отъ дыма, мы тронулись въ путь. Задержись мы еще на нѣсколько минутъ, по коридору нельзя было бы пройти: кое-гдѣ стали уже пробиваться тонкія струйки огня. Помогая другъ другу, мы, спотыкаясь, спу-

Библиотека "Руниверс"

стились на нѣсколько ступенекъ и достигли двери въ кухню. Отъ дыма рѣзало глаза и захватывало дыханіе.

Кухня была большая, господская. На ней въ свое время приготовлялось немало пировъ и жарилось не мало дичи. Но теперь я обрадовался, что мадемуазель уткнулась головой мнѣ прямо въ грудь и не могла видѣть, что тутъ творилось. На очагѣ горѣлъ яркій огонь, въ которомъ были набросаны куски жиру и ветчины. Надъ нимъ горѣли трупы трехъ собакъ, отравляя воздухъ смрадомъ горящаго мяса. То были любимыя собаки маркиза, убитыя въ дикомъ порывѣ къ разрушенію. Полъ былъ усѣянъ бутылками и залитъ виномъ, изъ котораго, словно островки въ морѣ, торчали обломки мебели и разбитые боченки. Все, что бунтовщики не могли унести съ собой, они постарались испортить. И теперь еще какая-то женщина старалась насыпать себѣ въ передникъ какъ можно больше соли, кучей валявшейся на полу, да три или четыре мужчины нагружали себя разными кухонными принадлежностями. Но главная масса бунтовщиковъ стояла передъ горящимъ зданіемъ, заливаясь хохотомъ, когда въ огнѣ падала труба или лопались стекла въ окнахъ. Всякое живое существо, имѣвшее несчастье попасться имъ на глаза, они безъ всякаго милосердія бросали въ огонь.

Увидя насъ, грабители постарались скорѣе ускользнуть, глядя на насъ, словно волки, у которыхъ отняли добычу. Они, несомнѣнно, объявили и другимъ о нашемъ появленіи, ибо, пока мы остановились перевести духъ, внизу вдругъ настала какая-то странная тишина.

Пламя горящаго зданія ярко освѣщало развернувшееся предъ нами зрѣлище, когда мы открыли входную дверь. На лицахъ лежалъ отпечатокъ какого-то сумасшествія, о силѣ котораго свидѣтельствовали груды обломковъ. Мы были въ тѣни, которую отбрасывали стѣны, и они сначала насъ не разглядѣли. Но когда мы сдѣлали нѣсколько шаговъ дальше, вся толпа съ яростнымъ крикомъ бросилась на насъ, какъ спущенная стая гончихъ на зайца. Низколобые, полуголые, перепачканные дымомъ и кровью, они напоминали скорѣе животныхъ, чѣмъ людей.

— Смерть тиранамъ! Смерть скупщикамъ!—ревѣла толпа, и отъ этихъ криковъ содрогнулся бы самый смѣлый человѣкъ.

Если бы наши спутники дрогнули хоть на минуту, мы бы неминуемо погибли. Но они шли прямо, и вся толпа, кромѣ одного человѣка, вдругъ отхлынула обратно. Но оставшійся бунтовщикъ бросился на меня съ ножомъ. Въ одно мгновеніе Бютонъ поднялъ свой желѣзный брусъ и, крикнувъ: «Относись съ уваженіемъ къ трехцвѣтной кокардѣ», ударилъ его по головѣ. Тотъ упалъ на землю, какъ столбъ.

— Относитесь съ уваженіемъ къ трехцвѣтной кокардѣ!—закричалъ опять Бютонъ, словно разъяренный быкъ.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ окрикъ произвелъ магическое дѣйствіе. Толпа отхлынула еще дальше, затихла и тупо смотрѣла на меня и на мою ношу.

— Уважайте трехцвѣтную кокарду!—закричалъ, въ свою очередь, отецъ Бенедиктъ, поднимая руку и осѣняя толпу крестомъ.

И въ ту же минуту этотъ возгласъ былъ подхваченъ сотней хриплыхъ голосовъ. Прежде, чѣмъ я могъ понять происшедшую перемѣну, тѣ самые люди, которые минуту тому назадъ готовы были растерзать насъ, теперь толкали другъ друга, крича:

— Дорогу трехцвѣтной кокардѣ! Дайте дорогу!

Было что-то совершенно небывалое, странное и страшное въ томъ почтеніи, въ томъ уваженіи, которое дикари питали къ слову, къ банту, къ идеѣ. Я былъ такъ пораженъ, что всю жизнь не могъ забыть этой сцены. Но въ этотъ моментъ я едва сознавалъ, что происходитъ передо мной. Я шелъ сквозь толпу, спотыкаясь съ своей ношей, словно во снѣ. Когда мы добрались до воротъ, отецъ Бенедиктъ хотѣлъ было отнять у меня мою ношу, но я запротестовалъ.

— Въ Со! въ Со!—лихорадочно повторялъ я.

Не помню теперь, какимъ образомъ я очутился верхомъ на лошади.

Мы скакали въ Со по дорогѣ, освѣщенной кровавыми отблесками пожара.

X

На другой день послѣ бури.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога развѣтвлялась, отецъ Бенедиктъ предусмотрительно поставилъ часового, который долженъ былъ ждать спѣшащихъ на помощь изъ Кагора и предупредить ихъ, что мадемуазель въ безопасности. Не проѣхали мы и полмили, какъ за нами послышался стукъ копытъ. Я сталъ приходить въ себя послѣ всего пережитаго за ночь и остановилъ лошадь, чтобы передать маркизу Сентъ-Алэ его сестру.

То оказался, однако, Луи, сопровождаемый, къ моему изумленію, всего пятью или шестью слугами, старымъ Гонто, однимъ изъ Гаркуровъ да еще какимъ-то незнакомымъ мнѣ человѣкомъ. Ихъ лошади едва переводили духъ отъ быстрой ѣзды. Никому изъ прибывшихъ не показалось, очевидно, страннымъ, что я везъ на своей лошади мадемуазель. Поблагодаривъ Бога за то, что она осталась жива, каждый спѣшилъ освѣдомиться о числѣ бунтовщиковъ.

— Около сотни, насколько я могу судить,—отвѣчалъ я.—А гдѣ же маркизъ?

— Онъ еще не вернулся, когда пришла вѣсть о бунтѣ.

— Неужели васъ такъ мало?

Библиотека "Руниверс"

— Я не могъ собрать больше,—съ досадой отвѣчалъ Луи.—Извѣстіе пришло въ то время, когда загорѣлся домъ Мариньяка, и онъ взялъ съ собой около дюжины людей. Десятка два разбѣжались по своимъ замкамъ, опасаясь, что у нихъ начнется то же самое. Да,—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой,—теперь каждый самъ за себя, кромѣ окружающихъ меня здѣсь друзей.

Гонто отъ быстрой ѣзды раскашлялся и едва держался на лошади.

— Вы поѣдете съ нами въ Со?—спросилъ я,видя, что они поворачиваютъ лошадей, поднимая цѣлое облако пыли.

— Нѣтъ!—сердито отвѣчалъ Луи.—Теперь или никогда! Если намъ удастся еще захватить ихъ, то...

Дальше я не разслышалъ его словъ: ихъ заглушилъ стукъ копытъ. Пришпоривъ лошадей, они въ одну минуту были уже шагахъ въ пятидесяти отъ насъ. Но тутъ одинъ изъ нихъ повернулъ лошадь обратно и поскакалъ прямо на меня. Это былъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ я не былъ знакомъ.

— Есть у нихъ какое-нибудь оружіе? — спросилъ онъ меня.

— Одно-то ружье было,—отвѣчалъ я, оглядывая его съ любопытствомъ.—А теперь, вѣроятно, есть и еще. Большинство вооружено пиками и вилами.

— Кто ихъ предводитель?

— Маленькій Жанъ, кузнецъ изъ Сентъ-Алэ.

— Благодарю васъ — проговорилъ онъ, кланяясь мнѣ.

Онъ пришпорилъ лошадь и пустился догонять остальныхъ.

Боясь оставить полумертвую мадемуазель на попеченіи женщинъ, я не могъ присоединиться къ нимъ, и мы двинулись дальше своей дорогой. Отецъ Бенедиктъ и я молчали,остальные говорили безъ умолку.

Въ небѣ попрежнему стояло сильное зарево, шумъ толпы все еще раздавался въ нашихъ ушахъ, не разъ на нашемъ пути попадались какія-то фигуры, торопливо скрывавшіяся отъ насъ въ темноту. Отецъ Бенедиктъ полагалъ, что вспыхнулъ другой пожаръ, миляхъ въ двухъ восточнѣе Сентъ-Алэ. Но послѣ пережитыхъ волненій и въ томъ душевномъ состояніи, въ которомъ я находился, это извѣстіе не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Я не былъ бы пораженъ, если бъ пожаръ вспыхнулъ впереди насъ, въ самомъ Со.

Къ счастью, эта бѣда миновала меня. Напротивъ, вся деревня вышла ко мнѣ навстрѣчу и съ привѣтствіями проводила насъ до подъѣзда замка. Въ полномъ безмолвіи, смѣшанномъ съ любопытствомъ, они сняли съ моего сѣдла мадемуазель и внесли ее въ домъ. Женщины, столпившись у входа, провожали ее глазами, но ни одна изъ нихъ не рѣшилась послѣдовать за мной.

Многое, что казалось сноснымъ ночью, было отвратительно днемъ. Многое, что можно было перенести за ночь, потомъ каза-

Библиотека "Руниверс"

лось совершенно невозможнымъ. Когда я проснулся на слѣдующее утро на креслѣ въ залѣ, на которомъ, по преданію, сидѣлъ однажды Людовикъ XIII, я увидѣлъ стоящаго передъ собой Андрэ. Въ окна и двери ярко свѣтило солнце, и отъ его лучей все пережитое за ночь представилось мнѣ просто сномъ. Потомъ мой взглядъ упалъ на пару пистолетовъ, которые я положилъ ночью около себя. Я вспомнилъ дѣйствительность и вскочилъ на ноги.

— Маркизъ де-Сентъ-Алэ вернулся?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ.

— А графъ?

— Тоже.

— Неужели никто изъ нихъ еще не вернулся?—вскричалъ я.

Сѣвъ въ кресло отдохнуть, я разсчитывалъ, что черезъ часъ меня разбудятъ и я буду встрѣчать ихъ.

— Вернулся только тотъ господинъ, который былъ съ ними,—доложилъ старый слуга.—Онъ теперь гуляетъ съ аббатомъ въ паркѣ. А изъ-за него....

— Что изъ-за него?—рѣзко спросилъ я, видя, что Андрэ, принявшій поучительный тонъ, вдругъ остановился.

— Онъ имѣетъ такой видъ, что вамъ, сударь, не стоило просыпаться изъ-за него,—отвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ.

— Бютонъ здѣсь?

— Расхаживаетъ по террасѣ, словно свой человѣкъ. Не могу понять, что теперь дѣлается,—продолжалъ онъ, повышая голосъ.—Когда вамъ угодно было уничтожить позорный столбъ, я зналъ, что безъ этого не обойдешься. Да, да,—продолжалъ онъ мнѣ вслѣдъ:—я это зналъ, я это предвидѣлъ.

И дѣйствительно, если бъ я не былъ выбитъ изъ обычной колеи мышленія, общество трехъ мужчинъ, которыхъ я засталъ на террасѣ, показалось бы мнѣ въ высшей степени страннымъ. Они ходили взадъ и впередъ съ отцомъ Бенедиктомъ по срединѣ, который двигался, опустивъ глаза и заложивъ руки за спину. Рядомъ съ нимъ шелъ съ одной стороны грубый и широкоплечій Бютонъ въ запачканной блузѣ, съ другой стороны—изящный, просто одѣтый незнакомецъ въ высокихъ сапогахъ и со шпагой. Къ удивленію моему, въ петлицѣ его камзола красовался трехцвѣтный бантъ.

Я поспѣшилъ освѣдомиться у него, что сталось съ Луи и его спутниками.

— Они атаковали мятежниковъ, потеряли одного человѣка и были отбиты,—отвѣчалъ онъ съ какой-то сухой отчетливостью.

— А что было съ графомъ?

— Онъ вышелъ невредимымъ изъ свалки и уѣхалъ въ Кагоръ набирать людей. Я же уѣхалъ сюда, такъ какъ моимъ совѣтамъ не хотѣли слѣдовать.

Библиотека "Руниверс"

Онъ говорилъ прямо, нисколько не стѣсняясь, какъ равный. Замѣтивъ, что я недоумѣваю, съ кѣмъ я имѣю дѣло, кюре поспѣшилъ познакомить насъ.

— Бывшій капитанъ американской арміи Юзъ. Онъ предложилъ свои услуги нашему комитету,—проговорилъ онъ.

Прежде, чѣмъ я успѣлъ спросить, какого рода могли быть эти услуги, капитанъ поспѣшилъ самъ разрѣшить мое недоумѣніе.

— Я предложилъ набрать въ Керси и обучить небольшой отрядъ для поддержанія порядка. Назовемъ это милиціей или еще какъ-нибудь, все равно.

Я былъ озадаченъ. Этотъ быстрый, подвижной человѣкъ, изъ кармана котораго выглядывала ручка пистолета, былъ для меня совершенно новымъ типомъ.

— Вы были на службѣ его величества? — спросилъ я, чтобы выиграть нѣкоторое время и обдумать положеніе.

— Нѣтъ. Въ вашей арміи нельзя сдѣлать карьеры. Я служилъ подъ командой генерала Вашингтона.

— Но вчера вечеромъ я видѣлъ васъ вмѣстѣ съ маркизомъ де-Сентъ-Алэ?

— А почему бы мнѣ и не быть съ нимъ?—въ свою очередь, спросилъ онъ, спокойно взглянувъ на меня.—Я слышалъ, что его домъ подожженъ, и предложилъ ему свои услуги. Но здѣсь не умѣютъ дѣйствовать методически и не слушаютъ хорошихъ совѣтовъ.

— У Мариньяка тоже пожаръ,—вмѣшался въ разговоръ отецъ Бенедиктъ. — Мы, вѣроятно, услышимъ и о другихъ пожарахъ.

— Тутъ дѣло не въ этомъ, чтобы слушать, а въ томъ, чтобы дѣлать, — замѣтилъ капитанъ. — Передъ нами цѣлый день, но если бъ мы не приняли кое-какихъ мѣръ еще вчера, то завтра пришлось бы плохо всей округѣ.

— Но вѣдь у насъ есть войска!

— Они отказываются повиноваться и потому не только безполезны, но и вредны.

— А что же дѣлаютъ офицеры?

— Они стараются исполнить свой долгъ, но народъ ненавидитъ ихъ. Орденъ Св. Людовика для простого народа то же, что красная тряпка для быка. Довольно и того, что они удерживаютъ солдатъ въ казармахъ и спасаютъ собственныя головы.

Мнѣ не понравилась его фамильярность и безстрастіе, съ которымъ онъ говорилъ. Но какъ бы тамъ ни было, вчерашнимъ тономъ уже нельзя было говорить. Мнѣ тогда казалось оскорбительнымъ, что Бютонъ стоитъ тутъ же и слушаетъ насъ. Теперь—это вещь самая обыкновенная. Къ тому же Бютонъ былъ совершенно другой человѣкъ, чѣмъ Дюри, и доводы, сокрушившіе одного, не имѣли никакого дѣйствія на другого. Довольно безнадежно спросилъ я отца Бенедикта, что онъ намѣренъ дѣлать.

Библиотека "Руниверс"

Кюре не далъ мнѣ никакого отвѣта. За него отвѣтилъ довольно рѣшительно капитанъ.

— Мы хотимъ, чтобы вы вступили въ комитетъ.

— Я думалъ объ этомъ вчера. Но я не могу этого сдѣлать. Вотъ и отецъ Бенедиктъ скажетъ вамъ то же.

— Мнѣ нуженъ отвѣтъ не отца Бенедикта, а вашъ,—возразилъ капитанъ.

— Я далъ отвѣтъ уже вчера,—отвѣтилъ я высокомѣрно.

— Вчера—не сегодня. Вчера домъ г. де-Сентъ-Алэ былъ еще цѣлъ, а сегодня это груда дымящихся развалинъ. Вчера о многомъ можно было только догадываться, а сегодня факты уже говорятъ сами за себя. Стоитъ промедлить еще нѣсколько часовъ, какъ вся область изъ конца въ конецъ будетъ охвачена пламенемъ.

Я не могъ не согласиться съ этимъ, но въ то же время не могъ и измѣнить своимъ воззрѣніямъ. Торжественно прицѣпивъ себѣ въ гостиной маркизы Сентъ-Алэ бѣлый бантъ, я не могъ сдѣлать столь рѣшительнаго поворота въ другую сторону.

— Это невозможно. Невозможно въ моемъ положеніи — безсвязно бормоталъ я. Почему вы обращаетесь именно ко мнѣ, а не къ другому? Здѣсь найдется не менѣе двухсотъ лицъ, которыя...

— Будутъ совершенно безполезны для насъ, — рѣшительно прервалъ меня капитанъ.—Напротивъ, ваше имя могло бы успокоить тревогу, привлечь на сторону комитета болѣе умѣренные элементы и не оттолкнуло бы народныя массы. Позвольте мнѣ быть съ вами совершенно откровеннымъ,—продолжалъ онъ другимъ тономъ.—Мнѣ нужно ваше содѣйствіе. Я здѣсь подвергаюсь разнаго рода риску, но рискую только тамъ, гдѣ это необходимо. Поэтому я предпочитаю, чтобы дѣло, которое мнѣ предлагаютъ взять на себя, находило поддержку какъ снизу, такъ и сверху. Присоедините ваше имя къ комитету, и я возьмусь за это дѣло. Я, конечно, могъ бы распоряжаться въ Керси отъ имени одного третьяго сословія, но я предпочелъ бы вѣшать и миловать отъ имени всѣхъ трехъ.

— Но вѣдь другіе...

— Вы забываете, что я сумѣлъ справиться въ Кагорѣ съ чернью,— нетерпѣливо перебилъ онъ.—Я сумѣю справиться и съ этимъ сумасшедшимъ мужичьемъ, которое воображаетъ, что только и свѣту въ окошкѣ, что у нихъ. А тѣ, о которыхъ вы говорили...

— Тѣ не годятся,—тихонько подсказалъ ему отецъ Бенедиктъ, поглядывая на меня печальными глазами.

Полы его сутаны развѣвались отъ утренняго вѣтерка, отставая отъ его тощей фигуры. Шляпу свою онъ держалъ въ рукѣ, загораживаясь ею отъ солнца. Я понималъ, что въ немъ происходитъ та же борьба, что и во мнѣ, и это сознаніе дало мнѣ силы не соглашаться на его слова.

Библиотека "Руниверс"

— Невозможно! — промолвилъ я.

— Почему же?

Мнѣ не хотѣлось отвѣчать на этотъ вопросъ. Я повернулся лицомъ къ двери и только что хотѣлъ что-то сказать, какъ Андрэ отворилъ дверь и доложилъ:

— Маркизъ де-Сентъ-Алэ желаетъ видѣть г. виконта.

Торжественный тонъ, принятый старымъ слугой, подѣйствовалъ на меня не совсѣмъ пріятно: онъ какъ бы намѣренно подчеркивалъ возвращеніе къ старому.

Маркизъ, однако, не показалъ и виду, что замѣтилъ это.

Онъ весело подошелъ ко мнѣ и поздоровался со мной самымъ изысканнымъ способомъ. Одну минуту я думалъ, что онъ не знаетъ всего, что произошло, но первыя же его слова показали мнѣ, что я ошибался.

— Мы обязаны вамъ вѣчной благодарностью, г. виконтъ,—заговорилъ онъ.—Вчера вечеромъ я долженъ былъ уѣхать по дѣламъ и не могъ ничего предпринять. Мой братъ явился, кажется, слишкомъ поздно. И силы его были весьма незначительны. Проходя сюда, я видѣлся съ моей сестрой, которая разсказала мнѣ нѣкоторыя подробности.

— Какъ, она уже покинула свою комнату?—воскликнулъ я въ изумленіи.

Трое моихъ собесѣдниковъ отошли нѣсколько отъ насъ, такъ что мы могли говорить съ глазу на глазъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.—Могу васъ увѣрить, что она говорила о васъ въ такихъ выраженіяхъ, какія только можетъ позволить себѣ дѣвушка. Моя мать еще будетъ имѣть случай принести вамъ свою благодарнасть. Надѣюсь, что вы не пострадали.

Плохо сознавая, что я дѣлаю, я что-то пробормоталъ въ отвѣтъ. Сентъ-Алэ велъ себя совершенно иначе, чѣмъ я предполагалъ. Его спокойствіе и веселость до такой степени не соотвѣтствовали настроенію человѣка, которому только что пришлось услышать, что его домъ сожженъ, а его управляющій убитъ, что я былъ озадаченъ. Одѣтъ онъ былъ съ обычной своей щеголеватостью, хотя видно было, что онъ всю ночь не спалъ. Несмотря на то, что разгромъ Сентъ-Алэ и Мариньяка совершенно опровергали всѣ его увѣренія, онъ дѣлалъ видъ, что это его нисколько не безпокоитъ.

Все это сбивало меня съ толку, но я не показалъ и виду, а только выразилъ надежду, что все пережитое не слишкомъ сильно потрясло его сестру.

— Мы, Сентъ-Алэ, не сахарные, — отвѣчалъ онъ. — Наконецъ, я отдохнулъ ночь... Впрочемъ, я, кажется, помѣшалъ вашей бесѣдѣ? — прервалъ онъ самъ себя, метнувъ быстрый взглядъ на моихъ собесѣдниковъ.

Библиотека "Руниверс"

— Въ дѣйствительности вы должны благодарить не меня, а отца Бенедикта и Бютона, маркизъ. Безъ ихъ помощи...

— Да,—холодно замѣтилъ онъ.—Я слышалъ объ этомъ. Позвольте мнѣ привести вамъ нѣкую притчу. Жилъ былъ нѣкій человѣкъ, который сердился на своего сосѣда за то, что у того урожай былъ лучше, чѣмъ у него, и вотъ онъ сталъ ходить тайно ночью,—не разъ, а много разъ,—на землю своего сосѣда и сдѣлалъ такъ, что пустилъ къ сосѣду ручей, который протекалъ мимо ихъ фермъ. Онъ устроилъ это такъ ловко, что вода не только залила всѣ поля, но грозила даже потопить самого сосѣда, а, стало быть, и этого человѣка и его поля. Убѣдившись слишкомъ поздно въ своемъ безумномъ дѣлѣ... Какъ вамъ нравится эта притча, отецъ Бенедиктъ?

— Я ее не совсѣмъ понимаю, — отвѣтилъ кюре.

— Я еще не превратился въ лакея своихъ собственныхъ людей, какъ хвастались эти рабы,—продолжалъ Сентъ-Алэ, насмѣшливо отвѣшивая поклонъ.

— Стыдитесь, маркизъ!—воскликнулъ я, потерявъ терпѣніе.— Я уже сказалъ вамъ, что если бы не отецъ Бенедиктъ и Бютонъ, то мадемуазель и я...

— А я уже сказалъ вамъ,—прервалъ онъ меня раздраженно: — что я на этотъ счетъ думаю. Вотъ и все.

— Но вы, повидимому, не знаете всего, что произошло! — воскликнулъ я, начиная сердиться отъ его несправедливости. — Вѣроятно, вы не знаете, что когда явились на помощь отецъ Бенедиктъ и Бютонъ, мадемуазелль де-Сентъ-Алэ и я находились въ самомъ отчаянномъ положеніи, что они спасли насъ съ величайшимъ рискомъ для себя, что наконецъ мы обязаны спасеніемъ скорѣе трехцвѣтной кокардѣ, чѣмъ примѣненію силы?

— Вотъ какъ! Вотъ какъ!—заговорилъ маркизъ съ потемнѣвшимъ лицомъ.—Я долженъ кое-что сказать по этому поводу. Но разрѣшите мнѣ предварительно задать вамъ одинъ вопросъ. Вѣрна ли моя догадка о томъ, что эти господа явились къ вамъ отъ имени,— извиняюсь заранѣе, если я перепутаю названіе, — комитета общественной безопасности.

Я кивнулъ головой.

— Можно будетъ поздравить ихъ съ благопріятнымъ отвѣтомъ?

— Нѣтъ. Этотъ господинъ,—продолжалъ я, указывая на капитана Юза,—обратился ко мнѣ съ нѣкоторыми предложеніями и высказалъ свои соображенія въ ихъ пользу.

— Но я еще не высказалъ самаго главнаго изъ нихъ,—вмѣшался капитанъ, сухо поклонившись маркизу.—Вы найдете его въ самомъ маркизѣ де-Сентъ-Алэ.

Маркизъ бросилъ на него холодный взглядъ.

Библиотека "Руниверс"

— Очень вамъ благодаренъ, — презрительно замѣтилъ онъ. — Со временемъ, вѣроятно, намъ придется еще поговорить съ вами, а пока я бесѣдую съ виконтомъ де-Со.

И, обернувшись ко мнѣ, онъ заговорилъ снова:

— Итакъ, долженъ ли я предполагать, что предложенія этихъ господъ отклонены?

— Совершенно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я не питаю къ нимъ благодарности.

— Вотъ какъ,—промолвилъ онъ.

Потомъ, обернувшись, онъ прибавилъ развязно:

— Я вижу здѣсь вашего человѣка. Могу ли я дать ему порученіе?

— Разумѣется.

Онъ махнулъ рукой. Андрэ, стоявшій у дверей и слѣдившій за нами, подбѣжалъ къ намъ.

Маркизъ опять обратился ко мнѣ:

— Вы позволите?

Я молча поклонился.

— Иди сейчасъ, мой другъ, къ мадемуазель де-Сентъ-Алэ,— сказалъ маркизъ.—Она находится въ залѣ. Попроси ее удостоить насъ своимъ присутствіемъ.

Андрэ поспѣшилъ въ домъ съ какимъ-то особенно торжественнымъ видомъ. Мы остались вдвоемъ и молчали. Мнѣ страшно хотѣлось посовѣтоваться съ отцомъ Бенедиктомъ, но я даже не смѣлъ взглянуть на него, ибо маркизъ, продолжая сохранять на своемъ лицѣ загадочную улыбочку, не сводилъ съ меня глазъ.

Такъ мы стояли, пока въ дверяхъ не появилась мадемуазель. Остановившись на минуту, она потомъ робко двинулась дальше и подошла къ намъ.

На ней было платье, принадлежавшее, должно быть, моей матери и слишкомъ длинное для меня. Но мнѣ казалось, что оно удивительно шло къ ней. Плечи ея были прикрыты косынкой. Другую она надѣла на ненапудренные волосы, выбивавшіеся изъ-подъ нея тонкими локонами на шеѣ и на вискахъ.

Я не видѣлъ ее съ тѣхъ поръ, какъ ее сняли съ моего сѣдла, и теперь при свѣтѣ яснаго утра она показалась мнѣ божественно-красивой.

Приблизившись къ намъ, она даже не взглянула на меня: ея глаза были устремлены на маркиза, который притягивалъ ее къ себѣ, словно магнитъ.

— Мадемуазель,—началъ онъ: — я слышалъ, что своимъ спасеніемъ въ прошлую ночь вы обязаны эмблемѣ, которая и теперь еще на васъ. Эту эмблему не можетъ носить ни одинъ подданный его величества, не покрывая себя позоромъ. Благоволите прежде всего снять ее,

Библиотека "Руниверс"

То блѣднѣя, то краснѣя, она бросала на насъ умоляющіе взоры.

— Monsieur! — пробормотала она, какъ будто не понимая, въ чемъ дѣло.

— Я, кажется, выразился совершенно понятно. Будьте добры снять это.

Она колебалась и, видимо, готова была расплакаться. Затѣмъ она принялась отшпиливать трехцвѣтную кокарду, которую слуги, можетъ быть, безъ ея вѣдома, прикрѣпили къ ея платью. Ея губы нервно вздрагивали, а пальцы замѣтно дрожали. Эта операція заняла довольно много времени.

Негодованіе охватило меня, но я рѣшилъ не вмѣшиваться. Другіе тоже смотрѣли на эту сцену съ самымъ серьезнымъ видомъ.

— Благодарю васъ,—заговорилъ опять Сентъ-Алэ, когда его сестрѣ удалось наконецъ отшпилить трехцвѣтный бантъ. — Я знаю, что вы настоящая Сентъ-Алэ: скорѣе умрете, чѣмъ сохраните вашу жизнь цѣною позора. Будьте добры, бросьте это на полъ и растопчите ногами.

При этихъ словахъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Помню, какъ я сдѣлалъ шагъ впередъ и, безъ сомнѣнія, вмѣшался бы, если бъ маркизъ вдругъ не поднялъ руку. Я не имѣлъ право вмѣшиваться, мы были зрителями, они — актерами.

Съ минуту мадемуазель стояла неподвижно и, затаивъ дыханіе, расширенными глазами смотрѣла прямо въ лицо брату. Потомъ, попрежнему не спуская съ него глазъ, она подняла руку и выронила бантъ.

— Растопчите его!—безжалостно скомандовалъ маркизъ.

Она поблѣднѣла, какъ полотно, и не двигалась съ мѣста.

— Растопчите его!

Не отводя отъ него глазъ, она выставила впередъ ногу и коснулась трехцвѣтнаго банта.

XI.

Два лагеря.

— Благодарю васъ. Теперь вы можете итти,—промолвилъ маркизъ.

Не глядя на насъ, она бросилась въ домъ, закрывъ лицо руками. Ея маленькая фигурка вздрагивала отъ рыданій, которыя громко раздавались въ тихомъ воздухѣ.

Вся эта сцена взбѣсила меня до крайности, но, сдѣлавъ надъ собой огромное усиліе, я сдерживалъ себя. Мнѣ хотѣлось знать, что онъ еще скажетъ.

Но онъ не замѣтилъ или дѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвела на всѣхъ его выходка.

Библиотека "Руниверс"

— Благодарю васъ, господа, за ваше терпѣніе, — началъ маркизъ.—Теперь вы знаете, что я думаю объ этой трехцвѣтной эмблемѣ. Ни я , ни мои родные не будемъ прятаться за нее. Точно также я не считаю возможнымъ вступать въ разговоры съ убійцами и разбойниками.

Я не могъ уже сдерживать себя и бросился къ нему.

— Позвольте и мнѣ сказать вамъ кое-что, маркизъ,—закричалъ я.—Минуту тому назадъ я отвергъ эту трехцвѣтную кокарду, отвергъ предложеніе тѣхъ, кто мнѣ ее далъ. Я хотѣлъ стать на вашу сторону, хотя я и не вѣрю въ ваше дѣло. Но теперь я вижу, что этотъ джентльменъ правъ: вы сами даете противъ себя самое сильное оружіе. Я поднимаю этотъ бантъ, знайте же, что это будетъ дѣломъ вашихъ рукъ!

Съ этими словами я схватилъ кокарду, брошенную его сестрой, и дрожавшими не менѣе, чѣмъ у нея пальцами, прикрѣпилъ ее у себя на груди.

Съ насмѣшливой улыбкой маркизъ отвѣсилъ мнѣ церемонный поклонъ.

— Кокорду вѣдь легко и перемѣнить,—сказалъ онъ.

Но я видѣлъ, что онъ побагровѣлъ отъ злобы и готовъ былъ убить меня на мѣстѣ.

— Мной не такъ-то легко играть,—горячо возразилъ я.

Трое остальныхъ, присутствовавшихъ при этой сценѣ, съ признаками презрѣнія отошли немного въ сторону и оставили насъ вдвоемъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ мы стояли три недѣли тому назадъ наканунѣ дворянскаго собранія.

Раздраженный поведеніемъ мадемуазель и желая кольнуть его, я припомнилъ ему этотъ день и пророчества, которыя онъ тогда предрекалъ и которыя оказались столь неудачными.

— Неудачными?—прервалъ онъ меня со второго же слова.— Неудачными? Но почему неудачными, г. виконтъ? Потому что тѣ, кто долженъ былъ бы поддерживать меня и короля, колеблются, какъ вы, и не понимаютъ, что творятъ? Потому что дворяне Франціи оказываются трусами, недостойными именъ, которыя они носятъ. Не осуществились! Потому что вы,г. де-Со, и люди, вамъ подобные, стоите сегодня за одно, а завтра за другое. Сегодня вы кричите: «реформы!» а завтра — «порядокъ!»

Это замѣчаніе только подогрѣло разгоравшійся во мнѣ гнѣвъ. Онъ замѣтилъ это и, воспользовавшись моментомъ моего замѣшательства, продолжалъ съ оскорбительнымъ для меня высокомѣріемъ:

— Впрочемъ, довольно объ этомъ. Я уже благодарилъ васъ за помощь, которую вы оказали, г. де-Со, и всего менѣе склоненъ забывать, чѣмъ мы вамъ обязаны послѣ этой ночи. Но никакой дружбы не можетъ быть между тѣми, кто носитъ это,—онъ указалъ на мой трехцвѣтный бантъ,—и тѣми, кто служитъ королю, какъ

Библиотека "Руниверс"

мы ему служимъ. Вы поэтому должны извинить меня, если я немедленно покину васъ и возьму свою сестру, гдѣ ея присутствіе можетъ быть истолковано совершенно ложно.

Онъ опять поклонился мнѣ и направился къ дому. Я слѣдовалъ за нимъ, чувствуя, какъ холодѣетъ у меня на сердцѣ. Въ залѣ не было никого, кромѣ Андрэ, стоявшаго въ отдаленіи у двери. Въ аллеѣ подъ окнами дожидались маркиза трое или четверо верховыхъ, а немного далѣе подъѣзжала къ воротамъ вторая группа всадниковъ. Достаточно было бросить даже бѣглый взглядъ, чтобы въ первомъ изъ нихъ узнать мадемуазель. Она ѣхала, низко наклонивъ голову, и, видимо, плакала. Въ горячемъ порывѣ я было обратился къ маркизу, но онъ бросилъ на меня такой взглядъ, что слова замерли у меня на языкѣ.

— А,—заговорилъ онъ, сухо кашлянувъ,—мадемуазель сама сообразила, что ей неудобно было оставаться здѣсь долѣе. Позвольте и мнѣ проститься съ вами, г. де-Со.

Онъ поклонился и приготовился сѣсть на лошадь.

Я сдѣлалъ слугамъ знакъ оставить насъ вдвоемъ и, колеблясь между бѣшенствомъ и стыдомъ, заговорилъ горячо:

— Намъ нужно выяснить еще одно обстоятельство, маркизъ. Между мной и мадемуазель не все еще кончено Ибо она...

— Не будемъ говорить о ней,—перебилъ онъ меня.

Но меня не такъ-то легко было удержать.

— Я не знаю ея чувствъ ко мнѣ,—продолжалъ я, не обращая вниманія на него:—не знаю, насколько она симпатизируетъ мнѣ. Но что касается меня, то скажу вамъ откровенно, я и люблю ее и не перемѣнился оттого, что прицѣпилъ себѣ трехцвѣтный бантъ. Слѣдовательно...

— Я могу сказать вамъ только одно,—опять перебилъ онъ, поднимая руку, чтобы остановить меня.—А именно, вы любите, какъ буржуа или какой-нибудь сумасшедшій англичанинъ,—добавилъ онъ съ презрительнымъ смѣхомъ.—Мадемуазель де-Сентъ-Алэ не дочь какого-нибудь булочника, и подобнаго рода сватовство я нахожу для нея оскорбительнымъ. Довольно этого, или я долженъ еще продолжать, г. виконтъ?

— Этого мало, чтобы заставить меня свернуть съ моего пути. Вы забываете, что я привезъ сюда мадемуазель въ своихъ объятіяхъ. Но этого не забудемъ ни я, ни она.

— Вы спасли ея жизнь и требуете теперь за это награды,—сердито сказалъ онъ.—Вы дѣйствуете очень великодушно и какъ настоящій дворянинъ.

— Я не требую этого,—горячо вскричалъ я.—Но я имѣю право искать ея руки, и я добьюсь этого.

— Пока я живъ, этого не будетъ,—гнѣвно отвѣчалъ онъ.—Я ручаюсь, что подобно тому, какъ по моему приказу она растопта-

Библиотека "Руниверс"

ла эту трехцвѣтную ленту, такъ же она растопчетъ и вашу любовь. Съ этого дня ищите себѣ невѣсту среди вашихъ друзей! Мадемуазель де-Сентъ-Алэ не для васъ.

Я дрожалъ отъ ярости.

— Вы знаете, что я не могу драться съ вами.

— Я тоже не могу драться съ вами. Слѣдовательно,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного и снова возвращаясь къ своей язвительной вѣжливости:—мнѣ остается только покинуть васъ. Мое почтеніе, не хочу сказать «до свиданія», ибо не думаю, чтобы намъ пришлось встрѣтиться когда-нибудь въ будущемъ.

Я не нашелся, что ему отвѣтить. Онъ тронулъ лошадь и тихонько поѣхалъ по аллеѣ. Мадемуазель уже скрылась изъ вида, а слуги маркиза дожидались его у воротъ. Я долго слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ ѣхалъ среди каштановъ, то скрываясь въ тѣни, то снова попадая въ полосу солнечнаго свѣта, лившагося черезъ листву, и, презирая себя въ душѣ, невольно любовался его молодцоватой посадкой и беззаботнымъ видомъ.

Да, у него была сила, которой не хватало окружающимъ его. Все, что я сказалъ ему, показалось мнѣ теперь слабымъ и глупымъ, а рѣшимость, съ которой я напустился было на него, просто дѣтской. Въ концѣ концовъ онъ былъ правъ: конечно, такой способъ заявлять свою претензію на руку дѣвушки былъ не принятъ среди французовъ, да я и самъ не допустилъ бы его относительно моей сестры.

Вернувшись домой, я чувствовалъ себя очень плохо. Мой взглядъ случайно упалъ на пистолеты, которые продолжали еще лежать въ вестибюлѣ. Это напомнило мнѣ, что замки Сентъ-Алэ и Мариньякъ сожжены до тла, что вчера ночью я спасъ мадемуазель отъ смерти, что за прохладной каштановой аллеей лежитъ волнующійся міръ Керси и Франціи—міръ обезумѣвшихъ крестьянъ и перепуганныхъ горожанъ, міръ солдатъ, не желающихъ сражаться, и дворянъ, не смѣющихъ поднять оружіе.

— Жребій брошенъ! Да здравствуетъ трехцвѣтная кокарда!

Я прошелъ черезъ домъ, желая отыскать отца Бенедикта и его спутниковъ. Но на террасѣ никого уже не было. Изъ слугъ я нашелъ одного Андрэ, который подошелъ ко мнѣ съ какимъ-то надутымъ видомъ. Я спросилъ, гдѣ кюре.

— Онъ ушелъ, г. виконтъ.

— А Бютонъ?

— Онъ тоже ушелъ, захвативъ съ собою половину слугъ.

— Ушелъ? Куда?

— Въ деревню,—грубо отвѣчалъ онъ.—Міръ, должно быть, пошелъ вверхъ ногами.

— Не поручилъ ли кюре передать мнѣ что-нибудь?

Старикъ, видимо, колебался.

Библиотека "Руниверс"

— Да, поручилъ,—отвѣчалъ онъ неохотно.—Онъ сказалъ, что если вы останетесь дома часовъ до 12, то онъ дастъ знать о себѣ.

— Но онъ хотѣлъ ѣхать въ Кагоръ? Стало быть, онъ разсчиваетъ вернуться сегодня же?

— Онъ пошелъ по аллеѣ къ деревнѣ,—съ упрямымъ видомъ проговорилъ Андрэ.—Относительно Кагора онъ ничего не говорилъ.

— Въ такомъ случаѣ отправляйся сейчасъ въ даревню и узнай, уѣхалъ ли онъ уже въ Кагоръ.

Старикъ ушелъ съ недовольнымъ видомъ, а я остался на террасѣ одинъ. Какая-то неестественная тишина царила во всемъ домѣ. Я сѣлъ у стѣны на каменную скамейку и сталъ перебирать въ памяти событія прошлой ночи, вспоминая съ поразительной ясностью событія, едва мелькнувшія мимо меня. Мало-по-малу мысль моя стала отходить отъ этихъ ужасовъ и невольно направляться къ мадемуазель де-Сентъ-Алэ. Мнѣ представилось, какъ она плакала, наклонившись на сѣдлѣ.

Пчелы низко жужжали въ тепломъ воздухѣ, съ голубятни неслось воркованіе голубей, и, невольно прислушиваясь къ этимъ звукамъ, я незамѣтно заснулъ. Это было неудивительно послѣ ночи, которую я провелъ.

Проснувшись, я увидалъ, что я проспалъ довольно долго, и забезпокоился. Вскочивъ на ноги и осмотрѣвшись, я замѣтилъ Андрэ, стоявшаго у дома. Я крикнулъ ему и спросилъ, почему онъ не разбудилъ меня.

— Я думалъ, что вы очень устали, сударь,—отвѣчалъ онъ, прикрываясь рукой отъ солнца.—Вы вѣдь не какой-нибудь крестьянинъ и можете спать, когда вамъ заблагоразсудится.

— Вернулся кюре?

— Никакъ нѣтъ.

— А куда онъ пошелъ?

Онъ назвалъ деревню, лежавшую въ полумилѣ отъ насъ. Потомъ онъ доложилъ, что обѣдъ уже готовъ.

Я былъ голоденъ и потому, не говоря ни слова, направился въ домъ и сѣлъ за столъ. Когда я кончилъ обѣдать, было уже два часа. Разсчитывая, что отецъ Бенедиктъ вотъ-вотъ долженъ подойти, я приказалъ осѣдлать лошадей, чтобы имѣть возможность ѣхать сейчасъ же. Наконецъ я не могъ болѣе ждать и пошелъ самъ въ деревню.

Здѣсь все шло вверхъ дномъ. Три четверти обитателей бросились въ Сентъ-Алэ, чтобы взглянуть на пожарище. А тѣ, кто остался, и не думалъ заниматься своимъ дѣломъ: собравшись группами на порогѣ дверей, на перекресткахъ, у церковной паперти они бесѣдовали о разыгравшихся событіяхъ. Одинъ изъ крестьянъ робко освѣдомился у меня, правда ли, что король отдалъ всю землю крестьянамъ. Другой задалъ вопросъ о томъ, будутъ ли еще налоги.

Библиотека "Руниверс"

Оба они относились ко мнѣ съ почтеніемъ и не проявляли никакой грубости. Нѣкоторые выразили даже радость, что мнѣ удалось спастись отъ негодяевъ изъ Сентъ-Алэ. Но всякій разъ, какъ я приближался къ какой-нибудь группѣ, по знакомымъ мнѣ лицамъ пробѣгала какая-то легкая тѣнь не то робости, не то подозрительности. Въ тотъ моментъ я не понималъ значенія этой тѣни. Теперь, когда уже слишкомъ поздно и событія пошли своимъ ходомъ, я понимаю что это было первымъ дѣйствіемъ соціальнаго яда, который началъ свою разрушительную работу.

Однако и кюре мнѣ не удалось разыскать. Одни говорили, что онъ уѣхалъ въ Кагоръ. Въ концѣ концевъ я вернулся домой крайне недовольный и встревоженный всѣмъ видѣннымъ. Я рѣшилъ не уходить изъ дому, пока не придетъ отецъ Бенедиктъ. Цѣлыми часами я ходилъ по аллеѣ изъ конца въ конецъ, прислушиваясь, не растворятся ли ворота, и то и дѣло поглядывая на дорогу.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ, а я все еще продолжалъ дожидаться появленія кюре. Фантазія рисовала мнѣ всякіе ужасы. Мысль о томъ, что я остаюсь здѣсь въ бездѣйствіи, заставляла меня краснѣть. Когда Андрэ явился и доложилъ, что ужинъ поданъ, я обрушился на него съ бранью. Вмѣсто столовой я отправился на крышу замка и сталъ смотрѣть, не видно ли гдѣ-нибудь зарева.

Все было, однако, благополучно, а кюре такъ и не приходилъ. Ночь я провелъ безъ сна и часовъ въ семь утра сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по дорогѣ въ Кагоръ. Андрэ отговорился нездоровьемъ, и я взялъ съ собою одного Жиля.

Вся окрестность вокругъ Сентъ-Алэ казалась безлюдной. Но, проѣхавъ дальше съ милю, нагналъ десятка два крестьянъ, которые куда-то спѣшили. Я спросилъ, куда они идутъ и почему они не на полѣ?

— Мы идемъ въ Кагоръ за оружіемъ,—отвѣчали они.

— Съ кѣмъ же вы хотите сражаться?

— Съ разбойниками, сударь. Они теперь вездѣ жгутъ и грабятъ. Слава Богу, они еще не добрались до насъ, а къ ночи мы уже раздобудемъ оружіе.

— Про какихъ разбойниковъ вы говорите?—спросилъ я.

На этотъ вопросъ они не могли дать никакого отвѣта.

Долго я потомъ не могъ отдѣлаться отъ этихъ разбойниковъ. Не доѣзжая до Кагора мили двѣ, я долженъ былъ проѣзжать черезъ маленькую деревушку: и тутъ только и толку было, что о разбойникахъ. Здѣсь были въ концѣ улицъ наскоро устроены баррикады, а на колокольнѣ стоялъ на стражѣ какой-то человѣкъ. Между тѣмъ всѣ, кто могъ двигаться, ушли въ Кагоръ.

— Зачѣмъ?—спрашивалъ я.

— Чтобы узнать новости.

Библиотека "Руниверс"

Я начиналъ понимать, что мое воображеніе было недалеко отъ дѣйствительности.

Кагоръ я засталъ жужжащимъ, какъ пчелиный улей. На Валандрійскомъ мосту стояла такая толпа народу, что я едва могъ проложить себѣ путь черезъ нее.

Когда я проѣзжалъ по улицамъ съ своимъ трехцвѣтнымъ бантомъ, со всѣхъ сторонъ неслись привѣтственные клики, и это теперь меня уже не удивляло. Съ другой стороны, бросалось въ глаза, что было не мало и людей, которыми были украшены бѣлыми бантами. Они ходили по двое и по трое, держа голову кверху, а руки на эфесѣ шпаги. Толпа смотрѣла на нихъ искоса и съ явнымъ недоброжелательствомъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ, другіе были не знакомы со мной. Они бросали на меня взоры, словно на ренегата, и кровь невольно приливала мнѣ къ лицу.

Въ концѣ концовъ я былъ радъ избавиться отъ тѣхъ и отъ другихъ и съ удовольствіемъ слѣзъ съ лошади у гостиницы Дюри, у входа въ которую развѣвался огромный трехцвѣтный флагъ.

Я спросилъ, нѣтъ ли здѣсь кюре изъ Со.

Оказалось, что онъ засѣдалъ наверху въ комитетѣ, куда мнѣ и предложили пройти.

Я съ трудомъ пробрался сквозь толпу народа, которая наполняла собою лѣстницу и коридоры, жестикулируя и крича. Казалось, всѣ собирались оставаться здѣсь цѣлый день. Изъ открытой двери какой-то комнаты несся неясный гулъ голосовъ. Я вошелъ туда. Вокругъ большого круглаго стола группировалось человѣкъ двадцать, изъ которыхъ трое и четверо говорили разомъ, не обративъ никакого вниманія на мое появленіе. Нѣкоторые сидѣли, нѣкоторые слушали стоя. Въ концѣ комнаты я разсмотрѣлъ отца Бенедикта и Бютона, которые двинулись ко мнѣ навстрѣчу, и капитана Юза, который поднялся съ своего мѣста, не переставая, однако, говорить. Кромѣ нихъ было нѣсколько мелкихъ дворянъ, которые при моемъ появленіи вскочили съ своихъ мѣстъ и порывисто бросились ко мнѣ. Тутъ же присутствовалъ и хозяинъ гостиницы, безпрестанно встававшій и опять опускавшійся на свой стулъ. Было еще два-три деревенскихъ священника, которыхъ я зналъ въ лицо.

Въ комнатѣ стоялъ страшный шумъ, не меньше было и толкотни. Кое-какъ мнѣ дали мѣсто въ концѣ стола. По одну сторону отъ меня сидѣлъ капитанъ, по другую нотаріусъ изъ Кагора. Пользуясь шумомъ, я успѣлъ обмѣняться нѣсколькими словами съ отцомъ Бенедиктомъ, который остановился сзади моего стула.

— Отчего вы не присоединились къ намъ вчера?—спросилъ онъ, бросая на меня взглядъ, значеніе котораго могъ понять только я.

— Но вы сами велѣли передать мнѣ, чтобы я дожидался васъ?

— Я? Напротивъ, я просилъ сказать вамъ, чтобы вы ѣхали за мной.

Библиотека "Руниверс"

— Андрэ мнѣ сказалъ....

— А Андрэ!—воскликнулъ кюре, качая головой.

— Негодяй! Онъ, стало быть, солгалъ мнѣ! Я...

Въ это время кто-то окрикнулъ кюре, и онъ отправился на свое мѣсто. Въ эту минуту разговоры прекратились. Продолжали говорить только два человѣка, которые, не обращая другъ на друга никакого вниманія, обращались къ своимъ сосѣдямъ съ разговорами, одинъ объ «Общественномъ договорѣ», а другой о разбойникахъ.

Наконецъ капитанъ, долго порывавшійся говорить, взялъ слово.

— Стыдитесь, сударь,—сказалъ онъ, нападая на перваго оратора. — Развѣ время теперь заниматься теоретическими разсужденіями? Ничтожный фактъ.....

— Огромный фактъ,—перебилъ его противникъ, торговецъ овощами, ударяя по столу кулакомъ.

— Теперь-то и время выработать теорію,—кричалъ другой ораторъ.—Необходимо создать совершенную систему. Необходимо возродить весь міръ!

— Возрождать міръ, когда у насъ на носу разбойники,—продолжалъ свое овощный торговецъ:—когда наши поля сожжены.

— Послушайте, наконецъ,—рѣзко сказалъ капитанъ.—Я столько же вѣрю въ вашихъ разбойниковъ, какъ и въ теоріи нашего юриста.

— Какъ не вѣрите,—завопилъ, въ свою очередь, торговецъ:—когда ихъ видѣли въ Фижакѣ, въ Кожарѣ, въ...

— Кто ихъ видѣлъ?—такъ же рѣзко спросилъ капитанъ.

— Сотни людей.

— Назовите хоть одного.

— Но это всѣмъ извѣстно.

— Все это ложь,—оборвалъ его капитанъ.—Разбойники, съ которыми вамъ придется имѣть дѣло, гораздо ближе отъ васъ. Сначала нужно обсудить вопросъ, какъ управиться съ ними, а не оглушать виконта вашей болтовней.

— Слушайте! Слушайте!—закричалъ адвокатъ.

Но человѣкъ, твердившій о разбойникахъ, не могъ примириться съ такимъ отпоромъ. Онъ опять началъ что-то говорить, одни стали за него, другіе противъ. Похоже было на то, что вмѣсто мира, ради котораго всѣ сошлись сюда, начинается новая ссора.

Нечего и говорить, какъ угнетающе подѣйствовали на меня весь этотъ шумъ, безтолочь, отсутствіе вѣжливости, къ которому я напрасно стремился пріучить себя. Я сидѣлъ, какъ оглушенный, не видя передъ собой никого, кромѣ Бютона, который дѣлалъ всяческія усилія, чтобы водворить тишину.

— Теперь вы сказали все, что хотѣли,—говорилъ капитанъ.—Можетъ быть, вы позволите высказаться и мнѣ. Вы, г. адвокатъ, и этотъ человѣкъ, имя котораго я забылъ,—вы оба не принадлежите въ военнымъ людямъ и не понимаете затрудненій, которыя мнѣ

Библиотека "Руниверс"

представляются. Но за этимъ столомъ есть еще дюжина лицъ, которыя ихъ отлично понимаютъ. Вводите какую угодно организацію, но если вашихъ должностныхъ лицъ будутъ убивать каждое утро, дѣло не пойдетъ на ладъ.

— Какъ убивать?—спросилъ адвокатъ, раздувая щеки.

— Какъ?—безъ всякой церемоніи оборвалъ его капитанъ.—Очень просто: ударомъ небольшой шпаги. Вѣдь нѣкоторые изъ насъ не сдѣлаютъ отсюда и трехъ шаговъ, какъ получатъ оскорбленіе и будутъ вызваны на дуэль?

— Это вѣрно!—въ одинъ голосъ вскричали оба мелкомелкопомѣстныхъ дворянина, сидѣвшіе на концѣ стола.

— Это несомнѣнно такъ,—продолжалъ капитанъ, постепенно горячась.—Тутъ не какая-нибудь случайность, а предумышленный планъ. Они хотятъ такимъ путемъ сломить насъ. Я сегодня видѣлъ на улицѣ троихъ и готовъ держать пари, что это переодѣтые учителя фехтованія.

— Убійцы!—громко завопилъ нотаріусъ.

— Вы можете называть ихъ, какъ вамъ угодно,—продолжалъ спокойно Юзъ.—Но какой изъ этого толкъ? Если мы не можемъ выйти изъ дому, чтобы не нажить дуэли, то мы совершенно безпомощны. Всѣ наши вожаки будутъ перебиты.

— Народъ отомститъ за нихъ!—напыщенно заговорилъ нотаріусъ.

Капитанъ пожалъ плечами.

— Покорно васъ благодарю.

— Въ настоящее время,—вмѣшался въ разговоръ отецъ Бенедиктъ,—надо устроить только одно. Вы сказали, что нѣкоторые изъ членовъ комитета—люди не военные. Для чего же намъ заводить битвы и играть въ руки своимъ противникамъ?

— Вы правы,—откровенно отвѣчалъ Юзъ, обводя взглядомъ присутствующихъ.—Зачѣмъ намъ сражаться? Я, по крайней мѣрѣ, не склоненъ къ этому, что я уже и доказалъ.

Воцарилось молчаніе. Мы съ сомнѣніемъ посматривали другъ на друга.

— Въ самомъ дѣлѣ, для чего вооруженная борьба?—заговорилъ опять капитанъ.—Тутъ не игра, а дѣло. Здѣсь будутъ уже не простые дворяне, а, такъ сказать, солдаты подъ общей командой.

— Да, да,—односложно проговорилъ я, чувствуя, что всѣ взгляды устремились на меня.—Но намъ, дворянамъ, трудно отказаться отъ нѣкоторыхъ съ дѣтства усвоенныхъ идей. Если мы не будемъ защищать себя отъ оскорбленій, то спустимся до уровня животныхъ.

— Не сомнѣвайтесь,—вдругъ закричалъ Бутонъ.—Народъ никогда не допуститъ этого.

— Не допуститъ, не допуститъ!—закричали другіе, и вся комната наполнилась гуломъ протестующихъ голосовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, по крайней мѣрѣ, теперь всѣ предупреждены,—сказалъ наконецъ капитанъ.—И если теперь люди будутъ легкомысленно принимать вызовы, то пусть они знаютъ, что этимъ самымъ они играютъ въ руку своимъ врагамъ. Что касается меня,—добавилъ онъ, сухо разсмѣявшись:—то они могутъ даже бить меня палкой, и я не приму ихъ вызова. Я понимаю ихъ игру!

XII.

Дуэль.

Я уже говорилъ, какъ тяжело подѣйствовало на меня все это и съ какимъ непріятнымъ чувствомъ посматривалъ я на острыя черты лица нотаріуса, на жирную улыбку лавочника и на грубое лицо Бютона. Мнѣ было тяжело, что я оказался на одномъ уровнѣ съ этими людьми съ ихъ грубой рѣзкостью съ одной стороны и угодливостью съ другой.

Къ счастью, засѣданіе продолжалось не долго. Пренія заняли еще съ полчаса, и собраніе стало расходиться. Нѣсколько человѣкъ остались, чтобы заняться дѣлами, о которыхъ была рѣчь, и въ числѣ этихъ нѣсколькихъ былъ и я. Отведя отца Бенедикта въ сторону, не давая ему замѣтить охватившаго меня отчаянія, я освѣдомился, не произошло ли еще гдѣ-нибудь погромовъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, незамѣтно пожимая мнѣ руку. —Мы принесли большую пользу, надѣюсь.

И съ откровенностью, показывающей, что онъ легко читаетъ мысли, кюре продолжалъ:

— Только помогите намъ поддержать спокойствіе. Дайте намъ сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ. Намъ предстоятъ испытанія гораздо большія, чѣмъ я предвидѣлъ. Дайте намъ только зацѣпиться.

Въ эту минуту въ комнату съ шумомъ вошелъ капитанъ Юзъ. Его появленіе было такъ внезапно, что всѣ сидѣвшіе за столомъ вскочили съ своихъ мѣстъ.

Капитанъ былъ красенъ, въ его глазахъ горѣлъ гнѣвъ. Нотаріусъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ двери, почему-то вдругъ поблѣднѣлъ и, запинаясь, началъ было разспрашивать Юза, но тотъ только бросилъ на него презрительный взглядъ и подошелъ прямо ко мнѣ.

— Вы джентльменъ, г. виконтъ,—громко заговорилъ онъ, проглатывая отъ поспѣшности слова.—Вы меня поймете. Мнѣ нужна ваша помощь.

Я взглянулъ на него и быстро сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ. Но въ чемъ дѣло?

— Меня оскорбили,—отвѣчалъ онъ, покручивая усы.

— Кто и гдѣ?

— На улицѣ. Одинъ изъ этихъ франтовъ! Но я научу его, какъ шутить со мной. Я, сэръ, солдатъ...

Библиотека "Руниверс"

— Позвольте, однако, капитанъ!—вскричалъ я, пораженный.— Я понялъ такъ, что больше дуэлей быть не должно. Вы же сами говорили, что вы даже позволите ударить себя палкой.

— Чортъ побери, что же изъ этого!—закричалъ онъ.—Ужъ не думаете ли вы, что я не джентльменъ оттого, что вмѣсто Франціи я служилъ въ Америкѣ?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчалъ я, съ трудомъ сдерживая улыбку.—Но вѣдь это же значитъ играть въ руку вашимъ противникамъ! Минуту тому назадъ вы сами говорили это.

— Могу я разсчитывать на вашу помощь, сэръ, или нѣтъ?—сердито прервалъ онъ меня.—Молчите!—крикнулъ онъ нотаріусу, видя, что тотъ пытается вступить съ нимъ въ разговоръ.—Что вы въ этомъ понимаете?

— Тише, капитанъ, тише,—проговорилъ я, стараясь успокоить его и предупредить ссору, уже готовую вспыхнуть. — Нашъ нотаріусъ...

— Я не хочу его знать! Что же, могу я разсчитывать на васъ, или нѣтъ?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ ваша помощь нужна мнѣ сейчасъ же. Я назначилъ мѣстомъ встрѣчи площадку сзади собора. Я просилъ бы васъ приступить къ дѣлу немедленно.

Я понялъ, что безполезно далѣе говорить съ нимъ, и вмѣсто всякаго отвѣта взялъ свою шляпу. Лавочникъ, нотаріусъ и съ полдюжины другихъ присутствовавшихъ подняли крикъ и хотѣли загородить намъ дорогу. Но отецъ Бенедиктъ продолжалъ хранить молчаніе, и мы безпрепятственно спустились внизъ и вышли изъ дому.

На улицѣ видно было, что оскорбленіе капитана и послѣдовавшая затѣмъ ссора совершилась при свидѣтеляхъ. На залитой солнцемъ площади тамъ и сямъ виднѣлись немногочисленныя, но мрачныя группы людей, видимо, выжидавшихъ, чѣмъ кончится дѣло. Напротивъ, тротуаръ, по которому намъ нужно было итти къ собору, былъ занятъ исключительно дворянами. Нацѣпивъ себѣ бѣлые банты, они расхаживали впередъ и назадъ по трое и по четверо, помахивая своими палками.

Толпа молча смотрѣла на нихъ, а они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ея. Щуря на нее глаза, они иногда останавливались группами, чтобы обмѣняться нѣсколькими словами и взять другъ у друга изъ табакерки щепотку табаку. Всѣ эти дѣйствія имѣли какой-то надменный, вызывающій видъ, которымъ вполнѣ оправдывались косые взгляды, бросаемые на нихъ толпою.

Намъ предстояло пройти между ними, какъ сквозь строй. Лицо мое горѣло отъ стыда, когда мы шли мимо нихъ. Многихъ изъ нихъ я видѣлъ всего два дня тому назадъ въ домѣ маркизы де-Сентъ-Алэ, гдѣ я на глазахъ у нихъ прицѣпилъ себѣ бѣлый бантъ. Теперь я

Библиотека "Руниверс"

былъ въ противоположномъ лагерѣ. Причинъ моего образа дѣйствій они не знали, и я видѣлъ по ихъ взглядамъ и поджатымъ губамъ, что они считали меня измѣнникомъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ военной формѣ и съ орденомъ св. Людовика были мнѣ незнакомы: эти посматривали на меня вызывающе и едва давали мнѣ дорогу.

Къ счастью, итти намъ было недалеко. Мы достигли сѣверной стѣны собора и черезъ небольшую калитку вошли въ садъ, гдѣ липы умѣряли палящій зной солнца. Казалось, будто городъ съ его шумомъ и толпой остался гдѣ-то далеко позади. Направо высились стѣна абсиды и тяжелые восточные куполы собора, впереди поднимались стѣны укрѣпленій, а слѣва поднимала обвитую плющемъ верхушку старинная полуразвалившаяся башня четырнадцатаго вѣка. У ея основанія на гладкомъ газонѣ стояла группа изъ четырехъ лицъ, которыя, видимо, насъ дожидались.

Одинъ изъ нихъ былъ Сентъ-Алэ, другой Луи, остальныхъ я не зналъ.

Вдругъ мнѣ въ голову пришла ужасная мысль:

— Съ кѣмъ вы будете драться?—тихо спросилъ я своего спутника.

— Съ Сентъ-Алэ,—такъ же тихо отвѣчалъ онъ.

Мы были уже такъ близко отъ маркиза, что я не могъ болѣе разспрашивать его.

Поджидавшіе насъ двинулись намъ навстрѣчу и раскланялись съ нами.

— Виконтъ?—спросилъ Луи.

Онъ былъ такъ серьезенъ и суровъ, что я прямо не узнавалъ его.

Я молча кивнулъ головой, и мы отошли съ нимъ въ сторону.

— Намъ, повидимому, незачѣмъ пытаться примирить противника,—сказалъ онъ.

— Полагаю, что такъ,—хрипло отвѣчалъ я.

Сказать по правдѣ, отъ ужаса я едва понималъ, что я говорилъ. Понемногу стала наконецъ разъясняться та дилемма, которая теперь стояла предо мной. Съ одной стороны, если Сентъ-Алэ падетъ отъ руки капитана, то что скажетъ мнѣ его сестра, что она подумаетъ обо мнѣ, какъ подастъ мнѣ руку? Съ другой стороны, я не могъ представить себѣ и гибели капитана Юза: его открытыя манеры, его практичность незамѣтно покорили мое сердце.

А между тѣмъ одинъ изъ нихъ долженъ пасть.

Большіе церковные часы пробили надъ моей головой часъ. Мнѣ казалось, что я сейчасъ упаду въ обморокъ. Солнце било мнѣ прямо въ глаза, деревья шатались предо мной, садъ куда-то исчезъ. И только въ ушахъ стоялъ шумъ человѣческихъ голосовъ. Особенно отчетливо прозвучалъ голосъ Луи, говорившаго какъ-то неестественно твердо:

Библиотека "Руниверс"

— Что вы скажете насчетъ этого мѣста? Трава здѣсь совершенно сухая, и, стало быть, здѣсь не скользко; свѣта здѣсь достаточно, а вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ драться въ тѣни.

— Я согласенъ,—пробормоталъ я.

— Можетъ быть, вы сами осмотрите это мѣсто.

— Лучшаго не найти,—хрипло отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ разставимъ противниковъ.

Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о ловкости обоихъ противниковъ, но, когда я обернулся и направился къ капитану Юзу, я былъ пораженъ контрастомъ, который они представляли. Снявъ свою верхнюю одежду, они стояли нѣсколько въ сторонѣ. Капитанъ былъ ниже маркиза на цѣлую голову. Поблескивая свѣтлыми глазами, онъ имѣлъ рѣшительный и энергичный видъ. Наоборотъ, маркизъ отличался высокимъ ростомъ и гибкостью. Руки его были довольно длинны и могли достигать противника издали. На его губахъ застыла, какъ у мертвеца, легкая улыбка.

— Мы готовы,—нетерпѣливо промолвилъ Луи.

Я замѣтилъ, что взглядъ его скользилъ мимо меня къ калиткѣ сада.

— Не угодно ли вамъ смѣрить шпаги, г. виконтъ,—снова сказалъ онъ.

Я исполнилъ эту обязанность и хотѣлъ было уже вести капитана на мѣсто, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что желаетъ говорить со мной, и, не обращая вниманіе на неудовольствіе своего противника, отвелъ меня въ сторону.

Гнѣвъ, охватившій его нѣсколько минутъ тому назадъ, теперь прошелъ, и его лицо было блѣдно и серьезно.

— Какая глупая вещь,—отрывисто сказалъ онъ.—И по дѣломъ мнѣ, если этотъ франтъ пронижетъ меня насквозь. Можете ли вы сдѣлать мнѣ одно одолженіе?

Я пробормоталъ, что я готовъ сдѣлать все, что въ моихъ силахъ.

— Я занялъ тысячу франковъ,—заговорилъ онъ, избѣгая моего взгляда:—чтобы обмундировать себя для поступленія на военную службу. Я взялъ ихъ у одного человѣка въ Парижѣ, фамилію котораго вы найдете въ моемъ чемоданѣ въ гостиницѣ. Если со мной что-нибудь случится, то я прошу васъ переслать ему все, что послѣ меня останется.

— Ему будетъ заплачено сполна,—сказалъ я.—Я уже позабочусь объ этомъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и пошелъ къ мѣсту, гдѣ ему было назначено стать. Я и Луи помѣстились около противниковъ съ обнаженными шпагами, готовые броситься на помощь, если понадобится.

Дали сигналъ начать борьбу. Противники поклонились другъ другу и сдѣлали выпадъ. Зазвенѣли шпаги. А наверху, въ небѣ

Библиотека "Руниверс"

весело летали жившіе у собора голуби, тихо журчалъ въ саду небольшой фонтанъ.

Сразу же обнаружилась огромная разница въ пріемахъ обоихъ противниковъ. Капитанъ Юзъ сильно двигалъ туловищемъ, то наклоняясь, то отступая въ сторону, работая большей частью кистью руки. Напротивъ, маркизъ держался неподвижно и дѣйствовалъ всей рукой, строго придерживаясь всѣхъ правилъ фехтованія. Было очевидно, что преимущество на его сторонѣ и что капитанъ устанетъ первымъ, ибо кисть руки утомляется скорѣе, чѣмъ вся рука. Къ довершенію всего, я скоро замѣтилъ, что маркизъ даже не прилагаетъ особыхъ стараній, а ограничивается лишь защитой, выжидая, когда противникъ утомится.

Въ горлѣ у меня сдѣлалось сухо и я слѣдилъ за обоими противниками, затаивъ дыханіе. Вотъ-вотъ долженъ послѣдовать ударъ, которымъ все будетъ кончено.

Вдругъ случилось что-то особенное. Капитанъ какъ будто поскользнулся и сдѣлалъ выпадъ противъ маркиза. Его шпага почти коснулась груди противника, и маркизъ едва спасся, отскочивъ назадъ. Но прежде, чѣмъ капитанъ успѣлъ сдѣлать второй выпадъ, Луи направилъ противъ него свою шпагу.

— Этого нельзя,—сердито закричалъ онъ.—Ударъ снизу. Это запрещено правилами.

Капитанъ остановился, тяжело переводя духъ и уперевшись шпагой въ землю.

— Почему запрещено?—сказалъ онъ и посмотрѣлъ на меня.

— Я не совсѣмъ хорошо видѣлъ, г. де-Сентъ-Алэ,—вмѣшался я.—Ударъ...

— Это не разрѣшается.

— Въ школѣ—да, а здѣсь не школа, а дуэль.

— Я никогда не видалъ, чтобы его примѣняли на дуэли.

— Это рѣшительно все равно и прерывать схватку по такимъ поводамъ—нелѣпо.

— Сударь!

— Да, нелѣпо, — твердо повторилъ я. — Послѣ этого мнѣ не остается ничего другого, какъ снять капитана.

— Можетъ быть, вамъ угодно самому занять его мѣсто?— вдругъ спросилъ сзади чей-то насмѣшливый голосъ.

Я быстро обернулся. Это произнесъ одинъ изъ спутниковъ маркиза. Я поклонился и спросилъ:

— Вы докторъ?

— Нѣтъ,—сердито отвѣчалъ онъ.—Мое имя дю-Маркъ—и я къ вашимъ услугамъ.

— Вы не секундантъ,—возразилъ я,—и, слѣдовательно, не имѣете права стоять тамъ, гдѣ вы стоите. Попрошу васъ удалиться отсюда.

Библиотека "Руниверс"

— Я имѣю такое же право быть здѣсь, какъ и всѣ другіе,—произнесъ онъ, указывая шпагой на крышу собора. Наверху черезъ парапетъ виднѣлось нѣсколько человѣкъ, смотрѣвшихъ на дуэль.

— Наши друзья имѣютъ такое же право на это, какъ и ваши,—продолжалъ онъ, видимо, стараясь меня подразнить.

— Они могутъ смотрѣть, но не вмѣшиваться—твердо возразилъ я.—Не имѣете этого права и вы. Прошу васъ удалиться.

Онъ опять сталъ отказываться и поднялъ было шумъ. Но этого Луи не могъ допустить: онъ сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе нарушителю порядка. Тотъ, пожавъ плечами, съ недовольнымъ видомъ отошелъ прочь.

— Будемъ продолжать,—вдругъ заговорилъ капитанъ.—Если ударъ былъ неправильный, то этотъ джентльменъ имѣлъ право вмѣшаться. Въ противномъ случаѣ...

— Я готовъ продолжать,—сказалъ де-Сентъ-Алэ.

Они опять схватились горячо, не соблюдая болѣе осторожности. Я видѣлъ, какъ шпага маркиза скользнула змѣей мимо шпаги капитана. Тотъ зашатался и выронилъ изъ рукъ оружіе.

Я схватилъ его на руки. Кровь ручьемъ лила изъ глубокой раны на шеѣ. Онъ взглянулъ на меня и хотѣлъ что-то сказать. Я успѣлъ разобрать только одно слово:

— Вы...

Кровь залила ему горло. Онъ замолкъ и закрылъ глаза. Прежде, чѣмъ я успѣлъ опустить его на траву, онъ былъ уже мертвъ. Пораженный внезапностью катастрофы, я опустился около него на колѣни. Докторъ пощупалъ его пульсъ и старался остановить пальцемъ кровотеченіе. Весь міръ въ эту минуту сосредоточился для меня на этомъ сѣромъ лицѣ; кромѣ него, я не видали ничего. Мнѣ какъ-то не вѣрилось, что духъ этого человѣка уже отлетѣлъ отъ него, что этотъ сильный человѣкъ, завоевавшій мою симпатію, былъ уже мертвъ, мертвъ въ то самое время, когда голуби продолжали весело описывать круги надъ нашими головами, а фонтанъ попрежнему журчалъ такъ тихо и спокойно.

— Убитъ?—въ тоскѣ воскликнулъ я.

— Да, г. виконтъ. Ему не повезло,—отвѣчалъ докторъ, опуская падавшую голову на забрызганную кровью траву.—При такой ранѣ ничего нельзя сдѣлать.

И онъ поднялся съ земли. Подавленный и поглощенный своими мыслями, я продолжалъ стоять на колѣняхъ, пристально глядя въ эти остеклянѣвшіеся глаза, за минуту передъ тѣмъ полные жизни и энергіи. Потомъ я вздрогнулъ и посмотрѣлъ на самого себя. Я былъ весь покрытъ его кровью: грудь, руки—все было въ крови, просочившейся даже сквозь камзолъ. Потомъ мои мысли обратились къ Сентъ-Алэ. Я инстинктивно посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, но теперь его уже тамъ не было.

Библиотека "Руниверс"

Вдругъ раздался громкій ударъ колокола—одинъ, другой. Не успѣлъ еще онъ замереть въ воздухѣ, какъ послышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то около меня хрипло крикнулъ:

— Боже мой! Это убійство! Они хотятъ насъ убить!

Я оглянулся. Говорившій былъ дю-Маркъ. Съ нимъ были Сентъ-Алэ и докторъ. Всѣ они явились сюда со стороны калитки, черезъ которую они, очевидно, не успѣли выйти. Они прошли мимо меня отвернувшись и направились къ маленькой двери, которая находилась сбоку старой башни и вела на стѣны. Едва они успѣли скрыться, какъ надъ моей головой опять загудѣлъ колоколъ. Звонъ его былъ унылъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ угрозы.

Тутъ я пришелъ въ себя и сообразилъ все происходящее. До ушей моихъ донесся гулъ толпы, ворвавшейся въ садъ при соборѣ и кричавшей: «На фонарь! На фонарь!» Съ каждаго выступа крыши собора, съ колокольни, изъ каждаго окна этого мрачнаго зданія десятки людей дѣлали знаки, показывали руками, размахивали кулаками. Мнѣ казалось, что они показывали на меня или на мертваго Юза, но, обернувшись назадъ, я увидѣлъ около себя двухъ Сентъ-Алэ, доктора и дю-Марка. Оба Сентъ-Алэ были блѣдны, но глаза ихъ горѣли. Дю-Маркъ тоже былъ блѣденъ, но глаза его украдкой бѣгали во всѣ стороны.

— Будь они прокляты! Они захватили калитку!—хрипло закричалъ онъ.—Мы окружены! Насъ убьютъ немедленно. Я ссылаюсь на свидѣтеля, здѣсь былъ честный бой. Я призываю васъ въ свидѣтели, виконтъ, что...

— Ну, это не особенно намъ поможетъ,—насмѣшливо перебилъ его маркизъ.—Если бы я былъ дома...

— Да, какъ теперь выбраться отсюда?—закричалъ опять дю-Маркъ, не имѣвшій силы скрыть свой страхъ.—Какъ вы полагаете, вдругъ обратился онъ ко мнѣ:—насъ убьютъ? Нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь другого выхода? Да говорите же что-нибудь! Говорите!

Но онъ напрасно обращался ко мнѣ въ своемъ страхѣ: я не пошевелилъ бы и пальцемъ, чтобы спасти его. Но, видя обоихъ Сентъ-Алэ, которые стояли передо мной, не зная, что дѣлать, слыша ревъ уже приближавшейся толпы, я не могъ оставаться равнодушнымъ. Еще минута, и толпа окончательно вломится въ садъ.

Захвативъ насъ у трупа Юза, она безъ разбора принесетъ насъ всѣхъ въ жертву своему гнѣву. Я уже слышалъ, какъ трещала садовая калитка, подаваясь напору, и безсознательно крикнулъ, что есть другая дверь, есть другой путь спасенія, если только эта дверь отперта. Оставивъ убитаго, я бросился черезъ лужайку къ стѣнѣ собора, не обращая вниманія на то, бѣгутъ ли остальные за мной, или нѣтъ.

Толпа уже вломилась въ садъ, и насъ раздѣляли только кусты, сквозь которые насъ не было видно. Не замѣченные никѣмъ, мы

Библиотека "Руниверс"

добѣжали до маленькой двери съ другой стороны башни, которая вела въ ризницу, откуда былъ ходъ въ склепъ. Все это я узналъ потому, что незадолго передъ этимъ показывалъ соборъ одному англичанину. Надежды на то, что дверь окажется отпертой, было немного: если бы у меня было время обдумать шансы, то я пришелъ бы въ отчаяніе. Но, къ величайшей моей радости, дверь, едва мы добѣжали до нея, отворилась сама собой, и священникъ, выставивъ свою голову съ пробритой тонзурой, сдѣлалъ намъ знакъ спѣшить. Въ одну минуту мы были уже около него. Едва переводя духъ, мы слышали, какъ загремѣлъ за нами запоръ. Мы были спасены.

Тутъ только мы могли перевести духъ. Мы очутились въ полутемной узкой и длинной комнатѣ съ каменнымъ поломъ и тремя бойницами вмѣстѣ оконъ.

— Боже мой! Мы чуть было...—заговорилъ первымъ дю-Маркъ, вытирая мокрый лобъ. Его лицо было блѣдно, какъ у мертвеца.— Теперь мы...

— Еще не выбрались изъ бѣды,—серьезно промолвилъ докторъ.— Намъ слѣдуетъ прежде всего поблагодарить виконта. Однако наше убѣжище открыто, и они идутъ сюда!

Очевидно, тѣ, кто былъ на крышѣ собора, видѣли, какъ мы скрылись въ дверь, и указали толпѣ наше убѣжище. Слышно было, какъ бѣгала кругомъ башни толпа. Вскорѣ дверь задрожала отъ сильныхъ ударовъ, а въ узкихъ бойницахъ показалось десятка два свирѣпыхъ физіономій, осыпавшихъ насъ ругательствами. Къ счастью, дверь была дубовая, обитая желѣзомъ, какія дѣлали въ старину нарочно для такихъ случаевъ. Сломать ее было трудно. Но слышать, какъ кричала и бѣсновалась толпа, было довольно страшно. Страшно было чувствовать эту толпу такъ близко отъ себя, страшно было подумать, что вотъ-вотъ мы рискуемъ попасть въ ея руки! Мы молча глядѣли другъ на друга. Оттого ли, что въ нашемъ убѣжищѣ было довольно темновато, или это происходило отъ страха, но всѣ были блѣдны, какъ полотно. Къ счастью, молчаніе продолжалось недолго: впустившій насъ сюда священникъ открылъ другую внутреннюю дверь и сказалъ:

— Сюда...

Ревъ и гулъ толпы почти заглушали его голосъ.

— Идите за мной, я выпущу васъ черезъ южныя врата. Они могутъ догадаться объ этомъ и опередятъ насъ.

Легко понять, что послѣ этихъ словъ мы не теряли времени даромъ и со всѣхъ ногъ бѣжали за нимъ по узкому подземному коридору, сырому и темному. Въ концѣ его находилась лѣстница, по которой мы поднялись вверхъ, въ новый коридоръ. Дверь, ведущая въ него, была закрыта, и, пока священникъ открывалъ ее, намъ показалось, что мы стоимъ тутъ цѣлую вѣчность. Бросившись въ дверь,

Библиотека "Руниверс"

мы оказались въ длинной, узкой комнатѣ, находившейся на противоположной сторонѣ собора.

Священникъ открылъ входную дверь, и я выглянулъ наружу. Длинная улица, ведущая отъ собора къ дому дворянства, была совершенно безлюдна.

— Мы добрались во́-время,—сказалъ я со вздохомъ облегченія.

Пріятно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Все еще задыхаясь отъ быстраго бѣга, я повернулся, чтобы поблагодарить спасшаго насъ священника.

Маркизъ де-Сентъ-Алэ, слѣдовавшій за мной молча, также выразилъ ему свою благодарность, но вмѣсто того, чтобы спѣшить по безлюдной улицѣ, въ нерѣшимости остановился на порогѣ.

— Г. де-Со,—заговорилъ онъ наконецъ, не прибѣгая къ своей обычной насмѣшливости и самоувѣренности:—я долженъ поблагодарить и васъ. Но, можетъ быть, положеніе, которое мы взаимно заняли...

— Я не желаю говорить объ этомъ,—прервалъ я.—А вотъ положеніе, въ которомъ мы только что стояли...

— А,—воскликнулъ онъ, пожимая плечами.—Значитъ, вы все-таки избираете этотъ путь?

— Да, я избираю этотъ путь.

Кровь капитана Юза еще не успѣла засохнуть на шпагѣ этого человѣка, а онъ еще говорилъ со мной!

— Я избираю этотъ путь, и долженъ васъ предостеречь,—строго продолжалъ я:—что если вы будете продолжать вашъ планъ, который уже стоилъ жизни одному хорошему человѣку, то этотъ планъ обрушится на вашу собственную голову, и это будетъ ужасно.

— Я по крайней мѣрѣ не собираюсь просить васъ защищать меня,—надменно сказалъ онъ и пошелъ беззаботно по улицѣ, вкладывая на ходу свою шпагу въ ножны.

За нимъ двинулся Луи. Докторъ и дю-Маркъ уже давно исчезли. Мнѣ казалось, что, проходя мимо меня, Луи на минуту задержался, что онъ хотѣлъ сказать мнѣ что-то, заглянуть мнѣ въ глаза, протянуть мнѣ руку.

Но передъ моими глазами было мертвое лицо и закатившіеся глаза Юза. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ моемъ лицѣ: оно было словно каменное, и я отвернулся къ стѣнѣ.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I

На фонарь!

Изъ всѣхъ происшествій, случившихся съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ комнаты, гдѣ засѣдалъ комитетъ, смерть капитана Юза больше всего врѣзалась мнѣ въ память. Я живо представлялъ себѣ, какъ онъ шелъ со мной въ этотъ садъ при соборѣ, какъ храбро встрѣтилъ онъ своихъ враговъ. То и дѣло воспоминаніе о немъ, полномъ жизни и энергіи, поднималось въ моей душѣ и вопіяло о его смерти. Это казалось мнѣ ужаснымъ, и я былъ раздраженъ противъ человѣка, который отнялъ у него жизнь.

Я зналъ не только Юза, но до извѣстной степени его исторію. Я зналъ, что онъ занялъ ту небольшую сумму денегъ, которая у него была, я могъ прослѣдить, какія надежды онъ питалъ; зналъ, что онъ пришелъ сюда съ твердымъ убѣжденіемъ, что онъ нашелъ выходъ изъ создавшагося положенія. И вотъ теперь онъ лежитъ тамъ, возлѣ собора, мертвый и окоченѣвшій!

Мнѣ было до такой степени жаль его, что я почти не думалъ о томъ, удастся ли Сентъ-Алэ спастись, или нѣтъ. Прислушавшись за дверью, я убѣдился, что шумъ толпы затихаетъ гдѣ-то въ отдаленіи и что въ городѣ все спокойно. Еще разъ горячо поблагодаривъ священника, я простился съ нимъ и пошелъ своей дорогой.

Кругомъ стояла такая тишина, что мои шаги отдавались довольно гулко. Мнѣ это показалось страннымъ. Хотѣлось знать, почему толпа, которая нѣсколько минутъ тому назадъ пылала местью, теперь куда-то исчезла и вокругъ собора все было такъ тихо. Черезъ нѣсколько шаговъ это, очевидно, должно было выясняться. Я прибавилъ ходу и скоро вышелъ на рыночную площадь.

Къ величайшему моему удивленію, залитая солнцемъ площадь была совершенно спокойна и безлюдна. Тамъ и сямъ бѣгали, обнюхивая отбросы и высоко поднявъ хвостъ, собаки. Около лавокъ на противоположной сторонѣ рынка виднѣлось нѣсколько старухъ.

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

«Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинихъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮЛѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

ГЛАГОЛЕВЪ, С. Древо знанія и древо жизни. Сергіевъ посадъ. 1916. Ц. 70 к.

ТУБЕРОВСКІЙ, А. Воскресеніе Христово. Опытъ мистической идеологіи пасхальнаго догмата. Ц. 2 р. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

БОБРОВЪ, С. Записки стихотворца. Дерптскія письма. Н. М. Языкова. Любовь къ Пушкину. Учебникъ стихотворца. М. Ц. 1 р.

ВЕСЕЛОВСКІЙ, А. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Изд. 5. М. 1916. 2 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АНСТЕЙ, Ф. Мѣдный кувшинъ. Романъ. Ц. 1 р. 75 к.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Предатели. Романъ. Изд. 2. Ц. 2 р. 50 к.

БѢЛЯЕВЪ, Ю. Барышни Шнейдеръ. Впечатлѣнія. Изд. 4. Ц. 1 р. 50 к.

БѢЛЯЕВЪ, ЮР. Вѣдьма. Ц. 1 р. 75 к.

ГИППІУСЪ, З. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4 д. Ц. 1 р. 25 к.

ГРЕБЕНЩИКОВЪ, Г. Змѣй Горынычъ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

ГРЕКОВА, Е. Кусочекъ голубого неба. Разсказы, кн. 2-я Ц. 1 р. 25 к.

ЕВРИПИДЪ. Драмы. Т. I. Театръ. М. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

ЕВСѢЕВЪ-СИДОРОВЪ, И. «Зарницы». Стихотворенія. Предисловіе Бориса Богомолова. Ц. 40 к.

КНАППЪ, В. Эскизы. Стихи. Ц. 75 к.

КОВАЛЬСКІЕ, К. и О. Двуликій богъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

КОЛЕСНИКОВЪ, Н. Тевтоны. Секретъ военнаго министерства. Фантастическій романъ. Казань. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

КОНДУРУШКИНЪ, С. Въ солнечную ночь. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

КОШКО, Б. Буржуазныя душонки. Этюды. Ц. 1 р. 25 к.

КРИНИЦКІЙ, М. Маскарадъ чувства. Романъ. Ц. 2 р.

КУМОВЪ, Р. Конецъ рода Коростомысловыхъ. Драма въ 4 д. Ц. 1 р.

ЛАГОВЪ, Н. Французскіе разсказы съ фронта. Съ начала войны по октябрь 1915 г. Ц. 2 р.

ЛОНДОНЪ, Д. Современная повѣсть о любви. Романъ. Ц. 2 р.

ЛЫЩИНСКІЙ, Л. За мечтой. Поэма. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЯНДАУ, К. У темной двери. Стихи. Ц. 50 к.

МАГНИТСКІЙ, Г. Докторъ Орловъ. Романъ. Ц. 2 р.

Библиотека "Руниверс"

ПАВЛОВИЧЪ, М. Смерть Жореса. Изъ дневника эмигранта. Ц. 60 к.
ПШИБЫШЕВСКІЙ, С. Адамъ Джазга. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
РЕННИКОВЪ, А. Лунная дорога. Разсказы. Ц. 1 р. 75 к.
САВВАТІЙ, Тетрадь въ сафьянѣ. Хроника села Арсеньевки. Изд. 5. Ц. 1 р. 25 к.
САМБУРСКІЙ, А. Новые разсказы кавалериста изъ текущей войны и др. Вып. 2. Ц. 1 р.
СТРОЕВЪ, В.Нонна. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.
СѢВЕРЯНИНЪ, И. Тостъ безотвѣтный. Поэзы. Ц. 1 р. 50 к.
ЕГО ЖЕ. Громокипящій кубокъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЕГО ЖЕ. Ананасы въ шампанскомъ. Ц. 1 р. 25 к.
ТХОРЖЕВСКІЙ, И. Дань солнцу. Второй сборникъ. стиховъ Ц. 1 р.
ЧЕВКИНЪ, С. Шестая держава. Этнографія невѣдомой страны. Ц. 1 р. 75 к.

История, біографія и археологія.

КАРЦОВЪ, Ю. Сергѣй Спиридоновичъ Татищевъ. Страница воспоминаній Ц. 50 к.
КОРНИЛОВИЧЪ, М. Земское и городское самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ въ 1861—1863 гг. Ц. 50 к.
ЛЕВИ, А. Интимная жизнь Наполеона Бонапарта. М. Ц. 2 р. 50 к.
НЕЛИДОВА, Е. Русь въ ея столицахъ. Историческіе очерки. Вып 4. Владиміръ, съ 16-ю рис. Ц. 55 к.
СТОЛПЯНСКІЙ, П. Старый Петербургъ. Аптекарскій, Петровскій, Крестовскій острова. Ц. 1 р.
ЩЕРБИНА, Ф. Исторія Армавира и черкесо-горцевъ. Ц. 1 р. 50 к.
ЭСТЫ и ЛАТЫШИ, ихъ исторія и бытъ. Прибалтійскій край. Сборникъ статей. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АБРАМОВИЧЪ, К. Законъ о подоходномъ налогѣ. Ц. 1 р.
АВИЛОВЪ, Б. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. Ц. 65 к.
БУЛГАКОВСКІЙ, Д. Великая война въ 1914, 1915, 1916 годахъ. Выдающіяся событія на пути защиты Россіи въ ея цѣлости, чести и достоинствѣ. Ц. 45 к.
ЕГО ЖЕ, Д. Русскій солдатъ на войнѣ въ прежнее время и теперь въ 1914, 1915 и 1916 гг. Ц. 45 к.
ГИМПЕЛЬСОНЪ, Я. Добавленіе къ книгѣ: «Законы о Евреяхъ». Ц. 50 к.
ГИНЗБУРГЪ-ГАЛЬПЕРИНА, Е. Міровая война и судьбы международнаго права. Ц. 50 к.
ГРЕДЕСКУЛЪ, Н. Россія и ея народы. Ц. 75 к.
ГРОНСКІЙ, П. Общинное управленіе въ главнѣйшихъ государствахъ Германіи. Ц. 3 р. 50 к.
ДОРОШЕНКО, А. Къ проекту закона кооперативныхъ товариществахъ Ц. 30 к.
ЗАСЛАВСКІЙ, Д. Кадеты и евреи. Ц. 50 к.
КОЛОМАРОВЪ, Н. Трезвый набатъ—Благовѣстъ Россіи. Ц. 10 к.
ЛОСИЦКІЙ, А. Къ вопросу объ изученіи степени и формѣ распаденія общины. Ц. 50 к.
МЕНДЕЛЬСОНЪ, А. Итоги принудительной трезвости и новыя формы пьянства. Ц. 80 к.
МОРЕВЪ, І. Подъ военной грозой. Пастырскія бесѣды по поводу современной войны. Ц. 40 к.
О ВЛІЯНІИ ВОЙНЫ на нѣкоторыя стороны экономической жизни Россіи. Ц. 3 р.
ПЕТРОГРАДСКОЕ окружное страховое товарищество. Страхов. рабочихъ отъ несч. случ. 1915 г. Отчетъ о дѣятельности. Финансовый отчетъ. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОСЬБИНЪ, С. Положеніе о государственномъ подоходномъ налогѣ. Ц. 1 р. 50 к.
СТРАХОВЫЕ законы 23 іюня 1912 г. Ц. 75 к.
ТВЕРДОХЛѢБОВЪ, В. Финансовые очерки. В. І. Ц. 2 р.
ТРОФИМОВЪ, Н. Высочайшія награды. Нагр. правила Высоч. утв. 1 авг. 1898 г. съ послѣд. разъяс. и проч. Ц. 1 р. 70 к.
ФРИДМАНЪ, М. Винная монополія въ Россіи. Т. II. Ц. 5 р.
ЭШЕРЪ, Р.Пангерманизмъ. Сокращенный переводъ В. Я. Фанъ-деръ-Флита. Ц. 1 р.

Искусство.

ЛЯДОВЪ, А. Н. Жизнь. Портретъ. Творчество. Изъ писемъ. Ц. 2 р. 50 к.
РОЛАНЪ, Р. Жизнь Микель Анджело. Изд. 2. Ц. 2 р.

Естествознаніе и математика.

КЛОССОВСКІЙ, А. Краткій курсъ метеорологіи. Одесса. 1916. Ц. 2 р.
ПАНТЕЛѢЕВЪ, В. Краткій курсъ основъ общей и физической химіи. Ц. 1 р. 20 к.
СМѢЛЬНИЦКІЙ, Ю. Злыя птицы. Ц. 1 р. 25 к., на лучш. бумагѣ 1 р. 50 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ВЕШАПЕЛИ, Г. Турецкая Грузія. Лазистанъ, Трапезундъ и Чорохскій край. М. 1916. Ц. 60 к.
СОЛОВКИНЪ, Н. По южному побережью Каспія. Астрабадъ — Мазендаранъ—Гилянъ. Съ 2 карт. Ц. 2 р. 50 к.
ТИМКОВСКІЙ, Д. Наша страна. Картины природы и быта народовъ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Языковѣдѣніе.

БУДДЕ, Е. Русскій языкъ. Казань 1916. Ц. 2 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

НИКОЛАЕВЪ, Н. Уставы столичныхъ банковъ краткосрочнаго кредита. Ц. 3 р.

ТКАЧЕНКО, М. Лѣса, лѣсное хозяйство и древообратывающая промышленность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ц. 3 р. 35 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

ГРЕБНИЦКІЙ, А. Плоды великаны и ихъ выращиваніе. Ц. 85 к.

ДЗБАНОВСКІЙ, В. Краткое наставленіе къ выращиванію подвоевъ, прививкѣ, посадкѣ и уходу за плодов. растеніями. Ц. 25 к.

КАУФМАНЪ, А. Учетъ сельскохозяйственныхъ силъ, вып. 1. Къ предстоящей сельскохозяйственной переписи. Ц. 60 к.

ПОДВОИ нашихъ плодовыхъ деревьевъ. Ч. 1. Сибирская ягодная и кавказская лѣсная яблоня. Ц. 50 к.

СЕРБИНОВЪ, И. Бактеріальный ракъ плодовыхъ и другихъ растеній въ современномъ освѣщеніи. Ц. 40 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ВЕЛЬНЕРЪ, Г. Летательныя машины. Теорія и практика, расчеты аэроплановъ и геликоптеровъ, съ 100 черт. и 12 таб. Ц. 3 р. 50 к.

ЗАРОЧЕНЦЕВЪ, М. и КОМАРОВЪ, Н. Справочная книга по холодильному дѣлу. М. 1916. Ц. 3 р.

МАТЕРИКИНЪ, Ѳ. Курсъ автомобилизма. Изд. 2. Ц. 2 р.

МИХАЙЛОВЪ, С. Отжигъ бандажей. Съ 18-ю политипажами. Ц. 80 к.

МИХАЙЛОВЪ, В. Сокращенный курсъ автомобилизма для начинающихъ. Изд. 3. Цѣна 3 р. 25 к.

РАЕВСКІЙ, В. Къ изученію оползней Южнаго берега Крыма. Ц. 25 к.

РЕРИХЪ, К. Теорія регулированія машинъ. Ч. I. Маховое колесо и періодич. неравномѣрность вращенія машинъ. Ц. 3 р.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

ДАРКШЕВИЧЪ, Л. Травматическій неврозъ. Казань. 1916. Ц. 50 к.

КАЧЕНОВСКІЙ, Л. Малярія и ея леченіе. Монографія. Ц. 1 р. 20 к.

КУДРЯШОВЪ, А. Вегетаріанство и флетчеризмъ, какъ мѣры къ оздоровленію человѣка и сохраненію рогатаго скота. Гор. Юрьевъ. 1916. Ц. 25 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БѢЛГОРОДСКІЙ, А. Ученическія экскурсіи. Краткій историческій очеркъ, значеніе и организація. Ц. 50 к.

ГОАРЪ, Л. Пособіе для самообученія англійскому языку по учебнику Нурока. Ц. 90 к.

ГРИШИНЪ, Ю. Трудности правописанія. Пособіе при изученіи русскаго правописанія. Ц. 40 к.

ЕФИМОВЪ, Е. Курсъ законовѣдѣнія. Ч. 1. Элемент. понятія о государствѣ и правѣ. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

ЗОЛОТАРЕВЪ, С. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи. Ц. 80 к.

КАШИНЪ, Н. Методика физики. Ц. 2 р. 25 к.

МЕДЫНСКІЙ, Е. и ЛАПШОВЪ, И. Систематическій указатель книгъ и статей по внѣшкольному образованію. М. 1916. Ц. 2 р.

МИРОНОСИЦКІЙ, П. Завѣтъ Божій въ повѣствованіяхъ для учащихся дѣтей, книга для чтенія и разсказыванія. Ч. 1. Ветхій Завѣтъ. Ц. 50 к.

СИНГАЛЕВИЧЪ, С. Среднешкольное и университетское преподаваніе исторіи. Казань. 1916. Ц. 40 к.

СРѢТЕНСКІЙ, Н. О преподаваніи словесности въ VIII педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій. Казань. 1916. Ц. 35 к.

Справочныя книги.

ГАШЪ, Ю. Карта окрестностей Петрограда. Ц. 90 к.

МАУРИНЪ, Е. Кинематографъ въ практической жизни. Ц. 4 р. 50 к.

ФИНЛЯНДІЯ. Спутникъ туриста по Финляндіи. 1916. г Ц. 40 к.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА

И. Б. Смольяниновъ

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

Цѣна 2 рубля. Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и на станціяхъ жел. дор.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртеловъ, 18.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго. Редакторъ **Б. Б. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за 1/2 стран. 45 р., за 1/4 стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за 1/2 стран. 35 р., за 1/4 стран. 20 р.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯБРЬ 1916 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . I - XXXII

Иллюстраціи: 1) Генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ.— 2) Генералъ-майоръ Николай Александровичъ Лохвицкій, командующій русскими войсками во Франціи.—3) Генералъ Л. В. Лешъ.—4) Командиръ одного изъ нашихъ корпусовъ генералъ-отъ-инфантеріи П. С. Валуевъ, награжденный за боевыя отличія чиномъ полнаго генерала, орденомъ св. Георгія 4 степ. Георгіевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Владиміра 2 степ. съ мечами и Бѣлаго Орла съ мечами.

I. У чужихъ алтарей. Романъ. VI—XIII. (Продолженіе). **В. В. Тимоѳеевой-Починковской** 561

II. Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Васильева. IV—VI. (Продолженіе). **Л. І. Автономовой**. . . . 596

III. Изъ жизни. Божья кара. (Изъ записокъ судьи). **С. П. Руднева** 614

IV. Моя борьба съ имяборцами на Святой горѣ. I—IV. **Іеросхимонаха Антонія (Булатовича)**. 648

V. Заживо погребенный. (Самарская легенда). **О. В. Португалова**. 683

VI. Неизданная «Записка о значеніи нашихъ государственныхъ учрежденій» Д. В. Аверкіева и письмо о ней И. С. Аксакова. **Сообщила С. В. Аверкіева**. 687

VII. Литературныя замѣтки. Поэзія кручины и страсти. **И. Б. Смольянинова**. 703

VIII. Москвичъ. (Посвящается памяти Вукола Михайловича Лаврова). **Петра Соколова**. 713

Иллюстрація: Вуколъ Михайловичъ Лавровъ.

IX. Изъ исторіи нѣмецкаго культуртрегерства и шпіонажа въ Россіи. **А. И. Миловидова**. 725

X. О выходѣ венгерскихъ сербовъ въ Россію. **Э. Вунча**. . . . 731

XI. Императорское русское историческое общество. (1866—1916). 735

XII. Р. И. Сементковскій. (Къ его юбилею). **Б. Б. Глинскаго** . . 745

Иллюстрація: Ростиславъ Ивановичъ Сементковскій.

XIII. Отголоски войны. **Павла Россіева**. 755

Иллюстраціи: 1) Замокъ въ Тріентѣ.—2) Соборъ и фонтанъ Посейдона въ Тріентѣ.

XIV. Критика и библіографія 764

1) Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1908 годъ. Пгр. 1915.—То же за 1909 годъ. Пгр. 1915.—То же за 1910 годъ. Пгр. 1915. **М.**— 2) Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Апукинъ. Москва. Съ 7 снимками и 1 автографомъ. **В. Княжнина.**—3) Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—своему основателю. Пгр. 1916. **Б. Г.**—4) Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа. 1828—1831 годовъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. Л. Гофмана и приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа (отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XXI—XXII). Пгр. 1915. **А. Захарова.**—5) В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія. (Историко-философское объясненіе современной войны). Петроградъ. 1916. **С. К.**—6) Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. М. 1916. **А. М—на.**— 7) Яковъ Ильминскій. Святитель Аѳанасій III, патріархъ константинопольскій, Пателярій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915.

(См. слѣд. стран.).

Библиотека "Руниверс"

Н. Г. Р.—8) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Тт. XX, XXI, XXII. Юрьевъ. 1915. 1916. N.—9) Сербскій архимандритъ Михаилъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Націоналистическіе идеалы славянства. Москва. 1915 г. Андрея Сиротинина.—10) Проф. И. И. Соколовъ. Православный греческій Востокъ. Выпускъ третій. П. 1916. П.—11) К. А. Кузнецовъ. Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса. 1916 г. Б. В.—12) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IV (1753—28-го іюля 1762 гг.). Пгр. 1912 г. Томъ II (1773—1784 гг.). Пгр. 1915 г. Томъ III. (1785—1796 гг.). Пгр. 1915 г. Томъ за время царствованія императора Павла I (1796—1801 гг.). Пгр. 1915 г. Томъ I (съ 12 декабря 1825—1835 гг.). Пгр. 1915 г. М—лова.—13) Е. К. Рѣдинъ, профессоръ харьковскаго университета. Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Изслѣдованіе. Посмертное изданіе. Подъ редакціей Д. В. Айналова. Часть I. Москва. 1916 г. И. Б.—14) Домъ княгини М. А. Шаховской, Фонтанка. 27. Очеркъ П. Н. Столпянскаго. Петроградъ. 1916. Съ иллюстраціями. Е. Ш.—15) Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ седьмой. (Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. Лезина). Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг. А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре. Харьковъ. 1916. Вл. Кн.—16) М. Никольскій. Задачи русской исторической и археологической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными событіями. Москва. 1915 г. Σ.—17) Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. 1914 г.—10 ноября 1915 года. Тула. 1915. Вл. Кн.—18) Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофиціальной части «Педагогическаго Сборника» за пятьдесятъ лѣтъ (1864—1914 гг.). Составилъ С. А. Переселенковъ. Пгр. 1915. И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Педагогическій Сборникъ», №№ 11 и 12). Пгр. 1915. Л. Л.

XV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 786

XVI. Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 790

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 799

1) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—2) Польша и прусское вѣроломство.—3) Вильгельмъ II и искусство.—4) Изъ интимной жизни Габсбурговъ.—5) Гвоздь въ исторіи.—6) Наполеонъ III въ роли изобрѣтателя.—7) Россини.

XVIII. Смѣсь 818

1) Столѣтіе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества.—2) Двухсотлѣтіе города Омска.—3) Литературно-библіографическій институтъ.—4) О путешествіи Аристотеля Фіораванти на дальній сѣверъ Россіи.—5) Къ почитателямъ поэзіи Лермонтова. (О Лермонтовскомъ Кавказскомъ музеѣ въ гор. Пятигорскѣ).

XIX. Некрологи 825

1) Драке, Л. Л.—2) Ивероновъ, И. А. профессоръ.—3) Илличъ-Свитычъ, В. С.—4) Казанли, Н. И.—5) Клейгельсъ, Н. В.—6) Кояловичъ, М. М.—7) Кржижановскій, Н. Л.—8) Лебедевъ, И. А.—9) Линдъ, В. Н.—10) Порѣцкій, С. А.

XX. Замѣтки и поправки 832

Приложенія: Портреты: 1) Его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича, августѣйшаго предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества.—2) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Часть вторая. III—IV.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ СТО СОРОКЪ ПЯТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1916 ГОДА. СТРАН.

Историческая лѣтопись . . . . . V—XXXII, I—XXXII, I—XXXII

Иллюстраціи: 1) Командиръ Кавказскаго армейскаго корпуса генералъ-отъ-артиллеріи Владимиръ Александровичъ Ирмановъ.—2) Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.—3) Турецкія знамена изъ крѣпости Эрзерума въ ставкѣ Его Императорскаго Величества.—4) Государь Императоръ принимаетъ депутацію войскъ Кавказской арміи, участвовавшихъ во взятіи крѣпости Эрзерума. Представленіе Его Императорскому Величеству турецкихъ знаменъ.—5) Генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ.—6) Генералъ-майоръ Николай Александровичъ Лохвицкій, командующій русскими войсками во Франціи.—7) Генералъ Л. В. Лешъ.—8) Командиръ одного изъ нашихъ корпусовъ генералъ-отъ-инфантеріи П. С. Валуевъ, награжденный за боевыя отличія чиномъ полнаго генерала, орденомъ св. Георгія 4 ст., Георгіевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Владимира 2 степ. съ мечами и Бѣлаго Орла съ мечами.

Торговый домъ Бахвалова сыновья. Романъ изъ купеческой жизни. (Окончаніе). **Марка Басанина** 1

Литературныя встрѣчи и знакомства. (Окончаніе). **С. С. Окрейца**. . . . 43

Поруганная Голгоѳа. (Быль нашихъ дней). **Н. И. Лазарева**. 60

Изъ воспоминаній украинскаго актера. (Окончаніе) **К. И. Ванченка**. . . 77

Казнь пяти декабристовъ 13 іюля 1826 года и императоръ Николай I. **Великаго князя Николая Михаиловича**. 98

Многотрудная жизнь. **Е. Л.** 110

Иллюстрація: Архимандритъ Владиміръ Терлецкій.

Эпизодъ изъ воспоминаній о Новогеоргіевской крѣпости. **А. Б.** 123

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Наши государственные люди. (Посвящается памяти П. А. Столыпина). **Р. И. Сементковскаго.** 132

«Начальникъ поповъ». (Изъ волжскихъ встрѣчъ). **Н. Н. Оглоблина.** . . 147

Петиція финскаго войска въ 1822 году. **А. А. Папкова.** 156

Памяти князя Б. Б. Голицына. **А. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.** . . . 165

Ѳ. М. Плюшкинъ и его музей. **В. А. Алексѣева.** 176

Иллюстрація: Плюшкинскій музей во Псковѣ.

По Франціи на автомобилѣ. **А. Ш.** 198

Иллюстраціи: 1) Авиньонъ. Панорама и мостъ св. Бенезета.—2) Часовня папы Климента VI, построенная въ XIV вѣкѣ.—3) Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. (Видъ съ площади).—4) Дворецъ папъ въ Авиньонѣ. Окно, откуда давалось отпущеніе грѣховъ.—5) Дворецъ Фонтенбло. Тронный залъ.—6) Дворецъ Фонтенбло. «Залъ отреченія», гдѣ Наполеонъ подписалъ свое отреченіе отъ престола.

У чужихъ алтарей. Романъ. I—XIII **В. В. Тимоѳеевой-Починковской.** . 273, 561

Воспоминанія о жизни и дѣятельности протоіерея І. В. Васильева. I—VI. **Л. І. Автономовой.** 299, 596

Вѣдьма. (Изъ типовъ русской деревни). Повѣсть. **Григорія Ольшанскаго.** 331

Дяденька Петръ Егоровичъ (Бытовая картинка изъ помѣщичьяго быта прошлаго столѣтія). **А. Н. Витмера.** 368

Александръ Васильевичъ Самсоновъ. († 15 августа 1914 года). **В. А. Мустафина.** 383

Иллюстрація: Генералъ А. В. Самсоновъ.

Егорьевскій городской голова Н. М. Бардыгинъ. **М. Чернявскаго.** . . 406

Отступленіе изъ Варшавы. **Н. В. Акаёмова.** 435

Памятники современной войны. Почтовый день въ селѣ. (Вѣсти съ войны). **И. Н. Ульянова.** 456

На Никитушкиной могилѣ. **М. И. Орѣшникова.** 467

Иллюстрація: Никитушкина могила.

Красное Село. (Начало военной службы цесаревича Александра Александровича). **Е. С. Каменскаго.** 474

Иллюстраціи: 1) Маневры подъ Краснымъ Селомъ въ царствованіе императора Николая I. (Съ картины Шварца).—2) 1 августа 1851 года. Открытіе памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Великій князь Александръ Александровичъ 6-ти лѣтъ отъ роду стоитъ на часахъ у памятника своего прадѣда.—3) 1865 годъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владиміръ Александровичъ на

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

бивакѣ подъ Краснымъ Селомъ. (Съ акварели Зичи изъ музея л.-гв. Преображенскаго полка).—4) Музыкальный кружокъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича въ Красномъ Селѣ. Цесаревичъ, принцъ А. П. Ольденбургскій, генералъ Половцовъ, гр. Адамъ и Александръ Олсуфьевы, Бергъ и Вурмъ.—5) 1874 годъ. Окончаніе корпуснаго маневра въ Красномъ Селѣ въ Высочайшемъ присутствіи. (Съ картины Шарлеманя).—6) 1875 г. Командиръ гвардейскаго корпуса наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ съ корпуснымъ штабомъ въ Красномъ Селѣ. (Съ картины Френтца).—7) Красное Село 1876 года. Большіе маневры на Гатчинскомъ шоссе. (Съ акварели Френтца).—8) Открытіе памятника императору Александру III въ Красномъ Селѣ въ лагерѣ офицерской стрѣлковой школы 8 августа 1896 г.

Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). **С. П. Руднева** 614

Моя борьба съ имяборцами на Святой горѣ. I—IV. **Іеросхимонаха Антонія (Булатовича)**. 648

Заживо погребенный. (Самарская легенда). **О. В. Португалова**. 683

Неизданная «Записка о значеніи нашихъ государственныхъ учрежденій» Д. В. Аверкіева и письмо о ней И. С. Аксакова. **Сообщила С. В. Аверкіева**. 687

Литературныя замѣтки. Поэзія кручины и страсти. **И. Б. Смольяниновъ**. 703

Москвичъ. (Посвящается памяти Вукола Михайловича Лаврова). **Петра Соколова**. 713

Иллюстрація: Вуколъ Михайловичъ Лавровъ.

Изъ исторіи нѣмецкаго культуртрегерства и шпіонажа въ Россіи. **А. И. Миловидова**. 725

О выходѣ венгерскихъ сербовъ въ Россію. **Э. Вуича**. 731

Императорское русское историческое общество (1866—1916). 735

Р. И. Сементковскій. (Къ его юбилею). **Б. Б. Глинскаго**. 745

Иллюстрація: Ростиславъ Ивановичъ Сементковскій.

Отголоски войны. **Павла Россіева**. 755

Иллюстраціи: 1) Замокъ въ Тріентѣ.—2) Соборъ и фонтанъ Посейдона въ Тріентѣ.

Критика и библіографія 217, 512, 764

1) Русскій Библіофилъ. Вып. I—VIII. Пгр. 1915. А. М—на.—2) Отечество. Сборникъ національной литературы. Томъ I. Редакція проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, проф. Н. А. Гредескула, В. А. Гуревича, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Н. Сперанскаго. — Е. Шумигорскаго. — 3) А. И. Боргманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ програмѣ 13 іюня 1913 г. Петроградъ. 1916. К.—4) Сергѣй Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Трехдольный паузникъ у Пушкина. Разборъ статьи В. Я. Брюсова о техникѣ Пушкина. Добавленія. Объяснительныя примѣчанія. Москва. 1916 г. Влад. Княжнина.—5) Памятники міровой литературы. Творенія Востока. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта со вступительнымъ очеркомъ С. Ольденбурга. М. 1916. А. Налимова.—6) К. Корниль. Про-

Библиотека "Руниверс"

роки. Пять публичныхъ лекцій. Переводъ Д. Желиховскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. М. Никольскаго. М. 1915. С. Л—на.—7) Ѳ. М. Россейкинъ. Восточный папизмъ въ IX вѣкѣ. Сергіевъ посадъ. 1915. Σ.—8) Проф. И. И. Соколовъ. Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV в. до настоящаго времени. Историческій очеркъ. П. 1916. Н.—9) Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Переводъ О. Анненковой. Москва. 1915. М.—10) А. Н. Мандельштамъ—бывшій первый драгоманъ россійскаго посольства въ Константинополѣ, членъ-сотрудникъ института международнаго права. Младотурецкая держава. Историко-политическій очеркъ. М. 1915. Г. Батюшкова.—11) А. В. Бѣлгородскій. Порабощенное славянство въ Австро-Венгріи и Германіи. Пгр. 1915.—Его же. Галиція—исконное достояніе Россіи. М. 1915.—Его же. За что боролся и пострадалъ Янъ Гусъ. (По поводу исполнившагося 500-лѣтія со дня его мученической кончины). Пгр. 1916. Ш.—12) И. Б. Смольяниновъ. Защитный цвѣтъ. (Военные разсказы). Пгр. 1916. Д. М—ка. 13) Мемуары кн. Л. Сапѣги. Предисловіе графа Ст. Тарновскаго. Вступительная статья В. Павловскаго. Переводъ Л. Круковской. Кн-во «Прометей». Птр. 1916 г. Поручика Слабченка.—14) Несторъ Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861 г.г. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Птр. 1916. А. Вознесенскаго.—15) В. В. Васильевъ. (Ясавъ.) Русскіе самородки. Жизнеописанія и характеристики со вступительнымъ очеркомъ А. А. Коринфскаго. Т. I. Изданіе С. Ф. Орлика. Ревель. 1916. Д. М—ко.—16) В. Строевъ, магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и высшихъ начальныхъ училищъ съ рисунками и картами. М. 1915. К.—17) Извѣстія пермскаго епархіальнаго церковно-археологическаго общества. Выпускъ первый. Пермь. 1915.—Протоіерей П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. Выпускъ первый. Харьковъ. 1916. А. Налимова.—18) В. В. Латышевъ. Византійская «Царская» минея. Изслѣдованіе. Птр. 1915. Σ.—19) Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1915 годъ. Выпуски II—III. Вятка. 1915. М.—20) Борисъ Рапгофъ. К. Павлова. Матеріалы для изученія жизни и творчества. Издательство «Трирема». Пгр. 1916. Вл. Княжнина.—21) В. Денисовъ. Война и лубокъ. Изданіе «Новаго Журнала для Всѣхъ». Пгр. 1916. Вл. Кн.—22) Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1908 г. Пгр. 1915.—То же за 1909 г. Пгр. 1915.—То же за 1910 г. Пгр. 1915. М.—23) Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Москва. Съ 7 снимками и 1 автографомъ. В. Княжнина.—24) Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—своему основателю. Пгр. 1916.—Б. Г.—25) Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа 1828—1831 годовъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. Л. Гофмана и приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа (отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XXI—XXII). Пгр. 1915. А. Захарова.—26) В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія. (Историко-философское объясненіе современной войны). Петроградъ. 1916. С. К.—27) Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. М. 1916. А. М—на.—28) Яковъ Ильминскій. Святитель Аѳанасій III, патріархъ константинопольскій, Пателярій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915. Н. Г. Р.—29) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Тт. XX, XXI, XXII. Юрьевъ. 1915. 1916. N.—30) Сербскій архимандритъ Михаилъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Націоналистическіе идеалы славянства. Москва. 1915. Андрея Сиротинина.—31) Проф. И. И. Соколовъ. Православный греческій Востокъ. Выпускъ третій. П. 1916. П.—32) К. А. Кузнецовъ. Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса. 1916 г. Б. В.—33) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IV (1753—28-го іюля 1762 гг.). Пгр. 1912 г. Томъ II (1773—1784 гг.). Пгр. 1915 г. Томъ III. (1785—1796 гг.)

Библиотека "Руниверс"

Пгр. 1915 г. Томъ за время царствованія императора Павла I (1796—1801 гг.). Пгр. 1915 г. Томъ I (съ 12 декабря 1825—1835 гг.) Пгр. 1915 г. **м—лова.**—34) Е. К. Рѣдинъ, профессоръ харьковскаго университета. Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Изслѣдованіе. Посмертное изданіе. Подъ редакціей Д. В. Айналова. Часть I. Москва. 1916 г. **И. Б.**—35) Домъ княгини М. А. Шаховской. Фонтанка, 27. Очеркъ П. Н. Столпянскаго. Петроградъ. Съ иллюстраціями. 1916. **Е. Ш.**—36) Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ седьмой. (Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. Лезина). Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг. А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре. Харьковъ. 1916. **Вл. Кн.**—37) **М. Никольскій.** Задачи русской исторической и археологической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными событіями. Москва. 1915 г. **Z.**—38) Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. 1914 г.—10 ноября 1915 года. Тула. 1912. **Вл. Кн.**—39) Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофиціальной части «Педагогическаго Сборника» за пятьдесять лѣтъ (1864—1914 гг.). Составилъ С. А. Переселенковъ. Пгр. 1915. И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Педагогическій Сборникъ», №№ 11 и 12). Пгр. 1915. **Л. Л.**

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника 235, 526, 786

Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 237, 529, 790

Заграничныя историческія новости и мелочи 246, 537, 799

1) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—2) Нѣмцы въ Америкѣ.—3) Политическая мысль Германіи за послѣдніе годы.—4) Германская военная литература.—5) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—6) Трагическая недѣля.—7) Бумажный голодъ во времена революціи.—8) Кто разрушилъ Пареенонъ.—9) Новая біографія Маріи-Антуанетты.—10) Польша и прусское вѣроломство.—11) Вильгельмъ II и искусство.—12) Изъ интимной жизни Габсбурговъ.—13) Гвоздь въ исторіи.—14) Наполеонъ III въ роли изобрѣтателя.—15) Россини.

Смѣсь 263, 551, 818

1) Завѣщаніе его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича.—2) Въ о-вѣ любителей древней письменности.—3) Въ литературномъ фондѣ.—4) Открытіе памятниковъ М. Ю. Лермонтову, М. П. Мусоргскому, Н. П. Слѣпцову и П. П. Семенову-Тянъ-Шанскому.—5) Программа для историко-статистическаго и археологическаго описанія церквей и монастырей.—6) Семидесятипятилѣтіе «Земледѣльческой Газеты». 7) Юбилей профессора А. И. Томсона.—8) Столѣтняя годовщина со дня кончины Г. Р. Державина.—9) Столѣтіе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества.—10) Двухсотлѣтіе города Омска.—11) Литературно-Библіографическій институтъ.—12) О путешествіи Аристотеля Фіоревенти на дальній сѣверъ Россіи.—13) Къ почитателямъ поэзіи Лермонтова. (О Лермонтовскомъ Кавказскомъ музеѣ въ гор. Пятигорскѣ).

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Некрологи 268, 556, 825

1) Бажаевъ, В. Г., проф.—2) Бокъ, И. И.—3) Драницынъ, Д. А.—4) Толстой, И. И., гр.—5) Чижовъ, М. А.—6) Шапиръ, О. А.—7) Герценштейнъ, Д. М.—8) Гейеръ, Б. Ѳ.—9) Мечниковъ, И. И.—10) Никульцевъ, П. Ѳ.—11) Смирновъ С. И.—12) Свистунъ, Ф. И.—13) Шмаковъ, А. С.—14) Драке, Л. Л.—15) Иверовновъ, И. А., профессоръ.—16) Илличъ-Свитычъ, В. С.—17) Казанли, Н. И.—18) Клейгельсъ, Н. В.—19) Кояловичъ, М. М.—20) Кржижановскій, Н. Л.—21) Лебедевъ, И. А.—22) Линдъ, В. Н.—23) Порѣцкій, С. А.

Замѣтки и поправки 272, 832

ПРИЛОЖЕНІЯ: Портреты: 1) Марка Басанина.—2) Императора Александра III въ бытность командиромъ стрѣлковой роты въ 1864 г. (Съ портрета, гравированнаго И. И. Хелмицкимъ.)—3) Его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича, августѣйшаго предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества.—4) Красная кокарда. Историческій романъ Станлея Веймана. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. Часть первая. V—XII. Часть вторая I—IV.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

В. СЕНАТОВЪ.

Вавилонъ, Израиль и Германія

(Историко-философское объясненіе современной войны).

Цѣна 75 коп.

Библиотека "Руниверс"

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

М. Г. Веселковой-Кильштетъ.

„Листы пожелтѣлые“

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ т-ва А. С. Суворина— «Новое Время» (Петр., Невскій пр. д. № 40).

Случайно пріобрѣтено ограниченное количество экземпляровъ капитальнаго историческаго изслѣдованія

Луи Бланъ

Исторія Французской Революціи

1789 г.

Переводъ профессора А. П. Рѣдкина.

Цѣна за всѣ 12 томовъ **вмѣсто 36 рублей (безъ пересылки) 12 руб. съ пересылкой.**

Адресъ склада: Петроградъ, Поварской пер. д. 10, кв. 6. Тел. 155-00. Безъ задатка книги не высылаются; просятъ высылать треть стоимости впередъ.

Библиотека "Руниверс"

НОВАЯ КНИГА

И. Б. Смольяниновъ

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

Цѣна 2 рубля. Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и на станціяхъ жел. дор.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ НОВАЯ КНИГА

А. И. ФАРЕСОВА

„НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ“

Цѣна 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

Великій Князь НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ,

Августѣйшій Предсѣдатель ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ШЕСТОГО іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ армій генерала Брусилова противникъ пытается своими контръ-атаками остановить наше движеніе на Львовъ. Въ районѣ деревни Роговичи, юго-восточнѣе села Локачи (6 верстъ южнѣе большой дороги Луцкъ—Владимиръ-Волынскій), австрійцы большими массами повели атаку на наши части и, прорвавъ одинъ изъ боевыхъ участковъ, захватили три орудія батареи, доблестно державшейся на позиціи до послѣдняго патрона. Подоспѣвшими резервами прорвавшійся непріятель былъ опрокинутъ, причемъ нами отбито одно изъ захваченныхъ имъ орудій и взято въ плѣнъ 300 нижнихъ чиновъ при двухъ пулеметахъ.

Въ районѣ Корытницы, юго-восточнѣе Свинюхи (юго-восточнѣе Локачей), одинъ изъ нашихъ молодецкихъ полковъ перешелъ въ контръ-атаку и обратилъ наступающихъ въ бѣгство; въ то же время взводъ нашей легкой батареи выдвинулся на опушку лѣса и прямой наводкой разстрѣливалъ бѣгущихъ; нами захвачено 4 пулемета, 3 офицера и 100 нижнихъ чиновъ.

Восточнѣе Горохова (южнѣе Свинюхи) послѣ упорнаго сопротивленія мы овладѣли лѣсомъ у деревни Божева и взяли въ плѣнъ 1.000 нижнихъ чиновъ, при 4 пулеметахъ.

При атакахъ въ приграничной полосѣ, южнѣе Радзивилова противникъ встрѣчалъ наши войска струями горючей жидкости. Въ этомъ районѣ нами 5-го іюня было взято 1.800 плѣнныхъ. Занявъ городъ Черновицы (Черновцы)

Библиотека "Руниверс"

и во многихъ мѣстахъ переправившись черезъ рѣку Прутъ, наши войска энергично продвигаются къ рѣкѣ Серету.

Выяснилось, что при взятіи войсками Лечицкаго предмостнаго укрѣпленія города Черновицъ нами взято въ плѣнъ 49 офицеровъ и болѣе 1.500 нижнихъ чиновъ. У города Черновицъ захвачено 10 орудій. При преслѣдованіи противника взято въ плѣнъ у села Кучурмаре 400 нижнихъ чиновъ и захвачено 2 тяжелыхъ орудія, 2 лафета, много зарядныхъ ящиковъ, болѣе 1.000 повозокъ съ продуктами и фуражомъ. У селенія Сторожынецъ взято въ плѣнъ 2 офицера, 85 нижнихъ чиновъ и захваченъ пулеметъ. Общее число взятыхъ нами плѣнныхъ за 5-е іюня около 3.000 человѣкъ.

На станціи Зучка (сѣвернѣе Черновицъ) захваченъ инженерный складъ.

На фронтѣ къ сѣверу отъ Полѣсья и на фронтѣ рѣки Двины артиллерійская перестрѣлка продолжалась.

На Кавказскомъ фронтѣ, на гюмишханскомъ направленіи въ районѣ селенія Базарджика нами отбито наступленіе турокъ.

На фронтѣ британскихъ войскъ во Франціи произошли 27 боевъ въ воздухѣ, сбиты 2 непріятельскихъ аппарата, 3 принуждены снизиться, 2 подбиты спеціальными орудіями.

Итальянскія войска къ сѣверу отъ долины Францела взяли штурмомъ вершину Монто-Изидоро. Сильныя атаки австрійцевъ на итальянскій фронтъ между горами Манья-Боски и Боскономъ отбиты итальянцами.

7-го іюня сообщеніе штаба Верховнаго Главнокамандующаго гласило:

На вѣсти о побѣдахъ нашего оружія на Волыни и въ Буковинѣ однимъ изъ первыхъ откликнулся англійскій король Георгъ V, приславшій на имя Государя Императора дружеское телеграфное поздравленіе, составленное въ чрезвычайно теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ.

Яростныя контръ-атаки непріятеля на многихъ участкахъ фронта армій генерала Брусилова продолжаются. По дополнительнымъ даннымъ въ районѣ сѣвернѣе деревни Гадомичи на рѣкѣ Стыри (западнѣе с. Колки) нашими войсками въ бояхъ 4-го іюня взято въ плѣнъ 96 офицеровъ, 3.173 нижнихъ чиновъ, при 17 пулеметахъ.

Наступленіе непріятеля при поддержкѣ вновь подоспѣвшихъ германскихъ частей у дер. Ворончинъ, сѣверо-восточнѣе Киселина (7 верстъ сѣвернѣе большой дороги Луцкъ—Владимиръ-Волынскій) отбито нашимъ огнемъ.

По только что полученнымъ свѣдѣніямъ, наши войска, произведя контръатаку въ районѣ дер. Роговичи, юго-восточнѣе села Локачи, отбросили непріятеля, захвативъ въ плѣнъ 16 офицеровъ и 1.200 нижнихъ чиновъ при восьми пулеметахъ. При этомъ рѣшительномъ натискѣ отмѣчаются очень искусныя дѣйствія одного стрѣлковаго батальона, ударившаго не только во флангъ противнику, но и вдоль всего фронта. Этотъ батальонъ одного изъ славнѣйшихъ стрѣлковыхъ полковъ не только обратилъ противника въ бѣгство, но и отбилъ обратно тѣ три орудія нашей доблестной батареи, о потерѣ которыхъ упоминалось во вчерашнемъ сообщеніи штаба, захвативъ, кромѣ того, 300 плѣнныхъ и два пулемета.

Библиотека "Руниверс"

У ст. Охотниково (восточнѣе Сарнъ) захваченъ опустившійся германскій аэропланъ съ пилотомъ и наблюдателемъ. На р. Стрыпѣ въ районѣ Гайворонки и Виснювичики (сѣвернѣе Бучача) непріятель оказываетъ упорное сопротивленіе. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ непріятель въ безпорядкѣ отступаетъ. Наши войска ведутъ энергичное преслѣдованіе. Селенія Задова, Сторожынецъ-Глыбока, на линіи р. Серета, заняты нами. На фронтѣ р. Двины мѣстами ведется энергичная бомбардировка непріятельскихъ позицій. Въ ночь на 6-е іюня въ районѣ сѣвернѣе Спягло (къ востоку отъ оз. Вишневское) цѣпи противника пытались приблизиться къ нашимъ окопамъ, но были отогнаны нашимъ ружейнымъ огнемъ.

На Кавказскомъ фронтѣ, на багдадскомъ направленіи въ районѣ Серпуля наступленіе конницы и пѣхоты противника отбито съ большими для турокъ потерями.

Французскія войска разсѣяли германскій отрядъ, пытавшійся приблизиться къ французскимъ линіямъ передъ Мокуромъ. Атаки нѣмцевъ къ югу отъ Берри-о-Бака потерпѣли полное пораженіе.

Итальянскія войска продвинулись къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Азіаго.

75.000 германскихъ войскъ переведены съ французскаго фронта для подкрѣпленія австрійцевъ у Бучача.

8-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ:

Ожесточенные бои въ районѣ сѣвернѣе Гадомичи (на Стыри) продолжаются. Селеніе Грузятинъ нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки. 7-го іюня, около полудня наши войска ворвались въ это селеніе, захвативъ 11 офицеровъ, 400 нижнихъ чиновъ и шесть пулеметовъ. Ураганный огонь нѣмцевъ заставилъ насъ вновь его очистить. Проявляя бѣшеную настойчивость въ районѣ деревни Ворончинъ, сѣверо-восточнѣе Киселина, германцы произвели здѣсь неоднократныя атаки при поддержкѣ ураганнаго огня тяжелой и легкой артиллеріи. Наши молодые полки вечеромъ 7-го іюня стремительной атакой обратили нѣмцевъ въ бѣгство, захвативъ 9 пулеметовъ и плѣнныхъ, принадлежащихъ къ составу нѣсколькихъ полковъ. Въ 3 часа ночи на 8-е іюня въ районѣ села Раймѣсто на Стоходѣ (сѣверо-восточнѣе Ворончина) непріятель атаковалъ колоннами. Дѣло дошло до штыковой схватки. Нѣмцы не выдержали и бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ раненыхъ и плѣнныхъ, число коихъ выясняется. Въ районѣ Киселина и южнѣе идутъ упорые бои.

На нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ наши войска, преслѣдуя непріятеля, перешли за рѣку Серетъ. Общее количество плѣнныхъ и военной добычи, взятыхъ арміями генерала Брусилова съ 22-го мая по 3 іюня включительно, составляетъ: 3.350 офицеровъ, 169.134 нижнихъ чиновъ, 198 орудій, 550 пулеметовъ, 189 бомбометовъ и минометовъ, 119 зарядныхъ ящиковъ, 34 прожектора и много другого боевого имущества и матеріала. Подсчетъ общаго числа плѣнныхъ и трофеевъ, взятыхъ нами въ бояхъ съ 4-го по 8 іюня, производится.

На фронтѣ р. Двины германская артиллерія открывала сильный огонь по району икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія и по сѣверному участку

Библиотека "Руниверс"

якобштадтскихъ позицій. Въ ночь на 7 іюня нѣмцы послѣ усиленнаго обстрѣла нашего расположенія южнѣе Сморгони перешли въ наступленіе. На одномъ изъ участковъ имъ удалось было ворваться въ наши окопы, но дѣйствіемъ артиллеріи и контръ-атакой они были выбиты и отошли въ прежнее положеніе. На остальныхъ участкахъ этого района всѣ попытки противника были отбиты частью огнемъ, частью штыками. Непріятельскіе самолеты сбросили на ст. Вилейка до 40 бомбъ. На Огинскомъ каналѣ было нѣсколько столкновеній. Артиллерія обѣихъ сторонъ открывала сильный огонь.

На Кавказскомъ фронтѣ, на діарбекирскомъ направленіи нашими развѣдчиками изъ засады разстрѣляна значительная турецкая часть, шедшая на смѣну своего сторожевого охраненія. На мосульскомъ направленіи въ районѣ Ревандуза одна изъ нашихъ молодыхъ войсковыхъ частей, комплектуемая грузинами, имѣла удачное столкновеніе съ большимъ скопищемъ курдовъ, которые, потерявъ большое число убитыми, бѣжали. На багдадскомъ направленіи внезапнымъ налетомъ нашихъ казаковъ турки отброшены изъ района Колаи-Шахина.

Французскія войска дважды отражали атаки нѣмцевъ на позиціи къ западу и югу отъ форта Во и на лѣвомъ берегу Мааса на южныхъ склонахъ Мортомма.

Итальянскія войска захватили сильную позицію къ юго-западу отъ горы Пурке, у входа въ долину Позины.

Бельгійскія войска въ Восточной Африкѣ разбили отступающаго непріятеля у Кивитаве и къ востоку отъ рѣки Нгокома. Нѣмцы опрокинуты и отступили. Англійскія войска въ Восточной Африкѣ заняли Хандени и верховья озера Ніасса.

9-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія германцы развили сильный артиллерійскій огонь. Въ ночь на 8-е іюня нѣмцы послѣ артиллерійской подготовки переходили въ наступленіе на фронтѣ двинскихъ позицій, вдоль Поневѣжской и Сѣверо-Западной (Варшавской) желѣзныхъ дорогъ, но были отбиты. Въ районѣ противъ мѣстечка Дубатовка (12 верстъ къ югу отъ озера Вишневское) нѣмцы послѣ сильной артиллерійской подготовки перешли въ наступленіе и овладѣли частью окоповъ. Контръ-атакой подоспѣвшихъ резервовъ нѣмцы отброшены обратно въ свои окопы. Къ югу отъ мѣстечка Крево нѣмцы перешли рѣку Кревлянку, но, встрѣченные нашимъ огнемъ, продвинуться дальше не могли и отошли обратно на западный берегъ этой рѣки.

На Огинскомъ каналѣ и рѣкѣ Ясельдѣ артиллерійскій и ружейный огонь. Въ теченіе дня нашей артиллеріей подбито два германскихъ аэроплана, упавшихъ въ нашемъ расположеніи: одинъ въ двухъ верстахъ южнѣе станціи Листопады Бологое-Сѣдлецкой желѣзной дороги, а другой—у форта Жукъ, въ 10 верстахъ къ юго-востоку отъ устья Огинскаго канала. Оба аппарата и летчики разбились. Въ районѣ Грузятина противникъ повелъ наступленіе густыми цѣпями, но былъ разсѣянъ нашимъ огнемъ и разбѣжался, оставивъ груды убитыхъ и раненыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ районѣ къ западу отъ Сокуля (на Стыри) наступленіе германцевъ было отражено нашей контръ-атакой, причемъ было захвачено около 600 плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. Въ этомъ же районѣ тяжелая артиллерія противника открывала ураганный огонь со стороны Мыльска.

Генералъ-лейтенантъ В. В. Сахаровъ.

Въ районѣ Раймѣста на Стоходѣ (западнѣе села Свидники) и къ востоку отъ Ворончина продолжались до крайности ожесточенные бои. Взято въ плѣнъ 4 офицера и 214 нижнихъ чиновъ германцевъ. Малое число плѣнныхъ объясняется крайней ожесточенностью нашихъ нижнихъ чиновъ, не дававшихъ пощады германцамъ за стрѣльбу разрывными пулями. Въ атакахъ принимала участіе и доблестная дружина ярославскаго ополченія, командиръ которой раненъ и остался въ строю.

Библиотека "Руниверс"

На Стрыпѣ, западнѣе Гайворонки, наши войска овладѣли нѣсколькими окопами непріятеля.

Преслѣдованіе непріятеля на крайнемъ нашемъ лѣвомъ крылѣ продолжается. Нами занятъ городъ Радауцъ. При преслѣдованіи взято въ плѣнъ 22 офицера и около 1.000 нижнихъ чиновъ. Захвачено три пулемета и 27 пулеметныхъ вьюковъ.

На Черномъ морѣ наши миноносцы потопили пять большихъ груженныхъ парусниковъ и нѣсколько мелкихъ фелюгъ, взявъ при этомъ плѣнныхъ. Непріятельской миной потопленъ пассажирскій пароходъ «Меркурій»; большая часть пассажировъ спасена.

9-го іюня въ районѣ къ югу отъ Ласиньи сильный германскій развѣдочный отрядъ атаковалъ, послѣ артиллерійской подготовки, одинъ изъ французскихъ передовыхъ постовъ. Отраженный огнемъ французовъ, непріятель разсѣялся, оставивъ на полѣ нѣсколько труповъ. На обоихъ берегахъ рѣки Мааса весь день съ крайнимъ ожесточеніемъ продолжалась бомбардировка снарядами крупнаго калибра. На лѣвомъ берегу непріятель направлялъ огонь преимущественно на наши позиціи у высоты 304, Мортомма и на французскія вторыя линіи въ районѣ Энъ—Шатанкуръ. Въ 6 часовъ вечера атака, направленная на французскія траншеи между высотой 304 и ручьемъ Бетенкуръ, была послѣ весьма ожесточеннаго боя ручными гранатами полностью отражена. На правомъ берегу произведенная французами днемъ контръ-атака позволила имъ вновь занять большую часть траншеи, въ которую непріятель проникъ въ предыдущую ночь между лѣсомъ Фюменъ и Шенуа. Съ 6 часовъ вечера бомбардировка получила неслыханно ожесточенный характеръ на фронтѣ укрѣпленія Тіомонъ, въ лѣсу Во-Шапитръ и на участкѣ Лофе.

Въ Веврѣ происходилъ напряженный артиллерійскій бой у подножья Маасскихъ высотъ. На остальномъ фронтѣ наблюдалась довольно оживленная канонада, особенно въ Шампани на участкѣ Монъ-Тетю.

Въ долинѣ Лердо и на южныхъ склонахъ Монте-Сперонe итальянцы отбили непріятельскую атаку.

Генералъ Жоффръ и Гуро произвели смотръ русскимъ войскамъ въ лагерѣ Майи. Генералы прошли передъ фронтомъ войскъ и любовались ихъ превосходной выправкой. Затѣмъ войска продефилировали передъ обоими генералами. Послѣ смотра генералы Жоффръ и Гуро дружески бесѣдовали со многими офицерами русскаго и французскаго штабовъ въ то время, какъ солдаты возвращались въ лагери.

10-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣщалъ:

На нѣсколькихъ участкахъ фронта къ югу отъ двинскаго района нѣмцы послѣ артиллерійской подготовки пытались переходить въ наступленіе, но всюду безуспѣшно. Надъ станціей Молодечно непріятельскіе самолеты сбросили 9 іюня до 40 бомбъ. Въ 11 часовъ ночи 8-го іюня завязался бой на линіи Огинскаго канала въ районѣ Логишина. 9-го іюня вечеромъ бой еще продолжался. Попытки обѣихъ сторонъ перейти по шлюзамъ и переправамъ наполнившійся водою каналъ не удались. Въ этомъ бою ранены доблестные генералъ Штегельманъ и полковникъ Бергенстроде (вскорѣ скончавшійся).

Библиотека "Руниверс"

На всемъ фронтѣ генерала Брусилова происходили частные бои, какъ въ районахъ прежнихъ боевъ, такъ и въ новыхъ, въ томъ числѣ у Радзивилова. Непріятельскія войска продолжаютъ получать подкрѣпленія, подвозимыя съ французской и итальянской границъ.

Наше наступленіе въ Буковинѣ продолжается. Заняты селенія Гура, Гумора, Страяса (западнѣе Радауца), Вишницъ (около Кутты). Во время преслѣдованія взято до 800 плѣнныхъ. Противникъ отходитъ на Карпаты.

Французское офиціальное сообщеніе главной квартиры отъ 18-го іюня новаго стиля даетъ слѣдующій отчетъ о положеніи дѣлъ подъ Верденомъ:

«Истощивъ свои войска кровопролитными атаками у Вердена, германское командованіе рѣшило послать на этотъ фронтъ пополненіе изъ тыловыхъ депо, почему въ первыхъ числахъ іюня на верденскомъ фронтѣ начали появляться новобранцы 1917 года, что доказываетъ истощеніе запасовъ живой силы у нѣмцевъ. Исчисленіе германскихъ потерь, основанное на документальныхъ данныхъ, показываетъ, что убыль въ рядахъ германцевъ у Вердена до 15-го мая текущаго года доходитъ по самымъ скромнымъ исчисленіямъ до 370.000 человѣкъ. Имѣя же въ виду серьезные бои во второй половинѣ мая, можно считать, что къ 31 мая общая цифра германскихъ потерь у Вердена доходитъ до 415.000 человѣкъ».

10-го іюня на бельгійскомъ фронтѣ разрушительнымъ огнемъ были уничтожены германскія сооруженія въ районѣ дюнъ.

Въ Шампани къ концу дня 10-го іюня германцы послѣ бомбардировки между Мезонъ-де-Шампань и Монъ-Тетю три раза произвели атаку на фронтѣ протяженіемъ 1.200 метровъ, но были отброшены ручными гранатами и заградительнымъ огнемъ. Нѣсколько частей противника проникли въ выдвинутую часть траншей, но тотчасъ же были выбиты оттуда штыковымъ ударомъ, оставивъ около десяти плѣнныхъ.

Внезапныя атаки германцевъ на французскіе небольшіе посты къ сѣверо-востоку отъ Менильскаго холма были въ теченіе ночи на 10-е іюня отражены.

На лѣвомъ берегу Мааса германцы возобновили атаки въ районѣ высоты 304. Двѣ атаки съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ не удались, благодаря французскому пулеметному огню. Въ теченіе ночи происходила оживленная ружейная перестрѣлка въ Авокурскомъ лѣсу и на Мортоммѣ. Участки Эна и Шатанкура были подвергнуты сильному обстрѣлу. На правомъ берегу Мааса происходила значительная артиллерійская дѣятельность отъ Мааса до Муленвилля, въ особенности къ западу и югу отъ форта Во. Въ Эпаржѣ небольшая германская атака окончилась полною неудачею для непріятеля.

11-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Нѣмецкая артиллерія сосредоточивала огонь по предмостному укрѣпленію. Въ районѣ Илллукста нами была произведена внезапная смѣлая атака на германскіе окопы. Противникъ пытался переходить послѣ этого въ контръ-атаку, но былъ отброшенъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Вслѣдъ за этимъ нѣмцы продолжительное время безпорядочно стрѣляли изъ очень многихъ батарей. 9-го іюня вечеромъ противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь по участку форта Березина—деревни

Библиотека "Руниверс"

Кибы (на рѣкѣ Березинѣ, къ востоку отъ мыса Богдановъ), причемъ выпустилъ облако бѣлаго дыма. Послѣднее было разсѣяно своевременно принятыми мѣрами. Къ ночи пѣхота противника въ значительныхъ силахъ повела наступленіе противъ форта Березина. Встрѣченный нашей штыковой контръ-атакой, противникъ въ безпорядкѣ бѣжалъ въ свои окопы, оставивъ передъ нашими проволочными загражденіями много труповъ.

Западнѣе Торчина ожесточенные бои не прекращаются. При дружной совмѣстной работѣ пѣхоты и артиллеріи атаки непріятеля въ районѣ деревни Зубильно были отражены. Особенно выдаются отличныя дѣйствія батареи подполковника Добровольскаго.

Юго-восточнѣе м. Свинюхи непріятель открывалъ ураганный огонь по району деревни Пустомыты, послѣ котораго перешелъ въ наступленіе. Благодаря развитію нами артиллерійскаго огня, непріятель былъ отраженъ съ большими потерями.

Западнѣе Радзивилова одинъ изъ нашихъ полковъ послѣ артиллерійской подготовки ворвался въ окопы непріятеля и захватилъ въ плѣнъ 4 офицеровъ, 1 врача и 303 нижнихъ чиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ непріятель сосредоточилъ по занятымъ нами окопамъ ураганный огонь артиллеріи, вслѣдствіе котораго наши войска отошли въ свои окопы, уведя плѣнныхъ. Послѣдовавшія затѣмъ контръ-атаки непріятеля были нами отбиты.

Надъ Рудней Почаевской воздушная эскадра непріятеля сбросила нѣсколько бомбъ.

Въ Буковинѣ, западнѣе Снятыня, наши войска, продвигаясь съ боемъ впередъ, 10 іюня вечеромъ овладѣли высотами на участкѣ рѣки Рыбницы. Также съ боемъ нами занятъ городъ Кутты; здѣсь же донцами взято въ плѣнъ 150 нижнихъ чиновъ и 4 пулемета.

На Кавказскомъ фронтѣ, на трапезундскомъ участкѣ, въ районѣ горы Мадуръ-Тепе турки на разсвѣтѣ 9-го іюня перешли въ наступленіе, которое было отбито нашими передовыми частями съ большимъ для турокъ урономъ; кромѣ того, турки оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Нашъ самолетъ удачно бомбардировалъ Мамахатунъ.

На лѣвомъ берегу Мааса всю ночь съ 10-го на 11-е іюня продолжалась весьма интенсивная артиллерійская перестрѣлка въ окрестностяхъ лѣса Авокуръ, высоты 304 и Мортомма. Атака германцевъ ручными гранатами, произведенная ими на французскія позиціи у высоты 304, была отражена. На правомъ берегу Мааса всю ночь продолжалось ожесточенное сраженіе въ западной части атакованнаго фронта. Смѣлой контръ-атакой французы захватили большую часть территоріи близъ высоты 321 и 320, отогнавъ германцевъ до подходовъ къ укрѣпленіямъ Тіомона, которые они еще продолжаютъ занимать. Особенно ожесточенный бой произошелъ у оконечности деревни Флери. Контръ-атакой французы возвратили всѣ траншеи, занятыя въ ночь на 8-ое іюня между лѣсомъ Фюменъ и Шенуа.

Артиллерійскій огонь германцевъ продолжался съ прежней интенсивностью отъ Мааса до пункта къ востоку отъ Шенуа; французскія батареи энергично отвѣчали.

Библиотека "Руниверс"

Согласно послѣднимъ донесеніямъ, въ наступленіи, предпринятомъ германцами 10-го іюня на правомъ берегу Мааса, участвовало болѣе 10-ти дивизій.

11-го іюня въ Валль-Арсѣ итальянскія войска заняли новыя позиція по ту сторону Ромини, къ востоку отъ пика Меццаны и на Лорѣ, западномъ отрогѣ горы Пазубіо. У непріятеля были взяты ружья, военные припасы и бомбы. Въ районахъ Кампильи и горы Спинъ на плоскогоріи Азіаго непріятель отраженъ, и итальянцы продолжали тѣснить непріятельскія позиціи.

Генералъ-майоръ Николай Александровичъ Лохвицкій, командующій русскими войсками во Франціи.

12-го іюня французское правительственное сообщеніе гласило:

«На лѣвомъ берегу Мааса германская атака, направленная противъ нашихъ траншей на южныхъ склонахъ Мортомма, была остановлена нашимъ огнемъ. На правомъ берегу Мааса бои продолжались въ теченіе всей ночи въ участкѣ укрѣпленій Тіомона, причемъ французы путемъ контръ-атакъ заняли часть германскихъ траншей къ западу отъ этого укрѣпленія. Французы при помощи ручныхъ гранатъ нѣсколько продвинулись впередъ въ деревнѣ Флери. На другихъ участкахъ продолжалась усиленная бомбардировка безъ участія пѣхоты. Въ Лотарингіи сильный германскій развѣдочный отрядъ

Библиотека "Руниверс"

былъ разсѣянъ въ лѣсу Шемино, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона. Въ Вогезахъ попытка германцевъ атаковать наши позиціи въ долинѣ рѣки Савы потерпѣла полную неудачу. Въ ночь съ 11-го на 12-е іюня германскіе аэропланы бросили бомбы на Люневилль, Баккаро и Сенъ-Діе, причинивъ лишь незначительныя поврежденія, но ранивъ нѣсколькихъ дѣтей, что принято къ свѣдѣнію въ видахъ репрессалій».

«На обоихъ берегахъ Мааса въ теченіе дня 12-го іюня никакихъ дѣйствій пѣхоты не было. На лѣвомъ берегу происходилъ напряженный артиллерійскій бой въ районѣ высоты «304», Мортомма и Шатанкура. На правомъ берегу бомбардировка съ ожесточеніемъ возобновилась съ 5 часовъ вечера на участкахъ Фруадтерръ и Флери. На остальномъ протяженіи фронта, кромѣ обычной канонады, ничего выдающагося не происходило».

12-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

Германская артиллерія открывала сильный огонь по многимъ участкамъ рижскихъ позицій. Сильная партія нѣмцевъ пыталась приблизиться къ нашимъ окопамъ у западной оконечности озера Бабитъ, но безрезультатно.

На Двинѣ между якобштадтскимъ и двинскимъ районами непріятельская артиллерія также открывала сильный огонь.

Непріятельскіе самолеты сбросили 20 бомбъ на желѣзнодорожную станцію Полочаны (юго-западнѣе Молодечна). Одинъ изъ нашихъ самолетовъ при производствѣ смѣлаго полета надъ непріятельскимъ расположеніемъ былъ подбитъ непріятельской артиллеріей. Доблестные летчики штабсъ-капитанъ Банкѣевъ и прапорщикъ Павновъ, несмотря на то, что оба были ранены, и невзирая на продолжавшійся обстрѣлъ непріятельской артиллеріи, спустились вблизи нашей передовой линіи.

На Стыри, въ трехъ верстахъ южнѣе Цмины (районъ ст. Чарторійска) неожиданнымъ налетомъ мы овладѣли редутомъ сильной профили. Защитники оказали отчаянное сопротивленіе и были всѣ переколоты. Въ редутѣ захвачено два орудія крупнаго калибра.

Сѣвернѣе деревни Затурцы нашей контръ-атакой противникъ былъ отброшенъ и понесъ тяжкія потери, будучи забросанъ ручными гранатами.

Сѣвернѣе Пустомыты (на юго-востокѣ отъ мѣстечка Свинюхи) противникъ вчера вечеромъ атаковалъ наши расположенія. Встрѣченный дружнымъ огнемъ, противникъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дошелъ до разрушенныхъ непріятельской артиллеріей нашихъ окоповъ. Не выдержавъ здѣсь дальнѣйшихъ тяжелыхъ потерь, непріятель отхлынулъ на всемъ атакованномъ фронтѣ. Пока зарегистровано взятыхъ въ плѣнъ около 600 здоровыхъ человѣкъ, изъ нихъ половина германцы; захвачено 15 пулеметовъ. Масса труповъ и раненыхъ штыками переполняютъ окопы.

Къ сѣверу отъ Радзивилова, въ районѣ деревни Рѣдьковъ наши войска, атаковавъ непріятеля, прорвали первую линію его окоповъ. Во время этой атаки былъ раненъ доблестный командиръ полка полковникъ Свѣчинъ. Непріятель продолжаетъ оказывать здѣсь упорное сопротивленіе, сосредоточивая сильный огонь легкой и тяжелой артиллеріи.

Библиотека "Руниверс"

Западнѣе Снятыня наши войска, съ боемъ продвигаясь впередъ, заняли селенія Килиховъ и Тулуковъ. Еще вечеромъ 10-го іюня послѣ упорнаго боя взятъ нами городъ Кимполунгъ. Захвачено въ плѣнъ около 60 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ и 7 пулеметовъ. На желѣзнодорожной станціи захваченъ подвижной составъ. Взятіе городовъ Кимполунга и Кутты (Вишницъ) отдаетъ въ наши руки всю Буковину.

Выяснилось, что при спѣшномъ отходѣ въ районѣ ст. Ицкани (сѣвернѣе Сучавы) непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 88 пустыхъ вагоновъ, 17 вагоновъ кукурузы, одинъ вагонъ овса, около 5.000 пудовъ антрацита, множество строительнаго матеріала, большіе запасы фуража и много другого имущества.

На Кавказскомъ фронтѣ наступленіе турокъ въ ночь на 10-е іюня къ западу отъ Платаны отбито огнемъ. Тогда же турки вытѣснили насъ изъ монастыря Госпидіесъ (въ районѣ Дживизлыка), но затѣмъ нашей контръ-атакой были выбиты изъ него. Всѣ дальнѣйшія атаки противника отражены съ большими для него потерями. Также отбиты всѣ турецкія атаки въ районѣ къ юго-востоку отъ Дживизлыка, гдѣ мы захватили плѣнныхъ и много оружія.

13-го іюня непріятельская атака противъ французскаго поста въ Фильмортѣ отражена. Атака германцевъ на французскія позиціи къ западу отъ тіомонскихъ укрѣпленій отбита. Британскія вйска отбили атаку нѣмцевъ у сѣвернаго выступа Лооса.

На итальянскомъ фронтѣ непріятель принужденъ отступать. Итальянцы энергично преслѣдуютъ непріятеля. Итальянскій вспомогательный крейсеръ «Citta di Messina» потопленъ подводной лодкой въ проливѣ Отранто; контръминоносецъ «Fourche» подвергся минной атакѣ и былъ потопленъ.

13-го іюня донесеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

На нѣкоторыхъ участкахъ якобштадтскихъ и двинскихъ позицій происходилъ оживленный артиллерійскій огонь.

Въ районѣ восточнѣе мѣстечка Городище (сѣвернѣе Барановичей) въ ночь на 12-е іюня послѣ сильнаго обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ нашихъ окоповъ у г. д. Скробовъ противникъ повелъ наступленіе, но былъ отбитъ.

На Слуцкомъ шоссе тогда же партія противника пыталась приблизиться къ нашимъ окопамъ на Шарѣ, но была отбита огнемъ.

Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Выгоновскаго озера 12 іюня утромъ германцы повели наступленіе на фольваркъ въ 5 верстахъ юго-западнѣе м. Липскъ, но были отбиты. Въ 12 часовъ дня противникъ возобновилъ здѣсь наступленіе, ведя его на болѣе широкомъ фронтѣ и при поддержкѣ огня тяжелой и легкой артилелріи.

Утромъ летчики подпоручикъ Квасковъ и унтеръ-офицеръ Владимировъ [1]) погибли смертью героевъ.

На рѣкѣ Стыри въ районѣ отъ Колки до Сокуля германцы продолжаютъ обстрѣливать наши окопы тяжелой артиллеріей, переходя мѣстами въ частичное наступленіе, всюду успѣшно нами отбитое. Повторныя атаки густыми цѣпями въ районѣ Линевки (на рѣкѣ Стоходѣ) отбиты нашемъ огнемъ, причемъ

---

[1]) Артистъ Императорскаго Александринскаго театра.

Библиотека "Руниверс"

наша рота гнала противника около полуверсты и захватила въ плѣнъ 45 германцевъ при офицерѣ.

На Луцкомъ направленіи и южнѣе положеніе оставалось безъ перемѣнъ; частичная атака противника на Затурцы отбита.

На излучинахъ Днѣстра, къ югу отъ Бучача, донцы съ боемъ переправились у Сновидува и, сбивъ передовыя части противника, заняли деревни Сѣкергинъ и Петрувъ, захвативъ въ плѣнъ 5 офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ.

Въ районѣ Кимполунга наша конница съ боемъ заняла позицію противника у Позоритта (8—10 верстъ къ западу отъ Кимполунга). По дополнительнымъ даннымъ на желѣзной дорогѣ Гура-Гумора—Рашка (къ сѣверо-западу отъ Гура-Гумора) на станціяхъ Молитъ и Фрумоса нами захвачены оставленные австрійцами большіе склады лѣсныхъ матеріаловъ и 31 вагонъ. Такимъ образомъ, продвиженіемъ на югъ мы подошли къ горнымъ проходамъ на путяхъ въ Трансильванію.

На Кавказскомъ фронтѣ ночныя атаки турокъ на трапезундскомъ участкѣ въ районахъ Платаны и Дживизлика отбиты огнемъ, а мѣстами ручными гранатами. На правомъ берегу рѣки Евфрата (Мурадъ-Чая) турки на разсвѣтѣ перешли въ наступленіе и захватили высоту въ районѣ селенія Нурика, но около полудня были оттуда нами выбиты. Въ Сѣверной Месопотаміи непріятель послѣ подготовки огнемъ повелъ наступленіе на Ревандузъ и захватилъ было участокъ нашей позиціи, но былъ затѣмъ отброшенъ назадъ нашей штыковой контръ-атакой, оставивъ вблизи нашихъ укрѣпленій убитыхъ и раненыхъ. На багдадскомъ направленіи наступленіе турокъ легко сдерживается нашими войсками, наносящими большія потери противнику

Французское офиціальное сообщеніе отъ 25-го іюня новаго стиля такъ обрисовываетъ положеніе дѣлъ у Вердена отъ 18-го по 24-е іюня новаго стиля:

«Въ періодъ съ 18-го по 22-е іюня въ районѣ къ сѣверу отъ Вердена происходили мѣстные пѣхотные бои у высоты Мортоммъ, гдѣ намъ удалось отбить атаки противника, поведенныя имъ на окопы, захваченныя нами 15-го іюня. Начиная съ 20-го іюня, особенно усилилась дѣятельность артиллеріи отъ высоты 321, что къ сѣверу отъ Фруадтерръ до Муленъ-Вилль. 21-го противникъ повелъ сильныя атаки къ югу отъ лѣса Лакайетъ и на батареи Даммлу. Двѣ первыя атаки были нами отбиты. Третья, начавшаяся удачно для противника, при которой ему удалось занять часть лѣса къ югу-западу отъ форта Во, была также почти локализована нашими контръ-атаками. Днемъ 22-го іюня началась ожесточенная бомбардировка нашихъ позицій, во время которой наши летчики обнаружили около 100 германскихъ батарей. 23-го іюня сраженіе снова началось на фронтѣ высоты 321, къ сѣверу отъ Фруадтерръ до батареи Даммлу, причемъ противникъ направилъ свои главныя усилія на фронтъ Фруадтерръ — Флери. Къ концу дня противнику удалось утвердиться на нѣкоторыхъ участкахъ укрѣпленій у Тіомона, изъ деревни же Флери онъ былъ выбитъ. Кромѣ того, противникъ долженъ былъ подъ нашимъ натискомъ очистить лѣсъ къ юго-западу отъ форта Во, гдѣ намъ удалось снова занять траншеи, отнятыя противникомъ въ ночь съ 21-го на 22-е іюня. 24-го іюня непріятелю удалось проникнуть въ деревню Флери, хотя

Библиотека "Руниверс"

большая часть послѣдней находится въ нашихъ рукахъ. Въ описываемый періодъ замѣчены двѣ новыя германскія дивизіи, подтянутыя къ Вердену съ другихъ участковъ фронта».

Въ Шампани французская артиллерія разрушила непріятельскія оборонительныя сооруженія къ сѣверу отъ Вилль-сюръ-Турбъ.

Итальянскія суда проникли на рейдъ Дураццо и потопили тамъ два парохода съ оружіемъ и боевыми припасами. Проникшей въ Средиземное море подводной лодкой потопленъ рядъ судовъ, принадлежащихъ союзнымъ державамъ и нейтральнымъ. Итальянскія войска значительно продвинулись отъ Валь-Арса до плоскогорія Сетте-Комуни. На линіи Позина—Астико итальянцы оттѣснили непріятеля и продвинулись на правомъ флангѣ, приблизившись къ окрестностямъ Арсіеро.

Британскими войсками въ Восточной Африкѣ нанесено германскимъ войскамъ пораженіе на рѣкѣ Ликигуро.

Шерифъ Мекки сформировалъ три арміи, изъ нихъ одна осадила Медину, другая заняла Тайфъ, а третья—Джедду, захвативъ весь гарнизонъ.

14-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На фронтѣ рижскихъ позицій и у икскюльскаго предмостнаго укрѣпленія артиллерійская перестрѣлка. Попытки непріятельской пѣхоты на нѣкоторыхъ участкахъ переходить въ наступленіе были нами легко отражены.

На двинскихъ позиціяхъ непріятель открывалъ мѣстами очень сильный огонь и къ сѣверу отъ озера Свентенъ переходилъ въ наступленіе, но безрезультатно. На одномъ изъ боевыхъ участковъ, по донесенію старшихъ начальниковъ, выдающееся отличіе было оказано прапорщикомъ Норкинымъ и унтеръ-офицеромъ Кононенкомъ. Прапорщикъ Норкинъ получилъ при этомъ 15 ранъ.

Непріятельскіе самолеты во многихъ мѣстахъ сбрасываютъ бомбы, въ томъ числѣ и въ городѣ Двинскъ.

13-го іюня вечеромъ въ районѣ къ сѣверу отъ озера Мядзіолъ нѣмцы открыли огонь тяжелой и легкой артиллеріи по нашимъ окопамъ, противъ промежутка между озерами Должа и Волчино. Вслѣда за этимъ они вели наступленіе, которое было отбито огнемъ. Повторное наступленіе нѣмцевъ также не увѣнчалось успѣхомъ. Противникъ былъ снова отброшенъ въ свои окопы и наступленіе прекратилъ. Въ районѣ Слуцкаго шоссе ночью на 13-е іюня германцы послѣ короткой артиллерійской подготовки пытались наступать, но были отбиты нашимъ огнемъ. Противнику, возобновившему наступленіе въ районѣ фольварка юго-западнѣе Липска (сѣверо-восточнѣе оз. Выгоновскаго), удалось было перейти на нашъ берегъ Шары. Постепенно онъ, однако, былъ вытѣсненъ и отошелъ назадъ. Нами занято прежнее положеніе.

На фронтѣ Колки—Богушовка (на р. Стоходѣ) противникъ продолжаетъ обстрѣливать наше расположеніе огнемъ тяжелой артиллеріи.

Въ районѣ Несвича (юго-западнѣе Луцка) упалъ подбитый нашимъ артиллерійскимъ огнемъ австрійскій аэропланъ. Раненые летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ.

На Средней Стрыпѣ противникъ мѣстами открывалъ огонь тяжелой артиллеріи.

Библиотека "Руниверс"

12-го іюня нашъ летчикъ подпоручикъ Орловъ, поднимавшійся въ этотъ день уже разъ десять на высоту 2.400 метровъ, нагналъ непріятельскаго летчика, вступилъ съ нимъ въ борьбу и, обстрѣлявъ, заставилъ спланировать съ сильнымъ креномъ у дер. Подгайцы.

На черновицкомъ направленіи наши части оттѣснили противника за р. Дубовецъ (южный притокъ Прута, впадающій у Заблотува).

По полученному отъ арміи генерала Брусилова послѣднему подсчету, количество плѣнныхъ и трофеевъ за время съ 22-го мая по 10-е іюня включительно составляетъ 4.013 генераловъ, офицеровъ и врачей, 94.041 нижній чинъ, 219 орудій, 644 пулемета, 196 бомбометовъ, 146 зарядныхъ ящиковъ, 38 прожекторовъ.

На Балтійскомъ морѣ въ Ирбенскомъ проливѣ 13-го іюня три нашихъ гидроаэроплана вступили въ бой съ четырьмя германскими. Въ результатѣ боя одинъ непріятельскій аэропланъ былъ сбитъ и упалъ въ воду. Несмотря на попытки непріятеля спасти аппаратъ, онъ былъ нами забросанъ бомбами, разстрѣлянъ пулеметнымъ огнемъ и утонулъ. Наши гидроаэропланы благополучно вернулись.

На кавказскомъ фронтѣ попытки турокъ при поддержкѣ артиллерійскаго огня перейти черезъ рѣку Масла-Дараси, впадающую справа въ рѣку Евфратъ (у с. Нурика), были нами отражены. На моссульскомъ направленіи, въ районѣ Банэ, наши войска сбили противника съ занимаемыхъ имъ позицій и оттѣснили его къ западу.

Примѣчаніе. Какъ примѣръ лихости нашихъ донцовъ, доносятъ, что при переправѣ у Сновидува черезъ Днѣстръ часть казаковъ переправилась, раздѣвшись догола и имѣя при себѣ лишь винтовки. Благополучно переправившись вплавь, они бросились въ штыки на противника, котораго частью перекололи, частью взяли въ плѣнъ и удерживали занятое расположеніе до переправы подкрѣпленій.

На правомъ берегу Мааса французы расширили свои позиціи въ районѣ полевыхъ укрѣпленій Тіомона и отразили новую попытку непріятеля выбить ихъ изъ Флери.

Итальянцы продолжаютъ продвигаться между Брентой и Адидже. Итальянцы заняли Позину и Арсіеро. Въ городахъ Италіи происходятъ манифестаціи по случаю итальянскихъ побѣдъ.

15-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Юго-восточнѣе Риги въ ночь на 14-е іюня непріятель произвелъ наступленіе значительными силами со стороны Пулкарна. Передъ атакой непріятель обстрѣлялъ наши позиціи ураганнымъ огнемъ и устроилъ дымовую завѣсу. При помощи своевременно подошедшихъ подкрѣпленій и при содѣйствіи огня артиллеріи нѣмцы были отброшены съ большими потерями. На Двинѣ и въ якобштадтскомъ районѣ велась ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Непріятельскіе аэропланы производятъ частые налеты, бросая бомбы въ наше расположеніе. Въ ночной бомбардировкѣ (въ ночь на 14-е іюня) города Двинска съ германскихъ аэроплановъ было сброшено 68 бомбъ. Потери въ людяхъ и разрушенія ничтожны. Сгорѣло два вагона керосина. Попытка противника

Библиотека "Руниверс"

наступать на участкѣ къ югу отъ м. Крево была отбита огнемъ. На остальномъ фронтѣ до района Полѣсья наблюдалась лишь перестрѣлка.

Вечеромъ 13-го іюня противникъ произвелъ атаку въ районѣ деревни Линевки (на р. Стоходѣ), но былъ отбитъ. Непріятель поддерживаетъ здѣсь сильный артиллерійскій огонь.

Стараясь задержать наше наступленіе въ Буковинѣ, противникъ во многихъ мѣстахъ препятствуетъ всѣми средствами наводкѣ мостовъ черезъ рѣки и стремится испортить уже наведенные. Несмотря на это, наши саперныя и понтонныя части, преодолѣвая всѣ препятствія, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ успѣшно выполняютъ свои задачи.

На Кавказскомъ фронтѣ къ югу отъ Урмійскаго озера турки отброшены изъ района мѣст. Бана къ персидско-турецкой границѣ. На багдадскомъ направленіи турецкія войска опрокинуты нами и оттѣснены въ районъ укрѣпленій Калай-Шафинъ.

Въ Шампани, около Тагюра французы внезапнымъ нападеніемъ очистили отъ противника траншеи первой линіи. Французскія войска на правомъ берегу Мааса нѣсколько продвинулись впередъ въ сѣверу отъ высоты 321 и полевого укрѣпленія Тіомона.

Итальянцы между Позиной и Астико захватили непріятельскія позиціи на горѣ Гаймондо. На плоскогорьѣ Азіаго итальянцы заняли южные склоны долины Асса.

16-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что 15-го іюня послѣ артиллерійской подготовки войска генерала Лечицкаго, несмотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля, нанесли ему сильный ударъ въ районѣ между рѣками Днѣстромъ и Прутомъ, взявъ три линіи окоповъ.

Упорные бои произошли на фронтѣ р. Чертовецъ (притокъ Днѣстра) и рѣки Чернява (притокъ Прута), а также въ районѣ города Кутты. Лихими совмѣстными дѣйствіями всѣхъ родовъ оружія непріятелю здѣсь вновь нанесенъ тяжелый уронъ.

До 7 час. вечера 15-го іюня зарегистрировано взятыхъ за день плѣнныхъ 221 офицеръ и 10.485 нижнихъ чиновъ. Взято много пулеметовъ. Однимъ изъ испытанныхъ полковъ захвачена цѣликомъ четырехорудійная тяжелая батарея съ полной запряжкой.

Этотъ успѣхъ доводитъ общее число плѣнныхъ австро-германской арміи, взятыхъ въ бояхъ съ 22 мая и до начала нынѣшней операціи, до 205.000 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и офицеровъ.

На остальномъ буковинскомъ галиційскомъ фронтѣ нашихъ войскъ во многихъ мѣстахъ велась оживленная артиллерійская перестрѣлка.

На Волыни въ районѣ дер. Линевки (на р. Стоходѣ) упорный бой продолжается.

На фронтѣ р. Двины непріятельская артиллерія развивала огонь по икскюльскому предмостному укрѣпленію, на фронтѣ якобштадтскаго района и по району Ливенгофа.

На разсвѣтѣ 15-го іюня нѣмцы послѣ артиллерійскаго обстрѣла нашихъ окоповъ въ районѣ деревень Саковиче, Сельце и Богушинскаго лѣса (сѣверо-

Библиотека "Руниверс"

восточнѣе Крево) перешли въ наступленіе, отбитое нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

На Кавказскомъ фронтѣ въ эрзинджанскомъ направленіи турки пытались наступать ночью, но были отбиты огнемъ.

На багдадскомъ направленіи съ полудня турки повели наступленіе большими силами противъ нашихъ позицій въ районѣ Керинда, но были остановлены нашимъ артиллерійскимъ огнемъ.

Въ Бельгіи французской контръ-атакой германцы выбиты изъ окоповъ, въ которыхъ они утвердились было около дороги изъ Ньюпота къ Ломбартзиде. Къ востоку отъ высоты 304 французской контръ-атакой германцы выбиты изъ захваченныхъ ими укрѣпленій. Англичане на фронтѣ въ 145 километровъ упорно обстрѣливали нѣмецкія траншеи.

Въ Валь-Арсо итальянскіе альпійскіе стрѣлки взяли приступомъ фортъ Матасоне, а пѣхотные отряды заняли горный кряжъ Траппола; вдоль линіи Позины итальянцы заняли укрѣпленныя позиціи Бетта на горѣ Майо; въ долинѣ Астико взята Педескала, Далѣе офиціальное сообщеніе говоритъ:

«На плоскогорьѣ Сетте-Комуни непріятель укрѣпилъ сѣверные склоны возвышенностей долины Асса на лѣвомъ берегу Гальмарары до ущелья Аньелло. Въ этой мѣстности, покрытой густымъ лѣсомъ, непріятелю удалось установить свои пулеметы въ то время, какъ его тяжелая артиллерія все время обстрѣливала линію нашего наступленія. Мы утвердились на южной сторонѣ долины Асса и заняли траншею близъ Цебіо-Цингарелла. На остальномъ фронтѣ, кромѣ Карсо, никакихъ перемѣнъ. На Карсо нашей пѣхотѣ удалось проникнуть въ непріятельскія траншеи и занять нѣкоторыя изъ нихъ. 15-го іюня мы захватили 656 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 21 офицера, взяли 4 пулемета, оружіе, военные припасы и матеріалы».

17-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: Къ югу отъ Днѣстра наши войска преслѣдуютъ непріятеля. Отступающими въ паникѣ австрійцами бросается много повозокъ и имущества. Плѣнные продолжаютъ прибывать. Получены донесенія о взятіи съ боемъ селенія Обертынь и окрестныхъ деревень сѣвернѣе и южнѣе его. У селенія Пистынь (сѣверо-западнѣе гор. Кутты) идетъ бой. Въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ раненъ доблестный генералъ графъ Келлеръ. У селенія Соловинъ, между р. р. Стоходомъ и Стырью (западнѣе Сокуля), нѣмцы пытались наступать, выпустивъ предварительно облако газа, которое, не дойдя до насъ, было снесено вѣтромъ частью на самихъ же нѣмцевъ. Германская атака была отбита. Артиллерійскій огонь продолжается. 16-го іюня утромъ непріятельскіе летчики сбросили въ Луцкъ до 30 бомбъ. У колоніи Ковбань на сѣверо-западъ отъ сліянія р. Липы со Стырью наша часть подъ командой подполковника Грембецкаго незамѣтно подошла къ колоніи и деревнѣ того же названія. Переколовъ гарнизонъ колоніи, она ворвалась въ самую деревню. Непріятель въ паникѣ бѣжалъ. Взяты плѣнные. На фронтѣ р. Двины непріятельская артиллерія обстрѣливала участокъ нашихъ позицій юго-восточнѣе Риги и икскюльское предмостное укрѣпленіе. Сѣвернѣе Иллукста нѣмцы произвели попытку наступать, но были отогнаны обратно огнемъ нашей батареи. Вечеромъ 15-го іюня нѣмецкая тяжелая и легкая

Библиотека "Руниверс"

артиллерія открыла сильный огонь по нашимъ окопамъ на участкѣ рѣки Нѣмана, къ сѣверо-востоку отъ Новогрудка. Подъ прикрытіемъ этого огня противникъ переправился черезъ Нѣманъ и овладѣлъ рощей восточнѣе дер. Гнесичи.

Городъ Коломыя (Коломеа), важнѣйшій узелъ желѣзныхъ дорогъ Буковины, занятъ войсками нашего лѣваго крыла. Противникъ отходитъ далѣе на западъ, задерживаясь на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ. Къ сѣверо-западу отъ Кимполунга непріятель пытается переходить въ наступленіе болѣе значительными силами. Войска генерала Лечицкаго совершаютъ свое наступленіе въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ, такъ какъ сильные ливни испортили и безъ того плохія дороги въ районѣ дѣйствій этихъ доблестныхъ войскъ. Къ сѣверо-западу отъ сліянія р. Липы со Стырью (на серединѣ линіи Луцкъ—Броды) непріятель при поддержкѣ огня тяжелой и легкой артиллеріи повелъ наступленіе на наше расположеніе у д. д. Гаенки и Наталинъ. Выдержкой войскъ непріятель былъ подпущенъ къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ и разстрѣлянъ въ упоръ. Въ районѣ р. Липы непріятель, будучи разъ отбитъ, готовится къ новой атакѣ.

По послѣднимъ донесеніямъ общее количество плѣнныхъ за время отъ 22 мая до 15 іюня включительно достигло 212.000 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и офицеровъ). Притокъ плѣнныхъ продолжается.

На Кавказскомъ фронтѣ въ гюмишханскомъ направленіи турки на разсвѣтѣ 15-го іюня перешли большими силами въ наступленіе противъ нашей передовой части и, прорвавъ ея расположеніе, вышли въ тылъ. Завязался горячій бой. Наши войска быстро возстановили свое положеніе, и турки, понесл большія потери, были отбиты. Преслѣдуя врага, наши войска продвинулись впередъ, гдѣ и закрѣпились.

17-го іюня на лѣвомъ берегу Мааса продолжалась артиллерійская перестрѣлка въ районѣ высоты 304; пѣхотныхъ боевъ здѣсь не было. На правомъ берегу въ теченіе всего дня происходила крайне напряженная борьба въ районѣ Тіомона. Около 10 часовъ утра французскія войска блестящей атакой захватили тіомонское укрѣпленіе, несмотря на необычайно ожесточенный артиллерійскій огонь, открытый непріятелемъ. Днемъ германцы повторными натисками пытались выбить французовъ изъ него, неся при этомъ значительныя потери. Къ 3 часамъ дня противнику удалось проникнуть въ укрѣпленіе, но стремительной контръ-атакой французы къ 4 ч. 30 мин. дня вновь завладѣли всѣмъ Тіомономъ. Особеннаго напряженія артиллерійскій бой достигъ въ лѣсахъ Фюменъ и Шенуа.

На остальномъ протяженіи англо-франко-бельгійскаго расположенія велся непрерывный и неустанный артиллерійскій обстрѣлъ германскихъ траншей. Артиллерія союзниковъ, по словамъ газеты «Temps», «располагаетъ такими запасами снарядовъ, которые даютъ ей возможность продолжать огонь до тѣхъ поръ, пока непріятельскія оборонительныя сооруженія не будутъ совершенно уничтожены и пока двинутая въ атаку для довершенія дѣла артиллеріи пѣхота не будетъ нести лишь слабыя потери. Атака пѣхоты будетъ поддержана всѣми химическими пріемами борьбы, которые противникъ примѣнилъ первымъ. Ны-

Библиотека "Руниверс"

нѣшняя борьба не знаетъ пощады; Германія хотѣла войны, она отъ нея же и пострадаетъ».

Итальянское наступленіе продолжало успѣшно развиваться.

Итальянцы въ Валь-Арсо заняли линію Валь-Морбія и южные склоны горы Спиль; вдоль линіи Позина итальянцы захватили Гризо и южный склонъ горы Маджіо. Итальянцами занята вершина Целенкофеля, причемъ взято 156 плѣнныхъ; на Карсо при отраженіи контръ-атаки захвачено болѣе 400 плѣнныхъ и въ Зельцѣ захвачено 650 плѣнныхъ.

18-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ:

Наше лѣвое крыло, продолжая тѣснить непріятеля на фронтѣ къ югу отъ рѣки Днѣстра, заняло многіе пункты къ сѣверу отъ города Коломыи. Юго-западнѣе этого города наши войска, послѣ горячаго боя, отбросили непріятеля къ высотамъ села Брезова. Часть этихъ высотъ уже взята нами молодецкимъ штурмомъ. Сѣверо-западнѣе Кимполунга противникъ, пытавшійся переходить въ наступленіе, былъ отброшенъ на западъ. Въ этомъ районѣ наши войска также тѣснятъ непріятеля и съ боемъ взяли нѣсколько сильныхъ горныхъ позицій. Число взятыхъ войсками генерала Лечицкаго плѣнныхъ за 15-ое и 16-ое іюня составляетъ 305 офицеровъ и 14.574 нижнихъ чина, при четырехъ орудіяхъ и 30 пулеметахъ. Общее количество плѣнныхъ за время съ 22-го мая по 17-ое іюня включительно достигло 217.000 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и офицеровъ).

Въ районѣ между рѣками Стоходомъ и Стырью непріятель поддерживалъ сильный артиллерійскій огонь. Въ районѣ деревни Затурцы завязался упорный бой. Несмотря на чрезвычайно сильный огонь непріятельской артиллеріи, уже девять послѣдовательныхъ атакъ противника были нами отбиты съ большимъ для непріятеля урономъ. На одномъ изъ участковъ отхлынувшіе германцы были встрѣчены огнемъ своей же артиллеріи и снова двинуты въ атаку. Все поле боя завалено трупами противника.

Въ районѣ рѣки Липы противникъ продолжалъ обстрѣлъ нашего расположенія огнемъ тяжелой и легкой артиллеріи. Произведенныя вновь появившимися здѣсь германскими частями ожесточенныя атаки были нами отбиты тяжелыми для нѣмцевъ потерями; пока взято въ плѣнъ 9 офицеровъ и 419 нижнихъ чиновъ.

Непріятельская артиллерія развивала сильный огонь также въ районѣ деревень Глядки—Воробьевка (въ Галиціи).

На фронтѣ рѣки Двины нѣмецкая артиллерія открывала огонь по нѣкоторымъ участкамъ якобштадтскихъ позицій и по правому берегу Двины, въ районѣ станціи Ливенгофъ и южнѣе. На фронтѣ отъ района города Двинска до района Полѣсья происходила перестрѣлка.

Непріятель продолжалъ вести упорныя атаки на нѣкоторыхъ участкахъ между р. р. Стырью и Стоходомъ и къ югу отъ Стохода. 17-го іюня послѣ полудня непріятельская артиллерія открыла ураганный огонь по району Копче, Голеновка, Забары (юго-западнѣе Сокуля), послѣ чего послѣдовала энергичная атака, отбитая нами.

Накопленіе непріятеля сѣверо-восточнѣе Киселина, у д. Трыстень, было своевременно обнаружено нами. Огнемъ нашихъ батарей непріятель былъ

Библиотека "Руниверс"

разсѣянъ и обращенъ въ бѣгство. Юго-восточнѣе Киселина наступленіе густыхъ цѣпей непріятеля на д. Семеринки было остановлено нашимъ огнемъ. Въ этомъ же районѣ, въ окрестностяхъ д. Зубильно, идетъ горячій бой. Къ югу отъ д. Затурцы, у д. Кошевъ наступленіе австрійцевъ было остановлено нашимъ встрѣчнымъ ударомъ. Попытка непріятеля переправиться черезъ р. Шару, юго-западнѣе м. Липскъ (къ югу отъ Барановичей), была нами отражена.

На Балтійскомъ морѣ 17-го іюня отрядъ изъ нѣсколькихъ нашихъ крейсеровъ въ миноносцами, находясь въ поискѣ непріятельскихъ силъ между островомъ Готландъ и шведскимъ берегомъ, никакихъ крупныхъ боевыхъ судовъ не обнаружилъ. На разсвѣтѣ наши крейсера были атакованы флотиліей непріятельскихъ миноносцевъ. Атака миноносцевъ была легко отражена артиллерійскимъ огнемъ, причемъ непріятель понесъ чувствительныя потери. Одинаково безрезультатны были и атаки непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Отрядъ, благополучно вернувшійся въ свои базы, не имѣетъ потерь и поврежденій.

На Черномъ морѣ за 16-ое іюня нашими миноносцами было уничтожено у береговъ Анатоліи 54 парусныхъ судна.

На Кавказскомъ фронтѣ, на гюмишханскомъ направленіи турки продолжали вести наступленіе, которое сдерживается нашимъ огнемъ. На багдадскомъ направленіи, въ районѣ Керинда, наша артиллерія нанесла наступавшимъ колоннамъ противника громадный уронъ.

Французское правительство сообщило, что 18-го іюня «къ сѣверу и къ югу отъ Соммы послѣ артиллерійской подготовки и развѣдки, произведенной въ предшествовавшіе дни, французскія и британскія войска утромъ предприняли наступленіе на протяженіи около 40 километровъ по фронту. Атака продолжалась все утро и въ теченіе дня, закончившись занятіемъ союзниками германскихъ передовыхъ позицій. Къ сѣверу отъ Соммы французскія войска утвердились на подступахъ къ деревнѣ Гардекуръ и у оконечности деревни Кюрлю, гдѣ сраженіе продолжается. Къ югу отъ Соммы деревни Домпьеръ, Бетенкуръ, Бюссю и Фэ оказались въ нашихъ рукахъ. Число германскихъ плѣнныхъ нераненыхъ, захваченныхъ однѣми лишь французскими войсками въ теченіе этого дня, превышаетъ 3.500 человѣкъ.

«На лѣвомъ берегу Мааса происходитъ ожесточенная бомбардировка въ районѣ в ысоты 304 и Мортомма. На правомъ берегу Мааса около 10 час. утра наша пѣхота пошла приступомъ на тіомонскія укрѣпленія и вновь овладѣла ими.

«День 18-го іюня былъ отмѣченъ усиленной бомбардировкой, какъ въ этомъ районѣ, такъ и на участкахъ Фюмэнъ и Шенуа.

«Къ сѣверу отъ Соммы всю ночь съ 18-го на 19-ое іюня продолжался яростный бой. Германцы предприняли ожесточенныя контръ-атаки на новыя французскія позиціи. Заградительнымъ ружейнымъ огнемъ имъ нанесены значительныя потери, вынудившія непріятеля отступить въ безпорядкѣ, оставивъ въ рукахъ французовъ 200 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 6 офицеровъ. Французы, продолжая операціи на правомъ берегу рѣки, захватили послѣ горячаго боя все селеніе Кюрлю. Къ югу отъ Соммы французы сохраняютъ за собою всѣ захваченныя ими 18-го іюня позиціи и въ теченіе ночи съ 18-го на

Библиотека "Руниверс"

19-ое іюня продвинулись впередъ между Эрбекуромъ и Асервилье. Согласно новымъ даннымъ, общее число взятыхъ 18-го іюня въ плѣнъ нераненыхъ германцевъ превосходитъ 5.000 человѣкъ.

«Между рѣками Уазой и Эномъ французы захватили германскій патруль, который пытался придвинуться къ ихъ линіямъ близъ Байль.

«Въ Шампани французы предприняли многочисленныя развѣдки и проникли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ траншеи противника, которыя очистили съ помощью ручныхъ гранатъ, и захватили 15 плѣнныхъ. На лѣвомъ берегу Мааса вечеромъ 18-го іюня германцы, предпринявъ атаку въ сѣверо-востоку отъ Авокурскаго лѣса, проникли въ передовыя линіи французовъ, но затѣмъ начисто были выбиты оттуда контръ-атакой.

«На восточномъ склонѣ Мортомма французы произвели удачную атаку, во время которой въ германскихъ траншеяхъ было убито около 50 германцевъ и взято въ плѣнъ около 20; кромѣ того, французы захватили здѣсь нѣсколько пулеметовъ. На правомъ берегу нѣсколько попытокъ германцевъ повести атаки на полевое укрѣпленіе Тіомона, въ которомъ укрѣпились французы, были легко отражены. Въ томъ же районѣ сильный германскій отрядъ, напавшій на первую линію французскихъ окоповъ, былъ разсѣянъ, причемъ непріятель понесъ значительныя потери, а 16 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 офицера, были захвачены въ плѣнъ.

«Къ западу и югу отъ Во происходитъ дѣятельная артиллерійская перестрѣлка».

18-го іюня англійское офиціальное сообщеніе гласило:

«Приблизительно въ 7 ч. 30 м. утра британская армія предприняла къ сѣверу отъ Соммы мощное наступленіе на фронтѣ протяженіемъ болѣе, чѣмъ въ 20 миль. Наступленію предшествовала ожесточенная бомбардировка, продолжавшаяся около полутора часа. Сраженіе продолжаетъ развиваться. Британскія войска заняли германскія передовыя позиціи и захватили большое число плѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ британскія войска, значительно продвинувшись въ предѣлы непріятельской территоріи по ту сторону передовой линіи, заняли два важныхъ тактическихъ пункта: Серръ—къ юго-востоку отъ Эбютерна и Монтобонъ—къ сѣверо-востоку отъ Брей. Британскія войска сражаются въ селеніяхъ Мамецъ и Контальмезонъ, часть которыхъ находится въ ихъ рукахъ. Британцы удерживаютъ за собою мѣстность къ сѣверу отъ Фрикура, самое же селеніе еще находится въ рукахъ германцевъ. Британцы атакуютъ Бомонтамель и захватили Лабуасель. Войска сражаются доблестно. Захвачено много плѣнныхъ. Французы наступаютъ на нашемъ правомъ флангѣ съ большимъ упорствомъ и доблестью, быстро занявъ послѣ атаки территорію на два километра по ту сторону непріятельской передовой линіи и захвативъ Кюрлю и Фавьерскій лѣсъ».

19-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ:

Войска генерала Лечицкаго послѣ упорнаго боя штурмомъ взяли позицію противника въ районѣ западнѣе Коломыи. Захвачено пока 2.000 плѣнныхъ вновь подвезенныхъ въ этотъ районъ частей. Большая часть плѣнныхъ оказались пьяными.

Библиотека "Руниверс"

Генералъ Л. В. Лешъ.

На волынскомъ театрѣ непріятель продолжаетъ яростныя атаки. Наступленіе германцевъ между Стырью и Стоходомъ, въ районѣ д. д. Койче—Забары, было нами отброшено. Рядъ новыхъ атакъ непріятеля въ районѣ юго-западнѣе Киселина (Зубильно—Кошевъ) былъ нами отбитъ. Цѣпи и колонны

Библиотека "Руниверс"

непріятеля съ огромнымъ для него урономъ обращались въ бѣгство; бѣжавшіе перебивались массами, но, усиливаемые резервами, вновь шли въ атаку и вновь отбивались. На фронтѣ рѣки Двины и къ югу отъ двинскаго района до Полѣсья велась перестрѣлка.

Къ югу отъ Стохода бои продолжаются на широкомъ фронтѣ. Непріятель пользуется всякимъ случаемъ, чтобы переходить въ атаки, производимыя съ большимъ напряженіемъ. Особеннымъ ожесточеніемъ отличались бои въ районѣ Трыстень—Кіяжъ (сѣв.-восточнѣе Киселина), въ районѣ южнѣе д. Зубильна и у д. Воля-Садовская, юго-восточнѣе Киселина. Во всѣхъ этихъ случаяхъ непріятель былъ отброшенъ. Атаковавшіе въ районѣ д. Зубильна нѣмцы были обращены въ бѣгство. Взяты плѣнные. Къ сѣверу отъ Полѣсья перестрѣлка мѣстами значительно оживилась. На ст. Молодечно непріятельскій самолетъ сбросилъ нѣсколько бомбъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Платаны наши части удачной атакой захватили хребетъ, укрѣпленный турками; противникъ, оставивъ много труповъ на своей позиціи, отброшенъ за рѣку Самсунъ-Дараси.

На гюмишханскомъ направленіи турки пытались продвинуться къ сѣверу, но нашимъ огнемъ были загнаны обратно въ окопы. На байбуртскомъ направленіи наши передовыя части ночью зашли въ тылъ туркамъ на высотѣ въ районѣ Вартаниса и въ отвѣтъ на открытый огонь пошли съ разстоянія ста шаговъ въ штыки. Сбросивъ турокъ, находившихся на вершинѣ, въ пропасть, наша часть благополучно вернулась въ свои окопы. Надъ Эрзерумомъ леталъ турецкій аэропланъ. На багдадскомъ направленіи, въ районѣ Керинда, напоръ большихъ силъ противника продолжается.

Въ районѣ къ востоку отъ гор. Байбурта наши части неожиданной атакой захватили рядъ укрѣпленныхъ противникомъ высотъ и взяли 2 орудія, пулеметъ и бомбометъ. Вслѣдствіе особенно упорнаго сопротивленія много турокъ было переколото. Потери противника большія.

На Черномъ морѣ наша подводная лодка уничтожена вблизи Босфора большое парусное судно. Команда отпущена на шлюпкахъ на берегъ.

19-го іюня къ сѣверу отъ рѣки Соммы сраженіе продолжалось въ теченіе всего дня въ районѣ Ардекуръ и Кюрлю, причемъ французы имѣли перевѣсъ. Къ востоку отъ послѣдняго селенія они заняли сильно укрѣпленную непріятелемъ каменоломню. Къ югу отъ Соммы французы заняли многіе пункты второй линіи германскихъ позицій между этой рѣкой и Ассервилльеромъ; здѣсь мы захватили селеніе Фризъ, а также лѣсъ Арекуръ, расположенный нѣсколько болѣе къ востоку. Общее число нераненыхъ плѣнныхъ, взятыхъ французскими войсками за 18-ое и 19-ое іюня, превышаетъ въ настоящій моментъ 6.000 нижнихъ чиновъ и не менѣе 150 офицеровъ; кромѣ того, взяты орудія и много военнаго матеріала. Благодаря безукоризненной и весьма успѣшной артиллерійской подготовкѣ, а также неудержимой отвагѣ нашей пѣхоты, потери французовъ минимальны. На сѣверномъ фронтѣ Вердена никакихъ пѣхотныхъ боевъ не было; въ районѣ высоты 304 и на участкахъ Флери и Дамлу продолжалась сильная артиллерійская перестрѣлка.

Библиотека "Руниверс"

Британскія войска отразили ночныя контръ-атаки германцевъ противъ Монтобана, причемъ англичанами было взято болѣе 2.000 плѣнныхъ.

20-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Напряженные бои между Стырью и Стоходомъ и южнѣе Стохода продолжаются. На фронтѣ Копче—Геленовка—Забары послѣ ураганнаго огня нѣмцы вышли изъ окоповъ, но нашимъ огнемъ были загнаны обратно. При сильнѣйшемъ огнѣ противникъ велъ также наступленіе южнѣе д. Линевки, но былъ нами остановленъ. При этомъ ранены и контужены доблестные полковники Панпушко и Дашкевичъ-Горбацкій. Взято въ плѣнъ 16 офицеровъ и болѣе 800 нижнихъ чиновъ и при 9 пулеметахъ.

Въ районѣ Зубильно—Затурцы австрійцы, наступавшіе большими массами, отброшены съ большими потерями. Взято въ плѣнъ свыше 700 человѣкъ и 3 пулемета. Восточнѣе д. Угриновъ (на серединѣ линіи Луцкъ—Гороховъ) свѣжія силы противника остановили было наше наступленіе и начали насъ тѣснить. Въ этомъ періодѣ боя наступавшій непріятель былъ атакованъ во флангъ нашей конницей подъ командой полковника Корченева. Стремительнымъ ударомъ непріятель былъ опрокинутъ и большею частью изрубленъ. Лихая поддержка кавалеріи помогла нашей пѣхотѣ вновь перейти въ наступленіе. Здѣсь взято до 800 плѣнныхъ.

Въ районѣ д. Исаковъ, на правомъ берегу Днѣстра, юго-восточнѣе Нижніова, непріятель въ превосходныхъ силахъ перешелъ въ наступленіе. Но мы сами перешли во встрѣчное наступленіе. Въ этомъ упорномъ бою раненъ доблестный командиръ казачьяго полка полковникъ Поповъ. По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ, въ бою около Печенижына (западнѣе Коломыи) войсками генерала Лечицкаго взято 7 орудій и четыре зарядныхъ ящика.

На правомъ флангѣ рижскаго района наша артиллерія (сухопутная и съ судовъ) открывала огонь по непріятельскому расположенію. Нѣмецкій аэропланъ безрезультатно сбросилъ 20 бомбъ надъ нашими судами и, будучи атакованъ нашими гидропланами, скрылся.

На фронтѣ генерала Эверта нѣмцы въ ночь съ 18-го на 19-ое іюня произвели газовую атаку на участкѣ къ югу отъ Сморгони и овладѣли частью нашихъ окоповъ, но были выбиты.

Въ районѣ къ юго-западу отъ озера Нарочь въ ночь на 20-ое іюня нѣмцы открыли сильный артиллерійскій огонь, который продолжался всю ночь. У сѣвернаго берега оз. Вишневское нѣмцы ночью пытались продвинуться къ нашимъ окопамъ, но были отогнаны нашимъ огнемъ. Въ районѣ Сморгони и на участкѣ къ сѣверу отъ м. Крево нами захвачены плѣнные и пулеметы. Въ районѣ сѣверо-восточнѣе Барановичей послѣ усиленной артиллерійской стрѣльбы завязался бой. Нами взято въ плѣнъ 50 офицеровъ и болѣе 1.400 нижнихъ чиновъ, а также 4 орудія. Бой продолжается. Въ районѣ Нижней Липы (на серединѣ линіи Дубно—Сокаль), сломивъ сопротивленіе непріятеля, наши войска вновь потѣснили его на западъ. За ночь съ 19-го на 20-ое іюня захвачено въ плѣнъ 11 офицеровъ и 992 нижнихъ чина при 5 пулеметахъ.

На Кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Платаны на разсвѣтѣ 18-го іюня турки атаковали занятый нами наканунѣ участокъ ихъ позицій на правомъ

Библиотека "Руниверс"

берегу р. Самсунъ-Дараси, но нашимъ огнемъ и контръ-атакою были отбиты, оставивъ на мѣстѣ боя много труповъ. Попытка турокъ атаковать наши войска въ дживизликскомъ районѣ была отбита нашимъ дружнымъ огнемъ. На гюмишханскомъ направленіи турки въ теченіе дня и ночи производили на наши позиціи рядъ атакъ, которыя неизмѣнно нами отражались. Въ районѣ верхняго теченія р. Чороха наши войска овладѣли на широкомъ фронтѣ линіями турецкихъ укрѣпленныхъ позицій, захвативъ при этомъ у противника орудія, пулеметы, бомбометы и взявъ въ плѣнъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (аскеровъ). Всѣ контръ-атаки турокъ на этомъ направленіи отражены съ большими потерями для врага.

Къ югу отъ Соммы французы захватили лѣсъ Шапитръ и селеніе Фельеръ и Бюкуръ, а также Флокуръ. Французами захвачено 7 батарей, много пулеметовъ и траншейныхъ орудій. Число плѣнныхъ превышаетъ 8.000. Британскими войсками во Франціи захвачено около 4.000 плѣнныхъ, взяты траншеи Лабиринта и сильно укрѣпленныя селенія Монтобанъ и Мамецъ. Ожесточенный бой сосредоточивается въ районахъ около Лабуаселя и Фрикура, взятаго британскими войсками.

Итальянцы успѣшно продолжаютъ наступать между Адидже и Брентой, захвативъ гору Мафссо, южную часть горы Селуги. Въ долины Позины итальянцы заняли вершину къ сѣверо-западу отъ Монте-Пруке, Молино въ долинѣ Зары и Скатолари въ долинѣ Ріо-Фреддо. Итальянцы развили операціи противъ Корно-дель-Костонъ, Монте-Селуджіо и Монте-Чимоне, причемъ непріятель оказалъ сопротивленіе на этихъ своихъ опорныхъ пунктахъ.

21-го іюня штаба Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На фронтѣ между Стырью и Стоходомъ и далѣе отъ Стохода на югъ бои продолжаются съ большимъ ожесточеніемъ. Непріятельскія контръ-атаки успѣха не имѣли. Въ районѣ Нижней Липы наши войска тѣснятъ непріятеля, держащагося съ большимъ упорствомъ. Попытка противника переправиться черезъ р. Стырь въ районѣ дер. Липы была нами отражена. За ночь здѣсь взято въ плѣнъ 11 офицеровъ и около 1.000 нижнихъ чиновъ и захвачено пять пулеметовъ. На правомъ берегу Днѣстра противникъ трижды переходилъ въ наступленіе отъ дер. Исаковъ, но былъ отбитъ нашимъ огнемъ. На коломейскомъ направленіи наши части выбили противника съ нѣсколькихъ позицій и, преслѣдуя его, заняли село Потокъ Чарн. Здѣсь захвачено 4 орудія и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ продолжающемся бою южнѣе Цырина (сѣверо-восточнѣе) Барановичей) нами были прорваны двѣ линіи непріятельскихъ укрѣпленій. Количество плѣнныхъ и трофеевъ, взятыхъ въ этомъ районѣ въ теченіе вчерашняго дня, возросло до 72 офицеровъ и 2.700 нижнихъ чиновъ, 11 орудій, нѣсколько пулеметовъ и бомбометовъ. Во время штурма пали смертью героевъ доблестные полковники Говоровъ, Михайловъ, Сыртлановъ и умеръ послѣ раненія полковникъ Аджіевъ. На фронтѣ далѣе къ сѣверу оживленная артиллерійская перестрѣлка, мѣстами принимающая напряженный характеръ. Въ районѣ д. Балтагузы (къ востоку отъ оз. Вишневское) нѣмцы пытались выйти изъ своихъ окоповъ, но огнемъ нашей артиллеріи эти попытки были прекращены. Нашей воздушной эскадрой произведенъ налетъ на ст. Барановичи.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолжающемся бою сѣверо-восточнѣе Барановичей противникъ оказываетъ упорное сопротивленіе, силясь сдержать натискъ нашихъ войскъ. Деревня Екимовичи, восточнѣе ст. Барановичи, нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки и въ результатѣ осталась за нами. Артиллерійскій огонь на многихъ участкахъ ведется съ возрастающей силой. Въ этихъ бояхъ у насъ ранены доблестные генералъ-майоръ Карповъ и полковникъПерцевъ. Сѣверо-западнѣе

Командиръ одного изъ нашихъ корпусовъ генералъ-отъ-инфантеріи П. С. Валуевъ, награжденный за боевыя отличія чиномъ полнаго генерала, орденомъ св. Георгія 4 ст., Георгіевскимъ оружіемъ, орденомъ св. Владимира 2 степ. съ мечами и орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами.

ст. Чарторійскъ, въ районѣ д. Вулька-Галузійская, нами съ боемъ взятъ сильно укрѣпленный участокъ непріятельской позиціи и взяты плѣнные. Къ западу отъ Колки наши войска овладѣли первой линіей окоповъ въ районѣ д. Туманъ. Къ югу отъ р. Стохода артиллерійскій огонь и бои пѣхоты на всемъ фронтѣ до района р. Липы. На галиційскомъ фронтѣ во многихъ мѣстахъ огневой бой, а на крайнемъ лѣвомъ крылѣ бои съ сильными аррьергардами непріятеля на предгорьяхъ Карпатъ.

Библиотека "Руниверс"

Наше наступленіе на байбуртскомъ направленіи кавказскаго фронта продолжаетъ развиваться. Нами захвачено два горныхъ орудія, 11 зарядныхъ ящиковъ со снарядами, два пулемета и три бомбомета. Въ Персіи наши войска ведутъ бой въ районѣ Керманшаха.

Французскія войска къ югу отъ Соммы овладѣли лѣсомъ между Ассевилье и Барле и селеніемъ Белуаванъ-Сантеръ и овладѣли Эстрэ, захвативъ 500 плѣнныхъ. Британскимъ войскамъ около Фрикура сдался въ полномъ составѣ батальонъ 186-го прусскаго пѣхотнаго полка. Аэропланы союзниковъ бомбардировали Смирну.

Итальянскія войска заняли Цанолли въ Валль-Арса и продолжаютъ продвигаться вдоль линіи Позины. Аэропланъ союзниковъ появился надъ Софіей сбросивъ нѣсколько бомбъ.

Въ Восточной Африкѣ генералъ Ванъ-Девентеръ сбилъ противника со всѣхъ позицій вокругъ Кандоа-Иранги и преслѣдуетъ его. Британскія войска заняли Букобу и укрѣпились въ округѣ Карагве.

22-го іюня сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласили:

Къ западу отъ Нижней Стыри и на фронтѣ между Стырью и Стоходомъ и далѣе на югъ до района Нижней Липы повсемѣстные упорные бои. Въ районѣ Вулька-Галузійская нами прорваны три полосы проволочныхъ загражденій, усиленныхъ фугасами. Въ крайне ожесточенномъ бою на р. Стыри, западнѣе Колки, непріятель былъ опрокинутъ. Нами здѣсь взято свыше 5.000 плѣнныхъ при 170 офицерахъ, захвачено 3 орудія, болѣе 17 пулеметовъ, 2 прожектора, нѣсколько тысячъ винтовокъ. Въ этихъ бояхъ наши саперы и понтонеры оказываютъ войскамъ особую помощь, продвигаясь вмѣстѣ съ частями, ведущими бой, и производя работы въ сферѣ ближняго ружейнаго огня. Въ районѣ сѣвернѣе Затурцы и у Воли-Садовской наши войска овладѣли первой линіей окоповъ непріятеля. Атака противника на Шклинѣ остановлена огнемъ нашей артиллеріи. Въ районѣ Нижней Липы непріятель атакуетъ съ особой настойчивостью, но безрезультатно. Переправившись черезъ Стырь выше устья р. Липы (у дер. Перемель), непріятель былъ нами атакованъ и прижатъ къ рѣкѣ. Здѣсь захвачено въ плѣнъ 7 офицеровъ и 257 нижнихъ чиновъ при двухъ пулеметахъ.

На галиційскомъ фронтѣ и въ предгорьяхъ Карпатъ артиллерійскіе бои. Лѣвое крыло продолжаетъ тѣснить непріятеля. На пути Коломыя—Делатынь нами съ боя взята дер. Садзавка. Въ ожесточенной штыковой схваткѣ нами взято въ плѣнъ 9 офицеровъ и около 300 нижнихъ чиновъ при двухъ пулеметахъ.

Въ Рижскомъ заливѣ непріятельскій самолетъ, бросавшій бомбы надъ нашими судами, былъ сбитъ нашими летчиками. Непріятельскіе летчикъ и механикъ взяты въ плѣнъ. Въ результатѣ вторичнаго боя между нашими и нѣмецкими самолетами былъ сбитъ второй германскій самолетъ, упавшій на берегу. У насъ сбитъ одинъ аппаратъ, причемъ смертью храбрыхъ пали летчикъ подпоручикъ Извѣковъ и механикъ Назаровъ.

На фронтѣ рижскаго и двинскаго районовъ происходила болѣе оживленная стрѣльба артиллеріи.

Библиотека "Руниверс"

Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ мѣстечка Годуцишки наши части вытѣснили противника изъ опушки лѣса. Въ районѣ дер. Чернешки (къ сѣверу отъ Сморгони) наши части овладѣли участкомъ непріятельской позиціи. Надъ ст. Молодечно летало семь непріятельскихъ самолетовъ, бросавшихъ бомбы. Въ районѣ восточнѣе р. Березины нами подбитъ нѣмецкій самолетъ, который загорѣлся въ воздухѣ и снизился юго-западнѣе гор. Воложина. Летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ. Въ районѣ къ сѣверу и юго востоку-отъ Барановичей бой продолжается, причемъ во многихъ мѣстахъ мы овладѣли участками первой линіи непріятельскихъ укрѣпленій. Нашъ воздушный корабль совершилъ налетъ на ст. Скобелевскій лагерь юго-западнѣе Барановичей. Въ районѣ Вульки-Галузійской густыя цѣпи непріятеля переходили въ контръ-атаки, но были отбиты. При контръ-атакѣ противника на д. Костюхновку одинъ изъ нашихъ полковъ, подпустивъ непріятеля на 100 шаговъ, встрѣтилъ его рѣшительной атакой. Передовыя части непріятеля были уничтожены. Въ плѣнъ взято 2 офицера и 257 нижнихъ чиновъ.

По только что полученному донесенію, противникъ въ районѣ праваго берега Днѣстра сбитъ и обращенъ въ бѣгство, причемъ участокъ укрѣпленной непріятельской позиціи западнѣе линіи Исаковъ—Живачевъ въ нашихъ рукахъ. Взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На серединѣ участка желѣзной дороги Делатынь — Коросмезо нами захвачено сел. Микуличинъ. На нѣкоторыхъ участкахъ лѣваго фланга рижскаго фронта наши войска ворвались въ первую линію непріятельскихъ окоповъ. Захвачены плѣнные, пулеметы. Нѣмцы производили контръ-атаки, но при содѣйствіи огня нашей артиллеріи были отбиты.

Въ районѣ сѣверо и юго-восточнѣе и восточнѣе Барановичей бои продолжаются.

Поступили новыя свѣдѣнія о взятіи одною изъ нашихъ дивизій въ плѣнъ около 1.000 нижнихъ чиновъ при 27 офицерахъ. 21-го іюня надъ Минскомъ летали непріятельскіе самолеты. Ими сброшена 31 бомба, причемъ ранены 3 мужчинъ, 7 женщинъ и 2 дѣтей.

На Черномъ морѣ 21-го іюня, въ 4 ч. дня, непріятельскій корабль «Гебенъ» обстрѣлялъ городъ и портъ Туапсе, утопивъ пассажирскій пароходъ «Князь Оболенскій». Въ это же время «Бреслау» обстрѣлялъ Сочи. Около шести часовъ дня непріятельскіе корабли скрылись, уходя на югъ.

На Кавказскомъ фронтѣ, въ районѣ къ востоку отъ Байбурта наши части, преодолѣвая упорное сопротивленіе противника, продвинулись впередъ и закрѣпили за собой захваченное пространство. Всѣ контръ-атаки турокъ отражены: Наши части, наступающія въ районѣ Верхняго Чороха, захватили плѣнныхъ и взяли много винтовокъ, патроновъ, ручныхъ бомбъ и палатокъ.

Французскія войска захватили южные склоны холма къ сѣверу отъ Кюрлю и взяли вторую линію германскихъ позицій отъ дороги изъ Клери въ Мерикуръ до рѣки. Французы отразили контръ-атаку нѣмцевъ на Беллуа. Въ общемъ взято 76 орудій и нѣсколько сотъ пулеметовъ. Британскія войска всецѣло овладѣли селеніемъ Лабуасель и прочно укрѣпились въ немъ. Германцы ожесточенно обстрѣливаютъ верденскій соборъ.

Библиотека "Руниверс"

Сраженіе у Монфальконе окончилось занятіемъ итальянцами нѣсколькихъ непріятельскихъ траншей. На плоскогорьѣ Азіаго итальянскіе отряды заняли сѣверный край долины Асса.

Въ Германіи призываются 17-лѣтніе; болгары призываютъ всѣхъ болгаръ, проживающихъ въ Германіи.

23-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На фронтѣ къ югу отъ Полѣсья наши войска за вчерашній день вновь имѣли крупные успѣхи. Въ районѣ Костюхновки захвачена цѣликомъ непріятельская батарея и много плѣнныхъ. Кромѣ того, здѣсь же взяты 22 офицера и 350 нижнихъ чиновъ. Сѣверо-западнѣе Разничи (на Стыри, сѣвернѣе Колки) нами вчера захвачено два орудія, три пулемета и болѣе 2.300 плѣнныхъ. Сѣверо-восточнѣе Грузятина мы также овладѣли окопами непріятеля и захватили свыше 300 плѣнныхъ при пулеметѣ. Между Стырью и Стоходомъ (къ западу отъ Сокуля) и далѣе на югъ непріятель развиваетъ огонь артиллеріи и предпринималъ нѣсколько безуспѣшныхъ контръ-атакъ.

Въ Галиціи послѣ сильной артиллерійской подготовки наши войска перешли въ энергичное наступленіе западнѣе Нижней Стрыпы и на правомъ берегу Днѣстра. Непріятель былъ опрокинутъ и отходитъ. Наши войска подходятъ къ р. р. Коропецъ и Суходолекъ (притоки Днѣстра). Здѣсь взято въ плѣнъ за вчерашній день до 5.000 человѣкъ при 11 пулеметахъ. У насъ убитъ доблестный капитанъ генеральнаго штаба Боголюбскій. При атакѣ д. Бертники (вост. Монастержиска) Германцы встрѣтили наши войска струями горючей жидкости, вслѣдствіе чего по овладѣніи деревней всѣ нѣмцы были переколоты. Въ плѣнъ взято болѣе 1.000 человѣкъ. Въ одномъ мѣстѣ наши храбрые крымскіе татары въ конной атакѣ обратили отступленіе противника въ бѣгство. Двадцать лихихъ молодцовъ казаковъ 22-го іюня переплыли Днѣстръ у д. Долина и захватили въ плѣнъ на правомъ берегу 5 офицеровъ, 108 нижнихъ чиновъ и 1 орудіе.

На фронтѣ рижскаго района нѣмцы переходили въ контръ-атаки противъ участковъ позицій, отнятыхъ нами у нихъ вчера. Наши войска, уведя плѣнныхъ и забравъ захваченное непріятельское оружіе, отошли на свои прежнія позиціи. Сильный артиллерійскій огонь продолжался.

На фронтѣ р. Двины и двинскихъ позицій и далѣе на югъ мѣстами оживленный огонь артиллеріи. У Бояръ (на Двинѣ, выше Фридрихштадта) нашею легкою артиллеріею разбита нѣмецкая легкая батарея, попытки нѣмцевъ увезти батарею не удались. Подъѣхавшая къ одному изъ подбитыхъ орудій запряжка была перебита. До темноты орудія оставались нѣмцами брошенными.

На барановичскомъ направленіи бои продолжаются и протекаютъ для насъ благопріятно. Противъ захваченныхъ нами участковъ непріятельскихъ позицій непріятель съ цѣлью вернуть таковые переходитъ въ неоднократныя контръ-атаки, нами съ успѣхомъ отбиваемыя. Всего съ 20-го по 22-ое іюня нами взято здѣсь въ плѣнъ 74 офицера, 4 врача и около 3.040 нижнихъ чиновъ.

Число взятыхъ нами за 21-ое и 22-ое іюня плѣнныхъ и трофеевъ въ продолжающихся бояхъ въ западу отъ линіи р. Стыри, ниже м. Колки, составляетъ свыше 300 офицеровъ, 7.415 нижнихъ чиновъ нераненыхъ и много раненыхъ;

Библиотека "Руниверс"

захвачено 6 орудій, 23 пулемета, нѣсколько тысячъ ружей, 2 прожектора, 11 бомбометовъ, 77 зарядныхъ ящиковъ.

Яростныя атаки нѣмцевъ у Грузятина были нами отбиты. На правомъ берегу Днѣстра, въ районѣ Живачова и Хоцимирза, идетъ упорный бой. На многихъ участкахъ фронта сѣвернѣе Полѣсья—оживленный огневой бой. Восточнѣе Барановичей непріятель произвелъ нѣсколько яростныхъ контръ-атакъ, но былъ отбитъ. По району д. Лабузы, юго-восточнѣе Барановичей, противникъ нѣсколько разъ открывалъ ураганный огонь тяжелыхъ и легкихъ орудій. Подъ прикрытіемъ этого огня непріятель произвелъ двѣ яростныя контръ-атаки. Встрѣчаемый каждый разъ артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ, противникъ отбрасывался нами назадъ.

На Кавказскомъ фронтѣ, въ районѣ Платаны наши части вновь продвинулись впередъ. Между Понтійскимъ Тавромъ и р. Чорохомъ нами отбиты контръ-атаки противника. Также отражены встрѣчные удары турокъ и къ югу отъ р. Чороха, гдѣ наши части захватили сомкнутое укрѣпленіе на массивѣ. При атакахъ турки примѣняли бомбы, развивающія при взрывѣ удушливые газы. При захватѣ участковъ позиціи противника въ байбуртскомъ районѣ въ наши руки попало много огнестрѣльнаго оружія, запасы патроновъ, гранаты и прочее. На діарбекирскомъ направленіи, въ долинѣ Восточнаго Евфрата (Мурадъ-Чая), наши части штыковымъ ударомъ встрѣтили наступавшихъ на разсвѣтѣ турокъ и отбросили ихъ далеко на западъ. Противникъ оставилъ на мѣстѣ боя болѣе сотни труповъ.

23-го іюня французы отбили всѣ германскія контръ-атаки къ сѣверу отъ Соммы, близъ селенія Эмъ и остановили контръ-атаки къ югу отъ Соммы. Британскія войска во Франціи продвинулись впередъ близъ Тіепваля.

24-го іюня сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: Бои къ западу отъ Нижней Стыри продолжаются съ большимъ для насъ успѣхомъ. Въ районѣ Галузія—Оптово—Волчецкъ наши войска овладѣли укрѣпленными позиціями австрійцевъ и германцевъ. Непріятель бѣжитъ, разстрѣливаемый нашей артиллеріей. Вновь захвачено много плѣнныхъ, въ томъ числѣ командиръ полка съ адъютантомъ. Кавалерія, преслѣдуя непріятеля, атаковала его въ конномъ строю въ районѣ Волчецка и захватила шестиорудійную круцповскую батарею, успѣвшую сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ. Позднѣе, послѣ ожесточеннаго боя, захвачены селенія Комарово и Градье. Только что получены свѣдѣнія о занятіи нашей лихой конницей желѣзнодорожной станціи Маневичи и о взятіи при преслѣдованіи непріятеля еще четырехорудійной батареи и трехъ тяжелыхъ орудій. На югъ отъ р. Стохода и въ районѣ Нижней Липы—огневой бой. Въ Галиціи, у Гилядки, непріятель послѣ взрыва горновъ пытался наступать, но былъ отбитъ.

По послѣднимъ даннымъ, число плѣнныхъ, захваченныхъ 21-го и 22-го іюня западнѣе Нижней Стрыпы, достигло 270 офицеровъ и 9.900 нижнихъ чиновъ. Пока зарегистровано захваченныхъ 29 пулеметовъ, 6 бомбометовъ, 3 минометa, болѣе 5.000 винтовокъ, баллоны съ горючей жидкостью. Сѣверо-западнѣе Кимполунга непріятель переходилъ въ энергичное наступленіе, которое нами отбито.

Библиотека "Руниверс"

На фронтѣ р. Двины происходила оживленная перестрѣлка. Къ югу отъ двинскаго района до района Полѣсья мѣстами сильный артиллерійскій огонь. Юго-западнѣе оз. Нарочъ, послѣ упорнаго штыкового боя съ нѣмцами, нами была занята часть ихъ передовыхъ окоповъ. Яростныя контръ-атаки нѣмцевъ продолжаются. На участкѣ фронта восточнѣе Барановичей противникъ произвелъ нѣсколько безрезультатныхъ атакъ.

Продолжая развивать достигнутый успѣхъ въ районѣ западнѣе чарторыйскаго участка р. Стыри, наши войска вслѣдъ за взятіемъ сел. Градье послѣ горячихъ штыковыхъ боевъ овладѣли деревнями Должина (на большой дорогѣ Колки—Маневичи) и Грузятинъ. Плѣнные австрійцы и германцы продолжаютъ прибывать. На фронтѣ къ югу отъ Стохода противникъ поддерживаетъ на многихъ участкахъ огонь большой силы. Къ сѣверу отъ Нижней Липы подъ прикрытіемъ ураганнаго огня артиллеріи противникъ пытался наступать въ районѣ Шклина и Дубовыя Кормчы, но былъ отбитъ. Артиллерійскій огонь продолжается.

На галиційскомъ фронтѣ также мѣстами орудійная перестрѣлка. Въ районѣ восточнѣе Монастержиско и на р. Коропцѣ наши войска продолжаютъ тѣснить непріятеля. Западнѣе дер. Садзавки (восточнѣе Делатыня) нами съ боемъ взята позиція непріятеля. Взяты въ плѣнъ нѣмцы. Юго-западнѣе оз. Нарочъ нѣмцы, произведя сильную контръ-атаку, вернули часть утраченныхъ ими вчера окоповъ. Бой продолжается. На значительной части фронта между Верхнимъ Нѣманомъ и Полѣсьемъ идетъ сильный огневой бой. Восточнѣе Барановичей, въ районѣ деревни Одоховщина, германцы сильной контръатакой слегка потѣснили насъ. Сосредоточеннымъ огнемъ нашей артиллеріи германцы были вынуждены отойти назадъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Дживизлика значительныя силы турокъ на разсвѣтѣ 22-го іюня, при поддержкѣ артиллерійскаго огня, бросились въ атаку на участокъ нашей позиціи и ворвались въ окопы; наши части штыками и бомбами отбросили противника; двѣ слѣдующія атаки турокъ были также отбиты; передъ нашими укрѣпленіями насчитано болѣе 300 непріятельскихъ труповъ, тамъ же разбросано много турецкаго оружія и снаряженія. Къ востоку отъ района Байбурта наши части, ослабивъ своимъ огнемъ противника, производившаго упорныя, но безрезультатныя контръатаки, перешли на многихъ участкахъ въ дальнѣйшее наступленіе и овладѣли цѣлымъ рядомъ командующихъ высотъ, сильно укрѣпленныхъ турками, взявъ при этомъ въ плѣнъ четырехъ офицеровъ и 120 аскеровъ и захвативъ пулеметъ, много оружія, патроновъ и средства связи.

24-го іюня съ той и другой стороны Соммы ничего существеннаго за день не произошло.

24-го іюня британская главная квартира во Франціи сообщила: «Прошлой ночью непріятель подвергъ сильной бомбардировкѣ наши позиціи въ Вернапэ, въ Монтобанскомъ лѣсу и близъ Лабуаселя, примѣняя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снаряды, вызывающіе слезотеченіе. На востокъ отъ Лабуаселя послѣ ожесточеннаго боя, въ которомъ противникъ понесъ тяжелыя потери, мы завладѣли другой траншеей протяженіемъ по фронту въ 1.000 ярдовъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торую мы нынѣ прочно занимаемъ. Къ юго-западу отъ Тіепваля рѣшительная атака непріятеля на наши новыя линіи потерпѣла полную неудачу. Непріятельская артиллерія проявляетъ усиленную дѣятельность на выступѣ Лооса и противъ Гюлюха. Наша артиллерія бомбардировала въ различныхъ мѣстахъ соединительныя траншеи противника и стоянки войсковыхъ частей. Утромъ мы успѣшно взорвали мины противъ Анши и Гюлюха, вечеромъ на нѣкоторыхъ другихъ участкахъ поля сраженія. На разсвѣтѣ у Альбера мы возобновили стремительное наступленіе. Германцы въ то же самое время повели сильныя атаки на наши новыя траншеи близъ Анкра и къ сѣверу отъ Фрикура, но атаки эти были отражены. На всемъ фронтѣ между Анкромъ и Монтобаномъ идетъ упорный бой. Къ настоящему времени наша пѣхота достигла нѣсколькихъ важныхъ тактическихъ успѣховъ въ окрестностяхъ Овилье и Лабуаселя и Контальмезона; однако къ сѣверо-западу отъ Тіепваля непріятелю удалось на время завладѣть 200 или 300 ярдовъ утраченныхъ имъ ранѣе позицій».

24-го іюня на итальянскомъ фронтѣ между р. Адидже и Астико происходила напряженная дѣятельность артиллеріи. Непріятельскія батареи обстрѣливали склоны Монте-Маджо. Къ сѣверу отъ Позины непріятель все еще оказываетъ сопротивленіе нашимъ атакамъ. На Монте-Чимоне наша пѣхота продолжаетъ продвигаться вдоль долинъ Ріо-Фреддо и Астико. На плоскогорьѣ Сетте-Комуни наши войска, поддерживаемыя артиллеріей, возобновили атаки на сильно укрѣпленныя непріятельскія линіи отъ Монте-Интеррото до Монте-Кампиголетто. Мы заняли два важныхъ пункта непріятельской оборонительной линіи близъ Казерацебіо и Мальгапецца, захвативъ 359 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 5 офицеровъ и 3 пулемета. Ожесточенныя контръ-атаки на захваченную нами позицію были отражены съ тяжелыми потерями для непріятеля. Въ долинѣ Кампелле мы продолжали выбивать непріятельскіе отряды со склоновъ къ востоку отъ Мазо и захватили 102 плѣнныхъ. На остальномъ фронтѣ происходила артиллерійская дѣятельность.

25-го іюня штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: Въ районѣ Нижней Стыри, западнѣе чарторыйскаго участка наши войска, тѣсня непріятеля, съ боемъ вышли вчера на линію Городокъ—ст. Маневичи—Оконскъ—Загоровка—Грузятинъ. Во вчерашнихъ бояхъ въ полосѣ желѣзной дороги въ районѣ ст. Маневичи захвачено въ плѣнъ 75 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ. Во время преслѣдованія непріятеля при атакѣ казаками въ конномъ строю въ районѣ Оптово масса австрійцевъ была порублена, около 600 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и захвачено пять орудій, шесть пулеметовъ и три пулеметныхъ отдѣленія въ полной запряжкѣ. Плѣнные продолжаютъ прибывать большими толпами. Захватывается много оружія, склады продовольственныхъ и прочихъ запасовъ. По только что полученнымъ свѣдѣніямъ, нами заняты деревни Лешневка и Грива (сѣвернѣе мѣст. Городокъ и не доходя 10 верстъ до р. Стохода). Южнѣе Верхняго Стохода и на сѣверномъ участкѣ галиційскаго фронта, кромѣ стрѣльбы артиллеріи и продолжающагося боя въ районѣ дер. Дубовыя Корчмы, отмѣтить нечего. Восточнѣе Монастержиска наши войска ворвались въ дер. Грегоровъ, захвативъ здѣсь свыше

Библиотека "Руниверс"

1.000 плѣнныхъ. На фронтѣ р. Коропецъ—сильный огневой бой и контръ-атаки австрійцевъ и германцевъ. Въ районѣ селенія Микуличинъ (между Делатынью и Коросмезо) непріятель произвелъ нѣсколько контръ-атакъ. нами отраженныхъ. На фронтѣ р. Двины велась перестрѣлка. Юго-западнѣе озера Нарочъ бой затихаетъ. Послѣднія контръ-атаки нѣмцевъ не измѣнили прежняго положенія. Далѣе на югъ—мѣстами артиллерійскій огонь. Въ районѣ сѣверо-восточнѣй Барановичей попытка непріятеля наступать была отражена нашимъ огнемъ.

Войска генерала Брусилова подходятъ къ р. Стоходу, всюду опрокидывая непріятеля, оказывающаго упорное сопротивленіе. Непріятель выбитъ изъ многихъ пунктовъ южнѣе Нобеля (на Припяти) и отходитъ на Нижній Стоходъ. Минувшей ночью наша кавалерія настигла непріятельскую пѣхоту и венгерскихъ гусаръ въ районѣ д. Н. Руда (юго-западнѣе Лешневки и 7 верстъ не доходя до Стохода) и южнѣе у Троянки. Въ лихой конной атакѣ забайкальцы изрубили много венгерскихъ гусаръ, разсѣявъ остальныхъ по лѣсамъ. Утромъ наши доблестныя войска овладѣли всей укрѣпленной позиціей восточнѣе д. Углы и д. Навозъ, между Стырью и Стоходомъ, сѣвернѣе Сокуля, захвативъ много плѣнныхъ и 3 гаубицы. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторыя части на плечахъ непріятеля уже переправились черезъ Стоходъ въ районѣ д. Углы. По приблизительному подсчету въ бояхъ 21—24-го іюня между Стырью и Стоходомъ взято въ плѣнъ не менѣе 300 офицеровъ, въ томъ числѣ 2 командира полковъ, около 12.000 здоровыхъ нижнихъ чиновъ, не менѣе 45 тяжелыхъ и легкихъ орудій, около 45 пулеметовъ, множество артиллерійскихъ снарядовъ, ружейныхъ патроновъ, оружія, склады продовольствія и фуража.

На фронтѣ генерала Эверта во многихъ мѣстахъ вновь вспыхнули упорные бои.

На широкомъ фронтѣ восточнѣе Барановичей они протекаютъ съ особымъ напряженіемъ. Непріятель бросается въ бѣшеныя контръ-атаки. Общее положеніе остается безъ перемѣнъ, Относительно остальныхъ участковъ отмѣтить пока нечего.

На кавказскомъ фронтѣ на байбуртскомъ направленіи наши части въ районѣ Верхняго Чороха вновь продвинулись впередъ.

Библиотека "Руниверс"

У ЧУЖИХЪ АЛТАРЕЙ.

Романъ [1]).

VI.

ДЕНИСЪ Мартыновичъ мылся и чистился въ кухнѣ, а Заслонный съ ревнивой завистью расхаживалъ по его «квартирѣ». Вся квартира состояла изъ одной этой комнаты, съ тополями передъ окнами, и просторной свѣтлой кухни, отдѣленной сѣнями, съ отдѣльнымъ ходомъ,—но какая разница съ ихъ скучными, унылыми казематами въ нѣмновскомъ конвиктѣ! Все было чисто, уютно, все носило слѣды заботливой женской руки. Онъ заглянулъ и въ кухню. И тамъ тоже все было прибрано, и воздухъ былъ совсѣмъ деревенскій—отъ близости поля и лѣса. На столикѣ между оконъ стоялъ свѣжій букетъ жасмина—и швейная машинка.

— А гдѣ же господыня?—съ лукавой улыбкой спросилъ Заслонный.

— Какая господыня? У меня нѣтъ никакой господыни,—откликнулся изъ-за печки Денисъ Мартынычъ.—Вы это швейную машинку увидали? Что же, я не скрываюсь. Швейка тутъ есть одна. Учится въ мастерской. Рубашки мнѣ шила, познакомились. Самая что ни на есть разнесчастная! Матери нѣтъ. Отецъ пьяница и лѣнтяй. Что ни сработаетъ — все пропьетъ. Да еще колотитъ вдобавокъ. Ну, мы съ ней столковались. Плачу за нее въ мастерскую.

[1]) Продолженіе. «Истор. Вѣстн ». т. CXLV стр. 273.

Библиотека "Руниверс"

Хорошая дѣвушка, сидѣть сложа руки не любитъ. Ходитъ ко мнѣ въ свободное время, и я ее тоже кое-чему обучаю. Такъ и ладимъ пока. Коли ксендзы не испортятъ, толкъ выйдетъ изъ Анны.

Заслонный нахмурился и пошелъ обратно къ дверямъ.

— Вотъ и вамъ бы, Лука Ѳомичъ, тоже бы слѣдовало теперь обзавестись женскимъ духомъ. Бабой чтобъ пахло въ избѣ—понимаете?—говорилъ, идя за нимъ слѣдомъ, Денисъ Мартынычъ.— Свѣтъ на томъ держится, честью васъ увѣряю. Безъ бабы нашему брату бѣда. Совсѣмъ, то-есть, плохо. По крайней мѣрѣ, сужу по себѣ. Хорошо себя чувствую.

Лука Ѳомичъ попробовалъ улыбнуться, но улыбка вышла какая-то жалкая, неестественная.

— Не всѣ вѣдь такіе счастливчики, какъ вы съ Денисомъ Дидро. Жанъ-Жаку Руссо итальянка на первомъ же опытѣ посовѣтовала «оставить женщинъ въ покоѣ» и заниматься лучше математикой. Да и мнѣ такъ одна нѣмка въ Вѣнѣ—когда студентомъ еще былъ и волосы были на головѣ—тоже по секрету призналась: «уважать, говоритъ, васъ женщины будутъ, а любить—нѣтъ». И не совѣтовала брать въ жены красивую.

— А что же, и вѣрно. Красивая жена—вещь опасная. Приманка для всѣхъ. По-моему, дѣло не въ красотѣ. Лишь бы нравилась мнѣ и для меня была хороша. Такъ или нѣтъ?—Ну-съ, вотъ видите, потому и совѣтую вамъ: познакомьтесь съ Антиповой и сдѣлайте ей предложеніе, пока она еще не уѣхала. Помните вы ее? Да вы видали ее не разъ. Походка такая воздушная, всегда въ свѣтломъ и всегда подъ вуалью. Длинная такая вуаль, какъ чадра. Только она и носила такую вуаль. И всегда съ книжками. Въ Нѣмновѣ такъ и звали ее: «барышня съ книжками». Всю библіотеку нашу перечитала. Изъ кожи всѣ лѣзли, бывало, чтобы только ей новыхъ книжекъ достать.

— Это та, что съ «исторіей»?—насмѣшливо вставилъ Заслонный, а внутренне весь насторожился и жадно ловилъ каждое слово.— «Судьба!»—проносилось въ умѣ.

— Какая такая «исторія»? Точно мы съ вами не знаемъ, какъ сочиняются эти «исторіи»! Спросилъ я какъ-то тутъ одного: почему же Антипова нигилистка?—«Да больно,—говоритъ,—скоро ходитъ, не угоняешься». Ну-съ, изволите видѣть. Такъ вотъ и все у насъ. «Исторія» да «исторія»... Да эта дѣвушка выше всякихъ исторій!

— Но откуда вы можете это знать? Вѣдь вы у нихъ не бываете?

Денисъ Мартынычъ остановился посреди комнаты и уставился глазами въ упоръ на Заслоннаго.

— Знаете вы Филиппа Иваныча Либіена? Въ конвиктѣ у него мы и познакомились съ вами. Ну-съ, такъ изволите видѣть, я его изъ проруби разъ тащилъ. Утопиться хотѣлъ съ отчаянія—до того былъ влюбленъ. А вѣдь не глупый совсѣмъ, не пустой человѣкъ, са-

Библиотека "Руниверс"

ми знаете... Есть въ ней какой-то магнитъ, понимаете... И ничего какъ будто особеннаго, а вотъ какъ узналъ, такъ и кончено. Попалъ какъ на удочку. Есть какая-то сила!—въ самозабвеніи повторилъ онъ.

Заслонный внимательно всматривался въ нервное, тонкое лицо Стефановича, одухотворенное и почти восторженное. Черноволосый и блѣдный, съ острымъ блескомъ близорукихъ глазъ подъ очками, съ волнистой черной бородой, онъ казался чрезвычайно интереснымъ Заслонному.

— Послушайте, Денисъ Мартыновичъ, да вы сами въ нее влюблены?—подозрительно спросилъ онъ.

— Можетъ быть, и влюбленъ... Что же изъ этого? Я во все хорошее всегда бываю влюбленъ.

— Такъ отчего же вы сами не попытаете счастья?

Денисъ Мартыновичъ, замѣтно взволнованный, развелъ руками и не сразу отвѣтилъ:

— Ростомъ не вышелъ!

— Ну, а тотъ... вашъ Филиппъ Иванычъ?

— И у того, стало быть, чего-нибудь не хватало... для нужнаго воспламененія чувствъ. Въ женщинѣ, батенька, прежде всего поразить воображеніе надо.

— И вы думаете, я бы могъ?—съ трудомъ осиливъ волненіе, спросилъ Заслонный.

— Если бы захотѣли—могли бы. Вы вѣдь иногда говорите, какъ Фаустъ. Честью васъ увѣряю. Ну-съ, а такія натуры непремѣнно ждутъ встрѣчи съ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Нашъ братъ, чернорабочій бурсакъ, съ суконнымъ языкомъ и посконнымъ рыломъ, для такихъ ролей не годится. Э, да что тамъ!—махнулъ онъ рукой, отбѣгая въ сторону.—Я давно это понялъ, а вотъ другіе болваны не понимаютъ и зовутъ нигилисткой или тамъ еще какъ-нибудь. Однимъ словомъ, для васъ жена подходящая!—неожиданно досказалъ онъ.

Смѣяться Заслонный не умѣлъ, но пошутить въ надеждѣ вывѣдать еще что-нибудь о томъ, что такъ странно волновало его,—пошутить былъ не прочь.

— Ну, хорошо, такъ и быть, я согласенъ на все. Я останусь у васъ и познакомлюсь съ Антиповой—только съ однимъ условіемъ: если вашъ Лейба раздобудетъ мнѣ мои вещи. Добже?—Онъ подошелъ къ столу, внезапно раскрылъ лежавшій тамъ сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, какъ это дѣлаютъ, когда гадаютъ,—и по мѣрѣ того, какъ читалъ, старообразно-брюзгливое выраженіе лица его распускалось въ наивную дѣтски-радостную улыбку.—Послушайте-ка, Денисъ Мартынычъ, какой смѣшной анекдотъ! Я вотъ сейчасъ про себя загадалъ: если встрѣтимъ сегодня Антипову, значитъ судьба. Ну, и вотъ что мнѣ вышло:

Библиотека "Руниверс"

«Дай, Божа, долю счастливу годзину,
Кабы я увидзиу хорошу дзяучину.
Кабы я увидзиу—ня тужиу,
Сердынько свое ня нудзиу»...

Денисъ Мартынычъ загадочно молчалъ, причесываясь передъ зеркаломъ. Для него было ясно—средство подѣйствовало. «И никакіе Аристофаны тутъ не помогутъ. Потому—натура вещей. А все остальное—суета суетъ на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ».

— «Не добро быть человѣку едину, сотворимъ ему помощницу»,— произнесъ онъ вслухъ по церковному, когда они вышли на улицу.— Ну-съ, изволите видѣть, съ тѣхъ самыхъ поръ все на этомъ и вертится.

— Устами людей иногда и боги глаголютъ. А только вы, кажется мнѣ, играете со мной роль извѣстнаго проказника съ рожками...

«Что жъ,—думалъ въ то же время Заслонный,—предразсудки вѣдь свойственны роду человѣческому. И не сами ли боги научили насъ познавать свою волю съ помощью предразсудковъ?» И ему казалось при этомъ, будто какая-то внѣшняя сила снимаетъ съ плечъ его все тяжелое и разстегиваетъ его вѣнскій сюртукъ—чтобы «вольготнѣе было дышать и хорошо себя чувствовать». Необычайную пріязнь къ этому чудаку съ комариным голосомъ чувствовалъ онъ, и Денисъ Мартынычъ казался ему теперь самымъ умнымъ и самымъ оригинальнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

«Можно будетъ и дать ему сколько-нибудь, если попроситъ»,— благодушно рѣшилъ онъ про себя.

VII.

Съ покорностью очевидной «волѣ боговъ» Заслонный ѣлъ у Балковскаго и вареники съ вишнями, и колдуны; пилъ «млечны кавы по варшавску» и лимонадъ съ запахомъ сѣрныхъ спичекъ мѣстнаго приготовленія. Для расплаты пришлось вынуть туго набитый бумажникъ и попросить услужливаго пана за конторкой размѣнять ему двадцатипятирублевую кредитку. Мельче не было у него съ собой. И какъ онъ предчувствовалъ, такъ и вышло.

При видѣ туго набитаго бумажника Денисъ Мартынычъ чуть не подскочилъ отъ восторга.

— Да вы, батенька, я вижу, разбогатѣли, какъ Крезъ. Вона сколько денегъ-то накопили! Не грѣхъ и намъ, голышамъ, отъ васъ поживиться.

— Хорошо, хорошо!—забормоталъ Заслонный, внимательно провѣривъ сдачу и торопливо спрятавъ бумажникъ въ карманъ.

— Десятку-то хоть дайте до первой получки. Честное слово, вѣдь, безъ гроша.

Библиотека "Руниверс"

— Дамъ непремѣнно... если встрѣтимъ сегодня Антипову. Вы какъ думаете, встрѣтимъ сегодня?

— Въ городскомъ саду, непремѣнно. Всѣ теперь тамъ. Досиживаютъ.

Но они обошли весь садъ и не встрѣтили ни одной женской шляпки. Не видать было и счастливаго генерала въ красныхъ лампасахъ съ отстегнутой фалдой. Аллеи замѣтно пустѣли. Но хорошо было въ этомъ старомъ саду съ вѣковыми вязами и каштанами, съ тихимъ плескомъ ручья подъ горой, въ голубоватой дымкѣ не остывшаго вечера, въ душистыхъ испареньяхъ весны! На одной изъ пустынныхъ аллей, въ темной листвѣ густого жасминника, усѣяннаго бѣлыми звѣздами ароматныхъ цвѣтовъ, звонко щелкалъ и томно вздыхалъ соловей. И весь садъ, казалось, утопалъ въ какой-то нѣгѣ ожиданія упоительныхъ встрѣчъ и радостной истомы свиданія.

Они присѣли на скамейку послушать соловья, но скоро соскучились и, рѣшивъ, что пора по домамъ, зѣвая направились къ выходу.

На самой послѣдней скамейкѣ, вблизи турникета, сидѣло двое: пожилой военный въ большихъ темносинихъ консервахъ и свѣтлая дѣвическая фигура въ шляпѣ съ длинной бѣлой вуалью.

— А вотъ вамъ и Антипова!—шепнулъ Денисъ Мартынычъ, указывая на нихъ глазами.

Заслонный невольно вздрогнулъ: онъ узналъ нѣчто давно знакомое и желанное—тоже давно.

Стефановичъ приподнялъ шляпу. Военный приложился рукой къ козырьку. Дѣвушка не шевельнулась. Низко опустивъ голову, она задумчиво чертила что-то зонтикомъ по песку.

Прозрачный, какъ облако, газовый шарфъ скрывалъ до половины и лицо, и фигуру. Но легкія очертанія стройнаго стана, изящныя складки свѣтлой одежды и граціозное движеніе сжатыхъ рукъ, ритмитически плавно чертившихъ какую-то мысленную музыку на пескѣ,—все въ общемъ создавало нѣжный, мольный аккордъ въ этой майской вечерней мелодіи.

Такою именно и запомнилъ ее Заслонный въ Нѣмновѣ, когда увидѣлъ впервые—также въ саду. «Она будетъ моей!» страстно подумалъ онъ,—но она вдругъ исчезла.

И только теперь вотъ онъ снова нашелъ ее—и уже не выпуститъ, нѣтъ! И опять, какъ тогда, его охватило предчувствіе, что эта дѣвушка сыграетъ какую-то «фатальную» роль въ его жизни.

— Хотите, вернемся, я васъ отрекомендую?—предложилъ Стефановичъ, когда они подошли уже къ турникету.

— Ни за что въ свѣтѣ, дражайшій!—рѣзко остановилъ Заслонный.—Всякій рекомендующій кладетъ свою тѣнь на рекомендуемаго Нѣтъ, я пойду къ нимъ одинъ, если только...

— Ахъ, да!—если вернутъ ваши вещи! Ну-съ, а красненькую вы мнѣ дадите сегодня. Ей-ей, до зарѣзу нужны.

Библиотека "Руниверс"

Заслонный молча вынулъ бумажникъ и отдалъ обѣщанное. Но при воспоминаніи о пропажѣ невольно вздохнулъ о чудесномъ дорожномъ мѣшкѣ изъ какой-то удивительной кожи, легкой, какъ пухъ, и гладкой, какъ слоновая кость или сталь.

Плохо спалось ему въ эту ночь. Онъ думалъ обо всемъ, что случилось съ нимъ въ этомъ городѣ, и думалъ о странныхъ свойствахъ своей природы. Какъ бы три существа замѣчалъ онъ въ себѣ, одинаково властныхъ въ своей неизмѣнной смѣняемости: естество философа, сатира и скареда. И такъ боролось въ немъ героическое, подобное античному стоицизму, и просто разсудочное, какъ инстинктъ мужика, желающаго разжиться «своимъ домкомъ» и не кланяться никому.

Страсть къ накопленію развилась какъ-то сама собою. Съ дѣтства знакомый съ нуждой, онъ цѣнилъ независимость Въ студенческіе годы онъ содержалъ себя уроками и помогалъ младшимъ братьямъ, какъ средневѣковой монахъ, закаляя себя на воздержаніи и лишеніяхъ. Душа жаждала величія мудрецовъ и героевъ, живой человѣкъ девятнадцатаго столѣтія страдалъ мучительнымъ воспоминаніемъ о мірѣ былой красоты и гармоніи, а философъ не находилъ нигдѣ и ни въ чемъ идеала. И только въ художественныхъ «антикахъ» обрѣталъ онъ неисчерпаемый «напитокъ боговъ», насыщавшій на мигъ голодную душу. Но этотъ мигъ отлеталъ, и маска высокой трагедіи бурно смѣнялась грубыми взрывами пламеннаго сатира, пока не сковывалъ ихъ вмѣстѣ чугунной цѣпью жестокій, но мудрый наставникъ всѣхъ бѣдственныхъ жизней—нужда. Случалось, сатиръ вырывался изъ этихъ оковъ и съ неистовой жаждой нѣги и наслажденія искалъ забвенія помрачительныхъ мукъ въ женской близости, въ женской ласкѣ. Но женщины—всѣ какъ одна—повторяли слова итальянки Жанъ-Жаку Руссо: «Lascia le donne, Zanetto, studia la matematica!»

«Не то ли ждетъ меня и теперь, если завтра пойду туда?» думалъ онъ съ горечью—и упрямо хотѣлъ перекорить судьбу, испробовать «еще одинъ опытъ».

Утромъ его разбудилъ таинственный шорохъ за дверью. Онъ громко окликнулъ, давая знать, что не спитъ, и Стефановичъ съ побѣдоноснымъ лицомъ вошелъ къ нему въ комнату.

— Вещи ваши всѣ цѣлы. Давайте скорѣе деньги за номеръ и на извозчика. Емельянъ съѣздитъ сейчасъ, расплатится тамъ за васъ и привезетъ. Лейбѣ не полагается сегодня ни носить, ни возить. Но Лейбѣ тоже надо будетъ потомъ дать за труды. Ну-съ, а затѣмъ до свиданія! Кавальерша ужъ сторожа присылала—корректуры въ редакціи давно меня ждутъ. Самоваръ вамъ моя Анна подастъ, а отъ Антиповыхъ вы зайдите за мной въ редакцію—обѣдать вмѣстѣ пойдемъ.

Заслонный еще одѣвался, когда черноглазый и востроносый мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати, похожій на дядю, такой же тщедуш-

Библиотека "Руниверс"

ный и блѣдный, втащилъ къ нему всѣ его вещи. И платье, и дорожный мѣшокъ были въ полной сохранности и являлись какъ бы напутственнымъ благословеніемъ на новый рѣшительный шагъ его жизни.—«Значитъ, судьба»!

Часамъ къ двѣнадцати, по провинціальному, Заслонный облекся въ свой вѣнскій сюртукъ, придававшій ему внушительный видъ иностранца-ученаго, и пошелъ съ визитомъ къ Антиповымъ, робѣя самъ передъ таинственнымъ неизвѣстнымъ и побѣждая въ себѣ эту робость, какъ вѣщій духъ, сознающій свое могучее происхожденіе...

«Licht wird Alles, was ich fasse!
Kohle—Alles, was ich lasse!» [1])

VIII.

«Твой духъ высокъ, но злы онѣ, богини и судьба!» вспоминалось Заслонному, когда онъ добрался наконецъ до Стефановской.

Улица—на другомъ концѣ города—сохраняла отпечатокъ глубокой старины. Мрачная, кривая и узкая, безъ всякихъ признаковъ тротуара. Дома невысокіе, похожіе на лачуги, съ торговыми ларями въ воротахъ, съ цѣлыми промежутками изъ слѣпыхъ стѣнъ и заборовъ. Трудно было даже представить, что здѣсь живутъ люди съ мало-мальски цивилизованными привычками—не то что молоденькая интересная дѣвушка, напоминающая музу. Онъ прошелъ всю улицу изъ конца въ конецъ—и только одинъ домъ показался ему подходящимъ для этой «музы». Высокій каменный фасадъ, на половину въ лѣсахъ, съ цвѣтами и драпировками на окнахъ, и массивныя чугунныя ворота съ чугуннымъ кольцомъ у калитки въ глубокой нишѣ говорили о чемъ-то болѣе грандіозномъ въ минувшіе дни. Спросить, чей это домъ, было не у кого. Въ открытую калитку подъ сводами на стѣнѣ онъ замѣтилъ доску съ прописанными жильцами и, подойдя къ ней, сталъ внимательно перечитывать всѣ имена по порядку. Эта доска и замѣняла и дворника, и швейцара.

Въ нумерѣ 1-мъ—въ «большой каменицѣ»—проживалъ самъ домовладѣлецъ, В. Р. Тодоровичъ, потомственный дворянинъ и католикъ, съ семействомъ. Далѣе шли въ послѣдовательномъ порядкѣ: коллежскій секретарь Животиковъ, съ матерью, православные,—вдова изъ шляхтянокъ Розалія Домейкова, католичка,—лекарь и фармацевтъ Феликсъ Свенчъ, изъ Слуцка, съ сыномъ,—а за чертою внизу—въ «фильѣ»—жилъ портной Янкель Бройда изъ Бѣлостока, съ семействомъ, и штабъ-офицеръ лѣсновскаго военнаго округа А. А. Антиповъ—тоже съ семействомъ.

---

[1]) Свѣтъ будетъ все, что захвачу я! Пепелъ—все, что я оставлю!

Библиотека "Руниверс"

«Воля боговъ» ясно сказывалась во всемъ.

Заслонный вышелъ изъ-подъ мрачныхъ сводовъ—и невольно прищурился. Яркое солнце заливало весь дворъ—длинный и узкій, какъ монастырскія сѣни, вымощенный кирпичными плитами, съ колодцемъ въ глубинѣ, гдѣ зіяла пасть открытаго входа внутрь «каменицы», и съ какими-то загадочными кузницами въ видѣ языческихъ капищъ—въ отлогомъ бугрѣ, засаженномъ сверху деревьями.

Прямо противъ воротъ, на солнопекѣ, какъ бы втиснутый въ самый бугоръ, стоялъ небольшой флигелекъ въ два яруса по лицевому фасаду, съ грудой мшистыхъ камней и кустомъ алыхъ розъ подъ окошками. Это и была такъ называемая «филья» (filja).

«Вверху или внизу?» соображалъ Заслонный, разглядывая внѣшній видъ флигелька. Изъ оконъ внизу неслись визгливые дѣтскіе голоса и грубые окрики по-еврейски. А въ верхнемъ окнѣ мелькомъ взглянуло на него женское молодое лицо, низко склоненное надъ рабочимъ столомъ

«Aut Caesar, aut nihil!» смѣясь про себя, думалъ Заслонный и смѣло дернулъ ручку звонка у верхняго крылечка. Дверь въ тотъ же мигъ распахнулась. Деньщикъ въ ситцевой рубашкѣ и суконныхъ рейтузахъ, подвернутыхъ за высокія голенища, со шваброй въ рукахъ домывалъ лѣстницу и, отирая грязныя брызги съ краснаго лица, недоумѣло смотрѣлъ на Заслоннаго.

— Здѣсь проживаютъ господа Антыповы?—Алѐксій Антыповычъ у себя? Дома вашъ господынъ?

— Баринъ? Надо быть, дома,—нерѣшительно отвѣтилъ деньщикъ, съ трудомъ разбирая непривычный для слуха русинскій говоръ.—Нѝшто позвольте, спросить прежде надоть!—спохватился онъ, прыгая вверхъ по̀ не просохшимъ еще ступенямъ.

«Очевидно, визиты здѣсь не въ обычаѣ», поднимаясь за нимъ, думалъ Заслонный.

— Ну, проси! Кто такой?—совсѣмъ негостепріимно раздалось гдѣ-то тутъ же сейчасъ наверху, и знакомая фигура пожилого военнаго показалась за чуть-чуть пріотворенной дверью.

Передней тутъ не было. Была только вѣшалка у самыхъ дверей, и за ширмами, подъ небольшимъ окномъ въ садъ, письменный столъ съ бумагами и канцелярскими принадлежностями. Сидѣвшій за столомъ, въ военной тужуркѣ и въ зеленомъ козырькѣ надъ глазами, привставъ, смотрѣлъ на вошедшаго вопросительно и не совсѣмъ дружелюбно. На единственномъ стулѣ подлѣ него лежала начисто переписанная «Докладная записка г. военному прокурору», а изъ-подъ нея выглядывала еще какая-то «копія».

И, чтобы очистить мѣсто нежданному посѣтителю, пришлось все это перекладывать на узенькую кровать подъ солдатскимъ сукномъ, съ кожаной подушкой въ бѣлой наволочкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Заслонный назвалъ себя, но вопросительное недоумѣніе не исчезало съ лица Антипова.

— Я давно уже въ Нѣмновѣ слышалъ про вашу старшую дочь Лидію Алексѣевну, — началъ свое объясненіе Заслонный.—Въ Нѣмновѣ я не успѣлъ познакомиться съ ней, хоть и встрѣчался не разъ. Теперь я пріѣхалъ въ Лѣсновъ именно съ этой цѣлью—искать знакомства и, если встрѣчу взаимность, просить у васъ ее въ жены, Мое матеріальное обезпеченіе пока не велико, но не дальше, какъ будущей весной, оно должно увеличиться вдвое, можетъ быть, даже втрое, такъ какъ я привыкъ много работать и имѣю успѣхъ въ приватныхъ урокахъ. Мнѣ тридцатый годъ. Я не пью, не курю, не имѣю привычекъ къ распутству и могу обѣщать, что ваша дочь въ союзѣ со мной не будетъ терпѣть никакихъ особыхъ лишеній. Вы мнѣ позволите сейчасъ увидѣться съ ней? — спросилъ онъ вмѣсто заключенія.

Антиповъ слушалъ, не прерывая, это странное съ первыхъ же словъ объясненіе и съ недовѣріемъ смотрѣлъ на страннаго гостя. «Нѣмчура какой-то!» рѣшилъ онъ про себя. «Вяжетъ слова, точно кашу жуетъ».

— Дѣло, видите, въ томъ,—съ разстановкой, дѣловымъ тономъ заговорилъ онъ:—какъ разъ теперь я сдаю мою должность въ Нѣмновѣ, а глаза совсѣмъ стали плохи,—весной мнѣ сдѣлали здѣсь операцію,—и если бы не дочь, не знаю, что бы и дѣлалъ. Она помогаетъ мнѣ, и вотъ, сами видите, строчимъ теперь съ утра до ночи. Пожалуйте вотъ сюда въ гостиную, а я пойду ей скажу.

Заслонный съ сочувственнымъ сожалѣніемъ оглянулся вокругъ на убогую обстановку семьи, гдѣ жила его «Ифигенія», его «муза», какъ онъ про себя иногда называлъ ее.

Небольшая полутемная комната съ низкимъ потолкомъ и стеклянной верандой вмѣсто оконъ, почти пустая, наводила уныніе. Несмотря на жаркій, совсѣмъ уже лѣтній день, веранда была закрыта наглухо, и въ комнатѣ ощутительно слышался запахъ только что вымытыхъ сырыхъ половъ. И этотъ запахъ,и тѣнь отъ сада, и старый клеенчатый диванъ съ парой такихъ же клеенчатыхъ креселъ и круглымъ столомъ передъ ними—все было какое-то нежилое, случайное, напоминавшее о непрочной и невеселой житейской долѣ.

За дверью, въ сосѣдней комнатѣ, слышался тяжелый женскій кашель, тревожный шопотъ и раздраженно-сердитый голосъ Антипова, въ чемъ-то упрекающій и озабоченный и недовольный.

— Жена проситъ извиненія,—сказалъ онъ, выходя оттуда:—она сегодня лежитъ въ постели, не можетъ выйти. А дочь выйдетъ сейчасъ, она уже кончаетъ. Да вотъ и она...

За дверью послышались легкіе, стремительные шаги. Заслонный быстро поднялся навстрѣчу, но что-то въ немъ точно осѣло.—Да она ли

Библиотека "Руниверс"

это, плѣнившая его вчера вечеромъ «муза»?! Передъ нимъ стояло какъ будто совсѣмъ не то существо. Тоненькая, средняго роста дѣвушка съ подстриженными кудрями до плечъ, самаго простенькаго вида, съ неувѣренными движеніямм и такимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто хотѣла сказать: «Я не звала васъ—зачѣмъ вы пришли?»

Антиповъ взялъ у дочери переписанную бумагу и, извинившись передъ гостемъ, ушелъ къ себѣ снова работать».

«Das Leben ist wahres Gaukelspiel» [1],—думалъ Заслонный, присаживаясь къ столу противъ Лидіи и внимательно всматриваясь въ предметъ тайной своей тревоги, мечтанья и вожделѣнія.

Одѣта она была по-домашнему, но довольно своеобразно—въ темной юбкѣ съ бретелями и въ сборчатой кисейной бѣлой рубашкѣ—какъ одѣваются пансіонерки или послушницы на лѣтнихъ работахъ въ скитахъ. Узенькія розовыя плечи и руки какъ-то жалостливо по-дѣтски просвѣчивали сквозь старенькую кисейку съ мушками. Руки безъ перчатокъ были совсѣмъ не изящны, съ слѣдами чернилъ на пальцахъ. Она замѣтно была взволнована, но ни малѣйшей рисовки, ничего искусственнаго не могъ онъ подмѣтить. «Зачѣмъ вы пришли?» настойчиво повторяло какъ будто поминутно вспыхивающее лицо и вопросительный взглядъ исподлобья. И онъ невольно отвѣтилъ на этотъ безмолвный вопросъ.

— Я женскаго общества до сихъ поръ никогда не искалъ. Скажу болѣе—я его умышленно избѣгалъ. Вѣдь женщины ищутъ въ насъ или выгодныхъ для себя жениховъ, или забавныхъ, интересныхъ поклонниковъ. А я не могу—да и не желаю совсѣмъ!—быть ни тѣмъ, ни другимъ. Но вотъ у насъ съ вами, мнѣ кажется, можетъ быть иная сфера общенія. Вы, я слышалъ, ищете знаній, вы много читаете. Я могъ бы послужить вамъ моей библіотекой и моими познаніями. Могъ бы нарочно для этого прожить лѣто въ Лѣсновѣ и посѣщать васъ, когда вы желаете.

Его говоръ, похожій на «вязь», съ непривычными для нея удареніями, и звучный, необыкновенно пріятный и выразительный голосъ производили впечатлѣніе чего-то неяснаго и несогласованнаго. Но то, что высказывалъ онъ; было слишкомъ ново и неожиданно, и, казалось, неотразимо.

Изумленіе, недовѣріе и что-то вродѣ отчаянія—какъ вспыхивающія зарницы—попеременно отражались у нея лицѣ по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ и она его слушала.

— Я готовлюсь къ обязанностямъ сельской учительницы, и не знаю, хватитъ ли времени... Мнѣ некогда уже учиться... Я должна... добывать себѣ хлѣбъ... работать должна для другихъ!—не поднимая глазъ, сдержанно проговорила она, но голосъ дрожалъ и точно рвался въ усиліяхъ скрыть что-то глубоко затаенное.

---

[1]) Жизнь — сущая игра скомороха.

Библиотека "Руниверс"

А ему надо было разбить ее по всѣмъ пунктамъ, не оставить никакой точки опоры ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ—только тогда она въ его власти.

— Вы мечтаете, конечно, принести себя въ жертву на благо народа,—разсѣять тьму, въ какой онъ живетъ, помочь ему выбиться изъ оковъ—не правда ли? Я угадалъ?—Но вы ошибетесь. Вы жестоко разочаруетесь—и въ народѣ, и въ вашихъ собственныхъ силахъ. Тамъ нужно нѣчто совсѣмъ другое. И прежде всего—совсѣмъ другой организмъ. Сельскія школы въ Россіи поставлены такъ ужасно, что ихъ не выдержать даже иному мужчинѣ. А вы погибнете въ первый же годъ. И во имя чего? Спросите любого изъ нихъ, что имъ нужнѣе: драгоцѣнная ваза изъ тончайшаго алебастра или простой чугунокъ. И всѣ какъ одинъ скажутъ вамъ то же, что Пушкинъ: «Печной горшокъ ему дороже, онъ кашу въ немъ себѣ варитъ». Но поэтъ говоритъ съ презрѣніемъ, а я защищаю по здравому смыслу. Я не сужу народъ, я только разсуждаю о немъ въ предупрежденіе неизбѣжныхъ ошибокъ для васъ... Скажите мнѣ, что вы читаете?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что она хмуритъ брови въ напряженномъ желаніи возражать ему.

— Читаю все, что могу здѣсь достать. Недавно вотъ удалось получить Уэвеля...

— Ну, и Дарвина, и Геккеля, и другихъ въ томъ же родѣ?—иронически вставилъ онъ.—И это удовлетворяетъ васъ? И вамъ не приходило ни разу въ голову, что тутъ такая же мода, какъ фасонъ вашихъ юбокъ и шляпъ? Существуетъ вѣдь мода не только одеждъ, но и нравовъ, моды общественныхъ настроеній, моды идей,—какъ сентиментализмъ, матеріализмъ, реализмъ...

— Классицизмъ,—тѣмъ же тономъ, съ неуловимой игрой на лицѣ подсказала она.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, задѣтый за живое и очарованный въ то же время неожиданной вспышкой ума въ простенькой дѣвушкѣ. «Въ самомъ дѣлѣ что-то въ ней есть... свое, особенное!..»

— Да, и классицизмъ!—съ улыбкой подтвердилъ онъ.—Я съ вами согласенъ, и классизмъ теперь тоже мода,—въ Россіи пока еще не извѣстная. Еще не дошла! Но видите ли, какая тутъ разница. Классическія идеи—это открытая площадь всемірнаго познаванія, доступная всѣмъ и каждому... Рѣшительно всѣмъ и каждому. Алчущій и жаждущій, приходи и бери сколько можешь снести. А естественныя науки нельзя изучать одному и по книжкамъ. Для изученія ихъ надо итти работать въ поле, въ лѣсъ, въ рудники и лабораторіи,—въ анатомическій музей, если желаете изучать медицину и посвятить себя практической дѣятельности. Но и это все не для васъ...

Она пытливо смотрѣла ему въ лицо и жадно ловила каждое слово этой славянской «вязи».

Библиотека "Руниверс"

— Странно... Вы меня вовсе не знаете, и такъ увѣренно рѣшаете за меня! Но что же, по-вашему, для меня?

Голосъ ея дрожалъ, и пальцы нервно щипали кисейные рукава въ ожиданіи отвѣта.

— Для васъ?—Онъ любовался съ минуту ея тревожнымъ смущеніемъ.—Для васъ я прежде всего предложилъ бы рѣшить три вопроса. Въ чемъ состоитъ, по-вашему, цѣль и призваніе человѣка: въ безвольномъ страдательномъ самопожертвованіи, или въ дѣятельномъ стремленіи къ наибольшему совершенству личности? Спросите себя: способны ли вы всецѣло пожертвовать собой для толпы, принизиться до уровня съ нею—или стоять надъ ней, какъ маякъ, освѣщающій ей пучины и дебри? И еще наконецъ: способны ли вы, встрѣтивъ на пути своемъ человѣка, какого желали бы встрѣтить, оставить все для него и соединить свою судьбу съ его судьбою? Вотъ вамъ, на первыхъ порахъ, три основныхъ заданія!—шутливо досказалъ онъ, вставая.—Отъ того или другого рѣшенія зависитъ и мой отвѣтъ, что именно нужно для васъ. Но въ одномъ уже, кажется мы оба согласны, — это въ томъ, что философія жизни есть самая высшая философія. Не такъ ли?

Она молчала, взволнованная, и горячая рука ея трепетала, какъ пойманная птица, въ его энергичной, сильной рукѣ.

IX.

Заслонный вышелъ отъ Антиповыхъ подъ впечатлѣніемъ трепетнаго пожатія юной женской руки и радостно ощущалъ на себѣ обаяніе дотолѣ невѣдомой силы—«вѣчно-женственнаго начала». Въ воротахъ онъ безсознательно оглянулся. Миніатюрная дѣвическая фигурка съ пышной прической золотистыхъ волосъ показалась въ верхнемъ окнѣ за цвѣтами и сейчасъ же спряталась за косякъ. Онъ снисходительно улыбнулся этой маленькой женской хитрости, не подозрѣвая, что «хитрила» совсѣмъ не Лидія.

«Какъ лань пуглива и чутка»—припоминалъ онъ дорогой всѣ мимолетныя движенія дѣвушки. На улицѣ, въ присутствіи отца она держалась гораздо свободнѣе, а съ глазу на глазъ вся превращалась въ одинъ застѣнчивый трепетъ. Именно «трепетную лань» напоминала ему теперь Лидія. И какой это былъ великолѣпный мотивъ для его новой работы на докторскую степень! Впервые чувствовалъ онъ твердую почву подъ ногами. Его магистерская диссертація посвящена «Ифигеніи» Эврипида. Теперь онъ напишетъ къ ней аналогію изъ живой современности. Онъ укажетъ на исчезающую связь древняго міра съ новымъ, и Ифигенія греческаго трагика воплотится въ образъ застѣнчивой русской дѣвушки, приносящей себя въ жертву спасенія за родную страну. Какой богатый матеріалъ, какія сверкающія уподобленія, какая глубина въ общихъ вы-

Библиотека "Руниверс"

водахъ, какая сочность въ образахъ и картинахъ!.. На рубежѣ двухъ міровъ... Старый въ безобразныхъ развалинахъ и уже отмираетъ. Новый—еще безформенный—чуть брезжитъ на восходѣ. Чуть вспыхиваетъ новый культъ, дикій культъ разрушенія. Первыя искры этого новаго культа—поджоги тутъ, поджоги тамъ... Жгутъ и ничего взамѣнъ не воздвигаютъ... Какъ азіатскія орды первобытныхъ номадовъ—все топчутъ подъ копытами своихъ жеребцовъ и кобылъ... Идеи, нравы, искусства, идеалы—все превращается въ первобытную степь. Но эта степь уже лишена своихъ роскошныхъ травъ и цвѣтовъ. Она изсыхаетъ въ пескахъ и поливается.... сивухой... Спасайся, кто можетъ.

«Извѣчная трагедія»—назоветъ онъ свою работу. Сюжетъ все тотъ же. Отецъ—Агамемнонъ—въ угоду вѣку,—«всѣмъ этимъ реалистамъ и пошлистамъ»,—готовъ принести дочь въ жертву: услать куда-то въ глушь, на нищету и поношенія, на жалкую долбню казенныхъ букварей,—артистическую натуру—на вѣрную гибель таланта и силъ. Мать—Клитемнестра—умѣетъ только плакать и стонать, въ надеждѣ на жениха—Ахиллея, благороднѣйшаго идеалиста и витязя духа. Она начнетъ умолять спасти ея дочь—и Ахиллей дастъ ей клятву. Онъ не допуститъ совершиться безсмысленной и никому не нужной жертвѣ.

Всю дорогу отъ Антиповыхъ до редакціи Заслонный думалъ на эту тему, а на вопросъ Дениса Мартыныча: «Ну что, какъ?» равнодушно отвѣтилъ:

— Ничего себѣ дѣвица. Умѣетъ слушать внимательно. Я бы не прочь посадить ее къ намъ въ гимназію вмѣсто тамошнихъ ословъ. Можно будетъ заняться пока на досугѣ.

Денисъ Мартынычъ вручилъ ему записку отъ попечителя. Пояркову кто-то успѣлъ сообщить, что Лука Ѳомичъ еще въ Лѣсновѣ, и онъ приглашалъ его къ себѣ—«раздѣлить послѣднюю трапезу».

За обѣдомъ съ вегетаріанскими блюдами Заслонный не утерпѣлъ и «какъ родному отцу» признался Пояркову въ своемъ намѣреніи послѣдовать его совѣту и поискать «гармоніи» въ брачномъ союзѣ. И Аполлонъ Ермолаевичъ, растроганный и умиленный, пожелалъ непремѣнно совершить «традиціонное возліяніе».

— Только не во славу чужихъ боговъ. Зачѣмъ намъ чужіе, да еще идолы! Выпьемъ за хорошую русскую дѣвушку съ чуткимъ сердцемъ и яснымъ умомъ, за будущую хранительницу семейственнаго огня. Выпьемъ просто за ваше счастье. Кстати у меня сохранилась еще та самая «венгжина Отоцкихъ», которой поздравляли насъ послѣ вѣнца дворовые каштеляны. Мы берегли эту бутылку къ нашей серебряной свадьбѣ, да вотъ не судилъ Богъ моей голубкѣ дожить до нея.

За дессертомъ принесли крѣпко увязанную и со всѣхъ концовъ запечатанную пузатенькую бутылку. Жозефъ мастерски рас-

Библиотека "Руниверс"

купорилъ и разлилъ по каплямъ дымящееся, какъ смола, густое вино въ тонкіе хрустальные бокалы. Душистая влага сверкала червонцами при свѣчахъ, и столовая наполнилась возбудительнымъ ароматомъ виноградной лозы, насыщенной солнцемъ.

Они чокнулись и осушили бокалъ по глотку.

Что-то волшебное совершилось съ Заслоннымъ. Ничего подобнаго онъ не испытывалъ въ жизни. Онъ радостно смѣялся, и сладостный огонь бѣжалъ у него по жиламъ. Онъ былъ не пьянъ, нѣтъ, онъ былъ только молодъ, счастливъ безъ причины и вѣрилъ во все— и въ гармонію жизни, и въ свою необыкновенную мощь и необыкновенную миссію. Сама судьба разступалась передъ нимъ и указывала дорогу...

— «Flamme bin ich sicherlich!» [1])—бормоталъ онъ, провожая сверкающими глазами поѣздъ, увозившій изъ Лѣснова его добраго генія.

Сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ было теперь рѣшительно невозможно. Онъ потащилъ Дениса Мартыныча за городъ. Въ монастырѣ служили еще всенощную—длинную, какъ всегда, наканунѣ Троицы. И только что они подошли полями къ монастырской оградѣ— навстрѣчу показалась Лидія съ отцомъ и сестрой. Они обмѣнялись поклонами, и Заслонный опять почувствовалъ, какъ будто сладостный огонь бѣжитъ у него по жиламъ.

— Или я пьянъ совсѣмъ отъ этой венгжины,—сказалъ онъ:— или эта дѣвушка должна быть моей! Завтра же пойду и сдѣлаю предложеніе. Кстати, отнесу ей Карлейля,—взялъ для нея у Пояркова.

— И отлично! Ай да Лука Ѳомичъ! Ну-съ, изволите видѣть! Только я вамъ доложу, тутъ надо дѣйствовать круто. Понимаете? Куй желѣзо, пока горячо. Потому это штука такая—понимаете?— смѣшно размахивая рукамъ, заторопился Денисъ Мартынычъ, какъ будто ему самому неотложно сейчасъ предстоялъ весь процессъ этой «штуки» и кованья желѣза, пока оно горячо.

Отъ зари до зари бродилъ онъ съ Заслоннымъ, какъ Вагнеръ за Фаустомъ, по доламъ и вершинамъ. Заря превращала дома въ пылающіе чертоги, городъ тонулъ у ихъ ногъ въ лучезарномъ туманѣ. Лучи клубились какъ волны, земля казалась облакомъ, а небо—миѳомъ. На небѣ пламенѣлъ Олимпъ. Богини и боги возсѣдали тамъ на рубиновыхъ тронахъ, а самая прекрасная изъ всѣхъ богинь стыдливо прятала свое божественное тѣло подъ тканью изъ воздушной лазури, усыпанной миріадами огненныхъ искръ. И отъ малѣйшаго движенія богини лилась на землю съ неба ласкающая, нѣжная, живительная струя. И былъ тамъ на Олимпѣ божескій свѣтъ, и постановлено рѣшенье—вѣчное, какъ міръ, и ощутимое людьми, какъ сонъ, какъ явь, какъ мучительный бредъ, какъ упоительное счастье...

---

[1]) Я воистину пламя.

Библиотека "Руниверс"

— Пока горятъ огни на лучезарной одеждѣ богини, пока синѣетъ ткань ея божественныхъ покрововъ, любовь да властвуетъ надъ смертными! Любовь есть двигатель вселенной—и будь блаженъ живущій на землѣ безсмертною любовью!

Такъ говорили Заслонному въ эту ночь его богини и боги. А онъ передавалъ все, что слышалъ отъ нихъ, Денису Мартынычу. И Денисъ Мартынычъ, мечтавшій преобразиться въ извозчика, время отъ времени повторялъ съ восхищеніемъ:

— Великолѣпно! Увѣряю васъ честью, совсѣмъ хорошо!

Ночь отлетала. День сіялъ передъ ними, дали исчезали въ туманахъ. Заслонный стоялъ на вершинѣ горы и съ упоеньемъ читалъ монологъ Фауста, только что увидавшаго тѣнь Маргариты:

«Erhabner Geist, du gabst mir, gabst mir alles
Warum ich bat...
Gabst mir die herrliche Natur zum Königreich,
Kraft sie zu fühlen zu geniessen»... [1])

— Просто чудесно! Совсѣмъ точно Фаустъ!—одобрительно отозвался Денисъ Мартынычъ, никогда не читавшій «Фауста».

X.

Заслонный съ умысломъ выбралъ для Лидіи «Sartor Resartus» Карлейля, какъ вступленіе въ «духовное царство» ихъ будущаго сближенія, и все утро мечталъ, какъ онъ войдетъ съ этой книгой къ Антиповымъ и какъ вспыхнетъ и радостно встрепенется «она»,—но къ полудню разыгралась гроза съ бурей и ливнемъ, и только къ вечеру разъяснило и подсохло. Вереницы гуляющихъ тянулись со всѣхъ сторонъ къ городскому саду, гдѣ въ этотъ вечеръ давался концертъ какими-то заѣзжими знаменитостями.

Съ книгой подъ мышкой, не безъ тревоги позвонилъ Заслонный у дверей флигелька на Стефановской. Но удача все еще не покидала его.

— Дома-съ, пожалуйте. Чай кушаютъ на балконѣ,—отрапортовалъ ему тотъ же деньщикъ въ синихъ рейтузахъ съ малиновымъ кантомъ, только не въ пестрой рубахѣ, а по праздничному—въ коломянковой блузѣ, съ ремнемъ

Густой запахъ березовой листвы шелъ отъ крыльца по всему дому. И лѣстница, и веранда уставлены были молодыми березками. Онъ засталъ всю семью за чайнымъ столомъ. Былъ еще и одинъ посторонній, молодой кандидатъ на военно-судебную должность, изъ сослуживцевъ Антипова,—Александръ Петровичъ Плитинъ. Онъ поискалъ глазами Лидію, но подойти къ ней за тѣснотою

---

[1]) Державный Духъ! Ты далъ мнѣ все, о чемъ просилъ я... Ты далъ мнѣ въ царство чудную природу и силу чувствовать ее и наслаждаться...

Библиотека "Руниверс"

не могъ, и счелъ за лучшее повременить съ передачей книги и «объясненія».

У самовара сидѣла сама хозяйка, Антонина Михайловна, еще не старая, когда-то, видимо, красивая, но уже давно изболѣвшая женщина. Испитое лицо, потухшіе глаза, надорванный голосъ, усталыя движенія--все будто жаловалось на жизнь, на тягостную свою судьбу,— на эту вѣчную обязанность сидѣть за самоваромъ и наливать всѣмъ чашки и стаканы, когда хотѣлось бы кричать отъ боли или рыдать отъ тоски. Но она все наливала и наливала, не забывая ни разу спросить, «кому угодно еще», и «какъ лучше—покрѣпче или послабѣе?» Заслонный поймалъ ея взглядъ, и скорбный, и умоляющій,— «настоящій взглядъ Клитемнестры», и невольно подумалъ: «Мужъ, конечно, сообщилъ ей вчера мое объясненіе. Надо будетъ поскорѣй успокоить ее».

Рядомъ съ ней, притаившись за самоваромъ, любопытно слѣдила за новымъ гостемъ бѣлокурая, бѣлолицая сестра Лидіи, Нина, съ копной изъ волосъ въ видѣ тюрбана надъ невысокимъ «женственнымъ» лбомъ, не знавшая сама, что лучше сдѣлать—убѣжать ли отсюда, или смотрѣть на «потѣшнаго жениха». Все въ немъ казалось Нинѣ смѣшнымъ: и какъ онъ сидитъ—«нахохлившись, какъ индюкъ», и какъ онъ выговариваетъ слова—«по-индюшичьи»... Да и слова-то такія—ничего не поймешь. «Ужъ очень по-книжному». Но самое смѣшное—голая голова и морщины. Никогда не виданныя морщины—толстыя, красныя, точно шнурки, и шевелятся, точно черви... «А мамаша сказала: за Лидію свататься въ Лѣсновъ пріѣхалъ. Вотъ такъ женихъ!» Смѣхъ разбиралъ ее. Въ горлѣ даже щекотало какъ будто. Она гримасничала и поминутно дѣлала таинственные знаки старшей сестрѣ. Но та, не обращая никакого вниманія на всѣ ея знаки, поднялась вдругъ изъ-за стола, взяла свою чашку, открыла дверь на площадку и усѣлась тамъ на порогѣ. «Не понравился, видно, женихъ-то!» про себя хохотала Нина, прислушиваясь къ «потѣшному» говору потѣшнаго гостя.

— Трогательный обычай эти березки въ Тройцынъ день!—говорилъ, ни къ кому не обращаясь, Заслонный.—Доселѣ только читалъ про него, видать самому не приходилось.

— Да нигдѣ тутъ больше и не увидите,—отозвался Антиповъ.— Здѣсь все больше цвѣтами убираютъ костелы, а у насъ, въ Россіи, возами вѣдь возятъ. Не знаю, гдѣ это теперь деньщикъ раздобылъ. Себѣ кухню убралъ и намъ вездѣ понаставилъ.

— Превредный обычай!—вставилъ молодой кандидатъ.—Лѣсъ только портятъ.

Антиповъ задумчиво посмотрѣлъ въ его сторону.

— Такъ-то такъ, положимъ. Ну, а все-таки, если не поставить березокъ въ Троицынъ день—какъ будто и праздника нѣтъ. Въ Россіи сегодня у всѣхъ березки.

Библиотека "Руниверс"

Заслонному всѣхъ симпатичнѣе казался теперь самъ Антиповъ.

— Въ поэзіи народныхъ обычаевъ всегда есть нѣчто священное,— сочувственно поддержалъ онъ.—И вредъ для лѣса искупается благомъ для человѣка. Дерево срубленное, конечно, обречено на погибель, какъ принесенная жертва обычаю. Но сердце наше смягчится подъ впечатлѣніемъ свѣтлой радости, и это впечатлѣніе будетъ долго храниться въ душѣ. Обычаи, какъ и миѳы, исполняютъ свое назначеніе. Это та же элевзинская мистерія, гдѣ низшее приносится въ жертву высшему, и простое поглощается наиболѣе сложнымъ....

Никто не возражалъ, и всѣ замолчали.

Плитинъ влюбленными глазами, не отрываясь, смотрѣлъ на свѣтло-каштановые кудри, разсыпанные по воздушно-зеленому лифу, и наконецъ не выдержалъ—подошелъ къ сидѣвшей на порогѣ дѣвушкѣ.

— Да и вы, Лидія Алексѣевна, тоже сегодня какъ молодая березка—зеленая! Откуда вы достали этого священнаго ибиса?— прошепталъ онъ.

Лидія сдѣлала движеніе, какъ бы отстраняя его отъ себя, распахнула дверь настежь и промолвила съ чувствомъ:

— Какъ хорошо теперь здѣсь! Пахнетъ цвѣтами... И сухо совсѣмъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ перейдемте лучше на воздухъ,—предложилъ Алексѣй Антиповичъ.—Жарко тутъ очень. Перенеси сейчасъ все туда, на площадку!—приказалъ онъ денщику, вносившему новый самоваръ на веранду.

Только низенькая рѣшетка отдѣляла площадку отъ хозяйскаго сада. Роскошный цвѣтникъ, разбитый на небольшомъ пространствѣ вверхъ по косогору, замыкали со всѣхъ сторонъ остатки полуразрушенной старой стѣны. Купы старыхъ каштановъ скрывали отъ глазъ все, что было за ними.

— Какой странный садъ!—сказалъ Заслонный, окинувъ взглядомъ сплошное море цвѣтовъ и листвы.—Мнѣ кажется, здѣсь было прежде что-нибудь другое. Вы не знаете, что тутъ было?—обратился онъ къ Антонинѣ Михайловнѣ, все время задумчиво переводившей глаза то на него, то на старшую дочь, какъ бы сравнивая ихъ между собою.

— Это не садъ, а легенда,—мечтательно проговорила она.—Съ этой самой стѣны несчастная жена Тодоровича смотрѣла на казнь своего жениха. Каждое утро съ тѣхъ поръ, говорятъ, на разсвѣтѣ уходитъ туда молиться. Тамъ, вотъ, въ углу—теперь не видать за деревьями—устроено что-то вродѣ каплицы. И ходъ прямо къ ней въ комнату. Совсѣмъ больная она, говорятъ, въ чахоткѣ. Днемъ никогда не показывается. И въ садъ туда къ нимъ за рѣшетку никого не пу-

Библиотека "Руниверс"

скаютъ. Только Лидіи вотъ недавно самъ Тодоровичъ далъ ключъ отъ калитки. Но она, конечно, стѣсняется...

Лидія вспыхнула, услыхавъ свое имя. «И зачѣмъ это имъ мать разсказываетъ!» пронеслось у нея въ головѣ.

— Не то что стѣсняюсь, но зачѣмъ нарушать... Для нихъ тутъ священное... А мы всѣ чужіе,—тихо сказала она.

— Говорятъ, Тодоровичъ совсѣмъ и не мужъ ей, а такъ что-то вродѣ опекуна-покровителя. Гдѣ же одной женщинѣ справиться съ такимъ состояніемъ! Говорятъ, чуть не милліонерша была—кирпичный заводъ, большое имѣнье,—да вотъ все, говорятъ, и ушло на повстанье,—съ увлеченьемъ продолжала Антонина Михайловна, и даже какъ будто помолодѣла.

Антиповъ съ недовольнымъ видомъ остановилъ жену.

— Да что это ты, матушка, все «говорятъ, говорятъ»—слушать тошно! Мало ли вздоръ какой говорятъ! На-ка вотъ, лучше налей мнѣ еще стаканъ. Пить что-то хочется.

Антонина Михайловна безропотно замолчала; только жгучая краска, залившая страдальческое лицо, выдавала душевное возмущеніе. Она любила общество, и только на людяхъ и забывала свои недуги. «Хоть бы при постороннихъ-то постыдился кричать на жену!» мысленно упрекнула она мужа, привычнымъ жестомъ подавая ему налитый стаканъ, а вслухъ сказала Нинѣ:

— Разливай за меня, я устала, — и ушла къ себѣ въ комнату.

Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Лидія опустила низко голову надъ грядкой съ резедой и нарцисами. Плитинъ нервно курилъ папиросу за папиросой. И только самъ Антиповъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— А что здѣсь мѣсто старинное, это вы вѣрно замѣтили. Тутъ—старожилы разсказываютъ—прежде крѣпость была, во времена-то языческія. Ходъ подземный прорытъ былъ до самаго Нѣмнова. Спасались тамъ отъ нашествія нѣмцевъ. Съ Тевтонскимъ орденомъ, что ли, воевала тогда Литва. Ну, а потомъ тутъ построили монастырь—какъ ихъ тамъ?—бонифратовъ или піаровъ—не знаю я ихъ латинскихъ прозваній.—Только всѣ монахи у нихъ тутъ были мятежники. При Костюшкѣ легіонеровъ поставляли ему. Да мало ли что тутъ разсказываютъ, всего не переслушаешь.

— Любопытная это страна, не похожа на нашу,—прибавилъ онъ, помолчавъ,

— Вотъ оно что! То-то я видѣлъ пещеры-то тамъ внизу. Этакъ вѣдь, чего добраго, мы тутъ сидимъ какъ въ райскомъ саду, а подъ нами, можетъ быть, погребъ пороховой, и тамъ засѣдаютъ теперь повстанцы. Возьмутъ да и взорвутъ насъ на воздухъ. Что же подѣлаешь! На-то они и повстанцы!—вставилъ Плитинъ, слѣдя глазами за Лидіей.

— Господи, страсти какія,—пролепетала за самоваромъ Нина.—

Библиотека "Руниверс"

Не пугайте меня, Александръ Петровичъ, а то я все думать буду,— я боюсь!

Лидія плела вѣеръ изъ крупныхъ листьевъ клена у самой калитки,—облокотилась тамъ и задумалась. Надъ лѣстницей главнаго дома распахнулось окно, и въ немъ—какъ въ рамкѣ—встала фигура бѣлокураго юноши со скрипкой въ рукахъ. Раздалась пробная гамма—и цѣлый хоралъ мелодическихъ воплей изъ «Dies irae» Моцарта выразительно прогремѣлъ и разсыпался въ воздухѣ, отпѣвая погибшихъ и грозя мучительной карой живымъ...

Плитинъ поднялъ голову и съ гримасой посмотрѣлъ на окно.

— А ужъ этотъ блѣднолицый молодой человѣкъ опять тамъ со скрипкой! Опять, видно, хочетъ угостить серенадой. Это, конечно, для васъ, Лидія Алексѣевна, онъ тутъ упражняется?

— Почему не для васъ?—разсѣянно откликнулась Лидія.

Солнце стояло надъ самой стѣной, и розовый блескъ его заливалъ горячимъ заревомъ всю площадку. Воздушное платье Лидіи и вся фигура ея точно пылали въ огнѣ. Ей было жарко стоять тутъ на солнцѣ, но присутствіе Заслоннаго стѣсняло и волновало— «какъ будто опять на экзаменѣ въ педагогическомъ комитетѣ». Она чувствовала на себѣ его наблюдающій взглядъ и мысленно готовилась къ «объясненію». А скрипка разгоняла всѣ мысли и навѣвала что-то свое—отдаленное и таинственное. Подъ звуки «Agnus Dei», «Recordare» и «Requiem aeternam» розовый блескъ дымился, какъ ладанъ, отъ нарцисовъ въ саду пахло церковной кадильницей и казалось—сейчасъ начнется страшный обрядъ постриженья...«въ монахини или въ жены—все равно *въ смерть*»... И сердце тоскливо замирало отъ этого ожиданія.

— Преинтересный молодой человѣкъ!—сказалъ громко Плитинъ.—Кудри на лбу какъ у Байрона, играетъ на скрипкѣ какъ по заказу.

Обрядъ постриженія отлетѣлъ. Стало весело и смѣшно отъ звуковъ ревности въ голосѣ Плитина.

— Этотъ молодой человѣкъ, — заговорила подъ музыку Лидія,—каждое утро безъ четверти девять уходитъ на службу. Свертокъ бумагъ подъ мышкой и лицо «казенное». Вѣроятно, какъ я у отца,—писцомъ въ какой-нибудь канцеляріи. Въ будни ходитъ всегда безъ перчатокъ—коричневое пальто, черная шляпа и черныя панталоны. А по праздникамъ—палевыя перчатки, шляпа соломенная, панталоны café à la crême и лицо заядлаго поляка и повстанца. И каждое утро — и въ будни, и въ праздникъ — непремѣнно посмотритъ на наше окно. Если я не взгляну—остановится подъ воротами и стоитъ. Ждетъ, пока не взгляну. Иногда я забуду—Нина увидитъ и позоветъ. «Подойди, ради Бога, взгляни на него—онъ все стоитъ!» Подойдешь поневолѣ. Еще опоздаетъ на службу,—прогонятъ. Чѣмъ же станетъ онъ жить, этотъ несчастный польскій

Библиотека "Руниверс"

писецъ въ россійской канцеляріи? Мнѣ ихъ жалко... Отецъ въ параличѣ, имѣнье у нихъ отобрали...

На лѣстницѣ хлопнули дверью. Скрипачъ и скрипка исчезли.

— Завязка, по-моему, вполнѣ романическая,—сквозь зубы процѣдилъ Плитинъ.—Нельзя ли узнать продолженіе?

— Музыкантъ ушелъ. Безъ музыки я не умѣю. Вотъ если опять заиграетъ...

Она посмотрѣла вверхъ на окно— и скрипка, дѣйствительно, какъ по заказу, заиграла что-то веселое вродѣ танца, но самъ скрипачъ оставался гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ. Лидія сквозь смѣхъ стала разсказывать «продолженіе». Это помогало не ждать «объясненія», и это, въ свою очередь, объясняло ее. «Пусть слушаютъ, я никого не боюсь! Я хочу жить и не отдамся живая... въ могилу!»

— Ну, вотъ, встрѣтились какъ-то на улицѣ и сейчасъ же сразились!—смѣясь и голосомъ, и лицомъ, разсказывала она.—Я шла изъ библіотеки съ книгами, онъ—со службы. Догналъ и раскланялся: «Шановной сосѣдкѣ почтенье глубокое! Столько книгъ! Нести тяжело. Позвольте услужить!»—и сейчасъ берется за связку. Польская манера противная, терпѣть не могу! Разумѣется, не позволила. Попросила не безпокоиться, да, кстати, не безпокоить и меня глупымъ стояніемъ подъ воротами. Вытаращилъ глаза. «Это у васъ такъ по-русски?»—«Да! Это у насъ такъ по-русски!»—«Мое ушанованье!» Снялъ шляпу, откланялся. И все-таки вѣдь каждое утро стоитъ!—съ забавнымъ отчаяніемъ досказала она.

Всѣ разсмѣялись.

— Бѣда съ этой молодежью!—сказалъ Антиповъ, вставая.—Всюду у нихъ сейчасъ заведутся романы. А ты знаешь, Лидія, поосторожнѣе будь съ оглядываніемъ-то!—внушительно прибавилъ онъ на порогѣ.— Помнишь Лотовыхъ дочерей? Тоже вѣдь оглянулись—а что потомъ вышло!

— «Оглядываться» и «взглянуть»—два глагола совсѣмъ разныхъ значеній!—задорно отвѣтила она вслѣдъ отцу, какъ отвѣчала недавно Ольшанину на экзаменѣ.

— Да что это за субъектъ въ самомъ дѣлѣ?—снова вмѣшался Плитинъ.—Если повстанецъ, такъ отчего же его не повѣсили?

Тѣнь скуки легла на жизнерадостное лицо.

— Ну, объ этомъ вы ужъ, пожалуйста, спрашивайте у тѣхъ, кто «вѣшаетъ»! Я знаю только одно: зовутъ «этого субъекта» панъ Ольгердъ Свенчъ, по воскресеньямъ «этотъ субъектъ» играетъ мессу у бернардиновъ, по вечерамъ—тутъ вотъ на лѣстницѣ, чтобы не безпокоить больного отца, и «этотъ субъектъ» страшно интересуетъ меня!—точно отрѣзала Лидія, и, движимая какой-то новой въ ней силой, она подошла съ рѣшительнымъ видомъ къ столу и сѣла прямо противъ Заслоннаго.

— Вамъ, должно быть, скучно сегодня у насъ?

Библиотека "Руниверс"

Заслонный былъ захваченъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ и что испытывалъ самъ. Онъ только что напряженно искалъ ея взгляда и мысленно подзывалъ къ себѣ. И вотъ наконецъ подозвалъ!

Онъ улыбался и выразительно смотрѣлъ на дѣвушку. Морщины поблѣднѣли на лбу и стали совсѣмъ незамѣтными.

— Я предпочелъ бы одно ваше общество,—многозначительно сказалъ онъ.—Мнѣ нужно многое вамъ сказать. И вотъ эта книга—она тоже скажетъ вамъ многое. Я ее взялъ для васъ у нашего попечителя.

Лидія вспыхнула и затрепетала въ смущеніи.

Поодаль отъ нихъ, на другомъ концѣ стола, Нина и Плитинъ коварно перешептывались между собою. Скрипка тоже коварно молчала, какъ бы прислушиваясь къ тому, что совершается на площадкѣ.

— Мы всегда уходимъ гулять послѣ чая куда-нибудь за городъ,—можетъ быть, и вы не откажетесь съ нами? Я думала все время о вашихъ словахъ, объ этомъ вашемъ «классицизмѣ»,—чуть слышно, краснѣя, прибавила Лидія, вспомнивъ послѣднее изъ «заданій» и не рѣшаясь взглянуть на Заслоннаго.

— И вамъ не нравится, я вижу, эта «мода»?

— Нѣтъ, не то. Я думала: жизнь и безъ того коротка, а тутъ долбленья на мертвомъ языкѣ...

— Только не знающему можетъ казаться «мертвымъ» языкъ величайшей поэзіи и философіи въ мірѣ, языкъ олимпійскихъ боговъ и титановъ!—съ спокойной увѣренностью произнесъ онъ.—И я надѣюсь заразить васъ желаньемъ пить собственными устами изъ этой упоительной чаши.

— Не до того теперь намъ въ Россіи.

— А до чего же теперь вамъ въ Россіи?—съ усмѣшкой переспросилъ онъ.

«Австрійскій подданный изъ-за границы, и весь чужой!» мелькнуло у нея въ головѣ. Она смѣло взглянула ему въ глаза.

— Много теперь дѣла въ Россіи. Жизни не хватитъ—все передѣлать. Жить одной жизнью съ работающимъ народомъ—это я считаю самой лучшей долей. Безъ труда для людей нѣтъ счастья, по-моему.

— Да вѣдь и «трудъ» тоже мода теперь... у господъ-бѣлоручекъ. А «работающему народу» совсѣмъ работать не хочется. Ему хочется избавиться отъ труда и пожить господскою жизнью. Народъ вообще—это вѣдь люди. А люди, какъ вамъ извѣстно, бываютъ разныхъ породъ. Это или подъяремное стадо, которому нуженъ только хорошій пастухъ, или—потомки безсмертнаго Прометея, родоначальника всѣхъ непримиримыхъ борцовъ. Только вѣщій духъ, вышедшій самъ изъ такого народа,—только носившій цѣпи нужды и насилія познаетъ, какъ должно, страданья

Библиотека "Руниверс"

людей и сумѣетъ ихъ научить, какъ расковывать эти цѣпи!—властно проговорилъ онъ,—«какъ говорятъ «герои» въ романахъ Шпильгагена»—подумалось тутъ же Лидіи.

Но этотъ «герой» былъ живой, онъ сидѣлъ передъ нею... Она слушала и какъ будто летѣла въ безбрежный просторъ, на царственныя вершины, гдѣ живутъ одиноко орлы, для которыхъ весь міръ—ихъ добыча. А душа возмущалась, закипая огнемъ, своимъ собственнымъ непокорнымъ огнемъ.—«Зачѣмъ мнѣ орлы! Зачѣмъ холодъ безлюдныхъ вершинъ! Я хочу быть съ людьми, съ родными людьми, на родной мнѣ землѣ!»—говорила душа, но огонь уносилъ еще выше, откуда и люди, и земля кажутся просто туманнымъ пятномъ, а жизнь—неустаннымъ бореніемъ вѣчныхъ стихій безъ мыслей и цѣлей...

Она молчала, чувствуя, какъ разгораются щеки и бурно бьется сердце въ ожиданіи новыхъ полетовъ,—и, взволнованная, пыталась вернуться къ обычнымъ рѣчамъ.

— Въ моемъ представленіи міръ строится по другому плану. Тамъ нѣтъ осужденныхъ на вѣчное рабство, нѣтъ безсловесныхъ... «породъ». Тамъ всѣ въ общеніи, всѣ служатъ взаимно другъ другу...

— По волѣ *вашей* фантазіи! А въ дѣйствительности—только что вы вышли изъ вашей каморки, только что обнаружили ваши волю и представленіе—какъ ужъ столкнулись съ другими волями, съ другими представленіями, съ другими фантазіями. И эти воли и фантазіи неизбѣжно присуждены побороть или уничтожить ваши. Или вы сами будете ихъ давить, насиловать!—съ печальной улыбкой договорилъ онъ, наслаждаясь живой игрой впечатлѣній на юномъ женскомъ лицѣ.

— Но зачѣмъ же непремѣнно насиліе? Я не выношу никакого насилія... Можно по взаимному соглашенію...

— То-есть, выдумывать новый Contrat social? Что жъ, я согласенъ, давайте вмѣстѣ выдумывать. Я вѣдь тоже выдумщикъ не слишкомъ плохой.

Они переглянулись, и имъ стало просто и хорошо,—какъ будто въ этомъ обмѣнѣ взоромъ творилось уже нѣчто похожее на взаимное соглашеніе.

— Ну, что же, господа, кто хочетъ со мной до перваго полустанка?—послышался съ веранды голосъ Антипова.

— Мы, мы хотимъ!—крикнулъ Плитинъ и, съ напускной развязностью подхвативъ Нину подъ руку, пустился галопомъ «догонять папашу».—А ученые пусть себѣ разглагольствуютъ!—хихикалъ онъ по дорогѣ.—Ихъ теперь хоть водой поливай—не почувствуютъ. Знаемъ мы эти элевзинскія мистеріи, хха-хха-хха!

— Лопочетъ совсѣмъ какъ индюкъ!—вторила ему Нина. — Ну, развѣ бываютъ такіе женихи, скажите, пожалуйста? Одна умора съ этимъ Заслоннымъ...

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ, Нина Алексѣевна, онъ не индюкъ. Онъ—священный ибисъ. Молодыя прекрасныя дѣвушки—вродѣ васъ или вашей сестры—должны приносить себя ему въ жертву... Вы понимаете? «Простое поглощается наиболѣе сложнымъ»... И придумалъ же вѣдь шельмецъ! Элевзинскія мистеріи... Ахъ, каналья заморская!.. Нѣтъ, понимаете?.. Вотъ нахалъ!

Нина ничего ровно не понимала, но ей нравилось бѣжать такъ галопомъ подъ руку съ Плитинымъ, и она съ хохотомъ повторяла за нимъ:

— Ахъ, каналья заморская! Вотъ нахалъ!

XI.

— Вы пойдете?—спросилъ Заслонный у Лидіи, когда они остались вдвоемъ.

— Пойдемте!—попросила она и сейчасъ же вспыхнула и затрепетала въ смутномъ предчувствіи близкаго «объясненія» и въ радостномъ сознаніи такъ нежданно заполненной жизни.

Онъ безпрекословно подчинился ея желанію. Съ минуты, какъ она подошла къ нему, она стала необходима ему, какъ воздухъ. Безъ нея, казалось, нечѣмъ бы было дышать. Она вышла, чтобы взять накидку и шляпу и проститься съ матерью. А ему вспоминался вчерашній тостъ Пояркова—«за хорошую дѣвушку съ чуткимъ сердцемъ и яснымъ умомъ».

«Вотъ она—тутъ, эта дѣвушка!» думалъ онъ, слушая ея нѣжный голосъ за дверью. Ему не нужно было другой. Она—та самая... предназначенная ему судьбой.

...Они не помнили оба, гдѣ они гуляли тогда, кто съ ними былъ и о чемъ говорили другіе. Они вмѣстѣ переживали что-то самое важное и, какъ слѣпые, ощупью шли за уносившимъ потокомъ ихъ общей жизни.

Онъ говорилъ,—краснорѣчиво и пламенно говорилъ обо всемъ, что его теперь всего больше занимало,—о содержаніи своей будущей диссертаціи,—о томъ, что Лидія ему напоминаетъ Ифигенію,—о томъ, что жизнь вообще или тюрьма, или пиръ, а люди—рабы или боги... О райской жизни вдвоемъ съ понимающимъ насъ человѣкомъ... О томъ, что она «создана для гармоніи семейнаго быта» и «можетъ дать рѣдкое счастье серьезному человѣку съ глубокой, незаурядной душой»...

Онъ только намекалъ, а ей казалось,—она уже хлебнула изъ той «упоительной чаши». Чарующія картины проносились въ воображеніи, и плѣнительный міръ возникалъ передъ нею,—міръ совсѣмъ новый, съ другимъ уже небомъ, съ другой природой людей и вещей... Ихъ больше не было, тѣхъ плѣнительныхъ образовъ слитія тѣла и духа въ живой красотѣ,—они *прошли*,—но они были

Библиотека "Руниверс"

прекрасны, и хотѣлось снова вызвать ихъ къ жизни,—въ иныхъ, болѣе сродныхъ намъ сочетаніяхъ, очищенныхъ отъ тины грязныхъ или жестокихъ страстей житейскаго искаженія,—чтобы явились вновь живые образы этой очищенной красоты мысли и ощущенія...

«Всѣмъ указать и всѣхъ спасти!»

Она сама дивилась, откуда берутся въ ней эти чувства и мысли—такъ чудодѣйственно зарождались онѣ отъ первой встрѣчи съ этимъ новымъ для нея человѣкомъ. Отъ каждаго его слова и отъ каждаго взгляда вся душа ея приходила въ движеніе. И въ сладостномъ трепетаніи всѣхъ душевныхъ струнъ—какъ въ переливахъ Эоловой арфы—впервые звучала ей ясной мелодіей пѣсня о правѣ на жизнь и на счастье,—о ненужности жертвы.

Но у него была пріятная манера ходить почти по пятамъ, дотрагиваться до рукъ и заглядывать близко въ лицо. И только что пальцы его коснулись ея руки—вся эта музыка Эоловой арфы сразу разсѣялась.

Она безсознательно отстранилась, замѣтила, что далеко отстали, и пошла скорѣе, чтобы догнать своихъ.

— Я хотѣлъ бы заглянуть въ вашъ внутренній міръ,—съ тревогой заговорилъ онъ.—О чемъ вы думаете теперь, что васъ волнуетъ?.. А что волнуетъ—это для меня несомнѣнно.

— Я не привыкла ни съ кѣмъ дѣлиться моимъ внутреннимъ міромъ.

— Вы привыкли царить, я это сегодня замѣтилъ. На Востокѣ существовалъ когда-то обычай,—можетъ быть, онъ и до сихъ поръ еще существуетъ,—не допускать простыхъ смердовъ до лицезрѣнія властелина. Монархи въ этихъ деспотіяхъ провозглашаются «сынами неба», ихъ держатъ въ таинственномъ отдаленіи. Не правда ли, очень мудрый обычай? Иначе вѣдь можетъ случиться, что изъ числа этихъ смердовъ окажется хоть одинъ смышленый и достаточно проницательный, способный распознать истинную природу мнимаго сына небесъ. Былъ одинъ такой случай. На тронѣ сидѣлъ раскрашенный деревянный чурбанъ въ великолѣпныхъ облаченіяхъ богдыхана, и придворные окружали его почетною стражей и воздавали ему всѣ почести, какъ живому и настоящему. Очень мудрые люди, не правда ли? Они охраняли престижъ деспотической власти. Но вотъ какъ совмѣстить міръ взаимообщенія и взаимныхъ услугъ съ престижемъ деспотіи—до этого до сихъ поръ никто еще не додумался. И я, простой смердъ,—я тоже не постигаю. Можетъ быть, вы теперь «просвѣтите» меня, такъ какъ я тоже ищу просвѣщенія...

Злая иронія звучала слишкомъ язвительно и потому слишкомъ грубо.

Библиотека "Руниверс"

— Понимайте, какъ вамъ угодно, но я иначе не могу... Я не могу!—съ волненіемъ, твердо повторила Лидія.

— Ну, а если бъ вы встрѣтились съ тѣмъ понимающимъ васъ человѣкомъ, о которомъ я только что говорилъ, если бъ вы вышли замужъ,—развѣ вы не открылись бы мужу... любимому мужу?

— Не знаю... Для этого надо...

— Чтобъ онъ во всемъ былъ сходенъ съ вами?

— А такого нѣтъ и никогда не будетъ!—торопливо досказала она, пряча руку въ складкахъ своей бѣлой мантильи, чтобы не встрѣтиться съ его пальцами.

— Но я такой! Ужели вы не чувствуете? Совсѣмъ такой!—пылко и властно убѣждалъ онъ, пытаясь снова приблизиться и заглянуть ей въ глаза.

Въ отвѣтъ послышалось только взволнованное: «не знаю, не знаю...»

...Была уже глубокая ночь. Они стояли подлѣ самыхъ воротъ. Всѣ прощались и смотрѣли на нихъ, а онъ все держалъ ее за руку въ надеждѣ услышать что-нибудь новое и отъ страха потерять ее навсегда. Но она еще разъ повторила то же «не знаю»—и исчезла впотьмахъ, за калиткой.

XII.

Онъ остался снова одинъ. Все исчезло... Только пламя желаній не исчезало въ груди. Ничего не замѣчая вокругъ, онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по улицамъ, переживая вновь въ своихъ мысляхъ только что пережитое, и часамъ къ девяти на слѣдующій день былъ ужъ опять на Стефановской. Издалека онъ видѣлъ, какъ вышелъ изъ воротъ Алексѣй Антипычъ, а за нимъ по праздничному нарядная Нина,—очевидно, къ обѣднѣ по случаю Духова дня,—и совсѣмъ обезумѣвшій отъ этой ночи безъ сна, въ страстной истомѣ надеждъ и желаній, лихорадочно позвонилъ у крыльца. Ему нужно было во что бы ни стало увидѣться съ Лидіей. Только тогда онъ повѣритъ, что это не бредъ разстроеннаго ума и распаленной фантазіи. Только увидѣвъ Лидію, онъ пойметъ, что она существуетъ и не скрылась отъ него навсегда.

— Лидія Алексѣевна... Гдѣ Лидія Алексѣевна? Мнѣ нужно видѣть Лидію Алексѣевну,—въ безпамятствѣ, какъ больной, повторялъ онъ—и Петрунелѣ, и деньщику, и самой Антонинѣ Михайловнѣ.

— Лидія выйдетъ потомъ, она еще спитъ. Вы вчера загулялись. Присядьте пожалуйста. Чайку не желаете ли?—пробовала его успокоить Антонина Михайловна. Но вмѣсто успокоенія ей пришлось выслушать цѣлую фугу страстныхъ признаній.

Библиотека "Руниверс"

— Я до нея никого не любилъ. Это моя первая и послѣдняя, моя альфа и омега... Я хотѣлъ бы посвятить ей всю жизнь... осуществить всѣ ея мечты и желанія. Мнѣ надо увидѣться съ нею. Я хочу, чтобъ она это знала... чтобы услышала сама отъ меня... Теперь или никогда!

И онъ метался по комнатѣ, судорожно ломая руки, кусая до крови пересохшія губы и чуть не плача отъ боли страстнаго нетерпѣнія.

Антонина Михайловна совсѣмъ растерялась,—позвала Петрунелю и послала ее къ «барышнѣ»—разбудить ее, если спитъ, и попросить поскорѣе въ гостиную.

Но когда Лидія вышла къ нему, невозмутимая и непроницаемая, какъ дѣвичья тайна, онъ не зналъ, что сказать,—растерянно, какъ виноватый, смотрѣлъ на милую ему дѣвушку, судорожно пожималъ ея руки и улыбался безпомощной и какъ бы тоже виноватой улыбкой.

— Я сейчасъ ѣду въ Нѣмновъ... Я привезу вамъ Гесіода и англійскихъ книгъ,—бормоталъ онъ, успокоенный и счастливый, въ твердомъ рѣшеніи жениться на Лидіи не позже конца сентября, если нельзя будетъ въ августѣ.

Въ Нѣмновѣ оставаться онъ ужъ не могъ и всѣ нужныя ему пособія, книги и рукописи перевезъ къ Денису Мартынычу.

Денисъ Мартынычъ получилъ отъ него изрядную сумму на общее хозяйство и для уплаты разныхъ долговъ, уступилъ ему за это свою комнату, а самъ перебрался въ кухню. Емельяна отправили на лѣто въ деревню, къ отцу. Анна—или Гандзя, какъ она сама себя называла,—являлась попрежнему убирать панскій «покой», и уже не конфузилась, когда «лысый панъ-научитель» поднималъ отъ работы свою лысую голову и съ улыбкой просилъ не приводить въ порядокъ его бумагъ, не плакала отъ обиды, если онъ бралъ у нея изъ рукъ метлу и собственноручно выметалъ соръ на улицу, чтобы остаться поскорѣй одному.

Работа кипѣла какъ никогда. Не отрываясь сидѣлъ онъ за ней цѣлый день, захватывая нерѣдко часы обѣдовъ и ужиновъ у Балковскаго, но общежитіе съ Денисомъ Мартынычемъ давалось ему не легко. Не разъ бывали даже серьезныя стычки, послѣ которыхъ оставалось только запаковать чемоданы и ѣхать обратно въ Нѣмновъ. То завладѣетъ его вѣнскимъ кофейникомъ и начнетъ угощать его кофе всѣхъ, кто ни придетъ—и Гандзю, и Лейбу, и сторожа съ корректурами. То заберетъ себѣ сдачу и забудетъ отдать. То безцеремонно, безъ спроса, надѣнетъ его рубашку и галстукъ, то растеряетъ его носовые платки. И вмѣсто извиненія—только пожимаетъ плечами: «Какъ это можно изъ-за такихъ мелочей выходить изъ себя, обладая философскимъ умомъ и всякими тамъ возвышенными премудростями!» Лука Мартынычъ запиралъ

Библиотека "Руниверс"

отъ него на замокъ всѣ ящики и чемоданы, а Денисъ Мартынычъ только отплевывался. Или бралъ съ полки завалявшійся томъ «Твореній Іоанна Златоуста» и съ ехидной усмѣшкой прочитывалъ ему вслухъ какое-нибудь особенно краснорѣчивое поученіе о смертномъ грѣхѣ сребролюбія и корыстолюбія.

— Хорошій вы, умный вы, Лука Ѳомичъ, человѣкъ—и такой, съ позволенья сказать, жадный скаредъ! А еще жениться на Антиповой собираетесь! Что жъ, неужто и отъ нея запирать сахаръ будете?—съ чувствомъ выговаривалъ онъ.—Эхъ, батенька, ничего ваши греки, я вижу, не стоятъ. Честное слово даю. Не даромъ же проклинали ихъ святые отцы на соборахъ. Іоаннъ-то Златоустъ, поди, не глупѣе вашихъ Эсхиловъ былъ, а вонъ что сказалъ...

Заслонный, какъ бѣшеный, срывался со стула, весь красный отъ гнѣва.

— Прошу уволить меня отъ выслушиванья чьихъ бы то ни было поученій! Я привыкъ поучать—слышите вы?—поучать, а не выслушивать поученія!—яростно кричалъ онъ и начиналъ метаться по комнатѣ.

Денисъ Мартынычъ, пожимая плечами, съ той же усмѣшкой ставилъ на прежнее мѣсто ненужнаго больше ему Златоуста. А Заслонный, схвативъ всегда готовый дорожный мѣшокъ, уѣзжалъ на недѣлю въ Нѣмновъ пріискивать «семейную» квартиру и подходящую мебель, «чтобы разъ навсегда покончить всѣ дрязги и зажить *своей* жизнью вдвоемъ съ понимающей и сочувственной женщиной».

Надо было спѣшить съ объясненіемъ. Въ согласіи Лидіи онъ не сомнѣвался,—онъ убѣдитъ ее въ этомъ неизбѣжномъ согласіи,—но и что-то странное, какъ тѣнь, по временамъ омрачало его увѣренность.

Вмѣсто Уэвеля она читала теперь Карлейля и Ѳеогонію Гесіода, заслушивалась, когда онъ излагалъ философемы древней трагедіи,—когда прочитывалъ наизусть строфу изъ «Прометея» или страницу изъ «Осъ», но отъ объясненій съ нимъ съ глазу на глазъ видимо, уклонялась, и что-то гордо-презрительное или безпощадно-насмѣшливое слышалось по временамъ въ ея интонаціяхъ, когда она обращалась къ нему. Она какъ будто не отличала его тогда отъ Плитина.

Этотъ «кандидатъ» обнаруживалъ явное намѣреніе стать ему на дорогѣ. А съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ на каникулы сынъ Антиповыхъ, лицомъ похожій на Лидію, такой же розовый и кудрявый, но широкоплечій и жизнерадостный юристъ-студіозъ, по вечерамъ сталъ появляться и блѣднолицый полячокъ съ своей скрипкой. Составлялись дуэты и тріо, заводились ожесточенные споры, веселые и задорные, съ перекрестнымъ огнемъ изъ любезностей и насмѣшекъ,—обычные молодые споры, въ которыхъ ему

Библиотека "Руниверс"

трудно бывало и не хотѣлось участвовать, но зато свободнѣе было слѣдить за Лидіей и отдаваться своимъ наблюденіямъ надъ этой русской семьей «въ періодѣ броженія и трансформаціи». Онъ угадывалъ, что въ Лидіи говоритъ теперь чувство «личности», желаніе удержать свою независимость—или свои «капризы», какъ иногда казалось ему,—и это еще болѣе привлекало его къ умной и даровитой, но слегка избалованной дѣвушкѣ, не нашедшей еще для себя ни ясной формулы, ни пригоднаго выхода для нетронутыхъ силъ. Она манила его, какъ скульптора манитъ къ лѣпкѣ мягкій воскъ или свѣжая глина, а писателя—одинъ видъ чистой бумаги на рабочемъ столѣ. Самый процессъ наблюденія завлекалъ его какъ мыслителя, философа-психолога.

Нина была красивѣе. Но почему-то хотѣлось смотрѣть не на нее, а на Лидію. Черты неправильныя и некрасивыя, а лицо—какъ волшебный фонарь съ безконечнымъ разнообразіемъ отраженій. И одно изъ нихъ ему особенно нравилось: огонь одухотворенной любви ко всему живущему, придававшій ей минутами чудное сходство съ Венерой Милосской. Ея привычка вспыхивать заревомъ при каждомъ его взглядѣ и нѣжный звукъ ея голоса какъ будто ласкали его по лицу. Лидія казалась ему тогда невыразимо прекрасной, и счастье обливало горячей волной его грудь при одной мысли, что эта дѣвушка съ голубыми огнями въ глазахъ и вспышками внезапно расцвѣтающей розы станетъ его женой... И онъ возьметъ въ свои ладони это милое, зардѣвшее розой лицо и прильнетъ къ нему жадно губами, какъ пчела къ медовой сердцевинѣ душистаго и влажнаго розоваго цвѣтка.

А это будетъ непремѣнно! Недаромъ же Поярковъ назвалъ его «витяземъ духа». Онъ завоюетъ сердце розы, и онъ упьется ароматомъ цвѣтка...

Но временами ему казалось, что эта девятнадцатилѣтняя дѣвушка, какъ опытная кокетка (въ Нѣмновѣ-то вѣдь были романы!), умышленно разжигаетъ въ немъ страсть своей неприступностью,—и бѣшеная злость овладѣвала имъ, и язвительная «насмѣшка готова была сорваться съ его губъ въ отвѣтъ на смѣшныя и глупыя женскія козни».—«Пусть потомъ хоть повѣсится, какъ дочь Ликамба отъ ядовитыхъ ямбовъ Архилоха!»—злорадно думалъ онъ въ такія минуты.

XIII.

«Объясниться—и, если откажетъ, расхохотаться въ глаза и уйти!»—съ такимъ рѣшеніемъ поднимался Заслонный въ одинъ вечеръ къ Антиповымъ.

Онъ засталъ всѣхъ за чайнымъ столомъ—на площадкѣ. Поискавъ, какъ всегда, глазами Лидію и встрѣтивъ ея разсѣянный

Библиотека "Руниверс"

взглядъ, онъ сейчасъ же успокоился и вошелъ въ свою обычную роль — внимательнаго наблюдателя, изготовляющаго диссертацію на тему о славянской протоплазмѣ въ періодъ броженія и трансформаціи.

Вечеръ выбралъ онъ удивительный, какіе бываютъ только разъ во все лѣто. Послѣ знойнаго, душнаго дня солнце какъ будто остановилось, зачарованное и млѣющее въ собственной нѣгѣ, и, какъ чудесный гость иного міра, стояло незримое—ни на землѣ, ни на небѣ — гдѣ-то тутъ, совсѣмъ близко. Розовыя тѣни и ароматы цвѣтовъ тоже млѣли...Птицы давно замолчали. Только запоздалая иволга неутомимо повторяла на одинъ ладъ, точно спрашивала у всѣхъ: «Хорошо ли вамъ тутъ?» и, не дождавшись отвѣта, сама отвѣчала: «А мнѣ хорошо... А мнѣ хорошо...»

Разговора общаго не было. За минуту до него явившійся Плитинъ, какой-то особенно чистенькій, вылощенный, сообщалъ о только что состоявшемся назначеніи своемъ въ Петербургъ и совѣщался объ общихъ «дѣлахъ» съ Алексѣемъ Антипычемъ. Студентъ восхищался послѣднимъ романомъ Шпильгагена съ выведеннымъ въ немъ «соціальнымъ движеніемъ». Антонина Михайловна, разрѣзая новую книжку, жаловалась на современные журналы, въ которыхъ «совсѣмъ нечего читать»—«не то, что прежде бывало,—ждешь, не дождешься новой-то книжки»...

— А теперь что? О чемъ они пишутъ? Все больше ругательныя слова да какъ бы кого осмѣять позазорнѣе. Ты ужъ, пожалуйста, не бери мнѣ этого новаго журнала,—не хочу его больше читать. Слышишь, Лидія?

Лидія молча кивнула головой, видимо, думая о чемъ-то другомъ, а Заслонный сказалъ точно съ каѳедры:

— Современная литература въ Россіи—отъ Гоголя. Но что такое всѣ типы Гоголя? Рядъ шаржей, карикатуръ, не болѣе. Какія впечатлѣнія останутся у читателя отъ всѣхъ этихъ типовъ, помимо поэзіи формы? Вѣдь роскошныя краски, яркіе, сочные колориты, мѣткая твердость штриха—все это впечатлѣнія формы. А впечатлѣнія содержанія? Насмѣшка или состраданіе къ юродивымъ, отвращеніе и презрѣніе къ мошенникамъ и негодяямъ—и только. Но смѣяться—хоть и «сквозь слезы»—надъ тѣмъ, что изъ рукъ вонъ плохо,—это просто безчестно и глупо и къ лицу только зажирѣлому откупщику послѣ обѣда, для вящшаго пищеваренія, но ужъ совсѣмъ не литератору—врачу и портретисту человѣчества...

— Говорить такъ о Гоголѣ значитъ вовсе не понимать значенія русской литературы,—внушительно вставилъ Плитинъ и покосился на Лидію, но Лидія задумчиво смотрѣла куда-то въ пространство.

— Значеніе *всякой* литературы,—невозмутимо продолжалъ

Библиотека "Руниверс"

Заслонный:—возвышать нравственный уровень общества возбужденіемъ въ немъ энергіи, а не ослаблять ее безпомощнымъ отчаяніемъ въ сознаніи повсемѣстной гадости. Очищать наплывы всякой скверны и затхлости, а не вдыхать ее самимъ, не задыхаться въ ея міазмахъ. Но откуда взялась бы у Гоголя иная, высшая жизнь, когда ея нигдѣ еще не было? Откуда взялась бы въ Россіи философія римскихъ и греческихъ добродѣтелей, когда вся страна поголовно дѣлилась на рабовладѣльцевъ, обжирающихся и обирающихъ,—и на рабовъ-крѣпостныхъ, обжираемыхъ и обираемыхъ? Пороки и недостатки такого народа не дорастали до безобразно-чудовищныхъ искаженій Запада,—Нероновъ и Геліогабаловъ не бывало въ Россіи; но не было въ ней зато и Перикловъ,—ни Ликурговъ, ни Спартаковъ, ни Брута, ни Юлія Цезаря...

«Настоящій аббатъ Сугерій,—потихоньку зѣвая, думалъ Сергѣй.—Вотъ бы его къ намъ въ Петербургъ вмѣсто Лохвицкаго. Ну, а здѣсь его слушать скука порядочная. Хоть бы Ольгердъ тамъ сыградъ что-нибудь»...

— Всѣ мы строимъ боговъ изъ того же матеріала, изъ какого сдѣланы сами,—иронически продолжалъ Заслонный.—Довольно съ насъ и того, что мы восхищаемся дубинкой Петра Великаго да воспѣваемъ гражданскіе подвиги Минина, да благоговѣемъ передъ Макаріемъ и Филаретомъ...

Плитинъ съ шумомъ отодвинулъ свой студъ.

— А не пойти ли намъ съ вами въ комнаты, Алексѣй Антипычъ?—предложилъ онъ, вставая.—Вѣдь мы еще не обо всемъ порѣшили.

Они удалились въ гостиную. За столомъ воцарилось молчаніе. Иволга тоже замолкла. Только небо дышало, какъ человѣческая грудь и цвѣты благоухали вокругъ.

Сергѣй все поглядывалъ на окошко надъ лѣстницей въ ожиданіи, не появится ли тамъ панъ Ольгердъ со скрипкой, и ему можно будетъ тогда улизнуть подъ шумокъ. «И что жъ это Лидія-то молчитъ? Занялась бы съ нимъ философіей...» Онъ вопросительно посмотрѣлъ на сестру. Она сидѣла попрежнему, опершись локтями на столъ, и, зажавъ лобъ руками, ничего не замѣчая, смотрѣла куда-то передъ собою.

— Когда живешь худо, хочется жить хорошо,—неожиданно для всѣхъ размечталась вслухъ Нина, всегда молчаливая при постороннихъ.

— А когда живешь хорошо, хочется жить худо?—подхватилъ со смѣхомъ Сергѣй.—И это тоже называется философіей? Та-акъ-съ! Одобряю. Ну, а ты, Лидія, чѣмъ рѣшила? Или все еще вопрошаешь оракула?—Сестра не отвѣчала. Онъ подошелъ къ ней и потрясъ ее за руку.—Проснись, душа моя, или скажи, что во снѣ видишь?

Библиотека "Руниверс"

— Ахъ, оставь меня, ради Бога!—громко вскрикнула Лидія и убѣжала въ слезахъ.

— Вотъ еще сумасшедшая! Рѣшительно не понимаю!—бормоталъ сконфуженный юноша, уходя за ней.

Она вернулась сіяющая, съ большимъ пучкомъ цвѣтовъ, только что срѣзанныхъ и поднесенныхъ ей любезнымъ хозяиномъ,— присѣла къ столику на верендѣ и занялась составленьемъ букетовъ, какъ художникъ, подбирая тона. Матери она выбрала темные, успокоительные цвѣты—изъ анютиныхъ глазокъ и резеды, Нинѣ—цѣлую гамму яркихъ и пестрыхъ душистыхъ горошковъ, а себѣ—аѳинскій табакъ и гвоздику. Роза была только одна—панъ Тодоровичъ скупился на розы, сберегая ихъ для жены,—и она колебалась съ минуту, кому отдать эту чудную розу—такую нѣжную, съ крупными длинными лепестками, тѣлеснаго цвѣта, съ тонкимъ запахомъ персика или женской душистой кожи,—«рѣдкой породы розъ Мальмезонъ», по словамъ хозяина,—и кончила тѣмъ, что поставила ее на столѣ въ гостиной, въ стаканѣ съ водой.

— Такъ никому не обидно?!—съ улыбкой пояснила она Заслонному.

Онъ съ затаеннымъ волненіемъ ждалъ ее у того же столика. Столикъ былъ очень маленькій, и между ними были только эти цвѣты да «Ѳеогонія» Гесіода, которую Лидія возвращала ему.

— О чемъ вы плакали, Лидія Алексѣевна?—спросилъ онъ.

Она не отвѣчала, занятая подбираньемъ оттѣнковъ и любуясь игрой луча въ нѣжной окраскѣ анютиныхъ глазокъ. Улыбка наслажденія, тоже какъ лучъ, играла у нея на лицѣ.

«Она будетъ артисткой!» ревниво думалъ Заслонный, глядя на эту улыбку.

— О чемъ же вы плакали?—повторилъ онъ.

— А такъ. И сама не знаю. Вы не вѣрите? Это бываетъ со мной. Вдругъ станетъ тоскливо-тоскливо... Точно въ пустынѣ, одна... Никого!.. Такъ бы и крикнула куда-то въ пространство... въ «чудное, прекрасное далеко»: «Чуешь ли?»—и чтобъ оттуда донеслось это дивное: «Чую!»... «Смирись, горделивый! Потрудись, нерадивый!»—Да, вотъ что для насъ этотъ Гоголь, этотъ «портретистъ человѣчества»... Со всѣхъ концовъ Россіи теперь несется тотъ призывъ, напоминаніе... А что «сѣрые» мы — грубое сырье неотесанное—и Перикловъ у насъ никогда не бывало—это вы правду сказали. И отъ этого тоже бываетъ тоска... Да и мало ли что еще придетъ въ голову... Нѣтъ, а главное—такой чудный вечеръ—никогда не бывало—дышать бы да радоваться, что живешь на землѣ, а тутъ спорятъ да препираются... Ненавижу!.. Совсѣмъ точно бархатъ! — неожиданно заключила она, слегка прикасаясь щекою къ цвѣтку. — И какой-то цвѣтъ удивительный —

Библиотека "Руниверс"

посмотрите! — коричневое золото и алый огонь — въ переливахъ.

— Цвѣтъ самой настоящей античной бронзы. Если бъ вы были моей женой, я желалъ бы видѣть на васъ подобное платье.

— И вы думаете, я бы стала носить? У меня вкусъ самый простой. Говорятъ, даже грубый. Будь у меня другая фигура—классическая—я одѣвалась бы какъ простая гречанка: лѣтомъ туника изъ суроваго полотна, зимой—суконная или шерстяная.

Ему показалось—она вызываетъ на объясненіе, и онъ отвѣтилъ давно заготовленной фразой:

— Современныхъ диѳирамбовъ вашей наружности я, разумѣется, говорить не стану, это не въ моемъ духѣ,—но я могъ бы сказать вамъ словами Гомера. Выводя Елену на судъ передъ старцами, Гомеръ не описываетъ, какой былъ носъ, какіе глаза, какой родъ у Елены,—онъ просто говоритъ въ «Иліадѣ»: «Старцы *затрепетали*, завидѣвъ идущую къ нимъ Елену.—Женщина!—сказали они:—ты достойна, чтобъ за тебя сражались народы». Вотъ то же самое испытываю я въ вашемъ присутствіи, Лидія Алексѣевна.

Онъ замолчалъ и пристально, въ упоръ смотрѣлъ на нее, желая угадать впечатлѣніе.—Ни одна женщина, думалъ онъ, не въ состояніи равнодушно слушать такія признанія.—Но она оставалась непроницаема.

— Я наблюдалъ за вами все это время,—продолжалъ онъ,—и я убѣдился, что съ вами можно жить или очень хорошо, или очень дурно. И вотъ мнѣ кажется, что я—какимъ вы меня знаете—могъ бы очень хорошо прожить съ вами. Я предлагаю вамъ эту жизнь. Я чувствую къ вамъ влеченіе для меня несомнѣнное. Въ васъ нахожу я мой идеалъ женщины...

Она сидѣла, не проронивъ ни звука, не поднимая глазъ. Только руки и юная грудь выдавали ликующее волненіе.

Не одно только удовлетворенное самолюбіе и не тщеславіе ликовали въ ней,—нѣтъ, тутъ было торжество надъ чѣмъ-то въ *прошломъ*. Побѣда нѣкогда жестоко побѣжденнаго въ первой жизненной схваткѣ, цѣлебное заживленіе застарѣлыхъ ранъ... Вѣдь то, что слушала она теперь, говорилось ей послѣ того, что было пережито тамъ, въ томъ же Нѣмновѣ... Послѣ всѣхъ этихъ чаръ,—послѣ всей этой горечи несбывшихся ожиданій въ пыткѣ ревнивыхъ терзаній и оскорбленной дѣвической гордости и тоски безъ конца!

Да, это было ея торжество. Ея искали. За ней пріѣхали—какъ за троянской Еленой... Ея присутствіе вызываетъ страстный трепетъ въ мужчинѣ... И въ какомъ! Въ лучшемъ изъ всѣхъ, кого она знаетъ,—въ умнѣйшемъ, гордомъ и независимомъ... Какой-то полубогъ среди всѣхъ этихъ безгласныхъ, неумѣлыхъ, пустыхъ и пошлыхъ или злобныхъ ...«реалистовъ»...

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ лучше, если сама она не ощущаетъ страсти. «Женщина должна быть божествомъ на алтарѣ мужчины»—говорилъ ей этотъ полубогъ. И вотъ она пріѣдетъ въ Нѣмновъ владычицей надъ сердцемъ полубога. И *тотъ* «мужчина», обыкновеннѣйшій мужчина—встрѣтится съ ней на тѣхъ же улицахъ, на томъ же берегу, гдѣ властны были его чары,—и она пройдетъ, безстрастная и недоступная... Какое торжество!—вихремъ проносилось у нея въ головѣ, пока она слушала.

— Я пріѣхалъ теперь въ Лѣсновъ вторично, чтобы сказать вамъ это и узнать вашъ отвѣтъ,—говорилъ онъ.—Завтра я долженъ ѣхать на весь іюль въ Петербургъ, хлопотать о судьбѣ моей магистерской диссертаціи. Мнѣ тяжело уѣзжать, не зная, что вы отвѣтите мнѣ.

Она отвѣтила, какъ всегда и всѣмъ отвѣчала,—что подсказало ей сердце:

— Я слушаю васъ, какъ набожные люди читаютъ молитвенникъ. Какъ книга, вы для меня то же, что этотъ Гесіодъ—произведеніе возвышеннаго духа.

— Только какъ книга? Я для васъ только книга?—внутренно холодѣя, переспросилъ онъ.—А самъ я... вы ничего не чувствуете ко мнѣ?—Онъ протянулъ къ ней руку и, крѣпко сжимая ея руку въ своей, съ дрожью въ голосѣ повторилъ еще разъ:—Вы ничего не чувствуете—теперь вотъ, въ эту минуту, когда я держу вашу руку въ своей?

— Ничего,—спокойно отвѣтила Лидія, и сама испугалась впечатлѣнія своего отвѣта.

Онъ весь содрогнулся, какъ будто его ударили. Лицо исказилось до неузнаваемости. Морщины на лбу наливались кровью и шевелились какъ змѣи. И въ каждой морщинѣ была какъ будто особая, жестокая мысль. Точно молніи изъ-за тучъ прорѣзали онѣ его лобъ, это небо душевное человѣка. Рука, державшая книгу, нервно стучала по крышкѣ маленькаго столика, стоявшаго между ними. Онъ былъ готовъ убить ее на мѣстѣ этой книгой въ припадкѣ озлобленія и гнѣва.

Лидія почти въ ужасѣ смотрѣла на это новое для нея лицо, и на минуту ей сдѣлалось страшно оставаться вдвоемъ съ такимъ человѣкомъ. Но онъ уже овладѣлъ собой. Лицо покрывалось смертельной блѣдностью, а губы судорожно улыбались тоскливой улыбкой—совсѣмъ не той улыбкой, какую приготовлялъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

— Я причинила вамъ боль? Простите!—робко прошептала она.

— Нѣтъ, нѣтъ... Благодарю васъ!—пробормоталъ онъ, вставая, и сейчасъ же ушелъ.

Лидія сидѣла въ раздумьѣ одна на верандѣ. «Неужели все кончено, и онъ никогда не придетъ?» Она взглянула на книгу,

Библиотека "Руниверс"

лежавшую на столѣ, и въ неудержимомъ порывѣ ринулась съ ней слѣдомъ за нимъ на лѣстницу. Онъ стоялъ у самыхъ дверей, прислонясь къ стѣнѣ, какъ бы не въ силахъ спуститься внизъ до конца. Завидѣвъ ее, вздрогнулъ и отвернулся. Сумерки скрывали выраженье его лица, но она угадывала страданіе и безстрашно приблизилась.

— Вы забыли взять вашу книгу, я принесла ее.

— Пусть остается у васъ... на память обо мнѣ,—глухо сказалъ онъ.

— И еще я хотѣла сказать... Я дорожила всегда вашимъ обществомъ. Никогда и ничьимъ не дорожила я такъ...

— Но вы сказали, что я для васъ только книга?

— Но дорогая, но очень цѣнная книга!

Онъ опять отвернулся. Ея присутствіе, ея голосъ причиняли ему физическое страданіе. Она видѣла судорожное движеніе его губъ и не знала, чѣмъ и какъ утѣшить его.

— Я васъ еще мало знаю... Можетъ быть, послѣ когда-нибудь... Я не хочу, чтобы вы страдали изъ-за меня!—съ жаромъ сказала она, чувствуя что-то бо̀льшее въ немъ для себя, чѣмъ одно значеніе книги.

— Идите къ себѣ! Нехорошо, если кто-нибудь застанетъ тутъ насъ вдвоемъ!—съ нѣжной заботливостью проговорилъ онъ, смягчаясь.—Вы хорошая, добрая дѣвушка. Вы мнѣ стали еще дороже теперь. Я не хочу порвать съ вами, но мнѣ больно, когда я васъ вижу... Не того совсѣмъ ждалъ и желалъ я сегодня... Нѣтъ, не того... Ну, а теперь уходите, пожалуйста!

Лидія послушно вернулась въ комнаты.

— Что же это онъ такъ вдругъ заспѣшилъ?—съ усмѣшкой спросилъ ее Плитинъ.—Удивительно онъ похожъ на ибиса. Вся повадка его. И походка, и плечи. Видали вы когда-нибудь ибисовъ, Лидія Алексѣевна?

— Никогда!

Она прошла, не оборачиваясь, мимо него. Въ дверяхъ Алексѣй Антиповичъ остановилъ дочь.

— Послушай, Лидія, вотъ Александръ Петровичъ сейчасъ сдѣлалъ намъ честь, просилъ твоей руки.

— Благодарю за честь, но замужъ не собираюсь,—черезъ плечо отвѣтила Лидія.

А на другой день, въ тѣ же часы и на той же верандѣ, наглухо закрытой по случаю дождя, Лидія читала вслухъ «Ромео и Юлія» вдвоемъ съ паномъ Ольгердомъ. Они давно уже читали вмѣстѣ Шекспира, но никогда еще великій англійскій поэтъ не заставлялъ такъ биться ихъ сердца, какъ въ это дождливое послѣобѣда, когда всѣ спали вокругъ, а Лидія читала и панъ Ольгердъ слушалъ

Библиотека "Руниверс"

чтеніе. Тотъ же маленькій столикъ на которомъ лежала вчера «Ѳеогонія» Гесіода, а сегодня—третій томъ Шекспира и ея локти, отдѣлялъ ее отъ пана Ольгерда. Но сегодня сердце ея, какъ голубь весной, радостно ворковало въ груди отъ мысли, что она молода,—постарше этой пламенной Юліи, но все же еще молода. И свободна. Свободна желать новой любви и любить—вотъ такъ же, какъ тутъ любитъ Юлія,—и радостно, и беззавѣтно, отъ зари до зари...

— «Чѣмъ больше я даю, тѣмъ больше я имѣю!»—жаркимъ, волнующимъ голосомъ читала она подъ бурное дыханіе пана Ольгерда. Это бурное дыханіе заставило ее невольно поднять глаза. Горячій, вдохновенный взглядъ влюбленнаго Ромео встрѣтился съ ея взглядомъ, и она впервые замѣтила, какіе красивые, выразительные глаза у этого «мальчика». Огонь этихъ глазъ смутилъ и заставилъ ее опустить свои. Въ невольномъ замѣшательствѣ, какъ бы пытаясь оградить себя, она сказала ему:

— Вчера здѣсь, въ это же самое время Заслонный сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Вы приняли?—черезчуръ поспѣшно спросилъ панъ Ольгердъ и вспыхнулъ.

— Нѣтъ, отказала. Я любить еще хочу. Я по настоящему никогда не любила.

В. В. Тимоѳеева-Починковская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТОІЕРЕЯ І. В. ВАСИЛЬЕВА [1]

IV.

Прихожане русской церкви: княгини Трубецкія, Шуваловы, кн. Орловъ, кн. Гагаринъ, Комаровы, Путятины.—Празднованіе дня 19 февраля 1861 года.—Церковные праздники.—Отношеніе прихожанъ къ о. І. В. Васильеву.

НАСЪ было очень много друзей среди дѣтей русскихъ, живавшихъ подолгу въ Парижѣ. Маленькіе князья Лобановы-Ростовскіе послѣ обѣдни прямо лѣзли къ намъ въ окно, въ кабинетъ отца, бывшій въ нижнемъ этажѣ дома, за что няня каждый разъ укоряла ихъ въ неприличіи, но безъ результата.

Старшія сестры, а впослѣдствіи и Лиза, были какъ дома у графа Андрея Шувалова и особенно у свѣтлѣйшей княгини Чернышевой, жены военнаго министра. За сестрами въ праздники присылался экипажъ, и онѣ отправлялись къ княжнѣ-дочери на цѣлый день и тамъ же обѣдали. Единственная дочь, княжна Мери Чернышева, была очень странной наружности, почти слѣпая, такъ какъ глаза были такіе распухшіе, что отъ нихъ оставалась едва замѣтная полоска. Она едва могла ходить безъ посторонней помощи, и какая-то странная, растерянная улыбка не сходила съ ея лица. Сестры вили изъ нея веревки, но она ихъ страшно любила. Бѣдная княжна и умственно оставалась недоразвитой, и главнымъ ея развлеченіемъ было, когда сестры на это снисходили, играть съ ними въ лошадки, бѣгая кругомъ комнатъ. И это въ 16 лѣтъ!

[1]) Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXLV, стр. 299.

Библиотека "Руниверс"

Сестра моя Лиза была хорошенькая, умненькая и остроумная дѣвочка, очень веселая. Русскіе любили ее больше насъ всѣхъ и очень баловали. Она отличалась для своихъ лѣтъ необыкновенной набожностью, не пропускала ни одной церковной службы и такъ горячо молилась, больше на колѣняхъ, била такіе глубокіе поклоны, что приводила русскихъ въ восторгъ. Она, будучи лѣтъ 12, любила читать книги духовнаго содержанія вродѣ: «Великій день приближается», «Подражаніе Христу» и проч. Евангеліе и молитвы читала дома ежедневно по вечерамъ, такъ что мы, маленькія, ее очень уважали за ея настроеніе, тѣмъ болѣе, что мы позволяли себѣ иногда разсѣянно стоять въ церкви во время обѣдни. Мы ходили въ церковь всѣ вмѣстѣ; естественно, что иногда хотѣлось подѣлиться впечатлѣніями съ сосѣдкой, и мы шопотомъ передавали другъ другу свои наблюденія. Княгиня Терезія Трубецкая, стоявшая нарочно вблизи насъ, все время непрошенно за нами наблюдала, и вдругъ раздается ея громкій басъ: «Вотъ я папашѣ скажу, какъ ты стоишь въ церкви». Мы ея опасались и немного боялись. Она постоянно ходила со своимъ незаконнымъ племянникомъ, Бецкимъ, котораго хотя и любила, но держала очень строго и обращалась съ нимъ, какъ съ лакеемъ, считала его за неразумное дитя и не давала денегъ въ руки, почему онъ вѣчно нуждался. Бецкій очень любилъ, но и боялся своей дорогой тетки съ «лѣвой руки», и хотя ему было тогда лѣтъ 45, но во всемъ ей безпрекословно повиновался. Боже мой, до чего онъ былъ дуренъ собой! Полугорбатый, съ носомъ клюкой, въ очкахъ и ужасная ханжа! Онъ очень любилъ читать у насъ въ церкви апостолъ, какъ-то странно гнусявя, но съ большимъ благоговѣніемъ. Онъ былъ у насъ своимъ человѣкомъ и надоѣдалъ порядочно родителямъ вѣчными божественными разговорами.

Трудно было дѣтямъ стоять безукоризненно въ церкви во время обѣдни въ воскресенье. Это было буквально jour fixe всей русской колоніи и выставка нарядовъ и новыхъ модъ. Мы себѣ выбрали каждая по франтихѣ, которую якобы одѣвали, и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія «своей дамы» въ церкви. Очень пышно одѣвалась злая старуха, богачиха графиня Самойлова, и ея красавица, воспитанница m-elle Lion. Моя дама была жена какого-то министра, Сухозанетъ. Она одѣвалась просто, но съ большимъ вкусомъ, я тщеславилась ея бонтономъ. У сестры Ольги была красавица писанная, княгиня Оболенская. Мужъ ея, ужасно глупый, страшно гордился красотой жены и кстати и некстати всѣмъ твердилъ: «Vous savez, ma femme est si belle!» Отличалась всегда богатыми, вычурными нарядами гречанка по происхожденію, герцогиня де-Кастри. Она первая явилась въ церковь въ короткомъ платьѣ и произвела прямо сенсацію, такъ какъ въ области нарядовъ это была революція: шлейфы носились даже на улицахъ, пышно волочась въ пыли. По очереди, среди щеголихъ, назову старуху княгиню Ипсиланти,

Библиотека "Руниверс"

всю въ букляхъ, страшно гордую. Ея сестра, страдавшая водянкой, г-жа Сканави, была крестной матерью сестры Ольги. Это были постоянные прихожане нашей церкви. Сынъ княгини, князь Ипсиланти, типичный грекъ, съ полузакрытыми влажными глазами, слегка напоминавшими несвѣжаго судака, считался красавцемъ, а его жена была длиннѣйшая, зеленѣйшая, вялѣйшая, съ длиннымъ носомъ особа, съ хроническимъ насморкомъ. Впослѣдствіи князь Ипсиланти былъ греческимъ посломъ въ Римѣ. Несмотря на свое огромное богатство, они всѣ были страшно скупы. Князь, Ольгинъ крестный отецъ, никогда ничѣмъ не побаловалъ своей крестницы, а г-жа Сканави подарила крестницѣ маленькія аметистовыя серьги. Впрочемъ, и моя крестная мать, богатѣйшая золотопромышленница Булычева, очень рѣдко меня баловала, только и имѣла отъ нея изъ прекраснаго бѣлаго горнаго хрусталя брошку и серьги въ золотой оправѣ. У m-me Булычевой было три сына: Michel, Damien—и не помню третьяго. Она ихъ изводила своей глупой привычкой каждый разъ при всѣхъ говорить одно и то же «Michel n'a pas encore de moustaches, et Damien en a». Сыновья краснѣли и застѣнчиво улыбались, все же недружелюбно смотря на мать. Моимъ крестнымъ отцемъ былъ Балабинъ, секретарь при русскомъ посольствѣ. Я его мало знала, но, когда однажды за обѣдомъ отецъ сказалъ, что Балабинъ умеръ, я расплакалась и вызвала надъ собой насмѣшки: меня сестры прозвали «доброй дочкой».

Среди постоянныхъ посѣтительницъ нашей церкви была неизмѣнная поклонница отца, княгиня Лиза Трубецкая; маленькая, сильно бѣлокурая, считавшая себя красавицей, она была очень жеманна и когда ходила, то раскачивала шею, какъ лебедь. Русскіе прозвали ее «гримасницей». Мы очень любили чудную семью графа Андрея Шувалова, друзей отца, за ихъ необыкновенную доброту, простоту, набожность и удивительную скромность при ихъ богатствѣ и родовитости. Сама графиня, всегда скромно одѣтая, съ неизмѣнной черной шалью на плечахъ, входила въ церковь всегда съ опущенными глазами. Ея три дочери, также скромно одѣтыя, безъ бросающихся въ глаза «послѣднихъ криковъ моды», и три сына всегда были при матери. Старшая дочь, впослѣдствіи графиня Воронцова-Дашкова, жена намѣстника на Кавказѣ, была высокая стройная красавица; вторая дочь, крайняя блондинка, почти бѣлая, была впослѣдствіи замужемъ, кажется, за Балашевымъ, и третья, самая набожная, вышла замужъ за графа Бобринскаго. Изъ троихъ сыновей графини у меня сохранился въ памяти только одинъ, съ такой громадной шевелюрой, что онъ казался растрепаннымъ. Елки у графини Шуваловой были великолѣпныя; она намъ и ко всѣмъ праздникамъ присылала дорогія игрушки отъ извѣстнаго Siroux.

Хорошо помню русскаго посла, кривого князя Орлова. Онъ

Библиотека "Руниверс"

всегда ходилъ съ черной повязкой на кривомъ глазу. Это былъ истый родовитый русскій баринъ, хлѣбосольный, добрый и деликатный. У м-lle Александрà былъ маленькій капиталъ, на проценты съ котораго она едва могла существовать. Князь захотѣлъ обезпечить старушкѣ болѣе покойное существованіе, взялъ ея капиталъ на храненіе себѣ и выдавалъ ей тройные, противъ прежняго, проценты. М-lle Александрà могла жить припѣваючи, ничѣмъ не занимаясь, только намъ давала даровые уроки изъ любви къ нашей семьѣ.

Очень соблазнялъ насъ дѣтей своимъ черезчуръ непринужденнымъ поведеніемъ въ церкви князь Гагаринъ. Красавецъ собой, съ большой черной бородой, онъ во время обѣдни, стоя близко къ намъ, не стѣсняясь, просовывалъ руку за брюки и начиналъ съ ожесточеніемъ и наслажденіемъ чесаться, съ какимъ-то сухимъ звукомъ. Небось, княгиня Трубецкая не кричала ему ничего за такое неприличное поведеніе въ церкви. Его хорошенькой, очень маленькой женѣ подадутъ, бывало, стулъ, онъ его присвоитъ себѣ, сидитъ, а маленькая княгиня стоитъ. При этомъ князь Гагаринъ по внѣшности былъ здоровякъ.

Оригинальна была семья Комаровыхъ съ чуть ли не 10-ю человѣками дѣтей. Это были небогатые люди, но все же считали долгомъ со всей семьей, съ чадами и домочадцами, жить подолгу въ Парижѣ. К. былъ страшный хвастунъ и при этомъ такъ немилосердно вралъ, что никто ему не вѣрилъ. Онъ это зналъ, а потому водилъ съ собой всегда одного изъ сыновей, на обязанности котораго было подтверждать, какую бы чушь ни говорилъ отецъ. И вотъ, бывало, при особо трудныхъ обстоятельствахъ, когда начинали смѣяться въ лицо вралю, онъ обращался къ сыну со словами: «N'est ce pas, mon petit»? Бѣдный ребенокъ, краснѣя, отвѣчалъ: «Oui, papa». Дочь Комарова со временемъ была взята фрейлиной къ императрицѣ и вышла замужъ за вдовца, графа Шувалова, тогда начальника штаба, а потомъ посла въ Берлинѣ и личнаго друга кайзера.

Жила еще семья князя Путятина, котораго называли «Тятинъ-тятинъ» за его скверную привычку повторять по два раза послѣдній слогъ слова. У него была порядочная семья, крайне религіозная, что не помѣшало одному изъ сыновей броситься въ Римѣ въ Тибръ, да, кажется, и другой также окончилъ жизнь самоубійствомъ. Странная у нихъ была религіозность и особый взглядъ, очевидно, на милость Божію.

Постоянно болтался въ Парижѣ неизвѣстнаго званія и состоянія противный Посѣкуновъ. Онъ считалъ себя неотразимымъ; бѣдняга страшно нуждался, такъ что отецъ изъ жалости взялъ его въ помощники дьячкамъ и этимъ облегчилъ службу одного изъ нихъ, у котораго развивалась горловая чахотка. Этотъ Посѣкуновъ служилъ у насъ козломъ отпущенія, даже у маленькихъ. Нельзя было близко

Библиотека "Руниверс"

къ нему стоять изъ-за невыносимаго запаха отъ его ногъ, и вотъ маленькая Люба, не ясно сознавая, что говоритъ, призналась ему, что мы его называемъ резедой, потому что отъ него скверно пахнетъ, хотя душистый цвѣтокъ не имѣлъ ничего общаго съ запахомъ субъекта, кромѣ его силы. Посѣкуновъ обидѣлся, сталъ Любѣ дѣлать внушеніе за грубость, а она такъ растерялась, что стоитъ передъ нимъ и тупо твердитъ: «люблю я нюхать резеду, ахъ, какъ я люблю нюхать резеду», и, задыхаясь отъ рыданій, удрала на верхъ.

Греки, проживавшіе въ Парижѣ, хотя и были все дворяне и аристократы, нѣкоторые очень богатые, но все какіе-то неумные и некультурные, даже казались маловоспитанными.

Освобожденіе крестьянъ не оставило во мнѣ большого впечатлѣнія, вѣроятно, потому, что я еще не могла уяснить себѣ все благодѣяніе реформы императора Александра II. Я имѣла только смутное понятіе о крѣпостномъ состояніи изъ разсказовъ Софьи о томъ, какъ больно дралась помѣщица, генеральша Крыжановская. Кстати упомянуть здѣсь, что, несмотря на свободное тогда состояніе и пятилѣтнее пребываніе въ Парижѣ, Софья сохранила какой-то особый страхъ и уваженіе къ своей бывшей госпожѣ. Когда Крыжановская пріѣзжала въ Парижъ и приходила къ намъ, то няня цѣловала ей руки, въ плечо и прямо ухаживала за нею, хотя, по разсказамъ, она много натерпѣлась отъ генеральши.

На торжественномъ молебнѣ по случаю освобожденія крестьянъ отецъ сказалъ замѣчательную рѣчь при собравшемся дипломатическомъ корпусѣ и всей русской колоніи. Растроганный до слезъ рѣчью отца, графъ Киселевъ прислалъ офиціальное благодарственное письмо и, какъ бы выражая мнѣніе объ отцѣ самого государя, называлъ дѣятельность отца «дѣломъ государственной важности и выдающагося ума». Все же слѣдуетъ отмѣтить, что освобожденіе крестьянъ среди русской колоніи въ Парижѣ, взятой въ цѣломъ, большого энтузіазма или радости не возбудило. Послѣ освобожденія, получивъ за крестьянъ выкупныя свидѣтельства, наши баре проявили свою широкую славянскую натуру. Они стали искать способы, какъ бы веселѣе и пышнѣе прожить, чтобы спустить полученныя деньги, и весьма многіе богачи помѣщики вслѣдствіе этого разгула совершенно разорились. Это было время оргіи мотовства, гдѣ счастливые французы обогащались, а несчастные русскіе бѣднѣли.

Моихъ родителей и насъ, дѣтей, засыпали подарками. Отца моего и мать не знали только чѣмъ порадовать. Дарили матери чудныя кружева. Тогда ихъ много носили, даже молодыя женщины надѣвали на голову кружевныя косынки, fanchon. Сколько кружевныхъ шалей, волановъ и наконецъ кружевъ просто аршинами получала мамаша, хоть лавку открывай! А брильянтовъ и цѣнныхъ украшеній! Пришлось заказать дубовый ларецъ, чтобы

Библиотека "Руниверс"

хранить эти драгоцѣнности. Мать позволяла намъ изрѣдка любоваться ея дивными вещами. Было много золотыхъ и эмалевыхъ художественной работы пасхальныхъ яицъ и большое количество рѣдкихъ цѣнныхъ медалей. Много присылалось персидскихъ, индійскихъ и турецкихъ пестрыхъ шалей. Онѣ достигали въ то время весьма большихъ цѣнъ и носились по улицамъ вмѣсто накидокъ. Ихъ складывали косынкой и закалывали брошкой подъ подбородкомъ. Кромѣ всевозможныхъ цѣнныхъ вещей и платья, присылалось также много съѣдобнаго. М-е Хлюстина каждую субботу присылала много вкусной провизіи, а греки забрасывали насъ своими излюбленными сластями: цѣлыя стопы халвы, рахатъ-лукума, черныя маслины, кефальная икра, но мы тогда этихъ лакомствъ не любили. Присылался англійскій сыръ честеръ. Чтобы онъ не сохъ, покупался дешевый хересъ, въ которомъ мочили салфетку и завертывали сыръ, очень вкусный. А что касается разныхъ печеній, вареній вродѣ французскаго raisiné, очень густого, изъ разныхъ плодовъ и цукатовъ,—мы не обращали на эти мелочи вниманія и мало ихъ ѣли. Гостинцы присылались въ такихъ дорогихъ коробкахъ, что ихъ берегли въ особой комнатѣ наверху, а такія простенькія, какъ атласныя или бархатныя, мы просто бросали. Наканунѣ Рождества Христова мы волновались, ожидая подарковъ отъ русскихъ, и наши ожиданія всегда оправдывались. Игрушки получались чудныя, между прочимъ у насъ была настоящая, большая шарманка и очень большой волшебный фонарь. Не буду описывать нашихъ игрушекъ, скажу только, что въ этой области насъ трудно было удивить. Брату была подарена большая механическая лошадь на трехъ колесахъ, вродѣ велосипеда, и приводилась она въ движеніе ручками у головы, но онъ оказался не въ силахъ сдвинуть ее съ мѣста,—радость смѣнилась въ горе. На Рождествѣ наши елки ничего не стоили родителямъ, все присылалось. Графиня Кушелева-Безбородко подъ предлогомъ елки для своей избалованной воспитанницы Марго дѣлала просто балъ для взрослыхъ, но общество у ея сіятельства было очень неважное, смѣшанное, какіе-то прихлебатели-французы, разведенныя барыньки, но больше мужское общество, полупочтенное. Это зависѣло оттого, что красавица-графиня, очень молоденькая, жила отдѣльно отъ мужа и слишкомъ много и шумно веселилась, а потому русское общество ее неохотно посѣщало. На эту елку мы всегда приглашались и получали золотые браслеты, серьги и прочія украшенія. Это намъ не нравилось, къ тому же бывало скучно среди общества взрослыхъ, и мы съ удовольствіемъ уѣзжали, какъ только потухала елка.

Очень любили и дружили мы съ семьей Пищевичъ. Она принадлежала къ очень богатому помѣщичьему роду, состоявшему, кромѣ мужа и жены, изъ трехъ дочерей, весьма тучныхъ, и таковыхъ же трехъ сыновей. Отецъ этой семьи постарался прокутить половину

Библиотека "Руниверс"

когда-то очень крупнаго состоянія, но въ утѣшеніе женѣ наградилъ ее особой болѣзнью, отъ которой носъ сталъ преувеличенно малъ, а на рукахъ всегда были надѣты перчатки. Она была дивной личностью, незлобивая, богобоязненная, умная, мы всѣ ее очень любили и уважали. Дочь ея Марія, впослѣдствіи Бенкендорфъ, была философъ и богословъ въ юбкѣ, часами сидѣла съ моимъ отцомъ за всякими дебатами, критиковала или одобряла статьи, напечатанныя въ «L'Union Chrétienne», считалась очень умной и весьма начитанной дѣвушкой. Дружба наша съ этой семьей продолжалась долго и въ Питерѣ.

Пасха опять приносила намъ массу подарковъ всякаго рода: всякія яица, корзинки съ курами, игрушки. Накоплялось столько сахарныхъ и шоколадныхъ яицъ, что мы бросали ихъ бѣднымъ дѣтямъ, игравшимъ на пустопорожнемъ мѣстѣ рядомъ съ нашимъ домомъ. Много дарилось книгъ дорогихъ изданій—сказки Перро, Бюффонъ, Плутархъ и проч. поучительныя книги. Насъ очень любили за нашу веселость, шаловливость и развитіе. Иногда мы позволяли себѣ неумѣстныя шутки, но безобидныя. Съ семействомъ Скрипицыныхъ, напримѣръ, мы даже глупо себя вели. Окна квартирѣ въ Парижѣ доходили до пола, оставалась только небольшая приступочка, у оконъ желѣзныя рѣшетки до пояса. Двѣ изъ насъ висятъ у окна, на дворѣ показываются Скрипицыны съ дочерью-дѣвицей, всегда почему-то въ розовой шляпѣ. Мы, не ожидая съ ихъ стороны выступленія, продолжаемъ стоять у окна. Вдругъ раздается: «па»,—мы моментально подъ окно и притаились; осторожно приподнимаемся, Скрипицыны стоятъ подъ самымъ окномъ. Едва замѣтили наши головы, какъ опять «па»,—мы снова подъ окно, довольно долго не показываемся, разсчитывая, что они уйдутъ. Наконецъ намъ надоѣло ждать, осторожно поднимаемся къ окну,—о, ужасъ!—вновь раздается голосъ: «дома». Смущенныя, озлобленныя, мы окончательно отходимъ отъ окна. Не знаю, долго ли чудаки ждали нашего появленія, но въ концѣ концовъ они рѣшились позвонить. Дѣло въ томъ, что они спрашивали: «Папа дома?»—а мы не знали, какъ отвѣтить на вопросъ, и рѣшили взять ихъ изморомъ. Впрочемъ, и гости умны,—спрашиваютъ у дѣтей, дома ли ихъ родители. Звони,—тамъ скажутъ. Тѣмъ не менѣе, папаша, узнавъ изъ разговора Скрипицыныхъ о нашемъ глупомъ поведеніи, сдѣлалъ намъ внушеніе: проще, молъ, было отвѣтить, что не знаемъ. Мы себѣ позволяли съ отцомъ ежегодную шалость. Когда онъ во время заутрени пасхальной обращался спеціально къ грекамъ съ пасхальнымъ привѣтствіемъ «Христосъ Анести», мы вслухъ разомъ отвѣчали: «Экъ некронъ» (изъ мертвыхъ). Намъ попадало, но трудно было удержаться и въ слѣдующемъ году.

Папаша получалъ большіе подарки отчасти потому, что велъ безплатно курсы Закона Божія и во многихъ домахъ преподавалъ

Библиотека "Руниверс"

Слово Божіе безплатно. Судя по подаркамъ, можно вывести заключеніе, что его уроки цѣнились на вѣсъ золота. Напримѣръ, каминные золоченой бронзы часы, аршина полтора вышины и такой же ширины, всѣ изъ виноградныхъ гроздей, съ листьями и фигурами по бокамъ циферблата, такіе же канделябры, все это прекрасной, художественной работы. Это была несказанная роскошь, по смерти отца проданная за безцѣнокъ (400 рублей). Художникъ Сверчковъ поднесъ отцу свою замѣчательную картиночку масломъ «Тройка» съ типично выписаннымъ пьяненькимъ мужичкомъ въ телѣгѣ и съ тройкой лошадей, увязнувшей въ грязи. Картина маленькая, но цѣнная. Соня получила ее въ приданое. Замѣчательны были двѣ поясныя фигуры изъ саксонскаго фарфора, изображавшія саксонскихъ крестьянокъ: одна въ чепчикѣ съ прелестными разноцвѣтными цвѣточками, другая—съ чернымъ перомъ, у котораго при переѣздѣ былъ отломанъ кончикъ. Много-много лѣтъ спустя, осматривая комнаты Зимняго дворца, мы неожиданно увидѣли на подзеркальникѣ нашихъ старыхъ знакомыхъ саксонокъ. Очевидно, мать ихъ продала по смерти отца, какъ и все его весьма цѣнное имущество и книги, за безцѣнокъ... Все проходитъ...

Мы очень любили присутствовать на крестинахъ на дому у русскихъ, потому что въ то время существовалъ обычай всѣмъ приглашеннымъ давать мѣшечки, наполненные засахареннымъ миндалемъ, съ очень пріятнымъ вкусомъ, dragées. У богатыхъ грековъ Родоканаки долго не было дѣтей. Когда родился у нихъ сынъ, Эмануилъ, были пышныя крестины и такое количество драже, разложенныхъ въ коробкахъ на подносикахъ, что можно было ихъ брать себѣ сколько угодно.

V.

Отношеніе къ о. Васильеву французскаго духовенства.—Литературная и пастырская дѣятельность І. В. Васильева.—Изданіе журнала: «L'Union Chrétienne».—Аббатъ Гетэ.—Обращеніе русскихъ дѣтей въ католичество.

Кромѣ русской колоніи, моего отца также высоко цѣнило, когда познакомилось съ его дѣятельностью, католическое высшее духовенство. Онъ состоялъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ отцомъ Lacordair'омъ, котораго отецъ считалъ занимательнымъ, но «не глубокимъ, спасающимъ», и съ епископомъ Dupanloup. Послѣдній былъ выдающимся свѣтскимъ ораторомъ, а потому чрезвычайно мягкимъ, вкрадчивымъ, уступчивымъ и, для католическаго епископа весьма либеральнаго направленія. Онъ часто велъ открытыя конференціи по богословскимъ вопросамъ, на которыя съѣзжался весь свѣтскій Парижъ и особенно много русскихъ, любителей всего яркаго и вообще льнувшихъ къ католицизму. Отецъ мой былъ усерднымъ посѣтителемъ этихъ конференцій, по личному приглашенію епископа, какъ

Библиотека "Руниверс"

для собственнаго удовольствія, такъ и для наблюденія за своей легко увлекающейся паствой. Часто отецъ дебатировалъ съ Dupanloup, опровергалъ его положенія, но епископъ всегда относился съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ русскому священнику, чувствуя въ немъ умнаго, знающаго и также слегка либеральнаго оппонента. У насъ было очень много фотографическихъ портретовъ высшихъ извѣстныхъ прелатовъ того времени въ характерныхъ епископскихъ костюмахъ, весьма разнообразныхъ, смотря по тому монашескому ордену, къ которому принадлежалъ князь церкви. Особенно много шума надѣлала какъ во Франціи, такъ и въ Россіи переписка отца съ епископомъ нантскимъ Жакмэ, въ которой папаша опровергалъ мнѣніе, или, лучше сказать, убѣжденіе католиковъ, что русская церковь абсолютно подчинена свѣтской власти. Великая княгиня Марія Николаевна по поводу упомянутой переписки прислала моему отцу очень лестное собственноручное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выразилась: «Ваши письма имѣютъ только одинъ недостатокъ: они слишкомъ умны». Это письмо и до сихъ поръ хранится у моей сестры Софіи, но, къ сожалѣнію, на половину разорванное. Не могу не выразить удивленія, что всѣ бумаги, личная переписка отца такъ плохо хранилась, что почти вся совершенно исчезла. Кромѣ интереса къ поднятому вопросу богословской важности, эта переписка съ Жакмэ еще и тѣмъ взволновала католическій міръ духовныхъ, что до тѣхъ поръ епископы не вступали въ печатную полемику съ инославными, да еще съ «схизматическими» священниками. Переписка эта вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ и раскупалась нарасхватъ.

Чтобы познакомить Западъ съ русской церковью, отецъ мой переводилъ на французскій языкъ современныхъ нашихъ духовныхъ писателей. Такъ, онъ перевелъ катехизисъ митрополита Филарета, богословскія сочиненія епископа Макарія, а изъ обрядовыхъ—русскій молитвенникъ о бракѣ. Все это переведено на чистѣйшемъ французскомъ литературномъ языкѣ, въ знаніи котораго папаша не уступалъ лучшимъ литераторамъ того времени. Читая эти переводы, трудно даже себѣ представить, что это переводы, а не оригиналъ. Несмотря на разность взглядовъ и полемику противъ католицизма, отецъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ католическими іерархами, уважавшими отца за умъ, глубокую ученость, безпристрастіе въ сужденіяхъ и увлекательный разговоръ всегда въ благожелательномъ тонѣ, никого не задирая и не обижая. Дѣятельность отца моего въ Парижѣ и переписка съ епископомъ заинтересовали католическій міръ, который наконецъ долженъ былъ признать, что православная церковь не есть quantité negligeable, а равноцѣнна католической. Появился у насъ аббатъ Гетэ, очень умный, всесторонне образованный, съ пытливымъ умомъ и жаждой познанія религіозной истины. Онъ написалъ «Исторію католической церкви»

Библиотека "Руниверс"

въ 12 томахъ, въ которой коснулся злоупотребленій папской власти. За эти разоблаченія книга его попала въ index. Онъ былъ редакторомъ очень вліятельной газеты «L'Observateur Catholique» и возсталъ, сначала устно, потомъ письменно, противъ введенія новаго догмата въ католическую церковь о непорочномъ зачатіи матери Пресвятой Дѣвы Анны. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ оказывался чрезвычайно сходнымъ съ православіемъ, а потому въ очень холодныхъ отношеніяхъ съ папскимъ престоломъ. Аббатъ Гетэ познакомился съ отцомъ и послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ пожелалъ присоединиться къ русской православной церкви, которая ему пришлась очень по духу. Онъ былъ присоединенъ папашей въ 1862 году съ сохраненіемъ своего священническаго сана, но съ прибавкой къ имени Владиміръ. Его книга «La Papauté shismatique», выпущенная въ 1862 году, была немедленно внесена Ватиканомъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Гетэ также писалъ очень сильныя, убѣдительныя статьи противъ появившейся тогда книги Ренана «Жизнь Іисуса». Присоединеніе къ православію такого виднаго писателя-аббата ошеломило и обозлило католическій міръ, такъ что іезуиты даже пытались отравить Гетэ. Это было первымъ присоединеніемъ къ православію католическаго аббата и одновременно вѣнцомъ дѣятельности отца за границей. Гетэ былъ прикомандированъ нештатнымъ священникомъ при парижской церкви съ ежегоднымъ пособіемъ въ 1000 рублей. Не умѣя говорить ни по-славянски, ни по-русски, онъ не несъ никакихъ обязанностей, а во время службы предстоялъ у престола и въ пасхальную заутреню читалъ Евангеліе по-латыни. Въ 1875 году Гетэ принялъ русское подданство. Онъ скромно жилъ подъ Парижемъ въ собственномъ домѣ, много зарабатывая перомъ. По внѣшности Гетэ былъ средняго роста, съ порядочной впослѣдствіи бородой, въ очкахъ и при разговорѣ въ каждую фразу непремѣнно включалъ свою любимую присказку «comme ça». Жилъ онъ вмѣстѣ съ своей сестрой, католичкой, дѣвушкой очень недальняго ума. Отецъ мой вмѣстѣ съ о. Владиміромъ сталъ издавать еженедѣльный журналъ «L'Union Chrétienne», въ которомъ Гетэ былъ редакторомъ. Журналъ выходилъ на французскомъ языкѣ и широко раскрылъ свои двери католическимъ аббатамъ, что придавало журналу особый интересъ. Благодаря этому журналу, отецъ былъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ англійскими богословами, съ константинопольской патріархіей. Отъ греческаго короля за 18-лѣтнее попеченіе о грекахъ отецъ получилъ командорскій крестъ Спасителя съ надписью: «За труды и благочестіе». Общеніе съ западной и даже съ американской церковью привело къ присоединенію къ православной церкви нѣкоторыхъ видныхъ ученыхъ, какъ Овербекъ, Бьерингъ. Къ сожалѣнію, журналъ влачилъ жалкое существованіе, имѣлъ не болѣе 300 подписчиковъ, что, конечно, не покрывало расходовъ по изданію. Русскіе священники за границей совершенно не поддер-

Библиотека "Руниверс"

живали его, обѣщанныхъ статей не присылали, такъ что за недостаткомъ сотрудниковъ папашѣ иногда приходилось весь нумеръ заполнять самому, скрываясь подъ псевдонимами: Zeine, Абъ-Юсуфа, J.W., а то и просто безъ подписи. Подписчиковъ не могло и быть много: католическое духовенство не смѣло выписывать антикатолическое изданіе, редактируемое Гетэ, русскіе вели жизнь номадовъ, а оберъ-прокуроръ не сочувствовалъ изданію, приходилось выпрашивать какую-нибудь жалкую субсидію въ 2000 франковъ подолгу, такъ что отецъ рѣшилъ прекратить свое изданіе, просуществовавшее 6 лѣтъ. Онъ сталъ искать возврата на родину, хотѣлось послужить въ Россіи, и онъ находилъ неудобнымъ оставить послѣ себя изданіе, дававшее крупные дефициты. Особенное впечатлѣніе произвела переписка отца съ знаменитымъ ученымъ Гизо, членомъ французской академіи и авторомъ извѣстнаго сочиненія «Исторія цивилизаціи въ Европѣ». Эти письма и по сей день могутъ читаться съ интересомъ.

У отца съ о. Владиміромъ Гетэ вышло недоразумѣніе по журналу. При изданіи существовалъ редакціонный комитетъ, состоявшій изъ отца, Гетэ, Сушкова и другихъ, на которомъ, до напечатанія статьи въ журналѣ, члены редакціи прочитывали вслухъ и редактировали ее. Одна статья папаши была исправлена о. Владиміромъ, и послѣдній пустилъ слухъ, что собственно онъ пишетъ статьи о. Іосифа. Сушковъ по этому поводу напечаталъ доказательное опроверженіе; хотя сотрудники продолжали свое общее дѣло, но инцидентъ внесъ холодность въ отношеніяхъ съ Гетэ. Все же послѣдній сохранилъ объ отцѣ хорошую память и, пріѣзжая по дѣламъ въ Питеръ, неизмѣнно бывалъ у отца и часто у насъ обѣдалъ.

Весьма много хлопотъ причиняла отцу индифферентность, небрежность русскихъ къ своей религіи, особенно въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Помѣщики П. привезли съ собой въ Парижъ подростка-дочь и, чтобы освободиться отъ заботъ о ней, помѣстили ее въ школу, содержимую одной изъ духовныхъ конгрегацій, подъ надзоръ монахинь-сестеръ. Уѣзжая обратно въ Россію, П. поддались уговорамъ сестеръ и оставили дочь въ школѣ для окончанія ея образованія, какъ убѣждали родителей заинтересованныя сестры, и лишь просили папашу время отъ времени посѣщать дѣвушку. Сестры не дремали и быстро прибрали къ рукамъ богатую овечку. Дошло до того, что отца совершенно перестали пускать въ пансіонъ подъ различными предлогами. Это странное обстоятельство показалось отцу подозрительнымъ, и онъ послалъ насъ, дѣвочекъ, съ няней, навѣстить дѣвушку и постараться узнать отъ ней ея положеніе въ школѣ. Это былъ пріемный день и часъ, и привратникъ насъ впустилъ безъ затрудненія, но сестры, узнавъ, что мы русскія, ни за что не хотѣли разрѣшить свиданіе съ П. Мы сидѣли болѣе часа въ полутемной неуютной комнатѣ, страшно тоскуя. Наконецъ является сестра и проситъ насъ удалиться, такъ какъ пріемъ прошелъ. Энергичная Софья зая-

Библиотека "Руниверс"

вила, что мы пришли въ пріемный день и въ назначенный часъ и не виноваты, что къ намъ еще не впустили воспитанницу П., подняла шумъ и на скверномъ французскомъ языкѣ заявила, что добровольно не уйдетъ, пока не увидитъ П. Рѣшительный видъ няни, шумъ, скандалъ, видимо, испугали сестру, такъ что наконецъ явилась къ намъ П. Смущенная, робкая, озираясь по сторонамъ, она сперва отмалчивалась на всѣ вопросы няни, приводя ее въ негодованіе. Послѣ долгихъ настояній разсказать намъ о томъ, какъ ей живется, дѣвушка шопотомъ сказала, что страшно тоскуетъ, никого изъ русскихъ къ ней не пускаютъ и приготовляютъ ее къ переходу въ католичество. Конечно, мой отецъ, получивъ эти свѣдѣнія, немедленно черезъ русскаго посла потребовалъ освобожденія дѣвушки изъ цѣпкихъ рукъ сестеръ и ее помѣстили у насъ до отправки къ родителямъ въ Россію. Много было аналогичныхъ случаевъ. Еще было съ полгоря, когда родители признавались, что дѣти ихъ помѣщены въ іезуитской школѣ,—можно было за ними наблюдать и принимать, въ случаѣ надобности, соотвѣтствующія мѣры, но часто, отдавая дѣтей въ школы, русскіе стѣснялись въ этомъ признаваться и скрывали по личнымъ соображеніямъ.

VI.

Пріемы у Васильевыхъ.—Русское общество въ Парижѣ: Сушковъ, Борисполецъ, Горяиновъ, семья Заешниковыхъ, Плетневъ, Корсакова, Левицкіе, Скобелева, Стурдза.—Великая княгиня Марія Николаевна и ея семья и др.

У отца было принято, чтобы по воскресеньямъ да и вообще послѣ обѣдни прихожане пили у него чай. Набиралось всегда много гостей. Чай былъ вкусный, даже русскій, а то тогда въ Парижѣ пользовались по преимуществу англійскимъ чаемъ въ смѣшанныхъ сортахъ, особенно пріятнымъ на вкусъ и возбуждающимъ. Когда еще нельзя было доставать въ Парижѣ русскій чай, мать моя очень удачно смѣшивала сорта англійскаго чая; чай выходилъ хорошій. Къ чаю подавался бѣлый хлѣбъ, который спеціально выпекали по заказу матери и который пользовался большимъ успѣхомъ у посѣтителей. Однажды къ намъ явился знаменитый теософъ-магнетизеръ, докторъ Юмъ. Этотъ американецъ былъ высокаго роста, скорѣе красивый собой блондинъ, со свѣтскими манерами. Русскіе сразу почувствовали влеченіе къ этому иностранцу. Ничѣмъ не занятыя дамы прямо облѣпили диковинку, совѣтовались по своимъ дѣламъ, и многія желали у него лечиться магнетизмомъ. Юмъ зналъ немного русскій языкъ, вѣрнѣе, понималъ его. Отецъ мой считалъ Юма за вреднаго проходимца, принималъ его болѣе чѣмъ сухо, и послѣ двукратнаго посѣщенія американецъ больше къ намъ не являлся. Отецъ объяснилъ появленіе у насъ Юма тѣмъ, что онъ старался составить себѣ связи среди русскихъ, воспользовавшись для этой цѣли гостепріимствомъ русскаго

Библиотека "Руниверс"

священника. Мы, дѣти, боялись Юма и убѣгали къ себѣ наверхъ, когда онъ приходилъ, да и родители не любили, чтобы мы вертѣлись въ залѣ въ присутствіи американца. У него былъ замѣчательно пристальный, холодный взглядъ, прямо притягивающій къ себѣ. Намъ казалось, что онъ сейчасъ всѣхъ насъ усыпитъ.

Нѣкоторые изъ мужчинъ-прихожанъ любили забираться къ намъ наверхъ, въ дѣтскую, играть, пѣть съ нами, разсказывать сказки. Особеннымъ нашимъ расположеніемъ пользовался редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» Сушковъ. Высокій, очень видный мужчина, съ лицомъ оливковаго цвѣта, съ суровымъ выраженіемъ глазъ, онъ въ дѣтской превращался въ весельчака. Посадитъ къ себѣ на колѣни и разсказываетъ, какъ дѣдъ тянулъ рѣпку, бабка за дѣдку— вытянули рѣпку, но всѣ упали; при этомъ Сушковъ ронялъ насъ на полъ. Также очень любили мы художника Бориспольца, совершенно слѣпого. Онъ, какъ степендіатъ академіи художествъ, былъ посланъ на казенный счетъ для усовершенствованія за границу, въ Римъ. Копируя въ соборѣ св. Петра картины, онъ въ холодномъ, сыромъ соборѣ простудился, простуда пала на глаза, и несчастный молодой человѣкъ ослѣпъ. Онъ былъ съ хорошими дарованіями и могъ разсчитывать на счастливую будущность. До сихъ поръ виситъ въ академіи художествъ громадный холстъ его работы, кажется, на библейскій сюжетъ. Такъ какъ онъ любилъ писать картины грандіозныхъ размѣровъ, то, посмѣиваясь надъ нимъ, спрашивали: «А во сколько аршинъ предполагается ваше произведеніе?» На одной изъ выставокъ стояла его картина «Переходъ евреевъ черезъ Чермное море», на ней было изображено бушующее море, на волнахъ котораго плавало одно колесо очень большихъ размѣровъ и—больше ничего. На вопросъ, гдѣ же евреи, художникъ важно отвѣчалъ, что они уже прошли. Онъ существовалъ на маленькую пенсію и для развлеченія лѣпилъ ощупью маленькія вещицы, весьма недурно. Онъ между прочимъ много лѣтъ трудился надъ лѣпкой изъ чернаго хлѣба храма съ оградой. Вышло очень хорошо. Онъ продалъ свою работу одному любителю за хорошую цѣну. Намъ было ужасно жаль этого несчастнаго слѣпого, несмотря на то, что онъ очень много нюхалъ табаку «для прочистки глазъ» и, ничего не видя, производилъ эту операцію нечистоплотно, вѣчно былъ обсыпанъ своимъ любимымъ «рапэ». Бывало, сядетъ нашъ художникъ на стулъ среди комнаты, изображаетъ пастуха, мы—овцы, кто-нибудь изъ насъ волкъ. Пастухъ кричитъ: «всѣ ко мнѣ, волкъ подъ горой», и мы должны были летѣть подъ его защиту, стараясь не попасть волку въ лапы. Борисполецъ и въ Петербургѣ остался у насъ близкимъ человѣкомъ до своей смерти. Его, бывало, приводила къ намъ пройдоха-ключница къ обѣду, онъ сидѣлъ до 10 час. вечера, и та же пройдоха приходила за нимъ и вела его домой.

Горяиновъ очень баловалъ свою любимицу-сестру Лизу и часто

Библиотека "Руниверс"

давалъ билетъ въ театръ фантошъ у знаменитаго тогда фокусника Roberthoudin. Его театръ набивался дѣтской публикой, для привлеченія которой онъ дарилъ бумажные вѣера и тому подобную дрянь, которую дѣти очень любили. Чтобы имѣть право подняться къ намъ наверхъ, необходимо было быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ няней, такъ какъ дѣтскія были ея департаментомъ, поэтому ей наши поклонники подносили часто билеты въ театры и дѣлали подарки. Если же ей не понравится кто,—и подарки не помогали, она безцеремонно изгоняла изъ дѣтскихъ внизъ, приговаривая: «Здѣсь вамъ не мѣсто, пришли къ батюшкѣ, такъ и сидите тамъ».

Наша семья была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ богатой четой Заешниковыхъ, бывшихъ въ родствѣ съ богатѣйшими откупщиками Стобеусами. Эти послѣдніе владѣли цѣлымъ рядомъ дачъ съ большими парками, между Лиговомъ и Стрѣльной. Ольга Карловна Заешникова была русская нѣмка, не красивая, но славная женщина, простого происхожденія, чуть ли не бывшая экономка. Заешниковъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, увлекся ею, увезъ въ Парижъ, но не хотѣлъ на ней жениться. Папаша, однако, вмѣшался въ дѣло, уговорилъ Заешникова, и свадьба ихъ состоялась въ нашей церкви, за что Ольга Карловна всю жизнь осталась признательной. Заешниковъ вышелъ въ отставку, и они поселились въ Парижѣ, гдѣ прожили нѣсколько лѣтъ. Будучи бездѣтными, они насъ, дѣтей, страшно любили и баловали, дѣлали много подарковъ, устраивали елки. Ольга Карловна, скверно говорившая по-русски, очень сошлась съ няней, скверно говорившей по-французски. Ужъ не эти ли лингвистическія затрудненія послужили ихъ сближенію? Чета Заешниковыхъ жила душа въ душу; Ольга Карловна берегла своего Виктора и ходила за нимъ, какъ за ребенкомъ, но очень бѣсила его и стѣсняла, когда при постороннихъ на нее нападалъ припадокъ нѣжности и она томно ворковала: «Виточка ты мой», и повторяла эту сладкую фразу до тѣхъ поръ, пока смущенный Витя не отвѣчалъ нетерпѣливо: «Твой, твой, отстань, матушка».

Жили въ Парижѣ довольно долго Плетневы. Онъ, бывшій ректоръ Петербургскаго университета, пользовался большой популярностью среди студентовъ. Однако онъ былъ вынужденъ покинуть свой постъ по недоразумѣніямъ съ начальствомъ. Плетневъ былъ очень дуренъ собой, неуклюжій, съ согнутой спиной, въ золотыхъ очкахъ и всегда ходилъ съ палкой костылемъ. Онъ былъ чрезвычайно умный, почтенный человѣкъ. Отецъ бесѣдовалъ съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ. Но что было весьма странно встрѣтить у умнаго человѣка, это глупое чванство. Плетневъ происходилъ изъ духовнаго званія, стѣснялся этого и такъ тщательно скрывалъ ото всѣхъ это, по его мнѣнію, позорящее обстоятельство, что даже жена его не знала о его духовномъ происхожденіи. Она же была прирожденная дворянка, помѣщица и полный типъ своего сословія: вѣчно мечтала, идеаль-

Библиотека "Руниверс"

ничала, говорила медленно, растягивая слова, съ гордой простотой, и постоянно, какъ ей казалось, страдала «ваперами», попросту сказать, головокруженія ми. Она считала себя высшей, богато одаренной натурой, не понимающей ничего низменнаго. Плетневъ очень любилъ ее и гордился своей женой-дворянкой. Она, впрочемъ, была достойной, образованной женщиною, очень неглупой. Насъ, дѣтей, они, впрочемъ, интересовали мало.

Очень скандалила въ то время рыжая г-жа Корсакова, игравшая при дворѣ Наполеона роль веселой вдовы. Эта особа была чудно сложена и не хотѣла зарывать данный ей талантъ въ землю. Поэтому на балу при французскомъ дворѣ она появилась въ колесницѣ изъ розъ, изображая какую-то олимпійскую богиню, совершенно голая. Одѣвалась всегда вычурно, чуть не въ красныхъ, бросавшихся въ глаза платьяхъ и всегда очень эксцентрично. На улицахъ, особенно переходя черезъ дорогу, умышленно такъ поднимала высоко платье, что восхищенному прохожему показывала чрезвычайно высоко ноги, правда, точно точеныя. Однажды въ пасхальную заутреню она появилась въ церкви почти безъ лифа, съ совершенно голымъ бюстомъ, чѣмъ произвела ужасный соблазнъ среди собравшихся въ церкви богомольцевъ. Отецъ мой, узнавъ объ этой непристойности, вышелъ изъ алтаря и предложилъ Корсаковой либо надѣть платокъ на плечи, либо уходить изъ церкви. Она выбрала послѣднее, демонстративно шумно вышла и больше вообще въ церковь не являлась. Видно, обидѣлась.

Интересна была семья С. Л. Левицкихъ. Онъ—толстый, маленькій, съ аккуратными бачками, первый фотографъ-художникъ царской фамиліи, и, правда, работа Левицкаго была превосходна. Онъ обладалъ красавицей-женой и не менѣе красивой дочерью Pauline и еще тремя красавцами-сыновьями. Удивительно изящная семья, кромѣ отца. Pauline впослѣдствіи поступила примадонной въ Императорскую Маріинскую оперу. Она имѣла очень пріятный голосъ, сопрано не особенно обширнаго діапазона, но пѣла и играла очаровательно, что съ ея красивой внѣшностью создало ей прочное положеніе и рядъ поклонниковъ. Къ сожалѣнію, Полина очень мало оставалась на сценѣ, скоро вышла замужъ за А. А. Гирса и бросила такъ удачно начатую карьеру. Самъ Левицкій отличался страшной болтливостью и таковымъ же хвастовствомъ, что не мало стѣсняло его жену. Съ ними мы были не особенно близки.

Не мало непріятностей и хлопотъ доставляла отцу г-жа Скобелева. Высокаго роста, некрасивой внѣшности, она была очень рѣшительнаго характера, скора въ рѣшеніяхъ. Крайне самостоятельная въ своихъ дѣйствіяхъ, она желала управлять всѣмъ и всѣми; даже въ церковное хозяйство желала совать носъ, что, конечно, было совершенно недопустимо. У нея былъ одинъ сынъ, очень красивый, Михаилъ, впослѣдствіи прославившійся «бѣлый генералъ», и три

Библиотека "Руниверс"

выдающихся своей красотой дочери. Одна за княземъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, вторая за Шереметевымъ и третья, красавица Зинаида, герцогиня Лейхтенбергская. Скобелева непремѣнно хотѣла распоряжаться въ церкви, какъ въ своемъ домѣ. Выходили непріятности. Русскіе пожертвовали на всю церковь чудный коверъ мокетъ, его очень берегли и постилали только въ большіе праздники, тѣмъ болѣе, что хотя полъ въ церкви каменный, но холоднымъ не былъ: въ полу было сдѣлано много рѣшетокъ-душниковъ, а церковь отоплялась въ подвалѣ, откуда и передавалось тепло. Скобелева была въ числѣ жертвовательницъ и смотрѣла потому на коверъ, чуть ли не какъ на свою собственность, и желала постилать его въ церкви, когда ей вздумается. Однажды въ простое воскресенье пріѣзжаетъ-она въ церковь и поднимаетъ пререканія и шумъ со сторожемъ, почему не постланъ коверъ, и требуетъ, чтобы онъ его постлалъ. На неумѣстный шумъ отецъ мой вышелъ изъ алтаря. Послѣдовало непріятное объясненіе со Скобелевой, и взаимныя отношенія испортились, но она по крайней мѣрѣ перестала соваться въ церковныя дѣла. Ея родная сестра, супруга министра императорскаго двора, Ек. Н. Адлербергъ, хотя и была тоже деспотическаго характера, но до конца жизни моего отца оставалась съ нимъ прямо въ дружескихъ отношеніяхъ.

Подъ церковью была нижняя церковь-крипта, въ которой стоялъ дубовый иконостасъ изъ старой церкви и гдѣ изрѣдка служились обѣдни, преимущественно заупокойныя. Въ стѣнѣ крипты были сдѣланы ниши, въ которыя ставили временно гробы съ усопшими до ихъ отправки на родину. Въ это время жилъ съ семьей въ Парижѣ богачъ Стурдза, бывшій румынскій господарь, а тогда просто маленькій старичокъ. Жена его была маленькая, некрасивая, несимпатичная и очень злая особа, но при этомъ очень набожная; по-румынски прежде, чѣмъ креститься, она раскачивала руку, точно собиралась драться. У нихъ былъ сынъ, единственный представитель рода, славный, добрый молодой человѣкъ лѣтъ 24—25, и дочь, очень недурненькая блондинка, несмотря на умышленное уродованіе ея матерью, которая ее терпѣть не могла и очень притѣсняла: она водила свою единственную дочь одѣтой, какъ прислугу, въ ужасныхъ плоскихъ шляпахъ съ резинкой подъ подбородкомъ и въ безобразнѣйшихъ прюнелевыхъ башмакахъ, какъ лодки. Бѣдная 17-лѣтняя дѣвушка была совершенно забита своей злой матерью и страшно была дружна со своимъ братомъ, въ которомъ находила поддержку и покровительство. Мать же прямо боготворила своего сына. Но тотъ, бѣдняга, послѣ краткой болѣзни умеръ. Отчаянію родителей и сестры не было границъ. Мать ни за что не хотѣла разстаться съ тѣломъ сына, его поставили въ нижнюю церковь, въ которой гробъ простоялъ цѣлый годъ. Мать и дочь ежедневно пріѣзжали въ церковь съ цвѣтами и цѣлый день сидѣли у гроба дорогого покойника. Опаса-

Библиотека "Руниверс"

лись, что мать лишится разума, а она окончательно озвѣрѣла къ дочери, упрекая ее, зачѣмъ не она умерла, а сынъ. По прошествіи года Стурдзы гробъ съ его останками перевезли въ Румынію, и вся семья больше не показывалась въ Парижѣ. Дочь вышла замужъ за князя Горчакова. Помню, какъ запаивали цинковые гробы съ покойниками у насъ въ саду у церкви, какъ два croque morts съ большими паяльниками, которые тутъ же грѣлись на таганѣ, ходили кругомъ гроба съ оловомъ. Всегда былъ какой-то непріятный прѣсный запахъ, но мы съ любопытствомъ слѣдили за этой операціей изъ открытаго окна..

Семья Евреиновыхъ съ массой дѣтей жила напротивъ насъ, и мы ходили къ нимъ на уроки танцевъ, подъ звуки плохой скрипки. Только и остался въ памяти старшій сынъ Евреиновыхъ изъ-за его смѣшной походки, какъ-то на носкахъ. Онъ вѣчно подпрыгивалъ.

Къ счастью изрѣдка, показывался къ намъ Шеншинъ. Противнѣе человѣка по внѣшности я больше не встрѣчала. Всегда красный, какъ ракъ, съ узенькими «свиными» глазками, съ громадными, по-турецки висящими внизъ усами, онъ производилъ ужасное впечатлѣніе. При этомъ онъ носилъ корсетъ и такъ затягивался, что талія его прямо перегибалась пополамъ. Онъ всегда носилъ черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Мы, дѣти, его терпѣть не могли, онъ насъ отталкивалъ своей внѣшностью.

Постоянными жителями Парижа была чета Новицкихъ, очень хорошіе, добрые люди, но столь же и несносные. Она была дочерью министра императорскаго двора графа Адлерберга, вышла замужъ противъ воли родителей за офицера, впослѣдствіи генерала Новицкаго. За ея замужество родители были съ дочерью болѣе чѣмъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, и молодая чета безвыѣздно жила за границей. Новицкая была дурна собой, слишкомъ тучная, съ утиной походкой, хотя и очень умная, но не интересная въ разговорѣ. Онъ высокій блондинъ съ красивыми холеными баками, большой фатъ. Жила эта пара душа въ душу, всегда и вездѣ вмѣстѣ, люди добрые и хорошіе. Они часто звали родителей завтракать съ собою въ ресторанъ, и хотя были богатыми людьми, скверно кормили— гости вставали изъ-за стола еще голоднѣе, чѣмъ садились.

Тяжелая исторія разыгралась въ Парижѣ съ семьей С. Въ отсутствіе отца, морского капитана, бывшаго въ плаваніи, мать, три дочери и сынъ 14 лѣтъ жили выше средствъ и задолжали. Не зная, гдѣ достать денегъ и тѣснимая кредиторами, опасаясь, кромѣ того, гнѣва своего мужа, С. попала въ руки фальшивомонетчиковъ, вошла съ ними съ компанію и сама стала сбывать фальшивыя деньги. Ее уличили, и бѣднягу заключили въ тюрьму. Дѣти бросились искать адвоката для защиты матери, но заплатить ему за трудъ было нечѣмъ. Положеніе трагическое. Старшая дочь, недурненькая собой и весьма умная дѣвушка, отправилась къ знаменитому тогда адвокату Лашо,

Библиотека "Руниверс"

слезно прося его принять на себя безплатно защиту ея матери. А тотъ, въ уплату за свой трудъ, предложилъ дѣвушкѣ отдаться ему... Не видя спасенія у безсердечнаго богача Лашо, Александра вся въ слезахъ пришла къ моему отцу, бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляя спасти мать и всю семью отъ надвигающагося позора. Благодаря своимъ солиднымъ связямъ, отцу удалось достичь освобожденія С. изъ тюрьмы, и дѣло о ней было замято. Сынъ С., славный мальчикъ, горячо любимый матерью, былъ такъ пораженъ всѣмъ случившимся ,что его и такъ слабое здоровье не выдержало потрясенія, онъ вскорѣ умеръ. Горе ужасное, и тяжело заплатила бѣдная мать за свое увлеченіе. Избѣгла суда людского, но не избѣгла Божьяго суда. Когда вернулся С. изъ плаванія и узналъ всю эту исторію, онъ пришелъ благодарить отца за освобожденіе жены, которую ему выдали за жертву недоразумѣнія, невинно пострадавшую. Онъ такъ и не узналъ правды никогда.

Л. І. Автономова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ судьи.)

Божья кара.

I.

ТОЯЛО чудное майское утро. Солнце ослѣпительно сверкало и заливало своими яркими молодыми лучами барскую усадьбу, потонувшую въ лиловомъ облакѣ цвѣтущей сирени. Гроздей ея было такъ много и онѣ были такія пышныя и пахучія, что далеко за рѣкой, протекавшей подъ горой, на которой стояли усадьба и садъ, тамъ, гдѣ начинались луга и пашни, ощущался ихъ нѣжный и свѣжій ароматъ.. Только попристальнѣе вглядѣвшись въ это лиловое облако, можно было замѣтить выкрашенную въ красную краску желѣзную крышу барскаго дома, а затѣмъ разглядѣть и самый домъ съ большой деревянной террасой, выходящей въ садъ. На террасѣ за длиннымъ столомъ, накрытымъ для чая, сидѣло двое дѣтокъ—мальчикъ семи лѣтъ и дѣвочка лѣтъ шести—и пили чай съ молокомъ изъ большихъ глиняныхъ кружекъ.

Прихлебывая чай, дѣти съ живостью раскидывали вокругъ себя крошки бѣлаго хлѣба воробьямъ, слетавшимся съ оглушительнымъ чириканьемъ на террасу съ окружавшихъ ее сиреневыхъ кустовъ. Воробьи торопливо, наперебой другъ передъ другомъ, схватывали кусочки и упархивали съ ними прочь. Дѣтей забавляло это занятіе, поэтому, не слушаясь няни, они весь полъ террасы усыпали крошками, и только напоминаніе старухи о томъ, что сейчасъ пріѣдутъ

Библиотека "Руниверс"

баринъ-папашенька изъ губерніи съ учителемъ, остановилошалуновъ. Изъ комнаты на террасу вышла мать обоихъ дѣтей, совсѣмъ еще молодая женщина, почти ребенокъ, съ нѣжнымъ, блѣднымъ лицомъ и грустнымъ, страннымъ какимъ-то выраженіемъ большихъ ясныхъ голубыхъ глазъ, точно въ нихъ свѣтилась мольба или жалоба, и, окинувъ заботливымъ взглядомъ столъ, медленно, подобно старухѣ, согбенной годами и заботами, спустилась по лѣстницѣ въ садъ. Пройдя къ обрыву надъ рѣкой, женщина остановилась и, усѣвшись на садовую скамейку, поставленную надъ обрывомъ, начала пристально вглядываться вдаль на разстилавшуюся передъ ней за рѣкой среди полей широкую, проѣзжую дорогу.

Въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ глазами, защищенными рукой отъ солнца, подавшаяся всѣмъ корпусомъ своимъ впередъ, женщина эта кого-то, повидимому, ждала, но при взглядѣ на нее не чувствовалось, чтобы ожиданіе это было радостнымъ и желаннымъ...

А между тѣмъ Екатерина Ивановна Мишина—такъ звали ее—ждала сегодня домой мужа, уѣхавшаго на экстренное дворянское собраніе. Онъ долженъ былъ пріѣхать не одинъ, такъ какъ въ письмѣ, которое она отъ него получила, онъ писалъ, что нанялъ и везетъ съ собою для дѣтей, Алеши и Маши,—учителя. О приглашеніи учителя раньше не было и помину, да зачѣмъ дѣтямъ и учитель-то, когда они совсѣмъ еще маленькія. «Навѣрное, для себя, для своихъ попоекъ и охоты везетъ учителя Петръ Петровичъ!» думала Екатерина Ивановна, называя мужа въ мысляхъ по имени и отчеству, какъ это она всегда дѣлала, привыкнувъ называть его такъ и въ глаза и за глаза.

Кучеръ вчера еще вечеромъ на тройкѣ выѣздныхъ лошадей уѣхалъ за Мишинымъ на ближайшую станцію недавно проведенной желѣзной дороги, и Мишинъ съ минуты на минуту долженъ былъ пріѣхать. Дѣти, окончивъ чай, прибѣжали къ матери и тоже принялись слѣдить за пылью, поднимаемой на дорогѣ проѣзжими. Наконецъ надъ горкой, на изволокѣ, взвилось облако пыли, и на горку выѣхалъ и сталъ спускаться къ рѣкѣ къ мельничной плотинѣ мишинскій экипажъ. Екатерина Ивановна тотчасъ же узнала его и лошадей и ясно разглядѣла, что сѣдоковъ въ немъ двое; сомнѣнія не было: Петръ Петровичъ везъ учителя.

Вышли всѣ на крыльцо, Гераська работникъ побѣжалъ открыть ворота, ведущія на барскій дворъ, и черезъ нѣсколько минутъ тройка запыхавшихся и взмыленныхъ лошадей остановились у крыльца.

— Вотъ тебѣ, Катерина, мой новый пріятель—Павелъ Ѳедоровичъ Шляховъ, гимназистъ восьмого класса,—представилъ Петръ Петровичъ женѣ вылѣзшаго вслѣдъ за нимъ изъ тарантаса молодого человѣка.—А вамъ, сорванцы,—обратился онъ къ дѣтямъ,—это будетъ учитель. Смотрите у меня, слушаться его!

Библиотека "Руниверс"

Дѣти почтительно поцѣловали сунутую имъ отцомъ руку и, схватившись ручонками за нянину юбку, тѣснѣе прижались къ ней, не сводя испуганныхъ глазъ со страшнаго учителя. Они два дня уже знали о немъ и успѣли за это время и напугаться его, и не полюбить. Старая нянька, выносившая на своихъ рукахъ нынѣшнюю барыню, не терпѣвшая и презиравшая какъ самого барина Петра Петровича, такъ и всѣхъ его пріятелей, сразу, за глаза еще, не взлюбила и учителя, котораго выбралъ и везетъ онъ, а пуще того боялась она, какъ бы у нея не отняли Лешеньку съ Машенькой, и боязнь эту къ учителю успѣла внушить и питомцамъ. Пріѣзжій, котораго Мишинъ назвалъ Шляховымъ, былъ юноша лѣтъ девятнадцати-двадцати, съ круглымъ добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ пушистыми, слегка рыжеватыми волосами. Лицо это нельзя было назвать красивымъ, но оно было симпатично, а главное—дышало молодостью и здоровьемъ. Рядомъ съ нимъ Мишинъ, которому было уже подъ шестьдесятъ, казался совсѣмъ дряхлымъ старикомъ, хилымъ и отвратительнымъ. Особенно отвратительны были его вѣчно слезящіеся глазки съ какими-то красными въ нихъ бѣлками и носъ, длинный, отвисшій и мясистый, со множествомъ багровыхъ тонкихъ жилокъ. Первое впечатлѣніе, которое Шляховъ произвелъ на Екатерину Ивановну, когда она разсмотрѣла его, было благопріятное: понравилась ей и та несмѣлость и застѣнчивая неловкость, съ которою онъ, снявъ съ своей головы форменную гимназическую кепи [1]), пожалъ протянутую ему руку. Въ пріятеляхъ Петра Петровича такое обращеніе было рѣдкостью. Шляховъ прошелъ во флигель рядомъ съ банею, гдѣ по распоряженію Мишина ему было приготовлено помѣщеніе, а Мишинъ въ сопровожденіи жены отправился прямо на террасу къ чаю.

Утромъ на станціи Петръ Петровичъ успѣлъ уже выпить двѣ большихъ рюмки водки, но это не помѣшало ему передъ чаемъ попробовать свѣжую смородиновую листовку, наполнивъ ею свой любимый цвѣтного граненаго стекла стаканчикъ.

За чаемъ Мишинъ разсказалъ женѣ кое-что изъ своего путешествія, особенно подчеркивая встрѣчи свои и разговоры съ губернскимъ предводителемъ и губернаторомъ; онъ назвалъ ихъ по имени и отечеству, такъ что казалось, что оба они были короткими его знакомыми.

Екатерина Ивановна знала, что многое въ его разсказахъ неправда, что онъ боится предводителя, а особенно губернатора больше, чѣмъ она, Екатерина Ивановна, его, своего мужа, но молчала, слушала и старалась угодить, дѣлая видъ, что всему вѣритъ и что все ее очень интересуетъ.

— Передъ обѣдомъ за закусками Константинъ Константино-

---

[1]) До 1881 года гимназисты вмѣсто нынѣшней форменной фуражки носили кепи.

Библиотека "Руниверс"

вичъ,—разсказывалъ Мишинъ про предводителя,—оставилъ губернатора, подошелъ ко мнѣ съ рюмкой и, чокнувшись, говоритъ: «А что, Петръ Петровичъ, не устроишь ли ты у себя на лѣто сироту—сына нашего дворянина Шляхова; онъ гимназистъ дворянскаго пансіона, зиму болѣлъ и долженъ остаться въ восьмомъ классѣ; надо бы ему на лѣто въ деревнѣ пожить; вотъ директоръ и просилъ меня рекомендовать его на лѣто учителемъ; поведенія онъ скромнаго, а у тебя, говоритъ, дѣти, пора ихъ и учить; все-таки ты дворянинъ здѣсь извѣстный, всѣми уважаемый, богатый,—доброе дѣло сдѣлаешь!» Подумалъ я, повидалъ этого самаго Шляхова,—оказывается, малый и въ шашки играетъ, и охоту съ ружьемъ любитъ, думаю, будетъ и мнѣ компанія да и Алешку-то грамотѣ научитъ, и уговорился съ нимъ на все лѣто за двадцать цѣлковыхъ съ моею доставкою въ оба конца. Какъ думаешь, недорого?

— Вамъ это виднѣе, Петръ Петровичъ,—послѣдовалъ обычный отвѣтъ:—какъ рѣшили, такъ и будетъ!

— Пусть съ завтрашняго дня Алешка съ нимъ по утрамъ занимается, да и Машутку пусть учатъ азбукѣ,—распорядился Мишинъ.

— Хорошо-съ!

Когда затѣмъ Шляховъ пришелъ къ чаю на террасу и Екатерина Ивановна взглянула на него, умытаго и одѣтаго въ чистую парусиновую рубаху, то онъ показался ей болѣе привлекательнымъ, чѣмъ давеча при встрѣчѣ. Мишинъ тотчасъ же вступилъ съ гимназистомъ въ бесѣду и началъ съ оживленіемъ и хвастовствомъ разсказывать про свое хозяйство, а Екатерина Ивановна стала украдкою разсматривать учителя и думать, какого еще человѣка Богъ послалъ ей жильцомъ въ домъ.

II.

До сихъ поръ не приходилось, чтобы кто-нибудь чужой подолгу живалъ у нихъ; случалось, что иногда заѣзжали и ночевали ночь-другую знакомые или пріятели Петра Петровича, въ большинствѣ случаевъ такіе же, какъ онъ, старые и любители разныхъ травниковъ и настоекъ, а тутъ молодой человѣкъ и почти ей ровесникъ! Она не особенно повѣрила словамъ мужа, что привезенный имъ новый его пріятель—скромный человѣкъ, потому что такихъ пріятелей у Петра Петровича она что-то не видала. Какъ самъ Петръ Петровичъ слылъ за алчнаго, хитраго скрягу, развратнаго и распутнаго безстыдника, такъ тою же репутаціею пользовались и его, впрочемъ, весьма немногочисленные друзья. И не напрасно составилось такое мнѣніе о Мишинѣ. Единственной цѣлью всей его долгой жизни, протекшей въ одномъ и томъ же уѣздѣ, было накопленіе прибытка и богатства. На этомъ пути для Мишина ничто, кажется, не являлось препят-

Библиотека "Руниверс"

ствіемъ. Выросшій въ нищетѣ и привыкшій съ малолѣтства ко всяческимъ униженіямъ, онъ притупилъ въ себѣ чувства и стыда и чести,

Родившійся и около сорока лѣтъ проживший при крѣпостномъ правѣ въ уѣздной глуши, Мишинъ воспринялъ всю черствость и жестокость нравовъ того времени. Оставшись послѣ смерти матери несмышленымъ еще ребенкомъ, Петръ Петровичъ росъ въ бѣдной, развалившейся усадьбѣ своего отца, пьяницы и мота, спускавшаго и спустившаго наконецъ, когда Петру Петровичу было одиннадцать лѣтъ, послѣднія свои крохи. Послѣ этого отецъ съ ребенкомъ-сыномъ переселился въ приживальщики и шуты къ мѣстному богачу помѣщику Тренину—борзятнику и любителю женщинъ.

Недолго пожилъ у Тренина отецъ Мишина и, схвативъ на одной изъ осеннихъ охотъ своего патрона горячку, умеръ, оставивъ сыну въ наслѣдство одного двороваго человѣка, чудомъ какимъ-то уцѣлѣвшаго, лягавую собаку, нѣсколько паръ ношенаго платья да богатѣйшій аппетитъ, начавшій у мальчика развиваться съ годами, къ радостямъ жизни и ненасытную алчность къ богатству. Послѣ смерти отца молодой Мишинъ остался четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, едва грамотнымъ и ничему не учившимся. Тренинъ, сдѣлавшійся его опекуномъ, отослалъ его въ городъ и помѣстилъ къ уѣздному учителю. Два года учитель занимался съ Мишинымъ и, когда подготовилъ его настолько, что онъ смогъ съ грѣхомъ пополамъ сдать экзаменъ на классный чинъ, то тотъ же Тренинъ опредѣлилъ Петра Петровича въ нижній земскій судъ писцомъ на три съ полтиной въ мѣсяцъ. Деньги были не велики даже и по тому времени сказочной дешевизны жизни, однако для ничего не имущаго молодого Мишина, лягавая собака у котораго успѣла издохнуть, а дворовый сбѣжать и безъ вѣсти скрыться, и онѣ показались цѣлымъ богатствомъ. Съ тѣмъ поръ началась самостоятельная, трудовая жизнь Петра Петровича, результатомъ которой явилось то, что черезъ тридцать лѣтъ Петръ Петровичъ обратился въ довольно состоятельнаго, замѣтнаго въ уѣздѣ помѣщика, правда, презираемаго и нелюбимаго, но имѣющаго голосъ и шаръ въ губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ. Какимъ путемъ было добыто такое богатство—лучше не говорить, да и самъ Петръ Петровичъ не любилъ вспоминать объ этомъ! Рядъ всевозможныхъ униженій, подслуживаній и подчасъ довольно гнусныхъ услугъ, шутовство, унаслѣдованное имъ отъ родителя, пресмыканіе передъ богатыми и, наконецъ, начавшееся послѣ освобожденія крестьянъ разоренье помѣщиковъ, чѣмъ воспользовался успѣвшій къ тому времени уже сколотить деньгу и заняться ростовщичествомъ Мишинъ,—все это служило для достиженія завѣтной цѣли. Мишинъ ничѣмъ не брезгалъ, за все жадно хватался и изъ всего старался извлечь побольше для себя выгоды.

Библиотека "Руниверс"

По натурѣ большой чревоугодникъ и любитель женщинъ, Мишинъ могъ жить чуть ли не подвижникомъ и аскетомъ, только бы не тратить ни на что ни копейки! Но онъ готовъ былъ на какую угодно пакость, на какое угодно униженіе, если за это могъ гдѣ-нибудь на даровщину сладко поѣсть, попить и поразвратничать. А развратникъ и циникъ онъ былъ поразительный!

Объ его похожденіяхъ съ омерзѣніемъ разсказывали даже пьяные въ холостыхъ компаніяхъ.

Началомъ богатства Мишина была женьтьба его на отставной любовницѣ своего благодѣтеля Тренина. У Тренина въ метрессахъ долгое сравнительно время жила соблазненная имъ купеческая дочка. Когда ему перевалило за сорокъ пять, и онъ, подумывая о продолженіи рода Трениныхъ, собрался жениться на молоденькой красивой барышнѣ—дочери уѣзднаго предводителя, то метресса явилась помѣхою и ее надо было удалить.

Двадцатитрехлѣтній Мишинъ съ большою готовностью принялъ предложеніе и, получивъ отъ Тренина свадебный подарокъ—тысячу рублей наличными деньгами и маленькій хуторъ,—сталъ собственникомъ и явился жить на этотъ хуторъ вмѣстѣ съ женою—отставною тренинскою любовницею. Однако семейная жизнь молодыхъ продолжалась недолго: не было дня, когда бы Мишинъ не билъ и не издѣвался надъ своею женою, попрекая ее ея прошлымъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что черезъ полтора года брачной жизни несчастная женщина была найдена повѣсившеюся на чердакѣ. Поговаривали, что она была сначала задушена мужемъ, а потомъ уже мертвою подвѣшена имъ, но никакого дѣла объ этомъ не возбуждалось, и Мишинъ остался благополучно жить вдовцемъ.

Лѣтъ черезъ десять послѣ освобожденія крестьянъ, когда дворянъ-помѣщиковъ, обладающихъ цензомъ и живущихъ въ деревняхъ, осталось совсѣмъ немного,—такъ быстро шло въ тѣхъ мѣстахъ дворянское оскудѣніе,—Мишинъ былъ выбранъ депутатомъ въ уѣздное депутатское собраніе, и въ первый же годъ своего депутатства ухитрился получить опеку надъ малолѣтней Екатериной Мосоловой—круглой сиротой умершихъ дворянъ Мосоловыхъ, которой онъ приходился какимъ-то весьма отдаленнымъ родственникомъ.

Двѣнадцатилѣтняя Екатерина была обладательница хотя и не большого, но благоустроеннаго и не заложеннаго имѣнія величиной около 200 десятинъ въ одной межѣ съ маленькой усадьбицей, гдѣ она и осталась жить со своей старой нянькой послѣ смерти умершихъ почти одновременно родителей. Земля Мосоловыхъ примыкала къ недавно пріобрѣтенному Мишинымъ по закладной имѣнію Красногорью, большому и доходному, славившемуся красивымъ мѣстоположеніемъ барской усадьбы. Въ эту усадьбу переселился жить Мишинъ и, ставъ опекуномъ Мосоловой, задумалъ округлить свои владѣнія и пріумножить ихъ сосѣдними полями и пашнями

Библиотека "Руниверс"

подопечной. Съ этою цѣлью онъ началъ часто наѣзжать въ Мосоловку—деревушку дѣвочки,—зорко слѣдить за всѣми полевыми работами и старательно вести книги по приходу и расходу имѣнья.

Отчетъ, представленный Мишинымъ за первый же годъ своего управленья Мосоловкой опекѣ, показалъ, что Мосоловка вовсе не доходное имѣніе и требуетъ такихъ расходовъ, что въ будущемъ займы станутъ неизбѣжными. А между тѣмъ мосоловскіе мужики точно и опредѣленно называли сумму полученнаго опекуномъ дохода,—во много разъ превышающую цифру, показанную имъ въ отчетѣ.

Знала доходы и старая нянька сироты Арина, которая съ перваго же дня, какъ увидѣла Мишина хозяйничающимъ въ Мосоловкѣ, не взлюбила новаго барина, про котораго мало хорошаго слыхала и раньше, а когда увидѣла да узнала поближе, то и вовсе показался онъ ей и страшнымъ и омерзительнымъ. Особенно не нравилось ей, когда онъ въ качествѣ родственника и опекуна приближался къ дѣвочкѣ и пытался иногда приласкать ее. Арина тогда неизмѣнно появлялась около барышни и, точно насѣдка отъ хищнаго коршуна, оберегала свою питомицу отъ прикосновенія Петра Петровича. Впрочемъ, тревога старой няньки не была напрасной: извѣстный своими похожденіями въ дѣвичьихъ и особенно съ годами облюбовавшій подростковъ, пятидесятилѣтній Мишинъ началъ плотоядно поглядывать на отданную подъ его защиту блѣдную, тоненькую дѣвочку съ большими, какъ будто испуганными синими глазами. Мишинъ сначала пытался отдѣлаться отъ Арины и удалить ее, но встрѣтилъ такой отпоръ со стороны и няньки, и барышни, что счелъ за лучшее не прогонять старухи и не поднимать исторіи. Но, чтобы ослабить вліяніе няньки съ одной стороны, а съ другой—чтобы продолжать образованіе Кати Мосоловой, которую все время вплоть до своей смерти учила сама мать, окончившая институтъ, Мишинъ пригласилъ въ Мосоловку гувернантку. Разумѣется, гувернанткой была выбрана такая особа, которая видѣла въ Мишинѣ хозяина и смотрѣла изъ его рукъ. Съ появленіемъ гувернантки Арина удалилась изъ комнаты дѣвочки и осталась въ домѣ на положеніи старой прислуги.

III.

Мишинъ все чаще и чаще сталъ загащиваться въ Мосоловкѣ; началъ любезничать съ гувернанткой и до смерти боявшейся его дѣвочкой, привозить имъ конфеты и разные мелкіе подарки и однажды, когда Катѣ шелъ шестнадцатый годъ, овладѣлъ ею.

Случилось это лѣтомъ въ лѣсу у него въ Красногорьѣ, куда по его настоятельному приглашенію пріѣхали на нѣсколько дней погостить Катя съ гувернанткой. Гувернантка осталась въ домѣ от-

Библиотека "Руниверс"

дохнуть послѣ вкуснаго и сытнаго обѣда, за которымъ подавалось какое-то сладкое и пьяное вино, а Мишинъ повелъ Катю съ собой, чтобы показать ей весь садъ, а оттуда какъ-то незамѣтно для нея увелъ въ лѣсъ и здѣсь, воспользовавшись ея испугомъ и беззащитностью, насильно совершилъ надъ нею свое гнусное дѣло. Происшедшее такъ потрясло молодую дѣвушку, почти еще дѣвочку, что она заболѣла и слегла въ постель. Какъ ни старался Мишинъ скрыть происшедшее и замести его слѣды, однако не только гувернантка, но и сельскій фельдшеръ, котораго принужденъ былъ по настоянію гувернантки пригласить къ больной Мишинъ, догадались о томъ, что случилось въ лѣсу, и вѣсть объ этомъ быстро донеслась до старой Арины. Недолго мѣшкая, Арина отправилась въ городъ, явилась къ уѣздному предводителю дворянства и къ исправнику и, повалившись имъ въ ноги, разсказала объ обидѣ, нанесенной барышнѣ Мосоловой ея опекуномъ. Исправникъ переговорилъ съ предводителемъ и, порѣшивъ немедленно арестовать Мишина и передать его въ руки судебныхъ властей, если только все сообщенное Ариной подтвердится, поѣхалъ въ Красногорье, но попалъ туда какъ разъ въ то время, когда только что вернувшаяся изъ красногорской церкви измученная и больная молодая барыня Екатерина Ивановна Мишина вмѣстѣ со своимъ старикомъ-мужемъ принимала поздравленія съ «законнымъ бракомъ» отъ красногорской прислуги и дворни.

Поздравилъ молодыхъ и исправникъ и вернулся домой.

Гадость, которую учинилъ опекунъ со своею подопечною, и женитьба затѣмъ пятидесятилѣтняго старика на сироткѣ-дѣвушкѣ, которой не исполнилось еще шестнадцати лѣтъ,—возмутили всѣхъ; послышались по адресу Мишина угрозы судомъ, но молодая никому не жаловалась, ее никто не видѣлъ, и все кончилось тѣмъ, что Мишинъ вмѣстѣ съ женою получилъ и ея имѣнье. Правда, онъ хотѣлъ бы получить только одно имѣнье, безъ жены, и бракъ съ Екатериной Ивановной въ его расчеты не входилъ, но присущая его натурѣ животная страсть и беззащитность дѣвушки погубили дѣло!

Неожиданная болѣзнь дѣвушки послѣ пережитаго ею въ лѣсу потрясенія и разнесшаяся вѣсть объ этомъ заставили Мишина понять, что на этотъ разъ преступное похожденіе его безнаказанно ему не сойдетъ.

Цѣлую ночь тогда онъ простоялъ на колѣняхъ у постели дѣвушки, вымаливая у нея прощенье и согласіе на бракъ, хорошо сознавая, что только бракъ съ дѣвушкой, и притомъ совершенный до тѣхъ поръ, пока въ судьбу ея не вмѣшается кто-нибудь посторонній, можетъ еще спасти его отъ заслуженнаго наказанія. Запугавъ гувернантку тѣмъ, что онъ укажетъ на нее, какъ на свою помощницу въ преступленіи, Мишинъ заставилъ и ее уговаривать Катю согласиться на бракъ и рисовать передъ нею въ страшныхъ краскахъ ея будущую жизнь обезчещенной дѣвушки. Когда Катя въ полубезсознательномъ со-

Библиотека "Руниверс"

стояніи согласилась на бракъ съ опекуномъ,. Мишинъ тряхнулъ своимъ богатствомъ, и не успѣвшая опомниться дѣвушка стояла уже передъ аналоемъ въ красногорской церкви и на вопросъ священника о согласіи на бракъ произнесла безкровными и дрожащими губами «да». Черезъ десять мѣсяцевъ у Екатерины Ивановны родился сынъ Алексѣй, а еще черезъ годъ—дочь Марія. Рожденіе дѣтей внесло нѣкоторое утѣшеніе въ неприглядную жизнь Екатерины Ивановны, а еще больше скрасило ей эту жизнь то, что Петръ Петровичъ согласился пустить въ домъ свой старую Арину и сдѣлать ее нянькой у дѣтей.

Правда, у Мишина былъ тутъ своей расчетъ: онъ зналъ, что Арина продолжала тихонько отъ него видѣться со своей прежней барышней и разсказывать потомъ о немъ и его жизни въ городѣ, гдѣ она поселилась, и, желая прекратить это, когда Екатерина Ивановна должна была родить, призвалъ къ себѣ Арину и, предупредивъ, что тотчасъ же ее выброситъ изъ своего дома, если замѣтитъ въ ней какое-нибудь непочтеніе къ себѣ, допустилъ ее къ барынѣ и дозволилъ ей быть нянькою будущаго ребенка. Расчетъ былъ вѣренъ; заноза, безпокоившая Петра Петровича, была удалена, и молодая несчастная женщина, искренно повѣрившая, что Арина взята имъ исключительно ради нея, была глубоко благодарна нелюбимому и страшному мужу.

Бракъ съ молодою дѣвушкою для Мишина не прошелъ безслѣдно: онъ началъ какъ-то быстрѣе старѣть и черезъ два-три года сталъ совсѣмъ хилымъ и больнымъ. Тогда онъ, не знавшій ранѣе болѣзней, принялся за леченіе, и конторка, стоявшая у него въ кабинетѣ, запертая всегда на замокъ, ключъ отъ которой онъ не довѣрялъ никому и, ложась спать, клалъ себѣ подъ подушку, наполнилась разными медикаментами—каплями и порошками. По привычкѣ, находя докторовъ дорогими, Мишинъ принялся лечиться у аптекаря, живущаго въ городѣ, нѣмца Викена. Викенъ охотно снабжалъ своего паціента разными снадобьями отъ всевозможныхъ болѣзней, и Мишинъ бережно хранилъ викенскія лекарства въ своей конторкѣ и время отъ времени, почувствовавъ себя нездоровымъ, прибѣгалъ къ нимъ. Узнавъ, что Викенъ любитъ поохотиться, Мишинъ, самъ бывшій охотникомъ, сдружился съ нимъ, и аптекарь, случалось, пріѣзжалъ въ Красногорье.

Почувствовавъ себя семейнымъ человѣкомъ и сознавая, что накопленнаго достаточно и хватитъ съ избыткомъ, Петръ Петровичъ, жившій прежде одиноко и скучно, мало-по-малу началъ открывать двери своего дома и обзаводиться пріятелями. Хорошіе люди къ нему не пошли, но такіе, о которыхъ думала, сидя за чайнымъ столомъ на террасѣ, Екатерина Ивановна и съ которыми мысленно сравнивала молодого учителя,—отыскались.

Когда кончили пить чай, Петръ Петровичъ повелъ Шляхова по-

Библиотека "Руниверс"

казать садъ и усадьбу и водилъ его до самаго обѣда: онъ радъ былъ новому слушателю, тѣмъ болѣе, что тотъ многимъ искренно поражался и восхищался.

На слѣдующій день Шляховъ началъ заниматься съ мальчикомъ и немного съ дѣвочкой Мишиными. Занятія обыкновенно происходили у него во флигелѣ послѣ утренняго чая до обѣда, который подавался около часу дня, а остальное время Шляховъ былъ свободенъ.

Занимались мало, больше разговаривали, смотрѣли картинки, читали ихъ заглавія, учитель знакомилъ дѣтей, какъ умѣлъ, съ окружающимъ ихъ Божьимъ міромъ. Дѣти скоро привыкли къ урокамъ и перестали бояться учителя, а, глядя на нихъ, перемѣнила гнѣвъ на милость и Арина. Сама кое-чему выученная гувернанткой, Екатерина Ивановна все же понимала пользу образованія и научилась цѣнить и уважать образованныхъ людей, которые, впрочемъ, бывали рѣдкими гостями въ мишинскомъ домѣ. Увидавъ, что дѣти полюбили учителя и что онъ, хотя и проводитъ вечера вмѣстѣ съ Петромъ Петровичемъ за игрою въ шашки, но не пьетъ ничего, а слушая разсказы старика, часто скарбезные, конфузится и не вторитъ ея мужу подобно прочимъ, Екатерина Ивановна начала сама приглядываться къ молодому человѣку внимательнѣе и скоро замѣтила, что не менѣе внимательно слѣдитъ за нею и онъ.

Съ перваго же дня своего знакомства съ Екатериной Ивановной Шляховъ находился съ совершенномъ недоумѣніи: отправляясь къ Мишинымъ на урокъ, онъ ожидалъ найти хозяйку подъ стать хозяину и вдругъ встрѣтилъ совсѣмъ молодую женщину, худоба и блѣдность которой молодили ее еще больше и дѣлали похожей на знакомыхъ ему гимназистокъ. Узнавъ Екатерину Ивановну ближе, Шляховъ убѣдился, что она, несмотря на свое девятилѣтнее замужество и материнство, по развитію и взглядамъ такая же гимназистка, если только не наивнѣе и не довѣрчивѣе ихъ. Встрѣчаясь неизбѣжно по нѣсколько разъ въ день, Шляховъ и Екатерина Ивановна перестали дичиться и стѣсняться другъ друга и мало-по-малу разговорились.

Обыкновенно послѣ обѣда, когда Петръ Петровичъ, совершивъ обильное возліяніе и плотно покушавъ, ложился отдыхать до вечерняго чая, а полуденный лѣтній жаръ манилъ въ тѣнистый садъ или рощу, Екатерина Ивановна съ дѣтьми и старой Ариной, взявъ какое-нибудь рукодѣлье, приходила въ садъ и садилась тамъ на скамейкѣ надъ обрывомъ. Частенько также уходила она и въ сосѣдній съ садомъ лѣсъ, гдѣ обидѣлъ когда-то ее дѣвочкой Мишинъ, и во всѣхъ этихъ прогулкахъ постояннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ ея какъ-то незамѣтно сдѣлался Павелъ Ѳедоровичъ.

Старая Арина, замѣтивъ, что любимица ея барыня хоть немного отводитъ душу въ разговорахъ съ молодымъ человѣкомъ, старалась занять чѣмъ-нибудь дѣтей и увести ихъ, чтобы они не мѣшали ма-

Библиотека "Руниверс"

тери и учителю. Послѣ ряда такихъ встрѣчъ и бесѣдъ Шляховъ узналъ всю несложную печальную жизнь молодой женщины, и хотя она ему про мужа ничего не говорила и о томъ, какъ и почему стала женою старика Мишина, не разсказывала, однако онъ скоро понялъ тѣ чувства, которыя она могла питать къ своему «Черномору», какъ мысленно онъ прозвалъ Мишина. Услыхала также и Екатерина Ивановна отъ Шляхова про его жизнь; узнала, что онъ—сирота, лишившійся еще въ дѣтствѣ родителей; что у него есть гдѣ-то въ другомъ уѣздѣ клочокъ земли, сданный въ долгосрочную аренду; что близкихъ родныхъ у него никого нѣтъ и что учится онъ въ гимназіи и живетъ въ пансіонѣ на дворянскій счетъ. Слушала она его жалобы на то, что, тяжко проболѣвъ два съ половиною мѣсяца зимою, онъ не могъ окончить весной курса и поступить въ университетъ, подобно своимъ товарищамъ, слушала и сочувствовала и жалѣла его... А онъ разсказывалъ ей объ университетѣ, о жизни, которую онъ будетъ вести, поступивъ туда и живя въ столицѣ, о своихъ мечтахъ и планахъ. Многое въ этихъ разсказахъ, можетъ быть, не соотвѣтствовало дѣйствительности, являясь лишь плодомъ фантазіи и незнанія жизни, но она, никогда послѣ замужества не выѣзжавшая изъ Красногорья и видѣвшая жизнь еще меньше его, вѣрила его словамъ, интересовалась невѣдомымъ ей міромъ и чувствовала себя—эта замужняя женщина и мать двухъ дѣтей, которыхъ начинали уже учить,—совсѣмъ глупенькой и маленькой передъ нимъ, двадцатилѣтнимъ юношей-гимназистомъ. Она узнала Шляхова и перестала бояться, что онъ окажется похожимъ на обычно посѣщавшихъ ея домъ пріятелей Петра Петровича и на него самого; не было ей страшно, что онъ вернется съ охоты, на которую ѣздилъ частенько съ Петромъ Петровичемъ, такой же пьяный и циничный, какъ тотъ; она знала, что онъ не оскорбитъ ея плоской шуткой, неприличнымъ разсказомъ, а пуще того — жаднымъ, скверненькимъ взглядомъ, который она такъ привыкла замѣчать въ устремленныхъ на нее взглядахъ спившихся и опустившихся компаньоновъ по охотѣ своего мужа!

Это отличіе Шляхова отъ людей, составлявшихъ кругъ знакомства Петра Петровича, его юношеская чистота и неиспорченность—нравились и Мишину: давно уже и тщетно добивался онъ, чтобы въ домѣ у него бывалъ хотя одинъ человѣкъ, который бы не походилъ на его теперешнихъ друзей, который бы былъ нравственно выше ихъ и умнѣе, и образованнѣе, и не избѣгалъ бы его, Мишина, а былъ бы тоже его другомъ и пріятелемъ!

Такимъ приблизительно человѣкомъ явился въ глазахъ Мишина учитель его дѣтей. Разница въ возрастѣ не играла особенной роли, потому что гимназистъ восьмого класса, успѣвшій начитаться и воспринять модныя доктрины того времени, когда властвовалъ

Библиотека "Руниверс"

графъ Лорисъ-Меликовъ съ его «диктатурой сердца», былъ все же развитѣе и образованнѣе Мишина и его пріятелей-людей, хотя почтеннаго возраста и большой житейской опытности, но нигдѣ и ничему не учившихся и не привыкшихъ мыслить. По вечерамъ, послѣ чая и до ужина Петръ Петровичъ не отпускалъ отъ себя новаго пріятеля и велъ съ нимъ нескончаемыя бесѣды на интересовавшія его политическія и общественныя темы, которыя Шляховъ съ жаромъ, присущимъ молодости, развивалъ передъ нимъ. Случалось, и часто, что проповѣдуемое Шляховымъ возбуждало не только не сочувствіе, но и насмѣшку у Мишина, однако Петру Петровичу нравились и непривычный для него характеръ разговора, и смѣлость сужденій юноши! Нравилось также Мишину потомъ въ присутствіи какого-нибудь своего стараго знакомаго затѣять со Шляховымъ подобный разговоръ и необычайностью его поразить невольнаго слушателя. Взамѣнъ книжныхъ знаній Мишинъ знакомилъ своего молодого собесѣдника съ окружающей его дѣйствительностью, разсказывая про сосѣдей, про недавно уничтоженное крѣпостное право и про то, какъ хорошо жилось при немъ помѣщикамъ; жаловался на баловство и лѣнь нынѣшнихъ мужиковъ, а время отъ времени упоминалъ и про свою жизнь, приводя изъ нея отдѣльные подходящіе къ случаю эпизоды: вспоминать, а больше того разсказывать свое прошлое Петръ Петровичъ что-то не особенно любилъ, за исключеніемъ, впрочемъ, разсказовъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ.

И все, о чемъ ни повѣствовалъ Шляхову Мишинъ, особенно когда ему случалось быть на охотѣ и подкрѣпиться тамъ листовкой, носило слѣды характера и личности самого разсказчика: непремѣнно это было что-нибудь мерзкое, грязное и нецензурное! Хвастаясь своими побѣдами надъ разными крѣпостными дѣвушками и служанками, Петръ Петровичъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, смаковалъ всѣ подробности и не жалѣлъ яркихъ красокъ, расписывая себя и выставляя часто насильникомъ и растлителемъ! Не постѣснялся также въ концѣ концовъ Петръ Петровичъ познакомить Шляхова и съ подробностями женитьбы своей на Екатеринѣ Ивановнѣ!

IV.

Время, между тѣмъ, шло, и чѣмъ больше Шляховъ гулялъ и бесѣдовалъ съ Екатериной Ивановной, тѣмъ задушевнѣе и теплѣе становились ихъ бесѣды, и чувство взаимной симпатіи росло какъ у молодой женщины съ печальными глазами, такъ и у молодого сиротливаго человѣка, и чѣмъ дольше Шляховъ бывалъ съ Мишинымъ и слушалъ его разсказы, тѣмъ гаже, противнѣе и, наконецъ, ненавистнѣе становился ему этотъ старикъ!

Библиотека "Руниверс"

Время шло; давно осыпалась сирень, отцвѣла душистая медвяная липа и отошли ягоды—земляника съ полевою клубникою; время шло, и заалѣли въ вишневомъ саду сочныя, спѣлыя вишни...

Однажды, когда послѣ обѣда Екатерина Ивановна со Шляховымъ были въ вишенникѣ и лакомились сладкой владимирской ягодой, когда на синемъ, безоблачномъ небѣ сіяло расплавленнымъ золотомъ солнце, а въ трепетавшихъ сердцахъ молодыхъ людей разгоралась яркимъ всепобѣждающимъ пламенемъ первая весенняя любовь,—случилось то, что и должно было: Екатерина Ивановна и Шляховъ признались другъ другу въ своей любви, а, признавшись, и испугались ея, и обрадовались ей... Екатерина Ивановна, услыхавъ отъ Шляхова завѣтное, давно желанное слово, смутилась и растерялась. Въ замѣшательствѣ, прикинувшись ничего не слыхавшей, она схватилась за попавшуюся ей подъ руку вѣтку съ вишнями и наклонила ее къ Шляхову, не то потчуя его ягодами, не то желая отъ него ею загородиться; но когда юноша приблизилъ къ протянутымъ ягодамъ свое лицо съ горящими молодыми влюбленными глазами, устремленными на нее, то рука ея дрогнула и нечаянно, противъ воли, отпустила вѣтку; исчезла раздѣлявшая ихъ зыбкая преграда, и уста слились въ поцѣлуѣ...

Исчезла преграда, и исчезла печаль изъ глазъ молодой жены Мишина, засвѣтились они, заискрились, и, точно птица, долго томившаяся въ тѣсной клѣткѣ и вдругъ выпущенная на свободу, воспрянула и оживилась прежняя мосоловская барышня.

Если бы Петръ Петровичъ относился повнимательнѣе къ своей женѣ, а главное—если бы онъ былъ помоложе, поменьше бы спалъ да поменьше прихварывалъ, то скоро бы замѣтилъ и перемѣну, происходившую въ Екатеринѣ Ивановнѣ, а, замѣтивъ, навѣрное, догадался бы и о причинѣ ея, но Петръ Петровичъ ничего не видѣлъ.

А какъ это было нетрудно! Влюбленные, охваченные новымъ и невѣдомымъ имъ чувствомъ, не противились ему и, довѣрчивые, простодушные, плохо умѣли скрывать свое счастье. Теперь не только послѣ обѣда Екатерина Ивановна гуляла съ учителемъ, но постоянно, всякой удобной минутой пользовалась она, чтобы побыть со своимъ желаннымъ, чтобы обнять его, прижаться къ нему и грѣться, грѣться подъ его поцѣлуями, его ласками... Теперь не только золотое солнце видѣло вмѣстѣ Мишину и Шляхова, но и серебряный мѣсяцъ, плывущій въ облакахъ, находилъ ихъ, случалось, своимъ крадущимся, ползучимъ лучомъ въ чащѣ старыхъ развѣсистыхъ липъ или въ тѣни сирени, густо обрамлявшей скамейку надъ обрывомъ! Видѣли ихъ солнце и мѣсяцъ, да за дальностью не разслышали, а что слыхали да узнали старыя липы, густая сирень и частый вишенникъ—того никому не разсказали...

Росла и крѣпла любовь у Шляхова къ Екатеринѣ Ивановнѣ, но также росла у него и разгоралась ненависть къ смертельному

Библиотека "Руниверс"

ея обидчику, къ тому, кто насильно сталъ ея мужемъ, кто завладѣлъ и владѣетъ теперь ею по праву, кто всякій день, каждую минуту можетъ выгнать, если захочетъ, его изъ дома и разрушить его счастье!

И невольно характеръ обычныхъ вечернихъ бесѣдъ Шляхова съ Мишинымъ измѣнился: ревнуя свою возлюбленную, страдая за ея прошлое, Павелъ Ѳедоровичъ все чаще и настойчивѣе допытывался у Мишина о подробностяхъ его супружеской жизни, а старый циникъ, ничего не подозрѣвая и не чувствуя, какою острою болью отзываются его слова у слушателя, не стѣснялся знакомить его съ этими подробностями... И кипѣло у юноши сердце и рвалось наружу!

Особенно удобнымъ предлогомъ для такихъ разговоровъ явилось письмо, недавно полученное съ почты Петромъ Петровичемъ. Не обширна была и вообще-то вся его переписка, такъ что полученіе всякаго письма было нѣкоторымъ событіемъ въ красногорскомъ господскомъ домѣ, но это было письмо совершенно особенное, никогда дотолѣ не виданное. Петру Петровичу привезли съ почты письмо, присланное заказнымъ изъ губернскаго города. Прежде всего обращалъ на себя вниманіе почеркъ, которымъ было оно написано: Мишину не случалось ранѣе видѣть такого крупнаго и красиваго письма. Тотъ, кто писалъ это письмо, старался выводить отчетливѣе и ровнѣе буквы и списывалъ, повидимому, его съ черновика!

Такія мысли, впрочемъ, тогда не приходили въ голову Петру Петровичу, а лишь впослѣдствіи высказалъ ихъ судебному слѣдователю и на судѣ въ заключеніи своемъ каллиграфъ-экспертъ, который добавилъ еще и то, что переписывалось письмо это юношеской, не достаточно твердой рукой.

Письмо было довольно длинно, написано нѣсколько вычурнымъ, цвѣтистымъ языкомъ и подписано: «Твоя Совѣсть».

Неизвѣстный авторъ напоминалъ Мишину его прежнюю жизнь, полную пресмыканій передъ сильными и богатыми, распутства и стяжанія; корилъ его смертью первой жены и преступной женитьбой на второй; грозилъ ему Божьей карой и предрекалъ скорую смерть и, наконецъ, взывалъ къ его совѣсти, призывая его, пока еще не поздно, раскаяться, измѣнить жизнь свою и хоть немного загладить прошлое, а для этого—оставить жену, дѣтей и имѣнье, отречься отъ міра и уйти въ монастырь. «И тамъ ты, поддонокъ мошенничества,—заканчивалось письмо,—найдешь успокоеніе и, живя въ ангельскомъ чинѣ, оправдаешься передъ Всеблагимъ Господомъ и чистою, загубленною тобою голубкою, которую нынѣ ты кощунственно зовешь своею женою!»

Письмо произвело необычайное впечатлѣніе: Петръ Петровичъ, привыкшій за свою долгую жизнь, чтобы въ лицо ему безнаказанно говорили всяческія оскорбленія, не обидѣлся на автора, но крайне

Библиотека "Руниверс"

изумился тому, что въ письмѣ были приведены такія подробности его жизни, которыя, казалось, другіе посторонніе люди не могли знать, а живущіе вдали въ губернскомъ городѣ и подавно! Это послѣднее обстоятельство заставило его нѣсколько даже испугаться: врагъ не только неизвѣстенъ, но еще и живетъ въ губернскомъ городѣ возлѣ властей, возлѣ губернатора, прокурора, жандармскаго полковника и другихъ непріятныхъ для него, Петра Петровича Мишина лицъ...

Не могъ въ тотъ день уснуть послѣ обѣда Мишинъ. Оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно ложился отдыхать, Петръ Петровичъ нѣсколько разъ подходилъ къ своей конторкѣ, отпиралъ ее и, доставъ оттуда письмо, принимался читать его и перечитывать... Не выдержавъ наконецъ, онъ раньше обыкновеннаго всталъ, потребовалъ чаю и, когда всѣ собрались къ столу, то позвалъ съ собой Шляхова въ кабинетъ и велѣлъ чай подать имъ туда. Здѣсь, взявъ съ молодого человѣка слово, что о письмѣ онъ никому ничего не скажетъ, показалъ его. Цѣлый вечеръ, запершись вдвоемъ въ кабинетѣ, Мишинъ проговорилъ со Шляховымъ о письмѣ, обсуждая его содержаніе и цѣль, а главное отгадывая его автора. Почасту и въ послѣдующіе дни касались они этихъ вопросовъ...

Время шло, и приблизился Успеньевъ день, а вмѣстѣ въ нимъ кончался и срокъ ваката у Шляхова. Не замѣтили влюбленные подкравшейся разлуки, а когда она встала передъ ними, то ни Екатерина Ивановна, ни Шляховъ не смогли подчиниться ей. Случилось какъ-то такъ, что Шляховъ ко всеобщему удовольствію въ красногорскомъ домѣ рѣшилъ сказаться больнымъ и пропустить первую четверть учебнаго года, которую онъ успѣшно прошелъ еще въ минувшемъ году, и продолжать свое пребываніе въ Красногоркѣ и занятія съ Алешей и Машей до 15-го октября.

Подошла осень; убрались съ полей, начались утренники, и въ смежныхъ съ Красногорьемъ и Мосоловкой угодьяхъ появились волки. Петръ Петровичъ занялся охотою на нихъ и, доставъ у пріятеля своего аптекаря Викена стрихнинъ, началъ ихъ травить ядомъ. Волковъ поубавилось, а не использованный стрихнинъ Мишинъ припряталъ къ себѣ въ конторку.

V.

Въ началѣ октября, на второй или третій день послѣ Покрова, вечеромъ запорошилъ снѣжокъ, потомъ пошелъ сильнѣе, повалилъ хлопьями и къ утру пушистымъ бѣлымъ покровомъ заволокъ землю. Плохо что-то въ ту ночь спалось Петру Петровичу Мишину въ жарко натопленной горницѣ возлѣ молодой жены, также почему-то не спавшей и жаловавшейся на головную боль.

Библиотека "Руниверс"

Откинувъ въ окнѣ штору и увидѣвъ поля за рѣкой, покрытыя снѣгомъ, Петръ Петровичъ поспѣшно одѣлся, зашелъ въ кабинетъ, выбралъ ружье и отправился по первой порошѣ. Хотѣлъ было онъ разбудить и позвать съ собой учителя, переселившагося изъ флигеля въ домъ и помѣщавшагося въ комнатѣ около столовой, но раздумалъ: за послѣднее время онъ наконецъ почувствовалъ его вражду къ себѣ и радъ былъ, что на дняхъ тотъ уѣдетъ. Объ этомъ еще третьяго дня онъ, Мишинъ, напомнилъ гимназисту, сказавъ, что въ воскресенье 10 октября—лошади поѣдутъ на станцію и могутъ его отвезти туда. Екатерина Ивановна, накинувъ капотъ и надѣвъ на босыя ноги туфли, вышла запереть за Петромъ Петровичемъ дверь.

Захлопнувъ ее, молодая женщина не вернулась въ спальню, а прошла изъ передней въ смежную съ нею комнату, отдѣлявшую столовую отъ кабинета. Здѣсь она подошла къ окну и, откинувъ уголокъ занавѣски, стала пристально смотрѣть, какъ мужъ ея свистнулъ на дворѣ двухъ своихъ собакъ и вышелъ съ ними въ ворота. Убѣдившись, что мужъ ушелъ на охоту, Екатерина Ивановна, крадучись, чуть слышно прошла въ столовую и скрылась въ комнатѣ учителя.

Было около восьми часовъ утра. Уже разсвѣло, и въ домѣ поднялись всѣ, кромѣ Шляхова: онъ спалъ еще въ своей комнатѣ.

Дѣти только что умылись и, поздоровавшись съ матерью, усаживались въ столовой за чай и молоко. Около нихъ находилась Арина; давно старуха отгадала, что творится съ ея барыней, но молчала и только слѣдила за тѣмъ, какъ бы не узналъ чего-нибудь злѣйшій врагъ ея—Петръ Петровичъ.

Екатерина Ивановна, блѣдная, съ ввалившимися, не выспавшимися глазами, стояла около отдѣльнаго столика въ углу столовой и приготовляла кофе, чтобы сварить его тотчасъ же, когда вернется съ охоты мужъ: онъ любилъ это.

Въ прихожей, а затѣмъ въ спальнѣ послышалось движеніе: Петръ Петровичъ вернулся съ охоты и переодѣвался. Блѣдность еще больше разлилась по лицу Мишиной... Кофе заворчало на спиртовкѣ, и Екатерина Ивановна не отвела отъ него глазъ, когда въ столовую вошелъ Петръ Петровичъ, умытый, въ халатѣ и туфляхъ.

— А, кофей! Вотъ это хорошо и кстати!—проговорилъ Мишинъ, увидѣвъ жену около столика.

— Барыня, поглядите за дѣтьми: сливокъ-то нѣтъ; пойду принесу!—проговорила Арина и вышла черезъ залу въ прихожую и сѣни.

— Нездоровится мнѣ что-то нынче,—продолжалъ Мишинъ:— ломитъ и лихорадитъ; должно быть, на охотѣ прохватило; не принять ли викенскій порошекъ, очень онъ эти новые порошки хвалилъ. Или лучше хины? Ты какъ думаешь?—обратился онъ къ женѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Какъ вамъ будетъ угодно,—проговорила, не оборачиваясь, Екатерина Ивановна.—Примите хоть новые,—добавила она точно черезъ силу, глухимъ голосомъ.

Шлепая по полу туфлями, прошелъ Петръ Петровичъ въ кабинетъ, и Арина изъ прихожей слыхала, какъ щелкнулъ замокъ въ конторкѣ и забулькала вода, наливаемая въ стаканъ изъ полнаго графина, всегда стоявшаго въ кабинетѣ.

Зазвенѣла въ столовой ложечка въ большой чашкѣ, которую держала въ рукахъ Екатерина Ивановна, готовясь налить въ нее кофе, и не въ силахъ, видно, была Екатерина Ивановна удержать въ рукахъ ее, она выскользнула у нея изъ рукъ и, съ шумомъ упавъ на полъ, разбилась.

— Ей! Тише тамъ!—раздался изъ кабинета недовольный голосъ Петра Петровича, а старая нянька, думая, это это кто-нибудь изъ оставленныхъ ею въ столовой дѣтей уронилъ чашку, поспѣшила назадъ въ столовую.

— Только что я вернулась въ залу,—говорила на первыхъ порахъ въ тотъ же день вечеромъ спрашивавшему ее становому приставу Арина:—какъ вдругъ въ кабинетѣ-то баринъ закричалъ этакъ коротко: «а-а» и слышно—упалъ; наша барыня, перепугалася голубушка, выбѣжала изъ столовой, да прямо, увидѣвъ меня въ залѣ, ко мнѣ! Арина, говоритъ, неси скорѣе молока, онъ отравился!

— А что, барыня-то въ кабинетъ заходила передъ тѣмъ?—допытывался приставъ у Арины.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно, ваше благородіе! Прямо ко мнѣ изъ столовой! Отравился онъ,—кричитъ барыня: — давайте молока! Сейчасъ назадъ въ столовую! Этакія страсти! А баринъ-то лежитъ на полу! Я кричу безъ памяти: молока, молока, и бѣгу въ кабинетъ; прибѣжалъ туда и учитель нашъ Павелъ Ѳедоровичъ, они только одѣлись и изъ своей комнаты вышли,—баринъ лежитъ и сказалъ только: «Проклятый нѣмецъ! отравилъ!» Тутъ сейчасъ пѣна показалась, закорчился, и духъ вонъ! Не успѣли не то что молока или чего тамъ дать, а и дѣтокъ-то подъ благословеніе подвести!

Впослѣдствіи, неоднократно спрошенная и слѣдователемъ, и на судѣ Арина, разсказывала нѣсколько иначе: она настаивала на томъ, что приставъ ее не понялъ или самъ невѣрно передалъ ея слова, а что барыня прибѣжала въ кабинетъ и только тогда, когда умирающій баринъ произнесъ: «Проклятый нѣмецъ! отравилъ!» бросилась вонъ изъ кабинета и закричала: «Его отравили, молока, молока!»

Ни слова не удалось добиться также отъ старухи и о томъ, что знала она объ отношеніяхъ, существовавшихъ между учителемъ и барыней.

Библиотека "Руниверс"

— Случалось, гуляли, промежъ себя разговаривали,— былъ обычный отвѣтъ.

Вѣсть объ отравленіи Мишина съ быстротою молніи разнеслась по Красногорью и въ окружности, такъ что къ вечеру того же дня пріѣхалъ и приступилъ къ производству дознанія становой приставъ, а на слѣдующій день явились въ Красногорье слѣдователь и уѣздный врачъ.

Вскрытіе тѣла Мишина показало, что онъ умеръ отъ отравленія стрихниномъ, нѣсколько порошковъ котораго были найдены сложенными вмѣстѣ въ конторкѣ въ кабинетѣ; тамъ же, неподалеку отъ нихъ, лежали порошки съ хининомъ и нѣсколько порошковъ какого-то безвреднаго лекарства собственнаго изобрѣтенія Викена. Кромѣ того, хранились въ конторкѣ еще и другія лекарственныя снабодья, но во всемъ, видимо, соблюдался хозяиномъ разъ принятый имъ и извѣстный ему порядокъ.

Когда слѣдователь при понятыхъ осматривалъ эту конторку, то нашелъ тамъ между прочимъ и письмо, подписанное: «Твоя Совѣсть»; не нашелъ только ни копейки денегъ, а онѣ, казалось бы, и не малыя, должны были тамъ лежать: вѣроятно, чья-то рука еще до пріѣзда станового, опечатавшаго кабинетъ, похозяйничала въ конторкѣ. Впослѣдствіи припомнилъ прокуроръ въ своей рѣчи на судѣ, что не въ обычаѣ было у Петра Петровича отдавать деньги женѣ, а между тѣмъ послѣ похоронъ мужа у нея оказалось денегъ столько, что она, не обращаясь ни къ душеприказчикамъ, ни къ опекѣ, смогла снабдить ими Шляхова, ставшаго впослѣдствіи ея негласнымъ женихомъ, чтобы дать ему возможность безбѣдно и самостоятельно существовать въ губернскомъ городѣ.

VI.

На первыхъ порахъ, подъ вліяніемъ словъ умирающаго, возникло было подозрѣніе на нѣмца аптекаря Викена, но скоро оно, какъ совершенно неосновательное, было оставлено.

Замкнутую затворническую жизнь вела Мишина, мало кто изъ знакомыхъ Петра Петровича интересовался ею, поэтому и удалось ей сохранить отъ всѣхъ, кромѣ вѣрной Арины, тайну своихъ отношеній къ Шляхову. Потомъ не стали бы удивляться, если бы узнали, что молодая богатая вдова, вѣчно сидящая дома, выходитъ замужъ за молодого учителя ея дѣтей, живущаго въ томъ же домѣ, странно только показалась становому и слѣдователю та горячность, которую проявилъ никому невѣдомый и чужой Мишину юноша къ его смерти. Когда, отвергнувъ умышленное отравленіе Викеномъ Мишина и не находя основаній подозрѣвать кого-либо въ этомъ преступленіи, остановились на мысли, что Петръ Петровичъ по ошибкѣ перепуталъ порошки и вмѣсто неизвѣстнаго ему

Библиотека "Руниверс"

рекомендованнаго Викеномъ лекарства принялъ стрихинъ, то Шляховъ не только поддерживалъ мысль объ этомъ, но допускалъ и старался внушить, что, можетъ быть, Петръ Петровичъ лишилъ себя жизни умышленно.

Шляховъ говорилъ, что будто бы покойный такъ былъ потрясенъ полученнымъ имъ анонимнымъ письмомъ, что неоднократно высказывалъ ему, Шляхову, желаніе покончить жизнь самоубійствомъ.

При допросѣ слѣдователемъ Шляхова, какъ свидѣтеля, Шляховъ предложилъ собственноручно записать свое показаніе и, когда слѣдователь удовлетворилъ его желаніе, то Шляховъ, прописавъ почти всю ночь, вручилъ на утро слѣдователю цѣлое сочиненіе, въ которомъ въ крайне рѣзкихъ и непривлекательныхъ чертахъ описывалъ покойнаго, его жизнь, дѣла и дѣлишки, свои бесѣды съ нимъ, а главное—совершенное старикомъ преступленіе надъ мосоловской барышней, а затѣмъ наступившее будто бы подъ вліяніемъ письма-анонима раскаяніе и желаніе покончить съ жизнью. Описывая характеръ и жизнь Мишина, Шляховъ закончилъ такъ: «однимъ словомъ, это былъ *поддонокъ* мошенничества».

Страннымъ все это показалось слѣдователю; попытался было онъ приподнять завѣсу и освѣтить отношенія Мишина, его жены и учителя, но ничего изъ этого не вышло, и версія о нечаянномъ самоотравленіи Мишина укрѣпилась.

Дѣло было отослано прокурору, чтобы тотъ внесъ его въ окружный судъ на прекращеніе «за отсутствіемъ состава преступленія—умышленнаго отравленія».

Не зная никого изъ дѣйствующихъ лицъ, умный вдумчивый прокуроръ сталъ знакомиться съ ними, читая дѣло, и скоро составилъ опредѣленное и вѣрное понятіе какъ о жизни старика Мишина съ молодою женою, такъ и о взаимной симпатіи, возникшей между Екатериной Ивановной и Шляховымъ. Изучая анонимное письмо, полученное незадолго до своей смерти Мишинымъ и просматривая показаніе слѣдователю Шляхова, прокуроръ замѣтилъ сходство между ними, а сопоставивъ то значеніе, которое Шляховъ старался придать этому письму со скорой затѣмъ и загадочной кончиной Петра Петровича, послѣдовавшей незадолго до предстоящаго отъѣзда изъ Красногорья Шляхова, и обстановкою, при которой наступила смерть по первому разсказу няньки Арины становому приставу, пришелъ къ убѣжденію, что Мишинъ былъ отравленъ своей женой и ея возлюбленнымъ.

Для этого, по его мнѣнію, молодые люди воспользовались новымъ, неизвѣстнымъ Мишину по виду лекарствомъ, даннымъ ему аптекаремъ, и въ это лекарство сверху подложили порошокъ стрихнина, отперевъ какъ-нибудь конторку въ отсутствіе ея хозяина. И задуманное совершилось именно такъ, какъ хотѣли того заговорщики.

Библиотека "Руниверс"

Не согласившись поэтому на прекращеніе дѣла, прокуроръ вернулъ его слѣдователю и предложилъ дополнить разслѣдованіемъ того, кто былъ авторомъ анонимнаго письма, полученнаго Мишинымъ, и болѣе тщательнымъ выясненіемъ отношеній, существовавшихъ между Мишиной и учителемъ ея дѣтей.

Для рѣшенія перваго вопроса слѣдователь, по указанію прокурора, послалъ въ одинъ изъ столичныхъ университетовъ копіи анонимнаго письма и показанія Шляхова, написаннаго имъ собственноручно, и просилъ профессоровъ филологическаго факультета разсмотрѣть оба эти документа и дать свое заключеніе, не является ли авторомъ ихъ одно и то же лицо? Къ такой рѣдчайшей и, можетъ быть, единственной въ судебной практикѣ экспертизѣ три извѣстныхъ профессора словесника приложили много труда, и скоро слѣдователь получилъ отъ нихъ настоящій научный трактатъ въ которомъ каждый изъ профессоровъ—всякій съ точки зрѣнія своей спеціальности — сравнивалъ оба произведенія — письмо и показаніе—и доказывалъ, что авторомъ того и другого было одно и то же лицо. Между прочимъ, одинъ изъ профессоровъ останавливалъ свое вниманіе на встрѣчающемся въ показаніи Шляхова и въ анонимномъ письмѣ названіи Мишина «поддонкомъ мошенничества» и на орѳографіи перваго слова «подонокъ», написаннаго черезъ два «д», какъ бы произведеннаго отъ словъ «подъ дномъ», и утверждалъ, что трудно и даже невозможно допустить, чтобы неправильное въ стилистическомъ отношеніи вообще выраженіе «подонки общества», вошедшее, однако, въ обиходъ рѣчи, могло у двухъ различныхъ лицъ получить еще болѣе неправильную словесную форму и вылиться въ выраженіе «поддонокъ мошенничества».

Для выясненія отношеній, существовавшихъ между Шляховымъ и Мишиной, на этотъ разъ дѣло попало въ болѣе благопріятную обстановку.

Узнавъ отъ слѣдователя, когда онъ въ первый разъ отослалъ дѣло прокурору, что оно имъ направлено на прекращеніе, такъ какъ Петръ Петровичъ отравился, очевидно, нечаянно, принявъ ядъ вмѣсто лекарства, Екатерина Ивановна и Шляховъ стали менѣе осторожны, и о любви барыни къ учителю узнала и шушукалась вся красногорская дворня.

Только послѣ Рождества уѣхалъ уволенный уже изъ гимназіи по прошенію Шляховъ изъ Красногорья и поселился въ губернскомъ городѣ, чтобы готовиться сдавать весною экзаменъ экстерномъ.

Было рѣшено между нимъ и Екатериной Ивановной, что на масленицу она пріѣдетъ навѣстить его, а лѣтомъ, когда онъ поступитъ въ университетъ или же въ ветеринарный институтъ, если не получитъ аттестата зрѣлости, и станетъ студентомъ, то они поженятся.

Библиотека "Руниверс"

Между губернскимъ городомъ и красногорской усадьбой завязалась оживленная переписка, каждый день нарочный ѣздилъ изъ Красногорья на станцію желѣзной дороги и отвозилъ письма барыни или привозилъ ихъ ей отъ «ейнаго жениха»,—такъ уже называла за глаза красногорская прислуга уѣхавшаго учителя.

Когда слѣдователь собралъ матеріалъ, съ несомнѣнностью устанавливавшій, что любовь Екатерины Ивановны и Шляхова началась не со вчерашняго дня, а возникла еще при жизни Мишина, то произвелъ внезапно обыскъ какъ у Шляхова, такъ и у Мишиной и отобралъ обширную переписку. Ни тотъ, ни другая не стали запираться въ своей привязанности другъ къ другу и въ намѣреніи стать скоро мужемъ и женой, но ни оба они, ни вся переписка ихъ ни словомъ не обмолвились о томъ, какъ жили они и чѣмъ были другъ для друга при жизни стараго Мишина. Только въ одномъ изъ писемъ Шляхова къ своей невѣстѣ заключалась такая фраза: «Ты знаешь,—обращался онъ къ ней,—какимъ путемъ ты досталась мнѣ и что мнѣ пришлось сдѣлать, чтобы освободить тебя отъ твоего лютаго злодѣя».

Эта фраза оказалась роковою: она, по мнѣнію прокурора, являлась признаніемъ въ преступленіи и рѣшила участь Мишиной и Шляхова; обоихъ ихъ онъ предложилъ слѣдователю привлечь и допросить въ качествѣ обвиняемыхъ.

Никто изъ нихъ виновнымъ себя ни въ чемъ не призналъ, и Мишина дала коротенькое показаніе, говоря, что она сама страшно испугалась неожиданной смерти мужа, въ суматохѣ—не раньше того—уронила и разбила чашку и узнала, что мужъ отравленъ только тогда, когда объ этомъ сказалъ, умирая, онъ самъ, а Шляховъ,—отрицая то, что письмо, полученное Мишинымъ, было составлено имъ, объяснилъ, что выраженіе, обратившее на себя вниманіе профессора «поддонокъ мошенничества», онъ заимствовалъ изъ письма и употребилъ его въ своемъ показаніи; что же касается затѣмъ фразы, въ которой прокуроръ видитъ его сознаніе въ преступленіи, то въ первой части онъ намекалъ Мишиной на долгій путь ухаживанья за нею, любимой женщиной, наконецъ отвѣтившей ему взаимностью, а во второй—на то, какъ много и настойчиво пришлось ему развивать и укрѣплять зародившуюся у Мишина подъ вліяніемъ анонимнаго письма мысль о самоубійствѣ, которую наконецъ, по его мнѣнію, Мишинъ и привелъ въ исполненіе, принявъ ядъ. Шляховъ утверждалъ, что Мишинъ, умирая, не произносилъ тѣхъ словъ: «проклятый нѣмецъ, отравилъ», которыя будто бы слышали перепугавшіяся Екатерина Ивановна и Арина, но которыхъ не слышалъ онъ, находившійся тогда все время въ кабинетѣ.

До суда обвиняемые были взяты подъ стражу, но Екатерину Ивановну скоро выпустили подъ залогъ, такъ какъ хозяйство, а главное—дѣти требовали ея присутствія въ Красногорьѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сколько далѣе ни старались слѣдователь съ прокуроромъ, но болѣе уликъ не собрали, и дѣло съ обвинительнымъ тактомъ пошло въ судебную палату.

Раздались было голоса въ обвинительной камерѣ палаты, что мало уликъ противъ обвиняемыхъ и не слѣдуетъ ли прекратить дѣло, но въ концѣ концовъ рѣшили предоставить сказать свое послѣднее слово судьямъ общественной совѣсти—присяжнымъ засѣдателямъ,— и дѣло вернулось въ судъ съ утвержденнымъ палатою обвинительнымъ актомъ.

VII.

Былъ сентябрь мѣсяцъ и въ уѣздномъ городѣ Л—кѣ, гдѣ въ тюрьмѣ, ожидая суда, содержался Шляховъ, шла выѣздная сессія е—каго окружнаго суда. Вечеромъ предсѣдатель суда, не старый еще, видный мужчина, возвратившись изъ засѣданія, сидѣлъ въ номерѣ гостиницы и перечитывалъ дѣло «Объ умышленномъ отравленіи дворянина Петра Петровича Мишина», назначенное къ слушанію на завтра.

Всѣ распоряженія были сдѣланы, и билеты на право входа въ залъ судебнаго засѣданія на интересовавшее всѣхъ дѣло давно уже разобраны знакомыми Петра Петровича и уѣздной аристократіей.

За все время существованія гласнаго суда въ Л—кѣ предстоялъ первый процессъ, на который ожидалось стеченіе публики такое, что пришлось впускать по билетамъ.

Поздно вечеромъ, окончивъ чтеніе дѣла, предсѣдатель суда сидѣлъ, погруженный въ раздумьѣ о тѣхъ людяхъ, которые завтра пройдутъ передъ нимъ въ качествѣ обвиняемыхъ, свидѣтелей и экспертовъ; онъ невольно сопоставлялъ ихъ показанія, предугадывалъ ихъ отвѣты, мысленно самъ задавалъ вопросы и обдумывалъ то напутствіе, которое онъ скажетъ присяжнымъ передъ тѣмъ, какъ они уйдутъ въ свою комнату совѣщаться. Все, о чемъ онъ думалъ сейчасъ, не поселяло въ немъ твердой увѣренности и убѣжденія въ виновности Мишиной и ея возлюбленнаго. Даже больше того: если онъ находилъ нѣсколько загадочнымъ и подозрительнымъ поведеніе молодой женщины, то откровенность и излишняя болтливость юноши, заставившая впервые обратить на него вниманіе слѣдователя и пристава, говорили за то, что гимназистъ не причастенъ къ смерти старика. Какъ-то справится съ обвиненіемъ прокуроръ и какъ-то разсудятъ присяжные,—думалъ предсѣдатель и вдругъ не то что услышалъ, а скорѣе почувствовалъ, что дверь въ комнату отворилась и въ нее кто-то вошелъ; обернувшись, онъ увидѣлъ судейскаго курьера.

— Что тебѣ?—обратился онъ къ нему.

Библиотека "Руниверс"

— Господинъ исправникъ приказалъ доложить о себѣ вашему превосходительству и просятъ ихъ принять.

— Проси,—приказалъ предсѣдатель, немного изумленный такимъ позднимъ визитомъ.

Курьеръ открылъ дверь и пропустилъ въ номеръ исправника. Это былъ молодой еще, молодцоватый господинъ съ военной выправкой. Пожавъ протянутую ему предсѣдателемъ руку и слегка поклонившись на сдѣланное ему предложеніе садиться, исправникъ, продолжая стоять, заговорилъ:

— Прошу ваше превосходительство извинить меня за позднее посѣщеніе, но я только что сейчасъ получилъ извѣстіе, что дѣло Мишина завтра не можетъ состояться, слѣдовательно, уѣздный врачъ, вызываемый въ качествѣ эксперта, можетъ быть свободенъ и не будетъ ли вами разрѣшено ему экстренно выѣхать со мной.

— Почему же вы думаете, что дѣло Мишина не будетъ завтра заслушано?—освѣдомился предсѣдатель, очень не любившій откладывать разборъ дѣлъ.

— Многіе, и въ томъ числѣ очень важные для дѣла свидѣтели не явятся завтра, какъ, напримѣръ, становой приставъ, старая няня Мишиныхъ, вся ихъ прислуга; сейчасъ объ этомъ получено мною извѣщеніе отъ пристава; приставъ пишетъ, что въ ночь на нынѣшнее число подсудимая Мишина скончалась у себя въ имѣньи, отравившись стрихниномъ, и оставила объ этомъ записку. Приставъ въ Красногорьѣ уже произвелъ дознаніе и желательно произвести завтра пораньше вскрытіе и похоронить самоубійцу. Вотъ записка госпожи Мишиной, не угодно ли взглянуть,—и, доставъ съ этими словами у себя изъ-за обшлага мундира свернутый листочекъ почтовой бумаги, протянулъ его предсѣдателю.

Въ волненьи, невольно охватившемъ его, взялъ предсѣдатель изъ рукъ исправника листокъ и прочелъ на немъ: «Никого въ моей смерти не винить; отравилась стрихниномъ; на людской судъ не хочу итти, а предстану передъ судомъ Божьимъ».

На другой день публику, необычно рано собравшуюся въ залъ мирового съѣзда, гдѣ засѣдалъ окружный судъ во время своего пріѣзда въ Л—къ, ждало разочарованіе; дѣло въ отношеніи подсудимаго Шляхова было слушаніемъ отложено за неявкою существенныхъ свидѣтелей, а въ отношеніе подсудимой Мишиной за смертью ея—прекращено.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все же обыватели Л—ка были удовлетворены; они до глубокой ночи просидѣли въ залѣ суда и прослушали, какъ судили Шляхова по обвиненію его въ отравленіи вмѣстѣ съ покойной Екатериной Ивановной Петра Петровича Мишина; прослушали и разочаровались: судебное слѣдствіе не прибавило ничего новаго къ предварительному; дѣло вышло блѣднымъ, улики расплывчатыми и неясными; отсутствіе на скамьѣ подсудимыхъ

Библиотека "Руниверс"

Мишиной было замѣтно и, вѣроятно,—такъ по крайней мѣрѣ говорили потомъ сами присяжные засѣдатели,—это отсутствіе, это самоубійство молодой женщины наканунѣ суда тѣмъ же стрихниномъ, отъ котораго погибъ и Петръ Петровичъ, сыграли не послѣднюю роль въ участи Шляхова. Больше трехъ часовъ совѣщались присяжные и на поставленный имъ вопросъ о виновности Шляхова отвѣтили: «Да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія».

Выслушавъ вердиктъ, Шляховъ закричалъ: «Клянусь, не виноватъ я!»—и на слѣдующій же день подалъ кассаціонную жалобу, а когда сенатъ оставилъ ее безъ уваженія, то послалъ прошеніе на высочайшее имя съ ходатайствомъ объ освобожденіи его отъ наказанія и утверждалъ, что присяжные осудили его ошибочно, что онъ не виноватъ ни въ чемъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Передъ вечерней повѣркой арестантовъ въ Л—ой тюрьмѣ Шляхова вызвали въ тюремную контору. Здѣсь его встрѣтилъ начальникъ тюрьмы, сидѣвшій за письменнымъ столомъ и разбиравшій бумаги. Увидавъ вошедшаго, начальникъ произнесъ:

— А-а-а, Шляховъ? Ну, братецъ, нынче получены бумаги изъ губернскаго правленія, что приговоръ твой, какъ дворянина, лишающагося всѣхъ правъ состоянія, удостоился высочайшей конфирмаціи и будетъ теперь приводиться въ исполненіе, а насчетъ прошенія твоего на высочайшее имя тоже пришло увѣдомленіе, что оно было докладываемо, но помилованіе не дано; такъ къ слѣдующему этапу приготовься; пойдешь этапомъ.

Въ первый разъ услыхалъ Шляховъ «ты» отъ начальника тюрьмы, и это обращеніе больше, чѣмъ вся дальнѣйшая рѣчь начальника, убѣдило его въ томъ, что участь его рѣшена безповоротно, что отнынѣ онъ лишенный всѣхъ правъ каторжникъ и патентованный убійца.

— Ступай,—продолжалъ начальникъ:—а ужъ кандалы по положенію надѣнемъ тебѣ такъ и быть передъ этапомъ.

Вернувшись въ камеру, какъ потомъ передавали арестанты, Шляховъ не произнесъ ни слова, легъ на нары и молча пролежалъ до утра. Кто ни просыпался изъ арестантовъ въ ту ночь,—видѣлъ, что Шляховъ не спитъ и лежитъ съ открытыми глазами.

Утромъ, когда арестантовъ стали выпускать изъ камеръ умываться, дошла очередь и до Шляхова. Подойдя къ умывальнику, онъ зачерпнулъ пригоршнею воду и хлебнулъ, а вслѣдъ за тѣмъ со стономъ и въ судорогахъ свалился на полъ.

Арестанты и надзиратели подняли его и понесли въ больницу, но онъ скончался у нихъ на рукахъ.

При вскрытіи трупа его оказалось, что онъ отравился стрихниномъ, а при осмотрѣ его сапогъ, которые онъ, какъ подслѣдственный еще арестантъ, носилъ свои, подошву на одномъ нашли подрѣзанною

Библиотека "Руниверс"

и подъ кожей замѣтно было отверстіе, въ которомъ Шляховъ хранилъ порошокъ сострихниномъ, принесенный имъ, повидимому, еще съ собой въ тюрьму съ воли.

Прошло около десяти лѣтъ. Предсѣдатель е—каго окружнаго суда, успѣвшій за это время уже сгорбиться и превратиться въ старика, работалъ въ своемъ кабинетѣ въ судѣ. Къ нему зашелъ туда посовѣтоваться и поговорить о дѣлахъ прокуроръ суда, который ранѣе служилъ въ Л—кѣ судебнымъ слѣдователемъ и производилъ слѣдствіе объ отравленіи Мишина.

— А не помните ли вы, ваше превосходительство,—обратился прокуроръ къ предсѣдателю,—дѣло объ одномъ бывшемъ гимназистѣ-репетиторѣ, обвинявшемся въ отравленіи отца своихъ учениковъ?

— Какъ же, помню; это вы говорите объ отравленіи Шляховымъ Мишина?

— Вотъ-вотъ именно! Не угодно ли вамъ: теперь ко мнѣ въ камеру поступило другое дѣло—«объ убійствѣ въ дракѣ дворянина Алексѣя Петровича Мишина». Это сынъ покойнаго Мишина. И вышелъ сынокъ-то, оказывается, весь въ папеньку: нигдѣ не учился, жилъ балбесомъ у себя въ Красногорьѣ, пьянствовалъ да гонялся за бабьемъ. Вотъ на однѣхъ посидѣлкахъ красногорскіе ребята подкараулили барчука, завязали съ нимъ драку да тутъ же на мѣстѣ и прикончили его! И, представьте себѣ, никого вѣдь нѣтъ виновныхъ! Били всѣ, а кто именно—никакъ установить нельзя! Прямо что-то роковое творится въ красногорской усадьбой: отраляютъ, травятся сами, убиваютъ, а виновныхъ не доищешься...

— Да, завязалъ узелокъ покойный старикъ,—проговорилъ задумчиво предсѣдатель.—Всю жизнь дѣлалъ гадости, совершалъ, говорятъ, чуть не походя преступленія, и все сходило ему съ рукъ, а потомъ и пошло: точно Божья кара разразилась и надъ нимъ, и надъ чадами его, и домочадцами... Я согласенъ съ вами, дѣйствительно усадьба эта какое-то проклятое гнѣздо! А вѣдь помнится мнѣ, что у Мишина было двое дѣтей?

— Да! Изъ дѣла видно, что у убитаго парнями Алексѣя Мишина есть сестра, которая воспитывается гдѣ-то въ институтѣ.

— Несчастная дѣвушка,—проговорилъ предсѣдатель:—чуть не съ пеленокъ окружена въ семьѣ уголовщиной! Богатая невѣста должна быть?

— Какъ же,—замѣтилъ съ живостью прокуроръ:—мнѣ доводилось частенько прежде бывать въ Красногорьѣ: великолѣпная земля и не заложенная...

Въ кабинетъ къ предсѣдателю вошелъ кто-то изъ судей, и разговоръ перемѣнился.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого разговора, происходившаго въ кабинетѣ предсѣдателя е—каго окружнаго суда, одного изъ собесѣдниковъ, стараго предсѣдателя, давно уже не было на свѣтѣ, а другой—бывшій тогда прокуроромъ—успѣлъ самъ состариться, выйти въ отставку и, одолѣваемый разной хворью, жилъ въ Ялтѣ и грѣлъ свое немощное тѣло подъ лучами жгучаго южнаго солнца.

Отставной судейскій сидѣлъ на балконѣ со своимъ знакомымъ докторомъ, ялтинскимъ старожиломъ и увлекательнымъ разсказчикомъ, и любовался развертывающейся передъ нимъ панорамой наряднаго города, моря и горъ.

Подъ самымъ балкономъ цвѣли магноліи, и ихъ приторно-сладкимъ ароматомъ напоенъ былъ воздухъ. За маленькимъ, но кокетливымъ садикомъ, росшимъ по крутому откосу и упиравшимся въ живую изгородь изъ вѣчно-зеленаго буксуса, шла узкой полосой, только въ ширину шоссейной дороги,—улица, а за нею, спускаясь террасами все ниже и ниже къ Учанъ-Су и морю, въ темной, густой зелени садовъ виднѣлись дачи и домики, которые сливались наконецъ за линіей высокихъ тополей Пушкинскаго бульвара съ пестрыми городскими постройками и каменными громадами гостиницъ и магазиновъ на набережной. И только тамъ, по ту сторону новаго города, за Дерекоемъ, гдѣ постройки снова начинаютъ лѣпиться по горамъ и ползти кверху,—глазъ опять отдыхалъ и нѣжился на частой зелени и на мягкихъ очертаніяхъ въ высь уходящихъ горъ. Солнце клонилось къ западу и освѣщало своими лучами ту старую часть города, гдѣ на выдавшемся въ море застроенномъ мысу высится надъ черными купами кипарисовъ и туй своими прямыми, стройными линіями старый соборъ, славно хранительм ира и тишины средь рокочущей у подножья его неугомонной суеты.

Золотились горныя вершины и золотомъ рдѣли нависшія шапки гигантскихъ развѣсистыхъ сосенъ, кое-гдѣ отдѣльными силуэтами маячившихъ на гребняхъ горъ; перламутромъ отливало облачко, замѣшкавшееся въ расщелинѣ Учъ-Коша—этого врага Ялты, несущаго по зимамъ въ нее холодную, ледяную струю сѣвера; какъ жаръ, горѣлъ и свѣтился золотой орелъ на царскомъ дворцѣ въ Верхней Массандрѣ, и не стерпимо сверкало и искрилось на горизонтѣ тихое море.

Лѣниво и медленно катило оно свои изсиня-изумрудныя волны, и только у крутыхъ, обрывистыхъ береговъ Нижней Массандры виднѣлась сплошная бѣлая лента пѣнящагося прибоя.

— Посмотрите, докторъ,—обратился старикъ къ своему гостю, указывая ему рукой вдаль:—какая тишина, какое чудное, спокойное море, а у Нижней Массандры все прибой: я его постоянно вижу.

Библиотека "Руниверс"

Докторъ посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи и заговорилъ:

— Частенько и я наблюдаю его и всякій разъ вспоминаю одно загадочное событіе, которое, можетъ быть, я бы и успѣлъ забыть, если бы оно года три-четыре тому назадъ не напомнило о себѣ.

— Что же такое?

— Какъ вамъ сказать,—раздумчиво произнесъ докторъ:—по всей вѣроятности, это было самоубійство, а можетъ быть и убійство... Кто знаетъ?!

— Да что именно, разскажите, докторъ!

— Не надоѣла еще вамъ, видно, эта уголовщина... Эхъ, вы!... Да собственно говоря и случай-то малоинтересный, если бы бы не позднѣйшая задача, которую жизнь задала нашимъ слѣдователямъ и судьямъ.

— Если вы никуда не спѣшите, разскажите пожалуйста. Вы вѣдь такъ чудесно разсказываете!

Докторъ вынулъ изъ кармана жилета толстые золотые часы, посмотрѣлъ на нихъ и, пряча обратно, началъ:

— Время еще есть, и я, пожалуй, коротенько вамъ разскажу. Лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ такъ же пахло магноліями и и такъ же, какъ и сейчасъ, морской прибой лизалъ берегъ Нижней Массандры. Кто-то изъ бывшихъ на берегу замѣтилъ, что море прибило къ берегу человѣка и утопленникъ бьется въ пѣнѣ о камни. Дали знать мнѣ: тогда еще Нижняя Массандра была за городской чертой, а я несъ по уѣзду обязанности и полицейскаго и судебнаго врача.

Когда я пріѣхалъ туда, то на берегу засталъ уже порядочную толпу любопытныхъ, а на землѣ лежало только что вынутое тѣло молодой женщины. По виду это была барышня, нарядно и модно одѣтая, лѣтъ девятнадцати-двадцати. При первомъ же взглядѣ на нее я увидѣлъ, что мнѣ подавать ей помощь не придется, а вотъ ужъ вскрытія завтра мнѣ не миновать. Поморщился я: собирались мы завтра днемъ устроить генеральную репетицію предстоящаго любительскаго спектакля, которымъ по обыкновенію я режиссировалъ, но дѣлать было нечего,—пришлось покориться.

Приставъ былъ тогда у насъ тамъ молодой, энергичный,—скоро затѣмъ онъ исправника получилъ и въ гору пошелъ,—увидѣлъ меня и просилъ осмотрѣть трупъ. Одежда въ порядкѣ и украшенія цѣлы: массивный золотой браслетъ на рукѣ, дорогія серьги въ ушахъ, брошь съ алмазами и золотая тонкая цѣпочка отъ часовъ на шеѣ. За корсажемъ пришпиленные аккуратно и крѣпко булавкой нашли золотые часики; они стали, помню, на шести часахъ. Осмотрѣлъ я тщательно тѣло и никакихъ слѣдовъ насилія не нашелъ. Было нѣсколько ссадинъ на боку, и щека оказалась исцарапанной; но это произошло отъ ударовъ тѣла о камни. По одному наружному осмотру я не могъ ничего сказать, и уговорились мы съ приставомъ устроить вскрытіе завтра пораньше.

Библиотека "Руниверс"

— А что,—спрашиваю,—уже извѣстна личность утопленницы?

— Да нѣтъ, еще никто не успѣлъ опознать,—отвѣчалъ приставъ.

Толпа все прибывала, и приставъ время отъ времени спрашивалъ зрителей, не извѣстна ли имъ утопленница? Прибѣжало нѣсколько мальчишекъ изъ сосѣдней Воронцовской слободки, и одинъ изъ нихъ, взглянувъ на мертвое тѣло, тотчасъ же громко похвастался передъ товарищемъ: «А я знаю». Ну, разумѣется, приставъ сейчасъ мальчишку за бока. Тотъ испугался и сначала было туда-сюда, но затѣмъ разсказалъ, что вчера вечеромъ онъ возвращался въ городъ черезъ Нижне-Массандровскій паркъ и, подходя къ воротамъ, недалеко отъ нихъ встрѣтилъ въ паркѣ стоявшій на дорогѣ извозчичій экипажъ, а возлѣ него эту самую барышню, разговаривавшую съ извозчикомъ. Барышня спросила его, можетъ ли онъ постеречь недолго лошадей, пока они съ извозчикомъ уйдутъ, и пообѣщала заплатить ему двугривенный. Онъ согласился; тогда барышня съ извозчикомъ пошли по тропинкѣ, ведущей къ морю, и скоро скрылись: минутъ черезъ пятнадцать-двадцать вернулся извозчикъ одинъ, далъ ему 20 копеекъ, сѣлъ на лошадей и уѣхалъ, а онъ отправился домой. На разспросы пристава, какой былъ извозчикъ, экипажъ и лошади, мальчикъ не давалъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ и сказалъ только, что обѣ лошади были бѣлыя.

— Бѣлыя или сѣрыя?—переспросилъ приставъ начавшаго уже всхлипывать цѣннаго въ этотъ моментъ свидѣтеля.

— Бѣлыя,—былъ отвѣтъ.

Приставъ хоть и не завѣдывалъ городомъ, но зналъ городскихъ извозчиковъ лучше городскихъ полицейскихъ. По его словамъ, на парѣ бѣлыхъ лошадей ѣздило тогда въ Ялтѣ всего три извозчика, и того, котораго вчера видѣлъ мальчикъ, найти будетъ нетрудно. Я уѣхалъ домой, а когда на слѣдующее утро явился на вскрытіе, то приставъ встрѣтилъ меня со словами:

— А нутека, докторъ, посмотрите на барышню-то хорошенько. Не узнаете?

Тѣло утопленницы лежало уже на анатомическомъ столѣ, приготовленное для вскрытія. Лицо было обмыто, и когда я въ него вглядѣлся, то оно, дѣйствительно, показалось мнѣ знакомымъ, только гдѣ и когда я видѣлъ его—вспомнить не могъ. Замѣтивъ мое затрудненіе, приставъ продолжалъ:

— Развѣ вы не узнаете ту барышню, которая нынѣшнюю зиму жила въ Ялтѣ и часто гуляла по набережной и въ городскомъ саду одна или съ докторомъ X?

Тутъ только я узналъ покойницу и сейчасъ же понялъ, почему не могъ узнать ее сразу: при жизни невольно обращали на нее общее вниманіе ея дивный цвѣтъ лица и особенное выраженіе большихъ синихъ глазъ, какъ бы задумчивыхъ и грустныхъ; теперь глаза были

Библиотека "Руниверс"

закрыты, а лицо вздулось и посинѣло. Минувшую зиму барышню эту мы, ялтинцы, частенько видѣли на гуляньѣ и въ концертахъ любовались ею; она стройно держалась, была молода и нарядно, со вкусомъ одѣта. Не успѣлъ я еще приступить къ вскрытію, какъ приставъ разсказалъ мнѣ всю несложную исторію обнаруженія ея личности и смерти. Вчера же, взявъ съ собой мальчика, приставъ, по его словамъ, отыскалъ извозчика, который оказался Михеемъ изъ Аутки. Михей, въ свою очередь, узналъ покойницу и объяснилъ, что вчера часа въ четыре дня на улицѣ въ Ялтѣ подошла къ нему эта барышня и наняла за одинъ рубль отвезти ее въ паркъ Нижней Массандры; онъ согласился и повезъ; когда они ѣхали туда, то барышня нѣсколько разъ вынимала часы и торопила его ѣхать быстрѣе. По пріѣздъ въ Массандру она велѣла остановиться, вышла изъ экипажа и попросила проводить ее поскорѣе къ морю, гдѣ ее, какъ сказала она, давно уже ждутъ. Михей, по его словамъ, обратилъ вниманіе барышни на то, что лошади у него строгія и безъ присмотра ихъ оставить нельзя, и, повидимому, отказался проводить; какъ разъ въ это время подошелъ мальчикъ, барышня наняла его постеречь лошадей и пошла съ нимъ, извозчикомъ, къ морю; онъ проводилъ ее почти до самаго берега, и когда они вышли на тропинку, спускавшуюся прямо къ морю, виднѣвшемуся уже сквозь кусты, барышня остановилась, заплатила ему два рубля и, сказавъ, что теперь дорогу уже найдетъ одна, приказала вернуться, а сама пошла дальше. Потомъ приставъ разсказалъ мнѣ, какъ вчера же удалось ему установить и личность утопленницы.

— Вы, докторъ, представьте себѣ,—говорилъ онъ мнѣ, когда я, окончивъ наружный осмотръ тѣла, приступилъ къ вскрытію головы:— узнали мы отъ X. адресъ барышни, и, оказывается, здѣсь цѣлый романъ! Зиму-то барышня снимала комнату въ одной семьѣ и лечилась у доктора X., влюбилась въ него, да и онъ, должно быть, въ нее прислуга говоритъ, что по цѣлымъ вечерамъ, чуть не до разсвѣта, просиживалъ у нея этотъ X.-то! А вѣдь женатый человѣкъ и дѣтей куча! Когда,—продолжалъ разсказывать приставъ,—онъ пришелъ на квартиру къ барышнѣ, то хозяева, крайне встревоженные, встрѣтили его со словами, что они и сами только что собирались итти въ полицію заявлять объ исчезновеніи своей квартирантки, ушедшей вчера и не возвращавшейся до сихъ поръ домой. Войдя въ комнату барышни и выдвинувъ ящикъ стоявшаго тамъ письменнаго стола, оказавшагося не запертымъ, нашли лежащимъ тамъ сверху распечатанное письмо, въ которомъ квартирантка извинялась передъ своими хозяевами за хлопоты и безпокойства, которыя она, можетъ быть, причинитъ имъ своимъ исчезновеніемъ, и отдавала имъ всѣ свои вещи и деньги, которыхъ больше восьмисотъ рублей нашли въ томъ же столѣ. Далѣе барышня писала, что она испытала такое счастье, выше котораго уже не найдетъ на землѣ, что жить послѣ этого ей не стоитъ, тѣмъ болѣе, что жить такъ, какъ хотѣлось бы,

Библиотека "Руниверс"

и не удастся! Однимъ словомъ, здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ самоубійствомъ,—закончилъ приставъ.

И дѣйствительно, вскрытіе не дало никакихъ указаній на какое-нибудь преступленіе, смерть наступила отъ утопленія, это было несомнѣнно. Разумѣется, утверждать, что барышня сама бросилась въ воду, а не столкнулъ ее туда кто-нибудь или не бросилъ,—я не могу, но, имѣя въ виду только что выслушанныя слова пристава, я пришелъ къ заключенію, что предо мной—самоубійца. Попытался было я разгадать причину самоубійства и, грѣшный человѣкъ, подумалъ, не готовилась ли барышня стать матерью, но никакихъ признаковъ беременности не было, а на это предположеніе, высказанное мною приставу, тотъ отвѣтилъ, что, насколько онъ успѣлъ собрать свѣдѣнія о личности барышни отъ ея квартирныхъ хозяевъ и доктора Х., то ей совсѣмъ не передъ кѣмъ было бы стѣсняться и скрывать свое материнство: она круглая сирота, богатая наслѣдница, сама хозяйка и не имѣетъ въ Крыму ни родственниковъ, ни знакомыхъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Схоронили барышню, и совсѣмъ я не интересовался дальнѣйшимъ, даже успѣлъ было ее позабыть, развѣ изрѣдка, когда встрѣтишь коллегу Х., такъ вспомнишь невольно ту, которая погибла отъ любви къ нему. Ну, да у насъ это въ Ялтѣ диковинка: любовная бацилла съ чахоточной еще поспорятъ, которая изъ нихъ больше носится въ воздухѣ!...

VIII.

Только года четыре тому назадъ зоветъ меня нашъ слѣдователь и, показывая мнѣ протоколъ мой вскрытія той утопленницы, спрашиваетъ, могу ли я съ точностью и увѣренностью сказать, что было самоубійство, а не убійство?

Поинтересовался я узнать, въ чемъ дѣло, и вотъ что передалъ мнѣ слѣдователь: незадолго предъ тѣмъ городской судья присудилъ на три мѣсяца въ тюрьму одного мѣстнаго мѣщанина за кражу серебряныхъ ложекъ у кого-то изъ пріѣзжихъ дачниковъ; главной свидѣтельницей, уличившей вора, была дальняя родственница извозчика Михея; когда мѣщанинъ сталъ отбывать наказаніе, то заявилъ прокурору, что, дескать, про него, бѣднаго мѣщанина, свидѣтельница сказала на судѣ, что онъ укралъ ложки, а вотъ про своего родственника богатаго извозчика Михея молчитъ, а если поискать у него, то можно найти кое-что изъ драгоцѣнностей, какъ, напримѣръ, кольцо съ брильянтомъ той барышни, которую онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отвезъ въ Массандру, а затѣмъ ее нашли въ морѣ утонувшей.

Явилась полиція къ Михею,—а онъ, дѣйствительно, разбогатѣлъ и держалъ уже на биржѣ нѣсколько экипажей. Испугался Михей и сначала было отъ всего отперся, но потомъ, когда начали произво-

Библиотека "Руниверс"

дить у него въ домѣ обыскъ, то самъ вынулъ изъ сундука великолѣпный перстень съ солитеромъ, оцѣненный ювелирами въ семьсотъ рублей, и, отдавая его полиціи, объяснилъ, что дѣйствительно этотъ перстень принадлежитъ покойной барышнѣ, а попалъ къ нему будто бы такимъ образомъ: когда онъ довелъ барышню до берега въ Массандровскомъ паркѣ, то барышня, отсылая его обратно, достала изъ кармана этотъ перстень, показала его и, завязавъ въ носовой платокъ, отдала вмѣстѣ съ письмомъ и запиской на какой-то карточкѣ, вродѣ визитной, и велѣла завтра днемъ отдать, но не раньше, платокъ съ кольцомъ и письмо доктору X., непремѣнно лично ему изъ рукъ въ руки, а карточку по написанному въ ней адресу; онъ узналъ потомъ, что это былъ адресъ ея квартиры, а въ запискѣ она писала хозяевамъ, чтобы они взяли въ столѣ какое-то письмо.

Не успѣлъ онъ на другой день еще отвезти записку и письмо съ кольцомъ, какъ его позвали въ полицію и, показавъ покойницу, разсказали, что она бросилась въ море сама. Онъ сначала подумалъ, что этому были свидѣтели, и промолчалъ о кольцѣ съ письмомъ, а потомъ покорыстовался и рѣшилъ припрятать у себя драгоцѣнное кольцо на приданое маленькой подрастающей дочкѣ, платокъ же, письмо и записочку куда-то забросилъ. Такое же показаніе Михей далъ и слѣдователю. Сначала Михея арестовали, но скоро затѣмъ выпустили. Сидя подъ стражей, Михей припомнилъ, что на карточкѣ, на которой была написана данная ему барышней записка, съ одной стороны былъ напечатанъ адресъ одной небольшой ялтинской желѣзноскобяной лавки, возлѣ которой тогда онъ стоялъ на биржѣ и изъ которой, кажется, барышня тогда вышла и наняла его въ Массандру.

Безъ всякой надежды на успѣхъ слѣдователь пригласилъ хозяина той лавки,—онъ оказался еще живущимъ въ Ялтѣ,—и при мнѣ спрашивалъ его,—были ли у него восемь лѣтъ тому назадъ адреса его лавки напечатанными на визитныхъ карточкахъ, и не заходила ли тогда лѣтомъ въ его лавку молодая, красивая и богато одѣтая барышня. Хозяинъ сначала разсмѣялся такимъ вопросамъ и рѣшительно отказался припомнить, кто изъ покупателей восемь лѣтъ тому назадъ заходилъ въ лавку, но слѣдователь не смутился и, добившись отъ свидѣтеля, что у него бланки счетовъ его магазина болѣе десяти уже лѣтъ печатаются на толстой бумагѣ въ формѣ большихъ карточекъ, на оборотѣ которыхъ обозначенъ адресъ, попросилъ его все-таки постараться припомнить: не давалъ ли онъ такого чистаго бланка счета какой-нибудь зашедшей къ нему въ лавку барышнѣ, а та не писала ли на немъ, не выходя изъ лавки?

И представьте вы мое удивленіе, когда лавочникъ подумалъ и отвѣтилъ, что онъ дѣйствительно припоминаетъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ около шести-восьми, однажды днемъ послѣ обѣда, весной или лѣтомъ, но только не зимой, вошла къ нему въ

Библиотека "Руниверс"

лавку какая-то богатая, повидимому, нарядная, молодая барышня и попросила дать ей клочокъ чистой бумаги; такой тогда подъ рукой не случилось, и онъ предложилъ ей бланкъ счета; она поблагодарила, попросила перо и чернилъ и, тутъ же что-то написавъ на счетѣ, спрятала его въ карманъ и ушла. Такое посѣщеніе скобяной лавки нарядной барышней, а главное то, что она ничего не покупала,—ни о чемъ не спрашивала, а только зашла, видимо, для того, чтобы что-то записать, тогда обратило на себя его, свидѣтеля, вниманіе, и онъ запомнилъ его.

Объясненія Михея такимъ образомъ подтверждались и рѣшительно никакихъ затѣмъ другихъ уликъ, которыя бы изобличали извозчика въ ограбленіи и смерти барышни, не нашлось, и дѣло прекратилось.

— А все-таки нѣтъ, нѣтъ да и прорвется у меня сомнѣніе—что такое на самомъ дѣлѣ произошло съ барышней въ Нижней Массандрѣ, но отвѣтъ на это, видно, Мишина унесла въ могилу съ собой.

— Какая Мишина?—изумился внимательно слушавшій старикъ.

— Да барышня-та, про которую я сейчасъ вамъ разсказывалъ. Это ея фамилія. А развѣ я ея не назвалъ?

— Вы не помните, какъ ее звали?

— Какъ же! Когда мнѣ случается теперь бывать на нашемъ городскомъ кладбищѣ, то всегда приходится проходить мимо ея могилы и читать на памятникѣ, который ей поставили ея квартирные хозяева,—да и какъ отъ восьмисотъ-то рублей не поставить!—«Марія Петровна Мишина». А что развѣ у васъ были знакомые Мишины?

— Послушайте, докторъ, не знаете ли вы, откуда была эта Мишина?—допытывался старикъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Говорилъ мнѣ тогда слѣдователь, но теперь, хоть убейте, не вспомню; откуда-то съ сѣвера, изъ Россіи.

— Я зналъ въ молодости, когда былъ слѣдователемъ, семью Мишиныхъ въ Л—комъ уѣздѣ.

— Вотъ, вотъ, именно она была помѣщицей Л—каго уѣзда и очень богатой, какъ передавалъ слѣдователь. Такъ это была ваша знакомая! Вотъ совпаденіе-то! Удивительно! Однако мнѣ давно уже пора,—поглядѣлъ на часы и заторопился докторъ.—Заболтался я съ вами: до свиданья, до свиданья,—и, пожавъ руку старика, докторъ поспѣшно сошелъ съ балкона и направился по саду къ воротамъ.

Старикъ его не удерживалъ. Откинувшись на спинку кресла и устремивъ взоръ на пустую чащу кипарисовъ виднѣвшагося по ту сторону Ялты на горѣ, повыше стараго собора, кладбища, гдѣ, какъ узналъ онъ сейчасъ, покоится вѣчнымъ сномъ дочь Петра Петровича Мишина, старый судейскій погрузился въ глубокое раздумье.

И вставала у него въ памяти его молодость, и длинною вереницей проносились передъ нимъ картины того слѣдствія, которое онъ,

Библиотека "Руниверс"

молодой л—кій слѣдователь, полный силъ и энергіи, велъ, стараясь выяснить обстоятельства, при которыхъ умеръ въ Красногорьѣ Мишинъ. Припомнилъ онъ себя и с—кимъ прокуроромъ; припомнилъ и дѣло объ убитомъ въ дракѣ деревенскими парнями сынѣ Мишина; вспомнилъ и давно умершаго предсѣдателя, и то, какъ сказалъ тотъ, узнавъ объ убійствѣ молодого Мишина, что Божья кара постигла какъ самого стараго преступника Мишина, такъ и всю его семью, и вотъ слова эти оказались пророческими: послѣдняя и единственная Мишина, та маленькая Маша, которую онъ помнитъ, какъ ученицу Шляхова, которой бы, казалось, жить только и наслаждаться жизнью, погибла такъ же загадочно, какъ и ея отецъ.

Почти несомнѣнно изъ разсказа доктора, что она сама бросилась въ море, а все-таки «почти»! Навѣрное, и стараго Петра Петровича отравили жена съ учителемъ, такъ, по крайней мѣрѣ, сказали своимъ вердиктомъ и присяжные, но можетъ статься, что и самъ онъ случайно принялъ ядъ вмѣсто лекарства...«Божья кара, Божья кара!..»— беззвучно шевеля губами, повторялъ про себя взволнованный воспоминаніями старикъ, сидя на балконѣ и слѣдя за тѣмъ, какъ мѣнялись на горахъ и въ морской дали свѣтъ и тѣни догорающаго дня.

Но Божья кара постигла не только Мишина, его чадъ и домочадцевъ, какъ выразился когда-то предсѣдатель суда: прахомъ пошло и точно вихремъ разметало все богатство, которое всяческими неправдами скопилъ Петръ Петровичъ Мишинъ.

Многое изъ него расхитили опекуны за малолѣтствомъ сиротъ его, не мало промоталъ и спустилъ сынокъ Алексѣй Петровичъ, а остальное растащили по клочкамъ многочисленные и неизвѣстно откуда взявшіеся родственники Мишина, никогда, однако, при жизни его не видавшіе...

Давно уже запустѣла барская усадьба въ Красногорьѣ и досталась какому-то мѣстному богатѣю-крестьянину. Домъ, гдѣ жилъ женихомъ Екатерины Ивановны Шляховъ, много лѣтъ тому назадъ разрушенъ, и лишь остатки фундамента торчатъ изъ бурьяна; заглохъ садъ и заросъ; погибли аллеи и цвѣточныя клумбы; выродилась и измельчала сирень; топоромъ посѣчены старыя липы; сгнила и безслѣдно исчезла скамейка надъ обрывомъ; нѣтъ лѣса, примыкавшаго къ саду, гдѣ когда-то надругался надъ своей молоденькой гостьей Мишинъ, его свели и нынѣ на томъ мѣстѣ крестьянское поле; вишенникъ, въ которомъ лакомились ягодами Екатерина Ивановна и Шляховъ и гдѣ впервые признались другъ другу въ любви, вырубленъ и запаханъ подъ огородъ, засаженный картофелемъ, и не осталось ничего, что бы напоминало прежнюю барскую усадьбу, славившуюся своей красотой! Не найти, пожалуй, теперь и могилъ Петра Петровича, его сына и жены на красногорскомъ погостѣ, никто не оправлялъ ихъ, никто за ними и не присматривалъ! Заросла и сравнялась съ землей и могила ихъ вѣрной старой

Библиотека "Руниверс"

Арины; да и самихъ-то Мишиныхъ смутно помнятъ нынѣ красногорцы, а скоро и совсѣмъ забудутъ, какъ забудется и все то, что разсказано сейчасъ здѣсь...

И только на полкахъ, заваленныхъ связками бумагъ, въ полутемныхъ, сырыхъ архивахъ окружныхъ судовъ е—скаго и с—каго будутъ продолжать покрываться пылью и плѣсенью никому не нужныя, пожелтѣвшія дѣла:

«Объ умышленномъ отравленіи дворянина Петра Петровича Мишина», «объ убійствѣ въ дракѣ дворянина Алексѣя Петровича Мишина» и «о смерти дѣвицы изъ дворянъ Маріи Петровны Мишиной».

С. П. Рудневъ.

Библиотека "Руниверс"

МОЯ БОРЬБА СЪ ИМЯБОРЦАМИ НА СВЯТОЙ ГОРѢ.

«Избави мя отъ клеветы человѣческія». (Пс.)
«Сила Божья въ немощи совершается».

I.

Въ ЯНВАРСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1915 г. было помѣщено повѣствованіе объ аѳонскихъ событіяхъ 1912 года, озаглавленное «Черный бунтъ»; въ мартовской же книжкѣ 1916 г. была помѣщена статья, озаглавленная: «Имябожническій бунтъ». Первая статья была написана г. Косвинцевымъ, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ. Интересуясь аѳонскими событіями, онъ неоднократно посѣщалъ меня, бесѣдовалъ со мной, и я давалъ ему пользоваться нѣкоторыми документами. Бесѣдовалъ онъ также со многими иноками, вывезенными архіепископомъ Никономъ со Святой горы. Но все же въ его описаніи аѳонскихъ событій имѣется много неточностей. Авторъ другой статьи, монахъ Климентъ, былъ на Аѳонѣ однимъ изъ главарей той партіи—«имяборцевъ», съ которой я боролся за честь и славу имени Господня. Его статья, написанная, по его словамъ, «во имя правды» и съ цѣлью «поставить рядомъ съ картиной г. Косвинцева другую картину на одинъ съ нею сюжетъ»,—еще болѣе неточно выражаетъ истинный ходъ событій и проникнута тенденціозностью. Цѣль монаха Климента убѣдить читателя, что событія, которыя произошли на Аѳонѣ,—это плодъ

Библиотека "Руниверс"

агитаціи іеросхимонаха Антонія и бунтъ противъ законной игуменской власти. О. Антоній якобы прельстился еретической книгой схимонаха Иларіона: «На горахъ Кавказа» и, прельстившись, увлекъ въ ту же ересь братьевъ скита. Но въ описаніе о. Климентомъ исторіи аѳонской смуты съ цѣлью будто бы «возстановить искаженную въ печати имябожниками истину аѳонскихъ безпорядковъ и обличить имябожниковъ въ ихъ бунтовщическихъ на Аѳонѣ дѣяніяхъ» вошли тенденціозныя искаженія и умолчанія, что вынуждаетъ меня выступить съ обличеніемъ о. Климента въ его неправдѣ. О пристрастности и тенденціозности описаній монаха Климента свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, самое заглавіе, которое онъ далъ своему труду: «Имябожническій бунтъ или плоды ученія книги «На горахъ Кавказа», ибо то, что произошло на Святой горѣ въ 1912—1913 году, никакъ нельзя назвать «бунтомъ», а, во-вторыхъ, поднявшееся волненіе произошло не по винѣ книги «На горахъ Кавказа», а по винѣ агитаціи тѣхъ аѳонскихъ иноковъ, которые стали проводить среди братіи мысль, что имя Господне есть номинальное, простое собственное человѣческое имя, одинаковое съ именами разныхъ другихъ «Іисусовъ» и безсильное въ божественныхъ дѣйствіяхъ.

Бунтомъ, какъ извѣстно, называется возмущеніе подчиненныхъ людей противъ поставленной надъ ними законной власти, отъ которой они желаютъ избавиться, но не могутъ сдѣлать этого иначе, какъ путемъ насилія. Но на Аѳонѣ и въ Андреевскомъ скиту игуменъ выбирается самой братіей, причемъ статья 4-я устава Андреевскаго скита гласитъ, что братія въ случаѣ недовольства своимъ игуменомъ имѣетъ право смѣнить его простымъ большинствомъ голосовъ. Итакъ, могъ ли быть какой-нибудь бунтъ при этихъ условіяхъ? Разъ братія имѣетъ возможность, въ случаѣ недовольства своимъ начальствомъ, смѣнять его, то для чего же ей бунтовать?

Такъ на самомъ дѣлѣ и было: возмущенная имяборческими выходками своего игумена, братія Андреевскаго скита рѣшила смѣнить его и, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, низложила его большинствомъ 302 голосовъ противъ 70, но игуменъ Іеронимъ, не желая разставаться съ властью, прибѣгъ ко всякимъ проискамъ, доносамъ и клеветамъ и достигъ того, что, съ одной стороны, убѣдилъ посольскую власть въ Константинополѣ, что недовольство противъ него братіи есть бунтовщическое дѣло, требующее вмѣшательства власти и употребленія силы для подавленія его, а, съ другой стороны, оклеветалъ братію передъ греческою церковною властью въ ереси, приписавъ ей такія богохульныя мнѣнія о имени Господнемъ, которыхъ братья никогда не выражала. Наконецъ достигъ вмѣшательства въ аѳонское дѣло и россійской синодальной власти и такимъ образомъ цѣ-

Библиотека "Руниверс"

ною изгнанія большинства братіи скита, цѣною попранія монастырскаго устава и всѣхъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ справедливости удержалъ свою игуменскую власть. Главнымъ его сподвижникомъ и вдохновителемъ со всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ былъ тотъ самый монахъ Климентъ, который нынѣ выступилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ цѣлью «возстановить искаженную имябожниками истину» и нарисовать «другую картину», нежели ту, которую нарисовалъ г. Косвинцевъ, и другими красками «на тотъ же сюжетъ». Какова эта картина, каковы краски и каковъ «сюжетъ»,—читатель увидитъ ниже.

Итакъ, во-первыхъ, о. Климентъ приписываетъ вину всего богословскаго спора книгѣ о. Иларіона и говоритъ, что начало богословскимъ спорамъ на Аѳонѣ положили ѳиваидскіе пустынники, которые, прельстившись «ересью» Иларіона, стали проповѣдывать ее на Аѳонѣ и повели «агитацію» противъ тѣхъ, которые не соглашались съ ихъ мнѣніемъ. Но такъ ли это? Ѳиваидскіе скитяне представляютъ собою дисциплинированную, убогую, смиренную, кроткую и молчаливую братію, совершенно неспособную къ тѣмъ дѣйствіяхъ, которыя ей приписалъ о. Климентъ. Часть этой братіи живетъ общежительной жизнью въ самомъ скиту и проводитъ время въ трудѣ на разныхъ послушаніяхъ, выстаивая долговременныя аѳонскія богослуженія, весьма мало интересуясь какими-либо богословскими вопросами. Эта часть братіи, за весьма малыми исключеніями, книги о. Иларіона не читала. Другая часть братіи живетъ внѣ скита въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга каливахъ, уединенно, безмолвно, трудясь на своихъ рукодѣліяхъ; всю недѣлю безвыходно пребываетъ по своимъ каливамъ, а наканунѣ праздниковъ, отслушавъ обѣдню и пообѣдавъ въ трапезѣ, молчаливо возвращается по домамъ. Среди этихъ иноковъ есть выдающіеся подвижники, весьма начитанные въ святоотеческой литературѣ, есть искусные дѣлатели Іисусовой молитвы; большая часть изъ нихъ люди престарѣлые,—и, такимъ образомъ, и эта часть не была способна осуществить тѣ агитаторскія дѣйствія, какія ей приписалъ о. Климентъ. Среди этихъ иноковъ было нѣсколько человѣкъ, которые читали книгу о. Иларіона; эта книга имъ весьма понравилась, ибо въ ней о. Иларіонъ изложилъ то самое ученіе о молитвѣ Іисусовой, которое они искони познали изъ святоотеческихъ творерій. Итакъ, возможно ли было ждать какой-либо агитаціи отъ этихъ иноковъ, если бы даже на самомъ дѣлѣ они прельстились ересью Иларіона? Эта ересь могла бы остаться только въ нихъ самихъ, ибо, не имѣя общенія другъ съ другомъ, не имѣя возможности учить и проповѣдывать, какъ могли они прельстить иноковъ на Святой горѣ? Очевидно, что утвержденіе о. Климента ложно, и причину волненія надо искать въ другихъ и въ другомъ. Въ дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительности виною аѳонской смуты явилась не книга о. Иларіона, а статья инока Хрисанѳа, написанная противъ книги о. Иларіона, въ которой тотъ опровергалъ издавна существующія святоотеческія мнѣнія о молитвѣ Іисусовой и о Божественномъ достоинствѣ и Божественной силѣ имени Господня и тѣмъ возмутилъ простецовъ, безмолвниковъ, молитвенниковъ и старцевъ ѳиваидскихъ. Вотъ гдѣ первый поводъ къ аѳонской смутѣ. Затѣмъ эта смута разрослась въ большое возмущеніе, когда среди аѳонитовъ явились агитаторы тѣхъ мнѣній, которыя высказалъ инокъ Хрисанѳъ. Таковыми были высокообразованные иноки о. Алексѣй Кирѣевскій, іеромонахъ Ѳеофанъ и др., которые прельстились раціоналистическими мнѣніями о имени Іисусовомъ, что это имя есть простое собственное имя человѣческое, одинаковое съ прочими человѣческими собственными именами, и потому не можетъ имѣть того первостепеннаго значенія въ молитвѣ Іисусовой, какое ему придаетъ о. Иларіонъ, и отнюдь не можетъ якобы быть называемымъ—Самимъ Богомъ. Вотъ эта-то проповѣдь мнѣній, впервые высказанныхъ инокомъ Хрисанѳомъ и дѣятельно распространяемая о. Алексѣемъ Кирѣевскимъ, и вывела изъ состоянія глубокаго покоя аѳонское вѣрующее простое иночество. Простецы иноки стали смотрѣть на проповѣдниковъ этой новой имяборческой ереси о. Хрисанѳа и его единомышленниковъ, какъ на еретиковъ, начали сторониться отъ нихъ, уходить изъ церкви, гдѣ служили эти лица, перестали принимать отъ нихъ благословенія. Но сторонники о. Хрисанѳа были весьма вліятельны на Аѳонѣ, имѣли связи съ россійскими духовными сферами. Ихъ открыто поддерживалъ архіепископъ Антоній Храповицкій. Не мудрено поэтому, что на ихъ сторонѣ оказалось монастырское начальство Ѳиваиды. Начались репрессіи, которыя и содѣйствовали усиленію проповѣди имяславія и обличенію имяборчества. О. Кирѣевскій проповѣдывалъ ересь, пустынники защищали вѣру православную во имя Господне, а начальство становилось на сторону «еретиковъ» и налагало кары на всѣхъ подвижниковъ и пустынниковъ. Изъ сказаннаго ясно, что утвержденіе о. Климента, будто ѳиваидцы, прочитавъ книгу о. Иларіона, стали бѣгать по Святой горѣ, агитировать и всѣхъ принуждать принимать «этотъ новый догматъ», расходится съ истиной.

Такъ же произвольно и невѣрно названіе исповѣданія Божественнаго достоинства и Божественной силы имени Господня—«новымъ догматомъ». Этотъ догматъ: «Имя Божіе—Самъ Богъ, имя Господа Іисуса Христа—Самъ Господь Іисусъ Христосъ»—далеко не новый. Еще въ VII вѣкѣ его высказалъ св. Григорій Синаитъ, говоря, что «молитва есть Богъ дѣйствуяй вся во всѣхъ», а во II вѣкѣ св. Іустинъ Философъ сказалъ о Божественныхъ истинахъ Божественнаго откровенія, что—«истина есть Богъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ XI вѣкѣ св. Симеонъ Новый Богословъ, раскрывая тайну Божества именъ Божіихъ, выразилъ ясное ученіе въ своемъ 62-мъ словѣ о именахъ Божіихъ, говоря, что эти имена, будучи словами текучими и простыми, когда они относятся не къ Богу, суть Свѣтъ свѣтодѣйственный и Богъ истинный, когда они относятся къ Господу Богу. Это самое выразилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій словами: «Имя Божіе есть самъ Богъ». Это самое высказалъ св. Тихонъ Задонскій, говоря, что—«Имя Божіе Свято само въ себѣ и заключаетъ въ себѣ Божественныя свойства»; это самое высказалъ епископъ Игнатій Брянчаниновъ, говоря, что сила молитвы Іисусовой заключается въ силѣ призываемаго и исповѣдываемаго имени Господа Іисуса Христа. Эту самую истину высказывали и другіе святые и учители церкви, ее повторилъ схимонахъ Иларіонъ, престарѣлый подвижникъ кавказскій. Книга его, изданная впервые съ разрѣшенія духовной цензуры въ 1907 году, была затѣмъ повторена. Въ 3-й разъ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ она была издана Кіевской Печерской лаврой.

Итакъ, не ясно ли, что не положительное ученіе о. Иларіона было виною смуты, но отрицательное ученіе инока Хрисанѳа возбудило споръ и вывело изъ инертности кроткую, послушную, не мудрствующую черную массу? Было это такъ: ревность нѣкоторыхъ властныхъ аѳонитовъ къ славѣ своей обители и зависть ихъ къ возрастающей славѣ Кавказа, которая возрастала благодаря книгѣ о. Иларіона и привлекала вниманіе христіанскаго міра къ пустынямъ кавказскимъ, боязнь того, чтобы это не отвлекло благочестивыхъ искателей спасенія отъ горы Аѳонской—на Кавказъ, а за ними и щедрыхъ жертвъ христолюбивыхъ жертвователей, наконецъ личные счеты заправилы Пантелеймоновскаго монастыря духовника Агаѳодора—вотъ причины возникновенія на Аѳонѣ агитаціи противъ книги о. Иларіона. Агитація началась съ раскритикованія книги о. Иларіона по иниціативѣ инока Хрисанѳа. Университаантъ Хрисанѳъ поселился на Аѳонѣ въ 1881 году, убѣжавъ изъ Россіи вслѣдствіе принадлежности своей къ нигилистамъ. Здѣсь онъ скрылся подъ другой фамиліей въ Ильинскомъ скиту. Къ нему-то и обратился духовникъ Агаѳодоръ, чтобы написать возраженіе на книгу о. Иларіона. Инокъ Хрисанѳъ, взявшись за предложенную ему критику, остановился, во-первыхъ, на словахъ о. Иларіона: «Имя Божіе—есть Самъ Богъ», или еще, какъ выражается о. Иларіонъ: «Имя Божіе въ молитвѣ—есть какъ бы самъ Богъ для молящагося»,—и въ эту глубокую тайну христіанства вонзилъ присущій ему раціоналистическо-скептическій скальпель. Рецензія иниціаторомъ аѳонской смуты о. Агаѳодоромъ была передана на просмотръ маститому ѳиваидскому старцу-схимнику Мартиніану. Послѣдній былъ весьма начитаннымъ инокомъ, выдающимся подвижникомъ, поль-

Библиотека "Руниверс"

зовавшимся уваженіемъ у пустынниковъ скита, и, естественно, онъ возмущенъ былъ кощунственной рецензіей. Возмутились ею и другіе пустынники, ознакомившись съ рецензіею въ рукописи, что высказали о. Агаѳодору. Однако о. Агаѳодоръ не принялъ во вниманіе ихъ мнѣній и не только не остановилъ распространенія этой рецензіи, но напечаталъ ее съ благословенія архіепископа Антонія въ «Русскомъ Инокѣ». О. Иларіонъ на эту «рецензію» отвѣтъ свой озаглавилъ «Рецензія на рецензію» и приложилъ его ко второму изданію своей книги «На горахъ Кавказа».

У инока Хрисанѳа явился весьма дѣятельный проповѣдникъ его идей въ лицѣ о. Алексѣя Кирѣевскаго. Происходя изъ хорошей и богатой дворянской семьи Орловской губерніи, пройдя нѣсколько курсовъ университета и одинъ или два курса духовной академіи, онъ покинулъ міръ и пріѣхалъ иночествовать на Аѳонъ. Здѣсь ему понравилась пустынная ѳиваидская мѣстность, гдѣ онъ себѣ построилъ небольшую иноческую келію, вѣрнѣе, виллу, и благодушествовалъ, не не подвизался, занимаясь болѣе чтеніемъ, чѣмъ молитвою, и болѣе развлеченіемъ и посѣщеніемъ другихъ обителей, чѣмъ безмолвнымъ уединеніемъ. Во время одного изъ своихъ скитаній по пустыннымъ каливамъ скита онъ посѣтилъ одного подвижника, дѣлателя Іисусовой молитвы, въ день его ангела. Пустынникъ гостепріимно угостилъ его, чѣмъ могъ, и вотъ во время бесѣды съ пустынникомъ о. Алексѣй завелъ рѣчь о молитвѣ Іисусовой, о книгѣ о. Иларіона, и дерзко высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Ну что такое имя Іисуса, что о. Иларіонъ придаетъ ему такое значеніе въ Іисусовой молитвѣ?.. простое человѣческое собственное имя, какъ и другія имена человѣческія». Эти слова покоробили благоговѣйнаго инока, смутили его, и онъ попросилъ о. Алексѣя оставить его и удалиться изъ его келіи. О. Алексѣй ушелъ, но своей проповѣди не прекратилъ и сталъ высказывать свои мнѣнія объ имени Іисусовомъ и передъ другими братіями скита. Это повело къ тому, что стали смотрѣть на него, какъ на еретика, перестали брать отъ него благословеніе, начали отказываться служить съ нимъ вмѣстѣ литургію. Вотъ тогда-то и началось то, о чемъ говоритъ о. Климентъ, что иноки ѳиваидскіе «забѣгали по Святой горѣ». Но «забѣгали они»—не ради агитаціи, а для того, чтобы успокоить свой смущенный духъ, возмущенный отрицаніемъ Божества имени Господня, которое они услыхали изъ устъ о. Алексѣя Кирѣевскаго. Къ кому же побѣжали иноки? Побѣжали они къ уважаемымъ подвижникамъ; побѣжали къ людямъ, извѣстнымъ своей начитанностью, своимъ образованіемъ на Аѳонѣ, чтобы сообщить имъ и пожаловаться на то, что они услыхали отъ о. Алексѣя. Но подвижники простецы аѳонскіе не нашли у высокообразованныхъ иноковъ того, чего искали, ибо высокообразованные иноки оказались единомышленниками съ

Библиотека "Руниверс"

о. Алексѣемъ, и споръ распространился. Тогда иноки обратились къ монастырскимъ властямъ съ жалобами на неслыханныя дотолѣ мнѣнія, но тѣ, не имѣя ни достаточнаго духовнаго опыта, ни богословской образованности, и, кромѣ того, подстрекаемые Агаѳодоромъ, положились на мнѣніе образованныхъ единомышленниковъ о. Хрисанѳа и о. Алексѣя и не дали должнаго разрѣшенія начавшемуся спору. Отъ этого смута еще больше увеличилась. Ревнующій не по разуму и оскорбленный отношеніемъ къ нему простецовъ и необразованныхъ пустынниковъ, которыхъ онъ называлъ «лапотниками», «сухарниками», о. Алексѣй сталъ писать своему покровителю архіепископу Антонію Храповицкому, представляя ему всю начавшуюся смуту въ своемъ освѣщеніи и оклеветывая пустынниковъ, которые якобы обожествляютъ самые звуки и буквы имени «Іисусъ», въ отвлеченіи отъ Бога. Давъ вѣру этой клеветѣ, архіепископъ Антоній письменно похвалилъ о. Алексѣя за его ревностную проповѣдь (вопросъ: чего?—увы, не вѣры, но невѣрія во имя Господне), утѣшалъ «его въ переносимыхъ имъ ради этой проповѣди обидахъ и скорбяхъ, причиняемыхъ ему темными, необразованными фанатичными мужиками ѳиваидцами, и поощрялъ его продолжать свою дѣятельность въ прежнемъ духѣ.

Таково истинное начало смуты. Читатель можетъ видѣть, какъ несогласно съ правдой и насколько тенденціозно утвержденіе о. Климента, будто во всемъ виновата книга «На горахъ Кавказа», и какъ ложно то, что онъ разсказывалъ, что будто бы, «усвоивъ ученіе о. Иларіона, помянутые иноки стали распространять его въ своемъ скиту въ Ѳиваидѣ. Первое время пропаганда не имѣла успѣха, такъ какъ изъ среды ѳиваидцевъ выступили противники этого новаго ученія, вслѣдствіе чего начались въ скиту религіозные пререканія и споры. Имябожники повели противъ противниковъ своихъ агитацію: злословили ихъ всюду и отъ всѣхъ требовали бѣгать отъ нихъ, какъ отъ заразы»... И затѣмъ о. Климентъ добавляетъ: «такимъ образомъ получилось начало насилія».

Но и это неправда. Начало насилія произошло совсѣмъ не такъ. Ѳиваидцы тутъ ни при чемъ. Начало послѣдовало отъ заправилъ Пантелеймоновскаго монастыря духовника Агаѳодора и покорнаго ему игумена Мисаила. И на самомъ дѣлѣ, какое насиліе могли бы примѣнить подначальные скитяне къ властнымъ имяборцамъ: о. Алексѣю, о. Хрисанѳу, о. Ѳеофану, о. Агаѳодору и къ другимъ. О. Хрисанѳъ пребывалъ въ другой обители. О. Ѳеофанъ жилъ на другомъ концѣ Аѳона самостоятельно и былъ недосягаемъ для пустынниковъ ѳиваидскихъ. И тѣмъ болѣе недосягаемъ былъ для пустынниковъ дѣйствительный глава всего Пантелеймоновскаго монастыря о. Агаѳодоръ. Можетъ быть, о. Климентъ называетъ насиліемъ то, что пустынники стали сторониться о. Алексѣя и бѣгать отъ него, и осуждать его мнѣнія предъ

Библиотека "Руниверс"

другими, но это насиліемъ назвать никакъ нельзя. Нельзя назвать эти дѣйствія ни пропагандой, ни агитаціей, которая велась бы якобы пустынниками по какому-то заранѣе обдуманному плану, ибо это было всецѣло стихійнымъ проявленіемъ оскорбленнаго духовнаго чувства каждаго. Каждому благочестивому простецу казалось грѣшнымъ брать благословеніе во имя Господне отъ того лица, которое завѣдомо хулило имя Господне, и для ихъ духовнаго чувства тягостнымъ ощущалось присутствованіе за Божественной литургіей, которую служилъ хулитель. Однако во всѣхъ прочихъ сношеніяхъ съ о. Алексѣемъ иноки не позволяли себѣ никакихъ дерзостей и не наносили ему никакихъ оскорбленій. Но гдѣ же настоящее начало насилія? Начало насилія произошло тогда, когда о. Агаѳодоръ побудилъ игумена Мисаила начать репрессивныя дѣйствія противъ тѣхъ, которые отказались брать благословеніе у о. Алексѣя или отказывались отъ сослуженія съ нимъ. Вотъ тутъ-то и началось истинное насиліе со стороны мощныхъ и властныхъ игуменовъ, поощряемыхъ къ тому же архіепископомъ Антоніемъ Храповицкимъ. И вотъ начались изгнанія изъ скита, запрещенія священнослуженія, отлученія отъ св. причастія, наложеніе разныхъ дисциплинарныхъ взысканій. Такъ, напримѣръ, іеродіаконъ Маринъ за то, что отказался въ Великомъ посту 1912 года служить вмѣстѣ съ о. Алексѣемъ былъ отлученъ игуменомъ Мисаиломъ на 3 года отъ священнослуженія, лишенъ права носить куколь и переведенъ на низшее послушаніе на кухню. За 1911 годъ было удалено или вынуждено къ удаленію изъ скита 8 лицъ за несогласіе въ мнѣніяхъ съ о. Алексѣемъ. Но гдѣ же тѣ насилія со стороны имяславцевъ, о которыхъ говоритъ о. Климентъ? Пусть укажетъ хоть одно. Въ дѣйствительности и иниціаторами аѳонской смуты, и пропагандистами «новаго догмата», и агитаторами, отнявшими миръ у Святой горы, и насильниками, и злыми клеветниками, злословящими убогихъ иноковъ ѳиваидскихъ, явились аѳонскіе имяборцы, а не имяславцы; явилась кучка лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ власть въ союзѣ съ высокообразованными интеллигентами и полуобразованными полуинтеллигентами аѳонскими, и эта сторона, въ противность утвержденію о. Климента, явилась стороной нападающей, имяславцы же, безправные, убогіе и малообразованные въ свѣтскихъ наукахъ, но глубоко начитанные въ святоотеческихъ книгахъ и опытные въ подвигѣ молитвы,—явились стороной обороняющейся, каковой они суть и доселѣ.

II.

Несуразно и противоположно истинѣ объясненіе о. Климентомъ происхожденія аѳонской смуты вообще и объясненіе его

Библиотека "Руниверс"

обо всемъ, что произошло затѣмъ въ Андреевскомъ скиту, чему онъ придастъ характеръ бунта, поднятаго мною.

До обостренія дошелъ споръ въ Ѳиваидѣ къ Пасхѣ 1912 года. Въ теченіе трехъ лѣтъ, что продолжался споръ, я никакого участія въ немъ не принималъ, и даже не былъ знакомъ съ ближайшими дѣятелями спорящихъ сторонъ, ибо жизнь я велъ весьма замкнутую, безмолвную, одинокую, всецѣло былъ занятъ своимъ подвигомъ, за ограду обители никогда не выходилъ, и не только не зналъ ни лицъ, ни дѣлъ другихъ обителей, но даже и въ своей обители многихъ иноковъ не зналъ по имени, держа себя совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ дѣлъ. Не зналъ я также и того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, ибо абсолютно никакихъ журналовъ ни газетъ не читалъ. Послѣ рукоположенія моего въ іеромонахи въ 1910 году я съ благословенія своего игумена въ 1911 году отправился въ Абиссинію, дабы посѣтить моего воспитанника, котораго я нѣкогда брошеннымъ и раненымъ младенцемъ подобралъ во время одной изъ экспедицій, совершенныхъ мною совмѣстно съ абиссинскими войсками въ невѣдомыхъ странахъ Африки. Этого мальчика я вывезъ въ Россію, крестилъ, воспиталъ, а затѣмъ по совѣту о. Іоанна Кронштадтскаго возвратилъ его на родину, и теперь, послѣ трехлѣтней разлуки съ нимъ, желалъ его повидать и преподать ему причастіе св. тайнъ, котораго онъ тамъ за неимѣніемъ православныхъ священниковъ имѣть не могъ. Пробывъ около года въ Абиссиніи, я возвратился въ январѣ 1912 года и повелъ своей прежній замкнутый образъ жизни и продолжалъ бы, вѣроятно, его и поднесь, если бы Промыслу Божіему не угодно было выдвинуть и мое убожество и непотребство на защиту всесвятѣйшей святыни, данной человѣку,— имени Господня,—и удостоить мое недостоинство славной доли соучастія быть гонимымъ за имя Господне вмѣстѣ съ истинными рабами и исповѣдниками Іисусъ Христовыми имяславцами аѳонскими.

Но насколько въ Ѳиваидѣ истиннымъ виновникомъ смуты былъ о. Алексѣй Кирѣевскій и его проповѣдь имяборческихъ мнѣній, которая возмутила духъ истинныхъ православныхъ, настолько же и въ Андреевскомъ скиту истинными возбудителями смуты были такіе же проповѣдники имяборчества, единомышленники о. Алексѣя Кирѣевскаго, монаха Хрисанѳа и другихъ—оо. Климентъ, Меркурій и Іеронимъ. Насколько въ Ѳиваидѣ скитяне исповѣдники Божества имени Господня были стороной обороняющейся, а имяборцы стороной атакующей, настолько же и въ Андреевскомъ скиту атакующей стороной былъ о. Іеронимъ; мнѣ же пришлось только защищаться, вѣрнѣе, защищать имя Господне отъ посягательствъ на его Божество и силу имяборцевъ. Если въ Ѳиваидѣ скитяне были выведены изъ своего покоя хульными выходками имяборцевъ, то въ Андреевскомъ скиту они были выведены изъ него хульными словами архимандрита Іеронима и его единомышленниковъ Климента и

Библиотека "Руниверс"

Меркурія. Въ Ѳиваидѣ возмущеніе разрослось, благодаря репрессіямъ, примѣненнымъ игуменомъ Мисаиломъ противъ защитниковъ имени Господня, ибо эти репрессіи сдѣлали для всякаго простеца очевиднымъ имяборческій образъ мыслей своего начальства, несогласный въ корнѣ съ исконнымъ образомъ мыслей братіи объ имени Господнемъ. Въ Андреевскомъ же скиту возмущеніе было вызвано преслѣдованіемъ о. Іеронимомъ нѣкоторыхъ исповѣдниковъ имени Господня.

Но о. Климентъ хочетъ приписать всю вину возмущенія Андреевскаго скита моей якобы агитаціи. Не надо быть особо внимательнымъ, чтобы видѣть несуразность приписываемаго мнѣ о. Климентомъ участія въ аѳонской смутѣ. О. Климентъ самъ говоритъ, что при началѣ смуты я никакого участія въ спорѣ не принималъ и только въ 1912 году вступилъ въ ряды «имябожниковъ». Послѣ «появленія рецензіи Хрисанѳа,—пишетъ онъ,—ряды имябожниковъ стали рѣдѣть»,—и вотъ оставшіеся имябожники пошли вербовать въ свою рать «лицеиста» Антонія Булатовича, который дотолѣ стоялъ якобы на сторонѣ имяборцевъ, но по усиленной просьбѣ имябожниковъ «въ концѣ концовъ уступилъ имъ» и сталъ въ ряды имябожниковъ, гдѣ проявилъ необычайно кипучую дѣятельность, развилъ новый догматъ о. Иларіона, увлекъ за собою всю Аѳонскую гору, закидавъ ее своими прокламаціями, наполнивъ ее проповѣдями своихъ агентовъ, составивъ и систематически осуществивъ коварнѣйшій планъ завладѣнія всѣми аѳонскими обителями и смѣщенія всѣхъ игуменовъ и т. п. «Имябожники,—продолжаетъ о. Климентъ,—знали, что въ Андреевскомъ скиту есть лицеистъ, къ которому они и обратились съ просьбою выступить на защиту новаго догмата. Однако о. Булатовичъ оказался противникомъ его, встрѣтилъ ихъ весьма недружелюбно и на первыхъ порахъ сильно противился имъ..... но послѣ немногихъ пререканій о. Булатовичъ согласился съ ними и принялъ новый догматъ, и сталъ во главѣ защитниковъ имябожнической ереси. Это было въ февралѣ 1912 года». Затѣмъ онъ проявилъ, по словамъ о. Климента, «такую небывалую кипучую дѣятельность, что увлекъ за собою все монашество и перевернулъ вверхъ дномъ всю Святую гору....»

Но спрошу читателя: возможно ли психологически на самомъ дѣлѣ что-либо подобное? Возможно ли, чтобы человѣкъ, будучи противныхъ религіозныхъ убѣжденій, ради одной только просьбы какихъ-то неизвѣстныхъ ему иноковъ, обиженныхъ на какую-то «рецензію» и несогласныхъ съ мнѣніями, высказанными въ ней,—возможно ли, чтобы этотъ человѣкъ, который сначала принялъ этихъ иноковъ недружелюбно, считалъ ихъ прельстившимися, затѣмъ, ради одной только просьбы ихъ, уступилъ имъ въ своихъ убѣжденіяхъ, перемѣнилъ ихъ послѣ немногихъ пререканій и въ угоду имъ съ того, ни съ сего внезапно сдѣлался бы главой того движенія,

Библиотека "Руниверс"

въ которомъ онъ три года не принималъ никакого участія, а затѣмъ вдругъ развилъ бы высказанное ими мнѣніе въ цѣлое богословское ученіе, написалъ бы въ защиту его цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, которыя о. Климентъ называетъ «прокламаціями», увлекъ бы своей проповѣдью массу народа, составилъ бы и осуществилъ сложный и коварный планъ захвата власти въ двухъ обителяхъ, и все это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ... Конечно, то, что утверждаетъ о. Климентъ, есть совершенная нелѣпость психологически и невозможность—фактически; и очевидно, что какъ въ описаніи начала смуты о. Климентъ, «не желая правды сказать и не умѣя гладко соврать», умолчалъ объ истинныхъ причинахъ смуты, такъ умолчалъ онъ о нихъ и въ Андреевскомъ скиту.

Но возстановимъ эти замалчиваемыя событія. Я уже говорилъ, что въ скиту я жилъ весьма замкнуто и сосредоточенно, ни съ кѣмъ почти общенія не имѣлъ, не интересовался текущими событіями, ничего посторонняго не читалъ и никуда не выходилъ. Когда въ 1908 году появилась книга о. Иларіона и о. Агаѳодоръ началъ свою агитацію противъ нея, то онъ между прочимъ прислалъ одинъ экземпляръ этой книги игумену Іерониму съ слѣдующей аттестаціей: «Очень вредная книга, написанная въ духѣ Фаррара», которую онъ предлагалъ отдать для раскритикованія между прочимъ и мнѣ. Поэтому о. Іеронимъ, призвавъ меня, сказалъ, что вотъ онъ получилъ изъ Пантелеймоновскаго монастыря книгу «На горахъ Кавказа», о которой ему пишутъ, что она вредная и написанная въ духѣ Фаррара, и предлагаетъ прочитать ее и письменно изложить мое о ней сужденіе и указать, что въ ней худого. Я во исполненіе долга послушанія взялъ книгу, поклонился и пошелъ домой, гдѣ сталъ читать ее. Дойдя до утвержденія о. Иларіона, что сущность и дѣйственность молитвы Іисусовой зиждется на силѣ призываемаго Божественнаго имени Господа Іисуса Христа, къ которому молящійся долженъ относиться, какъ къ Самому Господу Іисусу, и которое есть Самъ Онъ Господь Іисусъ Христосъ, я соблазнился этими словами и мнѣ они показались неправильными. Но, читая дальше, я увидалъ съ удовольствіемъ прекрасно изложенное святоотеческое ученіе о молитвѣ Іисусовой. Такъ какъ игуменъ приказалъ мнѣ письменно изложить мое сужденіе объ этой книгѣ, то я рѣшился, во-первыхъ, написать письмо о. Иларіону, въ которомъ протестовалъ противъ этого выраженія: «Имя Господа Іисуса Христа Самъ Господь Іисусъ Христосъ»,—ибо для моего, тоже нѣсколько отравленнаго раціонализмомъ ума и тоже оскудѣвшаго страха и благоговѣнія къ слову и къ имени Божьему соблазнительнымъ показалось, какимъ образомъ то имя, которое произносится моими устами, мыслится моею мыслью, можетъ быть Самимъ Богомъ. «Не есть ли такое утвержденіе о. Иларіона обожествленіе твари»? подумалось мнѣ. Эти мысли я высказалъ въ моемъ письмѣ о. Иларіону и

Библиотека "Руниверс"

положилъ письмо подъ образами съ намѣреніемъ отнести его къ игумену и затѣмъ послать по первой почтѣ о. Иларіону. Но когда я написалъ это письмо, то на меня навалилась какая-то особенная сердечная тягость и какая-то безконечная пустота, хладность и темнота овладѣли сердцемъ. Чувствовалось оставленіе благодатію Божіей; молитва сдѣлалась бездѣйственной, богослуженіе не доставляло утѣшенія. Я страдалъ, но причины этого страданія не понималъ и не подозрѣвалъ того, что виной ему было отрицаніе мною Божества имени Господня. Очевидно, что и мнѣ предстояло безповоротно отступить отъ имени Господня подобно тому, какъ отступили Хрисанѳъ, Алексѣй, Ѳеофанъ и другіе интеллигенты и полуинтеллигенты на Аѳонѣ изъ Россіи, если бы не спасла меня молитва моего незабвеннаго духовнаго отца, Іоанна Кронштадтскаго. Отпуская меня на Святую гору, онъ мнѣ сказалъ нѣсколько прозорливыхъ предсказаній, относившихся и до сей имяборческой ереси, которыя и сбылись, и однажды вручилъ мнѣ свою книгу со словами: «Вотъ тебѣ въ руководство». Эту книгу я получилъ при слѣдующихъ необычныхъ обстоятельствахъ. 26 августа 1903 года мы вмѣстѣ съ моимъ бывшимъ игуменомъ о. Георгіемъ пріѣхали въ Кронштадтъ, желая повидать дорогого батюшку. Не его не было дома. Онъ былъ въ Петроградѣ и долженъ былъ пріѣхать только вечеромъ. Проходя мимо его дома, я мысленно пожелалъ: «хоть бы мнѣ батюшка далъ какое-нибудь словечко въ руководство». Вечеромъ о. Іоаннъ пріѣхалъ, и мы съ о. Георгіемъ пошли къ нему на квартиру. Насъ впустили, и о. Георгій прошелъ къ нему въ комнату, а я, какъ смиренный послушникъ, остался ждать на кухнѣ, не дерзая безпокоить батюшку въ такой поздній часъ. Тамъ я сидѣлъ въ ожиданіи, пока выйдетъ о. Георгій, и, счастливый тѣмъ, что побывалъ хотя на квартирѣ у дорогого батюшки, мирно сидѣлъ въ уголочкѣ и занимался Іисусовой молитвой. Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ самъ о. Іоаннъ пришелъ на кухню и, направившись ко мнѣ, ласково привѣтствовалъ, поцѣловалъ и повелъ къ себѣ въ комнаты. Спросивъ меня о моемъ духовномъ житьѣ-бытьѣ, онъ вдругъ повернулся, побѣжалъ въ другую комнату и оттуда вынесъ свою книжку и, вручая ее мнѣ, сказалъ: «Вотъ тебѣ въ руководство». Не надо говорить, какъ я былъ осчастливленъ этимъ даромъ, съ которымъ я, конечно, не разстаюсь и поднесь, и вотъ эта-то книжка воистину руководствовала меня ко спасенію отъ той увлекательной и тонкой ереси приравненія имени Господня слову человѣческому, которою врагъ ополчился противъ православія въ послѣдніе дни. Итакъ, страдая духомъ и не находя себѣ мѣста, я какъ-то случайно остановилъ взоръ свой на этой книжкѣ о. Іоанна «Мысли христіанина», взялъ ее въ руки и, машинально открывъ, увидалъ передъ глазами своими слѣдующія слова: «Когда ты про себя въ сердцѣ говоришь или произносишь имя Божіе, Господа, или Пресвятой Тройцы, или Господа Саваоѳа,

Библиотека "Руниверс"

или Господа Іисуса Христа, то въ этомъ имени ты имѣешь все существо Господа: въ немъ Его благость безконечная, премудрость безпредѣльная, свѣтъ неприступный, всемогущество, неизмѣняемость. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовію прикасайся мыслями и сердцемъ къ этому всезиждущему, всесодержащему, всеуправляющему имени. Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять имя Божіе всуе, потому, то-есть, что имя Его есть Онъ Самъ—единый Богъ въ трехъ лицахъ, простое существо, въ единомъ словѣ изображающееся и въ же время не заключаемое, то-есть не ограничиваемое имъ и ничѣмъ сущимъ.

«Великія имена: Пресвятая Троица, или Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, или Отецъ, Слово и Святый Духъ, призванныя съ живою, сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображенныя въ душѣ, суть Самъ Богъ и низводятъ въ нашу душу Самого Бога въ трехъ лицахъ» (стр. 46).

Я изумился, перекрестился и, возблагодаривъ Бога за вразумленіе, немедленно же разорвалъ мое письмо къ о. Иларіону и сжегъ его, и тутъ же отнялась отъ меня та безутѣшная тягость сердечная, которая меня такъ обременила послѣ написанія письма, и я снова пришелъ въ свое прежнее духовное устроеніе. Книгу я отнесъ къ о. игумену со словами, что худого въ ней ничего не нашелъ, что ученіе о молитвѣ Іисусовой изложено въ ней прекрасно, весьма легко и удобочитаемо, и что общаго съ Фарраромъ въ ней абсолютно ничего нѣтъ, но, наоборотъ, книга весьма духовна и написана въ духѣ святыхъ отцовъ. Затѣмъ я возвратился къ моимъ обычнымъ занятіямъ и больше этимъ вопросомъ не занимался. Все это произошло, насколько я помню, весною 1909 года. Ни о. Хрисанѳа я не зналъ и о немъ тогда еще ничего не слыхалъ, ни былъ я также знакомъ съ кѣмъ-либо изъ ѳиваидцевъ. Въ 1910 году въ Андреевскій скитъ поступилъ одинъ іеродіаконъ изъ Ѳиваиды и поселился подобно мнѣ въ особой каливѣ въ рощѣ скита. Онъ сталъ посѣщать меня, и отъ него я узналъ впервые о происходившемъ въ Ѳиваидѣ волненіи. Онъ же привелъ ко мнѣ однажды и зашедшаго къ нему ѳиваидца. Въ 1911 году я поѣхалъ въ Абиссинію и вернулся 8 января 1912 года. Здѣсь, опять-таки черезъ этого іеродіакона, я узналъ о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подверглись ѳиваидцы со стороны ихъ начальства за исповѣданіе имени Господня и которыя вынудили покинуть скитъ многихъ ѳиваидцевъ и выѣхать на Кавказъ. Отъ него я узналъ и о той дѣятельности о. Алексѣя и иноковъ-интеллигентовъ, которая такъ возмутила простецовъ-скитянъ. Этотъ же іеродіаконъ познакомилъ меня и съ возмутительной корреспонденціей, посланной въ «Колоколъ» инокомъ Діонисіемъ, въ которой этотъ полуинтеллигентъ оклеветалъ ѳиваидцевъ какъ обожествляющихъ якобы самое тварное имя Господне, то-есть по внѣшней его сторонѣ; принесъ мнѣ также этотъ іеродіаконъ книжку «Русскаго Инока» съ пресловутой «ре-

Библиотека "Руниверс"

цензіей» Хрисанѳа, наконецъ привелъ онъ ко мнѣ также впервые скитянъ старца Иринея и іеромонаха Ѳеодорита, которые мнѣ плакались на прискорбное и бѣдственное положеніе ихъ и повѣдали о тѣхъ глумленіяхъ и возмутельныхъ выходкахъ имяборцевъ, которыя такъ возмутили скитянъ. Я отнесся съ большимъ сочувствіемъ и состраданіемъ къ этимъ инокамъ и, узнавъ ихъ образъ мыслей, я не только не отнесся къ нимъ враждебно, какъ то приписываетъ мнѣ о. Климентъ, но, напротивъ, съ самаго начала выказалъ мое полное единомысліе съ ними въ пониманіи имени Господня, ибо если въ началѣ, благодаря ходячей клеветѣ, пущенной интеллигентными имяборцами, что мужики-скитяне самое тварное имя «Іисусъ» за Бога принимаютъ и ему отъ Бога отдѣльно поклоняются, я могъ и допустить возможность такого извращенія вѣры, то, побесѣдовавъ съ ними, я убѣдился, что это клевета, и поэтому счелъ своимъ долгомъ вступиться въ защиту ихъ и взяться за перо для обличенія этой клеветы и для возраженія противъ начинающихъ господствовать имяборческихъ мнѣній объ имени Господнемъ.

Каковы же были мои первые шаги въ той «кипучей дѣятельности», о которой говоритъ о. Климентъ, и каковы же были тѣ мои первыя агитаціонныя дѣйствія и прокламаціи, которыми я сталъ возмущать, по его словамъ, гору Аѳонскую. Во-первыхъ, строго соблюдая обѣтъ послушанія, я обо всемъ повѣдалъ своему игумену о. Іерониму и испросилъ его благословеніе написать въ журналъ Андреевскаго скита статью въ защиту имени Божія. Получивъ это разрѣшеніе, я написалъ статью подъ заглавіемъ: «О почитаніи имени Божія», и съ благословенія о. игумена, который прочиталъ и подписалъ ее, послалъ ее въ Одессу въ редакцію журнала, въ которомъ она съ разрѣшенія цензора и была помѣщена. Вопросъ о имени Божіемъ, который сначала былъ для меня столь неясенъ, сталъ для меня все болѣе и болѣе выясняться, когда я во время богослуженія вникалъ въ слова возгласовъ, молитвъ и псалтыри, ибо я всюду наталкивался на явныя свидѣтельства церкви о особомъ почитаніи ею имени Божія и на особое значеніе, которое придавалось имени Господню въ богослуженіи. Эти мысли я и высказалъ въ первой моей статьѣ—въ первой «прокламаціи»,—какъ называетъ о. Климентъ. Однако богословская глубина вопроса мнѣ еще открыта не была. Тогда же была послана мною въ «Колоколъ» статья въ опроверженіе клеветы на иноковъ ѳиваидскихъ, въ которой я вмѣстѣ съ опроверженіемъ клеветы высказалъ истинный образъ нашего пониманія имени Господня, какъ не отдѣлимаго отъ Бога, и пониманіе нами «имя Божіе Самъ Богъ» въ томъ же смыслѣ, въ какомъ о. Іоаннъ Кронштадтскій говоритъ, т. е. въ смыслѣ присутствія Бога въ имени Своемъ». «Колоколъ» этой моей статьи не помѣстилъ. Въ Великомъ посту 1912 года мною написана была статья о молитвѣ Іисусовой и о имени Іисусовомъ и съ благословенія игумена Іеронима послана въ Петроградъ

Библиотека "Руниверс"

въ духовно-цензурный комитетъ и съ разрѣшенія его отпечатана. Затѣмъ постепенно стали выходить въ свѣтъ слѣдующія книжки «Русскаго Инока» съ продолженіемъ рецензіи о. Хрисанѳа, которыя услужливый іеродіаконъ приносилъ мнѣ для прочтенія. Мнѣнія о. Хрисанѳа объ имени Господнемъ, которыя онъ высказалъ въ этихъ статьяхъ, глубоко возмутили меня. Но еще болѣе возмутила меня статья архіепископа Антонія Храповицкаго, помѣщенная тамъ же. Сердце мое мнѣ говорило, что эти хуленія на имя Господне требуютъ возраженія. Но кому было возражать? На Аѳонѣ—некому; въ Россіи же—кто дерзнетъ. Оставить же безъ возраженія эти хулы на имя Іисусово будетъ значить не только распять это имя, но и въ конецъ убить его и похоронить. Эти побужденія внушали мнѣ желаніе предпринять словесную защиту имени Господня, и это произшло совершенно независимо отъ какихъ-либо просьбъ ѳиваидцевъ или отъ какихъ-либо другихъ побужденій. Но, чувствуя свою неподготовленность къ такому великому дѣлу, которое о. Климентъ называетъ «развитіемъ новаго догмата», высказаннаго о. Иларіономъ, въ «цѣлое ученіе», и сознавая свое недомысліе о сей великой богословской тайнѣ, я, скорбя, что некому вступиться въ защиту имени Господня, усердно молилъ Господа открыть умъ мой къ разумѣнію тайны сей. Особенно молился я о семъ ежедневно на Святой недѣлѣ, когда бываютъ открыты раки съ мощами многочисленныхъ угодниковъ Божіихъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ и преподобныхъ. Прикладываясь къ мощамъ каждаго угодника, я мысленно усердно молился ему о семъ. И вотъ повторилась неожиданно моя старая болѣзнь глазъ—воспаленіе сосудистыхъ оболочекъ, которая на два мѣсяца заключила меня въ темную келію въ особое безмолвіе и особое уединеніе. Однако еще въ теченіе почти мѣсяца я все-таки выходилъ къ литургіи и литургисалъ ежедневно, но потомъ и это сдѣлалось для меня совершенно невозможнымъ. Въ полномъ одиночествѣ и бездѣятельности я, пребывая въ темной келіи, конечно, сосредоточивалъ мысль свою на захватывающемъ душу предметѣ. Вспоминалъ относящіяся до сего слова Писанія, свидѣтельства св. отцовъ, и мысль моя стремилась къ тому, чтобы уяснить себѣ ту истину, которую я принялъ на вѣру, что имя Господне таинственно и духовно есть Самъ Господь Богъ, присутствующій во имени Своемъ. Каково могло быть это присутствіе? И вотъ однажды въ легкомъ тонкомъ полуснѣ я ясно услышалъ слѣдующее мысленное разсужденіе: «Азъ есмь истина и истина есть Азъ. Имя Божіе есть истина о тріипостасной истинѣ, ибо Азъ есмь истина, и Отецъ Мой истиненъ есть, и Духъ Святый есть Духъ истинный». Это разсужденіе, представляющее изъ себя сочетаніе евангельскихъ свидѣтельствъ Господнихъ, сдѣлало для меня сразу ясной ту тайну, постичь которую я такъ желалъ, но былъ не въ силахъ постичь ее собственнымъ своимъ умомъ. Мгновенно очнувшись, я вско-

Библиотека "Руниверс"

чилъ съ постели и, нащупавъ въ темнотѣ листъ бумаги и карандашъ, немедленно наощупь написалъ открывшееся мнѣ разсужденіе, въ которомъ былъ ключъ къ разрѣшенію тайны Божества имени Господня. Въ то время и игуменъ Іеронимъ, котораго я почиталъ и любилъ и пользовался тогда его взаимнымъ почтеніемъ и любовью, что онъ выражалъ особыми знаками его ко мнѣ вниманія, неоднократно посѣщая меня во время моей болѣзни, тоже раздѣлялъ мое пониманіе имени Господня.

Онъ тогда говорилъ : «Если о. Іоаннъ сказалъ, что имя Божіе— Самъ Богъ, то такъ и слѣдуетъ вѣрить, ибо о. Іоаннъ былъ мужъ особо благодатный». Высказывался онъ также о томъ, что никогда не согласится съ мнѣніями имяборцевъ, что имя «Іисусъ» есть простое имя человѣческое и только недавно существующее, ибо у св. Дмитрія Ростовскаго ясно сказано, что имя «Іисусъ» отъ Предвѣчнаго Совѣта бѣ предуготовано, на небесѣхъ написано и доселѣ хранимо».

Однажды о. Іеронимъ принесъ мнѣ даже имъ самимъ найденное свидѣтельство у св. Іоанна Златоуста, въ которомъ св. Іоаннъ въ толкованіи первой главы посланія къ римлянамъ и словъ, что апостолы были посланы проповѣдывать «въ послушаніе вѣры во имя Господне»,—говоритъ, что имя Господне «само требуетъ къ себѣ вѣры», ибо творитъ чудеса.

Въ маѣ мѣсяцѣ ко мнѣ зашли ѳиваидцы и выражали свою глубокую скорбь по поводу того, что ихъ такъ оклеветали о. Алексѣй и о. Діонисій архіепископу Антонію и послѣдній далъ вѣру этимъ клеветамъ, помѣстивъ въ «Русскомъ Инокѣ» ихъ статьи и рецензію о. Хрисанѳа. Я тогда рѣшилъ написать открытое письмо архіепископу Антонію, въ которомъ отъ имени ѳиваидцевъ оправдывалъ въ возводимыхъ на нихъ клеветахъ и почтительно просилъ владыку помѣстить это письмо въ «Русскомъ Инокѣ».

Привожу полностью это письмо.

«Ваше Высокопреосвященство.

«Благословите,

«Владыко Святой.

«Припадая къ стопамъ вашимъ, просимъ васъ съ кротостію выслушать объясненіе того заблужденія, въ которое впала редакція «Русскаго Инока», довѣрившись невѣрнымъ свѣдѣніямъ объ инокахъ ѳиваидскихъ и о книгѣ о. Иларіона «На горахъ Кавказа», доставленнымъ вамъ іеромонахомъ Алексѣемъ Кирѣевскимъ и инокомъ Хрисанѳомъ. На основаніи ихъ словъ вы изволили признать книгу о. Иларіона «вредной и опасной», а пустынниковъ ѳиваидскихъ— прельстившимися именемъ Іисусовымъ, которое они якобы почитаютъ Богомъ по существу и молятся имени сему, а не Самому Господу Іисусу Христу, присущему во имени Своемъ»...

Библиотека "Руниверс"

«Позвольте, владыко святой, вамъ доложить, что это совершенно не вѣрно и есть невольная клевета, въ которую впали по какому-то роковому недоразумѣнію иноки Хрисанѳъ и Алексѣй.

«Одному Богу свойственно не ошибаться; и мы, вѣдая смиренномудріе россійскихъ святителей, чуждыхъ самомнительной непогрѣшимости католическихъ папъ, дерзаемъ надѣяться, что и вы, ваше святительство, дадите мѣсто въ «Руссскомъ Инокѣ» и этимъ нашимъ строкамъ, въ которыхъ мы защищаемся отъ возведенной на насъ клеветы, помѣщенной въ «Русскомъ Инокѣ», и чрезъ него разглашенной десятку тысячъ его читателей.

«Имя Божіе есть Самъ Богъ»,—говоримъ мы и о. Иларіонъ. «Имя Іисусъ—Самъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ». Противники же наши, услыхавъ эти слова, соблазнились ими и, не понявъ или не пожелавъ понять, въ какомъ смыслѣ это говоримъ мы, укорили насъ въ нарушеніи второй заповѣди о несотвореніи себѣ кумира, понявъ эти слова, какъ «обожаніе имени» и «воплощеніе имени въ самую сущность Божества». Считаемъ долгомъ, во-первыхъ, сказать, что это выраженіе принадлежитъ не намъ и не о. Иларіону, но принадлежитъ облагодатствованнѣйшему приснопамятному россійскому пастырю о. Іоанну Кронштадтскому: «Когда ты про себя въ сердцѣ говоришь или произносишь имя Божіе, Господа или Пресвятой Тройцы Господа Саваоѳа или имя Господа Іисуса Христа, то въ этомъ имени ты имѣешь все существо Господа: въ немъ его благость безконечная, премудрость безпредѣльная, свѣтъ неприступный, всемогущество, неизмѣняемость. Со страхомъ Божіимъ, съ вѣрою и любовію прикасайся мыслями и сердцемъ къ этому всезиждущему, вседержащему имени. Вотъ почему строго запрещаетъ заповѣдь Божія употреблять имя Божіе всуе, потому, т. е., что имя Его есть Онъ Самъ, единый въ трехъ лицахъ, простое существо, въ единомъ словѣ изображающееся и заключающееся, и въ то же время не заключаемое, т. е. не ограничиваемое имъ и ничѣмъ сущимъ.

«Великія имена: Пресвятая Тройца или Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, или Отецъ, Слово и Святый Духъ, призванныя съ живою сердечною вѣрою и благоговѣніемъ, или воображаемыя въ душѣ, суть Самъ Богъ и низводятъ въ душу нашу Самого Бога въ трехъ лицахъ». (О. Іоанна Кронштадтскаго «Мысли христіанина», стр. 46—7). Это суть слова облагодатствованнаго и опытнаго молитвенника, ощутительно познавшаго, сколь дѣйственно, величественно и сладостно призваніе имени Божія и имени Іисусова чистымъ сердцемъ, духомъ и истиною, ибо тогда Самъ Іисусъ Христосъ ощущается и созерцается умно-сердечнымъ окомъ во имени Своемъ. Въ этомъ смыслѣ и говорилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, и о. Иларіонъ, и мы всѣ, что имя Божіе есть—«Самъ Богъ». Но ни о. Іоаннъ Кронштадтскій, ни кто-либо изъ насъ, какъ то видимъ изъ вышеприведенныхъ его словъ, подчеркнутыхъ нами, не возводимъ имени Божія, т. е. буквъ и зву-

Библиотека "Руниверс"

ковъ, по существу на степень Божества отдѣльно отъ Бога и не поклоняемся имени Іисусъ отдѣльно отъ Бога, какъ въ томъ насъ укоряетъ Алексѣй Кирѣевскій и инокъ Хрисанѳъ.

«Позволимъ себѣ спросить о. Алексѣя Кирѣевскаго: слыхалъ ли онъ когда-либо, чтобы кто изъ пустынниковъ молился: «Имя Іисусъ, помилуй мя»?.. Не слыхалъ ли онъ, наоборотъ, что всѣ молимся: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя», вѣруя, что, призвавъ Его Имя, имѣемъ и Его Самого, тайно и незримо и неотдѣлимо отъ имени Своего въ немъ присутствующаго и скоропослушающаго молитвы наши.

«Рецензія инока Хрисанѳа вся построена на опроверженіи словъ, что «имя Божіе есть Самъ Богъ», которыя инокъ Хрисанѳъ не потрудился понять въ должномъ смыслѣ.

«Позволимъ себѣ спросить: откуда онъ взялъ, что о. Иларіонъ «воплощаетъ имя въ самую сущность Божества»? Мы этого у о. Иларіона въ книгахъ нигдѣ не нашли; но изъ того самаго текста, который въ подтвержденіе этого своего заключенія инокъ Хрисанѳъ приводитъ, мы видимъ совершенно обратное, ибо о. Иларіонъ ясно выражаетъ мысль, что Господь Іисусъ Христосъ присутствуетъ въ имени Своемъ. И въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ, что имя Его есть Самъ Богъ по существу, ибо если бы была рѣчь о воплощеніи самаго имени въ сущности Божества, тогда слово «присутствуетъ» было бы неумѣстно.

«Такъ же ясно выразили это положеніе пустынники ѳиваидскіе въ слѣдующемъ исповѣданіи своей вѣры во имя Господа, которое представили они своему игумену на соборномъ разбирательствѣ ихъ спора съ о. Алексѣемъ Кирѣевскимъ о имени Іисусовомъ.

Исповѣданіе: «Вѣрую и исповѣдую, что въ имени Іисусъ Христосъ присутствуетъ самъ Онъ нашъ Спаситель Господь Іисусъ Христосъ невидимо и непостижимо, и въ сей своей сердечной вѣрѣ утѣшаю себя Божественнымъ изреченіемъ моего дражайшаго Искусителя, Который сказалъ: «якоже вѣровалъ еси» и «вѣруешь», «буди тебѣ по вѣрѣ твоей».

«Божественнѣйшее и святѣйшее имя «Іисусъ» называю Богомъ по своей сердечной вѣрѣ, что Оно неотдѣльно и не можетъ быть отъято отъ Него Господа Бога и Спасителя нашего, Іисуса Христа, но едино съ Нимъ» (о. Алексѣй Кирѣевскій, однако, съ этимъ исповѣданіемъ не соглашается).

«Инокъ Хрисанѳъ «убоялся страха идѣже не бѣ страхъ», въ концѣ своей рецензіи онъ угрожаетъ намъ быть отверженными на Страшномъ судѣ Христовомъ за то, что мы поклоняемся имени «Іисусъ», а не Самому Господу Іисусу Христу, что, какъ вы, владыко святый нынѣ сами видите изъ выше написанныхъ строкъ, есть лишь плодъ его воображенія и ничѣмъ съ нашей стороны не подтверждается». И посмотрите, въ какую онъ самъ впадаетъ хулу: онъ дозволяетъ

Библиотека "Руниверс"

себѣ живую вѣру въ таинственное и неотдѣлимое, или, такъ сказать, соприсносущное и воипостасное присутствіе Божіе во имени Своемъ приравнять пантеизму, т. е. безбожному зловѣрію, будто Богъ присущъ всякой твори... Итакъ, до какой же степени онъ этимъ унизилъ достопоклоняемое и Божественное и зиждительное и спасительное и страшное имя Божіе, приравнявъ его всякой твари и отнявъ отъ него всякую Божественность...

«Всякое Слово Божіе «Духъ есть и животъ есть» и исполнено животворящей силы Духа Святого; не тѣмъ ли паче имя Божіе. Итакъ, столь уничиживъ имя Божіе и имя Господа Іисуса Христа, не похулилъ ли онъ также и Духа Святаго, не отвергъ ли онъ этимъ и заповѣдь о вѣрѣ во имя Господа Іисуса Христа, о которой столь ясно свидѣтельствуетъ св. апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ: «заповѣдь его та, чтобы мы вѣровали во имя Сына Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ онъ заповѣдалъ намъ» (І-е посл., 3, 23). Итакъ, откуда же онъ взялъ, что мы само имя «Іисусъ» обожаемъ и самому имени «Іисусъ» отдѣльно отъ Господа Іисуса Христа молимся...

...«Изми первое бревно (невѣрія и хулы) изъ очесе твоего, и тогда узришь изъяти сучецъ (мнимаго имяпоклонства) изъ очесе брата твоего» (Матѳ. гл. 7, 5.). 7 мая 1912 г. Святая гора.

«Иноки аѳонскіе».

Но это письмо не возымѣло желаннаго дѣйствія и не только не разубѣдило архіепископа Антонія въ клеветѣ имяборцовъ на имяславцевъ, но возбудило его недовольство и гнѣвъ противъ меня, дерзнувшаго выступить съ защитой имени Господня. Это письмо не было имъ помѣщено въ «Русскомъ Инокѣ», но въ отвѣтъ ѳиваидцамъ онъ написалъ слащавое письмо, въ которомъ убѣждалъ покориться во всемъ игумену Мисаилу и не противиться противъ тѣхъ непріемлемыхъ мнѣній, которыя высказывались аѳонскими имяборцами.

Болѣзнь глазъ не только не проходила, но ухудшалась, и воспаленіе перешло и на другой глазъ. Тогда въ отчаяніи я рѣшился на крайнее средство и, несмотря на то, что дневной свѣтъ и вѣтеръ былѣ для меня нестерпимъ, взялъ палку и пошелъ на другой конецъ Святой горы въ пещеру къ угоднику Св. Нилу Мироточивому искать у него благодатной помощи въ моей неисцѣльной болѣзни. Возвратился я оттуда черезъ три дня къ общему удивленію всѣхъ здравымъ и зрячимъ и немедленно же приступилъ къ писанію моей апологіи. Между прочимъ, во время моего богомолья мнѣ совершенно случайно, если вообще считать допустимыми въ мірѣ случайности, пришлось переночевать на келіи св. Григорія Паламы и отслужить литургію въ церкви его имени. Этотъ святой извѣстенъ, какъ защитникъ того же самаго догмата, который нынѣ защищаемъ мы.

Библиотека "Руниверс"

Хотя острое воспаленіе моихъ глазъ и прошло и я получилъ возможность свободно писать на пишущей машинѣ, но перечитывать писанное я могъ только съ большимъ трудомъ и съ большой опасностью, тѣмъ болѣе невозможнымъ было для меня чтеніе многочисленныхъ и многотомныхъ твореній св. отцовъ. Но Господь неожиданно послалъ мнѣ невѣдомыхъ помощниковъ, которые, узнавъ, что я взялся за словесную защиту имени Господа, стали пересылать мнѣ тѣ свидѣтельства разныхъ св. отцовъ, которыя они находили въ ихъ твореніяхъ. Мое сочиненіе я одновременно переписывалъ на восковыхъ листкахъ и отпечатывалъ на гектографѣ въ 75 экземплярахъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ нашелся неожиданный помощникъ въ лицѣ брата Павла (Григоровича, кавказскаго пустынника, бывшаго штабъ-ротмистра Переяславскаго драгунскаго полка), который пріѣхалъ посѣтить Святую гору. Онъ зашелъ ко мнѣ, и мы съ нимъ подружились, сошлись во мнѣніяхъ, и онъ сдѣлался моимъ драгоцѣннѣйшимъ сотрудникомъ.

23-го іюля, въ день Владимирской Божіей Матери, особо почитаемой мною, апологія моя была закончена, и въ то же время началось преслѣдованіе меня и ея о. Іеронимомъ и имяборцами. Какъ видите, мнѣ, совершенно не подготовленному въ богословіи, пришлось выступить противъ такихъ авторитетовъ современной іерархіи, какъ архіепископъ Антоній и другія лица. Это мнѣ и ставилось въ укоръ моими противниками, которые мнѣ указывали на то, что какъ я смѣю, не будучи богословомъ, возражать противъ такого ученаго богослова, какъ докторъ богословія архіепископъ Антоній волынскій, и укоряли меня за это въ крайней гордости и въ крайнемъ самомнѣніи.

Эти слова, конечно, могли бы меня смутить и заставить отказаться отъ взятой на себя защиты имени Господня, если бы я не имѣлъ того удостовѣренія, которое я нашелъ въ словахъ о. Іоанна Кронштадтскаго, и не имѣлъ бы еще и другихъ утверждающихъ во мнѣ глубокое убѣжденіе въ истинности моего пониманія удостовѣреній Божіихъ, которыя придавали мнѣ ту необходимую твердость и непоколебимость, которая и могла меня удержать отъ колебанія при столь страстномъ оспариваніи мнимыми великими человѣческими авторитетами той глубочайшей и тончайшей истины, какъ непостижимое таинственное Божество имени Господня. Однимъ изъ такихъ духовныхъ подкрѣпленій было повѣданное мнѣ пустынникомъ Евѳиміемъ видѣнное имъ видѣніе. Въ Страстной четвергъ, возвратившись отъ святого причастія и задремавъ, онъ увидѣлъ себя въ соборѣ Андреевскаго скита, тамъ узрѣлъ онъ Владычицу, окруженную сонмомъ святыхъ, которая подошла къ нему и сказала, указывая рукой въ сторону моей келіи: «Скажи Антонію, что я здѣсь Сама благодѣтельствую». Пустынникъ Евѳимій спросилъ Владычицу: «Какому Антонію?»—Владычица отвѣтила: «Тому, который въ саду, въ которомъ ты ходишь». Затѣмъ мгновенно увидалъ себя

Библиотека "Руниверс"

Евѳимій въ моей келіи и увидалъ меня сидящаго за книгой, въ которой страницы были напечатаны въ два столбца, причемъ одинъ столбецъ былъ напечатанъ черной, а другой красной печатью. Я же сидѣлъ надъ книгой, вдумавшись, и сказалъ: «Это надо разобрать». И дѣйствительно, только благодатная Божественная помощь могла сдѣлать для меня возможнымъ разобраться въ столь глубокомъ и тонкомъ вопросѣ.

III.

Изъ изложеннаго мною истиннаго описанія моей дѣятельности на Аѳонѣ отъ февраля до конца іюля 1912 года читатель можетъ убѣдиться въ томъ, какъ извращено это въ описаніи о. Климента, который говоритъ, будто я по совѣтамъ «лапотниковъ» составлялъ «брошюрки и листки и раздавалъ ихъ аѳонитамъ» и моими тенденціозными сочиненіями подорвалъ вѣру простецовъ въ рецензію Хрисанѳа»,—которую между прочимъ я прочелъ только два года спустя послѣ того, когда ее прочли и осудили ѳиваидскіе простецы. «За нимъ,—говоритъ о. Климентъ,—двинулась простодушная, за немногими исключеніями невѣжественная толпа, готовая итти за нимъ (т. е. за мной) всюду безъ отчета»—и въ виду этого «игуменъ рѣшилъ принять мѣры противъ пропаганды Булатовича». О томъ, сколь вымышлено это объясненіе о. Климентомъ воздвигнутаго о. Іеронимомъ противъ меня гоненія, видно изъ словъ самого о. Климента, сказанныхъ черезъ одну страницу ниже, что, несмотря на мою агитаторскую, якобы, дѣятельность и несмотря на дѣйствія какихъ-то моихъ агентовъ, которые якобы вербовали для меня сторонниковъ, несмотря на какія-то мои прокламаціи, все-таки въ скиту было все спокойно и я сторонниковъ не имѣлъ за исключеніемъ одного или двухъ десятковъ прельщенныхъ мною въ ересь. Если это такъ, то спрашивается, откуда взялась та толпа, которая была готова итти за мною всюду безотчетно, куда бы я ее ни повелъ, и гдѣ же было то вліяніе моей проповѣди, которая яко бы заставила о. Іеронима прибѣгнуть къ репрессивнымъ противъ меня мѣрамъ.

Но читатель видѣлъ, что въ то время въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я просидѣлъ больной, заключенный, уединенный въ темной келіи и что за это время я только написалъ статью, которая была напечатана съ благословенія игумена и съ разрѣшенія цензуры въ журналѣ скита, и напечаталъ отдѣльную брошюрку опять-таки съ разрѣшенія духовной цензуры и съ благословенія игумена. Уже гораздо позже я написалъ болѣе крупное изслѣдованіе по этому вопросу въ 190 страницъ. Это «тенденціозное сочиненіе»,—какъ его называетъ о. Климентъ, было закончено мною только 23 іюля, а 25 іюля я былъ уже вынужденъ покинуть скитъ. Слѣдовательно, какъ могло это сочиненіе успѣть за два дня подорвать вѣру въ рецензію Хри-

Библиотека "Руниверс"

санѳа и оказать такое вредное дѣйствіе на Святую гору которое вынудило бы игумена Іеронима принять противъ меня особо рѣшительныя мѣры и оправдало ихъ. Но изъ кого же состояла та толпа единомышленниковъ, которая готова была итти за мной всюду, куда я ни поведу ее? Я уже говорилъ о томъ, какъ мало я имѣлъ общенія на Аѳонѣ. И въ этотъ періодъ времени меня посѣщало весьма мало лицъ. Такъ, изъ ѳиваидцевъ я познакомился только съ пятью человѣками, изъ коихъ одинъ только схимонахъ Ириней приходилъ ко мнѣ раза четыре за эти два мѣсяца, и другой іеромонахъ—Ѳеодоритъ—раза три или четыре, остальныхъ я видалъ всего по разу. Изъ братіи Андреевскаго скита меня тоже очень мало кто посѣщалъ. Посѣщалъ чаще другихъ, но не мой сторонникъ, а мой противникъ имяборецъ іеромонахъ Меркурій, съ которымъ мы вступали въ споръ. Посѣщали меня ради духовной нужды нѣкоторые иноки, но съ ними бесѣды о имени Господнемъ я не имѣлъ. Чаще всего посѣщалъ меня монахъ Іовъ Пантелеймоновскаго монастыря, ревнитель имени Господня, весьма начитанный въ святоотеческихъ твореніяхъ, и онъ именно приносилъ мнѣ выписки изъ св. отцовъ, которыя находились имъ самимъ, или которыя пересылали черезъ него мнѣ другіе иноки.

Итакъ, причина, приводимая, о. Климентомъ въ оправданіе о. Іеронима за удаленіе имъ меня изъ скита, вымышлена. На самомъ же дѣлѣ истинная причина была не та. Виновниками репрессій въ Андреевскомъ скиту противъ исповѣданія имени Господня, которыя начались съ дѣйствій противъ меня, оказались тѣ же лица, которыя были виновниками репрессій, начатыхъ еще раньше игуменомъ Мисаиломъ противъ ѳиваидцевъ. Появленіе первыхъ моихъ двухъ статей въ защиту имени Господня весьма встревожило аѳонскихъ имяборцевъ, ибо они доселѣ имѣли противниками своими только «лапотниковъ» и «мужиковъ ѳиваидскихъ», которыхъ можно было безотвѣтно высмѣивать и мнѣнія которыхъ можно было безъ всякаго стѣсненія уродовать, приписывая имъ ради вящшаго осужденія самое грубое обожествленіе имени «Іисусъ», которое, по словамъ имяборцевъ, ѳиваидцы возводили на степень четвертой Ипостаси. Но теперь они увидѣли во мнѣ новаго, болѣе серьезнаго противника и не «лапотника», а противника, столь же образованнаго, какъ и они сами. Конечно, мои статьи сдѣлались извѣстными инокамъ ѳиваидскимъ и другимъ ревнителямъ имени Господня, и это событіе ихъ весьма утѣшило въ ихъ скорби. Хотя въ этихъ статьяхъ мною о книгѣ о. Иларіона совсѣмъ не упоминалось, а только защищалось выраженіе:«имя Божіе—Самъ Богъ», о. о. Агаѳодоръ и Алексѣй увидѣли нежелательное для нихъ вмѣшательство въ споръ и стали предпринимать мѣры къ тому, чтобы заградить мои уста. Съ этой цѣлью сталъ все чаще и чаще посѣщать нашъ скитъ о. Алексѣй Кирѣевскій и другіе интеллигенты, причемъ о. Алексѣй отъ имени Агаѳодора и игумена Мисаила передавалъ о. Іерониму требо-

Библиотека "Руниверс"

ваніе, дабы тотъ запретилъ мнѣ писать объ имени Божіемъ, а также принимать и бесѣдовать съ ѳиваидцами, ибо это только усугубляетъ якобы дерзости ѳиваидцевъ по отношенію къ о. Алексѣю Кирѣевскому. Эти утвержденія были ложны, ибо никакихъ дерзостей ѳиваидцы противъ о. Алексѣя не проявляли, если таковыми не считать то, что они уходили съ его богослуженія и не желали принимать отъ него благословеніе. Да и какая могла быть рѣчь о дерзостяхъ, когда за отказъ служить вмѣстѣ съ нимъ предстояло быть отлученнымъ отъ св. причастія на цѣлыхъ три года. Однако эти воздѣйствія Пантелеймоновскаго монастыря и аѳонскихъ интеллигентовъ не имѣли до времени желаннаго дѣйствія на игумена Іеронима, и онъ простодушно самъ сообщилъ мнѣ обо всемъ этомъ и говорилъ: «Я не понимаю, чего они такъ вооружились противъ книги о. Иларіона». Однажды послѣ подобнаго посѣщенія о. Алексѣя о. Іеронимъ пришелъ ко мнѣ и сообщилъ, что онъ звалъ о. Алексѣя самого зайти побесѣдовать со мною, но тотъ отказался и поспѣшилъ уѣхать. Наконецъ 19 іюля о. Алексѣй снова прибылъ въ скитъ, но уже не съ порученіемъ Агаѳодора, а съ письмомъ, и по порученію архіепископа Антонія Храповицкаго передалъ о. Іерониму, что волынскій владыка разгнѣванъ какъ на меня за то, что я дерзнулъ послать ему упомянутое выше открытое письмо, которое онъ нашелъ столь дерзкимъ, что занесъ его въ свой памятный журналъ, т. е., иначе говоря, обѣщалъ при случаѣ припомнить это и отомстить за сіе, такъ весьма разгнѣванъ и на о. Іеронима за то, что тотъ допускаетъ въ своемъ скиту проявлять мнѣ такую дѣятельность, и поэтому о. Алексѣй снова предъявилъ о. Іерониму категорическое требованіе, дабы тотъ запретилъ мнѣ что-либо писать о имени Божіемъ и принимать пустынниковъ ѳиваидскихъ. Іеронима уже и до того запугивали андреевскіе полуинтеллигенты Климентъ и Меркурій тѣмъ, что архіепископъ Антоній явно поддерживаетъ мнѣніе Хрисанѳа и Алексѣя, что онъ будетъ, несомнѣнно, митрополитомъ, а можетъ быть и патріархомъ и тогда припомнитъ Андреевскому скиту, что въ немъ осмѣливались выражать несогласныя съ нимъ мнѣнія, и въ отместку за это отыметъ у скита его подворья въ Петроградѣ и въ Одессѣ. Услыхавъ нынѣ новую угрозу и требованія о. Алексѣя, о. Іеронимъ совершенно растерялся и, какъ передавали очевидцы, даже заплакалъ, и обѣщался всѣ требованія въ точности исполнить. О. Алексѣя, какъ посланца архіепископа Антонія, онъ принялъ съ особымъ почетомъ, поставилъ его рядомъ съ собой за всенощной и отпустилъ съ обѣщаніемъ немедленно же исполнить все требуемое. 21-го іюля былъ канунъ бдѣнія, 22-го воскресенье—праздникъ, а 23-го игуменъ послалъ за мной, но я не могъ прійти къ нему въ этотъ день и пришелъ 24-го. Принявъ меня необыкновенно сурово, онъ объявилъ мнѣ гнѣвъ владыки Антонія по поводу моего письма къ нему, укорялъ меня за мою дерзость возражать архіепископу Антонію, доктору богосло-

Библиотека "Руниверс"

вія и первостепенному россійскому іерарху, говорилъ со мной грубо и сказалъ, что строго запрещаетъ мнѣ какъ принимать ѳиваидцевъ, такъ и что-либо писать о имени Божіемъ подъ угрозой запрещенія мнѣ священнослуженія. Но я не могъ соизволить на такое насиліе надъ моей духовной свободой и отказался исполнить его требованія, чѣмъ весьма разгнѣвалъ его. «Ну, такъ нѣтъ тебѣ больше благословенія служить». Я кротко выслушалъ эти слова, зная прежнее мнѣніе о. Іеронима о имени Господнемъ, и весьма сожалѣлъ о томъ, какъ его вдругъ успѣлъ отравить о. Алексѣй, но все-таки думалъ, что эта отрава еще исцѣлима. Съ собою захватилъ я какъ разъ только что законченную апологію и, вручая ее о. Іерониму, сказалъ: «Батюшка, прежде, нежели такъ рѣшать, вы сначала прочтите, что говорятъ святые отцы о семъ. Намъ надо слушаться Св. Евангелія, св. отцовъ и такихъ благодатныхъ пастырей, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, а не архіепископа Антонія, если онъ противорѣчитъ имъ». Іеронимъ взялъ апологію, обѣщался прочесть ее. При этомъ онъ взялъ назадъ свое запрещеніе, разрѣшивъ мнѣ служить на слѣдующій день.

Но на слѣдующій день онъ меня снова призвалъ и, грубо указывая на апологію, сказалъ: «Тутъ у тебя цѣлый салатъ написанъ». Салатомъ онъ, очевидно, назвалъ апологію по обилію въ ней разнообразныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія и св. отецъ. Странно было слышать изъ устъ монаха такое неблагоговѣйное названіе святоотеческихъ и евангельскихъ текстовъ. Но я спросилъ игумена, что же онъ нашелъ въ этомъ «салатѣ» несогласнаго съ ученіемъ святой церкви. Игуменъ не сумѣлъ мнѣ на это отвѣтить и послалъ за о. Климентомъ, чтобы тотъ указалъ мнѣ мѣста въ моей апологіи, которыя несогласны съ ученіемъ церкви. Очевидно, игуменъ не прочелъ апологіи, какъ то обѣщалъ сдѣлать, но поручилъ прочитать ее и высказать сужденіе о ней о. Клименту. Климентъ открылъ апологію и показалъ мнѣ текстъ: «Глаголы яже Азъ глаголахъ вамъ Духъ и Животъ суть», и спросилъ, по какому праву написалъ я эти слова съ большой буквы, когда въ Евангеліи они стоятъ съ маленькой, и по какому праву я обожествляю слова Господни. На это я отвѣтилъ, что въ Евангеліи вообще по-гречески и славянски все написано съ маленькихъ буквъ, кромѣ заглавныхъ словъ и послѣ точки, но что по смыслу, разъ глаголы Божіи суть духъ и жизнь, то изъ этого слѣдетъ само собою, что они не могутъ быть тварью, и что Самъ Господь свидѣтельствуетъ этимъ, что они суть его Божественная дѣятельность. Но игуменъ прервалъ нашъ богословскій споръ и грубо сказалъ: «Ну, однимъ словомъ, я тебѣ приказываю немедленно сжечь эту книгу и не смѣть больше принимать пустынниковъ ѳиваидскихъ». Тогда я сказалъ, что не могу этого требованія исполнить, въ отвѣтъ на что игуменъ объявилъ мнѣ, что запрещаетъ мнѣ священнослуженіе. Но тогда я сказалъ: «Ваше высокопреподобіе, я отселѣ больше не

Библиотека "Руниверс"

вашъ послушникъ, а вы не мой игуменъ, и прошу васъ отпустить меня на всѣ четыре стороны». Это заявленіе вывело игумена окончательно изъ себя и онъ разразился бранными словами: «свинья» и т. п. Но я ни слова не отвѣтилъ больше, сдѣлалъ земной поклонъ передъ святыми иконами, приложился съ нимъ, сдѣлалъ земной поклонъ игумену, какъ то полагалось обычно, но не взялъ благословенія и, сказавъ: «простите», ушелъ, и немедленно же въ хозяйственномъ управленіи скита попросилъ дать мнѣ вьючныхъ муловъ для перевозки моихъ вещей на келію Благовѣщенія, куда меня съ любовью принялъ маститый старецъ о. Парфеній.

Обо всѣхъ этихъ событіяхъ о. Климентъ, который не только былъ свидѣтелемъ, но и дѣятельнымъ участникомъ ихъ, совершенно умалчиваетъ и даже возводитъ на меня такую грубую клевету, будто я, уходя, говорилъ братіи, что ухожу потому, что игуменъ не признаетъ Іисуса Богомъ. Считаю долгомъ опровергнуть и эту ложь, ибо единственныя два лица, которыя видѣли меня уходившимъ изъ скита въ то время, когда грузили муловъ около моей каливы, были экономъ и одинъ іеродіаконъ, которымъ на ихъ вопросъ объяснить причину раздора съ игуменомъ я сказалъ, что виною былъ споръ за имя Божіе и воздѣйствіе на о. Іеронима Алексѣя Кирѣевскаго и архіепископа Антонія, причемъ сообщилъ имъ о содержаніи того открытаго письма, которое я послалъ архіепископу Антонію, и далъ имъ копію съ него.

Далѣе въ своемъ повѣствованіи о. Климентъ говоритъ о томъ, будто я 13 августа, взявъ мои документы, далъ такую расписку:

«IC.:XC.

«Симъ удостовѣряю, что документы изъ Андреевскаго скита я получилъ и вообще никакихъ претензій къ скиту Андреевскому не имѣю, ухожу, ибо такъ Богу угодно. Аще же угодно будетъ Господу Богу, дабы возвратился въ мѣсто своего постриженія, то не отрицаюсь, аще братія и игуменъ съ любовью согласятся. Іеросхимонахъ Антоній (Булатовичъ). 13-го августа 1913».

Эту расписку я дѣйствительно далъ, но не тогда, когда бралъ документы, а двѣ недѣли спустя, ибо тогда, когда я взялъ документы, то я далъ записку совершенно другого содержанія, о которой умалчиваетъ о. Климентъ, умалчиваетъ также о томъ, что побудило меня дать новую расписку, приводимую имъ. Дѣло происходило такъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего ухода я пришелъ въ хозяйственное правленіе и, взявъ мои документы, далъ расписку въ томъ, что получилъ ихъ обратно и ухожу изъ скита вслѣдствіе несогласія моего во мнѣніяхъ о имени Господнемъ съ игуменомъ Іеронимомъ, который отрицаетъ Божественное достоинство и Божественную силу имени Господня. На этомъ мои сношенія въ Андреевскимъ скитомъ

Библиотека "Руниверс"

закончились. Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого прибылъ на Аѳонъ викарный епископъ Московской епархіи Трифонъ. Онъ принадлежитъ къ почитателямъ книги о. Иларіона и съ мнѣніемъ о ней архіепископа Антонія отнюдь не соглашался. Ему сдѣлались извѣстными преслѣдованія ради нея иноковъ-ѳиваидцевъ, а также выходки о. Алексѣя Кирѣевскаго, вызвавшія крайное обостреніе отношеній въ Ѳиваидѣ, и онъ открыто выразилъ свое неодобреніе о. Алексѣю и совѣтовалъ игумену хотя на время удалить о. Алексѣя со Святой горы ради успокоенія братіи. Также неодобрительно отнесся онъ, какъ говорятъ, и къ игумену Іерониму, что и заставило послѣдняго 13 августа, совершенно неожиданно для меня, ко мнѣ пріити въ сопровожденіи одного монаха на Благовѣщенскую келью со смиренной просьбой простить его. Сдѣлавъ мнѣ въ присутствіи о. Парфенія и еще двухъ-трехъ лицъ земной поклонъ и получивъ такой же въ отвѣтъ, онъ просилъ не вмѣнить ему его невѣжества и неразумія и грубости, простить и помириться съ нимъ и предлагалъ мнѣ, если это мнѣ угодно, немедленно же возвратиться обратно въ скитъ. Мы съ нимъ облобызались и помирились, но относительно возвращенія въ скитъ я отвѣтилъ, что пока еще поживу у о. Парфенія. Тогда о. Іеронимъ обратился ко мнѣ съ просьбой, чтобы я уничтожилъ прежнюю мою расписку и далъ бы ему другую, безъ упоминанія о спорѣ за имя Господне, что я немедленно исполнилъ и написалъ другую записку. Спрашивается, если бы я былъ таковымъ, каковымъ меня выставляютъ въ печати имяборцы и въ числѣ ихъ о Климентъ о. Денасій и др., тоесть пропагандистомъ, коварнымъ злоумышленникомъ, подготовлявшимъ бунты въ Пантелеймоновскомъ и въ Андреевскомъ монастырѣ, искателемъ обогащенія, какимъ меня объявилъ съ думской трибуны епископъ Анастасій, или еще хуже—«мерзавцемъ», какъ меня называлъ архіепископъ Антоній въ своемъ письмѣ къ игумену Іерониму, напечатанномъ къ книжкѣ, изданной потомъ игуменомъ Іеронимомъ, въ которой архіепископъ Антоній говоритъ, что онъ меня «давно знаетъ», но на самомъ дѣлѣ мы и доселѣ другъ-друга въ глаза никогда не видѣли и не знаемъ прошлаго другъ-друга, итакъ, спрашивается, если бы я былъ на самомъ дѣлѣ таковымъ, каковымъ выставляютъ меня имяборцы, понося меня ради открытой защиты мною имени Господня, чтобы съ осужденіемъ защитника религіознаго убѣжденія охулить въ глазахъ общественнаго мнѣнія и защищаемое имъ исповѣданіе,—если бы все это было такъ, то далъ ли бы я по своему собственному побужденію такую расписку и отказался ли бы я отъ предложенія возвратиться въ скитъ? Развѣ возвращеніе съ почетомъ въ скитъ, откуда я былъ съ поношеніемъ удаленъ, не открывало мнѣ дверей къ еще болѣе широкой пропагандѣ и ко всякимъ интригамъ среди братіи противъ игумена, если бы я имѣлъ, какъ въ томъ заподозрѣваетъ меня архіепископъ Никонъ, намѣреніе захватить власть и самому сдѣлаться игуменомъ. Если бы

Библиотека "Руниверс"

я былъ коварнымъ интриганомъ, то неужели я такъ легко отказался бы отъ случая использовать грубость и ошибку Іеронима, которую онъ сдѣлалъ, удаливъ меня изъ скита. Если бы я былъ злобенъ и имѣлъ вражду противъ него, не постарался ли бы я передъ властями принести жалобу на несправедливость Іеронима и искать отместки. Если бы я страдалъ сребролюбіемъ, то оставилъ ли бы я въ скиту всѣ крупныя суммы, которыя присылала на мое имя матушка и которыми я не пользовался, и всѣ драгоцѣнныя пожертвованія, которыя я сдѣлалъ въ скитъ?

Итакъ, эта одна расписка для внимательнаго читателя должна ясно показать, сколь противоположенъ духъ мой тому духу, который приписываютъ мнѣ мои противники.

IV.

Продолжая свое повѣствованіе о аѳонскихъ событіяхъ, происшедшихъ въ августѣ—ноябрѣ 1912 года, о. Климентъ пишетъ: «Поселившись на Благовѣщенской келіи, о. Булатовичъ почувствовалъ полную свободу дѣйствій въ своей пропагандѣ и, подстрекаемый имябожникомъ настоятелемъ келіи (какая ложь), продолжалъ пропагандировать свое ученіе съ большей прежняго ревностію... Вліяя на обители, Булатовичъ... старался увлечь за собою Андреевскій скитъ чрезъ посредство своихъ агентовъ, которые, якобы, «тайно бѣгали къ нему», носили въ скитъ его «прокламаціи» и «вербовали на его сторону», но, несмотря на это, «въ скиту было спокойно»...

Затѣмъ о. Климентъ сообщаетъ о послѣдовавшемъ осужденіи патріархомъ Іоакимомъ книги о. Иларіона, которую тотъ, якобы, разсмотрѣлъ «синодально» и якобы прислалъ о семъ грамоту за печатью и подписью, чего тоже не было, ибо патріархъ прислалъ о семъ лишь циркуляръ, подписанный не имъ, а правителемъ его канцеляріи, въ которомъ его собственноручной подписи не было, а только стояло: «Константинопольскій во Христѣ молитвенникъ». Въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый знающій по-гречески, ибо фотографическіе снимки съ этого циркуляра были напечатаны въ «Русскомъ Инокѣ» въ ноябрѣ 1912 г. и въ другихъ изданіяхъ имяборцевъ. Что этотъ циркуляръ не былъ грамотой, свидѣтельствуетъ и его форма, въ которой отсутствовалъ обычный заголовокъ: «Мы, Божіей милостью».

Далѣе о. Климентъ сообщаетъ, что «Булатовичъ перетолковалъ грамоту по-своему» и «выпустилъ прокламацію». Сообщаетъ дальше, что имябожники въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ «систематически и тайно» подъ руководствомъ о. Булатовича готовились къ бунту. Затѣмъ говоритъ, что «Булатовичъ принималъ рѣшительныя мѣры увлечь въ свою ересь не только все братство скита, но и самого игумена Іеронима. Съ этой цѣлью онъ ему прислалъ

Библиотека "Руниверс"

свою прокламацію. «Новое бѣсословіе имяборцевъ». Дальше о. Климентъ говоритъ, что, несмотря на мои рѣшительныя мѣры и несмотря на «подстрекательство» и «вербовку» «моихъ агентовъ», въ Андреевскомъ скиту «насчитывалось всего не болѣе двухъ десятковъ «сторонниковъ новаго догмата». Такимъ образомъ, изъ 372 иноковъ наличнаго состава скита оказалась въ концѣ концовъ толпа всего въ два десятка человѣкъ, по утвержденію самого о. Климента, которая къ ноябрю мѣсяцу была собрана мною путемъ пропаганды.

Спрашивается, какимъ же образомъ эта самая горсть, состоявшая въ ноябрѣ мѣсяцѣ только изъ двухъ десятковъ человѣкъ, могла возрасти къ январю того же года до 302 человѣкъ, которые и игумена изгнали, и наперсника его о. Климента поколотили? О. Климентъ весьма наивно объясняетъ это тѣмъ, что въ половинѣ ноября о. Іеронимъ уѣхалъ на скитскій хуторъ (метоху), а изъ метохи прибылъ въ скитъ архимандритъ Давидъ, къ которому стали бѣгать сторонники Булатовича, и тотъ одобрялъ дѣйствія мои и одобрялъ мои сочиненія-«прокламаціи». Но вѣдь всѣхъ сторонниковъ было только два десятка, слѣдовательно, только эти два десятка и бѣгали къ о. Давиду. Дальше о. Климентъ говоритъ, что мною тогда былъ организованъ цѣлый комитетъ для подготовки бунта и что этотъ комитетъ былъ принятъ подъ высокое покровительство о. Давида, а «секретаремъ его» о. о. Булатовичъ поставилъ библіотекаря о. Петра, и что этотъ комитетъ сталъ дѣятельно вербовать «недовольныхъ начальствомъ» и, пользуясь отсутствіемъ игумена, сталъ ради возбужденія братіи въ защиту имени Божія читать въ положенное для поученій время тѣ творенія св. отцовъ, въ коихъ говорилось объ имени Божіемъ и высказывались святыми отцами, какъ, напримѣръ, Димитріемъ Ростовскимъ, мысли, тождественныя съ мыслями имябожниковъ, отчего и произошло волненіе въ скиту. Но однако, какъ говоритъ Климентъ, дѣла комитета по устройству «бунта» и вербовки противниковъ Іеронима—«шли неуспѣшно». Но тогда, если еще въ декабрѣ всѣ старанія и коварства Булатовича и Давида съ цѣлымъ комитетомъ были не успѣшны, то какимъ образомъ вдругъ къ январю мѣсяцу братія такъ возмутилась, что немедленно же по прибытіи Іеронима съ метохи почти единогласно низложила его съ игуменства.

О. Климентъ объясняетъ событіе тѣмъ, что въ декабрѣ была подкинута имябожниками какая-то «крамольная бумага», въ которой извѣщалось, что «во время ужина ударятъ въ тарелки, и вслѣдъ за симъ начнется избіеніе всѣхъ сторонниковъ Іеронима», что эта крамольная бумага навела на всю братію такой страхъ, что всѣ бывшіе дотолѣ на сторонѣ Іеронима иноки, убоявшись этихъ колотушекъ, перешли на сторону Булатовича и сдѣлались они ни съ того ни съ сего убѣжденными сторонниками его и такими упорными и неустрашимыми защитниками «новаго догмата», что не убоялись никакихъ угрозъ ни патріарха, ни архіепископа Никона, но пред-

Библиотека "Руниверс"

почли претерпѣть и всякія гоненія, нежели согласиться на требованіе архіепископа Никона подписаться подъ синодальнымъ посланіемъ и вновь принять игумена Іеронима и подчиниться ему. Несуразность этого описанія очевидна, и о. Климентъ по обыкновенію что-то умалчиваетъ и, не умѣя гладко сочинять, просто самъ запутался.

Самъ Климентъ сознается, что сторонниковъ у меня въ скиту почти не было. Перечислю тѣхъ лицъ Андреевскаго скита, которыя посѣщали меня. Въ августѣ и сентябрѣ — не помню ни одного, кромѣ послушника Филиппа, который мнѣ раньше отчасти келейничалъ и котораго за это тоже изгнали. Когда у меня заболѣли глаза, то я послалъ за однимъ братомъ, у котораго было какое-то особое средство для глазъ, но тотъ самъ не рѣшился прійти ко мнѣ и пошелъ просить разрѣшеніе у игумена. Но о. Іеронимъ строго запретилъ ему ходить ко мнѣ, говоря: «Антоній еретикъ и къ нему ходить не смѣй». Въ октябрѣ, послѣ выхода циркуляра патріарха, запрещавшаго чтеніе книги «На горахъ Кавказа», о. Іеронимъ началъ ревностно преслѣдовать тѣхъ, о коихъ ему доносили его наперсники, что они имѣютъ эту книгу или одобряютъ ее. Онъ сталъ призывать къ себѣ тѣхъ иноковъ, которые были извѣстны своей внимательной подвижнической жизнью и занимались молитвой Іисусовой, и требовалъ отъ нихъ, чтобы они ему немедленно отдали книгу и сожигалъ ее, при этомъ онъ входилъ съ иноками въ бесѣды о имени Господнемъ. Вотъ эти-то бесѣды и вывели братію изъ ея духовнаго покоя. Первое столкновеніе у о. Іеронима произошло съ монахомъ Исаіей, который болѣе другихъ былъ искусенъ въ дѣланіи Іисусовой молитвы. Исаія возмутился словами игумена и наотрѣзъ отказался отъ единомыслія съ нимъ. Затѣмъ произошли столкновенія по этому же поводу у о. Іеронима съ монахами Порфиріемъ — писаремъ, послушникомъ Никитой—писаремъ, послушникомъ Даніиломъ и еще нѣкоторыми другими. Даніилъ рѣзко отвѣтилъ игумену, что не отступится отъ вѣры во имя Господне, несмотря ни на какія угрозы. Тогда игуменъ рѣшилъ изгнать его, но Даніилъ отказался уходить изъ скита и потребовалъ суда надъ собой соборныхъ старцевъ. Игуменъ этотъ судъ избрать не рѣшился, но сталъ притѣснять Даніила всякими другими мѣрами преслѣдованія, которыя были въ его власти. Все это вызвало негодованіе братіи и внушило убѣжденіе въ томъ, что игуменъ впалъ въ ту же ересь, въ которую впалъ о. Алексѣй на Ѳиваидѣ, и не признаетъ Божества имени Іисусова, или, какъ они сокращенно выражались, «не признаетъ Іисуса». Этому всему содѣйствовала ревностная дѣятельность андреевскихъ полуинтеллигентовъ, наперсниковъ Іеронима іеромонаха Меркурія и монаха Климента. Первый громогласно убѣждалъ братію, что имя Іисусъ есть меньшее всѣхъ прочихъ именъ, ибо недавно только наречено ангеломъ и есть только простое человѣческое имя; а Климентъ, проповѣдуя номинальность именъ Бо-

Библиотека "Руниверс"

жіихъ, говоритъ, что имя Божіе такъ же относится къ Богу, какъ, напримѣръ, ряса—къ монаху: «одну снялъ, другую надѣлъ», а существо Божіе якобы совершенно не соотвѣтственно своему имени и не связано неотдѣлимо съ нимъ.

Вотъ тогда-то и начались болѣе частыя посѣщенія меня братіей. Но, однако, все-таки очень мало кто приходилъ ко мнѣ. Такъ, напримѣръ, отецъ Петръ, котораго о. Климентъ называетъ секретаремъ бунтовщическаго комитета и моимъ ставленникомъ, за все время моего пребыванія на келіи Благовѣщенія пришелъ ко мнѣ только одинъ разъ. Пришелъ онъ именно по случаю той «крамольной бумаги», въ которой провозглашалось, чтобы за ужиномъ по сигналу удара въ тарелки бить сторонниковъ Іеронима. Эту крамольную бумагу о. Климентъ приписываетъ намъ, или, вѣрнѣе, мнѣ, но мы съ совершеннымъ убѣжденіемъ приписываемъ эту бумагу нашимъ противникамъ и по почерку догадываемся, кто ее написалъ. Цѣль этой бумаги была провокаторская, чтобы ею вызвать безпорядокъ въ скиту, имѣть основаніе потребовать содѣйствія полиціи, обжаловать неугодныхъ о. Клименту лицъ въ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ и передать ихъ власти, которая бы выселила ихъ въ Россію. Эта воистину «крамольная бумага» такъ смутила дѣятельныхъ защитниковъ имени Божія, что они, предвидя бѣдственныя послѣдствія этой провокаціи, поспѣшили предупредить братію, чтобы она не вѣрила ей, ибо она написана самими нашими врагами, и совѣтовали къ ужину не ходить. Затѣмъ о. Петръ съ о. Викториномъ пришли ко мнѣ, чтобы пожаловаться на коварство враговъ и просить совѣта и помощи, ибо стало уже извѣстно, что о. Меркурій ходилъ нѣсколько разъ къ начальнику полиціи жаловаться ему на бунтовщическія дѣйствія нѣкоторыхъ братій скита, которые, пользуясь отсутствіемъ игумена, затѣваютъ противъ него бунтъ. Я посовѣтовалъ о. Петру немедленно же итти къ начальнику полиціи, показать ему эту бумагу и раскрыть ему умыселъ противниковъ, и я самъ пошелъ съ ними, и мы объяснили все начальнику полиціи. Братія къ ужину не пошла, и такимъ образомъ не удалось. Въ концѣ октября приходилъ ко мнѣ секретарь о. Георгій и, увидавъ полученное мною отъ Іеронима открытое письмо, которое приводитъ въ своемъ сочиненіи о. Климентъ и въ которомъ о. Іеронимъ отрекается отъ единомыслія съ той самой статьей о почитаніи имени Божія, которая съ его собственнаго благословенія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ была напечатана въ скитскомъ журналѣ, возмутился этимъ и попросилъ дать ему это письмо, дабы показать его братіи скита. Братія скита сдѣлала съ этого письма фотографическій снимокъ. Во время отсутствія Іеронима меня посѣтило около десятка братій, которые скорбѣли о томъ, что ихъ игуменъ прельстился новыми идеями, недоумѣвали, что имъ дѣлать, и собирались даже покинуть скитъ и ѣхать въ Россію, другіе считали необходимымъ смѣнить игумена

Библиотека "Руниверс"

Іеронима, пользуясь на то своимъ правомъ перемѣны игумена простымъ большинствомъ голосовъ. Я вполнѣ сочувствовалъ этому послѣднему намѣренію, но активно поддерживать въ этомъ братію отнюдь не могъ и, напротивъ, самъ собирался покинуть Святую гору и 30-го декабря долженъ былъ сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать въ Аѳины для перевода на греческій языкъ и напечатанія моего новаго богословскаго труда: «Апологія вѣры во имя Божіе и во имя Іисусъ», а также для напечатанія брошюрки, озаглавленной «Слава Божія есть Іисусъ», въ которой излагались кратко сущность спора за имя Божіе и главное наше положеніе и подтвержденіе ихъ словами св. отцовъ.

Каковы же были мои сношенія съ Пантелеймоновскимъ монастыремъ? Эти сношенія, которыхъ раньше совершенно почти не существовало, сдѣлались сравнительно болѣе живыми, чѣмъ въ Андреевскомъ скиту. Посѣщалъ меня довольно часто одинъ мой духовный другъ, который и прежде часто бывалъ у меня, о. Іовъ, одинъ изъ редакторовъ журнала Пантелеймоновскаго монастыря.

Мой вынужденный уходъ изъ скита за имя Господне покрылъ меня нѣкоторымъ ореоломъ въ глазахъ тѣхъ, которые были преслѣдуемы въ Ѳиваидѣ, и единомышленниковъ ихъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, и поэтому ко мнѣ стали приходить скитяне и нѣкоторые монастырскіе иноки, которыхъ я раньше не зналъ. Такихъ лицъ я помню 5 или 6 изъ скита и столько же изъ монастыря. Однажды посѣтилъ меня глубокій старецъ Мартиніанъ, тотъ самый, который впервые обличилъ неправомысліе о. Хрисанѳа. Но главные дѣятели «бунта» въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, которыхъ потомъ съ такимъ усиліемъ искали схватить власти во время прибытія карательной экспедиціи архіепископа Никона и которыхъ такъ рѣшительно не выдавала братія, а именно о. Ириней и другіе старцы, ни разу у меня не были и въ перепискѣ со мною не находились, и я ихъ впервые узналъ только тогда, когда послѣ 50-дневнаго заключенія въ Одессѣ ихъ выпустили на свободу и я встрѣтилъ ихъ въ Петроградѣ. Изъ этого совершенно неопровержимо слѣдуетъ, что утвержденіе о. Климента, будто я подготовилъ бунтъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, — есть плодъ его фантазіи.

Въ августѣ пришелъ меня посѣтить электротехникъ Пантелеймоновскаго монастыря схимонахъ Досиѳей, у котораго потомъ 26-го августа произошло столкновеніе съ игуменомъ Мисаиломъ, которое и перенесло волненіе изъ Ѳиваиды въ Пантелеймоновскій монастырь. Послѣ отъѣзда епископа Трифона Агаѳодоръ задумалъ лукавымъ образомъ заставить всю братію подписаться подъ составленнымъ аѳонскими интеллигентами-имяборцами исповѣданіемъ недостопоклоняемости имени Божія. 20-го августа на соборѣ старцевъ Пантелеймоновскаго монастыря это исповѣданіе, весьма хитро напи-

Библиотека "Руниверс"

санное, начинавшееся съ повторенья символа вѣры, къ которому въ конецъ незамѣтно добавлялось, что имя Божіе недостопоклоняемо, было прочитано игуменомъ и предложено старцамъ для принятія и подписи. Никто изъ старцевъ разобраться въ этомъ исповѣданіи не могъ, но, слыша слова символа вѣры и не замѣчая лукавой вставки, они единогласно согласились и подписались. Затѣмъ о. Мисаилъ сталъ призывать къ себѣ сначала старшихъ братій монастыря по очереди и въ присутствіи намѣстника прочитывалъ имъ новое исповѣданіе, показывалъ подписи старцевъ и предлагалъ немедленно подписаться, причемъ его предупреждали, что въ случаѣ отказа онъ долженъ будетъ покинуть монастырь. Такимъ образомъ было собрано около сотни подписей. Когда же очередь дошла до о. Досиѳея, то онъ наотрѣзъ отказался подписаться подъ этимъ актомъ, не разсмотрѣвъ внимательно его содержаніе у себя въ келіи. Ему въ этомъ отказали и пригрозили изгнаніемъ, но такъ какъ о. Досиѳей стоялъ на своемъ и былъ человѣкомъ въ обители очень нужнымъ, то въ концѣ концовъ уступили и дали ему копію съ акта. Не надѣясь на свои силы, о. Досиѳею пришла мысль посовѣтоваться со мною, и онъ поспѣшилъ въ келію Благовѣщенія, гдѣ, прочтя актъ, мы увидали лукаво скрытую въ немъ отраву. По просьбѣ Досиѳея я написалъ разборъ акта и мои возраженія на него. О. Досиѳей передалъ о. игумену мой разборъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ заявлялъ, что онъ подписать акта не можетъ, что вызвало такой гнѣвъ пантелеймоновскихъ властей противъ о. Досиѳея, что онъ, чтобы избѣгнуть угрожавшихъ ему каръ, долженъ былъ бѣжать изъ монастыря въ одномъ только подрясникѣ, оставивъ на произволъ судьбы все свое имущество, которое и было расхищено и уничтожено. О. Досиѳей скрылся въ келію Благовѣщенія. Вотъ это-то событіе, которое не могло остаться неизвѣстнымъ, и обличило ересь Агаѳодора и Мисаила передъ всѣми простецами, не интересовавшимися до того происходившимъ на Святой горѣ споромъ. Всѣ проникли въ коварный умыселъ Агаѳодора, который хотѣлъ заставить весь монастырь обманнымъ и принудительнымъ образомъ подписаться подъ извращеннымъ исповѣданіемъ вѣры. Вотъ гдѣ первая и главная причина тѣхъ смутъ, которыя произошли въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и которыя офиціально объяснялись потомъ якобы желаніемъ кучки имябожниковъ захватить власть, капиталы, малороссійскимъ сепаратизмомъ и, наконецъ, какъ объясняетъ о. Климентъ, систематической агитаціей о. Булатовича.

Несомнѣнно, что я сочувствовалъ той ревности въ защитѣ Божественнаго достоинства имени Господня, которую проявляла братія на Святой горѣ, но дальше этого сочувствія я не шелъ. Конечно, я открыто высказывалъ мои порицанія имяборцамъ, открыто обличалъ и словесно и письменно еретичность ихъ мнѣній, взывалъ къ суду церкви,

Библиотека "Руниверс"

но какой-либо агитаціи противъ игуменовъ я совершенно былъ чуждъ и совершенно чистъ отъ тѣхъ дѣйствій, которыя мнѣ приписываетъ о. Климентъ. Напротивъ, я употреблялъ всѣ силы, дабы умиротворить Аѳонъ и добиться законнымъ путемъ, путемъ судебнаго разбора и слѣдствія церковной власти торжества истины. Свидѣтелями да будутъ и всѣ тѣ сочиненія, которыя мною были написаны, и которыя о. Климентъ такъ клеветливо называетъ—«прокламаціями». Кромѣ уже названныхъ трехъ моихъ сочиненій, которыя были написаны до августа 1912 года, по переходѣ на Благовѣщенскую келію мною былъ написанъ разборъ рецензіи Хрисанѳа на двухъ листахъ (27 страницахъ) и отгектографированъ въ двухъ или трехъ десяткахъ экземпляровъ для посылки въ Россію нѣкоторымъ богословамъ и нѣкоторымъ іерархамъ, для передачи моимъ противникамъ въ Аѳонѣ, и моимъ единомышленнымъ друзьямъ. Написанный мною разборъ исповѣднаго акта Пантелеймоновскаго монастыря на 8 страницахъ былъ отгектографированъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ мною было написано возраженіе на письмо греческаго монаха Каллиника, въ которомъ онъ осуждалъ мнѣніе о. Иларіона и которое было напечатано имяборцами въ «Русскомъ Инокѣ». Наконецъ разборъ статьи о. Хрисанѳа, которая тоже была напечатана въ «Русскомъ Инокѣ», озаглавленный: «Новое бѣсословіе имяборцевъ», а также брошюрка: «Истина объ истинѣ» съ катехизическимъ изложеніемъ въ вопросахъ и отвѣтахъ сущности ученія о имени Божіемъ и печатный текстъ поданной нами въ Святѣйшій Синодъ жалобы на архіепископа Антонія, въ которой мы обвиняли его въ ереси варлаамитской, и открытое гектографированное письмо отъ имени иноковъ ѳиваидскихъ, которое было послано мною въ маѣ мѣсяцѣ епископу Антонію Храповицкому. Былъ еще напечатанъ мною разборъ патріаршаго циркуляра. Вотъ всѣ тѣ мои гектографированныя сочиненія, которыя о. Климентъ называетъ «прокламаціями». Припоминаю еще одинъ листокъ подъ заглавіемъ: «Величитъ душа моя Господа», который написанъ для келіи Благовѣщенія, а о. Парфеніемъ посланъ въ духовную цензуру, которой былъ разрѣшенъ въ печати и вошелъ въ число тѣхъ листковъ съ разными благочестивыми и нравоучительными поученіями, которыя разсылались въ письмахъ къ благодѣтелямъ о. Парфеніемъ. Что же общаго съ прокламаціями о. Климентъ нашелъ въ этихъ моихъ сочиненіяхъ, содержаніе которыхъ—тонкій богословскій разборъ тонкихъ и неуловимыхъ мнѣній не только для толпы, но и для людей образованныхъ, но не богословски.

Никому и въ голову не придетъ назвать такія сочиненія «прокламаціями». Впрочемъ, психологически это именованіе моихъ сочиненій моими духовными противниками объясняется тѣмъ, что яркость и истинность обличенія ихъ неправомыслія была столь явна изъ приводимыхъ мною текстовъ Св. Писанія и св. отцовъ, что,

Библиотека "Руниверс"

по словамъ Писанія: «Не обличай безумнаго, да не возненавидитъ тебя», эти обличенія возбуждали въ нихъ гнѣвъ и тревогу и опасенія въ томъ, что ересь ихъ сдѣлается явна для каждаго простеца. Не этимъ ли объясняется и тотъ гнѣвъ, который проявилъ по отношенію ко мнѣ архіепископъ Антоній Храповицкій, что, не зная меня въ лицо, не имѣя никакого знакомства ни съ моимъ прошлымъ, ни съ моимъ настоящимъ, назвалъ меня въ письмѣ къ о. Іерониму «мерзавцемъ» и затѣмъ это письмо впослѣдствіи напечаталъ въ книжкѣ, изданной Андреевскимъ скитомъ...

Итакъ, первый сильный толчокъ къ возмущенію противъ игумена братіи Пантелеймоновскаго монастыря былъ поданъ исповѣднымъ актомъ о недостопоклоняемости имени Господня. Второй толчокъ былъ данъ тѣми происками, которые употребилъ Пантелеймоновскій монастырь для того, чтобы добиться запрещенія книги «На горахъ Кавказа». Ради этого, а также ради того, чтобы добиться изгнанія меня патріархомъ со Святой горы, былъ посланъ въ Константинополь особый посланецъ отъ Пантелеймоновскаго монастыря— іеромонахъ Кирикъ. Перваго онъ добился, а второго нѣтъ, и вскорѣ привезъ на Аѳонъ циркуляръ патріарха, запрещавшій чтеніе книги «На горахъ Кавказа». Братіи сдѣлалось извѣстнымъ отъ одесскихъ и константинопольскихъ собратій, какими окольными путями это запрещеніе было достигнуто. Стало извѣстно израсходованіе крупныхъ суммъ, покупка 300 фунтовъ зернистой икры, которые посланы въ Царьградъ изъ Одессы. Это побуждало братію пожелать, чтобы надъ расходованіемъ монастырскимъ суммъ былъ установленъ контроль и касса изъ единоличнаго распоряженія ею игуменомъ была поручена для храненія выборнымъ старцамъ. Но главнымъ образомъ братія желала имѣть такого игумена, которому она со спокойной совѣстью могла бы ввѣрить пастырство надъ своими душами, и потому требовала, чтобы игуменъ Мисаилъ или согласился съ исконнымъ пониманіемъ Божества имени Божія, или уступилъ свое игуменство другому лицу. 23-го января желаніе братіи осуществилось. На соборѣ всей братіи въ присутствіи вице-консула Щербины о. Ириней отъ лица всѣхъ предложилъ игумену подписаться подъ составленнымъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ новымъ исповѣданіемъ имени Божія, на что о. Мисаилъ согласился, подписалъ и уничтожилъ прежній актъ отъ 20 августа 1912 года о недостопоклоняемости имени Божія. На этомъ же соборѣ было рѣшено, что о. Мисаилъ передастъ завѣдываніе кассой 4 лицамъ, которыя будутъ имѣть контроль надъ всѣми расходами. Заправила монастыря о. Агаѳодоръ, какъ личность особенно вредная, былъ высланъ братіей изъ монастыря въ скитъ Ѳиваиду и на нѣкоторое время лишенъ права духовенства. Также подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ, состоявшимъ главнымъ образомъ въ посылкѣ на послушаніе на монастырскіе хутора, и другіе главные дѣятели

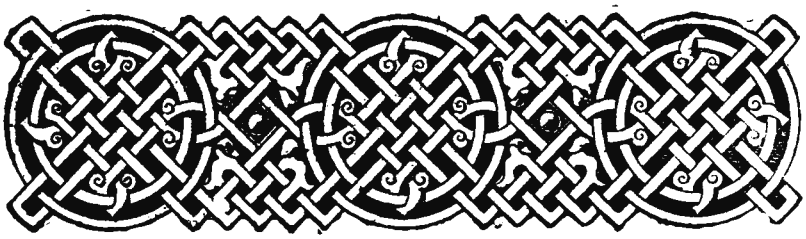
Библиотека "Руниверс"

имяборства, полуинтеллигенты Леонъ, Кирикъ, Пинуфрій и еще нѣсколько лицъ, именъ коихъ не помню. Всего, кажется, 7 или 8 человѣкъ. Радость въ монастырѣ о состоявшемся примиреніи и о торжествѣ истины была столь велика, что братія христосовалась между собою, какъ въ свѣтлый праздникъ Пасхи и служила въ церкви пасхальную службу, пѣли «Христосъ Воскресе», и радость эта охватила не только имяславцевъ, но и самого игумена Мисаила. Но, увы, эта радость продолжалась недолго. Ибо вскорѣ, благодаря проискамъ о. Іеронима и поддержкѣ, которой онъ достигъ со стороны нашего посольства въ Константинополѣ, противъ Андреевскаго скита были приняты крайнія репрессивныя мѣры; въ связи съ ними противъ насъ вооружили и соборъ представителей греческихъ монастырей на Святой горѣ, которымъ безъ всякаго суда и слѣдствія Андреевскій скитъ былъ объявленъ находящимся въ ереси, а братія, не желавшая принять обратно своего игумена, котораго, пользуясь своимъ правомъ, она смѣнила большинствомъ голосовъ, была объявлена крамольниками, бунтовщиками и подвергнута блокадѣ, т. е. лишена права пользоваться почтой, получать корреспонденцію, получать товары и продовольствіе, прибывающіе на пароходѣ или на баркасѣ изъ Россіи и изъ Македоніи, и т. п. Эти мѣры такъ устрашили о. Мисаила, что онъ поспѣшилъ отречься отъ своего исповѣданія и въ слезномъ письмѣ къ архіепископу Антонію Храповицкому раскаивался въ своемъ малодушіи и просилъ прощенія. Это письмо было напечатано архіепископомъ Антоніемъ въ «Русскомъ Инокѣ» и въ «Колоколѣ». Видя измѣну о. Мисаила, братія снова возмутилась противъ него и стала требовать его смѣны, что въ концѣ концовъ привело ко всѣмъ извѣстнымъ событіямъ: прибытію архіепископа Никона, канонерки, двухъ ротъ солдатъ съ пулеметами, бомбардированію въ упоръ въ теченіе часа и «ураганнымъ огнемъ» изъ пожарной кишки, избіенію прикладами, пораненію штыками, вывозу въ Россію, переодѣванію въ мірское платье и въ еврейскія ермолки и въ пиджаки въ Одессѣ, разсылкѣ по этапу на мѣста приписки, держанію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ заключеніи главныхъ «главарей»... Но какъ видите, не плодомъ моей систематической дѣятельности явилось все это, но плодомъ неразумія игуменовъ Мисаила и Іеронима. А что это именно такъ, то доказательствомъ служитъ то, что въ Ильинскомъ скиту и во всѣхъ другихъ русскихъ обителяхъ Аѳона сохранилось полное спокойствіе. Почему? Потому что начальники ихъ не были такъ ретивы не по разуму и такъ легкомысленны, какъ о. Іеронимъ и о. Мисаилъ, и не возмутили духовнаго чувства простецовъ своими выходками противъ имени Господня.

Іеросхимонахъ Антоній (Булатовичъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Библиотека "Руниверс"



ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ.

(Самарская легенда).

ЭТО БЫЛО очень давно... Но память еще и теперь живетъ въ народѣ, есть даже живые свидѣтели того событія, о которомъ мы хотимъ разсказать. Случилось это въ глухомъ углу Б—скаго уѣзда Самарской губ. Жилъ-былъ богатый и знатный баринъ Петръ Яковлевичъ; земли у него было столько, что его владѣнія тянулись на 20 слишкомъ верстъ; жилъ онъ широко, былъ добръ и щедръ, и всѣ его любили. Будучи вдовцомъ, онъ женился вторично на бойкой, энергичной и самовластной особѣ; звали ее Марьей Алексѣевной. Всѣ ея желанія безпрекословно исполнялись; она поработила умъ и сердце престарѣлаго Петра Яковлевича, не думавшаго, конечно, что онъ откармливаетъ на груди своей змѣю, которая его задушитъ.

А произошло это такъ: въ знойный тихій лѣтній вечеръ Петръ Яковлевичъ сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ въ нижнемъ этажѣ своего обширнаго дома и съ старческою грустью смотрѣлъ на заходящее солнце; ничто, кажется, не нарушало тишины и покоя разстилавшейся передъ его глазами необъятной степи, и вотъ, когда уже Петръ Яковлевичъ, подумывалъ о снѣ, вниманіе его привлекли двѣ-три точки, приближавшіяся къ усадьбѣ и постепенно обозначавшіяся въ лошадей съ повозками и трехъ людей; ихъ вскорѣ окружила многочисленная барская дворня, слышались переговоры и просьбы. Этотъ шумъ привлекъ вниманіе Петра Яковлевича; онъ поинтересовался узнать, кто такіе пріѣзжіе и куда они отпра-

Библиотека "Руниверс"

вляются. Оказалось, что это были однодворцы: отецъ и три сына. Всѣ они были приглашены въ барскій домъ и размѣстились по удобнымъ барскимъ комнатамъ; изъ разговоровъ со старикомъ-однодворцемъ Петръ Яковлевичъ узналъ, что онъ бѣдный однодворецъ Рязанской губерніи, вдовецъ съ тремя сыновьями, пробирается на лучшія земли, такъ какъ на родинѣ, на рѣкѣ Пронѣ (въ Пронскомъ уѣздѣ), мать-земля, кормилица плохо кормитъ. Петру Яковлевичу понравились и старикъ, крѣпкій, здоровый и румяный, и три его молодца-сына, въ особенности одинъ изъ нихъ, Семенъ, разудалый, красивый и умный дѣтина. Пожили однодворцы у Петра Яковлевича съ недѣлю и совсѣмъ его обворожили своей красотой, силой и удалью, а Семенъ превзошелъ всѣхъ: онъ мѣтко стрѣлялъ изъ ружья, вихремъ скакалъ на барскихъ жеребцахъ, гребъ веслами за десятерыхъ, чудно пѣлъ и покорилъ сердца не только всѣхъ сѣнныхъ дѣвушекъ, но и самой Марьи Алексѣевны. Петръ Яковлевичъ рѣшилъ пристроить гостей въ своихъ владѣніяхъ и, поселивъ старика съ старшими сыновьями въ недальнемъ своемъ имѣньицѣ Топоринѣ, младшаго, Семена, оставилъ при себѣ въ качествѣ доѣзжачаго. Семенъ скоро совсѣмъ освоился въ богатомъ барскомъ помѣстьи; порученная ему обязанность мало его удовлетворяла, тѣмъ ближе, что Петру Яковлевичу на старости лѣтъ рѣдко приходилось охотиться, и Семенъ, пристрастившись къ картежной игрѣ и пирамъ, сталъ рѣдко бывать дома, все катался по сосѣдямъ и кутилъ. Думая его остепенить, Петръ Яковлевичъ женилъ его на своей воспитанницѣ, но бракъ былъ неудачный, да и воспитанница вскорѣ умерла, также и второй бракъ на сосѣдней помѣщицѣ не привелъ къ желанному результату, и Семенъ, желая постоянно обладать большими суммами денегъ, склонилъ на связь съ собой Марью Алексѣевну, которая давно уже заглядывалась на красиваго и статнаго однодворца, и Семенъ сталъ послѣ этого смѣлѣе, еще разнузданнѣе, еще расточительнѣе. Жалѣла вся дворня стараго и добраго барина Петра Яковлевича, съ сожалѣніемъ смотрѣла, какъ Семенъ заганивалъ барскихъ лошадей, дѣлая на нихъ чуть ли не по сто верстъ въ три часа, какъ сорилъ повсюду барскими деньгами, какъ даже распоряжался участью дворовыхъ людей, но не смѣли ничего сказать, боясь гнѣва Марьи Алексѣевны, которая оставалась единственной владычицей и наслѣдницей послѣ смерти Петра Яковлевича. Однако и самъ Петръ Яковлевичъ, какъ ни былъ старъ и слабъ (ему было уже около 80 лѣтъ), не могъ не видѣть мотовства Семена и, любя своихъ крестьянъ и дворовыхъ, задумалъ обмежевать всю свою землю, поставить границы въ видѣ каменныхъ столбовъ и завѣщать ее всю крестьянамъ, помимо Марьи Алексѣевны. Но женщины любопытны и хитры. Марья Алексѣевна проникла въ тайные замыслы своего престарѣлаго супруга и рѣшила принять противъ ихъ осуществленія рѣшительныя мѣры. Она передала обо всемъ Семену, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый и посовѣтовалъ избавиться отъ Петра Яковлевича, отравивъ его ядомъ. Дѣло было рѣшено. Въ одинъ изъ чудныхъ майскихъ вечеровъ 1824 г. Марья Алексѣевна сама налила Петру Яковлевичу стаканъ чаю и влила изъ завѣтнаго графинчика туда отраву. Марья Алексѣевна и Семенъ заторопились съ похоронами; надо было уговорить священника, который вскорѣ согласился отпѣть и похоронить Петра Яковлевича. Дьячокъ, зная о преступленіи, не рѣшился сдѣлаться сообщникомъ злодѣянія и сказался трудно больнымъ. Петръ Яковлевичъ былъ зарытъ въ полугорѣ, близъ церкви, служившей и хорошимъ пастбищемъ. Дня черезъ три послѣ похоронъ пастухъ Флоръ Фокѣевъ пасъ барское стадо близъ могилы Петра Яковлевича и услыхалъ въ ней страшный шумъ, чѣмъ былъ очень встревоженъ; онъ бросилъ свое стадо и кинулся на барскій дворъ сообщить ужасную вѣсть, что баринъ ворочается въ могилѣ. Доложили барынѣ, но Марья Алексѣевна расправилась съ нежеланнымъ вѣстникомъ; она сначала велѣла его выпороть, потомъ поставила на ледъ голыми ногами, привязала къ столбу и морила голодомъ, но, видно, шила въ мѣшкѣ не утаишь; вѣсть о баринѣ, зарытомъ живымъ въ могилу, быстро разнеслась по округѣ и достигла тогдашнихъ дореформенныхъ судовъ. Наряжено было нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, пріѣхалъ сначала судъ изъ города Оренбурга, округу котораго была подвѣдомственна эта часть Б—го уѣзда, наѣхала масса «подьячихъ», «крапивнаго сѣмени», гоголевскихъ «юрисконсультовъ» и проч., разрыли могилу Петра Яковлевича и нашли его лежащимъ внизъ лицомъ, окровавленнаго и задохшагося, всего въ испражненіяхъ. Началась безконечная волокита по судамъ, подкупы судей и подьячихъ, взяточничество, ложныя показанія, однимъ словомъ, все то, чѣмъ были богаты суды въ «доброе старое время». Оренбургскій судъ былъ замѣненъ казанскимъ, а этотъ послѣдній слѣдственной комиссіей изъ Петербурга. Марья Алексѣевна и Семенъ были арестованы и заключены въ Казани въ тюрьму. Масса имѣній осталась безъ присмотра. Въ промежутокъ между этими двумя наѣздами судовъ Марья Алексѣевна и Семенъ повѣнчались, такъ какъ и вторая жена Семена вскорѣ скончалась. Очутившись въ казанскомъ острогѣ, Семенъ сталъ уговаривать свою жену взять всю вину на себя, выгородить его и освободить съ тѣмъ, что на свободѣ ему удастся путемъ раздачи земельныхъ имуществъ затушить дѣло и освободить ее. Марья Алексѣевна согласилась. Семенъ былъ выпущенъ и, получивъ отъ жены полную довѣренность на управленіе имѣніями, сталъ задаривать судей. Дѣло было дѣйствительно затушено, но Марья Алексѣевна не дождалась свободы и умерла въ тюрьмѣ. Всю жизнь Семена, сдѣлавшагося послѣ смерти жены единственнымъ обладателемъ громаднаго наслѣдства, одолѣвали приказные, и онъ откупался отъ нихъ значительными участками, и многіе бывшіе протоколисты стали помѣщиками и дворянами. Священ-

Библиотека "Руниверс"

никъ скороталъ дни въ ссылкѣ въ Сибири, будучи разстриженъ. Нынѣ только врытая въ полугорѣ каменная желтая, грубо сдѣланная глыба напоминаетъ своей стершейся по краямъ надписью о насильственно погибшемъ Петрѣ Яковлевичѣ, изъ коей можно, однако, заключить, что онъ былъ коллежскій совѣтникъ и кавалеръ и скончался 10 мая 1824 г. Недалеко отъ могилы есть небольшая деревянная часовня, стоящая на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то церкви, и тутъ же могила другого барина, сосѣда Петра Яковлевича, не разъ корившаго крестьянъ послѣдняго за потерю добраго барина. Родъ Семена, однако, не прекратился и до сихъ поръ, но далеко не счастливъ.

О. В. Португаловъ.

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗДАННАЯ „ЗАПИСКА О ЗНАЧЕНІИ НАШИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ“ Д. В. АВЕРКІЕВА И ПИСЬМО О НЕЙ И. С. АКСАКОВА.

ВЪ 1881 году, при вступленіи на престолъ государя императора Александра III, когда, какъ это всегда бываетъ съ наступленіемъ каждаго новаго царствованія, въ нашемъ обществѣ возникли самые разнообразные слухи и начались разговоры о предстоящихъ преобразованіяхъ нашего государственнаго строя, на первый планъ былъ тогда выдвинутъ вопросъ о созывѣ земскаго собора.

По этому поводу нашимъ извѣстнымъ писателемъ Д. В. Аверкіевымъ была составлена особая обширная записка «О значеніи нашихъ государственныхъ учрежденій», въ которой онъ высказывалъ рядъ своихъ мыслей и соображеній по этому интересному вопросу. Такъ какъ записка эта по своей сущности въ тогдашнемъ «Русскомъ Вѣстникѣ» или «Московскихъ Вѣдомостяхъ» М. Н. Каткова не могла быть напечатана, какъ совершенно расходившаяся съ ultra-консервативнымъ угломъ зрѣнія ихъ издателя, то Д. В. Аверкіевъ обратился къ редактору газеты «Русь», извѣстному московскому славянофилу и публицисту, Ивану Сергѣевичу Аксакову съ просьбой напечатать статью у себя.

И. С. Аксаковъ, однако, напечатать ее не рѣшился и прислалъ Д. В. Аверкіеву пространный отвѣтъ, весьма интересный, какъ мнѣніе выдающагося въ то время общественнаго дѣятеля и пу-

Библиотека "Руниверс"

блициста по волновавшимъ тогда все русское общество и прессу вопросамъ нашей внутренней политики, который любезно переданъ въ распоряженіе редакціи вдовой покойнаго Д. В., Софіей Викторовной Аверкіевой.

Записка настолько любопытна сама по себѣ, какъ историческій документъ той эпохи, что мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ по сохранившемуся у С. В. Аверкіевой списку.

«Въ послѣднее время и въ обществѣ и въ печати велись оживленные толки и споры о государственномъ устройствѣ. При этомъ обнаружились два главныя направленія: поборниковъ коренныхъ русскихъ воззрѣній на государственный строй и поклонниковъ западнаго государственнаго порядка.

Сторонники русскаго направленія стоятъ за самобытное развитіе нашей государственности; ихъ начинаютъ называть также самодержавниками, потому что они указываютъ на самодержавіе, какъ на главенственную особенность и непремѣнное условіе нашей государственной жизни. Самодержавной является верховная власть или воля,—ибо власть, по старинному волость, означаетъ именно ту область, нравственную или физическую, гдѣ проявляется воля. Самодержавная верховная власть — неограничена, вполнѣ свободна, единолична, наслѣдственна. Она существуетъ, однако, не сама по себѣ и не для себя, но ради блага всей земли; она выросла исторически и, такъ сказать, предызбрана всею землею на такое великое дѣло. Земля предоставила ей волю рѣшать, что именно въ данномъ случаѣ должно быть сочтено за всенародное благо, но земля не отказывалась отъ мышленія о всенародномъ благѣ. Такія отношенія земли къ верховной власти точнѣе всего опредѣляются выраженіемъ, освященнымъ вѣковымъ употребленіемъ, и съ которымъ наши предки обращались къ своимъ государямъ: «такова мысль моя, а воля, государь, твоя». Мысль можетъ быть дѣльна, глубока, безкорыстна, но можетъ быть также и своекорыстна, разумѣть подъ именемъ общаго свое частное благо, имѣть въ виду только одно сословіе или людей одного настроенія. Земля вѣритъ, что для избранія земской мысли, въ данное мгновеніе отвѣчающей земскому благу, необходима воля, стоящая внѣ частныхъ интересовъ, равно высоко надо всѣми, имѣющая въ виду всенародную пользу, дѣйствительное земское благо; такой верховной власти, и только ей, земля предоставляетъ въ дѣлахъ государственныхъ рѣшающій голосъ. Власть избираетъ для утвержденія то мнѣніе, которое почитаетъ за правильное, отвѣчающее идеѣ всенародной пользы, не заботясь о томъ, раздѣляется ли оно большинствомъ, или меньшинствомъ призванныхъ на совѣтъ подданныхъ. Земля вѣритъ безпристрастію такого рѣшенія, ибо она ради того и поставила верховную власть равно высоко

Библиотека "Руниверс"

надо всѣми, и держитъ ся имя честно и грозно, то-есть относится ко власти съ величайшимъ уваженіемъ и любительнымъ страхомъ, какъ дѣти относятся къ отцу. Такова сущность живого русскаго государственнаго устройства.

Западное государственное устройство кореннымъ образомъ отличается отъ русскаго именно тѣмъ, что на мѣсто единоличной, наслѣдственной и непремѣнной верховной власти полагается множественная, преходящая и смѣняющаяся власть парламентскаго большинства. Предполагается, что это большинство въ данную минуту выражаетъ собою желаніе страны; какъ выраженіе такого желанія, мнѣніе большинства полагается священнымъ и имѣетъ властительное, самодержавное значеніе. Въ этомъ направленіи идутъ еще далѣе и признаютъ, что истинный верховный властитель есть народъ; представители же народа и власти, ими поставленныя, суть не болѣе, какъ довѣренныя лица, или приказчики, которые всегда могутъ быть смѣщены своимъ господаремъ народомъ. Отсюда пресловутое право мятежа.

Въ обоихъ случаяхъ принципъ, впрочемъ, одинъ и тотъ же: признается, что верховная власть принадлежитъ большинству. Серьезные критики парламентаризма, какъ, напримѣръ, Карлейль, видятъ его Ахиллесову пяту именно въ признаніи верховенства большинства, всюду и всегда составляемаго искусственно. Они же утверждаютъ, что въ правильно устроенномъ государствѣ необходимо сильное и незыблемое правительство, при которомъ парламентъ долженъ имѣть голосъ только совѣщательный. Вотъ причина, почему Карлейль видѣлъ въ русскомъ самодержавіи, то есть въ рѣшающей волѣ государя, залогъ народнаго благополучія.

Наши западники признаютъ западную государственную конституцію за идеалъ, пригодный для всѣхъ временъ и народовъ. На дѣлѣ, однако, конституціонная форма далеко не вездѣ сложилась исторически, изъ коренныхъ потребностей жизни; тамъ, гдѣ она имѣетъ болѣе или менѣе твердыя основы, и политическія партіи коренятся если не во всенародномъ множествѣ, то по крайности въ тѣхъ классахъ, которымъ усвояется именованіе правительственныхъ. Тамъ, гдѣ конституціонная форма заимствована, партіи имѣютъ болѣе доктринерское, чѣмъ существенное значеніе, и заботы о дѣйствительно полезномъ и необходимомъ уступаютъ стремленію доставить торжество тѣмъ или инымъ отвлеченнымъ ученіямъ.

Наши конституціоналисты, вдобавокъ, отличаются великой непослѣдовательностью. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что конституціонализмъ, или правленіе большинства, не влечетъ за собою ограниченія верховной власти, но только установленіе правовыхъ отношеній. Какого же именно рода будутъ эти правовыя отношенія, насколько они будутъ соотвѣт-

Библиотека "Руниверс"

ствовать идеѣ всенароднаго, а не сословнаго или «интеллигентнаго» блага—обычно умалчивается. Далѣе, когда заходитъ рѣчь о земскихъ соборахъ, то поборники правовыхъ отношеній начинаютъ толковать объ ихъ рѣшающемъ значеніи, то есть о правахъ парламентскаго большинства. Наконецъ, старинные земскіе соборы наши приравниваютъ къ недавно образованнымъ земствамъ, которыя не имѣютъ съ ними никакого сходства и устроены совсѣмъ по иному, западно-европейскому принципу. И вотъ воображаютъ, что стоитъ только созвать представителей земствъ, какъ и составится земскій соборъ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, что выяснилось изъ недавнихъ споровъ и толковъ. Споръ шелъ собственно о коренныхъ основахъ государственности; выясненіе ихъ значенія, конечно, весьма важно, но для стояльцевъ за русскую самобытность въ государственномъ домостроительствѣ не менѣе важна и другая сторона дѣла, а именно выясненіе, какъ осуществляются въ современной дѣйствительности основы нашей государственности. Русская государственность существуетъ не со вчерашняго дня; забота о томъ, «какъ государю лучше устроить землю», одна изъ самыхъ исконныхъ, она явилась, какъ только самодержавіе стало крѣпнуть въ Московскомъ государствѣ. Вглядимся же пристальнѣе въ дѣйствительность, разсмотримъ значеніе современныхъ государственныхъ учрежденій нашихъ, сложившихся вѣками и богатыхъ опытомъ.

Изъ самаго понятія самодержавной и неограниченной власти вытекаетъ: 1) что всѣ государственныя учрежденія наши должны быть устроены такъ, чтобы верховная власть съ безусловной свободой могла проявлять свою самодержавность и неограниченность; 2) что никакая иная власть въ Россіи не можетъ быть безотвѣтственна и самовластна.

Далѣе, изъ того же понятія слѣдуетъ, что для верховной власти существенно важно: 1) чтобы земля или государство управлялась согласно съ ея волей, выраженной въ законодательствѣ; 2) чтобы мысль всякаго закона, всякой мѣры, имѣющей государственное значеніе, была предварительно всесторонне выяснена; 3) чтобы за согласнымъ съ закономъ теченіемъ дѣлъ существовалъ непрестанный и дѣятельный надзоръ. Этимъ тремъ предметамъ и соотвѣтствуютъ, или, по крайности, должны соотвѣтствовать наши учрежденія, имѣющія государственное значеніе: 1) министерства, 2) Государственный Совѣтъ; 3) Правительствующій Сенатъ.

Краеугольный камень нашей современной государственности положенъ первымъ императоромъ Петромъ Алексѣевичемъ чрезъ образованіе власти охраняющей, надзирающей и провѣряющей, или, однимъ словомъ, правительствующей. Сенатъ, подвергаясь въ теченіе Петрова царствованія преобразованіямъ, явился наконецъ учрежденіемъ, вполнѣ отвѣчающимъ предположенной

Библиотека "Руниверс"

цѣли. При этомъ выяснилось важное раздѣленіе двухъ понятій: управленія и правительствованія. Въ послѣдующія царствованія Сенату приходилось выносить борьбу съ иными высшими учрежденіями, часто непосильную, быть униженнымъ и даже лишаться на время званія «правительствующаго». Несмотря на то, идея великаго Петра не могла быть вполнѣ утрачена: ея сила и значеніе пережили испытанія и остались неколебимыми. Сенатъ могъ по временамъ терять свою важность, но не могъ быть уничтоженъ. Въ послѣднее время сочтено было необходимымъ снова прибѣгнуть къ сенаторскимъ ревизіямъ, чрезъ что значеніе Сената снова возвысилось.

Учрежденіемъ министерствъ въ царствованіе государя императора Александра Павловича было положено новое основаніе для власти административной введеніемъ начала личнаго управленія взамѣнъ начала коллегіальнаго. Сенатъ при этомъ, чрезъ совмѣщеніе должности генералъ-прокурора съ должностью министра юстиціи, былъ поставленъ въ невозможность исполнять самостоятельно свои правительствующія обязанности и сталъ, если и не вполнѣ, то все же въ весьма значительной степени, рядовымъ присутственнымъ мѣстомъ. Необходимо было, однако, создать противовѣсъ началу личнаго управленія, или бюрократическому, безъ чего оно грозило принять чрезмѣрное развитіе. Такимъ противовѣсомъ явился Государственный Совѣтъ, какъ собраніе по преимуществу совѣщательно-законодательное, которому были приданы и нѣкоторыя изъ правительствующихъ обязанностей Сената.

Съ теченіемъ времени, въ силу разнообразныхъ причинъ, изо всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій особую силу пріобрѣли министерства, заставивъ отступить на второй планъ и Сенатъ, и Государственный Совѣтъ. Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что оба послѣднія государственныя учрежденія пополнялись членами единственно изъ числа административныхъ лицъ, причемъ нерѣдко назначеніе въ сенаторы и члены Государственнаго Совѣта являлось только наградою за долгую служебную дѣятельность, родомъ почетной синекуры. Относительное значеніе Правительствующагэ Сената и Государственнаго Совѣта постепенно утрачивалось и было наконецъ забыто до того, что явилась возможность соединенія званія члена обоихъ собраній въ одномъ лицѣ.

Въ русскомъ государственномъ домостроительствѣ всѣ три названныя высшія учрежденія никакъ не могутъ быть признаны явленіями случайными; напротивъ, всѣ они составляютъ необходимыя фазы развитія русской государственной идеи, и каждое изъ нихъ имѣетъ право на самостоятельное существованіе, ибо всѣ три власти, ими представляемыя: административная, или управляющая, правительствующая и совѣщательно-законодательная,

Библиотека "Руниверс"

составляютъ существенные органы единой и нераздѣльной верховной власти, самодержавной и неограниченной. Въ историческомъ развитіи русской имперіи эти органы возникали разновременно, ради удовлетворенія тѣхъ или иныхъ обнаруживавшихся потребностей; оттого по временамъ одинъ изъ нихъ получалъ главенственное, превосходящее его прямую задачу значеніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы который-нибудь изъ нихъ былъ излишнимъ, или чтобы между ними не могло быть установлено живое и органическое равновѣсіе, какъ между частями единаго государственнаго тѣла, одухотворяемаго державной волей государя.

Въ отысканіи такого равновѣсія, по нашему мнѣнію, предстоитъ настоятельная потребность и въ должномъ рѣшеніи этой задачи лежитъ залогъ дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія нашей государственности.

Установленіе такого равновѣсія, не сопровождаемое одновременнымъ усиленіемъ довѣрія государя къ своему народу и болѣе дѣятельнымъ обнаруженіемъ единенія верховной власти съ землею, не принесетъ, однако, плодовъ вполнѣ благотворныхъ.

Разсмотримъ постепенно значеніе каждой изъ трехъ властей, представляемыхъ высшими государственными учрежденіями, опредѣляя при томъ согласныя съ сущностью предѣлы отправленія каждой изъ нихъ и отыскивая, въ чемъ именно должно заключаться ихъ взаимное дополненіе и ограниченіе; при этомъ для правильнаго рѣшенія вопроса о сущности даннаго учрежденія слѣдуетъ обратить вниманіе на основную мысль, руководившую законодателемъ при его образованіи. Начнемъ съ министерствъ, или власти управляющей. Одинъ изъ бывшихъ государственныхъ людей нашихъ выразилъ о томъ слѣдующее замѣчательное мнѣніе:

«Многія происходили сужденія о вопросѣ: министерское или коллегіальное управленіе полезнѣе Россіи? Каждое изъ сихъ сужденій представляетъ хорошую и дурную сторону. Управленіе министровъ можетъ имѣть болѣе скорости въ исполненіи, обнимать въ большей раздробительности предметы, представлять лучшую надежду къ успѣху въ отправленіи подвѣдомственныхъ дѣлъ, если министръ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, потребныя для его сана. Съ другой стороны, опытъ доказалъ, что учрежденіе въ Россіи министерствъ разрушило единство надзора, что съ перемѣной министровъ безпрестанно измѣняется система управленія, чего въ благоустроенномъ государствѣ допускать не должно и чему коллегіальное учрежденіе служитъ препятствіемъ; что слабый министръ въ разрѣшеніи подлежащихъ ему дѣлъ скорѣе бываетъ подверженъ ошибкамъ, а слишкомъ на себя надежный

Библиотека "Руниверс"

перейдетъ границы ввѣренной ему власти; что содержаніе министерствъ ежегодно потребляетъ чрезмѣрныя суммы; что каждое вступленіе новаго министра влечетъ за собою удаленіе многихъ чиновниковъ, для успокоенія коихъ раздавали рановременно пенсіи, аренды, ордена, повышенія чинами; что всѣ сіи награды, получаемыя преимущественно служащими въ министерствахъ, возбуждаютъ уныніе и ропотъ въ чиновникахъ другихъ мѣстъ, а паче губернскихъ, не имѣющихъ особаго покровительства». (Арх. ист. и пр. св., относящихся до Россіи, к. III, 1859 г.).

Приведенное мнѣніе можно дополнить слѣдующими соображеніями. Личное управленіе по самому существу своему склонно къ осуществленію въ дѣйствительности личныхъ воззрѣній и даже пристрастій и потому заключаетъ въ себѣ начало противоположное законности. Въ дѣйствіяхъ своихъ оно невольно стремится либо къ устраненію закона, либо къ обходу его, вообще къ самовластію, и потому требуетъ себѣ противовѣса во власти правительствующей, надзирающей за неукоснительнымъ исполненіемъ закона и налагающей отвѣтственность за его неисполненіе и нарушеніе. Въ намѣреніяхъ своихъ личное начало неизбѣжно, по существу своему стремится къ осуществленію въ законодательствѣ своихъ воззрѣній и пристрастій, и съ этой стороны должно быть ограничено властью совѣщательно-законодательной. Затѣмъ поставленное въ должные предѣлы и законно ограниченное, личное или министерское управленіе въ центральныхъ учрежденіяхъ должно быть предпочтено управленію коллегіальному по причинамъ, указаннымъ въ приведенномъ мнѣніи государственнаго мужа. Таковы общія положенія.

Министерское управленіе, конечно, обязано провѣрять дѣйствія своихъ подчиненныхъ и надзирать за ними, но такая обязанность не можетъ исполняться имъ вполнѣ правильно и безпристрастно. Личное управленіе всегда склонно смотрѣть снисходительно на упущенія назначаемыхъ имъ чиновниковъ, а порою даже прикрывать ихъ; это зависитъ отъ того, что по свойствамъ человѣческой природы лицо вообще трудно сознается въ своихъ ошибкахъ, а потому лицо управляющее готово порою скрывать ошибки подчиненныхъ, неправильно полагая, что проступки подчиненнаго могутъ быть поставлены въ вину лица, его назначившаго къ исполненію данныхъ обязанностей. Поэтому нельзя не признать справедливости выше приведеннаго мнѣнія, что «единство», а стало быть, и дѣйствительность надзора вѣрнѣе достигается коллегіей. Личное управленіе само нуждается въ правительствующемъ надзорѣ и отвѣтственности.

Послѣднее положеніе можетъ показаться несовмѣстимымъ съ достоинствомъ верховной власти, ибо министръ есть лицо, пользующееся личнымъ довѣріемъ государя и которому на этомъ

Библиотека "Руниверс"

основаніи и поручается управленіе той или иной отдѣльной частію: съ прекращеніемъ такого довѣрія прекращается и дѣятельность довѣреннаго лица. Довѣріе это, однако, не безусловно, ибо управленіе отдѣльной частью обрамляется существующими законами, и русская исторія свидѣтельствуетъ, что наши государи прилагали всегда особую заботу о томъ, чтобъ управленіе было производимо на основаніи закона. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить учрежденіе первымъ императоромъ Правительствующаго Сената и слѣдующія слова указа государя императора Александра Павловича: «Правительствующій Сенатъ имѣетъ должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ» (П. С. З. № 20405). Впослѣдствіи разсмотрѣніе «отчетовъ всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей» было, какъ извѣстно, поручено вновь образованному Государственному Совѣту, въ ущербъ значенію не только Сената, но и самаго Совѣта, какъ учрежденія совѣщательно-законодательнаго. Возстановленіе правительствующаго надзора Сената положитъ прочныя основы для законности и отвѣтственности министерскаго управленія.

Министры, управляющіе отдѣльными частями, имѣютъ необходимость въ совѣщаніи между собою по соприкосновенности ввѣренныхъ имъ отдѣльныхъ частей. Такой совѣтъ, или комитетъ, министровъ требуетъ законнаго ограниченія не менѣе, чѣмъ и каждое отдѣльное министерство. Совѣтъ министровъ, обладающій особыми высшими полномочіями, легко можетъ перейти въ олигархію,—чему примѣры уже были въ русской исторіи. Совѣтъ, составленный изъ лицъ одинаковыхъ воззрѣній и пристрастій, можетъ, при существованіи особыхъ полномочій, обнаружить вліяніе на политику государства въ ущербъ направляющей оную верховной власти и повести къ искусственному образованію у насъ политическихъ партій—зла, отъ котораго наше отечество, благодареніе Богу, было доселѣ изъято. Искомое ограниченіе личнаго управленія достигается, кромѣ уже указаннаго недопущенія внѣзаконныхъ дѣйствій, ограниченіемъ его законодательной мощи. Конечно, какъ каждый отдѣльный министръ, такъ и совѣтъ министровъ могутъ усмотрѣть необходимость изданія новыхъ законовъ, а равно отмѣны, исправленія или допущенія законовъ существующихъ, но въ этомъ отношеніи, какъ каждому министру въ отдѣльности, такъ комитету или всѣмъ имъ въ совокупности, должно быть предоставлено только право почина, или иниціативы, безъ дарованія возможности представлять свои соображенія на непосредственное утвержденіе верховной власти.

Библиотека "Руниверс"

Напрасно въ такомъ ограниченіи законодательной мощи министерскаго управленія стали бы усматривать ограниченіе самой верховной власти. Высочайшая воля для полнаго и безпрепятственнаго обнаруженія своей неограниченности и самодержавности требуетъ, дабы мысль закона была разъяснена со всевозможной полнотою и разносторонностію. Величайшіе изъ государей нашихъ требовали отъ своихъ подданныхъ не только прямого выраженія ихъ мыслей, но и откровеннаго оспариванія своихъ. Законъ 1-го января 1810 года, впрочемъ, въ главныхъ чертахъ и устанавливаетъ изложенное ограниченіе законодательной мощи министерскаго управленія. Необходимо, однако, чтобъ изъ статьи III указаннаго закона, въ силу которой «всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ», не было допускаемо никакихъ изъятій. Въ сферѣ управленія невозможно единеніе верховной власти съ землею, но вполнѣ достижимо обнаруженіе довѣрія государя къ народу: 1) чрезъ назначеніе на высшія государственныя должности лицъ, удостоенныхъ высочайшаго довѣрія, независимо отъ ихъ чина и служебной дѣятельности; 2) чрезъ упроченіе земскаго и городского самоуправленія и законнаго опредѣленія ихъ отношеній ко власти административной; 3) чрезъ таковое же упроченіе гласности вообще.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что существующія положенія допускаютъ частный починъ въ дѣлѣ законодательства для всѣхъ вѣрноподданныхъ Его Императорскаго Величества. Именно, въ комиссію прошеній могутъ быть подаваемы, между прочимъ, и прошенія, заключающія въ себѣ не только соображенія о примѣненіи даннаго закона, но и предложенія о законодательныхъ реформахъ. «Комиссія, если признаетъ проектъ заслуживающимъ вниманія, испрашиваетъ высочайшее повелѣніе на внесеніе его въ Государственный Совѣтъ». (Св. З. т. I, учр. ком. пр. ст. 1, 10, 57—61). При этомъ требуется, чтобъ комиссія входила въ предварительное соглашеніе съ подлежащими министерствами.

Что тому виною: послѣднее ли условіе, или существованіе ин причинъ, только частный починъ въ дѣлѣ законодательства, не смотря на Высочайше даровано всѣмъ право, почти не проявляется. Приданіе комиссіи большей самостоятельности, преобразованіе ея, такъ сказать, въ государеву челобитную палату по дѣламъ государственнымъ, думается, утвердило бы на прочныхъ основахъ сказанное право, знаменующее собою величайшее проявленіе довѣрія государя къ своему народу.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть обязанности Государственнаго Совѣта. Государь императоръ Александръ Павловичъ, руководимый по истинѣ государственной, мудрой мыслію о необходимости разсмотрѣнія всѣхъ «предначертаній законовъ» въ одномъ

Библиотека "Руниверс"

высшемъ учрежденіи, придалъ, однако, созданному имъ Государственному Совѣту нѣкоторыя изъ обязанностей правительствующаго надзора, чрезъ что произошло смѣшеніе властей вмѣсто желательнаго ихъ раздѣленія и ограниченія. Изъятіемъ изъ вѣдѣнія Государственнаго Совѣта всѣхъ дѣлъ, не относящихся по основной мысли этого учрежденія, ясной изъ самаго его наименованія «совѣтомъ», къ его обязанностямъ, достигнется искомое ограниченіе круга его вѣдѣнія. Такимъ образомъ, «изъ предметовъ, поступающихъ предварительно на уваженіе Государственнаго Совѣта» въ томъ составѣ, какъ они указаны въ законѣ 1-го января 1810 года (№ 24064), на обязанности совѣщательно-законодательнаго учрежденія имѣютъ быть оставлены слѣдующія:

1) Всѣ предметы, требующіе новаго закона, устава или учрежденія;

2) предметы внутренняго управленія, требующіе отмѣны, ограниченія или дополненія прежнихъ положеній.

3) мѣры и учрежденія общія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій;

4) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя;

5) объявленіе войны, заключеніе мира и другія важныя внѣшнія мѣры, когда, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ онѣ подлежать предварительному общему соображенію;

6) ежегодныя смѣты общихъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, способы ихъ уравненія, назначеніе новыхъ издержекъ, въ теченіе года встрѣтиться могущихъ, и чрезвычайныя финансовыя мѣры;

7) всѣ дѣла, по коимъ отчуждается какая-либо часть государственныхъ доходовъ или имуществъ въ частное владѣніе;

8) дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя».

За симъ, какъ уже сказано, необходимымъ является неукоснительное исполненіе ст. III закона 1-го января 1810 года безъ допущенія въ оной какихъ-либо изъятій или ограниченій, и остается прибавить, что, согласно существующимъ законамъ, министры и ихъ товарищи суть члены Совѣта по ихъ званію.

Державному учредителю Государственнаго Совѣта въ рѣчи, произнесенной при его открытіи 1-го января 1810 года, благоугодно было членовъ вновь образованнаго учрежденія наименовать «сословіемъ». Въ этомъ наименованіи сказалось никогда не оставлявшее русскихъ государей желаніе единенія со своимъ народомъ. Въ царствованіе Александра Благословеннаго такое единеніе могло совершиться только въ средѣ одного сословія, имѣвшаго тогда вполнѣ государственное значеніе, именно дворянскаго; лица другихъ сословій могли войти въ эту сферу единенія

Библиотека "Руниверс"

только при посредствѣ служебной дѣятельности; самое дворянство въ лицѣ лучшихъ людей своихъ посвящало почти всѣ силы свои службѣ государственной. Отсюда становится понятнымъ, почему въ сословіе членовъ Государственнаго Совѣта возводились только высшіе чины.

Реформы въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича, главнѣйше освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, положили путь къ возможности болѣе дѣйствительнаго единенія верховной власти съ народомъ. Наконецъ, первымъ актомъ нынѣшняго благополучнаго царствованія было окончательное признаніе за крестьянскимъ сословіемъ, чрезъ приведеніе его къ присягѣ, достоинства сословія государственнаго. Такимъ образомъ устранено всякое препятствіе единенія государя съ народомъ.

Такое единеніе имѣетъ возможность осуществиться именно въ Государственномъ Совѣтѣ, въ сферѣ совѣщательно-законодательной. Оно мыслимо въ двоякой формѣ: 1) чрезъ назначеніе верховной властью въ члены Государственнаго Совѣта тѣхъ лицъ всѣхъ сословій, которыя будутъ признаны способными къ исполненію совѣщательно-законодательныхъ обязанностей; 2) чрезъ призваніе къ таковымъ обязанностямъ избранныхъ, или излюбленныхъ, лицъ всѣхъ сословій.

Обѣ формы вполнѣ совмѣстимы. Здѣсь не мѣсто говорить о подробностяхъ, но кажется необходимымъ замѣтить, что при допущеніи въ Государственный Совѣтъ излюбленныхъ земскихъ людей они должны явиться представителями именно сословій. Такое представительство согласнѣе и съ исконными обычаями русской земли, выражавшимися въ земскихъ соборахъ, и съ духомъ нашего законодательства, и нынѣ допускающимъ при совѣщательно-законодательныхъ работахъ приглашеніе «извѣстныхъ и имѣющихъ общую довѣренность разныхъ сословій людей, которые могли быть признаны нужными для объясненій по предлежавшимъ дѣламъ и для отобранія мнѣнія по предложеннымъ мѣрамъ». Представители земскихъ и городскихъ всесословныхъ органовъ самоуправленія поэтому не должны имѣть мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ. Означенныя учрежденія имѣютъ предметомъ мѣстныя нужды, а не государственныя, и нельзя не признать значительной политической неосмотрительностью того обстоятельства, что земства приглашались къ изложенію своихъ соображеній о нѣкоторыхъ мѣрахъ государственнаго значенія: этимъ только неправильно возбуждалось честолюбіе земствъ, и они отвлекались отъ предмета своихъ прямыхъ обязанностей.

Чрезъ предполагаемое обновленіе состава Государственнаго Совѣта достигнется именно то, что мысль закона пріобрѣтетъ возможную полноту и будетъ всесторонне обсуждена. Вслѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

этого верховная власть получитъ возможность проявлять съ наивысшей безпрепятственностью свое самодержавіе и неограниченность, избирая для утвержденія ту мысль или совѣтъ большинства, меньшинства или даже то единоличное особое мнѣніе, которое явится для нея наиболѣе отвѣчающимъ истиннымъ потребностямъ и всенародному благу. Именно въ такомъ актѣ царственной воли и заключается коренная сущность самодержавной власти; въ немъ же и могущественнѣйшее ея проявленіе, когда воочію обнаруживается, что «сердце царево въ руцѣ Божіей».

Такимъ образомъ, ограниченный въ своихъ обязанностяхъ и обновленный въ своемъ составѣ, Государственный Совѣтъ явится, такъ сказать, совокупной государевой и земской думой.

Повторяя предыдущее, видимъ, что при установленіи равновѣсія между высшими государственными учрежденіями, къ обязанностямъ министерствъ принадлежитъ: основанное на довѣріи верховной власти, согласное съ законами управленіе частями и законодательный, съ высочайшаго соизволенія, починъ; Государственному же Совѣту—совѣщаніе по законодательнымъ и инымъ, выше обозначеннымъ предметамъ государственной важности, безъ обязанности какого-либо управленія и безъ законодательнаго почина. Послѣдній, кромѣ министровъ, принадлежитъ всѣмъ вѣрноподданнымъ его величества при посредствѣ комиссіи прошеній, соотвѣтственно преобразованной.

Остается разсмотрѣть, ради исполненія какихъ именно обязанностей должно быть возстановлено значеніе Правительствующаго Сената, этого любимаго дѣтища генія великаго Петра, учрежденія, доселѣ, несмотря ни на что, сохранившаго обаяніе во всенародномъ мнѣніи.

Обязанности Сената, согласно основной мысли его державнаго учредителя, должны быть ограничены правительствующимъ надзоромъ за обнародованіемъ закона, за его неукоснительнымъ исполненіемъ и за согласнымъ съ закономъ теченіемъ дѣлъ въ учрежденіяхъ. Для правильнаго исполненія такихъ высокихъ обязанностей Правительствующій Сенатъ долженъ получить самостоятельное и вполнѣ независимое отъ другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій бытіе и стать, согласно словамъ указа 8-го сентября 1802 года «верховнымъ мѣстомъ имперіи».

Сенатъ въ своей запискѣ, поданной государю императору Александру Павловичу въ 1801 году, такъ между прочимъ изъяснилъ свои обязанности: «Должность и обязанность его (Сената), по присягѣ подданнической, предохранять права и преимущества своего самодержавца, соблюдать законы, пещись всемѣрно о исполненіи воли и повелѣній государя и о теченіи законнаго правосу-

Библиотека "Руниверс"

дія повсемѣстно». Другими словами, обязанность Сената состоитъ въ томъ, чтобы быть представителемъ власти охраняющей, надзирающей и провѣряющей.

Для сего требуется: 1) изъятіе Сената отъ всякаго вліянія министерскаго управленія чрезъ отдѣленіе должности министра юстиціи отъ должности генералъ-прокурора и возвращеніе этой послѣдней того высокаго значенія, въ силу коего державный учредитель Сената именовалъ генералъ-прокурора «окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ» и 2) перенесеніе въ вѣдѣніе Сената, на условіи раздѣленія властей, нѣкоторыхъ изъ обязанностей, по волѣ государя императора Александра Павловича возложенныхъ въ 1810 году на Государственный Совѣтъ.

Сенатъ по существу своихъ обязанностей не можетъ принимать никакого участія въ работахъ совѣщательно-законодательныхъ и иныхъ вышеисчисленныхъ обязанностяхъ Государственнаго Совѣта. Посему обязанности сенатора и члена Государственнаго Совѣта не могутъ быть совмѣщены въ одномъ лицѣ.

Обязанности Сената, по отношенію къ предметамъ законодательнымъ, могутъ состоять только въ извѣстномъ охранительномъ надзорѣ, а именно: 1) въ обязанности, при обнародованіи закона, предварительно его утвержденія верховной властью, дѣлать представленія государю о неудобствахъ закона или о его несогласіи съ основами государственнаго строя, 2) въ исключительно ему предоставленной обязанности дѣлать въ законахъ, уставахъ и учрежденіяхъ изъясненія истиннаго ихъ смысла—что въ дѣлахъ судныхъ и нынѣ предоставлено кассаціоннымъ департаментамъ Сената. За симъ остается прибавить, что никакой законодательный починъ не можетъ быть предоставленъ Правительствующему Сенату.

Правительствующій Сенатъ, по существу своему, не можетъ принимать прямого и непосредственнаго участія въ управленіи, что составляетъ принадлежность министерствъ. По отношенію къ нимъ онъ ограничивается только правительствующимъ надзоромъ за неукоснительнымъ исполненіемъ закона и согласнымъ съ законами теченіемъ дѣлъ въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ. Это достигается 1) чрезъ производство очередныхъ, закономъ опредѣленныхъ, и чрезвычайныхъ, по высочайшему повеленію, ревизій всѣхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій; 2) чрезъ представленіе на усмотрѣніе верховной власти тѣхъ министерскихъ распоряженій, которыя не согласны съ существующими законами или ихъ точнымъ смысломъ; и 3) чрезъ разсмотрѣніе «отчетовъ всѣхъ министерствъ въ управленіи принадлежащихъ къ нимъ частей», согласно уже приведеннымъ словамъ указа императора Александра I (№ 20.405).

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого ясно, что министры, будучи по своему званію членами Совѣта, не могутъ быть въ то же время членами Правительствующаго Сената на томъ же основаніи, по коему державный учредитель Сената возбранилъ президентамъ коллегій присутствованіе въ ономъ.

Въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ же какъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, мыслимо осуществленіе завѣтнаго желанія русскихъ государей достигнуть возможнаго единенія верховной власти съ народомъ, ввѣреннымъ Провидѣніемъ ея заботамъ. Это единеніе осуществимо и въ Сенатѣ, въ той же указанной двойственной формѣ, какъ и въ Совѣтѣ. Не входя и здѣсь въ подробности, касательно Правительствующаго Сената въ этомъ отношеніи является необходимымъ замѣтить: 1) что выборы излюбленныхъ земскихъ людей въ сенаторы, въ противность выборамъ таковыхъ для присутствованія въ государевой и земской думѣ, могутъ производиться не по сословіямъ, а быть всесословными; 2) что насколько желательно періодическое возобновленіе сословныхъ представителей въ Совѣтѣ, настолько же необходима непремѣнность сенаторовъ, ибо Сенатъ, какъ учрежденіе по преимуществу охранительное, долженъ быть наименѣе подвергнутъ колебаніямъ въ своемъ составѣ.

Обозрѣвая вышеизложенное предположеніе о равновѣсіи высшихъ государственныхъ учрежденій на началѣ ихъ взаимнаго ограниченія,—равновѣсіи, въ свою очередь, обусловленномъ основною мыслію, руководившей законодателя при разновременномъ образованіи того или иного учрежденія, слѣдуетъ сказать, что государственное домостроительство Россіи является, такимъ образомъ, творческимъ актомъ самодержавной верховной власти, не стѣсняемой никакимъ большинствомъ или меньшинствомъ, равно внимательной ко всякому благому совѣту, отъ кого бы онъ ни исходилъ, а потому безусловно свободной въ своемъ обнаруженіи. Причемъ верховная власть: 1) чрезъ довѣренныхъ министровъ управляетъ согласно существующимъ законамъ; 2) при помощи Государственнаго Совѣта утверждаетъ роспись доходовъ и расходовъ, вѣдаетъ иныя, требующія предварительнаго соображенія государственныя дѣла и создаетъ, когда найдетъ то потребнымъ, новые и исправляетъ дѣйствующіе законы, предоставляя въ то же время законодательный починъ на только своимъ министрамъ, но и всѣмъ вѣрноподданнымъ; 3) совершаетъ правительствующій надзоръ за обнародованіемъ закона, его укоснительнымъ исполненіемъ и согласнымъ съ законами теченіемъ дѣлъ при посредствѣ Правительствующаго Сената, который въ то же время состоитъ подъ прямымъ надзоромъ государя въ лицѣ генералъ-прокурора, сего «ока государева».

Библиотека "Руниверс"

Возвращая Д. В. Аверкіеву приведенную записку, И. С. Аксаковъ писалъ ему:

«Милостивый государь

«Дмитрій Васильевичъ.

«Я много виноватъ передъ вами, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ и не благодарилъ за честь, оказанную вами моей газетѣ присылкою вашей статьи. Я ее тотчасъ же прочелъ, разумѣется, не отвѣчалъ въ теченіе ровно мѣсяца, отчасти за недосугомъ (по случаю лѣта мнѣ приходится жить,—или, вѣрнѣе, приходилось, между городомъ и дачей, довольно отдаленной, и, по причинѣ разъѣзда моихъ сотрудниковъ, работать при этомъ вдвое болѣе)—главнымъ же образомъ потому, что я предполагалъ написать вамъ подробный разборъ вашей статьи.

«Дѣлать «измѣненія», «сокращенія, поправки», на которыя вы меня уполномачиваете, въ статьѣ подобнаго рода можетъ лишь самъ авторъ.. Въ сущности, это даже не журнальная статья, а проектъ или офиціальная докладная записка, а по формѣ и по тону она имѣетъ въ виду не публику, а власть имѣющихъ. Послѣдніе же,—проще сказать,—самъ государь поручилъ мнѣ передать чрезъ одну мою близкую родственницу, которую онъ видѣлъ у императрицы, что иниціативу всѣхъ такихъ преобразованій онъ желаетъ удержать за собою... Другими словами: онъ не желаетъ имѣть видъ человѣка, дѣйствующаго подъ давленіемъ и по указанію «прессы». Это понятно въ его положеніи: онъ принялъ власть нѣсколько расшатанную,—слова эти были переданы мнѣ мѣсяца четыре тому назадъ.

«Какъ бы то ни было, но для газеты и приличнѣе и удобнѣе разсуждать о самыхъ началахъ поднятыхъ вами вопросовъ и даже практическомъ ихъ осуществленіи, т. е. излагать именно въ формѣ разсужденія, а не въ формѣ проекта или офиціальнаго доклада. Вашу же статью всего бы лучше вамъ представить самому государю или хотя бы Игнатьеву, тѣмъ болѣе, что тамъ есть наклонность къ усиленію Государственнаго Совѣта «свѣдующими людьми» въ томъ или другомъ видѣ.

«Мое же мнѣніе о вашей статьѣ можно выразить вкратцѣ такъ: то, что вы предлагаете, теоретически вѣрно, и если даже кое-что будетъ приведено въ дѣйствіе, — оно послужитъ, конечно, къ улучшенію и къ освѣженію нашего административнаго строя. Тѣмъ не менѣе все это носитъ на себѣ характеръ болѣе внѣшній и формальный. Сенатъ, вѣдь, и теперь не лишенъ права судить о дѣйствіяхъ министровъ. На каждаго изъ нихъ можно подать жалобу Сенату (1-му департаменту), но никто не жалуется и сенаторы не посмѣютъ ихъ судить! Разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ

Библиотека "Руниверс"

ни къ чему никогда не вело ни въ Сенатѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ, да едва ли гдѣ и ведется и практикуется даже въ тѣхъ земляхъ, гдѣ министры отвѣтственны. Если вы читывали эти отчеты, сами знаете, что изъ нихъ ничего не видно.. Посадить представителей отъ сословій въ Государственный Совѣтъ, повидимому, чрезвычайно раціонально, но мужики, перевезенные въ Петербургъ и посаженные въ Государственный Совѣтъ, похожи были бы на сѣверную сосну, пересаженную, ну, хотя бы, въ астраханскую почву, гдѣ сосна растетъ въ горшечкахъ и не достигаетъ двухъ аршинъ роста.

«Нужно нѣчто иное,—внутреннее обновленіе духа, которое можетъ быть дано лишь какимъ-нибудь переворотомъ въ родѣ перенесенія столицы, или созваніемъ земскаго собора, волею государя, въ Москвѣ, не въ видѣ постояннаго учрежденія, или же нужно, чтобы возникла и закипѣла жизнь мѣстная, областная, чтобъ тамъ произошло первое единеніе государства съ землей. Но обо всемъ этомъ въ письмѣ распространяться было бы слишкомъ долго... Во всякомъ случаѣ—мой совѣтъ: представить вашу статью Игнатьеву или Воронцову.

«Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ уваженіи

Ив. Аксаковъ».

22 августа 1881 года, Москва.

По совѣту И. С. Аксакова, Д. В. Аверкіевъ, при посредствѣ правителя канцеляріи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева Д. Н. Воейкова, передалъ министру свою записку, послѣ чего графъ пригласилъ къ себѣ Дмитрія Васильевича и бесѣдовалъ по поводу его записки, причемъ оказалось, что и у графа Игнатьева былъ составленъ свой особый проектъ о созывѣ земскаго собора...

Волей судьбы ни тотъ, ни другой проектъ не былъ осуществленъ

Сообщила **С. В. Аверкіева.**

Библиотека "Руниверс"

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Поэзія кручины и страсти [1]).

I.

ВСЕГО ГОДЪ назадъ, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины, вспомнили объ А. Григорьевѣ и вспомнили такъ разнорѣчиво, что истинный обликъ этой «буйной» головы, этого «ретиваго» сердца, таившаго въ себѣ всю глубину русскаго чувства, все еще скрытъ туманомъ, напущеннымъ разными цѣнителями его своеобразнаго творчества. Пока одинъ только В. В. Розановъ схватилъ въ его обрисовкѣ наиболѣе типичное, указавъ, что Григорьевъ, какъ критикъ, живо почувствовалъ въ Островскомъ и Гоголѣ то «безотчетное неодолимое, что тянетъ каждаго человѣка къ землѣ его» («Новое Время», № 13844). Но Розановъ говорилъ о Григорьевѣ, какъ о критикѣ. Говорить о немъ, какъ о поэтѣ, даже тогда было трудно, такъ какъ только теперь, благодаря любовно выполненному труду А. Блока, мы имѣемъ всѣ поэтическія произведенія Григорьева не только собранными воедино, но и освѣщенными съ замѣчательной проникновенностью и страстнымъ поэтическимъ одушевленіемъ.

Обликъ Григорьева, бурный, широкій, не вмѣщающійся ни въ рамки размѣренной жизни, ни въ рамки предуказаннаго кѣмъ бы

---

[1]) Аполлонъ Григорьевъ. Стихотворенія. Москва. Кн-во К. Ф. Некрасова. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. 615 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

то ни было творчества, очаровалъ, захватилъ Блока, какъ романтика, родственнаго Григорьеву по духу. Въ немъ Блокъ видитъ единственнаго продолжателя дѣла народности въ литературѣ послѣ Пушкина.

«Судьба культуры русской опредѣляется на нашихъ глазахъ. Въ наши дни «вопросъ о нашей самостоятельности» (выраженіе Григорьева) всталъ передъ нами въ столь яркомъ блескѣ, что отвернуться отъ него уже невозможно. Мнѣ кажется общимъ мѣстомъ то, что русская культура со времени Пушкина была въ загонѣ...»

Но Григорьевъ боролся противъ этого «загона», творилъ въ разрѣзъ съ общимъ теченіемъ, и потому теперь, когда «судьба русской культуры опредѣляется», онъ особенно цѣненъ и значителенъ для насъ своимъ творчествомъ. Жарко оспариваетъ Блокъ Бѣлинскаго за то, что онъ «торопливо штемпелевалъ» писателей и въ частности Григорьева, зло иронизируетъ надъ Ив. Ивановымъ и А. Волынскимъ, тоже приложившими руку къ оцѣнкѣ Григорьева. Свой блестящій біографическій очеркъ Григорьева Блокъ заключаетъ слѣдующей характеристикой:

«Григорьевъ былъ грѣшенъ и страстенъ... Но вѣдь этотъ неряха и пьяница, безобразникъ и гитаристъ, никогда, собственно, и не хотѣлъ быть «свѣтлой личностью», не желалъ казаться «бѣленькимъ» и «паинькой». Онъ не «ставилъ себѣ идеаловъ», къ которымъ полагается «стремиться». Этой человѣческой гордыни въ немъ не было. Оттого и былъ онъ, невзирая на все свое буйство, тише воды, ниже травы, и въ рукѣ Божіей. За то же, что былъ черненькимъ и порочнымъ, онъ былъ лишенъ не однѣхъ только либеральныхъ подачекъ... Онъ былъ лишенъ *власти*». (Курсивъ автора).

Эта власть представляется Блоку въ томъ, что онъ могъ бы «слышать гадъ морскихъ подводный ходъ и дольной лозы прозябанье». Его голосъ былъ бы подобенъ шуму «грозныхъ сосенъ Сарова». Онъ побѣждалъ бы единымъ маніемъ «костяного перста»...

Отрицая ту же «власть» у Достоевскаго и Толстого, Блокъ говоритъ, что Григорьевъ «съ ними». Послѣднее не совсѣмъ ясно, и здѣсь, конечно, есть поэтическая гипербола. Для изслѣдователя глубинъ души человѣческой безпредѣльная власть Достоевскаго неизбѣжна; для изслѣдователя непрерывности жизненнаго роста и движенія въ литературѣ Толстой, конечно, долго останется еще не превзойденнымъ. Тайна «безвластія» Григорьева не въ духовномъ родствѣ его съ кѣмъ-либо изъ писателей, а въ томъ, что, будучи силенъ талантомъ, онъ былъ слабъ волей, въ томъ, что, чувствуя жизнь весьма глубоко и непосредственно, онъ не имѣлъ въ себѣ дерзновенія, хотя бы такого, какимъ обладалъ Бѣлинскій, сумѣвшій стать властнымъ послѣ того, какъ ограничилъ себя Гегелемъ, Шеллингомъ и «соціальностью». Да и не въ его сторону

Библиотека "Руниверс"

было направлено вниманіе искателей «власти», теперь же, когда «судьба русской культуры опредѣляется», эта «власть», хотя и посмертная, сложится, и слова Григорьева пріобрѣтутъ значеніе и «шума грозныхъ сосенъ Сарова» и «побѣды маніемъ костяного перста». Но можно ли ожидать этого отъ его поэзіи?—вотъ вопросъ, который для насъ въ данную минуту представляетъ исключительный интересъ. Не останется ли эта «власть» принадлежностью одной его критики?

II.

Стиховъ написалъ Григорьевъ немало. Среди нихъ есть пѣсни, лирическія пьесы, есть гимны, драма и нѣсколько поэмъ. По формѣ, въ которой выливалось его дарованіе, это поэтъ законченный. Техника его стиха, напротивъ, пестра необычайно: кажется, нѣтъ размѣра, въ который бы ни выливался его стихъ, хотя подъ конецъ онъ и склонялся къ нѣкоторому ограниченію. Для «обузданія» мысли онъ началъ писать поэмы сонетами, хотя число стиховъ и не всегда удовлетворяло этой строгой формѣ. Мысль его—буйная, стихійная—рвалась изъ всякой формы, растекаясь въ словахъ, которыми Григорьевъ старался ее уловить, прибѣгая подчасъ къ дубовымъ оборотамъ и некрасивымъ архаизмамъ. Инымъ критикамъ это даже давало поводъ совсѣмъ отвергать его поэзію. Но это, конечно, не болѣе, какъ война съ покойникомъ, наслѣдственная месть «идейному противнику» за его уничтожающія слова:

Вотъ, гегелистъ—филистеръ вѣчной,
Славянофиловъ лютый врагъ,
Съ готовой рѣчью на устахъ,
Какъ Nichts и Alles безконечной,
Въ которой четверть лишь ему
Ясна немного самому.

Въ особенности упорно отказываютъ въ поэзіи его гимнамъ. Часть ихъ взята изъ Шиллера, Гёте, Гердера и Эмлера; остальные—оригинальны, и они-то именно наиболѣе поэтичны; переложеніе далось Григорьеву хуже, оно слишкомъ связывало полетъ его собственной мысли. Но всѣ они—ярки, возвышенны, романтичны, какъ и слѣдовало ожидать отъ гимновъ.

Не говоритъ ли съ вами Богъ
Въ стремленьи къ правдѣ и блаженству?

спрашиваетъ поэтъ, и бодро призываетъ:

Намъ цѣль близка,—впередъ, впередъ!
Ея лучи на насъ сіяютъ,
И все исчезнетъ, все падетъ,
Чѣмъ человѣчество страдаетъ...

Библиотека "Руниверс"

И высоко, превыше горъ,
Взлетитъ оно, взмахнувъ крылами...
Его не видитъ ли вашъ взоръ
Уже теперь между звѣздами?

Это ожиданіе солнечнаго будущаго проходитъ чрезъ всѣ гимны; въ слѣдующемъ, носящемъ поэтически-публицистическій характеръ, поэтъ въ заключеніе убѣждаетъ

Жить, но жить не беззаботно;
Пусть насъ вечеръ безъ волненья
Приготовитъ ждать охотно
Часъ великій возрожденья...

Здѣсь уже чистая мистика.

Точно такъ же и мотивъ страданья выраженъ въ нѣсколькихъ гимнахъ; оно очищаетъ,—и здѣсь, подобно тому, какъ у Лермонтова,

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви...

Григорьевъ поетъ:

Отстрадалъ ты,—вынесъ испытанье,
И борьбой до цѣли ты достигъ.
И тебѣ готова за страданье
Степень свѣта ангеловъ святыхъ.

А надъ всѣмъ этимъ вѣра въ безсмертіе; въ одномъ гимнѣ прямо высказано, что

Смерть—безсмысленное слово,

въ другомъ:

Надѣйтесь: не духу исчезнуть во прахѣ,
Въ безсмертіе вѣру храните во страхѣ:
Съ упованіемъ смерть хороша!

Мистическіе, религіозные мотивы встрѣчаются и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Григорьева:

По мѣрѣ горѣнья
Да молится каждый
Молитвой смиренья
Иль ропотомъ жажды,—

хотя лирика его, вообще, безгранична и отзывается рѣшительно на все. Здѣсь, между прочимъ, удивительная по силѣ отповѣдь «героямъ нашего времени»:

Вамъ низость по душѣ, вамъ смѣхъ страшнѣе зла,
Вы сердцемъ любите лишь лай изъ-за угла
Да бой пѣтушій за обиды!

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь же и обличеніе внѣшняго величія («Городъ»):

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненье радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши и нѣги дани,—
На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.

И эта-то «печать» заставляетъ его говорить:

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе...

Не за пышность, а именно за то, что «подъ ледяной его корой» поэтъ «прозрѣваетъ» «его страданіе больное».

Глубже всего, однако, Григорьевъ высказался въ вопросахъ личнаго чувства, въ вопросахъ любви. Для него самого несчастная любовь сдѣлалась рокомъ.

Григорьевъ много любилъ живой, русской, «растительной» любовью. Страстно любилъ женщину, съ которой ему не суждено было жить... (Стр. XXXIII).

Понятно, что у него появляется стихотвореніе, озаглавленное «Женщина», въ которомъ онъ говоритъ со всѣмъ жаромъ неудовлетвореннаго, наболѣвшаго сердца, и которое, по существу, есть предисловіе къ его лирикѣ:

Вся сѣтью лжи причудливаго сна
Таинственно опутана она,
И, можетъ быть, мирятся въ ней одной
Добро и зло, тревога и покой...

Это мучаетъ его, обостряетъ, усиливаетъ чувство, и поэтъ съ жаромъ убѣждаетъ себя, обращаясь къ «ней»:

Надъ тобою мнѣ тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Такъ уноситъ въ безбрежное море волна
За собой изъ залива судно,
Такъ, отъ дерева листъ оторвавши, гроза
Въ вихрѣ пыли его закружитъ,
И, съ участьемъ слѣдя, не увидятъ глаза,
Гдѣ кружится, куда онъ летитъ...

Но это самообманъ; поэтъ убѣждаетъ себя, что его безудержная страсть все сотретъ и сломаетъ на своемъ пути, а на дѣлѣ оказывается иначе:

Я о любви своей молчалъ,
Ее таилъ, какъ преступленье...
И жизни строгое значенье
Передъ тобой разоблачалъ,

Библиотека "Руниверс"

А все же чувствовали сами,
Невольно оба мы не разъ,
Что душъ таинственная связь
Образовалась между нами.
Тогда хотѣлось мнѣ упасть
Къ твоимъ ногамъ, въ порывѣ страсти...
Но сила непонятной власти
Смиряла бѣшеную страсть.

Это ли не паденіе въ бездну изъ-за облачной выси, куда заносила поэта мечта? Это ли не горшая скорбь, не дьявольская мука, которая заставляетъ, опомнившись, повторять:

Я ее не люблю, не люблю...
Это—сила привычки случайной!
Но зачѣмъ же, съ тревогою тайной
На нее я смотрю, ея рѣчи ловлю?

Мучительная борьба не даетъ покоя, онъ «измученъ, истерзанъ тоскою», и вотъ для него остается только одно утѣшеніе:

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Картина, по истинѣ, изумительная! Что же и дѣлать «добру молодцу», закручинившемуся отъ тоски, какъ не пѣсню спѣть, на гусляхъ сыграть? Здѣсь народность не только казовая, внѣшняя, здѣсь народность внутренняя, по духу, обрисованная до полной картинности цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ стихотвореній, въ которыхъ «вся душа молодецкая» развертывается напоказъ. Все, отъ начала любви до ея отчаянія проходитъ въ этихъ гладкихъ, музыкальныхъ стихахъ. И, читая ихъ, вспоминаешь пѣсни старинныя про кручину, про грусть-тоску, змѣю подколодную, что пала молодцу на сердце. Тѣ же мотивы, та же послѣдовательность, тотъ же не хитрый, но за душу хватающій строй.

И какой удивительной забывчивостью нужно обладать, чтобы приписать такое уютное звено въ этой цѣпи, какъ эту пѣснь о гитарѣ,—Горбунову, какъ это сдѣлалъ А. Ѳ. Кони. Эта пѣснь такъ характерна для Григорьева съ его «молодецкимъ» складомъ, что въ этомъ не могло бы быть путаницы. Особенно, если взять ея продолженіе («Цыганская венгерка»).

Двѣ гитары, зазвенѣвъ,
Жалобно заныли.
Съ дѣтства памятный напѣвъ,
Старый другъ мой, ты ли?
...Что за горе? Плюнь да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску въ морѣ!

Библиотека "Руниверс"

Иначе, какъ пѣсней, нельзя и назвать это стихотворенія. Мотивъ такъ и «лѣзетъ» изъ-за строкъ, такъ и напрашивается.

Вотъ проходка по баскамъ
Съ удалью небрежной,
А за нею звонъ и гамъ
Буйный и мятежный
Переборъ... и квинта вновь
Ноетъ—заныветъ;
Приливаетъ къ сердцу кровь,
Голова пылаетъ...

Вырвался гуляка наружу, и нѣтъ на него ни сладу, ни удержу... Но пройдетъ «загулъ», и опять все будетъ по-старому.

О, если правда то, что помысловъ завѣтныхъ
Возможенъ и вдали обмѣнъ съ душой родной...
Скажи... ты слышала ль моихъ призывовъ тщетныхъ
Безумный стонъ въ ночи глухой.

III.

Но не только въ любви вырывается наружу эта глубокая народность Григорьева; въ его поэмахъ, порой неуклюжихъ по формѣ, сбивающихся на передовицу провинціальной газеты, она выступаетъ не менѣе ярко:

Я, какъ угодно вамъ, во-вѣкъ
Не полюблю и не пойму
Семейно-бюргерскихъ картинъ
Нѣмецкой жизни...

признается поэтъ въ «Олимпіи Радинѣ», но высказываетъ свое credo онъ въ разсказахъ и стихахъ «Встрѣча», гдѣ онъ прямо переходитъ въ публицистику:

Однѣ верхушки, какъ извѣстно,
Достались намъ отъ странъ чужихъ
И что же дѣлать. Стало тѣсно
Намъ въ граняхъ, ими отлитыхъ.

Громы и молніи разразились надъ нимъ за эти строки, но онъ не остановился на нихъ, а, увлекаясь своей идеей, смѣло заговорилъ о предназначеніи русскаго народа:

...Богъ... воззоветъ
Къ работѣ спящій духъ народа,
Когда урочный часъ придетъ!
Не даромъ царственнаго рода
Скалы недвижнѣй въ немъ оплотъ...
Не даромъ бдятъ неспящимъ окомъ
Надъ нимъ преемники Петра!

Библиотека "Руниверс"

Придетъ та славная пора,
Когда въ ихъ подвигѣ высокомъ
Завѣты Господа пойметъ
Избранный Господомъ народъ.

Этого было довольно. Григорьева, съ его стариннаго покроя шубой, красной косовороткой, причислили къ реакціи, отожествили со славянофилами, невзирая на то, что онъ самъ отзывался о славянофилахъ съ несомнѣнной ироніей:

А вотъ—глава славянофиловъ
Евтихій Стахьевичъ Панфиловъ,
Съ славянски-страшною ногой,
Со ртомъ кривымъ, съ подбитымъ глазомъ,
И весь какъ бы одной чертой
Намазанъ русскимъ богомазомъ.

Иного отношенія и быть не могло; «реальныя программы», споры о «политическомъ днѣ» не могли не представляться поэту мелочами жизни. Его мысль парила выше, проникала глубже всякихъ программъ и политическихъ счетовъ; судьба народа, жизнь всего поколѣнія, а не дробныхъ кружковъ единомышленниковъ, случайно сплачивавшихся около послѣдней прочитанной книжки, увлекала его. И объ этомъ поколѣніи, своихъ современниковъ, онъ отзывается безпощадно:

Лукавство вкрадчиваго змѣя
И математика расчетъ,
И мѣдный лобъ, который лжетъ
Спокойно, гордо, не краснѣя,
И обаятельная рѣчь,
И злость насмѣшки страшно ѣдкой,
Всегда губительной и мѣткой,
И— способъ вѣрный въ сѣть увлечь!—
Владѣнье вѣчное собою,
Вотъ что герою моему
Дало вліянье надъ толпою,
Всегда покорною уму.

Кто это—Чичиковъ? Пожалуй, но въ его крови, въ его родствѣ несомнѣнно присутствіе и Онѣгина, и Печорина, и Чацкаго... Ихъ характеры, во всемъ ихъ цѣломъ, охватилъ Григорьевъ, и, какъ въ фокусѣ, отразилъ въ Маровомъ, обрисованномъ этими строками.

Въ отношеніи къ жизни и людямъ Григорьева порой роднятъ съ Лермонтовымъ. Выше приведено одно изъ созвучій, говорящихъ о ихъ близости по духу; въ отрывкѣ «Я о любви своей молчалъ» (см. выше) Григорьевъ очень близокъ къ лермонтовскому посланію А. О. Смирновой «Безъ васъ хочу сказать вамъ много...»; въ другомъ мѣстѣ у него прорывается фраза: «Ничего

Библиотека "Руниверс"

не любя отъ избытка любви», въ сущности однозвучная лермонтовскому взгляду: «На время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно». Такихъ и болѣе крупныхъ примѣровъ можно найти много, но это все же не даетъ права устанавливать между ними родства. Они просто современники и естественно, что они, мѣстами, должны совпадать: люди, обстановка, «вѣянья времени» у нихъ одни и тѣ же, но это совпаденіе, родственность не идетъ дальше внѣшнихъ признаковъ жизни. Если же взять ея суть, содержаніе, то пути Григорьева и Лермонтова разойдутся далеко въ разныя стороны. Лермонтовская поэзія сильна единствомъ. Изгнанный съ небесъ на землю, онъ томится на ней и скептически смотритъ на земныя радости, чувства, волненія; все это для него «пустая и глупая шутка», не болѣе, какъ «тетрадь съ давно извѣстными стихами». Единственный разъ его «прорвало» въ стихотвореніи «На смерть Пушкина», когда онъ не могъ молчать, ибо злодѣяніе простерлось на личность явно божественнаго происхожденія, каковымъ отличался и онъ. Даже въ сравненіи съ «вѣчностью», пѣвцомъ которой онъ былъ, эта смерть не была незначащимъ фактомъ, и въ нервномъ, негодующемъ стихѣ излилась безграничная скорбь и гнѣвъ олимпійца.

Григорьева «прорываетъ» на каждомъ шагу, прорываетъ до такой степени страстно, что ему некогда думать о «слогѣ», о чеканкѣ стиха, и потому читателю приходится то спотыкаться на «топоръ общественныхъ понятій», то недоумѣвать при видѣ «пары ясныхъ глазъ» и «знойной физіономіи». Лермонтовъ живетъ небомъ, Григорьевъ—землей; Лермонтовъ смотритъ на землю оттуда, гдѣ

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ,

тогда какъ Григорьевъ, обуянный землей, изъ бездны грѣшнаго паденья со слезами молится небу, пламенно вѣруя въ грядущее искупленье. И его поэзія, главная масса его произведеній, зародилась не въ минуты паренья и мольбы, а въ минуты горькаго преодолѣнія жизни. Это дѣлаетъ его поэзію особенно близкой, понятной, своей, чему въ высокой степени способствуетъ ея народный строй. И нѣтъ, казалось бы, надобности роднить его съ кѣмъ-нибудь. Каждый поэтъ имѣетъ право на свое мѣсто, если что-нибудь свое, индивидуальное онъ внесъ въ литературу, подмѣтилъ въ живущемъ и спокойно или страстно воспѣлъ. Генеалогическія же попытки пора бы оставить, даже у такихъ пылкихъ и одаренныхъ критиковъ, какимъ былъ Бѣлинскій, разстановка дарованій «по мѣстамъ» свелась къ штемпелеванію, наподобіе того, какъ

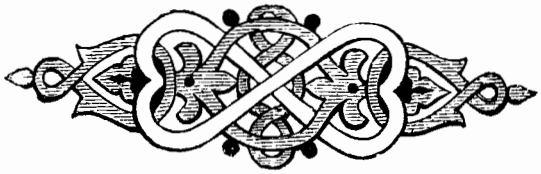
Библиотека "Руниверс"

штемпелюютъ въ складахъ новые выпуски товара. Не въ этомъ задача критики, не въ этомъ призваніе цѣнителей искусства.

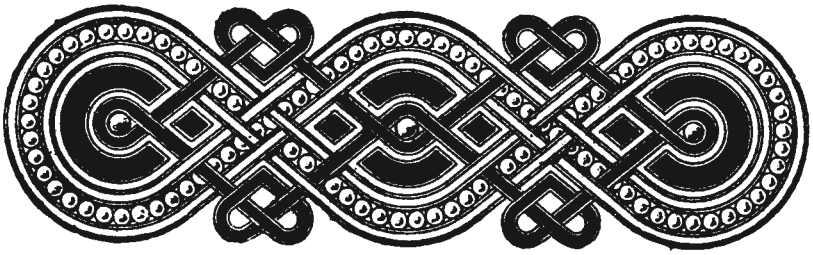
И если съ этимъ взглядомъ подойти къ Григорьеву, то окажется, что и онъ далъ поэзіи не такъ ужъ мало, какъ говорятъ его прижизненные и загробные противники. Онъ остается поэтомъ земной страсти, поэтомъ злой кручины, которая знобитъ душу, сушитъ сердце и сводитъ весь внутренній, божественный ликъ человѣка къ ничтожеству земного праха:

Однако знобко... Сердца боли
Какъ будто стихли... водки, что ли?

И. Б. Смольяниновъ.



Библиотека "Руниверс"



МОСКВИЧЪ.

Посвящается памяти Вукола Михайловича Лаврова.

ТО ИЗЪ интеллигенціи и людей, причастныхъ къ литературѣ и искусству, не зналъ Вукола Михайловича Лаврова въ Москвѣ? Существуютъ такія цѣльныя личности, которыя, не обладая какимъ-либо однимъ крупнымъ талантомъ, оставляютъ послѣ себя въ памяти людей, ихъ знавшихъ, яркій неизгладимый слѣдъ. Къ такимъ личностямъ принадлежалъ Вуколъ Михайловичъ. Онъ жилъ Москвою, дышалъ ею и умеръ тамъ, и теперь, послѣ его смерти, когда приходится изрѣдка заглядывать въ нашу старую столицу, мои мысли обращаются къ прошлому и мнѣ кажется, что тѣнь его витаетъ въ улицахъ Москвы съ ея распашистой жизнью, несравненнымъ хлѣбосольствомъ, отзывчивостью на все русское, сердечной теплотою и патріархальностью, не исключающей стремленія впередъ къ свѣту искусства и человѣческой культуры.

Для Москвы и прирожденныхъ москвичей Вуколъ Михайловичъ былъ «свой» человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Происходя изъ старокупеческой семьи, онъ все свое крупное состояніе, полученное въ наслѣдство отъ отца, отдалъ Москвѣ и журналу «Русская Мысль», возникшему на ея почвѣ и получившему въ свое время широкое распространеніе...

Я не намѣренъ писать біографію этого выдающагося и коренного москвича, во-первыхъ, потому, что всѣ біографіи въ большин-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ весьма скучны, нося характеръ некрологовъ, а, во-вторыхъ, потому, что мое знакомство съ Вуколомъ Михайловичемъ было слишкомъ случайно, эпизодично и для созданія живой біографіи недостаточно. Моя задача иная: дать контуры, блики и отдѣльные мазки этого уже исчезающаго типа московскаго «либерала» старой закваски, съ корнями шестидесятыхъ годовъ, впитавшаго въ себя широкіе размахи «старой» интеллигенціи и смотрящаго нѣсколько скептически на новшества и ломаніе традицій искусства и устоевъ вѣчной красоты. Мимо него прошли всѣ московскіе таланты, всѣ звѣзды искусства и литературы, которыми всегда была не бѣдна наша древняя старушка, и каждый или каждая изъ «проходящихъ» оставляли нѣкоторый слѣдъ въ его открытой нараспашку душѣ, и за каждымъ проблескомъ «искры Божьей» онъ гонялся, какъ охотникъ за дичью, и нерѣдко увлекался...

Съ Вуколомъ Михайловичемъ я познакомился случайно въ періодъ его увлеченія польской литературой, когда онъ писалъ полные жизни переводы романовъ Сенкевича, котораго онъ талантливо популяризировалъ среди русской публики, и положилъ, кажется, краеугольный камень славы этого романиста на русской почвѣ. Увлеченіе это навѣяно было женскимъ вліяніемъ, и Вуколъ Михайловичъ создалъ изъ него особый культъ, священный уголокъ въ своей душѣ, куда онъ пускалъ далеко не каждаго. По своему размаху въ описаніи героевъ Сенкевичъ были близокъ широкой натурѣ Вукола Михайловича. Но, несмотря на это увлеченіе героической стороной полонизма, родственной славянству, «корни земли русской» тянули его къ себѣ. Онъ тяготился, какъ онъ выражался, «безвременьемъ» русской литературы, возмущался «тусклостью» и «инертностью» русской жизни и ждалъ новаго Мессію, витая мыслью въ прошломъ, среди «славной стаи» блестящихъ художниковъ, не только беллетристовъ, но и актеровъ и музыкантовъ, такъ какъ ничто въ каждомъ искусствѣ ему не было чуждо и... кажется, такъ и умеръ, не дождавшись этого Мессіи.

Встрѣтился въ первый разъ я съ нимъ на Черномъ морѣ, въ каютѣ парохода, шедшаго изъ Новороссійска въ Сочи, лѣтъ четырнадцать тому назадъ, когда русскихъ людей, а въ особенности столичныхъ, охватила горячка пріобрѣтенія разныхъ «mon repos» на Черноморскомъ побережьи. Къ тому же министерство (тогда земледѣлія и государственныхъ имуществъ) гостепріимно распахнуло двери на культурные участки, создавъ льготныя условія покупки. Рисовались золотыя горы въ мечтахъ падкихъ до разныхъ льготъ русскихъ обывателей, среди которыхъ не мало было лицъ съ аристократическими фамиліями, людей разныхъ чиновъ, званій и профессій, свободныхъ и не свободныхъ, людей съ капиталами и безъ оныхъ, двадцатниковъ, ломающихъ гроши сберегательныхъ кассъ, и людей науки и литературы, стремящихся успокоиться

Библиотека "Руниверс"

среди «субтропической» природы. Туда, на «сине море потащился», по его выраженію, и Вуколъ Михайловичъ присмотрѣть для себя «mon repos», но пожилъ тамъ, поглядѣлъ... плюнулъ и назадъ уѣхалъ. Вотъ въ этотъ-то періодъ его «глядѣнья и плеванья» на всю, по его словамъ, «мерзость» сочинскихъ порядковъ я съ нимъ и вращался.

Боже мой, какъ онъ кипѣлъ и раздражался на алчные аппетиты эксплоататоровъ раздаваемыхъ участковъ, вампировъ, которые держали въ своихъ цѣпкихъ рукахъ карманы и желудки наивныхъ посѣтителей Черноморскаго побережья, ищущихъ и жаждущихъ обрѣсти душевное и физическое спокойствіе! Какъ онъ страдалъ отъ голода, да, настоящаго голода, которымъ томились несчастные путешественники вслѣдствіе отсутствія настоящей гостиницы, замѣняемой тогда пансіономъ могущественнаго Ф.! Съ какимъ омерзѣніемъ онъ проглатывалъ сухія котлеты, похожія на подошвы, сравнивая ихъ со «средостѣніемъ русской жизни». Его мысли и всѣ вожделѣнія направлялись къ Западу, къ Европѣ, къ тамошнимъ курортамъ, и русскіе «порядки» до глубины души возмущали закоренѣлаго москвича, въ которомъ отлично уживался ярый «западникъ» со всей московской подоплекой. Тогда доставалось на орѣхи всему современному укладу нашей жизни, причемъ чиновники и бюрократы были главною его мишенью. Къ нимъ относился онъ съ брезгливостью, доходящей до ненависти, отстаивая всякое живое проявленіе свободной мысли, въ какую бы область она ни заносилась—жизни, литературы, музыки, сцены, безразлично. Вуколъ Михайловичъ былъ врагомъ всякаго «футляра» въ человѣкѣ, видя въ такомъ внутреннемъ панцырѣ признаки ненавистнаго ему карьеризма, столь нынѣ моднаго въ жизни и искусствѣ. При футлярномъ человѣкѣ онъ моментально вспыхивалъ, раздражался, его глаза начинали безпокойно бѣгать, и онъ самъ метался, какъ рыба, попавшая изъ воды на сухую землю... Меня, служилаго человѣка, спасала музыка, и моя склонность къ фортепьянной игрѣ нерѣдко (хотя и не всегда) защищала отъ его ядовитыхъ стрѣлъ и онъ мнѣ прощалъ мою скромную «службу». Стоило мнѣ только дотронуться до какого-нибудь пароходнаго піанино и заиграть что-либо изъ Шопена или Бетховена, какъ Вуколъ Михайловичъ преображался. Куда дѣвалась его нетерпимость? Черты широкаго русскаго лица смягчались, глаза загорались внутреннимъ свѣтомъ, а уста шептали дорогое для Москвы имя Н. Г. Рубинштейна, котораго онъ считалъ музыкальнымъ богомъ...

Для Вукола Михайловича я былъ однимъ изъ многихъ «прохожихъ» людей, которыхъ онъ видалъ тысячи на своемъ вѣку, но «терзанія» на сочинскомъ побережьи, пережитыя вмѣстѣ съ нимъ, засѣли крѣпко въ его памяти. Онъ взялъ съ меня слово остановиться у него въ Москвѣ, уголки которой, дорогіе для него, онъ обѣщалъ

Библиотека "Руниверс"

мнѣ показать, равно какъ и «святыню», оставшуюся не тронутой послѣ смерти его великаго музыкальнаго друга.

Опуская подробности нашей встрѣчи съ Вуколомъ Михайловичемъ на Черномъ морѣ, я переношу дѣйствіе въ Москву, его родину, гдѣ въ немногихъ штрихахъ личность его можетъ обрисоваться въ болѣе натуральномъ освѣщеніи и его мысли явятся наиболѣе соотвѣтствующими естественной обстановкѣ, окружавшей его въ теченіе жизни.

Вуколъ Михайловичъ принялъ меня въ своей уютной и скромной квартирѣ радушно, какъ настоящій москвичъ. Никакого удивленія, никакой принужденности, какъ это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда люди, особенно петербургскіе, приглашаютъ для приличія случайнаго знакомаго, а потомъ забываютъ и удивляются, если тотъ вздумаетъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

— Ну, вотъ, прекрасно, что сдержали слово. А вещи ваши?

— У меня ихъ немного. Всего одинъ чемоданъ да подушка съ пледомъ,—отвѣтилъ я, здороваясь съ нимъ «по-русски», какъ со старымъ знакомымъ.

— То-то, а то бы было вамъ стыдно останавливаться въ гостиницѣ.

Бываютъ такія квартиры, въ которыя какъ войдешь, такъ и почувствуешь себя, какъ дома, безъ всякаго стѣсненія. Даже въ стѣнахъ, въ мебели, въ совершенно неодушевленныхъ предметахъ чувствуется какая-то удивительная привѣтливость и располагающая къ себѣ уютность.

Въ гостиной стоялъ старый рояль Бехштейна, полисандроваго дерева, длинный, массивный. Онъ казался святилищемъ для меня по скрытымъ въ немъ тайнамъ прошлаго.

— Вотъ на немъ и игралъ Николай Григорьевичъ,—сказалъ Вуколъ Михайловичъ, поднимая крышку:—попробуйте.

— Страшно и прикоснуться къ нему послѣ такого великаго піаниста,—и дѣйствительно, я почувствовалъ, какъ мои пальцы похолодѣли и покрылись влагой отъ прикосновенія къ пожелтѣвшимъ клавишамъ.

— Ничего, смѣлость города беретъ, да и не вамъ робѣть... Сыграйте-ка мнѣ «Коровушку»,—и онъ поставилъ на пюпитръ етрадь съ сонатами Бетховена, открывъ первую страницу.

— Вѣдь первая соната написана на мотивъ русской пѣсни «Ты поди, моя коровушка, домой». Такъ?

Я не могъ не согласиться и удивился его пониманію Бетховенской темы. И по силѣ и возможности исполнилъ его желаніе. Вуколъ Михайловичъ былъ незамѣнимымъ слушателемъ. Во время игры онъ весь погружался въ слухъ, и со стороны никто не смѣлъ

Библиотека "Руниверс"

нарушать тишину и, казалось, если бы кто это сдѣлалъ, то болѣе оскорбилъ бы его, чѣмъ исполнителя. Я ему это сказалъ:

— Я вѣдь не дама, которая скажетъ музыканту: «jouez quelque chose», и сама займется разговоромъ съ сосѣдкой или сосѣдомъ подъ шумъ музыки и замолчитъ, когда вещь будетъ кончена. Слушать, по-моему, такъ слушать, а говорить такъ говорить. Я вамъ напомню эпизодикъ съ Николаемъ Григорьевичемъ (фамилію Рубинштейна онъ почти не называлъ никогда). Въ одномъ изъ многолюднѣйшихъ концертовъ въ Дворянскомъ собраніи онъ долженъ былъ дирижировать оркестромъ. Начиналъ онъ тогда и поднималъ свою волшебную палочку, когда публика совершенно успокаивалась и въ залѣ наступала тишина. Въ такой моментъ, можно сказать, священный, проходятъ въ первый рядъ двѣ титулованныя дамы, шурша своими шелками и тихо щебеча. Онъ опустилъ палочку и далъ имъ усѣсться, подъ нетерпѣливыми взглядами окружающихъ, а затѣмъ началъ исполненіе. Но дамы не успокоились и продолжали разговаривать. Тогда онъ остановилъ оркестръ и обернулся къ нимъ при шиканьи публики. «Вы кончили, mesdames, могу я продолжать?» громко спросилъ онъ ихъ. Конечно, имъ ничего не оставалось, какъ уйти при такомъ конфузѣ. Не правда ли, недурная вышла картинка? Вотъ какъ онъ относился къ музыкѣ и какого требовалъ къ ней вниманія и меня онъ научилъ слушать. Хотя дорого досталась мнѣ эта наука, болѣе половины моего состоянія ушло на препровожденіе времени съ нимъ за ужинами, за обѣдами, кутежами и всякими гуляньями... Да, широкая, геніальная натура была у него.

И Вуколъ Михайловичъ погрузился въ воспоминанія о любимомъ всей Москвой человѣкѣ и артистѣ, извѣстномъ своей бурной жизнью и трагическимъ концомъ.

— Много было прожито и пережито съ нимъ... А прожито такъ, что отъ почти милліоннаго состоянія, оставленнаго мнѣ отцомъ, сохранилась одна «Русская Мысль», дающая мнѣ средства къ жизни... А посему, чтобы не впадать въ мерехлюндію, поѣдемъ сегодня въ старый «Эрмитажъ» и тамъ пообѣдаемъ, вспомнивъ старину.

Около шести часовъ мы поднимались по роскошной лѣстницѣ «Эрмитажа» и вошли въ залъ при низкихъ поклонахъ многочисленной прислуги, которая очень хорошо «знала» и почитала Вукола Михайловича.

— Вѣдь здѣсь я оставилъ добрую часть моего наслѣдства, не даромъ они такъ низко мнѣ кланяются,—добродушно проговорилъ онъ.

Сѣвъ за столикъ, онъ подозвалъ пожилого лакея, издали наблюдавшаго за нами.

— Собери-ка намъ закусочку, знаешь, какую...

— Какъ не знать-съ, Вуколъ Михайловичъ, не въ первой.

Библиотека "Руниверс"

— А обѣдъ то какой у васъ сегодня?

Лакей подалъ карточку.

— Ну, это какой же обѣдъ,—сурово проговорилъ Вуколъ Михайловичъ, пробѣжавъ названія блюдъ:—пойду-ка я самъ къ повару поговорить, кормиться такъ кормиться, какъ слѣдуетъ,— и онъ, грузно поднявшись, вышелъ изъ залы.

— Любятъ Вуколъ Михайловичъ покушать на славу,—замѣтилъ съ усмѣшкой Василій, уставляя столъ самыми рѣдкими и дорогами закусками. Боже мой! Чего-чего тутъ не явилось... И лангустъ, и жареныя устрицы, разносортная икра и балыки... и всякіе грибки...

— Неужели это на двоихъ?—воскликнулъ невольно я.

— Навѣрно-съ, кто-нибудь еще прибудетъ,—проговорилъ Василій.

И, дѣйствительно, съ разныхъ концовъ подошли Вуколъ Михайловичъ и еще трое компаньоновъ, изъ которыхъ одинъ оказался его сыномъ-студентомъ, другой извѣстнымъ всей Москвѣ актеромъ, а третій музыкальнымъ критикомъ тоже съ громкой фамиліей.

Какъ-то сразу Вуколъ Михайловичъ меня со всѣми познакомилъ и, очевидно, онъ имѣлъ такой авторитетъ, такое довѣріе внушалъ всѣмъ его окружающимъ и близкимъ, что новое лицо, въ родѣ меня, вводимое въ «его» кругъ, дѣлалось тотчасъ же своимъ человѣкомъ, и незнакомые ранѣе люди уже сразу довѣрчиво относились. Никакого не чувствовалось принужденія и той подозрительности, которая невольно вкрадывается при новыхъ случайныхъ встрѣчахъ.

Обѣдъ былъ поданъ тончайшій. Комбинація изъ кушаній и винъ была удивительная. Вуколъ Михайловичъ показалъ, какъ «ѣдали они съ Николаемъ Григорьевичемъ». Здѣсь проявилась своего рода гордость гастронома высшей марки, какимъ онъ былъ. Но если бы дѣло все состояло въ пищѣ, то этотъ обѣдъ, вѣроятно, не оставилъ бы послѣ себя такого впечатлѣнія. Но Вуколъ Михайловичъ былъ гастрономомъ мысли еще большимъ, чѣмъ пищи. И въ его присутствіи само собой зарождались идеи обо всемъ «прекрасномъ», объ искусствѣ во всякомъ проявленіи, будь то музыка или литература или сцена. Онъ дѣлалъ часто рѣзкія замѣчанія на своемъ своеобразномъ языкѣ, и всѣ они, какъ бы ни были парадоксальны, порождали массу мыслей и открывали разнообразные горизонты.

Сынъ его, тогдашній студентъ, М. В., увлекался сочиненіями Ницше, который былъ временнымъ божкомъ молодежи, и за этимъ обѣдомъ доказывалъ альфу и омегу его мудрости, характеризуя его какъ учителя современной жизни. И когда я замѣтилъ, что еще не успѣлъ достаточно познакомиться съ ученіемъ этого философа, онъ на меня набросился съ горячностью юноши, указывая на «всечеловѣчность, всеобъемлемость этого геніальнаго мыслителя»,

Библиотека "Руниверс"

хоть «отецъ его и не долюбливаетъ»,—прибавилъ онъ въ сторону Вукола Михайловича.

— Сынъ мой, не порти мнѣ аппетитъ панегирикомъ Ницше,— замѣтилъ, медленно пережевывая пищу, Вуколъ Михайловичъ:— твоихъ восторговъ раздѣлять не могу и попрежнему считаю Ницше жестокимъ проповѣдникомъ эгоизма, самаго отчаяннаго.

— Не всегда же возможно питаться расплывчатымъ прекраснодушіемъ и альтруизмомъ писателей шестидесятыхъ годовъ,—замѣтилъ М. В.

— Прекраснодушіе оставимъ, сынъ мой, и старые писатели сдѣлали свое большое дѣло. Никто не говоритъ, что жизнь должна окаменѣть и не облекаться вмѣстѣ съ искусствомъ въ новыя формы. Но зачѣмъ же топить другъ друга такъ безпощадно, какъ это рекомендуетъ столь прославляемый нынѣшней молодежью г. Ницше?

— Нашъ вѣкъ жестокій и не терпитъ сентиментальностей. Ницше провозглашаетъ право сильнаго и внутреннее самоусовершенствованіе каждаго индивидуума, а если кто слабъ и не можетъ выдержать всемірной борьбы, тотъ долженъ сойти со сцены.

— И уже никогда ему никто не долженъ протянуть руку помощи?—спросилъ актеръ.

— По ихнему толкованію,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ воскликнулъ Вуколъ Михайловичъ:—Боже упаси! Это—преступленіе.

— Ну, а ваша университетская касса взаимопомощи не противорѣчитъ теоріи Нитше?—спросилъ критикъ.

— Нисколько,—отвѣтилъ студентъ:—отецъ дѣлаетъ крайніе выводы, и студенчество не отрицаетъ возможности взаимной матеріальной поддержки, тѣмъ болѣе, что молодежь еще находится въ періодѣ развитія. И самоусовершенствованіе понимается по Ницше въ высшемъ смыслѣ безъ всякаго соотношенія съ матеріализмомъ.

— Ну, а скажи, сынъ мой, какъ ты считаешь Чехова?—внезапно спросилъ Вуколъ Михайловичъ.

— Я очень уважаю Антона Павловича и считаю его многообѣщающимъ писателемъ,—отвѣтилъ бойко студентъ. (Тогда еще А. П. Чеховъ благополучно здравствовалъ).

— Ну, вотъ видишь. Этотъ многообѣщающій, по твоему скромному опредѣленію, а по моему крупнѣйшій современный писатель, сотрудничествомъ котораго я весьма горжусь, какъ издатель «Русской Мысли», съ какой любовью описываетъ сѣренькаго, будничнаго, слабенькаго человѣка! Какимъ мощнымъ художественнымъ размахомъ онъ зоветъ его къ жизни! Какъ нянчится, можно сказать, съ нимъ нашъ Антонъ Павловичъ! Да самая-то русская жизнь не слагается ли изъ конгломерата будничныхъ сѣрыхъ людей, которые въ большинствѣ весьма далеки отъ идеи самоусовер-

Библиотека "Руниверс"

шенствованія! И эту жизнь живописуетъ Чеховъ съ великой любовью, едва ли меньшей, чѣмъ Достоевскій въ своихъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ».

— Это область художества, а не философіи...

— А развѣ можетъ философія быть отрѣзанной отъ жизни и изображающей ее литературы?—спросилъ критикъ.

— Если коснуться русской сѣренькой жизни,—заговорилъ студентъ, не отвѣтивъ на вопросъ критика:—то она будетъ всегда сѣра и печальна, пока будетъ существовать бюрократическій укладъ жизни и настоящій режимъ...

— Э, братъ, ты залетаешь ужъ въ область политики, а это—почва очень шаткая, да и безконечная... Господа, обѣдъ конченъ... Если вы не голодны, пройдемъ въ отдѣльный кабинетъ съ роялью, велимъ подать туда вино и фрукты и унесемся въ міръ звуковъ. Намъ П. И. что-либо изобразитъ.

Я сталъ отнѣкиваться, но меня увлекли въ громадный отдѣльный кабинетъ, отдѣланный коврами и обставленный съ ресторанной роскошью, гдѣ стоялъ большой, но, какъ во всѣхъ самыхъ дорогихъ ресторанахъ, разбитый и разстроенный рояль.

Я не помню даже теперь, что и какъ я игралъ. Смутно помню, что пили не мало шампанскаго, актеръ Р. много говорилъ про искусство сценическое и музыкальное, вспоминали корифеевъ «стариковъ» сцены, Ѳедотову, Ермолову, Комиссаржевскую, Савину, Стрѣльскую, Давыдова, Варламова, Южина. О каждомъ и о каждой изъ свѣтилъ сцены Вуколъ Михайловичъ умѣлъ вставить острое словцо и дѣлалъ краткія и мѣткія характеристики. Въ этомъ «кабинетѣ», въ этой разошедшейся компаніи, въ присутствіи Вукола Михайловича, все дышало Москвой, гостепріимной, широкой, любвеобильной, со славянской душой и размахомъ. Если хотите, это было бражничанье, но бражничанье, одухотворенное мыслью и образами. И самыя стѣны «кабинета», видавшія виды и оргіи расходившихся москвичей, потеряли въ этой компаніи пошлый ресторанно-закутильный видъ и словно проникались атмосферой вдохновеннаго благородства, внушаемаго Вуколомъ Михайловичемъ. И тутъ, при этомъ заключительномъ аккордѣ обѣда, можно было догадаться, почему Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ со своей широкой натурой, требовавшей постояннаго наркоза, не могъ обойтись безъ сообщества Вукола Михайловича, который даже разнузданному веселью кутежа умѣлъ придать артистическій привкусъ и художественную оболочку.

Среди дорогого хрусталя, отражающаго яркій свѣтъ канделябровъ, среди тонкихъ винъ и фруктовъ его умъ пѣнился той искрометною игрою, которая заражаетъ умы другихъ людей и держитъ въ приподнятомъ настроеніи, далекомъ отъ низменной оргіи отъявленныхъ кутилъ и забулдыгъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВУКОЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЛАВРОВЪ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

На другой день, когда я проснулся въ квартирѣ Вукола Михайловича, его уже не было: онъ ушелъ въ «свою редакцію». Его сынъ-студентъ, М. В., мною любезно занялся и сталъ мнѣ показывать древнюю Москву съ ея Кремлемъ и достопримѣчательностями, съ ея кривыми, безтолковыми улицами, мостовыми съ острымъ булыжникомъ и извозчиками, похожими на древнихъ угодниковъ. Я впитывалъ въ себя старую Москву, стоя у окна въ Кремлѣ, откуда выскочилъ Дмитрій Самозванецъ, который именно долженъ былъ «выскочить» изъ русской жизни, чуждый ея духу, какъ случайный налетъ. Я проникался исторіей Руси, трогая старенькое одѣяло, покрывавшее кровать, кажется, царя Алексѣя Михайловича, на половину истлѣвшее, я переносился въ прежнюю эпоху, входя въ тайникъ, изъ котораго царь Иванъ Грозный высматривалъ невѣстъ, а въ старомъ тронномъ залѣ мнѣ подъ балдахиномъ мерещилась тѣнь царевича Дмитрія. Темнота соборовъ съ мерцающими лампадами у ракъ святыхъ внушала сосредоточенное настроеніе. Вспоминался двѣнадцатый годъ, Наполеонъ и его пребываніе въ Кремлѣ. Казалось колоссальной ошибкой генія пренебреженіе къ народнымъ святынямъ и обращеніе въ конюшни старинныхъ историческихъ храмовъ. Не будь такого затменія его великаго ума, не было бы такого всенароднаго возмущенія противъ него, и, быть можетъ, его конецъ былъ бы не столь плачевенъ и паденіе не столь ужасно. Мысли о прошлой судьбѣ Россіи тучами роились въ головѣ, и каждая облупившаяся стѣна съ остатками древняго письма, каждая колонна навѣвали «историческія» мысли.

Я дѣлился ими отчасти съ моимъ спутникомъ, на него тоже дѣйствовала старина, хотя видно было, что она уже ему пріѣлась, и онъ скорѣе «заражался» моимъ настроеніемъ.

— Ну, а какъ, М. В., это «все» не противорѣчитъ ученію Ницше?—спросилъ я его лукаво.

— Нѣтъ, Ницше не нарушаетъ старины и исторіи, онъ только хочетъ на старомъ фундаментѣ создать новую жизнь, а главное—усовершенствовать индивидуума внутри самого себя.

Дома уже мы застали Вукола Михайловича.

— Ну, что? Старинку посмотрѣли нашу?—встрѣтилъ онъ насъ, глядя своими свѣтлыми, улыбающимися глазами.

— Какъ же,—отвѣтилъ я:—я весь проникся ею.

— Да, батенька, это не вашъ Петербургъ, выросшій какъ грибъ изъ болота, это матушка-Москва со всей русской исторіей...

Онъ подвелъ меня къ окну.

— Вы посмотрите на этотъ одноэтажный домъ съ колоннами, съ широкимъ подъѣздомъ, съ тѣнистымъ садомъ и каменной оградой. Посмотрите на эту старую екатерининскую постройку, помѣщичью, широкую, хозяйственную. Здѣсь живетъ одна москов-

Библиотека "Руниверс"

ская старуха-помѣщица съ собачками, приживалками, дворней. Ея рука времени мало коснулась. Надъ ней безслѣдно пронесся шестьдесятъ первый годъ. Она живетъ прошлой жизнью, не желая видѣть настоящую, такъ и умретъ. Вотъ гдѣ Москва старая, незыблемая и неизмѣнная. Такихъ много уголковъ здѣсь. А вотъ взгляните на эту крышу съ башнями. Это—домина, построенный съ декадентскими вывертами и штуками въ стилѣ модернъ, или, лучше сказать, чортъ знаетъ, въ какомъ. Его нагрохалъ купецъ Х., весь проникнутый современностью, исканіемъ новыхъ путей въ искусствѣ и въ архитектурѣ, а поскребите его хорошенько, запахнетъ татариномъ и московскими растегаями и «ндраву моему не препятствуй». Такова Москва, гдѣ встрѣчается самоновѣйшее съ древней сѣдой стариной, модернизмъ и нигилизмъ съ теремами и лампадками Замоскворѣчья. Пестрый, разнообразный городъ Москва, но самобытный и интересный...

— Любите вы ее, Вуколъ Михайловичъ?

— Да, люблю очень, какъ свое родное, гдѣ я жилъ, выросъ и гдѣ умру. Люблю, какъ центръ родины, какъ воплощеніе Россіи, ея пестрой жизни и не менѣе пестрой исторіи.

Къ вечеру зашелъ одинъ изъ сотрудниковъ журнала.

Опять былъ открытъ рояль. И за «папашей» Бетховеномъ мы унеслись въ отвлеченныя сферы звуковъ.

— Господи, какъ я люблю музыку, особенно «папашину» (онъ такъ называлъ Бетховена), какъ я за ней успокаиваюсь. Куда отлетаютъ всѣ житейскія заботы и дрязги...

Когда я сыгралъ, по мѣрѣ силъ и возможности, «Лунную сонату» Вуколъ Михайловичъ долго сидѣлъ, закрывши голову руками, въ глубокой задумчивости, и никто не рѣшался прервать тишину.

— Знаете что, П. И.,—и онъ поднялъ голову:—послѣ «этого» не хочется говорить, а хочется смотрѣть въ «себя», уйти отъ міра будничнаго, залѣзть въ какія-нибудь развалины древняго замка или монастыря, освѣщеннаго таинственнымъ свѣтомъ луны, и оттуда, съ полуразвалившейся стѣны подслушивать тайны природы, какъ трава растетъ, какъ цвѣты распускаются, прислушиваться къ отдаленному удару колокола и слѣдить за луннымъ свѣтомъ, лучомъ, какъ онъ скользитъ по остаткамъ старины, по зубцамъ стѣны, по мохомъ покрытой башнѣ,—и онъ опять задумался.

— Ну, и замечтались же вы сегодня, Вуколъ Михайловичъ. Исполать вамъ, П. И.!—сказалъ сотрудникъ.

— Мое диллетантское исполненіе слишкомъ несовершенно, чтобы приписывать моей игрѣ такое настроеніе Вукола Михайловича,—отвѣтилъ я.

— Тутъ дѣло не въ исполненіи, а въ самомъ произведеніи,—проговорилъ Вуколъ Михайловичъ:—зависитъ отъ музыканта по-

Библиотека "Руниверс"

ниманіе общаго духа вещи, техническія же неточности и даже ошибки не могутъ испортить общаго впечатлѣнія, разъ исполнитель понялъ и почувствовалъ произведеніе. А вы его поняли, и мнѣ болѣе ничего не надо.

Пошли въ столовую къ чаю и закускѣ. Разговоръ перешелъ на литературныя темы. Я тогда началъ пописывать и, сидя рядомъ съ Вуколомъ Михайловичемъ, сознался ему «на ухо», что написалъ «повѣсть» изъ своей жизни.

— Вотъ это напрасно,—сказалъ онъ тихо:—не сомнѣваясь въ вашемъ дарованіи и тутъ, я вамъ не предсказываю успѣха, разъ вы начинаете съ крупной вещи. Это—страсть у начинающихъ непремѣнно браться за крупную форму—романъ или повѣсть—и расплыться въ массѣ деталей. Вы возьмите талантливѣйшаго А. П. Чехова. Посмотрите на его великолѣпныя миніатюры. Какъ у него все просто, сжато, обработано и ничего нѣтъ лишняго. Возьмите маленькій сюжетъ для маленькаго разсказа, разработайте его, обсосите его, какъ конфетку, и повѣрьте, что врядъ ли какой редакторъ откажется его напечатать. Но эта работа нелегкая, кропотливая даже при талантѣ. Не легче, чѣмъ написать живописцу хорошій этюдъ. Сравните художниковъ живописи. Прежде, чѣмъ написать картину большого размѣра, сколько они пишутъ маленькихъ этюдовъ, сколько у нихъ такъ называемой «кухни» виситъ по стѣнамъ мастерской. И эту «кухню» они никому не дадутъ на продажу и нигдѣ не выставятъ на судъ публики. Беллетристика—та же живопись, но только въ словѣ, въ образахъ и мысляхъ. Дойти до способности комбинировать отдѣльныя картинки и этюды въ цѣлую большую картину жизни—это вѣнецъ для писателя, и достичь этой высокой техники возможно только послѣ многихъ лѣтъ упорнаго труда и множества отдѣльныхъ опытовъ. Начинать же сразу съ конца нельзя,—выйдетъ мазня, расплывчатость и, въ общемъ, ахинея...

«Сотрудникъ» съ восторгомъ смотрѣлъ и слушалъ эту рѣчь Вукола Михайловича, какъ слушаютъ маэстро, говорящаго про исподнюю искусства, про «дѣланіе» его, начиная съ начальной ступени, кончая высотой.

Впослѣдствіи я убѣдился въ вѣрности мнѣнія, высказаннаго Вуколомъ Михайловичемъ, и, конечно, моя «повѣсть» не увидѣла свѣта.

. . . . . .

На другой день я прощался съ Вуколомъ Михайловичемъ и его сыномъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

— Охъ, не люблю я вашего Питера,—говорилъ Вуколъ Михайловичъ въ прихожей:—всякій разъ, какъ я ѣду туда, чувствую себя мученикомъ. Какъ будто съ самаго Николаевскаго вокзала сажаютъ меня въ какую-то клѣтку, по которой я, какъ звѣрь,

Библиотека "Руниверс"

долженъ соваться изъ угла въ уголъ. Улицы всѣ построены съ аракчеевскою правильностью. И мнѣ кажется, что жители по нимъ не ходятъ, а маршируютъ, затянутые въ разнообразные мундиры. Всякое чувство человѣчности глохнетъ или вставляется въ рамки. Нѣтъ «фантазіи жизни»... Всѣ спѣшатъ адски «по собственнымъ дѣламъ». У каждаго редактора время разбито по секундамъ, а ужъ про департаменты и говорить нечего. Когда мнѣ приходится ждать въ пріемныхъ, я беру съ собой какой-нибудь толстый романъ въ родѣ Диккенса и читаю его по главамъ, и вѣрите ли? Въ одинъ пріѣздъ я осилилъ его въ пріемныхъ, хлопоча, а былъ романъ такъ въ страницъ около тысячи. Сухой вашъ Петербургъ, болотистый, бюрократическій, холодный и «футлярный»...

— Да, въ Москвѣ дышится легче, вольготнѣе...

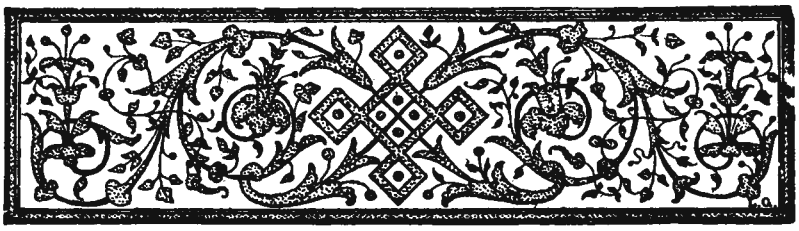
— Если хотите, я и Москву считаю базаромъ, хотя и люблю ее, но для моей работы она тоже шумна и пестра, я говорю не про редакторство, но про мои любимые переводы изъ Сенкевича. Я люблю углубляться въ моей Шелковкѣ, моемъ «mon repos» подъ Москвою, куда я удаляюсь, уѣду и на дняхъ. Тамъ я и не въ Москвѣ, а близко Москвы; сутолоки и базарной пестроты нѣтъ, но пахнетъ Москвой. Но зато тишина, уютъ, спокойствіе. Я тамъ хозяинъ и работникъ. И ни на какую южную природу я не промѣняю, особенно осенью, моихъ липъ и березъ, ихъ желтую листву, разбросанную по дорожкамъ сада... Видите, какъ я размечтался...—спохватился Вуколъ Михайловичъ:—пожалуй, еще васъ задержу и опоздаете на поѣздъ.

Мы съ нимъ обнялись по-русски и простились, къ сожалѣнію, навсегда.

Сколько разъ я потомъ ни проѣзжалъ черезъ Москву, но не заставалъ Вукола Михайловича Лаврова, онъ сидѣлъ въ своей любимой Шелковкѣ, «не въ Москвѣ, но близъ нея». Какъ я жалѣю, что обстоятельства не дали мнѣ заглянуть въ Шелковку и увидать во весь ростъ Вукола Михайловича въ его «любимой» обстановкѣ, у себя, въ тиши и уютѣ «его дома» и побесѣдовать съ нимъ, сидя на скамеечкѣ подъ березами, роняющими желтую листву, при закатѣ солнца, обагряющаго осеннимъ свѣтомъ верхушки родныхъ деревьевъ «его сада»... Но ушедшаго въ вѣчность и прошлаго не вернуть!..

Петръ Соколовъ.

Библиотека "Руниверс"



ИЗЪ ИСТОРІИ НѢМЕЦКАГО КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВА И ШПІОНАЖА ВЪ РОССІИ.

Какъ извѣстно, первымъ убѣжденнымъ и горячимъ проповѣдникомъ идеи германскаго мірового владычества былъ Іоганнъ Фихте, имѣвшій исключительное вліяніе на нѣмецкіе умы своими «Рѣчами къ нѣмецкому народу», произнесенными и изданными въ Берлинѣ въ 1807 году. Наиболѣе талантливымъ и настойчивымъ реализаторомъ этой идеи былъ графъ Гербертъ Бисмаркъ, укрѣпившій милитаризмъ Германіи и создавшій ея внѣшнюю политику на принципахъ Маккіавелли. Въ политическую завоевательную программу Бисмарка, однако, не входила война съ Россіей: русскихъ, какъ низшую, по его мнѣнію, расу, легко поддающуюся чужеземному вліянію, онъ думалъ завоевать мирнымъ путемъ.

Съ этой цѣлью нѣмцы, между прочимъ, начали усиленно высылать въ Россію своихъ миссіонеровъ германизма, культуртрегеровъ разныхъ профессій. Пользуясь поддержкой сильной придворной нѣмецкой партіи, сплоченностью нѣмцевъ, ихъ воспитаннымъ въ русскомъ обществѣ обаяніемъ, культуртрегеры скоро пріобрѣтали себѣ симпатіи и занимали выдающіяся должности и общественныя положенія, не переставая въ то же время служить Германіи, ея завоевательной политикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ иногда и дѣлу шпіонажа. Предъ глазами довѣрчивыхъ русскихъ людей прошли не замѣченными сотни, а можетъ быть и тысячи подобныхъ дѣятелей, злѣйшихъ враговъ Россіи, и только случайно попадающіеся нѣмец-

Библиотека "Руниверс"

кіе источники сообщаютъ намъ правду, вскрываютъ въ истинномъ свѣтѣ ихъ преступную дѣятельность.

Типичнымъ представителемъ подобныхъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ является Фридрихъ-Клеменсъ фонъ-Мейеръ, котораго двадцать пять лѣтъ (1850—1874 гг.) добродушные петербуржцы величали «Ѳедоромъ Егоровичемъ».

Имя это въ настоящее время въ Россіи мало извѣстно. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (т. 36, стр. 954) говорится, что Мейеръ былъ въ 1851—1874 гг. лекторомъ нѣмецкаго языка и литературы въ петербургскомъ университетѣ, издавалъ «St. Petersburger Deutschen Zeitung». Очевидно, понажившись въ Россіи и получивъ за двадцать пять лѣтъ службы русскую пенсію, онъ возвратился въ фатерландъ, получилъ почетную должность профессора знаменитаго гейдельбергскаго университета, издалъ нѣсколько книгъ о русской литературѣ, о русскомъ нигилизмѣ («Ueber die Russischen Nihilisten»), гдѣ доказывалъ упадокъ и разложеніе русскаго общества.

Въ другомъ свѣтѣ и гораздо подробнѣе говоритъ о Мейерѣ его нѣмецкій біографъ въ посвященной ему хвалебной статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ иллюстрированныхъ журналовъ за 1865 годъ, т. е. еще во время дѣятельности Мейера въ Россіи [1]). Изъ нея видно, что пребываніе Мейера въ Петербургѣ, который прямо называется «Русской Германіей», имѣло особое назначеніе, ему воздаются похвалы, какъ объединителю всѣхъ нѣмцевъ въ Россіи, какъ «піонеру, апостолу всемірной нѣмецкой миссіи», какъ великому патріоту, при посредствѣ котораго можно получить «самыя достовѣрныя свѣдѣнія» о внѣшней политикѣ Россіи (чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ).

Статья начинается восхваленіемъ, въ духѣ Фихте, нѣмецкой націи. «Хотя видимость,—пишетъ авторъ,—сильно говоритъ противъ насъ, но тѣмъ не менѣе мы, нѣмцы, самый могущественный и самый завоевательный (mächtigste und eroberndste) [2]) народъ. Нѣмцы распространились по всей вселенной и вездѣ являются миссіонерами культуры, апостолами практическаго космополитизма.

«Въ Россіи же нѣмцамъ принадлежатъ самыя значительныя сферы образованія (Cultursphären), начиная отъ высшихъ государственныхъ чиновниковъ до булочниковъ, которые одни лишь имѣютъ привилегію печь бѣлый хлѣбъ. Нѣмецкая наука, нѣмецкое искусство, нѣмецкіе преподаватели, врачи и аптекари, литераторы, ученые и учащіе всякаго

---

[1]) «Die Gartenlaube». Leipzig. 1865 г. № 21, стр. 336, и № 43, стр. 688. Этотъ журналъ былъ прототипомъ для нашей «Нивы» Маркса. Послѣдній пользовался старыми клише рисунковъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ. Кромѣ біографіи Мейера, «Gartenlaube» давалъ много біографическихъ свѣдѣній и о другихъ нѣмецкихъ дѣятеляхъ на пользу Германіи.

[2]) Eroberndste—страстный къ завоеваніямъ.

Библиотека "Руниверс"

рода выступаютъ повсюду отъ Мемеля до Амура, отъ полярныхъ странъ до тропическаго зноя Новороссіи, въ большемъ или меньшемъ числѣ, съ большимъ или меньшимъ значеніемъ. Нѣмецкому торговому классу Петербурга, Москвы и Одессы принадлежатъ самыя большія и уважаемыя фирмы. Но всего обильнѣе и многообразнѣе представленъ нѣмецкій элементъ въ русской столицѣ. Здѣсь сосредоточена нѣмецкая космополитическая колонія Россіи. Преимущественно же нѣмецкая газета въ Петроградѣ является органомъ либеральной, разбивающей невольничьи цѣпи политики нынѣшняго правительства противъ аристократической и національной русской реакціи, и уже даетъ себя знать врагамъ свободы какъ ихъ грозный противникъ. Средоточіемъ этой нѣмецкой литературной дѣятельности въ Россіи служитъ докторъ Фридрихъ-Клеменсъ фонъ-Мейеръ, императорскій россійскій надворный совѣтникъ, владѣлецъ и главный редакторъ нѣмецкой с.-петербургской газеты, лекторъ въ императорскомъ университетѣ, въ самой же Германіи лишь весьма немногимъ извѣстный, какъ поэтъ и писатель, между тѣмъ какъ его значеніе и дѣятельность въ *нашей Русской Германіи* (in unserem russischen Deutschland) быстро возросли и безпрерывно возрастаютъ».

Такимъ образомъ, уже изъ этого предисловія видно, что еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ, за двадцать-тридцать лѣтъ до распространенія ученій Ницше и Трейчке, которыхъ иногда считаютъ родоначальниками идеи мірового владычества, нѣмецкая руководящая партія не стѣснялась высказывать усвоенную нѣмцами мысль о всемірномъ господствѣ и осуществляла ее на дѣлѣ мирнымъ завоеваніемъ Россіи.

Сообщаемыя дальше въ статьѣ нѣмецкаго журнала біографическія свѣдѣнія о великомъ «нѣмецкомъ мужѣ» очень любопытны: они показываютъ пути, которыми нѣмцы изъ сердца Германіи проникали въ нашу Сѣверную Пальмиру, и средства, коими они скоро достигали значительнаго служебнаго и общественнаго положенія, дававшаго имъ возможность не только заниматься гибельной для Россіи пропагандой, но и служить дѣлу государственнаго шпіонажа.

Фридрихъ Мейеръ, «упорный и крѣпкій» (säher und krästiger) вестфалецъ, какъ его характеризуетъ біографъ, родился въ 1824 г. въ гор. Арольсенѣ, откуда родомъ былъ и знаменитый русскій банкиръ Штиглицъ. Около 1840 года, т. е. шестнадцати-семнадцати лѣтъ отъ роду, Мейеръ прибылъ въ Курляндію и занялъ скромное мѣсто домашняго учителя. Здѣсь, въ старыхъ замкахъ остзейскихъ бароновъ, началась его политическая школа, натаскиваніе для будущей карьеры въ русской столицѣ, а необходимыя для этого душевныя качества—двоедушіе, хитрость, ловкость, умѣнье входить въ сдѣлки съ совѣстью—нѣмецъ принесъ съ собой изъ Вестфаліи. Въ 1845—1846 гг. изъ Курляндіи Мейеръ переѣхалъ въ Дерптъ. Это была вторая станція его политическаго образованія, законченнаго черезъ пять-шесть лѣтъ, когда онъ сдалъ экзаменъ своей политической и умственной зрѣлости, выпустивъ въ свѣтъ свою первую книжку «Статистика эстонскаго народнаго быта». Въ 1851 году Мейеръ былъ уже въ Петербургѣ, гдѣ его дружественно встрѣтила

Библиотека "Руниверс"

сильная нѣмецкая партія и нѣмецкая императорская академія наукъ. Хотя онъ, повидимому, не имѣлъ ни ученой степени, ни правъ учителя, но при содѣйствіи академіи наукъ онъ въ томъ же году получилъ мѣсто лектора нѣмецкаго языка и литературы въ петербургскомъ университетѣ, а также должность редактора полуофиціальной «Петербургской Нѣмецкой Газеты», которую впослѣдствіи пріобрѣлъ въ свою собственность.

Почти двадцать пять лѣтъ проработалъ Мейеръ въ Петербургѣ, добросовѣстно, по-нѣмецки, трудясь для своего фатерланда, презирая и ненавидя русскихъ, что такъ ясно выражается въ его сочиненіяхъ, изданныхъ въ Германіи уже, нанося посильный вредъ Россіи своимъ содѣйствіемъ къ ея мирному завоеванію.

При томъ значеніи, которое имѣли нѣмцы въ Россіи при императорѣ Александрѣ II, когда они пользовались не только всѣми правами русскихъ (напримѣръ, въ Западной Россіи), но иногда имѣли и нѣкоторыя предъ ними преимущества, вліяніе редактора академической газеты, имѣвшей широкое распространеніе въ аристократическихъ и либеральныхъ слояхъ Россіи, было, несомнѣнно, очень велико. Біографъ въ своей короткой статьѣ не останавливается подробно на дѣятельности Мейера, онъ перечисляетъ лишь важнѣйшія его заслуги, но многое можно прочитать между строкъ.

Главная заслуга его заключалась въ объединеніи всѣхъ русскихъ нѣмцевъ. Собственно, они всегда были объединены и сплочены, особенно столичная придворная партія, но здѣсь разумѣется, очевидно, образованіе своего рода всероссійскаго нѣмецкаго ферейна и при томъ на чисто національныхъ, идейныхъ основахъ. По словамъ біографа,

«онъ (Мейеръ) возбудилъ и призвалъ нѣмцевъ въ Россіи къ сознанію ихъ всемірной миссіи, къ ихъ національному чувству. Благодаря ему, нѣмецкіе люди въ Россіи научаются все болѣе и болѣе чувствовать себя и узнавать другъ друга въ своемъ нѣмецкомъ элементѣ».

Опираясь на своихъ «безчисленныхъ приверженцевъ и друзей», пишетъ дальше біографъ, Мейеръ вступилъ въ упорную борьбу съ русской «старой аристократической партіей», подъ которой разумѣетъ, очевидно, русскихъ патріотовъ и партію славянофиловъ, такъ какъ дальше говорится о пораженіи имъ панславизма, а славянофильство у нѣмцевъ всегда отожествлялось съ панславизмомъ. «Нападенія ея (т. е. русской партіи),—по словамъ біографа,—долго не прекращались, но вестфальскій нѣмецкій человѣкъ, благодаря своей крѣпкой натурѣ и твердости характера, не пугался; онъ достигъ, въ сущности, чего хотѣлъ и что считалъ справедливымъ и необходимымъ, онъ заставилъ умолкнуть русскихъ крикуновъ». Принимая во вниманіе нѣкоторыя общественныя обстоятельства и событія, а также положеніе славянофиловъ около 1865 года, не трудно догадаться, чего достигъ упорный вестфалецъ.

Библиотека "Руниверс"

Больше всего удѣляетъ вниманія разсматриваемая нѣмецкая статья редакторской, литературной дѣятельности Мейера, связанной, оказывается, съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ нѣмецкую газету поднялъ на небывалую высоту, и ея вліяніе съ каждымъ годомъ росло, благодаря руководящимъ статьямъ, «преисполненнымъ, по словамъ біографа, логической силы нѣмецкаго патріотизма, а по отношеніи къ Россіи—эмансипаціонной энергіи» [1]).

Дальше авторъ сообщаетъ о самой важной редакторской заслугѣ Мейера для фатерланда и нѣмецкой печати. «Съ 1-го марта нынѣшняго года (т. е. 1865 г.) газета вступила въ офиціальную связь съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а это имѣетъ особенную важность, такъ какъ теперь можно черезъ нѣмецкую петербургскую газету узнавать изъ первыхъ источниковъ иностранную политику Россіи и получать относящіяся сюда извѣстія, какъ достовѣрныя...» Слѣдующее затѣмъ многоточіе подлинника раскрыть не трудно: рѣчь идетъ какъ будто объ организованномъ шпіонажѣ, и указывается источникъ, изъ котораго можно получать важныя свѣдѣнія:

Въ заключеніе статьи авторъ говоритъ:

«Нѣмецкій мужъ въ Россіи, совершившій столь многое, находится теперь въ цвѣтѣ своей дѣятельности и силы, уважаемый и любимый безчисленными приверженцами и друзьями, внушающій страхъ врагамъ освобожденія невольниковъ и фанатикамъ панславизма. Онъ наслаждается прекраснымъ домашнимъ бытомъ объ руку съ вѣрной супругой, какъ отецъ расцвѣтающихъ дѣтей. Такимъ образомъ, въ личномъ, гражданскомъ и дѣловомъ отношеніи счастливый и сильный, посреди обширной и благодатной дѣятельности, оставляетъ онъ въ насъ образъ мужа, исполненнаго заслугъ, приносящаго честь Германіи, значительнаго и полнаго будущности піонера и апостола всемірной исторической миссіи нѣмцевъ на одномъ изъ важнѣйшихъ постовъ космополитизма».

Въ приведенной нѣмецкой статьѣ прежде всего бросается въ глаза ея смѣлость и доведенная до цинизма откровенность. Объяснить ее можно тѣмъ, что авторъ высказываетъ лишь то, чѣмъ жила, что считала въ порядкѣ вещей окружающая его среда, что уже сложилось въ опредѣленную систему идей и дѣйствій. Тысячи Мейеровъ жили на счетъ Россіи, получали жалованье, пенсіи, чины, ордена и въ то же время служили пославшему ихъ отечеству и дѣлу мирнаго завоеванія Россіи, не стыдились высказывать открыто о своемъ нѣмецкомъ патріотизмѣ и всемірной миссіи своего народа. Такой порядокъ вещей только и былъ возможенъ въ Россіи и въ ея столицѣ, гдѣ до великой текущей войны было дозволено быть патріотомъ и громко говорить объ этомъ каждому, но только не русскому, дѣйствовать въ интересахъ какой угодно націи, но только

[1]) Durch die logisch-schaften und deutsch-patriotischen und russisch-emancipationskraftigen Leitartikel des Herausgebers. Приводимъ подлинный текстъ ввиду трудности передачи его на русскомъ языкѣ.

Библиотека "Руниверс"

не русской. Не даромъ же авторъ разсматриваемой статьи называлъ современный ему Петербургъ «однимъ изъ важнѣйшихъ постовъ космополитизма». Возможно ли, чтобы въ Англіи или Франціи нѣмецъ во имя нѣмецкаго патріотизма открыто являлся «піонеромъ и апостоломъ всемірной исторической миссіи нѣмцевъ», а его компатріотъ громко возвѣщалъ объ этомъ urbi et orbi и пѣлъ панегирикъ его подпольной, вредной для избраннаго имъ государства дѣятельности?! Въ этихъ государствахъ нѣмецъ, если не растворяется вполнѣ въ господствующей національной стихіи, то онъ стушевывается и никогда не посмѣетъ заявлять о своемъ патріотизмѣ, а если бы сдѣлалась извѣстной въ печати его подпольная вредная дѣятельность, то его, навѣрное, по меньшей мѣрѣ выслали бы въ фатерландъ, а у насъ Мейеръ послѣ обличающей его преступную дѣятельность статьи прожилъ почти десять лѣтъ и съ чинами, орденами и пенсіей занялъ почетное мѣсто профессора, конечно, за особенныя услуги, оказанныя имъ своему отечеству.

Случайно попавшая на глаза статья стараго нѣмецкаго журнала, посвященная восхваленію нѣмецкаго патріота и дѣятеля въ Россіи, представляетъ лишь небольшой отрывокъ изъ нетронутыхъ еще матеріаловъ по исторіи нѣмецкаго культуртрегерства и нѣмецкаго засилія въ Россіи. Когда мы окончательно излечимся отъ нѣмецкаго ослѣпленія, освободимся отъ нѣмецкаго угара и трезвыми глазами при свѣтѣ достовѣрныхъ фактовъ вглядимся въ пройденный нами длинный историческій путь на нѣмецкихъ помочахъ при помощи постоянно эксплоатировавшихъ и стремившихся мирно завоевать насъ нашихъ враговъ, то такихъ матеріаловъ найдется много.

Не лишена поучительности и приведенная статья. Мейеръ—для Россіи имя собирательное. Это типъ и при томъ далеко еще не исчезнувшій съ лица земли русской даже въ переживаемое нами тяжелое время. Егоровъ Егоровичей, Ѳедоровъ Егоровичей, Карловъ Карловичей, Богдановъ Богдановичей мы знаемъ многихъ, мы привыкли видѣть ихъ съ виду открытыя, не внушающія никакого подозрѣнія, благодушныя лица, привыкли вѣрить ихъ пресловутой честности, но не мѣшаетъ присмотрѣться къ нимъ болѣе пристально. Можетъ быть, и не опасные съ своей идеею мірового господства въ одиночку, они всегда вредны въ своей совокупности, какъ своего рода каста фанатиковъ этой идеи. Нѣмцы вмѣстѣ со своимъ Ницше говорятъ: «будетъ жестоки, и мы скуемъ великое будущее», а мы скажемъ: «будемъ внимательны, осторожны къ окружающимъ насъ нѣмцамъ, и мы посрамимъ ихъ завоевательные планы». Будемъ внимательны, пока не совсѣмъ еще поздно.

А. И. Миловидовъ.

Библиотека "Руниверс"

О ВЫХОДѢ ВЕНГЕРСКИХЪ СЕРБОВЪ ВЪ РОССІЮ.

ПОСЛѢ упраздненія въ царствованіе Маріи-Терезіи военной границы по рѣкамъ Тиссѣ и Марошу, со включеніемъ земель сербскихъ граничаръ въ составъ венгерскихъ комитатовъ, произошло массовое выселеніе сербовъ въ Россію, по призыву императрицы Елизаветы Петровны. Переселенцы прибыли въ видѣ стройныхъ военныхъ командъ подъ начальствомъ своихъ офицеровъ. Одни, подъ предводительствомъ хорвата Куртича, основались въ 1751 году въ нынѣшней Херсонской губерніи, гдѣ образовали «Новую Сербію». Прочіе же, въ слѣдующемъ 1752 году, подъ командою Шевича и Прерадовича, были направлены въ восточную часть нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ мѣстность, получившую, по высочайшему указу 13-го мая 1754 г., названіе «Славено-Сербія» и соотвѣтствующую нынѣшнимъ Славяносербскому и части Бахмутскаго уѣздовъ.

Несмотря на давность этихъ событій, происходившихъ болѣе 160 лѣтъ назадъ, нельзя сказать, чтобы воспоминаніе о нихъ было несвоевременнымъ. Исторія сербскаго переселенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ страничка русской исторіи, не потерявшая интереса и поучительности и въ наши дни, когда старый споръ со швабами и венграми, этими злѣйшими врагами Россіи и славянства, близится наконецъ къ своей развязкѣ.

Какія же побудительныя причины заставили пришельцевъ покинуть плодородные берега Тиссы и Мароша и промѣнять ихъ на неизвѣстную будущность въ дикихъ новороссійскихъ степяхъ, находившихся въ то время подъ ударомъ татаръ и турокъ? На

Библиотека "Руниверс"

этотъ вопросъ, въ согласіи съ другими историческими свидѣтельствами, даютъ ясный и опредѣленный отвѣтъ сами предводители переселившихся сербскихъ военныхъ организацій, бывшіе полковники цесарской службы Иванъ Шевичъ и Райко «отъ Прерадовича», какъ подписывался собственноручно предокъ нынѣшнихъ Депрерадовичей.

Судьбы сербскаго народа въ Венгріи и поводы къ переселенію въ Россію очерчены въ краткихъ и мѣткихъ словахъ въ доношеніи Прерадовича отъ 29-го ноября 1753 года въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (сербскія дѣла 1752 г.).

Въ доношеніи этомъ, между прочимъ, сказано: «Народъ сербскій, издревле вольный и свободный и призванъ по грамотѣ римскаго цесаря Леопольда добровольно въ 1690 году и со вступленія своего въ Цесарію во всѣхъ военныхъ акціяхъ, противъ турокъ и венгеровъ и прочихъ, служилъ вѣрно и безпорочно шестьдесятъ лѣтъ. Видя венгеры состоящую сербскаго народа вѣрную службу, по злобѣ и ненависти своей захотѣли всю ихъ военную регулу въ 1750 году уничтожить и подвергнуть ихъ въ свое подданство насильно; токмо оной народъ того учинить не склонился, а единодушно всѣ желали итти въ россійскую державу, подъ высокомонаршую ея императорскаго величества протекцію».

Тамъ же имѣется доношеніе Ивана Шевича отъ 6-го іюня 1753 г., въ которомъ приводится слѣдующая характеристика лицъ, бывшихъ во главѣ переселенцевъ: «Пришедшіе со мной изъ Цесаріи оберъ-офицеры люди заслуженные, добрые, надежные, фамиліи честной, и азъ ими во всякихъ нужныхъ государственныхъ случаяхъ доволенъ быть имѣю». Въ томъ же доношеніи Шевича описываются, въ пламенныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, нравственное состояніе переселившихся сербовъ, ихъ религіозныя и племенныя стремленія и одушевлявшія ихъ чувства къ Россіи и ея монархинѣ. «Въ высокомонаршую ея императорскаго величества всероссійскую державу, со всею моею фамиліею,—такъ пишетъ Шевичъ,—меня нижайшаго и пришедшихъ со мною оберъ-офицеровъ и прочихъ чиновъ сербскаго народа людей, оставя и брося въ Цесаріи все наше имѣніе, домы, честь, заслуги и бывшія за то награжденіе и достоинство; презря и ни во что вмѣнивъ понесенное отъ венгеровъ обще всѣмъ намъ бывшее разореніе, подъ арестомъ, въ отчаяніи живота нашего злодѣйское ихъ мученіе, имѣніевъ нашихъ расхищеніе и прочіе въ смертнопонесенныхъ случаяхъ труды, нужды и убытки и во всемъ горько несносное изнуреніе; то все нести и терпѣть, что намъ велѣно? Единая токмо наша ревность, искреннее усердіе, устремленное намѣреніе и вкорененное къ россійской имперіи, о бытіи всѣхъ насъ, со всѣми нашими потомками въ вѣчной ея императорскаго величества службѣ,—душевное желаніе. Привлекло насъ въ россійскую

Библиотека "Руниверс"

имперію Богомъ прославленное благочестіе, православная христіанская вѣра, благочестивая всероссійская высокославная монархія, гдѣ за православную вѣру и благочестивое россійское государство, за дражайшее ея императорскаго величества и всевысочайшей ея императорскаго величества фамиліи здравіе, кровь свою пролить, всю нашу жизнь и главы положить, по чистой совѣсти нашей, свидѣтельствуяся всевидящимъ Творцемъ Господемъ Богомъ, такъ вѣрно, безпорочно и нелицемѣрно, симъ ея императорскому величеству донося, объявляемъ, желаемъ, заключаемъ и до смерти нашей утверждаемъ». Подпись подъ доношеніемъ: «Іоаннъ Шевичъ съ обрѣтающимися при мнѣ офицерами».

Изъ приведеннаго выше донесенія Шевича видно, что выходъ сербовъ изъ Венгріи встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны вѣнскаго правительства, пытавшагося отклонить сербовъ отъ ихъ намѣренія посредствомъ конфискацій, лишенія свободы и всякаго рода притѣсненій и насилій. Разрѣшеніе на выѣздъ было наконецъ получено только благодаря вмѣшательству елизаветинской дипломатіи, проявившей въ этомъ вопросѣ такую настойчивость и твердость, которымъ могли бы позавидовать многіе изъ позднѣйшихъ представителей этого вѣдомства. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ этихъ случаяхъ служитъ признаніе самой противной стороны. Россійскій посолъ въ Вѣнѣ переслалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ при реляціи отъ 29-го августа 1752 года (австрійскія дѣла 1752 года) полученную имъ отъ римско-императорскаго двора ноту по вопросу объ увольненіи въ Россію сербскихъ офицеровъ. Въ приложенномъ къ ней русскомъ переводѣ читаемъ: «Ея величеству императрицѣ королевѣ не иначе, какъ странно показаться могло, что ложному сихъ людей доносу много вѣры придавая, его сіятельство графъ Бестужевъ-Рюминъ за нихъ толь ревностно и толь жестоко вступился». Въ нѣмецкомъ подлинникѣ: «So eifrig und so hefftig».

Мѣстность, занятая прибывшими сербами, образовала новую украинскую оборонительную линію противъ татаръ и турокъ. Такимъ образомъ, въ первую очередь возникла необходимость вооруженной защиты занятой территоріи. При выполненіи этой задачи, какъ видно изъ имѣющихся въ архивахъ главнаго штаба послужныхъ списковъ, сербская конница совершила походы въ Крымъ и и въ глубь кубанскихъ степей и подолгу занимала передовой постъ на Кубани. Сербскіе гусарскіе полки дѣйствовали въ Семилѣтнюю войну противъ Фридриха II. Имъ же выпало на долю участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. Дворянская грамота императрицы Екатерины II упрочила за сербскими офицерами, наравнѣ съ прирожденнымъ русскимъ дворянствомъ, свободу отъ обязательной службы, но не погасила ихъ склонности къ военному дѣлу, и сербскія имена встрѣчаются повсюду, гдѣ прославилось русское оружіе.

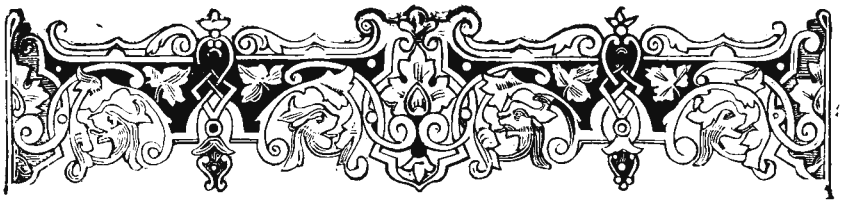
Библиотека "Руниверс"

Среди почти непрерывныхъ военныхъ трудовъ, прекратившихся на время лишь съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, нужно было озаботиться устройствомъ въ пустынной, безлюдной мѣстности, хотя бы самой неприхотливой осѣдлости, завести и наладить хозяйство. Обезпечивъ внѣшнюю безопасность, пришельцы одновременно занялись усердно колонизаціонной работой. Рапортомъ отъ 24-го мая 1755 года генералъ-майоръ Иванъ Шевичъ доносилъ военной коллегіи, «что команды моей всѣ чины и рядовые донынѣ уже дѣйствительно въ поселеніе свое вступили и строеніе домовъ поротно производится, по показанію инженеровъ, регулярно, и ротные командиры съ своими подчиненными каждый при ротахъ находятся; а и я, персоною своею, въ скорости въ назначенный подъ первую роту шанецъ, именуемый Красный Яръ, гдѣ и домъ мой постройкою въ окончаніе приходитъ, выѣхать имѣю, винограду нѣкоторое число посажено, хлѣбъ и прочія сѣмена воинскими служительми сѣяны, и во всемъ оное селеніе, благостію Божескою, донынѣ происходитъ благополучно; пріумноженіе жъ людей, хотя и по немногому числу, однакожъ безпрерывно прибавляется» (моск. арх. гл. штаб., гусар. эксп.). Къ восьмидесятымъ годамъ восемнадцатаго вѣка, какъ видно изъ имѣющихся частновладѣльческихъ актовъ, сербскіе піонеры успѣли заселить свои дачи и образовать на всемъ пространствѣ Славеносербіи и Новой Сербіи многочисленныя хозяйственныя и культурныя гнѣзда. Къ двадцатымъ годамъ слѣдующаго девятнадцатаго вѣка, благодаря наступившему затишью въ военныхъ дѣлахъ, повысилось экономическое благосостояніе какъ сербскихъ по происхожденію, такъ и мирно водворившихся рядомъ съ ними русскихъ владѣльцевъ. Къ этому времени относится возникновеніе въ краѣ капитально и красиво сооруженныхъ каменныхъ храмовъ и роскошныхъ усадебъ, съ обширными при нихъ садами и парками и благоустроенными хозяйственными зданіями, сохранившихся и до нашихъ дней.

Между переселившимися сербами и смежными съ ними русскими владѣльцами и такимъ же населеніемъ не было и не могло быть антагонизма на почвѣ расовыхъ различій или рѣзко противоположныхъ интересовъ. Напротивъ того, племенная близость обѣихъ народностей вскорѣ привела переселенцевъ къ полному объединенію, по языку и обычаямъ, съ коренными жителями имперіи. Слившись уже во второмъ, много третьемъ поколѣніи, съ великой русской семьей, они тѣмъ самымъ обезпечили себѣ сохраненіе своей славянской самобытности и возможность дружно, общими силами, отражать натискъ нѣмцевъ и венгровъ.

Э. Вуичъ.

Библиотека "Руниверс"



ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(1866—1916).

ДВАДЦАТЬ третьяго мая сего года исполнилось 50-лѣтіе со дня основанія императорскаго русскаго историческаго общества, находящагося подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора. Характеръ этого общества и его дѣятельность, всецѣло посвященная научному изученію русской исторіи по первоисточникамъ, особенно выдѣляютъ его изъ ряда другихъ русскихъ историческихъ обществъ. Монументальныя изданія императорскаго русскаго историческаго общества, совершенныя выдающимися русскими учеными, при могучемъ покровительствѣ императоровъ: Александра II, Александра III и Николая II, положили прочный фундаментъ для разработки отечественной исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ, по документамъ, долгое время бывшимъ недоступными для дѣятелей науки русской исторіи и таившимся въ глубинѣ правительственныхъ, дворцовыхъ и частныхъ архивовъ. Полувѣковая дѣятельность общества получила полное выраженіе въ юбилейномъ изданіи «Императорское Русское Историческое Общество (1866—1916)», изъ котораго мы и заимствуемъ помѣщаемыя нами свѣдѣнія о его возникновеніи и работахъ.

Возникновеніе императорскаго историческаго общества произошло при знаменательныхъ въ русской исторіи обстоятельствахъ. Въ эпоху реформъ Царя-Освободителя, при пробудившемся національномъ и общественномъ самосознаніи, потребность русскаго общества въ ближайшемъ знакомствѣ съ родной исторіей, пре-

Библиотека "Руниверс"

имущественно позднѣйшаго ея періода, должна была сказываться съ особенной силой, а, между тѣмъ, ей въ то время удовлетворяли только такія изданія, какъ «Чтенія», издававшіяся при московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, и «Русскій Архивъ» П. И. Бартенева—изданія очень цѣнныя по содержанію печатавшихся въ нихъ статей и матеріаловъ, но болѣе или менѣе случайнаго состава и притомъ бывшія подъ недреманнымъ цензурнымъ окомъ, къ детальному изученію русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ, по старымъ традиціямъ, относившимся весьма подозрительно. Между тѣмъ, въ повременныхъ литературныхъ изданіяхъ появлялись статьи, отрывочно, неразборчиво передававшія самыя разнообразныя и случайно попавшіяся событія, и статьи эти обращали на себя вниманіе своимъ характеромъ новизны и нравственной особенности болѣе, чѣмъ научной правдивостью. Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатковъ, вліявшихъ на судьбы его; возвышенныя, существенныя стороны нашей государственной жизненной дѣятельности, создавшія великую Россію, въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, силою обстоятельствъ обходились молчаніемъ, разрушавшимъ народную вѣру въ себя и свое будущее. Эти мысли сознаны были, по свидѣтельству покойнаго предсѣдателя императорскаго русскаго историческаго общества А. А. Половцова, уже въ 1866 г. кружкомъ государственныхъ и ученыхъ дѣятелей и побудили ихъ ходатайствовать объ учрежденіи русскаго историческаго общества для научнаго, документальнаго изученія родной исторіи. Ходатайство это, съ проектомъ устава общества, подписали слѣдующія лица: К. Бестужевъ-Рюминъ, Модестъ Богдановичъ, Аѳанасій Бычковъ, князь Петръ Вяземскій, Андрей Гамбургеръ, баронъ Жомини, Константинъ Злобинъ, баронъ Модестъ Корфъ, графъ Борисъ Перовскій, Александръ Половцовъ, графъ Дмитрій Толстой и Евгеній Ѳеоктистовъ. Цѣль новаго общества, по уставу, заключалась въ собираніи, обработкѣ и распространеніи въ Россіи матеріаловъ и документовъ, хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ, а для достиженія этой цѣли предположено было издавать «Сборникъ», выходящій въ неопредѣленные сроки. Уставъ общества утвержденъ былъ 23 мая 1866 года императоромъ Александромъ II по докладу графа Д. А. Толстого, бывшаго въ то время министромъ народнаго просвѣщенія. 19 октября того же года предсѣдателемъ русскаго историческаго общества избранъ былъ «живой представитель русской исторіи, другъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, бородинскій боецъ, увѣнчанный лаврами пѣвецъ», князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, а секретаремъ—А. А. Половцовъ, сдѣлавшійся душою дѣлъ новаго учрежденія. Помощникомъ предсѣдателя избранъ былъ М. И. Богдановичъ, авторъ извѣстной

Библиотека "Руниверс"

исторіи Отечественной войны, а въ члены совѣта: А. Ѳ. Бычковъ, А. Ѳ. Гамбургеръ и К. К. Злобинъ.

Уже въ мартѣ слѣдующаго 1867 года вышелъ первый томъ «Сборника» общества, изданный подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова и А. А. Половцова и посвященный матеріаламъ Екатерининскаго времени.

По свидѣтельству А. А. Половцова, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, завершившій въ то время изученіе родной исторіи подъ руководствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина и С. М. Соловьева, вполнѣ сочувствовалъ цѣлямъ вновь учрежденнаго общества, и это дало обществу право обратиться къ наслѣднику съ ходатайствомъ принять на себя званіе почетнаго его предсѣдателя. 7 февраля 1867 года совѣтъ общества въ полномъ составѣ представлялся наслѣднику цесаревичу въ Аничковомъ дворцѣ съ этимъ ходатайствомъ, и его высочество тутъ же выразилъ свое согласіе. Замѣчательна рѣчь, съ которой обратился къ наслѣднику цесаревичу три недѣли спустя, на общемъ годовомъ собраніи общества, маститый предсѣдатель его, князь П. А. Вяземскій.

«Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ,—имѣть честь принести отъ имени историческаго общества и, смѣю сказать, отъ имени всей русской литературы и науки глубочайшую признательность вашему императорскому высочеству за милостивое принятіе вами званія почетнаго предсѣдателя нашего общества. Благодаримъ васъ и за честь, оказанную обществу присутствіемъ и участіемъ вашимъ въ нынѣшнемъ засѣданіи. Надѣемся, что съ легкой и благосклонной руки вашей труды наши принесутъ желаемую пользу. Ваше высокое вниманіе будетъ служить намъ поощреніемъ. Вниманіе ваше драгоцѣнно и лестно, но оно легко и объясняется. Отечественная исторія намъ всѣмъ родная, но для вашего высочества она еще имѣетъ прелесть и назиданіе семейной хроники. Мы всѣ—дѣти великихъ царствованій Екатерины II, Александра I, Николая I, но вы ихъ прямой и законный наслѣдникъ. Вамъ преимущественно предстоитъ священная обязанность, великая, но и трудная задача внести, въ свою очередь, съ честью и пользой имя ваше въ сію семейную царственную хронику и передать память о себѣ народнымъ скрижалямъ. Теперь, вмѣстѣ съ вашимъ высочествомъ, мы съ любовью и благоговѣніемъ отыскиваемъ сохранившіеся, но мало извѣстные слѣды минувшихъ государственныхъ событій, слѣды именитыхъ дѣятелей, которые въ нихъ участвовали и славными личностями своими, такъ сказать, олицетворили замѣчательныя историческія эпохи. Будущіе члены и труженики нашего общества, которому дай Богъ долголѣтія на русской землѣ, съ такою же любовью и признательностью отыщутъ въ свое время и участіе благодушной, плодотворной дѣятельности вашей на поприщѣ просвѣщенія, преуспѣянія и славы любезной намъ Россіи. Мы всѣ—только вре

Библиотека "Руниверс"

менные члены сего историческаго общества, но ваше императорское высочество, вы одни навсегда принадлежите ему: нынѣ—вашимъ милостивымъ благоволеніемъ, позднѣе—дѣлами, которыя сохранятся въ памяти народной и будутъ возстановлены трудами исторіи и науки... Карамзинъ въ посвященіи историческаго творенія своего Александру сказалъ: «Исторія народа принадлежитъ царю». Либералы того времени осуждали эти слова и видѣли въ нихъ выраженіе раболѣпства. Взглядъ ихъ былъ ошибоченъ и буквально близорукъ. Они не понимали ни Александра, ни Карамзина. Разумѣется, мысль писателя заключалась не въ томъ, что исторія есть, такъ сказать, казенная собственность царей, изъ которой могутъ они сдѣлать все, что имъ угодно. Карамзинъ видимымъ образомъ говорилъ, что исторія народа есть нераздѣльная принадлежность царскаго званія, т. е. что цари должны преимущественно предъ прочими изучить минувшую исторію своего народа, чтобы въ настоящей и будущей занять почетное и незабвенное мѣсто».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь князя Вяземскаго августѣйшій почетный предсѣдатель общества сказалъ: «Благодарю васъ за любезно возлагаемыя на меня надежды. Сдѣлаю, что могу».

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ III продолжалъ благосклонно относиться къ историческому обществу, которое, по его же предстательству, получило еще въ 1873 году наименованіе императорскаго. Съ 1885 г. государь постоянно предсѣдательствовалъ на годовыхъ собраніяхъ общества; съ этого же года принялъ на себя званіе почетнаго члена общества и присутствовалъ на его засѣданіяхъ и юный наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, воспринявшій отъ царственнаго своего родителя особую любовь къ историческому знанію. На засѣданіяхъ присутствовали также почетные члены общества великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ.

На научно-издательской дѣятельности общества вниманіе и починъ перваго его царственнаго почетнаго предсѣдателя отозвались самымъ благотворнымъ образомъ. Такъ, лишь благодаря его содѣйствію начато было обнародованіе историческихъ матеріаловъ Екатерининской законодательной комиссіи. По его же мысли и его стараніями издано было въ «Сборникѣ» собраніе бумагъ императрицы Екатерины II, а также переписка ея съ Гриммомъ. Его почину обязано общество изданіемъ дипломатической переписки о Россіи, насчитывающей въ «Сборникѣ» уже 47 томовъ, и по его указанію въ годовомъ собраніи общества 1871 года состоялось постановленіе о привлеченіи нашихъ дипломатическихъ агентовъ за границей къ отыскиванію и списыванію донесеній иностранныхъ дипломатовъ, состоявшихъ при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Наконецъ, съ именемъ императора Александра III, какъ почетнаго предсѣдателя общества, связано и изданіе

Библиотека "Руниверс"

«Русскаго Біографическаго Словаря», къ составленію котораго онъ выражалъ глубокій интересъ. При жизни государя было начато собираніе матеріаловъ для «Словаря» и вышло два тома «Азбучнаго указателя именъ русскихъ дѣятелей» (томы 60 и 62 «Сборника»). Глубокій интересъ этотъ побудилъ покойнаго предсѣдателя общества А. А. Половцова затратить на разработку и изданіе «Словаря» недюжинную энергію и даже значительную долю личныхъ своихъ средствъ. Насколько намъ извѣстно, покойный князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, столь извѣстный своими генеалогическими и историческими трудами, также усердно и настойчиво содѣйствовалъ воплощенію идеи изданія «Словаря».

Особенное значеніе пріобрѣтало покровительство государя обществу при столкновеніяхъ, которыя оно испытывало въ формѣ «независящихъ обстоятельствъ» при изданіи своихъ работъ. «Предъ твердо выраженнымъ взглядомъ цесаревича,—говорилъ А. А. Половцовъ въ рѣчи своей по кончинѣ императора Александра III,— исчезали опасенія людей, часто заботившихся о собственномъ спокойствіи болѣе, чѣмъ объ умственномъ движеніи собраній. Правда, покуда печатались томы, приходилось нерѣдко останавливаться предъ прежней дѣятельностью архивныхъ хранителей, но остановки эти не были продолжительны. Я имѣлъ, въ полномъ смыслѣ слова, счастье повергать ихъ на судъ въ Бозѣ почившаго государя: съ какою простотою, съ какимъ безпримѣрнымъ добродушіемъ единый почеркъ его карандаша, единое доброе слово устраняли возникавшія сомнѣнія, уничтожали препятствія! Стану ли говорить о томъ, какъ доброе слово подчасъ сопровождалось и добрымъ дѣломъ? Нѣтъ, покойный творилъ добро такъ, что шуйца не вѣдала, что творитъ десница. При такомъ, въ лучшемъ смыслѣ, человѣческомъ отношеніи августѣйшаго нашего предсѣдателя къ дѣлу, конечно, облегчалось достиженіе задачъ, обществомъ преслѣдуемыхъ»... Въ историческомъ обществѣ постоянно отражалась душа почившаго государя, «чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ ей сказывалась природа своей земли и своего народа».

Сынъ и наслѣдникъ императора Александра III, нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ, слѣдуя примѣру своего державнаго отца, принялъ на себя званіе почетнаго предсѣдателя общества и въ первомъ годовомъ собраніи общества, бывшаго подъ его предсѣдательствомъ 6 апрѣля 1895 года, обратился къ членамъ общества со слѣдующими словами: «Намъ памятно, господа, съ какой любовью и съ какимъ попеченіемъ относился Мой незабвенный покойный родитель къ трудамъ нашего историческаго общества. Принимая на Себя званіе предсѣдателя онаго, Я буду стараться слѣдовать его высокому примѣру и съ такой же сердечностью работать надъ продолженіемъ начатаго имъ дѣла. Увѣренъ, господа, что съ вашей стороны Я встрѣчу полную поддержку въ

Библиотека "Руниверс"

новыхъ плодотворныхъ трудахъ по изслѣдованію и разработкѣ отечественной исторіи». Дѣйствительно, Государь всегда близко принималъ къ сердцу возможно полное достиженіе обществомъ его задачъ, входя во всѣ подробности жизни общества и предсѣдательствуя на годовыхъ его собраніяхъ почти безпрерывно. На докладѣ А. А. Половцова о препятствіяхъ къ устройству годового собранія въ 1903 г. Государь написалъ: «Пропустить зиму безъ собранія жаль!»

Продолжая весьма милостиво и внимательно относиться къ научно-издательской дѣятельности общества и къ научнымъ трудамъ его членовъ, императоръ Николай II благоволилъ поддержать изданіе «Біографическаго Словаря», выходившаго на средства А. А. Половцова, скончавшагося въ 1909 г., повелѣвъ отпускать изъ собственныхъ своихъ суммъ по 15 тысячъ рублей ежегодно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по волѣ Государя, раздвинуты и хронологическіе его предѣлы, ограничивавшіеся доселѣ 1892 годомъ. Въ 1911 году Государю Императору благоугодно было, по собственному почину, расширить кругъ дѣятельности общества, повелѣвъ ему заняться выработкой мѣръ по улучшенію архивнаго дѣла въ Россіи и положен я ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій, а въ нынѣшнемъ году почтить общество знакомъ Высочайшаго довѣрія, возложивъ на него устройство всероссійскаго чествованія памяти Царя-Освободителя по случаю наступающаго въ 1918 году столѣтія со дня его рожденія.

Статсъ-секретарь А. А. Половцовъ, замѣнившій князя П. А. Вяземскаго въ должности предсѣдателя общества въ 1879 г., со дня учрежденія общества отдавалъ ему свою энергію и крупныя матеріальныя средства, будучи ближайшимъ ходатаемъ о нуждахъ общества предъ августѣйшими его покровителями. На изданіе «Словаря» Половцовъ употребилъ личныхъ средствъ свыше 150.000 руб., а на изданіе «Сборника» и собираніе матеріаловъ къ нему до 200 тысячъ рублей. При жизни Половцова издано было 128 томовъ «Сборника» и шесть томовъ находилось въ наборѣ. Въ прочувствованной рѣчи по случаю кончины А. А. Половцова помощникъ предсѣдателя А. Н. Куломзинъ очертилъ заслуги его предъ обществомъ, и совѣтъ въ своемъ постановленіи выразился о нихъ слѣдующимъ образомъ: «Половцовъ оставался вѣрнымъ хранителемъ традицій, завѣщанныхъ обществу его державнымъ основателемъ, и его работѣ общество обязано въ значительной степени тою почетною извѣстностью въ ученомъ мірѣ Европы, которою оно съ полнымъ правомъ гордится». Нельзя не упомянуть при этомъ о ближайшемъ помощникѣ А. А. Половцова, секретарѣ общества Г. Ѳ. Штендманѣ, на которомъ лежалъ надзоръ за архивомъ общества и правильнымъ теченіемъ типографскихъ его работъ.

Послѣ кончины А. А. Половцова Августѣйшему Почетному Предсѣдателю угодно было назначить предсѣдателемъ общества почет-

Библиотека "Руниверс"

наго его члена, великаго князя Николая Михаиловича, уже пріобрѣвшаго себѣ европейскую извѣстность трудами своими по исторіи Россіи XIX вѣка. При новомъ предсѣдателѣ, столь близко знакомомъ съ предлежащими обществу задачами, общество получило новый уставъ соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ его дѣятельности, составило программу будущихъ своихъ изданій и, во исполненіе воли Государя, выработало рядъ мѣръ для организаціи дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, для чего, между прочимъ, созванъ былъ въ 1914 году, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Николая Михаиловича, съѣздъ въ Петроградѣ изъ представителей архивныхъ комиссій. Для ближайшаго руководства дѣятельностью губернскихъ комиссій образована при обществѣ особая комиссія по сохраненію мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Въ общемъ назначеніе великаго князя Николая Михаиловича предсѣдателемъ общества повело къ расширенію рамокъ его научной дѣятельности, а также къ болѣе полному уясненію его исторіографическихъ задачъ. «Историческій Вѣстникъ» имѣетъ честь считать великаго князя Николая Михайловича въ числѣ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ.

Въ чемъ же выразилась полувѣковая дѣятельность императорскаго русскаго историческаго общества? Прежде всего въ изданіи 147 томовъ его «Сборника», представляющаго богатѣйшій матеріалъ для русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ, давшаго толчокъ къ изученію новѣйшей русской исторіи и развитію русской исторической литературы и журналистики, дотолѣ скованныхъ цензурными усмотрѣніями и «независящими обстоятельствами». Содержаніе этихъ томовъ можно раздѣлить на слѣдующія рубрики:

1) Томы смѣшаннаго содержанія—всего 8 томовъ, заключающихъ въ себѣ разнородные документы, относящіеся преимущественно къ XVIII вѣку и главнымъ образомъ къ эпохѣ императрицы Екатерины II.

2) Отдѣльные томы строго опредѣленнаго содержанія, какъ, напримѣръ, 11—25 томы, относящіеся къ Петру Великому; томы, содержащіе переписку графа Б. П. Шереметева, князя Н. В. Репнина, монографію Григоровича о канцлерѣ князѣ Безбородкѣ (т.т. 26 и 29), финансовые документы царствованія Екатерины II; пять томовъ посвящено эпохѣ Александра I, шесть—эпохѣ Николая I, причемъ въ 131—132 томахъ напечатана переписка императора Николая Павловича съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; 89-й томъ посвященъ посольству гр. П. А. Толстого въ Парижъ въ 1807 г., 121 и 122—отведены жизни и дѣятельности кн. А. И. Чернышева, въ двухъ томахъ (73 и 78) обнародованы бумаги гр. А. А. Закржевскаго; 74 и 90 т.т. заключаютъ въ полномъ объемѣ журналы и дѣла секретнаго комитета, учрежденнаго 6-го декабря 1826 г. императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Библиотека "Руниверс"

3) 12 томовъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы по исторіи Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

4) 18 томовъ бумагъ и переписки (личной и дипломатической) императрицы Екатерины II.

5) 47 томовъ дипломатической переписки иностранныхъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ, собранной въ архивахъ лондонскомъ, парижскомъ, главнымъ образомъ вѣнскомъ, берлинскомъ, гаагскомъ; переписка относится главнымъ образомъ къ эпохѣ Петра Великаго, Елизаветы Петровны, Екатерины II, къ сношеніямъ Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона и друг.; преимущественное вниманіе общество обратило на французскую дипломатическую переписку (XVIII—XIX вв.), издавъ 24 тома ея, и теперь передъ обществомъ стоитъ вопросъ объ окончаніи изданія французской дипломатической переписки XVIII столѣтія.

6) Матеріалы для исторіи высшихъ государственныхъ учрежденій въ Россіи въ XVIII вѣкѣ послѣ смерти императора Петра Великаго; изъ такого рода матеріаловъ изданы: протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта (8 томовъ), бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны (12 томовъ), начаты печатаніемъ протоколы конференціи (Елизаветинской) при Высочайшемъ дворѣ.

7) Матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и издаваемые на средства великаго князя Михаила Александровича (пока вышло три тома).

8) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными; пока вышло въ свѣтъ нѣсколько томовъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей 1581—1604 гг., съ польско-литовскимъ государствомъ, съ крымскою и ногайской ордами, съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, съ скандинавскими государствами и др.

Что касается «Русскаго Біографическаго Словаря», то по настоящее время вышло 22 тома этого изданія, не имѣющаго себѣ равнаго по обилію матеріала. Въ него вошли біографіи всѣхъ оставившихъ болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, съ древнѣйшихъ временъ по конецъ XIX вѣка, причемъ многія біографіи, разработанныя на основаніи архивныхъ матеріаловъ, впервые попадающихъ въ научный оборотъ, представляютъ серьезныя монографіи, принадлежащія нерѣдко перу крупныхъ спеціалистовъ. Изданіе въ скоромъ времени будетъ закончено, но уже сейчасъ ведутся подготовительныя работы къ новымъ заключительнымъ томамъ, въ которыхъ найдутъ себѣ мѣсто необходимыя дополненія.

Въ заключеніе необходимо остановиться на отмѣченномъ выше участіи общества въ постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи. Его

Библиотека "Руниверс"

Величеству на одномъ изъ годовыхъ собраній общества (въ 1911 г.) угодно было обратить вниманіе общества на необходимость разработки мѣръ для сохраненія мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. Во исполненіе Высочайшей воли общество избрало изъ своей среды особую комиссію для приведенія въ ясность положенія мѣстныхъ правительственныхъ архивовъ и находящихся въ нихъ историческихъ матеріаловъ, а также для разработки мѣръ къ сохраненію тѣхъ документовъ, которые имѣютъ историческое значеніе. Комиссія обратилась съ соотвѣтствующей анкетой къ 39 мѣстнымъ учрежденіямъ и ученымъ обществамъ; отвѣты ихъ выяснили неотложныя нужды нѣкоторыхъ архивныхъ комиссій, и Его Величество повелѣть соизволилъ отпустить имъ изъ собственныхъ суммъ испрашиваемыя пособія. Въ дальнѣйшей своей дѣятельности особая комиссія поставила своей ближайшей задачей объединить дѣйствія ученыхъ архивныхъ комиссій и соотвѣтствующихъ имъ установленій и всесторонне выяснить ихъ нужды. Для болѣе успѣшнаго разрѣшенія этой задачи обществомъ, съ Высочайшаго соизволенія, былъ созванъ въ Петроградѣ въ маѣ 1914 года съѣздъ представителей ученыхъ архивныхъ комиссій для выработки мѣръ, которыя бы дали возможность этимъ учрежденіямъ правильно и систематически работать по охранѣ письменныхъ источниковъ нашей исторіи. Государю благоугодно было отнестись съ особо милостивымъ вниманіемъ къ трудамъ съѣзда. Его Величество соизволилъ выразить Свое согласіе на принятіе всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство и высказаться о желательности открыть губернскія ученыя архивныя комиссіи, по возможности, во всѣхъ губерніяхъ и о внесеніи въ законодательныя учрежденія предложенія объ ассигнованіи всѣмъ комиссіямъ ежегоднаго пособія. Продолжая развивать свою дѣятельность, особая комиссія не перестаетъ содѣйствовать архивнымъ работамъ губернскихъ комиссій, выяснять ихъ задачи, заботиться объ ихъ устройствѣ и обезпечивать ихъ исполненіе, и ей такимъ образомъ удалось уже сдѣлать нѣсколько дальнѣйшихъ шаговъ по тому пути, который ведетъ къ достиженію главной ея цѣли — водворенію въ Россіи болѣе сознательнаго и бережнаго отношенія къ письменнымъ памятникамъ родной старины и къ охранѣ ихъ въ мѣстныхъ архивахъ.

Разрастающаяся такимъ образомъ дѣятельность императорскаго русскаго историческаго общества, при сердечномъ отношеніи къ ней его Августѣйшихъ Почетнаго Предсѣдателя и Предсѣдателя обѣщаетъ въ будущемъ немало крупныхъ пріобрѣтеній для развитія русской исторической науки. Нечего и говорить о томъ, насколько дѣятельность эта при такой постановкѣ можетъ отразиться на успѣхахъ національнаго самопознанія въ Россіи и послужитъ къ закрѣпленію русскихъ народныхъ завѣтовъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ настоящее время членами Императорскаго русскаго историческаго общества состоятъ слѣдующія лица: А. Н. Куломзинъ, графъ С. Д. Шереметевъ, Д. Ѳ. Кобеко, А. П. Извольскій, А. Н. Филипповъ, Е. С. Шумигорскій, С. Ѳ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ, А. З. Мышлаевскій, С. А. Панчулидзевъ, В. С. Иконниковъ, К. А. Губастовъ, С. В. Рождественскій, В. В. Щегловъ, баронъ Ю. А. Икскуль-фонъ-Гильденбандтъ, Н. П. Лихачевъ, С. Д. Сазоновъ, Д. А. Скалонъ, В. Н. Смольяниновъ, Н. В. Чарыковъ, В. И. Герье, М. М. Богословскій, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Саитовъ, баронъ М. А. Таубе, М. М. Бородкинъ, С. М. Горяиновъ, М. К. Любавскій, князь Н. В. Голицынъ, П. Н. Жуковичъ, С. Н. Казнаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій и В. В. Майковъ. Почетные члены изъ иностранныхъ ученыхъ: Габріэль Ганото и Фредерикъ Массонъ. Членъ-корреспондентъ: Н. С. Ермоловъ.

Библиотека "Руниверс"

Р. И. СЕМЕНТКОВСКІЙ

(Къ его юбилею).

Въ АВГУСТѢ текущаго года исполнилось сорокапятилѣтіе научной, публицистической и беллетристической дѣятельности извѣстнаго писателя Ростислава Ивановича Сементковскаго, и осенью текущаго же года исполняется двадцатипятилѣтіе постоянной работы почтеннаго писателя въ нашемъ журналѣ. Бумажный голодъ и настоятельная необходимость нѣсколько сократить размѣръ выпускаемыхъ нами книжекъ журнала лишаютъ редакцію удовольствія помѣстить въ нашемъ журналѣ имѣющіеся у насъ любопытные очерки маститаго литератора «Среди отошедшихъ», гдѣ передъ читателями развернется интересная портретная галлерея разныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, науки и общественной жизни, съ которыми судьба сводила писателя, давала ему возможность рядомъ съ ними работать на пользу родной земли и провозглашать свѣтлые принципы правды и справедливости.

Ростиславъ Ивановичъ никогда не принадлежалъ къ какой-нибудь замкнутой партіи, сектантски молящейся своимъ богамъ, гордящейся своей прямолинейностью и не признающей за кѣмъ-либо права свободно исповѣдывать свой символъ вѣры, ратоборствовать во имя выношенныхъ, передуманныхъ и обоснованныхъ идеаловъ. Онъ не угождалъ ни толпѣ, ни героямъ толпы, а шелъ своей свободной дорогой, гдѣ видѣлъ свѣтъ и правду. Принадлежа по существу

Библиотека "Руниверс"

своихъ политическихъ воззрѣній къ прогрессивной части русскаго общества, Р. И. Сементковскій порою смѣло шелъ вразрѣзъ съ модными теченіями либерализма, вслѣдствіе чего нѣкоторые его критики во имя партійныхъ цѣлей пытались набросить тѣнь на его міросозерцаніе и смѣшать его съ тою «правою» группою нашихъ журналистовъ, съ которыми въ сущности онъ не имѣлъ ничего общаго. Человѣкъ высокообразованный, человѣкъ европейской складки ума и писанія, онъ на всемъ протяженіи своей долгой литературной дѣятельности былъ типичнымъ джентльменомъ въ нашей литературѣ, брезгливо отбрасывая отъ себя всю ту грязь, которою порою пытались обрызгать его безупречную репутацію. Редакція «Историческаго Вѣстника» во истину можетъ гордиться, что въ теченіе четверти вѣка имѣла Ростислава Ивановича въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Глубокимъ уваженіемъ и расположеніемъ пользовался онъ у покойнаго С. Н. Шубинскаго, въ такихъ чувствахъ смѣетъ его завѣрить и нынѣшній руководитель «Историческаго Вѣстника», искренно сожалѣющій, что загородная жизнь маститаго писателя лишаетъ нынѣшнюю редакцію «Историческаго Вѣстника» удовольствія имѣть постоянное съ нимъ личное общеніе. Принося ему на этихъ страницахъ свои искреннія поздравленія съ его двойнымъ юбилеемъ, даемъ здѣсь краткія свѣдѣнія о литературной дѣятельности Р. И. Сементковскаго, воспользовавшись для того прекрасной статьей о немъ, напечатанной въ «Нивѣ» въ 1896 году въ № 33 по случаю исполнившагося тогда двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности, дополнивъ данныя «Нивою» нѣкоторыми послѣдующими свѣдѣніями о дѣятельности почтеннаго юбиляра.

Р. И. Сементковскій родился въ 1846 году. Окончивъ блестяще курсъ въ нѣмецкомъ Петро-Павловскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ Ростиславъ Ивановичъ поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи курса въ университетѣ Ростиславъ Ивановичъ посвятилъ себя изученію полицейскаго права, этого «права изъ всѣхъ правъ». Состоя магистрантомъ по этому всеобъемлющему, наиболѣе многостороннему и въ то же время наиболѣе близкому къ современному государственному и общественному строю предмету, Ростиславъ Ивановичъ читалъ лекціи государственнаго права въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Отдавшись еще во времена студенчества изученію вопросовъ государственнаго благоустройства и безопасности, Ростиславъ Ивановичъ задумалъ обогатить русскую литературу по своему предмету переводомъ извѣстнаго труда знаменитаго нѣмецкаго ученаго Роберта фонъ-Моля «Die Polizeiwissenschaft». 15-го августа 1871 года вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ этого перваго труда Ростислава Ивановича, подъ заглавіемъ: «Наука полиціи по началамъ юридическаго государства», снабженный предисловіемъ, въ которомъ переводчикъ высказываетъ свой взглядъ

Библиотека "Руниверс"

на полицейскую науку. Магистерскій экзаменъ по полицейскому праву и политической экономіи Ростиславъ Ивановичъ сдалъ въ томъ же году.

Напряженная дѣятельность и значительное нервное истощеніе рѣзко сказались на молодомъ некрѣпкомъ организмѣ Ростислава Ивановича, и, по настоянію врачей, онъ долженъ былъ прервать свои работы и уѣхать за границу. Но дѣятельная натура Ростислава Ивановича не могла примириться съ суровымъ приговоромъ врачей, и какъ только прошелъ острый періодъ болѣзни и силы стали прибывать, онъ, не теряя времени, рѣшилъ пополнить свое юридическое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, на лекціяхъ двухъ крупнѣйшихъ свѣтилъ государственной науки— Блюнчли и Лоренца фонъ-Штейна. Во время этого же періода пребыванія за границей Ростиславъ Ивановичъ избралъ тему и сталъ работать для своей магистерской диссертаціи—«Объ отношеніи государства къ женскому образованію». Тема была избрана самая животрепещущая; молодой ученый смѣло сталъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ труднѣйшихъ и наиболѣе сложныхъ государственныхъ вопросовъ. Онъ задумалъ освѣтить съ историко-философской точки зрѣнія отношеніе правительствъ разныхъ временъ и народовъ къ женскому образованію, и, несмотря на то, что не имѣлъ предшественниковъ по разработкѣ этого вопроса ни въ русской, ни даже въ европейской литературѣ, онъ сумѣлъ изслѣдовать этотъ вопросъ настолько всесторонне, что трудъ его удостоенъ былъ лестныхъ отзывовъ со стороны лучшаго нашего знатока полицейскаго права, покойнаго профессора И. Е. Андреевскаго и другихъ профессоровъ. Несмотря, однако, на то, что диссертація была признана ими крупнымъ научнымъ трудомъ, авторъ ея вынужденъ былъ отказаться отъ публичной защиты своего труда. Лишенный возможности говорить съ обществомъ и поучать его съ университетской каѳедры, Ростиславъ Ивановичъ рѣшился взойти на другую не менѣе почетную каѳедру съ гораздо большей еще аудиторіей,—стать публицистомъ, принять участіе въ выясненіи текущихъ литературныхъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ, и выступилъ сначала въ «Новомъ Времени». Начиная съ 1872 года на страницахъ этой газеты стали появляться статьи Ростислава Ивановича, касавшіяся вопросовъ національности, земскаго самоуправленія, народнаго образованія. Статьи эти обнаружили сразу знатока предмета, и г. Сементковскому поручено было руководить политическимъ и экономическимъ отдѣлами «Новаго Времени», и въ 1875—76 гг. онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Чебышевымъ-Дмитріевымъ, академикомъ В. П. Безобразовымъ и И. Ѳ. Василевскимъ (Буквой), состоялъ членомъ редакціи этой газеты. Оставивъ въ 1876 году свое сотрудничество въ «Новомъ Времени», перешедшемъ тогда въ руки А. С. Суворина, Ростиславъ

Библиотека "Руниверс"

Ивановичъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ много работалъ и писалъ по разнымъ отраслямъ нашей экономической жизни и финансоваго хозяйства, и статьи его по этимъ вопросамъ помѣщались въ «Финансовомъ Обозрѣніи», «Биржевой Газетѣ», «Телеграфѣ» и «Новостяхъ». Одновременно съ тѣмъ Ростиславъ Ивановичъ прочелъ докладъ «О вліяніи золотой пошлины на наше сельское хозяйство» въ вольно-экономическомъ обществѣ, въ которомъ онъ состоялъ секретаремъ третьяго отдѣленія.

Когда обострился восточный вопросъ, къ которому главные органы нашей печати отнеслись отрицательно, подсмѣиваясь надъ «братушками», Ростиславъ Ивановичъ, начиная съ 1874 года, старался выяснить, что событія ведутъ къ войнѣ. Послѣдующія событія послужили подтвержденіемъ его словъ.

За время своего десятилѣтняго (съ 1880 по 1890 г.) сотрудничества въ «Новостяхъ», въ которыхъ онъ помѣщалъ статьи по многимъ государственнымъ и экономическимъ вопросамъ, писатель чутко отзывался на всѣ выдающіеся политическіе моменты, обсуждавшіеся тогда въ Россіи. По поводу поднятаго въ то время польскаго вопроса онъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей въ «Новостяхъ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Наблюдателѣ» и «Недѣлѣ». Статьи эти вышли особымъ сборникомъ въ 1882 году подъ заглавіемъ «Польская библіотека». Сборникъ этотъ содержитъ въ себѣ, кромѣ публицистическихъ статей, характеристику выдающихся современныхъ польскихъ беллетристовъ и переводы избранныхъ ихъ сочиненій. Въ такомъ обстоятельномъ ознакомленіи русскаго общества съ польской жизнью, отраженной въ современной беллетристикѣ, Ростиславъ Ивановичъ видѣлъ одно изъ средствъ русско-польскаго сближенія. Въ связи съ этимъ пропагандированіемъ польской литературы въ русскомъ обществѣ слѣдуетъ поставить участіе Ростислава Ивановича въ изданіи (М. О. Вольфомъ) русскаго перевода сочиненій Мицкевича; Ростиславъ Ивановичъ перевелъ и обработалъ для этого изданія «Курсъ славянской литературы» Мицкевича, извлекши изъ него все, что характеризуетъ литературныя произведенія славянъ, и корреспонденцію величайшаго польскаго поэта.

Затѣмъ, когда вся Европа переживала въ восьмидесятыхъ годахъ тревожное время, отразившееся очень невыгодно на нашемъ вексельномъ курсѣ, нашъ журналистъ, выполняя намѣченную имъ себѣ задачу публициста—чутко отзываться на событія и вопросы, волнующіе общество и государство, принималъ участіе въ обсужденіи этого вопроса и изложилъ свои выводы въ книгѣ «Нашъ вексельный курсъ».

Уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ, по окончаніи Восточной войны, г. Сементковскій въ одной изъ своихъ политическихъ статей высказалъ очень смѣлую, по тогдашнему времени, мысль,

Библиотека "Руниверс"

Ростиславъ Ивановичъ Сементковскій.

что заключенный Россіей миръ долженъ вызвать новую группировку державъ, т.-е. франко-русскій союзъ, и что чѣмъ скорѣе будетъ заключенъ этотъ союзъ, тѣмъ лучше будетъ для европейскаго мира. Мысль эта казалась другимъ органамъ печати столь несообразной, что въ то время ни одинъ изъ нихъ не рѣшался примкнуть къ ней.

Въ 1887 году Р. И. Сементковскій выпустилъ въ свѣтъ книгу «Въ ожиданіи войны», подъ псевдонимомъ «Ив. Ратовъ», въ которой подробно разъяснилъ свою мысль. Книга эта, представляю-

Библиотека "Руниверс"

щая собраніе статей Ростислава Ивановича по политическимъ вопросамъ, написанныхъ имъ съ 1883 по 1887 гг., произвела своего рода сенсацію, какъ въ Россіи, такъ и въ особенности за границей. Послѣднее объясняется тѣмъ, что въ ней со строгой послѣдовательностью и убѣдительностью доказана вся враждебность политики князя Бисмарка по отношенію къ Россіи. Вскорѣ вышелъ въ Парижѣ французскій переводъ этой книги—«Dans l'attente de la guerre», и вызвалъ сильныя нападки со стороны нѣмецкихъ преданныхъ канцлеру газетъ, встрѣтившихъ съ понятной враждебностью этотъ трудъ, обнаружившій въ его авторѣ глубокое знаніе международныхъ отношеній «первоклассныхъ» державъ и умѣнье постичь механизмъ наиболѣе скрытыхъ пружинъ «желѣзной» политики германскаго канцлера.

Р. И. Сементковскій не оставилъ безъ вниманія и области искусства, причемъ его дѣятельность въ этомъ направленіи можетъ быть названа критикою политическаго содержанія художественныхъ или псевдо-художественныхъ произведеній искусства. Такъ, между прочимъ, въ свое время обратили на себя вниманіе статьи его о о театрѣ, о польской сценѣ и объ извѣстной гостившей у насъ въ Россіи нѣмецкой мейнингенской труппѣ. Статьи Ростислава Ивановича о польскомъ театрѣ въ Петербургѣ были, по выраженію польскаго артиста Рихтера, «не рецензіи, но настоящіе уроки, облеченные въ такую заманчивую форму, что читались какъ легкій фельетонъ». Взгляды и мнѣнія нашего критика о польскомъ театрѣ составили цѣлую монографію, которая была помѣщена имъ въ «Наблюдателѣ».

Заслуживаютъ также вниманія двѣ его критическія статьи подъ общимъ заглавіемъ: «Идеалы въ искусствѣ», помѣщенныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (іюнь—іюль 1894 г.). Статьи эти посвящены анализу творчества «двухъ наиболѣе извѣстныхъ современныхъ русскихъ художниковъ Антокольскаго и Рѣпина». Авторъ критикуетъ дѣятельность этихъ двухъ столповъ современнаго русскаго искусства по отношенію къ выбору ими сюжетовъ..

Авторъ тщетно пытался найти въ современномъ русскомъ искусствѣ такія же указанія на нарождающееся новое общественное міровоззрѣніе, какія, по его мнѣнію, наблюдаются въ современной русской беллетристикѣ. Этому послѣднему вопросу посвящена статья его «Шестидесятые годы и современная беллетристика» («Историческій Вѣстникъ», апрѣль 1892 г.). Герои прежняго пошиба,—говоритъ онъ—не соблазняютъ современныхъ беллетристовъ. Общество наше ищетъ такихъ дѣятелей, которые не только провозвѣщаютъ правду, но и осуществляютъ ее въ жизни,—дѣятелей, которыхъ г. Вас. Немировичъ-Данченко первый назвалъ «незамѣтными героями», которыхъ г. Потапенко демонстративно назвалъ «не героями» и о которыхъ Тургеневъ

Библиотека "Руниверс"

пророчески говорилъ: «Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди».

О выдающемся значеніи этихъ «маленькихъ дѣлъ» Ростиславъ Ивановичъ не разъ говорилъ и на страницахъ «Литературныхъ Приложеній» къ «Нивѣ», въ своихъ критическихъ очеркахъ.

Обративъ вниманіе на то, что общество наше склонно увлекаться, въ области соціальной и политической мысли, разными модными теоріями, г. Сементковскій помѣстилъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи» горячую статью «Модная теорія», въ которой предостерегаетъ общество отъ увлеченія теоріей эволюціонизма Спенсера и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуетъ не обольщаться философскими теоріями вообще и поболѣе приближаться къ дѣйствительности.

Въ статьѣ «Философія и жизнь» («Историческій Вѣстникъ», февраль 1894 г.) онъ задался цѣлью объяснить тотъ знаменательный и печальный фактъ, что, несмотря на всѣ успѣхи техническіе, политическіе, соціальные и экономическіе, человѣчество какъ бы все болѣе удаляется отъ радостнаго отношенія къ жизни и погружается въ мрачный пессимизмъ. Причину этого авторъ главнымъ образомъ видитъ въ томъ, что мы очень увлекались «чистымъ умозрѣніемъ», то-есть разными философскими системами, увлекались настолько, что забыли о жизни, которая жестоко мститъ намъ за эту забывчивость неприглядностью окружающихъ насъ условій.

Публицистъ до мозга костей, въ лучшемъ европейскомъ значеніи этого слова, Р. И. Сементковскій не ограничился критическою дѣятельностью. Онъ иногда прибѣгалъ для болѣе широкаго распространенія своихъ выводовъ къ беллетристической формѣ. Такимъ образомъ имъ написанъ рядъ повѣстей и очерковъ, появлявшихся въ разныхъ журналахъ («Историческомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Русской Мысли») и отдѣльными изданіями; напримѣръ, повѣсть «Дѣвичьи сны» (1888 г.), въ которой авторъ старался выяснить взаимное отношеніе нашихъ партій; другая, не менѣе обширная повѣсть «Евреи и жиды» (1890 г.) посвящена еврейскому вопросу; въ очеркѣ «Смерть сановника» онъ коснулся основъ нашей внутренней политики; этюдъ «Ѳеденька Донъ-Кихотъ» и разсказъ «На вечерѣ у курсистокъ» представляютъ попытку выяснить стремленія нашей молодежи и такъ далѣе.

На ряду съ интересною статьей «Общественные мотивы современныхъ беллетристовъ» («Историческій Вѣстникъ», мартъ 1895 г.) г. Сементковскій посвятилъ спеціальные этюды нѣкоторымъ наиболѣе выдающимся писателямъ: Боборыкину (въ «Телеграфѣ»), Л. Толстому (въ «Новостяхъ»), Ломоносову («Родоначальникъ нашей патріотической литературы», «Историческій

Библиотека "Руниверс"

Вѣстникъ», августъ 1894 г.), Фонвизину («Нашъ первый скептикъ»), Кантемиру («Родоначальникъ нашей обличительной литературы», мартъ, 1894 г.), и, наконецъ, завоевавшему умы всей Европы, настоящему «варягу», отдаленному потомку тѣхъ норманновъ, которые наводили страхъ и ужасъ на всю Европу, норвежцу Генриху Ибсену («Что такое Ибсенъ»? «Историческій Вѣстникъ», сентябрь 1894 г.).

Къ числу произведеній Р. И. Сементковскаго, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, слѣдуетъ причислить и нѣсколько томиковъ «Біографической Библіотеки» Ф. Павленкова, а именно біографіи Кантемира, Канкрина, Бисмарка, Дидро.

Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ редактированіи многихъ иностранныхъ сочиненій, переводившихся на русскій языкъ, нерѣдко снабжая ихъ болѣе или менѣе обширными предисловіями, въ которыхъ старался выяснить значеніе этихъ трудовъ въ дѣлѣ правильной постановки у насъ вопросовъ жизни и литературы. Изъ значительнаго числа этихъ сочиненій укажемъ въ особенности на слѣдующія: «Въ трущобахъ Англіи» Бутса; «Исторія французской революціи» Карно; «Рабочій вопросъ» Ланге; «Вырожденіе» Макса Нордау; по поводу толковъ объ этой книгѣ Ростиславъ Ивановичъ помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (январь 1894 г.) интересную статью «Вырожденіе или невѣжество», представляющую критическій разборъ метода Макса Нордау.

Съ 1895 года Р. И. Сементковскій принялъ на себя веденіе критическаго отдѣла въ «Нивѣ»—«Что новаго въ литературѣ?»—и и велъ его въ теченіе десяти лѣтъ. Въ этихъ своихъ ежемѣсячныхъ обозрѣніяхъ онъ примѣнительно къ обширной аудиторіи журнала Маркса давалъ этой аудиторіи занимательное и полезное чтеніе, гдѣ, отметая рѣзкую полемику, рисовалъ передъ читателемъ въ обстоятельной и нелицепріятной формѣ поступательное движеніе и развитіе нашей новой литературы. Во имя какихъ-либо политическихъ цѣлей критикъ не сокрушалъ молодые побѣги русской литературы, если они даже порой принимали неправильное направленіе. Онъ, какъ любящій отецъ, назидалъ лишь молодежь, указывалъ имъ на задачи русской жизни въ ихъ правильной государственной, соціальной и политической постановкѣ. Выводы, къ которымъ писатель приходилъ, какъ въ этихъ критическихъ фельетонахъ, такъ и во всей своей публицистической работѣ, мало имѣли общаго съ ходячими у насъ воззрѣніями. Какъ извѣстно, русское общество, какъ въ либеральной, такъ и консервативной своей части, одинаково убѣждено, что окружающее насъ зло вызывается не имъ самимъ, а правительствомъ, которое либо недостаточно либерально, либо недостаточно консервативно. По мнѣнію же г. Сементковскаго, правительство и его дѣятельность создаются обществомъ и наро-

Библиотека "Руниверс"

домъ, слѣдовательно, и источникъ окружающаго насъ зла коренится въ нихъ самихъ. Общество и народъ состоятъ изъ недѣлимыхъ, отъ интеллектуальнаго и этическаго уровня которыхъ все и зависитъ. Такимъ образомъ, прогрессъ обусловливается не расширеніемъ свободы или улучшеніемъ законодательныхъ нормъ (это уже слѣдствіе), а личнымъ совершенствованіемъ каждаго недѣлимаго, что безусловно признается всѣми свѣтилами нашей литературы, начиная съ Кантемира и кончая Толстымъ. Подробная мотивировка этого вывода примѣнительно къ современной русской дѣйствительности и составляетъ основное содержаніе работъ Р. И. Сементковскаго — политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, критическихъ и беллетристическихъ.

Съ 1897 г. по 1905 г. нашъ писатель состоялъ редакторомъ «Нивы», а, уйдя, такъ сказать, на покой, сталъ уже рѣже появляться на страницахъ нашей періодической прессы. Къ этому времени относится изданіе фирмою А. Ф. Маркса собранія его сочиненій въ трехъ томахъ: т. I. «Русское общество и литература. Отъ Кантемира до Чехова.—Философія и жизнь.—Очерки по русской литературѣ: Родоначальникъ нашей обличительной литературы.—Родоначальникъ нашей патріотической литературы. — Нашъ первый скептикъ.—Пушкинъ и Бѣлинскій.—Шестидесятые годы и современная беллетристика.—Еще о современной русской беллетристикѣ.—Главный герой русскаго романа.—Русская литература наканунѣ XX вѣка.—Антіохъ Кантемиръ.—Н. С. Лѣсковъ.—Идеалы въ искусствѣ: Рѣпинъ и Антокольскій.—Очерки по иностранной литературѣ: Модная теорія.—Что такое Ибсенъ?—Вырожденіе или невѣжество.—Новый взглядъ на исторію.—Денисъ Дидро». Томъ II: «Русское общество и государство. Пересмотръ господствующихъ у насъ политическихъ взглядовъ. Соціальные очерки: Культура и подвижничество.—Наша публицистика.—Экономическая наука и церковь.—Культурные успѣхи Финляндіи.—Вильгельмъ II и соціальный вопросъ. Политическіе очерки: Силуэты русскихъ администраторовъ.— Къ исторіи либерализма. — Россія наканунѣ XX вѣка.—Указъ 13-го января 1895 года.—Польскія письма.—Франко-русскій союзъ.—Двѣ книги о свободѣ.—«Больной человѣкъ». Біографическіе очерки: Е. Ф. Канкринъ. Князь Бисмаркъ. М. Н. Катковъ». Томъ III: «Русское общество и жизнь. Повѣсти и разсказы».

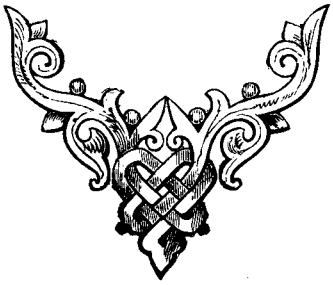
Здѣсь названы только его статьи, вошедшія въ трехтомное изданіе Маркса. Перечислить же всѣ работы Р. И. Сементковскаго составило бы большой библіографическій томъ, и, можетъ быть, даже не одинъ, если включить сюда всѣ тѣ политическія статьи, которыя были имъ напечатаны въ «Новостяхъ». Отмѣтимъ лишь, что въ 1910 — 1913 гг. въ «Русской Старинѣ» были напечатаны его любопытныя воспоминанія подъ заглавіемъ: «Встрѣчи и столкнове-

Библиотека "Руниверс"

нія»; кромѣ того, съ 1912 году онъ далъ нѣсколько обстоятельныхъ работъ, напечатанныхъ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ». Въ текущемъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была помѣщена его статья «Наши государственные люди», гдѣ чрезвычайно рельефно обрисовался его политическій образъ, а также нѣсколько статей въ редактируемой мною «Русской Будущности».

Наши публицисты, особенно изъ числа газетныхъ дѣятелей, слабо знакомы съ работами старыхъ русскихъ журналистовъ. Поэтому и имя Р. И. Сементковскаго не часто встрѣчается въ ихъ писаніяхъ, но вотъ, по счастью, нѣсколько лѣтъ назадъ Н. А. Энгельгардтъ въ своемъ очередномъ фельетонѣ въ «Новомъ Времени» «О патріотизмѣ» напомнилъ современнымъ читателямъ тогда недавно вышедшую книгу ветерана нашей литературы «Современная Россія. Нашъ парламентъ». Сейчасъ мы переживаемъ періодъ національнаго возрожденія въ связи съ ужасной братоубійственной войною. Порекомендуемъ въ юбилейные дни Р. И. Сементковскаго нашимъ націоналистамъ познакомиться съ этою книгою: они найдутъ для себя здѣсь много полезнаго.

Б. Б. Глинскій.



Библиотека "Руниверс"

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ.

I.

Тріентъ.

ЯБЛОКО раздора. Городъ—мечта итальянскаго народа.

Старый, обвѣянный легендами и преданіями Тріентъ кажется мрачнымъ, хотя и весь заласканъ южнымъ солнцемъ. Откуда заимствовалъ городъ свое названіе? Въ самомъ дѣлѣ, откуда? Два отвѣта слышатся на такой вопросъ изъ глубины вѣковъ. Тріентъ, вѣдь, въ сѣдой древности назывался у римлянъ Тридентомъ, а tridens (трезубецъ) былъ принадлежностью бога водъ Нептуна-Посейдона. Трезубцемъ богъ разсѣкалъ скалы и вызывалъ ручьи. Баснословное преданіе закопало Посейдоновъ триденсъ въ землю, и тамъ, гдѣ онъ закопанъ, этруски основали городъ Тридентъ.

Но это поэзія, съ которою не желаютъ считаться суровые жрецы науки Плиній и Страбонъ: они говорятъ, что три сливающихся рѣки просто-напросто и дали имя городу.

Вамъ, мои читатели, предоставляется предпочесть Нептуновъ трезубецъ рѣчной троицѣ, или наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, богъ водъ чтимъ въ Тріентѣ. На соборной площади возвышается великолѣпный Посейдоновъ фонтанъ. Маститый богъ словно прислушивается къ чудеснымъ и таинственнымъ голосамъ окружающихъ его внуковъ—тритоновъ и сиренъ. Съ шумомъ изливается вода фонтана и заглушаетъ голоса ихъ: вотъ почему и не слышно намъ того, чему внемлетъ старый богъ, да, можетъ быть, «parde Adige» (батюшка Адидже). «Батюшка-Адидже», у итальянцевъ рѣка Эчъ, все равно

Библиотека "Руниверс"

какъ у насъ матушка-Волга. Батюшка-Эчъ именно въ виду тріентскаго Посейдона становится настоящею рѣкой, которая орошаетъ, поитъ и кормитъ прелестную, поэтическую долину (Agro trentino), гдѣ царствуетъ маслина. Оливковыя рощи дѣлаютъ пейзажъ чисто-итальянскимъ, и во всякомъ случаѣ не нѣмецкіе поэты вспоминаются здѣсь, а Торквато Тассо или Данте Алигіери... Говорятъ, что среди оливковыхъ деревьевъ сохранились старцы Маѳусаиловыхъ лѣтъ. Библейскій Маѳусаилъ жилъ 969 лѣтъ; маслины живутъ даже еще дольше.

Съ того дня, какъ возгорѣлась война, Тріестъ и Тріентъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе общества. Италія зоветъ ихъ къ себѣ, какъ бывшее ея достояніе, только волею историческихъ судебъ очутившееся въ цѣпкихъ лапахъ австрійскаго орла. Тріентомъ Австрія владѣетъ съ 1814 года, однако въ продолженіе цѣлаго столѣтія она не смогла очаровать и плѣнить своимъ владычествомъ мѣстное населеніе, которое проникнуто всецѣло итальянскимъ духомъ, поетъ и мыслитъ по-итальянски и ищетъ и находитъ все милое и дорогое для себя не въ Вѣнѣ, а въ Венеціи, Миланѣ, даже Веронѣ и, конечно, въ Римѣ.

Тріентъ—это пока мрачная улыбка южнаго Тироля, но это также и дверь въ Италію, запертая австрійскимъ ключомъ. И какъ именно дверь въ страну искусства, поэзіи и голубого неба, Тріентъ и важенъ итальянцамъ.

Пріѣхавъ сюда, вы хотя и видите австрійскихъ Держимордъ и Свистуновыхъ и аттрибуты швабскаго владычества, однако все говоритъ вамъ о сосѣдствѣ настоящей Италіи: звучащая вокругъ рѣчь, видъ зданій, воспоминанія, оживленіе на площадяхъ, пѣсенки и шутки и насмѣшки по адресу «австріяка». Эти насмѣшки больше всего указываетъ на то, что австріякомъ оскорблено чувство національнаго достоинства итальянцевъ. Какой-нибудь чумазый Джузеппе или Паоло, который и во снѣ не видалъ сытнаго обѣда и панталонъ безъ заплатъ, не можетъ примириться съ австрійскою казармою, тѣмъ болѣе, что въ казарму обращенъ историческій памятникъ Тріента. И какой памятникъ!—епископскій замокъ...

Глядя на это многовѣчное зданіе съ башней, съ бойницами и съ полуразрушеннымъ каменнымъ поясомъ—оградою,—переносишься въ то «доброе» старое время, когда и самые грозные носители могущества и власти чувствовали надъ собою угрозу со стороны недовольныхъ или завистниковъ и должны были ограждаться толстыми стѣнами, многочисленной охраной и отчужденностью отъ внѣшняго міра. Властитель Тріента епископъ жилъ въ замкѣ съ цѣлымъ штатомъ придворныхъ чиновъ; само собою разумѣется, что епископъ всегда принадлежалъ къ знатному роду. И знатность рода, и богатство, и утонченное воспитаніе—все это влекло дер-

Библиотека "Руниверс"

жавца къ роскоши, комфорту и красотѣ, и потому преданіе со вздохомъ вспоминаетъ о томъ, какая великолѣпная зала была въ этомъ замкѣ, какія великолѣпныя лѣстницы, и сами Джорджоне (ученикъ Беллини) и Джуліо Романо (ученикъ Рафаэля),—слышите!—сами они, свѣточи итальянскаго искусства, трудились надъ замковыми фресками... И вдругъ—казарма! А всѣ святыни красоты поруганы...

Послушать итальянцевъ,—такъ австріяки, будто бы, готовы и самый «Duomo» (соборъ) превратить въ «казенное зданіе»... Развѣ у нихъ есть стыдъ? Но Дуомо,—вы понимаете!—Дуомо!! Его постройка началась въ одиннадцатомъ столѣтіи, а закончилась въ пятнадцатомъ, и это не одинъ изъ тѣхъ западно-европейскихъ хра-

Замокъ въ Тріентѣ.

мовъ, при видѣ которыхъ сразу испытываешь поразительное впечатлѣніе; но это все-таки царственная базилика въ романскомъ стилѣ, съ куполомъ, парящимъ надъ всѣми городскими зданіями и превосходящимъ сосѣда—замковую башню. Какъ почетные и неутомимые стражи, колонны отдѣляютъ главную святыню отъ смежныхъ пристроекъ; время не заставило святыню посѣдѣть; нѣтъ, она, утративъ румянецъ первоначальной свѣжести, потемнѣла, словно нахмурилась подъ наплывомъ воспоминаній: я говорю о почернѣвшемъ красномъ плитнякѣ. Въ соборѣ погребенъ Василій—строитель первой тріентской церкви. По обыкновенію итальянцевъ, у которыхъ христіанство переплетается съ римской миѳологіей, Нептунъ-Посейдонъ разсердился на Василія, осмѣлившагося соорудить христіанскую церковь тамъ, гдѣ должны бы были стоять только капища въ честь олимпійцевъ, и поразилъ христіанина

Библиотека "Руниверс"

смертью. Соборъ принялъ въ свои стѣны прахъ его, но и «грознаго бога» пришлось умилостивить: ему посвятили тріентцы фонтанъ...

Послѣ собора церковь Санта Марія Маджоре, несмотря на свои мраморныя стѣны, не представила бы никакого интереса, если бы она не была яркой исторической страницей. Нѣкогда она славилась органомъ, но въ 1819 году онъ былъ разрушенъ ударомъ грома. Тридентскій соборъ возсѣдалъ подъ сѣнью Святой Маріи и возсѣдалъ съ перерывами, какъ вы знаете, съ 1542 по 1563 годъ Спорили католики съ протестантами по поводу церковнаго единства, нарушеннаго реформаціей. Фреска на хорахъ сохранила лица двадцати девяти важнѣйшихъ представителей свѣтской власти римскаго папы. Надо быть, споры о таинствахъ, почитаніи святыхъ, иконъ, мощей, монашескихъ обѣтахъ, постахъ, отпущеніи грѣховъ, о чистилищѣ, іерархіи и священствѣ проходили такъ болѣзненно, что былъ при противникахъ даже особый медикъ, и не какой-нибудь, а знаменитый Джироламо Фракасторо, одинъ изъ выдающихся ученыхъ своего времени. Фракасторо не дожилъ до конца собора и, слѣдовательно, ему не пришлось быть свидѣтелемъ того драматическаго момента, когда кардиналъ отъ Лотарингіи воскликнулъ: «да будутъ прокляты всѣ еретики!» и многочисленные прелаты, точно эхо, повторили: «прокляты! прокляты!» Холодящій душу и сердце возгласъ замеръ подъ сводами дома молитвы. Исчезла послѣдняя связь между лагерями, и сотни людей рѣшили судьбу двухъ церквей—католической и протестантской, указавъ имъ различные пути.

Послѣ того, какъ вы побывали въ соборѣ и у Святой Маріи, вамъ предложатъ побывать въ храмѣ святого Петра, гдѣ погребенъ младенецъ Симеонъ, причтенный католическою церковью къ лику святыхъ.

— За что?—спросилъ я церковнаго стража.

— О, синьоръ, жиды замучили младенца!..

Въ двадцатомъ столѣтіи аукается мрачное средневѣковье... Никакой свѣтъ не разсѣиваетъ упрямаго предубѣжденія противъ племени, сыны котораго влачатъ жалкое существованіе въ грязныхъ, тѣсныхъ и узкихъ кварталахъ...

— Знаете, синьоръ, тѣло младенца было найдено въ рѣкѣ, все израненное.

— И чѣмъ кончилось дѣло?

— Тридцать девять мучителей...

— Ихъ было столько?

— О, да! Тридцать девять виновныхъ были казнены.

— Однако!

Право, можно сказать, что у Тріента нѣтъ настоящаго. Онъ—въ прошломъ и въ будущемъ. И прошлое его не въ свѣтломъ ореолѣ. Епископы были преимущественно германскаго и австрійскаго про-

Библиотека "Руниверс"

Соборъ и фонтанъ Посейдона въ Тріентѣ.

Библиотека "Руниверс"

исхожденія. Духъ германизма до такой степени внѣдрился въ высшіе слои мѣстнаго общества, что еще недавно мѣстная барская семья не могла представить гувернантки, кромѣ какъ нѣмки, а молодыхъ людей отправляли слушать почти исключительно нѣмецкихъ профессоровъ. Въ наше время подулъ иной вѣтеръ, повѣяло инымъ духомъ: не только простой народъ, который всегда льнулъ къ родственной Италіи, но и верхи общества отвернулись отъ Австро-Германіи и обратились лицомъ къ родинѣ Данте, Рафаэля и Микель-Анжело, и тѣ, и другіе готовы броситься въ объятія аппенинскимъ братьямъ. И вотъ теперь, когда пробилъ часъ для крушенія австрійскаго государственнаго корабля, южные тирольцы, тріестцы и далматинскіе итальянцы, поневолѣ оказавшіеся на непрочномъ кораблѣ, могутъ найти отрадный пріютъ на итальянскомъ берегу.

Жутко молчали горы, которыя видѣлись всякому, кто въѣзжалъ въ Италію со стороны Тироля. Казалось, вотъ пустыня. Но эта горная пустыня скрывала укрѣпленія. Такова была дружба, таковъ былъ тройственный союзъ, что Австрія караулила Италію, но подкараулила-то ее, Габсбургскую монархію, Италія. Духъ практической политики графа Камилла Кавура сохранился въ этой очаровательной странѣ до послѣдняго времени, но Меттернихъ не повторился, къ несчастью Австріи и къ счастью той части Европы, гдѣ право ставится выше силы и гуманизмъ подавляетъ своею сущностью варварство.

II.

Въ глухихъ углахъ славянства.

— Карловци!—объявляетъ кондукторъ.

Желѣзнодорожный путь отъ Будапешта до Бѣлграда приближается къ концу. Уже недалеко Землинъ, а тамъ и многострадальная столица Сербіи. Землинъ слишкомъ извѣстенъ, какъ венгерское пугало для Бѣлграда; отсюда австро-венгры зорко слѣдили за каждымъ шагомъ сербовъ и очень долго грозили разрушеніемъ ихъ столицы; въ концѣ концовъ Землинъ, вѣроятно, не на шутку и самъ перепугался, когда сербская армія, перемахнувъ черезъ Дунай, очутилась на мадьярскихъ улицахъ...

«Карловци»... Въ памяти шевелится историческое воспоминаніе. Въ Карловцахъ (1699 года) турки, обезсиленные войнами съ Россіей, Австріей, Венеціей и Польшей, заключили миръ, уступивъ побѣдителямъ всѣ лакомые куски; впрочемъ, Австрія не долго купалась въ морѣ героическаго блаженства: турки оправились и принялись бить австрійцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Рѣдко кто изъ русскихъ людей, путешествующихъ по Западной Европѣ, заглянетъ въ эту хорватскую палестину. Карловцы не слишкомъ привлекательны съ внѣшней стороны; это городокъ едва ли и съ десятитысячнымъ населеніемъ. Неширокія улицы съ бѣлыми домиками то ползутъ въ гору, то сползаютъ съ горы, и, кажется, въ этихъ жилищахъ сохраняется во всей прелести семейный очагъ. Душу города выражаетъ площадь, гдѣ находится патріаршій дворецъ, православный и католическій храмы, а также гимназія и богословская школа.

Когда православный человѣкъ появляется въ Карловцахъ, то онъ считаетъ долгомъ побывать у «его святости» патріарха, всегда радушно встрѣчающаго посѣтителя; это радушіе какъ бы преемственное и въ подневольномъ славянскомъ краю, какъ Хорватія, имѣетъ важное политическое значеніе. Патріархъ является выразителемъ думъ и надеждъ православно-хорватскаго населенія; онъ вождь и кормчій и связующее звено въ общеславянской цѣпи. Ему извѣстны стремленія и дѣйствія черногорцевъ, сербовъ, боснійцевъ-герцеговинцевъ и другихъ, а всѣ эти узнаютъ, чрезъ «его святость», о думахъ и порывахъ хорватовъ.

Не думайте, что здѣсь не говорятъ о Россіи. Нѣтъ, говорятъ и очень говорятъ о «матери—Россіи»; ее прославляютъ именно тѣ изъ сербо-хорватовъ, которые познакомились съ великой славянской имперіей, учась въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Они прививаютъ къ своимъ братьямъ русскіе вкусы, напѣвы и отчасти обычаи.

Въ Карловцахъ долго сохранялся домикъ, въ которомъ жилъ и творилъ сербо-хорватскій Лермонтовъ, славный лирикъ Бранко; поэтъ жилъ въ тѣсной и низкой комнаткѣ; въ лѣтнее время онъ любилъ сиживать подъ орѣховымъ деревомъ въ кругу своихъ учениковъ и друзей или же одинъ—съ думами своими. Домикъ пережилъ знаменитаго своего жителя почти на полстолѣтіе; въ концѣ 1890 годовъ онъ сгорѣлъ и такъ, что пламя охватило его сразу со всѣхъ четырехъ сторонъ. У «счастливой» Австріи это бываетъ: то замѣчательно превратится въ пепелъ славянская драгоцѣнность въ родѣ этого вотъ домика, то сгоритъ православный храмъ наканунѣ освященія (напримѣръ, въ Далмаціи). Слава Богу, что огонь безсиленъ противъ творчества и не можетъ воспрепятствовать распространенію въ народѣ любезныхъ произведеній. Бранко читается и почитаемъ сербами и хорватами.

Въ честь его основанъ былъ въ Карловцахъ журналъ «Бранково Коло» (коло означаетъ «хороводъ», «кругъ» и «время созрѣванія плодовъ»). На могилѣ Бранко, въ прелестной подкарловицкой мѣстности Стражиловѣ, благодарный сербскій народъ воздвигъ талантливому пѣвцу достойный его памятникъ. Это, дѣйствительно, народный даръ; на каждомъ камнѣ надпись свидѣтельствуетъ, откуда онъ принесенъ; тутъ «Фрушка гора», у подножія которой

Библиотека "Руниверс"

раскинулись Карловцы, и «Топчидеръ», вблизи отъ Бѣлграда, извѣстный своимъ паркомъ, и стражъ Черногоріи «Ловченъ», и «Авала», «Динара»», и «Велебитъ», и «Клекъ», и «Плѣшевица»; словомъ, отовсюду, гдѣ славянскій духъ и славянами пахнетъ, принесены камни, и царящая надъ окрестностью пирамида совершенно правильно говоритъ своей надписью: «Бранку Српски народ».

Сербскій народъ слишкомъ хорошо знаетъ своего Бранка; въ большемъ поясненіи нѣтъ надобности для него; но для иныхъ есть и такія слова: «Алекса Радичевичъ, род. 1824, а умеръ 1853».

Отъ памятника открываются великолѣпные виды. Нѣкогда этою панорамою, гдѣ Тисса и Дунай дополняютъ горы, луга и долины, любовался и воспѣвалъ ее Бранко Алекса Радичевичъ; теперь витаетъ здѣсь его духъ.

Въ разстояніи часа или полутора ходьбы отъ Карловицъ находится древній Крушедольскій монастырь, гдѣ погребенъ бывшій сербскій король Миланъ Обреновичъ. Монастырская ризница богатая. Въ ней хранятся драгоцѣнные предметы, дарованные монастырю сербскими князьями; здѣсь можно видѣть и короны, и старинныя ручныя кадила; посреди всѣхъ драгоцѣнностей останавливаетъ вниманіе богатое одѣяніе княгини Любицы Обреновичъ; съ другой стороны, нельзя пройти безъ вниманія мимо подареннаго княземъ Милошемъ Обреновичемъ страусоваго яйца, по объему равняющагося приблизительно восемнадцати куринымъ яйцамъ. На этомъ яйцѣ изображены четыре евангелиста; яйцо-великанъ въ металлической оправѣ.

Могила короля Милана служитъ скорѣе для удовлетворенія любопытства, чѣмъ для изліянія благоговѣнія или патріотическихъ чувствъ; черногорцы равнодушно смотрятъ на «послѣдній пріютъ» краля-австролюба; сербы едва ли смотрятъ такъ же равнодушно, но, во всякомъ случаѣ, имя Милана будитъ не радостныя воспоминанія. Иные путешественники здѣсь рѣдки.

Около монастыря разсыпалось село Крушедолъ—и какая разница съ нашими шумливыми, суетливыми и «промышленными» примонастырскими селами! Видно, тутъ отъ обители и пріѣзжихъ поживы не бываетъ: народъ-то весь углубился въ «земельный вопросъ» и рѣшаетъ его съ помощью земледѣльческихъ орудій. Судя по кукурузнымъ посѣвамъ, мамальуга (кукурузная похлебка) составляетъ не послѣднее блюдо на столѣ крушедольскаго сербина. Есть и виноградъ. Виноградным виномъ безъ стѣсненія попотчуетъ васъ и крушедольскій архимандритъ, который не понимаетъ, почему же не выпить стакана вина, если можно съѣсть яблоко и тому подобное? И виноградъ растеніе, и яблоко растеніе...

Да, Карловцы съ Крушедоломъ и Стражиловымъ интересныя для пытливаго человѣка мѣста. Здѣсь стоитъ побывать всякому,

Библиотека "Руниверс"

кто добрался до Бѣлграда или Будапешта. Въ глухихъ углахъ живутъ, повѣрьте, не только медвѣди. Тутъ работаетъ хорватская мысль, и къ этой работѣ полезно присмотрѣться сыну обновленной Россіи. Въ этой глуши могутъ быть у васъ очень содержательныя встрѣчи и бесѣды съ духовными лицами и съ учителями, которые именуются довольно громко у славянъ профессорами. Что-то въ настоящее время творится въ Хорватіи, а въ частности—въ описанныхъ мѣстахъ?

Павелъ Россіевъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1908 годъ. Пгр. 1915. Стр. VII+369+13.—То же за 1909 годъ. Пгр. 1915. Стр. VII+291.—То же за 1910 годъ. Пгр. 1915. Стр. VII+134.

ВСѢ ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ отчеты нашего знаменитаго книгохранилища вышли въ свѣтъ въ началѣ текущаго года. Въ жизни библіотеки за годы 1908—1910 произошло нѣсколько довольно значительныхъ событій, какъ отрадныхъ, такъ и печальныхъ. Къ первымъ относимъ увеличеніе (съ 1909 г.) суммы на пріобрѣтеніе и переплетъ рукописей и книгъ, а также на печатаніе каталоговъ, отчета и проч. съ 54 тысячъ до 67; увеличенію подверглись также средства, отпускаемыя на содержаніе и обмундированіе служителей, на расходы по зданію и хозяйственные. Жаль только, что безъ измѣненія осталась сумма, отпускаемая на плату врачу, архитектору и (что гораздо важнѣе) дежурнымъ при читальной залѣ и лицамъ, занимающимся въ канцеляріи. Этихъ средствъ (8.120 рублей) библіотекѣ не хватаетъ, и въ 1910 году издержки по названной статьѣ дошли до 29.418 рублей. Разумѣется, этотъ перерасходъ долженъ покрываться изъ упомянутой выше суммы въ 67 тысячъ. Затѣмъ съ грустью приходится отмѣтить, что въ 1908 и 1909 г. г. количество читателей уменьшилось (въ 1907 г.—257.565 человѣкъ, въ 1908 году только 192.089 человѣкъ, а въ 1909 году еще менѣе—181.373 человѣка; съ 1910 года количество читателей снова повышается). Причину этого рѣзкаго уменьшенія количества читателей въ 1908 году слѣдуетъ усматривать въ запрещеніи выдавать въ чтеніе элементарные учебники и въ прегражденіи доступа въ библіотеку воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній и молодымъ людямъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста. Эти суровыя

Библиотека "Руниверс"

мѣры мотивируются, съ одной стороны, тѣмъ, что малолѣтніе читатели мѣшали лицамъ, работающимъ серьезно, а съ другой стороны—элементарные учебники отъ частаго употребленія приходили въ полную негодность, почему «библіотека не могла уже сохранять ихъ въ надлежащемъ видѣ для будущаго, для того времени, когда находить эти изданія, нынѣ доступныя всякому, будетъ уже очень не легко». Согласиться съ этимъ очень трудно. 1) Если учебники были доступны всякому, то зачѣмъ же такъ усердно требовать ихъ именно въ библіотекѣ? Всѣмъ извѣстно, что въ столицѣ имѣется масса молодежи обоего пола, стремящейся къ самообразованію и не достаточно богатой, чтобы покупать себѣ учебники. 2) Библіотека получаетъ каждый учебникъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ и можетъ быть отданъ въ чтеніе, тогда какъ другой будетъ храниться «для будущаго». Если учебникъ не ходкій, то одинъ экземпляръ его будетъ служить долго; что же касается руководствъ распространенныхъ, то прежде, чѣмъ находящіеся въ чтеніи экземпляры ихъ успѣютъ прійти въ негодность, эти учебники успѣютъ появиться новымъ изданіемъ, которое и можетъ замѣнить предыдущее, что будетъ въ интересахъ читателей. Въ 1909 году отмѣчено грустное явленіе, что многіе посѣтители читальной залы допускали большую небрежность въ обращеніи съ книгами, выдававшимися изъ русскаго отдѣленія (напримѣръ, позволяли себѣ испещрять книги разными замѣтками, вырывали страницы, рисунки и цѣлыя статьи изъ журналовъ и даже замѣняли болѣе или менѣе цѣнныя изданія макулатурными)». Результатомъ этого было ограниченіе выдачи въ читальный залъ многихъ книгъ, особенно болѣе рѣдкихъ повременныхъ изданій. Конечно, сохраненіе книгъ должно стоять въ библіотекѣ на первомъ планѣ, но нельзя забывать, что русское отдѣленіе открыто только съ 10 до 3 часовъ дня, когда многіе не могутъ попасть въ библіотеку по служебнымъ обязанностямъ. Поэтому представляется существенно необходимымъ увеличить число рабочихъ часовъ въ отдѣленіи. На справку можно привести, что въ парижской Bibliothèque Nationale подобное отдѣленіе открыто съ 9 до 6 часовъ дня, а въ British Museum еще дольше. Разумѣется, соотвѣтственно съ этимъ долженъ быть увеличенъ и служебный персоналъ русскаго отдѣленія.

Перейдемъ теперь къ краткому обзору пріобрѣтеній библіотеки за отчетные годы. Пріобрѣтенія эти раздѣляются на произведенія печати и рукописи. Первыя описываются въ отчетахъ весьма неравномѣрно: съ особой обстоятельностью перечисляются пріобрѣтенія русскаго отдѣленія, исторіи и полиграфіи. Что касается вновь поступающихъ рукописей, то обычное тщательное описаніе ихъ, надъ которымъ усердно трудятся И. А. Бычковъ, В. В. Майковъ и Д. А. Абрамовичъ, придаетъ отчетамъ библіотеки особую научную цѣнность. Изъ пріобрѣтеній 1908 года отмѣтимъ купленныя собранія рукописей Н. М. Михайловскаго (XV—XIX вѣковъ) и извѣстнаго романиста Г. П. Данилевскаго, подаренный большой архивъ бумагъ бывшаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати князя Н. В. Шаховского, куда вошли бумаги извѣстнаго ученаго и публициста Н. П. Гилярова-Платонова, и библіографическіе труды извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго. Въ 1909 году князь А. В. Барятинскій принесъ въ даръ библіотекѣ обширное собраніе бумагъ крупнаго дѣятеля

Библиотека "Руниверс"

эпохи императора Николая I, князя А. И. Чернышева. Кромѣ того отмѣтимъ купленный библіотекой весьма любопытный сборникъ каноническаго и богослужебнаго содержанія, писанный полууставомъ XVI вѣка (стр. 186—224). Интересно, наконецъ, собраніе бумагъ Н. Абросимова, который былъ предшественникомъ А. Н. Неустроева по библіографіи періодической печати XVIII вѣка. Оказывается, что нѣкоторые листы составленнаго Абросимовымъ «Обозрѣнія содержанія журналовъ за 1728—1799 г.г.» служили прямо типографскимъ оригиналомъ для труда Неустроева. Въ 1910 году библіотека купила рукописное собраніе сочиненій писателя XVII вѣка Каріона Истомина и богатый архивъ А. И. Артемьева, извѣстнаго трудами по русской исторіи, исторической географіи, статистикѣ и этнографіи. За всѣ отчетные годы въ книгохранилище поступали автографы нашихъ великихъ писателей, напримѣръ, Пушкина, Достоевскаго, Тургенева и другихъ. Въ 1908 году библіотекаремъ Н. Д. Чечулинымъ была закончена работа по каталогизаціи любопытной коллекціи мазаринадъ, т. е. памфлетовъ, направленныхъ въ такъ называемую эпоху фронды (1648—1652 г. г.) противъ извѣстнаго кардинала Мазарини. **М.**

Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Москва. Издательство К. Ф. Некрасова. MCMXVI. Стр. 309. Съ 7 снимками и 1 автографомъ. Ц. 2 р. 50 к.

Бумаги этого «Архива» сохранились «страннымъ образомъ» въ подпольѣ дома имѣнія Карабихи среди мусора и пыли, пролежавъ тамъ двадцать пять лѣтъ. Въ увѣсистой пачкѣ, разысканной сыновьями Ѳедора Алексѣевича Некрасова, младшаго брата Н. А. Некрасова, оказались черновыя тетради поэта, письма, рукописи, двѣ-три запрещенныя по тому времени книги и коллекція фотографическихъ карточекъ декабристовъ.

Рукописи и черновыя тетради (съ «довольно многочисленными варіантами уже извѣстныхъ произведеній») составятъ второй предполагаемый томъ «Архива села Карабихи». Въ первый же томъ вошла исключительно переписка: 47 писемъ Н. А. Некрасова къ отцу, братьямъ и второй женѣ брата Ѳедора Алексѣевича, 168 писемъ къ Н. А. Некрасову (отца, брата Константина Алексѣевича, сестры Анны Алексѣевны, разныхъ общественныхъ дѣятелей и ряда писателей: П. Д. Боборыкина, В. И. Водовозова, Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова, А. А. Краевскаго, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, А. Н. Островскаго, А. Ѳ. Писемскаго, А. Н. Плещеева, Н. Г. Помяловскаго, А. Н. Пыпина, М. Е. Салтыкова, В. А. Слѣпцова, гр. Л. Н. Толстого, А. А. Фета и друг.); въ приложеніи даны два письма П. А. Плетнева, письма А. А. Буткевичъ къ Ѳ. А. Некрасову (съ 10-го января по 27-е декабря 1877 г.) и разныя мелочи.

Письма Н. А. Некрасова къ роднымъ не представляютъ широкаго интереса въ нихъ «дѣла семейныя», главнымъ образомъ коммерческія.

Характернымъ показалось намъ одно мѣсто въ письмѣ отъ 12-го марта 1877 года—ясное предчувствіе смерти: «Я крайне плохъ. Надежды жить нѣтъ. Могу протянуть нѣсколько, а не то такъ и скоро...» Для біографовъ Некра-

Библиотека "Руниверс"

сова, вѣроятно, въ этихъ письмахъ попадутся страницы цѣнныя и любопытныя.

Большій интересъ представляютъ письма къ Некрасову. Здѣсь можно отмѣтить полное благожелательности письмо Дружинина, относящееся, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ 1855 году. Въ немъ Дружининъ вспоминаетъ время, когда они такъ долго трудились вмѣстѣ, когда никто не хотѣлъ трудиться и когда ихъ трудъ «много значилъ во время общаго страха и апатіи». Дѣловымъ характеромъ отличаются письма А. А. Краевскаго. Письма Н. С. Курочкина относятся къ моменту перваго предостереженія «Отечественнымъ Запискамъ» (1872 г.): въ нихъ найдется кое-что для характеристики милыхъ нравовъ нашей цензуры. Остроумно письмо князя В. Ѳ. Одоевскаго, которому показалось, что это его Некрасовъ вывелъ въ стихотвореніи «Филантропъ». Письма Островскаго, Писемскаго, Плещеева дѣловыя: денежные расчеты съ «Современникомъ». Интересны два письма декабриста барона А. Е. Розена. Прежде всего они прекрасны стилистически: авторъ владѣетъ рѣдкимъ даромъ эпистолярнаго искусства—наслѣдіемъ александровской эпохи, ароматъ которой чувствуется въ нихъ, несмотря на почтенный возрастъ Розена. Рѣчь въ нихъ идетъ объ изданіи «Записокъ декабриста». Забавны письма Салтыкова съ рѣзкими отзывами о нѣкоторыхъ писателяхъ и сотрудникахъ. Самыми интересными, пожалуй, являются письма гр. Л. Н. Толстого—первые его шаги на литературномъ поприщѣ въ «Современникѣ» (первыя два письма подписаны лишь иниціалами Л. Н. съ адресомъ на брата, Николая Николаевича), сближеніе и охлажденіе.

Письма А. А. Буткевичъ къ Ѳ. А. Некрасову—скорбный листъ постепеннаго угасанія поэта.

Къ сожалѣнію, къ глубокому даже сожалѣнію, редакціонная часть изданія совершенно не удовлетворила насъ. Всякій архивъ, подобный «Архиву села Карабихи», есть нѣчто цѣльное, родъ организма. Въ свое время этотъ организмъ росъ, развивался, увеличивался, слѣдуя опредѣленнымъ логическимъ законамъ. Почему же теперь, по прошествіи двадцати пяти слишкомъ лѣтъ, намъ хотятъ представить прошлую жизнь его въ искаженномъ видѣ, помѣстивъ голову на спинѣ, а ноги на груди? Такую картину нарисуетъ воображеніе, несомнѣнно, любому чтецу, и его, несомнѣнно, оскорбитъ такой грубый произволъ въ обращеніи съ душою прошлаго, путемъ распредѣленія всего матеріала писемъ по авторамъ въ порядкѣ алфавита. Такъ дѣйствовали Барсуковъ, Бартеневъ и другіе; но то были русскіе «самоучки», отъ которыхъ, какъ извѣстно, были далеки требованія чистой науки. Для чего же повторять непоправимыя ошибки прошлаго? Чтобы сохранить душу былого, нужно возсоздать его. Методъ возсозданія въ данномъ случаѣ довольно простой: воспроизведеніе хронологическаго порядка событій, установливаемаго датировками писемъ. Проредактированный въ этомъ смыслѣ «Архивъ села Карабихи» далъ бы, вѣроятно, очень стройную картину кусочка нашей прошлой жизни, ея литературныхъ нравовъ и т. д. Между тѣмъ хронологическая послѣдовательность писемъ даже въ предѣлахъ алфавитнаго порядка авторовъ и въ отношеніи каждаго автора совершенно не соблюдена. А это было сдѣлать вовсе не трудно.

Библиотека "Руниверс"

Большинство писемъ, датированныхъ безъ обозначенія года, датированы тѣмъ не менѣе числомъ, мѣсяцемъ и днемъ; слѣдовательно, установленіе года никакихъ затрудненій не представляло. Наконецъ, приблизительная датировка возможна была по фактическому матеріалу писемъ. Но и это не сдѣлано. По этимъ причинамъ цѣльность впечатлѣнія сильно страдаетъ. Работа изслѣдователя и работа читателя не облегчены.

Многія фамиліи корреспондентовъ оставлены безъ обозначенія ихъ отчествъ. Письмо (126-е), приписанное И. И. Панаеву, принадлежитъ, несомнѣнно, И. А. Панаеву.

Примѣчанія также неудовлетворительны. Не объясненъ цѣлый рядъ намековъ и фактовъ, выяснить каковые не представляло вовсе большого труда. Зато даны такія примѣчанія, какъ «Дружининъ, А. В., извѣстный въ свое время беллетристъ и критикъ», т.-е. объясняется то, что можно найти въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ. Указатель именной отсутствуетъ, что для подобнаго изданія совершенно непростительно. **В. Княжнинъ.**

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Григорія Константиновича Градовскаго. Съ портретами и снимками. Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ — своему основателю. Пргр. 1916. Стр. 214. Ц. 2 р.

Историко-литературная судьба почти всѣхъ нашихъ газетныхъ работниковъ печальна: они обречены на забвеніе, и даже самые кропотливые библіографы, разрывая громадные запыленные листы старыхъ газетъ, не въ состояніи опредѣлить, что изъ этого огромнаго печатнаго матеріала принадлежитъ тому или другому публицисту, быть можетъ, въ свое время жегшему огненнымъ словомъ сердца людей. Редакціонный флагъ прикрылъ ихъ отъ взоровъ любопытствующихъ и хорошо еще, если при жизни сочлена своей журнальной семьи редакція сумѣла или смогла хотя бы матеріально обезпечить его земное существованіе. Сплошь и рядомъ и того не случалось. Конечно, dii maiores нашего газетнаго дѣла, какъ, напримѣръ, Катковъ, Аксаковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Суворинъ, Пихно, Шараповъ, кн. Мещерскій и нѣк. др. одаренныхъ ихъ особо выдающимися дарованіями и создавшихъ имъ благопріятныя общественныя и политическія условія работы, сохранили свои имена въ лѣтописяхъ журналистики и въ памяти благодарнаго потомства. Но большая часть работниковъ нашей повседневной прессы не сохранили своихъ именъ въ лѣтописяхъ нашей повседневной прессы.

Благопріятно сложились обстоятельства для извѣстнаго въ свое время даровитаго, недавно скончавшагося публициста Григ. Конст. Градовскаго. Благодарные ему сочлены кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, коей онъ былъ создателемъ и основателемъ, спасли его имя отъ забвенія, выпустивъ недавно на память о немъ сборникъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ этомъ сборникѣ рядъ лицъ, въ свое время поработавшихъ совмѣстно съ Г. К. Градовскимъ на журнальной и общественной нивѣ, дали себѣ трудъ воспроизвести въ своихъ поминальныхъ статьяхъ главнѣйшіе моменты изъ жизни на-

Библиотека "Руниверс"

шего публициста, свидѣтелями и соучастниками коихъ они были. Всѣ ихъ воспоминанія объ отошедшемъ въ вѣчность видномъ общественномъ дѣятелѣ и публицистѣ проникнуты теплой любовью къ усопшему товарищу, чувствомъ признательности къ его заслугамъ передъ русскимъ обществомъ вообще и кассою взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ въ частности. Изъ общей суммы всего сказаннаго о Градовскомъ довольно рельефно выступаетъ передъ читателемъ «боевой» обликъ публициста-гражданина, всю свою жизнь боровшагося за свободу русскаго слова, за свободу русскаго народа, за право мнѣнія и сомнѣнія общественныхъ силъ передъ лицомъ власть имущихъ, стремившагося всѣми зависящими отъ него силами и средствами объединить работниковъ на журнальномъ поприщѣ и создать благопріятныя условія, духовныя и матеріальныя, для ихъ работы и ихъ трудового подвижничества. Въ этомъ отношеніи Г. К. Градовскій оставилъ во всѣхъ знавшихъ его и соприкасавшихся съ нимъ самую трогательную память о себѣ.

Мы не будемъ здѣсь касаться потребностей всѣхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ. Имена гг. Колубовскаго, Ольги Шапиръ, Сементковскаго, Кауфмана, В. И. Немировича-Данченка, П. Боборыкина, И. П. Василевскаго, В. Апушкина, Е. Карпова, В. Кузнецова свидѣтельствуютъ объ интересѣ для читателей того литературнаго матеріала, который вошелъ въ біографическій сборникъ, и намъ остается только горячо рекомендовать всѣмъ интересующимся судьбами русской журналистики, для кого близка и дорога работа писателей, ихъ судьба, ихъ творчество, ознакомиться самимъ съ настоящей книгой и тѣмъ самымъ внести свою скромную лепту въ пенсіонный фондъ имени заслуженнаго русскаго писателя Г. К. Градовскаго при кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Они, эти жертвователи, останутся въ выигрышѣ: помимо воспоминаній о старомъ русскомъ журналистѣ, найдутъ они еще здѣсь нѣкоторые отрывки изъ его собственныхъ произведеній, напримѣръ, описаніе его поѣздки въ Ясную Поляну и его въ высшей степени интересную переписку съ семействомъ Л. Толстого, въ коей читатель обрѣтетъ и данныя о жизни нашего геніальнаго писателя и объ отношеніяхъ къ нему выдающагося представителя русской журналистики и общественности. **Б. Г.**

Дневникъ Алексѣя Николаевича Вульфа 1828—1831 годовъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями М. Л. Гофмана и съ приложеніемъ портрета А. Н. Вульфа (отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XXI—XXII). Пгр. 1915. Стр. VIII+340.

Дневникъ А. Н. Вульфа, какъ совершенно правильно указываетъ его издатель, даетъ много интересныхъ и характерныхъ чертъ изъ жизни русскаго общества первой половины XIX вѣка, въ частности изъ жизни Пушкина и его знакомыхъ: Дельвиговъ, Осиповыхъ, Кернъ и т. д. Читается онъ поэтому съ большимъ интересомъ, и можно только поблагодарить какъ владѣльцевъ дневника, бар. Вревскихъ, такъ и издателя. М. Л. Гофмана, познакомившихъ съ нимъ русское общество. Но пріемы издателя, смѣемъ думать, вызываютъ сильныя возраженія, если не порицанія; въ самомъ дѣлѣ: имѣя, по его словамъ, раз-

Библиотека "Руниверс"

рѣшеніе владѣльцевъ дневника опубликовать дневникъ полностью, онъ позволилъ себѣ дѣлать въ немъ сокращенія «въ тѣхъ случаяхъ, когда дневникъ даетъ повѣствованія мало характерныя для автора или представляетъ повторенія и случаи, аналогичные съ уже описанными». Эти сокращенія, какъ признаетъ самъ издатель, внесли «нѣкоторыя неясности..... и пробѣлы и въ біографію самого А. Н. Вульфа, который, однако, нами восполненъ въ своего рода хронологической канвѣ—«Маршруты А. Н. Вульфа 1828—1832», изданной въ первомъ приложеніи къ дневнику». Оправданіе для сокращеній въ той части дневника, которая посвящена описанію турецкой и польской кампаній, издатель находитъ въ томъ, что она представляетъ только побочный интересъ для такого изданія, какъ «Пушкинъ и его современники.». Наконецъ,«въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ пришлось сдѣлать въ дневникѣ Вульфа пропуски, которые большею частью объясняются цензурными требованіями; также мы не рѣшились раскрыть въ текстѣ нѣкоторые иниціалы». Противъ подобнаго произвольнаго обращенія съ текстомъ памятника, за которымъ самъ издатель признаетъ важное «литературно-историческое, біографическое, современно-бытовое и общеисторическое» значеніе, нельзя не протестовать самымъ энергичнымъ образомъ. Гдѣ и какая можетъ быть гарантія, что то, что издателю показалось «мало характернымъ» и не заслуживающимъ напечатанія, для другого изслѣдователя съ другой точки зрѣнія не покажется вполнѣ заслуживающимъ вниманія? Что значатъ «случаи, аналогичные съ уже описанными»? Развѣ повторяется и можетъ повториться въ чьей-либо жизни два раза одно и то же? Всякій случай въ жизни индивидуаленъ, и только наблюденія этихъ индивидуальныхъ случаевъ въ біографіяхъ и мемуарахъ могутъ замѣнить для историка и психолога недостатокъ и невозможность экспериментированія въ этой области. Вычеркиваніе «аналогичныхъ» случаевъ означаетъ приблизительно то же, какъ если бы, напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ вычернули всѣ «аналогичныя» по числу жителей и размѣрамъ описанія земельныхъ участковъ. Едва ли какой-либо историкъ поблагодарилъ за это издателя? Намъ кажется, что все это произошло оттого, что М. Л. Гофманъ при своемъ изданіи далъ перевѣсъ чисто литературно-исторической точкѣ зрѣнія и игнорировалъ историко-культурную, т. е. совершилъ нѣчто подобное тому, какъ иногда историки искусства, оцѣнивая памятникъ, даютъ несоразмѣрный перевѣсъ эстетической точкѣ зрѣнія, почти игнорируя всѣ остальныя. Издавъ памятникъ цѣликомъ (а дневникъ есть, конечно, памятникъ извѣстнаго историческаго момента), онъ заслужилъ бы еще болѣе, чѣмъ теперь, горячую признательность историковъ, интересующихся русской жизнью первой половины XIX вѣка, для которыхъ, несомнѣнно, очень странно звучитъ совѣтъ для объясненій неясностей, получившихся при сокращеніи описанія турецкихъ и польскихъ кампаній, обратиться къ историческимъ сочиненіямъ объ этихъ походахъ: то пособія, а это первоисточникъ,— разница громадная. Если при напечатаніи дневника въ изданіи «Пушкинъ и его современники» есть нѣкоторое оправданіе для сокращенія, то въ отдѣльной книгѣ всѣ эти сокращенія должны были быть возстановлены.

Издатели мемуаровъ вообще должны проникнуться тѣми же взглядами на задачи изданія, какіе давно усвоены издателями античныхъ и средневѣковыхъ

Библиотека "Руниверс"

текстовъ, и издавать ихъ цѣликомъ, давая изслѣдователю по возможности точную замѣну рукописи. Сокращенныя изданія возможны только тогда, когда существуютъ и полныя, къ которымъ всегда можно обратиться для справки. Въ данномъ случаѣ изданіе текста цѣликомъ было тѣмъ болѣе необходимо, что памятникъ находится въ частныхъ рукахъ и мало ли что можетъ съ нимъ случиться впослѣдствіи. Что касается пропусковъ, вызываемыхъ цензурными соображеніями, то 1) въ ученомъ изданіи этимъ соображеніямъ не должно быть мѣста, а 2) академія наукъ сама дала въ этомъ отношеніи очень хорошій примѣръ, издавъ, напримѣръ, цѣликомъ рукопись Кирши Данилова въ количествѣ 100 экземпляровъ не для продажи и сдѣлавъ въ остальныхъ экземплярахъ соотвѣтствующіе пропуски. Такимъ образомъ изслѣдователь всегда можетъ имѣть въ своихъ рукахъ полный текстъ. Такъ же слѣдовало поступить и здѣсь. Въ заключеніе нельзя не пожалѣть и о томъ, что не перепечатана въ отдѣльномъ изданіи дневника и та его часть, которая уже ранѣе была издана Л. Н. Майковымъ (съ 1831 по 1842 г.); увеличеніе книги на 60 страницъ немного бы увеличило ея цѣну, но значительно повысило бы ея интересъ. Примѣчанія издателя составлены очень подробно и обстоятельно, и съ этой стороны изданіе заслуживаетъ всякой похвалы. **А. Захаровъ.**

В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія (Историко-философское объясненіе современной войны). Петроградъ. 1916. Стр. 95. Ц. 75 к.

Подлежащая нашему разсмотрѣнію книжка В. Сенатова представляетъ собою перепечатку изъ ежемѣсячника «Русской Будущности» (1916 г. кн. 1, 2 и 3). Имя В.Г. Сенатова широкой публикѣ было до сихъ поръ мало знакомо. Это объясняется тѣмъ, что авторъ всѣ свои труды по богословскимъ и философскимъ вопросамъ помѣщалъ въ малораспространенныхъ духовныхъ органахъ. Единственнымъ исключеніемъ было появленіе его статей о старообрядчествѣ въ покойномъ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» князя Е. Трубецкого, которыя потомъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Историко-литературные очерки о старообрядчествѣ». Сборникъ этотъ въ свое время обратилъ на себя вниманіе передовой печати, отозвавшейся о немъ съ большими похвалами. Къ сожалѣнію, послѣ этого, съ прекращеніемъ «Московскаго Еженедѣльника», работы г. Сенатова опять пропадали для широкой публики, появляясь преимущественно въ старообрядческой «Церкви» и тому подобныхъ спеціальныхъ изданіяхъ, что, разумѣется, мало способствовало знакомству публики съ идеями нашего автора. А идеи эти и оригинальны и стоятъ распространенія и дальнѣйшей разработки.

Съ первыхъ же нумеровъ новаго литературно-общественнаго еженедѣльника «Русская Будущность» В. Г. Сенатовъ примкнулъ въ качествѣ постояннаго сотрудника къ этому журналу. Появляясь въ «Русской Будущности» почти изъ нумера въ нумеръ, онъ успѣлъ зарекомендовать себя настолько, что читатели съ интересомъ ждутъ его работъ, главнымъ образомъ по отдѣлу церковному, въ которомъ онъ является большимъ знатокомъ. Его изумительная эрудиція по исторіи церкви и знаніе быта церковнаго текущаго времени помогаютъ ему

Библиотека "Руниверс"

въ его широкихъ обобщеніяхъ и оригинальныхъ сопоставленіяхъ, дѣлающихъ статьи его въ высшей степени выпуклыми и доказательными.

Старообрядецъ по происхожденію, выросшій на духовной литературѣ, весь проникнутый книжностью, нашъ авторъ тѣмъ не менѣе сохранилъ душу живу и въ своихъ изслѣдованіяхъ является не сухимъ теоретикомъ, а практическимъ указчикомъ опыта прошлаго въ примѣненіи къ настоящему. Синтезъ и анализъ одинаково доступны этому мыслителю и не противорѣчатъ его работамъ въ смыслѣ выводовъ. Краткость, ясность и оригинальность—вотъ преобладающія достоинства его писаній.

«Вавилонъ, Израиль и Германія» отличается именно этими прекрасными качествами. Книжка эта представляетъ собою первый выпускъ задуманнаго авторомъ большого изслѣдованія объ Израилѣ. Въ портфелѣ редакціи «Русской Будущности» имѣется уже продолженіе работы г. Сенатова на эту тему.

Мы не во всемъ согласны съ изложеннымъ В. Г. Сенатовымъ въ его книжкѣ, но тѣмъ не менѣе не можемъ отказать ему въ оригинальности его взглядовъ на Израиль въ его прошломъ и на его роль въ будущемъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ: «Израиль не пытается найти путь для сближенія съ народами. Въ этомъ повинны народы. Народы отгородились отъ Израиля непроницаемою стѣною. Въ этомъ повиненъ Израиль». Такъ ли это? Не повиненъ ли во всемъ Израиль? Замкнувшись въ своемъ націонализмѣ, онъ, Израиль, какъ и свидѣтельствуетъ это самъ г. Сенатовъ въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, отгородилъ себя крѣпкой стѣной отъ человѣчества и даже въ величайшемъ своемъ униженіи не искалъ и не желалъ никакого братства съ народами и человѣческой связи съ нами. Гордыня Израиля, его избранническая миссія никогда не оставляли этотъ народъ и не позволяли ему смотрѣть на окружающее человѣчество глазами дружелюбія и братства. Впрочемъ, въ наши задачи не входитъ полемизировать съ авторомъ.

Безпощадная характеристика германизма въ его историческомъ развитіи, сдѣланная умѣлой рукой автора, впервые вырисовываетъ его предъ нами въ грозную стихію, способную наводить ужасъ при одномъ воспоминаніи, что на протяженіи столь долгихъ вѣковъ человѣчество могло мириться съ существованіемъ въ всемірномъ организмѣ такого злокачественнаго нароста. Разумѣется, если исторически разобраться въ прошломъ, какъ это дѣлаетъ В. Г. Сенатовъ, то Израиль покажется даже злѣйшимъ юдофобамъ невиннымъ теленкомъ рядомъ съ этимъ «звѣремъ изъ бездны», именуемымъ германизмомъ.

Вчитываясь въ книгу г. Сенатова, становится страшно отъ той роли, которую сыграли дикіе тевтоны, эти хищные звѣри въ человѣческомъ образѣ, на такомъ громадномъ пространствѣ исторической жизни народовъ. Мы не можемъ не отмѣтить и той роли, которую сыграло папство въ борьбѣ съ германизмомъ. Какъ намъ папство вообще и несимпатично, но въ данномъ случаѣ, какъ это выяснилъ В. Г. Сенатовъ, оно если не спасло, то во всякомъ случаѣ своей борьбою съ германизмомъ значительно ослабило послѣдній. Эта заслуга папства передъ человѣчествомъ подъ умѣлымъ перомъ г. Сенатова ярко отмѣчена.

Къ сожалѣнію, въ краткой рецензіи мы не можемъ исчерпывающе изложить содержаніе книжки г. Сенатова; все же не можемъ не привести послѣдняго

Библиотека "Руниверс"

аккорда, прозвучавшаго въ названной работѣ. Вотъ какъ заключаетъ первый выпускъ своей монографіи г. Сенатовъ:

«Страшна война. Нѣтъ, война сама по себѣ не страшна. Всѣ ея ужасы меркнутъ предъ ужасомъ основной нѣмецкой идеологіи. Эта идеологія показываетъ, что въ наше мышленіе внѣдрился какой-то особый червь, который мѣшаетъ его правильной и творческой дѣятельности и неизбѣжно увлекаетъ его на путь германизма. Какъ результатъ своей идеологіи, какъ неустранимое ея практическое выполненіе, Германія воздвигаетъ ту же самую башню, которую создавалъ древній Вавилонъ и не докончилъ, несмотря на блестящіе успѣхи. Для пріостановки и разрушенія этой титанической постройки нужны колоссальныя усилія многихъ и многихъ народовъ и племенъ, нужна дружная работа всего человѣчества, нужна работа не только внѣшняя физическая, въ видѣ изготовленія смертоносныхъ снарядовъ и бросанія ихъ въ германскія полчища, но и работа культурная въ самомъ точномъ и въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, работа духа. При разрушеніи вавилонской башни, вавилонскаго государства, единаго для всей земли и всего человѣчества, весьма цѣнную услугу оказалъ народамъ и племенамъ Израиль. Не примкнетъ ли онъ и теперь къ общечеловѣческой семьѣ, не примкнетъ ли не только тѣлесно, но и духовно къ народамъ и племенамъ, возставшимъ на борьбу съ духомъ германизма? Мы не гадаемъ, а только скромно спрашиваемъ. Для дальнѣйшаго развитія человѣчества на участіе духа германизма разсчитывать никакимъ образомъ не должно. Такое участіе должно быть сочтено абсолютно вреднымъ и недопустимымъ. Въ новой грядущей культурѣ духу германизма не окажется мѣста. Человѣчество уже теперь должно свыкнуться съ мыслью о потерѣ народа германскаго. Не замѣститъ ли эту утрату Израиль? Весьма возможно, что германцы, съ ихъ обособленнымъ отъ всего человѣчества духомъ, съ ихъ непримѣнимостью къ духовной самобытности народовъ и племенъ, въ дальнѣйшей жизни человѣчества займутъ положеніе разсѣяннаго народа, народа, лишеннаго политической самостоятельности. Израиль же возвратится въ семью народовъ и племенъ, какъ самостоятельный, самобытный и дѣятельный членъ ея».

Скажемъ отъ себя: да исполнится предсказаніе В. Г. Сенатова, и да не будетъ въ дальнѣйшемъ существованіи народовъ никакого мѣста духу нѣмецкому.

О. К.

Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. V+346. Цѣна 1 р. 75 к

Второй томъ труда Ферреро обнимаетъ событія всего 14 лѣтъ (58—44), но это одна изъ наиболѣе драматичныхъ эпохъ въ исторіи Рима. Изложеніе начинается съ хорошо памятной всякому проходившему исторію войны съ галлами. Разумѣется, кости Юлія Цезаря должны безпрестанно содрогаться отъ тѣхъ манипуляцій, которыя продѣлываются въ школахъ съ его «Записками»— ихъ читаютъ не столько ради содержанія, сколько ради того, чтобы извлечь изъ нихъ благодарный матеріалъ для надлежащаго усвоенія проходимаго параллельно съ ними курса латинской грамматики. Тѣмъ болѣе настоятельно слѣдуетъ

Библиотека "Руниверс"

поэтому рекомендовать настоящую книгу Ферреро преподавателямъ латинскаго языка, такъ какъ на основаніи яркаго и выпуклаго (правда, мѣстами тенденціознаго) изложенія итальянскаго историка они могутъ наглядно выяснить своимъ ученикамъ весь ходъ и значеніе этой войны. Самъ Ферреро въ предисловіи къ книгѣ, помѣченномъ 1-мъ апрѣля 1905 г., говоритъ про борьбу Цезаря съ Галлами, что «никакая война, за исключеніемъ войнъ Революціи и Имперіи, не оказала столь большого вліянія на исторію міра». Конечно, это — преувеличеніе. Если авторъ говоритъ далѣе въ текстѣ, что «во время кошмарныхъ дней осады Алезіи рѣшались судьбы европейской цивилизаціи», то съ еще большимъ правомъ можно сказать это про бывшую на 20 лѣтъ позже актійскую битву, когда, въ случаѣ побѣды Клеопатры и Антонія, Риму, а съ нимъ и всему тогдашнему цивилизованному міру грозила неминуемая опасность попасть подъ тяжелую пяту египетскихъ сфинксовъ. Вторая половина содержитъ рельефный очеркъ междоусобной войны Цезаря и Помпея, кончившейся битвой при Фарсалѣ (въ переводѣ почему-то принята форма женскаго рода «Фарсала»), и послѣднихъ лѣтъ жизни великаго диктатора. Кстати, Ферреро не считаетъ Цезаря «великимъ государственнымъ человѣкомъ», и въ этомъ отношеніи мнѣніе его столь же односторонне и парадоксально, какъ и во многихъ другихъ. Въ общемъ книга читается, конечно, съ большимъ интересомъ. Наиболѣе слабыми частями ея остаются отдѣлы, посвященные литературѣ. Авторъ удѣляетъ ей слишкомъ мало мѣста, не соблюдаетъ хронологіи (напр., говоря о Катуллѣ), иногда повторяется. Особенно не удалась ему оцѣнка трактата Цицерона «О государствѣ». Ферреро, видимо, придаетъ этому сочиненію большое значеніе—онъ даже обозначаетъ его именемъ одну изъ главъ,—но характеристика этого труда, разбитая въ разныхъ мѣстахъ, составлена иногда почти въ тожественныхъ выраженіяхъ. Переводъ выполненъ очень тщательно.

А. М—нъ.

Яновъ Ильминскій. Святитель Аѳанасій III, патріархъ константинопольскій, Пателарій. Историко-біографическое изслѣдованіе. Кіевъ. 1915. Стр. 160+XV. Цѣна 1 р. 50 к.

Вблизи города Лубенъ, Полтавской губерніи, находится лубенскій Спасо-Преображенскій монастырь, называемый иначе Мгарскимъ. Въ главномъ Преображенскомъ храмѣ этого монастыря покоятся въ сидячемъ положеніи нетлѣнные останки святителя Аѳанасія, патріарха константинопольскаго, извѣстнаго въ Россіи подъ именемъ «Аѳанасія Сидящаго». Ежегодно 2-го мая совершаются въ этомъ монастырѣ крестные ходы, въ которыхъ участвуетъ много какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ богомольцевъ. Естествененъ интересъ къ жизни и дѣятельности этого святителя, между тѣмъ свѣдѣнія о его личности, весьма краткія и нерѣдко противорѣчивыя, далеко не могутъ удовлетворять ихъ. И даже въ такихъ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ «Православно-Богословская Энциклопедія» покойнаго профессора А. П. Лопухина, нѣтъ вовсе упоминанія о его имени.

Библиотека "Руниверс"

Г. Ильминскій задался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ. Ради этого онъ путешествовалъ на Востокъ, занимался въ Константинополѣ, въ библіотекахъ св. горы Аѳона, въ книгохранилищахъ столицъ—Петрограда, Москвы, Кіева. Собранныя данныя позволили автору сказать много новаго и доселѣ неизвѣстнаго о жизни и дѣятельности святителя Аѳанасія и освѣтить тѣ стороны его жизненнаго подвига, которыя имѣли совершенно неправильную оцѣнку. Въ книгѣ пятнадцать главъ. Въ первой и второй авторъ даетъ краткій историческій очеркъ состоянія Константинопольской церкви предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ св. Аѳанасія, говоритъ объ его происхожденіи и началѣ пастырской дѣятельности и, затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ изображаетъ его жизнь. Для насъ личность патріарха Аѳанасія интересна вдвойнѣ: какъ по его участію въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи—его путешествіе въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу являлось особымъ порученіемъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго,—и по отношенію къ преобразованіямъ патріарха Никона, такъ равно и по особому нравственному значенію его въ настоящіе дни завершенія вѣковой борьбы съ турками и грядущаго паденія Царьграда.

«Сидящій и по смерти—въ богатой своей ракѣ,—говоритъ авторъ,—будто на патріаршей каѳедрѣ, онъ представляется благоговѣйному взору какъ бы только что погрузившимся въ непробудный сонъ. Глава его, осѣненная митрою святительской, склонилась на правое плечо, и десница простерта на колѣняхъ для лобызанія вѣрующихъ, а въ лѣвой рукѣ онъ держитъ свой пастырскій жезлъ, какъ бы доселѣ управляя вселенскою паствою. Лицо его обращено въ сторону родины, какъ бы стараясь прозрѣть въ дали вѣковъ тотъ часъ въ судьбѣ земныхъ племенъ, когда на святой Софіи снова возсіяетъ Христовъ Крестъ, и завершится дѣло, о которомъ писала русскому царю десница его. Такъ погребли его по чину и обычаю патріаршему, такъ и обрѣли, спустя немного лѣтъ, бодрствующимъ, по суду Божію, и по блаженной кончинѣ» (стр. 141).

Уроженецъ острова Крита, потомокъ знатнаго рода Пателаріевъ, родственниковъ царствовавшей династіи Палеологовъ, святитель Аѳанасій въ дѣтствѣ получилъ прекрасное образованіе въ школѣ знаменитаго въ то время Аркадійскаго монастыря. «Я былъ,—говорилъ онъ о себѣ,—знатокомъ высшаго богословія, математики, реторики, многотрудной грамматики, піитики, астрологической премудрости, музыки и другихъ искусствъ...» (стр. 18). Въ юношескомъ возрастѣ онъ удалился отъ міра и принялъ монашество. Обобщая весь матеріалъ о патріархѣ Аѳанасіи по частямъ, авторъ отмѣчаетъ въ его жизни два періода. Первый—до принятія епископства: это—жизнь строгаго подвижника, отрекшагося себя и беззавѣтно послѣдовавшаго за Христомъ,—и второй—служеніе въ санѣ епископа и патріарха: скорбный путь печали, огорченій, душевныхъ и физическихъ страданій, смиренно пройденный святителемъ подъ тяжестью патріаршаго титла. Господу угодно было испытать терпѣніе патріарха Аѳанасія въ униженіи и утвердить въ исповѣданіи, и онъ остался вѣренъ Ему до кончины своей (стр. 124). Но ни знатность происхожденія, ни образованіе не спасли его отъ тяжелыхъ испытаній и превратностей тогдашней жизни вос-

Библиотека "Руниверс"

точныхъ христіанъ подъ владычествомъ турокъ. Это было время глубокихъ настроеній и глубокихъ потрясеній. Дважды святитель Аѳанасій занималъ патріаршій престолъ и оба раза весьма непродолжительное время: въ 1634 г.—28 дней и въ 1652 году—40 дней. Послѣ второго оставленія патріаршаго престола онъ сталъ изгнанникомъ и нашелъ пріютъ сначала въ Молдавіи, а затѣмъ въ Малороссіи—у Богдана Хмѣльницкаго. Отсюда онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ пробылъ довольно долго, затѣмъ вернулся въ Малороссію и тамъ вскорѣ скончался въ Лубенскомъ монастырѣ, а погребенъ въ сидячемъ положеніи, по обычаю восточныхъ патріарховъ.

Интересны подробности пребыванія патріарха въ Москвѣ и его сближенія съ патріархомъ Никономъ на почвѣ полнаго единомыслія во взглядѣ на исправленіе церковныхъ книгъ и нестроеній (глава VI). Здѣсь нѣкоторая неясность въ указаніи времени отбытія патріарха Аѳанасія изъ Москвы. На стр. 67, говоря объ этомъ, авторъ замѣчаетъ, что 17-го декабря 1653 года государь указалъ отпустить патріарха Аѳанасія домой черезъ Путивль, но проѣзжая грамота ему выдана была только 30-го декабря, отсюда очевидно, что не ранѣе этого послѣдняго числа онъ могъ выѣхать изъ Москвы,—между тѣмъ на стр. 82 указывается, что патріархъ Аѳанасій 4-го января 1654 года былъ въ Переяславлѣ; переѣздъ его сюда едва ли могъ быть столь быстрымъ—въ пять дней.

Весьма оригинально по мысли «Слово понуждаемое», или грамота къ царю Алексѣю Михайловичу, гдѣ онъ побуждалъ царя пойти войною на турокъ для сверженія ихъ ига. Это окончательно выработанный проектъ фактическаго осуществленія общехристіанскими силами тѣхъ чаяній и надеждъ, которыя еще со времени Іоанна III выражались въ общемъ убѣжденіи, что освободить христіанскій Востокъ отъ мусульманскаго ига и наслѣдовать престолъ Византіи долженъ русскій царь (глава VII).

Весьма обстоятельно изложены авторомъ въ главѣ десятой позднѣйшія данныя для оцѣнки жизни и дѣятельности патріарха Аѳанасія. Суммируя все, донынѣ извѣстное, онъ убѣдительно и прочно реабилитируетъ его личность.

Задача, которую поставилъ себѣ г. Ильминскій, выполнена вполнѣ удовлетворительно. Мы бы поставили ему въ упрекъ лишь исключительную краткость, какъ бы конспективность его изложенія, хотя въ то же время это является и прямымъ достоинствомъ его труда. Съ этой стороны, работу г. Ильминскаго нельзя считать законченной. Она, конечно, вызоветъ интересъ къ дальнѣйшему выясненію этой, несомнѣнно, крупной исторической личности и будетъ самымъ прочнымъ фундаментомъ для всякаго новаго труда въ этой области.

Н. Г. Р

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Тт. XX, XXI, XXII. Юрьевъ. 1915. 1916.

Съ самаго начала преобразованія бывшаго нѣмецкаго дерптскаго университета въ университетъ русскій, юрьевскій, при этомъ университетѣ образовалось первое на Прибалтійской окраинѣ русское учено-литературное общество, въ теченіе своего девятнадцатилѣтняго существованія развивавшее свою дѣятельность, которая не прекращается и въ настоящее время, несмотря на бли-

Библиотека "Руниверс"

зость Юрьева, гдѣ это общество находится, къ театру военныхъ дѣйствій Результатомъ этой дѣятельности учено-литературнаго общества является, между прочимъ, изданіе 22 томовъ сборника трудовъ общества.

Послѣдніе три тома сборника (XX, XXI, XXII) по богатству своего содержанія не уступаютъ изданнымъ ранѣе томамъ. (Рецензіи о 19 первыхъ томахъ сборника были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ»). Кромѣ офиціальнаго отдѣла, въ которомъ помѣщены отчеты о дѣятельности учено-литературнаго общества за періодъ времени съ 1910 по 1914 годъ, въ приложеніяхъ къ сборнику помѣщено подъ заглавіемъ: «Изъ университетской лѣтописи» обозрѣніе главнѣйшихъ событій университетской жизни за время съ 1911 по 1916 г., юбилеи ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ профессоровъ, некрологи и статьи по вопросамъ высшей школы.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщенъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ XX томѣ сборника помѣщена статья профессора Н. К. Грунскаго, посвятившаго свои силы, главнымъ образомъ, изученію педагогики, подъ заглавіемъ: «Педагогическіе взгляды Л. Н. Толстого», имѣющіе, по замѣчанію профессора Грунскаго, и въ настоящее время огромное значеніе для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ педагогики.

Въ XXI томѣ должны быть отмѣчены статьи: профессора М. Е. Красножена: «Судьбы Македоніи», изъ-за которой пролито столько славянской крови, а также профессора В. Г. Алексѣева: «Къ вопросу объ образовательномъ значеніи курса теоріи вѣроятности для средне-учебныхъ заведеній», рекомендуемаго нѣкоторыми педагогами для изученія въ нашей средней школѣ.

Въ XXII томѣ напечатаны, между прочимъ, статьи извѣстнаго знатока русской литературы и педагогики профессора варшавскаго университета Е. А. Боброва «Изъ исторіи французской педагогики (Рабле, Монтэнь, Руссо)» и «Къ исторіи одного сюжета въ повѣстяхъ Льва Толстого». Въ послѣдніе годы своей жизни нашъ геніальный писатель долго и упорно занимался психологіею монашества,—тема, недавно затронутая, какъ извѣстно, и Максимомъ Горькимъ. На тему о монахахъ графъ Л. Н. Толстой написалъ три беллетристическіе очерка въ такой хронологической послѣдовательности: «Отецъ Сергій», «Фальшивый купонъ» и «Іеромонахъ Исидоръ», составляющіе изъ себя единую цѣпь и дающіе постепенную эволюцію одного и того же сюжета о монашествѣ въ умѣ Толстого. Сюжетъ развивался, разрабатывался (въ теченіе приблизительно двадцати лѣтъ) то въ одну, то въ другую сторону, но въ окончательную форму не вылился; постоянно мѣнялось отношеніе автора къ самому явленію и его пониманію монашества—его смысла и его идеальныхъ задачъ (стр. 150). Анализу этихъ художественныхъ произведеній графа Л. Н. Толстого авторъ посвящаетъ настоящую статью, написанную имъ съ присущею ему ясностью и живостью изложенія.

Желаемъ учено-литературному обществу и на будущее время столь же плодотворной дѣятельности, а издаваемому имъ сборнику широкаго распространенія. **N.**

Библиотека "Руниверс"

Сербскій архимандритъ Михаилъ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Націоналистическіе идеалы славянства. Москва. 1915 г. Стр. 308. Цѣна 3 рубля.

Для лицъ, которыя совсѣмъ еще новички въ дѣлѣ изученія славянства, книга архимандрита Михаила можетъ быть полезна. Она написана очень популярно и обнимаетъ собою въ рядѣ маленькихъ очерковъ все славянство. Тутъ и краткая исторія развитія славянской идеи, и вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ, и исторія славянскихъ съѣздовъ, и Хомяковъ, и Досиѳей съ Вукомъ, и хорватскій иллиризмъ Гая, словенцы и болгары, чешскій панславизмъ и Штуръ, борьба лужицкихъ сербовъ и значеніе Карпатской Руси для Россіи и славянства, польское славянофильство, захваты нѣмцевъ на славянской землѣ, Царьградъ, Россія и славянство, и необходимость раздѣла Австро-Венгріи. Всего понемножку.

Книга кончается разсужденіями о «сущности всеславянскаго національно-политическаго идеала». Здѣсь мы находимъ два характеризующихъ книгу утвержденія. Первое: православіе должно почитаться, какъ національная славянская вѣра. Второе видно изъ заключительныхъ словъ книги: «Пусть живутъ и развиваются отдѣльные славянскіе народы, но въ то же время сознаютъ, что они составляютъ одно великое національное цѣлое—славянство. Пусть каждый славянскій народъ проникнется сознаніемъ необходимости общеславянскаго политическаго объединенія и, отбросивъ планы о созданіи маленькихъ и, слѣдовательно, слабыхъ государствъ, устремится къ образованію подъ главенствомъ Россіи великой Всеславянской имперіи».

Конечно, далеко не всѣ не только среди зарубежныхъ, а особенно независимыхъ славянъ, но и у насъ въ Россіи могли бы согласиться съ такою формулировкой «славянскаго національно-политическаго идеала», но стоящая за нимъ мысль о необходимости славянскаго единенія вѣрна. Что же касается формы, въ которую оно выльется, ее намъ укажетъ сама жизнь. Во всякомъ случаѣ въ ней каждому славянскому племени долженъ быть данъ просторъ для самобытнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія, было бы лучше, если бы въ книгѣ архимандрита Михаила не было статьи: «Самоуничтоженіе Болгаріи». Не уничтожать народы, а дать имъ возможность свободной жизни—задача славянства. Грѣхъ Болгаріи передъ Россіей, передъ всѣмъ остальнымъ славянствомъ, а прежде всего передъ самой же собою—великъ, и дѣйствіе его скажется, безъ сомнѣнія, на судьбѣ болгарскаго народа. Но къ нему можно бы примѣнить слова евангельскаго изреченія: кто изъ насъ безъ грѣха, чтобы бросить камнемъ вѣчнаго осужденія въ несчастный народъ, попавшій въ тиски австро-нѣмецкой династіи?

За указаннымъ исключеніемъ, объясняющимся трагической судьбой Сербіи, книга архимандрита Михаила проникнута добрымъ чувствомъ, но всего трогательнѣе первыя ея страницы, посвященныя единственному сыну автора, М. М. Урошевичу, студенту московскаго университета, который за свою любовь къ родинѣ и славянству заплатилъ въ австрійскомъ плѣну жизнью. Да не будетъ напрасной эта жертва, какъ и тѣ, что ежедневно приносятся на фронтѣ нашихъ и союзныхъ армій!

Андрей Сиротининъ

Библиотека "Руниверс"

Проф. И. И. Соколовъ. Православный греческій Востокъ. Выпускъ третій. Стр. IV+124. П. 1916. Ц. 1 р.

Извѣстный знатокъ исторіи православнаго Востока проф. И. И. Соколовъ издалъ третій выпускъ серіи своихъ статей о греческомъ Востокѣ. Въ этомъ выпускѣ помѣщены три статьи, относящіяся по своему содержанію къ исторіи константинопольской церкви.

Первая статья (стр. 3—51) посвящена свѣтлой памяти святѣйшаго Іоакима Третьяго, патріарха вселенскаго, скончавшагося 13-го ноября 1912 г. Здѣсь предложена характеристика знаменитаго патріарха греческаго Востока, сообщены свѣдѣнія о предсмертной его болѣзни, кончинѣ и погребеніи, отмѣчено отношеніе православной Россіи къ постигшей константинопольскую церковь тяжелой утратѣ въ лицѣ приснопамятнаго ея первоіерарха и представленъ незабвенный моральный обликъ святѣйшаго Іоакима, какъ онъ сохранился въ памяти признательныхъ его почитателей. Статья снабжена портретомъ патріарха Іоакима, съ воспроизведеніемъ и его автографа. Насколько извѣстно, въ греческой печати еще не появилось ни одного сочиненія съ спеціальнымъ посвященіемъ патріарху Іоакиму Третьему, несмотря на предварительно сдѣланныя извѣщенія и на заявленныя послѣ его смерти обѣщанія о такихъ трудахъ; поэтому за статьей русскаго ученаго сохраняется нѣкоторый пріоритетъ даже и въ отношеніи греческой литературы о знаменитомъ вселенскомъ первоіерархѣ.

Во второй статьѣ (стр. 51—74) начертана схема судебныхъ установленій, дѣйствующихъ нынѣ въ константинопольской церкви, какъ при вселенской патріархіи, такъ и въ европейскихъ и малоазійскихъ митрополіяхъ и епископіяхъ, подчиненныхъ константинопольскому патріаршему престолу, а также указаны нѣкоторыя особенности церковнаго здѣсь судопроизводства. Статья имѣетъ значеніе въ связи съ предстоящимъ у насъ преобразованіемъ церковнаго суда.

Наконецъ, въ третьей статьѣ (стр. 75—124) предложенъ анализъ устава греческаго православнаго кинота въ Ставродроміи (Перѣ) въ Константинополѣ, относящійся къ 1904 году. И эта статья представляетъ интересъ какъ по существу, поскольку знакомитъ съ устройствомъ прихода въ каѳедральномъ городѣ вселенскаго патріарха, такъ и въ связи съ намѣченною реформою прихода въ нашемъ отечествѣ.

Статьи написаны не только при свѣтѣ научныхъ данныхъ, но и на основаніи непосредственнаго ознакомленія автора съ современнымъ церковнымъ бытомъ на Востокѣ. Совмѣщеніе науки и живого опыта—вотъ сила и авторитетъ познаній ученаго автора. Разсматриваемая его книга заслуживаетъ самаго широкаго распространенія. П.

К. А. Кузнецовъ. Платонъ. Введеніе въ анализъ «Государства» и «Законовъ». Одесса. 1916 г. Стр. 66. Цѣна 90 коп.

Профессоръ новороссійскаго университета по каѳедрѣ исторіи философіи права К. А. Кузнецовъ издалъ очень интересную брошюру по истолкованію

Библиотека "Руниверс"

сочиненій Платона по государственному праву. Спеціалистъ по исторіи англійской конституціи, проф. Кузнецовъ въ своей брошюрѣ очень удачно и ярко выяснилъ соціально-правовое значеніе многихъ подробностей ученія Платона, почему его работой долженъ воспользоваться всякій, кто интересуется и древнимъ міромъ и политическими ученіями. Столь необычное у насъ основательное знакомство съ подлиннымъ ученіемъ греческаго политика придаетъ особую цѣнность строго обоснованному изложенію широко начитаннаго автора, потрудившагося изучить не только самого Платона, но и посвященную ему обильную филологическую литературу. Однако по самому характеру избранной темы ему приходилось постоянно затрагивать такіе сложные вопросы чисто филологическаго характера, что не удивительно, если спеціалисты филологи согласятся далеко не со всѣми его положеніями. Такъ едва ли кто-нибудь изъ нихъ послѣдуетъ за почтеннымъ авторомъ въ его странномъ толкованіи Аристофановыхъ «Ахарнянъ» (стр. 59—60). Но такія отдѣльныя мелочи нисколько не ослабляютъ общаго чрезвычайно интереснаго впечатлѣнія, оставляемаго брошюрой. Зато ея форма гораздо менѣе удачна. Изложеніе ведется какъ-то черезчуръ отрывочно, и авторъ зачастую перескакиваетъ безъ всякой связи съ Платона на Гомера, а съ Гомера на Эврипида и т. д. При такой пестротѣ содержанія трудно слѣдить за ходомъ мыслей автора, и, пожалуй, недостаточно искушенный читатель изъ рядовъ студентовъ или курсистокъ съ трудомъ усвоитъ богатый матеріалъ этой работы проф. Кузнецова. Чрезмѣрная погоня за парадоксами и пристрастіе къ мудренымъ словечкамъ также не служатъ къ ея украшенію. Однако свою прямую цѣль книжечка безусловно осуществляетъ: она будитъ во всякомъ вдумчивомъ читателѣ желаніе приступить къ изученію самого Платона, и надо пожалѣть, что у насъ нѣтъ доступныхъ переводовъ ни «Законовъ», ни «Государства».

Брошюра посвящена памяти недавно почившаго учителя автора, московскаго профессора А. С. Алексѣева, который, навѣрно, порадовался бы выходу въ свѣтъ такой полезной и свѣжей работы его достойнаго ученика.

В. В.

Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ IV (1753—28-го іюля 1762 гг.). Пгр. 1912 г. Стр. VI, 619 и 24. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II (1773—1784 гг.). Пгр. 1915 г. Стр. IV, 549 и 42. Ц. 3 р. Томъ III (1785—1796 гг.). Пгр. 1915 г. Стр. VIII, 537 и 44. Ц. 3 р. Томъ за время царствованія императора Павла I (1796—1801 гг.). Пгр. 1915 г. Стр. VIII, 703 и 77. Ц. 6 р. Томъ I (съ 12 декабря 1825—1835 гг.). Пгр. 1915 г. Стр. X и 939. Ц. 7 р.

Послѣдняя библіографическая замѣтка объ этомъ изданіи высочайше учрежденной комиссіи по описанію архива Св. Синода была помѣщена въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1912 годъ. Съ тѣхъ поръ вышло въ свѣтъ пять новыхъ томовъ, закончившихъ собраніе постановленій не только за все XVIII столѣтіе, но изъ XIX столѣтія опубликовавшихъ постановленія, относящіяся къ первому десятилѣтію царствованія императора Николая I.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе это дастъ текстъ постановленій и распоряженій высшаго духовнаго правительства, т.-е. Святѣйшаго Синода, по дѣламъ церкви вообще и для отдѣльныхъ епархій въ частности, имѣющихъ или историческое, или законодательное значеніе, начиная съ духовнаго регламента и его дополненія; здѣсь можно прослѣдить, какъ послѣдовательно создавалось и вырабатывалось извѣстное постановленіе, какія оно имѣло измѣненія, пока не дошло до окончательной своей формы. По этому собранію постановленій можно составить сводъ дѣйствующихъ узаконеній по духовному вѣдомству или сборникъ циркулярныхъ указовъ для руководства какъ въ центральномъ, такъ и въ епархіальныхъ учрежденіяхъ вѣдомства, въ чемъ чувствуется большая нужда. Изъ выше перечисленныхъ пяти томовъ четвертый заканчиваетъ собою серію томовъ «Полнаго собранія постановленій» за время царствованія императрицы Елизаветы Петровны и императора Петра III, второй и третій томы заканчиваютъ серію томовъ «Полнаго собранія постановленій» за послѣдніе 23 года царствованія императрицы Екатерины II, томъ 1796—1801 гг. содержитъ постановленія за время царствованія императора Павла I и, наконецъ, первый томъ начинаетъ серію томовъ «Полнаго собранія постановленій» за время царствованія императора Николая I. Во всемъ своемъ объемѣ это изданіе комиссіи имѣетъ въ настоящее время 19 томовъ, въ коихъ помѣщено 8387 постановленій и распоряженій по вѣдомству за 1721—1801 и 1825—1835 годы; въ нихъ содержится масса матеріаловъ по вопросамъ каноническаго права, могущихъ служить основаніемъ при разрѣшеніи разныхъ случаевъ и изъ современной церковной практики. «Полное собраніе постановленій» дополняетъ собою «Описаніе документовъ и дѣлъ», и оба вмѣстѣ даютъ цѣнный вкладъ въ науку, удовлетворяя запросамъ историковъ, юристовъ и администраторовъ.

Приближающееся время 200-лѣтія Святѣйшаго Синода побуждаетъ комиссію поспѣшить съ этимъ изданіемъ и нынѣ же приступить къ печатанію «Полнаго собранія постановленій» за время остальныхъ царствованій, но непреодолимыя препятствія къ этому представляютъ тѣ тяжелыя обстоятельства, въ какихъ находится въ настоящее время все печатное дѣло.

Къ изложенному необходимо присовокупить, что первые восемь томовъ первой серіи этого изданія комиссіи (1721—1734 гг.) имѣются въ достаточномъ количествѣ и продаются съ уступкою 75 % общей ихъ стоимости (первый томъ—только во второмъ изданіи).

М—ловъ.

Е. К. Рѣдинъ, профессоръ харьковскаго университета. Христіанская топографія Козьмы Индикоплова по греческимъ и русскимъ спискамъ. Изслѣдованіе. Посмертное изданіе. Подъ редакціей Д. В. Айналова. Часть I. Стр. XVI+XXXII табл. Москва 1916 г.

Можно принести глубокую благодарность предсѣдательницѣ московскаго археологическаго общества гр. П. С. Уваровой за опубликованіе цѣннаго научнаго наслѣдія такъ безвременно скончавшагося профессора Е. К. Рѣдина. Напечатаніе его обширнаго изслѣдованія о миніатюрахъ лицевыхъ списковъ

Библиотека "Руниверс"

Козьмы Индикоплова ожидалось уже давно, лишь нѣкоторые предварительные этюды этой работы появились въ спеціально археологическихъ и художественно-историческихъ изданіяхъ.

Только теперь появилась первая часть капитальнаго труда, проредактированнаго близкимъ другомъ покойнаго профессора Д. В. Айналовымъ.

Авторъ задумалъ свое изслѣдованіе чрезвычайно широко, привелъ массу матеріала, надъ поисками котораго въ разныхъ хранилищахъ и собраніяхъ и тщательнымъ изученіемъ провелъ немало времени. Придавая большое значеніе миніатюрамъ лицевыхъ списковъ Козьмы Индикоплова въ исторіи русскаго искусства, Е. К. Рѣдинъ необыкновенно дѣятельно и любовно изучалъ каждый рисунокъ, отмѣчая или византійское или западное вліяніе, или самобытныя оригинальныя черты. Описаніе каждаго рисунка представляетъ цѣлый экскурсъ по сравнительной исторіи искусствъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, страницы, посвященныя портретамъ Козьмы Индикоплова, изображеніямъ скиніи Аарона. Многое здѣсь представляетъ интересъ не только для историка искусства и археолога, но и для историка культуры. Само собой разумѣется, что такого рода изслѣдованіе необходимо должно быть обильно и искусно иллюстрировано. Первая часть труда въ этомъ отношеніи не заставляетъ желать лучшаго. Въ текстѣ дано 434 рисунка, кромѣ того, 32 великолѣпно выполненныя таблицы. Надо надѣяться, что за уже вышедшей частью не замедлитъ своимъ появленіемъ и вторая.

И. Б.

Домъ княгини М. А. Шаховской, Фонтанка. 27. Очеркъ П. Н. Столпянскаго. Петроградъ. 1916. Съ иллюстраціями. Стр. 102. Ц. не обозначена.

Исторія дома княгини М. А. Шаховской, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ настоящей книгѣ г. Столпянскимъ, является интересной страницей изъ прошлаго нашей сѣверной столицы. Предъ читателемъ проходятъ картины заселенія одной изъ самыхъ центральныхъ частей Петрограда (у Аничкова моста) и бытовыя подробности изъ жизни первыхъ владѣльцевъ «стараго дома» купцовъ Зиминыхъ и графовъ Гурьевыхъ. Г. Столпянскій, уже пріобрѣвшій себѣ почетную извѣстность, какъ ученый изслѣдователь петроградской старины, изъ сухой темы своего очерка умѣлъ создать популярно и живо написанную книжку, интересную не для однихъ спеціалистовъ. Подъ его перомъ начинаютъ говорить, если можно такъ выразиться, самые камни, изъ коихъ созданъ домъ кн. Шаховской, и домъ какъ бы получаетъ особую физіономію. Г. Столпянскій излагаетъ сначала исторію мѣстности, расположенной на берегахъ Фонтанки, уясняя ее планами Петербурга XVIII в., а затѣмъ уже переходитъ къ постройкѣ самаго дома, совершившейся лишь въ 90-хъ годахъ XVIII в., въ концѣ царствованія Екатерины II, какъ предполагаетъ авторъ, подъ руководствомъ большого архитектора, быть можетъ, самого Гваренги. Авторъ собралъ кропотливо всѣ нужные для своей работы матеріалы, и по трудности собранія ихъ его очеркъ имѣетъ мозаическій характеръ. Мы не замѣтили въ немъ только данныхъ по исторіи Петрограда изъ архива управы благочинія; быть можетъ-

Библиотека "Руниверс"

архивъ этотъ теперь и не доступенъ для изслѣдователей, такъ какъ, сколько намъ извѣстно, онъ находится въ драгоцѣнномъ собраніи рукописей, принадлежащемъ наслѣдникамъ П. Я. Дашкова. **Е. Ш.**

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ седьмой. (Неперіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Б. А. Лезина). Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества гг. А. Горнфельда, Т. Райнова, Е. Шульца, П. Энгельмейера и (переводныя)—Аристотеля, Г. Зиммеля и Анри Пуанкаре. Харьковъ. 1916. Стр. 261. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Сборники г. Лезина всегда заключаютъ въ себѣ одну, двѣ или нѣсколько интересныхъ статей, знакомство съ которыми важно не только для публики, но полезно и для нѣкоторыхъ «историковъ» литературы. Такимъ «гвоздемъ» въ седьмомъ томѣ мы считаемъ статьи г. Горнфельда «О толкованіи художественнаго произведенія». Авторъ держится той правильной точки зрѣнія, что истолкованіе писателя должно стать выше нашихъ субъективныхъ и ни къ чему, кромѣ общихъ мѣстъ, не ведущихъ построеній. Углубленіе въ подлинный замыселъ писателя, въ его личность, въ его внутренній міръ, широко и исторически понятый, единственно могутъ дать устойчивость нашей законной субъективности (историчность) и являются творчески драгоцѣнными. Статья Е. Шульца «Организмъ, какъ творчество» уясняетъ и обосновываетъ творческій характеръ біологическихъ процессовъ. Т. Райновъ, анализируя романъ «Обрывъ», говоритъ о соотношеніи между научнымъ и художественнымъ синтезами. Н. Энгельмейеръ даетъ вторую статью объ эврологіи, или всеобщей теоріи творчества съ точки зрѣнія активизма. Анри Пуанкаре представленъ статьею «Наука и нравственность», Георгъ Зиммель—«Сущность философіи». Изъ Аристотеля взяты отрывокъ изъ его «Этики» («О нравственномъ значеніи научно-философскаго творчества»—заглавіе г. Райнова, написавшаго введеніе къ переводу отрывка, сдѣланнаго Э. Радловымъ).

Вл. Кн.

М. Никольскій. Задачи русской исторической и археологической науки въ Палестинѣ и Месопотаміи въ связи съ современными міровыми событіями. Москва. 1915 г.

Міровыя событія настоящаго времени опредѣляютъ новыя задачи для русской исторической науки въ ближайшемъ будущемъ. Послѣ войны Палестина, надо полагать, освободится отъ мусульманскаго ига. Тамъ будетъ господство христіанскихъ народовъ, но безъ преобладанія нѣмецкаго вліянія, какъ это было прежде. Банкротство Германіи въ области культуры очевидно. Но другіе европейскіе народы должны и въ научномъ отношеніи замѣнить въ Палестинѣ Германію. Особенно же важная задача предстоитъ тамъ русской наукѣ. До послѣдняго времени въ Святой Землѣ изъ русскихъ учрежденій работало только императорское православное палестинское общество, заслуги котораго очень важны и цѣнны. Въ будущемъ необходимо организовать для той

Библиотека "Руниверс"

же задачи и другія русскія учрежденія, имѣющія отношеніе къ оріентальной наукѣ, къ археологіи и исторіи. Необходимо создать особый отрядъ дѣятелей, которые, въ союзѣ съ учеными французскими, англійскими и иными, намѣтятъ планъ систематическаго изслѣдованія Палестины, а затѣмъ займутся и осуществленіемъ этого плана, при поддержкѣ широкихъ круговъ русскаго общества. Подобная задача предстоитъ русской наукѣ и въ Месопотаміи, гдѣ, впрочемъ, придется вести изслѣдованія въ болѣе широкомъ масштабѣ и при болѣе дружной поддержкѣ правительства, законодательныхъ учрежденій и русскаго общества, отъ которыхъ потребуется и финансовое обезпеченіе русскихъ національныхъ предпріятій.

Нельзя съ полнымъ сочувствіемъ не одобрить призыва г. Никольскаго къ русской наукѣ, которая, дѣйствительно, сравнительно мало сдѣлала пріобрѣтеній въ области востоковѣдѣнія вообще и палестиновѣдѣнія въ частности. Пусть же этотъ призывъ не остается «гласомъ вопіющаго...» Σ.

Труды состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и находящейся подъ августѣйшимъ почетнымъ попечительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михаиловича тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. 1914 г.—10 ноября 1915 года. Тула. 1915. Стр. 291. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгѣ второй напечатаны исключительно разнаго рода матеріалы, сопровождаемые иногда небольшими вступительными замѣтками. Самымъ обширнымъ собраніемъ документовъ являются «Дѣдиловскія отказныя книги XVII вѣка (1664—1702)», напечатанныя Ю. В. Арсеньевымъ. Интересны затѣмъ дополненія В. И. Чернопятова («Изъ записной книжки стараго генеалога») къ «Некрополямъ» великаго князя Николая Михаиловича. Изъ другихъ матеріаловъ слѣдуетъ отмѣтить прекрасныя старинныя грамоты и записи, прекрасныя своей спокойной русской неторопливостью, прекрасныя тонкостью юридической мысли и силою выразительнаго языка, обильнаго колоритнымъ словомъ. Таковы сообщенія Г. М. Бѣлоцерковскаго «Изъ тульской старины», В. М. Базилевича «Нѣсколько документовъ къ исторіи веневскихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ», «Матеріалы архива рода Сониныхъ», «Писцовыя книги Тульскаго края». С. Б. Любимовымъ опубликованы «Матеріалы къ поколѣнной росписи рода князей Назаровыхъ», княземъ Н. Е. Голицынымъ—«Грамота великаго князя Василія III—И. А. Маслову», И. М. Долинино-Иванскимъ—«Жалованныя грамоты предкамъ А. Т. Болотова». Изъ матеріаловъ, относящихся къ XIX вѣку, любопытно сообщенное Н. А. Рудневымъ «Условіе объ увольненіи въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ крестьянъ М. В. Веницѣевой (1822 года)», письма императрицы Маріи Ѳеодоровны, королевы вюртембергской Екатерины Павловны и короля вюртембергскаго Вильгельма I къ графу М. И. Платову (1807 году), письмо Г. Р. Державина къ С. П. Жихареву (1811 года), письмо И. С. Тургенева къ А. А. Нарышкину (1878 года). Е. И. Скабаллановичемъ опубликована ядовитая канцелярская полемика между управляющимъ тульскою казенною палатою М. Е. Салтыковымъ-Щедри-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и тульскимъ губернаторомъ по поводу взысканія штрафныхъ денегъ (1867 г.).

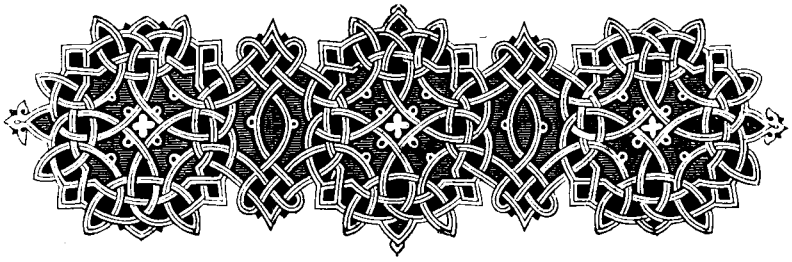
Въ заключеніе вопросъ: отчего нѣкоторыя провинціальныя архивныя комиссіи издаютъ свои книги такъ, что въ нихъ трудно сразу оріентироваться (см. для примѣра въ данномъ случаѣ въ оглавленіи: Изъ прошлаго. Часть II и страница 209)? **Вл. Кн.**

Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофиціальной части «Педагогическаго Сборника» за пятьдесятъ лѣтъ (1864—1914 гг.). Составилъ С. А. Переселенковъ. Пгр. 1915. Стр. X+288. Цѣна 1 руб. 20 коп.—И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Педагогическій Сборникъ» №№ 11 и 12). Пгр. 1915. Стр. 59. Цѣна 35 коп.

Симпатичный педагогическій журналъ военно-учебнаго вѣдомства за полстолѣтіе своего существованія далъ не мало цѣннаго матеріала, такъ какъ имѣлъ всегда опытныхъ редакторовъ (Н. Х. Весселя, А. Н. Острогорскаго и нынѣ дѣйствующаго И. С. Симонова) и дѣльныхъ и извѣстныхъ сотрудниковъ. Г. Переселенковъ принялъ на себя тяжелый трудъ дать систематизацію всѣхъ статей сборника, которыя онъ дѣлитъ на сорокъ шесть отдѣловъ, съ подраздѣленіями въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, доходящими иногда до семи нумеровъ. Разумѣется, при такой сложной классификаціи нѣкоторыя статьи составителю пришлось повторить въ нѣсколькихъ отдѣлахъ. Болѣе удивительно, что, несмотря на такое дробное дѣленіе, г. Переселенковъ не избѣжалъ недопустимаго при теперешней библіографической классификаціи отдѣла смѣси. Въ журналѣ очень хорошо поставлена критико-библіографическая часть. Указатель къ ней занимаетъ почти половину книги (стр. 144—259). Рецензіи раздѣлены на тѣ же рубрики, какъ и статьи, такъ что и здѣсь встрѣчаемъ мы смѣсь. Послѣдній отдѣлъ указателя «Библіографическія справки» представляетъ только перечень годовъ, книжекъ и страницъ, на которыхъ помѣщены эти справки. Думаемъ, что для лицъ, незнакомыхъ съ журналомъ, слѣдовало бы пояснить, въ чемъ заключаются эти справки. Книга заключается алфавитнымъ указателемъ авторовъ и переводчиковъ.

Брошюра г. Симонова посвящена первому журналу, издававшемуся военно-учебнымъ вѣдомствомъ и существовавшему съ 1836 по 1863 годъ. Тщательная работа, основанная всецѣло на архивныхъ документахъ, представляетъ интересную страничку изъ исторіи нашей журналистики и имѣетъ большое значеніе при обсужденіи занимающаго нынѣ военно-учебное вѣдомство вопроса о внѣклассномъ чтеніи кадетъ. **Л. Л.**

Библиотека "Руниверс"



Съ 15 іюля по 15 августа 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Досюльная свадьба, пѣсни, игры и танцы въ Заонежьѣ, Олонецкой губерніи. Собрано и изложено въ драматической формѣ В. Д. Лысановымъ. Петрозаводскъ. 1916. Ц. не обозн. Стр. 119+III+24 (нотъ) и 16 снимковъ.

Авторъ пожелалъ изобразить былую старину (50—60 лѣтъ назадъ) свадебныхъ обрядностей въ послѣдовательномъ порядкѣ обряда, придавъ съ этою цѣлью своему изложенію драматическую форму. Къ сожалѣнію, задачу свою онъ исполнилъ очень ужъ по-любительски. Ни точнаго обозначенія мѣстности, ни времени записи, ни автора записи, ни выдержанности діалектологическихъ особенностей говора, ни объясненія цѣлаго длиннаго ряда мѣстныхъ выраженій и словъ, ни пониманія ритмическихъ (авторъ, напримѣръ, пишетъ: «риѳма стиха», стр. 48) особенностей склада народной пѣсни и т. д.—ничего этого нѣтъ. Жаль потраченныхъ усилій: они останутся втуне и ни «археологіи» и никакой другой наукѣ пользы не принесутъ. Нѣкоторые снимки очень недурны (костюмъ богатой дѣвушки изъ Заонежья и старинныя избы). Изданіе книжки вызвано благотворительными цѣлями: поступленія отъ ея продажи пойдутъ въ качествѣ пособія на открытіе въ Заонежьѣ пріюта для сиротъ павшихъ на полѣ брани въ эту войну.

Е. И. Игнатьевъ. Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ. Книга 2-я. Наблюденія невооруженнымъ глазомъ и посредствомъ простѣйшихъ инструментовъ. Съ рис. и черт. Изданіе А. С. Суворина—«Новое Время» Пгр. 1916. Стр. IV+344. Ц. 3 р. 20 к.

Вторая книжка «Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ» помогаетъ читателю, ознакомившемуся изъ первой книги того же сочиненія съ азбукой астрономіи, сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ области практическаго ознакомленія съ наукой о небѣ при помощи простѣйшихъ инструментовъ. Авторъ въ этой части разсказываетъ о видимой величинѣ свѣтилъ вблизи горизонта и вблизи зенита, о формахъ небеснаго свода, о вертикальныхъ линіяхъ и горизонтальныхъ плоскостяхъ, о времени и его измѣреніяхъ, даетъ графическія рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ, связанныхъ съ суточнымъ вращеніемъ земли, знакомитъ съ солнечнымъ кольцомъ и начальными наблюденіями въ солнечной системѣ и переходитъ наконецъ къ лунѣ и планетамъ. Очень цѣненъ «Указатель для наблюдателя». Къ книгѣ приложены списки нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздъ, астрономическіе

Библиотека "Руниверс"

календари широты и долготы главныхъ мѣстъ Россіи, перечень литературы къ разсмотрѣнии му вопросу и именной и предметный казатели. Характеръ писаній талантливаго популяризатора астрономіи достаточно извѣстенъ: ясность, простота, занимательность и строгое соотвѣтствіе съ послѣдними выводами науки—вотъ постоянныя свойства работъ Е. И. Игнатьева.

Д. Кайгородовъ. О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Съ мн. рис. и портретомъ автора. 10-е изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» Пг. 1916. Стр. 38. Ц. 30 к.

Дм. Кайгородовъ. Наши зимніе пернатые гости. (Съ мн. рис.). 4-е изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» Пг. 1916. Стр. 39. Ц. 30 к.

Вл. Трапезниковъ. Первобытное населеніе сѣвера Россіи. Вологда. 1916. Стр. 22. Ц. не обозн. (оттискъ изъ «Извѣстій Вологодск. о-ва изученія Сѣверн. края»).

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. 14. Полтава. 1916. Стр. 238+15. Ц. 1 р.

Вечеръ народной русской пѣсни, устраиваемый народно - пѣвческимъ отдѣленіемъ о-ва «Здоровье и Просвѣщеніе» въ Военномъ собраніи. Вѣрный. 1916. Стр. 13. Ц. не обозн.

Свящ. В. Палимпсестовъ. Поѣздка на тверскіе церковно-археологическіе курсы. Изданіе саратовской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1916. Стр. 74. Ц. 50 к.

Анат. Павловъ. Благословенный. Тифлисъ. 1916. Стр. 4. Ц. не обозн.

Українській науковый збірникъ. Видання Українського Наукового Товариства у Київі. Випуск II. Москва. 1916. Стр. IV+164. Ц. 1 р. 50 к.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 33-й. Саратовъ. 1916. Стр. XXIII+196. Ц. 1 р. 50 к.

В. Сенатовъ. Вавилонъ, Израиль и Германія. (Историко-философское объясненіе современной войны). Пг. 1916. Стр. 95. Ц. 75 к. (Складъ изданія въ книжн. магазинѣ т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Невскій пр. д. № 40.).

Извѣстія Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. Вып. III. Вологда. 1916. Стр. 139. Ц. не обозн.

Вл. Шмаковъ. Священная книга Тота Великіе Арканы Таро. Абсолютныя начала синтетической философіи эзотеризма. Опытъ комментарія. М. 1916. Стр. 510. Ц. 10 р.

Генріэтта Каргрэмъ. Въ крѣпости небывалой. Пг. 1916. Стр. 157. Ц. 1 р. 80 к.

Книжка г-жи Г. Каргрэмъ обрисовываетъ житье-бытье обитателей одной изъ провинціальныхъ нашихъ крѣпостей въ мирное время. Типы аборигеновъ этого военнаго захолустья описаны авторомъ весьма ярко, подмѣчено много интересныхъ бытовыхъ черточекъ, ихъ переживанія, интересы, духовные запросы и стремленія переданы съ безпритязательной простотой. Книжка оставляетъ пріятное впечатлѣніе.

В. Степовий. Запорожський зімовник (Історичні відомости.) Видавництво «Стежка» № 5. Катеринославъ. 1916. Стр. 29. Ц. 10 к.

Проф. М. В. Клочковъ. Очерки правительственной дѣятельности времени Павла I. Пг. 1916. Стр. IV+628. Ц. 4 р.

Судебники Іоанна III и Іоанна IV 1497 и 1550 г. г. Текстъ съ указателемъ напечатанъ проф. М. Клочковымъ. Изданіе историко-филологическаго факультета Имп. Харьковскаго университета. Харьковъ. 1915. Стр. 51. Ц. 50 к.

Настоящее изданіе, выполненное подъ руководствомъ проф. М. В. Клочкова, даетъ возможность студентамъ и вообще всѣмъ изучающимъ вопросы, затронутые въ Судебникахъ, имѣть текстъ этихъ законодательныхъ памятниковъ; текстъ перепечатанъ изъ Актовъ Историч., т. I, лишь съ небольшимъ видоизмѣненіемъ въ пунктуаціи и устраненіемъ прописныхъ буквъ въ серединѣ фразы. Къ тексту приложены 3 указателя: 1) указатель словъ и выраженій, имѣющихъ юридическій или бытовой смыслъ, 2) географическій и 3) параллельныхъ статей перваго и второго Судебниковъ.

Бѣлорусское возрожденіе. Изданіе «Украинской Жизни». М. 1916. Стр. 24. Ц. не обозн.

Въ настоящее время въ публикѣ сильно возросъ интересъ къ отдѣльнымъ народностямъ, обитающимъ Россію, почему нельзя не обратить вниманія на любопытную брошюру, посвященную описанію и характеристикѣ бѣлорусскаго національнаго движенія. Для перваго общаго ознакомленія съ прошлыми судьбами и настоящими стремленіями бѣлоруссовъ эта брошюра вполнѣ подходяща. Первоначально означенная работа была напечатана въ № № 1—2 журнала «Украинская Жизнь» за 1915 г.

Къ вопросу объ эвакуаціи промышленныхъ заведеній въ Енисейскую губер-

Библиотека "Руниверс"

нію. Красноярскій областной военно-промышленный комитетъ. Красноярскъ. 1916. Стр. 38. Ц. 1 р.

С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пг. М. 1916. Стр. 496+III. Ц. 2 р. 75 к.

А. В. Круковскій. Плетневъ, какъ критикъ. (Къ 50-лѣтію со дня его смерти). Воронежъ. 1916. Стр. 39. Ц. не обозн.

Очеркъ г. Круковскаго знакомитъ съ забытымъ нынѣ критикомъ Плетневымъ, явившимся у насъ, по словамъ автора, «если не de jure, то de facto иниціаторомъ, родоначальникомъ критическаго самосознанія». Авторъ даетъ весьма тщательный разборъ критическихъ воззрѣній Плетнева, его литературныхъ симпатій, вдумчиво разсматриваетъ его писанія и довольно ярко возстановляетъ фигуру этого любопытнаго и интереснаго писателя. Первоначально работа г. Круковскаго была напечатана въ I вып. «Филолог. Зап.» за 1916 г.

Н. Ѳ. Денисюкъ. Государственное хозяйство въ популярномъ изложеніи. Съ 37 діаграммами. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1916. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Нельзя не привѣтствовать попытки ознакомить въ небольшой книжкѣ широкій кругъ читателей съ основами и общими положеніями финансоваго права, что достаточно успѣшно выполняетъ въ настоящей своей работѣ г. Денисюкъ. Съ развитіемъ въ массѣ живого интереса къ Гос. Думѣ и вообще къ политической жизни страны подобная общедоступная книжка поможетъ многимъ уяснить вопросы государственнаго хозяйства, собиранія и расходованія народныхъ денегъ и т. п. Большему пониманію излагаемаго г. Денисюкомъ много помогаютъ приложенныя къ книгѣ ясныя діаграммы. Къ книгѣ приложенъ также списокъ главнѣйшихъ сочиненій по финансовому праву на русскомъ языкѣ.

Проф. М. В. Клочковъ. Земскіе соборы. Историческій очеркъ. 1914. Изданіе П. Луковникова. Стр. 120. Ц. 40 к.

С. Князьковъ. Гангудскій бой и морской флотъ Петра Великаго. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1915. Стр. 50. Ц. 20 к.

С. Князьковъ. Петръ Великій и его современники за границей. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1915. Стр. 46. Ц. 20 к.

С. Князьковъ. С.-Петербургъ и с.-петербургское общество при Петрѣ Великомъ. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1914. Стр. 80. Ц. 40 к.

С. Князьковъ. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Изданіе 4, исправл. и дополненное. Изд. П. Луковникова. Пг. 1915. Стр. 127. Ц. 40 к.

Историческіе очерки С. Князькова написаны весьма живо, увлекательно, на основаніи тщательнаго изученія описываемой эпохи, причемъ многочисленныя выписки изъ такихъ первоисточниковъ, какъ донесенія пословъ, записки современниковъ и т. п., сообщаютъ его очеркамъ еще большую колоритность и выпуклость. Подборъ иллюстрацій сдѣланъ умѣло и со вкусомъ. Въ концѣ каждой книжечки авторъ приводитъ списокъ наиболѣе важныхъ книгъ по разобранному вопросу. Всѣ четыре книжки г. Князькова могутъ принести немалую пользу въ качествѣ пособія для внѣкласснаго чтенія при прохожденіи курса отечественной исторіи.

В. П. Авенаріусъ. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическій очеркъ. Съ рис. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1915. Стр. 63. Ц. 15 к.

Н. Ѳ. Денисюкъ. Хозяйственная жизнь Россіи. Экономическая географія. Россіи. Популярные очерки. Съ предисловіемъ А. П. Нечаева. Изданіе П. Луковникова. Пг. 1916. Стр. VIII+256. Ц. 2 р.

Настоящая война выдвинула между прочимъ одно настоятельнѣйшее условіе нашего дальнѣйшаго историческаго существованія, это — самодѣятельность Россіи. Но для проведенія въ жизнь этого принципа необходимо дѣйствительное познаніе Россіи, изученіе ея хозяйства, экономическаго строя, что до самаго послѣдняго времени находилось у насъ въ плачевномъ состояніи. Только теперь программы нашихъ школъ начинаютъ заполнять этотъ пробѣлъ. Въ виду этого вполнѣ своевременно появленіе хорошей популярной книжки г. Денисюка, посвященной описанію хозяйственной жизни Россіи. Охарактеризовавъ значеніе экономической географіи вообще, авторъ далѣе повѣствуетъ о населеніи, территоріи и границахъ Россіи, о ея путяхъ сообщенія, почтѣ, сельскомъ хозяйствѣ, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ, охотѣ, рыбныхъ промыслахъ, добывающей, сахарной, текстильной, льняной и фабрично-заводской промышленности, торговлѣ, ярмаркахъ, государственномъ хозяйствѣ и т. п. Книга изложена легко, иллюстрирована множествомъ діаграммъ и картограммъ, снабжена цѣнными сравненіями съ положеніемъ того или

Библиотека "Руниверс"

иного дѣла въ другихъ государствахъ и можетъ служить хорошимъ пособіемъ при прохожденіи въ старшихъ классахъ гимназіи курса отечественной географіи.

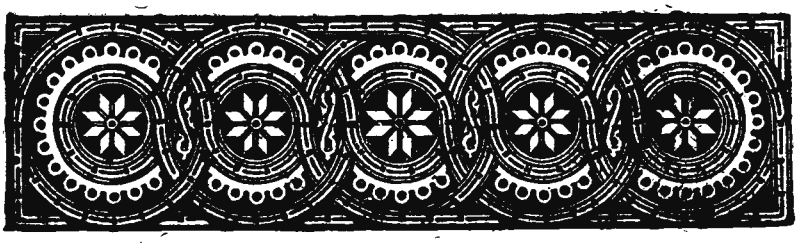
А. В. Вережниковъ. Золотое дно. Въ золотыхъ розсыпяхъ Амурскаго края. Изданіе П. В. Луковникова. Пг. 1916. Стр. 64. Ц. 25 к.

Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г. г.) въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывавшаго дѣлами редакціонныхъ комиссій. Изданіе семьи. Пг. 1916. Т. III. Стр. XIII+444. Т. IV. Стр. VIII+661. Ц. за оба тома 6 р.

Вл. Гиляровскій. Грозный годъ. Стихотворенія. Обложка В. Е. Егорова. Кн-во «Улей». М. 1916 г. Стр. 85. Ц. 3 р.

Стихи Вл. Гиляровскаго представляютъ собою красивый и прочувствованный откликъ той военной грозы, которая такъ неожиданно разразилась надъ славянствомъ. Въ этой книжкѣ въ звучныхъ стихахъ нашли себѣ отраженіе и любовь къ страждущему славянству, и надежды на наши близкія побѣды, и картинки боевой жизни, и чувства русскаго человѣка въ дни нынѣшняго историческаго испытанія. Книжка иллюстрирована рисунками въ краскахъ извѣстныхъ художниковъ, изъ коихъ выдаются: «Вся Русь молилась» М. В. Нестерова, рисунки В. М. Васнецова, пейзажи В. В. Переплетчикова, С. А. Виноградова, В. Д. Полѣнова, О. С. Малютиной, А. М. Архипова, К. А. Коровина; маститый И. Е. Рѣпинъ на этотъ разъ мало порадовалъ своимъ наброскомъ «Сестра—въ атаку», и солдаты, и сестра у него похожи скорѣе на какихъ-то бѣшеныхъ выходцевъ изъ дома умалишенныхъ, чѣмъ на живыхъ нормальныхъ людей. Доходъ съ этой книжки поступаетъ въ пользу жертвъ войны.

Библиотека "Руниверс"



НОВОСТИ ИСТОРІИ.

Историческое засѣданіе Государственнаго Совѣта 8-го марта 1881 года и рѣчь графа Д. А. Милютина.—Бюрократія 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія по памфлетамъ того времени.—Рабовладѣльческое право въ недавнюю старину.—Новгородскія реликвіи и Реймсскій соборъ.

ЗВѢСТНО, что незадолго до мученической своей кончины 1-го марта 1881 г. императоръ Александръ II поручилъ графу Лорисъ-Меликову выработать рядъ реформъ по внутреннему управленію Россіи. Предполагалось упразднить III отдѣленіе, ограничить административный и цензурный произволъ, расширить кругъ дѣйствій земскаго и городского самоуправленія и призвать выборныхъ отъ населенія членовъ въ Государственный Совѣтъ, чѣмъ полагалось начало народному представительству въ управленіи. Проектъ этой послѣдней реформы былъ одобренъ и подписанъ государемъ 17-го февраля 1881 г., при чемъ повелѣно было гр. Лорисъ-Меликову изготовить въ видѣ «правительственнаго сообщенія» оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ рѣшеніи. Утромъ рокового дня 1-го марта 1881 года, предъ отъѣздомъ императора въ Михайловскій манежъ, государь утвердилъ представленный ему гр. Лорисъ-Меликовымъ проектъ «правительственнаго сообщенія», выразивъ при этомъ желаніе, чтобы проектъ этотъ до напечатанія былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ 4-го марта.

Эти мѣры, казалось, должны были внести нѣкоторое успокоеніе въ русское общество, и слухи о нихъ уже проникли въ широкіе круги общества. Но они не только не остановили дѣйствій революціонной партіи, но побудили къ

Библиотека "Руниверс"

скорѣйшему исполненію злодѣйскаго замысла на жизнь императора, чтобы помѣшать ожидавшемуся успокоенію. Событія того времени еще не получили полнаго освѣщенія въ исторической литературѣ, но несомнѣнно одно, что заграничныя вліянія, вредныя для Россіи, проявляли тогда въ Петербургѣ огромную силу: съ одной стороны, изъ Берлина шли увѣщанія не допускать въ управленіи участія народнаго и общественнаго элемента, съ другой—революціонные заграничные комитеты побуждали русскихъ террористовъ къ продолженію террористическихъ актовъ въ чаяніи вызвать въ Россіи революцію. Вслѣдствіе этого положеніе императора Александра II и ближайшихъ его совѣтниковъ, сочувствовавшихъ предполагаемымъ реформамъ: гр. Лориса-Меликова и графа Д. А. Милютина, занимавшаго тогда должность военнаго министра, оказывалось затруднительнымъ. Для ихъ противниковъ, окружившихъ тронъ новаго государя, императора Александра III, кровавое событіе 1-го марта, поразившее ужасомъ всю Россію, являлось яснымъ доказательствомъ, что предположенныя реформы не могутъ служить къ успокоенію Россіи и что для борьбы съ революціонными партіями необходима твердая политика силы и репрессій. Во главѣ этихъ совѣтниковъ императора Александра III стоялъ К. П. Побѣдоносцевъ. Новому государю предстояло на первыхъ же порахъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли привести въ дѣйствіе «проектъ представительства», предложенный гр. Лорисъ-Меликовымъ и подписанный покойнымъ государемъ. Для рѣшенія этого вопроса императоръ Александръ III пожелалъ выслушать мнѣнія членовъ Государственнаго Совѣта въ засѣданіи подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Въ «Нашей Старинѣ» сообщаются любопытныя подробности объ этомъ засѣданіи и приводится цѣликомъ рѣчь, произнесённая въ немъ графомъ Д. А. Милютинымъ.

«За проектъ Лорисъ-Меликова высказались: великій князь Константинъ Николаевичъ, Сольскій (впослѣдствіи графъ), Абаза, графъ Валуевъ, военный министръ Д. А. Милютинъ и нѣкоторые другіе. Графъ Милютинъ особенно горячо поддерживалъ предложеніе Лорисъ-Меликова. Въ произнесенной имъ замѣчательной рѣчи онъ смѣлымъ, искреннимъ, правдивымъ словомъ охарактеризовалъ политическій моментъ, переживавшійся тогда Россіей. Графъ Милютинъ сказалъ слѣдующее:

«Предполагаемая мѣра вашему императорскому величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ для пользы дѣла долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды вашего величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ изъ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ, вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное рѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить

Библиотека "Руниверс"

весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всей душой, всѣ остальныя преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, причемъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу»...

Здѣсь императоръ Александръ III прервалъ графа Милютина, заявивъ, что императоръ Вильгельмъ I въ собственноручномъ письмѣ умолялъ Александра II не давать Россіи «конституціи» и, уже въ случаѣ крайности, если нельзя будетъ обойтись вовсе безъ народнаго представительства, совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ...

«Ваше величество,—продолжалъ графъ Милютинъ:—не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что, въ сущности, было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были, для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и въ деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ. Теперь предстоятъ важные законодательные труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что для успѣха дѣла необходимо сообразить ихъ всесторонне, т. е. не съ канцелярской только или бюрократической точки зрѣнія. Въ виду этого, ваше величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова».

Но затѣмъ полились страстныя рѣчи противъ проекта весьма скромнаго представительства, признаннаго за «первый шагъ къ конституціи». Говорили: гр. Строгановъ, Маковъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и др. Особенно сильно ратовалъ противъ проекта Побѣдоносцевъ... Рѣчь его имѣла рѣшающее значеніе при обсужденіи проекта. Послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась, какъ извѣстно, вся наша дальнѣйшая внутренняя политика. Всѣ проекты предполагавшихся реформъ были сданы въ архивъ... Ближайшіе сотрудники покойнаго императора Александра II вскорѣ убѣдились, что ихъ пѣсня спѣта и дѣлать имъ больше нечего...

22-го мая 1881 г. графъ Д. А. Милютинъ, вслѣдъ за графомъ Лорисъ-Меликовымъ, добровольно покинулъ постъ военнаго министра, оставшись лишь

Библиотека "Руниверс"

членомъ Государственнаго Совѣта, и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ Крыму.

Любопытно особенно въ этомъ разсказѣ засвидѣтельствованіе того факта, что императоръ Вильгельмъ въ собственноручномъ письмѣ «умолялъ императора Александра II не давать Россіи конституціи». Безспорно, что для Германіи было выгодно возможно болѣе продолжительное существованіе смутъ и нестроеній всякаго рода въ Россіи, чтобы потомъ легче подчинить ее своему политическому и культурному вліянію. Въ этомъ отношеніи нѣмцы дѣйствовали въ трогательномъ единомысліи съ революціонерами, подготовлявшими ужасное событіе 1-го марта.

При наступившемъ послѣ новаго поворота во внутренней политикѣ въ Россіи торжествѣ реакціи бюрократическій элементъ получилъ первенствующее значеніе, въ свою очередь, возбуждавшее общественное недовольство, такъ какъ въ основѣ своей бюрократическій режимъ стремился къ подавленію общественной и частной иниціативы. Репрессіи, проводимыя въ жизни новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, приснопамятнымъ насадителемъ классицизма, гр. Д. А. Толстымъ, сдѣлали свое дѣло: общественная жизнь замерла, печать должна была умолкнуть подъ страхомъ административныхъ каръ; зато въ замкнутыхъ кругахъ, даже умѣренныхъ по направленію, существовало глухое броженіе, изливавшееся въ памфлетахъ и эпиграммахъ, ходившихъ по рукамъ въ рукописномъ и гектографированномъ видѣ. «Въ этихъ эпиграммахъ,— говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Голосъ Минувшаго») одинъ изъ цензоровъ той эпохи, г. Мардарьевъ,—отводило себѣ душу русское общество той эпохи. Большимъ успѣхомъ пользовалась, между прочимъ, слѣдующая очень удачная эпиграмма на обновленіе министерства:

Большой сумбуръ россійскихъ дѣлъ
Толстой исправить захотѣлъ,
Въ помощники правленья своего
Онъ взялъ Заику [1]), Плеве, Дурново.
Что жъ? И при немъ Россія не толстѣетъ,
Заикается, плюется и дурнѣетъ.

Кромѣ различныхъ эпиграммъ, каламбуровъ, анекдотовъ, по рукамъ ходили въ Петербургѣ сценки и цѣлыя комедіи, которыя, конечно, не только не увидѣли свѣта рампы, но и не понюхали типографской краски.

Одно время мишенью для эпиграммъ и каламбуровъ служилъ тогдашній директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново. Особенную пищу острякамъ дала извѣстная исторія съ письмами посланника,—исторія, прервавшая на время карьеру П. Н. Дурново.

Осенью 1890 г. тогдашними министрами былъ предпринятъ объѣздъ страны съ цѣлью ознакомленія на мѣстахъ съ положеніемъ дѣлъ. Въ бюрократическихъ кругахъ этой поѣздкѣ придавали большое значеніе, и сами министры были искренно убѣждены, что они дѣлаютъ большое полезное дѣло.

---

[1]) Директоръ департамента общихъ дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Но русское общество и независимая печать скептически отнеслись къ этой затѣѣ, стоившей казнѣ громадныхъ денегъ.

Дѣйствительность не замедлила оправдать этотъ скептицизмъ.

Результаты поѣздки министровъ нашли себѣ описаніе въ стихотвореніи «Всероссійское эхо послѣ объѣзда министровъ»:

Что, у васъ министры были?—были.
Ваши нужды разсмотрѣли?—ѣли.
Какъ же съ ними поступили?—пили.
Справедливо и умно-ль?—ноль.
Вышнеградскій [1]) пріѣзжалъ?—жалъ.
Кризисъ общій разобралъ?—бралъ.
Чѣмъ же конченъ разговоръ?—воръ.
Какъ нашли вы конторолера? [2])—ера.
Въ просвѣщеньи есть успѣхъ?—эхъ.
А въ хозяйствѣ и лѣсахъ?—ахъ.
Развѣ такъ Островскій [3]) плохъ?—охъ.
О Ванновскомъ [4]) какой слухъ?—ухъ.
Сдѣлалъ ли что Гюббенетъ [5]) ?—нѣтъ.
Такъ все вышло ерунда?—да.
Ждете снова на весну ихъ?—ну ихъ.
Стоило же принимать ихъ?—мать ихъ.
Что вы?... Цыцъ, кричи ура!—ура!

Послѣдующіе годы, какъ извѣстно, ознаменовались у насъ неурожаями, голодовками, эпидеміями холеры и т. д.

Въ царствованіе императора Александра III обращено было, однако, вниманіе на земельныя нужды крестьянъ и правильную организацію крестьянскихъ переселеній. Интересна справка по крестьянской колонизаціи, дѣлаемая въ «Отрывкѣ изъ Записокъ» кн. Д. Д. Оболенскимъ и относящаяся къ весьма сравнительно недавнему времени, незадолго до отмѣны крѣпостного права. «Продажа крѣпостныхъ въ большомъ количествѣ, т.е. сотнями и тысячами, даже поощрялась, если она имѣла колонизаторское значеніе—для заселенія втуне лежащихъ земель, какъ, напр., на югѣ Россіи. Такъ было еще въ половинѣ прошлаго столѣтія. Вспомнился мнѣ случай продажи на свозъ (какъ называлась тогда подобная операція) 2000 душъ крестьянъ. Въ Епифановскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, на земляхъ графа В. А. Бобринскаго (а нынѣ внука его) стоятъ въ полѣ двѣ церкви и, кромѣ немногихъ построекъ, въ коихъ живутъ церковнослужители тѣхъ церквей,—ничего нѣтъ. Но въ былые годы церкви эти стояли посреди двухъ большихъ селъ, по 1000 душъ каждое. Села эти были снесены въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія и жители ихъ—2000 душъ мужескаго пола—проданы на свозъ графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ знаменитому тогда богачу

---

[1]) Министръ финансовъ.
[2]) Т. И. Филипповъ.
[3]) Министръ государственныхъ имуществъ.
[4]) Военный министръ.
[5]) Министръ путей сообщенія.

Библиотека "Руниверс"

Бенардаки, для поселенія ихъ на земляхъ Бенардаки или, вѣрнѣе, въ степяхъ его, въ Херсонской губерніи. Отъ стариковъ крестьянъ (наши имѣнія въ сосѣдствѣ) я еще слышалъ, что, когда эти 2.000 съ женами и дѣтьми двинулись въ походъ за сотни верстъ, въ неизвѣстный для нихъ край, съ безконечными обозами, то скрипъ телѣгъ, вой бабъ и дѣтей были слышны за нѣсколько верстъ... И все это безропотно!... Казалось, нѣчто ужасное совершилось, но прошли года, епифанскіе выходцы обжились въ новыхъ мѣстахъ, и крестьяне, приходившіе изъ Херсонской губерніи на свиданіе къ оставшимся здѣсь родственникамъ, уже хвалились своимъ житьемъ-бытьемъ на привольныхъ черноземныхъ земляхъ юга! Когда же объявлена была воля въ 1861 году, и херсонскіе крестьяне получили отъ Бенардаки по 6 десятинъ земли на душу, то тульскіе крестьяне графа Бобринскаго прямо завидовали имъ, такъ какъ въ Тульской губ. крестьяне получили малый надѣлъ по 2 десятины на душу.

«Еще недавно внукъ графа В. А. Бобринскаго, графъ Алексѣй Алексѣевичъ, продалъ свои огромныя помѣстья Тульской губерніи по очень низкой цѣнѣ Крестьянскому банку, дабы эти земли попали, по принадлежности, вновь въ крестьянскія руки.

«Самъ старикъ графъ В. А. Бобринскій разсказывалъ мнѣ объ этомъ случаѣ продажи на свозъ 2000 душъ на свозъ слѣдующее. Его тульскія имѣнія были очень малоземельныя, а въ 1840 году—въ голодный годъ—ему, графу Бобринскому, стоило до 1 милліона рублей прокормить населеніе въ 15000 душъ (а съ семьями болѣе 40000), бывшее у него, и ему пришлось заложить знаменитые Бобрики съ деревнями въ опекунскій совѣтъ (единственный земельнычй банкъ до 1861 г. въ Россіи) за сумму свыше милліона рублей. Платить оброкъ крестьяне отказались; нужно было переводить ихъ на барщину, т. е. на обязательныя работы, заводить хозяйства, хутора, а земли для этого было мало. И не оказалось другого средства, какъ выселить часть населенія на новыя, такъ называемыя вольныя земли. Вотъ почему гр. В.А. Бобринскій и прибѣгъ къ такому способу, какъ продажа 2000 душъ мужеска пола крестьянъ съ семьями на свозъ—на вольныя земли Бенардаки, для поселенія ихъ тамъ, гдѣ имъ впослѣдствіи жилось хорошо».

Разумѣется, все хорошо, что хорошо кончается. Но если такіе богатые и просвѣщенные помѣщики, какъ графы Бобринскіе, по ненормальнымъ условіямъ помѣщичьяго хозяйства того времени, вынуждены были прибѣгать къ продажѣ людей на свозъ, хотя съ самыми почтенными колонизаторскими цѣлями, то что могли дѣлать и дѣлали недобросовѣстные или обнищавшіе помѣщики со своими крѣпостными. Страшна была самая среда, гдѣ о продажѣ людей говорили, какъ о самой обыкновенной коммерческой сдѣлкѣ гдѣ люди трактовались, какъ неодушевленныя вещи, и гдѣ сами продаваемые люди, Фильки и Акульки, считали это дѣло самымъ что ни на есть обыкновеннымъ дѣломъ. Дворяне-помѣщики не замѣчали, какъ страшно деморализующе дѣйствуетъ на нихъ самихъ, на весь ихъ бытъ и сословіе рабовладѣльческое право. Но не всѣ они, къ счастью для себя и своихъ присныхъ, пользовались этимъ ужаснымъ правомъ.«Что продажа крѣпостныхъ подъ

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ или другимъ видомъ практиковалась въ 1861 году въ обходъ закона, весьма вѣроятно,—разсказываетъ въ «Запискахъ» кн. Д. Д. Оболенскій,—но не въ той средѣ, къ которой принадлежали люди и дѣятели 1840-хъ годовъ, принимавшіе видное участіе въ вопросѣ освобожденія крестьянъ. Въ средѣ этой я жилъ и воспитывался, а главный дѣятель по освобожденію крестьянъ, князь В. А. Черкасскій, былъ моимъ попечителемъ до моего совершеннолѣтія, а дядя Д. Г. Бибиковъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, былъ иниціаторомъ инвентарей, положившихъ начало ограниченію помѣщичьей власти въ Юго-и Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ этомъ обществѣ не могло быть и помину о продажѣ крещеной собственности, какъ выражался Герценъ. Уже въ 1848 году, по иниціативѣ князя В. А. Черкасскаго, собрался въ Тулѣ комитетъ, писавшій проектъ объ освобожденіи крестьянъ. Но революція во Франціи напугала нашу администрацію, и упомянутый комитетъ поспѣшили закрыть. Сами крестьяне смотрѣли очень индифферентно на эти продажи и говорили объ этомъ, какъ о самой обыденной вещи. Я помню, въ 1860 году я готовился къ поступленію въ университетъ и сидѣлъ лѣтомъ у себя въ деревнѣ. Редакціонная комиссія работала тогда уже во всю, и мы ждали рѣшенія крестьянскаго вопроса со дня на день. Такъ какъ попечитель мой кн. В. А. Черкасскій высылалъ намъ изъ Петербурга печатные журналы редакціонной комиссіи, то мы были въ курсѣ освободительныхъ работъ. И вотъ, подходитъ въ саду ко мнѣ мужичекъ и очень просто спрашиваетъ: «А есть у васъ продажныя дѣвки?» Я не сразу понялъ его вопросъ—такъ далеко былъ отъ этого, и переспросилъ его, что ему нужно. «Да у насъ въ деревнѣ,—а я староста,—много холостыхъ парней, такъ надо ихъ повѣнчать, а дѣвокъ нѣтъ; такъ вотъ, надо ихъ купить». Около меня работали въ саду садовники, и я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ садовники разразились бранью на мужичка, что онъ не туда зашелъ, что этого здѣсь никогда не бывало, и т. д. И мужичекъ, очень удивленный, удалился. И это наканунѣ эмансипаціи!»

Напоминаніе о прелестяхъ крѣпостного права, по словамъ кн. Оболенскаго, «очень полезно и теперь еще, такъ какъ наши реакціонеры доселѣ вздыхаютъ о крѣпостномъ правѣ, которое для насъ, помнящихъ его очень хорошо, было сплошнымъ ужасомъ, а не идилліей, о которой я, по крайней мѣрѣ, вспоминаю безъ сожалѣнія, а вспоминаю съ благодарной памятью императора Александра II, положившаго конецъ этому ужасу. Недаромъ народъ чтитъ память Царя-Мученика, который въ глазахъ народа сталъ уже почти святой».

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще у насъ не написана исторія крѣпостного права съ культурно-бытовой точки зрѣнія, въ связи съ исторіей дворянскаго сословія. А, между тѣмъ, это было бы такъ кстати къ готовящемуся въ 1918 году столѣтнему юбилею со дня рожденія Царя-Освободителя.

Въ «Новомъ Времени» (№ 19-го августа) напечатана слѣдующая наша замѣтка подъ заглавіемъ: «Новгородскія реликвіи и Реймсскій соборъ»:

Не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ весь цивилизованный міръ содрогнулся при вѣсти о разрушеніи Реймсскаго собора жестоковыйными тевтонами. И русское общество въ лицѣ своего правительства и печати также выражало

Библиотека "Руниверс"

свое негодованіе по поводу этого варварскаго уничтоженія исторической святыни Франціи, стараясь быть на культурномъ уровнѣ западныхъ народовъ. Казалось бы, что ничего подобнаго у насъ, въ Россіи, быть не можетъ по отношенію къ нашимъ русскимъ историческимъ реликвіямъ, потому что нѣмцамъ не добраться ни до Кіева, ни до Москвы, ни до Великаго Новгорода. Увы! У насъ именно, при благосклонномъ содѣйствіи органовъ правительства и общественнаго самоуправленія, совершается теперь нѣчто худшее, болѣе варварское, чѣмъ разрушеніе Реймсскаго собора современными вандалами-нѣмцами огнемъ тяжелой артиллеріи въ разгаръ ужасной войны: мы, во имя мирныхъ цѣлей—коммерческаго удобства при постройкѣ желѣзной дороги—сами, собственными руками, дѣлаемъ все возможное для уничтоженія въ Новгородѣ русскихъ реликвій, имѣющихъ для Россіи болѣе важное значеніе, чѣмъ Реймсскій соборъ для Франціи: Рюрикова городища, откуда пошла есть Русская земля, и древняго храма Спаса Нередицы XII вѣка съ его драгоцѣнными для русскаго искусства фресками,—храма, который на Западѣ Европы давно бы заключили въ хрустальный футляръ, какъ дивный, единственный въ своемъ родѣ памятникъ національной старины.

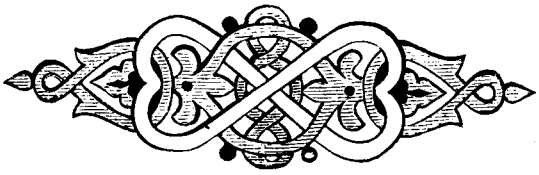
Такія мысли невольно приходятъ въ голову при чтеніи статьи «Въ отвѣтъ печальникамъ Великаго Новгорода», напечатанной въ «Новомъ Времени» по поводу предположеннаго новгородской городской думой и санкціонированнаго товарищемъ министра путей сообщенія Борисовымъ проложенія желѣзнодорожнаго пути и постройки моста чрезъ рѣку Великую въ районѣ Рюрикова городища и храма Спаса Нередицы, угрожающаго уничтоженіемъ въ ближайшемъ будущемъ этимъ національнымъ святынямъ не одного новгородскаго, но и всероссійскаго значенія. Онѣ должны быть уничтожены потому, что новгородской городской думѣ, составленной изъ купечества и домовладѣльцевъ, въ данное время изъ карманныхъ интересовъ выгоднѣе провести желѣзнодорожную линію на Софійскую сторону именно въ этомъ мѣстѣ, а министерство путей сообщенія, вѣроятно, и не подозрѣвавшее о существованіи Рюрикова городища и храма Спаса Нередицы (вѣдь это не Реймсскій соборъ!), съ легкимъ сердцемъ, необдуманно, дало согласіе на этотъ проектъ и уже затратило на осуществленіе этого проекта нѣкоторыя суммы. На протесты мѣстныхъ археологическихъ обществъ министерство не обратило никакого вниманія, какъ запоздалые, а императорская археологическая комиссія, призванная заботиться о сохраненіи памятниковъ отечественной старины и имѣющая во главѣ графа А. А. Бобринскаго, нынѣ министра земледѣлія, никакъ, ни однимъ словомъ, не сочла нужнымъ отозваться на заявленіе, сдѣланное ей по этому поводу новгородскимъ обществомъ любителей древности. Лишь всероссійская печальница о памятникахъ русской старины, уважаемая предсѣдательница XV археологическаго съѣзда, графиня П. С. Уварова, горячо отнеслась ко всему этому позорному для русской культуры дѣлу и обратилась съ своимъ заступничествомъ къ министру путей сообщенія. Тогда только, видимо, изъ уваженія къ графинѣ Уваровой, министерство 23-го іюля настоящаго года командировало товарища министра Борисова сдѣлать «зависящее распоряженіе» о воспрещеніи брать землю для желѣзнодорожной насыпи изъ

Библиотека "Руниверс"

холма, на которомъ стоитъ храмъ Спаса Нередицы, о возведеніи каменной стѣны у холма для предохраненія ея древней стѣнной росписи отъ сотрясеній почвы при проходѣ поѣздовъ и объ устройствѣ дамбы для защиты Рюрикова городища отъ подмыванія его водой. Для понимающихъ дѣло людей всѣ эти распоряженія имѣютъ значеніе лишь своего рода канцелярской отписки. Въ такое-то время гдѣ же думать серьезно о какихъ-то археологическихъ древностяхъ! Вѣдь это не Реймсскій соборъ, о которомъ вся Европа горюетъ!

Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь дѣло объ охранѣ новгородскихъ древностей, имѣющихъ всероссійское значеніе. Хотя мы и не Европа, гдѣ такое отношеніе къ культурно-историческимъ святынямъ было бы немыслимымъ, но стыдно совершать у себя дома акты, за которые Европа и весь цивилизованный міръ столь торжественно осудили нѣмцевъ. Если новгородская дума и министерство путей сообщенія не совсѣмъ понимаютъ истинный характеръ совершаемаго ими вандализма, то нужно бы дать кому слѣдуетъ понять, что рѣчь идетъ не о новгородскихъ, а о *всероссійскихъ* реликвіяхъ. Мы думаемъ, что и распоряженія г. Борисова не могутъ имѣть того «исчерпывающаго значенія», которое придаетъ имъ г. Аничковъ, авторъ «Отвѣта печальникамъ Великаго Новгорода». Въ недавнее время Высочайшей властью, чрезъ императорское русское историческое общество, охранены всѣ рукописные памятники старины, собираемые губернскими учеными архивными комиссіями. Намъ кажется, что обращеніе къ этому обществу есть въ настоящее время единственный возможный путь для охраны славныхъ памятниковъ нашей исторіи, пощаженныхъ временемъ и уничтожаемыхъ россійскимъ вандализмомъ.

Е. Шумигорскій.



Библиотека "Руниверс"

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВАЯ біографія Маріи-Антуанетты. — Приводимъ въ извлеченіи конецъ монографіи недавно скончавшагося маркиза де-Сегюра, рисующій послѣдніе дни несчастнѣйшей изъ всѣхъ французскихъ королевъ.

Тюрьма Тампль, куда повезли королевскую семью, состояла изъ обширнаго дома, который когда-то занимали Вандомы. Конти, а потомъ графъ д'Артуа, и большой четыреугольной башни, которая примыкала къ другой, гдѣ жилъ завѣдующій архивомъ тюрьмы. Сначала королевскую семью заключили въ эту маленькую башню, въ ожиданіи, пока для нея будетъ приготовлена большая. Королеву съ сыномъ помѣстили во второмъ этажѣ, а короля надъ ними, какъ разъ противъ кордегардіи. Когда Людовикъ вошелъ въ отведенную ему комнату, первое, что бросилось ему въ глаза, были гравюры скабрезнаго содержанія, развѣшанныя здѣсь когда-то его братомъ, графомъ д'Артуа. Мадамъ Елизавета устроилась спать въ кухнѣ, лица королевской свиты—принцесса Ламбаль, Турсель и другія—размѣстились, гдѣ пришлось.

Прислуги никакой не было. По распоряженію прокурора коммуны Манюэля, «всѣ лица, не принадлежавшія къ семьѣ Капета», были выселены изъ Тампля. Принцессу де-Ламбаль и Турсель тогда же перевели въ другую тюрьму, Лафорсъ. При королѣ остался только его старый камердинеръ Гю.

Томясь въ заключеніи, Людовикъ XVI усердно занимался со своимъ сыномъ и училъ его начаткамъ латинскаго языка, ариѳметики и исторіи. Марія-Антуанетта, въ свою очередь, обучала дочь шитью, музыкѣ, рисованію. Но скоро и для этихъ невинныхъ занятій явились препятствія. Король соста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ для сына таблицу умноженія, а невѣжественной стражѣ показалось, что это шифръ для тайной переписки. Марія-Антуанетта нарисовала дочери силуэты героевъ римской исторіи: Ромула, Катона, Тарквинія Гордаго,— «патріоты» были убѣждены, что это портреты современныхъ «тирановъ», ополчившихся противъ Франціи. Занятія были запрещены.

Обѣдали въ первомъ этажѣ, куда король приносилъ никогда не измѣнявшій ему аппетитъ. Въ пять часовъ арестантамъ позволялось спускаться въ садъ при Тамплѣ, причемъ королева неотлучно держалась около сына, боясь, что вотъ-вотъ его отнимутъ у нея силою.

Эти прогулки совершались всегда подъ наблюденіемъ одного изъ комиссаровъ коммуны, причемъ считалось признакомъ патріотизма и политической благонадежности возможно чаще оскорблять королевскую семью, демонстрируя при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ свой цинизмъ. Такъ однажды королева спросила своего надзирателя, гдѣ онъ живетъ. «Въ отечествѣ», напыщеннымъ тономъ отвѣчалъ тотъ. Мало-по-малу, однако, вѣжливое обращеніе королевской семьи и ея умственное превосходство сдѣлали свое дѣло, и даже люди, особенно спекулировавшіе своимъ «патріотизмомъ», стали относиться къ ея членамъ съ невольнымъ уваженіемъ. Однажды, напримѣръ, королева, спустившись въ садъ, сѣла подъ деревомъ и завязала разговоръ съ комиссаромъ Горэ. Позвали короля, который игралъ въ мячъ съ сыномъ; онъ тоже принялъ участіе въ бесѣдѣ. Вспоминали прошлое, дѣлились впечатлѣніями,—словомъ, разыгралась мирная сцена, по которой никто бы и не догадался объ ужасахъ, которые творились въ это время въ Парижѣ. Не далѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, улица Тампля наполнилась страшнымъ шумомъ. Тысячная толпа ломилась въ тюрьму, желая проникнуть за ограду. Нѣсколько человѣкъ, попавшіе наконецъ на внутренній дворъ тюрьмы, требуютъ къ окну Марію-Антуанетту и на копьѣ протягиваютъ къ ней перепачканную кровью, блѣдно-синюю голову принцессы Ламбаль. При видѣ этого ужаснаго зрѣлища королева не выдерживаетъ и падаетъ въ обморокъ. Едва удается привести ее въ чувство. Съ этого момента портретъ принцессы она неотлучно носитъ на себѣ.

Черезъ нѣсколько дней семью постигаетъ новое горе. По предложенію мрачнаго Гебера, было рѣшено перевести короля въ большую башню. Сцена разлученія семьи вышла чрезвычайно тяжелой, и короля пришлось чуть не силою отрывать отъ дѣтей. Даже грубый башмачникъ Симонъ—одна изъ самыхъ отвратительныхъ фигуръ революціи—былъ растроганъ слезами королевы и дѣтей и, отвернувшись, пробормоталъ: «Эти женщины заставятъ, пожалуй, заплакать и меня».

11-го декабря дофина, отведеннаго съ королемъ въ большую башню, неожиданно вырвали отъ отца и отвели къ королевѣ. Начинался процессъ короля, и въ этотъ день онъ долженъ былъ предстать передъ конвентомъ. Короля совершенно изолировали отъ семьи, и въ теченіе шести недѣль Марія-Антуанетта не имѣла никакихъ извѣстій о немъ. Лишь 20-го января изъ криковъ на улицѣ она узнала, что король осужденъ на смертную казнь, которая должна совершиться завтра.

Библиотека "Руниверс"

Вечеромъ въ тотъ же день королевѣ разрѣшено было проститься съ мужемъ. Это послѣднее свиданіе состоялось въ маленькой столовой, полутемной, лишенной всякой мебели, кромѣ нѣсколькихъ соломенныхъ стульевъ. Легко себѣ представить, какая тяжелая сцена разыгралась въ этихъ угрюмыхъ стѣнахъ. Королева хотѣла пробыть съ дѣтьми цѣлую ночь около мужа, но Людовикъ просилъ ее удалиться, говоря, что ему необходимо остаться одному и собрать все свое мужество. Онъ обѣщалъ прислать за ними на другой день въ восемь часовъ утра, но, не желая безполезно волновать измученную Марію-Антуанетту и не спавшихъ всю ночь дѣтей, поѣхалъ на эшафотъ украдкой. «Скажи имъ,—наказывалъ онъ своему камердинеру: — чего мнѣ стоитъ уѣхать, не простившись со всѣми. Поручаю тебѣ передать женѣ и дѣтямъ мое послѣднее «прощай»! Потомъ онъ просилъ передать королевѣ на память кое-какія вещи: обручальное кольцо, пакетикъ съ прядью волосъ и т. д.

Королева лежала въ своей камерѣ въ полузабытьи. Вдругъ около полудня загрохотали пушки, послышались крики: «Да здравствуетъ республика!» Бѣдная женщина поняла, что все было кончено!

Съ этого момента, чтобы не проходить мимо комнаты короля, она отказалась выходить въ садъ и замкнулась въ своей камерѣ.

Разгоравшаяся анархія и тиранія разныхъ мелкихъ адвокатовъ безъ практики, ничѣмъ не стѣснявшихся журналистовъ, разстриженныхъ поповъ, ветеринарныхъ фельдшеровъ и т. п. элементовъ, выброшенныхъ на поверхность революціонной войной, невольно заставляла людей порядка стремиться къ освобожденію королевской семьи. Тулузцу Тулану удалось войти въ сношеніе съ однимъ изъ комиссаровъ Тампля Лепитромъ и составить съ нимъ цѣлый планъ избавленія невольныхъ плѣнниковъ. Оба заговорщика принесли въ тюрьму комплектъ одежды, которой хватило бы на всѣхъ. Дофина, впрочемъ, предполагалось спрятать въ корзинкѣ съ бѣльемъ. Стражу разсчитывали усыпить наркотиками. Бѣгство было назначено на 8-ое марта, но какъ разъ наканунѣ въ Парижъ пришли вѣсти о неудачахъ революціонной арміи, отечество было объявлено въ опасности, и паспортовъ на выѣздъ изъ столицы уже нельзя было получить. Случай былъ потерянъ.

Было и еще нѣсколько попытокъ. Отмѣтимъ лишь наиболѣе серьезную— нѣкоего Батса и двухъ членовъ муниципалитета Кортэ и Мишони. Все было устроено очень ловко, но наканунѣ назначеннаго дня для бѣгства тюремщикъ Симонъ получилъ анонимый доносъ, и весь планъ Батса рухнулъ.

Прошло полгода со дня казни короля, и его вдову постигло новое испытаніе. 31-го іюля вечеромъ явилось въ Тампль нѣсколько членовъ парижскаго муниципалитета и отобрали дофина у матери. Мальчикъ въ это время уже спалъ. Перепуганный борьбой, которая завязалась между тюремщиками и Маріей-Антуанеттой, онъ сталъ плакать и поднялъ крикъ. Королеву наконецъ удалось оторвать отъ сына. Мальчикъ не хотѣлъ идти, и его поволокли волокомъ. Отдали его подъ надзоръ того же Симона, который считалъ патріотическимъ долгомъ обучать девятилѣтняго дофина грубымъ ругательствамъ и обращаться съ нимъ, какъ съ собакой.

Библиотека "Руниверс"

Тяжесть положенія довершалась непрерывнымъ и самымъ мелочнымъ шпіонствомъ, не достигавшимъ, однако, своей цѣли. Находилось не мало смѣльчаковъ, которые проникали къ королевѣ въ переодѣтомъ видѣ. Говорятъ даже, что въ Тампль, явился одинъ изъ священниковъ, не принявшихъ присяги на вѣрность республикѣ, и совершилъ богослуженіе въ камерѣ королевы.

Не удавшійся заговоръ Ружвилля навлекъ на несчастную Марію-Антуанетту новыя лишенія. Отъ нея отобрали ея часы, коробочки, кольца. Наконецъ, 11-го сентября ее перевели въ новое помѣщеніе, которое казалось безопаснымъ. Эту комнату можно видѣть и теперь. Раньше въ ней помѣщалась тюремная аптека. Ея два окна были заграждены рѣшеткой, внутрь посадили двухъ жандармовъ, которые могли видѣть узницу во всякую минуту, а на ночь запирали огромнымъ замкомъ. Въ этомъ помѣщеніи королева провела свои послѣдніе тридцать пять дней. Открытіе заговора Ружвилля ускорило гибель Маріи-Антуанетты. «Патріоты» пустили въ ходъ всѣ средства для того, чтобы запугать своихъ болѣе робкихъ товарищей.

2-го сентября, въ 11 часовъ ночи комитетъ общественнаго спасенія собрался на тайное засѣданіе у парижскаго мэра Паша. Засѣданіе продолжалось всю ночь. Благодаря тому, что одинъ изъ членовъ его былъ подкупленъ Англіей, мы знаемъ, что тамъ происходило. Геберъ, Барреръ, Сентъ-Андрэ и другіе «патріоты» потребовали казни королевы. «Я обѣщалъ народу голову Антуанетты, — кричалъ Геберъ, — и если мнѣ ея не дадутъ, я пойду и отрублю ее самъ». Запуганный комитетъ поспѣшилъ вотировать преданіе вдовы Капета суду.

Четыре недѣли длилась эта гнусная пародія на судопроизводство. Подняли опять дѣло Людовика XVI въ надеждѣ найти какія-нибудь улики противъ Маріи-Антуанетты. Не найдя ихъ, стали подвергать длиннѣйшимъ допросамъ самое обвиняемую, ея дочь, сестру казненнаго короля. Особенно усердствовалъ въ этомъ направленіи предсѣдатель революціоннаго трибунала Германъ.

Наконецъ, 14-го октября начался судъ. Прокуроромъ выступилъ извѣстный якобинецъ Шометтъ, возымѣвшій было идею вызвать въ судъ вмѣстѣ съ королевой нѣкую проститутку д'Эгле, обвинявшуюся въ произнесеніи «аристократическихъ» рѣчей. Члены комитета воспротивились, однако, этой гнусной выходкѣ, и Шометту пришлось отказаться отъ милаго его сердцу зрѣлища.

Судоговореніе началось въ восемь часовъ утра и продолжалось до четырехъ часовъ, потомъ съ пяти до одиннадцати ночи. На другой день засѣданіе возобновилось и продолжалось до трехъ часовъ пополудни. Въ продолженіе этихъ двадцати часовъ королева энергично боролась съ своими врагами, никого не выдала и на всѣ вопросы отвѣчала такъ, что какой-то рабочій, бывшій въ числѣ зрителей, громко заявилъ: «Она выйдетъ изъ дѣла благополучно, и все ограничится тѣмъ, что ее сошлютъ». Зрители, очевидно, не знали, что весь этотъ процессъ былъ лишь гнусной пародіей на правосудіе: присяжнымъ было заранѣе объявлено, что тотъ изъ нихъ, кто подастъ свой голосъ противъ казни, самъ попадетъ на гильотину. Самое судопроиз-

Библиотека "Руниверс"

водство протекало подъ давленіемъ цѣлой толпы рыночныхъ и площадныхъ мегеръ, забравшихся на галереи и громкимъ ревомъ выражавшихъ оттуда свое неодобреніе и протестъ. Въ первый день суда произошелъ случай, прекрасно рисующій грубость и низость тѣхъ, которые присвоили себѣ титулъ «патріотовъ». Выходя изъ суда, несчастная Марія-Антуанетта, ослабѣвшая физически и измученная нравственно, пошатнулась и попросила сопровождавшаго ее жандармскаго офицера довести ее до тюремной телѣжки. Жандармъ взялъ ее подъ руку и снялъ передъ ней шляпу. За этотъ невольный жестъ, оставшійся отъ прежней вѣжливости, его на другой день посадили въ тюрьму.

Немудрено, что терроризованные присяжные единогласно приговорили королеву къ смертной казни,—приговоръ, который былъ встрѣченъ шумными рукоплесканіями галереи.

Послѣ суда «вдову Капета» немедленно отвезли въ Консьержери въ помѣщеніе, куда обыкновенно сажали приговоренныхъ къ смертной казни. Королева потребовала чернилъ и бумаги и твердымъ, четкимъ почеркомъ написала прощальное письмо своей свояченицѣ. Письмо, конечно, было перехвачено кровожаднымъ психопатомъ Фукье-Тэнвиллемъ и доставлено Робеспьеру, въ бумагахъ котораго оно и было найдено послѣ 10-го термидора членомъ конвента Куртуа. Теперь оно хранится въ національныхъ архивахъ, и рѣдко кто можетъ прочесть этотъ документъ безъ того, чтобы у него не навернулись при этомъ слезы.

Въ день казни королева, проснувшись въ 8 часовъ утра, хотѣла одѣться и перемѣнить платье. Но жандармъ, приставленный къ ней, не захотѣлъ отвернуться, и ей пришлось на порогѣ смерти еще разъ подвергнуться ненужному оскорбленію. Потомъ ее повели въ канцелярію тюрьмы, гдѣ «судьи» прочитали ей смертный приговоръ, послѣ чего палачъ Сансонъ вдругъ схватилъ ее сзади за волосы и обрѣзалъ ихъ по плечи. Послѣ казни эти волосы были сожжены въ тюрьмѣ.

Въ одиннадцать часовъ королеву повезли изъ тюрьмы къ мѣсту казни. Чтобы жертва никоимъ образомъ не могла спастись, мобилизировали болѣе тридцати тысячъ человѣкъ.

Марія-Антуанетта, блѣдная и спокойная, взошла по лѣстницѣ на роковую телѣжку. Несмотря на то, что ей не было и сорока лѣтъ, изъ подъ-чепца ея выбивались пряди уже совершенно сѣдыхъ волосъ. Проѣздъ ея по улицамъ сопровождался, по обыкновенію, всяческими оскорбленіями, въ которыхъ особенно изощрялся мелкій актеръ Граммонъ, ѣхавшій верхомъ рядомъ съ телѣжкой.

Былъ полдень, когда кортежъ достигъ площади Революціи. Телѣжка остановилась возлѣ эшафота, воздвигнутаго, по странной ироніи судьбы, какъ разъ напротивъ статуи Свободы. Приготовленія къ казни заняли минуты четыре: пробило четверть перваго, когда все было кончено.

Тѣло предали землѣ недѣли черезъ двѣ. Послѣ казни трупъ Маріи-Антуанетты былъ отнесенъ на небольшое кладбище св. Магдалины, гдѣ былъ похороненъ и прахъ Людовика XVI. По однимъ свѣдѣніямъ, трупъ былъ бро-

Библиотека "Руниверс"

шенъ въ траву, по другимъ—въ известку. Какъ бы тамъ ни было, 1-го ноября могильщикъ Жоли вырылъ для тѣла казненной могилу и представилъ городскимъ властямъ слѣдующій счетъ: «Вдова Капета. Носилки—6 ливровъ. За могилу—15 ливровъ».

Это единственный документъ, относящійся къ похоронамъ несчастной королевы.

Черезъ двадцать два года, 18-го января 1815 г., на этомъ мѣстѣ были вырыты какіе-то смертные останки и въ слѣдующемъ году съ большою пышностью перенесены въ соборъ аббатства св. Діонисія, гдѣ они лежатъ и до сихъ поръ. Предполагаютъ, что это прахъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты.

«Наивная и фривольная въ счастливые дни, мужественная въ борьбѣ, трогательная въ несчастіи, Марія-Антуанетта соединяетъ въ своемъ лицѣ всѣ элементы интереса, которые неотразимо дѣйствуютъ на душу всякаго француза. Ея имя будетъ неизбѣжно привлекать къ себѣ вниманіе грядущихъ поколѣній».

Такими словами кончаетъ маркизъ де-Сегюръ свою тщательно составленную монографію объ этой глубоко несчастной женщинѣ.

— Польша и прусское вѣроломство.—Въ іюльской книжкѣ «The Nineteenth Century» г. Роско-Богдановичъ обрисовываетъ роковое вмѣшательство прусскихъ Гогенцоллерновъ въ дѣла Польши, которое привело въ концѣ концовъ къ раздѣлу этой несчастной страны.

Въ 1226 г. герцогъ Мазовіи Конрадъ заключилъ договоръ съ великимъ гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена, по которому орденъ получалъ въ ленное владѣніе Хельмно и обязывался не причинять полякамъ никакого вреда и являться къ нимъ на помощь въ борьбѣ съ язычниками.

Но уже при самомъ заключеніи договора рыцари ордена руководствовались заднею мыслью, и, едва высохла подпись ихъ гросмейстера, какъ орденъ вступилъ въ тайныя сношенія съ императоромъ Фридрихомъ II и добился отъ него права владѣть землями, расположенными на краю имперіи, т. е. тѣми самыми, которыя были уступлены ордену Конрадомъ въ качествѣ лена. Такимъ образомъ, польская земля осталась во владѣніи рыцарей, а заключенный съ мазовецкимъ герцогомъ договоръ потерялъ для нихъ свою обязательную силу.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1234 г., Тевтонскій орденъ фальсифицировалъ дарственную на польскія земли, которую имъ будто бы далъ папа Григорій IX.

Поляки подняли протестъ, и папа назначилъ особую комиссію для разслѣдованія всего этого дѣла. Комиссія раскрыла подлогъ и принудила рыцарей вернуть занятыя было ими земли полякамъ. Но тевтоны, конечно, и не подумали подчиниться этому рѣшенію. Наоборотъ, прикидываясь союзниками Польши, они вмѣсто съ польскимъ королемъ Владиславомъ двинулись въ походъ противъ маркграфа бранденбургскаго, занявшаго часть польской Помераніи. Но когда маркграфъ былъ отраженъ, рыцари вырѣзали все населеніе Данцига и награбленную добычу раздѣлили между собой.

Библиотека "Руниверс"

Прочно основавшись на польскихъ земляхъ, предки теперешнихъ пруссаковъ продолжали плести всякія интриги противъ поляковъ, не стѣсняясь никакими формами вѣроломства.

Въ 1410 г. король Владиславъ Ягеллонъ разбилъ орденъ въ знаменитой Грюнвальдской битвѣ. Къ сожалѣнію, онъ удовольствовался лишь своимъ военнымъ успѣхомъ и, уступая вмѣшательству императора и папы, упустилъ случай разъ навсегда покончить съ орденомъ.

Въ 1525 г. Сигизмундъ I, выведенный изъ себя постояннымъ вѣроломствомъ ордена, принужденъ былъ занять всю территорію Пруссіи и продвинулся до тогдашней резиденціи гросмейстера ордена Кенигсберга. Орденъ былъ распущенъ, но король разрѣшилъ его гросмейстеру Альберту Гогенцоллерну удержать за собою Пруссію, въ качествѣ вассальнаго владѣнія Польши.

Король Сигизмундъ напрасно отнесся съ такимъ довѣріемъ къ увѣреніямъ въ лояльности, которыя ему расточалъ новый вассалъ Польши, Альбертъ Гогенцоллернъ. Съ этого времени интриги, подлоги, обманы дѣлаются основою внѣшней политики прусскихъ Гогенцоллерновъ, всячески старавшихся освободиться отъ зависимости отъ Польши. Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ добился того, что въ качествѣ вассала Польши Гогенцоллерны принимали присягу на вѣрность не сами лично, а черезъ своего представителя. Вскорѣ потомъ, въ тотъ моментъ, когда Польша вела войну съ Москвою шведами и татарами, Пруссія подписала тайный договоръ со Швеціей о раздѣлѣ занятыхъ шведами польскихъ земель. Но какъ только военное счастье повернулось на сторону поляковъ, прусскій курфюстъ поспѣшилъ разорвать только что подписанный договоръ.

Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ король Янъ-Казимиръ принужденъ былъ освободить Пруссію отъ вассальной зависимости отъ Польши и тѣмъ положилъ начало новому государству.

Политика Фридриха II, прозваннаго нѣмцами «Великимъ», была сплошь основана на обманѣ и насиліи. Всякій договоръ, который нельзя было повернуть въ пользу Пруссіи, былъ для него простымъ «клочкомъ бумаги». Прикидываясь другомъ Польши, онъ заключилъ съ нею оборонительный и наступательный союзъ, подготовляя въ то же время подробный планъ ея раздѣла. Съ этою цѣлью онъ въ 1764 г. заключилъ секретный договоръ съ Россіей и, когда слухи объ этомъ проникли въ польское общество, послалъ въ Варшаву своего довѣреннаго Бёнуа съ приказаніемъ категорически отрицать существованіе этого договора.

Усыпивъ тревоги поляковъ, онъ продолжалъ вести переговоры съ Россіей и Австріей о раздѣлѣ Польши, который и совершился въ 1772 году. Любопытно по своему ничѣмъ не прикрытому цинизму письмо Фридриха къ его брату Генриху, въ которомъ онъ увѣдомлялъ его о совершившемся раздѣлѣ «Раздѣлъ Польши соединитъ три религіи: католическую, православную и протестантскую. Такимъ образомъ, Польша будетъ для насъ своего рода причастіемъ. Оно, конечно, не принесетъ спасенія нашей душѣ, но зато будетъ значительно содѣйствовать благосостоянію нашего королевства».

Библиотека "Руниверс"

Преемники Фридриха II дѣйствовали въ томъ же духѣ. Такъ, въ октябрѣ 1788 г. прусскій король послалъ въ Варшаву нѣкоего Бухгольца объявить, что Польша можетъ быть совершенно спокойна, ибо его величество прусскій король будетъ всячески поддерживать ея свободу и независимость. Черезъ два года Фридрихъ-Вильгельмъ II подписываетъ формальный договоръ, пункты 3 и 4 котораго обязываютъ его прійти на помощь Польшѣ вооруженною силою въ случаѣ покушенія какой-либо державы на независимость этой страны.

Подписывая этотъ договоръ, тотъ же Фридрихъ-Вильгельмъ одновременно подготовлялъ новый раздѣлъ Польши въ Вѣнѣ и Петербургѣ, не останавливаясь даже передъ запугиваніемъ Россіи войною съ Пруссіей. Въ то же время онъ писалъ своему послу въ Варшавѣ фонъ-деръ-Гольцу: «Я желаю, чтобы вы опровергали эти слухи (т. е. слухи о его козняхъ противъ поляковъ), описывая ихъ, какъ ложные и лишенные всякаго основанія. Не уставайте повторять это. Объявите самымъ торжественнымъ образомъ, что все это злонамѣренные слухи, цѣль которыхъ поссорить меня съ польскимъ сеймомъ. Никто не въ состояніи доказать,—предупредительно поясняетъ король:—что между мною и вѣнскимъ дворомъ произошло нѣчто такое, что способно возбудить подобныя подозрѣнія».

Успокаивая такимъ образомъ Польшу и даже заявляя, что всякія подозрѣнія на свой счетъ онъ будетъ считать «личнымъ для себя оскорбленіемъ», Фридрихъ-Вильгельмъ въ то же время окончательно разработалъ раздѣлъ Польши.

25-го мая 1792 г., получивъ отъ польскаго правительства ноту, въ которой оно ссылалось на договоръ 1790 г. между Пруссіей и Польшей, прусскій посланникъ при польскомъ дворѣ Луккезини самымъ рѣшительнымъ образомъ завѣрялъ Варшаву въ томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ готовъ въ точности исполнить всѣ обязательства, которыя вытекаютъ для него изъ этого договора, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 8-го іюля, прусскій король уже офиціально сообщилъ Станиславу-Августу, что въ виду происшедшаго 3-го мая (измѣненія польской конституціи, отмѣны veto и превращенія Польши изъ выборной въ наслѣдственную конституціонную монархію) онъ не признаетъ возможнымъ сохранять въ силѣ указанный договоръ 1790 г. и вмѣстѣ съ Россіей приметъ участіе во вторичномъ раздѣлѣ Польши.

Но и это еще не было кульминаціоннымъ пунктомъ его прусскаго вѣроломства. Въ договорѣ, который былъ заключенъ въ Гроднѣ 25-го сентября 1793 г. Фридрихъ-Вильгельмъ еще разъ объявилъ, что онъ отказывается за себя и за своихъ потомковъ отъ всякихъ претензій на польскія земли. Съ обычной Гогенцоллернамъ напыщенностью онъ обѣщалъ полякамъ отошедшихъ къ Пруссіи окраинъ сохранить ихъ языкъ, ихъ религію и ихъ привилегіи. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ указъ, преобразовавшій на прусскій ладъ бывшіе польскіе суды и запрещавшій употребленіе польскаго языка во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ.

Наконецъ, черезъ два года послѣ гродненскаго договора, коимъ онъ гарантировалъ неприкосновенность оставшихся у Польши владѣній, Фрид-

Библиотека "Руниверс"

рихъ-Вильгельмъ преспокойно принялъ участіе въ третьемъ раздѣлѣ несчастнаго государства и занялъ своими прусскими войсками Варшаву.

Въ наши дни традиціонное вѣроломство Гогенцоллерновъ проявилось съ не меньшимъ блескомъ, и подписанный Германіей договоръ о вѣчномъ нейтралитетѣ Бельгіи былъ цинически объявленъ простымъ «клочкомъ бумаги», который можно при случаѣ и разорвать. «Пусть же поляки, знающіе настоящую роль Гогенцоллерновъ въ исторіи своего отечества, — заключаетъ авторъ свою статью: знаютъ, что прусскіе короли нисколько не перемѣнились и Польшѣ отъ нихъ ждать нечего.

— Вильгельмъ II и искусство.—Извѣстный французскій историкъ Эрнестъ Лависсъ назвалъ какъ-то Вильгельма II «выдумщикомъ театральнаго пошиба». И дѣйствительно, за что бы императоръ ни брался,—а берется онъ рѣшительно за все,—у него одна забота, какъ бы сдѣлать красивый жестъ и принять внушительную позу. Онъ воображаетъ, что онъ все знаетъ, все направляетъ, все вдохновляетъ. Ему непонятно, какъ это народъ можетъ стремиться къ чему-нибудь другому, кромѣ прославленія его царствованія. Съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно поучителенъ этюдъ объ отношеніи Вильгельма II къ искусству, напечатанный Пьеромъ Ноньякомъ въ журналѣ «Le Correspondant».

Вильгельмъ—это какой-то универсальный диллетантъ, у котораго иногда бываютъ проблески, мелькаютъ свѣтлыя мысли, но которому по большей части не хватаетъ мѣры и вкуса. Къ тому же мальчишеская претенціозность кайзера зачастую портитъ самыя лучшія его намѣренія. Въ живописи онъ всегда проявлялъ крайнюю враждебность ко всѣмъ новѣйшимъ вѣяніямъ, особенно къ импрессіонизму. Онъ любитъ живопись батальную и, такъ сказать, династическую, и въ Берлинѣ навѣшано не мало его собственноручныхъ издѣлій, претенціозно подписанныхъ «Вильгельмъ I. R». (Imperator Rex). Онъ уволилъ директора берлинскаго музея Чуди за то, что тотъ купилъ нѣсколько картинъ французскихъ художниковъ.

Любопытна его, такъ сказать, философія искусства. Искусство, по мнѣнію этого высокопоставленнаго диллетанта, «должно быть воспитательной силой для всѣхъ слоевъ нѣмецкаго общества, т. е. давать народу возможность, когда онъ отдыхаетъ отъ своихъ трудовъ, пополнять свои силы при помощи созерцанія идеальныхъ вещей». Чтобы направлять артистовъ по пути такого пошлаго утилитаризма Вильгельмъ, любитъ самъ давать эскизы живописцамъ, театральнымъ декораторамъ, ювелирамъ и особенно архитекторамъ. Архитектурные планы онъ поправляетъ и передѣлываетъ безъ всякихъ стѣсненій, въ результатѣ чего нерѣдко получается невѣроятное безобразіе. Ньякъ вспоминаетъ анекдотическую исторію съ церковью, которую построили въ Берлинѣ въ память императора Вильгельма I. На колокольнѣ надъ крестомъ у ней красуется звѣзда. Какъ ни ищи, никакой идеи эта звѣзда не выражаетъ. Между тѣмъ императоръ, исправляя по обыкновенію планъ проектируемой церкви, пришелъ въ восторгъ отъ этой идеи помѣстить звѣзду надъ крестомъ, не замѣтивъ, что на чертежѣ эта звѣзда образовалась случайно отъ скрещенія линій. Чтобы не противорѣчить кайзеру, строители и водрузили эту звѣзду на самомъ дѣлѣ.

Библиотека "Руниверс"

Къ этому примѣру, приводимому Ноньякомъ, мы можемъ добавить еще болѣе поразительный, извѣстный каждому петроградцу. Когда на Исаакіевской площади нѣсколько лѣтъ тому назадъ строили домъ для германскаго посольства и тогдашній предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ увидалъ планъ воздвигаемаго зданія, онъ, говорятъ, пришелъ въ ужасъ отъ его безобразія и потребовалъ было, чтобы эта постройка, обезображивающая всю площадь Исаакіевскаго собора, была прекращена или, по крайней мѣрѣ, наружно измѣнена. Но ему было объявлено, что зданіе строится по планамъ, составленнымъ самимъ императоромъ Вильгельмомъ, и потому измѣнять наружный видъ постройки было бы крайне неудобно съ дипломатической точки зрѣнія. Такъ какъ въ эти годы нѣмецкое засилье на Руси достигло высшей точки своего развитія, то Столыпину пришлось уступить и на красивой соборной площади выросъ четыреугольный гранитный ящикъ съ длинными и чрезвычайно узкими окнами съ частымъ переплетомъ и съ гигантскими фигурами двухъ голыхъ молодцовъ, ведущихъ двухъ коней на крышѣ. Безобразнѣе этого зданія, дѣйствительно, трудно было придумать и на заказъ.

Вообще съ своею страстью исправлять архитектурные проекты Вильгельмъ наплодилъ не мало безобразія. Такъ, существуетъ въ Эльзасѣ старинный живописный замокъ Гохкенигсбургъ. Понадобилось какъ-то реставрировать древнюю башню. Архитекторъ, исходя изъ стиля зданія и общей гармоніи его линій, спроектировалъ башню круглую. Вильгельмъ не могъ, конечно, не внести «исправленія» и приказалъ построить башню четыреугольную. Получилось, конечно, безобразіе, причемъ скоро было доказано документально, что прежняя башня была какъ разъ не четыреугольная, а круглая.

Мня себя великимъ знатокомъ живописи, императоръ не разъ принималъ какую-нибудь дрянь за произведенія великихъ художниковъ. Слѣды его легкомысленной самоувѣренности можно найти въ любомъ изъ казенныхъ музеевъ Берлина. Но особенно комиченъ оказался его промахъ съ нѣкіимъ женскимъ бюстомъ изъ раскрашеннаго воска, который онъ со свойственнымъ ему апломбомъ приписалъ Леонарду-да-Винчи. На самомъ же дѣлѣ бюстъ этотъ былъ сдѣланъ однимъ современнымъ англійскимъ скульпторомъ, что подтвердилось найденными внутри фигуры обрывками англійскихъ газетъ весьма недавняго происхожденія.

Никто, вѣроятно, не внесетъ въ исторію искусства столько забавныхъ анекдотовъ, какъ этотъ непризнанный всезнайка.

— Изъ интимной жизни Габсбурговъ. — Читатели «Историческаго Вѣстника» уже знаютъ о романической привязанности 82-лѣтняго австрійскаго императора къ бывшей вѣнской акушеркѣ Екатеринѣ Шраатъ, о которой разсказывалъ въ своей статьѣ Додэ. Теперь княгиня Радзивиллъ на страницахъ «Le Revue» пріоткрываетъ интимную сторону жизни старшаго изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ Фридриха, семья котораго имѣетъ многочисленныя развѣтвленія при европейскихъ дворахъ.

Почти всѣ Габсбурги отличались безнравственными или экстравагантными похожденіями, которыя то забавляли, то возмущали Вѣну, становясь потомъ предметомъ всякихъ толковъ по всему свѣту.

Библиотека "Руниверс"

Рядомъ съ Габсбургами можно поставить только одну семью, которая отличается не меньшимъ презрѣніемъ къ житейской морали и приличіямъ. Это Виттельсбахи, съ которыми австрійскій дворъ находится въ ближайшемъ родствѣ. Для характеристики этого властительнаго рода достаточно привести исторію брака эрцгерцогини Изабеллы.

Эрцгерцогъ Фридрихъ принадлежалъ къ числу наиболѣе видныхъ лицъ въ семьѣ Габсбурговъ. Его бракъ, вызвавшій было огромныя затрудненія, потомъ казался очень удачнымъ, сулившимъ молодой четѣ тихое супружеское счастіе. Его невѣста, Изабелла-де-Круа была родомъ изъ полунѣмецкой, полубельгійской семьи и не принадлежала къ числу владѣтельныхъ особъ. Поэтому новая габсбургская родня приняла ее въ высшей степени холодно и недружелюбно. Но Изабелла была слишкомъ умна и энергична, чтобы смущаться непріязненными выходками чванныхъ родственниковъ своего мужа, и во что бы то ни стало рѣшила завоевать себѣ въ вѣнскомъ обществѣ выдающееся положеніе. Прежде всего, она сдѣлала попытку выдвинуться въ Венгріи, гдѣ жила ея старшая сестра, княгиня Евгенія Эстергази. Но Нини—такъ звали венгры княгиню Эстергази—уже занимала выдающееся положеніе въ Будапештѣ и совершенно затмила собою сестру. Эрцгерцогинѣ Изабеллѣ пришлось уступить поле битвы сестрѣ и подъ тѣмъ предлогомъ, что она должна жить съ мужемъ, удалиться въ Пресбургъ, гдѣ эрцгерцогъ Фридрихъ командовалъ войсками. Послѣ смерти эрцгерцога Альберта все его состояніе досталось юной четѣ, которая и переселилась въ Вѣну въ свой родовой дворецъ.

Мало-по-малу новая эрцгерцогиня завязала сношенія и вошла въ тѣсную дружбу съ матерью теперешняго наслѣдника австрійскаго престола и съ дочерью императора Франца-Іосифа, Маріей-Валеріей. Втроемъ они составили заговоръ противъ жены убитаго въ Сараевѣ наслѣдника Франца-Фердинанда, Софіи Хотекъ, которая впослѣдствіи была сдѣлана герцогиней Гогенбергъ. Этой троицѣ удалось склонить потомъ на свою сторону стараго императора, который находился всецѣло подъ вліяніемъ Екатерины Шраатъ, о которой уже знаютъ читатели «Историческаго Вѣстника» и своей дочери Маріи-Валеріи.

Отъ брака Фридриха и Изабеллы родилось шесть дочерей и одинъ сынъ, появившійся на свѣтѣ довольно поздно, когда старшей его сестрѣ было уже восемнадцать лѣтъ и ее готовились выдавать замужъ. Въ женихи былъ намѣченъ испанскій король; но планъ этотъ не удался, и пришлось удовольствоваться бракомъ съ второстепеннымъ германскимъ князькомъ Сальмъ-Сальмомъ. Вторая дочь Изабеллы вышла замужъ за принца Пармскаго, третья за австрійскаго посла въ Берлинѣ, князя Гогенлоэ.

Героиней непріятной исторіи, которая одно время занимала весь міръ, явилась ихъ сестра Изабелла.

Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду она была выдана замужъ за принца Георга Баварскаго. Репутація этого молодого человѣка была весьма некрасива, но онъ былъ богатъ, обладалъ изящной внѣшностью и благовоспитанными манерами. Этого было достаточно для родителей высокопоставленной невѣсты. Свадьба была пышно отпразднована въ Шенбруннѣ, послѣ чего мо-

Библиотека "Руниверс"

лодые отправились въ Лаксенбургъ, предоставленный имъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

Въ тотъ же день, въ четыре часа утра, передъ рѣшеткой дворца эрцгерцога Фридриха явилась какая-то растрепанная женщина. На вопросъ часового, кто она, незнакомка заявила, что она принцесса баварская, бѣжала отъ своего мужа и ни за что въ мірѣ къ нему не вернется. Въ дѣло пришлось вступиться самому императору. Успокоивъ немного племянницу, онъ призвалъ къ себѣ ея мужа, но примиренія между новобрачными такъ и не состоялось. И только духовнику принцессы удалось уговорить ее вернуться къ мужу съ условіемъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ее сначала оставятъ въ покоѣ.

Это время она прожила въ охотничьемъ замкѣ своего отца въ Тиролѣ. Потомъ мачеха отвезла ее въ Мюнхенъ, гдѣ ее приняли съ большимъ почетомъ.

Черезъ двѣ недѣли Изабелла опять бѣжала изъ баварскаго дворца и добралась кое-какъ до Вѣны, гдѣ ее пріютила ея тетка Марія-Терезія. Послѣдняя приняла горячее участіе въ судьбѣ племянницы и потребовала отъ императора, чтобы онъ добился уничтоженія этого брака.

Бракъ былъ признанъ папою недѣйствительнымъ, но судьба принцессы Изабеллы отъ этого не улучшилась. Понимая, что послѣ происшедшаго скандала ей трудно будетъ составить себѣ партію, принцесса заявила отцу, что она желаетъ стать сестрой милосердія, и подъ именемъ сестры Ирмгарды поступила въ одинъ изъ вѣнскихъ госпиталей. Когда вспыхнула война, она отправилась на фронтъ и работала тамъ съ такимъ самоотверженіемъ, что заслужила полное уваженіе и любовь всей австрійской арміи.

Въ одинъ прекрасный день въ полевомъ госпиталѣ появилось новое лицо—вѣнскій хирургъ Павелъ Альбрехтъ. Соціалистъ по убѣжденіямъ, онъ былъ пораженъ личностью принцессы Изабеллы. Та, въ свою очередь, была очарована талантливостью и умомъ новаго доктора, и завязавшееся знакомство быстро перешло въ взаимное увлеченіе, несмотря на то, что Альбрехтъ былъ на много старше принцессы Изабеллы и голова у него уже сильно серебрилась.

Разумѣется, императорская семья вся возстала противъ самой мысли о бракѣ племянницы императора съ простымъ вѣнскимъ докторомъ. Мать бывшей баварской принцессы рѣшила даже заключить ее въ домъ сумасшедшихъ, и только самъ эрцгерцогъ Фридрихъ отнесся къ дочери совершенно иначе и явился къ императору съ просьбой дать свое согласіе на бракъ.

Францъ-Іосифъ, говорятъ, пришелъ въ ярость: онъ объявилъ, что онъ лишитъ принцессу ея титула и исключитъ ее изъ числа членовъ императорской семьи, если она не откажется отъ своей привязанности. Никакія просьбы не могли измѣнить этого рѣшенія. Императоръ даже хотѣлъ немедленно отозвать виновную изъ арміи и заключить ее въ одинъ изъ замковъ. Съ трудомъ удалось лишь уговорить его не дѣлать этого до окончанія войны, и пока что исторія эта совершенно заглохла. Война, можетъ быть, настолько измѣнитъ положеніе Габсбурговъ, что ужаснувшій ихъ mesalliance уже не будетъ для нихъ такимъ страшнымъ.

— Гвоздь въ исторіи.—Воинствующая Германія, доходящая до идолопоклонства по отношенію къ своимъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ героямъ

Библиотека "Руниверс"

типа генерала Гинденбурга, удивила весь міръ сооруженіемъ въ Берлинѣ гигантской деревянной статуи Гинденбурга со спеціальною цѣлью: вѣрные подданные Вильгельма II въ патріотическомъ экстазѣ вколачиваютъ въ дерево статуи безчисленное множество гвоздей, расплачиваясь за это удовольствіе деньгами. Едва ли кто-нибудь изъ занимающихся вбиваніемъ этихъ гвоздей придаетъ дѣлу мистическое значеніе. Но, внѣ всякаго сомнѣнія, тутъ сказывается своеобразный атавизмъ. Въ древности вбиваніе гвоздей въ извѣстныхъ случаяхъ имѣло именно мистическое значеніе.

Титъ Ливій говоритъ:

«Въ 365 году жестокая чума вспыхнула въ Римѣ. Суевѣріе овладѣло душами обитателей. Придумывались разные способы, чтобы отвратить отъ Рима постигшій его гнѣвъ боговъ. Организованы были мистическія сценическія представленія. Фигляры, прибывшіе изъ Этруріи, подъ звуки флейтъ исполняли таинственные танцы. Не пѣли, не говорили, не дѣлали жестовъ, только танцовали. Но эти игры не избавили души людей отъ овладѣвшаго ими ужаса, ни тѣлъ отъ страданій.

«Эпидемія продолжалась три года.

«Тогда старики стали вспоминать, что въ прошломъ однажды какой-то диктаторъ, вбивъ съ церемоніями гвоздь, прекратилъ пожиравшую Римъ чуму. Сенатъ созналъ свой священный долгъ избрать диктатора, которому и поручено было вбить гвоздь. Назначенъ былъ для сего Луцій Манлій».

Далѣе римскій историкъ пишетъ:

«Существуетъ старинный законъ, писанный старинными буквами и на архаичномъ языкѣ, который требуетъ, чтобы верховный преторъ въ сентябрьскіе дни вбивалъ гвоздь. Гвоздь въ тѣ годы, когда еще почти никто не умѣлъ писать, примѣнялся для счисленія годовъ. Обрядъ вбиванія годовыхъ гвоздей исполнялся въ храмѣ Минервы, ибо Минервѣ приписывается изобрѣтеніе чиселъ. Консулъ Горацій, согласно законамъ, вбилъ гвоздь въ храмѣ Юпитера въ томъ году, когда изъ Рима были изгнаны цари. Впослѣдствіи обязанность исполнять обрядъ отъ консуловъ перешла къ диктаторамъ, облеченнымъ большею властью.

«Въ 331 году нашей эры въ Римѣ творилось нѣчто загадочное и наводившее на суевѣрныхъ обитателей ужасъ. Многіе умирали отъ невѣдомыхъ причинъ, причемъ у всѣхъ наблюдались приблизительно одинаковые симптомы. Какая-то рабыня явилась къ курульному эдилу Квинту-Фабію Максиму и обязалась раскрыть причину несчастья, если ей будетъ гарантирована полная безнаказанность и безопасность. Соотвѣтствующее обязательство было рабынѣ дано, тогда она сообщила, что таинственныя смерти являлись результатомъ отравленія. Отравительницами были римскія знатныя матроны, при помощи ядовъ избавлявшіяся отъ мужей, любовниковъ, строгихъ родителей, сонаслѣдниковъ, соперницъ и т. д. Двадцать матронъ, уличенныхъ въ приготовленіи ядовъ, были приведены на форумъ, и тамъ ихъ заставили всенародно выпить ими же изготовленные ядовитые настои травъ. Всѣ онѣ погибли въ мученіяхъ. Власти припомнили, что въ старину, когда тревога и смущеніе овладѣвали душами обитателей Вѣчнаго города, когда начинался раз-

Библиотека "Руниверс"

ладъ,—примѣнялась церемонія вбиванія гвоздя диктаторомъ, дабы боги смягчили свой гнѣвъ. И вотъ избранъ былъ диктаторомъ Кай Квинцій, который совершилъ обрядъ, а потомъ немедленно сложилъ съ себя званіе».

Кстати будетъ припомнить, что Плиній разсказываетъ о примѣненіи вбиванія гвоздя для лечебныхъ цѣлей: римляне его дней, считая, что эпилепсія является результатомъ вселенія въ тѣло больного какого-то злого духа, когда больной въ припадкѣ падалъ на землю, вбивали гвоздь въ то мѣсто, котораго коснулась голова больнего. Предполагалось, что такимъ образомъ злой духъ пригвождается къ землѣ и уже не можетъ вернуться въ тѣло больного.

— Наполеонъ III въ роли изобрѣтателя.—Живущій и сейчасъ итальянскій графъ Паоло-ди-Кампелло, итальянскій аристократъ-дипломатъ, супругою котораго была одна изъ племянницъ императора Наполеона III, разсказываетъ въ своихъ запискахъ интересный эпизодъ изъ жизни Наполеона III, кажется, раньше въ печати не упоминавшійся, а именно: какъ императоръ ходилъ по водамъ, яко по сушѣ...

Было это лѣтомъ 1855 года. Графъ Кампелло съ супругою были приглашены Наполеономъ III провести нѣсколько дней во временной резиденціи императорской семьи въ Вильневъ-Этанѣ. Тамъ находился довольно обширный прудъ. Однажды утромъ, послѣ завтрака, кофе былъ поданъ на террасѣ, выходящей на берегъ пруда. Выпивъ свою чашку, императоръ спустился съ террасы, на которой засѣдало многочисленное общество съ преобладающимъ женскимъ элементомъ, прошелъ до берега, и вдругъ его гости увидѣли его торжественно шествующимъ по поверхности озера. На немъ были какіе-то особенные сапоги, позволявшіе ему держаться на поверхности воды, не погружаясь въ нее. Когда императоръ въ своихъ чудесныхъ сапогахъ удалился отъ берега къ центру пруда, гдѣ было достаточно глубоко, среди дамъ началась тревога: стали высказывать опасенія, какъ бы съ императоромъ не произошло несчастія. На бѣду императоръ, казалось, потерялъ равновѣсіе. Тогда на террасѣ поднялся крикъ. Однако императоръ справился и черезъ нѣсколько минутъ благополучно вернулся къ берегу. Тутъ онъ предлагалъ всѣмъ желающимъ продѣлать экспериментъ съ «плавающими сапогами», но желающихъ не нашлось.

Итальянскій писатель сенаторъ Моранди, недавно напомнившій публикѣ этотъ эпизодъ изъ жизни Наполеона III на страницахъ римскаго «Diornale d'Italia», высказываетъ слѣдующее кажущееся достовѣрнымъ предположеніе:

Императоръ Наполеонъ III отличался пытливымъ умомъ и очень интересовался всяческими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, особенно же тѣми, которыя могли бы послужить военнымъ цѣлямъ. По его идеѣ было сооружено очень остроумное приспособленіе, родъ такъ называемаго па-дескафа. Человѣкъ, становившійся на двѣ маленькія лодочки, своею тяжестью погружалъ ихъ въ воду до такой степени, что для смотрящихъ издали лодочки эти были уже невидимыми, и имъ могло въ самомъ дѣлѣ казаться, будто человѣкъ просто-напросто ходитъ по водамъ, яко по суху. Повидимому,

Библиотека "Руниверс"

изобрѣтеніе Наполеона III было технически значительно выше другихъ аппаратовъ этого рода: по крайней мѣрѣ, онъ, дѣйствительно, двигался по поверхности воды, не прибѣгая къ помощи ни шеста, ни весла, тогда какъ всѣ другіе па-де-скафы разсчитаны были именно на примѣненіе въ качествѣ движущей силы весла или хоть шеста.

— Россини. — Вокругъ имени знаменитаго итальянскаго композитора Россини, автора «Севильскаго цирульника», создался цѣлый кругъ легендъ и анекдотовъ. Какъ водится, сплошь и рядомъ популярному во всѣхъ кругахъ общества композитору молва приписывала выходки и слова другихъ, взваливая на него коллективную отвѣтственность, но самъ Россини къ этому относился философски.

— Обо мнѣ столько наговорено и столько написано,—признавался онъ:— что я, сказать по правдѣ, и самъ съ толку сбился: не могу разобраться, гдѣ правда, а гдѣ выдумка!

Россини выступилъ въ качествѣ композитора совершенно молодымъ человѣкомъ, поразительно быстро пріобрѣлъ популярность, прославился и скоро разбогатѣлъ. Творилъ онъ съ удивительною легкостью и съ невѣроятною быстротою. Такъ, одна изъ лучшихъ его оперъ, «Севильскій цирульникъ», которая уже сто лѣтъ не сходитъ со сцены, была написана и оркестрована въ двѣ всего недѣли. Но, будучи совсѣмъ еще молодымъ и полнымъ силъ и свѣжести, Россини пересталъ сочинять музыку. На вопросъ извѣстнаго переводчика и либреттиста Андреа Маффеи о причинахъ этого явно преждевременнаго прекращенія творчества Россини отвѣтилъ:

— Дорогой мой другъ! видите ли, я создавалъ оперы, покуда идеи и музыкальныя темы буквально сами лѣзли ко мнѣ, навязывались мнѣ. Мнѣ не приходилось бѣгать за мелодіями, разыскивать ихъ. Ну, а потомъ я самъ замѣтилъ, что это уже проходитъ. Чтобы творить, нужно бѣгать за темами и разыскивать мелодіи. А я, знаете, и смолоду считался большимъ лѣнтяемъ, не любилъ хлопотать. Вотъ я и пересталъ писать, чтобы не утруждать себя!

За словомъ въ карманъ Россини не лазилъ и, зная себѣ цѣну, никогда не церемонился въ разговорѣ.

Какой-то молодой и очень богатый патрицій изъ Болоньи, музыкантъ и композиторъ-дилеттантъ, написалъ и поставилъ въ родномъ своемъ городѣ оперу. Постановка совпала съ пребываніемъ Россини въ Болоньѣ. Аристократъ-композиторъ одолѣвалъ Россини просьбами присутствовать на первомъ торжественномъ представленіи оперы. Какъ ни отказывался Россини,—пришлось согласиться. Опера имѣла успѣхъ. Россини разсѣянно слушалъ ее, но явно оживлялся, когда публика аплодировала и вызывала сіявшаго отъ удовольствія автора. Послѣ спектакля патрицій-композиторъ расщедрился и пригласилъ Россини и главныхъ исполнителей оперы на ужинъ, во время котораго держался настоящимъ павлиномъ и безъ умолку говорилъ о своей музыкальной работѣ, о планахъ на будущее и, главное, о блестящемъ успѣхѣ сегодняшняго спектакля и устроенныхъ ему болонскою публикою оваціяхъ. Наговорившись вдосталь, молодой фатъ чуть-чуть покровительственнымъ тономъ освѣдомился у Россини, почему тотъ съ нѣкотораго времени пересталъ писать.

Библиотека "Руниверс"

— Вѣдь вы, маэстро, тоже имѣли успѣхъ!

Россини, не моргнувъ, любезно отвѣтилъ амфитріону:

— Э, милѣйшій! Что подѣлаете?! Видѣли вы эту кучу ословъ и кретиновъ, которые апплодировали вашей оперѣ сегодня? Ну, стоитъ ли настоящему композитору работать для такой публики?!

Въ дни пребыванія Россини въ Парижѣ ему навязалъ свою дружбу князь Понятовскій, сынъ знаменитаго сподвижника Наполеона I. Понятовскій, богачъ, аристократъ, человѣкъ съ огромными связями въ правящихъ сферахъ, былъ страстнымъ меломаномъ и тоже увлекался созданіемъ оперныхъ вещей, выходившихъ крайне посредственными.

На первыхъ порахъ знакомства съ Россини аристократическій композиторъ-дилеттантъ относился къ настоящему, милостью Божіею композитору Россини достаточно почтительно и величалъ его не иначе, какъ титуломъ «дорогой учитель».

Нѣкоторое время спустя къ Понятовскому пришелъ двойной успѣхъ: онъ получилъ званіе сенатора Франціи и закончилъ давно начатую оперу. Это такъ окрылило его, что при первой же встрѣчѣ съ Россини Понятовскій вмѣсто того, чтобы назвать композитора «учителемъ» или «маэстро», обратился къ нему со словами:

— А-а, дорогой коллега! Какъ я радъ, что васъ вижу!

Россини отвѣтилъ:

— Какъ? Развѣ и меня сдѣлали сенаторомъ и вашимъ коллегою? А я, представьте, и не подозрѣвалъ этого!

Тамъ же, въ Парижѣ, Россини былъ приглашенъ къ августѣйшему дилеттанту въ музыкѣ—тогдашнему королю Португаліи. Португальскій монархъ вздумалъ показать свое искусство передъ композиторомъ и собственноручно исполнилъ нѣсколько отрывковъ изъ оперъ Россини, а потомъ освѣдомился у композитора, какъ ему нравится музыка.

— Что же?! — сказалъ Россини. — По совѣсти, для короля—совсѣмъ не такъ плохо! Впрочемъ, вѣдь, монархи вообще не отвѣтственны!

Какая-то французская герцогиня меломанка, пригласивъ Россини на интимный музыкальный вечеръ, добрый часъ играла на роялѣ сплошь однѣ Россиніевскія вещи. Наслушавшись вдосталь, композиторъ одобрилъ игру:

— Хорошо, хорошо! Даже удивительно хорошо! А... а скажите, ваша свѣтлость, чьи это вещи вы играли? Совершенно, знаете, незнакомыя для меня вещи.

Наполеонъ III очень симпатизировалъ тогда уже престарѣлому итальянскому маэстро. Однажды, посѣтивъ оперу, Наполеонъ изъ своей императорской ложи увидѣлъ Россини, который сидѣлъ въ оркестрѣ. Императоръ послалъ своего флигель-адъютанта пригласить маэстро въ императорскую ложу. Россини, который въ театръ явился для какихъ-то дѣловыхъ переговоровъ съ дирекціею, вовсе не разсчитывая получить аудіенцію у императора, былъ одѣтъ чуть ли не по-домашнему. Но отказываться послѣдовать приглашенію монарха не приходилось. И вотъ, явившись въ императорскую ложу, Россини принялся извиняться за свой костюмъ.

Библиотека "Руниверс"

— Э, полноте!—перебилъ его Наполеонъ III.—Я—императоръ Франціи. Вы—король оперы. Между царствующими особами—какія тамъ еще церемоніи?!

Россини чрезвычайно добродушно относился къ товарищамъ по работѣ. Эти товарищи, особенно же выдвинувшійся позже Россини Мейерберъ, далеко не были безупречны въ этомъ отношеніи.

Однажды, гуляя по Парижу вмѣстѣ съ извѣстнымъ музыкальнымъ итальянскимъ критикомъ Алессандро Бьяджи, Россини издали увидѣлъ шедшаго навстрѣчу Мейербера. Немедленно Россини сгорбился, сталъ прихрамывать и покашливать, а его лицо сдѣлалось лицомъ еле держащагося на ногахъ человѣка.

Мейерберъ подбѣжалъ къ старому маэстро, заискивающе улыбаясь, простирая къ Россини руки, и сталъ освѣдомляться о состояніи здоровья.

— Плохо, очень плохо, дорогой мой!—умирающимъ голосомъ отвѣтилъ Россини, еле выговаривая слова.

— Что такъ?—притворно испугался Мейерберъ.—Что съ вами, дорогой мой?

— Охъ!—стоналъ Россини.—Голова страшно кружится! Съ сердцемъ послѣднее время все что-то не ладится! Ноги служить отказываются! И, кромѣ того, знаете,—желудокъ! Ахъ, мой несчастный желудокъ! И потомъ эти боли вотъ тутъ и еще здѣсь...

Чѣмъ больше Россини расписывалъ свои болѣзни, тѣмъ ласковѣе становился съ нимъ Мейерберъ. Такой внимательный, такой заботливый, участливый, ну, совсѣмъ сынъ родной!

Распрощались, разстались. Бьяджи, когда Мейерберъ удалился, заявилъ искренно любимому имъ композитору:

— Что съ вами, дорогой маэстро? Если вамъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ плохо, то... то не вернуться ли намъ немедленно домой? И, странно, еще пять минутъ назадъ вы мнѣ говорили, что отлично себя чувствуете, а теперь...

— А теперь, — смѣясь заразительно веселымъ дѣтски-лукавымъ смѣхомъ, отвѣтилъ Россини,—я чувствую себя отлично!

— Да, но вы только что жаловались...

— Пустяки! Это я, видите ли, чтобы сдѣлать удовольствіе бѣдняжкѣ Мейерберу! Дѣло въ томъ, что онъ ждетъ и не дождется, когда я подохну! Ну, вотъ, я и притворился чуть ли не умирающимъ! Онъ, Мейерберъ, цѣлый день теперь будетъ счастливъ, думая, что я—при послѣднемъ издыханіи!

Человѣкъ уживчивый и уступчивый, Россини оказывался совершенно непримиримымъ, кагда рѣчь заходила объ искусствѣ, объ интересахъ театра.

Однажды въ Миланѣ, бывшемъ тогда подъ австрійскимъ владычествомъ, гостившій тамъ австрійскій эрцгерцогъ, обзаведясь любовницею, дамою съ весьма слабо развитыми голосовыми средствами, но съ весьма сильно развитыми формами тѣла, принялся навязывать свою фаворитку дирекціи знаменитаго миланскаго театра «Della Scalla», офиціальный титулъ котораго въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: театръ лѣстницы.

Библиотека "Руниверс"

Поймавъ Россини въ театрѣ, эрцгерцогъ попытался заручиться его всемогущею протекціею для своей фаворитки:

— Вы слышали, маэстро, какъ поетъ синьорина Эрмелинда? Вы видѣли ее? Ну, что? Ну, какъ вы находите? Вѣдь, правда же, она была бы какъ разъ на своемъ мѣстѣ въ «Театрѣ лѣстницы»?

— Да, да!—отвѣтилъ, невинно улыбаясь, Россини.—Только не въ «Театрѣ лѣстницы», а на лѣстницѣ театра, конечно! Каріатида изъ нея вышла бы восхитительная! И это для нея тѣмъ болѣе удобно, что ей и рта разѣвать не пришлось бы!

До конца жизни Россини не разставался съ полученными имъ въ подарокъ отъ французскаго короля Луи-Филиппа великолѣпными золотыми часами. Часы были со звономъ: вызванивали часы, четверти часа, минуты. Кромѣ того, при нажимѣ извѣстнаго штифта часы вызванивали подъ рядъ нѣсколько наиболѣе популярныхъ мелодій изъ оперъ Россини. Россини гордился часами и какъ подаркомъ монарха, и какъ дѣйствительно артистическою вещью огромной цѣнности и въ обществѣ любилъ похвастать ими. Много лѣтъ спустя послѣ полученія этихъ часовъ, когда дарителя уже не было на этомъ свѣтѣ, Россини въ какомъ-то кафе вертѣлъ свои часы и заставилъ ихъ вызванивать весь репертуаръ въ присутствіи одного незнакомаго ему пожилого господина. Незнакомецъ живо заинтересовался часами. Россини, дѣтски-тщеславный, пустился разсказывать исторію своей драгоцѣнности и предложилъ незнакомцу внимательнѣе осмотрѣть часы, какъ шедевръ часового искусства и ювелирнаго дѣла. Незнакомецъ былъ въ восторгѣ отъ часовъ Россини, а потомъ, закончивъ осмотръ и вдоволь наслушавшись звона ихъ, освѣдомился невиннѣйшимъ тономъ: достаточно ли знаетъ Россини свои часы?

— Ну, вотъ еще?!—возмутился Россини.—Мнѣ да не знать ихъ!

— Не скрываютъ ли часы какого-нибудь секрета? — освѣдомился незнакомецъ.

— Ничего подобнаго! Я вамъ все показалъ!

— Вы въ этомъ такъ увѣрены, что готовы побиться объ закладъ?

— Хоть на десять тысячъ!—запальчиво заявилъ Россини.—Какіе тамъ секреты?!

— Напримѣръ, неужели же въ часахъ нѣтъ вашего портрета, дорогой маэстро?

— Откуда ему тутъ взяться?

— Или, напримѣръ, не вызваниваютъ ли эти часы еще вашу знаменитую арію изъ «Моисея»?

— Ничего подобнаго!

— А я-таки готовъ поспорить! Ставлю десять тысячъ франковъ противъ самихъ часовъ, маэстро!

Россини запальчиво согласился. Незнакомецъ, загадочно улыбаясь, снова взялъ массивные часы Россини, нажалъ какой-то невѣдомый для Россини штифтъ, и, къ несказанному удивленію Россини, часы стали вызванивать знаменитую арію изъ «Моисея». Мало того, щелкнулъ замокъ, откинулась часть

Библиотека "Руниверс"

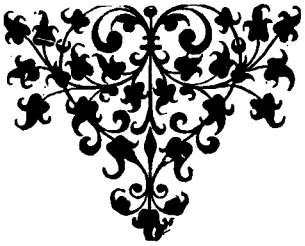
крышки, и Россини увидѣлъ свой собственный портретъ великолѣпной работы, далекихъ дней тріумфовъ въ Парижѣ и дружбы съ королемъ Франціи.

Пари было проиграно, и Россини съ горькимъ вздохомъ протянулъ незнакомцу проигранную драгоцѣнность, но тотъ отвѣтилъ:

— Было бы безсовѣстно отнять у васъ ту вещь, которою вы такъ дорожите!

— Но кто же вы, милостивый государь?!—возопилъ изумленный Россини.— Почему вы знаете относительно часовъ то, чего не зналъ я, владѣвшій часами столько лѣтъ?! Или вы, извините,—дьяволъ?

— Нѣтъ! Но я—человѣкъ, который изготовилъ эти часы по спеціальному заказу короля Франціи!



Библиотека "Руниверс"

СМѢСЬ.

СТОЛѢТІЕ совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества. По случаю исполнившагося столѣтія 16-го іюля состоялось торжественное засѣданіе императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ засѣданіи, помимо членовъ совѣта, принимали участіе также представители различныхъ учрежденій, приглашенныхъ совѣтомъ. Засѣданіе открылось рѣчью почетнаго попечителя общества, члена Г. Совѣта П. П. Кобылинскаго, который въ качествѣ предсѣдателя совѣта сдѣлалъ историческій очеркъ совѣта и объяснилъ причины, вызвавшія необходимость созданія этого органа. По окончаніи этой рѣчи послѣдовало чтеніе слѣдующей высочайшей грамоты: «Блаженныя памяти императоромъ Александромъ Благословеннымъ 16-го іюля 1816 года образованъ былъ совѣтъ императорскаго человѣколюбиваго общества, какъ для управленія ранѣе открытыми благотворительными заведеніями этого общества, основаннаго въ 1802 году, такъ и для распространенія круга его дѣйствій не только въ столицѣ, но и въ другихъ городахъ Имперіи, причемъ въ руководство совѣту преподано было высочайше утвержденное того же числа положеніе объ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, дѣйствующее съ нѣкоторыми позднѣйшими измѣненіями и до настоящаго времени. Въ первые годы своей дѣятельности совѣтъ, одушевленный стремленіемъ облегчать всѣ немощи и страданія, отъ рожденія до конца дней человѣка обременяющія, учредилъ въ Петроградѣ дома призрѣнія для воспитанія и обученія бѣдныхъ дѣтей, для дряхлыхъ и увѣчныхъ и для леченія больныхъ, а въ Москвѣ и другихъ городахъ образовалъ попечительные о бѣдныхъ комитеты, въ вѣдѣніи коихъ возникли разнообразныя благотво-

Библиотека "Руниверс"

рительныя заведенія. Постепенно развиваясь, дѣятельность совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества въ теченіе его столѣтняго существованія достигла широкихъ размѣровъ по числу открытыхъ имъ учрежденій, оказывающихъ бѣднымъ весьма значительную помощь почти во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой нужды. Высоко цѣня плодотворные труды совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества, Мы признаемъ справедливымъ въ сегодняшній знаменательный день исполнившагося столѣтія со времени его образованія изъявить Монаршую признательность Нашу всѣмъ, входящимъ въ составъ сего совѣта, за ихъ ревностное усердіе и безкорыстное служеніе святому дѣлу человѣколюбія. Да процвѣтаютъ и множатся подъ руководствомъ совѣта учрежденія императорскаго человѣколюбиваго общества и впредь, оправдывая тѣмъ довѣріе Наше къ совѣту, привлекая къ себѣ сочувствіе жертвователей и дѣятелей и осуществляя возложенныя на общество высокія благотворительныя задачи, столь близкія Нашему сердцу. Дана въ Царской ставкѣ, іюля въ 16-й день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестнадцатое, царствованія же Нашего въ двадцать второе». На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай». Чтеніе высочайшей грамоты было покрыто криками «ура» всѣхъ собравшихся. Затѣмъ было постановлено послать вѣрноподданническую благодарность Государю Императору, а также послать отвѣты на многочисленныя поздравленія, полученныя по телеграфу изъ провинціи. Въ заключеніе было отслужено молебствіе, послѣ котораго собравшимся былъ предложенъ чай.

Двухсотлѣтіе города Омска. 20-го іюля Омскъ праздновалъ 200-лѣтній юбилей своего существованія. Было совершено торжественное молебствіе на площади Ильинской церкви, что считается первою, заложенною во время основанія крѣпости, имѣвшей цѣлью сдерживать напоръ кочевниковъ. Теперь въ центрѣ города сохранились лишь каменныя ворота крѣпости и названіе административно-военной части города. Слабо развивался городъ до проведенія Великаго Сибирскаго пути: двадцать лѣтъ назадъ было около 37 тысячъ населенія, тогда какъ въ настоящее время болѣе 200 тысячъ. Изъ города чиновниковъ и солдатъ Омскъ съ американскою быстротою превратился, благодаря колонизаціи Сибири, въ крупный торгово-промышленный центръ и стоитъ на 13-мъ мѣстѣ по оборотамъ денежныхъ капиталовъ, т. е. выше Рыбинска, Саратова и Самары. Городъ можетъ гордиться, что его общественное самоуправленіе сдѣлало много для просвѣщенія,—нѣтъ отказа въ начальномъ образованіи и имѣется 13 среднихъ школъ, 10 спеціальныхъ, 47 начальныхъ, а городъ хлопочетъ о высшемъ сельскохозяйственномъ институтѣ. Сама окружающая дѣйствительность за основаніе такого института здѣсь. Омскъ въ центрѣ черноземнаго земледѣльческаго района. Уже имѣется громадное сельскохозяйственное училище. Лучшій показатель—это существованіе въ городѣ двадцати складовъ земледѣльческихъ и сельскохозяйственныхъ машинъ, паровыхъ мельницъ, заводовъ машинъ, кожевенныхъ, салотопенныхъ, маслобойныхъ заводовъ и проч. Государственные интересы вполнѣ оправдываютъ эти хлопоты города Омска. Общественное самоуправленіе въ память юбилея постановило

Библиотека "Руниверс"

учредить народный университетъ имени Петра Великаго, ассигновавъ единовременно 10 тысячъ руб. и на торгово-промышленную школу—5.000 р. Городская дума надѣется, что ассигнованія эти дойдутъ до желаемаго предѣла, необходимаго для учрежденія вышеназванныхъ школъ, съ новыми ассигнованіями города для народнаго университета по окончаніи войны,—что правительство учредитъ и необходимый сельскохозяйственный институтъ, привлекая въ богатый край культурныя силы. Во время торжественнаго собранія городской думы, послѣ рѣчи городского головы г. Морозова и историческаго очерка Омска, изложеннаго ген.-лейтенантомъ Катанаевымъ, были поднесены юбиляру-городу подарки на народный университетъ. Именно чиновникъ Дроздовъ тысячу рублей, купчиха Шанина двадцать пять тысячъ и купецъ Липатниковъ десять тысячъ. Итого 36 тысячъ на народный университетъ.

Литературно-Библіографическій институтъ. Гр. П. Н. Игнатьевымъ утвержденъ уставъ состоящаго въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія новаго общества, подъ названіемъ «Литературно-Библіографическій институтъ». Иниціаторами учрежденія общества являются проф. С. А. Венгеровъ и привлеченные имъ въ качествѣ учредителей подписавшіе уставъ академики, профессора и научные дѣятели: Ѳ. Д. Батюшковъ, Ѳ. Ф. Зелинскій, А. П. Кадлубовскій, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, И. И. Лапшинъ, Н. М. Лисовскій, В. Н. Перетцъ, П. Н. Сакулинъ, В. В. Сиповскій, А. А. Шахматовъ. Новое общество призвано замѣнить общественнымъ началомъ и коллективной работой то, что до сихъ поръ выполнялось единоличными силами проф. С. А. Венгерова. Институтъ продолжаетъ работу его по созданію учета русской духовной производительности и собранію свѣдѣній о всѣхъ русскихъ писателяхъ и ученыхъ, охватывая при этомъ работниковъ всѣхъ «ранговъ». Основныя задачи института, намѣченныя въ утвержденномъ уставѣ общества, состоятъ въ слѣдующемъ: «регистрировать все напечатанное на русскомъ языкѣ отдѣльными книгами и въ періодическихъ изданіяхъ послѣ 1912 года». Послѣдняя дата объясняется тѣмъ, что матеріалъ до 1912 года уже собранъ проф. С. А. Венгеровымъ, почему новому обществу остается продолжать регистраціонную работу только съ этого момента. Далѣе общество ставитъ своей цѣлью «собирать всякаго рода библіографическія записи, собирать книги и статьи по исторіи русской литературы, библіографическія пособія, произведенія писателей и художниковъ, періодическія изданія общаго значенія, собирать русскую литературную иконографію». Предусматривая дальнѣйшее развитіе института, уставъ предоставляетъ ему также право открывать отдѣленія въ другихъ городахъ, устраивать курсы по изученію русской литературы и для подготовки научно-образованныхъ библіографовъ и библіотекарей, устраивать доклады на литературныя темы, литературные вечера и съѣзды. Членами-учредителями считаются не только первые основатели института, но и всѣ вступившіе въ составъ общества до 1-го октября 1916 года, когда предполагается окончательное конституированіе его. Членами общества, по уставу, могутъ быть не только отдѣльныя лица, но и лица юридическія — общества, учебныя заведенія и всякаго рода организаціи, которыя участвуютъ въ дѣлахъ общества при посредствѣ особоуполномоченныхъ представителей.

Библиотека "Руниверс"

О путешествіи Аристотеля Фіоравенти на дальній сѣверъ Россіи[1]**).** 30-го апрѣля въ очередномъ засѣданіи комиссіи по изученію старой Москвы графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ прочиталъ интересный докладъ о знаменитомъ строителѣ московскаго Успенскаго собора Аристотелѣ Фіоравенти. Докладчикъ привелъ письмо Аристотеля изъ Москвы къ миланскому герцогу. Это письмо, хранящееся въ миланскомъ государственномъ архивѣ среди бумагъ дома Сфорца, слѣдующее: «Герцогу миланскому, свѣтлѣйшему князю и превосходительному господину моему, которому, гдѣ бы я ни жилъ, желаю служить всячески. Находясь снова въ великомъ государствѣ, въ городѣ сильнѣйшемъ, богатѣйшемъ и торговомъ, я выѣхалъ (отсюда) на 1.500 миль далѣе, до города, именуемаго Ксалауоко, въ разстояніи 5.000 миль отъ Италіи, съ единой цѣлью достать кречетовъ. Но въ этой странѣ путь верхомъ на лошади весьма медлителенъ, и я прибылъ туда слишкомъ поздно и не могъ уже достать бѣлыхъ кречетовъ, какъ того желалъ, но черезъ нѣсколько времени они у меня будутъ, бѣлые, какъ горностаи, сильные и смѣлые. Покамѣстъ черезъ подателя этого письма, моего сына, посылаю тебѣ, свѣтлѣйшій князь, двухъ добрыхъ кречетовъ, изъ которыхъ еще одинъ молодъ, и оба хорошей породы, а черезъ немного линяній они станутъ бѣлыми. Если твоей свѣтлости угодно имѣть великолѣпныхъ соболей, горностаевъ и медвѣдей, живыхъ или убитыхъ, могу тебѣ ихъ достать, сколько ни пожелаешь, такъ какъ здѣсь родятся и медвѣди и зайцы бѣлые, какъ горностаи. Когда я отправляюсь на такихъ звѣрей, между ними есть такіе, которые отъ страха бѣгутъ къ океану и прячутся подъ водою на 15—20 дней, живя тамъ подобно рыбамъ. Въ срединѣ лѣта въ продолженіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ солнце вовсе не заходитъ, и когда оно въ полночь на самой низкой точкѣ, то оно такъ же высоко, какъ у насъ въ 23 часа. Время коротко, коротко, и я не могу разсказать тебѣ многаго (а также всегда объ истинахъ, носящихъ личину лжи, лучше крѣпко сомкнуть уста, чтобы избѣгнуть безвиннаго позора). Я всегда бодръ и готовъ исполнить дѣло, достойное твоей славы, почтительнѣйше себя ей поручая. Дано въ Москвѣ 22-го февраля 1476 г. Твой слуга и рабъ Аристотель, архитекторъ изъ Болоньи, подписался». Принимая во вниманіе странное употребленіе Аристотелемъ буквы X на мѣсто S въ нѣкоторыхъ словахъ латинскаго корня, докладчикъ предполагаетъ, что названіе Xalauoho надо читать какъ Салавоко, и тогда оказывается, что Аристотель попалъ не въ Холмогоры, какъ подумалъ сначала самъ докладчикъ, и не въ Саламбалу, пригородъ Архангельска, какъ предположилъ одинъ изъ членовъ комиссіи, а въ Соловки, т. е. на Соловецкіе острова, гдѣ уже былъ скитъ съ поселеніемъ и былъ еще живъ преподобный Германъ, одинъ изъ его основателей. Форма Ксалавоко, если Аристотель придавалъ, паче чаянія, заглавной буквѣ значеніе икса, могла произойти отъ слышанныхъ Аристотелемъ отъ акающаго москвича словъ «къ Соловкамъ», а конецъ названія воко отъ словъ «до Соловокъ». Интересъ письма заключается въ томъ, что Аристотель лѣтомъ 1475 года ѣздилъ на дальній нашъ сѣверъ и, вѣроятно, даже былъ много сѣвернѣе Соловокъ, на Мурманскомъ берегу, такъ какъ онъ удостовѣряетъ, что

[1]) Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

Библиотека "Руниверс"

солнце въ полночь имѣло тамъ высоту надъ горизонтомъ не меньшую той, какая наблюдается въ Сѣверной Италіи за часъ до заката, и, вѣроятно, такую высоту, увеличенную рефракціею, видѣлъ самъ около половины іюня. Если положить послѣднюю высоту въ $2^1/_2{}^0$, то широта, до которой доходилъ Аристотель, будетъ 69^0, т. е. мѣстность близъ Колы, уже имѣвшей въ то время нѣкоторое населеніе. Разстояніе отъ Москвы, болѣе $2^1/_2$ тысячъ верстъ по вѣроятному пути Аристотеля, тоже согласуется съ приведенной имъ цифрой $1^1/_2$ тысячи итальянскихъ миль. Возможно допустить, что Аристотель, проникшій, какъ увидимъ, и много далѣе на сѣверъ, могъ видѣть и дотолѣ ему неизвѣстныхъ, спасающихся подъ водою моржей и бѣлыхъ медвѣдей, а также бѣлыхъ, какъ горностай, зайцевъ, и правдивость его въ этомъ отношеніи не должна подвергаться сомнѣнію. Докладчикъ пытается согласовать эти свѣдѣнія съ прибытіемъ Аристотеля въ Москву для постройки собора и представить нѣчто правдоподобное, за отсутствіемъ достовѣрнаго. Онъ предполагаетъ, что Аристотель, выѣхавъ изъ Италіи въ январѣ 1475 года, въ мартѣ уже прибываетъ въ Москву, знакомится здѣсь съ положеніемъ дѣла, въ теченіе одной недѣли сламываетъ и разбираетъ соборъ, строившійся три года, ищетъ глину, находитъ ее близъ Андроніева монастыря, гдѣ закладываетъ кирпичный заводъ. Но предстоитъ теперь рѣшить вопросъ, какого вида строить соборъ, и составить проектъ постройки. Съ тою же, вѣроятно, горячностью принимается Аристотель и за это новое для него дѣло. Вѣдь онъ знаетъ только итальянскія постройки, а надо изучить русскія. Въ тогдашней Москвѣ подходящихъ образцовъ нѣтъ, вѣроятно, что и обрушившійся храмъ былъ по виду мало удовлетворителенъ. Великій князь указываетъ на болѣе ему извѣстный Успенскій соборъ во Владимирѣ, но, вѣроятно, Іоаннъ III знаетъ по наслышкѣ и о новгородскихъ храмахъ и велитъ Аристотелю осмотрѣть все лучшее и годное. Аристотель пускается въ путь, можно думать, во второй половинѣ апрѣля, посѣщаетъ и срисовываетъ владимирскіе и суздальскіе храмы, черезъ Ростовъ, Ярославль, Вологду и Устюгъ Великій спускается по Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ къ Бѣлому морю, имѣя теперь въ виду добычу бѣлыхъ кречетовъ для миланскаго герцога, пересѣкаетъ Бѣлое море, зайдя по пути въ Соловки, пробирается дальше за кречетами по Кольскому полуострову, причемъ единственный способъ передвиженія—верхомъ на лошади по дебрямъ, и, какъ ни торопится, опаздываетъ и бѣлыхъ кречетовъ уже не находитъ; на Мурманскомъ берегу онъ охотится на моржей и бѣлыхъ медвѣдей, затѣмъ съ добытыми сѣрыми кречетами пускается въ обратный путь, вѣроятно, черезъ Соловки, и озернымъ путемъ, черезъ Повѣнецъ и Олонецкій край, попадаетъ въ Старую Ладогу, гдѣ ему могли указать на древній храмъ св. Георгія, а оттуда въ Великій Новгородъ, гдѣ онъ могъ основательно познакомиться съ памятниками русскаго зодчества. Обогащенный свѣдѣніями и рисунками, Аристотель возвращается въ Москву, быть можетъ, въ концѣ сентября и подробно докладываетъ великому князю. Іоаннъ III готовитъ тогда свой «мирный» пріѣздъ въ Новгородъ и, наслышавшись о Св. Софіи, беретъ, какъ полагаетъ докладчикъ, Аристотеля съ собой въ Новгородъ, гдѣ Аристотель еще подробнѣе изучаетъ и срисовываетъ храмъ и вмѣстѣ съ государемъ 8-го февраля возвращается въ Москву. Письмо и кречеты 22-го февраля отвозятся въ Ми-

Библиотека "Руниверс"

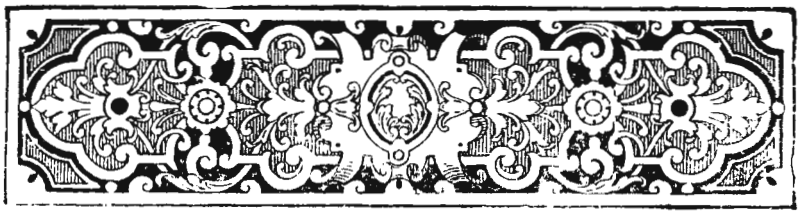
ланъ сыномъ Аристотеля. Здѣсь въ Москвѣ окончательно разрабатывается и составляется проектъ постройки, а 12-го мая 1476 года происходитъ закладка нынѣ существующаго Успенскаго собора. Большая простота стѣнныхъ пространствъ наружныхъ фасадовъ, а также оконъ, широкіе плоскіе полуквадратные устои-контрфорсы, концы наружныхъ стѣнъ, выступающіе за предѣлы угла, всѣ эти черты болѣе напоминаютъ св. Софію Новгородскую, чѣмъ Владимирскій Успенскій соборъ; отъ послѣдняго могли быть взяты способы посводнаго перекрытія и рельефные, романскіе столбики съ аркатурой. Кто знаетъ, круглые столбы внутри храма не являются ли плодомъ посѣщенія какой-нибудь древней деревянной церкви гдѣ-нибудь въ Кемьскомъ уѣздѣ или Олонецкомъ краѣ, въ родѣ церквей въ Вирмѣ и Каргополѣ. Такова, какъ можно ее вообразить, исторія проектированія Успенскаго собора. Постройка его шла быстро, матеріалъ успѣли заранѣе приготовить, и 11-го августа 1479 года состоялось освященіе нашего чуднаго соборнаго храма. Тѣмъ большая заслуга геніальнаго итальянца, что онъ сумѣлъ такъ скоро и прекрасно освоиться съ лучшими мотивами русской архитектуры, взятыми изъ разныхъ мѣстъ Россіи, что, глядя на Успенскій соборъ, нельзя догадаться, что его создалъ не русскій человѣкъ, а итальянецъ!

Къ почитателямъ поэзіи Лермонтова. (О Лермонтовскомъ Кавказскомъ музеѣ въ гор. Пятигорскѣ). Кавказское горное общество въ связи съ предстоящимъ воспоминаніемъ 75-лѣтія со дня Лермонтовской дуэли организуетъ въ Пятигорскѣ, въ домикѣ имени поэта «Лермонтовскій Кавказскій музей», примѣнительно къ идеѣ «Лермонтовъ и Кавказъ». Въ новомъ музеѣ предположено собрать: 1) разныя оставшіяся еще внѣ музеевъ реликвіи, 2) автографы поэта, 3) его собственноручные рисунки; 4) картины и снимки съ мѣстъ, связанныхъ вообще съ памятью поэта и въ особенности съ жизнью его на Кавказѣ; 5) старинные планы посѣщенныхъ имъ кавказскихъ городовъ и мѣстечекъ; 6) портреты имѣвшихъ къ нему отношеніе кавказскихъ дѣятелей; 7) всѣ до сихъ поръ вышедшія изданія лермонтовскихъ произведеній; 8) всю литературу о поэтѣ; 9) всѣ иллюстраціи къ его произведеніямъ, касающимся Кавказа; 10) всѣ музыкальныя переложенія его стиховъ и поэмъ; 11) всѣ драматическія произведенія на лермонтовскіе сюжеты; 12) всѣ снимки съ театральныхъ и кинематографическихъ лермонтовскихъ постановокъ (на сюжеты изъ кавказской жизни); 13) весь матеріалъ о различныхъ лермонтовскихъ торжествахъ; 14) въ особенности все то, что характеризуетъ жизнь поэта на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ и прошлое состояніе послѣднихъ; 15) все иллюстрирующее «Старое Пятигорье» (особый отдѣлъ). Осуществленіе этого проекта въ должномъ масштабѣ для Кавказскаго горнаго общества будетъ посильнымъ только въ томъ случаѣ, если лица и учрежденія, владѣющія лермонтовскими реликвіями, любезно согласятся предоставить музею ихъ въ даръ или на храненіе (или по крайней мѣрѣ сдѣлать съ нихъ для музея фотографическія или точно зарисованныя копіи), и если издатели и авторы соблаговолятъ прислать свои книги и статьи. Пересылка можетъ быть оплачена. Возможенъ обмѣнъ дубликатами. Возможна по предварительному договору минимальная оплата присылаемаго матеріала. При всѣхъ поступающихъ въ музей предметахъ отмѣ-

Библиотека "Руниверс"

чается имя приславшаго; желательны надписи дарителей; за наиболѣе цѣнныя пожертвованія возможно занесеніе на почетную доску; всѣ жертвователи записываются на почетный листъ и свѣдѣнія о нихъ хранятся въ музейномъ архивѣ. Книги располагаются въ выставочномъ порядкѣ и доступны для обозрѣнія. Надлежащее храненіе всѣхъ экспонатовъ обезпечено. Домикъ и музей считаются юридической собственностью города. Къ учрежденіямъ, организаціямъ и лицамъ, имѣющимъ возможность содѣйствовать пополненію музея, Кавказское горное общество симъ обращается съ просьбой о поддержкѣ. Лицъ, сочувствующихъ новому культурному начинанію, но не располагающихъ прямой возможностью помочь ему, общество призываетъ къ содѣйствію совѣтомъ или указаніемъ адресовъ, по которымъ было бы полезно послать обращеніе. Всякая помощь будетъ принята съ живѣйшей благодарностью. Все присылаемое и переписку просимъ направлять по адресу: Пятигорскъ, Кавказское горное общество, для Лермонтовскаго музея. Предсѣдатель Кавк. горн. о-ва А. П. Лорчъ. Предсѣдатель организаціоннаго комитета Д. М. Павловъ. P. S. Просьба къ газетамъ и журналамъ, коимъ настоящее обращеніе почему-либо не дослано, перепечатать его.

Библиотека "Руниверс"



НЕКРОЛОГИ.

ДРАКЕ, Л. Л. 11-го іюля скончался представитель военнаго вѣдомства въ петроградскомъ комитетѣ по дѣламъ печати и военный цензоръ генералъ-отъ-инфантеріи Людвигъ Людвиговичъ Драке. Покойный родился въ 1842 г. Онъ происходилъ изъ древняго англійскаго рода. Его прадѣдъ адмиралъ Дрейкъ (Drake), имя котораго носитъ въ настоящее время одно изъ боевыхъ судовъ англійскаго флота. Л. Л. окончилъ курсъ въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. Молодымъ офицеромъ онъ участвовалъ въ усмиреніи польскаго мятежа. По окончаніи курса Николаевской академіи генеральнаго штаба покойный руководилъ практическими занятіями слушателей Николаевской академіи, потомъ командовалъ Ярославскимъ пѣхотнымъ полкомъ, былъ помощникомъ начальника штаба виленскаго округа и окружнымъ дежурнымъ генераломъ штаба того же округа. Съ 1893 года онъ былъ начальникомъ штаба 13 армейскаго корпуса, затѣмъ состоялъ въ числѣ четырехъ генераловъ при главномъ штабѣ и съ 1897 г. въ теченіе двухъ лѣтъ былъ начальникомъ Павловскаго военнаго училища. Послѣ командованія 33 пѣхотной дивизіей покойный былъ назначенъ въ 1905 году командиромъ 21 армейскаго корпуса и готовился отправиться на манчжурскій театръ военныхъ дѣйствій, но начались мирные переговоры, 21 армейскій корпусъ остался въ Россіи. Въ 1906 г. покойный вышелъ въ отставку. Когда же началась война съ нѣмцами, онъ опредѣлился въ петроградскій комитетъ по дѣламъ военной цензуры. Перу покойнаго принадлежитъ множество статей военно-историческаго содержанія. Л. Л. былъ членомъ военно-историческаго общества и особенно инте-

Библиотека "Руниверс"

ресовался военной исторіей. Онъ объѣхалъ почти всѣ мѣста Европы, на которыхъ былъ крупныя сраженія. (Некрологъ его: «Новое Время» 1916 г., № 14495).

† Ивероновъ, И. А., профессоръ. 29-го іюля скоропостижно скончался 48 лѣтъ на ст. Академической Николаевской ж. д. директоръ московскаго сельскохозяйственнаго института профессоръ Иванъ Александровичъ Ивероновъ. Покойный окончилъ Константиновскій межевой институтъ въ 1887 г. межевымъ инженеромъ и остался при институтѣ для подготовки къ профессорской дѣятельности. Спеціальностью его были астрономія и геодезія. Для усовершенствованія въ этихъ наукахъ И. А. былъ командированъ институтомъ на Пулковскую обсерваторію, гдѣ работалъ 2 года въ качествѣ вычислителя и астронома-наблюдателя, затѣмъ принималъ участіе въ составленіи тригонометрической сѣти и въ точномъ нивеллированіи Колпино—Кронштадтъ. По возвращеніи изъ Петрограда покойный занялъ постъ астронома межевого института и оставался здѣсь до 1908 года, причемъ одновременно читалъ студентамъ курсъ высшей геодезіи, а затѣмъ способъ наименьшихъ квадратовъ. Съ открытіемъ въ 1896 году московскаго сельскохозяйственнаго института И. А., не порывая съ межевымъ институтомъ, вступилъ въ профессорскую коллегію сельскохозяйственнаго института. Здѣсь онъ постепенно былъ: сначала адъюнктъ-профессоромъ, затѣмъ профессоромъ по каѳедрѣ геодезіи и, наконецъ, съ 1909 года—выборнымъ директоромъ. Покойный былъ выдающимся ученымъ въ области геодезіи и практической астрономіи. Помимо учебныхъ статей, докладовъ и рефератовъ, разбросанныхъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества», «Запискахъ военно-топографическаго управленія», «Трудахъ топографо-геодезической комиссіи», «Извѣстіяхъ межевого и сельскохозяйственнаго институтовъ», онъ издалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ научныхъ работъ. Заслуженной извѣстностью пользуются: «Теорія геодезическихъ инструментовъ», «Способъ наименьшихъ квадратовъ», «Низшая геодезія». Занимаясь съ увлеченіямъ теоретической разработкой геодезическихъ и астрономическихъ вопросовъ, И. А. въ то же время не оставлялъ безъ вниманія практической стороны дѣла. Во многихъ русскихъ городахъ, подъ его руководствомъ, производились точныя работы, съемочныя и нивеллировочныя. Напечатаны работы покойнаго по съемкѣ городовъ: Серпухова, Звенигорода, Клина, Симферополя. Подъ его руководствомъ производились опредѣленія разности долготъ Москва—Звенигородъ, и произведены наблюденія надъ качаніями маятника въ окрестностяхъ Звенигорода. Покойный состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Съ 1906 года состоялъ предсѣдателемъ топографо-геодезической комиссіи при императорскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, былъ предсѣдателемъ общества межевыхъ инженеровъ. Въ 1905—1906 годахъ появились статьи И. А. по аграрному вопросу. Въ послѣдніе годы И. А., несмотря на массу занятій, находилъ время преподавать геодезію на Голицынскихъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ и, кромѣ того, состоялъ приватъ-доцентомъ императорскаго московскаго университета. Смерть застала И. А. въ то время, когда онъ былъ полонъ различныхъ начинаній. Онъ принялъ энергичное участіе въ устройствѣ сельскохозяйственныхъ колоній

Библиотека "Руниверс"

для малолѣтнихъ дѣтей, налаживалъ курсы по огнестойкому строительству при сельскохозяйственномъ институтѣ, приступилъ къ практическому осуществленію средняго учебнаго заведенія для подготовки техниковъ по огнестойкому строительству. И. А. оставилъ глубокій слѣдъ вездѣ, гдѣ онъ работалъ: и въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ ученыхъ, и въ профессіональныхъ обществахъ. (Некрологъ его: «Русское Слово» 1916 г., № 177.)

† Илличъ-Свитычъ, В. С. Послѣ медленнаго и мучительнаго трехлѣтняго угасанія 21-го іюля въ Кіевѣ сошелъ въ могилу на 63-мъ году жизни Владиславъ Станиславовичъ Илличъ-Свитычъ. Родился покойный въ Могилевѣ губ. въ 1853 г. Не окончивъ гимназіи, В. С. поступилъ вольнослушателемъ въ кіевскій университетъ. Это было въ 70-хъ годахъ. Охваченный господствовавшими тогда идеями, В. С. бросилъ университетъ и «идетъ въ народъ». Въ то время строилась очаковская крѣпость, и юноша отправился туда и поступилъ простымъ рабочимъ. Здѣсь его арестовали и отправили въ Николаевъ и затѣмъ въ Херсонъ. Изъ херсонской тюрьмы Илличъ-Свитычъ бѣжалъ въ Одессу, гдѣ сошелся съ кружкомъ Ковальскаго. По извѣстному процессу Ковальскаго покойный былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги. Отбывъ наказаніе на Карѣ, В. С. былъ сосланъ на поселеніе въ Якутскую область. Изъ Якутской области въ началѣ 90-хъ годовъ его переводятъ въ Иркутскъ, гдѣ онъ принялъ дѣятельное участіе въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе». Затѣмъ нѣкоторое время онъ работалъ во Владивостокѣ въ газетѣ «Дальневосточный Вѣстникъ» и въ Никольскѣ-Уссурійскомъ. Въ началѣ 900-хъ годовъ В. С. пріѣхалъ въ Петроградъ гдѣ работалъ въ газетѣ «Новости». Въ 1905 г. газета прекратила свое существованіе, и В. С. отправился въ Кіевъ. Проработавъ въ Кіевѣ въ «Кіевскихъ Откликахъ» сравнительно недолго, В. С. переѣхалъ въ Екатеринославъ, куда его пригласили въ качествѣ редактора въ «Приднѣпровскій Край». Но и здѣсь В. С. оставался недолго. Его пригласили въ Минскъ въ качествѣ редактора и соиздателя «Минскаго Голоса». Но жизнь въ небольшомъ провинціальномъ городѣ не могла его удовлетворить, его тянуло въ умственные центры, и лѣтомъ 1909 г. онъ опять пріѣхалъ въ Кіевъ. Надорванное всѣмъ тяжелымъ прошлымъ здоровье не позволяло ему заняться серьезной газетной работой, и онъ принималъ участіе въ «Кіевской Мысли» лишь въ качествѣ техническаго работника. Покойный выпустилъ въ началѣ 900-хъ годовъ книгу «Старый молитвенникъ»—изящное произведеніе, имѣвшее въ свое время успѣхъ и встрѣтившее очень лестную оцѣнку критики. Въ 1905 г. В. С. напечаталъ брошюру «Въ каменномъ мѣшкѣ». Изъ другихъ его работъ, разбросанныхъ въ газетахъ и журналахъ, отмѣтимъ воспоминанія о Ковальскомъ («Былое», VIII, 1906 г.). Въ началѣ 1913 г. здоровье покойнаго настолько ухудшилось, что онъ принужденъ былъ совсѣмъ оставить работу въ газетѣ. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль» 1916 г., № 204).

† Казанли, Н. И. Въ ночь съ 22-го на 23-го іюля скончался отъ грудной жабы композиторъ Николай Ивановичъ Казанли, авторъ оперы «Миранда», поставленн й нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1909 г.) на Маріинской сценѣ. Покойный родился въ 1869 г. въ Харьковской губ., обучался музыкѣ въ музыкальной школѣ одесскаго общества изящныхъ искусствъ. Еще будучи юнкеромъ

Библиотека "Руниверс"

Михайловскаго артиллерійскаго училища и страстно любя искусство, онъ попалъ въ кружокъ Балакирева, гдѣ познакомился съ представителями «новой русской школы», имѣвшими на него большое вліяніе, хотя и странно, что онъ впослѣдствіи культивировалъ не русскую музыку, какъ можно было бы ожидать, а взялся за отдаленный отъ насъ средневѣковой рыцарскій сюжетъ. Объяснить это можно пребываніемъ его за границей подолгу. Въ 1890 г., когда онъ вышелъ въ офицеры, Н. И. поступилъ въ петроградскую консерваторію по классу Римскаго-Корсакова, которую окончилъ съ званіемъ свободнаго художника, послѣ чего сталъ заниматься подъ руководствомъ Іогансена, не оставляя, однако, и совѣтовъ своего перваго профессора. Самостоятельная его дѣятельность начинается въ Германіи, гдѣ онъ неоднократно выступалъ въ качествѣ дирижера въ Мюнхенѣ, Берлинѣ и Прагѣ. Въ особенную заслугу слѣдуетъ ему поставить дирижированіе произведеній русскихъ авторовъ, а главное—ознакомленіе иностранцевъ съ «Русланомъ и Людмилой». Познакомивъ съ этой оперой почти цѣликомъ, хотя и въ концертномъ видѣ, мюнхенцевъ въ 1899 г., Н. И. въ слѣдующимъ году повторилъ этотъ же концертъ въ Берлинѣ. Это дѣйствительно серьезная заслуга. Затѣмъ дѣятельность его проявляется на композиторскомъ и педагогическомъ поприщахъ, хотя карьера его была собственно военная: служилъ въ управленіи военно-учебныхъ заведеній и имѣлъ наблюденіе за постановкой музыкальнаго образованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Композиторскіе его труды немногочисленны сравнительно за періодъ его дѣятельности; пробовалъ онъ свои силы въ разныхъ областяхъ творчества, но главнымъ образомъ писалъ онъ оркестровыя вещи; извѣстны его симфонія и симфоньетта, двѣ баллады—«Русалка» и «Леонора» для пѣнія съ оркестромъ, переложенія листовскихъ фортепіанныхъ пьесъ «Prosalizio» и «Je Pensieroso» для оркестра, нѣсколько романсовъ и названная выше опера «Миранда». (Некрологъ его: «Голосъ Руси» 1916г., № 907).

† Клейгельсъ, Н. В. 22-го іюля въ санаторіи Рауха въ Финляндіи скончался отъ паралича сердца генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Н. В. Клейгельсъ. Покойный родился въ 1851 г. и получилъ образованіе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, откуда онъ былъ выпущенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ. Въ 1888 г. онъ промѣнялъ кавалерійскій мундиръ на полицейскій и былъ назначенъ варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Въ 1895 г. Н. В. былъ назначенъ петроградскимъ градоначальникомъ. Точно такъ же, какъ передъ тѣмъ въ Варшавѣ, Клейгельсъ задумалъ обратить Петроградъ въ сплошной садъ. Полицейскими мѣрами домовладѣльцы принуждены были къ насажденію на улицахъ и у тротуаровъ деревьевъ, такъ какъ градоначальнику не удалось добиться, чтобы на городское самоуправленіе была возложена обязанность украшать городскія улицы деревьями. Черезъ годъ большая часть деревьевъ погибла, и полиція снова по распоряженію градоначальника приказала домовладѣльцамъ заняться садоводствомъ. По почину Н. В. въ Петроградѣ была основана полицейская школа, и при «Вѣдомостяхъ Градоначальства» было учреждено бюро печати. Всѣ нововведенія и реформы покойнаго градоначальника всегда требовали большихъ

Библиотека "Руниверс"

денежныхъ затратъ. Послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Петроградѣ генералъ Клейгельсъ былъ назначенъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ, на каковомъ посту оставался до 1905 г. Послѣднія десять лѣтъ покойный былъ не у дѣлъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1916 г., № 200).

† Кояловичъ, М. М. Въ Ялтѣ послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался 18-го іюля писатель-журналистъ Михаилъ Михаиловичъ Кояловичъ. Покойный принималъ близкое участіе въ «Новомъ Времени» не только какъ сотрудникъ, но и какъ фактическій редакторъ, выпускавшій газету чаще всего въ лѣтнее время. М. М. — сынъ извѣстнаго профессора—по окончаніи курса въ петроградскомъ университетѣ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ посвятилъ себя всецѣло журналистикѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ сталъ работать въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ покойнаго В. Г. Авсѣенка. Онъ писалъ разнообразныя статьи по вопросамъ внутренней политики и маленькіе фельетоны на злобу дня. Когда въ 1896 году аренда «Петроградскихъ Вѣдомостей» перешла къ кн. Э. Э. Ухтомскому, покойный, по приглашенію Б. В. Гея, перенесъ свою журнальную работу въ «Новое Время». Сперва онъ писалъ статьи на злобу дня, затѣмъ ему было поручено веденіе внутренняго провинціальнаго отдѣла, который онъ и велъ до 1904 года. Одновременно покойный былъ помощникомъ редактора и занимался по вечерамъ выпускомъ газеты. Потомъ онъ перешелъ въ газету «Русь», а затѣмъ въ «Биржевыя Вѣдомости». Какъ писатель-публицистъ, М. М. отличался не только талантомъ, но и замѣчательной отзывчивостью и работоспособностью. Онъ могъ работать круглыя сутки не отдыхая. Въ своихъ многочисленныхъ, почти ежедневныхъ статьяхъ и провинціальныхъ обзорахъ онъ разрабатывалъ вопросы общественной, городской и земской жизни, оживилъ въ «Новомъ Времени» внутренній отдѣлъ, писалъ разсказы. По наслѣдству ему досталась богатѣйшая переписка его отца профессора М. О. Кояловича съ выдающимися русскими людьми Западнаго края. Покойный разобралъ эту переписку и воспользовался многими темами для своихъ разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ: «Юдиѳь съ береговъ Двины», «Отставка диктатора» и другіе были напечатаны въ «Новомъ Времени», затѣмъ были выпущены отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «За кулисами исторіи». М. М. принялъ видное участіе въ организаціи вспомогательной и сберегательной кассы сотрудниковъ «Новаго Времени» и съ 1898 г. въ теченіе шести лѣтъ былъ ея первымъ казначеемъ. Скончался М. М. 57 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1916 г., № 14501).

† Кржижановскій, Н. Л.[1]) Неожиданно скончавшійся 28-го іюня въ Баку капитанъ 1 ранга Николай Людовиковичъ Кржижановскій принадлежалъ къ выдающимся по уму и образованію офицерамъ русскаго флота. Послѣ русско-японской войны судьба этого человѣка сложилась для него крайне неблагопріятно, почему онъ и не имѣлъ случая проявить въ полной мѣрѣ свои блестящія способности. Родился покойный въ 1878 г. На морскую службу онъ былъ зачисленъ въ 1894 году. Въ 1897 г., окончивъ курсъ Морского училища, былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Молодымъ офицеромъ прини-

[1]) Сообщилъ А. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

Библиотека "Руниверс"

малъ участіе въ военныхъ событіяхъ въ Китаѣ въ 1900 г. Въ 1904 г. окончилъ курсъ морской академіи и въ чинѣ лейтенанта участвовалъ въ 1904—1905 гг. въ тяжеломъ походѣ на Дальній Востокъ эскадры адмирала З. П. Рожественскаго. Состоя въ числѣ флагъ-офицеровъ послѣдняго, онъ совершилъ переходъ вокругъ Африки на флагманскомъ броненосцѣ «Князь Суворовъ». По пути успѣшно исполнялъ особыя порученія своего адмирала по снабженію эскадры. На борту «Суворова» Н. Л. вмѣстѣ со своими товарищами перенесъ всю тяжесть боя при Цусимѣ, въ которомъ уцѣлѣлъ совершенно случайно. Имя его упоминается не разъ въ извѣстной книгѣ «Расплата» Вл. И. Семенова. По возвращеніи вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ японскаго плѣна Н. Л. сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ подводнаго флота и службѣ въ немъ посвятилъ всѣ свои силы. Пройдя солидную практическую подготовку, онъ въ 1907—1910 гг. состоялъ командиромъ сперва одной изъ первыхъ нашихъ подводныхъ лодокъ, затѣмъ другой, тогда еще строившейся. По поводу недостатковъ организаціи въ то время еще только зарождавшагося у насъ подводнаго флота покойный выступилъ въ печати съ блестящей статьей «Развитіе и роль подводнаго флота при современныхъ условіяхъ войны», появившейся въ 1910 г. въ московскомъ изданіи В. П. Рябушинскаго «Великая Россія». Въ началѣ 1911 г. Н. Л. былъ уволенъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ напечаталъ еще нѣсколько статей въ московской газетѣ «Утро Россіи», которыя обнаружили несомнѣнный публицистическій талантъ, большую зрѣлость мысли и прозорливость автора. Состоя, ради необходимаго заработка, на частной службѣ (въ первомъ русскомъ страховомъ обществѣ), покойный зачислился въ то же время вольнослушателемъ въ технологическій институтъ, чтобы дополнить свое военное образованіе свѣдѣніями по инженерному дѣлу. Но, какъ только вспыхнула настоящая великая война, онъ прервалъ не оконченный еще курсъ института и опять вернулся во флотъ, горя желаніемъ послужить родинѣ на одной изъ тѣхъ боевыхъ единицъ, въ силу которыхъ онъ особенно вѣрилъ. Обстоятельства сложились, однако, иначе, и онъ, прослуживъ болѣе года въ сферѣ военныхъ дѣйствій, скончался на берегу Каспійскаго моря, гдѣ былъ назначенъ командиромъ одного изъ нашихъ военныхъ судовъ. Умеръ онъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и способностей, въ возрастѣ всего лишь 38 лѣтъ, въ сторонѣ отъ той отрасли морского дѣла, которой отдавалъ лучшія свои силы.

† Лебедевъ, И. А. 6-го августа, въ день Преображенія утромъ, въ 9 часовъ, скончался на 71 году жизни отъ рака въ желудкѣ извѣстный московскій общественный дѣятель, инспекторъ городскихъ училищъ, товарищъ головы, лекторъ московскаго университета И. А. Лебедевъ, долголѣтній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей». И. А. родился 27-го марта 1846 года и былъ сынъ придворнаго священника Верхоспасскаго собора. Выпущенный изъ университета со степенью кандидата въ 1867 году, И. А. началъ педагогическую службу въ качествѣ преподавателя исторіи во владимірской гимназіи, а съ 1870 года—въ VI и V московскихъ гимназіяхъ, причемъ въ скоромъ времени по переводѣ въ Москву былъ приглашенъ въ московскій университетъ для преподаванія латинскаго языка студентамъ юридическаго факультета. Несмотря на многіе уроки и лекціи, ему въ скоромъ

Библиотека "Руниверс"

времени удалось написать большое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Послѣдняя борьба балтійскихъ славянъ противъ онѣмеченія» (М. 1875—1876 г. г., двѣ части), защитить свой трудъ на степень магистра исторіи въ кіевскомъ университетѣ (1878 г.) и получить званіе приватъ-доцента въ родномъ университетѣ. Съ 1882 года предъ И. А. открылось болѣе широкое поприще для продолженія педагогической дѣятельности: онъ былъ избранъ въ члены московской городской управы для завѣдыванія училищнымъ отдѣленіемъ. Съ той поры покойный въ теченіе шестнадцати лѣтъ руководилъ дѣломъ народнаго образованія въ городскихъ школахъ Москвы и успѣлъ хорошо ознакомиться съ обширнымъ веденіемъ хозяйства столичной думы. Вотъ почему, какъ опытный думскій дѣятель, онъ былъ выбранъ съ 1898 года на должность товарища городского головы и состоялъ въ этомъ званіи до ноября 1905 года, когда, по собственному желанію, покинулъ городскую службу, оставаясь въ послѣдніе годы жизни членомъ совѣта московскаго дворянскаго женскаго института и почетнымъ мировымъ судьей. Кромѣ магистерской диссертаціи, И. А. принадлежали еще два научные труда: «Крестовый походъ нѣмцевъ на славянъ въ 1147 году», («Русскій Вѣстникъ» 1873 г., кн. 11) и «Киръ и паденіе Вавилона по клинообразнымъ надписямъ» (М. 1882 г., 4+43 стр.,) «Очеркъ жизни и дѣятельности Н. А. Найденова» (М. 1915 г., выпускъ первый, VI+88 стр.) и цѣлый рядъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», какъ, напримѣръ: «О днѣ рожденія Гоголя» (1909 г., № 34), «Денежное хозяйство Москвы» (№№ 253 и 283), «Ужасъ смерти графа Л. Н. Толстого» (1910 г., № 264), «Тяжесть налога на домовладѣніе» (1911 г., № 254), «Ревизія московского городского хозяйства» (1912 г., № 82), «О новомъ зданіи для городской думы въ Москвѣ» (№ 193), «Да возсіяетъ крестъ на Святой Софіи» (№ 289), «Къ вопросу о выборахъ московскаго городского головы» (1913 г., № 53), «Пятидесятилѣтіе московскаго городского общественнаго управленія» (№ 83) и «Третьяковская галлерея» (№ 282). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1916 г., 183).

† Линдъ, В. Н. Въ Москвѣ скончался на 72 году жизни извѣстный тверской земскій дѣятель и публицистъ Василій Николаевичъ Линдъ. Покойный началъ свою земскую дѣятельность, будучи членомъ извѣстнаго бакунинскаго кружка, что, конечно, не могло не наложить отпечатка на весь его нравственный обликъ. Наибольшее вліяніе на В. Н. оказалъ младшій изъ братьевъ Бакуниныхъ, Алексѣй Александровичъ. Въ 1876 году, во время сербско-турецкой войны, В. Н. пошелъ въ Сербію добровольцемъ. Въ 1904 г. покойный принималъ близкое участіе въ земскомъ движеніи. В. Н. много писалъ и переводилъ. Статьи его печатались въ «Русск. Вѣд.», «Русск. Мысли» и въ «Земск. Дѣлѣ». Въ концѣ 90-хъ и въ началѣ 900-хъ годовъ покойный В. Н. занялся книгоиздательской дѣятельностью. Въ компаніи съ другими лицами онъ организовалъ въ Москвѣ издательство «Книжное Дѣло», выпустившее рядъ крупныхъ (преимущественно переводныхъ) произведеній. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1916 г., № 207).

† Порѣцкій, С. А. 6-го мая скончался скоропостижно отъ паралича сердца, вызваннаго продолжительнымъ переутомленіемъ, преподаватель петроградской гимназіи Мая Сергѣй Александровичъ Порѣцкій. Покойный родился 5-го іюля 1860 г. въ гор. Павловскѣ, образованіе получилъ въ гимназіи К. Мая

Библиотека "Руниверс"

и петроградскомъ университетѣ, который кончилъ въ 1884 г. кандидатомъ естественныхъ наукъ. Въ 1897 г. былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ революціонной партіи и, хотя это не было доказано, ему пришлось послѣ 8-мѣсячнаго заключенія отправиться въ ссылку, гдѣ онъ пробылъ годъ, пока его не выручила болѣзнь, благодаря которой онъ получилъ возможность вернуться на родину. Вынужденный оставить педагогическую дѣятельность, С. А. отдался литературной работѣ, главнымъ образомъ популяризаціи естествознанія, особенно ботаники, и сотрудничалъ главнымъ въ образомъ московскомъ книгоиздательствѣ «Посредникъ». Въ 1905 г. С. А. переѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ поступилъ на службу въ ревизіонную комиссію городского общественнаго управленія и завѣдывалъ ревизіей городскихъ школъ. Въ 1907 г. началъ преподавать естествознаніе въ гимназіи К. Мая, гдѣ оставался до своей смерти, которая застала его на педагогическомъ посту. Изъ многочисленныхъ популярно-научныхъ трудовъ С. А. можно отмѣтить слѣдующіе: «Зеленый міръ», «Бесѣды о жизни растеній», «На волѣ и дома», «Наблюденія природы на прогулкахъ и въ комнатахъ», «Какъ растенія защищаются отъ своихъ враговъ» и др. Кромѣ того, покойный С. А. издалъ много книгъ въ переводѣ и переработкѣ въ той же области, велъ библіографическіе отдѣлы по естествознанію въ различныхъ дѣтскихъ журналахъ и участвовалъ въ большомъ коллективномъ трудѣ «О дѣтскихъ книгахъ», въ качествѣ составителя рецензій и редактора естественно-историческаго отдѣла. За послѣдніе годы С. А. была написана и издана брошюра «Собираніе растеній и составленіе гербарія» и, кромѣ того, онъ былъ занятъ составленіемъ наглядныхъ пособій для преподаванія курса ботаники. Въ жизни С. А. былъ простымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ и педагогомъ, чуткимъ и стойкимъ гражданиномъ до конца дней своихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи на многочисленныхъ вѣнкахъ, возложенныхъ на его гробъ отъ преподавателей и учащихся гимназіи К. Мая, отъ василеостровскаго общества борьбы съ дороговизной, отъ книгоиздательства «Посредникъ», отъ сослуживцевъ по ревизіонной комиссіи и др. (Некрологъ его: «Вѣстникъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ» 1916 г., № 3).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ романѣ «У чужихъ алтарей» въ августовской книжкѣ вкрались досадныя опечатки. На стр. 177 напечатано: «князя Островскаго» вмѣсто Острожскаго и на стр. 286—«Вольфа»—вм. Вольтера.

Библиотека "Руниверс"

Кое-гдѣ торговцы запирали свои лавки. Но толпы, недавно заливавшей всю площадь, хвостовъ около хлѣбныхъ вѣсовъ, бѣлыхъ кокардъ уже не было. Это меня удивило. Недоумѣніе мое продолжалось, однако, всего одну минуту: тишина, которая царствовала между высокими стѣнами переулка, стала смѣняться какимъ-то глухимъ, тяжелымъ шумомъ, словно волны били о песчаный берегъ.

Я прибавилъ ходу и въ одну минуту былъ уже у порога гостиницы. Сердце у меня билось сильно, когда я быстро поднимался по лѣстницѣ.

Въ гостиницѣ не было ни души: весь домъ, казалось, вымеръ. Я никого не видѣлъ, никого не слышалъ. Наконецъ я добрался до комнаты, въ которой засѣдалъ комитетъ, и вошелъ въ нее. Здѣсь, хотя и была жизнь, но также царило безмолвіе.

За столомъ еще сидѣло съ полдюжины членовъ комитета. Увидѣвъ меня, они вдругъ вздрогнули, какъ люди, которыхъ застали за дѣломъ, котораго они сами стыдятся. Одни изъ нихъ продолжали сидѣть, положа локти на столъ, другіе нагнулись другъ къ другу и о чемъ-то шептались на ухо. Я замѣтилъ, что всѣ они были блѣдны и мрачны. Несмотря на то, что снаружи свѣтило яркое солнце и было очень жарко, меня невольно бросило въ холодъ и на душѣ стало сумрачно.

Отца Бенедикта не было, но Бютонъ былъ еще здѣсь. Тутъ же были нотаріусъ, торговецъ овощами, два мелкихъ дворянина, одинъ изъ священниковъ и наконецъ Дюри. Послѣдній былъ блѣденъ, какъ полотно, и на всей его фигурѣ лежалъ отпечатокъ ужаса. Я могъ бы думать, что никто изъ нихъ еще не знаетъ того, что случилось, однако, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, я сейчасъ же понялъ, что имъ извѣстно все и о дуэли и о буйствѣ и даже больше, чѣмъ мнѣ самому. Многіе изъ нихъ, встрѣтившись со мной взглядомъ, поспѣшили отвернуться отъ меня.

— Что случилось?—спросилъ я, останавливаясь между дверью и столомъ.

— А вы не знаете?

— Нѣтъ,—пробормоталъ я, пристально глядя на нихъ.

— Развѣ вы не присутствовали при дуэли?—спросилъ Бютонъ.

— Присутствовалъ,—нервно отвѣчалъ я.—Но что же изъ этого? Я видѣлъ, какъ маркизъ спокойно отправился домой, и полагалъ, что толпа разсѣялась. Однако...—заговорилъ я опять, прислушиваясь.

— Однако вы слышите шумъ даже отсюда?—продолжалъ Бютонъ, глядя на меня въ упоръ.

— Да, и я боюсь, что они производятъ разныя безчинства.

— И мы боимся того же,—сухо отвѣчалъ кузнецъ, облокачиваясь на столъ и опять взглядывая на меня.—Это весьма возможно.

Тутъ я понялъ все. Я поймалъ взглядъ Дюри, который напрасно старался, чтобы я его не замѣтилъ, и понялъ все. Гулъ отдаленной

Библиотека "Руниверс"

толпы дѣлался все сильнѣе и сильнѣе и, по мѣрѣ того, какъ онъ возрасталъ, лица сидѣвшихъ за столомъ становились все серьезнѣе, губы у нихъ начинали дрожать и сами собой сжимались все крѣпче и крѣпче.

— Боже мой!—воскликнулъ я, чувствуя, что я невольно начинаю дрожать.—Неужели же никто не пойдетъ и не прекратитъ безпорядковъ? Неужели вы хотите оставаться здѣсь въ то время, какъ эти демоны будутъ дѣлать свою разрушительную работу? Въ то время, какъ дома будутъ разграблены, а дѣти и женщины...

— А почему бы и не такъ?—отрывисто спросилъ Бютонъ.

— Какъ почему бы и не такъ?

— Да, да, почему бы и не такъ?—строго переспросилъ онъ.

Я видѣлъ, что онъ держалъ всѣхъ остальныхъ въ своихъ рукахъ и они не смѣли бы сдѣлать ничего, если бы онъ не захотѣлъ.

— Мы собрались сюда для того, чтобы поддержать общественное спокойствіе и принять мѣры къ тому, чтобы и другіе его соблюдали. Но ваши бѣлыя кокарды, ваши дворяне, ваши офицеры безъ солдатъ не захотѣли этого. Я говорю это вовсе не для того, чтобы обидѣть васъ, г. виконтъ. Они рѣшили перебить насъ, ну, и пускай теперь получатъ хорошій урокъ. Да, г. виконтъ,—продолжалъ онъ, твердо оглядывая сидящихъ за столомъ,—доставшаяся ему власть удивительно измѣнила его:—да, пусть народъ въ теченіе получаса дѣйствуетъ, какъ онъ знаетъ, а тамъ...

— Народъ?—вскричалъ я.—Да развѣ всякіе негодяи, бродяги, арестанты, нищіе и каторжники—народъ?

— Это безразлично,—промолвилъ онъ, хмурясь.

— Но вѣдь это будетъ убійствомъ!

Два-три члена комитета какъ-то съежились и съ испугомъ взглянули на меня, но кузнецъ только плечами пожалъ. Я все еще не терялъ надежды предотвратить несчастіе, хотѣлъ было перейти къ угрозамъ, даже къ мольбамъ. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ раскрыть ротъ, человѣкъ, стоявшій около самаго окна, поднялъ руку, требуя молчанія: шумъ и крики толпы какъ-то сразу заглохли, и въ наступившей тишинѣ ясно послышался рѣзкій выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. И вдругъ все это покрылось ревомъ толпы, явственнымъ и полнымъ угрозы.

— Боже мой!—закричалъ я, дрожа и срываясь съ мѣста:—я не могу больше выносить этого! Неужели никто не хочетъ вмѣшаться? Должны же быть здѣсь какія-нибудь власти! Долженъ же быть кто-нибудь, чтобы обуздать этихъ каналій! Предупреждаю васъ, что потомъ они перерѣжутъ горло и вамъ! И вамъ, господинъ нотаріусъ, и вамъ, Дюри.

— Былъ у насъ одинъ человѣкъ, да и тотъ теперь убитъ,—отвѣчалъ Бютонъ.

Остальные члены комитета мрачно расхаживали по комнатѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Неужели среди васъ только и нашелся одинъ человѣкъ?

— Они убили его, пускай считаются и съ послѣдствіями этого,— рѣзко сказалъ Бютонъ.

— Они убили!—закричалъ я въ гнѣвѣ.—Но и вы это дѣлаете. Я утверждаю, что вы пользуетесь этимъ отребьемъ, чтобы свести счеты съ вашими личными врагами. Впослѣдствіи они сведутъ счеты и съ вами!

Никто не отвѣчалъ мнѣ. Всѣ старались не смотрѣть на меня. Я понялъ, что, что бы я ни говорилъ, мнѣ не удастся подѣйствовать на нихъ. Не говоря ни слова, я повернулся и бросился по лѣстницѣ внизъ. Я зналъ или, по крайней мѣрѣ, угадывалъ, куда направилась толпа и откуда неслись крики.

Добравшись до площади, я повернулъ по направленію къ дому Сентъ-Алэ и пустился бѣгомъ по спокойнымъ улицамъ, мимо оконъ, въ которыхъ виднѣлись любопытныя женщины, мимо столпившихся тамъ и сямъ прохожихъ. Всѣ смѣялись, глядя на меня, а у меня въ ушахъ все еще стоялъ ужасный гулъ толпы.

Они грабили домъ маркиза де-Сентъ-Алэ! Но вѣдь тамъ мадемузель! Тамъ ея мать!

Мысль о нихъ пришла мнѣ въ голову слишкомъ поздно. Но зато я уже не могъ теперь избавиться отъ нея. Неужели я рисковалъ своей жизнью и вырвалъ ее изъ рукъ озвѣрѣвшихъ мужиковъ только для того, чтобы она попала въ руку обезумѣвшаго городского отребья?

Эта мысль приводила меня въ ужасъ, и я бѣжалъ, что было силъ. Разстояніе отъ собора до дома Сентъ-Алэ было не больше полверсты, но оно казалось мнѣ безконечнымъ. Мнѣ казалось, что прошелъ цѣлый вѣкъ прежде, чѣмъ я, запыхавшись, добѣжалъ до периферіи толпы и, заглядывая черезъ море головъ, старался разглядѣть, что произошло впереди. Толпа еще не успѣла овладѣть положеніемъ. Она заполнила всю улицу по обѣ стороны отъ дома Сентъ-Алэ, но пространство противъ самаго дома, откуда раздавались выстрѣлы, было еще свободно. Время отъ времени изъ толпы выдѣлялся человѣкъ или кучка людей и, пробѣжавъ по этому пустому пространству къ подъѣзду, старалась взломать дверь топорами, ломами и даже голыми руками. Но изъ-за спущенныхъ шторъ бойницеобразныхъ оконъ каждый разъ вылеталъ дымокъ—одинъ, другой, третій—и люди падали, обагряя кровью камни, и бѣжали назадъ.

То было страшное зрѣлище. Несмотря на свое дикое бѣшенство, толпа, ревѣвшая отъ ярости всякій разъ, какъ падалъ кто-нибудь изъ ея вожаковъ, не рѣшалась пока бросаться къ дому всей массой и такимъ образомъ овладѣть имъ. Къ ея шуму и гаму примѣшивались стоны раненыхъ и трескотня выстрѣловъ. Это мятежники, у которыхъ тоже были ружья, забравшись въ дома напротивъ, палили оттуда по окнамъ Сентъ-Алэ. Не знаю почему, но заходившее уже

Библиотека "Руниверс"

солнце, высокіе бѣлые дома, стоявшіе по обѣ стороны улицы, наконецъ самая красота этой мѣстности,—все это только увеличивало ужасъ этого зрѣлища. Я бѣжалъ сюда, готовый рисковать всѣмъ, но теперь я колебался, не могъ себѣ представить, неужели это Кагоръ, тотъ небольшой тихій городокъ, который я зналъ всю свою жизнь. Неужели въ немъ могло произойти нѣчто подобное? Нѣтъ, это казалось мнѣ просто тяжелымъ сномъ.

Но такъ могло казаться какую-нибудь минуту, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ я бросился въ толпу, рѣшившись во что бы то ни стало пробиться черезъ нее и добраться до свободнаго мѣста. Какъ я это сдѣлаю, я этого самъ не зналъ

Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку и крѣпко держалъ меня, стараясь остановить. Я обернулся, чтобы отвѣтить на это насиліе ударомъ, — я былъ почти внѣ себя. Оказалось, что около меня стоялъ отецъ Бенуа. Я не могъ удержаться и вскрикнулъ отъ радости, а онъ, что было силы, тащилъ меня изъ толпы.

Его лицо было блѣдно, и на немъ ясно можно было прочесть ужасъ и огорченіе. Я былъ чрезвычайно радъ, что встрѣтился здѣсь съ нимъ.

— Вы можете еще что-нибудь сдѣлать!—кричалъ я ему въ ухо и крѣпко держа его за руку.—Комитетъ не хочетъ вмѣшиваться! Это равносильно убійству! Развѣ вы сами не видите, что дѣлается?

— Что я могу тутъ сдѣлать?—вздохнулъ онъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой.

— Заговорите съ ними.

— Заговорить съ ними? Неужели вы думаете, что люди, впавшіе въ безуміе, будутъ васъ слушать? Кто же рѣшится теперь заговорить съ ними? Да и гдѣ это сдѣлать? Это невозможно, невозможно. Они убили бы собственныхъ отцовъ, если бы тѣ вздумали теперь стать между ними и ихъ мщеніемъ.

— Что же вы въ такомъ случаѣ намѣрены дѣлать? — раздраженно вскричалъ я.

Отецъ Бенуа покачалъ головой. Я понялъ, что онъ не собирается дѣйствовать, и раздраженіе охватило меня еще сильнѣе.

— Вы должны что-нибудь сдѣлать. Вы спустили дьявола съ цѣпи, вы же должны и укротить его! Значитъ, это и есть та свобода, о которой вы толковали намъ? Это, значитъ, и есть тотъ самый народъ, который вы такъ защищали? Отвѣчайте же мнѣ, что вы теперь будете дѣлать?—кричалъ я, свирѣпо тряся его за руку.

Отецъ Бенедиктъ закрылъ лицо руками.

— Господи, помоги намъ,—глухо произнесъ онъ.

Въ первый разъ въ жизни я посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и... гнѣвомъ.

— Господь помогаетъ только тѣмъ, кто умѣетъ помочь себѣ

Библиотека "Руниверс"

самъ!—закричалъ я внѣ себя.—Вы вызвали все это. Вы! Вы! Теперь поправляйте дѣло!

Онъ дрожалъ и молчалъ. Не испытывая тѣхъ чувствъ, которыя одушевляли меня, онъ совершенно упалъ духомъ.

— Теперь поправляйте дѣло!—въ бѣшенствѣ твердилъ я.

— Я не могу итти къ нимъ,—пробормоталъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я проложу дорогу для васъ,—безумно закричалъ я.—Слѣдуйте за мной! Слышите этотъ трескъ? Хорошо, мы сами тоже примемъ участіе въ немъ.

Грянулъ цѣлый залпъ, стволовъ изъ десяти. Мы не могли видѣть ни его результата, ни того, что происходило передъ нами. Слышенъ былъ только глухой ревъ толпы.

Я крикнулъ отцу Бенедикту, чтобы онъ не отставалъ отъ меня, и бросился въ самую толчею.

Онъ опять схватилъ меня за руку и съ очевиднымъ упорствомъ хотѣлъ меня остановить.

— Идите черезъ домъ! Черезъ домъ съ противоположной стороны,—бормоталъ онъ мнѣ въ самое ухо.

Я еще не потерялъ самообладанія и, понявъ, что онъ говоритъ, не могъ не согласиться съ нимъ. Онъ повелъ меня въ сторону. Мы выбрались изъ толпы и поспѣшили по боковой улицѣ и скоро достигли задняго двора зданія, которое стояло какъ разъ напротивъ дома Сентъ-Алэ. Мы не первые воспользовались этой дорогой: нѣкоторые наиболѣе предпріимчивые изъ бунтовщиковъ предвосхитили эту мысль и этимъ путемъ добрались до оконъ, черезъ которыя и стрѣляли въ Сентъ-Алэ. Ворота и входныя двери были открыты настежь, и изъ дома неслись возбужденные крики и ругательства вломившихся въ него людей. Мы, впрочемъ, не пошли къ нимъ. Я направился въ первую попавшуюся дверь и, пройдя мимо группы женщинъ и дѣтей, жавшихся въ страхѣ другъ къ другу,—вѣроятно, это были жильцы этого дома,—я вышелъ черезъ парадную дверь прямо на улицу.

Два или три человѣка грубаго вида, съ закопченными лицами, стрѣляли изъ оконъ нижняго этажа. Одинъ изъ нихъ обернулся и посмотрѣлъ на меня, когда я проходилъ мимо нихъ. Онъ крикнулъ мнѣ, чтобы я не трогался съ мѣста, прибавивъ съ ругательствомъ, что, если я выйду на улицу, аристократы тотчасъ же убьютъ меня. Но въ возбужденіи своемъ я не обратилъ на это никакого вниманія и, быстро отворивъ дверь, очутился на улицѣ—одинъ-одинешенекъ, среди свободнаго отъ толпы пространства. По обѣимъ сторонамъ отъ меня, шагахъ въ пятидесяти стояли плотные ряды народа, а прямо передо мной возвышался бѣлый фасадъ дома Сентъ-Алэ.

Передъ ставнями его оконъ вился легкій дымокъ отъ выстрѣловъ.

Толпа, увидя меня одного, смолкла и съ изумленіемъ глядѣла на меня. Я поднялъ руку. Кто-то выстрѣлилъ разъ, другой: пули

Библиотека "Руниверс"

просвистѣли надъ моей головой. На противоположной сторонѣ отъ зеленыхъ ставней полетѣлъ внизъ порядочный осколокъ. Кто-то изъ толпы крикнулъ, чтобы не стрѣляли, и въ одну секунду настала полная тишина. Поднявъ руку, я стоялъ посрединѣ двухъ тяжело дышавшихъ массъ и долго не могъ заговорить съ народомъ, не могъ найти подходящихъ словъ.

Послышался глухой ропотъ, и я поспѣшилъ начать свою рѣчь.

— Жители кагорскіе!—закричалъ я.—Во имя трехцвѣтнаго знамени, остановитесь!

И, дрожа отъ волненія, повинуясь только обстоятельствамъ, я медленно перешелъ черезъ улицу къ крыльцу осажденнаго дома и, вынувъ изъ своей петлицы трехцвѣтную кокарду, на глазахъ у всѣхъ прикрѣпилъ ее къ ручкѣ дверей. Потомъ я повернулся спиной къ дому.

— Этотъ домъ,—закричалъ я изо всѣхъ силъ,—этотъ домъ я взялъ въ свои руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ находится. Я сдѣлалъ это отъ имени націи и кагорскаго комитета. Тѣ, которые находятся внутри его, будутъ преданы суду, и правосудіе совершится надъ ними. А васъ я прошу расходиться. Идите съ миромъ по домамъ своимъ, а комитетъ...

Я не могъ кончить фразы: при словѣ комитетъ надъ самой моей головой грянулъ выстрѣлъ, и отъ стѣны противоположнаго дома упалъ кусокъ штукатурки. Этотъ выстрѣлъ какъ будто освободилъ связанныя было чувства толпы, и вопль негодованія огласилъ воздухъ. Всѣ свистали и, указывая на меня, кричали:

— На фонарь его! На фонарь предателя!

Словно какой-то невидимый потокъ хлынулъ сзади: толпа съ обѣихъ сторонъ вдругъ ринулась впередъ и, докатившись плотной массой до самыхъ дверей, насѣла на меня.

Я ожидалъ, что вотъ-вотъ меня разорвутъ на части. Но вмѣсто этого меня какъ-то оттѣснили въ сторону и забыли. Въ одну минуту я былъ какъ бы поглощенъ этой бушующей, кипящей массой людей, которые въ безпорядкѣ бросались на крыльцо и, ослѣпленные припадкомъ бѣшенства, неосторожно наносили раны другъ другу. Люди, раненые раньше, были растоптаны ногами: никто не обращалъ вниманія на ихъ вопли. Изъ дома раздались два выстрѣла, свалившіе двоихъ изъ нападавшихъ. Но давка была такъ велика, что никто даже не замѣтилъ, какъ упали раненые: ихъ также раздавили.

Я прижался къ желѣзной рѣшеткѣ, которая была по бокамъ крыльца и, укрывшись отъ давки за колонной подъѣзда, старался не оторваться отъ этого мѣста. Впрочемъ, двинуться куда-нибудь было очень трудно. Нужно было стоять среди этой бѣснующейся толпы и дожидаться развязки.

Она не заставила себя долго ждать. Первыя двери, разбитыя и расшатанныя, подались, и люди, бывшіе впереди, были втолкнуты

Библиотека "Руниверс"

задними въ образовавшееся отверстіе. Но внутренняя дверь еще держалась. Скоро и она упала подъ ударами нападающихъ.

Я бросился въ хлынувшій въ дверь потокъ. Нѣсколько человѣкъ впереди меня были смяты, и я несся однимъ изъ первыхъ.

У меня была надежда опередить другихъ и поскорѣе попасть въ верхнія комнаты, чтобы, если не спасти мадемуазель, то хоть умереть, сражаясь за нее. Я уже заразился самъ настроеніемъ толпы, и кровь во мнѣ такъ и бурлила.

Однако, когда мы достигли лѣстницы, нашимъ глазамъ представилось зрѣлище, заставившее всѣхъ остановиться

На лѣстницѣ одинъ-одинешенекъ стоялъ Гонто. Онъ спокойно смотрѣлъ на вторгнувшуюся толпу и улыбался.

Но въ этой улыбкѣ виднѣлось не обычное его легкомысліе, а сознательное мужество касты, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ видѣлъ, какъ пѣна захлестывала тотъ міръ, который онъ любилъ и уважалъ. Онъ зналъ, что смерть ждетъ его тамъ внизу, черезъ семь ступеней,—и улыбался. Повѣсивъ свою тонкую шпагу на руку, онъ барабанилъ пальцами по своей табакеркѣ и смотрѣлъ на насъ внизъ.

— Что, ребята,—заговорилъ онъ:—вы хотите попасть на висѣлицу?

Сначала никто не трогался съ мѣста: появленіе старика и его безстрашіе подѣйствовали даже на самыхъ подлыхъ.Смущенные его взглядомъ, они молча таращили на него глаза.

Онъ первый пришелъ въ движеніе. Спокойнымъ жестомъ, словно на дуэли, онъ схватился за рукоятку своей шпаги.

— Ну,—промолвилъ онъ съ гнѣвомъ и горечью:—зачѣмъ вы пришли сюда? Вы хотите погубить свою душу? Извольте, я помогу вамъ сдѣлать это.

Эти слова разрушили создавшееся было впечатлѣніе. Съ десятокъ оборванцевъ съ крикомъ бросились къ нему. Я видѣлъ, какъ блестящая узкая шпага сверкнула разъ-другой. Кто-то упалъ и покатился прямо подъ ноги своимъ товарищамъ. Потомъ я видѣлъ, какъ поднялся и опустился на это улыбающееся лицо желѣзный брусъ. Безъ крика, безъ стона старикъ упалъ, гдѣ стоялъ. Послышался цѣлый градъ ударовъ, и черезъ секунду онъ былъ уже мертвъ.

Все это произошло очень быстро, и я не могъ вмѣшаться. Потомъ цѣлый потокъ людей, испуская страшные крики, хлынулъ черезъ трупъ по лѣстницѣ. Я бросился за ними. Направо и налѣво видны были запертыя двери. Они быстро взломали ихъ и разбѣжались по богато обставленнымъ комнатамъ, разрушая въ припадкѣ злобы все, что попадалось имъ по пути,—вазы, статуи, картины, зеркала. Съ крикомъ тріумфа они ворвались въ гостиную, которая въ теченіе цѣлыхъ поколѣній видѣла лишь одну красивую сторону жизни, и стучали своими ногами по блестящему паркетному полу, по которому издавна мягко вились лишь дамскіе шлейфы. Все, что

Библиотека "Руниверс"

было имъ непонятно, сбрасывалось и уничтожалось. Въ одно мгновеніе дивное венеціанское зеркало было разбито вдребезги, картины проткнуты и испорчены, книги выброшены изъ окна на улицу.

Съ перваго взгляда я понялъ, что осажденные не здѣсь, не въ этихъ комнатахъ, и я бросился впередъ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступеней. Но другіе уже успѣли опередить меня. Обогнувъ лѣстницу, я увидѣлъ троихъ оборванцевъ, которые стояли, согнувшись, около двери и прислушивались. Прежде, чѣмъ я успѣлъ добѣжать до этой двери, одинъ изъ нихъ выпрямился и закричалъ:

— Они здѣсь! Я слышалъ женскій голосъ!

И онъ размахнулся ломомъ, чтобы ударить въ дверь.

— Стой!—закричалъ я такимъ голосомъ, что онъ невольно вздрогнулъ и опустилъ свое оружіе.—Стой! Именемъ комитета я приказываю вамъ оставить въ покоѣ эту дверь. Остальная часть дома въ вашемъ распоряженіи. Идите и грабьте.

Оборванцы взглянули на меня съ изумленіемъ.

— Чортъ побери,—зашипѣлъ одинъ изъ нихъ.—Кто вы такой?

— Я представитель комитета.

Онъ выругалъ меня и поднялъ было руку.

— Стой! Назадъ!—закричалъ я въ ярости.—Назадъ, иначе вы всѣ будете повѣшены!

— Ого! аристократъ!—бросилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ и поднялъ голосъ.—Сюда, товарищи, сюда! Аристократъ, аристократъ!—вопилъ онъ.

На его зовъ бросилось съ полдюжины. Въ одно мгновеніе я оказался окруженнымъ свирѣпыми лицами съ злыми глазами—отребьемъ, вынырнувшимъ съ самаго дна городскихъ подонковъ. Они не замедлили бы наложить на меня свою руку, если бъ я, не помня себя отъ ярости, не бросился самъ на человѣка съ ломомъ и, вырвавъ его у него изъ рукъ, не повергъ его на полъ.

Въ этой борьбѣ я потерялъ равновѣсіе и споткнулся. Не успѣлъ я оправиться, какъ одинъ изъ нападавшихъ ударилъ меня по головѣ деревяннымъ башмакомъ. Этотъ ударъ оглушилъ меня, однако у меня еще было силы выпрямиться. Не теряя времени, я бросился на нихъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и на одно мгновеніе очистилъ отъ нихъ площадку передъ дверью. Но голова у меня кружилась. Все мнѣ представлялось въ какомъ-то красномъ туманѣ, фигуры шатались передо мной. Я не могъ больше соображать и только слышалъ, какъ кругомъ меня раздавался громкій смѣхъ. Кто-то дернулъ меня за камзолъ. Я обернулся. И въ эту минуту получилъ страшный ударъ—чѣмъ, не знаю до сихъ поръ, и упалъ замертво.

Библиотека "Руниверс"

II.

Дѣло плохо.

Стоялъ августъ, и листья каштановъ были еще зелены, когда произошелъ разгромъ дома Сентъ-Алэ и я упалъ замертво. Ясени уже сбросили листья, а дубы только покраснѣли, когда я сталъ опять приходить въ себя. Но еще много дней прошло, пока я пересталъ быть только животнымъ—ѣсть, пить, спать и видѣть отца Бенедикта около моей постели. Однако въ самомъ концѣ ноября настало все-таки время, когда проснулся и умъ, хотя тѣ, кто ухаживалъ за мной, уже потеряли на это всякую надежду. Встрѣчаясь глазами съ добрымъ кюре, я видѣлъ, какъ онъ отворачивался и радостно всхлипывалъ.

Черезъ недѣлю я зналъ уже все, что произошло въ эту удивительную осень, пока я лежалъ пригвожденный къ своему одру. Избѣгая событій, которыя касались меня слишкомъ близко, отецъ Бенедиктъ разсказалъ мнѣ о Парижѣ, о тѣхъ двухъ мѣсяцахъ подозрѣній и нерѣшительности, которыя возникли послѣ взятія Бастиліи, о томъ времени, когда предмѣстья Парижа, едва сдерживаемыя Лафайеттомъ и его національной гвардіей, ревниво стерегли Версаль, гдѣ засѣдало національное собраніе. Онъ не скрылъ отъ меня и скудость продовольствія, царившую въ Парижѣ, и постоянно возникавшіе слухи о томъ, что дворъ готовитъ нападеніе на собраніе. Разсказалъ онъ мнѣ и о злосчастномъ банкетѣ, который былъ устроенъ королевой и послужилъ искрой, взорвавшей мину. Отъ него же я узналъ и о шествіи женщинъ на Версаль 5 октября, которыя принудили короля и національное собраніе вернуться въ Парижъ и, сдѣлавъ короля плѣнникомъ въ его собственномъ дворцѣ, положили конецъ періоду колебаній.

— А дальше что было?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Вѣдь, теперь у насъ уже 20 ноября.

— Съ тѣхъ поръ не произошло ничего особеннаго. Есть только нѣкоторые признаки.

— Чего?

Онъ серьезно покачалъ головой.

— Всѣ поступаютъ въ національную гвардію. Даже здѣсь въ Керси отрядъ, который хотѣлъ сформировать капитанъ Юзъ, достигъ теперь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Всѣ, конечно, вооружены. Затѣмъ отмѣнено право охоты, и теперь охотиться можетъ каждый. Многіе изъ дворянъ эмигрировали.

— Кто же теперь управляетъ страной?

— Муниципалитеты, а гдѣ ихъ нѣтъ,—комитеты.

При словѣ «комитеты» я не могъ не улыбнуться.

— А какъ вашъ комитетъ?

Библиотека "Руниверс"

— Я не принимаю въ немъ участія, — отвѣчалъ онъ, видимо, смутившись.—Сказать по правдѣ, они ужъ слишкомъ быстро идутъ впередъ. Но я долженъ сказать вамъ нѣчто еще болѣе прискорбное.

— Что такое?

— Четвертаго августа собраніе отмѣнило десятину въ пользу церкви, а въ началѣ этого мѣсяца было предложено конфисковать всѣ церковныя имущества. Теперь, вѣроятно, это уже рѣшено.

— Что же духовенству умирать теперь съ голоду?—воскликнулъ я съ негодованіемъ.

— Какъ-нибудь устроятъ,—отвѣчалъ, онъ грустно улыбаясь.— Духовенству будетъ платить государство, пока это будетъ ему угодно.

Вскорѣ онъ ушелъ. Я лежалъ, попрежнему поглядывая въ окно и стараясь представить себѣ міръ, въ которомъ безъ меня произошли такія перемѣны. Вошелъ Андрэ, неся для меня бульонъ. Сильная струя жизни, ворвавшаяся въ мою комнату вмѣстѣ съ новостями, сразу повысила мой аппетитъ и вселила въ меня рѣшительное отвращеніе къ лекарствамъ и микстурамъ.

Я замѣтилъ Андрэ, что бульонъ недостаточно крѣпокъ. Старика это какъ будто обидѣло.

— Что же тутъ можно подѣлать,—заворчалъ онъ.—Чего тутъ ждать, когда аренду едва платятъ, половина голубей убито на голубятнѣ, а во всей округѣ не найдешь и одного зайца? Когда всѣ начнутъ охотиться и ловить силками, а портные и кузнецы гарцовать на лошадяхъ и даже со шпагами на боку въ то время, какъ дворянство бѣжитъ или прячется въ своихъ постеляхъ, немудрено, что и бульонъ будетъ недостаточно крѣпокъ! Если вамъ угодно болѣе крѣпкаго бульона, то надо бы завести корову...

— Ну, ну, ну!—перебилъ я его, хмурясь, въ свою очередь.— Что слышно о Бютонѣ?

— Вы говорите о капитанѣ Бютонѣ?—съ усмѣшкой спросилъ старый слуга.—Онъ теперь въ Кагорѣ.

— А кто подвергся наказанію за... за разгромъ дома Сентъ-Алэ?

— Теперь никто не подвергается наказанію,—рѣзко отвѣчалъ Андрэ.—Развѣ иногда повѣсятъ какого-нибудь мельника, да и то потому, что хлѣбъ дорожаетъ.

— Стало быть, и Жанъ Маленькій...

— Онъ уѣхалъ въ Парижъ. Вѣроятно, онъ теперь ужъ капитанъ или даже полковникъ.

И, выпаливъ въ меня такимъ предположеніемъ, старикъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ меня въ ярости. Хотя я и не рѣшался спрашивать его обо всемъ, но одно мнѣ непремѣнно хотѣлось знать. Мнѣ хотѣлось освободиться отъ мучившаго меня страха.

Я гдѣ-то читалъ, что лихорадка выжигаетъ любовь и что человѣкъ встаетъ съ одра болѣзни, поборовъ не только свою болѣзнь, но

Библиотека "Руниверс"

и свою страсть, съ которой онъ раньше не могъ справиться. Но со мной этого не случилось. Съ тѣхъ поръ, какъ охватившее меня безпокойство, самъ не знаю за что, стало принимать реальныя формы, я то и дѣло видѣлъ передъ собой на зеленомъ пологѣ моей кровати знакомое дѣтское лицо—то заплаканное, то грустно смотрѣвшее и какъ бы призывавшее меня. Мысль о Денизѣ уже не выходила изъ моего очнувшагося мозга.

На другой день это безпокойство было, впрочемъ, устранено. Отецъ Бенедиктъ рѣшился покончить съ этимъ вопросомъ, котораго, очевидно, прежде намѣренно избѣгалъ.

— А вы такъ и не спросите, что произошло послѣ того, какъ вы упали, — заговорилъ онъ слегка колеблясь.—Вы помните что-нибудь?

— Все помню,—со стономъ отвѣчалъ я.

Онъ облегченно вздохнулъ. Онъ, кажется, опасался, что въ моемъ мозгу еще не все въ порядкѣ.

— А вы такъ ничего и не спросите?

— Да поймите, наконецъ, могу ли я спрашивать?—закричалъ хрипло.

Охваченный волненіемъ, я было приподнялся на своей постели, но сейчасъ же долженъ былъ опуститься назадъ.

— Развѣ вы не понимаете, что я не спрашивалъ оттого, что все еще надѣялся? Но разъ вы заговорили, то не мучьте меня больше... Скажите мнѣ все, все...

— Я могу сообщить вамъ только хорошія вѣсти,—весело промолвилъ кюре, очевидно, желая съ первыхъ же словъ разогнать мой страхъ.—Самое худшее вы знаете сами. Бѣдный г. Гонто былъ убитъ на лѣстницѣ. Онъ былъ слишкомъ старъ и не могъ спастись бѣгствомъ. Остальные, вплоть до послѣдняго слуги, бѣжали по крышамъ сосѣднихъ домовъ.

— И спаслись?

— Да. Мятежъ въ городѣ бушевалъ нѣсколько часовъ, но имъ все-таки удалось скрыться. Кажется, они совсѣмъ уѣхали отсюда.

— А вы знаете, гдѣ они теперь?

— Нѣтъ. Со времени безпорядковъ я не видалъ никого изъ нихъ. Но, бывая то въ одномъ домѣ, то въ другомъ, я слышалъ о нихъ. Въ серединѣ октября уѣхали и Горенкуры. Маркизъ де-Сентъ-Алэ съ семьей уѣхалъ, кажется, вмѣстѣ съ ними.

Отъ этихъ вѣстей мнѣ стало такъ легко на душѣ, что нѣкоторое время я лежалъ молча.

— Больше вы ничего не знаете?—спросилъ я наконецъ.

— Ничего.

Но и этого для меня было довольно.

Когда онъ пришелъ навѣстить меня еще разъ, я уже могъ пройтись съ нимъ по террасѣ. Послѣ этого я сталъ поправляться быстро.

Библиотека "Руниверс"

Я сталъ, однако, замѣчать, что по мѣрѣ того, какъ силы возвращались ко мнѣ, настроеніе отца Бенедикта становилось все печальнѣе и печальнѣе. Лицо его приняло какое-то угрюмое выраженіе, и онъ большею частью молчалъ. Когда я спросилъ однажды, что съ нимъ такое, онъ отвѣтилъ, вздохнувъ:

— Плохо дѣло. Плохо. И я, прости, Господи, виноватъ въ этомъ.

— Кто тутъ не виноватъ?

— Но я-то долженъ былъ предвидѣть! — упрекалъ онъ самъ себя.—Я долженъ былъ знать, что первое, что Господь даруетъ человѣку, это порядокъ. А теперь въ Кагорѣ никакого суда не добьешься: старые чиновники перепуганы, старые законы въ пренебреженіи, никто не смѣетъ и напомнить должнику о его долгѣ. Самое худшее теперь то, чего долженъ бояться даже арестантъ въ тюрьмѣ,—это что о немъ совсѣмъ забудутъ. Хорошъ порядокъ, когда вездѣ оружіе, и люди, которые не умѣютъ даже читать, поучаютъ грамотныхъ, а тѣ, которые не вносятъ налоговъ, присваиваютъ себѣ имущество тѣхъ, кто ихъ аккуратно платитъ. Въ городахъ голодъ, фермеры и крестьяне избиваютъ дичь или сидятъ, сложа руки. Кто же въ самомъ дѣлѣ будетъ работать, когда люди не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ? Дома богатыхъ людей стоятъ пустые, ихъ слуги умираютъ съ голоду.

— Ну, а гдѣ же свобода?—слабо проговорилъ я. — Вы же сами однажды говорили, что за свободу придется заплатить коечѣмъ?..,

— Развѣ свобода заключается въ томъ, чтобы производить безпорядокъ?—сердито отвѣчалъ онъ.—Развѣ свобода въ томъ, чтобы грабить, богохульствовать и уничтожать межу вашего сосѣда? Развѣ тиранія перестаетъ быть тираніей оттого, что тирановъ теперь не одинъ, а цѣлыя тысячи? Просто не знаю, что мнѣ дѣлать,—продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы.—Я хотѣлъ бы пойти теперь въ міръ, отказаться отъ того, что я говорилъ, отречься отъ того, что сдѣлалъ!

— А еще что произошло за это время, чего я еще не знаю?—спросилъ я, встревоженный такой горячностью.

— Національное собраніе отняло у насъ десятину и церковныя имущества,—съ горечью отвѣчалъ онъ.—Но это вы уже знаете. Они отказываются признать насъ церковью. И это вы знаете. Постановлено уже уничтожить всякія молитвенныя зданія, а теперь хотятъ запереть церкви и соборы. Такимъ образомъ, мы скоро вернемся опять къ язычеству.

— Этого быть не можетъ!

— Но это такъ.

— Неужели и соборы, и церкви...

— А почему бы и нѣтъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ кюре.

Библиотека "Руниверс"

Я видѣлъ, что этотъ человѣкъ съ чуткой совѣстью мучается отъ мысли, что онъ самъ ускорилъ эту катастрофу. Вотъ почему я почувствовалъ безпокойство, когда онъ не явился ко мнѣ на другой день. Онъ пришелъ только черезъ день, былъ угрюмъ и молчаливъ, оставался у меня недолго и распрощался съ такой грустью, что мнѣ хотѣлось воротить его назадъ. Потомъ онъ опять пропалъ на цѣлыхъ два дня. Я послалъ за нимъ, но было уже поздно, его старая прислуга сказала, что, уговорившись съ сосѣднимъ кюре насчетъ исполненія требъ, онъ внезапно собрался и куда-то уѣхалъ.

Въ это время я уже могъ немного ходить и побрелъ къ его домику. Здѣсь я узналъ только, что заходилъ къ нему въ гости какой-то монахъ, капуцинъ, который пробылъ у него около двухъ недѣль, и что отецъ Бенедиктъ уѣхалъ изъ дому черезъ нѣсколько часовъ послѣ его ухода.

Я вернулся домой печальный и недовольный.

Жители деревни, попадавшіеся мнѣ навстрѣчу, кланялись мнѣ почтительно и съ замѣтнымъ сочувствіемъ: со времени болѣзни я впервые показался въ деревушкѣ. И тѣмъ не менѣе оттѣнокъ подозрительности, который я замѣтилъ на ихъ лицахъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не только не исчезъ, но, наоборотъ, сталъ еще явственнѣе. Они не знали съ увѣренностью нашей взаимной позиціи и, стѣсняясь меня и колеблясь за себя, видимо, были рады, когда я ушелъ.

Возлѣ воротъ, ведущихъ въ аллею парка, я встрѣтился съ однимъ виноторговцемъ изъ Ольнуа, котораго я зналъ. Я остановился и спросилъ его, дома ли его семья.

— Нѣтъ, г. виконтъ,—отвѣчалъ онъ, съ удивленіемъ глядя на меня:—она уже нѣсколько недѣль тому назадъ уѣхала—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ короля уговорили вернуться въ Парижъ.

— А какъ вашъ баронъ?..

— Онъ тоже уѣхалъ.

— Въ Парижъ?

Виноторговецъ, почтенный буржуа, не могъ удержаться отъ улыбки.

— Думаю, что нѣтъ. Впрочемъ, вы сами лучше знаете. Если я скажу: Туринъ, то это будетъ, пожалуй, близко къ истинѣ.

— Я былъ очень боленъ и ничего не слыхалъ.

— Вамъ нужно бы переѣхать въ Кагоръ,—съ грубоватымъ доброжелательствомъ посовѣтовалъ онъ.—Большинство дворянъ тамъ, если не уѣхало еще дальше. Это гораздо безопаснѣе теперь, чѣмъ оставаться въ деревнѣ. Если бъ мой отецъ былъ живъ...

Онъ не окончилъ фразы, а только пожалъ плечами, поклонился мнѣ и тронулся дальше. Несмотря на его слова, видно было, что происшедшая перемѣна ему нравится, хотя онъ и считалъ нужнымъ изъ вѣжливости скрывать свое удовольствіе.

Библиотека "Руниверс"

Я пошелъ домой, чувствуя себя одинокимъ и подавленнымъ.

Высокій каменный домъ съ башней и голубятней, полузакрытый лѣтней зеленью, смягчавшей его очертанія, стоялъ пустой и безлюдный. Казалось, онъ также чувствовалъ себя одинокимъ и жаловался мнѣ на тяжелое время, которое намъ пришлось переживать. Лишившись отца Бенедикта, я лишился единственнаго собесѣдника и при томъ какъ разъ въ такое время, когда съ возвращеніемъ силъ явилось особенное желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими планами.

Эти мрачныя мысли одолѣвали меня, пока я шелъ по широкой аллеѣ къ дому. Вотъ почему я чрезвычайно обрадовался, увидавъ около подъѣзда чью-то привязанную лошадь. Около сѣдла виднѣлись кобуры, подпруга была развязана.

Войдя въ вестибюль, я засталъ тамъ Андрэ. Къ моему изумленію, старикъ вмѣсто того, чтобы сообщить мнѣ, кто пріѣхалъ, повернулся ко мнѣ спиной и продолжалъ стирать со стола пыль.

— Кто это здѣсь?—строго спросилъ я.

— Никого тутъ нѣтъ,—послѣдовалъ отвѣтъ

— Какъ никого? Чья же это лошадь?

— Кузнеца.

— Какого кузнеца? Бютона?

— Да, Бютона.

— Но гдѣ же онъ самъ и что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Онъ тамъ, гдѣ долженъ быть, т. е. въ конюшнѣ,—угрюмо отвѣчалъ старикъ.—Держу пари, что это первое хорошее дѣло, что онъ дѣлаетъ въ теченіе уже многихъ дней.

— Онъ подковываетъ лошадь?

— А что же ему обѣдать, что ли, съ вами?—отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ разсерженный старикъ.

Я не обращалъ вниманія на его воркотню и направился къ конюшнѣ. Издали уже было слышно, какъ пыхтѣли мѣхи. Обогнувъ уголъ, я увидалъ Бютона, который работалъ въ кузницѣ вмѣстѣ съ двумя молодцами.

Онъ былъ въ одной рубашкѣ и кожаномъ поясѣ. Съ своими обнаженными, закоптѣлыми руками онъ напоминалъ мнѣ прежняго Бютона, какимъ я зналъ его шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Около кузницы летало тщательно свернутое верхнее платье—голубой камзолъ съ красными нашивками, длинный голубой жилетъ и шляпа съ громадной трехцвѣтной кокардой.

Опустивъ ногу лошади, которую онъ ковалъ, Бютонъ выпрямился и поклонился мнѣ. Въ его взглядѣ было какое-то новое выраженіе—не то онъ просилъ о помощи, не то бросалъ мнѣ вызовъ.

— Ого! — сказалъ я, пристально глядя на него. — Слишкомъ большая честь для меня, капитанъ. Лошадь, подкованная членомъ комитета!

Библиотека "Руниверс"

— Развѣ вы можете на что-нибудь пожаловаться?—спросилъ онъ, краснѣя подъ густымъ слоемъ сажи, облѣпившей его лицо.

— Я! Нѣтъ, мнѣ не на что жаловаться! Я только ошеломленъ выпавшей на мою долю честью!

— Я здѣсь бываю и подковываю лошадей разъ въ мѣсяцъ. И, вѣроятно, вы не можете пожаловаться на то, что лошади отъ этого страдаютъ.

— Нѣтъ, но...

— Развѣ пострадалъ вашъ домъ? Сгорѣлъ ли у васъ хоть одинъ стогъ сѣна, пропалъ ли хоть одинъ жеребенокъ съ поля, хоть одно яйцо изъ гнѣзда?

— Нѣтъ.

Бютонъ мрачно кивнулъ головой.

— Итакъ, если вамъ не на что жаловаться, то, можетъ быть, вы позволите мнѣ сначала докончить свою работу. Потомъ я передамъ вамъ одно порученіе, которое было дано мнѣ. Но я долженъ это сдѣлать съ глаза на глазъ, а не въ кузницѣ...

— Конечно, кузница не мѣсто для секретовъ,—насмѣшливо промолвилъ я, собираясь уходить.—Хорошо, приходите ко мнѣ на террасу, когда кончите свою работу.

Черезъ часъ онъ явился ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно неуклюжъ въ своемъ новомъ камзолѣ и со шпагою на боку. Оказалось, что онъ привезъ съ собою назначеніе меня подполковникомъ національной гвардіи нашей провинціи.

— Это назначеніе было дано вамъ по моей просьбѣ,—сказалъ онъ съ неуклюжей гордостью.—Были люди, которые находили, что вы не особенно ладно вели себя во время безпорядковъ, но я ихъ перекричалъ. Я рѣшительно заявилъ: никого другого подполковникомъ! А они не могутъ обойтись безъ меня.

Каково было положеніе! Нелѣпость его одну минуту боролась въ моей душѣ съ униженіемъ! Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я въ ярости изорвалъ бы этотъ клочокъ бумаги, бросилъ бы ее ему въ лицо и прогналъ бы его палкой отъ себя. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и мнѣ только хотѣлось смѣяться, но я подавилъ это желаніе отчасти изъ осторожности, отчасти изъ добраго побужденія: я цѣнилъ чувство привязанности ко мнѣ Бютона даже среди измѣнившихся обстоятельствъ и ненормальнаго положенія вещей. Задыхаясь внутренно отъ смѣха, я тѣмъ не менѣе съ серьезнымъ видомъ поблагодарилъ его и заявилъ, что самъ дамъ письменный отвѣтъ комитету.

Онъ все не уходилъ, потирая одной огромной ногой другую. Съ напускной вѣжливостью я ждалъ, что онъ еще скажетъ.

— Я хочу сказать вамъ еще и другую новость,—началъ онъ наконецъ.—Отецъ Бенедиктъ уѣхалъ изъ Со.

— Да?

Библиотека "Руниверс"

— Да. Онъ хорошій человѣкъ, или, лучше сказать, онъ былъ хорошимъ человѣкомъ. Но онъ рискуетъ нажить себѣ непріятностей, вы хорошо бы сдѣлали, если бы предупредили его объ этомъ?

— А вы развѣ знаете, гдѣ онъ теперь?

— Догадываюсь,—отвѣчалъ Бютонъ.—Тамъ же, гдѣ и другіе. Эти монахи капуцины не даромъ шныряютъ по всей округѣ. Когда вороны летятъ домой, быть бурѣ. А мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ попалъ въ нее.

— Я не имѣю никакого представленія о томъ, гдѣ онъ теперь,— сказалъ я холодно.—Не понимаю и того, о чемъ вы говорите.

Кузнецъ перемѣнилъ тонъ и сталъ говорить довольно грубо и рѣзко.

— Онъ уѣхалъ въ Нимъ.

— Въ Нимъ?—воскликнулъ я съ удивленіемъ.—Почему вы это знаете?

— Знаю. Знаю и то, что тамъ затѣвается. Знаю и многое другое. Но на этотъ разъ ни Сентъ-Алэ, ни всѣ ихъ драгуны—да, да, они всѣ тамъ, не вырвутся отъ насъ. Мы имъ сломаемъ шею. Да, г. виконтъ, не дѣлайте ошибки,—продолжалъ онъ, глядя на меня покраснѣвшими отъ гнѣва глазами:—не якшайтесь ни съ кѣмъ изъ нихъ. Народъ—это теперь мы! Горе человѣку, который вздумаетъ стать ему поперекъ дороги!

— Идите!—воскликнулъ я.—На сегодня я наслышался довольно.

Онъ какъ будто хотѣлъ мнѣ что-то возразить, но старая привычка взяла верхъ и, пробормотавъ на прощанье нѣсколько словъ, онъ исчезъ за угломъ дома. Черезъ минуту я услышалъ топотъ его лошади по аллеѣ.

Я напрасно остановилъ его. Теперь мнѣ хотѣлось воротить его и разспросить поподробнѣе.

Маркизъ де-Сентъ-Алэ въ Нимѣ! Отецъ Бенедиктъ въ Нимѣ! И тамъ зрѣетъ заговоръ!

Эта новость какъ будто распахнула передо мной окно на міръ Божій, и я уже не чувствовалъ себя одинокимъ и затеряннымъ во всей округѣ. Мнѣ представлялся большой южный городъ, покрытый бѣловатой пылью; въ немъ поднимаются безпорядки, а издали вдругъ выплываетъ лицо Денизы де-Сентъ-Алэ, которое смотритъ на меня строго и укоризненно.

Отецъ Бенедиктъ уѣхалъ въ Нимъ. Почему же бы и мнѣ не поѣхать туда?

Въ нерѣшимости я ходилъ по одному мѣсту и чѣмъ больше обдумывалъ пришедшую мнѣ въ голову мысль, тѣмъ больше она соблазняла меня. Чѣмъ больше я думалъ о скучномъ бездѣйствіи, въ которомъ я долженъ буду жить дома, тѣмъ сильнѣе мнѣ хотѣлось уѣхать отсюда.

Библиотека "Руниверс"

Почему бы мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, не уѣхать?

Въ карманѣ у меня лежала бумага, въ которой было не только назначеніе меня подполковникомъ національной гвардіи, но и говорилось, что я былъ товарищемъ предсѣдателя комитета общественной безопасности въ провинціи Керси. Имѣя такой паспортъ, можно было ѣхать безопасно. Моя продолжительная болѣзнь послужитъ прекраснымъ предлогомъ для объясненія того, почему я не нахожусь дома. Денегъ у меня было довольно. Словомъ, я не видѣлъ никакихъ препятствій для своей поѣздки, и мнѣ казалось, что она доставитъ мнѣ одно удовольствіе.

Такимъ образомъ, выборъ скоро былъ сдѣланъ. На слѣдующій же день я въ первый разъ послѣ болѣзни сѣлъ верхомъ и проѣхалъ мили двѣ-три туда и обратно. Это сильно меня утомило.

На слѣдующее утро я поѣхалъ въ Сентъ-Алэ, посмотрѣлъ развалины дома и вернулся обратно. На этотъ разъ я уже не чувствовалъ такой усталости.

Слѣдующій день былъ воскресенье, и я сидѣлъ дома. Зато въ понедѣльникъ я проѣхалъ половину дороги въ Кагоръ. Вечеромъ я вычистилъ мои пистолеты и смотрѣлъ, какъ Жиль укладывалъ мои дорожные мѣшки, въ которые я велѣлъ ему положить два простыхъ костюма и шляпу съ небольшимъ трехцвѣтнымъ бантомъ.

На другое утро 6-го марта я тронулся въ путь.

Распростившись съ Андрэ на краю деревни, я повернулъ лошадь по направленію къ Фижаку и поскакалъ, чувствуя себя свободнымъ, выбравшимся изъ всѣхъ затрудненій.

Прохладный мартовскій денекъ сталъ смѣняться свѣжимъ вечеромъ, который въ неизвѣстной мѣстности всегда кажется унылымъ и печальнымъ, но меня онъ только подбадривалъ.

III.

Въ Мило.

Много удивительнаго видѣлъ я во время этой поѣздки. Странно было видѣть на полевыхъ работахъ вооруженныхъ крестьянъ, странно было видѣть, какъ въ каждой деревнѣ крестьяне учились владѣть оружіемъ. Останавливаясь въ гостиницѣ, первое, что я всегда видѣлъ, было человѣкъ пятнадцать простонародья, сидѣвшихъ вокругъ стола за стаканомъ вина и съ чернильницей въ центрѣ стола: то былъ мѣстный комитетъ.

Къ вечеру третьяго дня я увидѣлъ нѣчто еще болѣе странное.

Я началъ подниматься по долинѣ Тарна, который впадаетъ въ Севеннъ около Мило. Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, небо было покрыто облаками. Картина была сѣрая и безлюдная. Впереди меня миляхъ въ двухъ громоздились массивы голубыхъ горъ.

Библиотека "Руниверс"

Я устало шелъ рядомъ съ лошадью, погруженный въ свои думы. Вдругъ я услышалъ голоса, пѣвшіе хоромъ. Напрасно я искалъ пѣвцовъ кругомъ себя: звуки, такіе чистые и нѣжные, казалось, выходили изъ-подъ земли, около самыхъ моихъ ногъ.

Я прошелъ немного впередъ, и загадка разъяснилась. Я оказался на краю неглубокаго обрыва, подъ которымъ виднѣлись крыши деревушки. По одну сторону ея стояла толпа человѣкъ въ сто, мужчинъ и женщинъ. Они пѣли и плясали вокругъ большого дерева. Листьевъ на немъ не было, но зато оно было все увѣшано флагами. Въ серединѣ круга около ствола дерева сидѣли старики. Если бъ не холодная погода, я бы подумалъ, что я случайно попалъ на майскій праздникъ.

Мое появленіе на минуту прекратило пѣніе. Потомъ два старика, выбравшись изъ круга, пошли ко мнѣ навстрѣчу, держа другъ друга за руку.

— Добро пожаловать въ Жиронду и Влэ!—закричалъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Добро пожаловать въ Жиронду и Влэ,—какъ эхо, повторилъ другой.

И прежде, чѣмъ я успѣлъ имъ отвѣтить, они закричали оба вмѣстѣ:

— Вы пріѣхали въ счастливый день!

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я очень радъ это слышать,—сказалъ я.—Позвольте, однако, спросить, по какому случаю у васъ такое собраніе?

— Общины Жиронды и Влэ, Влэ и Жиронды,—закричали оба разомъ,—теперь одно и то же. Съ сегодняшняго дня старинныя межи болѣе не существуютъ. Старая вражда исчезла. Благородное сердце Жиронды и благородное сердце Влэ бьются въ полномъ согласіи.

Я едва могъ удерживаться отъ смѣха, слыша такія наивности. Къ счастью, въ это время хороводъ вокругъ дерева опять запѣлъ и задвигался, словно на какой-нибудь картинѣ Ватто. Я поблагодарилъ обоихъ крестьянъ за это зрѣлище.

— Но это еще не все, сударь, —серьезно отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Исчезли не только наши границы, но отошли въ прошлое и границы цѣлыхъ провинцій. Въ Валенсіи, напримѣръ, оба берега Роны подали другъ другу руку и поклялись въ вѣчной дружбѣ. Съ этихъ поръ всѣ французы—братья.

— Прекрасная мысль,—согласился я.

— Ни одинъ сынъ Франціи не станетъ уже проливать французскую кровь.

— Дай Богъ!

— Католики и протестанты будутъ жить въ мирѣ. Не будетъ никакихъ дѣлъ въ судѣ. Хлѣбъ будетъ развозиться повсюду сво-

Библиотека "Руниверс"

бодно, безъ всякихъ пошлинъ. Всѣ будутъ свободны. Всѣ будутъ богаты.

Много еще говорили они въ томъ же радостномъ тонѣ и съ той же наивной вѣрой, но мое вниманіе было отвлечено отъ нихъ человѣкомъ, который сидѣлъ среди крестьянъ подъ самымъ деревомъ. Мнѣ показалось, что онъ принадлежалъ къ другому классу жителей. Высокій, худой, съ гладкими черными волосами, съ строгими чертами лица, онъ по внѣшности ничѣмъ не отличался отъ окружающихъ. Его костюмъ — грубый охотничій костюмъ — былъ весь въ заплатахъ, шпоры на его желтыхъ, забрызганныхъ грязью сапогахъ были погнуты и покрыты ржавчиной. Но въ его осанкѣ было что-то такое, чего не было у другихъ, и во взглядахъ, которые онъ кидалъ на вертѣвшихся передъ нимъ крестьянъ, я подмѣтилъ спокойное презрѣніе.

Я не видалъ, замѣтилъ ли онъ мое присутствіе, но не успѣлъ, попростившись съ обоими стариками, пройти и сотни шаговъ, какъ я услышалъ, что сзади меня кто-то идетъ. Оглянувшись, я увидалъ, что это былъ мой незнакомецъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я остановился и ждалъ, пока онъ не подошелъ ко мнѣ.

— Вы направляетесь въ Мило?—спросилъ онъ отрывисто, съ сильнымъ мѣстнымъ акцентомъ.

По его тону чувствовалось, что онъ обращается ко мнѣ, какъ равный къ равному.

— Да, сударь, — отвѣчалъ я. — Но я боюсь, что не успѣю добраться къ ночи до города.

— Я тоже туда ѣду, — промолвилъ онъ. — Моя лошадь въ деревнѣ.

И, не говоря болѣе ни слова, онъ пошелъ рядомъ со мной до самой деревушки. Она была безлюдна. Здѣсь мы нашли гнѣдую кобылу, привязанную къ столбу. Я молча наблюдалъ за моимъ спутникомъ.

— Что вы думаете объ этомъ дурачьѣ?—вдругъ спросилъ онъ, когда мы двинулись въ путь.

— Боюсь, что ихъ ожиданія слишкомъ преувеличены,—осторожно отвѣтилъ я.

Мой спутникъ громко разсмѣялся. Презрѣніе уже ясно слышалось въ этомъ смѣхѣ.

— Они воображаютъ, что настало время чудесъ. А, между тѣмъ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ ихъ сараи будутъ сожжены, а глотки перерѣзаны.

— Надѣюсь, что этого не случится.

— Не надѣйтесь!—цинично возразилъ онъ.—Я-то самъ, конечно, не надѣюсь. И тѣмъ не менѣе я кричу: да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ революція!

— Что? А если она приведетъ къ такимъ ужасамъ?

Библиотека "Руниверс"

— А почему жъ бы и не привести?—отвѣчалъ онъ, мрачно устремляя на меня свои глаза.—Что далъ мнѣ старый режимъ, отъ чего бы я не захотѣлъ попробовать новаго? Онъ оставилъ меня умирать съ голоду въ моемъ старинномъ замкѣ, пока женщины и банкиры, раздушенные франтики и лѣнивые попы щеголяли передъ королемъ! А почему? Потому что я остаюсь тѣмъ, чѣмъ была когда-то половина всего народа.

— Вы протестантъ?—спросилъ я наугадъ.

— Да, сударь. И обѣднѣвшій дворянинъ вдобавокъ,—съ горечью добавилъ онъ.—Я баронъ де-Жеоль, къ вашимъ услугамъ.

Я, въ свою очередь, назвалъ себя.

— Вы носите трехцвѣтную кокарду. Мы съ вами стоимъ на противоположныхъ сторонахъ. Вы, безъ сомнѣнія, человѣкъ семейный, г. виконтъ?

— Наоборотъ, г. баронъ.

— Но, вѣроятно, у васъ есть мать или сестра?

— И ихъ нѣтъ,—сказалъ я, улыбаясь.—Я человѣкъ одинокій.

— Но, по крайней мѣрѣ, у васъ есть уголъ, друзья, какое-нибудь занятіе или возможность получить занятіе?

— Да, все это у меня есть.

— А у меня,—вдругъ заговорилъ онъ какимъ-то гортаннымъ голосомъ,—ничего этого нѣтъ. Я не могу поступить даже въ армію—вѣдь я протестантъ! Какъ протестантъ, я не имѣю и права на государственную службу, не могу быть ни судьей, ни адвокатомъ. Королевскія школы закрыты для меня, я не смѣю показаться ко двору. Въ глазахъ закона я просто не существую. Я, сударь,—продолжалъ онъ нѣсколько медленнѣе и съ чувствомъ собственнаго достоинства,—я, чьи предки были всегда около королей, а прадѣдъ спасъ жизнь Генриха IV при Кутро, я—не существую на бѣломъ свѣтѣ!

— А теперь?—спросилъ я, нѣсколько взволнованный его страстнымъ тономъ.

— А теперь все пойдетъ иначе,—мрачно отвѣчалъ онъ.—Все пойдетъ иначе, если только эти черные вороны—попы—не переставятъ стрѣлку часовъ. Вотъ почему я и ѣду.

— Вы ѣдете въ Мило?

— Я живу недалеко отъ Мило,—отвѣчалъ онъ.—Но я ѣду не домой, а дальше, въ Нимъ.

— Въ Нимъ?—воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Да, въ Нимъ.

Онъ поглядѣлъ на меня искоса, съ легкимъ недовѣріемъ и замолкъ.

Между тѣмъ становилось уже темно. Долина Тарна, по которой мы ѣхали, плодородная и очень красивая лѣтомъ, теперь въ полутьмѣ представлялась дикой и непривѣтливой. По обѣ

Библиотека "Руниверс"

стороны ея громоздились горы. Мѣстами, гдѣ дорога подходила ближе къ рѣкѣ, слышался шумъ воды, бѣжавшей между скалами, и это придавало всей долинѣ еще болѣе грустный колоритъ.

Неизвѣстность, чѣмъ кончится моя поѣздка, неувѣренность ни въ комъ и ни въ чемъ, мрачность моего спутника,—все это подавляло меня. Я обрадовался, когда онъ вышелъ наконецъ изъ состоянія задумчивости и, указывая на огни Мило, тамъ и сямъ блестѣвшіе вдали на равнинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка отходитъ отъ горъ, спросилъ:

— Вы остановитесь, вѣроятно, въ гостиницѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, мы разстанемся здѣсь. А завтра, если вы поѣдете въ Нимъ... Но, можетъ быть, вамъ больше нравится ѣхать одному.

— Вовсе нѣтъ.

— Отлично. Въ восемь часовъ я выѣзжаю черезъ восточныя ворота. Доброй ночи, сударь,—проговорилъ онъ.

Я тоже пожелалъ ему спокойной ночи и, распростившись съ нимъ, поѣхалъ въ городъ.

Долго пришлось ѣхать по узкимъ улицамъ, подъ темными арками, мимо болтавшихся и скрипѣвшихъ на вѣтру фонарей, которые освѣщали все, что угодно, только не сгустившуюся темноту. Несмотря на спустившуюся ночь, народъ еще сновалъ по улицамъ или стоялъ у своихъ воротъ. Послѣ того безлюдья, которое я чувствовалъ во время моей поѣздки, Мило показался мнѣ большимъ городомъ.

Пока я ѣхалъ къ гостиницѣ, слѣдомъ за мной шла какая-то кучка людей. Это кучка росла все болѣе и болѣе и начинала уже тѣснить меня. Тѣ, которые шли ближе другихъ ко мнѣ, вопросительно заглядывали мнѣ въ лицо. Остальные, которые были подальше, кричали своимъ сосѣдямъ и какимъ-то темнымъ фигурамъ, виднѣвшимся у освѣщенныхъ оконъ. Я разобралъ, что они кричали: это онъ!

Это меня немного встревожило. Но пока они меня еще не стѣсняли. Однако стоило мнѣ остановиться, какъ и они остановились всѣ разомъ. Когда я слѣзъ съ лошади, я чуть не наступилъ на нихъ.

— Это гостиница? — спросилъ я тѣхъ, кто былъ поближе.

— Да, да,—закричали они въ одинъ голосъ.—Это гостиница.

— Моя лошадь...

— Мы отведемъ лошадь! Идите себѣ! Идите!

Они тѣснились около меня такъ близко, что ничего другого мнѣ и не оставалось дѣлать. И, притворившись беззаботнымъ, я двинулся въ гостиницу въ полной увѣренности, что теперь они уже не послѣдуютъ за мной и что въ гостиницѣ я получу разъясненіе, что значитъ ихъ поведеніе. Но едва я повернулся

Библиотека "Руниверс"

къ нимъ спиной, они столпились около меня, почти сбивъ меня съ ногъ, и невольно втолкнули меня въ узкія ворота дома. Я хотѣлъ было повернуться и выразить свое неудовольствіе. Но мои слова были заглушены громкими криками тѣхъ, которые стояли впереди:

— Г. Фландръ! Г. Фландръ!

Къ счастью, этотъ г. Фландръ оказался недалеко. Дверь, къ которой меня толкала толпа, отворилась, и на порогѣ явился г. Фландръ. То былъ огромный дюжій мужчина съ лицомъ, гармонировавшимъ съ его тѣлосложеніемъ. Удивленный нашимъ вторженіемъ, онъ сначала съ удивленіемъ посмотрѣлъ на насъ, а потомъ спросилъ довольно сердито, въ чемъ дѣло.

— Чортъ побери! Мой это домъ, или вашъ, бездѣльники? Кто это еще?

— Капуцинъ! Капуцинъ!—раздалось нѣсколько голосовъ сразу.

— Ого!—воскликнулъ онъ прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь сказать.—Принесите-ка огня!

Двѣ или три женщины съ голыми руками, которыя вышли на шумъ изъ кухни, принесли свѣчи и, поднявъ ихъ надъ головой, смотрѣли на меня съ любопытствомъ.

— Ого!—промолвилъ опять гигантъ.—Такъ вы словили капуцина?

— Неужели я похожъ на капуцина?—сердито закричалъ я, расталкивая тѣхъ, кто толпился около.—Такъ вотъ какъ у васъ принимаютъ постояльцевъ! Не сошелъ ли съ ума вашъ городъ?

— Такъ вы не капуцинъ?—спросилъ гигантъ, озадаченный, какъ видно, моей смѣлостью.

— Я уже сказалъ вамъ. Развѣ монахи ѣздятъ въ длинныхъ сапогахъ со шпорами?

— Покажите ваши бумаги,—громко проговорилъ онъ.—Ваши бумаги. Знайте, что я здѣсь не только трактирщикъ, но и старшина, и держу не только гостиницу, но и тюрьму,—продолжалъ онъ, надувая щеки.—Ваши бумаги!

— Предъявлять бумаги здѣсь, предъ вашими товарищами?—презрительно спросилъ я.

— Это хорошіе граждане.

Я боялся, что должность, которую я занималъ въ комитетѣ, не произведетъ того эффекта, на который я разсчитывалъ. Но выбора у меня не было и, стало быть, всякія опасенія были безполезны. Постоявъ съ минуту въ нерѣшительности, я досталъ свои бумаги и подалъ ихъ старшинѣ. Пробѣжавъ ихъ, тотъ вообразилъ, что я ѣхалъ по казенной надобности, и разсыпался въ извиненіяхъ, объявивъ стоявшей вокругъ насъ толпѣ, что они ошиблись.

Мнѣ показалось очень страннымъ, что толпа не была смущена этой ошибкой. Напротивъ, всѣ спѣшили поздравить меня съ осво-

Библиотека "Руниверс"

божденіемъ и добродушно хлопали меня по плечу. Нѣкоторые отправились посмотрѣть, гдѣ моя лошадь, и распорядиться насчетъ меня, остальные мало-по-малу разошлись, оставивъ меня въ полномъ убѣжденіи, что съ такимъ же добродушіемъ они готовы были и повѣсить меня на ближайшемъ фонарѣ.

Когда осталось человѣка три-четыре, я спросилъ трактирщика, за кого они меня приняли.

— За переодѣтаго монаха, г. виконтъ,—отвѣчалъ онъ.—Это преопасный человѣкъ. Ѣхалъ онъ съ двумя дамами, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ Нимъ. Изъ главной квартиры данъ приказъ задержать его.

— Но я-то ѣхалъ одинъ!—возразилъ я.—Никакихъ дамъ со мной не было.

Онъ пожалъ плечами.

— Конечно, это такъ, г. виконтъ. Но дамъ мы уже захватили. Онѣ были арестованы сегодня утромъ въ то время, когда собирались проѣхать черезъ городъ въ закрытой каретѣ. И мы знаемъ, что теперь онъ ѣдетъ одинъ.

— А въ чемъ его обвиняютъ?—спросилъ я, вспомнивъ, что монахъ капуцинъ былъ и у отца Бенедикта незадолго до его отъѣзда.

Не знаю почему, сердце у меня забилось сильнѣе.

— Его обвиняютъ въ государственной измѣнѣ націи,—важно отвѣчалъ трактирщикъ.—Онъ былъ вездѣ—въ Монпелье, въ Сеттѣ, въ Альби и вездѣ проповѣдывалъ войну, суевѣріе и развращалъ народъ.

— А дамы?—улыбаясь, спросилъ я.—Неужели онѣ тоже развращали...

— Нѣтъ. Но говорятъ, что, желая вернуться въ Нимъ и зная, что всѣ дороги находятся подъ наблюденіемъ, онъ переодѣлся и присоединился къ нимъ. Это, очевидно, какія-то ханжи.

— Несчастныя!—промолвилъ я, содрогаясь за нихъ изъ состраданія.—Что же вы будете съ ними дѣлать?

— Буду ждать приказаній. Но ужинъ для васъ уже готовъ? Извините, что я не буду прислуживать вамъ самъ. Будучи старшиной, я долженъ заботиться о томъ, чтобы не уронить себя,—понимаете, г. виконтъ?

Я вѣжливо отвѣчалъ, что вполнѣ понимаю его положеніе. Ужинъ былъ накрытъ, какъ тогда обыкновенно дѣлалось въ небольшихъ гостиницахъ, у меня въ комнатѣ. Я предложилъ ему выпить со мной стаканчикъ и за ѣдой узналъ отъ него многое о положеніи края. На южномъ побережьѣ шло броженіе, и священники возбуждали народъ, устраивая крестные ходы и произнося проповѣди. Онъ особенно распространялся о волненіяхъ въ Нимѣ, гдѣ большинство принадлежало къ богомольнымъ католикамъ,

Библиотека "Руниверс"

— Тутъ непремѣнно вспыхнутъ безпорядки! Не обойдется безъ этого,—съ значительнымъ видомъ прибавилъ онъ.—Тутъ дѣло идетъ слишкомъ хорошо для тѣхъ, и они постараются это остановить.

— А этотъ монахъ?

— Одинъ изъ ихъ эмиссаровъ.

Я вспомнилъ объ отцѣ Бенедиктѣ и вздохнулъ.

— Кстати,—вдругъ сказалъ старшина, задумчиво глядя на меня:—вотъ любопытная вещь!

— Что такое?

— Вы ѣдете изъ Кагора?

— Ну?

— И эти дамы ѣхали тоже изъ Кагора. По крайней мѣрѣ, онѣ такъ заявляютъ.

— Изъ Кагора?

— Да. Когда я просматривалъ ваши бумаги, я и забылъ объ этомъ.

Я пожалъ плечами и съ неудовольствіемъ замѣтилъ:

— Однако изъ этого не слѣдуетъ, что я тоже изъ числа заговорщиковъ. Пожалуйста, не будемъ возвращаться опять къ этому. Вы уже видѣли мои бумаги...

— Позвольте, я не хотѣлъ сказать. Но вы должны знать этихъ дамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказалъ я.

И вдругъ поднявшаяся рука съ вилкой остановилась на воздухѣ, и я со страхомъ устремилъ свой взоръ на него. Невѣроятная мысль молніей пронеслась въ моемъ мозгу. Двѣ дамы изъ Кагора!

— А какъ эти дамы назвали себя? — спросилъ я.

— Корва.

— Корва?—переспросилъ я, донося наконецъ вилку до рта.

— Да, Корва. Она выдаетъ себя за жену купца. Да вотъ вы сами ее увидите.

— Не помню что-то такой фамиліи.

— Вы навѣрно ихъ знаете, навѣрно знаете,—повторялъ онъ съ упорствомъ человѣка, у котораго не особенно много мыслей въ головѣ. — Можетъ быть, что мы что-нибудь и напутали, никакихъ бумагъ въ каретѣ не оказалось. Подозрѣніе возбуждаетъ только одна вещь.

— А именно?

— А именно красная кокарда.

— Красная?

— Да, знакъ старинныхъ лигистовъ, какъ изволите знать.

Онъ задумчиво потеръ свою лысую голову и продолжалъ:

— Мы не очень-то любимъ здѣсь этотъ цвѣтъ. Къ тому же двѣ дамы, ѣдущія однѣ! А тутъ еще ихъ полоумный извозчикъ утвер-

Библиотека "Руниверс"

ждаетъ, что онѣ наняли его въ Родэ и что никакого капуцина онъ не видалъ. Если вы кончили свой ужинъ, г. виконтъ, то я готовъ свести васъ къ нимъ.

— А не поздно уже теперь?—спросилъ я, чувствуя какую-то неловкость отъ предстоящаго свиданія.

— Арестанты не могутъ назначать время,—произнесъ онъ, непріятно захихикавъ, и потребовалъ въ дверь, чтобы ему принесли шляпу и фонарь.

— Стало быть, женщины находятся не здѣсь?

— Нѣтъ. Онѣ запрятаны прочно,—продолжалъ онъ, подмигивая.—Но плакать имъ не о чемъ. Такъ какъ здѣсь найдется парадругая грубоватыхъ малыхъ, то ихъ пріютилъ въ своихъ владѣніяхъ тюремщикъ Бабэ.

Принесли фонарь, и старшина, закутавъ свое дородное тѣло въ плащъ, вышелъ со мной изъ дому.

На площади стояла кромѣшная тьма. Огни, горѣвшіе въ моментъ моего прибытія въ городъ, теперь были уже потушены. По безлюднымъ улицамъ съ шумомъ носился внезапно поднявшійся вѣтеръ. Безъ желтаго огонька фонаря нельзя было бы итти, хотя онъ и освѣщалъ дорогу всего на два, на три шага впередъ, оставляя позади себя еще болѣе густой мракъ. Я не могъ разглядѣть даже крыши домовъ и совершенно не зналъ, въ какомъ направленіи и какъ далеко мы отошли отъ гостиницы.

Вдругъ Фландръ остановился и, поднявъ фонарь, освѣтилъ имъ сѣрую каменную стѣну: въ ней виднѣлась низкая обитая желѣзомъ дверь. По срединѣ ея висѣлъ огромный молотокъ. Надъ дверью была маленькая рѣшетка.

— Прочно запрятаны, прочно,—повторялъ старшина, заливаясь жирнымъ смѣхомъ. Но вмѣсто того, чтобы постучать въ дверь молоткомъ, онъ часто забарабанилъ палкой по рѣшеткѣ.

Сигналъ былъ услышанъ и понятъ. Черезъ рѣшетку выглянула какая-то голова. Черезъ секунду открылась и дверь. Старшина двинулся впередъ. Послѣ прохладной ночи мы вдругъ очутились въ спертой теплой атмосферѣ, пропитанной запахомъ огурцовъ, сквернаго табаку и еще чего-то. Ювелиръ молча затворилъ за нами дверь и, взявъ у старшины фонарь, повелъ насъ внизъ по темному, низкому коридору, въ которомъ тоже одному трудно было итти. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился у первой двери налѣво и распахнулъ ее.

Фландръ вошелъ первымъ. На порогѣ онъ сталъ снимать свою шляпу и на нѣсколько секундъ закрылъ собою просвѣтъ. Изъ сосѣдней комнаты въ томъ же коридорѣ слышалось громкое пѣніе какихъ-то фривольныхъ пѣсенъ. Снаружи несся вой цѣпной собаки, которая, заслышавъ насъ, бросилась, гремя цѣпью, въ нашу сторону. Я успѣлъ замѣтить, что стѣны коридора, въ которомъ мы стояли,

Библиотека "Руниверс"

были грязны и покрыты пятнами сырости. Потомъ я услышалъ, какъ кто-то отвѣтилъ на привѣтствіе Фландра. Этотъ голосъ привелъ меня въ остолбенѣніе.

То былъ голосъ маркизы де-Сентъ-Алэ!

Хорошо, что невѣроятная мысль о возможности такой встрѣчи пришла мнѣ въ голову за ужиномъ, и я уже успѣлъ нѣсколько подготовиться къ этому.

На мое счастье, комната была полна табачнаго дыма и пара отъ сушившагося на огнѣ платья. Я нарочно закашлялся и не спѣшилъ входить въ комнату.

Кромѣ старшины, здѣсь было еще четыре человѣка. Мнѣ некогда было разглядывать какихъ-то хмурыхъ мужчину и женщину, которые сидѣли по срединѣ комнаты за столомъ и играли въ затасканную колоду картъ. Мои глаза устремились на маркизу и мадемуазель Денизу, сидѣвшихъ на стульяхъ около камина. Дѣвушка прислонила голову къ стѣнѣ и полузакрыла глаза. Маркиза стояла около нея и внимательно слѣдила за старшиной, бросая на него по временамъ презрительные взгляды. Ни тюрьма, ни опасность положенія, ни даже грязное общество въ этой вонючей дырѣ—ничто не могло сломить ея гордости и самообладанія. Но когда ея взоръ, скользнувъ по старшинѣ, остановился на мнѣ, въ комнатѣ вдругъ раздался громкій пронзительный крикъ.

Можетъ быть, вслѣдствіе окутавшаго комнату дыма она еще сомнѣвалась, кто передъ ней. Но этотъ крикъ вывелъ изъ забытья мадемуазель: она въ испугѣ вскочила на ноги, но, увидѣвъ передъ собой меня, опять опустилась на стулъ и громко зарыдала.

— Эге! Что тутъ такое?—спросилъ старшина.

— Кажется, тутъ произошла ошибка,—заговорилъ я, заранѣе подобравъ слова.—Слава Богу, сударыня, что я оказался здѣсь въ такую минуту,—продолжалъ я, кланяясь маркизѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ, на какой только былъ способенъ въ эту минуту.

Она что-то пробормотала и прислонилась къ стѣнѣ. Видимо, она еще не успѣла прійти въ себя отъ изумленія.

— Вы знаете этихъ дамъ?—спросилъ старшина, поворачиваясь ко мнѣ. Въ его голосѣ слышалась нотка подозрительности, и онъ остро посматривалъ на насъ, то на одного, то на другую.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ я.

— Онѣ дѣйствительно изъ Кагора?

— Изъ окрестностей Кагора.

— Однако, когда я назвалъ вамъ ихъ имена, вы сказали, что вы такихъ не знаете.

У меня захватило дыханіе. Украдкой я бросилъ взглядъ на маркизу. На ея лицѣ было выраженіе ужаса. Я пошелъ впередъ, очертя голову,—все равно мнѣ не оставалось ничего другого.

Библиотека "Руниверс"

— Вы мнѣ назвали ихъ Корва, между тѣмъ какъ фамилія этой дамы Корреа.

— Корреа?—повторилъ онъ, открывая ротъ отъ удивленія.

— Ну, да, Корреа. Вѣроятно, эти дамы отъ испуга произнесли свою фамилію не достаточно явственно,—продолжалъ я съ напускною вѣжливостью.

— Стало быть, ихъ фамилія Корреа?

— Да вѣдь я такъ и сказала вамъ,—заговорила маркиза.—Я прибавила еще, что ровно ничего не знаю о вашемъ капуцинскомъ монахѣ. Я готова подтвердить это еще разъ,—продолжала она серьезно, устремивъ на меня взоръ, въ которомъ я явно видѣлъ страстную мольбу о спасеніи.

— Да, г. старшина, боюсь, что вы сдѣлали ошибку,—поспѣшилъ я ей на помощь.—Я могу отвѣчать за эту даму, какъ за самого себя.

Старшина почесалъ себѣ затылокъ.

IV.

Трое въ одномъ экипажѣ.

— Конечно, если вамъ ничего не извѣстно о монахѣ,—заговорилъ онъ, оглядывая блуждающимъ взоромъ грязную комнату:—то, очевидно, тутъ произошла ошибка.

— Остается сдѣлать только одно,—подсказалъ я ему.

— Но тутъ есть еще одно обстоятельство, которое требуетъ объясненія,—возразилъ онъ, опять принимая важный видъ.—Красная кокарда? Что вы можете сказать по этому поводу?

— Красная кокарда?—переспросилъ я, чтобы выиграть время.—Что вы скажете о ней.

Я не ожидалъ этого вопроса и въ отчаяніи взглянулъ на маркизу. Авось ея женскій умъ подыщетъ какой-нибудь выходъ.

— А вы спрашивали объ этомъ г-жу Корреа?—спросилъ я, стараясь отбиться отъ вопроса и обратить его къ ней.—Вы требовали у нея объясненій?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я спрошу ее самъ.

— Меня нечего спрашивать, а спросите лучше г. виконта,—вмѣшалась маркиза.—Спросите его, какого цвѣта кокарды національной гвардіи изъ Керси?

— Краснаго!—воскликнулъ я, чувствуя, что у меня словно гора упала съ плечъ.

Я вспомнилъ кокарду на шляпѣ Бютона, которая лежала около кузницы. Но какъ объ этомъ стало извѣстно маркизѣ, этого я не зналъ.

Библиотека "Руниверс"

— А, вотъ что! — промолвилъ Фландръ, сомнѣнія котораго, видимо, еще не разсѣялись вполнѣ.—И ради этого вы и носите эту кокарду?

— Нѣтъ, г. старшина,—отвѣчала маркиза съ хитрой улыбкой. Я видѣлъ, что она хочетъ привести его въ хорошее настроеніе.— Не я ношу эту кокарду, а моя дочь. Если вы хотите узнать о причинѣ этого, то спрашивайте ее самое.

Какъ всякій буржуа, Фландръ былъ страшно любопытенъ. Его лицо отъ такого предложенія расплылось въ глупую улыбку.

— Если мадемуазель позволитъ...—началъ онъ.

До этого момента Дениза пряталась въ тѣни, за своею матерью. Но теперь она должна была выступить впередъ.

И только когда она заговорила, я увидалъ внезапно происшедшую въ ней перемѣну. Нѣсколько минутъ тому назадъ ея лицо было блѣдно, какъ полотно, теперь оно покрылось яркимъ румянцемъ, и глаза горѣли, какъ звѣзды.

— Это очень просто—промолвила она тихо.—Мой женихъ находится въ одномъ изъ отрядовъ національной гвардіи.

— Вотъ почему вы и носите эту кокарду!—воскликнулъ старшина, вдругъ приходя въ восторгъ.

— Я люблю его,—мягко замѣтила Дениза, взглядывая мнѣ прямо въ глаза.

Не знаю, кто въ эту минуту покраснѣлъ сильнѣе—я или она. Вонючая и грязная комната показалась мнѣ настоящимъ дворцомъ, а пропитанный табачнымъ дымомъ воздухъ настоящими духами.

Я не слыхалъ, что еще сказалъ ей старшина, и пришелъ въ себя только тогда, когда Дениза снова скрылась за матерью, а на ея мѣстѣ передо мной опять явилась маркиза. Она держала палецъ на губахъ и предостерегала меня глазами.

Предостереженіе было не лишне, такъ какъ въ порывѣ энтузіазма я могъ сказать что-нибудь лишнее. Но старшина былъ уже побѣжденъ. Романическая исторія и объясненіе мадемуазель Денизы устранили въ немъ послѣднее подозрѣніе и пріобрѣли его благосклонность. Онъ покровительственно посмотрѣлъ на маркизу, бросилъ нѣжный взглядъ на Денизу и отпустилъ какую-то шутку насчетъ монаха.

— Произошла ошибка, но я не раскаиваюсь въ ней,—началъ онъ съ неуклюжей вѣжливостью. Эта ошибка дала мнѣ возможность познакомиться съ вами.

— Помилуйте, г. старшина!—воскликнула, улыбаясь, маркиза.

— Но состояніе края таково,—продолжалъ онъ, что дамамъ путешествовать однимъ небезопасно. Онѣ могутъ повергнуться...

— Худшимъ встрѣчамъ, чѣмъ эта,—подхватила маркиза, бросая на меня быстрый взглядъ.—Но что же дѣлать, провожатыхъ у насъ нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Ожирѣвшій старшина вдругъ засопѣлъ носомъ. Я думалъ, что онъ собирается предложить свои услуги. Но ему пришла въ голову другая мысль.

— Можетъ быть, васъ проводитъ вотъ этотъ господинъ. Вѣдь вы ѣдете въ Нимъ, г. виконтъ?

— Да, отвѣчалъ я не сразу. — Конечно, если госпожа Корреа...

— Но намъ не хотѣлось бы доставить вамъ хлопотъ,—перебила меня маркиза, отступая отъ меня и дѣлая шагъ въ сторону старшины.

— Но я увѣренъ, что это не можетъ доставить никакихъ хлопотъ, — галантно возразилъ тотъ. — Впрочемъ, если это дѣйствительно затруднитъ г. виконта, то я найду кого-нибудь другого...

— Кого же вы можете намъ предоставить?

— Да меня самого.

— Ахъ, если вы сами...

Я понялъ, что теперь безопасно могу вступиться и я.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ я.—Старшина напрасно заподозрѣваетъ меня. Могу васъ увѣрить, сударыня, что я съ удовольствіемъ готовъ вамъ сопутствовать, тѣмъ болѣе, что намъ по дорогѣ. Если, слѣдовательно...

— Я буду вамъ очень благодарна, — вѣжливо отвѣчала маркиза.—Но надо еще, чтобы господинъ старшина выпустилъ насъ, бѣдныхъ арестантокъ, которыя виновны только въ томъ, что питаютъ пристрастіе къ національной гвардіи.

— Это я уже беру на себя,—промолвилъ съ важнымъ видомъ Фландръ.—Дѣло тутъ совершенно ясно. Однако,—прибавилъ онъ, слегка покашливая: — чтобы избѣгнуть возможныхъ осложненій, вамъ лучше будетъ уѣхать рано утромъ. А когда вы уѣдете, я сумѣю объяснить вашъ отъѣздъ. Если вы не побрезгаете провести здѣсь ночь,—продолжалъ онъ, оглядываясь вокругъ себя не безъ нѣкотораго смущенія, — то...

— Мы еще менѣе будемъ обращать вниманія на все окружающее, чѣмъ прежде, — перебила его маркиза, вздохнувъ. — Я чувствую себя въ полной безопасности съ тѣхъ поръ, какъ познакомилась съ вами.

И она протянула ему свою бѣлую нѣжную руку.

Старшина быстро поцѣловалъ ее.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже возвращался къ себѣ, направляя свои шаги по желтой полоскѣ свѣта, исходившей изъ фонаря старшины. Начальника города, видимо, одолѣвали новыя мысли, и временами онъ закрывалъ свой фонарь полою своего плаща, совершенно забывая о своемъ спутникѣ. Мнѣ казалось, что все то, что произошло, было только во снѣ. И эта грязная комната, изъ которой я только что вышелъ, и удивительное присутствіе въ ней двухъ

Библиотека "Руниверс"

дамъ, и признаніе Денизы прямо мнѣ въ лицо—все это представлялось чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ.

Забили часы на колокольнѣ. Я сталъ было считать удары, но сбился со счету. Вдругъ въ темнотѣ закричалъ, по старинному обыкновенію, сторожъ, сообщая, что пробило уже одиннадцать часовъ. Это вернуло меня въ міръ дѣйствительности, и я сознавалъ, что все это не было сномъ.

На слѣдующее утро, едва забрезжилъ свѣтъ, я двинулся изъ гостиницы въ экипажѣ. Еще издали я увидалъ маркизу и ея дочь, которыя уже вышли изъ тюрьмы и стояли, дрожа отъ утренняго холода, передъ ея дверью. Усадивъ маркизу, я, самъ не помня себя, взялъ Денизу за руку, помогъ ей сѣсть въ экипажъ и проворно сѣлъ на переднюю лавку, какъ разъ противъ нея.

Минутъ черезъ пять мы проѣхали городскія ворота и безопасно двигались вдоль большой дороги. Стояли еще сѣрыя предразсвѣтныя сумерки, деревья казались черными на фонѣ свѣтлѣвшаго неба. Скоро мы переѣхали большой мостъ черезъ Тарнъ и стали подниматься вверхъ по долинѣ Дурби.

Я уже сказалъ, что мы не могли видѣть другъ друга. Вдругъ изъ темнаго угла, гдѣ сидѣла маркиза, послышался веселый смѣхъ.

— Старый дуракъ,—едва проговорила она, не имѣя силъ удержаться отъ смѣха.

Эти слова показались мнѣ не особенно благородными, но она была матерью той, которую я любилъ, и я промолчалъ.

Начинало уже разсвѣтать. Одна половина неба мало-по- малу окрасилась въ розоватый цвѣтъ, другая половина, блѣдно-голубая, съ золотистыми облачками, осталась позади насъ. Еще нѣсколько минутъ, и вершины горъ загорѣлись легкимъ огнемъ. Я жадно взглянулъ въ лицо Денизы, увидѣлъ, какъ оно розовѣло съ разсвѣтомъ и, весь дрожа, поспѣшилъ отвести отъ нея свои взоры.

Изъ угла маркизы опять послышался смѣхъ, отъ котораго я какъ-то невольно съежился.

— Она не создана для монастыря, не правда ли?—вдругъ спросила она.

Этотъ веселый, развязный тонъ подѣйствовалъ какъ ударъ хлыста, не столько, впрочемъ, на меня, сколько на Денизу.

— Ты, очевидно, хорошо напрактиковалась,—продолжала она насмѣшливо, обращаясь къ дочери.—Я люблю, ты любишь, мы любимъ—отлично, превосходно. Ты, должно быть, изучала это съ самимъ директоромъ? Или научилась этому у мальчишекъ на заборѣ?

— Послушайте!—невольно воскликнулъ я.

Дениза только спустила капюшонъ своего пальто, и легко было понять, какой стыдъ она испытывала въ эту минуту.

Но маркиза была неумолима.

Библиотека "Руниверс"

— Въ самомъ дѣлѣ, Дениза, я не помню, чтобы я когда-либо сказала твоему отцу: «я люблю васъ». По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ права поцѣловать меня. Надѣюсь, ты соблюдаешь правила приличія...

— Послушайте, это ужъ нехорошо,—пробормоталъ я.

— Что такое, сударь?—обратилась она ко мнѣ.—Развѣ я не могу пожурить свою дочь, когда нахожу это нужнымъ?

— Можете, но не при мнѣ,—возразилъ я, внутренно дрожа отъ ярости.—Это жестоко! Это...

— Не при васъ, г. виконтъ?—переспросила маркиза, подсмѣиваясь надо мной.—А почему я не могу этого сдѣлать при васъ. Я не могу унизить ее больше, чѣмъ она сама унизилась.

— Неправда,—закричалъ я, покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Если я нахожу нужнымъ, то я должна это сдѣлать,—въ томъ же безпощадно-шутливомъ тонѣ продолжала она, остро заглядывая мнѣ въ глаза.—А вы... Не угодно ли вамъ выслушать меня. Не впадайте въ ошибку, г. виконтъ. Изъ того, что я считаю нужнымъ сдѣлать ей замѣчаніе при васъ, не выводите заключенія, что вы принадлежите или когда-нибудь будете принадлежать къ нашему семейству.

Дениза вскрикнула какъ-то глухо и болѣзненно и еще глубже забилась въ свой уголъ.

— Связь наша порвалась уже давно, еще тогда, когда ваши друзья сожгли нашъ домъ въ Сентъ-Алэ, порвалась тогда, когда они разграбили нашъ домъ въ Кагорѣ, когда нашего короля они сдѣлали плѣнникомъ и убивали нашихъ друзей. Она порвалась разъ навсегда, и ее не возстановить комико-героическими позами. Запомните это хорошенько, г. виконтъ. Но такъ какъ вы видѣли ея униженіе, то вы должны видѣть и ея наказаніе. Она первая изъ рода Сентъ-Алэ, которая позволила за собой ухаживать.

Я зналъ, что это невѣрно, но спорить на эту тему въ присутствіи Денизы мнѣ было неудобно, и потому я просто поднялся со своего мѣста.

— По крайней мѣрѣ, я могу избавить мадемуазель отъ моего присутствія.

— Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете,—нисколько не волнуясь, промолвила маркиза.—Если вы опять займете свое мѣсто, я вамъ объясню, почему.

Я сѣлъ.

— Вы не сдѣлаете этого потому,—заговорила она, холодно глядя мнѣ въ лицо:—что я, не любя васъ, должна все же признать, что вы благовоспитанный человѣкъ.

— Вотъ поэтому-то я и долженъ оставить васъ.

— Наоборотъ, поэтому-то вы и должны ѣхать съ нами.

— Не въ вашемъ экипажѣ...

Библиотека "Руниверс"

— Въ нашемъ экипажѣ,—спокойно перебила она меня.—У насъ нѣтъ ни паспорта, ни бумагъ. Безъ васъ насъ будутъ арестовывать въ каждомъ городѣ, черезъ который намъ придется проѣзжать. Къ несчастью, я не знала, что страна находится въ такомъ отчаянномъ положеніи,—продолжала она, пожимая плечами: — иначе я приняла бы нѣкоторыя мѣры предосторожности. Но, какъ бы тамъ ни было, съ этимъ нужно считаться и ѣхать вмѣстѣ.

Я почувствовалъ, что часъ моей мести близокъ.

— Благодарю васъ за то, что вы мнѣ это сказали,—отвѣчалъ я, раскланиваясь.—Вы сами понимаете, что вы теперь въ моей власти.

— Что такое?

— И чтобы наказать васъ за оскорбленіе, которое вы нанесли мадемуазель, я долженъ былъ бы васъ покинуть.

— Какъ? Что?

— Я уже вижу какой-то небольшой городокъ. Минутъ черезъ пять мы будемъ уже у городскихъ воротъ. Предупреждаю васъ, что если вы скажете вашей дочери хоть одно слово, если вы будете издѣваться надъ ней въ моемъ присутствіи, я разстанусь съ вами и поѣду одинъ.

Къ удивленію моему, маркиза такъ и залилась смѣхомъ.

— Этого вы не сдѣлаете, — сказала она. — Къ тому же я могу обращаться съ моей дочерью, какъ я нахожу это нужнымъ.

— Сдѣлаю!

— Нѣтъ, не сдѣлаете!

— Это почему?

— Потому, г. виконтъ, что вы благовоспитанный человѣкъ и не захотите навлечь на насъ опасность.

Я откинулся назадъ и съ негодованіемъ смотрѣлъ на нее. Я чувствовалъ, что я безсиленъ противъ нея. Подушки экипажа жгли мнѣ спину, но я продолжалъ сидѣть.

Она опять разсмѣялась съ видимымъ самодовольствомъ.

— Вотъ, я же говорила вамъ, что вы этого не сдѣлаете. А теперь я вамъ скажу, что вы сдѣлаете. Впереди намъ придется имѣть дѣло съ людьми весьма подозрительными. Исторія съ г-жой Корва едва ли для нихъ достаточна. Поэтому вы скажете, что я ваша мать, а Дениза—ваша сестра. Если она предпочитаетъ,—продолжала она, бросая на дочь колючій взглядъ:—можно сказать, что это ваша жена, хотя это мнѣ и не нравится.

Я задыхался отъ злобы, но дѣлать было нечего: я былъ въ положеніи раба, которому остается только повиноваться. Выдать ихъ я не могъ, но не могъ и оставить ихъ на произволъ судьбы: тутъ были замѣшаны и честь, и любовь. Я предчувствовалъ, что мнѣ придется цѣлыми часами выслушивать язвительныя выходки по адресу бѣдной дѣвушки, которыя будутъ дѣйствовать на нее, какъ удары хлыста. На этотъ счетъ у маркизы, очевидно, былъ

Библиотека "Руниверс"

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинихъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТѢ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Богословіе.

БУХАРЕВЪ, А. М. Изслѣдованія Апокалипсиса, съ двумя портретами. Сергіевъ посадъ. 1916. Ц. 4 р.

Философія, психологія, логика.

ГИЛЯРОВЪ, А. Философія въ ея существѣ, значеніи и исторіи. Т. I. К. 1916. Ц. 4 р. 50 к.

КАРПЕНТЕРЪ, Э. Человѣкъ и его посланичество. 1916. Ц. 80 к.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ воззрѣнія Платона и Аристотеля. 1916. Ц. 1 р.

СТРАХОВЪ, П., проф. Воскресеніе, идея воскресенія. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

— Зло Германіи и его религіозно-философскія причины. М. 1915. Ц. 35 к.

— Наука и религія. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

АРИСТОВЪ, О. Карпато-русскіе писатели. Т. I. М. 1916. Ц. 3 р.

ПѢТУХОВЪ, Е. Русская литература, древній періодъ. Изд. III. 1916. Ц. 5 р.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

БЕЗОБРАЗОВА, М. Горе и радость. Разсказы. 1916. Ц. 1 р.

БИРУКОВЪ, Б. Въ германскомъ плѣну. С. Ц. 1 р.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Ихъ приключенія. Романъ. 1916. Ц. 2 р.

ДЕ-КОСТЕРЪ, ШАРЛЬ. Уленшпигель (герой безсмертной Бельгіи). Романъ. М. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

КАРГРЭМЪ, Г. Въ крѣпости небывалой. 1916. Ц. 1 р. 80 к.

КОВАЛЬСКІЕ, К. и О. Двуликій Богъ, романъ, т. II. Ц. 1 р. 50 к.

КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Амеля. Изд. 2-е. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

КРИЧИЦКІЙ, М. Случайная женщина. М. 1916. Ц. 2 р.
ЛОККЪ. Гдѣ любовь? Романъ. М. 1916. Ц. 2 р.
— У. У вратъ Самаріи. Романъ. М. 1916. Ц. 2 р.
МЕРМЕЛАДОВЪ, Г. Сливки сатиры и юмора. 1916. Ц. 1 р.
НАБОКОВЪ, В. Изъ воюющей Англіи. Ц. 1 р. 75 к.
— Стихи. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
НОВИКОВЪ, Г. Крестъ на могилѣ. Разсказъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
ОЛИГЕРЪ, Н. Опасные люди. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
ПУШКИНЪ, сочин., томъ IV, изд. Императр. Академіи Наукъ. 1916. Ц. 3 р.
ТАЦІЕВСКІЙ, В. Война 1914 г. Стихотворенія. Ц. 15 к.
ТОЛСТОЙ, А. Хромой баринъ. Романъ. Изд. II. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
Д. УВИЛЛЯ. Пора любви. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

История, біографія и археологія.

БОГОЛЮБОВЪ, В. Н. И. Новиковъ и его время. М. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
ГНѢВУШЕВЪ, А. Очерки экономической и соціальной жизни сельскаго населенія Новгородской области. Т. I. Ц. 5 р.
ШМИТЪ, Ѳ. Законы исторіи. В. I. X. 1916. Ц. 2 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

ДЕНИСОВЪ, К. Всеобщее обученіе, сборн. законовъ и правит. распоряженій. Вып. III. Ц. 50 к.
ЕРМАНСКІЙ, А. Марксисты на распутьи. 1916. Ц. 60 к.
ЗАКОНЪ 14 мая 1916 г. Ц. 40 к.
ЗАКОНЫ и распоряженія о бѣженцахъ. В. 2. М. 1916. Ц. 1 р.
КАДЕРЪ, С. Короли нефтяной промышленности и государственная монополія на нефть. 1916. Ц. 1 р.
ЛЮТЫЙ нѣмецъ и богатыри русскіе. 1916. Ц. 10 к.
МАРТЫНОВЪ, Н. Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. 1916. Ц. 75 к.
МИХАЙЛОВЪ, И. Война и наше денежное обращеніе, факты и цифры, съ 11 діаграммами. 1916. Ц. 60 к.
ОТКЛИКИ. № 9. Твердая власть. Ц. 20 коп.
СЕНАТОВЪ, В. Вавилонъ, Израиль и Германія. 1916. Ц. 75 к.
СУХАНОВЪ, Н. Почему мы воюемъ? 1916. Ц. 80 к.
ТАХТАРЕВЪ, К. Соціологія какъ наука. 1916. Ц. 1 р.
ТОМСЕНЪ, В. Военно-поприбыльный налогъ. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
ХРУЛЕВЪ, С. Финансы Россіи и ея промышленность. 1916. Ц. 2 р.
ЭДЕЛЬШТЕЙНЪ, В. Биржи труда. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Естествознаніе и математика.

БОТАНИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ, издаваемыя при Ботаническомъ садѣ Императорск. университета въ Петроградѣ, проф. Хр. Гоби, выпускъ XVI. Ц. 15 р.
Тоже. Выпускъ XXX. Ц. 4 р.
ИГНАТЬЕВЪ, Е. Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Книга II. Ц. 3 р. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ОБЗОРЪ состоянія транспорта и рынка. Вып. III, цѣна 50 к.; вып. IV, цѣна 20 к.; вып. V, цѣна 50 к.
СЫРКИНЪ, Н., инжен. Законодательство объ акціонерныхъ предпріятіяхъ и интересы русской сахарной промышленности. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ИВАНОВЪ, В. Матеріалы по водоснабженію гор. Кіева, съ 34 табл. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
— Подвижныя дешевыя бани для войскъ, системы проф. Иванова. Кіевъ. 1916. Ц. 50 к.
КАШКАРОВЪ, Н. Графическія таблицы для расчета желѣзобетонныхъ сооруженій. Томскъ. 1916. Ц. 1 р.
КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО для постройки и исправленія грунтовыхъ дорогъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, съ 34 черт. Петрогр. 1916. Ц. 40 к.
ТИМОШЕНКО, С. Курсъ теоріи упругости. Ч. II. Стержни и пластинки. 1916. Ц. 5 р.
ШЕНБЕРГЪ, С., инж. Гидромеханика вязкой жидкости, въ 2 част., ч. I. Гидромеханика, ч. II. Дисковыя машины. Ц. 3 р.

Медицина, гигіена, анатомія, физіологія и хирургія. Ветеринарія.

HUSEMANN Рецептура. К. 1916. Ц. 80 к.
ЛЕВАШЕВЪ, В., проф. Краткія свѣдѣнія по вопросамъ практической дезинфекціи и дезинсекціи. 1916. Ц. 2 р.

Библиотека "Руниверс"

Военное и морское дѣло.

БУРСКІЙ, П. Война прежде и теперь. М. 1916. Ц. 40 к.

— Техника въ современной великой войнѣ. М. 1916. Ц. 40 к.

ГРИГОРЬЕВЪ, М. Другъ пѣхотинца. Учебн. для солдатъ. 1916. Ц. 50 к.

НАСТАВЛЕНІЕ для стрѣльбы изъ винтовокъ, карабиновъ и револьверовъ. К. 1916. Ц. 75 к.

ЭНГЕЛЬМАНЪ, В. Большой морской бой на Сѣверномъ морѣ 18 и 19 мая 1916 г. Ц. 1 р.

«Я». ВЕЛИКАЯ ВОЙНА въ 1915 г. Очеркъ главнѣйшихъ операцій. Ц. 60 к.

Воспитаніе и обученіе: Учебныя руководства.

АНГЛІЙСКІЯ КНИЖКИ для русскихъ читателей со словарями, сер. 1-я, по 30 к., то же сер. 2-я. Ц. 25 к. и 30 к.

ГРОТЪ, Я. Русское правописаніе. 1916. Ц. 70 к.

КОНОНОВЪ, В., НИКОЛАЕВСКІЙ, М. и друг. Практич. занятіе по естествознанію, вып. I. Міръ неорганическій. Ц. 65 к.

КОРНИЛОВЪ, К. и др. Простѣйшіе школьные психологическіе опыты. М. 1916. Ц. 90 к.

САХАРОВЪ, А. Весь языкъ эсперанто. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.

— Русско-эсперантск. словарь. М. 1916. Ц. 75 к.

СУШИНСКІЙ, Ѳ. Литературн. бесѣды, рефераты и сочиненія въ средней школѣ. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ШАНСЕЛЬ, П. и ДЮФЛО, Ж. Практ. курсъ французскаго языка, ч. III. Хрестоматія, упражненія, со словаремъ. 1916. Ц. 1 р.

Справочныя книги.

ВАСИЛЬЕВЪ, Н. Полный письмовникъ. М. 1916. Ц. 75 к.

ВОЗДУШНЫЙ СПРАВОЧНИКЪ. Ежегодникъ Императорскаго всероссійскаго аэро-клуба. 1916. Ц. 1 р.

КАКЪ ПОДГОТОВИТЬСЯ на вольноопредѣляющагося 2-го разряда. К. 1916. Ц. 30 к.

ПЕНСІИ И ПОСОБІЯ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Ц. 2 р.

ПОЛОЖЕНІЕ о письмоводствѣ и дѣлопроизводствѣ. К. 1916. Ц. 1 р.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ"

ИЗДАНІЯ Б. А. СУВОРИНА.

Юр. Бѣляевъ.
БАРЫШНИ ШНЕЙДЕРЪ
(впечатлѣнія).
4 изданіе. Цѣна 1 руб.

Юр. Бѣляевъ.
ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ.
I серія. Цѣна 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ПСИША.
Пьеса.
Обложка худ. П. Д. Шмарова.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Юр. Бѣляевъ.
ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.
Цѣна 1 руб.

Бор. Горовскій.
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ.
Съ 55 рисунками и картой.
Цѣна 2 руб.

ЦЕНЗУРА И ШПІОНСТВО
ПО ЗАКОНАМЪ ВОЕННАГО ВРЕМЕНИ.
Сост. Н. А. Громовъ. Цѣна 50 коп.

КАРИКАТУРЫ ПЭМА.
Цѣна 1 р. 50 к.

ВОЙНА И ПЭМЪ
(карикатуры).
LA GUERRE ET PÊME.
I выпускъ. 2-е изданіе
Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.
Подъ редак. Н. Г. Козырева. Цѣна 75 к.

ЛАВРЕЦКІЙ (Бор. Суворинъ).
ДО ВОЙНЫ.
ПО ГЕРМАНІИ НА АВТОМОБИЛѢ.
„Въ дорогѣ" и очерки „День за днемъ".
Изданіе второе
Цѣна 1 р. 25 к.

АЛ. КСЮНИНЪ.

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ.

(Изъ записокъ военнаго корреспондента).

Люблинъ—Галиція.— По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.—Сандоміръ. — На Варшаву. — Ракитно. — Ловичъ.—Скерневицы.—Бои вокругъ Лодзи.—Вдоль окоповъ.—Послѣ ночныхъ атакъ.—Передъ Бзурой.—Противъ ста нѣмецкихъ батарей.—Прасныш. У проволочныхъ загражденій.—Подъ Варшавой.—Сохачевъ—Ловичъ.—Мертвый городъ.—Въ Августовскихъ лѣсахъ.—Въ Карпатахъ.—На Дунайцѣ.—Львовъ—Перемышль.—Перемышль губернскій.—Старые города—Горлице—Ясло.—На Черемошскомъ перевалѣ.—Тяжелые дни.—Стихія-бѣженцы.—Подъ Ригой.—Присягнувшіе Россіи.—Не отъ міра сего.

Обложка художника Н. Самокиша.

ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
„БИБЛІОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ".

Цѣна 2 рубля.

Поступила во всѣ лучшіе книжные магазины и кіоски жел. дор. СКЛАДЪ: Контора изданій Б. А. Суворина, Невскій, 52. («Вечернее Время»).

Библиотека "Руниверс"

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новая книга:

ПРОЛОГЪ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Матеріалы изъ архива

графа С. Ю. Витте

съ предисловіемъ и подъ редакціей Б. Б. ГЛИНСКАГО.

Цѣна 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ Акціонерное Общество «Брокгаузъ-Ефронъ»

Петроградъ, Прачешный пер., 6.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина—„НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

Библиотека "Руниверс"

Въ помощь русскимъ художникамъ, застигнутымъ войною во Франціи.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

„ПАРИЖЪ НАКАНУНѢ ВОЙНЫ"

съ двадцатью красочными воспроизведеніями съ монотипіи художницы Е. С. КРУГЛИКОВОЙ и ею же сдѣланными книжными украшеніями.

Въ литературномъ отдѣлѣ участвуютъ: К. Д. БАЛЬМОНТЪ, АЛЕКС. БЕНУА М. ВОЛОШИНЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ, В. Я КУРБАТОВЪ, А. М. РЕМИЗОВЪ, Н. К. РЕРИХЪ, ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, ГР. АЛ. Н. ТОЛСТОЙ, А. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ и ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ.

Художественная сторона изданія подъ наблюденіемъ художника В. Н. ЛЕВИТСКАГО.

Отпечатана книга въ худож.-граф. заведеніи «УНІОНЪ» въ количествѣ 500 нумерованныхъ экземпляровъ.

ЦѢНА НУМЕРОВАННАГО ЭКЗАМПЛЯРА 30 РУБ.

Оставшееся послѣ подписки ограниченное число экземпляровъ книги продается въ конторѣ издательства „СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО", Пгр., Б. Казачій пер., 9 (тел. 684-36), въ художеств. магазинахъ Общины св. Евгеніи Краснаго Креста и въ лучшихъ книжныхъ и художественныхъ магазинахъ Имперіи.

Въ Петроградѣ—книга доставляется на домъ. Заказы принимаются по телефонамъ: 684-36 и 565-23.

Въ провинцію книга высылается изд-ствомъ „СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО" (Петроградъ, Б. Казачій пер. 9) наложеннымъ платежомъ по полученіи задатка въ размѣрѣ половины стоимости.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ"

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНІЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 18.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ **Т-ва „Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городской) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго. Редакторъ **Б. Б. Глинскій.**

Такса на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за 1/2 стран. 45 р., за 1/4 стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за 1/2 стран. 35 р., за 1/4 стран. 20 р.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"